

633(2-2005)

0-95-

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ЛЕНИНГРАДА

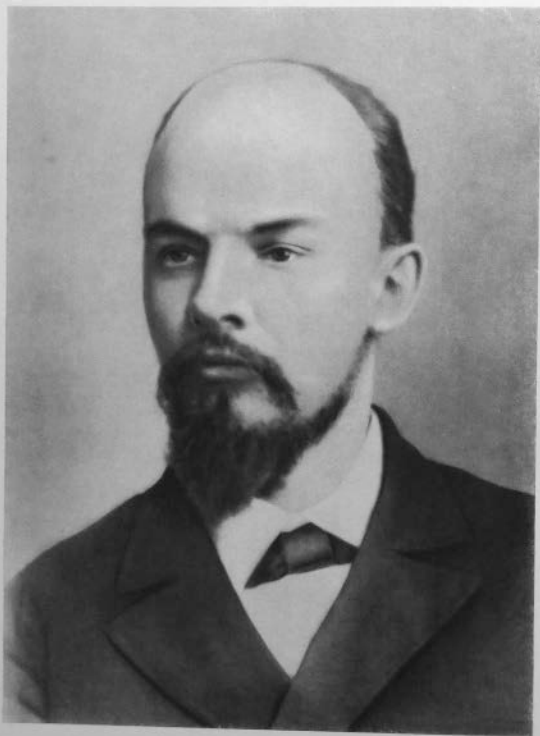

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В. И. Ленин. Фотография 1897 г.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЛЕНИНГРАДА

ТОМ ТРЕТИЙ

ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА
И БУРЖУАЗНО - ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ
РЕВОЛЮЦИЙ

1895 - 1917 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА - ЛЕНИНГРАД

1 9 5 6

РЕДАКЦИЯ:

Б. М. КОЧАКОВ (отв. редактор),

С. С. ВОЛК, **Н. В. КИРЕЕВ**, **Ш. М. ЛЕВИН**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОТ РЕДАКЦИИ

Третий том «Очерков истории Ленинграда» посвящен развитию города в эпоху монополистического капитализма (империализма) и пролетарского революционного движения.

Начало третьего, завершающего, этапа в русском освободительном движении — пролетарского этапа — принято за исходный хронологический момент для настоящего тома. Начало это, как известно, датируется примерно 1895 г. Разумеется, при освещении хода революционного движения совершенно невысказанным было бы отделить события 1895—1896 гг. от непосредственно предшествовавших им знаменательных событий конца 1893 и 1894 г., в течение которых под руководством В. И. Ленина был подготовлен переход к соединению социализма с рабочим движением, начавший осуществляться в середине 90-х годов. Естественно, что именно с появления великого Ленина на арене общественной жизни Петербурга ведется изложение революционной истории в третьем томе «Очерков».

Конечной хронологической гранью приняты в томе март—начало апреля 1917 г. В результате вооруженного восстания петроградского пролетариата и активно поддерживавших пролетариат солдат Петроградского гарнизона пало царское самодержавие. Под руководством партии большевиков во главе с В. И. Лениным, возвратившимся из последней эмиграции в Петроград 3 апреля 1917 г., стал осуществляться переход от первого ко второму этапу революции семнадцатого года, началась подготовка Великой Октябрьской социалистической революции.

Третий том «Очерков» открывается главами, посвященными экономическому развитию Петербурга и характеристике петербургского населения.

Славная история революционной борьбы петербургских рабочих составляет главное содержание пяти глав тома. Эта история нерасторжимыми нитями связана с жизнью и деятельностью бессмертного основателя и вождя Коммунистической партии и Советского государства Владимира Ильича Ленина. Работа Ленина в самом Петербурге, его руководящая роль в движении петербургских рабочих и деятельности партийной организации Петербурга являются важнейшими темами всех глав по политической истории города.

Особое внимание в третьем томе «Очерков истории Ленинграда» уделено революции 1905—1907 гг. — первой народной революции эпохи империализма.

Первая русская революция началась в Петербурге. Рабочие Петербурга и Москвы шли во главе революции. События 1905 г., когда революция находилась на подъеме, и 1906—1907 гг., когда она с боями отступала, посвящена самая большая глава книги. Отражению революции пятого года в разных областях культурной жизни Петербурга уделено немало места в главах по культуре.

Отдельные главы «Очерков» посвящены вопросам истории культуры (литературной и театральной, музыкальной, художественной жизни, просвещения и науки).

Наряду с главами по истории революционного движения, промышленности и торговли, науки, просвещения и искусства в третьем томе, подобно двум предшествующим, помещены материалы о городском управлении и хозяйстве, о строительстве города.

Третий том замыкается главой, посвященной годам первой мировой империалистической войны, в ходе которой произошло окончательное крушение царизма, а потом и капитализма.

Настоящий том подготовлен коллективом Ленинградского отделения Института истории Академии Наук СССР при участии работников некоторых других научных учреждений.

В подборе иллюстративного материала принимали участие В. К. Макаров, Е. М. Тепер, И. А. Иванов.

Научно-техническая подготовка тома выполнена сотрудниками Ленинградского отделения Института истории АН СССР Т. М. Новожиловой, З. Н. Савельевой и З. А. Хрящевой. Указатели составлены Л. Альварес и И. В. Валкиной.

1895-1917

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПЕТЕРБУРГА В 1890-х—1914 гг.

Конец XIX и начало XX в. для экономического развития России характерны как время перехода от капитализма к империализму — высшей стадии развития капитализма. Переход от капитализма к империализму и утверждение последнего в развитии русской промышленности проявились прежде всего в росте концентрации производства.

Концентрация производства привела к созданию промышленных и банковых монополий, сращиванию капиталов промышленных и банковых монополий и в результате этого к созданию финансового капитала, игравшего перед империалистической войной решающую роль в хозяйственной жизни страны.

С 90-х годов XIX в. до начала империалистической войны промышленность России в своем развитии пережила целый капиталистический цикл: подъем 1893—1899 гг., кризис 1900—1903 гг., перешедший в депрессию, длившуюся до 1909 г., и, наконец, опять промышленный подъем 1909—1913 гг.

С 1893 по 1899 г. в стране происходил бурный рост промышленного производства, вызванный усиленным железнодорожным строительством. Из общей протяженности железных дорог, составлявшей к 1901 г. 56 430 верст, 15 139 верст, т. е. около 27% всей железнодорожной сети, было выстроено в 1896—1900 гг. Строительство железных дорог потребовало огромного количества металла для рельсов, паровозов, вагонов и другого железнодорожного оборудования, топлива, различных строительных материалов и новую армию рабочих.

Поэтому с 1893 по 1900 г. добыча железной руды, выплавка чугуна, производство железа и стали, добыча каменного угля и нефти возросли более чем в 3 раза, число рабочих — с 1,6 до 2,0 млн чел., производительность всех предприятий — с 1,7 до 3,2 млрд руб.¹ Капиталистическая промышленность России сделала за это время в своем развитии огромный скачок, опередив по темпам развития почти все передовые капиталистические страны.

«Прцветание» русского капитализма в период промышленного подъема 90-х годов оказалось очень недолговечным и уже в 1900 г. сменилось кризисом — следующим неизбежным этапом развития капиталистического цикла. Особенно тяжело кризис ударил по топливной, металлургической и металлообрабатывающей промышленности. За 1900—1902 гг. закрылось до 3 тыс. промышленных предприятий. Тысячи рабочих остались без работы. Выплавка чугуна в России с 1900 по 1903 г. упала с 177,5 до 149,1 млн пудов.² В 1902 г. кризис достигает предельной глубины. С 1 сентября 1901 г. по 31 августа 1902 г. было добыто только 59% возможной добычи угля. Добыча железной руды в Кривом Роге составила 37% возможной. Тяжелая промышленность России оказалась в трудном положении. Правительство пришло ей на помощь. В конце 1902 г. между крупнейшими металлообрабатывающими заводами были распределены казенные заказы на 57 млн пудов рельсов.³

В легкой промышленности России, работавшей на широкий крестьянский рынок, кризис был менее ощутимым. Хорошие урожаи 1902—1903 гг. повысили покупательную способность населения. После небольшой заминки в делах в 1900 г. почти во всех отраслях легкой промышленности продолжается дальнейший рост производства.

В 1903—1904 гг., вслед за изжитием кризиса в Западной Европе, ослабевает острота кризиса и в России. Однако поступательное развитие народного хозяйства не переходит в подъем, как на Западе. Оно было прервано началом русско-японской войны. Отрасли промышленности, не работавшие на нужды войны, резко сократили производство. Некоторое кратковременное искусственное оживление, связанное с выполнением военных заказов, испытала в 1904—1905 гг. только часть отраслей тяжелой промышленности. Депрессия в промышленности затянулась до конца 1909 г. Правда, некоторое развитие в годы депрессии все же происходило. Аграрное столыпинское законодательство, носившее капиталистический характер, усилило расслоение деревни и способствовало созданию кулацких хозяйств. Это в какой-то мере расширило внутренний рынок в стране. За период с 1900 по 1908 г. количество фабрично-заводских предприятий возросло

¹ Данные за 1893 г. приводятся по сборнику «Россия в конце XIX века» (СПб., 1900, стр. 241); за 1900 г. — из сборника «Динамика российской и советской промышленности» (1929, т. I, ч. I, стр. 97).

² Вестник финансов, промышленности и торговли, 1904, № 6, стр. 90.

³ Там же, 1903, № 1, стр. 41.

на 4,9%, число рабочих — на 16,0%, производительность предприятий — на 49,9%.¹

Заметный подъем начинается с конца 1909 г. За последующие 5 лет почти все основные отрасли промышленности увеличили свою производительность в $1\frac{1}{2}$ —2 раза.

Промышленному подъему способствовало то обстоятельство, что 1909—1910 и 1912—1913 гг. были урожайными. Это сильно повысило экспорт и явилось одной из причин увеличения свободных денежных капиталов и усиления притока их в промышленность. В связи с ростом товарности сельского хозяйства повысилась покупательная способность деревни и усилился спрос на промышленные товары. Значительно возрос в 1909—1913 гг. оборот торговых и промышленных предприятий, расширились операции банков, вырос государственный бюджет.

Промышленный подъем сильнее всего сказался в тяжелой промышленности России: черной и цветной металлургии, топливной промышленности. Промышленный подъем происходил в России в условиях развитого империализма, что наложило свой отпечаток на характер этого подъема. Уже к 1909—1913 гг. в развитии русской промышленности проявилась характерная для эпохи империализма особенность: тенденция к застою и загниванию. Монопольные объединения, господствовавшие к этому времени во всех решающих отраслях хозяйственной жизни страны, в погоне за наивысшими прибылями резко повышали цены на свои товары и тем самым искусственно тормозили дальнейшее развитие этих отраслей промышленности. Так, если нефть в 1910 г. (в Москве, наливом) стоила 36,9 коп. за пуд, то к 1912 г. ее цена поднялась до 57,5 коп. за пуд.² В 1904 г. в каменноугольной промышленности юга России образовался синдикат «Продуголь» (Русское Общество торговли минеральным топливом Донецкого бассейна). Он захватил в свои руки до 75% всего производства и продажи угля в Донецком бассейне. «Продуголь» взвинтил цены на каменный уголь с 9 коп. в 1912 г. до $10\frac{1}{2}$ —16 коп. в конце 1913 г.³ В 1902 г. образовался синдикат «Продамет» (Общество для продажи изделий русских металлургических заводов). К 1910 г. «Продамет» монополизировал 83,1% всего производства железа в России. Средние цены на чугун в 1910 г. были около 74,1 коп. за пуд, а в 1912 г. поднялись до 94,1 коп.⁴

В течение всего периода промышленного подъема (время активной деятельности «Продугля» и всех металлургических синдикатов) в стране резко ощу-

¹ Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 г. СПб., 1912, стр. 6.

² Министерство торговли и промышленности. Свод товарных цен на главных русских и иностранных рынках за 1912 год. СПб., 1913, стр. V.

³ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, л. 839, л. 2.

⁴ Свод товарных цен..., стр. V.

шался угольный и металлический голод. «Продамет», например, за все время своей деятельности, закрыв несколько металлургических и металлообрабатывающих предприятий, не открыл ни одного нового.¹

Деятельность монополий тормозила дальнейшее развитие производительных сил России, обостряла все противоречия империализма. В результате в промышленности страны уже в конце 1913 г. ясно обозначились признаки нового кризиса.

Но обострение противоречий империализма не могло остановить развития промышленности. Количество промышленных заведений в России с 1908 по 1913 г. возросло с 22 605 до 24 915, т. е. на 10%, число занятых в них рабочих — с 2 475,4 до 2 926,4 тыс. чел., т. е. на 22%. Стоимость выпущенной промышленной продукции за это же время увеличилась с 4 351,4 до 6 559,4 млн руб., т. е. на 50%.

* * *

Петербургская промышленность развивалась в общем русле развития промышленности страны. Приведенная ниже таблица свидетельствует о ее удельном весе.²

Годы	Число рабочих (в тыс.) на фабрично-заводских предприятиях			Производительность предприятий (в млн руб.)		
	Россия	СПб.	СПб., в процентах ко всей России	Россия	СПб.	СПб., в процентах ко всей России
1893/94	1582,9	101,6	6,4	1735,0	199,0	11,5
1900	2042,0	146,3	7,1	3173,5	286,4	9,0
1908	2475,4	154,7	6,3	4351,4	392,9 ³	9,0
1913	2926,4	216,0	7,3	6559,4	632,4 ⁴	9,5

¹ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II. Изд. 3-е, 1952, стр. 316.

² Сведения о числе рабочих и производительности фабрично-заводских предприятий России приводятся за 1893—1894 гг. по сборнику «Россия в конце XIX века» (СПб., 1900, стр. 244); за 1900 г. — по сборнику «Динамика российской и советской промышленности» (1929, т. I, ч. I, стр. 96—97); за 1908 и 1913 гг. заимствованы из книги И. Ф. Гиндина «Русские коммерческие банки» (М., 1948, стр. 155). Сведения о промышленности Петербурга за 1893—1894 гг. приводятся по II тому «Очерков истории Ленинграда» (гл. II); за 1900 г. подсчитаны автором по «Списку фабрик и заводов Европейской России» (СПб., 1903); за 1908 г. подсчитаны автором по «Списку фабрик и заводов Российской империи» (СПб., 1912); за 1913 г. подсчитаны автором по справочнику Д. П. Каядаурова «Фабрично-заводские предприятия Российской империи» (изд. 2-е, Пгр., 1914).

³ В приведенной таблице отсутствуют данные о производительности 8 крупных предприятий.

⁴ В «Списке» за 1912 г. данные о производительности 140 предприятий отсутствуют. Можно предположить, что удельный вес петербургской промышленности по производительности фабрично-заводских предприятий всей России в 1893—1913 гг. в общем составлял около 11%.

Фабрично-заводские предприятия Петербурга в 1893—1913 гг. были наиболее крупными по числу рабочих, были лучше оснащены технически и отличались относительно высокой производительностью. На них в 1893—1913 гг. было занято от 6,4 до 7,3% всех фабрично-заводских рабочих России.

Удельный вес петербургской промышленности в промышленности России по числу рабочих незначительно, но неизменно повышался, за исключением периода кризиса и депрессии 1900—1908 гг. За это время удельный вес петербургских рабочих в общероссийской промышленности снизился с 7,1 до 6,3%, но уже к 1913 г. опять поднялся до 7,3%.

В связи с бурным развитием южного горнопромышленного района за период промышленного подъема 90-х годов удельный вес петербургской промышленности по производительности значительно упал: с 11,5% в 1893 г. до 9% в 1900 г. Однако в последующие годы (1900—1913) он снова возрос. Несмотря на некоторое снижение удельного веса промышленности Петербурга за двадцатилетие с 1893 по 1913 г., в общем промышленность столицы развивалась за указанные годы весьма быстро: с 1893 по 1913 г. число рабочих в промышленности России увеличилось на 85%, в промышленности Петербурга — на 116%. Производительность фабрично-заводских предприятий России за это время возросла на 279%, петербургских — на 233%.

Наибольший рост числа рабочих в петербургской промышленности падает на 1893—1900 гг., когда общее число рабочих возросло на 44%. В 1900—1908 гг. число рабочих увеличилось только на 6%, а в 1909—1913 гг. — на 39%.

Рост производительности петербургской промышленности особенно усилился в 1909—1913 гг., когда она возросла на 61%, обогнав в этом отношении период промышленного подъема 90-х годов на 13%. За 1900—1908 гг. производительность петербургской промышленности возросла на 37%.

При рассмотрении соотношения роста за 1893—1913 гг. числа рабочих и производительности петербургской промышленности обращает на себя внимание тот факт, что если в 1893—1900 гг. увеличение производительности предприятий шло пропорционально росту числа рабочих (48%, 44%), то в 1900—1908 и 1908—1913 гг., особенно в 1900—1908 гг., рост производительности в значительных размерах обгоняет рост числа рабочих Петербурга. Так, за 1900—1908 гг. число рабочих возросло только на 6%, а производительность предприятий — на 37%, в 1908—1913 гг. число рабочих возросло на 39%, а производительность предприятий — на 61%. Более сильный рост производительности по сравнению с ростом числа рабочих в 1900—1908 и 1908—1913 гг. объясняется усиленным ростом в этот период, в результате во много раз обострившейся в годы кризиса конкурентной борьбы, технического оборудования и энерговооруженности предприятий Петербурга. Так, если в 1894 г. энерговооруженность фабрично-заводских предприятий Петербурга составляла 69 949 л. с., то в 1908 г.,

по неполным данным, она достигла уже 134 634 л. с.,¹ а в 1913 г., по далеко не полным данным, 216 835 л. с.² Таким образом, с 1894 по 1913 г. мощность двигателей на фабрично-заводских предприятиях Петербурга возросла более чем в 3 раза.

Петербургская промышленность развивалась в пореформенное время, когда в России завершался промышленный переворот и утвердилась новая отрасль промышленности — машиностроение. Многие крупнейшие промышленные предприятия Петербурга, особенно в металлообрабатывающей промышленности, в отличие от таких же предприятий Урала или центрального промышленного района, возникли в 70—90-х годах XIX в. и не переживали мануфактурной стадии развития. Субсидируемые с самого возникновения или крупными банками столицы, или казной, или иностранным финансовым капиталом, созданные чаще всего на паевых или акционерных началах, они имели высокий уровень концентрации производства и сравнительно высокое техническое оборудование.

Крупная, высокомеханизованная промышленность Петербурга привлекала к себе со всех концов страны кадры рабочих.

В Петербурге издавна складывались высококвалифицированные кадры потомственных рабочих металлистов, текстильщиков и других отрядов промышленного пролетариата, богатые славными революционными традициями, в большинстве своем грамотные, порвавшие связи с землей.³ В петербургской промышленности, особенно сильно развивавшейся уже в капиталистический период, на первое место, в отличие от других крупнейших промышленных центров страны (центральный промышленный район, горнопромышленный юг), и по числу рабочих и по производительности вышли металлообрабатывающая промышленность и машиностроение, т. е. отрасль промышленности, изготовлявшая предметы производительного потребления. Значительного развития здесь достигли также текстильная, пищевкусовая, химическая и многие другие отрасли промышленности.

Столичное положение города обеспечивало петербургской промышленности ряд преимуществ. Являясь крупнейшим банковским центром страны, Петербург смог, притягивая отечественный и иностранный капитал, вкладывать в промышленность более значительные средства, нежели другие промышленные

¹ В действительности энерговооруженность петербургских предприятий в 1908 г. была еще выше, так как в «Списке фабрик и заводов Российской империи» (СПб., 1912) отсутствуют сведения об энерговооруженности 51 предприятия.

² В действительности энерговооруженность петербургских предприятий в 1913 г. была значительно выше, так как в справочнике Д. П. Калдаурова «Фабрично-заводские предприятия Российской империи» (изд. 2-е, Пгр., 1914) отсутствуют сведения об энерговооруженности 100 петербургских предприятий.

³ Подробнее о формировании и положении петербургского пролетариата см. в гл. III, а о его революционном движении — в гл. IV, V, VI, VII и XVIII настоящего издания.

центры страны. В столице правительство сосредоточило значительное число крупных казенных предприятий, а частным предприятиям столицы было легче получать выгодные казенные заказы.

Петербург являлся ведущим культурным центром и лабораторией технической мысли России. В Петербургском университете, Политехническом, Технологическом и других технических институтах, в цехах крупнейших заводов работали видные ученые-практики, специалисты в различных областях металлургии, механической и химической технологии, гидроэнергетики, электротехники. Поэтому целый ряд новых для России производств в самых различных отраслях промышленности, что будет показано ниже, осваивался впервые в Петербурге и потом уже получал распространение по всей стране. Эта роль новатора технической мысли сохранялась за Петербургом на протяжении всего XIX—начала XX в.

Расположенный на удобнейших водных и железнодорожных магистралях, являясь крупнейшим импортным портом и торговым центром России, Петербург легче, чем другие промышленные центры, обеспечивался дешевым топливом (английским углем), лесом и дровами, необходимым промышленным сырьем (металлами, хлопком, резиной, табаком, кофе, какао и т. д.), продовольствием и промышленными изделиями.

В конце XIX—начале XX в. Петербург являлся самым крупным по количеству жителей городом России и служил поэтому значительным рынком сбыта производимых промышленных изделий.

Все эти условия обеспечивали за петербургской промышленностью в расцветающее нами время ведущее место в промышленном развитии всей России и неизменно сохраняли за ней роль новатора русской технической мысли.

* * *

На протяжении всего периода 1894—1913 гг. первое место в петербургской промышленности занимали предприятия по обработке металлов и машиностроению.

Удельный вес металлообрабатывающей промышленности Петербурга в металлургической промышленности всей России (без горной) достигал в 1900 г. приблизительно 15% по производительности и 17% по числу рабочих, а в 1913 г. — 13% по числу рабочих и 18% по производительности.¹ В 1894/95 г. удельный

¹ Данные по всей России за 1900 г. взяты из сборника «Динамика российской и советской промышленности» (1929, т. I, ч. I, стр. 96—97). Данные по Петербургу за 1900 г. подсчитаны автором по «Списку фабрик и заводов Европейской России» (СПб., 1903); данные за 1913 г. по России взяты из сборника «Динамика российской и советской промышленности» (1930, т. I, ч. III, стр. 176), а данные по Петербургу подсчитаны по «Списку фабрик и заводов Российской империи» (Пгр., 1914).

вес рабочих-металлистов в общем числе петербургских фабрично-заводских рабочих составлял 35%, в 1913 г. — 40%. Удельный вес производительности металлообрабатывающих и машиностроительных предприятий в общей производительности петербургской промышленности в 1894/95—1913 гг. составлял 33%, снизившись только в годы кризиса и депрессии до 27%.

О развитии металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности Петербурга в 1894—1913 гг. свидетельствуют следующие данные:¹

Годы	Количество предприятий в группе	Число рабочих	Рост числа рабочих в процентах к 1893 г.	Производительность (в млн руб.)	Рост производительности в процентах к 1893 г.
1894/95	148	36000	100	63,0	100
1900	163	64513	179	97,2	154
1908	183	53945	150	107,0	170
1913	230	87518	243	209,0	332

С 1894/95 по 1913 г. число рабочих в предприятиях по обработке металлов и машиностроению возросло почти в 2½ раза, производительность предприятий — более чем в 3 раза. Как видно из приведенных выше данных, наиболее интенсивно металлообрабатывающая промышленность Петербурга и по числу рабочих и по производительности развивалась в 1909—1913 гг., когда число рабочих-металлистов возросло на 62%, а производительность предприятий — почти в 2 раза. Такого бурного развития металлообрабатывающая промышленность Петербурга не переживала даже в период промышленного подъема 90-х годов. Годы кризиса и депрессии в целом тяжело отразились на металлообрабатывающей промышленности Петербурга. С 1900 по 1908 г. число рабочих-металлистов сократилось на 10,5 тыс. чел., производительность предприятий возросла только на 10 млн руб.

¹ Сведения за 1894/95 г. взяты из «Очерков истории Ленинграда», т. II, гл. II; сведения за 1900 г. подсчитаны автором по «Списку фабрик и заводов Европейской России» (СПб., 1903); сведения за 1908 г. подсчитаны автором по «Списку фабрик и заводов Российской империи» (СПб., 1912). Оба «Списка» составлены отделом промышленности Министерства торговли и промышленности на основе отчетов фабричной инспекции и отредактированы главным фабричным ревизором В. Е. Варваром. В подсчеты включены фабрично-заводские предприятия Петербурга, имеющие более 15 рабочих или механический двигатель, с производительностью не менее 2 тыс. руб. в год. Из 8 уездов Петербургской губернии оставлены только 2 ближайших, составлявших с городом экономически неразрывное целое — уезды Петербургский и Царскосельский. В подсчеты, кроме частных предприятий, включены 8 крупнейших казенных. Сведения за 1913 г. подсчитаны автором по справочнику Д. П. Кандаурова «Фабрично-заводские предприятия Российской империи» (изд. 2-е, Пгр., 1914), причем отсюда взяты сведения, сопоставимые с данными вышеуказанных «Списков».

Наряду с сильным ростом числа рабочих на крупных и крупнейших металлообрабатывающих предприятиях Петербурга происходила сильная концентрация производства. Так, если в 1894/95 г. на металлообрабатывающих предприятиях Петербурга с числом рабочих более 500 чел. было занято 77% всех металлистов города, то в 1913 г. уже 82%. Если к 1900 г. 10% крупнейших предприятий металлообрабатывающей промышленности Петербурга с производительностью более 1 млн руб. концентрировали 80% всей производительности группы, то к 1913 г. они концентрировали уже 90% производительности металлообрабатывающих предприятий.¹

Процесс концентрации производства на крупнейших металлообрабатывающих предприятиях Петербурга в конце XIX—начале XX в. сопровождался процессом акционирования крупнейших частных предприятий. Этот процесс свидетельствовал о росте накопления капиталов в стране, о большем, нежели ранее, приливе свободных капиталов в промышленность. Создание акционерных предприятий, особенно в металлообрабатывающей, химической, цементной, стекольной и других излюбленных банками отраслях русской промышленности, обычно происходило по инициативе и при руководящем «участии» в акционировании русских частных акционерных коммерческих банков или иностранного финансового капитала. Следовательно, рост акционирования в какой-то мере свидетельствовал также о сращивании банковского капитала с промышленным. Почти все синдикаты в России возникли в форме обычных акционерных обществ.² С 1900 по 1913 г. число акционерных обществ в металлообрабатывающей промышленности Петербурга возросло с 19 до 42, число занятых на этих предприятиях рабочих в 1900 г. составляло 36%, а в 1913 г. — 54% всех рабочих металлообрабатывающей промышленности Петербурга. Производительность акционерных предприятий в 1900 г. составляла 40%, а в 1913 г. — 73% производительности всех металлообрабатывающих предприятий Петербурга.³

В годы кризиса и особенно депрессии в промышленности России происходил усиленный процесс образования монополий. К началу промышленного подъема 1909—1913 гг. синдикаты и синдикатские соглашения возникли во всех ведущих отраслях русской промышленности. Образование синдикатов происходило в ожесточенной конкурентной борьбе и сопровождалось гибелью многих мелких предприятий. В Петербурге как ведущем банковском центре страны и столице нахо-

¹ Данные о концентрации производства подсчитаны автором по «Спискам» фабрик и заводов за соответствующие годы.

² П. И. Лященко, ук. соч., стр. 294.

³ Данные об акционировании петербургских фабрично-заводских предприятий здесь и ниже подсчитаны автором по «Списку фабрик и заводов Европейской России» (СПб., 1903), по справочнику Д. П. Кандаурова «Фабрично-заводские предприятия Российской империи» (изд. 2-е, Пгр., 1914) и по «Сборнику сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях» (СПб., 1914).

дильсь правления и представительства всех русских синдикатов. Многие крупные предприятия Петербурга по обработке металлов и машиностроению к 1909 г. уже входили в синдикатские объединения. Так, в «Продамет» входило Петербургское общество железопрокатных и проволочных заводов, поглощенное Донецко-Юрьевским обществом, игравшим вместе с французскими банками в делах «Продамета» ведущую роль. Для борьбы с петербургскими и прибалтийскими заводами в 1910 г., например, «Продамет» в Петербурге назначил на железо боевую цену — на 5 коп. ниже нормальной. Прибалтийские заводы «Беккер», «Феникс» и Петербургское общество железопрокатных и проволочных заводов под таким давлением примкнули к синдикату. Путиловский завод вследствие особых условий своего производства и привилегированного положения в отношении получения казенных заказов остался вне синдиката.¹

В организовавшемся в 1907 г. синдикате «Медь», делами которого заправляла московская торговая фирма Вогау (немецкий финансовый капитал), большую роль играл единственный в России петербургский завод-монополист по производству электролитической меди — акционерное общество меднопрокатных и трубных заводов б. Розенкранца.²

В 1904 г. в России организовался синдикат вагоностроительных заводов. В него вошли 14 вагоностроительных заводов, в том числе Путиловский и Петербургский вагоностроительный. В 1901 г. началось создание синдиката по обеспечению Петербурга электроэнергией и ряда других.

В 1893—1910 гг. наблюдался сильный рост технического оборудования и энерговооруженности предприятий. Так, например, энерговооруженность предприятий металлообрабатывающей промышленности Петербурга с 1894 по 1908 г. возросла с 24 021 до 42 723 л. с., т. е. почти на 78%, что дало возможность при уменьшении числа рабочих в 1900—1908 гг. на 10,5 тыс. чел. увеличить производительность металлообрабатывающей промышленности почти на 10 млн руб. Следует отметить, что энергия в 42 723 л. с. далеко не равномерно распределялась между металлообрабатывающими предприятиями столицы. Около 70% всей энергии принадлежало 10 крупнейшим предприятиям группы, в то же время 122 мелких и средних предприятий с числом рабочих до 100 чел. имели энерговооруженность 2898 л. с., т. е. в среднем около 20 л. с. на одно предприятие.

С 1908 по 1913 г. энерговооруженность металлообрабатывающих предприятий возросла с 42 723 до 83 897 л. с., т. е. почти в 2 раза, и составляла в среднем почти 1 л. с. на рабочего, что свидетельствовало о высокой по тому времени технической вооруженности металлообрабатывающей промышленности столицы. Но попрежнему большую часть энергии монополизировали крупнейшие предприятия Петербурга. В то время, как на каждое из 17 крупнейших предприятий, концен-

¹ П. И. Лященко, ук. соч., стр. 300, 313.

² Там же, стр. 329.

трировавших 82% всей энерговооруженности металлообрабатывающих заводов, приходилось к 1913 г. в среднем по 4000 л. с. энергии, на каждое из 133 мелких — всего по 26 л. с.¹

*

Ведущей отраслью металлообрабатывающей промышленности Петербурга являлось машиностроение. К 1900 г., например, из 163 предприятий по обработке металла машиностроительных насчитывалось 51. Это были крупнейшие, наиболее оборудованные предприятия, концентрировавшие 80% всех металлостов города.

Очень трудно провести какую-либо классификацию машиностроительных заводов Петербурга по выпускаемой ими продукции, так как из-за слабости развития машиностроения в России, отсутствия в стране широкого рынка для сбыта продукции машиностроительных заводов и сильной зависимости в связи с этим от казенных правительственных заказов машиностроительные заводы Петербурга не имели узкой специализации, а выпускали изделия самого широкого ассортимента. Кроме того, почти все машиностроительные заводы занимались литейным делом.

Крупнейшим машиностроительным заводом Петербурга и всей страны являлся в 1893—1913 гг. попрежнему Путиловский завод. За период промышленного подъема 90-х годов производительность завода возросла в 4 раза и достигла к 1900 г. 20,0 млн руб. К этому же времени число рабочих на заводе достигло 12 346 чел. В 90-е годы завод являлся крупнейшим в стране поставщиком паровозов и вагонов для казенных и частных железных дорог. Производство транспортного оборудования к 1900 г. достигало почти половины всей производительности Путиловского завода, составляя 9,0 млн руб. За 90-е годы завод выпустил 673 паровоза. К 1900 г. четвертую часть производительности завода составляло изготовление стали, листов, бандажей, сортового железа и фасонных отливок.²

Благодаря близости к правительственным кругам и обширным деловым связям правление завода сумело отвоевать у своих южных конкурентов правительственный заказ на 12 млн пудов рельсов. В то время как пуд рельсов на рынке стоил 85 коп., правительство в 1894 г. платило заводу по 1 р. 68 к. за пуд. На одних рельсах правление завода получило 8 млн руб. чистой прибыли.³

Близость правления завода к Военному министерству обеспечила заводу в 90-е годы крупные военные заказы. К 1900 г. завод изготовил на 2,1 млн руб.

¹ Энерговооруженность металлообрабатывающих предприятий Петербурга за 1908—1913 гг. подсчитана автором по «Спискам» фабрик и заводов за соответствующие годы. Подобные сведения за 1900 г. отсутствуют.

² Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903, стр. 315.

³ М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульяновский. История Путиловского завода. Изд. 2-е, 1941, стр. 30—31.

снарядов, лафетов, орудий небольших калибров, башенных установок и мивного вооружения.

Путиловский завод в 90-е годы был одним из центров конструкторской мысли России. На заводе работали паровозотехническая, а позднее артиллерийско-техническая лаборатории, в которых проводилась большая и успешная работа по разработке русских образцов паровозов, пушек, лафетов и другого военного оборудования. Однако в условиях капиталистической России технический прогресс был скован. Даже самые крупные машиностроительные предприятия Петербурга не были полностью оборудованы новой техникой, а все сложные ставки, как правило, ввозились из-за границы. Оборудование даже такого гиганта, как Путиловский завод, в 90-х годах пополнялось случайно и беспорядочно, в зависимости от выгодных заказов.¹

В первые годы кризиса Путиловский завод оказался в труднейшем положении. В 1901 г. в связи с некоторым сокращением железнодорожного строительства заказы на паровозы были исчерпаны. Во второй половине 1901 г. производство паровозов было сокращено наполовину — до 10 шт. в месяц, но и они не находили сбыта и производились в запас. Бессемеровская мастерская была закрыта. Из 12 тыс. рабочих 4 тыс. были выброшены на улицу. Завод находился накануне полного краха, курс его акций упал более чем наполовину.

Правительство пришло заводу на помощь. В 1901 г. Государственный банк предоставил ему субсидию. В 1901 и 1902 гг. правление завода сумело получить большие военные заказы на изготовление орудий полевой артиллерии для русской армии. Вплоть до конца русско-японской войны завод работал полным ходом на нужды войны. Производительность его достигла 20,0 млн руб.² В 1902 г. на Путиловском заводе было создано блестящее для того времени по своим качествам орудие полевой артиллерии, поставленное позднее на вооружение русской армии.

После окончания русско-японской войны, в годы депрессии, число рабочих на заводе упало до 7 тыс. чел., а производительность — до 13,0 млн руб.³

В период промышленного подъема 1909—1913 гг. петербургская промышленность получила большое количество казенных заказов министерств военного и морского, путей сообщения. Поэтому в 1909—1913 гг. петербургская промышленность, особенно металлообрабатывающая, развивалась быстрее общероссийской.

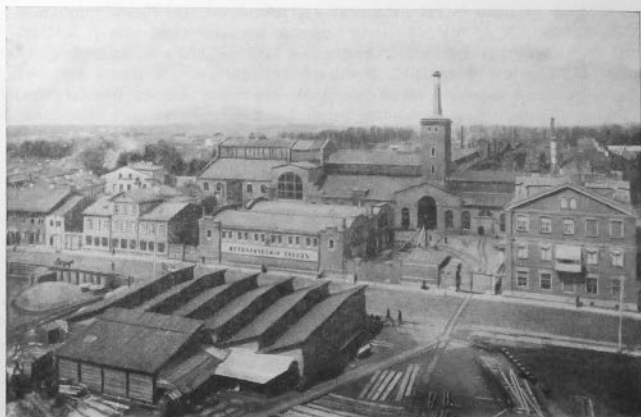
На Путиловском заводе с 1908 по 1913 г. число рабочих увеличилось с 7126 до 13382 чел., производительность — с 12,8 до 17,5 млн руб.⁴ В течение 1909—

¹ М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульяновский, ук. соч., стр. 35.

² Там же, стр. 132—137.

³ Список фабрик и заводов Российской империи. СПб., 1912.

⁴ Данные о числе рабочих и производительности отдельных петербургских предприятий за 1913 г. здесь и ниже приводятся по справочнику Д. П. Кандаурова «Фабрично-заводские предприятия Российской империи» (изд. 2-е, Пгр., 1914).

Петербургский металлический завод. Фотография 90-х годов XIX в.

1913 г. владельцы завода усиленно приспособляли производство завода к нуждам царизма, готовившегося к войне. В 1913 г. через Русско-Азиатский банк Путиловскому заводу был продан Невский судостроительный завод, на котором проектировалось создать металлургическую базу для Путиловского завода. Из 29 млн руб., затраченных на переоборудование всего завода в 1912—1914 гг., более 6 млн руб. было вложено в расширение артиллерийского отдела завода. Вместо шести- и семитонных печей, загружавшихся вручную, в мартеновском цехе создавались сорокатонные мартены с механической загрузкой. В прокатных цехах в 1913 г. были установлены новые механизированные станы. Реконструировались прессовый и кузнечный цехи. В 1914 г. была введена в эксплуатацию новая электростанция. Электроэнергия стала преобладающим видом энергии на заводе. Новая башенная мастерская была полностью оборудована немецкими станками новейшей конструкции. К 16 ноября 1913 г. была закончена постройкой и открыта Путиловская верфь, наиболее совершенная в России по своему оборудованию. Все это говорит о том, что Путиловский завод с его разносторонним производственным профилем являлся крупным центром технической мысли Петербурга, огромным комбинатом военного, транспортного и металлургического производства.

Вторым крупным частным машиностроительным заводом Петербурга в конце XIX—начале XX в. являлся Петербургский металлический завод. За 1900—1913 гг. число рабочих на заводе возросло с 1729 до 3000 чел., выпуск продукции — с 3,7 до 8—10 млн руб. Производственный профиль завода был очень разнообразным и менялся в связи с поступлением новых заказов. При отсутствии в России широкого рынка для сбыта изделий машиностроительного производства Металлический завод, как и другие крупные машиностроительные заводы Петербурга, крайне зависел от казенных заказов.

К 1900 г. завод производил на 1,2 млн руб. различных механических изделий и артиллерийских припасов, на 1,8 млн руб. паровых котлов и установок, металлических конструкций и подъемных машин.¹ В период промышленного подъема 1909—1913 гг. завод получил военные заказы и производил башенные установки, минные аппараты, артиллерийские лафеты и снаряды и другое вооружение для Военного и Морского министерств. Кроме того, завод выпускал паровые котлы, насосы, подъемные краны, прессы.² В июне 1913 г. правление Металлического завода обратилось в Отдел торговли Министерства торговли и промышленности с прошением об увеличении основного капитала с 5,4 до 9,0 млн руб. Необходимость увеличения капитала объяснялась сильным ростом казенных военных заказов, достигших суммы 40,0 млн руб. Для выполнения как этих, так и ожидавшихся новых заказов заводу необходимо было произвести дополнительное оборудование и расширение мастерских и сильное увеличение оборотных средств.³

На заводе создавались кадры высококвалифицированных рабочих. Изделия Металлического завода, как и изделия Путиловского завода, славились на всю страну. Так, на выставке 1896 г. лучшие по исполнению паровые установки принадлежали Путиловскому и Металлическому заводам Петербурга.⁴ До 1917 г. паровые турбины, например, из частных заводов изготовлял в России лишь один Петербургский металлический завод. С 1904 по 1913 г. завод выпустил 26 турбин общей мощностью 9000 квт. Наибольшая мощность изготовленной в 1912 г. турбины составляла 1250 квт.⁵

К концу 1913 г. была закончена постройкой Усть-Ижорская верфь Металлического завода. Завод наряду с другими судостроительными заводами мог теперь разворачивать большие работы по судостроению.

Как и Путиловский, Металлический завод являлся пионером в освоении новых производств.

¹ Список фабрик и заводов Европейской России, 1903.

² Д. П. К а н д а у р о в. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Изд. 2-е, Пгр., 1914.

³ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 14, д. 204, 1911—1917 гг., лл. 47 и 47 об.

⁴ Россия в конце XIX века. СПб., 1900, стр. 292.

⁵ Котлотурбостроение, 1947, № 6, стр. 1.

Типичной для характеристики состояния петербургской машиностроительной промышленности является производственная деятельность крупного машиностроительного завода Л. Нобель (ныне «Русский дизель»), носившего в конце XIX в. длинное название: механический чугуно-стале-меднолитейный и котельный завод Л. Нобель. По названию завода можно судить о разнообразном ассортименте выпускаемой им продукции.

Завод выполнял заказы по оборудованию казенных заводов военного ведомства. Для Сестрорецкого оружейного завода завод Л. Нобель изготовил две водяные турбины, для Пермского пушечного завода — три токарно-сверлильных станка, для Петербургского патронного завода — три гидравлических прессы, печи и четыре стана, для Петербургского арсенала — несколько токарно-копировальных станков, для Брянского завода — изложницы и пресс, для Киевского арсенала — паровой молот, и т. д.¹

В 90-х годах завод выпускал паровые машины, газовые и керосиновые двигатели, насосы, паровые котлы, оси для экипажей, стальные снаряды, миныные аппараты и машинные части. На заводе к 1900 г. было занято 657 рабочих. Производительность завода достигала 0,9 млн руб.²

К началу XX в. развитие техники сделало большие шаги вперед. На петербургских заводах соответственно этому постепенно вместо старых производств нарождались новые.

На заводе Л. Нобель при помощи ученых Петербургского технологического института в 1898 г. был построен первый в мире двигатель с внутренним смесеобразованием, предназначенный для работы на тяжелом топливе — нефти. Этот двигатель отличался от двигателя, построенного Р. Дизелем в Германии в 1898 г.

В 1899 г. первый дизель завода Л. Нобель был пущен в работу. Мощность его составляла 20 л. с. Он работал не на дорогом керосине, а на дешевой нефти и имел ряд конструктивных преимуществ.³

С этого времени завод Л. Нобель начал быстро расширять свое производство. В следующем, 1900 г. им было выпущено 7 двигателей, в том числе по 40 и по 30 л. с. В 1910—1912 гг. завод выпускал двигателей ежегодно уже на 11—12 тыс. л. с.⁴

Двигатели завода Л. Нобель получили в начале XX в. широкое распространение по всей стране. Они приобретались для приведения в ход трансмиссий, насосов, компрессоров на фабриках и заводах, для мельниц, электрических станций, повсюду заменяя собой паровые двигатели. В Петербурге двигатели завода Л. Нобель были установлены на электростанциях Орудийного завода, в доме

¹ Механический завод Людвиг Нобель 1862—1912. СПб., 1912, стр. 13.

² Список фабрик и заводов Европейской России, 1903.

³ Вестник машиностроения, 1948, № 8, стр. 69—70.

⁴ Механический завод Людвиг Нобель, стр. 112.

С. П. Елисеева на Невском проспекте, ими была оборудована насосная станция Петербургского городского водопровода. С 1907 по 1912 г. Глухоозерский цементный завод приобрел на заводе Л. Нобель 5 двигателей мощностью 300, 400 и 800 л. с. и т. д. Широкое распространение дизели получили на текстильных фабриках Московского промышленного района, на городских центральных электрических станциях, перекачных нефтяных станциях.¹

Спрос на двигатели завода Л. Нобель настолько возрос, что один завод был уже не в состоянии справиться с заказами. В конце 1903 г. право на изготовление дизелей приобретает Коломенский машиностроительный завод, в 1907 г. — общество Рижского чугунолитейного и механического завода, в 1909 г. — общество Николаевских судостроительных заводов, в 1911 г. — общество Сормовских заводов, причем завод Л. Нобель передает этим предприятиям рабочие чертежи двигателя.² Таким образом, изобретение конструкторов петербургского завода Л. Нобель в содружестве с учеными Технологического института получает широкое распространение по всей России.

К 1913 г. на заводе Л. Нобель уже было занято 1000 чел. рабочих, производительность завода по сравнению с 1900 г. возросла в 4 раза и достигла 4,0 млн руб.

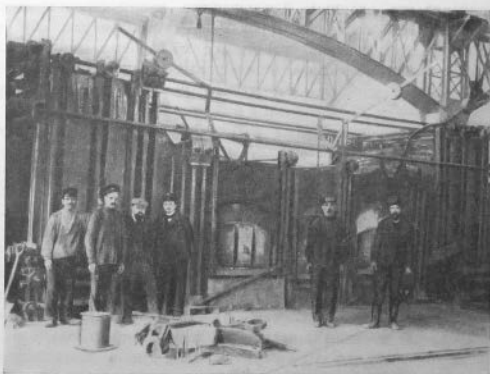
Кроме названных выше трех машиностроительных заводов, в Петербурге в рассматриваемый период насчитывалось еще более 10 крупнейших частных машиностроительных заводов. Они выпускали самую разнообразную продукцию и в сильной степени зависели от казенных заказов. Все они бурно развивались в периоды промышленных подъемов и сокращали производительность в период кризиса и депрессии. Примером может служить машиностроительный завод Я. М. Айваз (ныне завод им. Энгельса). Он возник в 1898 г. и к 1900 г. при производительности 167 тыс. руб. насчитывал всего 67 рабочих. В 90-х годах XIX в. завод Я. М. Айваз и такой же небольшой машиностроительный завод И. А. Семенова в Петербурге были чуть ли не единственными (кроме нескольких мастерских в Варшаве), изготавливавшими машинки для производства папирос. Производство этих машинок на заводе Семенова в Петербурге достигло еще в 90-х годах XIX в. такого совершенства и точности, что они являлись даже предметом русского экспорта.³

В период промышленного подъема 1909—1913 гг. завод сильно разросся. В ноябре 1911 г. он перешел в собственность акционерного общества. К 1913 г. этому обществу принадлежали три завода: завод для производства электрических лампочек «Светлана», машиностроительный завод, изготавливавший папирсонабивные, укладочные и гильзомундштучные машины, и вновь выстроенный завод

¹ Механический завод Людвиг Нобель, стр. 78—90.

² Там же, стр. 80.

³ Россия в конце XIX века, стр. 299.

Электроды Обуховского завода. Фотография начала XX в.

для выполнения военных заказов военного и морского ведомств. Число рабочих на этих предприятиях достигало 2 тыс. чел., стоимость выпускаемой продукции — 4 млн руб.¹ 30 декабря 1912 г. правление акционерного общества машиностроительного завода Я. М. Айваз докладывало общему собранию акционеров о получении казенных заказов на 2,0 млн руб. и о необходимости для пополнения оборотных средств увеличить основной капитал с 1,2 до 2,4 млн руб. В первой половине 1913 г. в связи с получением новых заказов основной капитал общества был увеличен с 2,4 до 4,0 млн руб.²

Остальные крупные частные машиностроительные заводы Петербурга занимались производством паровых котлов, различных машин и машинных частей, мостовых и железных сооружений, насосов, подъемных кранов, литьем тех или иных металлов. В 1909—1913 гг. почти все они получили крупные военные заказы правительства, готовившегося к войне, и усиленно занимались, кроме того, производством военного оборудования. Так, акционерное общество машиностроительного, чугунолитейного и котельного завода Г. А. Лесснер, на котором к 1913 г. было занято 1200 рабочих, в 1909—1913 гг., кроме паровых котлов, паровых машин, холодильных машин, стало изготавливать мины, минные аппа-

¹ Д. П. Кандауров, ук. соч.

² ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 12, д. 1134, 1911—1917 гг., лл. 74, 75, 89 об.

раты, артиллерийские снаряды. Товарищество машиностроительного завода «Феникс» в 1909—1913 гг., кроме производства станков для обработки металлов, гидравлических прессов, подъемных и паровых машин, пневматических машин, конденсационных и холодильных установок, стало заниматься изготовлением машин для выделки пушек, ружей, снарядов, патронов и торпед.¹

В годы промышленного подъема в Петербурге возникли два крупнейших акционерных общества по производству военного оборудования. Одно из них, например, под названием «Русское общество для изготовления снарядов и военных припасов», возникшее в 1910 г., к 1913 г. имело 1600 рабочих. Производительность его составляла 34,0 млн руб.²

Из всех видов машиностроения в России наиболее высокого развития достигло паровозо- и вагоностроение, т. е. транспортное машиностроение. Если еще в 1909—1913 гг. промышленное машиностроение в России покрывало только примерно половину производственной потребности промышленности (по паровым котлам, насосам и подъемным машинам — 75—79%, по двигателям внутреннего сгорания — 48%, по станкам для текстильной промышленности — 23%, по паровым машинам — 12%, и т. д.),³ то уже к 1906 г. Россия почти полностью прекратила ввоз из-за границы транспортного оборудования, в частности паровозов, а русская вагоностроительная промышленность еще в конце 90-х годов полностью удовлетворяла внутренний спрос на вагоны.⁴

Наиболее бурно транспортное машиностроение в России развивалось, начиная с 90-х годов XIX в. и до 1906 г., что было вызвано усиленным в эти годы железнодорожным строительством и большими казенными заказами на паровозы и вагоны. В 1907 г. закончился подъем железнодорожного строительства, снизились казенные заказы, и с 1907 по 1912 г. транспортное машиностроение, особенно паровозостроение, испытывает тяжелый кризис, острота которого в результате нового оживления железнодорожного строительства в 1911 г. несколько начала смягчаться только в 1912 г.

В конце XIX в. на Петербург падало 32% общероссийского производства паровозов. К 1913 г., когда производство паровозов было освоено на целом ряде новых заводов страны, удельный вес петербургской промышленности в производстве паровозов упал до 26%.⁵ Паровозы в 1893—1914 гг. производились

¹ Д. П. К а н д а у р о в, ук. соч.

² Там же.

³ Л. Я. Э в е н т о в. Иностранцы капиталы в русской промышленности. М.—Л., 1931, стр. 70.

⁴ Д. П. И л ь и н с к и й и В. П. И в а н и ц к и й. Очерк истории русской паровозостроительной и вагоностроительной промышленности. М., 1929, стр. 81, 92.

⁵ В. К. Я ц у и с к и й. Роль Петербурга в промышленном развитии дореволюционной России. Вопросы истории, 1954, № 9, стр. 102.

в Петербурге на двух заводах: Путиловском и Невском судостроительном.¹ Путиловский завод начал заниматься паровозостроением с 1894 г., Невский судостроительный — с 1870 г. В 1900 г. Путиловский завод выпустил 156 паровозов, Невский — 123, в 1913 г., в связи с уменьшением заказов, Путиловский — 100, Невский — 83.²

Производством вагонов в Петербурге в 1893—1914 гг. занимались три завода: Путиловский, Петербургский вагоностроительный и завод акционерного общества «Артур Коппель».

Наиболее мощным по производству вагонов предприятием в 90-х годах в Петербурге был Путиловский завод. К 1900 г. на нем изготовлялось вагонных платформ на сумму 4,1 млн руб., на Петербургском вагоностроительном заводе — на сумму 2,3 млн руб., на заводе «Артур Коппель» — на сумму 183 тыс. руб.³ В начале XX в. в Петербурге ведущим заводом по производству вагонов становится Петербургский вагоностроительный завод. В 1913 г., например, продукции Петербургского вагоностроительного завода составляла 5,0 млн руб. Число рабочих на заводе достигало 2 тыс. чел.⁴

Ремонтom вагонного парка в Петербурге в начале XX в., особенно в годы депрессии, занимались четыре крупных ремонтных мастерских: при Николаевской ж. д., при сети Северо-Западных железных дорог и две при городских конно-железных дорогах. Число рабочих в этих мастерских к 1908 г. достигало 3 тыс. чел.⁵

Трудно определить, какой удельный вес занимала петербургская вагоностроительная промышленность в вагоностроительной промышленности всей России, так как производственный профиль вагоностроительных заводов Петербурга был весьма разнообразным. Даже наиболее специализированный из трех производивших вагоны заводов Петербурга — Петербургский вагоностроительный завод — в 90-х годах, кроме вагонов, производил машинные части, понтоновые мосты, военно-обозные припасы, чугунные и медные отливки. Производство вагонов, кроме трех петербургских заводов, было поставлено еще на 13 заводах России.

*

Петербург — крупнейший импортный порт России — со времени своего основания является ведущим судостроительным центром страны. Основы научной теории корабля впервые были разработаны в Петербургской военно-морской академии.

¹ Впервые производство паровозов было освоено в России двумя петербургскими заводами: Александровским и заводом Лейхтенбергского. Оба эти завода за 1844—1868 гг. выпустили 217 паровозов.

² Д. П. Ильинский в В. П. Иванцкйй, ук. соч., стр. 134—135.

³ Список фабрик и заводов Европейской России, 1903.

⁴ Д. П. Кадауров, ук. соч.

⁵ Список фабрик и заводов Российской империи, 1912.

В Петербурге в 1893—1913 гг. в области судостроения работали крупнейшие ученые и практики. Самым выдающимся среди них является академик А. Н. Крылов. Его перу принадлежит около 300 научных трудов, многие из которых являются классическими. В 1907—1908 гг. вышел в свет двухтомный труд А. Н. Крылова «Теория корабля», в котором были систематизированы все исследования ученого в этой области. А. Н. Крылов и его ученик И. Г. Бубнов создали отечественную школу строительной механики корабля.¹

В последней четверти XIX в. широко развернулась деятельность талантливого русского кораблестроителя П. А. Титова. Шестнадцать лет поступив рабочим в корабельную мастерскую Невского судостроительного завода, П. А. Титов вскоре стал корабельным мастером, а затем и выдающимся судостроителем. Он самостоятельно достроил броненосный крейсер «Генерал-адмирал», построил клиперы «Разбойник» и «Вестник». О разнообразной, чрезвычайно плодотворной деятельности П. А. Титова в этот период впечатляюще рассказывает в своих воспоминаниях академик А. Н. Крылов.²

Большой вклад сделали петербургские судостроители в создание отечественных подводных лодок. В начале XX в. корабельный инженер, преподаватель Военно-морской академии И. Г. Бубнов, ученик А. Н. Крылова, вместе с инженером Горюновым и капитаном 2-го ранга Беклемишевым разработали несколько проектов отечественных подводных лодок. Подводные лодки, созданные И. Г. Бубновым, Горюновым и Беклемишевым, успешно действовали в годы первой мировой войны, а подводная лодка «Пантера» дожила до наших дней и участвовала в Великой Отечественной войне.

На основе исследований И. Г. Бубнова возникла известная в мировом судостроении русская система набора корпуса.³

Изобретение нефтяного двигателя произвело переворот в отечественном судостроении.⁴ Уже с 1903 г. судостроители обратили внимание на новый двигатель и потребовали его установки на судах. Впервые в мире в 1903 г. в Петербурге был построен грузовой теплоход «Вандал» для Волги и Ладожских каналов. На нем были установлены три двигателя завода Л. Нобель мощностью по 120 л. с. Этот теплоход явился прототипом для последующего развития строительства всех теплоходов-танкеров. В 1904 г. был построен второй, более мощный теплоход «Сармат», нефтеналивное судно для товарищества бр. Нобель, грузоподъемностью 50 тыс. пудов.⁵

Установка двигателей на теплоходах требовала решения вопроса о реверсировании (заднем ходе) гребных винтов. Первоначально эта задача разрешалась

¹ Новаторы русского флота, М., 1949, стр. 139—141.

² А. Н. Крылов. Мои воспоминания. Изд. АН СССР, М., 1945, стр. 77—85.

³ Новаторы русского флота, стр. 134.

⁴ См. стр. 23 настоящего издания.

⁵ Вестник машиностроения, 1948, № 8, стр. 70.

с помощью электричества. Упорная работа конструкторов завода Л. Нобель привела в 1908 г. к созданию реверсивного судового двигателя. Он был широко использован в дальнейшем строительстве русского военного и гражданского флота. Уже к 1913 г. мощность судовых установок с двигателями внутреннего сгорания составляла в России около 20 тыс. л. с.¹

В Петербурге 1 января 1909 г. на Адмиралтейском судостроительном заводе были заложены канонерки «Гарс» и «Ардаган». На них было установлено по два реверсивных двигателя завода Л. Нобель мощностью 500 л. с. Суда развивали большую по тому времени скорость 25,6 км в час. В 1910 г. они совершили переход из Петербурга в Каспийское море по Марининской системе и Волге.²

Укажем еще на один из множества примеров, свидетельствующих о ведущей роли петербургских ученых и практиков-судостроителей в создании отечественного флота. В 1912 г. группа русских конструкторов создала на Путиловской верфи в Петербурге новый тип боевого корабля — крупный эскадренный миноносец «Новик» (впоследствии «Яков Свердлов»). Он имел мощную турбинную установку и развивал исключительную по тому времени скорость 70 км в час.³

Крупнейшими заводами, на которых в 1893—1913 гг. строились суда, являлись казенные Балтийский железо-судостроительный и механический завод, Адмиралтейский судостроительный завод, Ижорский завод и Обуховский сталелитейный завод.

Самым крупным и наиболее оборудованным из них был Балтийский завод.⁴ Производительность завода с 1900 по 1913 гг. возросла с 5,8 до 13,0 млн руб., число рабочих в 1913 г. составляло 5200 чел. К 1913 г. завод занимался строительством корпусов и механизмов крупных военных судов с полной отделкой, шпильей, лебедок, подъемных кранов, паровых турбин, крупных медных, чугунных и стальных отливок.⁵

Адмиралтейский судостроительный завод был также специализированным судостроительным заводом, меньшим по размерам, нежели Балтийский. К 1913 г. на Адмиралтейском заводе было занято 1850 рабочих, продукция его достигала 5,0 млн руб. На заводе строились крупные суда, катера, шлюпки и производился их ремонт.

Ижорский и Обуховский заводы были военными заводами, сравнительно хорошо оборудованными. Только на них изготовлялась броня для судов. На Ижорском заводе, кроме того, изготовлялись цепи, якоря, катера, миноносцы, подводные лодки, баржи, пароходы, водолазные аппараты, паровые котлы, патронные ящики, гильзы для снарядов, трубы стальные и латуновые. Число рабо-

¹ Там же, стр. 70.

² Новаторы русского флота, стр. 137.

³ Там же, стр. 132.

⁴ А. Н. Крылов, ук. соч., стр. 164—165.

⁵ Д. П. Каядауров, ук. соч.

чих на заводе к 1913 г. достигало 3025 чел., на каждого рабочего падало более 5,5 л. с.¹ энерговооруженности.

На Обуховском заводе к 1913 г. насчитывалось 4500 рабочих. Кроме брони для судов, на заводе изготавливались броневые плиты, пушки самых больших калибров, лафеты к ним, башенные установки, стальные снаряды, отливки из тигельной стали, минное и оптическое вооружение. Кроме того, на заводе производилось стальное, медное и чугунное литье.² Обуховский и Балтийский заводы были наилучшими в Петербурге по своему оборудованию. Огромную роль сыграл Обуховский завод в XIX в. в становлении и развитии стального дела в России.³ На заводе работали крупнейшие ученые России в области металлургии. В рассматриваемое нами время ученик Д. К. Чернова А. А. Ржешотарский, продолжая работу Д. К. Чернова в области сталеварения, в 1895 г. создал на Обуховском заводе первую русскую микрофотографическую лабораторию, в которой производилось микроскопическое исследование черных металлов и тех изменений в них, которые зависят от термической и механической обработки. В результате проведенных исследований в 1898 г. была опубликована книга А. А. Ржешотарского «Микроскопическое исследование железа, стали и чугуна», за которую Русское Техническое общество присудило автору золотую медаль. С 1899 г. Ржешотарский стал главным металлургом Обуховского завода, а в 1902 г. занял кафедру металлургии в Петербургском политехническом институте.⁴

Многие крупные частные машиностроительные заводы Петербурга занимались также, особенно в 1909—1913 гг., и судостроением. Так, Невский судостроительный и механический завод в 1900 г. производил судовых машин на сумму 2,8 млн руб. Основным производством завода являлся выпуск паровозов и тендеров (3,9 млн руб.). В 1909—1913 гг. завод получил большие казенные заказы по судостроению, которое заняло на заводе не подчиненное паровозостроению, как в 90-х годах, а первое место. К 1913 г. Невский судостроительный завод производил не только судовые машины, как в 1900 г., но целиком военные и коммерческие суда.

В период промышленного подъема 1909—1913 гг. крупнейшие машиностроительные заводы Петербурга — Путиловский и Металлический — с целью получения казенных заказов оборудовали крупные судостроительные верфи. На Путиловской верфи в 1913 г. было освоено новое производство, и выпускались военные суда, буксирные пароходы, баркасы, землечерпалки. Ремонтом судов, изготовлением их корпусов, производством котлов к 1913 г. также занимались небольшой судостроительный и механический завод «Охта» и Гутуевская судостроительная верфь. Производством судовых машин занимался крупный

¹ Д. П. Кандауров, ук. соч.

² Там же.

³ Россия в конце XIX века, стр. 299.

⁴ В. В. Данилевский. Русская техника. Изд. 2-е, Л., 1948, стр. 107.

Завод акционерного общества Франко-Русских заводов. Фотография 1903 г.

Франко-Русский завод, насчитывавший к 1913 г. 2100 рабочих. Это предприятие с производительностью 8,0 млн руб. полностью являлось собственностью французского финансового капитала.

Приведенные примеры говорят о том, что в 1893—1913 гг. Петербург являлся ведущим центром русского судостроения. Одновременно он являлся и крупнейшим в России центром военной промышленности. В этой области работали такие крупные казенные заводы, как Обуховский, Петербургский трубочный, Петербургский патронный, Петербургский орудийный, Сестрорецкий оружейный заводы и Петербургский арсенал. Это были мощные для того времени как по техническому оборудованию, так и по производительности предприятия. К 1913 г. число рабочих на них достигало 15 тыс. чел.¹ В годы русско-японской войны и особенно в 1909—1913 гг. изготовлением вооружения для русской армии занимался, получив крупные военные заказы, также почти все частные машиностроительные заводы Петербурга.

*

К машиностроительной промышленности близко примыкала и электротехническая промышленность. Возникшая в России по существу в 90-х годах XIX в., она была развита чрезвычайно слабо, несмотря на то, что в XIX—

¹ Д. П. Кандауров, ук. соч.

начале XX в. русские ученые-электротехники Шиллинг, Якоби, Столетов, Лодыгин, Яблочков, Бенардос, Славянов, Попов и другие в теории электротехники сделали чрезвычайно важные открытия.

Петербург в 1893—1913 гг. сосредоточивал наибольшее число электротехнических предприятий страны. В 90-х годах XIX в. за ним окончательно закрепились роль ведущего центра электротехнической промышленности России. Из 16 заводов Петербурга, производивших к 1900 г. электрооборудование, 6 возникло в 90-е годы, а к 1913 г. появилось еще 3.

К 1913 г. удельный вес Петербурга в электропромышленности всей России можно представить в следующем виде:¹

	Число предприятий	Количество рабочих		Производительность	
		в тыс. чел.	в %	в млн руб.	в %
Россия	50	12,2	100	56,1	100
Петербург	19	7,3	60	39,8	70

Крупнейшие электротехнические заводы «Сименс—Шуккерт» и «Сименс в Гальске», насчитывавшие к 1913 г. более 2000 рабочих и производившие продукцию более чем на 20 млн руб., принадлежали немецкому финансовому капиталу и представляли собой отделения германских фирм под таким же названием в России. Завод товарищества «Гейслер Н. К. и К^о», производивший телефонные и телеграфные аппараты, на $\frac{2}{3}$ принадлежал шведскому финансовому капиталу, на $\frac{1}{3}$ — американскому. Только к началу империалистической войны завод стал освобождаться от опеки иностранного финансового капитала.²

Электротехническая промышленность Петербурга, как и всей России, более, чем другие отрасли промышленности, находилась в руках иностранного финансового капитала. В 1896 г. на Всероссийской Промышленно-художественной выставке, например, «русская» электротехническая промышленность была представлена 30 иностранными заводами.³ По своему состоянию к 1914 г. электротехническая промышленность ярко свидетельствовала о реакционной роли иностранного финансового капитала в русской промышленности, о его сознательном торможении технического прогресса, о самой жестокой эксплуатации рабочего класса. Несмотря на то, что в Петербурге было 19 электротехнических предприятий,

¹ Подсчитано автором по справочнику Д. П. Капдаурова «Фабрично-заводские предприятия Российской империи» (изд. 2-е, Пгр., 1914). Сведения не совсем полны, так как не известно число рабочих в 13 мелких предприятиях и производительность 19 также сравнительно мелких предприятий. Электротехнические предприятия Польши не учитывались.

² В. Кармашев. Очерк истории Петроградского телефонно-телеграфного завода им. тов. Кулакова. Пгр., 1923, стр. 9—10.

³ 50 лет Ленинградского электротехнического института им. В. И. Ульянова (Ленина). Л.—М., 1948, стр. 21.

Судостроительный механический завод «Озма». Фотография начала XX в.

в результате хозяйничанья иностранного финансового капитала ни одно из них не было технически самостоятельным. Техническое руководство конструктивными разработками осуществлялось из-за границы, а существовавшие в России, в том числе и в Петербурге, заводы электропромышленности являлись по существу исполнительными мастерскими.¹

В 1898 г. в Петербурге был открыт Электротехнический институт. Перед институтом встала огромная задача: вырастить кадры отечественных электротехников и освободить электротехническую промышленность от иностранной зависимости. С сентября 1905 г. директором института стал выдающийся русский электротехник, изобретатель радио А. С. Попов.

*

Кроме названных выше крупных машиностроительных предприятий, в 1893—1913 гг. в Петербурге существовало еще более сотни различных предприятий по обработке металла. На них было занято только около 20% металлистов столицы. Это были предприятия мелких и средних размеров по производству различных орудий ремесел (лопат, подков, вид, напильников и др.) и металлических изделий широкого потребления (пуговиц, посуды, фонарей). Значительное число этих предприятий занималось обработкой цветных (меди, свинца, цинка, олова) и благородных металлов (золота, серебра).

¹ Вестник электропромышленности, 1947, № 11, стр. 7.

В 1893—1913 гг. Петербург являлся ведущим центром машиностроительной промышленности России и центром научно-исследовательских работ в этой области. В его высших учебных заведениях и на фабрично-заводских предприятиях в конце XIX—начале XX в. трудились крупнейшие ученые страны. В Петербурге в рассматриваемый период были сосредоточены также крупнейшие, по тому времени хорошо оборудованные машиностроительные заводы, на которых работала наиболее квалифицированная и грамотная часть рабочих России. Петербургские предприятия часто являлись пионерами в освоении новых производств, получавших затем широкое распространение по всей стране.

* * *

Второе место по удельному весу в петербургской промышленности в течение всего периода 1893—1913 гг. неизменно занимала текстильная промышленность. Наиболее развитой отраслью текстильной промышленности в Петербурге в конце XIX—начале XX в. являлась обработка хлопка (см. таблицу на стр. 36). В 1893—1913 гг. в хлопчатобумажной промышленности было занято около 80% всех рабочих-текстильщиков. Производительность предприятий по обработке хлопка составляла 85—90% производительности всех текстильных предприятий.¹

Напомним, что русское механизированное бумагопрядение зародилось в конце XVIII в. в Петербурге. В первой половине XIX в. за Петербургом в русском бумагопрядении сохранялось ведущее место.²

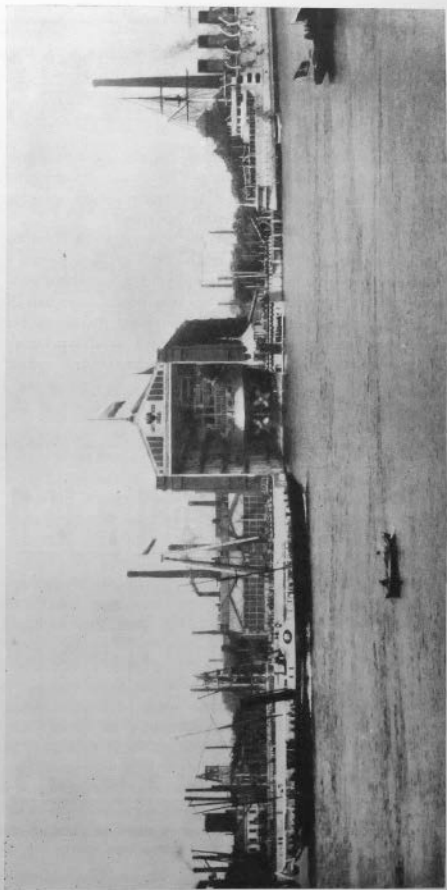
Во второй половине XIX в. и в рассматриваемое нами время удельный вес Петербурга в этой отрасли промышленности все время снижался. В 1893 г. в Петербургской губернии насчитывалось 914 тыс. прядильных веретен, т. е. 22% общего числа веретен в России, в 1900 г. — 993 тыс., т. е. 15%, в 1910 г. — 1185 тыс., или 14%.³ Снижение удельного веса Петербурга в бумагопрядении в 1893—1910, а особенно в 1893—1900 гг. объясняется более быстрым ростом бумагопрядения в губерниях центрального промышленного района.

В период возникновения механического ткачества хлопчатобумажных тканей в России, до реформы, удельный вес Петербурга в механическом ткачестве был велик. Петербург в 1813 г. явился первым городом в России, где было применено механическое ткачество. В дальнейшем, в 60-х и особенно 70-х годах, когда механическое ткачество получает широкое распространение по всей стране, удельный вес Петербурга в механическом ткачестве снижается. В рассматриваемое нами время продолжается это снижение удельного веса Петербурга.

¹ Все, что сообщается ниже о текстильной промышленности Петербурга, характеризует прежде всего ее хлопчатобумажную промышленность.

² В. К. Яцунский, ук. соч., стр. 96—98.

³ Данные за 1893 г. приводятся по «Материалам для статистики хлопчатобумажного производства в России» (СПб., 1901, стр. 2 и 10); за 1900 и 1910 гг. — по «Статистике бумагопрядильного и ткацкого производства за 1900—1910 годы» (СПб., 1911, стр. 2 и 10).

Балтийский завод. Фотография начала XX в.

В 1893 г. в Петербурге насчитывался 9471 ткацкий станок, т. е. 9% всего числа ткацких станков в России, в 1900 г. — 9798, т. е. 6%, в 1910 г. — 10 809, т. е. 5%.¹

Таким образом, за 1893—1910 гг. удельный вес Петербурга в общероссийском бумагопрядении по числу веретен снизился с 22 до 14%, а в ткачестве по числу ткацких станков — с 9 до 5%.

Но это не означало, что в 1893—1913 гг. не происходило развития петербургской промышленности по обработке хлопка. Развитие происходило довольно сильными темпами, но хлопчатобумажная промышленность центрального промышленного района развивалась значительно быстрее.

В то время как удельный вес текстильного производства Петербурга в общем российском текстильном производстве в 1893—1910 гг. все время сокращался, удельный вес текстильного производства Петербурга в удельном весе всей петербургской промышленности почти оставался без изменения, занимая 20% по числу рабочих и 22% по производительности. Исключением являлись только 1909—1913 гг., когда за счет сильного роста ряда отраслей петербургской промышленности текстильная промышленность по производительности стала составлять 17% (вместо 23% в 1908 г.) всего промышленного производства Петербурга.

О развитии петербургской текстильной промышленности в 1893—1914 гг. свидетельствуют следующие данные:²

Отрасли текстильного производства	1894/95 г. ³			1900 г.			1908 г.			1913 г.		
	количество завешен	число рабочих	производительность (в млн руб.)	количество завешен	число рабочих	производительность (в млн руб.)	количество завешен	число рабочих	производительность (в млн руб.)	количество завешен	число рабочих	производительность (в млн руб.)
Обработка хлопка	—	—	—	33	24636	53,2	30	26323	72,1	31	33076	90,2
Обработка шерсти	—	—	—	4	2284	4,9	9	2688	6,0	11	3142	6,2
Обработка шелка	—	—	—	4	231	0,3	2	91	0,1	3	130	0,2
Обработка льна, пеньки и джута	—	—	—	5	1581	3,3	4	1270	3,6	4	2415	5,8
Обработка смешанных материалов и волокнистых веществ	—	—	—	20	1704	2,0	25	3600	5,0	21	4202	7,1
Итого по всем отраслям	70	26637	52,1	66	30436	63,7	70	33972	86,8	70	42965	109,5

¹ Сведения взяты из тех же источников. Повсюду исключены данные о Польше.

² Об источниках, по которым автором произведены подсчеты, см. на стр. 12 настоящего введения.

³ Данные за 1894/95 г. приводятся в общем итоге.

С 1894 по 1913 г. общее число рабочих в текстильной промышленности Петербурга возросло на 62%, производительность — на 110%.

Наиболее сильно количество рабочих в текстильной группе производства возросло в 1909—1913 гг., увеличившись на 26%. В период промышленного подъема 90-х годов число рабочих в текстильной промышленности Петербурга возросло на 14%, в 1900—1908 гг. — на 12%.

В 1900—1908 гг. производительность текстильных предприятий возросла с 63,7 до 86,8 млн руб., т. е. на 38%. Кризис не отразился на текстильной промышленности Петербурга, особенно на ее ведущей отрасли — хлопчатобумажной. Наоборот, хлопчатобумажная пряжа в годы кризиса даже повысилась в цене. Если в 1899 г. пуд пряжи стоил 14 руб., то в 1903 г. — уже 14 р. 83 к. Это объяснялось как малым сокращением спроса крестьянского рынка на хлопчатобумажные ткани, так и повышением мировых цен на хлопок. Петербургская хлопчатобумажная промышленность наиболее сильно, по сравнению с другими текстильными районами страны, зависела от привозного, в частности, американского хлопка, который покрывал около 47% потребности в хлопке всей русской хлопчатобумажной промышленности и составлял 75% всего экспортируемого в Россию хлопка.¹ Кроме того, находясь в ожесточенной конкурентной борьбе с предпринимателями других текстильных районов, в 1906 г. текстильные фабриканты Петербурга воспользовались тем, что вследствие частых и длительных забастовок Лодзинский текстильный район почти на весь 1906 г. выбыл из строя. Многие текстильные предприятия Петербурга перешли с односменной работы на двухсменную, что дало значительное увеличение производства.²

В 1909—1913 гг. производительность текстильных предприятий возросла на 27%. В годы промышленного подъема петербургская текстильная промышленность не переживала такого бурного роста, как промышленность по обработке металлов. Наименьший рост производительности в текстильной промышленности падает на 1893—1900 гг. (на 22%).

За 1893—1913 гг., несмотря на увеличение числа рабочих и производительности, число предприятий не возросло. Дальнейшее увеличение производства полностью происходило за счет концентрации производства. Так, например, если в 1900 г. 27% (18 из 66) предприятий с числом рабочих более 500 чел. концентрировали 75% всех текстильщиков Петербурга, то к 1913 г. 38% предприятий концентрировали уже 90% всех рабочих группы. Если к 1900 г. крупнейшие предприятия текстильного производства с производительностью более 1 млн руб. концентрировали 80% производительности группы, то к 1913 г. они концентрировали уже 90% всей производительности группы.

¹ Вестник финансов, промышленности и торговли, 1904, № 17, стр. 143.

² Промышленность и торговля, 1908, № 24, стр. 649.

Процесс укрупнения предприятий сопровождался приливом новых капиталов в текстильную промышленность, ростом акционирования крупнейших текстильных предприятий Петербурга. К 1900 г. в текстильной промышленности насчитывалось 13 акционерных предприятий, концентрировавших 46% рабочих и 60% производства группы. К 1913 г. число акционерных предприятий возросло до 23. Эти акционерные предприятия концентрировали уже 73% всех рабочих и 77% производительности группы.¹

Как уже сообщалось выше, в текстильной группе производства темпы роста производительности предприятий в 1893—1913 гг. в 2 раза обогнали темпы роста числа рабочих. Это было возможно только путем как интенсификации труда рабочих, так и увеличения необходимого в условиях ожесточенной конкурентной борьбы технического оборудования предприятий.

На петербургских бумагопрядильных фабриках производительность труда рабочих была выше, чем в среднем по России или в районах центральной промышленной полосы. Производительность рабочих-прядильщиков различных губерний выражалась в следующих цифрах:²

	1900 г.	1903 г.	1908 г.	1910 г.
В среднем по России	3691	3999	3828	3889
Московская губ.	3480	3609	3663	3765
Владимирская губ.	3705	4032	3753	3951
Петербургская губ.	5201	5738	5093	4977

В то время как производительность петербургского прядильщика в 1900—1910 гг. ежегодно составляла от 5 до 5,7 тыс. пудономеров, производительность прядильщиков в среднем по России не достигала 4 тыс. пудономеров в год, а производительность прядильщиков Московской и Владимирской губерний также колебалась в пределах 3,4—4 тыс. пудономеров.

С 1893 по 1910 г. на бумагопрядильных фабриках Петербурга число прядильных веретен увеличилось с 913 тыс. до 1 185 тыс., а на ткацких число само-ткацких станков за это же время возросло с 9471 до 10 809.³

¹ Данные об акционировании всех отраслей петербургской промышленности к 1913 г. подсчитаны автором по справочнику Д. П. Кандаурова «Фабрично-заводские предприятия Российской империи» (пад. 2-е, Пгр., 1914) и по «Сборнику о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях» (СПб., 1914). В дальнейшем сведения об акционировании будут даваться без ссылки на источник.

² Производительность рабочего-прядильщика определяется путем сравнения числа пудономеров (произведение числа пудов на номер пряжи). См.: «Статистика бумагопрядильного и ткацкого производства за 1900—1910 годы» (СПб., 1911, стр. VII).

³ Данные за 1893 г. приводятся по «Материалам для статистики хлопчатобумажного производства в России» (СПб., 1901, стр. 10); за 1910 г. — по «Статистике бумагопрядильного и ткацкого производства за 1900—1910 годы» (СПб., 1911, стр. 10).

С 1894/95 по 1913 г. техническая вооруженность предприятий хлопчатобумажной промышленности (бумагопрядильных и ткацких) возросла с 29 021 до 65 047 л. с., т. е. более чем в 2 раза, причем 53 951 л. с. энергии, т. е. 92%, концентрировалось на 18 крупнейших предприятиях группы.

Процесс сивдцирования охватил в начале XX в. и легкую промышленность Петербурга, в том числе и текстильную. Самое крупное предприятие текстильной промышленности — Невская ниточная мануфактура — вступило в соглашение с крупным английским ниточным трестом (И. и П. Коате Лимитед, Глазго), в результате чего образовался международный ниточный трест, установивший полное господство на внутреннем ниточном рынке России. В дальнейшем продолжалось укрупнение Невской ниточной мануфактуры. В 1907 г. товарищество купило бумагопрядильню Л. Л. Кениг, получившую название «Ниточной второй» мануфактуры, и товарищество Невской ниточной мануфактуры «Невка», увеличив с 1909 по 1913 г. число рабочих с 1670 до 7500 чел., а выпуск продукции с 9,0 до 13,0 млн руб.¹ В мае 1912 г. основной капитал общества достигал уже 24 млн руб., причем главным пайщиком являлась английская фирма И. и П. Коате, в руках которой находился контрольный пакет акций на 13,3 млн руб.²

Этой самой крупной в хлопчатобумажной отрасли текстильной промышленности Петербурга монопольной организации к 1913 г. принадлежало 16 080 л. с. всей энерговооруженности текстильного производства Петербурга, т. е. почти ее четвертая часть.

Вторым крупнейшим предприятием хлопчатобумажного производства в Петербурге в 1893—1913 гг. было основанное в 1895 г. акционерное общество мануфактур А. И. Воронина, Люти и Чешер с акционерным капиталом 6,0 млн руб. В него входило 6 предприятий по обработке хлопка: Выборгская и Роченсальмская бумагопрядильни, Резвоостровская, Никольская и Петербургская ткацкие фабрики и одна ситценабивная фабрика. В 1900 г. на этих предприятиях насчитывалось 3419 рабочих. Производительность их составляла 10,3 млн руб. К 1913 г. акционерное общество насчитывало 4444 рабочих, а производительность его достигала 20,5 млн руб. В 1913 г. на предприятиях акционерного общества насчитывалось 66 654 прядильных веретен и 1952 ткацких станка, что составляло почти 20% всех ткацких станков ткацких фабрик Петербурга. Энерговооруженность предприятий акционерного общества к 1913 г. достигала 5435 л. с., что составляло тринадцатую часть энерговооруженности всех текстильных предприятий Петербурга.³

Третьим по величине предприятием хлопчатобумажной промышленности Петербурга к 1913 г. стало образовавшееся в период промышленного подъема

¹ Д. П. Кандауров, ук. соч.

² ЦИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 90, 1890—1915 гг., лл. 106 об., 215, 253.

³ Список фабрик и заводов Европейской России, 1903; Д. П. Кандауров, ук. соч.

1909—1913 гг. акционерное общество Российской бумагопрядильной мануфактуры. В 1900 г. товарищество на паях Российской бумагопрядильной мануфактуры насчитывало 703 рабочих. Производительность предприятия составляла 1,9 млн руб. За 1900—1908 гг. число рабочих на предприятии несколько сократилось, но производительность возросла до 3,1 млн руб. К 1913 г. товарищество на паях становится акционерным обществом и присоединяет к себе акционерное общество бумагопрядильной мануфактуры К. В. Гергарди и акционерное общество Северной ткацкой мануфактуры. Число рабочих акционерного общества Российской бумагопрядильной мануфактуры к 1913 г. достигало 3600 чел., производительность предприятий — 10,0 млн руб. На предприятиях общества насчитывалось 150 тыс. прядильных веретен, что составляло восьмую часть всех прядильных веретен хлопчатобумажных предприятий Петербурга, и 1325 ткацких станков. Энерговооруженность предприятий акционерного общества достигала 5300 л. с., что составляло тринадцатую часть энерговооруженности всех текстильных предприятий Петербурга.

Следует упомянуть также о компании Невской бумагопрядильной мануфактуры, образовавшейся еще в 1833 г. В период кризиса компания стала акционерным обществом. С 1900 по 1913 г. число рабочих общества возросло с 1888 до 2030 чел., производительность — с 4,8 до 7,0 млн руб. К 1913 г. энерговооруженность предприятия составляла 6500 л. с., т. е. десятую часть всей энерговооруженности текстильных предприятий Петербурга. К этому же времени на бумагопрядильные насчитывалось 221,9 тыс. прядильных веретен, что составляло шестую часть всех веретен бумагопрядильных фабрик города.

Более 2 тыс. рабочих и от 3 до 4 млн руб. годовой производительности насчитывали к 1913 г. крупнейшие предприятия хлопчатобумажного производства: акционерное общество Сампсониевской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры, товарищество на паях «Новая бумагопрядильная» и акционерное общество Александрово-Невской мануфактуры К. Я. Паль.

Необходимо отметить, что хлопчатобумажная промышленность России и особенно Петербурга в значительной степени зависела от иностранного сырья. Так, в 1893 г. русскими хлопчатобумажными предприятиями было переработано всего 11 397 тыс. пудов хлопка, причем 7 397 тыс. пудов, т. е. 65% общего количества, составлял импортный, преимущественно американский и египетский, хлопок. В этом же году хлопчатобумажными предприятиями Петербургской губернии всего было переработано 1 576 тыс. пудов хлопка, причем 1 502 тыс. пудов, т. е. 96% этого количества, составлял импортный, преимущественно американский, хлопок.¹

К 1910 г., в связи с ростом отечественного хлопководства, зависимость России от иностранного сырья несколько ослабевает. Удельный вес иностранного

¹ Материалы для статистики хлопчатобумажного производства в России. СПб., 1901, стр. 2, 10.

Самсоновская мануфактура. Фотография конца XIX в.

хлопка в общей массе переработанного хлопка с 1893 по 1910 г. падает с 65 до 49%. Возрастает доставка отечественного хлопка и в Петербург. Однако и в 1910 г. удельный вес иностранного (преимущественно американского и египетского) сырья в хлопчатобумажной промышленности Петербургской губернии все еще составляет 67%.¹

Вслед за хлопчатобумажным производством наиболее многочисленным по числу предприятий в текстильной промышленности было производство по обработке смешанных материалов и волокнистых веществ (см. таблицу на стр. 36). Однако к 1913 г. в этой отрасли текстильного производства было занято только 4202 рабочих, т. е. 9% всех текстильщиков Петербурга, а производительность предприятий составляла около 7% всей производительности текстильного производства. Это были в основном мелкие визальные, трикотажные, бельевые, басонные фабрики с числом рабочих до 50 чел. Исключение составляли два крупных, быстро растущих предприятия группы.

Небольшая трикотажная фабрика Е. П. Керстен к 1900 г. насчитывала всего 105 рабочих. Производительность фабрики составляла 115 тыс. руб. в год. В 1909 г. фабрика стала акционерным обществом. Число рабочих акционерного общества к 1913 г. достигло 2000 чел., производительность — 2,5 млн руб. Фаб-

¹ Статистика бумагопрядильного и ткацкого производства за 1900—1910 годы. СПб., 1911, стр. 2, 10.

рика была оборудована механическими двигателями, мощность которых к 1913 г. составляла 1250 л. с.

Второе крупное предприятие производства по обработке смешанных материалов и волокнистых веществ — товарищество Тюлевой фабрики — к 1900 г. насчитывало 698 рабочих с производительностью около 900 тыс. руб. К 1913 г. число рабочих достигло 870, производительность — 1,8 млн руб., мощность механических двигателей — 344 л. с.

Третье место в текстильной промышленности по числу рабочих и производительности занимали предприятия по обработке шерсти, число которых с 1900 по 1913 г. возросло с 4 до 11 (см. таблицу на стр. 36). Однако все это были сравнительно небольшие фабрики по производству искусственной шерсти, пряжи и ваты, войлочные и волосяные заводы.

Особняком в этой отрасли стояло товарищество шерстяных изделий Торнтон, основанное еще в 1871 г., сукна которого по своему качеству славились на всю Россию. Кроме того, на фабрике вырабатывались камвольная пряжа, одеяла. В 1900—1913 гг. фабрика насчитывала 2000 чел. с производительностью 5 млн руб. Энерговооруженность предприятия к 1908 г. достигала 2800 л. с.

В Петербурге в 1900—1913 гг. находилось несколько предприятий по обработке льна, пеньки и джута. Они вырабатывали канаты, шпигат, веревки, мешки. Это были довольно крупные предприятия, насчитывавшие более 100 рабочих. В годы кризиса и депрессии число предприятий сократилось с 5 до 4, количество рабочих на них — с 1581 до 1270 чел. Зато в период промышленного подъема, получив крупные заказы, предприятия сильно расширили производство, увеличив число рабочих с 1270 до 2415 чел., а производительность с 3,6 до 5,8 млн руб. Особенно сильно в начале XX в. развивалась канатная фабрика И. Гот. С 1900 по 1913 г. она увеличила число рабочих с 209 до 1250 чел., производительность — с 0,9 до 2,3 млн руб.

Обработка шелка в Петербурге в начале XX в. почти не имела места. Эта отрасль текстильного производства, ранее, в XVIII и первой половине XIX в., широко развитая в Петербурге, к 1913 г. была представлена тремя небольшими парчевоткацкими и шелкоткацкими фабриками, на которых было занято всего 130 рабочих.

Таким образом, ведущей отраслью текстильного производства в Петербурге была хлопчатобумажная, а именно — бумагопрядение. Петербургские предприятия по обработке хлопка отличались высоким сортом пряжи, высокой производительностью рабочих. Высокой по тому времени была и техническая вооруженность предприятий. Энерговооруженность одного рабочего в 1913 г. достигала 1,7 л. с.

В рассматриваемое нами время металлисты и текстильщики составляли 55—60% всех фабрично-заводских рабочих Петербурга, а производительность металлообрабатывающих и текстильных предприятий — 55% производительности всех петербургских фабрично-заводских предприятий.

Фабрика Торнтона. Фотография 1900-х годов.

* * *

Третье место в промышленности Петербурга в рассматриваемое время занимало быстро развивавшееся пищевкусовое производство. Об этом свидетельствуют следующие данные:¹

Годы	Количество предприятий	Число рабочих	Производительность (в млн руб.)
1894/95	64	14651	33,0
1900	59	13587	41,9
1908	95	18284	74,6
1913	92	20406	79,2

По удельному весу в фабрично-заводской обрабатывающей промышленности Петербурга пищевкусовая промышленность составляла 9—12% по числу рабочих и 13—14% по производительности предприятий. Она была представлена предприятиями табачными, конфектными и шоколадными, пряничными, макаронными, консервными, колбасными, пиво-медоваренными, маслосбойными и др.

¹ Подсчитано автором по «Спискам» фабрик и заводов за соответствующие годы.

За рассматриваемый период наиболее интенсивно пищевкусовая промышленность развивалась в 1900—1908 гг. Состояние кризиса и депрессия, которое переживала тяжелая промышленность Петербурга, не коснулось предприятий по обработке питательных и вкусовых веществ. Наоборот, с 1900 по 1908 г. количество предприятий в группе возросло с 59 до 95, число рабочих увеличилось на 34%, производительность — на 77%.

В период промышленного подъема 1909—1913 гг. пищевкусовая промышленность почти не развивалась. С 1909 по 1913 г. число рабочих возросло на 12%, а производительность предприятий — всего на 6%. Но и в этой отрасли промышленности наблюдался быстрый процесс концентрации производства. К 1913 г. 10% предприятий пищевкусовой промышленности с числом рабочих более 500 чел. концентрировали 60% всех рабочих группы, а 20% наиболее крупных предприятий с производительностью более 1 млн руб. концентрировали 82% всей производительности группы.

В пищевкусовую промышленность в 1893—1913 гг. происходил значительный прилив капиталов. В частности, в делах табачной промышленности как всей России, так и Петербурга был сильно заинтересован Русско-Азиатский банк. Поэтому процесс акционирования широко захватил предприятия пищевкусовой промышленности Петербурга. Если в 1900 г. в группе насчитывалось всего 10 акционерных обществ, то к 1913 г. число их возросло уже до 25. Это были крупнейшие предприятия группы, сосредоточившие 33% всех рабочих. Производительность акционерных предприятий пищевкусовой промышленности к 1913 г. составляла 75% всей производительности группы.

Характерной особенностью пищевкусовой промышленности Петербурга являлась слабая техническая вооруженность ее предприятий. Многие небольшие предприятия (до 30) вовсе не имели механических двигателей. Так, например, к 1908 г. энерговооруженность одного рабочего составляла в среднем 0,3 л. с. В то же время пять крупнейших предприятий группы концентрировали половину ее энерговооруженности.

В конце XIX в. ведущую роль в пищевкусовой промышленности играло табачное производство. К 1900 г. на 9 табачных фабриках города работало 8280 рабочих, что составляло 60% всех рабочих группы. Производительность табачных фабрик достигала 35% производительности предприятий группы.

Табачная промышленность Петербурга имела высокий удельный вес в общероссийской табачной промышленности. К 1900 г. он достигал 38% по числу рабочих и 20% по производительности, в то время как во всей пищевкусовой промышленности России удельный вес пищевкусовой промышленности Петербурга составлял всего около 5% по числу рабочих и производительности.¹ Табачные

¹ Данные по России за 1900 г. см.: Динамика российской и советской промышленности. 1929, т. 1, ч. I, стр. 97. Данные по Петербургу подсчитаны автором по «Списку фабрик и заводов Европейской России» (СПб., 1903).

Табачная фабрика «Лаферм». Фотография начала XX века.

изделия Петербурга по своим высоким качествам издавна были почти вне конкуренции. Они имели широкий спрос не только по всей стране, но и экспортировались за границу.

К 1900 г. из 9 табачных фабрик города наиболее крупными были товарищество табачной фабрики «А. Н. Богданов и К^о», насчитывавшее 2684 рабочих с производительностью 4,6 млн руб., табачная фабрика Е. Шапошниковой с 1226 рабочими и производительностью 1,5 млн руб., табачная фабрика Ю. М. Шаншал с 1226 рабочими и производительностью 2,4 млн руб. и товарищество табачной фабрики «Лаферм» с 1180 рабочими и производительностью 2,9 млн руб.

В годы кризиса и депрессии производство табачных изделий в Петербурге в общем сократилось с 14,6 млн руб. в 1900 г. до 12,8 млн руб. в 1908 г. В ожесточенной конкурентной борьбе три наиболее мелких табачных фабрики закрылись. Из названных выше четырех крупных табачных фабрик производство увеличила только одна табачная фабрика товарищества «Лаферм». Число рабочих на фабрике «Лаферм» к 1908 г. достигло 1488 чел., производительность — 3,5 млн руб. Можно предположить, что уже в период кризиса и депрессии в табачной промышленности России под эгидой Русско-Азиатского банка началось создание русского табачного синдиката, получившего свое полное оформление к 1914 г.

В 1909—1913 гг. конкурентная борьба между табачными предприятиями еще более усилилась. С 1 июля 1909 г. был значительно повышен акциз на табачные изделия. Вздорожали все материалы для производства табачных изделий. В результате из числа действовавших в 1883 г. в России 270 табачных фабрик из-за недостатка оборотных средств закрылась 151, или 55%. Для пополнения оборотных средств в 1910 г. табачные фабрики ходатайствовали перед Министерством финансов о выдаче им ссуд под залог недвижимостей, машин, сырья. Ходатайство удовлетворено не было.¹ С 1910 г. в табачной промышленности России и Петербурга началась полоса учреждения из единоличных табачных фабрик акционерных обществ, ожесточенной конкурентной борьбы между ними, поглощения сильными предприятиями более мелких.

К 1913 г. в Петербурге осталось только 6 табачных фабрик. Число рабочих на всех табачных фабриках сократилось с 8280 чел. в 1900 г. до 7580 чел. в 1913 г., но в то же самое время стоимость выпускаемой продукции возросла с 14,6 до 26,9 млн руб. Самым крупным предприятием табачной промышленности Петербурга стала фабрика «Лаферм», увеличившая число рабочих до 2500 чел., стоимость выпускаемой продукции до 12,0 млн руб. Товарищество «А. Н. Богданов и К^о» приобрело фабрику «Саатчи и Мангуби», товарищество «Лаферм» — фабрику «Оттоман». Товарищество «А. Н. Шапошников и К^о» в 1912 г. приобрело все паи товарищества Габай в Москве. В 1912 г. произошло объединение табачных фабрик «А. Н. Богданов и К^о», «Лаферм» и московской фабрики «Дукат».²

Ожесточенная конкурентная борьба между табачными предприятиями завершилась созданием в Англии под руководством Русско-Азиатского банка табачного синдиката, в который входило более 10 крупных табачных фабрик Петербурга, Москвы, Ростова-на-Дону. В 1912 г. табачные предприятия, входившие в синдикат, производили 48,08% табачных изделий всех табачных фабрик России. Устав русского табачного синдиката был утвержден в Лондоне 2 сентября 1913 г.³

С учреждением табачного синдиката конкурентная борьба между табачными фабриками еще более обострилась. К 1913 г. 6 крупных табачных фабрик Петербурга в значительных размерах увеличили производительность и энергооборуженность предприятий при сокращении числа рабочих (кроме фабрики «Лаферм»).

Большой интерес представляет развитие в Петербурге в 1893—1913 гг. шоколадного производства. Изделия шоколадных фабрик Петербурга славились на всю страну своим высоким качеством. Интенсивному развитию этого вида производства, потреблявшего исключительно импортное сырье, способствовало портовое положение Петербурга. В 1900 г. в Петербурге насчитывалось 6 шоколад-

¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 14, д. 231, 1911—1914 гг., лл. 56, 57.

² Там же, л. 58.

³ Там же, лл. 2, 36, 118.

ных фабрик с 1408 рабочими и производительностью 3,8 млн руб. К 1913 г. число фабрик увеличилось до 12 с 4343 рабочими и производительностью 12,5 млн руб. Удельный вес шоколадного производства в пищевкусовой промышленности Петербурга с 1900 по 1913 г. возрос с 10 до 21% по числу рабочих и с 10 до 16% по производительности. По сравнению с другими предприятиями пищевкусовой промышленности Петербурга шоколадные фабрики были наиболее механизированными. На них к 1913 г. было сосредоточено до 30% всей энерговооруженности пищевой промышленности Петербурга.

К 1913 г. наиболее крупными из шоколадных фабрик были фабрика «Жорж Борман» и акционерное общество шоколадной, бисквитной и конфетной фабрик «Блинген и Робинсон», насчитывавшие по 1000 рабочих и производившие продукции на сумму до 3 млн руб. в год.

На остальные производства пищевкусовой промышленности Петербурга в 1893—1913 гг. оставалось только 30—40% общего числа рабочих и половина производительности. Крупнейшими из них были быстро развивавшиеся пивомедоваренные заводы. Например, Калининское товарищество пивомедоваренного завода, основанное в конце XIX в., с 1900 по 1913 г. увеличило число рабочих с 729 до 1200 чел., производительность — с 2,2 до 6,0 млн руб. Российско-Баварское пивоваренное акционерное общество к 1913 г. насчитывало 970 рабочих с производительностью 3,2 млн руб., товарищество пивомедоваренного завода «И. Дурдин» — 480 рабочих и 3,4 млн руб. производительности, и т. д. Пивомедоваренные заводы к 1913 г. концентрировали около 30% всей энерговооруженности пищевой промышленности Петербурга.

Таким образом, в конце XIX—начале XX в. ведущей отраслью пищевой промышленности Петербурга являлось табачное производство. Значительных размеров достигали пивомедоваренное и шоколадное производства. Развитию пищевой промышленности Петербурга способствовало то обстоятельство, что Петербург, крупнейший по населению город России, являлся широким рынком сбыта производимых товаров. Табачные изделия Петербурга находили широкий сбыт по всей стране и служили предметом экспорта.

* * *

В Петербурге, как столице и ведущем центре культурной и политической жизни страны, в 1900—1913 гг. широкое развитие получила промышленность бумажная и полиграфическая. Об этом свидетельствуют следующие данные:

Годы	Количество предприятий	Число рабочих	Производительность (в млн руб.)
1900	117	13036	21,7
1908	185	19038	31,2
1913	199	24507	39,9

Наибольший рост производства в бумажной и полиграфической промышленности наблюдался в 1900—1908 гг., когда число рабочих увеличилось на 46%, а производительность предприятий — на 44%. В период промышленного подъема 1909—1913 гг. предприятия этой отрасли промышленности Петербурга не испытали сильного увеличения производства. Число рабочих, а также производительность в группе возросли только на 28%.

Предприятия группы бумажного и полиграфического производств были в основном средних и крупных размеров. Как в 1900, так и в 1908 г. половина рабочих этой группы была занята на предприятиях с числом рабочих от 100 до 500 чел. На предприятиях, насчитывавших более 500 рабочих, в 1908 г. был занят только 31% всех рабочих группы, а к 1913 г. — только 35%.

Являясь по сравнению с ведущими отраслями производств петербургской промышленности слабо концентрированными, предприятия бумажного и полиграфического производств были также относительно слабо акционированными. К 1913 г., например, число акционерных обществ в группе достигало только 17. На них было занято 22% всех рабочих группы. Производительность их составляла 37% всего производства группы.

Наибольшее распространение среди предприятий этой группы получили различные типографии и литографии. К концу 1900 г. в Петербурге из 117 предприятий бумажного и полиграфического производств насчитывалось 77 частных и ведомственных типографий. Промышленный подъем 90-х годов дал толчок к дальнейшему развитию науки и техники, литературы и искусства, способствовал сильному росту издательского дела. За 90-е годы в Петербурге возникло 25 новых типографий. Значительно расширили в этот период свою деятельность открывшиеся в пореформенное время, известные всей стране своими изданиями типография А. Ф. Маркс «Нива» (617 рабочих), типография газеты «Новое время» (440 рабочих) и др.

В 1900—1908 гг. рост производства в типографиях происходил в основном не за счет возникновения новых предприятий, а за счет расширения производства и увеличения производительности на уже существовавших крупных предприятиях. Так, в типолитографии П. П. Сойкина число рабочих увеличилось с 148 до 248, производительность — с 0,2 до 0,4 млн руб.; в хромолитографии Т. Ф. Кибель число рабочих возросло с 209 до 352 чел., производительность — с 0,2 до 0,5 млн руб., и т. д.

В 1909—1913 гг. почти все типографии и литографии не увеличили размеров производства.

Наиболее крупными предприятиями группы по своим размерам были писчебумажные фабрики. Невская писчебумажная фабрика бр. Варгуниных, например, к 1900 г. насчитывала 732 рабочих; производительность ее достигала 1,8 млн руб. С 1910 г. фабрика стала акционерным обществом и к 1913 г. увеличила число рабочих до 750 чел., производительность — до 2,2 млн руб. К 1913 г.

товарищество Голодаевской писчебумажной фабрики увеличило число рабочих до 600 чел., производительность — до 3,5 млн руб. Кроме типографий, литографий и писчебумажных фабрик, в городе находилось большое число мелких картонажных, обойных, переплетных, коробочных, конвертных и других заведений по изготовлению изделий из бумаги.

* * *

Значительных размеров достигло в Петербурге этих лет химическое производство. Здесь находился Технологический институт, сыгравший большую роль в развитии химической промышленности всей России и, в частности, Петербурга. В химической промышленности Петербурга в конце XIX—начале XX в. был освоен ряд новых производств, получивших затем широкое распространение по всей стране.

О развитии петербургской химической промышленности в 1893—1913 гг. свидетельствуют следующие данные:¹

Годы	Количество предприятий	Число рабочих	Производительность (в млн руб.)
1894/95	23	2059	5,7
1900	35	2935	10,6
1908	39	3389	12,0
1913	59	5585	40,8

По производству различных химических продуктов химическая промышленность Петербургской губернии еще в 1890 г. стояла на первом месте среди других губерний России.² В дальнейшем химическое производство в Петербурге быстро развивалось. За рассматриваемые 20 лет число рабочих на химических предприятиях Петербурга возросло в $2\frac{1}{2}$ раза, производительность предприятий — в 7 раз.

Наиболее сильное развитие химической промышленности относится ко времени промышленных подъемов 90-х и 1909—1913 гг. С 1893 по 1900 г. число рабочих на предприятиях химического производства возросло на 47%, производительность — на 89%. С 1908 по 1913 г. число рабочих увеличилось на 64%,

¹ Составлено по «Спискам» фабрик и заводов за соответствующие годы. Крупнейшими химическими заводами Петербурга также являлись казенные Охтенский пороховой завод и Охтенский завод взрывчатых веществ, расположенные в 8 км от Петербурга. К 1911 г. они насчитывали около 4 тыс. рабочих. Оба завода не вошли в наши подсчеты.

² П. А. Орлов и С. Г. Будагов. Указатель фабрик и заводов Европейской России. Изд. 3-е, СПб., 1894, стр. 166.

а производительность предприятий — на 40%, в результате чего удельный вес химической промышленности в общем промышленном производстве Петербурга значительно возрос, достигнув к 1913 г. около 3% по числу рабочих и около 7% по производительности предприятий.

В годы кризиса и депрессии химическая промышленность Петербурга развивалась значительно слабее. С 1900 по 1908 гг. число рабочих в химическом производстве возросло на 17%, производительность предприятий — только на 13%.

Самым крупным предприятием по производству разнообразных химических продуктов в Петербурге был Тентелевский химический завод. С 1893 по 1900 г. число рабочих на заводе выросло с 330 до 679 чел., производительность — с 0,9 до 1,4 млн руб. В годы кризиса и депрессии завод развивался медленнее, а затем, с наступлением промышленного подъема 1909—1913 гг., опять значительно увеличил производство. К 1913 г. число рабочих на заводе достигло 800 чел., производительность — 4 млн руб.

Это был единственный из химических заводов Петербурга, имевший свою лабораторию. В 1895 г., например, на Тентелевском заводе началось производство хромовых солей и красок. Производство хромовых красок на заводе достигло такого совершенства, что им отдавалось предпочтение перед иностранными. Краски, изготовлявшиеся заводом специально для покрытия подводной части морских судов, считались Морским министерством наилучшими.¹

В 1897 г. Тентелевский химический завод и петербургский Невский химический завод вместе производили 6493 т соляной кислоты, или около 65% всей соляной кислоты, изготовляемой химическими заводами России. Первые печи по производству искусственного сульфата из поваренной соли (с одновременным получением соляной кислоты) были сооружены в Петербурге на Тентелевском химическом заводе еще в начале 60-х годов XIX в.²

В конце XIX в. на заводе также производилось в год 9500 пудов железного купороса, что составляло $\frac{1}{16}$ часть общероссийского производства.

По производству серной кислоты в конце XIX в. Петербург стоял на втором месте, вслед за Москвой. В Петербурге серная кислота производилась на трех химических заводах, в том числе и на Тентелевском химическом заводе.

На Тентелевском химическом заводе в конце 90-х годов производилась также азотная кислота, до 37 000 пудов (в год) глауберовой соли, 1200 пудов нашатырного спирта и другие химические продукты.

Петербургские химические заводы к концу XIX в. стояли на втором месте по производству кристаллической соды.³

¹ П. М. Лукьянов. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX века, т. III. М., 1951, стр. 86.

² Там же, стр. 51, 59.

³ Там же, т. II, стр. 327, 562—563, 677.

К 1913 г. Тентелевский химический завод освоил ряд новых производств, связанных, очевидно, с правительственными заказами. Завод изготавливал, кроме всех химических продуктов, названных выше, хлористый цинк, бензол, толуол, кислород, диметиламин.¹

Из остальных предприятий химической группы производства наиболее крупными были городские газовые заводы, вырабатывавшие светильный газ, Киновиевский ультрамаринный завод, вырабатывавший ультрамарин и синьку, акционерное общество нефтеперегонного завода «В. Ропс и К^о». Остальные предприятия по производству лаков, различных красок, аптекарских, косметических товаров и различных других химических продуктов были небольшими. Седьмая часть рабочих химического производства к 1913 г. работала на Тентелевском химическом заводе.

Благодаря сильному росту химического производства в 1894—1913 гг. в химическую промышленность Петербурга происходил значительный прилив капиталов. Сюда охотно вкладывали свои средства крупнейшие акционерные банки страны, поэтому с 1894 по 1913 г. число акционерных обществ в химической промышленности возросло с 7 до 14.

В значительных размерах за указанный период увеличилась энерговооруженность химических предприятий, улучшилась их техническая оснащенность. С 1894 по 1913 г. энерговооруженность предприятий химической группы, по неполным данным, возросла с 4118 до 7346 л. с. Но из 7346 л. с. 1800 л. с. приходилось на Тентелевский химический завод, 2000 л. с. принадлежали открывшемуся в период промышленного подъема 1909—1913 гг. акционерному обществу химических заводов «Перув». На долю остальных предприятий группы приходилось в среднем по 62 л. с. на каждое.

* * *

Большой интерес представляет развитие в Петербурге резинового производства. Несмотря на то, что в рассматриваемое нами время производством резиновых изделий занималось только одно предприятие — товарищество Российско-Американской мануфактуры под фирмой «Треугольник», удельный вес этого предприятия в общем производстве петербургской промышленности к 1913 г. составлял 5% по числу рабочих и 11% по производительности.

С 1894 по 1900 г. число рабочих на «Треугольнике» увеличилось с 4091 до 5000 чел., производительность — с 10,3 до 18,3 млн руб. Основной капитал предприятия в это же время увеличился с 3 до 4,5 млн руб., а вместе с запасным и специальным — до 12 млн руб. Так как в 90-е годы у «Треугольника» еще не было серьезных конкурентов, то техническое оборудование его почти не изменилось. Усиленно расширялось только калошное производство, основанное на ручном

¹ Д. П. Кандауров, ук. соч.

труде и приносившее наибольшую прибыль. Мастерские по изготовлению резиновых труб, ремней, плащей и других изделий, требовавшие механического оборудования, в этот период почти не расширялись.¹

В 1900—1908 гг. фабрика «Треугольник» сильно увеличила свою производительность. Резиновое производство оказалось в период кризиса в благоприятном положении, так как спрос рынка на резиновые изделия не уменьшился. За десятилетие, с 1895 по 1905 г., сбыт калош почти удвоился. Если в 1895 г. завод вырабатывал в среднем 28 900 пар в день, то в 1904 г. — уже 51 200 пар. Главный прирост в производстве калош в конце XIX—начале XX в. на «Треугольнике» падал на кризисные 1900—1903 гг.

В ожесточенной конкурентной борьбе за рынок сбыта и казенные заказы с сильно окрепшей рижской резиновой фабрикой «Проводник» фабрика «Треугольник» вынуждена была повысить технологию ряда производств, усилить энерговооруженность предприятия. Поэтому с 1900 по 1908 г. в производственных зданиях фабрики мощность паровых двигателей возросла с 6,5 тыс. л. с. до 12,2 тыс. л. с. Число рабочих на фабрике за это же время возросло с 4986 до 7157 чел., производительность — с 18,3 до 38,9 млн руб.

Так же сильно рос «Треугольник» в 1909—1913 гг. За эти четыре года число рабочих увеличилось с 7157 до 11 тыс. чел., производительность — с 38,9 до 73 млн руб. «Треугольник» вел торговлю в 37 городах России и экспортировал свои изделия за границу. Основной капитал общества к 1913 г. достигал 18 млн руб. За годы промышленного подъема на «Треугольнике» был значительно расширен авиационный отдел, выполнявший заказы военного ведомства.

В 1908—1909 гг. «Треугольник» путем скупки 45% свободно котирувавшихся на бирже акций одержал победу над своим опаснейшим конкурентом — рижской фабрикой резиновых изделий «Проводник». «Треугольник» ввел в состав совета общества «Проводник» двух своих членов. В 1908 г. между этими двумя крупнейшими в России монополиями был заключен синдикатский договор на 5 лет, по которому все резиновые изделия повышались в цене от 7,5 до 15%. Однако полностью проглотить «Проводник» «Треугольнику» не удалось, так как этому противопоставились французские капиталисты, фактические хозяева «Проводника». Поэтому «Треугольнику» до срока расторг с «Проводником» синдикатский договор, и в годы империалистической войны борьба между ними разгорелась с новой силой.²

* * *

Кроме названных выше групп производств, в фабрично-заводской обрабатывающей промышленности Петербурга в 1893—1913 гг. насчитывалось небольшое по удельному весу количество предприятий силикатной промышленности (кир-

¹ Б. И. Шабалин, Фабрика на Обводном. Лениздат, 1949, стр. 52, 136.

² Там же, стр. 200—201.

пичной, цементной, стекольной), промышленности по обработке животных продуктов (кожевенных, по производству обуви, стearиновых, костеожигательных и других заводов) и по обработке дерева. В петербургской промышленности все вместе они составляли в 1893—1913 гг. 10—12% по числу рабочих и производительности. О развитии этих групп производств в 1893—1913 гг. свидетельствуют следующие данные:

Группы производств	1894/95 г.			1900 г.			1908 г.			1913 г.		
	количество предприятий	число рабочих	производительность (в млн руб.)	количество предприятий	число рабочих	производительность (в млн руб.)	количество предприятий	число рабочих	производительность (в млн руб.)	количество предприятий	число рабочих	производительность (в млн руб.)
Силикатная промышленность . . .	42	4262	1,9	57	7362	7,2	43	7604	3,8	65	8556	24,2
Обработка животных продуктов (кожевенных и др.)	35	4053	13,3	26	4933	18,8	28	6794	30,0	37	8325	38,8
Механическая обработка дерева .	49	2232	4,4	52	4519	7,0	68	4569	8,6	71	7146	18,0

Наибольший рост производства в силикатной промышленности Петербурга происходил в период промышленного подъема 90-х годов, когда число рабочих в группе возросло на 72%, а производительность предприятий — в 3 раза. В годы кризиса и депрессии размеры промышленного и гражданского строительства значительно уменьшились. Поэтому с 1900 по 1908 г. выпуск продукции упал почти наполовину, но в 1909—1913 гг. он опять резко возрос.

К 1900 г. силикатная промышленность Петербурга была представлена 20 кирпичными, 5 стекольными, 2 цементными, 9 алебастровыми, 2 зеркальными и другими заводами и мастерскими.¹ Крупнейшими из этих предприятий были кирпичные и цементные.

На кирпичных заводах Петербурга к 1900 г. был занят 41% всех рабочих силикатной промышленности. Крупнейшими из них являлись кирпичные заводы М. Г. Стрелина (353 рабочих), А. Ф. Евментьева (242 рабочих), сахаровых (235 рабочих), М. Е. Юнгер (210 рабочих), расположенные в Усть-Ижоре Петербургского уезда.

¹ Большая часть предприятий силикатной промышленности находилась не в Петербурге, а в Петербургской губернии — в Шлиссельбургском, Лужском и Ямбургском уездах, данные о которых не вошли в наши подсчеты. В этих уездах были к 1900 г. расположены, например, 39 кирпичных заводов, 26 из которых возникли в период промышленного подъема 90-х годов.

На стекольных заводах к 1900 г. было занято 28% всех рабочих силикатной промышленности Петербурга. Это были Северное стекольно-промышленное общество на Васильевском Острове (366 рабочих) и предприятие под таким же названием в Петербургском уезде, насчитывавшее 950 рабочих.

Остальные 30% рабочих были заняты в других мелких предприятиях силикатной промышленности, причем 30 из них насчитывали менее 50 рабочих.

В годы кризиса особенно сильно пострадало кирпичное производство. За 1900—1908 гг. закрылось 6 кирпичных заводов. Оставшиеся резко сократили производство. Прекратили деятельность 6 алебастровых заводов, 3 скульптурно-мраморных мастерских, закрылся один из двух заводов Северного стекольно-промышленного общества с 950 рабочими и производительностью 2,1 млн руб.

Предприятия группы, выжившие в конкурентной борьбе, повысили техническую вооруженность. Если в 1895 г. на всех предприятиях силикатной промышленности двигатели обладали мощностью 229 л. с., то к 1908 г. их энерговооруженность составляла уже 2045 л. с. Но, как и в других отраслях промышленности, более половины энерговооруженности (1325 л. с.) принадлежало одному предприятию — 2-му заводу Северного стекольно-промышленного общества. В это же самое время 8 кирпичных заводов имели только конные двигатели, а на 25 предприятиях энерговооруженность составляла всего до 20 л. с.

Промышленный подъем 1909—1913 гг. вызвал сильный рост силикатной промышленности. Увеличили производительность все кирпичные, стекольные и цементные заводы. Например, завод Петербургского товарищества для производства глухоозерского портланд-цемента, в 1900—1908 гг. совсем прекративший свою работу, к 1913 г. довел число рабочих до 1200 чел., а производительность — до 12 млн руб.; Северное стекольно-промышленное общество увеличило число рабочих в 2 раза, производительность — в 4 раза, и т. д. На месте 5 прекративших свою деятельность предприятий возникло 20 новых кирпичных, цементно-бетонных, зеркальных и др.

Более чем в два раза, с 2045 л. с. до 4469 л. с., повысилась за годы промышленного подъема энерговооруженность предприятий силикатной промышленности.

В стекольной и цементной промышленности за 1908—1913 гг. возникли крупные предприятия по производству строительных материалов. В 1911 г. были созданы Петербургское стекольно-промышленное акционерное общество с основным капиталом 2,5 млн руб. и акционерное общество «Железо—Цемент» с основным капиталом 1,5 млн руб.

В силикатной промышленности Петербурга в период промышленного подъема 1909—1913 гг. возникли крупные предприятия, три из которых в 1913 г. концентрировали 70% всего производства этой группы. В стекольную и цементную промышленность происходил усиленный прилив капиталов, «единоличные» заводы при активном участии банков превращались в мощные акционерные предприятия. Так, к 1913 г. в силикатной промышленности насчитывалось 12 акционерных

обществ, объединивших 58% всех рабочих группы и концентрировавших 82% ее производительности.

Группа производства по обработке животных продуктов наиболее сильно развивалась в годы кризиса и депрессии, когда число рабочих в ней возросло на 38%, а производительность — на 60% (см. таблицу на стр. 53). В периоды промышленных подъемов 90-х и 1909—1913 гг. производство предприятий этой группы развивалось значительно медленнее.

Ведущее место в группе по обработке животных продуктов занимали кожевенные заводы. К 1900 г. на 9 кожевенных заводах Петербурга работало 1686 рабочих, т. е. 34% всех рабочих группы. Крупнейшими из них были кожевенный завод товарищества М. С. Брусницына (515 рабочих) и кожевенный завод товарищества «А. И. Осипов и К°» (404 рабочих), расположенные на Васильевском Острове.

Самым крупным предприятием группы к 1900 г. явилось товарищество Петербургского механического производства обуви (ныне фабрика «Скорород»). На фабрике было занято 1596 рабочих, т. е. 33% всех рабочих группы. Остальные предприятия группы (2 стеариновых, 5 мыловаренных и т. д.) имели небольшие размеры. Исключением был завод товарищества Невского стеаринового завода, насчитывавший 518 рабочих.

Концентрация производства и рабочей силы в группе заведений по обработке животных продуктов к 1900 г. достигала значительных размеров. 10% всех заведений группы концентрировало 53% рабочих. Треть предприятий группы с производительностью более 1 млн руб. концентрировала 85% производительности группы.

В годы кризиса и депрессии крупнейшие предприятия группы сильно увеличили свою производительность. Товарищество Петербургского механического производства обуви «Скорород» увеличило производительность с 2,5 до 3,8 млн руб., число рабочих — с 1596 до 2692 чел. Товарищество Невского стеаринового завода за это же время увеличило производительность с 3,3 до 5,8 млн руб., число рабочих — с 518 до 660 чел., и т. д.

В период промышленного подъема 1909—1913 гг. предприятия по обработке животных продуктов развивались медленнее, чем в 1900—1908 гг. Число рабочих в группе возросло только на 23%, производительность — на 29%. Не увеличили производства стеариновые и мыловаренные заводы.

В значительных размерах выросли производительность и число рабочих в этот период только на ряде крупных кожевенных заводов. Например, кожевенный завод товарищества «А. И. Осипов и К°» за это время увеличил число рабочих с 533 до 800 чел., производительность — с 2,2 до 3,5 млн руб., кожевенный завод товарищества «М. С. Брусницына и С-я» увеличил число рабочих с 473 до 500 чел., а производительность — с 5,8 до 9,3 млн руб., и т. д. За годы промышленного подъема в кожевенном производстве и производстве по изготовлению обуви возникло 9 новых предприятий. Наиболее значительными из них были акционерное

общество Невской фабрики механической обуви, основанное в 1912 г., с 700 рабочими и производительностью 3,5 млн руб. и кожевенный завод Самсоновского торгово-промышленного акционерного общества с числом рабочих 400 чел. и производительностью 1 млн руб., и т. д.

За 1909—1913 гг. в группе производств по обработке животных продуктов энерговооруженность предприятий увеличилась всего с 3075 до 3303 л. с., т. е. почти не возросла. Треть всей энерговооруженности попрежнему принадлежала фабрике «Скороход». Мелкие предприятия группы были вооружены двигателями мощностью всего 30—40 л. с.

Не возросла на предприятиях по обработке животных продуктов и концентрация производства. Попрежнему четыре предприятия: «Скороход» (2700 рабочих), акционерное общество Невской фабрики механической обуви (700 рабочих), товарищество кожевенного завода «И. А. Осипов и К^о» (800 рабочих) и товарищество Невского стеаринового завода (518 рабочих) концентрировали 60% всех рабочих группы, а третья часть всех предприятий с производительностью более 1 млн руб. концентрировала 85% производительности группы.

Значительные размеры концентрации производства, сращивание капиталов крупнейших предприятий группы с банковым капиталом привели к образованию в группе производств по обработке животных продуктов 9 акционерных предприятий, на которых к 1913 г. было занято 74% всех рабочих группы против 70% в 1908 г. Акционерные предприятия к 1913 г. концентрировали 72% всей производительности группы против 64% в 1908 г.

Группа предприятий по механической обработке дерева наиболее сильно развивалась в периоды промышленных подъемов. Так, с 1894 по 1900 г. в ней возникло 16 новых предприятий, в 2 раза увеличилось число рабочих и на 60% возросла производительность предприятий (см. таблицу на стр. 53).

В группу производства по механической обработке дерева в 1900 г. входили 20 лесопильных и 1 фанерный заводы, 9 фабрик роялей и пианино, 17 мебельно-столярных, 3 багетно-рамочных, биллиардная и фабрика спичечной ломки.

40% всех рабочих группы были заняты на лесопильных заводах, 16% — на фабриках роялей и пианино. Наиболее крупными из них были лесопильный завод Э. Г. Брадта и К^о на Охте (405 рабочих), фортепьянная фабрика торгового дома К. М. Шредер (255 рабочих) и фабрика роялей М. А. Битепажа под фирмой «Н. Беккер» (228 рабочих). 30% всех рабочих группы были заняты на мебельно-столярных фабриках города. Самыми крупными из них были паровая столярная фабрика Н. П. Беляева (274 рабочих) и мебельно-столярная фабрика товарищества Ф. Мельцер (236 рабочих).

В период кризиса и депрессии на предприятиях группы не произошло значительных изменений. Число рабочих возросло только на 6%, производительность, за счет увеличения энерговооруженности предприятий, — на 24%.

В 1909—1913 гг. группа предприятий по механической обработке дерева сильно увеличила как число рабочих (на 56%), так и производительность (в 2 раза), что было связано с возросшими потребностями промышленности в строительных материалах. Например, лесопильный и столярный завод акционерного общества «Строитель» с 1908 по 1913 г. увеличил число рабочих в $1\frac{1}{2}$ раза, производительность — в 7 раз, Охтенский лесопильный завод увеличил число рабочих более чем в 2 раза, производительность — почти в 2 раза, и т. д.

За годы промышленного подъема возникло 14 лесопильных и деревообделочных предприятий. Самым большим из них был деревообделочный завод И. А. Семёнова с числом рабочих 420 чел. и производительностью 3,3 млн руб.

Сильно, с 3842 л. с. до 5695 л. с., возросла за годы промышленного подъема энерговооруженность предприятий по механической обработке дерева. Но преобладающее число механических двигателей концентрировалось на более крупных по своим размерам лесопильных заводах, в то время как в мелких ящичных, мебельно-столярных мастерских преобладал ручной труд рабочих. Если энерговооруженность лесопильных предприятий к 1913 г. в среднем достигала 200 л. с., то на мелких деревообделочных предприятиях она составляла всего 20—25 л. с.

Предприятия по механической обработке дерева были небольших размеров. К 1913 г. в этой отрасли петербургской промышленности не было ни одного предприятия с числом рабочих более 500 чел., 66% рабочих группы работало на 22 предприятиях с числом рабочих от 100 до 500 чел. В силу слабой концентрации производства предприятия по механической обработке дерева почти не финансировались банками. К 1913 г. в группе насчитывалось только 8 акционерных предприятий. На них было занято всего 16% рабочих группы, производительность составляла только 24% производительности всех предприятий по механической обработке дерева.

* * *

Петербургская промышленность в период империализма, как уже было показано выше, представляла собой многообразие различных видов производств при ведущей роли металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности.

Все отрасли петербургской промышленности в период империализма быстро развивались. Как указывал В. И. Ленин, несмотря на то, что империализм является последней стадией развития капитализма, в период империализма «в целом, капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост... становится вообще более неравномерным».¹

Количество фабрично-заводских предприятий в промышленности Петербурга с 1900 по 1913 г. возросло на 43%, число рабочих на них — на 48%, промышленная

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 22, стр. 286.

продукция — на 121%. Однако как вся промышленность в целом, так и отдельные ее отрасли развивались крайне неравномерно и скачкообразно. Если за 1900—1908 гг. число рабочих на фабрично-заводских предприятиях Петербурга возросло всего на 6%, то за 1908—1913 гг. — на 39%. Если за 1900—1908 гг. продукция промышленных предприятий возросла на 37%, то за 1908—1913 гг. — время получения петербургской промышленностью огромного количества казенных военных заказов — на 61%.

В период империализма в петербургской промышленности сильно возросла интенсификация труда рабочих и техническая вооруженность предприятий. По неполным данным, с 1894 по 1913 г. энерговооруженность предприятий возросла с 69 949 л. с. до 216 835 л. с., т. е. в 3 раза.¹

Следствием этого являлся значительный рост производительности труда.

При всем этом развитие петербургской промышленности в период империализма сдерживалось целым рядом обстоятельств. Важнейшими из них были наличие огромного количества крепостнических пережитков и широкое внедрение иностранного финансового капитала в русскую промышленность. Феодалские пережитки тормозили развитие и сельского хозяйства и промышленности страны. Нищая деревня была слабым потребителем промышленных товаров. Поэтому, например, крупнейшие металлообрабатывающие и машиностроительные заводы Петербурга находились в постоянной погоне за заказами, не имели определенного производственного профиля и в сильной степени, как и вся промышленность Петербурга, зависели от казенных, в частности военных, заказов.

Допускаемый в широких размерах царизмом в экономику страны иностранный финансовый капитал, особенно перед империалистической войной, глубоко внедрился в русскую, в том числе и петербургскую, промышленность. Не желая лишаться крайне прибыльного рынка для своих товаров, он сознательно тормозил, как это ясно видно на примере электротехнической промышленности Петербурга, технический прогресс русской промышленности.

В промышленности Петербурга, наиболее технически оснащенной,² освоенной в 1900—1913 гг. ряд новых производств, как и в промышленности всей страны, сильно ощущался разрыв между возможностями и способностями русского народа, русской технической мысли и экономической политикой самодержавия, между развитием производительных сил и существовавшими в стране производственными отношениями.

Развитие петербургской промышленности в период империализма сопровождалось концентрацией производства и образованием крупнейших монопольных объединений.

¹ Данных об энерговооруженности петербургских предприятий за 1900 г. не существует.

² Энерговооруженность одного петербургского рабочего к 1913 г. превышала 1 л. с.

Концентрация производства в промышленности Петербурга в силу особенностей ее развития¹ превышала концентрацию производства в промышленности всей России. Напомним, что к 1910 г. на крупных и крупнейших фабрично-заводских предприятиях России с числом рабочих более 500 чел. работало 53,4% всех рабочих России, в то время как в Петербурге за 10 лет раньше, в 1900 г., на таких же предприятиях работало 66% всех рабочих, а в 1913 г. — уже 70% всех рабочих.

Таким образом, к 1913 г. из 824 промышленных предприятий Петербурга около 10% крупных и крупнейших концентрировали до 70% всех рабочих и до 80% производительности.

В металлообрабатывающей промышленности таких заведений было 36. Часть из них или являлись активными членами крупнейших металлургических и металлообрабатывающих синдикатов страны, таких, как «Продамет», «Продвагон», «Трубопродажа» и «Медь», или были дочерними предприятиями крупнейших иностранных монополий (электротехническая промышленность). Например, Путиловский завод являлся активным участником синдиката «Продвагон». В 1913 г. производительность Путиловского завода составляла $\frac{1}{30}$ часть всей производительности металлообрабатывающей промышленности Петербурга. На заводе работала $\frac{1}{15}$ часть всех металлистов города.

В хлопчатобумажной промышленности насчитывалось около 20 крупных предприятий. Крупнейшими из них были предприятие-монополист по производству ниток — Невская питочная мануфактура, входившая в ниточный трест, Российская бумагопрядильная мануфактура и акционерное общество мануфактур А. И. Воронина, Лютш и Чешер. Эти три предприятия к 1913 г. концентрировали около половины всех рабочих и производительности предприятий по обработке хлопка.

В группе производства по обработке питательных и вкусовых веществ насчитывалось 9 крупных предприятий. Шесть из них — крупные табачные фабрики города — входили в табачный синдикат. На них работало более одной трети всех рабочих группы. Они концентрировали треть ее производительности, и т. д.

Эти крупнейшие акционерные предприятия Петербурга, часть которых входила в металлообрабатывающие, ниточную, табачную монополии, в период империализма играли решающую роль в своих отраслях промышленного производства.

Крупнейшие промышленные предприятия Петербурга в 1900—1913 гг. находились в тесной связи с крупнейшими банковскими монополиями страны, происходило слияние банковского капитала с промышленным.² Об увеличении финансирования банками промышленных предприятий Петербурга в период империализма

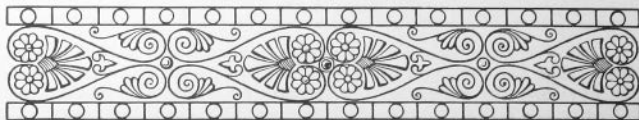
¹ См. стр. 14—15 настоящего издания.

² Об этом подробнее см. в гл. II настоящего издания, раздел о кредите.

лизма свидетельствует рост учредительства в петербургской промышленности акционерных обществ. Если в 1900 г. в промышленности Петербурга насчитывалось 75 акционерных и паевых предприятий, то к 1913 г. число их возросло до 151. Если в 1900 г. на них было занято 39% всех фабрично-заводских рабочих Петербурга, то к 1913 г. — 60%. Удельный вес производительности акционерных предприятий в производительности всех фабрично-заводских предприятий Петербурга с 1900 по 1913 г. возрос от 45 до 74%.

Таким образом, в результате развития петербургской промышленности в 1900—1913 гг., в период империализма, к 1913 г. несколько десятков крупнейших предприятий города, возглавляемых магнатами финансового капитала России, играли решающую роль в промышленности Петербурга.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТРАНСПОРТ, ТОРГОВЛЯ, КРЕДИТ

Положение Петербурга (в конце XIX—начале XX в.), крупнейшего по населению города России и промышленного центра страны, вызывало необходимость обеспечения населения продовольствием, а промышленности — топливом и сырьем, что в свою очередь делало Петербург центром внутренней и внешней торговли страны. Экономические потребности города определяли номенклатуру прибывавших и выбывавших из него грузов.

Из внутренних губерний России и из-за границы прибывали огромные массы продовольствия, сырья, топлива, строительных материалов, машин и различных орудий производства. Вся эта лавина грузов двигалась к Петербургу и из него по реке Неве, по железным дорогам и морскими путями.

В начале XX в. наибольшую цифру подвоза грузов попрежнему давала река Нева.¹ По Неве в Петербург доставлялось около одной трети всех прибывающих грузов. В 1900 г. по Неве в Петербург прибыло около 210,² в 1908 г. — около 240,³ в 1913 г. — около 280 млн пудов различных товаров.⁴

¹ Прибытие в Петербург и выбытие из него товаров «по Неве» — понятие условное. Нева являлась только началом целой водной системы, через которую происходил товарообмен Петербурга с центральными и отчасти даже южными районами России. В эту систему входили река Нева, Ладожское озеро, система Приладожских каналов (Мариянская и др.) и Волга.

² Статистический сборник Министерства путей сообщения, вып. 67. Сведения о движении товаров по внутренним водным путям за 1900 г., СПб., 1902, стр. 11.

³ Там же, вып. 104. Внутренние водные и шоссейные пути в 1908 г., СПб., 1910, стр. 60.

⁴ Там же, вып. 139. Перевозка по внутренним водным путям в 1913 г., Игр., 1917, стр. 31—170.

Невой попрежнему подвозились наиболее громоздкие и сравнительно менее ценные грузы. Из Новгородской и Олонецкой губерний и приладожских районов шли дрова и лесные материалы. Они составляли 75—80% всех прибывавших по Неве грузов. В 1900 г. дров и лесных материалов прибыло 158,9, в 1908 г. — 176,2, в 1913 г. — 208,6 млн пудов.

По Неве в Петербург шли большие партии хлеба. В 1900 г. хлеба прибыло 45,1, а в 1913 г. в связи с увеличением подвоза хлеба по железным дорогам — 29,9 млн пудов. Это был в основном хлеб в зерне — рожь, овес, пшеница. Главными районами, поставлявшими хлеб в Петербург, являлись Поволжье и Прикамье.

Кроме леса и хлеба, составлявших вместе до 95—97% всех прибывавших в Петербург грузов, по Неве также подвозились металлы не в деле, каменный уголь, льянная кудель и пакля. Обращает на себя внимание рост ввоза по Неве донецкого угля, особенно в период промышленного подъема 1909—1913 гг. Если в 1900 г. угля по Неве совсем не подвозилось, то в 1908 г. подвоз составлял уже 9,5 млн пудов, а в 1913 г. — 27,6 млн пудов.

Отправление товаров из Петербурга по Неве было незначительным. В 1900 г. оно составляло только около 2 млн пудов, в 1908 г. возросло до 17 млн пудов, а в 1913 г., увеличившись за годы промышленного подъема более чем в 2 раза, составляло уже 39 млн пудов. Сильный рост вывоза товаров по Неве объясняется увеличением вывоза из Петербурга заграничного каменного угля. В 1900 г. он составлял всего 0,3 млн пудов, в 1908 г. — 9,6 млн пудов, а в 1913 г. — 34,5 млн пудов.

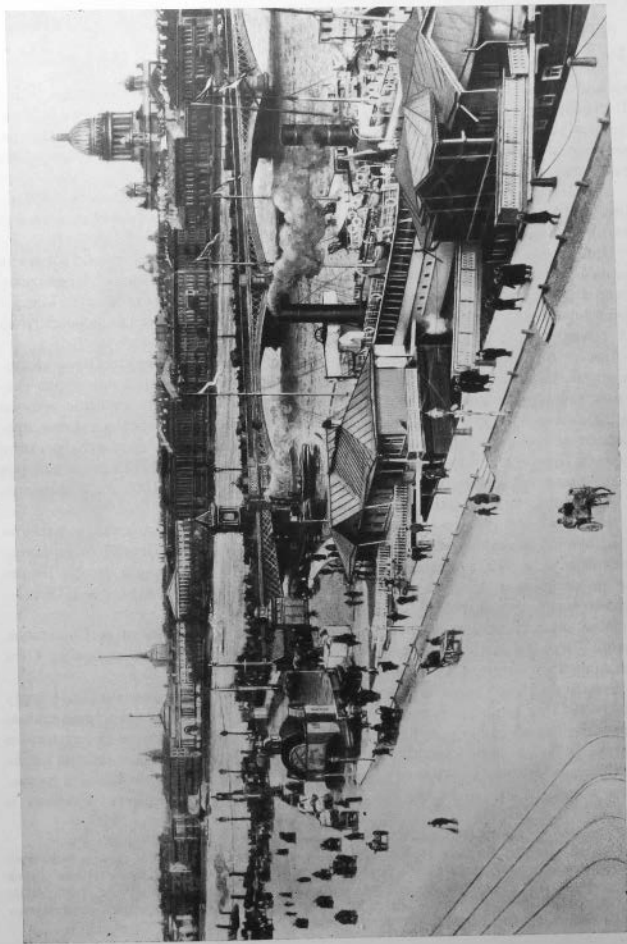
Таким образом, Нева в начале XX в. в экономической жизни Петербурга имела огромное значение. Она являлась началом водной артерии, питавшей Петербург дровами, лесными строительными материалами, хлебом и донецким каменным углем.

Большое место в доставке товаров в Петербург и вывозе их из него занимали железные дороги страны, причем их удельный вес в товарообмене Петербурга в начале XX в. все более увеличивался. В 1900—1913 гг. по железным дорогам в Петербург доставлялось от 30 до 40% и вывозилось от 21 до 42% всех грузов.

Петербург со всей страной связывали Николаевская, Варшавская, Балтийская и Северная (Петербург—Вологда—Вятка) железные дороги. Товарообмен Петербурга с Финляндией происходил по Финляндской ж. д.

Наибольшую роль в товарообмене Петербурга играла Николаевская ж. д. Через нее столица поддерживала связи со всей центральной и восточной частями Европейской России (главным образом через Москву, а отчасти и через Рыбинск, передававший волжские и камские грузы). За 1900—1913 гг. по Николаевской дороге в Петербург прибыло и выбыло из него до 75—85% всех отправляемых по железным дорогам товаров.

Большое значение для Петербурга имела также сеть Северо-Западных железных дорог, которая составила в 1907 г. путем объединения Петербурго-Вар-

Набережная Илья у Николаевского моста. Фотография около 1907 г.

павской ж. д. с Балтийской и Псково-Рижской. По этой сети железных дорог* в Петербург подвозились грузы из Литвы, Белоруссии, Юго-Западного и Привильского краев, Эстонии и северной части Лифляндской губернии. По Северо-Западным железным дорогам Петербург производил оживленный товарообмен с районами, расположенными вдоль линий этих дорог.

По Петербурго-Вятской ж. д., постройка которой закончилась в 1906 г., в Петербург подвозились сельскохозяйственные товары, лес, а из него вывозились промышленные товары.¹

Пригородные районы Петербурга к 1913 г. обслуживались тремя дорогами местного значения: Царскосельской, Приморско-Сестрорецкой и Ириновско-Шлиссельбургской. Две из них — Ириновская, протяженностью 58 км, и Сестрорецкая, протяженностью 43 км, были выстроены в период промышленного подъема 90-х годов.

Вместе с ростом железнодорожной сети увеличивался и грузооборот железных дорог. Если в 1900 г. по железным дорогам было ввезено 180 млн пудов различных товаров, а вывезено около 30 млн пудов, то в 1908 г. их было ввезено уже 200,5 млн пудов, а вывезено 70,4 млн пудов. Особенно резко в связи с промышленным подъемом и сильным ростом населения города возрос ввоз и вывоз товаров в Петербург по железным дорогам в 1909—1913 гг. В 1913 г. всех товаров ввезено было уже 363,8 млн пудов, на 81% больше, чем в 1908 г., а вывезено 150 млн пудов, на 114% больше, чем в 1908 г.²

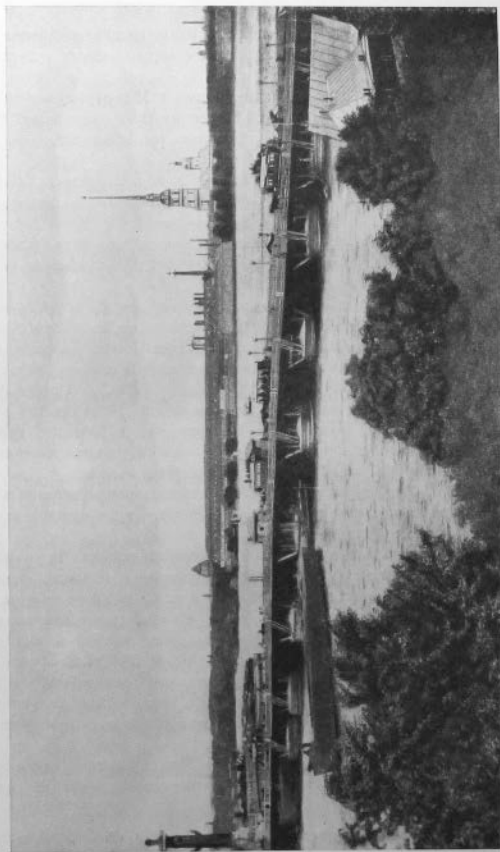
Четвертую часть всего привоза по железным дорогам составляли хлебные грузы, причем основная масса хлебных грузов подвозилась в Петербург по Николаевской ж. д. В 1900 г. главных хлебов (шеницы, ржи, ячменя и овса) в Петербург по железным дорогам было подвезено около 60 млн пудов, в 1908 г. — около 40 млн пудов, в 1913 г. — более 60 млн пудов.

Рожь шла в основном из Рыбинска, пшеница — из Сибири и Поволжья, ячмень — из привильских, северо-западных и прибалтийских районов. Овес доставлялся в основном из Поволжья.

Второе место по удельному весу среди всех товаров, подвозимых к Петербургу в 1900—1913 гг. по железным дорогам, занимали дрова и лесные строительные материалы. На их долю приходилось от 10 до 30% всего подвоза по железным дорогам. В 1900 г. дров и лесных строительных материалов было подвезено около 22 млн пудов, в 1908 г. — около 43 млн пудов, в 1913 г. — около 103 млн пудов. Дрова и лесные строительные материалы прибывали в Петербург в основном

¹ Сведения о железных дорогах за 1910 год. Часть первая. СПб., 1912, стр. 93.

² Данные о ввозе и вывозе из Петербурга товаров по железным дорогам здесь и ниже (уже без ссылки на источник) подсчитаны нами по статистическим сборникам Министерства путей сообщения: вып. 68, Сведения о движении товаров по железным дорогам за 1900 г., СПб., 1902; вып. 105, ч. II, Железные дороги в 1908 г., СПб., 1910; вып. 138, ч. II, Перевозки по железным дорогам в 1913 г., Пгр., 1917.

Вид на Дворцовый мост. Фотография начала XX в.

из близлежащих Псковской и Новгородской губерний, из прибалтийских губерний (по Балтийской дороге) и из близлежащих северо-западных губерний (по линиям Варшавской ж. д.).

Значительным был подвоз по железным дорогам к Петербургу нефти и продуктов из нее (керосина и др.). В 1900 г. он составлял 15 млн пудов, в 1913 г. — 14 млн пудов. Главные партии нефти и продуктов из нее доставлялись из Закавказья через волжские пристани.

В 1900—1913 гг. все более возрастала доставка по железным дорогам в Петербург каменного угля. Если в 1900 г. угля было привезено по железным дорогам 8,6 млн пудов, то в 1913 г. — 12,5 млн пудов.¹

По железным дорогам в Петербург в 1900—1913 гг. доставлялось также значительное количество южнорусского и уральского чугуна, железа и стали не в деле и различных металлических изделий.

Миллионы пудов продовольствия, необходимого для питания населения столицы, также подвозились в Петербург в основном по железным дорогам. Мясной товар (крупный рогатый скот) доставлялся из Поволжья, Сибири и областей средней России, мелкий скот — из близлежащих к Николаевской и Северо-Западной железным дорогам местностей. Рыба привозилась из Царицына, Рыбинска, Уральска, Ревеля. Молочные продукты (масло, сыр) доставлялись в основном из Сибири и Поволжья, Вологодской, Ярославской и Тверской губерний. Большое количество молочных продуктов и продуктов огородничества и садоводства поступало в Петербург из близлежащих губерний гужом.

Большая часть товаров, прибывавших по железным дорогам, оседала в Петербурге, и только часть из них переправлялась за границу, в Финляндию и в близлежащие к Петербургу губернии.

По железным дорогам вывозились главным образом изделия крупной обрабатывающей промышленности (металлические изделия и машины, резиновые изделия, мануфактура, пряжа, табачные изделия и т. д.), а также товары, получаемые из-за границы (металлы, хлопок, вина, сельди, колоннальные товары и различные предметы роскоши). Большое место в вывозе товаров занимал каменный уголь, поступавший в Петербург из-за границы. В 1900 г. из 30 млн пудов вывоза по железным дорогам каменный уголь составлял 9 млн пудов, а в 1913 г. из 150 млн пудов — 45 млн пудов. От 10 до 30% всего вывоза из Петербурга по железным дорогам в 1900—1913 гг. составляли дрова и лесные строительные материалы.

По количеству ввезенных в начале XX в. в Петербург товаров на третьем месте после водных путей сообщения и железных дорог стояла заграничная тор-

¹ Статистический сборник Министерства путей сообщения, вып. 68, Сведения о движении товаров по железным дорогам за 1900 г., стр. 2—3, 58, 100; вып. 105, ч. II, Железные дороги в 1908 г., стр. 35; вып. 138, ч. II, Перевозки по железным дорогам в 1913 г., стр. 40.

Балтийский вокзал. Фотография начала XX в.

говля. Из-за границы Петербург в 1900—1913 гг. получал 25—30% всех ввозимых товаров. Большая часть (до 80%) всех ввозимых из-за границы товаров поступала в Петербург через его торговый порт морем. Остальная незначительная часть товаров пограничной торговле прибывала в Петербург через Петербургскую таможню по Финляндской железной дороге и другие сухопутные таможни.

Петербургский торговый порт, расположенный в узловом пункте указанных выше железных дорог и в конечном пункте целой сети водных путей и каналов, захватывал в отношении тяготения грузов огромный район России: всю Волгу и Сибирь, Пермскую, Вологодскую, Новгородскую, Тверскую, Псковскую и Олонецкую губернии. Находясь в устье Невы, вытекающей из Ладожского озера и впадающей в Финский залив, порт являлся доступным для подхода к нему судов как со стороны залива и моря, так и со стороны Невы, соединяющей порт целой системой Приладожских каналов с Волгой, т. е. со всей центральной Россией. Для подхода к порту морских судов с глубокой осадкой со стороны моря и залива в 1885 г. было закончено прорытие искусственного морского канала от Кронштадта до порта глубиной 28 футов, шириной 30 сажен и длиной 30 км.¹ Со стороны Невы к порту подходили почти исключительно подгрузные суда: барки,

¹ Министерство торговли и промышленности. Описание С.-Петербургского торгового порта. СПб., 1912, стр. 6.

полубарки, коломенки и др., доставлявшие в порт хлеб и лес из Поволжья и центральных губерний России.

В начале XX в. продолжались работы по благоустройству порта. Так, в 1904—1911 гг. только для операций с привозимыми морскими товарами на средства казны со стороны левого берега Невы на всем протяжении соответствующей части Гутуевского острова была сооружена новая, каменная набережная под названием Таможенной набережной. Длина ее составляла 530 сажен, глубина воды у линии причала достигала 28 футов.

Были проведены работы по усовершенствованию хлебо-лесной гавани. В частности, для операций с хлебными грузами были построены элеваторы Общества С.-Петербургских портовых зерноподъемов и складов (на 800 тыс. пудов) и Николаевской ж. д. (на 1600 тыс. пудов).

В 1904 г. на конце Южной дамбы был построен амбар-ледник Биржевого комитета для хранения сибирского масла на 55 тыс. пудов. Для хранения яиц, кож, шерсти, сельдей были выстроены амбары, навесы и склады.¹

В 1910 г. на средства казны была сооружена так называемая Угольная гавань глубиной 28 футов, вместимостью до 30 пароходов для одновременного причала, и т. д.

К 1912 г. длина всей причальной линии Петербургского торгового порта составляла 2966 погонных сажен.²

Навигация в порту продолжалась до 220 дней в год. За период навигации в среднем Петербургско-Кронштадский порт в 1900—1913 гг. посещали более 2000 судов заграничного плавания и около 3500 грузо-пассажирских и грузовых пароходов каботажного плавания. Общий грузооборот Петербургско-Кронштадского порта в 1900—1913 гг. составлял в среднем ежегодно (в основном в зависимости от урожая на хлеб) от 250 до 350 млн пудов различных грузов.³

По данным Департамента таможенных сборов Министерства торговли и промышленности, общая сумма оборотов по внешней торговле России в начале XX в. непрерывно из года в год росла, увеличившись за 1900—1913 гг. с 1342,8 до 2894,1 млн руб., т. е. на 116%.⁴

Петербург занимал во внешней торговле России большое место; на него в 1900—1913 гг. приходилось 10—13% общероссийского оборота по внешней торговле. Общая сумма оборотов Петербурга по внешней торговле с 1900 по 1913 г.

¹ Отчет о деятельности С.-Петербургского торгового порта и портового управления за 1908 год. СПб., 1909, стр. 15—16.

² Описание С.-Петербургского торгового порта, стр. 10, 11, 13.

³ Там же, стр. 1.

⁴ Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1900 г. СПб., 1902, табл. VI и IX; Обзор внешней торговли России... за 1913 год. СПб., 1914, ч. I, табл. IV и VI.

возросла с 236,3 до 422,7 млн руб., т. е. на 83%.¹ Некоторое отставание роста суммы оборотов по внешней торговле Петербурга от роста общероссийских оборотов объясняется быстрым развитием в начале XX в. черноморских портов.

Вывоз товаров из России за границу с 1900 по 1913 г. возрос с 716,4 до 1520 млн руб. Вывозились главным образом сельскохозяйственные продукты: хлеб, овощи, мясо, рыба, масло, яйца и т. д. В 1900 г. продуктов сельского хозяйства из России было вывезено на 393,3 млн руб., в 1913 г. — уже на 839,8 млн руб.

На Петербургский порт и сухопутные таможи в 1900—1913 гг. приходилось от 10 до 15% общероссийского вывоза продуктов сельского хозяйства. Как указывалось выше, в Петербург в 1900 г. по Неве и железным дорогам страны было подвезено около 105 млн пудов хлеба. Из этого количества 66 млн пудов было отправлено за границу и около 40 млн пудов осело в Петербурге. В 1908 г. из внутренних губерний страны по Неве и железным дорогам хлеба поступило 55,5 млн пудов, вывезено за границу 20 млн пудов, на потребление осталось 35 млн пудов. В 1913 г. хлеба было подвезено 95 млн пудов, отправлено за границу 44 млн пудов, на потребление осталось 50 млн пудов. Доля участия Петербурга в общем вывозе хлеба за границу с 1900 по 1913 г. упала с 16 до 7%.

Из других продуктов сельского хозяйства через Петербург в 1900—1913 гг. экспортировались масло (от 20 до 25% общероссийского вывоза) и яйца (от 15 до 17% общероссийского вывоза), доставляемые в Петербург также из внутренних губерний России.

Значительное место в экспорте товаров за границу составляло различное сырье: лесные материалы, семена, лен, пенька, кожи, шерсть и т. д. Вывоз сырья из России за границу возрос с 272,3 млн пудов в 1900 г. до 561 млн пудов в 1913 г. Через Петербург вывозилось от 12 до 20% всех экспортируемых лесных материалов, значительное количество льна, пеньки, кож и т. д. Всего через Петербург в 1900—1913 гг. отправлялось 10—12% экспортируемого из России сырья.

В начале XX в. экспортировалось за границу также некоторое количество промышленных товаров: металлических и деревянных изделий, бумажных тканей, изделий из стекла, канатов и веревок и т. д. Вывоз этой группы товаров с 1900 по 1913 г. возрос с 32,6 до 84,9 млн руб. Через Петербург в этот период отправлялось от 15 до 30% всех экспортируемых металлических изделий, до 50% экспортируемых канатов и веревок, до 20% экспортируемых бумажных тканей. Однако следует отметить, что доля Петербурга в общероссийском вывозе промышленных изделий в начале XX в. все время понижалась, составляя 60% всего вывоза в 1900 г. и только 14% общего вывоза промышленных изделий в 1913 г.

Несмотря на то, что в 1900—1913 гг. удельный вес Петербурга в общероссийском экспорте товаров был довольно значительным, он беспрерывно понижался за

¹ Подробные сведения о странах, с которыми торговала Россия, и в частности Петербург, см. в т. II «Очерков истории Ленинграда».

счет роста удельного веса южных портов. Так, вывоз всех товаров из крупнейших портов России в 1900—1908 гг., например, составлял (в млн пудов):¹

Вывоз	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.
Вывезено из всех портов	611,4	629,4	737,4	893,7	850,1	801,2	728,7	694,5	727,8
Из Петербурга	94,6	93,3	73,5	69,3	81,2	108,1	88,7	87,4	88,7
Из Одессы	53,3	88,2	139,1	155,1	110,9	85,4	107,4	100,0	65,0
Из Николаева	30,0	55,1	85,5	118,5	90,7	99,8	118,7	94,0	76,2

В 1900 г. удельный вес Петербурга в экспорте всех товаров составлял 15%, в 1904 г. он упал до 9%, в 1908 г. поднялся до 12%, но не превышал за весь период 1900—1908 гг. удельного веса 1900 г. В это же самое время удельный вес Одессы, Николаева и других черноморских портов в экспорте всех товаров в начале XX в. продолжал возрастать. Так, если в первой половине XIX в., в 1846—1850 гг., на азово-черноморские порты приходилось всего 33% общероссийского вывоза товаров, то в 1896—1899 гг. — 57,3%, а в 1906—1908 гг. — уже 64%. Вывоз всех товаров через прибалтийские порты — Петербург, Ригу, Либану, Ревель и др. — уменьшился с 60,6% в 1846—1850 гг. до 38,6% в 1896—1899 гг. и до 36% в 1906—1908 гг.² В 1900—1902 гг. через прибалтийские порты экспортировалось 27% всего вывозимого хлеба, в 1906—1908 гг. — только 11%, в том числе удельный вес Петербурга в общем экспорте хлебов с 1900 по 1913 г. упал с 16 до 7%. Удельный вес южных портов в общем экспорте хлебов возрос с 73% в 1900—1902 гг. до 89% в 1906—1908 гг.³

Это резкое перемещение русского экспорта к южным портам сопровождалось большими переделами иностранным пароходствам, так как в начале XX в. только 5% русских товаров, оборачивавшихся в международной морской торговле, перевозилось на русских судах. Только за перевозку хлеба в 1900—1907 гг. за каждый год Россия уплачивала иностранным пароходствам по балтийскому вывозу около 3½ млн руб., а по южному — более 22 млн руб. Кроме того, уменьшалась общая доходность русской железнодорожной сети, так как перевозка грузов, особенно хлебных, составляла к южным портам меньшие пробеги, чем к балтийским.⁴ Поэтому перемещение вывоза к южным портам в начале XX в. вызвало горячее обсуждение в торгово-промышленных кругах России и ожесточенную конкурентную борьбу между торговцами черноморских и прибалтийских портов.

¹ М. Федоров. Конкуренция балтийских и черноморско-азовских портов. СПб., 1909, стр. 11—12.

² Там же, стр. 3.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 4—5.

Иностранный пароход в Петербургском порту. Фотография начала XX в.

Сильно вырос с 1900 по 1913 г. ввоз товаров из-за границы в Россию — с 626,4 до 1374 млн руб. В привозе товаров центральное место занимали топливо и различное сырье — уголь и кокс, металлы не в деле, волокнистые вещества в сыром виде, лесной товар, химические продукты, — составлявшие половину всего импорта. В 1900 г. топлива и сырья в Россию было ввезено на сумму 320,8 млн. руб., в 1913 г. — уже на сумму 668 млн руб., т. е. в два раза больше.

Через Петербургский торговый порт и сухопутные таможи в 1900—1913 гг. поступало 16—17% всего сырья, ввозимого из-за границы в Россию. Более всего из этого вида товаров привозилось в Петербург угля и кокса. В 1900 г. в Петербург было доставлено 7,7 млн пудов угля и кокса из общего количества 34,5 млн пудов, т. е. 25% общерусского привоза, в 1913 г. — 190,7 млн пудов из 533 млн пудов, т. е. 35% общерусского привоза. Почти весь уголь, привозимый в Петербург, потреблялся петербургской промышленностью. Через Петербург из-за границы в 1900—1913 гг. поступало также 32—35% всех металлов не в деле, до 50% всего привозимого в Россию лесного товара (из Финляндии), до 100% всего ввозимого писчебумажного товара (из Финляндии), 16—20% всего ввозимого хлопчатобумажного сырья, до 20% всех ввозимых продуктов химического производства, и т. д.

На втором месте в импорте товаров стояли готовые изделия. Готовых изделий в 1900 г. в Россию было ввезено на сумму 189,9 млн руб., в 1913 г. — на сумму 450,5 млн руб. Это были машины и различные изделия из железа, чугуна и стали,

различные хлопчатобумажные изделия, готовое белье и платье, деревянные изделия, различные предметы роскоши и т. д.

Петербург играл значительную роль и в импорте готовых изделий. Через Петербургский порт в Россию в 1900—1913 гг. поступало 13—17% всех готовых изделий. За указанное время через Петербург было ввезено 18—20% всех металлических изделий, до 20% всех машин из железа, чугуна и стали.

Таким образом, в рассматриваемый период Петербург попрежнему оставался самым крупным импортным портом в России. На всем протяжении своего существования Петербургский порт, в отличие от других портов, больше ввозит, чем вывозит. Напомним, что в 1897 г., например, на Петербург пришлось более половины всех товаров, ввозимых морем во все порты России, а вывоз составлял всего восьмую часть общероссийского морского экспорта. Характерно, что из всего количества отходящих в 1896 г. судов около 33% отправлялись не нагруженными.¹

В начале XX в. через Петербург в Россию шло более пятой части всего импорта. Большая часть ввозимого через Петербург каменного угля и кокса, металлов и металлических изделий, сложных машин, химических и москательных товаров, вин, гастрономических товаров и предметов роскоши оседала в Петербурге.²

Подведем некоторые итоги движения товаров в Петербург и из него по Неве, железным дорогам и морем (заграничная торговля) в 1900 и 1913 гг.:

Способ транспортировки грузов	В 1900 г.					В 1913 г.				
	прибыло		выбыло		осталось в Петербурге	прибыло		выбыло		осталось в Петербурге
	в млн пудов	в %	в млн пудов	в %		в млн пудов	в %	в млн пудов	в %	
По Неве	210,0	38	2,0	2	208,0	280,0	30	39,0	11	241,0
По железным дорогам	180,0	32	30,0	21	150,0	363,8	40	150,0	42	213,8
Морем (заграничная торговля)	166,5	30	107,3	77	59,2	275,1	30	174,1	47	101,0
Итого	556,5	100	139,3	100	417,2	918,9	100	363,1	100	555,8

Как видно из приведенных данных, в 1900 г. основной артерией, питающей Петербург, была Нева, по которой подвозилось до 38% всех грузов. Остальные 60% грузов поровну доставляли железные дороги страны и заграничная торговля.

¹ В. Покровский. Значение Петербурга во внешней торговле России. 1899, стр. 75, 77.

² Все данные о внешней торговле Петербурга за 1900—1913 гг. подсчитаны по ежегодным статистическим обзорам Департамента таможенных сборов Министерства торговли и промышленности: Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1900 год, табл. IV и IX; Обзор внешней торговли России . . . за 1908 год. СПб., 1910, табл. IV и IX; Обзор внешней торговли России. . . за 1913 год, табл. IV и VI.

По выбытию грузов из Петербурга в 1900 г. на первом месте стояла заграничная торговля — 77% всех отправляемых из Петербурга грузов. По железным дорогам в 1900 г. выывал 21% всех отправляемых из Петербурга грузов, а по Неве — всего 2%.

В 1913 г. картина меняется. Основной поток грузов поступал уже не по Неве, как в 1900 г., а по железным дорогам, доставлявшим в Петербург не 32%, как в 1900 г., а 40% всех прибывавших в Петербург грузов. Остальные 60% грузов доставляли поровну Нева и заграничная торговля. В отправлении грузов из Петербурга в 1913 г. попрежнему первое место занимала заграничная торговля. Но доля вывоза товаров из Петербурга по внешней торговле уменьшилась с 77% в 1900 г. до 47% в 1913 г. В то же самое время в 1913 г. в отправлении товаров из Петербурга железные дороги стали занимать большое место, вывози 42% всех товаров, а не 21%, как в 1900 г. Значительно, с 2% в 1900 г. до 11% в 1913 г., возрос вывоз товаров по Неве.

Как видно из данных таблицы, ббльшая часть товаров, прибывавших в Петербург и в 1900 и в 1913 гг., оставалась в Петербурге и потреблялась его населением и промышленностью. В 1900 г. в Петербурге осталось 417,2 млн пудов различных товаров, а в 1913 г. — уже 555,8 млн пудов. Чтобы выяснить, как доходили доставляемые в Петербург товары до их потребителей, необходимо остановиться на основных вопросах торговли в самом Петербурге.¹

* * *

Общий оборот всей торговли Петербурга в начале XX в. составлял 800—900 млн руб., причем торговлей занимались 16—20 тыс. заведений. Крупные оптовые сделки на товары при активном участии банков попрежнему заключались на биржах.

К 1914 г. в Петербурге насчитывалось всего 6 бирж, служивших местом заключения торговых сделок. На Центральной фондовой бирже в основном не столько заключались торговые сделки на товары (на ней заключались в основном крупные оптовые сделки на хлеб), сколько проводилась торговля различными ценными бумагами: облигациями, акциями и т. д. На мясной и скотопромышленной бирже заключались сделки на скот и мясные товары, на Калашниковской хлеб-

¹ При освещении вопросов торговли нами использованы данные статистического отделения канцелярии министра торговли и промышленности, наиболее исчерпывающе освещающие вопрос о торговле Петербурга начала XX в. В основу этих данных положены статистические материалы промыслового обложения, дополненные сведениями относительно необложенных предприятий, кустарных промыслов и ярмарок, и различные неопубликованные материалы Министерства торговли и промышленности (Министерство торговли и промышленности. Торговля и промышленность Европейской России по районам, вып. II. Северо-Западная земледельческая полоса, СПб., стр. 8—13).

ной бирже — сделки на хлеб, на яичной, масляной и курятно-дичной бирже — сделки на масло, яйца, птицу, на фруктовой, чайной и вишней бирже — сделки на фрукты, чай и вино и на лесной бирже — сделки на лес и пиломатериалы.¹

Розничная и мелочная торговля этими товарами производилась в многочисленных магазинах и лавках Петербурга.

Большая часть крупных и благоустроенных магазинов, торговавших наиболее качественными товарами и предметами роскоши, была попрежнему расположена в центральных частях города: на Невском проспекте и Садовой улице Спаской части, в Московской, Литейной, Казанской и Васильевской частях. К разрыву таких магазинов относилось, например, самое знаменитое в начале XX в. торговое место Петербурга — многочисленные магазины Гостиного двора. В начале XX в. Гостиный двор представлял собой целый торговый городок с розничными магазинами по фасадам, с конторами и кладовыми по верхним его галереям и обширными оптовыми складами внутри. По данным на 1917 г., в Гостином дворе было занято по всем четырем линиям — Сукоиной (по Невскому проспекту), Зеркальной (по Садовой), Большой Суrowsкой (по Перинной ул.) и Малой Суrowsкой (по Чернышеву пер.) — 300 торговых помещений, 152 внизу и 148 наверху. Внутри Гостиного двора размещалось до 150 кладовых, контор и складов крупных петербургских и иногородних фирм.²

В районе Большого гостиного двора находились также Перинная линия, помещавшаяся в отдельном длинном здании, идущем от Невского проспекта до Чернышева пер. между Думской улицей и Большим гостиным двором, Банковская линия, также расположенная в особом здании по Чернышеву пер. против Большого гостиного двора, и, наконец, Малый гостиный двор. Малый гостиный двор находился между Думской улицей, Чернышевым пер. и Екатерининским каналом (ныне канал имени Грибоедова). В начале XX в. в 66 номерах Малого гостиного двора торговало до 173 торговцев. Общий оборот всех торговых заведений Большого и Малого гостиных дворов, занимавших площадь до 15 десятин, к 1900 г. составлял до 150 млн руб. в год.³ В Гостином дворе производилась торговля самыми различными товарами. Но, как видно из названий его линий, он являлся в первую очередь крупнейшим в Петербурге местом сосредоточения мануфактурной и галантерейной торговли.

В Гостином дворе своими изделиями торговали все крупнейшие предприятия текстильной промышленности Петербурга и всей России: Нарвская мануфактура (б. Штиглица), Невская ниточная мануфактура, фабрика шерстяных изделий Торнтон, мануфактуры сыроевой Саввы Морозова и т. д. Здесь же вели торговлю

¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 7, л. 217, 1914 г., л. 1.

² Ленинградский гостиный двор, его прошлое и настоящее. Л., 1925, стр. 5.

³ И. Л. Саввин. С.-Петербургский Гостиный двор и его современное значение. СПб., 1898, стр. 17.

Универсальный магазин «Пассаж». Фотография начала XX в.

крупнейшие акционерные общества по торговле мануфактурой. Так, по Суровской линии в нескольких магазинах торговлю мануфактурным товаром вело торговое товарищество «В. А. Таратин» с основным капиталом 1 млн руб., внутри Гостиного двора 123/125 оптовую торговлю вело крупное акционерное общество по торговле мануфактурным товаром под фирмой «Оборот» с основным капиталом 750 тыс. руб., по Банковскому пер. 12 мануфактурным товаром торговало акционерное общество товарищества «М. А. Александров» с основным капиталом 2 млн руб., и т. д.¹ Доходы этих акционерных предприятий от торговли составляли 9—12% основного капитала, а годовые обороты были миллионными.

¹ Все сведения об акционерных обществах в торговле и здесь и ниже взяты из издания отдела торговли Министерства торговли и промышленности: Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях. СПб., 1914.

Против Гостиного двора на Невском проспекте торговлю преимущественно модным готовым женским и мужским бельем и платьем, головными уборами, драгоценными камнями и различными другими предметами роскоши вел Пассаж. К 1913 г. в Пассаже насчитывалось около 60 торговых заведений.

Множество благоустроенных магазинов, торговавших самыми различными товарами, было разбросано по Невскому, Садовой, Гороховой, Б. Морской и другим проспектам и улицам центра города.

В 1900—1913 гг. в России широкое развитие получило кооперативное движение. Второе по размерам потребительское общество в Петербурге — Гвардейское экономическое общество, общий оборот всех магазинов которого в 1907 г. достиг суммы 23 млн руб., а валовая прибыль 0,6 млн руб., — в 1908 г. приступило к постройке на Б. Коюшенной улице (ныне ул. Желябова) своего огромного магазина (ныне Дом Ленинградской торговли).¹

На рабочих окраинах торговля производилась в мелочных лавках, ютившихся в сырых, темных и грязных полуподвальных помещениях. Очень часто в мелочных лавках торговали недоброкачественными товарами.

Например, санитарный врач Петербургского губернского земства по II Петергофскому санитарному участку Петербургского уезда в отчете за 1910 г. писал о результатах обследования торговых заведений следующее: «Крупные магазины содержатся опрятно, довольно просторны, светлы; мелкие же большей частью очень тесны; разные продукты нагромождены друг на друга, керосин, мыло и др. пахучие продукты стоят рядом с молоком, маслом, хлебом и пр. Продукты часто не покрыты, для заворачивания употребляется печатная, писанная и бывшая в употреблении бумага. Что касается качества продуктов, то в больших магазинах, рассчитанных на более состоятельных покупателей, продукты удовлетворительны, тогда как в мелких лавочках, особенно на окраинах, они всегда низкого качества: мясо тощее, залежавшееся, колбаса и селедки низких сортов, попадают испорченные продукты (мясо, селедки, молоко, сметана, фрукты и пр.).»² Только за один 1909 г., например, торгово-санитарными врачами города в мелочных лавках и на рынках в результате медицинского осмотра (а осмотр производился крайне нерегулярно и далеко не во всех торговых заведениях) было изъято до 3277 пудов разных продуктов.³

Большое место во внутригородской торговле Петербурга занимали рынки.

Всего к 1913 г. в Петербурге насчитывалось 20 рынков. Крупнейшими из них являлись 5 рынков, расположенных в Спасской части города по Садовой улице на небольшом расстоянии друг от друга. Самым крупным был Александровский

¹ Вестник финансов, промышленности и торговли, 1908, № 50, стр. 441.

² Отчеты санитарных врачей С.-Петербургского губернского земства за 1910 год. СПб., 1912, стр. 127—128.

³ Статистическое отделение С.-Петербургской городской управы. Предварительный свод статистических данных по г. С.-Петербургу за 1909 год, стр. 36.

Рыночные павильоны на Сенной площади. Фотография 1900-х годов.

новый рынок по Вознесенскому проспекту, в котором имелось около 800 торговых заведений и, кроме того, знаменитые «толкучие» площади. На этом рынке продавались мануфактурные товары и изделия из них, обувь и самые различные предметы домашнего обихода. На втором по размерам торговли рынке в Спасской части, Апраксином, было более 500 торговых заведений, торговавших мануфактурным товаром, различным готовым платьем, головными уборами, мехами, посудой и мебелью, обувью, коврами, кожей, железом и т. д. Из съестных продуктов здесь продавались только фрукты. В Апраксином рынке торговали такие крупные торговые акционерные предприятия с миллионными оборотами, как торгово-про-

мышленное товарищество по торговле мануфактурными товарами Ф. Г. Бажанова и А. П. Чувадиной с основным капиталом 1,5 млн руб., товарищество мануфактурной торговли А. и С. Коровиных с основным капиталом 800 тыс. руб., товарищество братьев Харчевых с основным капиталом 700 тыс. руб. и др. Третьим в Спасской части Петербурга был Марининский рынок, расположенный между Чернышевым пер., Апраксиным двором и Садовой улицей. По его Марининской, Сукопной, Курятной, Запасной, Птичьей, Посудной, Москательной, Холщевой, четырем Фруктовым и другим линиям было расположено более 270 торговых заведений, в том числе 44 торговых заведения занимали знаменитые Марининские склады крупных оптовых торговцев. По Большой фруктовой линии, например, находилось акционерное общество мануфактурных складов крупнейшего в Петербурге акционерного общества текстильных предприятий Воронина, Лютш и Чешер, основной капитал которых достигал 5 млн руб., в новом корпусе рынка располагалось акционерное общество мануфактурной и галантерейной торговли Марининского товарищества с основным капиталом 1,5 млн руб., и т. д.

Торговля продовольственными товарами в Спасской части сосредоточивалась на Сепном рынке, более 350 торговых заведений которого были расположены внутри и снаружи четырех огромных корпусов. Снаружи шла торговля сыром, маслом, фруктами, зеленью, живыми цветами, обувью, галантереей, мануфактурой и посудой, а внутри корпусов — мясными товарами, рыбой, дичью и зеленью.

На Никольском рынке, расположенном между Никольским и Кустарным переулками и Садовой улицей, также в более чем 100 торговых заведениях шла торговля рыбой, мясом, дичью, мукой, яйцами и различными предметами домашнего обихода. Часть зданий рынка была занята складами, в Сельдяном ряду шла торговля сельдями.

Остальные 15 рынков находились в других частях города: Александровский старый рынок в Александро-Невской части, насчитывавший к 1913 г. около 140 торговых заведений, Андреевский рынок в Васильевской части — около 120 торговых заведений, и Сытный рынок в Петербургской части, в 13 корпусах которого разместилось около 120 торговых заведений, торговавших в основном предметами домашнего обихода.

В 1900—1913 гг. в связи с бурным ростом населения города возникло 5 новых рынков. Крупнейшими из них были Петербургский центральный рынок Г. А. Александра на Кронверкском проспекте в Петербургской части, насчитывавший около 180 торговых заведений, и рынок кушца Дерябкина на Малом проспекте Петербургской части, насчитывавший до 150 торговых заведений. Оба рынка торговали как продуктами питания, так и различными товарами первой необходимости.¹

¹ Весь Петербург на 1903 год; Весь Петербург на 1913 год.

В 1900 г. все торговые заведения Петербурга по роду их деятельности делились на следующие большие группы:¹

I. Торговля пищевыми продуктами	10418 заведений с оборотом 455,4 млн руб.		
1. Торговля сельскохозяйственными продуктами (хлеб и т. д.)	923	»	» 166,1 » »
2. Торговля мясными, рыбными и молочными продуктами	2305	»	» 134,5 » »
3. Питейно-трактирная торговля	3364	»	» 89,6 » »
4. Смешанная торговля различными пищевыми продуктами	3826	»	» 65,2 » »
II. Торговля всякой мануфактурой	2350	»	» 152,6 млн руб.
III. Торговля металлами и минеральным топливом	1021	»	» 116,3 » »
IV. Торговля лесом и дровами	286	»	» 24,8 » »
V. Торговля различными промышленными товарами (мебель, посуда, химические товары и т. д.)	1035	»	» 82,3 » »
VI. Посредническая торговля	320	»	» 14,5 » »
Всего во всех группах	15430 заведений с оборотом 845,9 млн руб.		

Ведущую роль в торговле Петербурга и по числу заведений и по сумме торговых оборотов играли предприятия по торговле пищевыми продуктами. Они составляли $\frac{2}{3}$ всех торговых заведений и сосредоточивали более половины торговых оборотов.

На первом месте по величине торговых оборотов стояла торговля продуктами земледелия. Петербург являлся самым крупным рынком по торговле хлебом. Зерном и мукой торговало до 300 предприятий с оборотом 128 млн руб. 9 из них, с оборотом 34 млн руб., вели исключительно заграничную оптовую торговлю, а 65, с оборотом 60 млн руб., — крупную оптовую и распределительную (в губерниях Петербургской, Новгородской и Псковской) торговлю. 40 средних предприятий по торговле хлебом имели оборот 14 млн руб., а остальные 185 мелких — всего 11,5 млн руб. В городе насчитывалось около тысячи булочных и кондитерских с оборотом до 15 млн руб.

Хлебные сделки осуществлялись на общей товарной бирже и на Калашниковской хлебной бирже. На общей бирже, как правило, сделки заключали крупные оптовые торговцы хлебом, а на Калашниковской — преимущественно мелкие торговцы. Ссудными операциями под хлеб в Петербурге в больших размерах зани-

¹ Министерство торговли и промышленности. Торговля и промышленность Европейской России по районам, вып. II. Северо-Западная земледельческая полоса. СПб., стр. 8—13.

мались как Государственный банк, так и все частные акционерные коммерческие банки.¹

Оптовую торговлю льном и пенькой в Петербурге вели 8 предприятий с оборотом 5,6 млн руб., хлопком и колониальными товарами — 8 предприятий с оборотом 12 млн руб., сахаром — 6 крупных складов с оборотом 4 млн руб., табаком — 11 предприятий с оборотом 5,6 млн руб., и т. д.

В Петербурге в начале XX в. насчитывалось до 2305 предприятий с оборотом до 135 млн руб., ведущих торговлю мясом, рыбой и молочными продуктами. Половина из них вела мясную торговлю. 27 предприятий с годовым оборотом 34,6 млн руб. занимались оптовой торговлей, а 462 с общим оборотом 16,5 млн руб. — розничной торговлей мясом. Рыбой торговали 250 предприятий с оборотом 16,2 млн руб., молочными продуктами и яйцами — более 600, с оборотом свыше 17 млн руб., и т. д. Так, в 1901 г. жителями Петербурга было потреблено 4,5 млн пудов мяса и 2,1 млн пудов рыбы.²

В группе заведений, торговавших пищевыми продуктами, насчитывалось более 3 тыс. питейно-трактирных заведений с оборотом около 90 млн руб., из них около 2000 трактиров, 321 казенная винная лавка, множество ресторанов, гостиниц, пивных и чайных. Если гостиницы и рестораны в центральных частях города, обслуживавшие состоятельную публику, находились в более или менее удовлетворительном санитарном состоянии, то постоянные дворы, трактиры и чайные, расположенные в рабочих районах, по своему антисанитарному состоянию являлись, особенно в летнее время, в связи с отсутствием канализации и водопровода, источниками различных инфекций. Как писал в своем отчете санитарный врач Петергофского участка, расположенные на его участке питейно-трактирные заведения «содержатся большей частью довольно грязно: грязные полы, скатерти, полотенца, фартуки у молодых; кухонный инвентарь большей частью старый; съестная выручка содержится неопрятно, продукты не закрыты».³

Съестными припасами торговало около 2 тыс. мелочных лавок, разбросанных по всем частям города, и более 7 тыс. разносчиков с лотков (1903 г.). Этот вид торговли более всего был распространен в фабрично-заводских районах города. «Говоря о продаже съестных припасов, нельзя обойти молчанием продажи их с лотков на улице. Перед Путиловским заводом каждые две недели в дни получения денег устраиваются на протяжении многих улиц целые базары, где можно найти все. . . Торговцы большей частью являются из города и привозят с собой все, что забраковано там. Особенно большие торги бывают перед рождеством и пасхой, и здесь требуется усиленный контроль, так как нередко приходится уничтожать тухлое

¹ П. И. Лященко. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. СПб., 1912, стр. 528—529.

² Статистический ежегодник С.-Петербурга за 1901—1902 гг. СПб., 1905, стр. 154, 162.

³ Отчеты санитарных врачей. . . , стр. 124—125.

Е. Е. Лансере. Дровяные барки у Никольского рынка. Акварель, 1910 г.

мясо, гнилые свиные и телячьи головы и т. п.¹ — писали в своих отчетах санитарные врачи.

По оборотам мануфактурно-галантерейной торговли на первом месте в России стояла Москва. Обороты предприятий Москвы по торговле мануфактурой более чем в два раза превышали обороты петербургских предприятий.

В Петербурге торговлей мануфактурно-галантерейными товарами были заняты 2350 предприятий с 152,6 млн руб. годового оборота. Оборот 15 самых крупных фирм составлял более 31 млн руб. Только готовым платьем торговало более 1000 предприятий с оборотом около 27 млн руб. Мануфактурно-галантерейная торговля производилась главным образом в Гостином дворе, Апраксином, Новом Александровском и Никольском рынках.

Видное место в торговле Петербурга занимала торговля металлами и минеральным топливом. Оптовой торговлей металлами занимались 15 предприятий с оборотом 18,2 млн руб., розничной торговлей — более 550 предприятий с обо-

¹ Отчеты санитарных врачей..., стр. 128.

ротом 21,3 млн руб. Торговлю машинами и различными инструментами вело около 200 заведений с оборотом 22,5 млн руб., и т. д. Торговлей минеральным топливом и строительными материалами занимались 90 предприятий с оборотом более 30 млн руб.

Значительной была торговля лесными материалами и дровами. Так, оборот лесных контор в начале XX в. в Петербурге составлял 18 млн руб. (68 контор), оборот торговли дровами — 4,2 млн руб. (130 предприятий), и т. д.

Большое количество предприятий занималось торговлей мебелью, музыкальными инструментами, часами, золотыми и серебряными изделиями и пр. Таких заведений было 1189 с оборотом 53,3 млн руб.

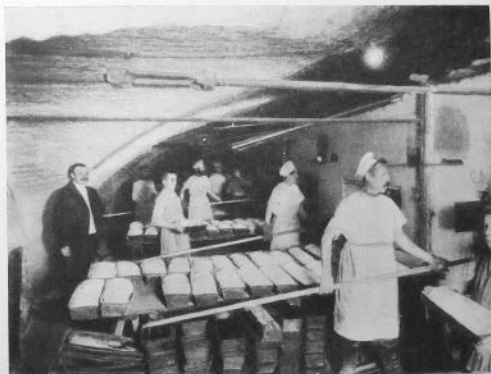
Государственный банк, являвшийся в 1894—1914 гг. крупнейшим коммерческим банком, активно кредитовал торговый оборот страны. В годы кризиса и депрессии кредиты под векселя с 18,1 млн руб. в 1900 г. возросли до 310,2 млн руб. в 1908 г., т. е. более чем в 16 раз, а в 1908—1914 гг. учет векселей составлял почти треть всех активных операций банка.

Петербургские частные акционерные коммерческие банки еще в 1894—1900 гг. третью часть всех своих активных операций проводили по кредитованию торгового оборота. В 1900—1908 гг. статья торгового кредита по сравнению со всеми другими активными операциями у петербургских банков росла наиболее интенсивно. За это время их вексельные и подтоварные операции возросли со 125,2 до 454,1 млн руб., составляя к 1908 г. 45% всех основных активов петербургских банков. С 1908 по 1914 г. все вексельные и подтоварные операции петербургских банков увеличились с 454,1 до 1198,7 млн руб., т. е. в 2,6 раза.

Таким образом, с 1900 по 1914 г. операции по кредитованию торговли у петербургских банков возросли со 125,2 до 1198,7 млн руб., т. е. почти в 10 раз, и составляли к 1914 г. около 40% всех активных операций. Это усиление влияния банков на дела торговли приводило к концентрации торговли в руках крупных торговых компаний, акционерных предприятий, синдикатов по продаже изделий, т. е. тех же банков, руководивших в России деятельностью акционерных предприятий и синдикатов.

Крупнейшие синдикаты России — «Продамет», «Продуголь», «Кровля», «Трубопродажа», «Медь» и синдикаты в табачной, цементной и нефтяной отраслях промышленности — к 1910 г. монополизировали, как уже сообщалось выше, в своих руках от 75 до 100% общероссийского производства и продажи производимых в данной отрасли промышленности товаров. Всего к 1910 г. в России существовало 10 синдикатов по продаже изделий.¹ Петербургская торговля металлами, углем и нефтью отечественного происхождения, цементом и табаком также почти полностью находилась в руках названных синдикатов.

¹ Вестник финансов, промышленности и торговли, 1915, № 32, стр. 247.

Хлебопекарня в Петербурге. Фотография 90-х годов XIX в.

Как в торговле России, так и в торговле Петербурга в 1894—1913 гг. происходил беспрерывный рост акционерных предприятий. К 1913 г. в торговле России насчитывалось уже 216 акционерных предприятий с основным капиталом 227,4 млн руб. В Петербурге к 1894 г. в торговле насчитывалось всего 2 акционерных предприятия, в 1900 г. — 5, в 1908 — 12, а в 1913 г. — уже 33 с основным капиталом 63,2 млн руб.¹ Таким образом, к 1913 г. значительно возросла концентрация и акционирование петербургской торговли. К этому времени число акционерных предприятий в торговле Петербурга составляло почти шестую часть всех акционерных предприятий в торговле России, а их основной капитал — 29% основного капитала акционерных предприятий в торговле России.

Таким образом, Петербург начала XX в. выступает перед нами как крупнейший в России центр торговли продуктами земледелия, животноводства, лесным товаром, минеральным топливом, металлами и металлическими изделиями.

В то же время Петербург являлся крупнейшим в России центром концентрированной и монополизированной финансовым капиталом торговли.

¹ Подсчитано по сборнику сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях. Изд. 2-е, СПб., 1914.

* * *

Исключительно велико в 1893—1914 гг. было значение Петербурга в кредитной системе¹ России. Он являлся главным денежным рынком страны.

В связи с тем, что в рассматриваемый период во всех областях экономической жизни произошли значительные сдвиги, выросла и мощь кредитной системы. С 1893 по 1914 г. основные источники образования средств кредитной системы (основные пассивы — капиталы, вклады и текущие счета, «корреспонденты») возросли с 1383,5 до 6918,9 млн руб., т. е. в 5 раз. За это же время использование кредитной системой предоставленных ей средств (основные активы — все учетно-ссудные операции, собственные ценные бумаги и вложения в эмиссионные операции с ценными бумагами) возросло с 1106,1 до 7203 млн руб., т. е. в 6¹/₂ раз.²

Главную роль в кредитной системе России играли кредитные учреждения Петербурга. К 1908 г., например, удельный вес петербургских банков в сводном балансе всех акционерных банков России достиг 56—58%.

Центральным банком кредитной системы России являлся Государственный банк. Так как и в период империализма Министерство финансов являлось попрежнему главным орудием проведения экономической политики царизма, в деятельности Государственного банка, являвшегося по существу департаментом Министерства финансов, ярко отражалась система военно-феодалного империализма царской России. В этот период кредитная политика царизма в значительной мере была направлена на обеспечение максимальных прибылей крупнейшим монополиям.

Государственный банк являлся центральным эмиссионным банком страны. Но не банкнотная эмиссия и не накопления развивавшегося капиталистического хозяйства России были основными источниками образования средств Государственного банка. Уже с конца XIX в. в своих активных операциях Государственный банк оперировал главным образом накоплением «свободной наличности» Государственного казначейства.³

¹ Сеть кредитных учреждений России состояла из коммерческих банков (Государственный банк, частные акционерные коммерческие банки, общества взаимного кредита и городские банки), земельных банков (государственные Дворянский и Крестьянский поземельные банки, акционерные земельные банки и городские кредитные общества), учреждений мелкого кредита (кредитная кооперация), сберкасс и ломбардов.

Мы остановимся только на деятельности Государственного банка и акционерных коммерческих банков, игравших решающую роль в кредитовании промышленности и торговли. Деятельность других из названных кредитных учреждений для экономики Петербурга не была столь характерной.

² И. Ф. Ги и др. Русские коммерческие банки, М., 1948, табл. 4, стр. 69; табл. 17, стр. 203. В других местах раздела о кредите цифры без ссылки на источник заимствованы из этой же книги.

³ Ко времени проведения денежной реформы 1894 г. впервые в истории России государственный бюджет стал бездефицитным и царское самодержавие стало создавать за счет превы-

Разносная торговля на Марсовом поле. Фотография начала XX в.

В начале XX в. собственный капитал Государственного банка достигал 55 млн руб. Все средства банка с 1893 по 1914 г. возросли с 455,7 до 1283,2 млн руб., т. е. примерно в 3 раза, причем средства Государственного казначейства в ресурсах банка в 1893 г. составляли 44%,¹ а к 1914 г. — уже около 70%.²

До промышленного подъема 90-х годов Министерство финансов отвлекало большую часть средств банка от кредитования промышленности и торговли. Более половины средств Государственного банка направлялось на финансирование казны и помещиков. Только в 1886 г. была закончена ликвидация старых казенных банков, а полная ликвидация казенного долга банку наступила только в 1901 г.³

шения доходов над расходами огромный денежный резерв, «свободную наличность». Как указывал В. И. Ленин в 1912 г., действительным источником «свободной наличности» являлись не прочь государственный бюджета и великоленные результаты государственного хозяйства, а миллионные заграничные займы и увеличение налогов (Сочинения, т. 18, стр. 563—564).

¹ И. Ф. Г и д и н, ук. соч., стр. 69. Из 455,7 млн руб. основных пассивов Государственного банка счета Государственного казначейства и сберкасс составляли к 1893 г. 200,1 млн руб.

² Банковая энциклопедия, т. I. Киев, 1914, стр. 298.

³ Там же, стр. 290—291.

В 1894 г., с началом проведения денежной реформы, устав Государственного банка был пересмотрен. По новому уставу банк получил право оказания долгосрочных промышленных ссуд на пополнение оборотных средств предприятий, т. е. мог в еще больших размерах, чем до 1894 г., кредитовать промышленность и торговлю. Согласно новому уставу, Государственный банк становился чисто коммерческим банком.

Проведение денежной реформы в России было мероприятием экономической политики царизма, более всего соответствовавшим интересам промышленной буржуазии.

Кризис 1900—1903 гг. тяжело отразился на делах многочисленных промышленных предприятий и частных акционерных коммерческих банков. Курсы их акций резко упали в цене. Все акционерные коммерческие банки сократили свои операции по кредитованию промышленности. Поэтому Государственный банк в годы кризиса резко увеличил кредитование торгово-промышленного оборота страны. Учетно-ссудные операции банка с 1 января 1899 г. до 1 января 1902 г. возросли с 275 до 561 млн руб. Например, только петербургская, в основном металлообрабатывающая, промышленность получила от Государственного банка в 1899 г. около 70 млн руб., а в 1900 г. — около 54 млн руб. кредитов.¹

Министерство финансов в широких размерах пришло в годы кризиса на помощь крупнейшим, главным образом промышленным предприятиям страны путем выдачи им невиданных в истории других капиталистических стран «неуставных ссуд».

В. И. Ленин называл эту практику неуставных ссуд ярким примером классово направленной экономической политики самодержавия. Неуставные ссуды выдавались из средств Государственного банка в нарушение его устава, по представлению Министерства финансов и «высочайшему повелению» царя. В отчетах Государственного банка размеры неуставных ссуд были скрыты — показывались в составе «уставных операций», поэтому их размеры установить трудно. Как указывал В. И. Ленин, «в перечне государственных расходов вы напрасно стали бы искать хоть какого-либо указания на то, сколько миллионов и десятков миллионов бросила казна на прямую и косвенную поддержку „страдающих“ от кризиса промышленных предприятий».² Исследователи этого вопроса определяют общую сумму убытков Государственного банка от неуставных ссуд в размерах, достигавших более 100 млн руб.³

В период кризиса царское самодержавие через Министерство финансов оказывало широкую помощь и брало под свое покровительство не только промышлен-

¹ Вестник финансов, промышленности и торговли, 1901, № 45, стр. 250—251.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 307.

³ И. Ф. Гвицдин. Неуставные ссуды Государственного банка и экономическая политика царского правительства. Исторические записки, 1950, № 35, стр. 122.

У Фондовой биржи. Фотография начала XX в.

ные предприятия, но и акционерные коммерческие банки. Помощь правительства выражалась не в форме неуставных ссуд Государственного банка,¹ а в росте кредитов частным банкам, продлений сроков переучета векселей и т. д. В годы кризиса впервые был организован синдикат частных банков, так называемый «биржевой красный крест», целью которого было поддержать падавшие в цене курсы бумаг. Оборотный капитал для синдиката в размере 5,5 млн руб. был выделен Государственным банком.²

Изучение материалов о широких размерах помощи со стороны царского самодержавия в период кризиса крупнейшим представителям промышленного и банковского капитала проливает яркий свет на уже намечившуюся в начале XX в. и получившую полное развитие в 1909—1913 гг. и в годы войны личную унию

¹ Известен только один случай неуставной ссуды для банков — ссуда банкам Л. С. Полякова (И. Ф. Гиндиц. Неуставные ссуды. . . , стр. 117—121).

² И. Ф. Гиндиц. Русские коммерческие банки, стр. 116.

высших царских чиновников с крупнейшими промышленниками и банковскими дельцами.

С началом русско-японской войны кредитная система страны испытала серьезные потрясения. Повысился учетный процент, сократились кредитные операции банков. Золотой запас Государственного банка значительно уменьшился. В 1905—1906 гг., накануне получения займа из Франции, Государственный банк был под угрозой прекращения размена кредитных билетов на золото.

Только в 1907 г. вклады и вексельные кредиты достигли уровня 1903 г., а оживление биржи наступило через 2 года, в 1909 г.

Государственный банк в 1893—1913 гг. в самых широких размерах осуществлял кредитование торгово-промышленного оборота страны, неизменно проводя 17—19% активных операций всей кредитной системы России. За этот период активные операции банка возросли с 213,6 до 1179,4 млн руб., т. е. более чем в 5 раз.

В конце XIX—начале XX в. над всеми другими активными операциями банка преобладал учет векселей, т. е. кредитование торговли и отчасти промышленности. В 1893 г. учет векселей занимал около половины всех активных операций банка. К 1 января 1914 г. удельный вес учета векселей в активных операциях банка значительно снизился за счет роста операций с ценными бумагами, составляя около 35% всех активных операций банка.

Особенно сильно с конца XIX в. росли товарные ссуды Государственного банка, направленные на кредитование хлебной торговли. В целях упорядочения внешней и внутренней торговли хлебом в октябре 1910 г. Совет Государственного банка решил соорудить ряд банковских зернохранилищ. В декабре 1910 г. при центральном управлении Государственного банка было создано особое совещание управляющих местными отделами банка. В результате работы этого совещания и совещаний на местах было решено в восьми наиболее хлебородных юго-восточных губерниях построить первоначально 97 зернохранилищ вместимостью 42,5 млн пудов и во вторую очередь 34 зернохранилища вместимостью 5,57 млн пудов.¹ Не удовлетворяясь размерами деятельности своих отделений в проведении хлебных операций, банк прибегает к посредничеству железных дорог, частных банков, земских учреждений.² Подтоварные кредиты Государственного банка (преимущественно кредиты под хлеб) только с 1908 по 1914 г. возросли с 58 до 159,9 млн руб., т. е. почти в 3 раза.

На 1 января 1909 г. всего на кредитование различных торговых предприятий Государственным банком было открыто кредитов под векселя 250 млн. руб. Из них 37 млн руб. приходилось на долю хлебной торговли, 26 млн руб. — на долю мануфактурной торговли, 25,4 млн руб. — на долю лесной торговли, и т. д.³

¹ ЦГИАЛ, ф. 23 Министерства торговли и промышленности, оп. 9, д. 237, 1911—1912 гг., лл. 10, 10 об., 11. На деле построено гораздо меньше.

² Банковая энциклопедия, т. 1, стр. 319.

³ Государственный банк. Краткий отчет деятельности за 1860—1910 годы, стр. 43.

В больших размерах Государственный банк кредитовал также русскую промышленность, особенно текстильную, сахарную и металлообрабатывающую. На 1 января 1909 г. Государственным банком было открыто кредитов промышленности 282 млн руб., в том числе на долю текстильной промышленности приходилось 98,7 млн руб., на долю сахарной — 40,2 млн руб., на долю металлообрабатывающей — 31 млн руб., и т. д.¹

Наиболее интенсивно Государственный банк кредитовал промышленные и торговые заведения столичного района (Петербург и Москва), привислинского района, юго-западного и белорусского. На эти районы на 1 января 1909 г. приходилось 54% всех торгово-промышленных кредитов банка.²

Но в то же самое время Государственный банк широко кредитовал торговлю и промышленность самых далеких уголков России. Он имел разветвленную сеть отделений по всей стране. С 1893 по 1914 г. их число возросло с 90 до 136. Поэтому своими кредитами Государственный банк проникал в такие далекие уголки страны, где не работали акционерные коммерческие банки. Так, в 1914 г. на центральное отделение банка в Петербурге приходилось только 8% всего учета против 20% в 1893 г. и 35% всех ссудных операций против 50% в 1893 г.

Таким образом, в 1893—1914 гг. Государственный банк в противоположность центральным банкам Англии, Франции и Германии являлся крупнейшим коммерческим банком страны и в широких размерах проводил кредитование торгово-промышленного оборота.

Вместе с тем в рассматриваемый период, особенно в 1909—1913 гг., Государственный банк все более становился «банком банков», переходя от непосредственного кредитования промышленности и торговли к кредитованию различных кредитных учреждений, в первую очередь акционерных коммерческих банков. В 1900 г. число кредитруемых Государственным банком частных кредитных учреждений составляло 342, а к 1909 г. оно возросло до 641.³

В 1893 г. кредиты Государственного банка банкам составляли только 7,8% всех учетно-ссудных операций, а к 1914 г. они возросли до 42,5%.

Большое место во всей кредитной системе страны и Петербурга в начале XX в. занимали петербургские акционерные коммерческие банки. Так как Министерство финансов строго ограничивало численность возникавших в России частных акционерных банков, число их и в Петербурге было невелико. С 1893 по 1914 г. общее количество акционерных коммерческих банков возросло с 10 до 12, но зато число их отделений, разбросанных по всей стране, за этот же период увеличилось с 10 до 527, причем почти 80% отделений приходилось на 5 крупнейших коммер-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же, стр. 54. Наибольшие суммы доставались крупнейшим акционерным банкам.

ческих банков Петербурга.¹ Этот бурный рост отделений свидетельствовал о все большем проникновении в 1893—1914 гг. банковского капитала в самую гущу не только столичного, но и провинциального торгово-промышленного оборота России и об интенсивном процессе сращивания промышленного и торгового капиталов страны с банковскими капиталами.

С 1893 по 1914 г. собственные капиталы частных акционерных коммерческих банков Петербурга (без Волжско-Камского) возросли с 66,3 до 506,8 млн руб.

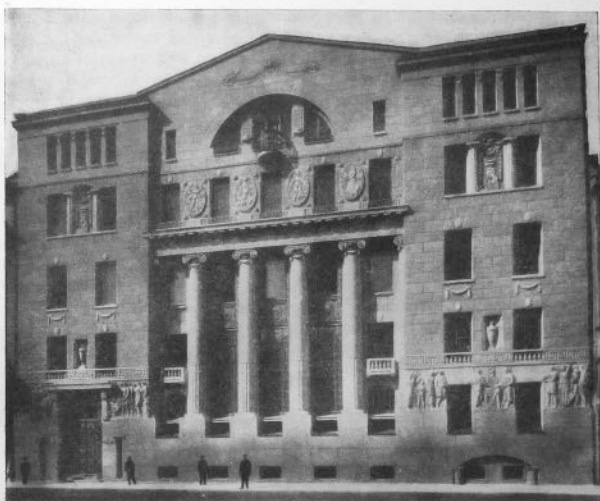
Все средства частных коммерческих банков Петербурга (основные пассивы), которыми они могли располагать при проведении различных коммерческих операций, за указанное время возросли с 215 до 2994,3 млн руб. в результате привлечения большого количества вкладов и текущих счетов.

Основные активные операции акционерных коммерческих банков Петербурга по размещению и использованию предоставленных им средств с 1893 по 1914 г. возросли в еще большей степени — с 230,3 до 3 156,6 млн руб.

Характерной для XX в. является также высокая концентрация банковского дела в России. В этот период из всей массы акционерных коммерческих банков (их было 50) выделилось 5 крупнейших, которые к началу первой мировой войны концентрировали половину всех средств акционерных коммерческих банков и половину всех операций по размещению и использованию этих средств. Все эти 5 крупнейших банков находились в Петербурге и являлись в сущности мощными монополистическими организациями.

К 1914 г. самым крупным из акционерных коммерческих банков Петербурга и всей страны являлся Русско-Азиатский банк, созданный в 1910 г. в Петербурге путем слияния Русско-Китайского и Северного банков. За четыре года капитал банка удвоился, достигнув к 1914 г. 78 млн руб. К этому времени банк имел 102 филиала, 629 млн руб. всех средств и 672 млн руб. различных активных операций, что составляло $\frac{1}{5}$ средств и операций по их размещению всех коммерческих банков Петербурга. Руководил деятельностью банка А. И. Путилов, бывший директор общей канцелярии Министерства финансов и во всех своих начинаниях находил у него самую горячую поддержку. Ведущее место в операциях банка занимало финансирование военной, нефтяной и табачной промышленности. В военной промышленности банк работал в тесном контакте с французской и английской военными фирмами Шнейдер—Крезе и Виккерс, а в нефтяной возглавлял, в тесном контакте с английским финансовым капиталом, работу семи крупных бан-

¹ В число этих банков не входит Волжско-Камский банк. В дальнейшей характеристике деятельности коммерческих банков Петербурга все данные приводятся без учета операций Волжско-Камского банка. В течение всего рассматриваемого периода по характеру своих операций среди всех коммерческих банков Петербурга он стоял особняком. Волжско-Камский банк мало занимался финансированием промышленности, учредительством и биржевыми операциями.

Здание Азовско-Донского банка на Большой Морской, ныне ул. Герцена. Архитектор Лидваль. 1909 г.

ков и крупнейших нефтяных «королей» страны по организации в России нефтяного концерна. В табачной промышленности банк при участии Международного банка организовал в России табачный синдикат. Число предприятий, финансируемых банком в этих отраслях промышленности, достигало нескольких десятков. Большое место в операциях Русско-Азиатского банка занимали также различные спекулятивные финансовые комбинации.

Вторым крупнейшим банком страны к 1914 г. был Петербургский международный коммерческий банк. Руководил им А. И. Вышнеградский, сын бывшего министра финансов И. А. Вышнеградского, занимавший до прихода на пост директора банка в Министерстве финансов место помощника директора кредитной канцелярии.¹ Международный банк, как и Русско-Азиатский, был особенно близок

¹ В. И. Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» приводит определение кредитной канцелярии Министерства финансов писателем-экономистом Е. Агадом:

к Министерству финансов и пользовался его широким покровительством. В 1910 г. собственные капиталы банка составляли 36 млн руб., а к началу 1914 г. — уже 79 млн руб. Все средства банка к 1914 г. равнялись 462 млн руб., а основные активные операции — 488 млн руб., что составляло 14% средств и активных операций всех коммерческих банков Петербурга. Вместе с Русско-Азиатским банком Петербургский международный банк «участвовал» в нефтяном концерне и табачном синдикате и, кроме того, финансировал еще около 50 различных промышленных предприятий страны. Особенно излюбленными отраслями промышленности, финансируемыми банком, были судостроительная, машиностроительная и золотопромышленная.

Много общего по характеру деятельности с Петербургским международным коммерческим банком имел Азовско-Донской. Он был в 1903 г. переведен из Таганрога в Петербург. К 1914 г. он имел 92 млн руб. собственных капиталов, обладал 73 филиалами. К этому же времени Азовско-Донской банк имел 388 млн руб. всех средств и 398 млн руб. основных активов, что составляло 11% основных пассивов и основных активов всех частных коммерческих банков Петербурга. Банк финансировал синдикат «Продамет», крупные металлургические заводы юга и Урала, 8 предприятий цементной и стекольной промышленности, 6 предприятий угольной промышленности, и т. д.

Третьим по размерам операций, но четвертым по своему общему значению в финансово-капиталистических отношениях страны был основанный в 1871 г. в Петербурге Русский для Внешней торговли банк. К 1914 г. он имел 76 филиалов, 67 млн руб. своих капиталов, 401 млн руб. основных пассивов и 431 млн руб. основных активов, что составляло 12% основных пассивов и основных активов всех частных коммерческих банков Петербурга. Банк финансировал крупнейшие сахарные заводы страны, дававшие 30% всего производства сахара, и еще 10 различных промышленных и непромышленных акционерных предприятий страны. В более значительных размерах банк финансировал торговые предприятия и обороты страны.

Пятым крупнейшим банком страны был Русский Торгово-промышленный банк. Он обладал собственным капиталом 44 млн руб., имел самое большое число филиалов по всей стране (111) и по направлению своих операций походил на Русский для Внешней торговли банк. Основные активы банка составляли 376 млн руб., т. е. 11% активов всех коммерческих банков Петербурга, основные пассивы — 364 млн руб., т. е. также 11% пассивов всех коммерческих банков Петербурга. Банк финансировал несколько крупнейших сахарных заводов страны, дававших до 20% всего производства сахара, и целый ряд металлургических, машинострои-

«Кредитная канцелярия есть учреждение, задачей которого является „объединение деятельности всех кредитных учреждений государства“ и которое оказывает субсидии столичным банкам на сумму до 800—1000 миллионов рублей» (Сочинения, т. 22, стр. 226).

*Фасад здания Петербургского частного коммерческого банка, Nevский проспект, дом № 1.
Фотография 1910 г.*

тельных, цементных и других предприятий, но, подобно Русскому для Внешней торговли банку, без определяющего влияния на целые отрасли. Активное участие банк принимал в финансировании торговли страны.¹

Остальные 8 петербургских коммерческих банков в системе финансово-капиталистических отношений России не имели такого решающего значения, как 5 вышеуказанных банков. На них всех вместе оставалось только 34% всех капиталов петербургских акционерных банков, 33% их основных пассивов и активов.

Кроме того, в своих операциях они были лишены той самостоятельности, с которой действовали особенно три из первых пяти вышеуказанных банков. Даже самые крупные из оставшихся восьми банков, как, например, Сибирский торговый банк, участвовали в финансировании, проводимых Русско-Азиатским, Международным или Азовско-Донским банками. Петербургские Учетный и ссудный и Частный коммерческий банки к 1914 г. все еще выступали как «деловые» банки конца XIX в., а в своих финансовых операциях первый из них являлся младшим партнером Международного банка и частично Русско-Азиатского, а второй — младшим партнером Русско-Азиатского банка. К тому же из 526 про-

¹ Сведения о названных банках заимствованы из X главы книги И. Ф. Гиндина «Русские коммерческие банки» (М., 1948).

винциальных и заграничных отделений на долю первых пяти приходилось 418, а на долю остальных восьми — только 108 отделений.

Более мелкие акционерные банки Петербурга, как и провинциальные банки России, были оттеснены на второй план крупными банковскими монополиями и не только оттеснены, а и подчинены им, как петербургские, или поглощены ими, как провинциальные банки. В. И. Ленин указывал: «Крупные предприятия, банки в особенности, не только прямо поглощают мелкие, но и „присоединяют“ их к себе, подчиняют их, включают в „свою“ группу, в свой „концерн“ — так гласит технический термин — посредством „участия“ в их капитале, посредством спекули или обмена акций, системы долговых отношений и т. п. и т. д.»¹

С вступлением России в стадию империализма изменился характер деятельности частных коммерческих банков.

Если в конце XIX в., несмотря на значительный рост собственных капиталов и увеличение размеров операций, петербургские акционерные коммерческие банки слабо кредитовали торговлю и промышленность страны, а занимались в основном спекулятивными операциями ценными бумагами, в XX в., особенно в 1909—1913 гг., деятельность банков приобретает универсальный характер. Петербургские банки в начале XX в. широко встали в торговый оборот страны и начали широко участвовать в товарно-комиссионных операциях и товарной спекуляции. Так, если на 1 января 1900 г. из всех активных операций частных коммерческих банков Петербурга операции по кредитованию торговли занимали 125,2 млн руб., т. е. около 27% всех активов, то к 1 января 1914 г. они уже занимали 1198,7 млн руб. из 3156,6 млн руб., т. е. 38% всех активных операций по использованию накопленных средств.

Находясь в финансовом и эмиссионном центре страны, петербургские коммерческие банки продолжали проводить различные финансовые операции с ценными гарантированными бумагами (займами, облигациями и т. д.).

К концу рассматриваемого периода ведущую роль среди активных операций частных коммерческих банков Петербурга играли операции по финансированию промышленности. С 1900 по 1914 г. они возросли со 176,3 до 1225,9 млн руб. (в 7 раз) и в 1914 г. составляли 39% всех активных операций указанных банков.

Из всех операций банков наибольший интерес представляют операции по финансированию промышленности, так как их непосредственным результатом явилось сращивание банковского капитала с промышленным и образование финансового капитала, занявшего в экономике России в начале XX в. господствующее положение. Важнейшую роль в этом процессе играли петербургские коммерческие банки.

Учредительство русскими коммерческими банками акционерных обществ в промышленности впервые получило значительное распространение в период

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 22, стр. 200.

промышленного подъема 90-х годов. Особенно большую роль в этом учредительстве играли крупнейшие частные коммерческие банки Петербурга. Так, например, в 90-е годы капиталы Петербургского международного банка в размере 14 млн руб. прочно увязли в пяти крупных промышленных акционерных обществах России: Никополь-Мариупольском металлургическом, Тульских меднопрокатных заводов, Российском золотопромышленном и др. Сравнивая капиталы этих пяти обществ и их размеры задолженности банку, можно определить, что эти общества фактически являлись собственностью Международного банка. В портфеле банка к этому времени находились также акции и облигации и других акционерных обществ.¹

Русский Торгово-промышленный банк финансировал Восточное общество товарных складов, Волжский стальной завод, Инзерское горнозаводское общество, Глухоозерское общество и др. Задолженность этих обществ банку превышала 14 млн руб.² Все другие частные акционерные коммерческие банки Петербурга, особенно Учетный и ссудный и Русский для Внешней торговли, также участвовали в 90-х годах в учредительстве и финансировании акционерных промышленных предприятий России.

Результатом этих операций банков явилось сращивание капиталов банков и промышленных обществ. Так, к 1898 г. в портфеле Международного банка ценные бумаги промышленных предприятий составляли 25,5% всех ценных бумаг, в портфеле Учетного и ссудного — 24,3%, в портфеле Торгово-промышленного — 53,3%, в портфеле Частного коммерческого — 62,2%.³

Однако в период промышленного подъема 90-х годов процесс сращивания банкового и промышленного капиталов только еще наметился. Указанные выше связи банков с промышленными предприятиями были непрочны и большей частью с наступлением кризиса 1900—1903 гг. оборвались.

В эти годы кризиса акционерные коммерческие банки Петербурга почти совершенно прекратили финансирование промышленных предприятий. Но несмотря на это многим банкам в 1900—1903 гг. не удалось высвободить средства, вложенные в промышленность в 1893—1899 гг. Банки были вынуждены и далее финансировать эти предприятия и, получая от финансируемых предприятий после их «оздоровления» значительные доходы, прочно «сращивались» с ними. «Сращивания», сохранившиеся в 1900—1903 гг., приобрели прочный характер. Мало того, крупнейшие петербургские частные коммерческие банки в годы кризиса в союзе с иностранным финансовым капиталом приняли активное участие в организации синдикатов в России.

В период нового промышленного подъема 1909—1913 гг. акционерные коммерческие банки Петербурга стали широко финансировать промышленные синдикаты и акционерные предприятия страны. Рассмотрим, как происходил этот

¹ И. Ф. Г и н д и н. Банки и промышленность в России до 1917 г. М.—Л., 1927, стр. 48.

² И. И. Л е в и н. Акционерные коммерческие банки в России, т. I, Пгр., 1917, стр. 269.

³ П. И. Л я щ е н к о. История народного хозяйства СССР, т. II. Изд. 3-е, 1952, стр. 372.

процесс финансирования акционерными коммерческими банками Петербурга акционерных предприятий петербургской промышленности.

Процесс концентрации предприятий, их акционирование, т. е. образование из «единоличных» предприятий акционерных обществ, происходил в Петербурге, как и по всей России, при сильном влиянии на эти процессы русского банкового капитала, резко усилившемся в 1909—1913 гг.

В результате этого к 1914 г. почти все крупные и крупнейшие предприятия ведущих отраслей промышленности Петербурга являлись или частью крупнейших синдикатских и других монополистических объединений России или были связаны с крупнейшими акционерными банками. К 1914 г. финансовый капитал в петербургской промышленности приобрел те формы, на которые указывал В. И. Ленин: «...финансовый капитал есть банковый капитал монополистически-немногих крупнейших банков, слившийся с капиталом монополистических союзов промышленников».¹

К 1914 г. сращивание крупнейших банковских монополий с крупнейшими промышленными предприятиями Петербурга представляло собой следующую картину:

Группы производств	Всего акционерных и паевых предприятий в группе ²	Из них финансируемых банками	Число финансируемых банками предприятий ³						Продукция финансируемых банками предприятий (в млн. руб.) ³	Удельный вес продукции финансируемых банками предприятий в производственной всей группе (в %)
			Русско-Азиатский	Петербургский междунациональный	Азовско-Донской	Русский Торгово-промышленный	Петербургский учетный и ссудный	Петербургский частный коммерческий		
Металлообрабатывающая и машиностроительная . . .	42	21	7	4	2	1	6	1	134,8	64
Стекольное, цементное и кирпичное производство . . .	12	5	—	1	1	1	—	2	20,2	83
Резиновое производство . . .	1	1	—	—	—	—	1	—	73,0	100
Химическое производство . . .	14	1	—	—	1	—	—	—	2,1	5
Пищевая промышленность	25	5	5	—	—	—	—	—	24,7	30
Обработка животных продуктов	9	2	—	—	1	—	—	1	5,0	13
Текстильное производство	23	2	—	—	—	—	—	2	11,2	10
Производство бумажное и полиграфическое	17	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Деревообделочная промышленность	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	151	37	12	5	5	2	7	6	271,0	

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 22, стр. 253.

² Сведения о финансировании акционерных предприятий банками составлены по материалам III главы работы И. Ф. Гиндина «Банки и промышленность в России до 1917 г.» (М.—Л., 1927).

³ Число акционерных и паевых предприятий в группе и данные о продукции финансируемых банками предприятий подсчитаны нами по справочнику Д. П. Кандаурова «Фабрично-заводские предприятия Российской империи» (изд. 2-е, Пгр., 1914).

Как видно из приведенных в таблице данных, к 1914 г. 37 крупнейших по концентрации производства акционерных предприятий Петербурга, продукция которых составляла 41% продукции всей петербургской промышленности, были тесно связаны с крупнейшими банковскими монополиями. В действительности сращивание промышленного капитала с банковым в Петербурге приняло еще более широкие размеры, так как многие акционерные предприятия Петербурга, не вошедшие в наши подсчеты, финансировались непосредственно иностранными банками.

В Петербурге, как и по всей России, тяжелая промышленность являлась сферой наиболее полного господства финансового капитала. Из 42 акционерных предприятий металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности Петербурга к 1914 г. 21 предприятие было тесно связано с банками. Это были наиболее крупные предприятия металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности, производившие более половины (64%) продукции предприятий этой группы.

Русско-Азиатский банк совместно с французскими военными фирмами (во главе с фирмой Шнейдер — Крезю) и при участии Международного банка с 1913 г. финансировал крупнейшее предприятие Петербурга — общество Путиловских заводов. В 1913 г. Русско-Азиатский банк продал Путиловскому заводу акционерное общество Невского судостроительного завода и после этой операции участвовал и в его финансировании.¹ Русско-Азиатский банк финансировал также акционерное общество для изготовления сварядов и военных припасов, акционерное общество трубпрокатных заводов Барановского, акционерное общество заводов пневматических машин, акционерное общество машиностроительного завода Я. М. Айваз. В «оздоровлении» Петербургского вагоностроительного завода в 1909 г. приняла активное участие делая группа банков под руководством Русско-Азиатского банка.²

Международный банк финансировал четыре крупнейших предприятия металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности Петербурга. Совместно с банкирским домом «Мейер и К^о» Международный банк финансировал акционерное общество Петербургского металлического завода.³ Организованный при значительном участии немецкого финансового капитала, Международный банк перед войной участвовал в финансировании дочерних предприятий немецких фирм — акционерного общества «русских» электротехнических заводов «Сименс и Гальске» и «русского» акционерного общества «Сименс—Шуккерт».

Значительное число металлообрабатывающих предприятий было связано с Петербургским учетным и ссудным банком. Банк финансировал акционерные

¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 12, д. 1974, 1912—1916 гг., лл. 22, 40.

² Там же, оп. 14, д. 124, 1909—1912 гг., лл. 129, 129 об., 173.

³ Там же, д. 204, 1911—1917 гг., лл. 42—43 об.

общества машиностроительных заводов Л. Нобель, Г. А. Лесснер и «Феникс», акционерное общество Северных механических и котельных заводов, акционерное общество электромеханических сооружений б. «Дюфлон» и акционерное общество механических, металлических и трубочных заводов «Атлас».

Накануне войны, к 1914 г., крупнейшие акционерные общества по изготовлению строительных материалов (стекольные, цементные) привлекают к себе усиленное внимание банков. Из 12 акционерных обществ группы только 5 финансировались банками, но эти 5 предприятий производили 83% всей промышленной продукции всех предприятий по изготовлению строительных материалов. Петербургский международный банк финансировал Северное стекольно-промышленное общество, входившее в Зеркальный синдикат, на который Международный банк также имел значительное влияние. Петербургское стекольно-промышленное акционерное общество, второе крупное акционерное общество по производству стекла, финансировалось Азовско-Донским банком. Петербургский частный коммерческий банк финансировал два самых крупных акционерных общества по производству цемента — акционерное общество «Железо—Цемент» соединенных портланд-цементных заводов и общество Глухоозерского портланд-цемента. Русский Торгово-промышленный банк финансировал акционерное общество цементных заводов «Граулит».

Производством резиновых изделий в Петербурге занималось одно очень крупное предприятие — общество Российско-Американской резиновой мануфактуры под фирмой «Треугольник». Оно являлось собственностью иностранных капиталистов и размещало свои акции за границей. И только незадолго перед началом империалистической войны Петербургский учетный и ссудный банк стал осуществлять в некоторых размерах его финансирование.

Из 14 акционерных предприятий химического производства только одно — акционерное общество для выделки и продажи пороха — финансировалось Азовско-Донским банком.

Отрасли легкой промышленности Петербурга финансировались банками в незначительных размерах. Некоторым исключением являлись только предприятия пищевой промышленности. Из 25 акционерных обществ пищевкусовой промышленности 5 крупнейших табачных фабрик — «Лаферм», «Богданов и К», Шапошиной, бр. Шапшал и Колобова и Боброва — длительное время финансировались Русско-Азиатским банком. В 1911—1913 гг. более 10 крупнейших табачных фабрик России под руководством Русско-Азиатского банка и при участии Русского для Внешней торговли банка образовали в Лондоне табачный синдикат, в который входили все вышеуказанные табачные фабрики Петербурга. Учредительный акт и устав табачного синдиката, получившего название «The Russian Tobacco Company Limited», были утверждены 2 сентября 1913 г. в Лондоне, согласно английским законам о компаниях. В России устав общества не утвер-

ждался.¹ Несмотря на то, что табачный синдикат в составе русских табачных фабрик начал свое существование в Лондоне, пока не удалось обнаружить никакого влияния иностранных капиталов на дела синдиката. Очевидно, табачный синдикат финансировали Русско-Азиатский и Русский для Внешней торговли банки, имевшие в Лондоне свои отделения.

В группе по обработке животных продуктов насчитывается всего два случая финансирования банками акционерных предприятий. Акционерное общество Невской фабрики механического производства обуви финансировал Петербургский частный коммерческий банк, а акционерное общество костеобжигательных заводов — Азовско-Донской банк. Оба эти предприятия к 1913 г. производили только 13% продукции всех предприятий группы.

Ведущая отрасль легкой промышленности России и Петербурга — текстильная — в очень малой степени была связана с русскими банковскими монополиями. Эта старейшая в России отрасль промышленности создавалась за счет национального капитала в форме вкладов пайщиков. И в Петербурге из 23 крупнейших акционерных предприятий и паевых товариществ текстильной промышленности (в основном по обработке хлопка) акции и паи только девять котировались к 1914 г. на петербургской бирже и только два из них — акционерное общество Российской бумагопрядильни и акционерное общество Триумфальной бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры — финансировались Петербургским частным коммерческим банком. Продукция этих двух акционерных обществ составляла только 10% всей продукции текстильных предприятий Петербурга.²

Предприятия по обработке бумаги, полиграфические и деревообделочные не финансировались банками.

Приведенные выше сведения о сращивании банковского и промышленного капиталов позволяют сделать некоторые выводы.

Объектом финансирования банковских монополий являлись далеко не все промышленные предприятия Петербурга. Излюбленной сферой деятельности банков были уже существовавшие крупные промышленные предприятия металлообрабатывающей, машиностроительной, цементной, стекольной промышленности, т. е. решающие отрасли тяжелой промышленности Петербурга. Банки мало финансировали легкую промышленность и почти не финансировали предприятий мелких и средних размеров.

Таким образом, Петербург к началу империалистической войны являлся крупнейшим центром финансового капитала.

Вся деятельность петербургских акционерных коммерческих банков по финансированию торгово-промышленных предприятий в начале XX столетия происходила при значительном участии в этих операциях иностранного финансового

¹ ЦИИАН, ф. 23, оп. 14, д. 231, 1911—1914 гг., лл. 2, 36, 117, 118.

² Часть текстильных предприятий финансировалась иностранным капиталом.

капитала. Еще в период промышленного подъема 90-х годов слабость русской кредитной системы, не удовлетворявшей потребностей в кредите быстро развивавшейся тяжелой промышленности, а также политика Министерства финансов, охотно допускавшего иностранный капитал в экономику страны, привели к усилению импорта иностранного капитала в Россию. В руки иностранного финансового капитала попала только что создаваемая в стране тяжелая промышленность на всех ее решающих участках. В то же самое время крупнейшие иностранные финансовые монополии распоряжались частью акций крупнейших акционерных банков России, через которые происходило финансирование акционерных предприятий, находившихся под влиянием иностранного финансового капитала.

Политическое сближение с Францией, выразившееся в заключении в 1891—1893 гг. франко-русского военного союза, пригело к преобладанию в 90-х годах импорта французского и тесно связанного с ним бельгийского капиталов над немецким. Но и немецкий капитал не прекращал активно внедряться в русскую промышленность путем создания в России дочерних предприятий германских монополий, как это было, например, в электротехнической промышленности Петербурга. В таких условиях учредительство акционерных предприятий в России в 1893—1899 гг., особенно в тяжелой промышленности, происходило под руководством иностранных банков. Так, например, из 36 акционерных обществ, в эмиссиях которых участвовал в этот период Учетный и ссудный банк, не менее 25 были учреждены под руководством иностранных банков.¹

В 1900—1903 гг. иностранный капитал потерпел большие убытки и в годы депрессии отказался от спекулятивного учредительства акционерных промышленных предприятий, широко практиковавшегося в 90-е годы. Иностранный капитал в 1900—1908 гг. предпочел новую форму вложений капиталов в хозяйство России в виде покупки акций русских коммерческих банков. Поэтому в годы депрессии удельный вес иностранного финансового капитала в капиталах Петербургского международного, Азовско-Донского и ряда других банков значительно возрос.

За 1909—1913 гг. зависимость наиболее крупных акционерных коммерческих банков Петербурга от иностранного финансового капитала еще более возросла. В. И. Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», говоря о том, каких размеров достигла «система участия» иностранного финансового капитала в русских крупных банках, пользуется данными Е. Агада. Агад берет 19 крупнейших банков России, в том числе все 13 петербургских. 4 из последних — Русско-Азиатский, Азовско-Донской, Петербургский частный и Русско-Французский — он относит к сфере влияния французского финансового капитала, 4 — Петербургский международный, Петербургский учетный и ссудный, Сибирский торговый и Русский для Внешней торговли — к сфере влияния немецкого финансового капитала и 2 — Русский Торгово-промышленный и Русско-Англий-

¹ И. Ф. Гиндич, Банки и промышленность в России до 1917 г., стр. 48.

ский — к сфере влияния английского капитала. Только три петербургских банка — Волжско-Камский, Петербургский торговый (б. Вавельберг) и «Юнкер и К^о», по данным Агада, были вне всякой зависимости от влияния иностранного финансового капитала. «Всю „мощь“ петербургских крупнейших банков, — пишет В. И. Ленин, — автор определяет в 8235 млн рублей, почти 8 $\frac{1}{4}$ миллиардов, причем „участие“, а вернее господство, зарубежных банков он распределяет так: французские банки — 55%; английские — 10%; немецкие — 35%».¹

По данным П. В. Оля, относившимся уже к 1916—1917 гг., периоду наибольшего «участия» иностранного финансового капитала в акционерных капиталах русских банков, доля «участия» иностранного, преимущественно французского, капитала в капиталах Русско-Азиатского банка составляла 79%, Петербургского частного — 58%, Азовско-Донского — 36,7%. Доля «участия» иностранных, преимущественно германских, капиталов в капиталах Петербургского международного банка составляла 50%, Русского для Внешней торговли — 40%. Доля «участия» преимущественно английского финансового капитала в капиталах Русского Торгово-промышленного банка составляла 42,8%, и т. д.²

Несмотря на значительные размеры участия иностранного финансового капитала в капиталах крупнейших петербургских банков, следует отметить, что в действительности влияние иностранного финансового капитала на крупнейшие банковские монополии России не было решающим. На деятельность банков решающее действие оказывали Государственный банк и Министерство финансов со своими многомиллионными субсидиями, своим «золотым запасом» и всей своей кредитной политикой.³ Кроме того, сам принцип «участия», на котором строились все взаимоотношения между русскими и зарубежными банками, заключался не в подчинении русских банков иностранным, особенно французским, а в совместной деятельности на равных началах для получения максимальных прибылей.

Другое дело, что экспортеры капитала в Россию, как указывал В. И. Ленин, «снимали сливки» и что в условиях общей экономической отсталости страны практика государственных займов (к 1914 г. русский государственный долг достигал 4229 млн руб.) и чрезмерного допущения «союзников» и кредиторов царского самодержавия в экономику страны могло бы в дальнейшем привести к далеко идущим политическим последствиям.

Вместе с расширением деятельности акционерных банков по учреждению в Петербурге и по всей стране акционерных обществ росла и расширялась деятельность петербургской фондовой биржи. Основным объектом биржевой игры (купли—продажи) являлись акции банков и промышленных предприятий. Так, только за один 1899 г. в котировку на петербургской бирже были допущены

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 22, стр. 220.

² П. В. Оля. Иностранные капиталы в России. Пгр., 1922, стр. 30, 64, 78.

³ П. И. Лященко, ук. соч., стр. 365.

акции 36 промышленных предприятий с общим капиталом 91,7 млн руб.¹ В 1912 г. цифра допущенных бумаг — 47 промышленных предприятий на сумму 221,8 млн руб. — достигла небывалых в истории петербургской биржи размеров.² Но несмотря на допущение к котировке такого большого для петербургской биржи количества ценных бумаг, оживленные обороты происходили только с категориями бумаг избранных отраслей промышленности — акциями металлургических, металлообрабатывающих, машиностроительных, нефтяных, цементных, стекольных предприятий и коммерческих банков. Таким образом, в 1909—1913 гг. петербургская фондовая биржа как довольно широкий рынок для дивидендных бумаг была создана по существу учредительской деятельностью крупнейших банковских монополий. Банки определяли и объекты биржевых операций и сами давали для этого средства учетно-ссудными операциями. Как указывает В. И. Ленин, «смена старого капитализма, с господством свободной конкуренции, новым капитализмом, с господством монополии, выражается, между прочим, в падении значения биржи».³

В результате сильного роста всех операций банков и особенно операций по учредительству и финансированию промышленных акционерных предприятий резко возросли доходы банков. Так, например, дивиденд (в % к номиналу акций) у шести крупнейших петербургских банков достигал 12,5, что было в 2,2 выше дивидендов лондонских банков. Небывало высокие доходы заправили крупнейших русских банков создавались прибылями от регулярных банковских операций и особенно сверхприбылями от финансово-спекулятивных операций.⁴

Ведущим звеном кредитной системы Петербурга и всей страны в период империализма являлись опекаемые и финансируемые Министерством финансов через Государственный банк акционерные коммерческие банки. Они концентрировали большую часть всех средств кредитной системы и финансировали синдикаты и акционерные общества в торговле и промышленности страны.

В начале XX в. высокая концентрация производства и рост монополий привели к высокой концентрации банковского капитала в России, причем роль Петербурга с его крупнейшими банковскими монополиями в кредитной системе страны все более возрастала. Особенно значительно с 1893 по 1914 г. возрос удельный вес петербургских банков в финансировании промышленности страны. Если в 1893 г. удельный вес петербургских акционерных банков в сводном балансе всех акционерных банков по операциям с негарантированными ценными бумагами (т. е. в основном с акциями промышленных предприятий) составлял 37%, то к 1914 г. он возрос до 76%. Иными словами, 76% средств, выделяемых

¹ Вестник финансов, промышленности и торговли, 1914, № 13, стр. 605.

² Там же.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 22, стр. 206.

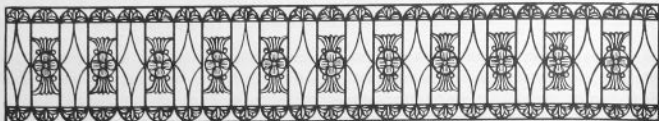
⁴ И. Ф. Гиляди. Русские коммерческие банки, стр. 338—339.

всеми частными коммерческими банками для финансирования промышленности России, принадлежало коммерческим банкам Петербурга. Вытесняя провинциальные банки, петербургские акционерные банки во всех видах банковских операций повысили свой удельный вес по основным активам и основным пассивам с 32—35% в 1893 г. до 64—65% в 1914 г.¹ Таким образом, петербургские коммерческие банки к 1914 г. сделали почти полными хозяевами внутреннего рынка капиталов.

К тому же времени пять самых крупных петербургских коммерческих банков, сконцентрировав около 50% основных пассивов и активов всех 50 коммерческих банков страны, превратились в типичные для эпохи империализма банковские монополии, игравшие руководящую роль в трестировании, синдицировании и акционировании русской промышленности и значительную роль в кредитовании всего народного хозяйства России.

¹ Там же, стр. 95, 179.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НАСЕЛЕНИЕ ПЕТЕРБУРГА

 В начале XX в., так же как и в XIX в., Петербург оставался самым крупным городом Российской империи. В 1900 г. в нем насчитывалось 1418 тыс. жителей, а в 1917 г. их число возросло до 2420 тыс. чел. За 17 лет XX в. население столицы увеличилось почти на 70%. Темпы роста населения менялись в зависимости от изменения общего экономического положения страны в разные периоды. Так, если в период промышленного кризиса 1901—1903 гг. среднегодовой прирост населения колебался в пределах 41—43 тыс. чел., а в годы депрессии (1903—1908) составлял около 46 тыс. чел., то в годы промышленного подъема приток населения резко усилился. Уже в 1910 г. количество жителей в городе возросло на 52 тыс. чел., а в дальнейшем ежегодный прирост населения Петербурга достигает 100 тыс. чел. Значительный рост населения Петербурга в годы первой мировой войны объясняется притоком беженцев (главным образом из Прибалтики), увеличением численности рабочих на оборонных предприятиях, а также увеличением численности гарнизона.

Как и в XIX в., рост населения происходил не в результате естественного прироста, а главным образом за счет приезжих людей. Это убедительно подтверждает динамика населения столицы за первые 17 лет XX в. (см. таблицу на стр. 105).

Из данных таблицы следует, что в 1901 г. население Петербурга увеличилось на 43 600 чел., из них за счет естественного роста только лишь на 7255 чел. Наиболее высокий процент естественного роста населения столицы был в 1902 г. —

31% общего роста, 1907 г. — 27% и 1911 г. — 22,2%. В остальные годы естественный прирост населения составлял от 10 до 19% общего прироста. Особенно низкий процент (4,1) естественного роста населения дает 1908 г., а начиная с 1915 г., смертность в городе была выше рождаемости. Так, в 1915 г. умерло на 910 чел. больше, чем родилось. В то же время население города увеличилось на 97 тыс. чел. Подобное явление наблюдаем и в 1916 г., когда смертность превысила рождаемость на 9726 чел., а количество жителей в столице увеличилось на 101,2 тыс. чел. В 1917 г., несмотря на то, что смертность превышала рождаемость на 22 300 чел., население города выросло на 104 тыс. чел. За 17 лет XX в. население Петербурга увеличилось на 1002 тыс. чел., из них на 126 020 за счет естественного роста. Естественный прирост населения составил 12,6% общего роста количества жителей Петербурга.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПЕТЕРБУРГА-ПЕТРОГРАДА 1900—1917 гг. ¹

Год	Население столицы	Родилось	Умерло	Естественный прирост населения	Общий рост населения столицы	В процентах к 1900 г.
1900	1418000	43300	36520	6780	—	100
1901	1461600	43669	36414	7255	43600	103,3
1902	1503200	46906	34342	12564	41600	106,3
1903	1545900	47191	38467	8724	42700	109,3
1904	1589900	49128	39169	9959	44000	112,4
1905	1635100	49177	42935	6242	46800	115,6
1906	1681600	51156	43718	7438	45500	118,8
1907	1729500	57304	44232	13072	47900	122,4
1908	1778600	54497	52370	2127	49100	125,8
1909	1829200	55916	46724	9192	48600	129,0
1910	1881300	56230	46969	9261	52100	132,8
1911	1950300	56966	41635	15331	69000	137,6
1912	2035600	56099	45957	10142	85300	143,5
1913	2124600	56155	45446	10709	107000	151,0
1914	2217500	55460	47597	7863	74900	156,5
1915	2314500	51956	52866	— 910	97000	162,5
1916	2415700	46188	55980	— 9792	101200	170,0
1917	2420000	38700	61000	— 22300	104300	171,0

В XX в., как и ранее, население города росло главным образом за счет деревни, за счет разоряющегося крестьянства. Данные переписей 1900 и 1910 гг. показывают, что количество населения за 10 лет увеличилось на 463 300 чел., из них за счет крестьян — на 401 663 чел., или 86,8%, и за счет остальных сословий — на 61 тыс., или 13,2%. В результате удельный вес крестьянского сословия среди жителей города с каждым годом повышался. В 1900 г. крестьяне (по пас-

¹ Материалы по статистике Петрограда, вып. I. Госиздат, Пгр., 1920, стр. 10.

порту) составляли 63,1% населения Петербурга и пригородных участков, а в 1910 г. — уже 70%.¹

За рассматриваемый период произошло некоторое увеличение количества жителей города и за счет других сословий: дворян — на 18%, духовенства — на 26%, мещан — на 7,1%, но поскольку по темпам роста они отставали от роста населения города в целом, то их доля к общему количеству населения сократилась. Так, дворяне в 1900 г. составляли 8,1% населения столицы, а в 1910 г., несмотря на некоторый количественный рост, их доля снизилась до 7,2%. То же самое произошло и с некоторыми другими сословиями: доля духовенства уменьшилась с 0,8 до 0,4%, купечества с 1,4 до 0,7%, мещан с 19,1 до 15,6%. Численность отдельных сословных групп сократилась даже абсолютно. Отставных нижних чинов по переписи 1900 г. было учтено 4708 чел., а в 1910 г. — только 1834 чел. Эта сословная группа в 1910 г. составляла ничтожную величину — 0,08% жителей столицы.

В составе населения столицы в XX, как и в XIX в., первое место по численности принадлежало крестьянам, второе — мещанам. Эти два сословия составляли 85,6% всех жителей Петербурга.

Несмотря на усиленный приток населения в Петербург из провинции, удельный вес коренных жителей за первое десятилетие возрос. В 1900 г. из 1 439 613 жителей города родившихся в столице насчитывалось 445 899 чел., или 31,5%, а в 1910 г. из 1 905 585 жителей города родившихся в столице было уже 610 160 чел., или 32%. Рост числа уроженцев столицы несколько опережал общий рост населения города. За рассматриваемое десятилетие количество жителей, родившихся в Петербурге, выросло на 37%, а население города за то же время — лишь на 32%.

Высок был процент родившихся в Петербурге и в двух основных группах населения столицы по сословному признаку (крестьяне и мещане), большую часть которых составляли рабочие и их семья. По переписи 1910 г., из 1 310 449 крестьян, жителей Петербурга, 324 196 чел., или 24,7%, родилось в городе. Таким образом, четвертая часть жителей Петербурга, по паспорту числившихся крестьянами, о сельском хозяйстве не имела представления, — это были коренные жители столицы. Среди мещан, проживавших в Петербурге в 1910 г., родившихся в столице было более половины — 51,4%.²

¹ Переписи городского населения в XX, как и в XIX в., построены по сословному принципу. Поэтому без учета сословного состава населения Петербурга невозможно дать сколько-нибудь полную динамику численности населения города. Понятно, что подавляющая масса «крестьянства», жившего в городе, порвала связь с сельским хозяйством и состояла из фабрично-заводского пролетариата, строительных рабочих, прислуги и пр., о чем будет сказано ниже.

² С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 г., вып. 1, Население. СПб., 1903, стр. 32—33; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 г. Население, ч. I, отд. II, стр. 3. В дальнейшем данные из этих источников даются без ссылок на них.

Но и среди остальных 75% крестьян и 48% мещан многие поселились в столице столь давно, что в сущности являлись постоянными ее жителями. Многие крестьяне, прожив в Петербурге несколько лет, порывали связь с сельским хозяйством и превращались в кадровых пролетариев, хотя по паспорту продолжали считаться крестьянами. Так, в 1910 г. на летние работы в деревню уехало только 130 733 чел., т. е. 10% общего числа крестьян города. Таким образом, более 90% крестьян, проживавших в Петербурге, в 1910 г. не имели связи с деревней. В 1910 г. родившиеся вне Петербурга крестьяне и мещане распределялись по времени поселения в Петербурге следующим образом:¹

Схематический план Петербурга в начале XX в.
(Залиты черным кварталы, сложившиеся к
середине XIX в.).

	Крестьяне	Мещане
Всего распределено по времени поселения (в тыс.)	894,0	134,4
Из них в процентах к итогу поселилось в Петербурге:		
» 1910—1906 гг.	45,1	34,9
» 1905—1901 »	17,7	16,1
» 1900—1896 »	12,9	12,4
» 1895—1891 »	8,4	8,9
» 1890—1886 »	5,8	7,0
» 1885 г. и ранее	10,1	20,7

Приведенные данные указывают, что из рассматриваемой группы 37,2% крестьян и 49% мещан поселились в Петербурге еще до 1900 г. В отношении же к общей численности каждой из этих сословных групп удельный вес родившихся вне Петербурга, но поселившихся в нем ранее 1900 г., составлял для крестьян 28,6%, а для мещан 24%. Таким образом, постоянное население Петербурга, к которому относятся родившиеся в Петербурге и проживающие в нем свыше 10 лет, составляло в 1910 г. 53% среди крестьян и 75% среди мещан.²

¹ А. Г. Рашии. Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1940, стр. 387.

² Там же.

Среди всего населения Петербурга в 1910 г. постоянных жителей было более 1200 тыс. чел., или около $\frac{2}{3}$.

В дальнейшем, однако, за годы промышленного подъема и в период империалистической войны доля пришлого населения значительно увеличилась. В 1917 г. из общего числа жителей в 2420 тыс. чел. коренные жители Петербурга составляли уже только 640 627 чел., т. е. 26,4% всего населения, в то же время доля пришлого населения увеличилась с 68% в 1910 г. до 73,6% в 1917 г. Петербург, являвшийся одним из крупнейших промышленных центров страны, в годы промышленного подъема и империалистической войны, разумеется, притягивал к себе еще большее количество рабочих рук, чем во время экономического кризиса и депрессии 1900—1908 гг.

Экономический кризис и депрессия, а затем столыпинская аграрная реформа во много раз усилили разорение деревни, расслоение крестьянства. Беднейшие его слои лишились земли и средств производства. Крестьянская беднота приходила в столицу в основном из близлежащих сельскохозяйственных районов северо-запада Европейской России. Например, как позволяет установить перепись 15 декабря 1910 г., к 1910 г. переселилось 165,6 тыс. чел. из Тверской, 105,9 тыс. из Ярославской, 69,5 тыс. из Новгородской, 67,2 тыс. из Псковской, 59,3 тыс. из Петербургской, 39,9 тыс. из Рязанской, 36,8 тыс. из Витебской, 31,1 тыс. из Костромской, 30,8 тыс. из Смоленской, 19,5 тыс. из Калужской, и т. д.

Население Петербурга пополнялось также за счет мещан. Общее количество мещан в 1910 г. составляло около 295 тыс. чел., из них свыше половины (151 тыс.) родилось в столице. Остальные переселились в Петербург главным образом из северо-западного района Европейской России. 32 тыс. прибыло из городов и поселков Петербургской губернии. Из Тверской, Ярославской, Новгородской губерний, из каждой в отдельности, насчитывалось по 7 тыс. чел. Из Витебской губернии прибыло 6 тыс., Псковской — свыше 5 тыс., Виленской, Ковенской, Московской — более чем по 3 тыс. чел.

С ростом постоянных жителей Петербурга изменялся и половой состав населения. Количество женщин с каждым десятилетием увеличивалось, хотя в начале XX в. все еще оставалось некоторое преобладание мужчин. В 1900 г. мужчины составляли 55% населения города, а в 1910 г. — 52%, в то время как доля женщин в общем количестве жителей Петербурга увеличилась с 45% в 1900 г. до 48% в 1910 г. Изменение соотношения между женщинами и мужчинами свидетельствовало о том, что разорившийся крестьянин шел в город не на сезон, а на постоянное местожительство со своей семьей, порвав связь с сельским хозяйством. Наряду с этим приток женщин из деревни в город вызывался расширением применения женского труда в промышленности. В основном эти два обстоятельства и обусловили более быстрый рост числа женщин в населении Петербурга.

В начале XX в. уменьшается тот огромный разрыв между количеством женатых и замужних, который существовал в XIX в. Процент женатых умень-

шился с 21,1% в 1900 г. до 20,2% в 1910 г., в то же время процент замужних увеличился с 14,1% до 15,6%. Если в 1900 г. количество женатых превышало количество замужних на 100 тыс., то в 1910 г., несмотря на рост населения, превышение женатых над замужними сократилось до 91 тыс. Это свидетельствует о том, что в XX в. значительно больший процент крестьян-бедняков переселился в город на постоянное жительство, переводя сюда свои семьи, которых они не могли содержать в деревне. Увеличение удельного веса женщин в Петербурге, уменьшение разрыва между женатыми и замужними являлись показателем роста постоянного жителей города.

Изменение населения Петербурга по возрастному составу также свидетельствовало о росте постоянных жителей столицы. Ни одна возрастная группа так не увеличилась, как дети до 10 лет. За период с 1900 по 1910 г. количество их выросло более чем на 50%, что неизбежно привело к росту их удельного веса в составе населения столицы. В 1900 г. дети до 10 лет составляли 16,1% всех жителей города, а в 1910 г. — 18,4%. Группа подростков от 10 до 15 лет за рассматриваемое десятилетие увеличилась на 34%, обогнав на 1,2% общий рост населения столицы. В 1900 г. подростки составляли 7,7% населения столицы, а в 1910 г. — 7,9%. Поскольку рос удельный вес детей и подростков среди жителей города, то доля других возрастных категорий сокращалась. Так, юноши от 16 до 20 лет в 1900 г. составляли 12,2% населения столицы, а в 1910 г. — 11,7%. Наиболее сильно снизился удельный вес возрастной группы от 21 до 30 лет. В 1900 г. она составляла 27,2%, а в 1910 г. только 26%. Снижение доли происходило и среди старших возрастов: в группе от 31 до 40 лет — на 0,2%, от 40 до 50 лет — на 0,1%, от 50 до 60 лет — на 0,4%, и свыше 60 лет — на 0,5%.

Но, несмотря на тенденцию роста населения за счет лиц, родившихся в Петербурге, все же главным источником пополнения населения оставалась деревня. Это положение убедительно подтверждают статистические данные о возрастном составе населения. В силу естественной закономерности группа населения до 10 лет должна быть наиболее многочисленной, однако по переписи 1910 г. дети до 10 лет составляли 18,4% населения столицы, а группы от 10 до 20 лет — 19,6% и от 21 до 30 лет — 26%. Если даже допустить, что все дети выживали, то и тогда последующие возрастные группы не должны были превышать 18,4%, а оказывается, что численность лиц от 10 до 20 лет больше, чем детей, на 1,2%, а в возрасте от 21 до 30 лет — на 7,6%. Отсюда следует, что среди жителей Петербурга в возрасте от 10 до 30 лет было много приезжих. Из провинции прибывали главным образом лица от 16 до 30 лет, в возрасте наиболее работоспособном, чего и требовала капиталистическая промышленность. Этим обстоятельством и обусловлено своеобразие возрастного состава населения столицы.

Поскольку население Петербурга росло главным образом за счет разорявшегося крестьянства северо-западного района с коренным русским населением, с одной стороны, и, с другой, за счет естественного прироста города, то нацио-

нальный состав жителей столицы и был предопределен этими процессами. Русские составляли подавляющее большинство населения города. Количество жителей других национальностей с каждым годом сокращалось. За 10 лет начала XX в. количество русского населения в городе увеличилось на полтора процента и к 1910 г. достигло 89%. Процент украинцев, белоруссов, эстонцев, латышей, литовцев остался на прежнем уровне. За то же время процент жителей немецкой национальности сократился с 3,3 до 2,4%, что касается французов, англичан и других лиц западноевропейских национальностей, то они не составляли сколь-нибудь значительной величины.

* * *

Лучшие части города с их дворцами и особняками, парками и скверами, с благоустроенными дорогами и тротуарами, с электрическим освещением и водопроводом были заселены дворянами и фабрикантами, финансовыми воротилами и крупным купечеством. Попрежнему излюбленным местом жительства господствующих классов были Адмиралтейская и Казанская части. Наряду с тем особенно быстро они заселяли Петербургскую сторону: если в 1900 г. здесь проживала одна десятая часть всех дворян столицы, то в 1910 г. — около 20%, т. е. процент дворян в этой части города за 10 лет увеличился почти в два раза. Около 15% дворян жило в Литейной части, а в Московской и Василеостровской почти по 12%. Таким образом, в Петербургской, Литейной, Московской и Василеостровской частях было сосредоточено около 60% всех дворян столицы. В других частях города и пригородных участках дворян насчитывалось незначительное количество.

Излюбленным местом жительства почетных граждан и купечества являлась Московская часть, расположенная вблизи Апраксина и Гостиного дворов. Здесь жила одна пятая часть купечества столицы и одна седьмая часть почетных граждан. Многие из купцов и почетных граждан селились на Петербургской стороне и Васильевском Острове. На Петербургской стороне жило 16% почетных граждан и около 12% купцов столицы, а на Васильевском Острове 11% почетных граждан и свыше 10% купцов. Более 50% иностранных подданных жили в Литейной, Василеостровской, Петербургской и Казанской частях. Эксплуататорские классы захватили лучшие части города, оттеснив угнетенные слои населения на окраины.

Крестьяне, среди которых основную массу составляли рабочие и которых насчитывалось в столице в 1910 г. свыше 1310 тыс. чел., вынуждены были ютиться в пригородных участках и окраинных неблагоустроенных фабрично-заводских частях города — Александро-Невской, Нарвской частях, а также в районе Гавани и Голодая на Васильевском Острове. Некоторое, незначительное количество крестьян проживало и в центре города: в Адмиралтейской части жило 1,9% всех крестьян столицы, в Казанской — 2,5%, в Коломенской — 4%, в

Рабочая окраина Петербурга. Фотографил 90-х годов XIX в.

Литейной — 5,4%, и т. д. Но эти слои населения пользовались не роскошными квартирами и дворцами, а подвалами и чердаками. Мещане, так же как и крестьяне, селились в фабрично-заводских районах города и пригородных участках.

Исключительно быстрый рост населения в пригородных участках, Александровской и Нарвской частях, на Выборгской стороне и на окраине Васильевского Острова происходил главным образом за счет рабочих. Так, в Нарвской части за десять лет начала XX в. количество населения увеличилось на 70 тыс. чел., в Василеостровской — на 60 тыс., в Александровской — почти на 50 тыс., в Выборгской — более чем на 40 тыс., в пригородных участках — на 80 тыс. чел. Такой быстрый рост окраинных частей объяснялся тем, что основными районами промышленного строительства были именно эти части и участки. Здесь было много пустующих земель, пригодных для застройки, чем не располагали центральные части, застроенные полностью еще в конце XIX в. Усовершенствование городского транспорта, проведение трамвайных линий на окраины, строительство новых мостов способствовало заселению этих частей.

В результате более быстрого роста жителей в окраинных частях и участках доля населения центральной части города снизилась. Если в 1900 г. в центральных частях (Адмиралтейской, Казанской, Спасской, Коломенской и Литейной) проживало 27,2% населения столицы, то в 1910 г. только 22,2%. В некоторых центральных частях города количество жителей даже уменьшилось. За первые десять лет XX в. в Адмиралтейской части население сократилось на 2%, в Спасской на 3%, а в Казанской и Литейной осталось почти на прежнем уровне, в то время как население города за рассматриваемое время выросло на 32%.

Такова общая характеристика населения Петербурга в начале XX в.; оно резко делилось на две части: угнетенное, политически бесправное большинство и незначительное меньшинство, сосредоточившее в своих руках политическую власть и материальные богатства.

Для того чтобы дать более или менее наглядную картину жизни петербургского населения в рассматриваемую эпоху, обратимся к характеристике положения основных антагонистических классов и важнейших социальных групп и прослоек.

На первом месте в составе населения Петербурга по численности и по значению в общественной жизни стоял рабочий класс.

Рабочий класс России в начале XX в. был уже не тем разрозненным, не способным к отпору, неорганизованным классом, каким он являлся в большей своей части во второй половине XIX в. Вступление России в стадию империализма означало вместе с тем крайнее обострение классовых противоречий в стране, что способствовало быстрому росту сплоченности, политической сознательности и революционной активности пролетариата, вставшего во главе трудящегося и эксплуатируемого народа в его борьбе против царизма. Петербургский пролетариат был наиболее крупным, наиболее политически сознательным и организованным отрядом российского пролетариата. Он сыграл особо выдающуюся роль в революционных событиях рассматриваемого времени.

В. И. Ленин отмечал «политическую зрелость» петербургского организованного и сознательного пролетариата, способность рабочих Петербурга «действительно самостоятельно разбираться во всех вопросах учения марксизма и практики рабочего движения», их передовую роль как «одного из лучших, наиболее сознательных, наиболее революционных, наиболее твердых, наименее податливых на пустую фразу, на бесхарактерное отчаяние» отрядов рабочего класса. Говоря о революции 1905 г., В. И. Ленин указывал, что «чем больше был город, тем значительнее была роль пролетариата в борьбе».¹

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 23, стр. 232.

Одним из важнейших моментов, способствовавших превращению петербургского пролетариата в передовой отряд рабочего класса России, был высокий удельный вес потомственных рабочих в составе столичного пролетариата. В XX в. он был значительно выше, чем в XIX в. В этом отношении Петербург превосходил другие промышленные центры страны.

По переписи 1918 г. количество рабочих, имевших землю, до Октябрьской революции составляло в Петрограде 16,5%, тогда как в Москве 39,5%, во Владимирской губ. — 40,1%, и т. д.¹ При этом только 7,9% петроградских рабочих, имевших землю, вели свое хозяйство, тогда как для Москвы соответствующие показатели составляли 22,8%, для Владимирской губ. — 39%, и т. п.

Особенно был велик процент кадровых потомственных рабочих в среде передового отряда столичного пролетариата — металлистов. У металлистов столицы прослойка рабочих, связанных с землей, по сравнению с другими отраслями промышленности была невелика.

В начале XX в. рабочий класс составлял наиболее многочисленную часть населения столицы, при этом его численность продолжала возрастать.

По переписи 15 декабря 1900 г. во всех отраслях промышленности, на транспорте, в торговле, на строительных работах, в мелких мастерских всего насчитывалось 442 358 рабочих. Наибольшее количество, 18% всех рабочих, было занято в металлургической промышленности города, 12,8% — во всех видах торговли, 10,2% — на предприятиях и в заведениях по производству обуви и одежды, 9,9% — на транспорте, 7,7% — на строительных работах, 6,7% — на текстильных предприятиях, 5,2% — на предприятиях по обработке дерева, 5,2% — на предприятиях по производству пищевых продуктов, и т. д.

В 1910 г., по сравнению с 1900 г., число рабочих увеличилось всего на 14%. По переписи 15 декабря 1910 г. в Петербурге насчитывалось всего 504 029 рабочих на всех предприятиях и в заведениях. В металлообрабатывающей промышленности, жестоко пострадавшей от кризиса, число рабочих за этот период значительно упало, а их удельный вес снизился с 18 до 12,4%. Значительно сократилось также число рабочих в строительной, текстильной, пищевой, деревообрабатывающей промышленности. Удельный вес рабочих, занятых в текстильной промышленности, снизился с 6,7 до 4,5%, в строительной — с 7,7 до 3,9%, в пищевой и деревообрабатывающей — с 5,2 до 3,4%. Незначительно возросло количество рабочих в различных торговых заведениях, на транспорте. Резко, с 6,7 до 18%, возросла доля рабочих, обозначенных по переписям 1900 и 1910 гг., как «лица, промысловые занятия которых с точностью не установлены». Несомненно, большую часть этой группы составляли безработные.

Наиболее передовой, сплоченной и политически сознательной частью рабочего класса Петербурга являлись рабочие фабрично-заводских предприятий.

¹ А. Г. Рашии, ук. соч., стр. 415.

С ростом крупной механизированной промышленности число фабрично-заводских рабочих росло значительно быстрее общего числа рабочих столицы. Об интенсивном росте количества фабрично-заводских рабочих в 1900—1913 гг. свидетельствуют следующие данные:¹

Группы производств	Число фабрично-заводских рабочих	
	1900 г.	1913 г.
Обработка хлопка	24636	33076
Обработка шерсти	2284	3142
Обработка шелка	231	130
Обработка льна, пеньки и джута	1581	2415
Обработка смешанных материалов и волокнистых веществ	1704	4202
Производство бумажное и полиграфическое	13036	24507
Механическая обработка дерева	4519	7146
Обработка металлов, производство машин и орудий	64513	87518
Обработка минеральных веществ	7362	8556
Обработка животных продуктов	4933	8325
Обработка питательных и вкусовых веществ	13587	20406
Химическое производство	7921	16585
Итого	146307	216008

Если, по данным переписей Петербурга за 1900 и 1910 гг., общее число всех рабочих Петербурга с 1900 по 1910 г. возросло с 442 358 до 504 029 чел., т. е. всего на 14%, то за несколько более длительный срок, с 1900 по 1913 г., число фабрично-заводских рабочих возросло на 48%. Рост количества фабрично-заводских рабочих Петербурга в этот период значительно обогнал рост общего числа рабочих столицы.

Среди фабрично-заводских рабочих самым большим отрядом были металлисты. В 1900 г. они составляли 44% общего числа фабрично-заводских рабочих, в 1913 г. — 40%. С 1900 по 1913 г. число металлистов возросло на 35%.

Значительно выросли также в рассматриваемое время кадры рабочих в текстильной, пищевкусовой, бумажной и других отраслях промышленности Петербурга.²

¹ За 1900 г. подсчитано по «Списку фабрик и заводов Европейской России» (СПб., 1903); за 1913 г. по справочнику Д. П. Капдаурова «Фабрично-заводские предприятия Росийской империи» (изд. 2-е, Пгр., 1914).

² Подробнее о численности фабрично-заводских рабочих Петербурга различных отраслей см. в гл. I настоящего издания.

В рассматриваемый период петербургским рабочим, как и прежде, приходилось вести непрерывную и самоотверженную борьбу с правительством, фабрикантами и заводчиками за улучшение своего положения. С развитием империализма борьба рабочих все более обострялась, так как капиталисты в погоне за прибылью непрерывно ухудшали положение рабочего класса. Положение рабочих в тот или иной отрезок времени определялось также и состоянием, в котором находилась промышленность.

В XX в. Россия вступила в условиях жесточайшего кризиса, охватившего почти все отрасли промышленности. Нежизнеспособные предприятия терпели крах и поглощались более крупными и жизнеспособными. Так, например, из 901 фабрично-заводского предприятия, находившегося в 1901 г. в ведении фабричной инспекции, к 1905 г. осталось только 839. Количество рабочих на них к 1903 г. сократилось на 15 тыс. чел. Рабочие тысячами выбрасывались на улицу, оставаясь без работы и без всяких средств к существованию.

Ленинская «Искра» так описывала безработицу в Петербурге: «Сотнями выгоняют наши „кормильцы“ и „поильцы“ рабочих за ворота, на холод и голод. Как тени ходят по улицам наши безработные товарищи с Волынки, где одну смену рассчитали, от Пали, где половина ночной смены не работает, от Кенига, с Малой Охтенской ткацкой, от Шава, от Торптона и др.»¹

Закрытие предприятий и увольнение рабочих продолжалось и в годы депрессии. В то же время, в результате столыпинской аграрной реформы усилилось массовое разорение деревни. Потерявшее землю беднейшее крестьянство в поисках заработка потянулось в город, увеличивая собой и без того огромную армию безработных. Если, по данным переписи 15 декабря 1900 г., рабочих, «промышленные занятия которых с точностью не установлены», т. е. полубезработных и безработных, насчитывалось 29 703 чел., то через 10 лет, по переписи 15 декабря 1910 г., количество их возросло до огромных размеров — до 130 тыс. чел., т. е. увеличилось более, чем в $4\frac{1}{2}$ раза.

Скопление такого большого количества безработных в столице угрожало «порядку и спокойствию». Поэтому в 1905 г. городская дума организовала биржу по подысканию работы для безработных. В своей деятельности биржа полностью руководствовалась указаниями Петербургского общества заводчиков и фабрикантов — организации предпринимателей для борьбы с рабочим движением. Так, через биржу нанимали только лиц, не включенных в так называемые «черные списки». Рабочим, уволенным за участие в революционном движении, через биржу работу подыскать было невозможно.

¹ Искра, 1901, № 2.

В 1910 г. биржу посетили 93 997 безработных. Но лишь незначительная часть из них получила работу. В 1909 г. из 76 939 чел., посетивших биржу, работу получили 12,7% рабочих.¹ Только наступивший промышленный подъем несколько ослабил остроту безработицы.

Рабочие, занятые в промышленности, с большим трудом, в ожесточенной борьбе с предпринимателями, обеспечивали себе самые необходимые условия для существования. По данным фабричной инспекции, заработная плата петербургских рабочих в начале XX в. претерпевала следующие изменения:²

Год	Средний годовой заработок рабочего	Год	Средний годовой заработок рабочего
1901	302 р. 45 к.	1908	373 р. 83 к.
1902	336 » 21 »	1909	342 » 12 »
1903	335 » 26 »	1910	355 » 00 »
1904	366 » 17 »	1911	365 » 00 »
1905	294 » 83 »	1912	375 » 00 »
1906	375 » 39 »	1913	384 » 00 »
1907	380 » 95 »		

За все приведенные выше годы самый низкий уровень номинальной заработной платы у петербургских фабрично-заводских рабочих был в 1901 г., когда промышленный кризис 1900—1903 гг. достиг наибольшей глубины. В дальнейшем, с изживанием кризиса и подъемом революционной стачечной борьбы заработок петербургских рабочих стал повышаться, достигнув в 1904 г. 366 р. 17 к., т. е. 30 р. 50 к. в месяц. В 1905 г., когда многие фабрично-заводские предприятия города длительное время, участвуя в революционных событиях, не работали, заработок рабочих упал до 294 р. 83 к., т. е. 24 р. 57 к. в месяц.

Наиболее высокую заработную плату получали металлисты. По тем же данным фабричной инспекции, металлисты фабрично-заводских предприятий Петербурга, состоявших под надзором фабричной инспекции, в 1902 г. зарабатывали 407 р. 50 к. в год, т. е. почти 34 руб. в месяц. Но надзору фабричной инспекции подлежала только половина металлистов Петербурга. Около 30 тыс. металлистов

¹ Металлист, 1911, № 1, стр. 5.

² Составлено по сводам отчетов фабричных инспекторов за соответствующие годы. Данные фабричной инспекции не отражали действительного уровня заработной платы петербургских рабочих. Они составлялись на основании сообщений предпринимателей, преувеличивавших размеры заработной платы рабочих. Кроме того, в эти данные включались только «номерные» рабочие, нанимаемые заводоуправлением на длительный срок, а подручные, так называемые «валовые» рабочие, нанимаемые на различную черную работу подневно, получавшие наиболее низкую заработную плату, в эти сведения не включались. Заработок фабрично-заводских рабочих в действительности часто был наполовину ниже указанной суммы.

Расчетная книжка рабочего Путиловского завода 1898 г.

Расчетная книжка рабочего Путиловского завода.

было занято на казенных предприятиях города, принадлежавших Военному и Морскому министерствам.

В октябре 1902 г. для обследования положения рабочих этих предприятий была создана правительственная комиссия. По подсчетам комиссии минимальный заработок одиночного рабочего должен составлять 21 руб. в месяц, а семейного — 38 руб. в месяц. В действительности же 45,5% общего числа рабочих казенных предприятий получали заработную плату менее 20 руб. в месяц, 36,8% — от 20 до 35 руб. и только 17,7% — свыше 35 руб.¹ Такая низкая заработная плата позволяла только 1/5 части рабочих казенных предприятий, по признанию самой комиссии, еле-еле сводить концы с концами в своем бюджете.

Еще более низкими в годы кризиса были заработки рабочих других групп производств. Петербургские ткачи, получавшие по сравнению с рабочими других групп производств самую низкую заработную плату, писали в «Искру»: «У Торнтон-тона ткачи вырабатывают от 6 до 8 руб. в месяц, у Максвеля женщины — 3—4 руб., мужчины — 8—11 руб., у Паля поденщики получают 20 коп. в день и т. п.»² В 1903—1904 гг. заработная плата петербургских рабочих еще более понизилась.

¹ Н. М. Лисовский. Рабочие в военном ведомстве. СПб., 1906, стр. 77.

² Искра, 1901, № 2.

Революция 1905—1907 гг. внесла улучшение в положение рабочего класса. Если к 1901 г. заработок петербургских рабочих, по данным фабричной инспекции, как сообщалось выше, достигал 300 руб. в год, то в 1906 и 1907 гг. он составлял уже 375—380 руб. в год, т. е. увеличился на 30%. Самоотверженная революционная борьба рабочих с самодержавием и капиталистами заставила последних улучшить положение трудящихся. В. И. Ленин по этому поводу писал: «Пятый год поднял жизненный уровень русского рабочего так, как в обыкновенное время не поднимается этот уровень за несколько десятилетий».¹

Но расправившись с революцией 1905—1907 гг., царское самодержавие в союзе с предпринимателями опять перешло в наступление на жизненный уровень трудящихся. Количество безработных в это время значительно возросло. В листовке, изданной Петербургским комитетом в сентябре 1908 г., говорилось, что царское самодержавие «систематически отнимает все завоевания, добытые долгой тяжелой борьбой. Мастерские, фабрики и заводы превращены в казармы, расценки сбавлены, во многих местах увеличено рабочее время, всюду усилен шпионский надзор».²

Одним из наиболее распространенных способов снижения расходов на заработную плату трудящихся являлась массовая замена мужского труда женским, оплачивавшимся вдвое дешевле. Так, если по переписи 1900 г. женщины составляли 20,8% всех рабочих столицы, то по переписи 1910 г. — уже 25,4%. Только в текстильной промышленности Петербурга удельный вес женщин-работниц за указанное время возрос с 55,5% до 62,5%. Наряду с женским трудом усиленно стал применяться дешевый детский труд. Так, с 1900 по 1913 г. количество малолетних детей, занятых только в фабрично-заводской промышленности Петербурга, возросло на 43%, а количество подростков — на 117%.

По данным фабричной инспекции, заработок фабрично-заводских рабочих Петербурга в 1909 г. по сравнению с 1906 г. во всех отраслях промышленности упал на 10%. Если на Трубочном заводе за отливку сотни алюминиевых трубок в 1906 г. платили 12 коп., то в 1908 г. — только 7 коп. На Балтийском заводе расценки по чеканке были снижены на 28%.³ На текстильных фабриках Максведа расценки были снижены на 30%. То же самое происходило и на других предприятиях города: на Путиловском, Металлическом, Обуховском и других заводах.

Но особенно низкими в годы реакции были заработки рабочих мелких ремесленных мастерских и рабочих и служащих, занятых в торговле.

Из 150 тыс. торговых рабочих и служащих половину составляли дети и подростки, которые работали бесплатно (числились «учениками»). Четвертая часть

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 48, стр. 235.

² Листовки петербургских большевиков, 1902—1917, т. II. Госполитиздат, 1939, стр. 31.

³ Материалы об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу. СПб., 1909, стр. 109.

Группа рабочих — участников строительства Пантелеймоновского моста. Фотография начала XX в.

взрослых служащих получала заработок до 20 руб. в месяц, 22% — до 30 руб., 15% — до 40 руб. Только 6% торговых служащих, получавших свыше 40 руб. в месяц, вели сносное существование. Основная же масса их, особенно малолетние, подростки и женщины, или совсем не получали заработной платы, или получали ее в размере до 20 руб. в месяц.¹

В конце 1909, а особенно в 1910 г. в ряде отраслей промышленности Петербурга наметился подъем, вскоре охвативший все отрасли промышленности. Количество безработных уменьшилось, а в 1912 г. даже стал ощущаться недостаток в квалифицированной рабочей силе. В связи с этим рабочие опять, не боясь локута за каждую стачку, перешли в наступление на капиталистов и самодержавие. Началось оживление, а с апреля 1912 г. и мощный революционный подъем рабочего движения. В 1912 г. средний заработок петербургских рабочих, по данным

¹ А. Гудван. В царстве тьмы и эксплуатации. СПб., 1909, стр. 28, 43.

фабричной инспекции, почти достиг уровня 1901—1907 гг. Средняя заработная плата металлистов составляла 519 руб. в год, т. е. 43 руб. в месяц.

Следует учитывать, что в действительности заработная плата большинства петербургских металлистов была значительно ниже данных фабричной инспекции. Рабочие Путиловского завода писали в 1912 г. в «Правду», что обрубки в чугунолитейной мастерской «вырабатывают в месяц до 37 дней, но больше 1 р. 40 к. в день не выгоняют». ¹ В железнодорожном отделе того же завода рабочие получали по 80—90 коп. в день, а часть рабочих, работающих сдельно, «зарабатывают от 93 к. до 1 р. 20 к. в день». ² Рабочие железокотельной мастерской Фряко-Русского завода писали в «Правду»: «... администрация некоторым дает заработать 100 руб. в месяц, а большинству 18—20 руб.». ³

Таким образом, кроме небольшой группы высокооплачиваемых рабочих, основная масса петербургских металлистов в 1912 г. получала заработную плату от 75 коп. до 1 р. 50 к. в день.

Даже по «образцовому» бюджету, выработанному в Военном министерстве, по которому не учитывались расходы рабочих на культурно-просветительные нужды, на отпуск, на обстановку, на обучение детей и многие другие потребности человека, одинокий рабочий, чтобы свести концы с концами, должен был зарабатывать 21 руб. в месяц, а семейные — до 38 руб. в месяц.

На одежду эта правительственная комиссия кладет только 3 руб. в месяц, на квартиру — 4, на питание 10, остальные 4 руб. — на случайные расходы.

По данным Петербургского союза металлистов, 60% членов союза зарабатывали не более 35—37 руб. в месяц. Остальные члены союза зарабатывали или больше или меньше этой суммы. Больше 60% даже высокооплачиваемых рабочих не могли свести концы с концами в своем бюджете, так как, согласно обследованию 110 рабочих металлистов, проведенному при XII отделе Русского Технического общества, выяснилось, что без дефицита в бюджете живут одинокие рабочие в случае заработка выше 35 руб., а семейные, имеющие до 3 детей, — при зарплате свыше 60 руб.

До 80% петербургских рабочих получало заработную плату менее 35 руб. в месяц. Из этой суммы больше 80% уходило на питание и плату за жилище. На одежду, культурные потребности средств не оставалось. Рабочие прибегали к займам, жили «в долг», искали дополнительного приработка.

К заработку металлистов приближался по своему уровню только заработок типографских рабочих, нередко достигавший 1½ руб. в день.

Текстильщики были наиболее низко оплачиваемой категорией рабочих в России. Даже по завышенным данным фабричной инспекции петербургские текстильщики в 1912 г. получали только 20 р. 90 к. в месяц, или 87 коп. в день, т. е. в 2 раза

¹ Правда, 1912, № 4.

² Там же, № 6.

³ Там же.

Сезонные рабочие-дорожники. Фотография начала XX в.

меньше, чем металлисты. Но заработок текстильщиков в действительности был еще ниже. Рабочие трикотажной фабрики Керстен писали: «Заработок у нас аховый. Мужчины получают от 70 до 80 к. в день, женщины — 8—10 руб. в месяц».¹ На мануфактуре Мальцева заработок ткача составлял от 16 до 20 руб. в месяц, а работницы прядильного отделения зарабатывали в день 55 коп.² Многочисленные сообщения рабочих-текстильщиков в «Правду» о размерах заработка позволяют сделать вывод о том, что в годы промышленного подъема средний заработок текстильщиков колебался от 50 до 75 коп. и редко достигал 1 руб. в день.

Заработная плата деревообделочников, кожевенников, рабочих химического производства была несколько выше, чем заработок текстильщиков. По данным фабричной инспекции, в 1912 г. он составлял 31 р. 70 к. в месяц, или 1 р. 32 к. в день. Но из многочисленных сообщений рабочих этих групп производства в «Правду» можно сделать вывод, что он редко превышал 1 руб. Так, рабочие

¹ Правда, 1912, № 5.

² Там же, № 193.

красильной фабрики Пеклие получали в день от 60 до 90 коп., женщины — от 32 до 40 коп.¹

Чрезвычайно низкими, иногда даже менее зарплаты текстильщиков, были в 1912 г. заработки рабочих на предприятиях по обработке пищевых продуктов и минеральных веществ. По данным фабричной инспекции, их заработок доходил до 95 коп. в день, а на самом деле был значительно ниже. Так, на крупнейших табачных фабриках Петербурга — фабрике «Лаферм» и фабрике Шапошниковой — работницы получали не более 50 коп. в день. На шоколадной и конфетной фабрике Ландриня женщины получали поденную плату от 40 до 60 коп. в день.²

Заработная плата рабочих мелких мастерских и заведений: булочных, портняжных, сапожных и т. д., где рабочие не были объединены в большие коллективы, были разрознены, оторваны от фабрично-заводских рабочих, революционного авангарда петербургского пролетариата, была ниже всяких норм и ничем не регулировалась.

В то же время уровень заработной платы петербургских рабочих превышал размеры заработной платы рабочих России. По подсчетам Струмилина в 1913 г. заработок рабочих в среднем по России нечислялся в 22 руб., в Москве — в 27,1 руб., а в Петербурге он составлял 34,7 руб.³ Это объяснялось более высоким прожиточным минимумом в столице, нежели в других местах, и тем, что большую часть рабочих Петербурга составляли металлисты, заработная плата которых в годы промышленного подъема была выше заработной платы рабочих других групп производств, например текстильщиков, составлявших большую часть рабочих России и Московской губернии в особенности. Но главной причиной более высокого уровня заработка петербургских рабочих являлось то, что петербургские рабочие, особенно фабрично-заводские, были спаяны пролетарской солидарностью, и это помогло им добиться наибольших уступок со стороны промышленников в революционной борьбе, в частности в стачках периода 1912—1914 гг. Во всех требованиях стачечников в 1900—1914 гг. одним из первых стояло требование повышения заработной платы.

Заработная плата рабочих, и без того низкая, снижалась штрафами. На фабрично-заводских предприятиях штрафы получали в начале XX в. самое широкое распространение. Так, по данным фабричной инспекции, в 1900 г. оштрафовано было 82,1% всех фабрично-заводских рабочих, подлежащих надзору фабричной инспекции, в 1905 г. — 90,5% всех рабочих, в 1909 г. — 84%, в 1913 г. 80,2%. По данным той же фабричной инспекции, далеко не отражающим действительного положения, штрафы в период революции 1905—1907 гг. сократились

¹ Правда, 1912, № 195.

² Звезда, 1912, № 15.

³ С. Г. Струмилин. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913—1922 гг. М., 1923, стр. 74.

с 22,5 до 9,6 коп. со 100 руб. заработка. Однако в 1912 г. они снова повысились и достигли размеров 45,3 коп. в год на рабочего, или 17,7 коп. со 100 руб. заработка.¹

На крупных фабрично-заводских предприятиях организованные рабочие боролись со штрафами, а что делалось на казенных предприятиях или предприятиях ремесленного типа — это не находило отражения в правительственной статистике. Штрафы, несомненно, превышали размеры, указанные фабричной инспекцией; рабочих штрафовали по всякому поводу и без повода. Так, на Обуховском заводе в 1913 г. брали штраф в размере тройной часовой платы «за самовольное отсутствие, за оставление работы раньше срока, за оставление работы до прихода сменщика, за неотметку в контрольных часах, за выход из мастерской до свистка и нахождение в мастерской после свистка, за нечистку машин, за неприятное содержание станков, за несоблюдение правил осторожности, за непредъявление номера сторожам, за переход в другие мастерские, за невозвращение паспорта, за непослушание, за несообщение нового адреса и за нарушение правил вообще».²

Рабочие снаряжательного отдела казенного патронного завода писали в «Правду»: «...усиленно процветают штрафы по всякому поводу, штрафуют иногда на 3 и на 5 рублей».³

Работницы резиновой мануфактуры «Треугольник» при максимальном напряжении труда зарабатывали не более 70 коп. в день, получая за пару галош 3½ коп. За брак пары галош из-за плохого материала хозяев работницы штрафовались по 4—5 коп. за пару.⁴ Неудивительно, что требование отмены штрафов сопровождало почти все стачки рабочих.

Характеристика изменений в заработной плате рабочих с 1900 по 1913 г. не соответствовала бы действительности, если бы мы ограничились изучением движения только номинального заработка рабочих. Увеличение номинальной заработной платы петербургских рабочих с 302 р. 45 к. в 1900 г. до 384 руб., на 28%, в 1913 г. до конца не отражает действительного изменения положения рабочего класса, который ницал и относительно и абсолютно.

В то время как номинальный заработок фабрично-заводских рабочих Петербурга с 1900 по 1913 г. возрос на 28%, общий индекс товарных цен в процентах возрос в 1914 г. по отношению к 1899 г. на 28,6%: на хлеб на 20%, на животные продукты на 50%, на ткани на 45%, на керосин на 60%, и т. д.⁵ Рост цен на предметы первой необходимости за эти 14 лет происходил так быстро, что он сводил на нет увеличение номинальной заработной платы.

¹ Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 год. Пгр., 1914, стр. LXII.

² А. Бадаев. Большевики в Государственной думе. 1954, стр. 156—157.

³ Правда, 1912, № 1.

⁴ Там же, № 5.

⁵ П. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II, 1938, приложения, стр. 413—415.

Следовательно, фактически никакого увеличения реального заработка петербургских рабочих за 1900—1913 гг. не произошло. Если же к росту товарных цен добавить еще рост платы за жилища в этот промежуток времени, то получится, что реальный заработок рабочих с 1900 по 1913 г. понизился.

В то время как в 1900—1913 гг. производительность труда рабочих безудержно повышалась, доля их заработка в общих доходах промышленности все время уменьшалась. Так, со 100 руб. выработки в 1900 г. расход на заработную плату рабочих составлял 13,6 руб., в 1908 г. — 12,6 руб., а в 1913 г. — только 10,9 руб.¹

Наряду с уменьшением реальной заработной платы и увеличением производительности труда наступление предпринимателей на рабочий класс шло также по линии увеличения рабочего дня.

Продолжительность рабочего дня петербургских рабочих в начале XX в. в значительной мере определялась и регулировалась силой и организованностью революционного отпора рабочих и экономическим положением в стране в тот или иной отрезок времени.

В годы кризиса 1900—1903 гг. рабочий день на большинстве предприятий столицы достигал 10—12 час. в день. На многих предприятиях он был фактически еще длиннее, продолжаясь 14 час. и более. В ленинской «Искре» помещались многочисленные сообщения рабочих, в которых говорилось о невероятно длинном рабочем дне. Рабочие ниточной фабрики Штиглица 23 января 1903 г. забастовали, так как рабочий день у них длился с 5 час. утра до 8 час. вечера с часовым перерывом на обед, т. е. 14 час. в день.² Служащие Главного почтамта работали по 18 час. в сутки.³

В годы кризиса предприниматели, пользуясь безработицей, хищнически, не считаясь с возможностями человеческого организма, использовали рабочую силу занятых на предприятиях рабочих. Особенно ярко это сказывалось в злоупотреблении сверхурочными работами. В «Сводах отчетов фабричных инспекторов» произведены далеко не полные подсчеты исчисляющихся тысячами заявлений рабочих на злоупотребления предпринимателей сверхурочными работами.

В революционные дни 1905—1907 гг. рабочие многих городов страны и в том числе рабочие Петербурга явочным порядком на ряде предприятий установили более сокращенный (вначале — 8-часовой) рабочий день.

В годы реакции петербургские предприниматели, использовав временное отступление революции, наличие огромной армии безработных, продолжавшуюся депрессию в большей части отраслей промышленности, отняли у рабочих это завоевание, удлинив рабочий день до 10—12 час. По подсчетам союза металлистов, на 43 крупнейших металлообрабатывающих предприятиях города с коли-

¹ С. Г. Струмилин, ук. соч., диагр. 3.

² Искра, 1903, № 34.

³ Там же, № 50.

чеством рабочих до 42 тыс. чел. рабочий день уже в конце 1907 г. достиг в среднем 9,7 час. в день (без сверхурочных).¹ На многих предприятиях рабочие работали без обеденного перерыва. В дальнейшем, в 1908 и 1909 гг., на предприятиях всех групп производств рабочий день еще более увеличился. Особенно продолжительным он был у торговых рабочих и служащих. Из 365 дней в году они имели только 5—6 выходных дней по большим праздникам. Только 7,1% всех приказчиков города работали 11—12 час. в сутки, остальные — от 13 до 19 час. Самым распространенным был рабочий день в 13 час. (40,9% рабочих и служащих), 14 час. (18,4%), 15 час. (25%).²

Особенно беззастенчиво предприниматели стали увеличивать рабочий день и сверхурочные работы в 1910—1911 гг. в связи с наметившимся оживлением в промышленности. Петербургские рабочие писали об этом в большевистскую газету «Звезда» и в профессиональные журналы. Так, рабочие казенного Охтенского порохового завода сообщали, что они работают 12 час.: 9 и 3 сверхурочных.³ Рабочие Франко-Русского завода писали, что «из среднего рабочего месяца — 21—22 дня, — выгоняют большинство рабочих 40—45 дней». ⁴ В марте 1911 г. 400 рабочих корабельной мастерской Балтийского судостроительного завода решили отказаться от непосильных далее сверхурочных работ. В связи с этим среди рабочих были произведены обыски, 9 человек из них были арестованы.⁵

Если такие злоупотребления сверхурочными работами производились на крупных предприятиях с организованным пролетариатом, то в многочисленных мелких ремесленных мастерских рабочие вообще работали «от зари до зари». Так, у большей части башмачников, работавших на дому на обувные магазины, рабочий день длился по 16—18 час. в сутки, так же как и в большинстве будочных города. Особенно тяжелым в различных мелких заведениях было положение детей, нанятых в услужение. Они работали с 5 час. утра до 11—12 час. ночи.⁶

С переходом оживления рабочего движения в новый революционный подъем рабочие, особенно фабрично-заводские рабочие крупных петербургских предприятий, вступили в ожесточенную борьбу с предпринимателями, выражавшуюся в форме конфликтов, забастовок, во время которых выдвигались требования сокращения рабочего дня, уничтожения сверхурочных работ и др. К этому времени крупнейшие предприятия, в первую очередь металлообрабатывающей промышленности Петербурга, получили большие военные заказы царского правительства,

¹ Материалы об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу. СПб., 1909, стр. 119.

² А. Г у д в а н, ук. соч., стр. 32—33, 35.

³ Металлист, 1911, № 1, стр. 11.

⁴ Звезда, 1912, № 9.

⁵ Там же, 1911, № 15.

⁶ Там же, 1912, № 8.

лихорадочно готовившегося к империалистической войне. Опасаясь, что эти выгодные заказы уйдут за границу, предприниматели усилили наступление на рабочий класс. На Невском судостроительном заводе всеми «номерными» в 1912 г. работы производились с 7 час. утра до 10 час. вечера,¹ на Балтийском судостроительном заводе сверхурочные работы также считались обязательными.² На Путиловском заводе рабочие работали в месяц за счет сверхурочных работ по 40 и 45 дней.³

Сверхурочная работа, применявшаяся в 1912—1914 гг. на всех предприятиях, была настоящим бичом для рабочих всех отраслей промышленности. И без того длинный 10—12-часовой рабочий день превращался в 13—14-часовой. Очень часто сверхурочные работы оплачивались в обычном размере, несмотря на то, что полагалось платить в полторном размере.

В ответ на протесты рабочих против непомерных злоупотреблений сверхурочными работами фабричные инспекторы и администрации фабрик и заводов цинично и лицемерно отвечали, что кто не хочет работать сверхурочно, пусть не работает, что сверхурочные работы не обязательны. На самом же деле на предприятиях создавалась такая обстановка, что, если рабочий не хотел терять работу, он должен был работать сверхурочно.

Согласно закону 1897 г., сверхурочные работы разрешались только временно, в экстренных случаях, на предприятиях, где особенности технических условий вынуждают производить такие работы. Разрешение на производство временных сверхурочных работ, согласно закону, выдавало главное по фабричным делам присутствие. Но фактически эта статья закона 1897 г. была чисто условной. Так, в деле фабричного инспектора 13-го фабричного участка Петербурга имеются справки о сверхурочных работах за 1913 г. от резиновой мануфактуры «Треугольник». В одной из таких справок, например, говорится: «... в течение мая месяца сего 1913 года, 933 рабочих выработали 27011 часов на сверхурочных обязательных работах. Не обязательных сверхурочных часов не производилось».⁴ Из справок за другие месяцы 1913 г. видно, что на «Треугольнике» только в январе производились необязательные сверхурочные работы, в остальные месяцы производство сверхурочных работ было обязательным. Сверхурочные работы на «Треугольнике» превращали 10-часовой рабочий день в 12—13-часовой.

4 июня 1912 г. администрация Невского судостроительного завода обратилась в главное по фабричным делам присутствие с просьбой разрешить в целях государственной обороны сверхурочные работы для $\frac{1}{3}$ рабочих завода до конца года с 7 до 10 час. вечера. Присутствие в своем решении указало, что администра-

¹ Невская звезда, 1912, № 8.

² Там же, № 18.

³ Там же, № 25.

⁴ ГИАЛО, ф. 1229 фабричной инспекции Петербургской губернии, д. 716, св. 47. 1913 г., л. 74.

дия Невского судостроительного завода производит чрезмерно большое количество сверхурочных работ в течение всего года в цехах отдела завода. Администрации рекомендовалось нанять новых рабочих и установить машины, т. е. расширить предприятие. Но, несмотря на все свои веские доводы против сверхурочных работ на заводе в столь неограниченных размерах, присутствие, однако, разрешило их производство,¹ превратив рабочий день для рабочих из 10-часового в обязательный 13-часовой.

Большевистская партия через свои нелегальные и легальные органы разъясняла рабочим вред сверхурочных работ для здоровья рабочих и призывала к борьбе за 8-часовой рабочий день. В марте 1914 г., например, Петербургский комитет распространил среди рабочих города листовку, в которой говорилось, что сверхурочные работы — самый страшный бич для рабочих, что «миллионы рабочих: портных, булочников, трактирных служащих, приказчиков, съестников, строительных и ремесленных рабочих — вымирают медленной смертью от губительного 14—16- и даже 18-часового рабочего дня, выросшего до этих чудовищных размеров благодаря постоянной *сверхурочной* работе». Листовка призывала всех рабочих бороться за уничтожение этого зла.² На страницах большевистской «Правды» во весь голос говорилось о необходимости борьбы за 8-часовой рабочий день, за уничтожение сверхурочных работ.

Требование сокращения рабочего дня до 8 часов и уничтожения сверхурочных работ было одним из основных требований рабочих в стачках 1912—1914 гг. и в то же время это было одним из трех революционных лозунгов большевистской партии, под которыми шла борьба рабочих всей России в период нового революционного подъема.

Царское самодержавие и заводчики и фабриканты понимали всю опасность направленного к ним требования рабочих о сокращении рабочего дня до 8 час.

В. И. Ленин указывал: «Требование... 8-часового рабочего дня есть требование всего пролетариата, обращенное не к отдельным хозяевам, а к государственной власти, как к представительнице всего современного общественного и политического строя, ко всему классу капиталистов, владеющих всеми средствами производства».³

В целом в начале XX в. капиталистическая промышленность в ряде отраслей в годы промышленного подъема увеличила производство. Но увеличение выпуска продукции, что имело место и в Петербурге, происходило в значительной мере не за счет расширения и реконструкции предприятий, а за счет усиления эксплуатации, увеличивавшей производительность труда рабочих.

Неизбежная скученность людей и машин, отсутствие при этом средств технической безопасности на капиталистических предприятиях Петербурга, в усло-

¹ ЦГИАЛ, ф. 23 Министерства торговли и промышленности, оп. 20, д. 206, лл. 30—31.

² Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 100—101.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, стр. 337.

ниях, когда постоянное и чрезмерное переутомление рабочих и работниц лишало их возможности быть вечно настороже, приводили к массовым несчастным случаям. Только по данным фабричной инспекции, под надзором которой состояло около половины петербургских рабочих, с 1901 по 1914 г. на фабрично-заводских предприятиях города было 120940 несчастных случаев. Это означало, что несчастные случаи за 14 лет произошли с половиной фабрично-заводских рабочих Петербурга. Большое количество несчастных случаев в годы промышленного кризиса и промышленного подъема объясняется резким ухудшением положения рабочих вообще и усиленной их эксплуатацией.

Только за один 1912 г. на фабрично-заводских предприятиях города, по весьма заниженным данным фабричной инспекции, было 12268 несчастных случаев. Фабричный инспектор 4-го участка сообщал старшему фабричному инспектору, что только на его участке в 1912 г. произошло 1176 несчастных случаев, из них на снарядном заводе Русского общества — 176, Нобеля — 87, Розенкранца — 343, Струка — 103, Эриксона — 52, на Выборгской мануфактуре — 113, на Сампсониевской — 89, и т. д.¹ Это означало, что из общего количества рабочих на участке (18928) в 1912 г. получили увечья 6,2% всего состава, а на заводе Розенкранца, где в 1912 г. работало 1738 рабочих, за один год была искалечена пятая часть всех рабочих.

В 1913 г. количество несчастных случаев на фабрично-заводских предприятиях города достигло 14288. Очень часто происходили взрывы на казенных заводах, готовящих военное снаряжение. В результате преступного отношения капиталистов к жизни рабочих в марте 1914 г. произошли массовые отравления рабочих и работниц на «Треугольнике», табачных фабриках Богданова, Шапошниковой, «Лаферм» и др.

Рабочих губили также антисанитарные условия труда на предприятиях столицы. Например, в глицериновом отделе стеаринового завода в марте 1911 г. из-за отсутствия ограждений в бак с глицериновой водой свалился рабочий, умерший затем в больнице от ожогов.² Летом 1913 г. забастовали рабочие казенного Обуховского завода. Причиной стачки являлось отсутствие минимальных мер для охраны труда рабочих. Забастовку начали рабочие снарядно-закалочной мастерской, которая считалась самым «гнилым местом» на заводе. В мастерской рядами стояли огромные с низкими краями чаны с маслом, в которые опускались для закалки отожженные снаряды. Воздух в мастерской был всегда насыщен густыми масляными парами и едкой гарью. Вентиляции не было, рабочие постоянно угорали. После 12 час. работы они уходили домой со страшной головной болью, с зелеными лицами. 26 июля один из рабочих, у которого во время работы закружилась голова, покачнулся и свалился в кипящее масло, так как у чанов

¹ ГИАЛО, ф. 1229, д. 579, св. 39, 1910—1913 гг., л. 11.

² Звезда, 1911, № 12.

отсутствовали ограждения. Из чана его извлекли мертвым. Рабочие завода забастовали и потребовали сделать ограждения у чанов и устроить вентиляцию.

Не лучше были условия труда и на текстильных, табачных и других предприятиях города, а в мелких ремесленных мастерских и того хуже.

Тяжелое положение рабочих усугублялась еще и плохим медицинским обслуживанием.

На Втором Всероссийском съезде фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности в сообщении о постановке медицинской помощи на фабриках и заводах, по данным фабричной инспекции на 1907 г., указывалось на крайнюю злободневность вопроса об организации медицинской помощи фабрично-заводским рабочим. В докладе врача А. Н. Випокурова говорилось, что в Петербурге медицинская помощь рабочим оказывается особенно плохо. Из 601 промышленного заведения с 94 465 рабочими, подчиненного надзору фабричной инспекции, больницу имела только одна фабрика с 481 рабочими, 6 — приемные покои, 19 — соглашения с больницами; 158 ограничивались амбулаторной помощью.

Таким образом, из 601 фабрично-заводского предприятия города в 1907 г. полную врачебную помощь давали лишь 3,4%, 37,9% — только амбулаторную помощь, а больше половины, 58,7%, не оказывали никакой помощи.¹

В стачках рабочих начала XX в. одним из существенных требований было требование улучшения условий труда и медицинского обслуживания.

Капиталисты не ограничивались физическим уничтожением и калечением рабочих. Рабочего старались унижить морально целым рядом оскорбительных для личности человека действий: обысками, бранью, кулачной расправой. Рабочие Екатеринбургской бумагопрядильной мануфактуры писали в «Правду»: «Заработок нищенский, обращение варварски грубое — „дурак, осел, поди вон“ — вот обычный лексикон слов г. г. администраторов».² О другом крупном текстильном предприятии города, Старо-Сампсониевской мануфактуре Мальцева, рабочие писали, что там царит «единичное обращение с рабочими, мастера ругают так, что покраснеет действительный статский советник депутат Пуришкевич. . . фельдшер с больными обращается грубо».³

Не лучше было обращение с рабочими на крупнейших металлургических предприятиях Петербурга. Рабочие снаряжательного отдела патронного завода, например, писали в «Правду»: «У нас в отделе начальство не стесняется в выражениях и в обращении с рабочими трехэтажная ругань — постоянное явление. . . мастер Арсентьев, как передают рабочие, не считал нужным называть рабочих

¹ Труды Второго Всероссийского съезда фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности, вып. 1, М., 1911, стр. 52—53.

² Правда, 1912, № 3.

³ Там же, № 193.

по фамилии или имени, а просто свистал, и если тот, к кому относился этот свист, не является своевременно, ему пишется штраф». ¹

Мастер завода «Новый Лесьер» весной 1913 г. преследованиями и оскорблениями довел до самоубийства рабочего завода Якова Стронгина. Под руководством петербургских большевиков рабочие завода бастовали 102 дня, требуя увольнения ненавистного всем мастера.

Но особенно тяжелым и бесправным было положение менее сознательных и менее организованных рабочих в мелких мастерских и различных торговых предприятиях. Так, в колбасной Менцевич и Коплевской, как писали рабочие в «Правду», «хозяин обходится с рабочими хуже, чем со скотиной. „Хулиган“, „сводочь“ — его любимые фразы. . . часто просто бьет». ² Об обращении с детьми, взятыми в «обучение», не приходится даже и говорить. Оно, судя по многочисленным сообщениям в «Правду», ничем не отличалось от положения чеховского Ваньки Жукова, отданного в «обучение» к сапожнику.

Положение женщин-работниц было во много раз хуже положению мужчин. Администрация фабрик и заводов, хозяева и мастера различных предприятий и мастерских, как об этом сообщалось в рабочей печати, пользуясь своим положением, преследовали женщин грязными предложениями и домогательствами, обращением, оскорбляющим женское достоинство. Особенно тяжелым и бесправным было положение женщин в торговых заведениях: чайных, трактирах, магазинах. Но и положение женщин-работниц на крупных предприятиях города было немногим лучше. В июле 1912 г. в «Правде» была помещена статья «Письма из ада», в которой рассказывалась страшная, неприкрытая правда о преследованиях мастерами девушек-работниц на фабрике «Скороход», Невском стеариновом заводе и трикотажном отделении фабрики Керстен. Письма работниц в «Правду» автор статьи называет воплем белых рабынь, задавленных самыми гнусными, самыми позорными видами крепостного права.

Факты, приводимые в статье, были настолько вопиющими, что даже тяжеловесная министерская машина пришла в действие. Через полгода после опубликования статьи управляющий отделом промышленности Министерства торговли и промышленности послал старшему фабричному инспектору отношение, в котором предлагал через фабричных инспекторов «выяснить приведенные в статью обстоятельства». Фабричные инспектора соответствующих фабрично-заводских участков ограничились, как и следовало ожидать, формальной отпиской. Фабричный инспектор 8-го участка написал в ответ на запрос в отдел промышленности, что администрация к рабочим фабрики «Скороход» относится корректно и что статью в «Правде» он относит к разряду вымыслов. ³

¹ Правда, 1912, № 1.

² Там же, № 109.

³ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 25, д. 185, л. 62 и др.

Большевистская партия через нелегальную и легальную печать раскрывала перед рабочими факты неслыханной эксплуатации и издевательства предпринимателей и администрации над женщинами-работницами. В листовке Петербургского комитета, изданной перед 8 марта 1914 г. и призывавшей отметить международный день работницы митингами и собраниями, отмечалось: «12—16- и даже 18-часовой рабочий день за грошевый заработок в 40—60 коп., расхищаемый беспрестанными штрафами, тяжкие оскорбления и унижения со стороны бесчисленных... хозяйских прихвостней, принуждение беременных работать вплоть до родов... — вот беспросветная доля русской работницы».¹

Большевистская партия через «Правду» разъясняла рабочим и работницам, что не фабричная инспекция, фактически с 1903 г. подчиненная власти губернаторов и состоящая на службе у господствующих классов, а только революционная классовая борьба с эксплуататорами принесет рабочему классу коренное изменение его положения.

На всем протяжении 1900—1914 гг. одним из настойчивых требований, красной линией проходящим через все стачки рабочих, было требование вежливого обращения со стороны администрации. Часто, особенно в 1912—1914 гг., были случаи, когда на защиту оскорбленного рабочего или работницы вставали все рабочие данного предприятия.

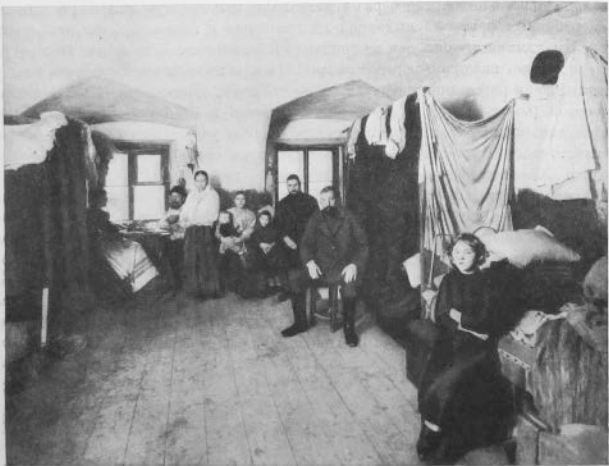
Тяжелыми были и бытовые условия петербургских рабочих. Если, как уже указывалось выше, на питание рабочего уходила половина заработка, то на жилище — в среднем около 20% рабочего бюджета (по данным за 1908 г.).² Это соотношение расходов на питание и жилище в основном было характерным для всего рассматриваемого нами периода 1900—1914 гг. Думским врачом М. И. Покровской в 1903 г. была опубликована работа, сообщавшая результаты обследования петербургскими санитарными врачами 39 рабочих квартир, в которых размещалось 726 рабочих и членов их семей. Общее впечатление от жилищ петербургских рабочих во всех частях города санитарные врачи выражают следующим образом: «В них господствует сырость, грязь, темнота, духота, недостаток воздуха и света... зловоние на дворах, в сенях, на лестницах составляло обычное явление».³

Врачей поразила необычайная скученность рабочих в их квартирах. Они установили, что в большинстве квартир размещалось от 20 до 73 чел., т. е. по 10—

¹ Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 94.

² Положение труда в Петербургской губернии за 1918—1923 гг. Сост. К. Яковлева. Пгр., 1923, стр. 25.

³ М. И. Покровская. По подвалам, чердакам и угловым квартирам Петербурга. СПб., 1903 (О жилищных петербургских рабочих, стр. 31—32).

Квартира рабочей бедноты. Фотография начала XX в

20 чел. в одной комнате. На одного человека приходилось в среднем 0,3 кв. и 0,3 куб. саж.¹ Из 762 чел. 51 были лишены дневного света, в том числе 13 детей. Одинокие, как правило, были в состоянии снимать только полкойки. Из 205 обследованных одиноких рабочих только 18 спали на отдельных кроватях.

В отдельных домах, как, например, в доме кв. Вяземского на углу Забалканского проспекта и набережной р. Фонтанки, при обследовании его санитарным врачом, оказалось, что в квартирах, снимаемых кустарями-корзинщиками, даже не имелось нар или кроватей, а кустары спали на верстаках и платили за то место, на котором стоит верстак. Всего в этом доме в тесноте, духоте, сырости жило более 3 тыс. чел., снимавших по полкровати или живших на своем рабочем месте. Такие же ужасные жилища можно было, по свидетельству санитарных врачей, встретить и в Петербургской, Выборгской, Васильевской и во всех других частях города. Встречались целые семьи в 3—5 чел., снимающие одну кровать. В 39 обследованных квартирах таких семейных кроватей было 26.

¹ М. И. Покровская, ук. соч., стр. 4.

Рабочая столовая в Петербурге. Фотография 1900-х годов.

За квартиру на всем протяжении начала XX в. рабочие платили очень дорого: семейные — от 12 до 33% заработка, одинокие — от 7,5 до 10% заработка. У получавших меньшую заработную плату, как правило, плата за квартиру отнимала большую долю заработка; от 33 до 35%, если он составлял 15—20 руб., в то время как получавшие 50—55 руб. платили 18—12% заработка.¹

В дальнейшем, в годы реакции и нового революционного подъема быт рабочих не улучшился. Даже наоборот, в годы промышленного подъема цены на жилища еще более возросли, так как количество рабочих резко увеличилось. Ни капиталисты, ни царское самодержавие попрежнему не проявляли никакой заботы о строительстве жилищ для рабочих.

Как и прежде, в 1909—1913 гг. самым тяжелым было положение рабочих артелей или рабочих мелких ремесленных мастерских, живущих на хозяйских харчах и на хозяйских квартирах. А такие рабочие исчислялись десятками тысяч. Например, в 1912 г. на хозяйских харчах и квартирах жило около половины всех

¹ Там же, стр. 31.

рабочих-булочников Петербурга. Квартиры эти, как сообщали рабочие-булочники в многочисленных корреспонденциях в рабочую большевистскую печать, были неизмеримо сырыми, тесными и грязными, находясь обычно в подвальных или чердачных помещениях. На одной кровати спали по 2 и более человека. Хозяева таких «квартир» снижали рабочим плату за труд, так как считалось, что рабочий был обеспечен «квартирой». Жизнь таких рабочих была настоящей каторгой. Небольшой группой своих рабочих в 6—8 чел., постоянно находившихся на его глазах, хозяин и его семья помыкали как хотели круглые сутки, используя их на самых различных работах по двору и т. д. Весь режим для таких рабочих был строго регламентирован. Запрещались отлучки «со двора», чтение газет и книг. Поэтому большая часть рабочих мелких заведений и мастерских отставала от политической жизни страны, от участия в рабочем движении.

Но уже к 1912 г., а особенно в 1912—1914 гг., рабочие мелких мастерских под влиянием мощного массового революционного движения в Петербурге тоже начали втягиваться в активную стачечную борьбу. Главным требованием их (булочники, портные, сапожники и др.) было заменить хозяйские квартиры и харчи деньгами, чтобы рабочий мог питаться и снимать жилье по своему усмотрению, освободившись от хозяйской кабалы.

Подводя итоги, следует сказать, что положение рабочего класса в начале XX в. неуклонно ухудшалось. Лишь в годы революции 1905—1907 гг. предприниматели и царское правительство должны были пойти на значительное сокращение рабочего дня и серьезно повысить заработную плату. После подавления революции и правительства и капиталисты снова повели усиленное наступление на жизненный уровень рабочего класса, произвольно увеличивая рабочий день, прямо или косвенно сокращая заработную плату, и т. п. Выход из этого царства ужасающей нищеты и эксплуатации был только один — победоносная народная революция. Пониманием этого проникались все более и более широкие слои петербургского пролетариата, проходившие под руководством партии большевиков в ожесточенных классовых боях начала XX в. школу революции.

* * *

По сравнению с пролетариатом другие трудовые группы населения столицы не представляли значительной величины; хотя абсолютное количество их с каждым десятилетием возрастало, их удельный вес среди жителей Петербурга снижался. К этой категории населения относятся ремесленники-одиночки. Количество их за первые десять лет XX в. увеличилось на 10 тыс. чел. — с 48 тыс. в 1900 г. до 58 тыс. в 1910 г. Но этот некоторый абсолютный рост числа ремесленников-одиночек значительно отставал от общего роста населения города, в результате чего их удельный вес снизился. Если в 1900 г. они составляли 3,5% насе-

ления города, то в 1910 г. — только 3%. Производитель-одиночка, несмотря на исключительное напряжение своих сил, не выдерживал конкуренции с капиталистической фабрикой, разорился, превращался в пролетария. Он удерживал свои позиции лишь в тех отраслях хозяйства, где господствовал ручной труд: производство обуви и одежды, работы по устройству жилищ и т. д.

Основную массу одиночек-ремесленников, 92,5%, составляли сапожники, портные, плотники, столяры, маляры, штукатуры, прачки. Число ремесленников, занятых в других областях хозяйства, было очень невелико. Так, одиночек, занятых обработкой металла, насчитывался 721 чел., или 1,2% общего количества ремесленников, производством машин, орудий и инструментов — 478 чел., или 0,8%, обработкой кож и волоса — 376 чел., или 0,6%, и т. д. В других отраслях хозяйства производители-одиночки исчислялись единицами.

Экономическое положение производителей-одиночек было очень тяжелым. Большинство из них даже не имело своих мастерских, располагая лишь незначительным количеством инструментов, которыми они выполняли работы заказчика на дому. Но если некоторые и имели свои мастерские, то последние, как правило, являлись не только местом для работы, но и квартирой для семьи. Не располагая достаточными средствами, ремесленники вынуждены были селиться на окраинах города и в пригородных участках. Здесь они ютились, так же как и рабочие, в холодных, темных и сырых хибарках без электрического освещения и водопровода. Наибольшее количество ремесленников жило в пригородных участках и окраинных частях города — Александро-Невской, Нарвской, Рождественской, Московской, Спасской. В перечисленных частях города и пригородных участках проживало около 70% всех одиночек-производителей. В центре города из них селились лишь немногие. В Адмиралтейской части проживало 0,2% всех ремесленников, в Казанской — 1,3%, Литейной — 2,4%, Петербургской — 4,6%, и т. д. Ремесленники, поселившиеся в центре, занимали подвальные помещения и чердаки. Их жилищные условия ничем не отличались от жилищных условий ремесленников, живших на окраинах. Условия труда, разобщенность обуславливали низкую сознательность этой группы населения. Более или менее значительная часть ремесленников, особенно владельцев сравнительно крупных мастерских, была проникнута реакционно-монархическими настроениями и легко поддавалась черносотенной агитации. Рабочие, занятые в таких мастерских, несмотря на то, что их положение зачастую было хуже положения фабрично-заводских рабочих, не играли серьезной роли в общественно-политической жизни страны, составляя один из наиболее отсталых слоев рабочих столицы.

* * *

По мере роста нищеты на одном полюсе и богатства на другом увеличивалось число лиц, находившихся в услужении у господствующих классов. Если в 1900 г. прислуги личной, домово́й и учрежденческой с членами их семейств

насчитывалось 192 тыс. чел., или 13,2% населения города, то в 1910 г. лиц данной категории было уже почти 260 тыс., или 13,7% жителей столицы.

В 1910 г. прислуги в личном услужении находилось 125,4 тыс. чел. и 62,2 тыс. обслуживали дома и учреждения. Основной состав прислуги рекрутировался из крестьян, чаще всего из близлежащих к столице деревень. Такую прислугу, чаще всего малоразвитую, безграмотную и покорную, нанимали с большей охотой, понимая, что, будучи оторвана от семьи и не имея поддержки в городе, она будет безропотно переносить любые тяготы. Личная прислуга вербовалась главным образом из одиноких женщин, а домовая и учрежденческая в основном из мужчин. Лица, находившиеся в личном услужении, были лишены возможности иметь свою семью. Если женщина оказывалась беременной, хозяин немедленно выгонял ее на улицу, обрекая на голод и нищету. Положение учрежденческой и домовой прислуги было несколько лучшим, чем положение личной прислуги. Дворник или швейцар почти всегда имел какую-нибудь компаньонку, в которой могла уютиться и его семья.

Господствующие классы, как мы видели, проживали главным образом в центральных, наиболее благоустроенных частях города, естественно, что и прислуга была в основном сосредоточена в этих районах, а именно в Литейной, Адмиралтейской, Казанской, Василеостровской, Московской частях.

Положение данной социальной группы населения никаким законодательством не регулировалось. Распыленная по городу, не связанная друг с другом, эта группа была отсталой, запуганной и забытой. Находясь в полной зависимости от хозяина и членов его семьи, прислуга вынуждена была переносить ежедневные издевательства, оскорбления, побои и всяческие насилия. Постоянный страх за свою судьбу, потому что хозяин в любую минуту мог выгнать на улицу, оставить без куска хлеба, без жилища, лишал всякой мысли о сопротивлении произволу хозяев.

В силу указанных условий прислуга, несмотря на ее многочисленность и угнетенное положение, не могла представить собой самостоятельной серьезной социально-политической силы.

* * *

С ростом Петербурга как крупнейшего экономического и культурного центра страны в XX в. усиливался рост интеллигенции в городе. Дальнейшее развитие в XX в. капиталистической промышленности, характерное для эпохи империализма расширение банковского дела, развитие торговли и транспорта, усложнение государственного аппарата, развитие наук, игравших все большую роль в жизни общества, все возраставший в стране спрос на газеты, журналы, научную и художественную литературу и т. п. — все это обусловило быстрый рост числа лиц, занятых различными видами интеллигентного труда. Рост городского

населения требовал расширения сети школ, медицинских учреждений, театров и т. п.

Интеллигенция столицы в 1900 г. составляла около 130—135 тыс. чел. (11% всего населения города). К 1910 г. число это возросло примерно на 50% — до 200 тыс. чел. (почти 12% всего населения города).

Среди интеллигенции наиболее быстро росла группа лиц, занятых врачебной деятельностью. Если в 1900 г. лиц данной категории насчитывалось 7906 чел., то к 1910 г. их число достигло 18122 чел., т. е. за первые десять лет XX в. возросло более чем вдвое.

Более чем в полтора раза за то же время возросло число лиц, занятых учебно-воспитательной работой. В 1900 г. работников данной категории насчитывалось 10132 чел., а к 1910 г. их число достигло 17560 чел., т. е. возросло на 73%. Столь быстрый рост числа профессоров, преподавателей, воспитателей и т. д. обуславливался быстрым ростом в этот период числа учащихся в начальных и средних школах и значительным увеличением числа студентов высших учебных заведений.

Несколько медленнее, хотя также довольно интенсивно, росла группа лиц, занятых наукой, литературой и искусством. За период с 1900 по 1910 г. число ученых, писателей, журналистов, художников, артистов и т. п. возросло примерно на одну треть.

Росли и другие категории интеллигенции — инженеры, техники, служащие различного рода учреждений, банков, контор и т. д.

Пополняли петербургскую интеллигенцию, так же как и во второй половине XIX в., лица, приезжающие в Петербург из разных концов страны. Наибольшую часть интеллигенции составляли выходцы из господствующих классов — помещиков и буржуазии. Не только высшее, но и среднее образование в России было в значительной степени привилегией этих классов. В XX в. в Петербурге из дворян обучался в средней школе каждый восьмой, из почетных граждан — каждый десятый, тогда как в крестьянском сословии один ученик приходился на 132 человека. Еще более труден был доступ для низших классов в высшие учебные заведения, где один студент — выходец из соответствующих сословий — приходился на 13 дворян, 15—16 почетных граждан и 430 крестьян. Однако, несмотря на трудности получения образования, в среде интеллигенции все-таки проникают в возрастающем числе представители низших классов. Растет, в частности, число интеллигентов — выходцев из рабочей среды, многие из которых стали выдающимися общественными и революционными деятелями.

Одним из характерных для XX в. моментов является то, что пополнение рядов интеллигенции шло не только за счет мужчин (как это главным образом было раньше), но и за счет женщин. Особенно большой приток женщин наблюдался в ряды среднего медицинского персонала, воспитательниц и пр. Быстро повышался процент женщин среди врачей. Однако в ряде профессий — уче-

ные, писатели, инженеры и т. д. — женщины и в XX в. были явлением редким.

По своему имущественному положению и по своим общественным настроениям интеллигенция была чрезвычайно разнородна. Верхний слой интеллигенции состоял из лиц преимущественно буржуазно-дворянского происхождения, получавших высокие доходы и по своим настроениям и образу жизни смыкавшихся в значительной мере с представителями господствующих классов. В состав сравнительно немногочисленной верхушки интеллигенции входили крупные инженеры, преуспевающие адвокаты и врачи, а также некоторые представители науки, литературы, искусства и т. п.

Более многочисленной была средняя интеллигенция. Сюда следует отнести основную массу инженерно-технического персонала, врачей, преподавателей гимназий и высших учебных заведений, значительную часть литераторов, научных работников, артистов и т. д.

Значительную часть интеллигенции составляли выходцы из демократических социальных слоев, имевшие подчас невысокую квалификацию и зарабатывавшие зачастую меньше много заводского рабочего (низший медицинский персонал, счетоводы и т. д.). Наиболее передовая и прогрессивная часть интеллигенции проникалась демократическими и социалистическими настроениями и становилась в ряды пролетарского движения. Хотя с конца XIX в. освободительное движение в России вступило в пролетарскую стадию, интеллигенция в этом движении играла весьма важную роль.

* * *

Несмотря на то, что Россия в начале XX в. вступила в стадию империализма, у руля государственного управления попрежнему оставалось неограниченное царское самодержавие, опиравшееся главным образом на класс дворян-землевладельцев. Естественно, что в составе населения столицы удельный вес дворянства был весьма значителен. По переписи 15 декабря 1900 г. представителей дворянского сословия с их семьями насчитывалось 116 588 чел., или 8% населения города, а по переписи 1910 г. — 137 825 чел., или 7,2% населения города. Некоторое снижение удельного веса дворянства при увеличении его численности в абсолютных цифрах объясняется бурным ростом города прежде всего за счет торгово-промышленного, в основном недворянского населения.

Оставаясь и в начале XX в. попрежнему правящим классом, дворянство опиралось на привилегии и на земельную собственность. Для выяснения экономического могущества этого класса достаточно напомнить часто приводившиеся Лениным данные официальной статистики, из которых явствовало, что менее чем 30 тыс. помещиков Европейской России имели 70 млн десятин земли, т. е. столько же, сколько имели 10 млн крестьянских семей с наименьшим наделом. Например, одно из первых мест по богатству среди дворян России в рассматриваем-

мый период занимали потомки фельдмаршала Б. П. Шереметева, С. Д. и А. Д. Шереметевы. Они владели 800 тыс. десятин земли, разбросанными по всей России. И в Москве и в Петербурге им принадлежали значительные городские имущества — дома и незастроенные площади земли.¹

В начале XX в., как и прежде, только представители дворянского сословия назначались царем в Совет министров, Государственный совет. Дворянство составляло обычно и во всех четырех Думах крайние правые партии. После революционных дней 1905 г. для защиты своих привилегий дворянские организации объединились в Совет объединенного дворянства, являвшийся вернейшей опорой царизма. Черносотенное дворянство в начале XX в. было инициатором самых антинародных и реакционных мероприятий царского самодержавия: столыпинской аграрной реформы, разгона 1-й Государственной думы, 3-июньского переворота.

Но было бы неправильным думать, что в период господства финансового капитала сословная группа дворян сохранилась в своем «чистом» виде, т. е. жила только за счет доходов с земель и поместий. Часть дворянства, не сумевшая приспособиться к новым условиям экономического развития страны, разорялась и пополняла ряды бюрократии либо добывала средства существования путем различных видов интеллигентного труда. Служилое беспоместное дворянство составляло наиболее многочисленную группу в среде столичных дворян. Известная часть дворянства, совсем опустившись, попала в разряд деклассированных элементов города.

Часть петербургского дворянства, как и часть дворянства других мест России, жила на доходы с капиталов, помещенных в банки, и пополняла группу раптье. Эта группа дворян вместе с членами их семей составляла в Петербурге по переписи 1910 г. 64757 чел., или 3,4% общего количества жителей города.

Значительная часть дворян в начале XX в. продолжала, как и в XIX в., «обуржуазиваться», т. е. вкладывать свой капитал в различные промышленные предприятия, акционерные общества и другие капиталистические предприятия столицы и страны. В годы промышленного подъема 1909—1913 гг. эта группа дворян все более увеличивалась.

Господствующее положение в экономической жизни города (а в значительной мере и всей страны) занимала кучка крупнейших представителей банкового и торгово-промышленного капитала. Капитал в столице, а следовательно, и в России, концентрировался в руках все более узкого круга лиц, которые в то же самое время управляли крупнейшими промышленными предприятиями: синдикатами и акционерными обществами страны и Петербурга.

Например, в 1910 г. в Петербурге, согласно переписи, насчитывалось около 20 тыс. хозяев всех промышленных предприятий города. Сюда входили владельцы

¹ В. Станюкович. Бюджет Шереметевых (1798—1910). М., 1927, стр. 20.

промышленных предприятий всех отраслей промышленности. В действительности же крупные предприятия основных отраслей фабрично-заводской промышленности города находились в руках группы лиц, насчитывавших всего до 1000 чел. Крупным предпринимателем и владельцем фабрично-заводских предприятий всех отраслей промышленности являлась также и казна. Разумеется, не владельцы мелких мастерских по обработке животных продуктов (574 чел.), по обработке дерева (1739 чел.), по производству обуви и одежды (6344 чел.) и другие мелкие предприниматели из числа указанных 20 тыс. направляли и определяли экономическую жизнь капиталистического Петербурга начала XX в. Наоборот, в годы кризиса и депрессии сотни мелких хозяев различных предприятий столицы разорились, а предприятия их или закрылись, или перешли во владение более могущественных конкурентов. Так, из 2477 хозяев, владеющих предприятиями по сельскому хозяйству, рыболовству и охоте в 1900 г., к 1910 г. осталась, согласно переписи, только половина — 1332, из 587 владельцев предприятий по производству питательных продуктов — 341, и т. д.

Экономическая жизнь Петербурга находилась в руках так называемой финансовой олигархии — небольшого количества владельцев крупнейших банков, акционерных обществ и других промышленных предприятий, управлявших всей промышленной, финансовой и торговой жизнью города.

К числу таких крупных представителей финансовой олигархии Петербурга и всей страны можно отнести, например, А. И. Путилова, крупнейшего банкира и промышленника. А. И. Путилов, бывший директор общей канцелярии Министерства финансов, а в 1905—1906 гг. — товарищ министра финансов, являлся председателем правления самого крупного в дореволюционной России Русско-Азиатского банка, организованного в 1910 г. и располагавшего к 1914 г. 102 филиалами. Он же являлся одним из руководителей крупнейшего в России синдиката «Продамет», главным акционером многих входящих в этот синдикат металлургических предприятий и, кроме того, главным акционером заводов Путиловского, Невского судостроительного, общества Барановского, Петербургского вагоностроительного и других металлургических предприятий столицы и России.

Общезвестна также и другая крупная, не менее знаменитая в русском финансовом и промышленном мире фигура А. И. Вышнеградского, бывшего помощника директора Кредитной канцелярии Министерства финансов, стоявшего в начале XX в. во главе второго из пяти крупнейших банков страны — Петербургского международного коммерческого банка.

К этой небольшой группе финансово-промышленных тузов типа Путилова и Вышнеградского примыкали крупные финансовые дельцы и биржевики, руководители кредитных учреждений. К ним относятся, например, Утин, один из директоров Петербургского учетного и ссудного банка, или Соловейчик, директор Сибирского банка, и другие, обслуживавшие кредитом промышленные предприятия России и Петербурга.

Рукописные открытки 1905 г. Бюрократ, Капиталист, Торговец, Полицейский.

С этой немногочисленной группой крупнейших представителей финансового капитала была тесно связана высшая сановная бюрократия министерств финансов, промышленности и торговли. Крупнейшие представители финансово-промышленной буржуазии — Путилов, Вышнеградский и другие — были «своими людьми» в этих министерствах и почти все начинали свою карьеру чиновниками в них.

С банковым и финансовым капиталом были в свою очередь тесно связаны почти все крупные представители сановной бюрократии: Витте, Коковцов и др. С финансовым капиталом также тесно была связана царствовавшая фамилия и представители высшей родовитой аристократии Петербурга, являвшиеся участниками в особо выгодных предприятиях и различных промышленных и финансовых аферах, санкционированных царским самодержавием и связанных с казной.

Вся деятельность указанных выше представителей финансового капитала была тесно связана с иностранным капиталом, особенно Франции и Германии, и была направлена на обеспечение максимальной капиталистической прибыли путем все большей эксплуатации и разорения трудящихся масс.

В начале XX в. в Петербурге насчитывалось большое количество владельцев различного рода торговых предприятий и заведений. Отчасти это объясняется тем, что в столице были представлены торговые фирмы многочисленных крупных промышленных заведений России. По переписи 15 декабря 1900 г. в торговле всего насчитывалось 18918 хозяев, а в 1910 г. количество владельцев различных торговых заведений возросло до 20929 чел., т. е. увеличилось на 2 тыс. В рассматриваемое время в области торговли, так же как и в промышленности происходил процесс концентрации капитала, поглощение капитала мелких владельцев более крупными. Даже в тех отраслях торговли, в которых наблюдался некоторый рост числа владельцев, наряду с этим наблюдался рост капиталов, показателем чего являлось увеличение количества администрации и рабочих, приходящихся на одного торговца.

Наиболее многочисленную группу среди торговцев составляли владельцы ресторанов, трактиров, столовых, чайных и т. д. В 1900 г. их насчитывалось 8212 чел., или 42% всех представителей торгового капитала. К 1910 г. их число возросло до 8844 чел. Наряду с этим происходило укрупнение капиталов этой группы торговцев. На каждого из них приходилось рабочих: в 1900 г. 2,3 чел., в 1910 г. уже 2,8 чел.

Вторую по численности группу представителей торгового капитала составляли лица, занимавшиеся торговлей питательными продуктами и предметами потребления. Их в 1910 г. насчитывалось 4205 чел., а к 1910 г. эта группа возросла до 4989 чел. Но наряду с быстрым количественным ростом данной группы, происходило и расширение объема торговли. На одного владельца магазина пищевых продуктов приходилось рабочих: в 1900 г. 6,4 чел., а в 1910 г. — 7,7 чел.

Большое количество хозяев также насчитывалось в торговле предметами одежды: в 1900 г. — 1512 чел., в 1910 г. — 1732 чел.

Совершенно ясно, что хозяевами торговой жизни Петербурга являлись не мелкие розничные торговцы, насчитывавшиеся тысячами и зависевшие от крупных торговцев, а крупные торговые дома. Основной поток товаров проходил не через руки мелких розничных торговцев, а через руки оптовиков, купцов 1-й и 2-й гильдий, которых по переписи 1900 г. в Петербурге насчитывалось не более 5 тыс. чел. (с семьями 15080 чел.), а в 1910 г. — не более 4,5 тыс. (с семьями 13580 чел.).

* * *

Петербург как столица Российской империи являлся центром сосредоточения чиновничье-бюрократического аппарата. В начале XX в. происходит быстрый рост числа чиновников, вызванный стремлением царского самодержавия укрепить свое положение, поколебленное революцией 1905—1907 гг., и не допустить возникновения новой революции. Если в 1900 г. число чиновников, находящихся на различных постах государственной и сословной службы, вместе с семьями составляло 53 670 чел., то к 1910 г. оно возросло до 69 576 чел.

Особое внимание в связи с ростом революционного движения в стране царское правительство обращало на усиление судебно-полицейского аппарата. За первые 10 лет XX в. количество чиновников в судебно-полицейских учреждениях столицы возросло с 6610 чел. до 10 924, т. е. на 65%. За это же время количество населения города возросло на 32%. Таким образом, в борьбе с революционным движением в стране правительство увеличивало и укрепило категорию судебно-полицейского чиновничества темпами, в 2 раза превышавшими темп роста населения. В результате этой политики правительства в 1910 г. на 139 чел. населения столицы старше 10 лет приходился 1 чиновник судебно-полицейских учреждений, в то время как до революции 1905—1907 гг., в 1900 г., 1 чиновник этих ведомств приходился на 173 чел. населения старше 10 лет. Царское правительство в страхе перед назревавшим в стране политическим кризисом всячески укрепляло карательные органы государства. С 14 649 чел. в 1900 г. до 17 588 чел. в 1910 г. возросло количество чиновников и в других государственных учреждениях Петербурга.

Самодержавное правительство в борьбе с трудовыми слоями населения не ограничивалось только усилением полицейского и административного аппарата государственной власти. Усиливалась и регулярная армия. За десять лет с начала XX в. гарнизон столицы был увеличен на 1500 чел., и в 1910 г. он насчитывал 47 499 военнослужащих. На 39 жителей города приходился один солдат. В Петрограде располагались главным образом гвардейские части — опора самодержавия. Здесь были размещены лейбгвардейские полки: Финляндский, Московский, Преображенский, Семеновский, Гренадерский и др. В 1910 г. военнослужащих вместе с членами семейств было учтено 60 652 чел., что составляло 3,2% населения столицы. Следует, однако, помнить, что этот оплот самодержавия

вия по своему социальному составу был далеко не однороден и представлял собой сколок общества, которому были присущи все социальные противоречия царской России.

Солдаты и матросы комплектовались преимущественно из крестьян и рабочих, а офицерский состав — из представителей господствующих классов, в основном из дворян.

Положение солдат и матросов в царской армии было чрезвычайно тяжелым, что вынужден был отметить даже военный министр А. Ф. Редигер. В своей докладной записке, поданной царю в октябре 1905 г., он писал, что жалование солдат было до смешного ничтожно: «Рядовой в армии получал 2 руб. 10 коп. в год! Белье и сапожный товар отпускались такого дрянного качества, что нижние чины продавали их за бесенок и покупали взамен собственные вещи; отпуск на шитье сапог был ничтожен, и на это приходилось им доплачивать рубли два из своего же кармана. Короче, без помощи из дому солдат не только бедствовал, но почти не мог существовать!».¹

Питание солдат по установленной норме не было обеспечено. Вместо 10 ф. жиров по норме на 100 чел. солдатам отпускалось 5—8 ф., в постные дни вместо 15 ф. рыбы на 150 чел. отпускалось 7—8 ф. При этом нужно учесть, что качество продуктов было низкое — капуста гнилая, мясо вонючее, хлеб сырой. Чай солдату до 1905 г. не полагался вовсе. Все это дополнялось безнаказанным обкрадыванием солдат со стороны интендантов и офицерского состава.²

Жилищные условия солдат были далеки даже от тех крайне скромных норм, которые устанавливались уставами и наставлениями. По положению требовалось 1,5 куб. саж. на человека, температура 12—14°, а в действительности этого не было. Главный врач гвардейского корпуса был вынужден констатировать, что в казармах Петербургского гарнизона при хорошей топке печей температура не поднималась выше 8—9°, повсюду была сырость, темнота, освещение отсутствовало, солдат мог воспользоваться только светом уличного фонаря или коридорной лампы. День у солдата был загружен непрерывными учениями, шагистикой и подготовкой к парадом. Во время учений щедро раздавались оплеухи, не смолкала уличная брань.

«Казарма в России, — писал В. И. Ленин, — была сплошь да рядом хуже всякой тюрьмы; нигде так не давили и не угнетали личности, как в казарме; нигде не процветали в такой степени истязания, побои, надругательство над человеком. И эта казарма становится очагом революции».³

Военное ведомство считало, что дух свободы в казармы проникает в результате общения солдат с гражданскими людьми — рабочими. Поэтому командующий Петербургским военным округом не раз требовал полной изоляции частей

¹ Красный архив, т. 45, 1931, стр. 92.

² Отчет главного интендантского управления за 1904 г., ч. II, стр. 302.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 10, стр. 36—37.

Невский проспект в воскресный День. Фотография 1900-х гг.

войск от влияния внешнего мира и в особенности от беднейшей части ремесленного и рабочего населения столицы, заполняющего целые кварталы города.

Однако эти усилия правительства в конечном счете потерпели крах. Солдатская масса по мере обострения классовой борьбы в стране и разложения царизма проникалась революционными настроениями и из оплота царизма превратилась в 1917 г. в важнейший элемент революционных сил.

* * *

Империализм принес человечеству неслыханные бедствия и страдания, он до крайности обострил противоречия между трудом и капиталом, между эксплуатируемыми и эксплуататорами.

Приведенные выше данные о составе населения Петербурга в начале XX в. и о положении основных социальных групп свидетельствуют о происходящем с чрезвычайной быстротой процессе раскола общества на два антагонистических лагеря. Большинство населения столицы составляли пролетарии и полупролетарии, лишенные средств производства (в основном это бывшие крестьяне) и подвергавшиеся нещадной эксплуатации со стороны предпринимателей. Эта часть населения столицы могла обеспечить себе полуголодное существование только за счет крайнего перенапряжения своих сил и жила в темных, грязных и сырых подвальных или чердачных помещениях, в основном в окраинных частях города и в пригородах. Противоположный полюс составляли капиталисты и помещики, а также защищавшая их интересы сановно-бюрократическая верхушка. Источником громадных доходов этой сравнительно немногочисленной части населения столицы являлась эксплуатация трудового населения (не только Петербурга, но и страны). Представители господствующих классов селились в основном в центральных частях города в великолепных квартирах или особняках и на свое содержание тратили зачастую сотни тысяч рублей ежегодно.

В Петербурге ярче, чем где-либо в России, проявлялась вся острота социальных противоречий эпохи империализма, так как здесь наряду с большими массами фабрично-заводского пролетариата сосредоточивалась значительная часть наиболее крупных и наиболее влиятельных представителей господствующих классов.

На петербургский пролетариат в таких условиях, естественно, выпала ответственная задача организатора в борьбе против помещичье-буржуазного строя. И с этой задачей он блестяще справился. Дальнейший ход событий привел к тому, что Петербург явился колыбелью революции, а рабочие Петербурга — ее передовым отрядом, руководимым большевистской партией.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГЕ 90-х И НАЧАЛА 900-х ГОДОВ. ЛЕНИНСКИЙ «СОЮЗ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА»

Середина 90-х годов XIX в. открывает собой новый, пролетарский период в русском революционном движении.

90-е годы были годами быстрого подъема русской промышленности. За 1890—1895 гг. число крупных фабрик увеличилось с 6,7 до 10,1% общего числа фабрик и заводов, а сумма производства на них поднялась еще значительно, с 57,2 до 70,8% всей суммы производства.¹ За восемь лет (1894—1902) протяженность железнодорожной сети по сравнению со всем предшествующим временем от начала железнодорожного строительства в России возросла на 59%.²

Значительно усиливается в эти годы рабочее движение. Число стачек за пятилетие 1895—1899 гг., по весьма неполным официальным данным, достигло 735, и в них участвовало более 211 тыс. рабочих. Растет число стачек (68, 118, 145, 215 — последовательно за 1895—1898 гг.), растет также сплоченность действий рабочих: в 1895 г. из 68 стачек только 30 стачек обнаружили взаимную связь одна с другой, и в них был вовлечен лишь 41% всего числа бастовавших рабочих, а в 1898 г. из 215 стачек «коллективных» было уже 151, и в них участвовало 76% бастовавших рабочих. Весьма показательны, что местное рабочее

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 448—451.

² Наша железнодорожная политика по документам архива Кабинета министров, т. IV. СПб., 1902, стр. 174—175.

движение начинает перерастать в общероссийское.¹ Петербургские стачки 1896—1897 гг. нашли отклик в стачках рабочих в Москве и Московской губернии, в Тверской и Костромской губерниях и в других местах. Стачка, происшедшая в январе 1898 г. в Москве, явилась отзвуком Иваново-Вознесенской стачки конца 1897 г. и в свою очередь повлияла на возникновение стачек в Костромской и Владимирской губерниях.²

В конце 1895 года В. И. Лениным была создана в Петербурге социал-демократическая организация, принявшая название «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». «Союз борьбы» впервые в России стал осуществлять сращивание социализма с рабочим движением. В этом было великое значение дела В. И. Ленина в Петербурге. Впоследствии В. И. Ленин не раз ссылался на опыт своей петербургской работы в своих трудах, — вплоть до самых последних лет, — и тогда, когда дело касалось вопросов программы, тактики и организации в русском революционном рабочем движении, и тогда, когда шла речь о проблемах международного рабочего движения.³

Возникновение и деятельность петербургского «Союза борьбы» послужили могучим толчком к образованию таких же организаций в других местах.

Вся деятельность В. И. Ленина в эти годы была направлена на борьбу с врагами марксизма в России. В своем гениальном труде «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин нанес сокрушительный удар народничеству, до конца идейно разгромив его. Такой же удар был нанесен В. И. Лениным так называемому легальному марксизму, который стремился под флагом марксизма подчинить рабочее движение интересам буржуазии. Уже будучи в ссылке, Ленин повел решительную борьбу с экономистами, оппортунистические взгляды и деятельность которых приводили к отрицанию самостоятельной роли рабочего класса и к превращению рабочего класса в политический придаток буржуазии. Написанный В. И. Лениным от имени революционных ссыльных социал-демократов протест против так называемого «Кredo» (изложения взглядов экономистов) был опубликован в тогдашней нелегальной печати и явился основополагающим документом в деле борьбы с разлагающим рабочее движение оппортунистическим экономизмом.

Борьба В. И. Ленина против извращений марксизма и разоблачение буржуазной сущности этих групп и их взглядов имели величайшее значение не только для русского, но и для всего международного пролетариата. Оппортунизм как агентура буржуазии в рабочем движении был не только русским явлением.

¹ В. В а р з а р. Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895—1904 гг. СПб., 1905, стр. 10—11, 21—22.

² Там же, стр. 23—24.

³ Напр. в последний раз, в «Детской болезни „левизны“ в коммунизме», Сочинения, т. 31, стр. 27.

В. И. Ленин среди деятелей Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Фотография 1897 г.

Никто не разоблачил его так глубоко и последовательно, так беспощадно и решительно, как это было сделано В. И. Лениным.

В. И. Ленин находился в далекой ссылке, когда в 1898 г. была сделана попытка объединить существующие в России социал-демократические группы в единую Российскую социал-демократическую партию. Созванный для этого съезд в Минске не достиг своей цели. Идеальный разброд вследствие этой неудачи еще более усилился. Только возвращение В. И. Ленина из ссылки и выход в свет основанной им «Искры» положили начало новому периоду в истории партии и всего революционного движения.

Передовая, ведущая роль рабочего класса в революционном движении особенно ярко теперь выделяется при сопоставлении с крестьянским движением. Ранее основной движущей силой революционного подъема, как это особенно отчетливо обнаружилось в конце 50-х и начале 60-х годов, было крестьянское движение. Теперь, в конце XIX в., оно не дало ни одной крупной выпышки; существенным для его характеристики было то, что оно ставило перед собой

ряд лишь частных задач, вроде захвата лесов, покосов, участков пашни, но пока ни в одном случае не поднималось до осознания общих требований ликвидации всех пережитков крепостничества и свержения самодержавия. Однако под влиянием подъема рабочего движения и под воздействием социал-демократии вскоре и крестьянское движение вступило в полосу нового своего подъема.

Еще раньше новые явления рабочего движения оказали свое воздействие на студенчество. После небольших отдельных вспышек, какими были сходки 1896 г. в ответ на исключение из Московского университета студентов, демонстрировавших после ужасов ходынской катастрофы, и демонстрации у Казанского собора в 1897 г. по поводу самоожжения слушательницы Бестужевских курсов М. Ф. Ветровой в каземате Петропавловской крепости, в 1899 г. в Петербургском университете произошли волнения, перебросившиеся и на другие университеты страны. Москва, Харьков, Киев, Варшава, Рига и другие города были охвачены студенческим движением, впервые теперь принявшим такой широкий размах. Несмотря на всю политическую незрелость тогдашней студенческой массы, несмотря на губительное влияние распространенных тогда оппортунистических течений, такое общероссийское студенческое выступление было в условиях того времени фактом, имеющим несомненное политическое значение.

Что касается позиции российской буржуазии, то для нее особенно характерными являлись праждебное отношение ко всяким революционным выступлениям, постоянный страх перед движением народных масс — и прежде всего, конечно, рабочего класса. Этот страх и является определяющим политическое поведение буржуазии и обуржуазившихся кругов дворянства. Начало царствования Николая II ознаменовалось, как это было и при вступлении на престол Александра III, некоторыми весьма робкими и крайне туманными по форме и содержанию своему земскими ходатайствами. Подчеркивая свою «непоколебимую, неистощимую верность» царскому престолу, земства просили «милостивого внимания» к их «голосу». Хорошо известен ответ Николая II на эти ходатайства, которые им были прозваны «бессмысленными мечтаниями».

Буржуазия завоевывает все новые и новые экономические позиции. В решении вопросов тарифной политики, вопросов налогового обложения и других теперь явно защищаются интересы буржуазии, — и за это она платит правительству отказом от борьбы за политические требования.

В таких общественно-политических условиях протекали события последних лет XIX в. Рубеж XIX и XX вв. оказался действительным рубежом. Россия вступала в полосу все более усиливавшейся революционной ситуации, приведшей страну в состояние открытой революции.

Петербург оказался центральным пунктом общественно-политического развития, создавшего новый, пролетарский период длительной истории русского революционного движения.

* * *

31 августа 1893 г. в Петербург приехал В. И. Ленин. Вскоре после своего приезда он вошел в состав того кружка технологов, о котором была речь в предыдущем томе нашего издания. С того времени, когда С. И. Радченко восстановил его после арестов 1892 г., кружок пополнился весьма мало, лишь двумя лицами — А. А. Ваневым и М. А. Сильвиним.

Теоретическая борьба с народничеством в это время все еще не была завершена. Плеханов нанес народничеству своими трудами середины 80-х годов сильный, но не окончательный удар. В 1893 г., именно в год приезда Ленина в Петербург, особенно отчетливо обозначилось оживление среди народнических кругов, весьма обеспокоенных все возрастающим влиянием марксизма. Борьба народников против марксистов получила свое выражение в разных формах: и в виде больших книг таких теоретиков народничества, как В. В. (В. П. Воронцов) или Николай-он (Н. Ф. Даниельсон), и в виде журнальной литературы, главным легальным органом которой стало перешедшее с 1893 г. в руки народников «Русское богатство».

Николай-он в книге «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», вышедшей в свет в 1893 г., стремился убедить своего читателя в том, что капитализм в России не может развиваться из-за уменьшения, как он утверждал, внутреннего рынка вследствие разорения крестьянства и из-за невозможности приобретения русским капиталом внешних рынков.¹

Вскоре после вступления В. И. Ленина в кружок петербургских марксистов здесь был прочитан доклад Г. Б. Красина о рынках, направленный против Николай-она.

Г. Б. Красин тогда считался в петербургском кружке наиболее выдающимся теоретиком, и его доклад отражал состояние марксистской мысли в Петербурге в этот момент. Лучше всего охарактеризовано это Н. К. Крупской. «В петербургских марксистских кружках, — пишет Н. К. Крупская, — в это время уже стало от кристаллизовываться особое течение. Суть его заключалась в том, что процессы общественного развития представителям этого течения казались чем-то механическим, схематическим. При таком понимании общественного развития отпадала совершенно роль масс, роль пролетариата. Революционная диалектика марксизма выбрасывалась куда-то за борт, оставались мертвые „фазы развития“». ² Представителем именно этого течения и оказался в своем докладе Г. Б. Красин.

В. И. Ленин ознакомился с докладом Г. Б. Красина еще до его прочтения и сделал на полях свои пометки. Тотчас после прочтения доклада В. И. Ленин

¹ Николай-он. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893, стр. 201—214.

² Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1930, стр. 5.

выступил со своими возражениями. «Он говорил, — по воспоминаниям М. А. Сильвина, — долго, со свойственным ему мастерством, стараясь не задевать референта, но последний, однако, чувствовал себя уничтоженным, как это чувствовали и все мы».¹ Затем последовало второе собрание, на квартире С. И. Радченко (5-я рота, д. 19), на котором В. И. Ленин прочел свой доклад «По поводу так называемого вопроса о рынках». Доклад этот, считавшийся одно время утраченным навсегда, не так давно был обнаружен и вошел в состав четвертого издания «Сочинений» В. И. Ленина. В своем докладе В. И. Ленин доказал на примере вопроса о рынках недопустимость отвлеченного рассмотрения каких бы то ни было теоретических вопросов. В. И. Ленин показал, что у Г. Красина вопрос о рынках — это вопрос «слишком уже, кажется, загроможденный абстракциями, схемами и формулами». В противовес этому, характерному для тогдашних петербургских (да и не только одних петербургских) марксистов направлению В. И. Ленин требовал, чтобы вопрос о рынках марксисты решали, опираясь на изучение действительной русской жизни, опираясь «на почву изучения и объяснения того, как складываются русские хозяйственные порядки и почему они складываются именно так, а не иначе». Поэтому, отвергая красинские «бесплодные спекуляции», которые могли только запутывать вопрос о возможности или невозможности развития капитализма в России, В. И. Ленин с беспорной очевидностью на основании фактов «современной русской экономической действительности» положительно решал этот основной вопрос тогдашних споров между марксистами и народниками. Он доказывал убедительно в своем докладе, что «капитализм уже в настоящее время является основным фоном хозяйственной жизни России».²

Доклад В. И. Ленина был понят членами петербургского марксистского кружка как решительное осуждение господствовавших в то время в Петербурге теоретических взглядов и как призыв стать на путь действительно революционного понимания марксистской теории. Поэтому, как свидетельствует М. А. Сильвин, это собрание явилось «поворотным пунктом» в деятельности кружка.

Уже это первое выступление Ленина в Петербурге повело к размежеванию в среде петербургских марксистов, к очищению их рядов от тех, кто бесплодными отвлеченными рассуждениями превращал марксизм в догму, оторванную от жизненной действительности. Тем самым оно повело к идеологическому сплочению немногочисленных еще рядов революционных марксистов для последующей теоретической борьбы за окончательную победу революционного марксизма, победу прежде всего над народничеством.

Теперь, когда марксизм завоевывал все более и более сторонников в революционной среде, народники, пользуясь своей легальной печатью, повели против

¹ М. А. Сильвин. В. И. Ленин в эпоху зарождения партии. Каторга и ссылка, 1934, № 1, стр. 80.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 92—94, 105.

марксистов, лишенных возможности отвечать им в той же легальной печати, ожесточенную травлю. В конце 1893 и начале 1894 г. в народническом «Русском богатстве» был напечатан ряд статей, которые содержали клеветнические извращения марксизма.

О том, какое возмущение вызвали злостные статьи «Русского богатства», и в особенности статьи Н. К. Михайловского, можно судить по тому, что из разных концов России Михайловский стал получать письма марксистов, негодующих на допущенные искажения, но лишенных средств высказаться в печати. Не столь давно были извлечены из архива Н. К. Михайловского сохранившиеся здесь такие письма одного из выдающихся деятелей раннего марксизма Н. Е. Федосеева. Письма эти не были единственными.¹

Клеветнические нападки Михайловского и других публицистов-народников не могли остаться без ответа со стороны петербургских марксистов. «Все мы стали настаивать, — пишет М. А. Сильвин, — чтобы Владимир Ильич отозвался на них, и обещали приложить все усилия к размножению его работы хотя бы на гектографе, чтобы она проникла по возможности шире за пределы нашего небольшого кружка».²

Таков был повод к появлению работы В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?». Сам В. И. Ленин начинает свою работу прямым указанием именно на то, что «„Русское богатство“ открыло поход против социал-демократов», и на то, что «претендуя вообще в своем журнале представлять идеи и тактику истинных „друзей народа“, эти господа являются отъявленными врагами социал-демократии». В. И. Ленин поименно перечисляет трех авторов «Русского богатства», статьи которых в конце 1893 и 1894 гг. он имеет в виду. Это Н. К. Михайловский, С. Н. Южаков и С. Н. Кривенко.³

Гениальная работа В. И. Ленина выполнила важнейшую задачу этого исторического момента, задачу окончательного идейного разгрома народничества. В. И. Ленин вскрыл реакционную сущность и теоретической и практической сторон тогдашнего народничества. «Размазие о возможном и должном»,⁴ которая характеризует идеалистическую субъективную социологию народников, В. И. Ленин противопоставил материалистическую методологию и научно обоснованную объективную марксистскую теорию смены общественно-экономических формаций, каждая из которых обладает строго установленными особыми законами своего развития. Народники утверждали, что они являются будто бы выразителями интересов крестьянства. В. И. Ленин разоблачил их, показав, «что такое этот

¹ Б. В о л и н. Из истории появления работы В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?». М., 1944, стр. 23—31.

² М. А. С и л ь в и н, ук. соч., стр. 88.

³ В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 1, стр. 115.

⁴ Там же, стр. 214.

„крестьянин“, идеологами которого хотят быть „друзья народа“». ¹ Показав нагляднейшим образом, что внутри прославляемого народниками «народного строя» идет непрерывный процесс разложения крестьянства, одна часть которого превращается в пролетариев, а другая заводит «крупное, доходное хозяйство», ² В. И. Ленин установил, что народники являются в своих теоретических построениях и практических предложениях идеологами «деревни хозяйственных мужичков», ³ т. е. идеологами кулачества. В. И. Ленин, наконец, показал, что в качестве выразителей интересов «хозяйственных мужичков» теперешние народники отказались от революционности старого народничества 70-х годов и явились представителями «пошлого мещанского радикализма», ⁴ не помышляющими ни о какой революционной борьбе. Они, по его определению, «вполне и целиком становятся на почву современного общества (т. е. на почву капиталистических порядков, чего они не сознают) и хотят отделаться штопаньем и починкой его». ⁵ Коснувшись взглядов народников на государство, которое они «прямо считают... всемогущим и стоящим над всякими классами», ⁶ В. И. Ленин раскрыл реакционность этого взгляда. В. И. Ленин показал, что при таком взгляде на русское самодержавие, этот «постоянный и вернейший оплот всякой реакции», народники «за пояс заткнут всех либералов». ⁷ Реакционный характер выродившегося народничества был раскрыт В. И. Лениным с исчерпывающей полнотой и в области теоретической, где у народников господствовал идеалистический субъективизм, и в их практических планах и проектах, где они скатывались на позиции такого преклонения перед возможными благодеяниями со стороны правительства, что, по словам В. И. Ленина, «вчуже жутко становится, когда слышишь, как трещат их верноподданнические лбы». ⁸

В. И. Ленин в то же время определил в этой работе насущнейшие очередные задачи русского социал-демократического движения и предвосхитил конечную победу социалистической революции в России.

В. И. Ленин, исходя из неразрывного единства теоретического и практического, установил, что для социал-демократов «теоретическая и практическая работа сливаются вместе, в одну работу», что теории должна быть основана на «детальном и подробном изучении русской истории и действительности». На основании такого изучения В. И. Ленин утверждал здесь, что «эксплуатация в России повсюду является по сущности своей капиталистической». А исходя из этого,

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 216.

² Там же, стр. 207.

³ Там же, стр. 234.

⁴ Там же, стр. 246.

⁵ Там же, стр. 220.

⁶ Там же, стр. 241.

⁷ Там же, стр. 243—244.

⁸ Там же, стр. 244.

он устанавливал далее, что «русский рабочий — единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России». Из этих положений и вытекают знаменитые пророческие слова Ленина, которыми он кончает свою работу: «На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский РАБОЧИЙ, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет РУССКИЙ

ПРОЛЕТАРИАТ (рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к ПОВЕДОНОСНОЙ КОМУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*.¹

В этих словах заключалась и программа ближайших действий социал-демократии и ее конечная цель. Здесь были намечены задачи усвоения рабочим классом в лице его передовых представителей идей научного социализма, задачи создания прочной организации рабочего класса в виде «социалистической рабочей партии», как Ленин пишет в другом месте, и общие задачи классовой борьбы рабочего класса.

Теоретическая борьба В. И. Ленина за победу и за чистоту идеологии революционного марксизма должна была в условиях общественно-политического развития 90-х годов получить еще одно направление. Победа, которую одержи-

Н. К. Крупская. Фотография конца XIX в.

¹ Там же, стр. 278—280, 282.

вал теперь революционный марксизм над вырождавшимся либеральным народничеством, получила чрезвычайно широкий отклик среди тогдашней молодежи. В «Что делать?» В. И. Ленин отметил, как он выразился, «повальное увлечение теорией марксизма русской образованной молодежи в половине 90-х годов».¹

Новое большое общественное движение, развернувшееся под знаменем марксизма, привлекло временных попутчиков из среды известной части буржуазной интеллигенции. То были так называемые легальные марксисты.

Легальные марксисты готовы были участвовать в борьбе с народниками, поскольку их не устраивало народническое отрицание неизбежности капиталистического развития России; но они вовсе не были при этом заинтересованы в оформлении и росте самостоятельного революционного движения русского пролетариата и, напротив, мечтали поставить так или иначе движение рабочего класса на службу российской буржуазии.

Осенью 1894 г. в Петербурге вышла в свет книга П. Б. Струве, озаглавленная «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Она кончалась фразой: «Нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму». Эта характернейшая фраза, которая, замыкая книгу, должна была составить резюме всего ее идейного содержания, отчетливо обнаруживала, что автора этого восторженного прославления капитализма привлекала отнюдь не борьба рабочего класса против капиталистов и против всего капиталистического строя.

Выход в свет книги П. Б. Струве в условиях царской цензуры показал, что теперь о марксизме можно заговорить также и в легальной подцензурной печати. Именно поэтому В. И. Ленин считал полезным войти в сношения с группой легальных марксистов. Несколько лет спустя в «Что делать?» В. И. Ленин отмечал, что «уже *самое начало* стихийного рабочего движения, с одной стороны, и поворота передового общественного мнения к марксизму, с другой, ознаменовалось соединением заведомо разнородных элементов под общим флагом и для борьбы с общим противником (устарелым социально-политическим мировоззрением)». Это был, — писал Ленин, — союз «людей крайних с людьми весьма умеренными». «В сущности, — пояснял он далее, — эти последние были буржуазными демократами».²

«Союзу» революционных марксистов с петербургским кружком легальных марксистов предшествовал ряд собраний, на которых велись ожесточенные споры и теоретического и практического характера. Р. Э. Классон, на квартире которого на Большой Охте (Панфилова улица, д. 26) эти собрания частью происходили, вспоминает о теоретических спорах, связанных с вопросом «о применении теории Карла Маркса к объяснению русской действительности». В свою очередь.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 346.

² Там же, стр. 333, 334.

В. В. Старков, постоянный участник этих собраний, пишет, что Ленин и его товарищи «настаивали на необходимости и неизбежности борьбы чисто революционными методами, отводя подчиненную роль легальной литературной работе». Их противники, легальные марксисты, обнаруживая свою буржуазную сущность, считали революционную работу «вредной», обращая свое внимание прежде всего не на рабочий класс, а на буржуазное «общественное мнение» и на обработку его легальной печатью. В. И. Ленин поражал здесь всех глубиной и всесторонностью своих познаний; для своих диспутов со Струве он овладевал с невероятной быстротой томами оказывавшихся не известными ему материалов и, по словам Классона, «всего лишь через один или два дня являлся во всеоружии, вполне владея этим материалом и давая нам блестящий и глубокий анализ его».¹

В этих спорах установилось то, что В. И. Ленин назвал «необходимым условием» такого союза революционных и легальных марксистов, именно «полная возможность для социалистов раскрывать рабочему классу враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазии».² В совершенной степени эта возможность была использована В. И. Лениным в его, оказавшемся кульминационным пунктом всех дискуссий, реферате против Струве, который был прочитан В. И. Лениным на квартире у А. Н. Потресова (Озерной пер., д. 9, кв. 6). Уже одно название этого реферата — «Отражение марксизма в буржуазной литературе» — полностью вскрывает классовую оценку, которую В. И. Ленин без малейших оговорок давал взглядам своих временных союзников.

Литературным выражением сложившегося временного союза революционных и легальных марксистов явился изданный в 1895 г. в Петербурге сборник под названием «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». Центром сборника, придававшим ему яркую революционную окраску, явилась статья В. И. Ленина, которая под новым, более приемлемым для цензуры заглавием «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» явилась переработкой упомянутого выше реферата. Именно эта статья необычайно напугала цензора, усмотревшего, что в ней «государство выставлено пособником и союзником капитализма, угнетающего и эксплуатирующего народный труд».³ Книга тотчас была задержана, а год спустя, по постановлению Комитета министров, полностью уничтожена. Удалось спасти лишь около ста экземпляров, но и этого было вполне достаточно, чтобы книга получила широкое распространение и решительно воздействовала на тогдашние революционные круги.

Значение этой статьи В. И. Ленина, конечно, далеко выходило и выходит за пределы того, что цензор в ней увидел и что его так напугало. Перепечатаывая

¹ Владимир Ильич у Р. Э. Классона. Красная летопись, 1925, № 2, стр. 145; В. В. Старков. Воспоминания о В. И. Ленине. Красная новь, 1925, № 8, стр. 110.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 335.

³ Красный архив, 1923, т. 4, стр. 316.

эту статью в 1907 г. в сборнике «За 12 лет», В. И. Ленин в предисловии указывал, что в первоначальном своем виде, как реферат, она была «несравненно более резка и определена (по социал-демократическим выводам), чем в напечатанной весной 1895 г. статье. Смягчения были сделаны частью по цензурным соображениям, частью ради „союза“ с легальным марксизмом для совместной борьбы против народничества». При всех такого рода неизбежных смягчениях Ленин сам отмечал, что она полностью сохранила характер «непримиримой теоретической полемике».¹

Для борьбы с легальным марксизмом как явно буржуазным направлением мысли важнейшее значение имело то, что В. И. Ленин в своем реферате прежде всего резко противопоставил материализм революционного марксизма объективизму, который изобличал в Струве буржуазного либерала. Ленин здесь ярко показал, как объективизм ведет к доказательству «необходимости данного исторического процесса», например, капитализма, а доказывая такую необходимость, автор «всегда рискует, — писал Ленин, — сбиться на точку зрения апологета этих фактов», т. е. на точку зрения апологии капитализма, что Струве и делал. В. И. Ленин показал, таким образом, буржуазно-либеральное нутро легального марксизма. Тут же он противопоставил буржуазному объективизму материализм революционного марксизма, который вскрывает классовые противоречия, свойственные данной общественно-экономической формации, «и тем самым определяет свою точку зрения». «...Материализм, — заключает В. И. Ленин, — включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы», т. е., если договорить то, чего В. И. Ленин не мог сказать в подцензурной печати, на точку зрения рабочего класса.²

В. И. Ленин весьма ярко разоблачил буржуазность легальных марксистов в самом остром вопросе, в вопросе о судьбах капитализма. Ленин изобличил здесь Струве в том, что тот, искажая марксизм, превращал его из революционного учения в простой реформизм, отрицающий неизбежность «резкого падения, крушения капитализма», т. е., говоря без цензурных смягчений, отрицающий неизбежность социальной революции при переходе от капитализма к социализму.³

В. И. Ленин разоблачил буржуазность взглядов Струве как легального марксиста и в ряде других вопросов. В частности, он отметил, что Струве подменяет Маркса также мальтузианством, которое использует для доказывания будто бы перенаселения в «земледельческой России».⁴

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 13, стр. 81—82.

² Там же, т. 1, стр. 380—381.

³ Там же, стр. 418—419.

⁴ Там же, стр. 432.

Весь смысл своей оценки буржуазного существа взглядов Струве Ленин ясно подчеркнул в конце статьи, где на том же «эзоповском языке», которым, по выражению В. И. Ленина, была написана вся его статья,¹ он утверждал, что теперь имеется «необходимость *иной* постановки вопросов, необходимость *более последовательного* проведения теории классовых противоречий»,² т. е. необходимость более последовательного проведения теории революционного марксизма.

Каковы же были общие итоги того временного союза, который Ленин заключил с петербургскими легальными марксистами, и того разоблачения их сущности, которое было предпринято Лениным, и как, в частности, оно сказалось на развитии социал-демократического и рабочего движения в Петербурге?

Общие итоги В. И. Ленин сам подвел дважды, в 1902 и в 1907 гг. Он указывал, что «благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством».³

Литературная борьба, которую вел В. И. Ленин, имела важнейшее значение для будущего русской революционной социал-демократии, так как с самого начала своего существования учила тому, что не может быть успешной борьба, если ею не будет руководить непримиримая к малейшим отклонениям теория революционного марксизма.

Вместе с тем сам В. И. Ленин отметил не только общее значение своей литературной борьбы, но и то особое значение, которое она имела для революционного движения петербургских рабочих. В том же предисловии к сборнику «За 12 лет» В. И. Ленин писал относительно литературных выступлений 1894—1895 гг., что они «были непосредственным предшественником выступлений на борьбу пролетариата, знаменитых петербургских стачек 1896-го года, которые открыли эру неуклонно поднимавшегося затем рабочего движения, — этого самого могучего фактора всей нашей революции».⁴

Такова была та подготовка в области работы социалистической мысли, о которой позднее писал Ленин в своей статье «Новые задачи и новые силы».⁵ О другой стороне подготовки перехода «от кружков к экономической агитации», той, которая была связана с важными изменениями в условиях жизни рабочего класса в Петербурге, уже говорилось в главах об экономическом развитии Петербурга и о положении рабочего класса. Мы напомним лишь, что после кризиса начала 90-х годов русская промышленность в 1893 г. вступила в полосу нового циклического подъема. Рабочий класс к этому времени не только численно вырос в Петербурге. За пореформенное время в столице сложились прочные кадры потомственного промышленного пролетариата, не имеющего уже связей с землей

¹ Там же, т. 13, стр. 78.

² Там же, т. 1, стр. 478.

³ Там же, т. 5, стр. 334.

⁴ Там же, т. 13, стр. 78.

⁵ Там же, т. 8, стр. 185.

и с деревню. Работа на крупных и крупнейших фабрично-заводских предприятиях, борьба за свои экономические нужды, влияние деятельности революционных групп и кружков на протяжении многих лет — содействовали сплочению петербургского пролетариата и произвели, говоря словами В. И. Ленина, глубокие изменения в условиях жизни и во всем психическом укладе¹ его, подготовив рабочих Петербурга к восприятию новых ленинских идей и к подъему экономической и политической борьбы.

Однако когда Ленин приехал в Петербург и вошел в тамошнюю социал-демократическую среду, он нашел еще в полной неприкосновенности прежний строй кружковой пропагандистской деятельности тогдашних социал-демократов. После арестов 1892 и 1893 гг. число кружков уменьшилось, а интеллигентский центр еще более замкнулся в своих чисто теоретических занятиях, никак не связанных с текущими нуждами и событиями рабочей жизни. Этим положением дел можно объяснить первые шаги, которые характеризуют путь Ленина в гущу тогдашнего рабочего Петербурга.

В написанной Н. К. Крупской после возвращения в Россию в 1917 г. и проредактированной самим В. И. Лениным «Страничке из истории партии», являющейся краткой биографической справкой о революционном пути В. И. Ленина, находим два существенных указания для интересующей нас темы. «Рука об руку с Шелгуновым, — пишет Н. К. Крупская, — начинал свою практическую социал-демократическую работу Ленин в Петербурге. Было это в 1894 году (первый раз Ленин арестован в 1887 году, но практически стал работать в массовом социал-демократическом движении с 1894 года)». Далее Н. К. Крупская сообщает, что тогда в Петербурге были лишь отдельные сознательные рабочие, что из таких рабочих Шелгунов организовал небольшой кружок за Невской заставой и в этот кружок «ездил каждое воскресенье Ленин разъяснять „Капитал“ Маркса, знакомить товарищей рабочих с основами марксизма».² Все эти указания и ряд других, которыми мы воспользуемся ниже, ценны в высшей степени именно потому, что они проредактированы самим Лениным, и некоторые слова, как, например, «в массовом социал-демократическом движении», вписаны были в сохранившуюся до наших дней рукопись самим В. И. Лениным.

Имя В. А. Шелгунова, с которым В. И. Ленин связывает начало своей практической деятельности среди петербургских рабочих, нам уже известно. Оно встретилось нам еще в 1886 г., при самом начале развития социал-демократии в Петербурге, когда Шелгунов в своем неистребимом стремлении к знанию оказался в числе учеников вечерней школы, и затем в начале 90-х годов, когда шла речь о социал-демократических кружках в Петербурге. Теперь В. А. Шелгунов

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 8, стр. 185.

² Н. К. Крупская. Ленин и партия. М., 1933, стр. 7; ср.: Записки Института Ленина, т. II, 1927, стр. 148—149 (здесь приведены поправки В. И. Ленина).

сближается с В. И. Лениным, и это сделало его до конца жизни одним из самых верных и преданных членов большевистской партии. В позднейшее время В. А. Шелгунов действовал в Екатеринославе, в Баку и Петербурге как деятельный сторонник «Искры», а затем большевизма. Шелгунов был одно время официальным редактором «Звезды», а позже таким же издателем «Правды». В 1906 г. он ослеп, но и будучи слепым не прекратил своей неустанной деятельности на важнейших участках партийной работы.

Н. К. Крупская начала упомянутую выше «Страничку» указанием на то, что Шелгунов был в числе тех, кто встречал Ленина на Финляндском вокзале в памятный день 3 апреля 1917 г. До своей смерти (в 1939 г.) Шелгунов оставался неутомимым пропагандистом, выступавшим и в годы гражданской войны и в последующие годы социалистического строительства перед самой разнообразной аудиторией как живое олицетворение той великой борьбы, которую рабочий класс и большевистская партия в течение десятилетий вели за победу коммунизма в нашей стране.

Можно довольно точно определить время, когда начали устанавливаться связи В. И. Ленина с петербургскими рабочими. В «Страничке из истории партии» Н. К. Крупская и сам В. И. Ленин отнесли их к 1894 г., а также связали их с именем В. А. Шелгунова. В своих воспоминаниях В. А. Шелгунов относит начало своего знакомства с В. И. Лениным к 1893 г., и к 1893 г. относит начало своего знакомства с В. И. Лениным также другой петербургский рабочий — А. Фишер. Однако эта ошибка памяти обоих тогдашних передовых петербургских рабочих легко раскрывается благодаря тому, что оба указывают один и тот же адрес тогдашней квартиры В. И. Ленина — Казачий переулочек. Но в Большом Казачьем переулке (теперь переулок Ильича, д. 7, кв. 13) В. И. Ленин по-

В. А. Шелгунов. Фотография.

селится только 12 (24) февраля 1894 г. Следовательно, ранее этого и не могло произойти его знакомство с Шелгуновым и Фишером. Фишер был уже 21 апреля 1894 г. арестован; как сам он пишет, знакомство его с В. И. Лениным продолжалось недолго. Таким образом, довольно точно, февралем—мартом 1894 г. можно определить начало той работы в «массовом социал-демократическом движении», о котором нам известно по «Страничке из истории партии».

Работа В. И. Ленина была многообразна, но вела она к одной цели, к той прямой задаче, которая была определена в «Что такое „друзья народа“?» как задача организации социалистической рабочей партии. В воспоминаниях Фишера и Шелгунова дано изображение одного из видов работы В. И. Ленина. В. И. Ленин разбирал книгу Николай-она «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», а также еще имевшуюся тогда только в немецком подлиннике книгу Бруно Шенлапка о промышленных синдикатах. Это была индивидуальная работа с отдельными рабочими, которая наряду с кружковой была в практике тогдашних социал-демократов. Эта работа вела к образованию рабочей интеллигенции, о которой мечтали и некоторые рабочие, как тот же Фишер, и о которой В. И. Ленин писал в 1899 г. в статье «Попытное направление в русской социал-демократии», что «мы должны приложить все усилия к тому, чтобы ее ряды постоянно расширялись, чтобы ее высокие умственные запросы вполне удовлетворялись, чтобы из ее рядов выходили руководители русской социал-демократической рабочей партии».¹

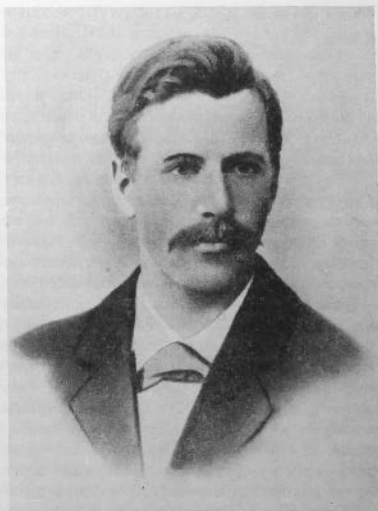
Шелгунов ввел В. И. Ленина в организованный им рабочий кружок за Невской заставой, собиравшийся на квартире рабочего Семяниковского завода Ивана Васильевича Бабушкина, одного из самых выдающихся петербургских рабочих (он проживал на Шлиссельбургском проспекте села Смоленского, д. 29). Бабушкина В. И. Ленин застал в самом расцвете его молодых и страстных стремлений к знанию и к революционной деятельности. Бабушкину минул тогда 21 год, и он уже успел испытать много жизненных мытарств, с семи лет будучи вынужден сам добывать себе средства к жизни. В 1891 г. Бабушкин поступил на Семяниковский завод. Здесь в 1893 г. знакомый нам уже, тоже семяниковский рабочий, С. И. Фунтиков ввел Бабушкина в круг революционных интересов, занимавших тогдашних передовых социал-демократических рабочих.

Когда осенью 1894 г. В. И. Ленин появился в кружке на квартире Бабушкина, он сразу привлек к себе сердца рабочих. «Мы все бывали очень довольны этими лекциями и постоянно восхищались умом нашего лектора», — пишет в своих воспоминаниях с чувством любовной признательности об этих занятиях Бабушкин.² Первые же занятия сделали Бабушкина одним из самых преданных учеников В. И. Ленина. Всю недолгую свою жизнь Бабушкин самоотверженно посвятил делу победы революции и погиб как один из ее героев, будучи в начале

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, стр. 258.

² Воспоминания И. В. Бабушкина. Госполитиздат, 1951, стр. 56.

января 1906 г. расстрелян казачьей экспедицией генерала Меллера-Закомельского в Сибири. В. И. Ленин в некрологе, написанном в 1910 г. (лишь тогда стало известно о гибели Бабушкина), назвал его «крупным партийным работником, гордостью партии, товарищем, всю свою жизнь беззаветно отдавшим рабочему делу», «одним из тех рабочих-передовиков, которые за 10 лет до революции начали создавать рабочую социал-демократическую партию». «Все, знавшие его, — писал В. И. Ленин, — любили и уважали его за его энергию, отсутствие фразы, глубокую выдержанную революционность и горячую преданность делу». В своем некрологе В. И. Ленин подчеркивал, что у нас есть «народные герои русской революции» и «это — люди, подобные Бабушкину».¹

И. В. Бабушкин. Фотография начала XX в.

Деятельность Ленина, которая началась в кружке Бабушкина, получила в течение 1894 и 1895 гг. весьма большой размах. Н. К. Крупская упоминает о работе В. И. Ленина в рабочих кружках за Невской заставой, следовательно, не только в одном кружке Бабушкина.² Мы видим В. И. Ленина в кружке, собиравшемся на квартире мастерового Нового Адмиралтейства В. А. Князева (Петроградская сторона, Съезжинская улица, угол Б. Пушкарской, д. 6/2). В. А. Князев в своих воспоминаниях называет еще и другие кружки, которыми руководил В. И. Ленин: на Черной речке у рабочего П. Дмитриева и на 8-й линии Васильевского Острова.³ По официальным документам В. И. Ленину вменялось в вину руководство в кружках В. А. Шелгунова (Александровская улица, д. 23) и ра-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 331—334.

² Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 10.

³ В. А. Князев. Из моих воспоминаний о В. И. Ульянове. Сб. «Рабочие и крестьяне о Ленине», ИМЭЛ, 1933, стр. 67—68.

бочего Александровского завода Н. Е. Меркулова (Прогонный пер., д. 16), а также в Гавани на квартире И. Н. Яковлева (Наличная улица, д. 71).¹

Сохранился достаточный материал для того, чтобы судить о содержании и характере деятельности В. И. Ленина как руководителя рабочих кружков. В кружке И. В. Бабушкина В. И. Ленин начал занятия политической экономией по Марксу. У Бабушкина осталось в памяти, как В. И. Ленин излагал «эту науку словесно, без всякой тетради, часто стараясь вызывать у нас или возражения или желание завязать спор, и тогда подзадоривал, заставляя одного доказывать другому справедливость своей точки зрения на данный вопрос». Бабушкин отметил и другую сторону занятий Ленина, которая принципиально отличала их от прежнего характера кружковых отвлеченно теоретических занятий. «Эти лекции, — писал Бабушкин, — в то же время приучали нас к самостоятельной работе, к добыванию материалов. Мы получали от лектора листки с разработанными вопросами, которые требовали от нас внимательного знакомства и наблюдения заводской фабричной жизни». ² Тех же вопросов касается Н. К. Крупская в своей характеристике работы В. И. Ленина в рабочих кружках Петербурга. Объясняя учение Маркса, В. И. Ленин видел, что «рабочие слушают с громадным интересом и хорошо усваивают основы учения Маркса, но в то же время он чувствовал, что мало только говорить: „нужно широко развернуть классовую борьбу“, надо показать, как эту классовую борьбу развернуть, около каких вопросов ее организовывать». ³ И то, что отмечал Бабушкин, и то, о чем говорит Н. К. Крупская, являлось отражением громадной новой исторической задачи, которая стояла тогда перед русской социал-демократией и которую разрешил В. И. Ленин, — задачи соединения марксизма с рабочим движением.

Весьма скоро, уже в декабре 1894 г. первая же стачка на Семяниковском заводе показала на примере Петербурга, насколько созрел тот общерусский коренной поворот в деятельности всех еще разъединенных по отдельным городам социал-демократов, который был угадан В. И. Лениным и во главе которого он оказался с первых же шагов своей революционной деятельности среди рабочих.

23 декабря, перед рождественскими праздниками, работа на Семяниковском заводе была закончена в 2 часа дня. Однако выдача рабочим их заработной платы была задержана и произведена только поздно вечером, уже к ночи. Это вызвало волнения рабочих. Дело началось битьем стекол в проходной конторе; затем была разгромлена столь ненавистная для рабочих своим обирательством фабричная лавочка; едва не была подожжена квартира управителя заводом. На место волнений были вызваны пожарные и казаки.

¹ Доклад по делу о возникших в С.-Петербурге в 1894—1895 гг. кружках. См.: В. И. Ленин, Собр. соч., т. 1, изд. 1-е, стр. 558, 562, 604.

² Воспоминания И. В. Бабушкина, стр. 56.

³ Н. К. Крупская. Будем учиться работать у Ленина. М., 1933, стр. 41.

В. И. Ленин считал эти волнения весьма соответствующим поводом для того, чтобы сделать первый открытый шаг к переходу от одной лишь замкнутой кружковой пропаганды к агитации среди широких масс петербургских рабочих. Как вспоминает И. В. Бабушкин, по свежим следам только что происшедших событий, уже во время рождественских праздников, «происходило обсуждение вопроса о выпуске листка по поводу этого бунта». Уже упоминавшаяся нами драгоценнейшая «Страничка из истории партии» Н. К. Крупской сообщает в связи с этим, что «решено было выпустить листок. Написал этот листок Ленин, обсудили и исправили его сообща в рабочем кружке, отгектографировали в четырех экземплярах и распространили на Семяниновском заводе».¹ Этот гектографированный листок сохранился, к сожалению, без начала.

Листок был весьма характерен для поворота, происходившего в революционной среде под воздействием В. И. Ленина. Здесь мы находим не только изображение «каторжного труда» (слова листовки) рабочих, но и указания ярко политического характера. Листовка говорит как об общеизвестном о том, что «ведь все знают, что и заводчики и полиция и вся государственная власть — все они заодно, все против нас». Так, в этой листовке отчетливо сказались то, что В. И. Ленин впоследствии особо подчеркивал в «Задачах русских социал-демократов», именно, что «с самого своего появления, в качестве особого социально-революционного направления, русские социал-демократы... всегда настаивали на неразрывной связи своих социалистических и демократических задач, т. е. на неразрывной связи борьбы против класса капиталистов с борьбой против абсолютизма».²

Листовка указывала также новые задачи для передовых рабочих (она их называет «понимающими рабочими»); они должны были теперь войти в гущу рабочих и стать их руководителями. «Как только где-нибудь на заводе становится невыносимо тяжело, растет общее недовольство, — обязанность каждого понимающего рабочего вмешаться в это дело, соединить желающих бороться, показать, какие требования им выставить всем своим угнетателям, — так по-новому должен научиться действовать оторванный до сих пор от живой борьбы рабочих и замкнутый в своих умственных и теоретических кружковых интересах передовой рабочий. «Много дела еще предстоит русскому рабочему, много будет жертв с его стороны, но не без надежда его работа и пора, уже давно пора к ней приступить».

Таким образом, листовка эта содержала ряд совершенно новых для деятельности тогдашних социал-демократов положений.

Уже вскоре появился повод для выпуска еще одной листовки. 7 февраля 1895 г. в порту, на почве удлинения на час рабочего дня, вспыхнула забастовка. Еще до начала этой забастовки, когда В. И. Ленин узнал о существовавшем среди порто-

¹ Воспоминания И. В. Бабушкина, стр. 73; Н. К. Крупская. Ленин и партия, стр. 7.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 304.

вых рабочих брожении, он вновь признал нужным использовать новое агитационное средство — листовку. По предложению В. И. Ленина, проект ее был составлен М. А. Сильвиним. Видимо, этот проект не удовлетворил В. И. Ленина. Новая листовка была написана, почти наверно можно утверждать, самим В. И. Лениным, под заглавием «Чего следует добиваться портовыми рабочими». Листовка явно была рассчитана на уровень развития простого рабочего. Она все время доказывала, что происходящее в порту есть «просто беззаконие», что начальство нарушает закон. Это была доступная всякому, даже отсталому рабочему постановка вопроса. Но вслед за этим такому рабочему уже легче было внушить ряд простых, но еще новых для него идей. Листовка убеждала рабочих, что они «должны действовать иначе, — не так, как они делали обыкновенно до сих пор», не путем «слепого недовольства», выражавшегося в «бросании камней в начальство» (а это еще имело место недавно на Семяниковском заводе). Вместо этого она призывала рабочих «ясно сознавать, чего именно нужно требовать от начальства», «строго» следить «за тем, чтобы все действовали дружно», так как «тогда только они в состоянии будут добиться своих требований». По свидетельству И. В. Бабушкина, эта листовка произвела на рабочих «более сильное впечатление, чем на Семяниковском заводе». На этот раз рабочие добились успеха. Работы в порту возобновились 13 февраля на прежних условиях.¹

В. И. Ленин не удовлетворялся, конечно, одним своим опытом работы в кружке Бабушкина, на Семяниковском заводе и в порту. М. А. Сильвин указывает, что В. И. Ленин предложил руководителям всех других кружков расспросить, бывают ли какие-нибудь широкие собрания рабочих, массовки перед возникновением забастовок, а также поставил вопрос об изучении условий работы и жизни рабочих на каждом заводе; для последнего В. И. Лениным был составлен подробный вопросник, который имелся у каждого из руководителей кружков. М. А. Сильвин пишет: «Мы так увлекались собираньем сведений, что на некоторое время забросили всякую пропаганду». Пользуясь всем собранным материалом, В. И. Ленин тотчас же поставил перед тогдашними петербургскими социал-демократами задачу, которая полностью преобразовывала всю их прежнюю деятельность. Именно В. И. Ленин предложил начать агитацию на почве «законных требований рабочих».²

С самого начала перехода к агитации обнаружилась оппозиция совершающемуся переходу работы и среди старых кружковых рабочих и среди руководителей. Когда начали собирать сведения по фабрикам и заводам и оказывалось, что в одном месте поводом к волнениям послужило, например, прекращение подачи

¹ М. А. Сильвин, ук. соч., стр. 100—101; Г. А. Тихомирнов. Первые агитационные листки Ленина. Пролетарская революция, 1937, № 8, стр. 123—136; Воспоминания И. В. Бабушкина, стр. 65.

² М. А. Сильвин, ук. соч., стр. 96—97.

кипятка, а в другом — убавка расценки на пяточок, то, как пишет М. А. Сильвин, «нашим рабочим, большую часть квалифицированных профессий, да и многим из нас также, эти вопросы, естественно, казались мелкими, ничтожными, не стоящими внимания революционера». Прежние руководители, стоявшие во главе петербургского социал-демократического движения до приезда в Петербург В. И. Ленина, С. И. Радченко и Г. Б. Красин, не понимая значения происходящего в деятельности социал-демократов коренного поворота, «именно и приводили то возражение, — сообщает М. А. Сильвин, — что мы размениваемся на мелочи, революционную работу сводим к борьбе за кипятки и вместе с тем проваливаем дело социалистической пропаганды».¹ Даже такой выдающийся, передовой рабочий, как И. В. Бабушкин, признается в своих воспоминаниях, что и позднее, в конце 1895 г., он был «частично противником агитационной деятельности», так как «опасался за уничтожение кружков, полагая, что агитационная деятельность их совсем потопит».² Так сказывалась та «косность» и у руководителей и у рабочих, о которой впоследствии писал В. И. Ленин и которая заставляла некоторых из тогдашних деятелей плестись в хвосте событий. «Некоторые старые члены кружка, — пишет З. П. Невзорова-Кржижановская, — вышли из него, несогласные с новой линией работы. Но таких были единицы. Вся же группа в целом стала на новые практические рельсы».³ Из прежних крупных деятелей теперь отошел от работы Г. Б. Красин.

Можно иллюстрировать фактами и другое замечание В. И. Ленина, именно, что каждый из отмечаемых им переходов вызывал к деятельности совсем новые слои рабочего класса. М. А. Сильвин, вспоминая, что с переходом к агитации «часть прежних рабочих отошла», сообщает: «... вместо них явились новые, более подвижные, более свежие силы». Особенно выдавался среди них молодой путильовский рабочий Борис Зиновьев.⁴

Ленин отмечал также, что переход к агитации произошел не сразу. Действительно, даже еще летом и осенью 1895 г. продолжались среди тогдашних передовых рабочих споры относительно перехода к агитации. К осени 1895 г. относятся отмеченные выше суждения И. В. Бабушкина. В актах дознания по делу о социал-демократических кружках 1895 г. (дело В. И. Ленина и др.) имеются данные о собраниях на Петербургской стороне в июле 1895 г. и за Невской заставой в августе 1895 г. И здесь и там было решено перейти к агитации.⁵

¹ Там же, стр. 97.

² Воспоминания И. В. Бабушкина, стр. 80.

³ З. П. Невзорова-Кржижановская. Наброски воспоминаний о «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Сб. «От подпольного кружка к пролетарской диктатуре», вып. 1, М., 1930, стр. 26.

⁴ М. А. Сильвин, ук. соч., стр. 99—100.

⁵ И. Никитин. Из истории петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». М., 1947, стр. 28.

Вопрос о переходе к агитации касался не только деятельности социал-демократов в Петербурге. Он назрел уже во всероссийском масштабе, и здесь В. И. Ленину принадлежала величайшая роль в том, что этот вопрос получил революционно-марксистское решение вопреки появившимся уже тогда оппортунистическим течениям. В 1914 г. в статье «Из прошлого рабочей печати в России» В. И. Ленин писал: «Замечательный факт, далеко еще недостаточно оцененный по сю пору: как только возникло *массовое* рабочее движение в России (1895—1896 гг.), так немедленно появляется разделение на марксистское и оппортунистическое направления, — разделение, которое меняет форму, обличье и т. д., но остается в сущности тем же самым с 1894 по 1914-й год».¹

Это со всей яркостью сказалось, когда в феврале (18 или 19 числа) 1895 г. в Петербурге собрались представители нескольких городов (помимо Петербурга, — Москвы, Вильно и Киева) для обсуждения того же вопроса о переходе от кружковой пропаганды к агитации. От Петербурга на собрании были В. И. Ленин и Г. М. Кржижановский, на квартире которого (Коломенская, д. 9, кв. 47) оно и происходило. Московский представитель Е. Спонтти, как он сам позднее об этом писал, защищал точку зрения агитации «почти исключительно экономического характера». В. И. Ленин противопоставил этому оппортунистическому воззрению революционно-марксистское требование сочетания экономической и политической борьбы.²

Об этом говорят и другие воспоминания. В. А. Шелгунов отмечает, что когда рабочие требовали листовок на экономические темы, В. И. Ленин говорил, что экономические вопросы ставить необходимо, но так, чтобы рабочему видно было, что без серьезных перемен политической жизни России экономическое положение рабочих не улучшится.

В. И. Ленин, конечно, смотрел на свою революционно-марксистскую деятельность в Петербурге как на деятельность, которая имела всероссийское значение и намечала дальнейший путь всего общерусского революционного развития. Так было не только что упомянутом февральском совещании, где именно В. И. Ленину принадлежала главная роль в борьбе за революционно-марксистский путь развития социал-демократического движения во всероссийском масштабе. С этой же целью развертывания в общерусском масштабе начатого в Петербурге дела В. И. Ленин решил поехать за границу, чтобы завязать отношения с группой «Освобождение труда» (в то время, несмотря на наличие уже некоторых отклонений от последовательного марксизма в таких важных вопросах, как вопросы об отношении к крестьянству и к либералам, в общем группа «Освобождение труда» еще стояла на революционно-марксистской точке зрения). В. И. Ленин выехал из Петербурга 25 апреля и вернулся сюда только 29 сентября.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 226.

² Е. Спонтти. Встреча с Лениным. Записки Института Ленина, т. III (1928), стр. 71—73.

Для характеристики итогов поездки важное значение имеют два письма В. И. Ленина за границу от ноября 1895 г. В этих письмах В. И. Ленин сообщает о посещении им Вильно, Москвы и Орехово-Зуева и о сборе материалов для предполагаемого сборника; и к первому и ко второму письму был приложен ряд статей для сборника, как, например, сообщения о петербургских стачках у Лаферма и Торнтона, о стачках в Иваново-Вознесенске и Ярославле, о выселении духоборов (ее автором был А. А. Ванеев) и др. Значительная часть перечисленных в этом письме материалов впоследствии появилась на страницах издаваемого в Женеве «Работника», в его №№ 1—2 и 3—4.¹

Из данных хотя бы этих двух писем Ленина напрашиваются некоторые существенные выводы. Несомненно, что В. И. Ленин пришел к соглашению, во время своей заграничной поездки, издавать вместе с группой «Освобождение труда» непериодические сборники «Работник», которые должны были иметь уж не петербургский, но общероссийский характер. Таким образом, как и в теории, так и в деле революционной практики Петербург как крупнейший тогдашний революционный центр послужил наиболее благоприятным для В. И. Ленина полемдеятельности, имевшей целью сделать местную работу опорой для создания общероссийской организации.

Социал-демократическое и рабочее движение в Петербурге сделало громадный шаг вперед в те немногие месяцы, которые прошли от возвращения В. И. Ленина из-за границы и до происшедшего в ночь на 9 декабря 1895 г. ареста его самого и основного ядра группы «стариков» (как ее называли в противовес маловлиятельным группам «молодых», во главе которых стояли К. М. Тахтарев и И. В. Чернышев). В течение 1894 и 1895 гг. в Петербурге шел рост социал-демократических кружков, не прерываемый после апреля 1894 г. никакими крупными арестами. Нельзя преувеличивать, конечно, этого роста. В 1905 г. В. И. Ленин набросал план статьи «1895 и 1905 год», в которой хотел провести «маленькую параллель» между этими годами. Пункт 4-й этого плана был посвящен формам работы в 1895 и 1905 гг. В. И. Ленин писал о 1895 г.: «10—16 чел[овек] (к[омитет]т). 20—30 раб[очих] кружков. 100—150 тахшум связей».² Насколько позволяют судить данные и воспоминаний и официальных документов, к концу 1895 г. рабочие кружки имелись тогда во всех основных рабочих районах Петербурга — за Невской заставой и за Нарвской заставой, на Васильевском Острове, на Петербургской и Выборгской сторонах. Среди руководителей кружков, а также других деятелей этого времени, кроме самого В. И. Ленина, отметим Н. К. Крупскую, А. А. Ванеева, Г. М. Крижановского, В. В. Старкова, П. К. Запорожца, М. А. Сильвина, сестер З. П. и С. П. Невзоровых. Вся эта группа лиц была идейно тесно сплоченной группой.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 34, стр. 1—3.

² Ленинский сборник, т. V, стр. 442.

Н. К. Крупская в статье «Ленин, как организатор партии», отметив, что «идейной сплоченности придавал он громадное значение», относит к тому времени, «когда группа достаточно спелась, узнала друг друга», постановку В. И. Лениным на очередь вопроса о создании новой организации.¹ По этому ленинскому новому плану были выделены три района (Нарвский, за Невской заставой и Заречный, обнимающий Васильевский Остров, Петербургскую и Выборгскую стороны, а также Охту), и все участники организации были распределены по этим районам, образуя, таким образом, районные группы. Центр организации был составлен из трех лиц — В. И. Ленина, Г. М. Кржижановского, В. В. Старкова. Редактором изданий был избран В. И. Ленин.² Так была создана В. И. Лениным крепкая идейно-сплоченная централизованная организация, которая вскоре приняла название «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Мы видели, что в вопросах теоретических В. И. Ленину пришлось вести борьбу за идейную чистоту взглядов марксистской группы и сплотить ее на почве борьбы с врагами марксизма — с народничеством и с буржуазными извращениями марксизма со стороны легальных марксистов, а также с косными представителями «хвостистских» настроений времен кружковщины. Так же было и с вопросами организационными. Новые принципы организации встретили сопротивление со стороны отсталых элементов, что служило лучшим показателем их действительно революционного значения. В «Детской болезни „левизны“ в коммунизме» В. И. Ленин писал двадцатью пятью годами позже: «Нападки на „диктатуру вождей“ в нашей партии были всегда: первый раз я вспоминаю такие нападки в 1895 г., когда формально еще не было партии, но центральная группа в Питере начала складываться и должна была брать на себя руководство районными группами».³ Прекрасный комментарий к этим ленинским строкам мы находим в воспоминаниях Н. К. Крупской. «Все приняли эту новую организацию, но, — пишет Н. К. Крупская, — С. И. Радченко. . . , привыкший к порядочному-таки „единоначалию“, очутившись вне руководящей тройки, заволновался и стал доказывать „районной“ публике, что при такой организации „районы“ являются простыми исполнителями, а не товарищами по работе, что все они будут совершенно разобщены и лишены участия в общей работе, которая будет всецело в руках у тройки и пр. и пр.». Недовольные составили протест и устроили собрание, на котором В. И. Ленин произнес горячую речь о невозможности «первобытного демократизма» и необходимости новой организации, и «публика успокоилась». «Трудно было, — заканчивает Н. К. Крупская изложение этого эпизода, — на первых шагах формирования партийных организаций преодолевать непривычку работать в организации под

¹ Н. К. Крупская. Будем учиться работать у Ленина, стр. 56—57.

² Там же, стр. 57; З. П. Невзорова-Кржижановская, ук. соч., стр. 26.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 27.

определенным руководством».¹ Таким образом, В. И. Ленин положил теперь начало организации нового типа, организации, которая должна была явиться боевым руководителем рабочего класса в его борьбе против самодержавия и капитализма.

«Крупным историческим фактом» назвал В. И. Ленин то, что «в 90-х годах встретились два глубокие общественные движения в России: одно стихийное, народное движение в рабочем классе, другое — движение общественной мысли к теории Маркса и Энгельса, к учению социал-демократии».²

Первым значительным событием в рабочем движении этого времени были волнения на фабрике Торнтона, где положение рабочих было особенно невыносимым. Еще в 1892 г., когда на фабрике произошел пожар, расценки были уменьшены, а плата за каморки в общей казарме повышена. В 1895 г. даже фабричный инспектор несколько раз отмечал вопиющие злоупотребления фабричной администрации. Так, инспектор потребовал переселения рабочих из каморок верхних этажей, совсем отсыревших и непригодных ни для какого жилья; он же отметил мошенничества при записи ставок в расчетные книжки и то, что заработок вписывается в книжку карандашом, а надписи делаются по-английски, так что рабочему и не понять, что с ним продельвают. В начале ноября из сообщений на общегородском собрании представителей районов было уже ясно, что на фабрике Торнтоня беспокойно.

5 ноября на фабрике были объявлены новые пониженные расценки, и ткачи забастовали, но 7 ноября, поверив обещаниям фабричного инспектора, приступили к работе. О степени отсталости общей массы торнтоновских рабочих можно судить по рассказу Бабушкина, что на собрании, устроенном после начала забастовки, «никакие уверения» не могли побудить рабочих говорить с присутствовавшим там «интеллигентом»; рабочие, по словам Бабушкина, «просили только составить хорошее прошение к градоначальнику, к которому намеревались идти». Тогда Н. К. Крупская собрала сведения через одного своего ученика. Тот принес целую тетрадь данных по вопроснику, составленному В. И. Лениным, да дополнил их еще устно. «Владимир Ильич на них так и накинулся», — пишет Н. К. Крупская. В итоге получились два листка. Один известен только по заглавию: «Чего требуют ткачи», а второй вошел во все издания «Сочинений» В. И. Ленина.³

Листовка, начинающаяся обращением «Рабочие и работницы фабрики Торнтоня!», гектографированная и распространенная 10 ноября 1895 г., может служить образцом того, как следовало воздействовать на еще отсталые слои рабочих, чтобы поднять их на борьбу против капиталистов. Отметив «памятные дни» заба-

¹ Н. К. Крупская. Будем учиться работать у Ленина, стр. 57.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, стр. 239.

³ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 18; Воспоминания И. В. Бабушкина, стр. 71.

стовки, ознаменованные «дружным отпором хозяйской прижимке», листовка с прекрасным знанием мельчайших сторон условий рабочего труда и казарменного быта отмечала все последствия «хозяйского корыстолюбия», «бессердечной жестокости», характер «хитрых уловок хозяев». Затем выставлялся ряд требований, сводившихся к восстановлению весенних расценок, выполнению правил закона о табели расценок, выполнению своих обязанностей фабричным инспектором, уменьшению платы за «грязную, вонючую, тесную и опасную в пожарном отношении конуру». Листовка кончалась так, что не отпугивала и отсталых рабочих: «Защищая эти требования, товарищи, мы вовсе не бунтуем, мы только требуем, чтобы нам дали то, чем пользуются уже все рабочие других фабрик по закону, что отняли у нас, надеясь лишь на наше неумение отстоять свои собственные права. Докажем же на этот раз, что наши „благотетели“ ошиблись».¹

В те же дни, 9 и 10 ноября, произошли большие волнения, сопровождавшиеся битьем стекол и другими подобными действиями, на табачной фабрике «Лаферм», на Васильевском Острове, где работало около 1000 женщин; причиной волнений было уменьшение заработка в связи с введением новых машинок для вставки мундштуков и усиленное вписывание брака работницам. В. И. Ленин вместе с М. А. Сильвиним познакомились тотчас с работницами фабрики и побывали в квартире одной из них. В итоге был издан листок «Чего требовать работницам фабрики „Лаферм“?». В начале декабря последовало издание двух листовок на Путиловском заводе, где главными агитаторами явились рабочие, участники кружка В. И. Ленина, Б. Зиновьев и П. Карамышев.

И. В. Бабушкин дает прекрасную характеристику воздействия, которое имели эти первые листовки на рабочих. Для него, знавшего положение дел за Невской заставой, «особенно ярко вырисовывался подъем после первых листовок и брошюр, пущенных в широких размерах во всем этом районе». Также и по воспоминаниям К. М. Тахтарева, «листки, а потом уступки производили какое-то магическое действие на рабочих: подымалась энергия, появлялась вера в возможность бороться, вера в силу массового натиска и в силу единения».

Перед самыми арестами, происшедшими 9 декабря, была составлена, повидимому Г. М. Кржижановским, листовка «Ко всем петербургским рабочим», которая подводила итог ноябрьским стачкам на фабриках Торнтон и «Лаферм», а также на фабрике Т-ва механического производства обуви. В этой листовке были открыто затронуты не только «господа капиталисты», но и «начальство» в виде правительственных агентов — фабричного инспектора и градоначальника. Листовка кончалась призывами быть «единодушными и готовыми к борьбе» и «вести свою борьбу спокойно, без беспорядков и насилий», «дружно».

Хотя до ареста В. И. Ленина было положено только начало агитации путем издания листовок, однако успех первых листовок среди разных слоев рабочих

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 66—70.

показал все громадное значение этого нового пути практической работы социал-демократии. Теперь уже явно наблюдалось в рабочем классе «пробуждение новых и новых слоев его к более сознательной и активной борьбе», с которым В. И. Ленин связывал первый из отмеченных им «замечательных переходов» в истории массового рабочего движения в России, переход «от узких пропагандистских кружков к широкой экономической агитации в массе».¹

Этой агитации должны были служить не только листовки, но и брошюры, и В. И. Ленин написал брошюру на одну из самых злободневных тем тогдашней рабочей жизни, о которой говорили и листовки, — на тему о штрафах. Брошюра В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», содержала разъяснение всех подробностей закона о штрафах, его ничтожного значения и тех злоупотреблений, которыми урезывался даже этот куцый закон. Показав, что и эта незначительнейшая уступка была вырвана только благодаря дружной борьбе рабочих, В. И. Ленин подводил своих рабочих читателей к выводам, что «штрафы порождены капитализмом», что «правительство и его чиновники держат сторону фабрикантов» и что для рабочих «остается только одно средство для своей защиты — соединиться вместе для борьбы с фабрикантами и с теми несправедливыми порядками, которые установлены законом».² Н. К. Крупская пишет об этой брошюре, что в ней В. И. Ленин «дал блестящий образец того, как надо было подходить к рабочему середняку того времени и, исходя из его нужд, шаг за шагом подводить его к вопросу о необходимости политической борьбы»; по ее же словам о брошюре, «рабочие зачитывались ею: она была им понятна и близка».³

Примечательна и история издания этой брошюры. Она была отпечатана в типографии, возникшей вновь в начале 1895 г. (после апрельских арестов 1894 г.), группы народовольцев. Эта группа вступила на путь отказа от народнических ошибок и сближения с социал-демократией. Когда был издан этой группой «Летучий листок» № 4 (декабрь 1895 г.), Ленин приветствовал в своих «Задачах русских социал-демократов» «от всей души это издание, свидетельствующее о глубокой и плодотворной работе мысли, которая идет в среде современных народовольцев».⁴ В ноябре 1895 г. группе народовольцев была передана через А. А. Ванеева для издания брошюра В. И. Ленина о штрафах, и 3 декабря в типографии этой группы, помещавшейся на Крюковом канале (д. 23, кв. 13), было начато ее печатание. Она была издана в количестве 3000 экземпляров. Как это делалось не раз при издании нелегальных брошюр для придания им вида легального издания, брошюра содержала якобы пометку херсонской цензуры о дозволении ее печатать и указание на отпечатание ее будто бы в одной из херсонских же типографий.

¹ Там же, т. 8, стр. 185.

² Там же, т. 2, стр. 55, 57.

³ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 13.

⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 315.

В указанной выше типографии должно было печататься и еще одно издание, газета «Рабочее дело», которой В. И. Ленин придавал важнейшее политическое значение, так как она должна была явиться наиболее ярким выражением социал-демократических взглядов руководимой В. И. Лениным в Петербурге организации. Вполне готовый номер «Рабочего дела» был захвачен жандармами в ночь на 9 декабря при аресте А. А. Ванеева. В. И. Ленину принадлежала не дошедшая до нас передовая статья, которая, по его словам, «обрисовывала исторические задачи рабочего класса в России и во главе этих задач ставила завоевание политической свободы».¹ Не сохранилась и предназначенная для «Рабочего дела» статья В. И. Ленина «Фридрих Энгельс», судить о которой мы все же можем по одновременно написанной В. И. Лениным, отправленной за границу и напечатанной затем в «Работнике» аналогичной (первая была, вероятно, несколько короче, по условиям размеров нелегальной русской печати) статье на ту же тему. В этой статье В. И. Ленин указывал, что пролетариат является единственной силой, заинтересованной в осуществлении социализма, и что социал-демократы должны «сообщить этой силе сознание ее интересов и исторической задачи».² Как и в своей передовой статье для «Рабочего дела», В. И. Ленин подчеркнул здесь значение политической борьбы, отметив в конце, что для того «чтобы бороться за свое экономическое освобождение, пролетариат должен завоевать себе известные *политические права*».³

В архиве Департамента полиции сохранилась третья статья В. И. Ленина «О чем думают наши министры», вошедшая теперь в «Сочинения». В этой статье В. И. Ленин на маленьком примере отношения властей к воскресным школам разъяснял простому рабочему, что царское правительство является препятствием к удовлетворению самых элементарных стремлений рабочих к знанию. В. И. Ленин образно пояснял, что для правительства рабочие — это порох, а знание — искра, и «министр уверен, что если искра попадет в порох, то взрыв направится прежде всего на правительство».⁴ При обыске у А. А. Ванеева оказались для предполагаемого «Рабочего дела» еще шесть статей, посвященных стачкам в Петербурге, Ярославле, Иваново-Вознесенске, Вильно и Минске.

Характеризуя этот «первый опыт» издания газеты, В. И. Ленин писал, что «Рабочее дело» представляло «из себя газету не узко местного, тем более не „экономического“ характера, стремившуюся соединить стачечную борьбу с революционным движением против самодержавия и привлечь к поддержке социал-демократии всех угнетенных политикой реакционного мракобесия». Таким образом, «Рабочее дело» полностью отражало то, что В. И. Ленин считал самым характерным для социал-демократии этого периода, именно, что теперь социал-демократия

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 348.

² Там же, т. 2, стр. 8.

³ Там же, стр. 13.

⁴ Там же, стр. 74.

покончила с периодом «утробного развития», когда она существовала без рабочего движения, и перешла в период «детства и отрочества», появившись «на свет божий, как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия».¹

В ночь на 9 декабря 1895 г. был произведен ряд арестов, подготовлявшихся еще с лета 1895 г. Был арестован В. И. Ленин, а также Г. М. Кржижановский, А. А. Ванеев, В. В. Старков, В. А. Шелгунов и другие интеллигенты и рабочие. Через несколько дней, 15 декабря, оставшиеся на свободе члены организации издали листовку, в которой впервые было употреблено название организации — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Создание В. И. Лениным «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» было крупнейшим событием в истории тогдашнего социал-демократического рабочего движения, имевшим величайшее значение и для всего будущего этого движения.

Сразу после образования петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» стали возникать подобные же организации в других промышленных центрах России — в Москве (где существовал с 1894 г. Рабочий союз), в некоторых городах Центральной промышленной области, Украины, в Закавказье и т. д. В масштабе всей страны «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», созданный В. И. Лениным, явился серьезным зачатком революционной марксистской партии, неразрывно связанной с массовым рабочим движением. Выше уже указывалось (стр. 148), какое важное значение для деятельности В. И. Ленина имел опыт его петербургской работы 90-х годов, завершившейся образованием под его руководством «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Наконец, нельзя не подчеркнуть значения, которое имело создание ленинского «Союза борьбы» для последующего развития социал-демократической организации и рабочего движения в самом Петербурге. Здесь, где потом так резко проявились теоретические и практические шатания, — революционно-марксистские идейные и организационные основы движения, заложенные В. И. Лениным, имели исцеляющее значение в борьбе за преодоление ошибок и уклонов и в оформлении петербургской партийной организации как одной из главных опор большевизма в России.

Общезвестна периодизация истории революционного движения в России, которая была дана В. И. Лениным в его статье «Из прошлого рабочей печати в России». Рубежом, с которого начинается третий, пролетарский период революционного движения, В. И. Ленин считал 1895 г.

Пока рабочее движение развивалось стихийно, без соединения его с революционной теорией, до той поры оно не могло, употребляя выражение В. И. Ленина, налагать свою печать на революционное движение. И революционное движение

¹ Там же, т. 5, стр. 349, 483.

в течение ряда десятилетий XIX в. прошло сперва, с 1825 г., свой дворянский период, а затем, приблизительно с 1861 г., период разночинный, или буржуазно-демократический. Рабочее движение не было соединено с революционной теорией вплоть до 1894 г., когда Ленин поставил задачу соединения марксизма с рабочим движением.

Ленин блестяще разрешил эту задачу теоретически разгромом народничества и разоблачением буржуазной сущности легального марксизма, а также ликвидацией догматического, буквоедского понимания марксизма, господствовавшего в тогдашней кружковщине. Тактически Ленин разрешил ее переходом от замкнутой и отгороженной от рабочего движения кружковой пропаганды к агитации в широкой рабочей массе, агитации, которая осуществляла соединение революционной марксистской теории с широким рабочим движением и превращала его в социал-демократическое революционное рабочее движение. В то же время В. И. Ленин разрешил ее и организационно, покончив с существованием отдельных кружков и создав организацию, объединенную единым, централизованным, идейно выдержанным и твердым руководством. Вся эта грандиозная работа была завершена Лениным к концу 1895 г. созданием «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Только с этого момента рабочий класс мог наложить свою печать на революционное движение, и потому с этого времени начинается третий этап в истории русского революционного движения, этап пролетарский.

* * *

Возникновение пролетарского периода в истории русского революционного движения характеризовалось тем, что теперь, наконец, говоря словами В. И. Ленина, «началось непрерывное рабочее движение в связи с социал-демократией (петербургские стачки 1895—1896 годов)». ¹ Значение движения этих лет подчеркивается еще тем, что оно в глазах В. И. Ленина было началом целого периода в истории революционного пролетарского движения, периода, который непосредственно подводит к революции 1905 г. В конце 1910 г. в статье «Начало демонстраций» В. И. Ленин писал: «Когда в 1895 году начались непрерывные массовые стачки, это было началом полосы подготовки народной революции», точно так же, как январь 1905 г. явился уже началом самой революции. ² Мы видели самое начало движения в виде ноябрьских стачек 1895 г. Дальнейший рост рабочего движения пошел с быстротой, которая через шесть-семь месяцев привела к «знаменитой промышленной войне», как В. И. Ленин назвал летние стачки в Петербурге 1896 г.

Центр «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» после столь тяжелого удара, каким был для него арест 9 декабря 1895 г. В. И. Ленина, и после допол-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 224.

² Там же, т. 16, стр. 326.

А. В. Морозов. Ленин, руководит рабочим кружком в Петербурге. Картина маслом.
Музей В. И. Ленина, Москва

нительных арестов в ночь на 5 января 1896 г., когда среди других был арестован такой деятельный помощник В. И. Ленина, как И. В. Бабушкин, отнюдь не перестал существовать и продолжал действовать в том новом направлении соединения социализма с рабочим движением, которое было указано В. И. Лениным. Это было одним из ярких доказательств жизненного значения новой централизованной организации «Союза борьбы», которая была создана В. И. Лениным. Величайшее значение для всех последующих событий 1896 г. имело то, что, находясь в тюрьме, В. И. Ленин имел возможность руководить оттуда движением в Петербурге.

Стихийный рост рабочего движения и напряженная деятельность «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» сказались в ряде характерных явлений в подготовительные к летним стачкам месяцы. Мы видим стихийно возникающие волнения и стачки, такие, как в декабре 1895 г. на фабрике Лебедева (на Выборгской стороне, теперь «Работница»), где вследствие новых условий работы понизился заработок на 12% и где забастовка продолжалась три дня; или как в январе на Резвоостровской мануфактуре Воронина, когда одно проявление недовольства со стороны рабочих и опасение забастовки заставили хозяев удовлетворить требование рабочих и увеличить расценки на выработанный кусок миткаля.

Но мы видим и деятельную работу «Союза борьбы» с целью организации рабочего движения. «Союз борьбы» не ждет, пока возникнут волнения на той или иной фабрике или заводе. В «Объяснении программы» социал-демократической партии, написанном В. И. Лениным в тюрьме и содержащем в значительной степени мысли, которые несомненно он не раз высказывал своим товарищам в момент перехода от пропаганды к агитации, В. И. Ленин писал, что «помощь рабочим должна состоять в указании тех наиболее насущных нужд, на удовлетворение которых должна идти борьба, в разборе тех причин, которые особенно ухудшают положение тех или других рабочих, в разъяснении фабричных законов и правил, нарушение которых (и обманные уловки капиталистов) так часто подвергает рабочих двойному грабежу». Далее В. И. Ленин писал также о том, что надлежит точнее и определеннее выразить требования рабочих и публично «выставить их», а также «выбрать наилучший момент для сопротивления» и «выбрать способ борьбы».¹ Именно эти указания В. И. Ленина были положены в основу агитационной и организационной деятельности упредевшими членами «Союза борьбы». Они не ждали ни того, когда вспыхнет новая забастовка на фабрике «Лаферм», ни того, когда начнут волноваться рабочие фабрик Кенинга, Воронина или Нового адмиралтейства. «Союз борьбы», по ленинскому завету, сам шел на помощь петербургским рабочим.

Так, в конце декабря 1895 г. в петербургских газетах появился циркуляр фабричной инспекции, который ограничивал в известной степени царивший до того времени произвол табачных фабрикантов в деле браковки товара и признавал открыто, что имевшие место во время волнений «жалобы работниц верны». «Союз

¹ Там же, т. 2, стр. 97—98.

борьбы» тотчас воспользовался этим циркуляром для издания двух листовок, обращенных к петербургским папиросникам и к работницам фабрики «Лаферм». В них «Союз» очень доступно и просто разъяснил, что циркуляр фабричной инспекции является последствием дружного выступления лафермовских работниц и призывает работниц «снова и снова» и «дружно, как один человек» выступать против «грабителей-хозяев». Весьма характерны листовки к рабочим фабрики Кенига и Нового адмиралтейства. Они повторяют приемы ленинской листовки к торитоновским рабочим. Здесь с точным знанием самых мелких условий работы и быта рабочих показано, как «бессовестно мошенничают» хозяева, как они нарушают даже правила существующего закона; затем в листовках выставляются определенные требования, которые, дружно сплотившись, следует предъявить владельцам фабрик.

В. И. Ленин в «Что делать?» довольно подробно останавливался на этой «литературе» экономических (фабричных и профессиональных) обличений и указывал, что после первых опытов «среди рабочих скоро всыхнула настоящая страсть к обличениям» и что даже «среди самых отсталых рабочих развилась настоящая страсть „печататься“». ¹ Действительно, рабочие массы вначале боялись давать сведения о претерпеваемых ими бедствиях, боялись и читать листовки. «Видит листок, и хочется ему взять, а боится», — так рассказывал о своих впечатлениях один из самых энергичных распространителей листовок Б. Зиновьев, арестованный в одну ночь с В. И. Лениным. ² Но после появления первых же листовок рабочие сами стали искать «Союз борьбы» с целью получить обличительную листовку. Уже в декабре 1895 г., когда началась забастовка на фабрике Лебедева, один из рабочих ее, Кузьма Царьков, несколько дней потратил в поисках путей к «Союзу борьбы», пока на Сампсониевском проспекте не состоялась долгожданная встреча, последствием которой были даже две листовки.

Была и другая сторона, которая после издания первых же листовок не могла не оказать воздействия на самые отсталые слои петербургских рабочих. «Обличения, — пишет В. И. Ленин, — как и всегда, сделались сильны одним уже фактом своего появления, приобрели значение могучего нравственного давления. Случалось не раз, что одного появления листка оказывалось достаточно для удовлетворения всех или части требований». ³ Так, листовки к рабочим Нового адмиралтейства заставили вмешаться тогдашнего министра внутренних дел И. Л. Горемыкина; Горемыкин, опасаясь действия листовок, должен был потребовать, чтобы морской министр заставил командира порта, поведение которого обличала листовка, «войти в рассмотрение указываемых в воззвании обстоятельств, и если по проверке жалобы рабочих окажутся справедливыми, то не оставить

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 369.

² М. А. Сильвин, ук. соч., стр. 105.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 369—370.

таковые без должного внимания». И в феврале и в апреле командир порта вынужден был удовлетворить без всякой забастовки, а только под давлением одного появления листов, выдвинутые в них требования.

Однако та кампания листовок, о которой только что шла речь, была одной частью работы «Союза борьбы», отнюдь не забывавшего, при всем увлечении успехами листовочной экономической агитации, также задач политических. Ярким проявлением этого было издание листка, написанного И. В. Бабушкиным под впечатлением ареста В. И. Ленина и его товарищей. Само название листка — «Что такое социалист и политический преступник?» — уже достаточно говорит за себя. Эта листовка была рассчитана на остальные слои, которым она разъясняла политические задачи рабочего движения и растолковывала, что «социалисты» и «политические преступники» — «это те люди, которые стремятся к освобождению угнетенного рабочего народа из-под ярма капиталистов» и защищающего интересы капиталистов «варварского правительства».

Другой яркой иллюстрацией понимания «Союзом борьбы» его политических задач был «Адрес петербургских рабочих французским рабочим» к 25-летней годовщине Парижской коммуны. «Союзом борьбы» было также отослано сто рублей на венок на могилу коммунаров в Париже.

Лучшим показателем той быстроты, с какой расширилось влияние «Союза борьбы» на все более широкие массы петербургских рабочих, может служить успех первомайской листовки 1896 г. Первомайская листовка, составленная М. А. Сильвиним, давала тогдашнему рабочему элементарный краткий урок и политической экономии и учения о классовой природе самодержавного государства, подводила итог успехам борьбы рабочих в Петербурге, Москве и других городах России. Указывая на роль «Союза борьбы» в этом деле, она призывала рабочих присоединиться к нему и тем «способствовать великому делу объединения рабочих для борьбы за свои интересы». Наконец, она призывала к борьбе и заканчивалась словами: «И поднимется наша мускулистая рука, и падут позорные цепи неволи, поднимется на Руси рабочий народ, и затрепещут сердца капиталистов и правительства, которое всегда им усердно служит и помогает».

Листовка эта в полной мере отражала то направление деятельности «Союза борьбы», которое было придано ему В. И. Лениным. В высшей степени характерно для успехов деятельности «Союза борьбы», что его идеи оказались доступны теперь уже не только сравнительно небольшому кругу передовых рабочих, но и широкой массе рабочего люда Петербурга. Листовка была издана в 2000 экземплярах и распространена на десятках фабрик и заводов. По рассказу одного из рабочих Новой бумагопрядильни, после чтения этой листовки раздавалось «восторженное ура». Этот же рабочий после начала большой забастовки говорил одному из членов «Союза борьбы»: «Все вас благодарить должны, все, благодаря майскому листу, уже тогда стали волноваться и рассуждать рабочие». Таково было представление рядового рабочего-текстильщика о значении «Союза борьбы» в начавшемся, еще

невиданном до того времени по размерам столкновении труда и капитала в Петербурге.

Прежде чем перейти к изложению самих событий стачки, уместно коснуться условий труда забастовавших рабочих. Помимо правительственных признаний относительно тех невозможных условий, в которых работали и жили рабочие, у нас есть и ценнейшие данные, исходившие от самих рабочих и изложенные как в издававшихся тогда листовках, так и в обширной корреспонденции, отправленной в июне 1896 г., повидимому, в заграничный «Работник».

В протоколе особого совещания, созванного в Министерстве финансов в дни забастовки с участием фабричных инспекторов, имеется таблица продолжительности рабочего дня и размеров дневного заработка рабочих. Из нее видно, что и 13-часовой рабочий день не был пределом на тогдашних текстильных предприятиях. Так, на Охтенской и на Екатерингофской фабриках работали 79 час. в неделю, на фабрике Кожевникова $79\frac{1}{2}$ час., а на Триумфальной мануфактуре даже 84 час. Совещание установило, что везде в России продолжительность дня «чрезмерно большая» и «в особенности на петербургских фабриках, где она в среднем составляет от 12 до 14 часов ежедневно». Совещание вынуждено было признать, что эта длительнейшая работа происходит «в мастерских со спертым воздухом и высокою температурой, доходящей до $23-28^{\circ}$ по Реомюру» и что это вызывает «чрезмерное переутомление рабочих». Особенно тяжело было положение прядильщиков и подручных, которые в течение всего этого длительного времени и при такой температуре вынуждены были ходить взад и вперед за кареткой мюль-машин, что за день составляло $12\frac{1}{2}$ верст; фабричные инспектора устанавливали, что с двукратным переходом на квартиру рабочий вынужден делать 15—17 верст за день. Утомительность работы увеличивалась еще и тем, что рабочий-прядильщик находился в состоянии постоянного напряженного внимания, наблюдая за целостью выпрядаемых нитей. «Насколько тяжело, — читаем мы в этих вынужденных официальных признаниях, — отражается работа прядения на здоровье рабочих, можно наглядно убедиться по их внешнему виду — изможденных, испитых, изнуренных, со впалую грудью, они производят впечатление больных, только что вышедших из госпиталя».

Заработок прядильщиков был выше заработка ткачей, а заработок ткачей выше заработка присучальщиков. Но только на одной из петербургских фабрик дневной заработок прядильщика колебался от 1 р. 46 к. до 2 р. 08 к.; ни на одной из других фабрик он не доходил до такой цифры. Например, на Старо-Сампсониевской мануфактуре высший заработок прядильщика составлял 1 р. 40 к.; а на Спаской бумагопрядильне низший его заработок опускался до 80 коп. в день. Но заработки ткачей были на треть, а то и в половину менее заработка прядильщиков. Так, на крупнейшей из петербургских мануфактур, на Новой бумагопрядильне, заработок прядильщика колебался от 1 р. 58 к. до 1 р. 87 к., а заработок ткача от 75 к. до 1 р. 09 к.

Присучальщик получал от 50 до 70 коп. и только у Кенига до 1 р. 04 к. в день. В то же время протокол упомянутого уже совещания констатировал, что «жизнь в Петербурге значительно дороже, чем в других округах». Помимо дороговизны продуктов особенно высока была квартирная плата. В среднем комната в одно окно на Обводном канале обходилась в 7 р. 50 к., причем плата эта должна была быть внесена сразу в начале месяца.

Однако и эта скудная заработная плата не попадала целиком в руки рабочего. Недаром В. И. Ленин посвятил первую свою брошюру для рабочих вопросу о штрафах. Апрельская листовка «Союза борьбы» указывала на незаконность штрафов, взимаемых на мануфактуре Воронина; штраф здесь налагался за неисправность материала, происходящую вследствие гнилого сырья; на мануфактуре Кожвинкова за опоздание на 10 мин. штраф взимался как за четверть дня; у Максвелла заставляли за «провинность» опускать по 10 коп. в кружку для сбора пожертвований в пользу Невского попечительства. Это только случайные иллюстрации произвольных штрафов, и, конечно, они не могут дать представления о всем их разнообразии на местах.

Но штрафы были отнюдь не единственным средством понижения заработной платы. Та же апрельская листовка обличала Воронина в том, что он под видом замены миткального производства бумагаемым понизил плату за кусок с 70 до 54 коп. Еще более мошенической являлась проделка, на которую жаловались рабочие Новой бумагопрядильни во время забастовки. Плата и здесь была поштучная, по количеству сделанных кусков ткани, каждый из которых содержал определенное количество аршин. Измерение куска производилось путем наматывания куска на вал, имеющий через определенное количество аршин, например через 5 аршин, метку; здесь произвольно передвигали метку, и кусок в 63—66 аршин сходил за кусок в 60 аршин. Листовка, изданная 9 июня, еще резче подчеркивала эту проделку, указывая на изменение длины за 15 лет, со времени стачек 1878 и 1879 гг. Длина куска увеличилась с того времени с 50 до 71 аршина.

На той же Новой бумагопрядильне рабочим выплачивали заработную плату не два раза в месяц, а только один раз; с целью придания законности этой практике управляющий клал рабочим каждый раз штемпель, что они наняты на 5 недель, т. е. на определенный срок.

Приведем из протокола министерского совещания еще некоторые данные. «Дурное обращение» с рабочими фабричной администрации, как удостоверяет протокол, «неоднократно» вызывало то, что на официальном языке мягко называлось «неудовольствиями рабочих». Протокол отмечает, что большинство директоров и мастеров фабрик — иностранцы: англичане, швейцарцы и немцы, не знающие не только условий жизни рабочего, но даже не знакомые с русским языком и объясняющиеся с рабочими через переводчиков. Они не считаются даже с крайне кудым фабричным законодательством и с местными административными распоряжениями, а некоторые из них, как, например, директор Новой бумагопрядильни

Говард, не стесняясь никем и ничем, называют даже столь мало могущий стеснить их провозвод Устав о промышленности «дуррацким законом».

Врачебная помощь должна была бы быть по закону бесплатной. Но протокол признает, что она оказывается не врачами, а «малополезными фельдшерскими приемными покоями», да и то только «на очень немногих фабриках». При мало-мальски серьезном заболевании рабочий вынужден искать помощи в городских больницах; в это же время его штрафуют за неявку на работу; но даже и те, которые, преодолевая болезнь, являются на фабрику для заявлений о своей болезни, по словам протокола, «сплошь и рядом получают грубый отказ и опять-таки штрафуются за самовольный уход с работы».

Таковы только некоторые черты тогдашнего фабричного быта. Но и по этим разрозненным намекам можно в известной степени судить о всей тягостности тогдашних условий труда и жизни петербургского рабочего и о том неограниченном произволе, под игом которого он жил и работал.

Стачка 1896 г. началась конфликтом весьма частного порядка. Коронация Николая II официально праздновалась 3 дня, 14—16 мая 1896 г. Согласно распоряжению градоначальника, рабочие могли не работать все три дня, но заработная плата им выдавалась лишь за один день. Опасаясь, однако, что это вызовет волнения рабочих, градоначальник 12 мая предложил старшему фабричному инспектору оповестить фабрикантов и заводчиков, чтобы они оплатили два нерабочих дня. В итоге получилось, что на казенных заводах рабочим были оплачены все три нерабочих дня, а на частных предприятиях то два, а то даже только один из этих дней. Волнения начались ранее всего на Российской бумагопрядильне, которая уже 15 мая бастовала и вызывала «маханием платков и различными жестами» рабочих соседних текстильных фабрик примкнуть к забастовке. Но начало крупным событиям положил только день 23 мая, когда на той же Российской бумагопрядильне вновь началась забастовка, инициатором которой была фабричная молодежь, потребовавшая уплаты не только за коронационные дни (очень скромно, всего за $\frac{1}{2}$ дня), но и за лишние 20 мин. ежедневной работы: начиная с 1887 г., фабрика пускала машины утром и после обеда на 10 мин. ранее срока, без какой-либо особой оплаты за это. 24—25 мая движение ограничивалось волнениями, переговорами и угрозами со стороны начальства на одной этой фабрике. 27 мая (26 мая падало на воскресенье) уже сказалась предыдущая работа «Союза борьбы». Забастовавшие две новые фабрики, Кенига и Екатерингофская, помимо уплаты коронационных денег, выставили требование сокращения рабочего дня с 13 до 10 $\frac{1}{2}$ час. Фабричная инспекция тотчас почувствовала, какое значение имеет для распространения движения требование сокращения рабочего дня. Старший фабричный инспектор в тот же день докладывал градоначальнику, что вследствие этого требования забастовка приобретает «опасный характер». 28 мая к забастовке присоединились рабочие Митрофаньевской мануфактуры, а на Триумфальной и Резвоостровской мануфактурах волновавшиеся рабочие остались (не

все) у станков под влиянием угроз фабричной инспекции, что бастующих рабочих выплют. Градоначальник издал объявление, угрожавшее уголовным преследованием забастовавшим рабочим. 29 и особенно 30 мая, когда забастовали две самые крупные мануфактуры — Новая бумагопрядильня (1616 рабочих) и Невская шиточная мануфактура (1590 рабочих), — движение сделало резкий прыжок вверх, число бастующих увеличилось за эти дни почти втрое. 30 мая примечательно и другим. В этот день, через неделю после стихийного начала и подъема движения, появилась листовка «Союза борьбы», озаглавленная «Что требуют рабочие петербургских бумагопрядилен?» и формулировавшая общие требования рабочих.

Первым требованием было сокращение рабочего дня с 13 до 10¹/₂ час., т. е. установление вместо рабочего дня, длившегося с 6 час. утра до 8 час. вечера, такого рабочего дня, который длился бы с 7 час. утра до 7 час. вечера, при удлинении времени обеденного перерыва с 1 часа до 1¹/₂ час. Последнее требование было обусловлено громадной жилищной нуждой тогдашних рабочих. Вынужденные искать дешевых квартир, они их находили большей частью вдали от фабрики. Официальное совещание фабричных инспекторов в связи со стачкой вынуждено было признать, что в качестве общего правила большинство рабочих употребляет на переход домой около ¹/₂ часа и при часовом перерыве рабочий «вынужден бегом бежать домой, наскоро перехватить чего-либо и снова бежать на фабрику; а некоторые из рабочих, не будучи в состоянии найти себе помещения поблизости фабрики, вынуждены обедать по трактирам и разным пристанищам».

Далее листовка выдвигала требование повышения расценок на 1 и на 2 коп., окончания рабочего дня по субботам в два часа дня, отказа хозяев от самовольной остановки машин и пуска их раньше времени, выдачи заработной платы по половинам месяца и полной уплаты за коронационные дни.

Стачка шла, все возрастая в своих размерах, и 3 июня цифра бастующих достигла своей кульминационной точки. Официальные данные определяют число бастующих 3 июня цифрой 13715 рабочих. Однако это явно преуменьшенная цифра. По подсчетам, появившимся в нелегальной печати, число участников стачки достигало 30 тыс.

Всю неделю, с понедельника 3 июня и до субботы 8 июня, цифра бастующих рабочих претерпевала весьма небольшие колебания. 8 июня число бастующих рабочих официально определялось в 13165 чел. С понедельника 10 июня начался неуклонный спад движения. 10 июня бастовало уже только 8508 рабочих, 11 июня — 6421, 14 июня — 2550, а 15 июня — 718. Забастовка была закончена.

На вопрос о соотношении стихийного и сознательного элементов в стачечном движении 1896 г. В. И. Ленинным был дан ответ, очень точный и очень внимательный ко всем особенностям этого движения. В «Что делать?» В. И. Ленин писал, что «если уже говорить о „стихийном элементе“, то, конечно, именно это стачечное движение придется признать прежде всего стихийным». Однако далее В. И. Ленин подчеркнул, что «ведь и стихийность стихийности — рознь» и что «стихийный

элемент⁴ представляет из себя, в сущности, не что иное, как *зачаточную форму сознательности*. Говоря о стачках 60-х и 70-х годов, являвшихся «бунтами», с разрушением машин и т. п., В. И. Ленин отмечал, что и они «выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности». Однако по сравнению с ними стачки 90-х годов «показывают нам гораздо больше проблесков сознательности». По сравнению с «бунтами» 60—70-х годов, «стачки 90-х годов, — писал Ленин, — можно даже назвать „сознательными“». В. И. Ленин с этой точки зрения отмечал характерные явления стачек 90-х годов: «...выставляются определенные требования, рассчитывающиеся наперед, какой момент удобнее, обсуждаются известные случаи и примеры в других местах и т. д.»¹

Однако этим ленинский анализ стачечного движения 90-х годов не исчерпывается. «Взятые сами по себе эти стачки были борьбой тред-юнионистской, по еше не социал-демократической». Но далее Ленин отмечал, имея в виду Петербург и основанный им там «Союз борьбы», «наличность вооруженной социал-демократической теорией революционной молодежи, которая рвалась к рабочим».²

Пользуясь этими указаниями В. И. Ленина, можно сделать ряд наблюдений над особенностями летней стачки рабочих-текстильщиков Петербурга.

Мы видели, что стачка эта началась по случайному и непредвиденному поводу и что ее расширение до невиданных еще в царской России размеров произошло стихийно, без предварительной подготовки, без каких-либо предварительных планов и расчетов. Все же не могли не поразить всех, и начальство, и заводчиков, и так называемое «общество», и вместе с тем всех подлинных друзей рабочих в самом Петербурге, за его пределами внутри России и даже за границей, та поразительная организованность и солидарность, с какой эта забастовка протекала. Это и были именно те ее стороны, которые давали право говорить В. И. Ленину о «сознательности» всего летнего движения 1896 г. Весьма характерно с этой точки зрения признание уже не раз приводимого выше протокола совещания в Министерстве финансов. В протоколе особо отмечалось, что «нынешняя крупная стачка» отличается «невиданною для наших фабричных рабочих стойкостью и выдержкою, дисциплиною, благопристойным, с внешней стороны, поведением, и ясною формулировкой единодушного требования сокращения рабочего дня, признаками, говорящими, что нынешние фабричные рабочие далеко уже не те, какими они были 10—20 лет назад». Также и прокурор отмечает, что «рабочие не прибегали ни к буйству, ни к насилию» и сам называет «исключением» то, что 3 июня на Старо-Сампсониевской бумагопрядильне были выбиты стекла.

Стремление к организованному проведению стачки и ненарушению ее течения «бунтами» на отдельных фабриках заметно было с самого начала забастовки. На фабрике Максвелла после начала стачки рабочие заявили, что все будет спокойно

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 346—347.

² Там же, стр. 348.

при условии, если не будет полиции; это требование было исполнено, и порядок на фабрике не был нарушен.

Но за этим внешним, показным спокойствием скрывалась деятельная работа со стороны забастовавших рабочих, имевшая задачей придать забастовке сплоченный и целеустремленный характер. Один из участников стачки отмечал, что «вообще стачка показала наличие в рабочей среде элементов, в обыкновенное время индифферентных ко всему, но в подобные минуты проявляющих большую смелость и решительность как в разговорах с полицией и инспекцией, так и в препятствии нерешительным рабочим продолжать работу». У рабочих фабрики Максвелля следующие за началом забастовки дни прошли в непрерывных собраниях между собой и в сходках в поле с рабочими других фабрик. Сколько раз ни разогнала полиция рабочих Новой бумагопрядильни, но они «через минуту опять сходились и передавали друг другу все, что надо было». Несомненно, этим постоянно повторявшимся общением рабочих отдельных фабрик было обусловлено то поразительное единообразие требований, которые рабочие предъявляли на каждой фабрике с самого же начала стачки.

Этим же были обусловлены происшедшие впервые в истории рабочего движения в Петербурге общие собрания рабочих всех забастовавших фабрик. Одна из таких общих сходок произошла в Екатерингофском парке в первые дни стачки, в конце мая, и там были выработаны требования, сформулированные в листовке 30 мая. Сама сходка произвела глубокое впечатление на рабочих. О ней говорили «очень много все не бывшие, как о вещи необыкновенной». Аналогичное собрание состоялось в самый критический день забастовки, 8 июня, который был последним днем ее подъема.

Выдержка рабочих во время забастовки была тем поразительнее, что ни малейших сбережений рабочие при их до крайности скудном заработке иметь не могли. Некоторые доходили во время забастовки до того, что продавали кровати и зимнее

ИЗДАНИЕ М. И. ПОВОДОВОЙ.

Владимир Ильинъ

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА ВЪ РОССІИ.

Принесъ образованіи внутренняго рынка для лучшей промышленности.

Цѣна 2 р. 50 н.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Тыно-литература А. Лефертъ, Бол. Морская 65.
1899.

Титульный лист книги В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». Петербург, 1899 г.

платье. Для сплоченности рабочих показательно, что те, кто имел какие-либо вещи, закладывали их и деньги отдавали бедным товарищам. Надо указать и на то, что женщины особенно твердо выдерживали тяготы стачки и особенно резко давали отпор полиции. Один рабочий говорил про женщину-работницу, что она «все, что услышит от мужа, братьев, так все напрямик и выложит; она ничем не стесняется». Когда один из фабричных инспекторов, не сумев стовориться с рабочими, попытался обратиться к женщинам, то получил здесь «неожиданный резкий отпор». Вот еще отзыв: «...некоторые работницы отличались своими резкими и верными ответами начальству».

Никакого воздействия на бастующих не оказывали ни уговоры, ни репрессии властей. В ролях уговаривающих выступали главным образом фабричные инспекторы. На Новой бумагопрядильне в ответ инспектору выступил молодой ткач, ученик воскресной школы на Глазовской улице, говоривший о бедственном положении рабочих; ткач этот затем был арестован. Другой фабричный инспектор пытался на Невской бумагопрядильне воздействовать обещаниями законодательного сокращения рабочего дня, на что рабочий Петр Белов ему ответил, что законодательным путем «слишком долго ждать» такого сокращения и рабочие добьются этого «более скорым путем» — стачкой. Уговаривать рабочих пытался и градоначальник. Но на Старо-Сампсониевской мануфактуре градоначальник был встречен столь недружелюбно, что ему пришлось вызвать роту солдат и взвод конных жандармов. Если еще полгода тому назад торитоновские рабочие боялись давать сведения незнакомым им людям об условиях своего труда и предпочитали вместо этого толковать о прощении на имя градоначальника, то теперь уже градоначальнику здесь никто не верил, а верили только самим себе и листкам «Союза борьбы».

Уговариваниями дело, конечно, не ограничилось. Были и попытки полиции насильно заставить рабочих приступить к работе. 7 июня, например, полиция пошла по домам рабочих, но все прятались, кто куда мог. «Пристава, — по словам очевидца, — просто удивлялись: только что они видели целые толпы рабочих, а теперь уже никого нет». Но, конечно, главным орудием воздействия власти считали аресты всех тех, кто был замечен в действительном участии в забастовке.

Большая часть арестованных рабочих к формальному дознанию привлечена не была. Одни были прямо высланы из Петербурга, другие были освобождены, когда стачка закончилась и власти несколько поуспокоились.

Не только быстрота, с которой стачка распространилась на все текстильные предприятия Петербурга, но в еще большей мере стремление к организованности и общему стовору всех забастовавших рабочих ярко свидетельствовали о плодотворности работы, которую вел «Союз борьбы», начиная с выпуска первой листовки к торитоновским рабочим. Стачка возникла помимо «Союза борьбы» и, видимо, захватила врасплох тогдашних петербургских социал-демократов. Но весьма быстро благодаря своим связям они сумели оказать существенное воздействие на ход забастовки.

Крупнейшей заслугой «Союза» явилась помощь рабочим в общей формулировке их требований, нашедшая свое выражение в листовке 30 мая 1896 г. Если просмотреть те требования, которые предъявляли рабочие на отдельных фабриках, то сразу обнаруживается, что основные требования на всех фабриках были одни и те же и лишь осложнялись то здесь, то там единичными дополнительными, частными требованиями чисто местного характера (например, вплоть до вопроса о питьевой воде). Начиная с выступления «Союза борьбы» 30 мая, мы убеждаемся, что «Союз борьбы» внимательнейшим образом следил за всеми колебаниями настроений рабочих. 1 июня «Союз борьбы» издает общую листовку «К рабочим всех петербургских бумагопрядилен», призывая держаться неделю, вторую и третью, действовать «дружно и спокойно, без буйств и насилия». 3 июня он издает еще одну листовку общего же характера. 3 июня часть рабочих фабрики Кенига заколебалась, и вот уже 4 июня «Союз борьбы» издает особую листовку, адресованную «К рабочим бумагопрядильни Кенига». В тот же день были изданы еще две листовки, одна, адресованная рабочим петербургских заводов с призывом присоединиться к забастовке, и другая — к не бастовавшим рабочим фабрики Воронина. 5 июня «Союз борьбы» призывал возобновивших работу прядильщиков не срывать забастовки. 9, 10, 12 июня опять были отмечены выпуском листовок. Листовки сыграли несомненно громадную агитационную и организующую роль во всем ходе забастовки.

Значение петербургской стачки для дальнейшего развития рабочего движения в России было чрезвычайно велико. В. И. Ленин не раз возвращается к оценке стачки 1896 г., когда хочет отметить крупный рубеж в истории революционного движения русского пролетариата.

Стачка эта нашла отклик и за границей. Деньги были получены из Германии (около 400 руб.), повидимому, еще в дни забастовки, затем из Вены (100 руб.), из Англии (1000 руб.) и даже Нью-Йорка, от тамошних еврейских ремесленников.

Подводя итог событиям, укажем, что первое и основное значение для сохранения установленного В. И. Лениным направления деятельности «Союза борьбы» имело то, что сам В. И. Ленин напряженно следил за работой «Союза» и руководил ею из тюрьмы. Н. К. Крупская в своих воспоминаниях отмечает, что В. И. Ленин писал в тюрьме листки, нелегальные брошюры, проект программы партии и из тюрьмы же высказывался по вопросам, обсуждавшимся в организации. Написанная В. И. Лениным в тюрьме брошюра «О стачках» уже была передана в типографию народовольцев, которые должны были ее печатать, как напечатали они ранее ленинскую брошюру «О штрафах», но 24 июля народовольческая типография, успевшая перебраться к тому времени с Крюкова канала за город, на Лахту, была захвачена полицией, и брошюра В. И. Ленина погибла. Однако уцелел и напечатан теперь в «Сочинениях» В. И. Ленина составленный им проект программы и объяснительная к нему записка. Н. К. Крупская связывает в своих «Воспоминаниях о Ленине» этот проект программы с предположением о созыве съезда социал-демо-

кратических организаций. В своих более ранних воспоминаниях Н. К. Крупская сообщила также о том, что сама она с целью подготовки созыва съезда партии и издания общей нелегальной газеты совершила поездку в Киев, по пути заехав в Полтаву, и там сумела столкнуться «обо всем». Едва ли может быть сомнение, что инициатором подготовки съезда явился В. И. Ленин, что именно ему принадлежала и инициатива поездки с этой целью Н. К. Крупской на юг. В. И. Ленин, таким образом, находясь в тюрьме, сумел не только продолжать свое руководство петербургскими делами, но и задумывал из тюрьмы дать общерусскому социал-демократическому движению подлинную революционно-марксистскую программу.

Программа, точнее — ее проект, а также написанное В. И. Лениным объяснение к этой программе¹ были отфотографированы и, следовательно, стали известны в тогдашних революционных кругах. Программа была написана в самом конце 1895 г., а объяснение к ней — в 1896 г., но еще до летних стачек 1896 г.² В проекте программы В. И. Ленин сумел поставить и разрешить все основные теоретические и практические вопросы деятельности тогдашней социал-демократии. Объяснение к программе, сохранившееся лишь частью (около половины его), явно было предназначено В. И. Лениным для широкого круга рабочих. Оно весьма доступно разъясняло рабочим, как быстрый рост капитализма создал «класс наемных рабочих-пролетариев», что только в соединении рабочие могут успешно бороться против капиталистов, что эта борьба превращается в борьбу классовую и что, наконец, только уничтожение частной собственности на орудия труда положит конец эксплуатации рабочих капиталистами. Вместе с тем В. И. Ленин разъяснял рабочим классовый характер самодержавия и необходимость борьбы «против неограниченной власти самодержавного правительства». Практическая часть программы содержала как общеполитические требования — и в первую очередь созыв «Земского собора» (этим названием тогда обозначали учредительное собрание), так и требования в пользу рабочих (8-часовой рабочий день и др.) и крестьян (возвращение отрезков, выкупных платежей и др.). Этот ленинский документ явился первой вполне выдержанной революционно-марксистской формулировкой социал-демократической программы. Он получал теперь тем большее значение для укрепления революционного направления среди тогдашних социал-демократов, что сношения между отдельными городами все более усиливались и ленинские идеи все больше и больше завоевывали себе сторонников среди социал-демократии всей России.

Все значение ленинских указаний для петербургских социал-демократов можно оценить, приняв во внимание, что даже среди старых членов «Союза борьбы»

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 77—104.

² В них упоминаются «теперешние стачки», но по их характеристике — это явно не летние; В. И. Лениным упомянут секретный весенний циркуляр Витте, но В. И. Ленин еще здесь не знает впоследствии им так блестяще использованного в листовке «Царскому правительству» витевского обращения к рабочим от 15 июня.

под воздействием того громадного успеха, который, как оказалось, имела агитационная деятельность на почве повседневных нужд рабочих, появилось увлечение этой экономической агитацией до такой степени, что некоторые из них по временам готовы были забыть о политической стороне деятельности социал-демократов. В своих воспоминаниях Н. К. Крупская, указав на то, что летняя стачка 1896 г. «многим вскружила голову», отмечает, что «создавалась почва для расцвета экономизма». «Помню, — пишет Н. К. Крупская, — как однажды (кажется в начале августа) на собрании в лесу, в Павловске, Сильвин читал вслух проект листка. В одном месте там попала фраза, прямо ограничивающая рабочее движение одной экономической борьбой. Прочтя ее вслух, Сильвин остановился: „Ну, и загнул же я, как это меня угораздило“, сказал он, смеясь. Фраза была вычеркнута».¹ Одного этого эпизода с комментарием к нему Н. К. Крупской достаточно для того, чтобы оценить, какое крупнейшее значение имела та связь, которая существовала между В. И. Лениным и «Союзом борьбы». Она способствовала сохранению революционно-марксистского направления деятельности созданного Лениным «Союза борьбы».

Летняя стачка послужила сильным толчком к развитию значительной агитационной деятельности «Союза борьбы» среди петербургских рабочих. Прежде всего он сделал попытку поднять на борьбу петербургских заводских рабочих. В течение 5 дней, с 15 по 19 июня, «Союзом борьбы» было издано пять листовок, адресованных рабочим Путиловского, Александровского и Невского заводов, а также рабочим Варшавской железной дороги. Во всех воззваниях мы найдем отзвуки только что прошедшей стачки и следы ее воздействия на умы рабочих. Характерно поэтому окончание одной из этих листовок, призывающее «действовать так, чтобы наши братья — рабочие других заводов и фабрик могли нам сказать такое же спасибо, какое мы говорим теперь рабочим ткацких и бумагопрядильных фабрик». Агитационная деятельность «Союза борьбы» не прекращается в июле и в начале августа. «Союз борьбы» издает листовки, обращенные к рабочим отдельных фабрик и заводов; он издает и листовки общего содержания. Так, одна из листовок, изданная 27 июня, являлась первым ответом на обращение министра финансов Витте к стачечникам от 15 июня, в котором Витте убеждал рабочих не слушать «подстрекателей», которые пишут «подметные листки», а жить «по правде божией» и верить в заботы о них «царского правительства». Листовка звала рабочих «посмеяться» над министерским воззванием и помнить, что «только суровой борьбой» можно «добиться чего-либо от капиталистов и правительства».²

Эта интенсивная деятельность «Союза борьбы», по главе которого, несмотря на приток некоторых новых сил, продолжала стоять группа лиц, входившая в руководимый В. И. Лениным центр, была прервана арестами в ночь на 9 августа. Были арестованы Н. К. Крупская, М. А. Сильвин и другие старые члены «Союза

¹ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 22.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, изд. 3-е, стр. 481—482.

борьбы». После этих арестов в качестве деятелей «Союза борьбы» выступила молодежь, не имевшая ни достаточной теоретической подготовки, ни достаточной боевой закалки. Существовавшие еще в 1894—1895 гг. малочисленные группки, в которых руководящую роль играли К. М. Тахтарев и И. В. Чернышев, остались в стороне от деятельности группы «стариков», руководимой Лениным. И во время летней стачки 1896 г. они действовали отдельно, издавая свои листки без всякой под ними подписи, но, как указывает Н. К. Крупская, именно стачка сблизила их с «Союзом борьбы», который играл столь руководящую роль, что помимо «Союза» и действовать было невозможно. После стачки произошло формальное сближение «молодых», как их называли, с «Союзом».

Теоретическая отсталость «молодых» сказалась прежде всего в узком экономическом понимании задач рабочего класса, в понимании, которое отрицало руководящую роль рабочего класса в революционной борьбе против самодержавия и остатков крепостничества и превращало рабочий класс в политический придаток буржуазии. Однако в течение конца 1896 г. эти черты не успели наложить заметного отпечатка на деятельность «Союза борьбы».

Вообще конец 1896 г. был ознаменован, при сложившихся обстоятельствах, большим упадком деятельности «Союза борьбы». Если за первые семь месяцев 1896 г. (до арестов 9 августа) было издано 44 листовки, то за последующие почти пять месяцев лишь 11 листовок. В некоторых из них явно проскальзывали экономистские мотивы с призывом к организации касс и опять только касс. Все же и после ареста Н. К. Крупской и ее товарищей, несмотря на эти отдельные экономистские ноты, общее направление деятельности «Союза борьбы» оставалось еще прежним. Этим «Союз борьбы» был обязан неустанным вниманию В. И. Ленина даже при ослабевших после августовских арестов его связях с волей. Действительно, когда говорят о деятельности «Союза борьбы» за это время, то всю остальную его деятельность заслоняет по своей яркости и выразительности та изданная «Союзом борьбы» листовка, которая была написана В. И. Лениным и была озаглавлена им «Царскому правительству». В. И. Ленин избрал в качестве повода для написания листовки правительственное сообщение о летних стачках, напечатанное в «Правительственном вестнике» 19 июля 1896 г. Вся листовка в ярких красках обличала царское правительство, которое, как говорилось в листовке, «само лучше всех разъяснило рабочим, что война их с фабрикантами должна быть войною неизбежно с правительством». Значение стачек 1895—1896 гг. эта листовка определяла также тем, что они показали рабочим, «как им следует вести борьбу за свои интересы», и «научили их понимать *политическое положение и политические нужды рабочего класса*».¹

Ясно выраженный политический характер имела также листовка, изданная «Союзом борьбы» в декабре и содержавшая письмо Лондонского совета рабочих

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 108—109.

союзов от 13 августа 1896 г., адресованное Организационному комитету С.-Петербургской стачки, и ответ «Союза борьбы» на это письмо. Про «русскую социал-демократию» в ответе говорилось, что она «смело бросает вызов русскому царизму и заявляет, что им обоям жить тесно вместе и что она будет бороться с ненавистным врагом до последнего человека».

Значение опыта, приобретенного петербургскими рабочими в итоге деятельности «Союза борьбы» и легкой стачки 1896 г., весьма ярко сказалось в неудачной по внешности своей январской стачке 1897 г. Уже с осени 1896 г. среди рабочих шли разговоры о невыполнении правительством и фабрикантами их летних обещаний. Начало нового года послужило побуждением к выслушиванию рабочих с целью заставить предпринимателей, наконец, выполнить свои обещания о сокращении рабочего дня и других мерах к улучшению быта рабочих.

2 января 1897 г. начали забастовку рабочие Петровской и Спасской мануфактур Максвелля. Фабричному инспектору, который тотчас появился на фабрике, рабочие заявили: «...мы хотим исполнения наших летних требований». Инспектор попытался указать, что для выработки законопроекта о сокращении рабочего дня на один час понадобилось разрабатывать проект в течение двадцати лет, а теперь рабочие требуют сокращения рабочего дня на целых три с половиной часа. Под общий хохот рабочих один из них заметил инспектору, что согласно его расчетам рабочим придется теперь ждать исполнения своих требований целых 48 лет. Максвелльцы разослали депутатов на другие фабрики с призывом присоединиться к забастовке. Но новая забастовка возникла только 4 января на Александровском чугунном заводе, который и летом был единственным заводом, где стачка текстильщиков нашла некоторый отклик. 6 января эта стачка кончилась удовлетворением основного требования рабочих об окончании работ на Александровском заводе по субботам в два часа. В то же время, видя начавшиеся на отдельных текстильных фабриках волнения, предприниматели всячески стремились не допустить превращения их в форму открытой забастовки и обратились в Министерство финансов с заявлением о необходимости общих уступок рабочим. 7 января утром на всех бумаготкацких и прядильных фабриках Петербурга появилось объявление о сокращении рабочего дня с 16 апреля до 11½ час., с 6 час. утра до 7 час. вечера, с полуторачасовым перерывом на обед. Орган «Союза борьбы» «Петербургский рабочий листок» в своем первом номере, помеченном январем 1897 г., особо подчеркивал «важное политическое значение» этой первой победы рабочих не только над фабрикантами, но и над министром, ранее запрещающим делать какие бы то ни было уступки рабочим. Действительно, вследствие одного лишь опасения, что рабочее движение может вылиться опять в общую забастовку, фабриканты поспешили воздействовать на такого самовластного министра, каким был Витте, и заставили его отказаться от прежней непримиримой позиции.

Однако объявление произвело на рабочих действие, обратное тому, на которое рассчитывали предприниматели и министр. Правда, на максвеллевских фабриках

забастовка кончилась, но зато сперва на мануфактуре Кенига, а затем на Калининской, Екатерингофской и на других в течение 7, 8 и 9 января начались забастовки, охватившие, по официальным данным на 11 января, 6733 рабочих, т. е. половину того официального же числа рабочих, которые бастовали летом. Требования везде были единодушные — сократить рабочий день не до 11½ час., а до 10½ час., и ввести это сокращение теперь же, а не с апреля. Однако после того как фабриканты назначили на 11 января расчет рабочих, забастовка быстро пошла на убыль и уже 14—15 января была полностью закончена.

Несомненно, известный упадок деятельности «Союза борьбы» в это время сказался на исходе забастовки. Ослабление связей «Союза» с рабочими выразилось уже в том, что изданная «Союзом» 1 января 1897 г., т. е. буквально накануне возникновения забастовки, листовка, имевшая своей темой то же невыполнение летних требований, из-за которого 2 января началась у Максвеля забастовка, в своем заключении призывала только в общих выражениях «готовиться к забастовкам» и «устраивать их до тех пор, пока мы сами не повернем закон в нашу пользу». «Петербургский рабочий листок» отмечал как «самое главное» в ряду причин неудач забастовки то, что «не было возможности стовориться всем между собою для выработки общего плана действий».

«Союзом борьбы» были изданы три листовки: одна с формулировкой требований рабочих (7 января), вторая, содержащая ответ на объявления 7 января (9 января), и третья (11 января) — с призывом «довести до конца раз начатое, славное дело». Но эти листовки не получили того широкого отклика среди рабочих, который был характерен для летних листовок.

Не малую роль в неудаче январской забастовки сыграл, конечно, и недостаток средств у рабочих — одно из последствий летних событий, что не дало, по словам «Петербургского рабочего листка», возможности «держаться дольше нескольких дней».

Все же неудача второй части январской забастовки была заслонена несомненной крупной удачей самого ее начала. «Петербургский рабочий листок» был вправе заключить свое описание январских событий словами о «нашей общей победе над капиталистами и правительством, сокращении рабочего дня» и в качестве «урока» январской неудачи призвать рабочих к тому, чтобы «лучше обсуждать свои интересы и средства борьбы» для будущей «неустанной борьбы».

14 февраля В. И. Ленин, выслаемый по делу «Союза борьбы» в Восточную Сибирь на три года, был выпущен из дома предварительного заключения, где он провел свыше года и двух месяцев. Он должен был выехать вечером 17 февраля из Петербурга в ссылку. В. И. Ленин воспользовался этими днями, чтобы повидаться и посоветоваться с новым составом работников «Союза борьбы». По воспоминаниям А. И. Елизаровой, были устроены «два вечерних, долго затянувшихся собрания». Особенное значение имело первое собрание, состоявшееся на квартире С. И. Радченко (Выборгская сторона, Большой Сампсониевский проспект, д. 16). То, что

происходило на собраниях, явилось фактом, в высшей степени характерным, так как оно бросало, говоря словами В. И. Ленина, «некоторый свет на то, как в среде действовавших в Петербурге товарищей возникала и росла рознь будущих двух направлений русской социал-демократии», т. е. экономизма и революционного марксизма. В «Что делать?» В. И. Ленин ярко охарактеризовал содержание и значение этой встречи «старых» и «молодых» членов «Союза борьбы». Главным предметом беседы были вопросы организации и, в частности, выработанный «молодыми» «устав рабочей кассы», который они затем отпечатали. Согласно этому уставу, должна была быть создана на основе местных касс Центральная союзная рабочая касса, которая являлась бы основной организацией рабочего класса. Этот устав в зародыше уже содержал основную мысль будущего экономизма, так как и он, говоря словами Ленина, вместо того «чтобы звать вперед, к упрочению революционной организации и расширению политической деятельности», звал «назад, к одной тред-юнионистской борьбе».¹ Вот как описывает В. И. Ленин происшедшее во время «беседы»: «Между „стариками“ („декабристами“, как их звали тогда в шутку петербургские социал-демократы) и некоторыми из „молодых“ (принимавшими впоследствии близкое участие в «Раб. мысли») сразу обнаружилось резкое разногласие и разгорелась горячая полемика. „Молодые“ защищали главные основания устава в том виде, как он напечатан. „Старики“ говорили, что нам нужно прежде всего вовсе не это, а упрочение „Союза борьбы“ в организацию революционеров, которой должны быть соподчинены различные рабочие кассы, кружки для пропаганды среди учащейся молодежи и т. п.»²

Эта беседа была заключительным моментом более чем трехлетнего периода, когда В. И. Ленин сперва на свободе создал революционную марксистскую организацию, а затем из-за стен дома предварительного заключения продолжал неустанно руководить ею. Отъезд В. И. Ленина из Петербурга 17 февраля 1897 г. в Восточную Сибирь, на место назначенной ему трехгодичной ссылки, имел тяжелые последствия для петербургского «Союза борьбы».

* * *

1897—1898 гг. явились для Петербурга переломными годами. По словам В. И. Ленина, революционно-марксистские взгляды «были вытеснены в С.-Петербурге в 1897—1898 г. „экономическими“ взглядами». Однако, как подчеркивает В. И. Ленин, до половины 1898 г. было «господствующим первоначальное направление СПб. „Союза борьбы“»,³ т. е. именно то революционно-марксистское направи-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 352.

² Там же, стр. 350—351.

³ Там же, стр. 360.

вление, которое было придано «Союзу борьбы» В. И. Лениным и которое характеризует, как он отмечает, всю полосу 1894—1898 гг.

Для 1897 г. В. И. Ленин приводит в качестве примера выход в Петербурге «Петербургского рабочего листка». Мы уже цитировали при изложении событий январской стачки 1897 г. первый номер листка, датированный январем 1897 г., но вышедший в феврале. Политическая оценка, которая была дана «Листком» стачечному движению в Петербурге, характерна для всего его направления. Также и во втором номере «Петербургского рабочего листка», который был отпечатан в Женеве и помечен сентябрем 1897 г., передовая статья носила чисто политический характер. Озаглавленная «Три знаменательных дня» [19 февраля, 1 марта и 19 апреля (1 мая)], она кончалась фразой, выражающей уверенность в том, что «великий международный рабочий праздник 1 мая будет для нас, рабочих, днем, когда мы освободим себя и всю Россию от всякого политического и экономического гнета». Наконец, петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» сыграл свою роль и в заключительном событии всей полосы 1894—1898 гг., в первом съезде РСДРП. Ко времени съезда в центре петербургской организации было, как пишет Н. К. Крупская, лишь 4 члена; среди них, наряду с самой Н. К. Крупской, был и С. И. Радченко, старейший член петербургской организации, который явился делегатом от Петербурга на первом съезде РСДРП.

Известно, что избранный на съезде Центральный Комитет вследствие арестов так и не смог приступить к работе; никакой другой центральной организации вместо него не удалось создать ни в то время, ни в ближайшие годы. В условиях разраставшегося рабочего и социал-демократического движения отсутствие центрального руководящего органа немало способствовало усилению оппортунистических течений.

Наступивший теперь период В. И. Ленин характеризовал как «период разброда, распада, шатания». В. И. Ленин дал в «Что делать?» яркую и всестороннюю его характеристику, указав, что он сказался и в области легальной литературы, где господствовали легальные марксисты, и в области нелегальной социал-демократической литературы и деятельности. Однако В. И. Ленин тут же подчеркивал ограниченное значение этого распада, который захватил только организационную верхушку, но отнюдь не народные массы: «Но брели разво и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед».¹

Петербург был центром легального марксизма. Мы видели тот временный «союз», который в 1895 г. был заключен между революционными социал-демократами и легальными марксистами. Затем наступило время, особенно после стачки 1896 г., когда, говоря словами Ленина, «выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 484.

повалью все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторжались необычайно ходким сбытом марксистских книг».¹

В 1897 г. переходит к марксистам в Петербурге «Новое слово», а когда оно было закрыто правительством, то после некоторого промежутка, в 1899 г., выходит новый журнал «Начало» (закрит на пятом номере).

Быстрый рост рабочего движения, которым отличается вторая половина 90-х годов, повел за собой более четкую кристаллизацию общественных течений, и легальные марксисты, которые были буржуазными демократами, весьма скоро заняли позиции, резко враждебные революционному марксизму. Когда в начале 1899 г. вышла первая книжка марксистского по замыслу журнала «Начало», то о помещенной здесь статье С. Н. Булгакова с критикой марксистских взглядов на аграрный вопрос В. И. Ленин писал, что Булгаков его «просто взбесил: такой вздор, сплошной вздор и такая бесконечная профессорская претенциозность, что это чорт знает что такое!».² Между тем Булгаков был не одинок среди легальных марксистов. По поводу статьи другого легального марксиста, М. И. Туган-Барановского, выступившего в «Научном обозрении» с критикой Маркса, Ленин отзывался, что это «чудовищно глупая и вздорная» статья. Наконец, в главном из столпов легального марксизма, в Струве, В. И. Ленин отметил неприкрытое неокантианство, которое, по определению В. И. Ленина в другом из его тогдашних писем, является «реакционной теорией реакционной буржуазии».³

В. И. Ленин повел теперь решительную борьбу против предпринятой легальными марксистами ревизии марксизма в легальной печати. Заклучая одну из своих полемических статей, где он разоблачил извращения марксизма ревизионистами, В. И. Ленин писал: «Нет, уж лучше оставемся-ка „под знаком ортодоксии“!».⁴ Борьба В. И. Ленина против русских ревизионистов имела не только русское, но и международное значение. Она поражала одновременно западноевропейский ревизионизм, нашедший себе в то время самое яркое выражение в бернштейнианстве.

В «Что делать?» В. И. Ленин разъяснил политическое значение происшедшего поворота легальных марксистов. Ревизия марксизма равносильна была в теории «отрицанию со стороны буржуазной демократии права на самостоятельность социализма, а следовательно, и права на его существование; это означало на практике стремление превратить начинающееся рабочее движение в хвост либералов». «Естественно, — заключал отсюда В. И. Ленин, — что при таких условиях разрыв был необходим».⁵

Однако этот разрыв обозначал для революционных марксистов конец возможности выступать в легальной печати. В одном из своих писем уже в июне 1899 г.

¹ Там же, стр. 334.

² В. И. Ленин, Письма к родным. М., 1931, стр. 202.

³ Там же, стр. 216, 223.

⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, стр. 77.

⁵ Там же, т. 5, стр. 335.

В. И. Ленин, отмечая, что с ревизионистами «необходима будет серьезная война», тут же добавлял, что ни «Начало», ни «Жизнь» для этого не годятся, а для этого нужна «3-го рода литература», т. е. литература нелегальная.¹ То же В. И. Ленин повторил затем в «Что делать?», указав, что разрыв, происшедший теперь с легальными марксистами, «означал простое удаление социал-демократов из наиболее всем доступной и широко распространенной „легальной“ литературы, в которой укрепились „бывшие марксисты“».²

В условиях петербургской общественно-политической и революционной жизни этот разрыв, связанный с борьбой революционного марксизма против ревизионизма Маркса, имел тем большее значение, что, как отмечает В. И. Ленин в «Что делать?» относительно ревизионизма, «это течение не ограничилось областью литературы. Поворот к „критике“ сопровождался встречным влечением практиков-социал-демократов к „экономизму“».³

Экономизм в Петербурге получил наиболее яркое выражение. Здесь в большей степени, чем где бы то ни было в других местах России, сказались и шатания в области вопросов идеологических и разброд в делах организационных. Именно в Петербурге получило свое начало самое крайнее проявление экономизма, нашедшее свое выражение в вышедшей с октября 1897 г. «Рабочей мысли». Сторонники «Рабочей мысли» отрицали всякое воздействие социал-демократических идей на ход рабочего движения и утверждали, что задачей «Рабочей мысли» является только отражать «жизнь рабочих в ее настоящем свете»; отрицая, вслед за тем, самостоятельное значение политической борьбы, они утверждали, что она может быть лишь «надстройкой» над борьбой экономической. Таким образом, они отрицали классовую борьбу рабочего класса, ограничивая рабочее движение всецело рамками, по выражению В. И. Ленина, тред-юнионизма, который никак не вел к освобождению пролетариата от ига капитализма. Оппортунизм экономистов в области идеологии находил свое отражение и в области вопросов организации. Не признавая классовой борьбы пролетариата, они являлись также противниками единой боевой идейно сплоченной и централизованной организации, которая только и могла повести к победе рабочий класс. На место нее они ставили принцип так называемого «демократизма», который сводился, например, к выборному началу, что делало бы центральную группу своего рода федерацией полусамостоятельных мелких ячеек и что в условиях нелегальной подпольной организации должно было вести к ее скорым и постоянным провалам.

Вся гибельность положения дел в Петербурге, созданного временным торжеством экономизма, сказалась особенно в 1898—1900 гг. Одна за другой возникают под все новыми названиями отдельные группы и группки, и чрезвычайно легко и

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 34, стр. 21—22.

² Там же, т. 5, стр. 335.

³ Там же, стр. 335—336.

просто полиция выводит их из строя. Достаточно указать, что за эти годы в Петербурге возникают и исчезают две группы для борьбы с экономизмом под названием «Рабочее знамя»; крайне экономистская «Группа самоосвобождения рабочего класса» и противоекономистская «Группа рабочих для борьбы с капиталом», «группа 20», группа «Социалист», группа «Социал-демократическая рабочая библиотека». Наряду с этими всеми группками продолжает действовать «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В декабре 1898 г. экономистский характер «Союза борьбы» уже столь ярко определился, что без труда произошло его объединение с «Рабочей мыслью», которая стала теперь органом петербургского «Союза борьбы» или, как он также стал называться после первого партийного съезда, Петербургского комитета РСДРП.

В то время когда в среде русской социал-демократии, и в особенности в Петербурге, получало распространение это, как назвал его В. И. Ленин, «попятное направление», явившееся «печальным отступлением от идеалов русской социал-демократии»,¹ рабочее движение делало дальнейшие шаги на пути своего развития. Стачки и забастовки на петербургских фабриках и заводах делаются привычным и повседневным явлением. Но отсутствие революционно-марксистского руководства рабочим движением сказалось на характере требований; в большинстве случаев бастующие ограничивались одними экономическими требованиями, которые фигурировали в издаваемых тогдашним экономистским «Союзом борьбы» листовках.

Однако рабочие опережали своих экономистских руководителей. Особенно ярко сказались политические настроения петербургских рабочих во время стачек в декабре 1898 г. на фабриках Паля и Максвеля. Поводом к стачке было, как и в других подобных случаях, новое значительное ухудшение условий труда, выразившееся в понижении расценок; помимо этого на фабриках господствовала система усиленных штрафов, выдача негодной пряжи, притеснения мастеров и т. д. Забастовка на фабриках началась 14 декабря и протекала вначале вполне мирно. Но полиция не бездействовала. Помимо арестов, начавшихся среди рабочих, градоначальник издал объявление, в котором пригрозил высылкой рабочим, которые не приступят к работе 17 декабря. Не дождавшись этого срока, полиция решила в ночь на 17 декабря произвести большие аресты в казармах, где жили рабочие. После того как явившиеся туда полицейские не были впущены в здание, для ареста рабочих был вызван большой отряд полиции в несколько сот человек. Рабочие заперлись в казармах и когда, выломав дверь, полицейские попробовали подняться по лестнице, на них посыпались поленья дров, бочки, ведра, чашки и тому подобное. Этот «бой за правду», как его назвал в своем описании один рабочий, длился несколько часов, и полиция смогла лишь постепенно, этаж за этажом добраться до самого чердака громадной пятиэтажной казармы. Затем последовало

¹ Там же, т. 4, стр. 257.

жестокое избивание арестованных рабочих, бóльшая часть из которых была выслана из Петербурга, а 15 человек отдано под суд.

События на фабриках Паля и Максвеля произвели огромное впечатление на рабочих Петербурга и ярко показали, что рабочие созревают уже не только для одной экономической борьбы, но и для понимания того, как экономическая борьба рабочих должна быть связана с общими политическими задачами их борьбы. Даже тогдашний экономистский «Союз борьбы» был вынужден задержать распространение пятого номера «Рабочей мысли», чтобы не вызвать открытого возмущения рабочих своим описанием событий на этих фабриках, которое стирало всякое политическое их значение.

Происходивший в стране подъем рабочего движения не мог не оказать самого благотворного оживляющего воздействия на пробуждение движения в других демократических слоях тогдашнего русского общества и прежде всего в студенчестве. Мы видим, что студенчество не только начинает борьбу против существующих порядков, но что оно перенимает у рабочих оказавшийся столь успешным прием борьбы — забастовку.

В Петербурге крупные студенческие волнения открыто начались на обычном годовичном университетском акте 8 февраля 1899 г.

Внешним толчком к возникновению волнений послужило вывешенное 1 февраля объявление ректора университета профессора В. И. Сергеевича с угрозами по адресу студентов и указанием наказаний, которым они будут подвергнуты в случае нарушения порядка в день 8 февраля. Собравшаяся 6 февраля многочисленная студенческая сходка решила демонстративно покинуть зал, когда на кафедре появится ректор. Но крупные события произошли не в университетском зале, а на улице. Полиция сперва заградила путь студентам через Дворцовый мост, а когда толпа студентов вынуждена была двинуться вдоль набережной к Николаевскому мосту, то около Румянцевского сквера на нее наехал отряд полиции и подверг студентов избиванию нагайками. После трехдневных сходок в университете началась забастовка, откуда она перекинулась на другие учебные заведения в Петербурге: на Военно-медицинскую академию, институты Технологический, Горный, Лесной, Электротехнический, Женский медицинский и другие, а также на Высшие женские курсы. Вслед за Петербургом движение охватило такие университетские центры, как Москва, Киев, Харьков, Рига и т. д.¹ Число учащихся, охваченных движением, достигло по всей стране 25—30 тысяч; из этого числа около одной трети приходилось на Петербург.

Требования студентов были еще на первых порах слишком ограниченными. Так, в Петербурге в 1899 г. студенты после испытанного ими насилия выставляли требования «прочных гарантий личной неприкосновенности и судебной ответст-

¹ Доклад П. С. Ванновского о студенческих беспорядках 1899 г. СПб., 1906, стр. 7 и сл.; Студенческое движение 1899 года. Сб. под ред. В. Черткова, 1900, стр. 5 и сл.

венности ее нарушителей».¹ Однако в ходе волнений (они затянулись на несколько месяцев и сопровождались массовыми репрессиями) настроения среди студенчества становились все более боевыми, общеполитическое значение движения определялось все с большей ясностью, воздействие революционных элементов усиливалось, вытесняя либеральные влияния.

* * *

Период 1900—1903 гг. явился временем значительного подъема русского революционного движения. Начался этот период под знаком сильного промышленного кризиса, обозначившегося уже в 1900 г. Согласно характеристике Ленина, этот кризис был завершением процесса, когда «капитализм превратился в империализм».²

Для иллюстрации размеров кризиса показательны данные железнодорожного строительства: в 1899 г. было введено в эксплуатацию 5248 км железных дорог, а в 1903 г. — всего 763 км. К 1904 г. оказалась закрытой пятая часть из 50 действовавших в 1900 г. металлургических заводов. В области нефтяной промышленности показательно Баку, где в 1902 г. больше половины заводов бездействовало. Уже в 1900 г. большинство текстильных предприятий уменьшило свою выработку на 20%. Всего за годы кризиса (1900—1903) было закрыто до 3000 крупных и мелких предприятий. Касаясь «уроков кризиса», В. И. Ленин утверждал, что «в России вообще действие кризиса неизмеримо сильнее, чем в какой-нибудь другой стране».³ В 1901 г. В. И. Ленин писал, что к тому времени кризис выбросил «на улицу десятки тысяч не находящих себе работы рабочих».⁴ «Искра» отметила много фактов увольнения рабочих в самых различных центрах страны. Так, например, про юг она писала весной 1901 г., что безработица там «все растет», что с февраля число безработных «стало увеличиваться не по дням, а по часам».⁵ Петербург пострадал от безработицы не менее других промышленных центров. В самом начале кризиса, в 1900 г., последовали увольнения рабочих и на металлургических и на бумагопрядильных предприятиях. На Александровском металлическом заводе было уволено 470 рабочих, более половины по сравнению с числом работавших летом предшествующего года; на Екатеринбургской бумагопрядильне была уволена целая смена рабочих (450 чел.).⁶ Наряду с увольнениями обнаружилось и усиление эксплуатации рабочих. Недавние завоевания рабочих, даже столь скромные, как ограничение рабочего дня 11¹/₂ час., теперь нарушаются без малейшего смущения,

¹ Студенческое движение, стр. 26. (Бюллетень Кассы взаимопомощи 16 февраля).

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 22, стр. 190.

³ Там же, т. 5, стр. 77.

⁴ Там же, стр. 251.

⁵ Искра, 1901, № 2, 3.

⁶ ГИАЛО, ф. старшего фабричного инспектора, св. 6, № 75, л. 33.

и рабочий день на некоторых петербургских предприятиях увеличивается до 13 и 14 часов.

Весьма ярко обозначается еще одна тенденция, ведущая к значительному ухудшению положения рабочих-мужчин — стремление к их увольнению с целью замены более дешевым трудом женщин и детей. Так, в Петербурге в 1902 г. при продолжающихся массовых увольнениях рабочих число малолетних рабочих увеличилось на 306 чел. (эти официальные данные несомненно не охватили всего их числа).¹ Характеризуя положение дел, В. И. Ленин писал в октябре 1901 г., что «безработица растет и растет», что нужда среди безработных «страшно велика», что «маются теперь фабричные... недоедая еще больше, чем обыкновенно, сбывая ростовщикам последние остатки домашней рухляди».²

И безработица, и ухудшение во всех отношениях положения рабочих не только не остановили рабочего движения, но, наоборот, придали ему новый, более революционный характер. Экономические стачки сменяются политическими, рабочие переходят теперь к демонстрациям и провозглашают своим лозунгом «Долой самодержавие!». Крупным событием 1901 г. явилась так называемая «Обуховская оборона» в Петербурге, о которой подробнее будет сказано далее. Март 1902 г. был отмечен Батумской демонстрацией (в связи с увольнением 389 рабочих на нефтеочистительном заводе Ротшильда), которая закончилась расстрелом безоружных рабочих. За Батумской демонстрацией последовали в том же году первомайские демонстрации в Сормове, Саратове и некоторых других городах. В конце 1902 г. разыгрались крупные события в Ростове-на-Дону. Ростовской стачкой руководил местный социал-демократический комитет; она ознаменовалась рядом сходов и огромной демонстрацией. В 1903 г. стачечное движение достигло еще большего размаха. В июле этого года, начавшись в Баку и оттуда перекинувшись в Тбилиси и Батуми, и таким же образом начавшись в Одессе и захватив потом Киев, Николаев и Екатеринослав, стачечное движение приобрело характер всеобщей забастовки, охватившей крупнейшие промышленные центры Украины и Закавказья. Однако рост стачечного движения в эти годы отнюдь не был только количественным ростом. Его отличительными новыми чертами является не только то, что оно принимает все более яркий революционный характер борьбы за свержение царизма, но еще и то, что политической борьбой рабочего класса почти повсюду теперь руководят социал-демократические комитеты.

Под влиянием рабочего движения и крестьянское движение получило значительное развитие. В 1902 г. крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях приобрело такой размах, что В. И. Ленин его назвал *первым крестьянским восстанием*.³

¹ ГИАЛО, ф. старшего фабричного инспектора, св. 23, № 322, л. 100.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 251.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 6, стр. 385.

Вслед за этими волнениями и под несомненным их влиянием последовали новые волнения на юге России еще в том же 1902 г. Социал-демократия, ранее слишком мало уделявшая внимания работе в деревне, теперь распространяет там ряд листовок, и в последующие годы крестьянское движение развивается под известным воздействием также местных социал-демократических организаций.

Революционный подъем очень значительно сказался на силе и характере студенческого движения. Студенческое движение 1899 г. было еще слишком академическим и вначале не связывало прямо своего протеста с общеполитическим положением. Но уже в феврале 1901 г. студенты от забастовок переходят к уличным демонстрациям; сперва это случилось в Харькове, затем в Москве и Петербурге, где демонстрация у Казанского собора 4 марта стала крупным общественным событием. Студенчество переходит определенно от академических лозунгов к политическим, сперва, правда, скромным: на ноябрьских сходках в Петербурге в 1901 г. оно ограничивает свои требования свободой слова, собраний и т. п., не задавая общего вопроса о самодержавии. Но в январе 1902 г. одна из влиятельных студенческих организаций Петербургского университета (касса радикалов) публично заявила о своих социал-демократических убеждениях, а в начале 1903 г. мы видим в университете группу, непосредственно уже связанную с искровским Петербургским комитетом РСДРП (была и другая группа, экономистского толка). С апреля 1903 г. начал выходить нелегальный студенческий орган «Студент»; в третьем номере «Студента» В. И. Ленин поместил статью «Задачи революционной молодежи», в которой писал, что редакция этого издания поставила «на правильную почву вопрос о средствах революционизирования студенчества».¹

Общий подъем революционного движения способствовал активизации русского либерализма. Замолчавшие в начале 80-х годов XIX в. земские либералы, после неудачной попытки робко заговорить в верноподданнейших адресах со вступившим на императорский престол Николаем II, теперь оживают. В мае 1902 г. состоялся первый общеземский съезд, который не посмел еще выставить каких-либо конституционных требований. Сближение земского либерализма с буржуазными кругами интеллигенции и земской (так называемого «третьего элемента») и городской, среди которой оказались и недавние легальные марксисты вроде П. Б. Струве, привело к созданию заграничного органа «Освобождение», редактором которого стал Струве (1902), а несколько позже (1904) к созданию либерального «Союза освобождения». В русском либерализме предреволюционного времени ярко сказались классовая враждебность его по отношению к рабочему классу и к революционной социал-демократии и в то же время необычайно сильное стремление к компромиссу с самодержавием с целью предотвратить надвигающуюся революцию.

¹ Там же, т. 7, стр. 28.

Самоопределялась политически и мелкая буржуазия в возрождавшемся народничестве. На место выродившегося народничества конца 80-х и 90-х годов теперь выдвигаются под воздействием общего положения вещей буржуазно-радикальные тенденции народников. Новое народничество с точки зрения своей идеологии свидетельствовало, по выражению В. И. Ленина, о «полнейшей теоретической беспринципности и шаткости»¹ взглядов социалистов-революционеров, как теперь себя назвала новая народническая организация. В качестве тактики социалистами-революционерами был принят террор, уже давно показавший всю свою вредность для революционного движения. Свою статью, посвященную характеристике социалистов-революционеров, В. И. Ленин озаглавил «Революционный авантюризм», показав, как авантюризм их тактики зависит от беспринципности их взглядов. Социалисты-революционеры организовались в партию социалистов-революционеров в 1901 г. В 1902 г. ими было организовано убийство министра внутренних дел Сипягина.

Такова была в общих чертах та общеполитическая обстановка, в которой В. И. Ленин начал новую полосу своей революционной деятельности.

30 января 1900 г., на следующий же день по окончании срока своей ссылки, В. И. Ленин уехал из села Шушенского.

Местом своего жительства В. И. Ленин выбрал Псков, чтобы жить, по словам Н. К. Крупской, «поближе к Питеру».² В конце февраля (24—25) В. И. Ленин был проездом в Петербурге, а 26 февраля прибыл в Псков.³ В Петербурге его пребывание было весьма кратковременным, повидимому один только день, который он провел на квартире А. М. Калмыковой (Литейный проспект, д. 60), весьма сочувствовавшей и содействовавшей задуманному В. И. Лениным изданию «Искры».⁴ Не имея возможности бывать в Петербурге, В. И. Ленин сделал Псков тем центром, куда от времени до времени съезжались петербуржцы для совещаний и свиданий с ним. Так, не раз приезжала к В. И. Ленину А. М. Калмыкова, приезжал и И. В. Бабушкин, который потом являлся одним из самых усердных корреспондентов первых номеров «Искры».⁵ На псковском совещании в конце марта, в котором участвовали специально приехавшие из Петербурга С. И. Радченко и другие лица, обсуждался составленный Лениным проект заявления от редакции «Искры» и «Зари».⁶ В этом проекте прежде всего была охарактеризована та «критическая стадия», в которой находилось тогдашнее русское революционное дви-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 6, стр. 166.

² Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 39.

³ Даты жизни и деятельности Ленина, ИМЭЛ, 1931, стр. 40.

⁴ А. М. Калмыкова. Обрывки воспоминаний. Былое, 1926, № 1, стр. 77—78.

⁵ Н. К. Крупская. Ленин и партия, стр. 30; В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 331—332.

⁶ Даты жизни и деятельности Ленина, стр. 40—41; В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, стр. 296—306.

жение. В. И. Ленин отмечал, что социал-демократическое движение остается раздробленным и в нем обнаруживаются разнообразные оппортунистические шатания и узкий практицизм, препятствующие «организации рабочего движения в революционную рабочую партию». В. И. Ленин развивал в проекте ту мысль, что для решения основной задачи того времени, для образования «единой и крепкой партии, ведущей борьбу под знаменем революционной социал-демократической программы», необходимо прежде всего создание «общей литературы». Новый боевой политический орган должен был следовать «всем основным идеям марксизма», должен был содержать «последовательное развитие этих идей в духе Маркса и Энгельса». Таким образом, В. И. Ленин провозглашал здесь принцип творческого развития учения основоположников марксизма, гениальным образом чего явилась вся его деятельность. Провозгласив далее, что социал-демократия является «партией социальной революции», В. И. Ленин в проекте заявления в то же время подчеркивал, что «исторической задачей русской социал-демократии» является ниспровержение самодержавия.

Итак, проект заявления намечал новые пути и для развития революционной теории и для политической деятельности русской социал-демократии.

«Искра» и «Заря» по плану В. И. Ленина должны были издаваться за границей. В. И. Ленин уже 5 мая 1900 г. получил от псковского губернатора заграничный паспорт. Перед отъездом за границу он решил еще заехать к матери в Подольск и к Н. К. Крупской в Уфу (где Крупская отбывала срок своей высылки по делу «Союза борьбы»). Прежде всего В. И. Ленин поехал нелегально в Петербург с целью деловых свиданий относительно будущей «Искры». Несмотря на все предосторожности, он попал в поле зрения полиции уже в тот момент, когда сел в поезд в Пскове. Затем, когда, опасаясь быть прослеженным, В. И. Ленин сошел с псковского поезда на ст. Александровской и в Царском селе пересел в царскосельский поезд, за каждым его шагом продолжали следить полицейские агенты. 20 мая утром В. И. Ленин был в Петербурге и остановился на квартире Е. В. Малченко, матери одновременно с ним высланного по делу «Союза борьбы» А. Малченко, проживавшей в Большом Казачьем пер., д. 11, кв. 6. На следующий день утром, при выходе из квартиры, у ворот дома, В. И. Ленин был схвачен двумя сыщиками, посажен на извозчика и отвезен в охранное отделение. В. И. Ленин пробыл под арестом 10 дней, а затем в сопровождении конвоира, переодетого в статское платье, был отправлен охранным отделением в Подольск. Из Подольска, после непродолжительного пребывания в Уфе, В. И. Ленин уехал 16 июля 1900 г. за границу, чтобы там приступить к изданию «Искры».¹

Не прошло и года со времени возвращения В. И. Ленина из сибирской ссылки, как благодаря его неимоверной энергии 11 декабря 1900 г. вышел первый номер «Искры» со знаменательным эпиграфом: «Из искры возгорится пламя», заим-

¹ А. И. Елизарова - Ульянова. Воспоминания об Ильиче, М., 1934, стр. 98—99.

ствованным из известного ответа декабристов Пушкину. История самым блестящим образом оправдала впоследствии вдохновенные слова эпитафия: революционный пожар смет с лица земли самодержавие и капитализм.

С первых номеров «Искра» боролась за преодоление препятствий, стоявших на пути к образованию единой и сплоченной революционной марксистской рабочей партии. Первые и самые решительные удары были направлены «Искрой» против главного (притом «внутреннего») идейного врага, против оппортунистического экономизма. Основным документом этой борьбы явилась вышедшая отдельно работа В. И. Ленина «Что делать?». «Искра» разоблачала и других врагов рабочего социал-демократического движения. В статьях В. И. Ленина был вскрыт революционный авантюризм социалистов-революционеров. В. И. Ленин показал прикрытую революционной фразой полную теоретическую беспринципность эсеров, шатавшихся между «ветхим заветом», как его назвал В. И. Ленин, старых либерально-народнических предрассудков, уже разоблаченных в марксистской литературе В. И. Лениным, и новейшей оппортунистической «критикой» Маркса, вроде немецкого ревизионизма. В. И. Ленин показал также, как эта теоретическая беспринципность порождает авантюризм тактики социалистов-революционеров — вредную для роста рабочего движения тактику индивидуального террора.

«Искра» разоблачала недавнего легального марксиста П. Б. Струве, выступившего теперь в роли верного приказчика буржуазных либералов. Либералы, более всего опасаясь грядущей революции, стремились сопратить трудящиеся массы с революционного пути. В. И. Ленин писал в «Искре» о необходимости «в оба смотреть», чтобы «либерализм не развращал народных масс своей лживой постановкой вопросов».¹

И эти задачи борьбы с врагами революционного марксизма, без разоблачения которых нельзя было добиться победы над ними, и те положительные задачи, которые были намечены в проекте заявления, а затем и отпечатанном заявлении от редакции «Искры» и «Зари», требовали усиленной, огромной работы.

* * *

В. И. Ленин в написанной им в начале февраля 1905 г. статье «Первые уроки» год за годом отмечал нарастание революционных событий. Свою характеристику 1901 г. В. И. Ленин начинает так: «1901-ый год. Рабочий идет на помощь студенту. Начинается демонстрационное движение. Пролетариат выносит на улицу свой клич: долой самодержавие! Радикальная интеллигенция распадается окончательно на либеральную, революционно-буржуазную и социал-демократическую. Участие организаций революционной социал-демократии в демонстрациях становится все более широким, активным, прямым».²

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 6, стр. 200.

² Там же, т. 8, стр. 119.

Начало 1901 г. ознаменовалось опубликованным 11 января правительственным сообщением об отдаче в солдаты 183 киевских студентов, участвовавших в студенческих волнениях в конце 1900 г. На известие об этом «Искра» откликнулась статьей В. И. Ленина. В. И. Ленин писал здесь, что на этот «вызов» «ответить правительству обязано не одно студенчество», а «все сознательные элементы во всех слоях народа». «А во главе этих сознательных элементов, — продолжал В. И. Ленин, — стоят передовые рабочие и неразрывно связанные с ними социал-демократические организации». «Студент шел на помощь рабочему, — рабочий должен придти на помощь студенту» — этой краткой формулой В. И. Ленин ярко выразил основную мысль своей статьи. А далее он остановился на вопросе о формах, в каких должен выразиться протест против настоящего очага «насилия, бесчинства и разнузданности» — русского самодержавного правительства, самовластия полиции и чиновников. В. И. Ленин считал наилучшим, где это возможно, делать попытку «более широкого и открытого протеста посредством публичной демонстрации».¹

В значительной мере произошло именно так, как этого желал В. И. Ленин. Тотчас после сообщения об отдаче киевских студентов в солдаты начались сходки в Петербургском университете, на Высших женских курсах, в Военно-медицинской академии, Академии художеств, в институтах Лесном, Горном, Электротехническом и других учебных заведениях. Вместе с тем чрезвычайно усилилась печатная агитационная деятельность.² В обращении появилась, по словам «Искры», масса листов и бюллетеней. От первоначальных привычных форм студенческих протестов совершился теперь быстрый переход к мысли об устройстве открытой демонстрации. Она должна была состояться 19 февраля у Казанского собора. Эта первая демонстрация вышла неудачной вследствие арестов, произведенных накануне ее. Собравшиеся, по преимуществу слушательницы Медицинского института и Рождественских курсов, попытались пойти с пением марсельезы от собора по Невскому. Окружившие толпу полицейские принялись избивать участниц ее до той степени, что, как сообщал один очевидец, «гостинодворские приказчики стали заступаться за них». Рабочих не было на демонстрации, и поэтому она не могла получить характера народной схватки с полицией. Почему это так случилось? Виной этому была не столько сравнительная узость студенческих требований, сколько та позиция, которой руководствовался тогдашний экономистский Петербургский комитет РСДРП. «Искра» писала о «печальных плодах той пропаганды, которая так усердно велась в СПб. последние два-три года: с одной стороны, «экономисты» усердно приглашали «не забегать вперед» против неразвитых масс и ничего не делали для развития революционной организации и политического воспитания рабочих; с другой стороны, столичные «критики» и «бернштейни-

¹ Там же, т. 4, стр. 391—392.

² Дальнейшая характеристика событий основана на подробном их изложении в «Искре».

анцы» играли на руку „экономистам“ своим „разносом“ ортодоксального марксизма».

Хотя эта демонстрация вышла сравнительно неудачной, по она ясно показала, какое общее сочувствие вызывают действия студенчества в разных слоях общества.

Вслед за тем произошла небольшая демонстрация 28 февраля в Эртелевом переулке, где помешалась редакция «Нового времени», при праздновании 25-летия этой реакционной газеты.

Новая демонстрация была назначена на 4 марта, опять у Казанского собора. К этому времени уже значительно изменилась общероссийская обстановка. 19 февраля, одновременно с петербургской демонстрацией, произошла такая же демонстрация в Харькове, где участвовали также рабочие по призыву местного «Союза борьбы», а 25 февраля произошла крупная демонстрация в Москве, где участвовали и студенты и рабочие. Харьковские и московские события оказали весьма ободряющее воздействие на студентов.

«Четвертое марта, — писала «Искра», — наверное, долго будут помнить не одни петербуржцы, но и все русское общество». В 12 час. дня из собора вышли демонстранты, пустили шар и выкинули два знамени, белое и красное, которые были подняты рабочими. Один технолог сказал речь. Но вскоре появились конные казаки с нагайками в руках, а также отряды городских, и началось дикое избиение студентов и курсисток. Корреспонденты «Искры» сообщали: «...свиистели нагайки, под ударами которых студенты падали ряд за рядом. Слышался свист и треск обрушившихся на головы дубин». Присутствовавшая на побоище публика негодовала по поводу происходившего. Волнения на Невском продолжались до самого вечера. Рабочие были на этой демонстрации, но их было мало. И не только потому, что их не пропускали ни со стороны Нарвской заставы, ни со стороны Шлиссельбургского тракта, что было остановлено движение конок, дабы воспрепятствовать продвижению рабочих с окраин. Основным здесь была опять-таки та тактика, которую проводили тогдашние петербургские экономистские руководители «Союза борьбы», изолируя рабочих от происходившего движения.

Для характеристики настроений рабочих масс, не мирившихся с проповедуемым их руководителями отрицанием политической деятельности, было особенно показательно то, что произошло через неделю, в воскресенье 11 марта. В ответ на призыв некоторых групп устроить в этот день вторичную демонстрацию студенческие организации, в составе которых радикальная часть была ослаблена событиями 4 марта, подчинились либерально-умеренным влияниям и отказались в ней участвовать; также «экономисты» и «критики», по словам «Искры», «пересилили понесших громадный урон социал-демократов — революционеров». Несмотря на все это, рабочие массами оказались 11 марта в городе и ждали призыва к демонстрации. «Долго ждали рабочие, — писала «Искра», — и, наконец, разошлись, осыпая справедливыми упреками студентов и умеренных социал-демократов за их робость и бездеятельность».

*А. Белый. Разгон студенческой демонстрации у Казанского собора 4 марта 1901 г.
Музей революции СССР.*

События 4 марта глубоко всколыхнули рабочих, и это сказалось и в день 11 марта и на последующих событиях. Не остались на этот раз безгласными и широкие круги «общества». Ряд протестов против поведения властей раздался со стороны и отдельных лиц, как, например, профессора Белелюбского или акад. Фаминцына, и со стороны групп и организаций, например, группы русских литераторов, уже 5 марта направившей свой протест против действий правительства, или «Союза взаимопомощи русских писателей», который 9 марта подал свое протестующее заявление министру внутренних дел, а 12 марта был за это закрыт.

Рабочая масса, которую так всколыхнули мартовские события, домала поставленные ей экономистскими ее руководителями рогатки и деятельно готовилась к встрече 1 мая и к демонстрации в этот день. До Петербурга благополучно дошел и нашел широкое распространение первомайский листок «Искры» с ярко поставленными лозунгами политической свободы и низвержения самодержавия. Но правительство произвело в ночь на 18 апреля (1 мая по новому стилю) громадные аресты в разных слоях петербургского населения. Среди 115 арестованных,

о которых сообщало петербургское охранное отделение в Департамент полиции, было 43 рабочих, что одно уже указывает на активность, которую в деле подготовки демонстрации проявляли сами рабочие. Очень существенно, что среди литературы, отобранной во время обысков, на первом месте фигурировали именно издания «Искры».¹ Аресты настолько ослабили руководящие круги рабочих, что, несмотря на то, что 22 апреля на Невском проспекте собралось много рабочих, демонстрация не удалась. «Зато, — писала «Искра», — блестящую демонстрацию устроило правительство: по Невскому продефилировало несколько полков солдат».

После неудачи 22 апреля накопившаяся революционная энергия петербургского пролетариата нашла некоторый выход в крупнейшем из выступлений этих лет, в так называемой «Обуховской обороне».

События на Обуховском заводе начались 1 мая, когда, желая отметить этот день, часть рабочих не вышла на работу. 5 мая 26 чел. было уволено за прогул 1 мая. Это вызвало бурные волнения среди рабочих, которые решили не только требовать возвращения уволенных, но и выставить ряд общих требований: о праздновании 1 мая, 8-часовом рабочем дне и др. 7 мая намеченная забастовка началась около 2 час. дня. На Шлиссельбургском проспекте перед заводом собралась огромная толпа в несколько тысяч человек. Политические настроения рабочих, несомненно знакомых с первомайским листком «Искры», были далеки от предписаний экономистских руководителей «Союза борьбы» и явствовало из возгласов «Нам нужна свобода», которые раздавались в толпе. Помимо заранее подготовленных полицейских, сюда были вызваны дополнительные полицейские отряды, казаки, конные жандармы, а после начала столкновения и команда матросов, ружья которых были заряжены боевыми патронами. С другой стороны, к рабочим Обуховского завода присоединились рабочие соседних Александровского завода и Карточной фабрики. Около шлагбаумов на месте переезда железной дороги через Шлиссельбургский проспект произошло главное столкновение рабочих с полицией и войсками. Натиск полиции был встречен единственным средством сопротивления — градом камней, которые посыпались на наступающих полицейских. Камни попадали в цель, так как даже по официальным данным пострадало от них 17 полицейских чинов. В борьбе принимали участие и женщины. Боцман, командовавший матросами, приказал открыть огонь. Среди жертв двух залпов были убитые (в том числе 12-летний мальчик) и раненые. Однако этой первой «победой» войск дело не кончилось. Рабочие засели во флигелях Карточной фабрики, и здесь, по свидетельству самих властей, произошло «особенно сильное сопротивление» рабочих, также оборонявшихся камнями. Только вызванные сюда в помощь 2 роты Омского полка сумели, наконец, покоячить с сопротивлением рабочих.

¹ Записка Петерб. охр. отд. в Деп. полиции 18 апреля 1901 г., ЦГИАМ, ф. Деп. полиции, Ос. отд., 1898 г., д. 5, ч. 6, л. П, т. 2, л. 53—53 об.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

ИСКРА

«Из игры выигрете пламя!»
Отвесть диктаторство Бухарину

ДЕКАБРЬ 1907 ГОДА

№ 1.

М. 1.

НАСУЩНЫЕ ЗАДАЧИ НАШЕГО ДВИЖЕНИЯ

Вашему вниманию мы ставим три задачи, как бы главные, вытекающие из программы нашего движения. Эти задачи стоят перед нами как задачи ближайшего будущего. Мы считаем, что они являются наиболее насущными задачами нашего движения. Мы считаем, что они являются наиболее насущными задачами нашего движения.

Первая задача — это задача борьбы с диктаторством Бухарина. Мы считаем, что диктаторство Бухарина является наиболее насущной задачей нашего движения. Мы считаем, что диктаторство Бухарина является наиболее насущной задачей нашего движения.

Вторая задача — это задача борьбы с диктаторством Бухарина. Мы считаем, что диктаторство Бухарина является наиболее насущной задачей нашего движения. Мы считаем, что диктаторство Бухарина является наиболее насущной задачей нашего движения.

Третья задача — это задача борьбы с диктаторством Бухарина. Мы считаем, что диктаторство Бухарина является наиболее насущной задачей нашего движения. Мы считаем, что диктаторство Бухарина является наиболее насущной задачей нашего движения.

Второй задачей является борьба с диктаторством Бухарина. Мы считаем, что диктаторство Бухарина является наиболее насущной задачей нашего движения. Мы считаем, что диктаторство Бухарина является наиболее насущной задачей нашего движения.

Третьей задачей является борьба с диктаторством Бухарина. Мы считаем, что диктаторство Бухарина является наиболее насущной задачей нашего движения. Мы считаем, что диктаторство Бухарина является наиболее насущной задачей нашего движения.

Мы считаем, что диктаторство Бухарина является наиболее насущной задачей нашего движения. Мы считаем, что диктаторство Бухарина является наиболее насущной задачей нашего движения.

Мы считаем, что диктаторство Бухарина является наиболее насущной задачей нашего движения. Мы считаем, что диктаторство Бухарина является наиболее насущной задачей нашего движения.

Ваше внимание привлекает статья В. И. Ленина «Насущные задачи нашего движения». Мы считаем, что эта статья является наиболее насущной задачей нашего движения. Мы считаем, что эта статья является наиболее насущной задачей нашего движения.

Мы считаем, что диктаторство Бухарина является наиболее насущной задачей нашего движения. Мы считаем, что диктаторство Бухарина является наиболее насущной задачей нашего движения.

Мы считаем, что диктаторство Бухарина является наиболее насущной задачей нашего движения. Мы считаем, что диктаторство Бухарина является наиболее насущной задачей нашего движения.

Мы считаем, что диктаторство Бухарина является наиболее насущной задачей нашего движения. Мы считаем, что диктаторство Бухарина является наиболее насущной задачей нашего движения.

Лист «Искры» № 1, со статьей В. И. Ленина «Насущные задачи нашего движения».

В. И. Ленин посвятил буховским событиям статью «Новое побужение». Он писал по поводу них: «Правительство победило. Но каждая такая победа будет неуклонно приближать его окончательное поражение». В. И. Ленин указывал на важное значение этой первой уличной борьбы рабочих для будущего. События эти доказали, что уличная борьба «возможна, безнадежно не положение борцов, а положение правительства, если ему придется иметь дело с населением не одного только завода».¹

Правительство жестоко расправилось с участниками сопротивления 7 мая. В ночь на 8 мая начались громадные аресты, причем брали и 13—15-летних мальчиков. Недаром из первой партии арестованных 122 чел. 60 пришлось тотчас же освободить. Но часть рабочих была отдана под суд. Двое из них, Анатолий Ермаков и Анатолий Гаврилов были сосланы в каторжные работы (на 5 и 6 лет), 20 чел. отданы в исправительные арестантские отделения (на 5 и 4 года), а 9, не достигших 21 года, приговорены к тюремному заключению (до 4 лет). Особенно мужественно вела себя на суде 18-летняя работница Карточной фабрики Марфа Яков-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 17.

лева, которая, не отрицая своего деятельного участия в борьбе, прямо заявила на суде, что «мы стоим за братьев».

В. И. Ленин откликнулся на процесс в «Искре» особой статьей «Каторжные правила и каторжный приговор». Разоблачая здесь подтасовку обвинения со стороны правительства и превращение политического процесса в процесс уголовный, В. И. Ленин писал: «Нет, каторга не устроит рабочих, вожак которых не боялись умирать в прямой уличной схватке с царскими опричниками». Заключение же В. И. Ленин свою статью словами: «Мы ответим на это сплочением всех революционных сил, привлечением на свою сторону всех угнетенных царским произволом и систематической подготовкой общенародного восстания!»¹ Последними словами В. И. Ленин подчеркнул то значение, которое майские события на Шлиссельбургском проспекте имели для подъема революционного движения во всей стране.

«Обуховская оборона» явилась наиболее крупным проявлением рабочего движения в Петербурге в 1901 г. Однако весь 1901 г. был заполнен борьбой рабочих, которые решительно противодействовали наступлению капиталистов в связи с кризисом и выдвигали ряд новых требований. Увольнение рабочих послужило причиной забастовки, например, в апреле на бумагопрядильне Кенига; забастовка закончилась через два дня вследствие действий полиции, которая особенно усердствовала теперь во время забастовок. В мае на Никольской и Северной ткацкой мануфактурах рабочие потребовали введения 8-часового рабочего дня и повышения расценок; не вышедшие на работу ночные смены рабочих были арестованы (450 и более 200 чел.). Особенно большие аресты были произведены на Обуховском заводе, где в ответ на отказ начальства завода от сделанных рабочим в мае уступок в июле опять вспыхнула забастовка; полиция арестовала около 800 рабочих-обуховцев и затем применила к ним разные меры воздействия — высылку и заключение. Несмотря на подобные репрессивные мероприятия, в течение этого года бастовали рабочие и металлургической промышленности, как, например, заводов Невского судостроительного и механического, Александровского механического, Балтийского, Лесснера, Лангензипена, Барановского, Металлического, Петербургского вагоностроительного, и текстильных предприятий, как, например, помимо вышеупомянутых, мануфактур Выборгской бумагопрядильной, Роченсальмской, ниточной фабрики «Невка» и др.

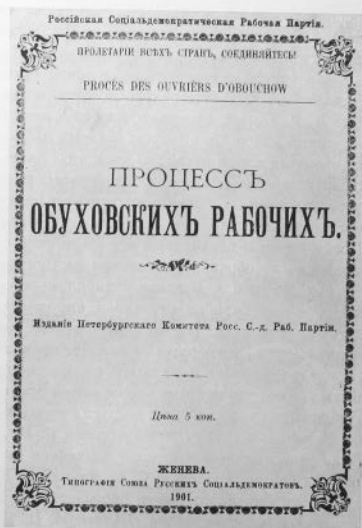
Все предшествующее изложение показало, как пагубно влиял экономизм на рабочее и студенческое движение. Самые крупные революционные выступления этого времени, как, например, «Обуховская оборона» или студенческие волнения, терпели неудачи вследствие экономистского руководства тогдашнего петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и университетского центра — Кассы взаимопомощи. Однако те же примеры показывали, как рабо-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 228.

чие опережали своих застрявших на тред-юнионистских позициях руководителей.

Такое положение не могло уже сохраняться в Петербурге с того момента, когда начала издаваться «Искра». Первая же статья первого номера, написанная В. И. Лениным, начиналась словами: «Русская социал-демократия не раз уже заявляла, что ближайшей политической задачей русской рабочей партии должно быть ниспровержение самодержавия, завоевание политической свободы». В этой статье В. И. Ленин прямо ударял по основной болезни петербургских социал-демократов, когда писал о тех, которые говорят, что преобладающее значение имеет экономическая борьба, что рабочим надо вести именно эту борьбу, а политику надо предоставить интеллигентам в союзе с либералами. Ленин указывал, что это утверждение, нашедшее свое выражение в экономическом «Кредо», «сводится уже прямо к признанию русского пролетариата несовершеннолетним и к полному отрицанию социал-демократической программы».¹

Первые номера «Искры» достигли Петербурга, и рабочие их там с жадностью искали. Еще до выхода третьего номера в свет В. И. Ленин писал представлявшему тогда «Искру» в Петербурге старейшему члену петербургской организации С. И. Радченко, что он «вполне» одобряет принятый Радченко способ распространения «Искры», и в то же время сообщал С. И. Радченко жалобы на него петербургской группы «Социалист» относительно неполучения ими «Искры».² Из другого письма В. И. Ленина мы узнаем, что эта группа бралась распространять в Петербурге 1000 экземпляров «Искры».³ Выше уже упомянуто было о широком

Титульный лист брошюры Петербургского комитета РСДРП «Процесс обуховских рабочих».

¹ Там же, т. 4, стр. 341.

² В. И. Ленин, Сочинения, изд. 3-е, т. XXVIII, стр. 111.

³ Там же, стр. 123.

распространении, которое получил тогда же первомайский листок «Искры». Это должно было повести к созданию в Петербурге прочной искровской организации и окончательной победе над тем разбродом, который царил в Петербурге.

Но вопрос о создании искровской организации в Петербурге встал только осенью 1901 г. В Петербурге появились два агента «Искры», одним из которых был В. П. Ногин, приехавший сюда 2 сентября. Ногин нашел здесь тот же чрезвычайный интерес к «Искре», который наблюдался уже полугодом ранее. В одном из своих писем он писал: «...здесь громадный спрос на наши издания». Неудача первых переговоров с «Союзом борьбы» повела к тому, что В. П. Ногин решил учредить здесь отдельную искровскую организацию, а затем уже от имени этой организации повести переговоры с «Союзом борьбы». В одном из своих писем Ногин писал о поразившей его «беспринципности» членов «Союза», которые «совершенно не обращают внимания на принципиальные разногласия», а «дорожат только „фирмой“». В конце октября переговоры завершились соглашением, но когда «Союз борьбы» отказался выполнить некоторые его условия, искровцы договор расторгли. На жалобы «Рабочей мысли» по этому поводу «Искра» отвечала: «Пусть Петербургский комитет проявит достаточно твердости и постоянства в деле следования принципам революционной социал-демократии, и он может быть уверен, что местные члены нашей организации войдут в его ряды без особых гарантий, как это и бывает в других городах».¹

2 октября 1901 г. был арестован В. П. Ногин, а в ночь на 4 декабря 1901 г. была разгромлена вся недавно созданная им организация «Искры»; среди арестованных оказался также и С. И. Радченко. Дело «Искры» в Петербурге на немногие месяцы затихло. Вновь оно энергично подвинулось, когда в апреле 1902 г. приехал в качестве агента «Искры» И. И. Радченко, брат С. И. Радченко.

Но 1902 год уже в значительной мере не был похож на предыдущий. Революционное движение в стране сделало значительный шаг вперед. Характеризуя 1902 г., Ленин в числе основных признаков этого года, среди других, отмечал, что «политическое движение пролетариата не примыкает уже к интеллигентскому, студенческому движению, а само вырастает непосредственно из стачки», и «участие организованной революционной социал-демократии еще более активное», чем в 1901 г. В итоге В. И. Ленин отмечал, что «пролетариат впервые противопоставлял себя, как класс, всем остальным классам и царскому правительству».²

Начало 1902 г. было отмечено в Петербурге дальнейшей борьбой рабочих против натиска капиталистов, стремившихся все в большей мере переложить на рабочих бремя кризиса. В феврале на фабрике Кенига было уволено 450 чел. в связи с сокращением производства. На помощь фабрикантам, как и обычно, шла полиция. Борьба рабочих на Ниточной мануфактуре и особенно на Певской бу-

¹ Искра, 1902, № 20.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 8, стр. 119.

магопрядильне была подорвана массовыми арестами — было захвачено более ста человек.

Март был ознаменован крупным политическим событием — демонстрацией (3 марта) на Невском проспекте.

Призывавшая к демонстрации прокламация была распространена в весьма значительном количестве экземпляров (8000). Рабочие Петербурга с большой решительностью готовились к участию в демонстрации. Полиция предупреждала рабочих, что они не будут допущены на демонстрацию, и угрожала даже, что к каждой фабрике будет приставлена стража, чтобы предупредить уход рабочих на демонстрацию. В ответ на это многие рабочие провели ночь на 3 марта в городе у своих знакомых. Демонстрация была назначена на Невском проспекте в 12 час. Задолго до этого Невский начал заполняться народом. К 12 час. толпы народа были столь велики, что не умещались на панелях Невского и заполняли проезжую часть его. Характерным явлением, по всем имеющимся описаниям демонстрации, было то, что среди собравшихся преобладали рабочие. Студентов было «очень мало», по словам одного корреспондента «Искры», или их «почти не было», по словам другого. Этим демонстрация резко отличалась от прошлогодней и являлась ярким подтверждением приведенного выше ленинского определения нового характера революционного движения русского пролетариата в 1902 г.

Демонстрация началась около половины первого. В разных местах были выкинута красные флаги с надписями «Долой самодержавие!», «Свобода!» и др.; толпа пела кое-где «Марсельезу», слышались выкрики «долой самодержавие!», «да здравствует политическая свобода!», «ура!». Далее всего удалось удержать красный флаг у здания Городской думы (около 15 мин.). Полиция и казаки были заранее приготовлены. С самого же начала демонстрации они принялись зверски избивать демонстрантов. По словам корреспондента «Искры», раненых и избитых было очень много. Арестовано было около 500 чел. Демонстрация длилась более трех часов.

«Хотя демонстрация и не так удалась, как этого хотелось бы, — писали из столицы в «Искру», — тем не менее революционный дух у рабочих не только не упал, а еще более окреп. Утверждали, что почва для новой демонстрации хоть сейчас готова».¹

Именно в это время, в марте 1902 г., вышла в свет знаменитая книга В. И. Ленина «Что делать?». После ряда лет забвения теоретической работы среди социал-демократов В. И. Ленину пришлось в «Что делать?» положить конец целому периоду теоретических и организационных шатаний.

В «Что делать?» у В. И. Ленина органически слилось разрешение двух стоявших перед революционной социал-демократией задач, идеологической и организационной. Вместе с тем столь же органически в «Что делать?» переилетались,

¹ Искра, 1902, № 19.

с одной стороны, полемическая часть, разрушавшая до корней существовавшие среди тогдашних социал-демократов оппортунистические взгляды в области теории и практики, и, с другой стороны, положительная часть, в ярких чертах разрешавшая основные теоретические и организационные вопросы с точки зрения революционной социал-демократии.

Основным вопросом идеологической части работы был вопрос о роли социал-демократии по отношению к стихийному рабочему движению. В итоге того «сугубого разврата в умах», который был внесен легальными марксистами и нелегальными экономистами, в эти годы среди социал-демократов, и более всего среди петербургских, господствовало преклонение перед стихийным экономическим рабочим движением, связанное с отрицанием руководящей роли социал-демократии. В. И. Ленин показал в «Что делать?», что такая теория всецело подчиняет рабочее движение влиянию буржуазной идеологии и ведет к сохранению существующего капиталистического строя и признанию неизбежности политического самодержавного государства.

В противовес этому оппортунистическому течению В. И. Ленин развил важнейшее теоретическое положение, согласно которому стихийное рабочее движение само по себе не может выйти за пределы тред-юнионистских задач и никак не может само по себе выработать у рабочих социал-демократического сознания. Последнее может быть привнесено, как показал в «Что делать?» В. И. Ленин, только извне; рабочее движение без привнесения революционной теории социал-демократией никак не может стать движением революционным. Прямо имея в виду совершавшийся в России подъем революционного движения в начале XX в., В. И. Ленин писал, что «чем больше стихийный подъем масс, чем шире становится движение, тем еще несравненно быстрее возрастает требование на массу сознательности и в теоретической, и в политической, и в организационной работе социал-демократии».¹ Отсюда ясна вся та огромнейшая задача, которая ложится на долю социал-демократии, призванной «активно взяться за политическое воспитание рабочего класса, за развитие его политического сознания».²

Критика В. И. Лениным экономизма и учение В. И. Ленина о роли социал-демократической теории в революционном движении имели значение не только для русского, но и для всего международного рабочего движения. Сам экономизм В. И. Ленин характеризовал как «русское бернштейнианство» и писал, что «социал-демократическое движение международно, по самому своему существу».³

Такое же международное значение имело и развитое в «Что делать?» учение В. И. Ленина об организационных началах построения социал-демократической партии.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 367.

² Там же, стр. 371.

³ Там же, стр. 342.

И тут В. И. Ленин прежде всего установил, что именно с экономизмом связан основной организационный порок тогдашнего движения, который он метко назвал «кустарничеством». Узостью кругозора экономистов была обусловлена, как показал В. И. Ленин, и узость их организационной деятельности, стихийность в образовании отдельных кружков, случайность их состава, непрочность существования и провалы при первых проявлениях деятельности кружка. Практическую деятельность экономистов В. И. Ленин образно сопоставил с борьбой вооруженных дубинами шаек крестьян против современного войска. Никакого успеха такая организация и такая борьба не могли иметь. Экономистскому кустарничеству В. И. Ленин противопоставил организацию профессиональных революционеров, которая тем необходимее, чем шире масса, стихийно вовлекаемая в борьбу. Только такая организация революционеров, как показал В. И. Ленин, может обеспечить устойчивость движения, только такая организация революционеров сможет «руководить *всей* освободительной борьбой пролетариата». ¹ Отметим, что В. И. Ленин особо остановился на всей бесплодности организационных проектов петербургских экономистов, которые, по его выражению, представляли «для полиции прямо рай». ²

Определив идеологические и организационные основы революционной социал-демократической партии, В. И. Ленин вместе с тем наметил в «Что делать?» основную ближайшую задачу борьбы русского пролетариата, которая в этот момент являлась «наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны». Свержение самодержавия в России, как пророчески указывал в 1902 г. Ленин, «сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата». ³

Работа В. И. Ленина сыграла решающую роль в борьбе за поворот русской социал-демократии на путь революционного марксизма. Один из видных искровцев того времени П. Н. Лепешинский, наезжавший из Пскова, места своего поселения, в Петербург, в своих воспоминаниях пишет, что «если, в конце концов, искровство победило и в Петербурге, и в Москве, и в других центрах революционного движения, так это только потому, что в руках искровских агитаторов было „Что делать?“... благодаря ленинской книжке у нас на все возражения, на все sacramентальные словечки наших противников, на все их хлесткие фразы якобы „по Марксу“ и „Энгельсу“ был уже готов ясный ответ, и это сильно действовало на рабочих, внушая им к искровству большое уважение». ⁴

Воздействие «Что делать?» должно было особенно сказаться на повороте в истории петербургской социал-демократической организации. На многих стра-

¹ Там же, стр. 427.

² Там же, стр. 428.

³ Там же, стр. 345.

⁴ П. Н. Лепешинский. На повороте. М., 1955, стр. 140.

видах книги В. И. Ленин показывал всю несостоятельность и гибельность для рабочего революционного движения экономизма именно на примере Петербурга. Когда В. И. Ленин изобличал экономистскую теорию преклонения перед стихийностью и показывал, что она ведет к полному подчинению рабочего класса влиянию буржуазной идеологии, то примером ему служили такие петербургские издания, как «Рабочая мысль» и воззвание «Группы самоосвобождения рабочих». Когда В. И. Ленин раскрывал, что экономистский оппортунизм и кустарщина в организационных вопросах сужают рабочее движение до тред-юнионистских рамок, что они ведут к постоянным провалам и придают движению скачкообразный характер, то и здесь изобличающими материалами служили такие документы, как «устав рабочей кассы», «устав С.-Петербургского союза», или ряд фактов из рабочего и революционного движения в Петербурге.

Эту сторону «Что делать?» В. И. Ленин считал особо важной для «завоевания» Петербурга. В письме своем И. И. Радченко 9 июня 1902 г. Ленин писал: «... особенно и сугубо подчеркивайте, что „Что делать?“ направлено именно и главным образом против „питерского“ типа людей».¹

События, которые последовали в Петербурге после приезда И. И. Радченко и привели к тому, что Петербургский комитет признал «Искру» руководящим органом социал-демократии, показывают, какое сильное влияние оказали на петербургских рабочих и на комитетские круги «Искра» и «Что делать?», хотя Петербургский комитет и скрыл от рабочих 75 экземпляров «Что делать?».

Уже 13 мая И. И. Радченко писал В. И. Ленину, что Петербургский комитет после некоторых переговоров заявил, что «принципиальных разногласий» у него нет, что он «вполне» признает «программу Ленина желательной, желательно провести ее в жизнь».²

Далее, в июне, состоялось собрание, что особенно важно, с рабочими представителями всех районов «Рабочей организации». Здесь были поставлены два основных вопроса — идеологический и организационный. В первом случае рабочие единогласно высказались против экономизма и за направление «Искры»; также и во втором вопросе рабочие явились противниками экономистского «демократизма» и сторонниками ленинской «организации революционеров».³

Для настроений рабочих этого времени характерна и корреспонденция в «Искре», которая сообщала, что «за последнее время „Искра“ приобрела среди передовых рабочих очень много приверженцев — ненавистников экономизма и завоевала всеобщее сочувствие рабочей массы».⁴ Столь же характерно и письмо И. И. Радченко, в котором он передает свои беседы с рабочими: он слышал

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 6, стр. 161—162.

² Пролетарская революция, 1924, № 3, стр. 79.

³ Искра, 1902, № 30.

⁴ Там же, № 25.

высказывания «если не буквально, то в духе цитат из „Что делать?“», хотя они «Что делать?» и не читали. «Передо мною, — писал Радченко, — сидели типы Ленина, люди, жаждущие профессии революционера».¹

Получив это письмо, В. И. Ленин отвечал: «Уж очень обрадовало Ваше сообщение о беседе с рабочими», и просил передать «неприменно» рабочим, чтобы они писали «не только для печати, но и так, для обмена мыслей». «Меня лично интересует при этом, — писал В. И. Ленин, — как отнесутся рабочие к „Что делать?“, ибо отзывом рабочих я еще не получал».²

Как только В. И. Ленин узнал от Радченко о его переговорах с Петербургским комитетом, он тотчас поспешил написать обстоятельнейшее письмо, в котором потребовал, чтобы вопрос о реорганизации Петербургского комитета был доведен, как было подчеркнуто, «до конца», что это — «самая важная и самая настоятельная задача». В. И. Ленин требовал, чтобы Петербургский комитет «во всеулышание» заявил печатным образом о переходе на сторону революционной социал-демократии. В. И. Ленин придавал особое значение такому открытому заявлению и потому, что ранее Петербургский комитет открыто же был решительным противником «Искры», и потому, что по положению самого Комитета такое заявление будет иметь громадное значение и для Вани (т. е. Петербургского комитета, — *Ред.*) и для всей России. Такое заявление, писал В. И. Ленин, «будет уже само по себе крупным делом». Далее В. И. Ленин прямо по пунктам наметил, что должно содержать в себе заявление Петербургского комитета.³

Если сравнить с этим ленинским письмом изданное вскоре в виде листовки заявление Петербургского комитета, то можно убедиться, что оно содержит иногда почти в дословных формулировках то, что предлагал В. И. Ленин.

Заявление Петербургского комитета было составлено именно так, как это предлагал В. И. Ленин, в форме обращения «Ко всем российским социал-демократическим организациям». Петербургский комитет признавал, что на нем «тяжелее всего» отзывались традиции экономизма и что он пришел к необходимости ликвидировать период кустарщины, причем делал здесь прямую ссылку на «Что делать?». Заявляя далее, как это было предложено В. И. Лениным, о своей солидарности с теоретическими, тактическими и организационными взглядами «Искры» и признавая ее руководящим органом, Петербургский комитет обращался с призывом к другим партийным организациям последовать его примеру.⁴

Победа была одержана. Однако эту победу надо было закрепить дальнейшей борьбой. Оппортунизм хотя и был теперь побежден, но искоренен он не был. Уже очень скоро, в сентябре, под флагом Комитета рабочей организации вновь всплыли на поверхность самые закоренелые из петербургских экономистов.

¹ Пролетарская революция, 1924, № 3, стр. 90.

² В. И. Ленин, Сочинения, изд. 3-е, т. XXVIII, стр. 142.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 6, стр. 155—158.

⁴ Листовки петербургских большевиков, т. 1. Л., 1939, стр. 11—12.

В том же письме, в котором В. И. Ленин формулировал свои условия для Петербургского комитета, он предполагал, что Петербургский комитет «еще не полный сторонник» «Искры». И через шесть дней В. И. Ленин направляет другое письмо, весьма важное для оценки той руководящей и воспитательной роли, которую эти письма имели для будущего Петербургской партийной организации. В. И. Ленин требует соблюдения строгой идеологической чистоты: «...Никаких абсолютно компромиссов, беспощадная война против малейших остатков эгоизма и кустарничества». Особое внимание В. И. Ленин обращает в этом письме на воспитание рабочего кружка, требуя здесь «добиться создания *боевого* искреннего кружка», враждебного всей старой «питерщине» и «всякой половинчатости».¹

Те же категорические требования проходят через все остальные письма. Узнав об образовании Комитета рабочей организации, В. И. Ленин в письме В. П. Краснухе и Е. Д. Стасовой требует ответить на это «самой решительной и отчаянной войной».² В январском (1903 г.) письме Е. Д. Стасовой повторяется вновь требование «решительной войны». Против всякой примирительности направлено и январское же письмо И. В. Бабушкину, не так давно приехавшему для работы в Петербург: «...к черту всех примирителей», — пишет В. И. Ленин и заключает: «...лучше маленькая рыбка, чем большой таракан».³

Большое внимание, как и в первом письме, В. И. Ленин обращает на рабочих и на привлечение их к решению основных вопросов движения. Особенный интерес представляет в этом отношении письмо Бабушкину, где В. И. Ленин запрашивает его, читаются ли в рабочих кружках систематические лекции на тему о значении «организации революционеров» и «проповедуется ли широко среди *рабочих*, что они и именно они должны как можно чаще и шире переходить на нелегальное положение?».⁴

Некоторые письма В. И. Ленина представляли из себя сплошные вопросы, в которых поставлены вопросы о всех деталях жизни партийной организации и требования самой строгой дисциплины в работе организации.

Все эти ленинские письма имели важнейшее значение для всего будущего Петербургского комитета. Они создавали традицию идейной сплоченности и строгой революционной организованности, которая сделала Петербургский комитет верным проводником ленинских идей во всей его работе.

В первом из своих писем Бабушкину В. И. Ленин предостерегал его: «...смотрите, обязательно исчезайте при первом признаке шпионства за Вами».⁵ Но январю ли и это первое письмо Бабушкину пришлось получить. 7 января он был арестован. Еще ранее были арестованы В. П. Краснуха и И. И. Радченко.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 6, стр. 161—162.

² Там же, т. 34, стр. 95.

³ Там же, стр. 111, 112.

⁴ Там же, стр. 107.

⁵ Там же.

Несмотря на эти аресты, Петербургский комитет стал проявлять с начала 1903 г. самую энергичную деятельность. В. И. Ленин в не раз уже цитированной выше статье «Первые уроки» писал, что в 1903 г. «опять стачки сливаются с политической демонстрацией», и далее отмечал, что это происходит теперь «на еще более широком базисе». Развивая эту мысль, В. И. Ленин указывал, что теперь, в 1903 г., «стачки охватывают целый район, в них участвуют более сотни тысяч рабочих, массовые политические собрания повторяются во время стачек в целом ряде городов».¹ Напомним, что крупные стачки имели место в 1903 г. на Кавказе и на Украине. В феврале 1903 г. произошли рабочие волнения на казенном заводе в Златоусте, трагически закончившиеся расстрелом мирной толпы заводских рабочих. Во всем этом широком движении, охватившем страну в такой степени, что, как с некоторым преувеличением писал один социал-демократ, «чувствуется, мы накануне баррикад»,² Петербург оказался в известной мере в хвосте крупных событий, оказался в большей мере их наблюдателем, чем прямым участником. В течение 1903 г. нельзя отметить в Петербурге ни одного крупного факта революционного рабочего движения, как и ни одного крупного факта студенческого движения.

В среде университетского студенчества явно обозначилась партийная дифференциация и образовалась группа, вошедшая в прямую связь с искровским Петербургским комитетом. Событием оказалась студенческая сходка 18 марта, первая сходка, поводом к созыву которой оказался не академический вопрос, а политический — златоустовская бойня рабочих. Принятая сходкой резолюция в одном из пунктов отвергала «всякую легальную организацию», так как «при существующих условиях она не может дать легального исхода нашим потребностям»; в другом пункте она предлагала войти в соглашение с другими учебными заведениями, созвать «в ближайшем будущем» «общенародный митинг» для выработки «формы и плана предстоящей борьбы».³

Рабочее движение в 1903 г. происходило все еще под знаком длившегося кризиса. Продолжаются увольнения рабочих и ухудшаются условия труда на фабриках и заводах. На фабрике Штиглица ежемесячный заработок рабочих, например, понизился вдвое, а у работниц с 20 руб. снизился до 9 руб. Когда рабочие потребовали частичного увеличения заработной платы, то по приказанию градоначальника Клейгельса были уволены все рабочие фабрики. То же происходило и на других фабриках. 18 марта 1903 г. в особой листовке Петербургский комитет характеризовал «массовую безработицу и уменьшение заработной платы», а также «страшную нужду», которую в этих условиях терпели рабочие. На этой

¹ Там же, т. 8, стр. 119.

² Там же.

³ Г. Энгель и В. Горохов. Из истории студенческого движения 1899—1906. СПб., б. г., стр. 82—84.

почве, кроме фабрики Штиглица, возникают забастовки еще на ряде фабрик и заводов, на Охтенской бумагопрядильне, на фабриках Максвеля и Паля, Бека, Воронина, Лебедева, на Митрофаньевской мануфактуре и др. Везде рабочие выставляют требование повышения заработной платы, уменьшения рабочего дня, «человеческого обращения» с рабочими. День первого мая в 1903 г. не был ознаменован в Петербурге ни демонстрацией, ни даже забастовками, хотя первомайская листовка Петербургского комитета и содержала призыв к забастовке в этот день.

Петербургский комитет в течение первой половины 1903 г. издал 46 листовок, во второй половине года — 10. В своих листовках Петербургский комитет откликнулся не только на явления жизни и борьбы рабочих Петербурга, связанные с кризисом и ухудшением условий труда. В первой же листовке 1903 г., посвященной новому году, Петербургский комитет заявил, что «первым нашим делом должно быть свержение самодержавного строя и замена чиновничьего правительства выборным правительством из наших представителей».¹ В последующих листовках Петербургский комитет не пропускал ни одного крупного события из общественной жизни, чтобы не использовать его для целей агитации и пропаганды. Златоустовская бойня рабочих и всеобщая стачка на юге России послужили предметом четырех листовок. В связи с последней Петербургский комитет, описав ее ход и указав на ее значение, писал, что «может быть недалеко то время, когда в ответ на геройскую борьбу с эксплуататорами южных рабочих разразится всеобщая стачка их петербургских товарищей».²

В 1903 г. либералы задумали шумно отпраздновать двухсотлетие со дня выхода в свет «С.-Петербургских ведомостей». В двух своих листовках Петербургский комитет разоблачил значение этой либеральной шумихи и в противовес отмечаемому либералами «200-летию кабалы печатного слова» организовал празднование славного юбилея — исполнившегося в 1903 г. пятидесятилетия со дня основания в Лондоне Вольной русской типографии.³

В 1903 г. в Петербурге отмечали и другой двухсотлетний юбилей, юбилей основания самого города Петербурга. Празднованию этому был придан характер официальных торжеств. Петербургский комитет и по поводу этого юбилея издал две листовки. В них указывалось, что «рабочий и крестьянин выстроили Петербург и выстроили всю императорскую Россию... они создали те несметные богатства, которые сегодня выставляют напоказ всем иногородним и иноземным, а попала эта Русь и эти богатства в чужие руки — в руки фабрикантов, попов, министров, царей». «Старой отживающей России», царю и чиновникам, вспоминающим о прошлом Петербурга, листовка противопоставляла тот Петербург, в котором чтят

¹ Листовки петербургских большевиков, т. I, стр. 14.

² Там же, стр. 118.

³ Там же, стр. 20.

«только нашу молодую Россию — наши рабочие батальоны, идущие на борьбу с царским самодержавием и с эксплуатацией капиталистов».¹ Никаких демонстраций по случаю юбилея Петербургский комитет не предполагал устраивать. Рабочие все же отметили по-своему этот юбилей. На тех заводах, где администрация предложила праздновать юбилейные дни (16 и 17 мая), рабочие ответили отказом и решением работать эти дни на заводе. Наоборот, там, где фабричная администрация не желала отметить юбилей, рабочие настояли на том, чтобы работа в эти дни не производилась.²

Петербургский комитет партии, руководя рабочим революционным движением в Петербурге, вместе с тем принимал существенное участие и в общепартийных делах. Когда В. И. Лениным была поставлена на очередь подготовка созыва II съезда партии, Петербургскому комитету в этом деле была предназначена значительная роль. Его представитель, В. П. Краснуха, участвовал в лондонском совещании в августе 1902 г. и вошел в образованную на совещании неофициальную тройку Организационного комитета по подготовке съезда партии. Он же участвовал затем в нековской конференции в середине ноября, на которой был образован Организационный комитет. На II съезде партии Петербург был представлен двумя делегатами. Петербургский комитет послал делегата, но раскольнически действовавший Комитет рабочей организации добился посылки и своего делегата.

Второй съезд партии доказал всю плодотворность той решительной борьбы, которую вел В. И. Ленин и руководимая им «Искра» за создание боевой революционной социалистической организации. Съезд показал, что прежние главные противники революционной социал-демократии — экономисты — совершенно разбиты и как политическое течение совсем сошли со сцены внутрипартийной борьбы. Принятие на съезде программы партии и ее устава явилось свидетельством того, что теперь создана идеологическая и организационная основа для единой революционной социал-демократической партии. Как хорошо известно, на съезде обнаружилось коренные разногласия по важнейшему организационному вопросу — вопросу о членстве в партии. В. И. Ленин и его последователи (большевики) защищали принцип обязательной принадлежности члена партии к одной из партийных организаций; оппортунистические элементы (меньшевики) отрицали этот основной признак членства, предоставляя право каждому желающему зачислять себя в партию, не входя в организацию, и не подчиняться тем самым, если это им захочется, ее решениям. Образовавшееся на съезде оппортунистическое, меньшевистское направление повело после съезда к расколу партии. В разгоревшейся тогда борьбе между большевиками и меньшевиками Петербургский комитет явился прочной опорой большевизма. В составе Петербургского комитета тогда была Е. Д. Стасова, уже ранее выдержавшая в Петербурге всю борьбу за

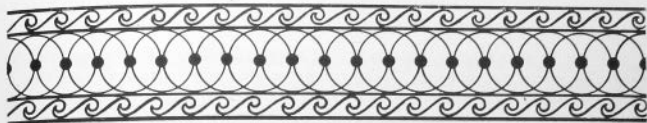
¹ Там же, стр. 86, 88.

² Искра, 1903, № 41.

победу здесь искровского направления. В состав комитета с осени 1903 г. вошел Ем. Ярославский, позднее — Р. С. Землячка, С. И. Гусев и др.

В преддверие революции 1905 г., когда наступили события русско-японской войны, петербургская партийная организация и руководимый ею рабочий класс в Петербурге вступали подготовленными и сплоченными для борьбы за сокрушение самодержавия и успех предстоящей буржуазно-демократической революции. Этим петербургская партийная организация и петербургское рабочее движение во многом были обязаны В. И. Ленину, который направлял их деятельность в начальные моменты их истории и затем в течение многих лет неустанно следил за всяким их шагом и попрежнему вдохновлял их и руководил ими.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ПЕТЕРБУРГЕ

ПЕТЕРБУРГ В КАНУН РЕВОЛЮЦИИ

 января 1904 г. В. И. Ленин следующим образом характеризовал положение в России: «Исторический момент, который переживает Россия — громадное усиление революционного брожения внутри страны и международные затруднения, способные привести к войне, — возлагает особенно серьезные обязанности на партию сознательного пролетариата, борющегося в первых рядах за освобождение всего народа от ига самодержавия».¹ Прогноз В. И. Ленина о возможности войны вскоре полностью подтвердился. В обстановке дальнейшего развития революционной ситуации в России началась русско-японская война.

Русско-японская война была войной несправедливой, захватнической, империалистической. Хищнический молодой японский империализм в конце XIX и начале XX в. включает в борьбу империалистических держав за передел поделенного мира, за рынки сбыта и сырья. Объектом агрессивной политики Японии становится в первую очередь Китай. Японские империалисты поставили своей целью захват Кореи, Маньчжурии, они мечтали забрать в свои руки русский Сахалин и Дальний Восток. Интересы империалистической милитаристской Японии сталкивались с интересами царской России, стремившейся упрочить свои экономические и политические позиции на Дальнем Востоке. На путь захватнической войны царское правительство толкали помещики и буржуазия, искавшие новых земель, новых рынков.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 7, стр. 129.

Большую роль в развязывании русско-японской войны играли и соображения внутриполитического порядка. Министр внутренних дел Плеве говорил в 1904 г. военному министру генералу Куропаткину: «Вы внутреннее положение России не знаете. Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война».¹

Расчеты царского правительства не оправдались; начавшаяся империалистическая война, чуждая интересам народа, обострила социально-политические противоречия в стране и ускорила развязывание революции в России.

Вместе с тем следует отметить, что русско-японская война не была исключительно делом двух государств, непосредственно в ней участвовавших; эта война свидетельствовала о резком обострении борьбы империалистических великих держав за господство на Тихом океане, за раздел Китая и Кореи.

Империалистическая Япония поощрялась и подстрекалась американскими и английскими империалистами к войне с царской Россией, англо-американские империалисты рассчитывали захватить новые сферы влияния в Азии за счет ослабленных войной России и Японии. В 1902 г. Англия заключила с Японией союз военно-политического характера. США и Англия помогли Японии подготовиться к войне с Россией, предоставляя ей стратегическое сырье, вооружение, обещая Японии поддержку и помощь в случае войны с Россией. В начале русско-японской войны президент США Теодор Рузвельт заявил, что, если Франция и Германия поддержат Россию, США окажут помощь Японии.

Царское правительство оказалось неспособным оценить складывающуюся накануне войны международную обстановку. В правящих кругах царской России недооценивали военные силы противника — Японии и переоценивали вооруженные силы царизма. Русско-японская война началась внезапно. Империалистическая Япония, ведя дипломатические переговоры с Россией по спорным вопросам, не дожидаясь их исхода, неожиданно и вероломно, без объявления войны, напала 27 января 1904 г. на русскую тихоокеанскую эскадру, стоявшую в Порт-Артурской гавани. Броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер «Паллада», три первоклассных корабля, были выведены из строя. В тот же день японская эскадра атаковала у корейского порта Чемульпо два русских корабля — крейсер «Варяг» и канонерку «Кореец», мужественно вступивших в неравный бой с превосходящими силами врага.

С началом русско-японской войны царское правительство, с помощью правительственной и буржуазно-либеральной прессы, прилагает все усилия к тому, чтобы разжечь шовинистические страсти, создать видимость патриотического подъема в стране. Попытки организовать в Петербурге, Москве и других городах массовые уличные монархические «патриотические» манифестации по случаю объявления манифеста царя о войне с Японией окончились полной неудачей.

¹ С. Ю. В и т т е. Воспоминания, т. 1. М., 1923, стр. 239.

Среди жалких групп манифестантов, несших царские портреты и певших царский гимн, не было рабочих. В ряде городов — Батуме, Риге, Варшаве — имели место активные демонстрации.

Буржуазные круги в начале войны были охвачены шовинистическим угаром: в земских собраниях, в городских думах устраивались «патриотические», монархические демонстрации, жертвовались средства на армию и усиление флота, посылались адреса и телеграммы царю; главный политический орган русских либералов, заграничное «Освобождение», выступил с поддержкой царского правительства в войне с Японией.

Проявления монархических, верноподданнических чувств петербургскими либералами вызвали протесты среди демократических элементов петербургского студенчества. На ряде сходок в университете, Лесном и Технологическом институтах, на Высших женских курсах выносились протесты по поводу участия учащейся молодежи в шовинистических монархических демонстрациях по случаю объявления войны Японии и выражалось порицание администрации и профессуре высших учебных заведений, участвовавших в преподнесении адресов.¹

Первоначальной задачей японского командования было уничтожение русского Тихоокеанского флота, который мог воспрепятствовать переброске японских войск на азиатский континент. Но японцам не удалось уничтожить русский флот внезапной атакой. Прибывший в конце февраля в Порт-Артур адмирал С. О. Макаров приступил к подготовке активных операций. 31 марта тихоокеанская эскадра вступила в бой с японским флотом и нанесла ему серьезный урон. Исход боя был трагичным. Флагманский корабль «Петропавловск» подорвался на mine и затонул. На корабле погиб командующий Тихоокеанским флотом адмирал Макаров вместе со штабом. Остатки русской эскадры укрылись в порт-артурской гавани.

Ослабление русской тихоокеанской эскадры позволило японцам высадить на азиатский материк три армии, развернуть наступательные операции.

В течение весны и лета 1904 г. генералы царской России проиграли ряд сражений: на реке Ялу, у Тюренчена, под Вафангоу. В августе 1904 г. развернулось упорное четырехдневное сражение под Ляояном. В Ляоянском сражении оказалось со всей силой банкротство царского генералитета во главе с командующим Куропаткиным. Сражение было проиграно, отдельные смелые инициативные действия воинских частей не могли изменить общей картины разгрома.

В конце 1904 г. японцы напрягают все усилия для взятия Порт-Артура, отрезанного от основных сил русской армии. Защитники Порт-Артура храбро сражались, с успехом отражая яростные атаки японцев, предпринимая смелые вылазки. Потери японцев под Порт-Артуром были огромны (свыше 110 тыс. чел. убитыми и ранеными). 20 декабря 1904 г. комендант Стессель предательски сдал крепость.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1405, М-во юстиции, оп. 530, 1904 г., д. 114, л. 89.

С потерей Порт-Артура становилось ясным, что царизм проиграл войну.

Известия о поражениях на фронте еще более обострили политическое положение в стране. Войну вело самодержавие — злейший враг народа, во имя интересов правящих классов.

Исходя из оценки русско-японской войны как войны империалистической, большевики во главе с В. И. Лениным призывали рабочих, крестьян и солдат использовать военные затруднения царизма для усиления революционной борьбы, для свержения самодержавия. Большевики выступили за поражение царского правительства в войне, считая, что это поражение ускорит победу революции в России.

Меньшевистская газета «Искра», эсеровская «Революционная Россия» проповедовали «мир во что бы то ни стало», лозунг, который был на руку царскому правительству, так как отдавал дело мира в руки царизма и международной буржуазии, пресса которой решительно высказывалась за немедленный мир ради сохранения самодержавия.

Большевики широко развертывают работу в массах по разоблачению империалистического характера русско-японской войны. В подпольных листовках большевистских комитетов рабочие, крестьяне и солдаты призывались к борьбе за свержение самодержавия, втянувшего страну в преступную колониальную авантюру. В листовке «Первое мая», написанной В. И. Лениным в апреле 1904 г., говорилось: «Война разоблачает все слабые стороны правительства, война срывает фальшивые вывески, война раскрывает внутреннюю гнилость, война доводит неспособность царского самодержавия до того, что она бьет в глаза всем и каждому, война показывает всем агонию старой России, России бесправной, темной и забитой, России, остающейся в крепостной зависимости у полицейского правительства.

Старая Россия умирает. На ее место идет свободная Россия».¹

Широко развернула антивоенную работу большевистская организация в Петербурге. В отчете Петербургского комитета РСДРП III съезду партии говорится, что в январе—марте 1904 г., в связи с войной, Комитет еженедельно выпускал 2—3 листовки тиражом 6—10 тыс. экземпляров. В февральской листовке «Вопрос о войне должен решать сам народ» Петербургский комитет РСДРП вскрывает всю фальшь лозунга защиты отечества в условиях захватнической империалистической войны.² В листовках Петербургского комитета РСДРП систематически разоблачалась дальневосточная авантюра царизма и содержались призывы к усилению революционной борьбы против самодержавия. Эти листовки попадали в руки солдат, и нередко в 1904 г. командиры частей сообщали в штаб Петербургского военного округа о случаях обнаружения листовок в казармах.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 7, стр. 183—184.

² Листовки петербургских большевиков, т. 1. Л., 1939, стр. 125—126.

В связи с войной в армию влился большой контингент запасных, около миллиона человек. В Петербургской губернии в 1904 г. было проведено шесть частных мобилизаций запасных.¹

Следует отметить, что царизм неохотно прибегал к массовым мобилизациям в самом Петербурге и в ближайших к нему уездах, не желая пополнять армию запасными из среды петербургских рабочих. В начале 1905 г. министр внутренних дел Булыгин в письме к военному министру высказывался против призыва запасных в Петербурге, во избежание повода к крупным беспорядкам.

После люоянского поражения антивоенное движение в стране усиливается, учащаются столкновения запасных с жандармами и полицией, идет брожение среди матросов Севастополя в связи с отправкой их в Ригу и Кройштадт для укомплектования эскадры Рождественского. Петербургский комитет в ноябре 1904 г. обратился к запасным Обуховского завода с призывом готовиться к революции и полученное от правительства оружие обратить против царизма.

Поражения на фронте, падение 20 декабря 1904 г. Порт-Артура способствовали росту антивоенных настроений в массах, ускорили созревание непосредственной революционной ситуации в стране. В. И. Ленин в статье «Падение Порт-Артура» писал: «Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма. Война далеко еще не кончена, но всякий шаг в ее продолжении расширяет необъятно брожение и возмущение в русском народе, приближает момент новой великой войны, войны народа против самодержавия, войны пролетариата за свободу».² Петербургский комитет выпустил особую листовку о падении Порт-Артура, кончавшуюся словами: «... пусть Порт-Артур будет могилой русскому самодержавию».³ Поражение царских войск в русско-японской войне вскрыло перед народом гнилость царизма и обострило классовые противоречия в стране.

После падения Порт-Артура даже в правых кругах стали появляться признания об отсутствии какого-либо патриотического подъема в стране, об опасных последствиях этой войны для самодержавия. Министр земледелия и государственных имуществ Ермолов в докладе Николаю II в марте 1905 г. писал: «Нельзя скрывать от себя, что война на Дальнем Востоке никакой популярностью среди населения не пользуется, что никакого подъема патриотических чувств в народе нет и не было, что народ только подавлен тяжелыми для него последствиями этой войны и вместе с тем на него самым угнетающим образом действуют слухи о наших военных неудачах».⁴

Война вызвала в ряде отраслей русской промышленности, особенно в текстильной, обострение кризиса, проявившегося в дальнейшем сокращении произ-

¹ Всеподданнейший отчет С.-Петербургского губернатора за 1904 г., стр. 3.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 8, стр. 37—38.

³ Листовки петербургских большевиков, т. I, стр. 150.

⁴ ЦГАЛ, ф. 1263 (Совет министров), оп. 2, 1905 г., д. 5757, л. 303.

водства, в уменьшении числа занятых на предприятиях рабочих, в закрытии многих предприятий, в сокращении числа рабочих часов в неделю с соответственным снижением заработной платы. Следствием обострения кризиса явился рост безработицы, снижение заработной платы, усиление эксплуатации, ухудшение материально-бытовых условий жизни рабочих. Донесения фабричных инспекторов промышленных губерний Петербургской, Московской, Владимирской, Тверской, Петроковской, Варшавской и других, присланные в отдел промышленности Министерства финансов в 1904 г., рисуют картину роста кризиса; инспекторы бесстрастно регистрируют, что многие рабочие остались без работы вследствие «застоя в торговых делах».

Старший фабричный инспектор Петербургской губернии Чижов в донесении от 20 апреля 1904 г. сообщал: «Замечается несколько угнетенное состояние текстильной промышленности, почему можно ожидать сокращения занятых ею рабочих процентов на 10; на столярных фабриках и преимущественно выделяющих рояли, за полным почти отсутствием спроса на эти инструменты, распускаются рабочие. Заслуживает внимания предполагаемый переход на 5-дневную (недельную) работу на Резиновой мануфактуре».¹

Летом и осенью 1904 г. в Петербурге на текстильных фабриках (Торнтон, Джемса Бек), на мебельных, фортепианных, экипажных происходит сокращение производства, часть рабочих получает расчет. Прекращение строительства домов и фабричных зданий вызвало резкий упадок кирпичного производства в Петербургской губернии; в 1904 г. 12 кирпичных заводов не работало, число рабочих сократилось на 2650 чел.

В то же время ряд заводов Петербурга, получивших военные заказы от Морского и Военного ведомств, расширяют объем производства, производят набор дополнительной рабочей силы. В 1904 г. на Путиловском заводе количество рабочих увеличилось на одну тысячу человек, на Невском судостроительном — на 1200 чел., на Петербургском металлическом — на 200 чел. и т. д.²

Эта возросшая нагрузка предприятий коснулась главным образом механических и судостроительных заводов и была целиком обусловлена военной конъюнктурой.

Усиливается эксплуатация рабочих. При помощи сверхурочных работ, отказываясь от которых рабочие не решались из опасения потерять работу, удлиняется рабочий день. К выполнению сверхурочных работ привлекается значительная часть рабочих. Так, на Петербургском металлическом и электротехническом Гейслера ежедневно сверхурочными работами по 2¹/₂ часа была занята половина рабочих, на Электромеханическом Глебова — ³/₄ состава рабочих, на

¹ ЦГИАМ, ф. 1157 (Департамент торговли и промышленности, фабричная инспекция), 1904 г., д. 3, л. 13.

² ЦГИАМ, ф. 1157, 1904—1905 гг., д. 9, лл. 29, 192.

Меднопрокатном (б. Розенкранца) — $\frac{1}{4}$ состава, на Механическом заводе Л. Нобель — $\frac{1}{5}$ часть рабочих.¹ На Путиловском заводе в 1904 г. на 100 урочных часов приходилось 11 часов сверхурочных. В некоторых мастерских Обуховского завода сверхурочные работы были доведены до 4—5 ночей в неделю. Одновременно с ростом тяжелых, изнурительных сверхурочных работ снижаются расценки, растут штрафы. Рост цен на предметы первой необходимости, дороговизна квартир в Петербурге еще более ухудшали тяжелое экономическое положение рабочих.

Материальная нужда среди 250 тыс. петербургских промышленных рабочих зимой 1904—1905 гг. была особенно тяжелой. В заявлении, поданном 31 января 1905 г. министру финансов депутатами фабрики Чешера, говорилось о том, что 1400 рабочих фабрики находятся в состоянии «скажем прямо, нищеты». Зарботная плата рабочих у Чешера была крайне низкой, поденщики получали всего 45 копеек, поденщики 60 копеек, у ткачей заработок снизился до 15 руб. в месяц.

«Наша жизнь, — писали рабочие в этом заявлении, — не только тяжелая, она прямо невыносимая: мы работаем много, получаем мало, ютимся в углах по несколько человек в невозможных для здоровья условиях, кормимся плохо, и за всякое слово, направленное к облегчению нашей участи, мы подвергаемся преследованиям со стороны фабричной и полицейской администрации. Раньше нам было очень плохо, а теперь, в данное время, сделалось совсем невозможно».²

Осенью 1904 г. у ворот петербургских фабрик и заводов особенно много толпилось обедневших крестьян, пришедших из деревни в надежде найти заработок, поступить на работу чернорабочими. Петербургская полиция в 1904 г. задержала на улицах, в ночлежках, постоялых дворах 200 тыс. чел. нищих, беспаспортных, обездоленных людей, которые были высланы из столицы.³

Обострение нужды и бедствий народных масс в стране достигло в 1904 г. необычайной силы.

Во второй половине 1904 г. нарастает активность масс, происходит ряд революционных выступлений рабочего класса в различных промышленных районах России. С 13 до 25 августа бастовало 8 тыс. рабочих Сормовского завода, возмущенных введением «табелей взысканий», которые устанавливали высокие размеры штрафов за прогулы, опоздание, «за ослушание», за нарушение тишины и т. д. На завод были вызваны войска, начались массовые аресты, высылки, расчеты рабочих.

С событиями в Сормове перекликаются августовские выступления петербургских рабочих. 16 августа 1904 г. началась забастовка рабочих в кузнечной мастерской Путиловского завода, к ним примкнули рабочие шнитопркатной и рес-

¹ Там же, л. 190.

² ЦГИАЛ, ф. 22 (Министерство торговли и промышленности), оп. 1, 1905 г., д. 749, лл. 129—130.

³ Всеподданнейший отчет С.-Петербургского градоначальника за 1904 г., стр. 17.

сорной мастерских, общее количество бастовавших было 1000 чел.¹ Бастующие рабочие выставили требование повышения расценок на 20%, отмены сверхурочных работ. Добившись некоторых экономических уступок, рабочие на третий день забастовки приступили к работе.

Сильное брожение было среди рабочих Обуховского завода. В связи с выполнением срочных военных заказов администрация Обуховского завода широко применяла сверхурочные работы с одновременным снижением расценок; штрафы на заводе в 1904 г. были самыми высокими за последние двадцать лет. К этому надо добавить острое недовольство рабочих произволом и грубостью представителей заводской администрации.

Петербургский комитет РСДРП выпустил листовку «Ко всем обуховским рабочим», в которой детально разработал 18 пунктов экономических требований: отмена сверхурочных работ, сокращение рабочего времени, увеличение расценок и др.

Петербургское охранное отделение зорко следило за рабочими Обуховского завода, опасаясь повторения событий 1901 г. В мае и августе 1904 г. оно предупреждало начальника завода генерала Власьева о росте недовольства среди рабочих; наконец, получив сведения о готовящейся забастовке, произвело аресты на заводе и приняло полицейские меры к срыву собрания рабочих Обуховского завода, назначенного на 8 августа в Мурзинском лесу для обсуждения вопроса о забастовке.²

Забастовка обуховских рабочих не состоялась, принятые полицией и заводской администрацией меры сыграли свою роль, но боевое настроение обуховцев было симптомом, предвещавшим назревание революционной бури.

В декабре 1904 г. возникает ряд конфликтов на петербургских текстильных фабриках. Утром 3 декабря началась стачка 679 рабочих на прядильно-ткацкой мануфактуре Кожевникова. Рабочие предъявили ряд экономических требований: увеличение расценок и др. Предприниматель был вынужден пойти на уступки. 17 декабря началась трехдневная стачка рабочих на Ново-Сампсониевской мануфактуре (Выборгская сторона). На Ново-Сампсониевской мануфактуре, как и на всех текстильных предприятиях Петербурга, рабочий день длился 11½ часов, по субботам 9½ часов. Заработная плата ткачей в декабре 1904 г. снизилась до 15 руб. и даже 8 руб. в месяц. Утром 17 декабря в контору фабрики явились 50 ткачей и предъявили различные требования: сократить рабочий день по субботам на три часа, установить минимальный дневной заработок в 70—80 коп. и др. После возвращения делегации из конторы в мастерскую забастовали рабочие всего ткацкого отделения (190 чел.). На следующий день ткачи хотя и явились на фабрику, но к работе не приступили; то же повторилось и 21 декабря, в понедел-

¹ ЦГИАЛ, ф. 266 (Министерство путей сообщения), оп. 1, 1904 г., д. 222, л. 79.

² ГИАЛО, ф. 1267, оп. 129, 1904 г., д. 992, л. 7.

ник. Петербургский комитет РСДРП выпустил две листовки к бастующим рабочим, в одной из них были изложены развернутые требования бастующих рабочих: повышение расценок на 30%, сокращение рабочего дня на 1 час, по предпраздничным дням на три часа, увольнение ряда административных лиц, особенно ненавистных рабочим. Прибывшие на фабрику фабричные инспекторы прилагали все усилия к срыву стачки, в поисках зачинщиков полиция арестовала четырех рабочих. Только добившись некоторого повышения заработной платы, рабочие прекратили стачку.¹

Наиболее мощным взрывом революционной классовой борьбы в России в 1904 г. явилась декабрьская стачка бакинских рабочих, проведенная под руководством большевиков и завершившаяся завоеванием первого в истории рабочего класса России коллективного договора рабочих с предпринимателями. Этот договор устанавливал 9-часовой рабочий день и повышение заработной платы для рабочих, предусматривалось улучшение санитарных условий, выдача квартирных денег, отмена обысков и т. д. Историческое значение бакинской стачки огромно, она возвестила приближение революционной бури.

Всеобщая стачка в Баку имела всероссийское значение. Московский, Петербургский и другие комитеты РСДРП выпустили прокламации, разъясняющие значение этой стачки, призывающие рабочих к солидарности с бакинскими пролетариями. Петербургский комитет большевиков в прокламации писал: «Удесятерим же свою энергию в нашей повседневной революционной работе, будем всюду и везде выяснять смысл происходящих на юге событий, будем готовить почву для такой же грандиозной стачки здесь, в Петербурге».²

Петербургские рабочие обратились с приветственным письмом к рабочим Баку. «Пусть же ширится и растет ваша пролетарская борьба, — писали петербургские рабочие, — пусть она охватит всю Россию, и пусть всеобщая стачка бакинских рабочих послужит оживляющим примером для всего рабочего класса России».³ Передовые рабочие Петербурга в этом письме выражали надежду, что скоро в России зашумит революция.

Обострение революционной борьбы рабочего класса России в 1904 г. свидетельствовало о дальнейшем углублении революционной ситуации в стране.

Продолжение войны, чуждой интересам народа, нестерпимый политический гнет самодержавия, обострение промышленного кризиса, рост эксплуатации, резкое ухудшение условий жизни рабочих создавали такое положение, при котором достаточно было малейшего повода, чтобы недовольство, накопившееся в рабочем классе, вылилось в широкое массовое движение.

Революционная ситуация в стране ставила перед партией рабочего класса ответственные задачи.

¹ ЦГИАМ, ф. 1157, оп. 1, 1905 г., д. 27, лл. 4—5.

² Листовки петербургских большевиков, т. I, стр. 147.

³ Правда, 1934, № 358, 29 декабря.

После II съезда РСДРП борьба большевиков против меньшевиков, против оппортунизма на международной арене приняла особенно острые формы. Большевики во главе с В. И. Лениным боролись за боевую революционную марксистскую партию нового типа, разоблачая оппортунизм меньшевиков, стремившихся создать в России реформистскую партию по типу партий II Интернационала. Меньшевики с помощью Г. В. Плеханова и примиренцев захватили в свои руки Центральный Комитет РСДРП и центральный орган — газету «Искра» и, используя эти центры, развернули раскольническую, дезорганизаторскую работу в партии. Выход из создавшегося партийного кризиса В. И. Ленин видел в созыве очередного, III съезда РСДРП.

Решительную отповедь оппортунизму меньшевиков в организационных вопросах дал В. И. Ленин в книге «Шаг вперед, два шага назад», выпущенной в мае 1904 г. В этой работе В. И. Ленин первый в истории марксизма разработал учение о партии как руководящей организации, без которой рабочему классу невозможно победить. Эта знаменитая книга В. И. Ленина, заложившая организационные основы большевистской партии, вызвала ярость в меньшевистском лагере и среди лидеров II Интернационала, покровительствовавших русским меньшевикам. Изданная в Женеве, она получила широкое распространение в России, ее находили при арестах и обысках и в Петербурге.

В августе 1904 г. в Женеве под руководством В. И. Ленина происходит совещание 22 большевиков. Совещание обратилось с призывом к партии выйти из кризиса путем созыва III съезда РСДРП. Местные большевистские комитеты партии один за другим присоединяются к этому призыву. В ноябре—декабре 1904 г. на трех областных (Южной, Кавказской, Северной) конференциях большевистских комитетов избирается Бюро комитетов большинства, которое явилось большевистским организационным центром, взявшим на себя практическую подготовку к III съезду партии. Одновременно большевики создают свой печатный орган — газету «Вперед», первый номер которой выходит 22 декабря 1904 г. (4 I 1905). Идейным вдохновителем и руководителем газеты «Вперед» был В. И. Ленин, в состав ее редакции входили В. В. Воровский, М. С. Ольминский, А. В. Луначарский. Большевистская газета «Вперед» продолжала дело ленинской «Искры». «Направление газеты „Вперед“, — писал В. И. Ленин, — есть *направление старой „Искры“*. Во имя старой „Искры“ „Вперед“ решительно борется с новой „Искрой“».¹

Накануне первой русской революции в РСДРП сложились две обособленные фракции: большевиков и меньшевиков, со своими центрами, со своими органами печати.

Большинство местных комитетов РСДРП сплотилось вокруг В. И. Ленина, развернувшего непримиримую борьбу с оппортунизмом меньшевиков, с их

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 8, стр. 109.

раскольнической дезорганизаторской деятельностью, за созыв III съезда партии.

Петербургская социал-демократическая организация являлась важным опорным пунктом большевиков в борьбе с меньшевиками. Петербургский комитет РСДРП в июле 1904 г. принял резолюцию, резко осуждавшую дезорганизаторскую тактику меньшевиков, он заявил о своей солидарности со взглядами, изложенными в работе В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад», и потребовал созыва очередного съезда партии. Опровергая доводы меньшевиков против созыва III съезда партии, В. И. Ленин в статье «Чего мы добиваемся?» ссылается на это решение Петербургского комитета в пользу созыва съезда: «...это заявление местного комитета было пощечиной, заслуженной теми, кто из-за угла бросал обвинения, не имея и тени фактов. . .».¹ В дальнейшем Петербургский комитет не раз решительно поддерживал требование созыва III съезда РСДРП.

Петербургский комитет РСДРП принял деятельное участие в организации большевистской Северной конференции, состоявшейся в декабре 1904 г. в Копенгагене с участием шести комитетов, и полностью присоединился к ее решениям.

В. И. Ленин в письме к Р. С. Землячке, принимавшей активное участие в подготовке Северной конференции, писал: «Такая конференция — труднейшее дело при русских условиях, удалась она, видимо, отлично. Значение ее громадно. . .».²

После срыва меньшевиками политической антивоенной демонстрации, готовившейся Петербургским комитетом на 28 ноября, борьба большевиков и меньшевиков в Петербургской социал-демократической организации принимает ожесточенный характер. История подготовки и срыва демонстрации подробно изложена в письме рабочего, члена Комитета, в газету «Вперед». Это письмо полностью приведено в статье В. И. Ленина «Пора кончить».

«18 ноября на заседании Комитета решено было, — пишет рабочий, — устроить демонстрацию 28-го. Тотчас же была выбрана комиссия, которая должна была заняться организацией демонстрации и выработкой плана действий: решено было выпустить два подготовительных агитационных листка и один призывной. Работа закипела. Пишущему эти строки пришлось лично устроить ряд собраний рабочих, представителей кружков, на которых говорили о роли рабочего класса, о цели и значении демонстрации в настоящий момент. Обсуждали вопрос о вооруженной и невооруженной демонстрации, и на всех собраниях были приняты резолюции, солидарные с решением Комитета. Рабочие требовали побольше листков для распространения: „Хоть целые возы давайте“, говорили они.»³

Меньшевики, применяя коварные приемы, повели борьбу против этого решения; выбрав момент, когда часть членов Петербургского комитета отсутство-

¹ Там же, т. 7, стр. 416.

² Там же, т. 34, стр. 242.

³ Там же, т. 8, стр. 19—20.

вала, они провели свое решение об отмене демонстрации, а 12 тыс. листовок с призывом принять участие в демонстрации были ими сожжены.

В большевистской газете «Вперед» В. Воровский писал: «Демонстрация 28 ноября, по отзывам всех очевидцев, совершенно не удалась; демонстрации не было, была какая-то бойня, перед которой бледнеет побоище у Казанского собора в 1901 г. В 12½ часов дня из массы публики, заполнявшей тротуары Невского проспекта, выделилась на углу Михайловской улицы компактная группа, выкинувшая два красных флага с надписями „Долой войну!“ и „Долой самодержавие!“ и затянувшая марсельезу. Едва раздались первые звуки революционной песни, как из ворот Городской думы выскочил отряд конных городских и жандармов с нагайками и шашками наголо. Демонстранты были рассеяны, знамена отняты, и началось зверское избиение».¹

В. И. Ленин в статье «Пора кончить» гневно заклеил поведение меньшевиков, сорвавших пролетарскую демонстрацию, заявил, что это «последняя капля, которая должна переполнить терпение партии».²

Раскольническая, дезорганизаторская деятельность петербургских меньшевиков отрицательным образом сказалась на уровне организационной и агитационно-массовой партийной работы в Петербурге во второй половине 1904 г. Меньшевики в своем фракционном ожесточении доходили до того, что сознательно разваливали социал-демократическую работу в рабочих районах, сваливая при этом всю вину на большевистский Петербургский комитет. В письме члена Петербургского комитета в газету «Вперед» говорится: «Местное „меньшинство“ в своей борьбе с „большинством“ старается дискредитировать местный комитет в пользу своих фракционных интересов. Представители районов, сторонники „меньшинства“, не допускают в свои районы товарищей из „большинства“, не дают комитету никаких связей. Получается страшная дезорганизация и понижение работоспособности данного района. Есть, например, такой факт. В одном районе в последние 5—6 месяцев представителем был „меньшевик“. Благодаря оторванности от общей работы этот район страшно ослаб. Вместо прежних 15—20 кружков теперь с трудом насчитывается 4—5. Рабочие недовольны таким положением дел, и их представитель старается использовать это недовольство против „большинства“, восстанавливая на этой почве рабочих против комитета».³

Ослабление партийной работы в связи с дезорганизаторской деятельностью меньшевиков явилось одной из причин недостаточного партийного влияния на рабочую массу в Петербурге в начале 1905 г.

В конце 1904 г. меньшевистский Центральный Комитет оформляет в Петербурге свой фракционный центр под названием «Петербургская группа ЦК».

¹ Вперед, 1905, № 1.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 8, стр. 21.

³ Там же, т. 8, стр. 20.

Петербургский комитет был большевистским, в качестве секретаря его с декабря 1904 г. работал находившийся на нелегальном положении С. И. Гусев. Петербургские большевики получали указания от В. И. Ленина посредством писем, адресованных руководящим работникам организации (С. И. Гусеву, Р. С. Землячке, Е. Д. Стасовой). Партийные большевистские центры — Бюро комитетов большинства, редакция «Вперед» — поддерживали самую тесную связь с петербургской организацией, направляя ее деятельность.

* *
*

В 1904 г. наблюдается оживление буржуазно-либерального движения в России. Русские либералы, напуганные ростом революционного движения в стране в 1900—1904 гг., просят царя о проведении государственных реформ в целях предупреждения революции. Петербург был одним из центров либерального движения. Под знаком оппозиции правительству прошли в Петербурге в январе 1904 г. III съезд деятелей по техническому образованию и 9-й Пироговский съезд. Воспользовавшись съездом деятелей по техническому образованию, либералы создали свою политическую организацию «Союз освобождения», который стал играть роль руководящего центра в буржуазно-либеральном движении. В июле 1904 г. в Петербурге, около Варшавского вокзала, эсером Сазоновым был убит министр внутренних дел Плеве; это событие вызвало большую сенсацию в буржуазных кругах и надежды на изменение правительственного курса. Петербургский комитет большевиков в прокламации, выпущенной по поводу убийства Плеве, раскрывает перед массами порочность и бесплодность тактики индивидуального террора. Комитет указывает, что «самодержавный порядок не убит и убить его отдельными террористическими актами нельзя. Революция, восстание народа, восстание рабочих масс — только это одно в силах смести самодержавие».¹ Преемником Плеве на посту министра внутренних дел явился Святополк-Мирский, заявивший при вступлении в должность о необходимости оказания доверия обществу, т. е. буржуазно-либеральным кругам. Буржуазно-либеральное общество приветствовало этот курс царского правительства. Либеральные журналисты с шумом возвестили о наступлении новой «эры», «правительственной весны».

В действительности царское правительство не собиралось становиться на путь значительных реформ, о чем свидетельствует акт 12 декабря 1904 г. В указе 12 декабря говорилось о постепенном уравнении крестьян в правах с другими сословиями, о расширении компетенции земских и городских учреждений, смягчения законов о печати и других мелких реформах.

Осенью, 6—8 ноября 1904 г. земские деятели провели в Петербурге ряд частных совещаний. На этих совещаниях была выработана политическая платформа земского либерального движения. Большинство либеральных земцев высказалось

¹ Листовки петербургских большевиков, т. I, стр. 129—130.

за созыв представительного законодательного учреждения, имея в виду, что введение конституционного строя в России должно произойти сверху, волею царя. Холопствующие перед самодержавием земцы решили просить Святополк-Мирского исплохотать аудиенцию у Николая II для депутации съезда, а если это окажется невозможным, то переслать царю постановление совещания. Ноябрьский земский съезд продемонстрировал всю ограниченность российского либерализма, его страх перед грядущей революцией.

Усиление буржуазно-либерального движения выразилось также в организации либеральной прессы. К земскому ноябрьскому съезду вышли в Петербурге две большие либеральные газеты: «Наша жизнь» и «Сын Отечества». «Союз освобождения» в связи с 40-летием введения в России судебных уставов решил провести банкетную кампанию. Устройство банкетов отмечалось политическими речами и принятием резолюций в духе решений ноябрьского земского съезда. Первый банкет состоялся в Петербурге 20 ноября 1904 г.; вслед за Петербургом «освобожденцы» организовали банкеты в Москве, Харькове, Киеве, Одессе и других городах. Буржуазно-либеральное движение стремилось воздействовать на царизм, заставить его пойти по пути реформ и тем самым предупредить революционный взрыв в стране. Вместе с тем либералы, играя в оппозицию царизму, желали заручиться доверием народа, стать у руководства общественно-политическим движением и добиться соглашения с царизмом. Либералам в достижении их целей помогали меньшевики. Это нашло яркое выражение в плане земской кампании меньшевистской «Искры». В. И. Ленин в работе «Земская кампания и план „Искры“» разоблачил махровый оппортунизм этого плана, предлагавшего рабочим отказаться от уличных демонстраций, чтобы не запугать либералов, и договориться с либералами о выступлении рабочих на банкетах. Меньшевики подчиняли рабочее движение целям и задачам либеральной буржуазии.

Меньшевистский план земской кампании полностью провалился: рабочие, как правило, не пошли на банкеты либералов; в тех случаях, когда представители рабочих появлялись на банкетах, они могли убедиться в правоте большевистской тактики. На одном банкете в Петербурге рабочие предложили включить в резолюцию требование свободы стачек. Либералы под разными предлогами отвели это предложение.

Большевики разоблачали перед рабочими контрреволюционную сущность либералов и оппортунистическую тактику меньшевиков. Работа В. И. Ленина «Земская кампания и план „Искры“» была встречена петербургскими большевиками с большим одобрением. План земской кампании меньшевистской «Искры» обсуждался на заседании Петербургского комитета и был отвергнут, «отношение ЦО и ЦК к либералам признано принципиально ошибочным».¹

¹ Пролетарская революция, 1925, № 3, стр. 19.

Петербургский комитет большевиков в своих прокламациях развенчивает либеральный миф о наступлении «новой эры», «правительственной весны». В прокламациях вскрывается классовая сущность и ограниченность либеральных требований, разоблачается торг либералов с царским правительством, формулируются главнейшие задачи и требования рабочего класса. В листовке «К рабочим» в декабре 1904 г. Петербургский комитет большевиков писал: «Товарищи, берегитесь. Теперь вы услышите сладкие речи, что цель у нас, рабочих, с либералами одна и та же; нам будут говорить, что всем теперь нужно соединиться, что мы, рабочие, должны поддержать их, либералов, в их торге с правительством. Не верьте, товарищи, знайте и помните, что нигде и никогда ни один другой класс не защищал истинных интересов рабочих, кроме самих рабочих, знайте и помните, что всегда и везде, где рабочие отказывались от самостоятельной борьбы за рабочее дело, буржуазия либеральная и нелиберальная обманывала их и предавала их интересы».¹

Для борьбы с революционным движением рабочего класса царизм создает в России «рабочие» полицейские организации. Полный крах деятельности Зубатова и его агентов в Москве, Одессе, Минске не заставил царское правительство отказаться от этого намерения. На этот раз усилия были направлены на создание «рабочей» полицейской организации в Петербурге. Еще в 1901—1902 гг. агенты Зубатова пытались развернуть свою разлагающую деятельность в среде петербургских рабочих. В 1903 г. в Петербурге священник пересыльной тюрьмы Г. Гапон, являвшийся тайным агентом охранного отделения, начал вести работу среди отсталых слоев рабочих. Деятельность Гапона находит поддержку в правительственных сферах со стороны министра внутренних дел Плеве, петербургского градоначальника Клейгельса, с которыми у Гапона был личный контакт. При финансовой и политической поддержке Министерства внутренних дел, Департамента полиции Гапон создает в столице организацию «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Петербурга», устав которой без особых проволочек был утвержден товарищем министра внутренних дел П. Н. Дурново.

11 апреля 1904 г. на торжественном открытии «Собрания» в присутствии петербургского градоначальника Фуллона гапоновцы, трижды исполнив гимн «Боже, царя храни», отправили царю Николаю II телеграмму с выражением верноподданнических монархических чувств, за что и были удостоены «высочайшей благодарности».

Обстановка открытия «Собрания» и вся его деятельность говорили о том, что Министерство внутренних дел (Департамент полиции) полностью контролирует и направляет работу «Собрания». Петербургский градоначальник получал постоянную и исчерпывающую информацию о ходе дел в «Собрании» не только из докладов подчиненного ему Петербургского охранного отделения, но и из лич-

¹ Листовки петербургских большевиков, т. I, стр. 141.

ных бесед с Гапоном, который регулярно являлся к нему с докладами. Петербургский градоначальник Дедюлин, сменивший Фуллона, так характеризует гапоновское «Собрание» и отношение к нему царской администрации:

«По тщательным наблюдениям, „Собрание“ строго держалось устава, почему статс-секретарь Плева относился весьма одобрительно к деятельности Гапона, видя в ней одно из действительных средств к успокоению рабочего движения. Следуя указаниям министра, сначала статс-секретаря Плева, а потом князя Святополк-Мирского, бывший градоначальник ген.-адъютант Фуллон относился отзывчиво к нуждам собрания, которое успело в течение отчетного года открыть в фабрично-заводских районах столицы 11 отделений. Ничто не указывало на уклонение собрания от устава. Напротив, все говорило за мирное развитие его деятельности. В сороковой день кончины статс-секретаря Плева рабочие, руководимые Гапоном, единогласно решили возложить венок на его могилу. К студенческим демонстрациям и к социал-демократической агитации Гапон оставался непричастным».¹

Одновременно с другим в 1904 г. открываются 11 отделов «Собрания» в рабочих районах Петербурга. 12-й отдел был создан в посаде Колпино 27 декабря 1904 г.; к концу года в «Собрании» насчитывалось до 6 тыс. членов. При отделах гапоновского «Собрания» открывались чайные, устраивались музыкально-литературные вечера, читались лекции, проводились беседы. Вся работа в гапоновской организации была пропитана монархическим, религиозным духом. В целях привлечения рабочих в «Собрание» устав его предусматривал создание капитала для выдачи безвозвратных и возвратных пособий.

Руководящими органами гапоновского «Собрания» являлись «Кружок ответственных лиц», состоявший из учредителей, и избранное Правление. Главным руководителем организации был представитель «Собрания», избираемый «Кружком ответственных лиц». Все должностные лица «Собрания» утверждались петербургским градоначальником.

Повторяя опыт Зубатова, Гапон стремился всячески замаскировать от рабочих связи своей организации с полицией. В отличие от зубатовских организаций в уставе «Собрания» ни одним словом не оговаривается необходимость вмешательства организации в пользу рабочих в случае конфликта между рабочими и предпринимателями. По уставу прямо запрещалось выдавать пособия рабочим в случае стачек. Социальная демагогия для агентов царизма стала делом опасным, и при создании «рабочей» полицейской организации в Петербурге они не рискуют к ней возвращаться.

Кроме гапоновского «Собрания», в Петербурге возникла в октябре 1904 г. еще одна организация зубатовского толка — «СПб. общество вспомоществования

¹ Всеподданнейший отчет С.-Петербургского градоначальника за 1904 г., стр. 16.

рабочих в механическом производстве» во главе с активным зубатовцем Ушаковым; в ее составе насчитывалось 250 чел.

Об этом «филиале» Московского зубатовского общества В. И. Ленин специальным письмом предупреждал в 1904 г. Петербургскую организацию РСДРП. «Общество это, — писал Ленин, — слегка повернуло теперь влево, но оно служит целиком буржуазии и полиции».¹

Между этими двумя конкурирующими организациями шла грызня. Гапопу явно отдавалось предпочтение, «ушаковцы» даже были изгнаны из гапоновской организации. Этот факт Гапон и «Кружок ответственных лиц» широко использовали в целях маскировки, внушая доверчивым людям мысль, что «Собрание» не имеет ничего общего с зубатовцами.

Царское правительство с помощью гапоновского «Собрания» рассчитывало развратить сознание петербургских рабочих, отвлечь их от революционной борьбы. Петербургский градоначальник неоднократно свидетельствовал министру внутренних дел, что «Собрание» является твердым оплотом против проникновения в рабочую среду «превратных социалистических учений».²

Передовые сознательные рабочие Петербурга с подозрением и враждой относились к деятельности гапоновцев. В гапоновское «Собрание» шли в подавляющем большинстве малосознательные рабочие, не затронутые пропагандой революционной социал-демократии. Но даже эти рабочие, вовлеченные в полипейскую организацию, в силу своего положения, условий труда и жизни в своем большинстве неизбежно становились на путь классовой борьбы и должны были выйти за рамки гапоновской организации; этот процесс развивался под влиянием революционной социал-демократии. Гапоновщина не имела почвы в рабочем движении, и ее крах был неизбежен.

Ослабление партийной социал-демократической работы в Петербурге в связи с дезорганизаторской деятельностью меньшевиков было на руку гапоновцам. Петербургская социал-демократическая организация не смогла уделить достаточно сил для борьбы с гапоновским «Собранием». На III съезде РСДРП член Петербургского комитета говорил, что «общество существовало 10 месяцев, а лишь в декабре 1904 года на его собрания стали проникать ораторы, посланные Комитетом».³

Другим важнейшим средством борьбы царизма с надвигающейся революцией были карательные, репрессивные полицейские меры, широкое применение «Положения» об усиленной охране. При объявлении той или иной местности на положении усиленной охраны царская администрация получала исключительные диктаторские полномочия, могла административным порядком высылать политически

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 34, стр. 247.

² ЦГИАМ, ф. 102 (Департамент полиции, Особый отдел), оп. 5, 1905 г., д. 4, ч. 1, л. 158.

³ Протоколы Третьего съезда РСДРП. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 172.

неблагонадежных лиц, воспрещать пребывание нежелательных лиц в данной местности, вводить жестокую цензуру и т. д. В обстановке революционной ситуации в России в конце 1903 г. «Положение» об охране распространялось на ряд местностей площадью до 850 тыс. кв. верст, с населением свыше 30 млн чел. Та же картина наблюдается и в 1904 г. Число административно высланных в порядке «Положения» об усиленной охране составило в августе 1904 г. 6 тыс. чел., из них 1300 были отправлены в Восточную Сибирь.¹

В 1901 г. Петербург и губернии в связи с революционными выступлениями петербургских рабочих были объявлены на положении усиленной охраны, и с тех пор ежегодно Комитет министров возобновлял это решение.

Эти полицейские мероприятия самодержавия не смогли задержать могучее народное движение, возглавляемое пролетариатом.

* *
*

В 1904 г. Россия переживала канун революции. Объективной предпосылкой назревавшей революции в России явился глубочайший конфликт между производительными силами и производственными отношениями.

На грани XIX—XX вв. царская Россия вступила в высшую и последнюю стадию капитализма — период монополистического капитализма. Важнейшей особенностью империализма в царской России было переплетение монополистического капитализма с сильнейшими пережитками крепостничества в экономике и политическом строе, главнейшими из которых были царское самодержавие и помещичье землевладение, а также сильная зависимость царизма и буржуазии от западноевропейского империализма. Иностранный капитал захватил в России решающие позиции в важнейших отраслях промышленности и, получая громадные сверхприбыли, задерживал развитие производительных сил России. Эта особенность социально-экономического и политического развития обусловила необычайную глубину и остроту всех противоречий империализма в России. Рабочие и крестьяне, все трудящиеся России испытывали на себе невероятную тяжесть различных форм угнетения — гнет самодержавно-крепостнический, капиталистический, национально-колониальный. На борьбу с самодержавно-помещичьим строем поднимались миллионы рабочих и крестьян всех национальностей. В стране назревала народная революция, которая по своему социально-экономическому содержанию являлась буржуазно-демократической революцией.

Это была первая буржуазно-демократическая революция эпохи империализма. Ее непосредственной задачей являлись свержение самодержавия и установление демократической республики, уничтожение помещичьего землевладения, всех остатков крепостничества, установление 8-часового рабочего дня, политических свобод и другие революционные преобразования. Гегемоном буржуазно-демокра-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 2, 1905 г., д. 5748, лл. 1, 3.

тической, народной революции в России мог выступить только рабочий класс, являвшийся самым передовым, самым организованным, единственным последовательно революционным классом, имевшим большой опыт классовой борьбы, свою марксистскую партию. Только рабочий класс мог обеспечить защиту коренных интересов всех трудящихся. Союзником пролетариата являлось революционное крестьянство России.

Перед пролетариатом России и его партией, созданной великим Лениным, стояли величайшие революционные задачи — стать во главе народа в борьбе за победу буржуазно-демократической революции и обеспечить перерастание ее в революцию социалистическую. Эти новые исторические условия и великие исторические задачи делали российский пролетариат авангардом международного рабочего движения. Одним из крупнейших отрядов революционнейшего в мире пролетариата России были петербургские рабочие.

Петербург в начале XX в. являлся крупнейшим промышленным центром страны, здесь были собраны многочисленные кадры промышленного пролетариата, сосредоточенные на крупнейших заводах и фабриках. По данным фабричной инспекции, на 1 января 1901 г. на заводах и фабриках с числом рабочих свыше 500 было сосредоточено 56,7% всех рабочих Петербургской губернии.¹ Эта концентрация рабочих в петербургской промышленности была на 10% выше общероссийского уровня. Самой многочисленной группой среди петербургских рабочих были металлисты (около 80 тыс.), являвшиеся наиболее организованным, сознательным отрядом петербургских рабочих. Основной контингент петербургских металлистов был сконцентрирован на таких крупных заводах, как Путиловский (13200), Невский судостроительный (6200), Трубочный (7800), Обуховский (4785), Балтийский (4500), Ижорский в Колпино (4000), Александровский (3300), 1-й вагоностроительный (2600), Петербургский металлический (2000), Петербургский арсенал (1188), Новое адмиралтейство (3000), Сестрорецкий оружейный (2000), Франко-Русский (2400), Мастерские СПб.-Варшавской ж. д. (2000), Меднопрокатный (б. Розенкранца) (1320), Проволочный и гвоздильный (1842), и ряде других.

На перечисленных 16 заводах работало 62135 рабочих, т. е. основной костяк петербургских металлистов. Рабочие-текстильщики (в Петербурге их насчитывалось около 30 тыс.) также были сосредоточены на крупных предприятиях. Более половины текстильщиков (16713 чел.) работало на таких 11 фабриках, как Александрово-Невская мануфактура Паля (1820 рабочих), Спасская и Петровская мануфактуры (2731), Невская ниточная (1574) и др. Крупные предприятия с большим количеством рабочих были и в других отраслях промышленности: на Резиновой мануфактуре работало 6100 рабочих, на табачной Богданова — 2100, на Охтенском пороховом — 2148, на фабрике Механического производства обуви — 2400.

¹ Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пгр., 1922, стр. 50.

Концентрация основных кадров промышленного пролетариата Петербурга на крупных заводах и фабриках имела самое первостепенное значение для революционного воспитания рабочих, большей их организованности и солидарности в борьбе с царизмом и буржуазией.

За все предшествующее десятилетие до 1905 г. Петербург был важнейшим центром революционного движения. В Петербурге под руководством В. И. Ленина возник в 1895 г. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», подготовивший своей деятельностью создание марксистской партии рабочего класса. Революционная социал-демократия неустанно, систематически вела работу среди петербургских рабочих, из среды которых вышли выдающиеся революционеры-большевики: Ф. А. Афапасьев, И. В. Бабушкин, М. И. Калинин, П. Г. Подетаев, В. А. Шелгунов и др. Передовые петербургские рабочие до 1905 г. прошли большую школу политического воспитания и обучения в процессе революционной борьбы против царизма и буржуазии. Такие революционные выступления петербургских рабочих, как стачка текстильщиков в 1896 г., героическая «Обуховская оборона» в 1901 г., имели всероссийское значение, они оказали большое влияние на развитие рабочего движения в России.

ПЕТЕРБУРГ В НАЧАЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

Началом первой буржуазно-демократической народной революции в России явились события 9 января 1905 г. в Петербурге. В этот памятный день, вошедший в историю под названием «Кровавого воскресенья», улицы и площади столицы Российской империи были обильно политы кровью рабочих и рабочих, шедших к Зимнему дворцу для вручения петиции царю Николаю II. Массовый расстрел в Петербурге шествия рабочих, совершенный войсками и полицией по воле царя, вызвал гигантский взрыв революционной борьбы рабочего класса по всей стране — в России началась революция.

Как назревали и развивались январские события в Петербурге?

На одном из крупнейших предприятий столицы, Путиловском заводе, в конце декабря 1904 г. произошло обычное в те времена происшествие: по предложению мастера незаконно было уволено с завода четверо рабочих. Уволенные состояли членами Нарвского отдела «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Петербурга». Руководящее ядро этой зубатовской организации вместе с Гапоном считало необходимым организованно выступить в защиту уволенных рабочих, чтобы поднять престиж организации в глазах рабочих. Вначале Гапон и «Кружок ответственных лиц» прилагали все усилия к тому, чтобы достигнуть разрешения конфликта путем переговоров с заводской администрацией, посредством обращения к представителям царской власти. 27 декабря 1904 г. на Васильевском Острове происходило многолюдное собрание представителей 11 отделов «Собрания». «Собрание» потребовало принятия на работу уволенных рабочих, удаления с за-

Забастовка на Путиловском заводе в январе 1905 г. Фотография.

вода виновника их увольнения — мастера Тетякина и решило послать депутацию к петербургскому градоначальнику Фуллону и фабричному инспектору Чижову. Постановление собрания заканчивалось таким заявлением: «Если же это законное и отвечающее справедливости требование не будет принято во внимание, то заявить правительственной администрации, что за дальнейшее спокойное течение жизни среди петербургских рабочих собрание не ручается».¹

Переговоры с директором Путиловского завода Смирновым, происходившие 29 декабря, окончились полной неудачей. Следуя примеру московских заводчиков, протестовавших в 1902 г. против вмешательства зубатовских организаций в конфликты на предприятиях, Смирнов заявил, что «Собрание», вопреки уставу, вмешивается во внутренние дела завода. Фабричный инспектор, как и следовало ожидать, по расследовании дела нашел, что во всем виноваты сами рабочие. Градоначальник Фуллон, покровительствовавший галоновскому «Собранию», на-

¹ Русская газета, 1904, № 109.

пуганный угрозой, содержавшейся в решении представителей 11 отделов от 27 декабря, обещал принять зависящие от него меры для улаживания конфликта. Настроение рабочей массы с каждым днем поднималось. Классовое положение рабочих выводило их за рамки целей и задач полицейской организации; на этом потерпела крах зубатовщина, это обрекло на провал и ее петербургское издание.

2 января состоялось экстренное собрание Нарвского отдела «Собрания», на котором в большом количестве присутствовали рабочие Путиловского, Невского механического и судостроительного заводов, Резиновой мануфактуры и некоторых других предприятий. Настроение собравшихся рабочих вынудило Гапова и «Кругок ответственных лиц» высказаться в пользу объявления стачки.

В числе рабочих, выступавших за расширение борьбы, за объявление стачки был большевик Василий Шелгунов, активный участник петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», отметивший в своем выступлении, что возникший конфликт не только является результатом произвола администрации Путиловского завода; он обусловлен всем экономическим и политическим строем царской России.

На следующий день, 3 января 1905 г., 13 тыс. рабочих Путиловского завода прекратили работу. Была разработана, при самом активном участии рабочих, широкая программа экономических требований. Главнейшие из них были следующие: 8-часовой рабочий день, отмена обязательности сверхурочных работ и двойная оплата их, минимальная оплата чернорабочим не менее 1 руб. мужчине и 70 коп. женщине, установление расценок с участием представителей от рабочих, создание выборной постоянной комиссии от рабочих, без согласия которой не производить увольнения рабочих, улучшение санитарных условий и медицинской помощи, безнаказанность участников забастовки. Эти требования путиловцев, напечатанные на гектографе, опубликованные в петербургской печати, получили широкое распространение и известность, они не раз повторялись как бастовавшими рабочими Петербурга, так и рабочими в провинции.

Выработанные требования были вручены директору завода Смирнову 4 января в 6 час. вечера особой депутацией, в состав которой входили уполномоченные от всех цехов завода и представители «Собрания» во главе с Гапоном, всего около 40 чел.

Во время переговоров с депутацией директор завода Смирнов заявил, что об удовлетворении предъявленных требований не может быть и речи, «что повысить теперь заработную плату значило бы пустить акционеров общества Путиловских заводов по миру». «Эта фраза вызвала общий смех», сообщается в докладе начальника Петербургского охранного отделения от 4 января директору Департамента полиции.¹

¹ ЦГИАМ, ф. 102, оп. 5, 1905 г., д. 4, ч. I, л. 17.

Гапон и «Кружок ответственных лиц» с началом забастовки на Путиловском заводе прилагали все усилия к тому, чтобы рабочие не выдвигали политических требований, не слушались революционных социал-демократов — большевиков.

5 января среди рабочих Путиловского завода получает распространение листовка «Ко всем рабочим Путиловского завода» Петербургского комитета РСДРП, в которой экономические требования бастующих увязываются с политическими: «Нам нужна политическая свобода, нам нужна свобода стачек, союзов, собраний; нам необходимы свободные рабочие газеты. Нам необходимо народное самоуправление (демократическая республика)».¹ Гапон был страшно обеспокоен появлением этой прокламации на Путиловском заводе и, по данным Департамента полиции, «просил рабочих листов этих не читать, а уничтожать, разбрасывателей же гнать и никаких политических вопросов не затрагивать».²

Петербургский градоначальник Фуллон, хорошо осведомленный о руководителях «Собрания», рассчитывал, что им удастся овладеть движением и ввести его в мирное русло. Когда министр внутренних дел Святополк-Мирский, после начала забастовки на Путиловском заводе, поставил перед градоначальником вопрос об аресте Гапона и других руководителей «Собрания», то Фуллон заявил, «что он может рассчитывать на спокойное течение стачки только при условии оставления священника Гапона и общества рабочих на свободе, так как через них воздержит рабочую массу от беспорядков».³

Но тщетны были усилия Гапона и «Кружка ответственных лиц» сузить размах движения. Процесс дальнейшего развертывания борьбы ярко показывает ее политический характер. «Начав стачку из-за защиты отдельных уволенных товарищей, — писал В. И. Ленин в газете «Вперед» (№ 3) в статье «Петербургская стачка», — рабочие перешли к широким экономическим требованиям. . .

Но экономическими требованиями дело не ограничилось. Движение стало принимать политический характер».⁴

Едва ли кто из современников мог предполагать, что стачка путиловских рабочих через несколько дней превратится во всеобщую забастовку петербургского пролетариата. По темпам нарастания и размерам она превзошла все примеры из прошлого рабочего движения в России. Стачка на Путиловском заводе, по оценке Ленина, явилась «искрой, которая зажгла пожар».⁵

Начав стачку, рабочие Путиловского завода посылали своих представителей на фабрики и заводы Петербурга. Посланцы знакомили рабочих с требованиями путиловцев и просили примкнуть к стачке. Делегации от рабочих Путиловского

¹ Листовки петербургских большевиков, т. 1, стр. 152.

² ЦГИАЛ, ф. 1326 (Канцелярия СПб. генерал-губернатора), оп. 6, 1905 г., д. 4, ч. 1, л. 10.

³ ЦГИАМ, ф. 102, оп. 5, 1905 г., д. 4, ч. 1, л. 164.

⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 8, стр. 72.

⁵ Там же, стр. 94.

завода были на Франко-Русском заводе, Петербургском металлическом, в мастерских Петербургско-Варшавской ж. д., на Невском судостроительном заводе, на бумагопрядильной и ниточной фабриках Штиглица, Екатерингофской бумагопрядильной, на Обуховском заводе, на Александровском вагоностроительном, на Резиновой мануфактуре и ряде других предприятий. Обращение путиловцев сыграло важную роль в дальнейшем развитии стачки в Петербурге.

Первыми присоединились к стачке путиловцев рабочие Франко-Русского завода (2400 чел.), забастовавшие 4 января. В донесении начальника Петербургского охранного отделения директору Департамента полиции от 4 января сообщалось: «Когда рабочие завода Франко-Русского общества (завод Берда) шли после обеденного перерыва на завод, они были встречены несколькими рабочими — депутатами с Путиловского завода, которые стали убеждать их не идти на работу. Рабочие завода Берда, придя на завод, к работам не приступили, а вызвали директора, которому предъявили ряд требований, в том числе требование сокращения рабочего дня с 10 часов в сутки на 8. Директор предложил рабочим выбрать депутатов, после чего рабочие спокойно разошлись по домам».¹

5 января с утра забастовали 6200 чел. Невского судостроительного и механического завода. Вопрос о начале стачки был решен накануне на собрании Невского отдела «Собрания», на котором «присутствовало несколько человек депутатов — рабочих Путиловского завода».² Вечером в первый день забастовки рабочие Невского судостроительного завода явились на собрание в помещение Невского отдела для выработки и обсуждения требований.

Член Петербургского комитета РСДРП в интересной корреспонденции в газету «Вперед» дает подробный рассказ об этом собрании, написанный под свежим впечатлением.

«Сегодня было собрание рабочих Невского судостроительного завода. Собрались около 500 рабочих. Первые выступили члены отдела «Собрания». Они отклонялись от политических требований и главным образом выставляли требования экономические. Из толпы раздавались голоса неодобрения. Но тут появился сотрудник «Русской газеты» Строев, пользующийся большим уважением у петербургских рабочих. Строев предложил резолюцию, как он заявил, выработанную им и представителями социал-демократии. Резолюция эта хотя и подчеркивает противоположность классовых интересов пролетариата и буржуазии, но недостаточно. После Строева говорили товарищи рабочие социал-демократы, которые защищали эту резолюцию в принципе, подчеркивая, однако, ее ограниченность и недостаточность. Тут началась суматоха, некоторые были недовольны речами социал-демократов и начали срывать собрание. Собрание большинством голосов высказалось против председателя, который был в числе этих срывающих, и выбрали

¹ ЦГИАМ, ф. 102, оп. 5, 1905 г., д. 4, ч. I, л. 12.

² Там же, л. 18.

нового председателя, социалиста. Но члены „общества“ (зубатовского) не умолили и продолжили расстраивать собрание. Хотя громадное большинство собрания (90%) и было на стороне социалистов, но собрание в конце концов разошлось ни с чем и отложило решение до завтра. Во всяком случае, можно сказать, что социал-демократии удалось склонить настроение в свою пользу.¹

Гапоновцы пошли на срыв собрания, когда убедились, что они отстранены от руководства; открытое выступление большевиков против гапоновцев имело большой успех среди рабочих.

Одновременно с забастовкой на Невском судостроительном заводе забастовали три крупные текстильные фабрики (4250 рабочих); таким образом, к концу дня 5 января бастовало около 26 тыс. петербургских рабочих. Рабочие Невской бумагопрядильной мануфактуры заявили фабричному инспектору, что «они будут бастовать до тех пор, пока не исполнят их требований, которые у них общие с путиловцами».² Забастовка на Екатеринбургской мануфактуре началась после прихода представителя путиловских рабочих, который передал им текст требований путиловцев и просил бросить работу.

6 января был праздник, в этот день агитация среди петербургских рабочих за дальнейшее расширение стачки приняла широкие размеры, в районных отделах шли непрерывные собрания. Петербургский комитет РСДРП обращается с прокламацией «Ко всем рабочим и работницам Шлиссельбургского района» с призывом присоединиться к стачке. 7 января стачка получает широкое распространение во всех районах города, забастовали рабочие всех крупных заводов и фабрик, увлекаемая за собой рабочих мелких предприятий. Вышел листок Петербургского комитета с призывом к петербургским рабочим бастовать и «бороться за следующие наиболее важные наши требования: 1) 8-часовой рабочий день, 2) отмена сверхурочных работ, 3) отмена штрафов и обысков, 4) увеличение заработной платы на 30%, 5) свобода стачек и собраний, 6) свобода печати, а самое главное — созыв учредительного собрания на основе всеобщего, равного и тайного избирательного права».³

В Невском районе 7 января забастовали Обуховский и Александровский заводы и крупные текстильные фабрики: Спасская и Петровская мануфактуры, Александро-Невская мануфактура Паля, фабрика шерстяных изделий Торнтон, писчебумажная Варгунина, Невский стеариновый завод и 24 мелких предприятия. В районе Путиловского завода бастуют Петербургский вагоностроительный, Триумфальная мануфактура, механический завод Коппель, Тентелевский химический завод и около двадцати более мелких заводов.

В этот же день, 7 января, с утра остановилась одна из крупнейших фабрик Петербурга — Резиновая мануфактура (6100 рабочих), предъявив детально

¹ Вперед, 1905, № 4.

² ЦГИАЛ, ф. 22, оп. 1, 1905 г., д. 749, л. 138.

³ Листовки петербургских большевиков, т. I, стр. 156.

разработанные требования, сходные в основных пунктах с требованиями путиловцев. Одновременно с Резиновой мануфактурой остановились Российская бумагопрядильная мануфактура на Обводном канале, Резвоостровская мануфактура, пивоваренные заводы «Иван Дурдин» и Калининский и ряд других предприятий этого района.

На Выборгской стороне забастовали Петербургский металлический, Медно-прокатный завод (б. Розенкранца), машиностроительные «Феникс», Нобель, Лесснер, телефонная фабрика Эриксон, шесть текстильных фабрик с числом рабочих 5350 чел. и 12 более мелких предприятий.

На Петербургской стороне бастуют электростанция Гейслера, механический Лангензишена, бумагопрядильная Д. Бек, толевая фабрика, перешитная Отто Кирхлера, мебельная Мельпера. В этот день, 7 января, на Петербургскую сторону прибыла большая группа путиловцев, которая побывала на ряде предприятий (фабрике Воронина, трикотажной Керстена, железнопрокатном заводе, ситценабивной бр. Леонтьевых) и призвала рабочих примкнуть к стачке, что и было исполнено.

На Васильевском Острове забастовали Балтийский судостроительный (Морского ведомства), Трубочный (Военного ведомства), Проволочный и гвоздильный, электротехнический Сименс и Гальске, табачная фабрика «Лаферм», кожевенные заводы Брусницына, Осипова, ситценабивная Воронина, Северо-ткацкая мануфактура на острове Голодай, писчебумажная фабрика Печаткина, подковный завод Посселя и многие мелкие предприятия.

Бастующие рабочие предъявляют детально разработанные требования; последние в большинстве случаев совпадают с требованиями путиловцев с добавлением частных местных требований. Рабочие некоторых заводов — Обуховского, Александровского механического — расширяют эту программу, включая в нее требования политических свобод, созыва учредительного собрания.

По данным фабричной инспекции, далеко не полным, к вечеру 7 января бастовало 382 предприятия с 106 935 рабочими. На следующий день, 8 января, в связи с забастовкой типографий не вышли газеты в Петербурге за исключением «Правительственного вестника» и «Ведомостей СПб. градоначальства». 8 января стачка становится всеобщей; по данным фабричной инспекции, бастовало 456 заводов и фабрик с 112 894 рабочими.¹

В. И. Ленин на страницах газеты «Вперед» (№ 4) дал такую оценку петербургской стачке в статье «Капун кровавого воскресения»: «Стачка в Петербурге уже в субботу, 8-го января, стала всеобщей. Даже официальные сведения определяли число забастовавших в 100—150 тысяч человек. Россия не видывала еще такого гигантского взрыва классовой борьбы. Вся промышленная, торговая, общественная жизнь гигантского полуторамиллионного центра оказалась парализованной. Про-

¹ ЦГИАЛ, ф. 23 (Министерство торговли и промышленности), оп. 17, 1905 г., д. 339, л. 2.

летариат на деле показывал, что *им* и *только им* держится современная цивилизация, его трудом создаются богатства и роскошь, на нем покоится вся наша «культура». Город оказался и без газет, и без освещения, и без воды. И эта всеобщая стачка носила определенно выраженный политический характер, являлась непосредственным прологом революционных событий».¹

Размах мощного стачечного движения опрокинул все расчеты Гапова и «Кружка ответственных лиц»; противостоять движению было делом абсолютно невозможным. В этой обстановке Гапов выдвигает свой провокационный план шествия к Зимнему дворцу в воскресенье 9 января для вручения царю петиции. Среди рабочих Петербурга наряду с классово сознательными пролетариями, воспитанными революционной социал-демократией, был большой слой вчерашних крестьян, еще сохранявших веру в царя, не видевших в нем своего злейшего врага. Среди этой части рабочих, не изживших царистских иллюзий, мысль о подаче петиции царю нашла широкое признание.

Сама идея шествия всем миром к царю могла у Гапова возникнуть под влиянием опыта Зубатова, организовавшего в 1902 г. 19 февраля шествие рабочих в Кремль к памятнику Александру II.

6 января Гапов в Нарвском отделе пропагандирует идею хождения к царю для подачи петиции. Появляется текст петиции, который оглашается на многочисленных собраниях в отделах, в него вносятся многочисленные дополнения и изменения. Этот документ в известном смысле явился продуктом коллективного творчества и означал полный разрыв с идеологией «Собрания»; лишь униженная, рабленная форма обращения к царю свидетельствовала о причастности Гапова к составлению петиции.

Начиналась петиция следующими словами:

«Государь!

«Мы, рабочие и жители города С. Петербурга, разных сословий, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты.

«Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать.

«Мы и терпели, но нас толкают все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душил деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь! Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук».

В петиции говорилось о необходимости народного представительства, о немедленном созыве Учредительного собрания на основе всеобщего, равного и тайного избирательного права и проведении следующих мер:

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 8, стр. 98.

«Необходимы:

«I. Меры против невежества и бесправия русского народа.

«1. Немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки.

«2. Немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраний, свободы совести в деле религии.

«3. Общее обязательное народное образование на государственный счет.

«4. Ответственность министров перед народом и гарантии законности правления.

«5. Равенство перед законом всех без исключения.

«6. Отделение церкви от государства.

«II. Меры против нищеты народной.

«1. Отмена косвенных налогов и замена их прогрессивным подоходным налогом.

«2. Отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земли народу.

«3. Исполнение заказов военного и морского ведомства должно быть в России, а не за границей.

«4. Прекращение войны по воле народа.

«III. Меры против гнета капитала над трудом.

«1. Отмена института фабричных инспекторов.

«2. Учреждение при заводах и фабриках постоянных комиссий выборных рабочих, которые совместно с администрацией разбирали бы все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабочего не может состояться иначе, как по постановлению этой комиссии.

«3. Свобода потребительско-производственных и профессиональных союзов — немедленно.

«4. 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.

«5. Свобода борьбы труда с капиталом — немедленно.

«6. Нормальная рабочая плата — немедленно.

«7. Непременное участие представителей рабочих классов в выработке законопроектов о государственном страховании рабочих — немедленно».

Основные требования, содержащиеся в петиции, попали в нее под влиянием рабочих, затронутых социал-демократической пропагандой, под влиянием большевиков, выступавших в отделах «Собрания».

Имеются два варианта петиции. Первый читался на собраниях 7 января и получил широкую известность, так как был опубликован в русских нелегальных

изданиях, в том числе в большевистской газете «Вперед». Второй вариант, с учетом некоторых изменений и дополнений, окончательно был оформлен в самый канун 9 января, и один экземпляр был скреплен подписью Гапова. Сличение этих двух вариантов петиции указывает на то, что в ходе ее обсуждения особенно значительным изменениям подверглась часть ее, посвященная формулировке требований. Во втором варианте, приведенном выше, появились новые требования: «прекращение войны по воле народа», «отделение церкви от государства» и другие; ряд требований был переформулирован, и им был придан более решительный, категорический характер дополнением слова «немедленно» (например, требование гражданских свобод, мер против гнета капитала).

Многочисленные описания свидетелей, участников январских дней, рисуют картину необычайного возбуждения рабочей массы окраин Петербурга в дни 7—8 января. «Вечером, при свете уходящих в даль, тускло мерцающих фонарей, виднелось у помещений отделов море человеческих голов. На улице, в отдельных группах, слышались разговоры о войне, о тягостных ее последствиях для народа, о всеобщей забастовке. Иногда какой-либо вопрос, связанный с петицией и обсуждавшийся в зале отделов, выносился на улицу. Ораторы взбирались на какую-нибудь импровизированную трибуну, вроде опрокинутой бочки, и говорили толпе. В некоторых отделах петиция читалась народу из открытого окна собрания, и народ слушал ее благоговейно «как в церкви». Многие, несмотря на мороз, стояли без шапок. Недостаточно понятые места петиции вновь и вновь толковались, каждый отдельный пункт ее вновь и вновь ставился на баллотировку. Толпа выражала свое сочувствие криками и далеко уносящимся гулом голосов. Иногда она повторяла в знак сочувствия последние слова фразы, подхватывала их, как хор подхватывает запевалу».¹

Районные отделы «Собрания» в эти дни жили кипучей жизнью. При огромном стечении рабочей массы оглашалась и разъяснялась петиция. Десятки тысяч рабочих слушали текст петиции и ставили под ней свою подпись.

Корреспондент-большевик в газете «Вперед» так описывает настроение рабочих в эти дни:

«Здесь все перемешалось: и гапоновщина, и здоровые зерна социал-демократического мировоззрения, заросшие в течение последнего десятилетия на эту благодарную почву. На собраниях постоянно выступают и социал-демократы. Их слушают охотно (по крайней мере за Нарвской заставой); в других отделах они встречали иногда сильный отпор со стороны гапоновцев.

«Но идея идти к дворцу с петицией настолько овладела всеми умами, что бороться с ней невозможно».²

¹ Л. Гуревич. Народное движение в Петербурге 9 января 1905 г. Былое, 1906, № 4, стр. 204.

² Вперед, 1905, № 6.

8 января Гапон отправил министру внутренних дел Святополк-Мирскому письмо, извещавшее, что 9 января в 2 часа дня на Дворцовую площадь явятся рабочие для вручения петиции царю, текст которой был приложен к письму.

Таким образом, январское движение петербургских рабочих, начавшееся в понедельник 3 января стачкой на Путиловском заводе, к концу недели превращается во всеобщую стачку рабочих столицы, крупнейшего промышленного центра страны. Движение развивалось стихийно, с быстротой и размахом, поразившими современников.

Петербургская большевистская организация вела работу в глубоком подполье. По данным секретаря Петербургского комитета большевиков С. И. Гусева, в фабрично-заводских организациях в начале 1905 г. насчитывалось 300—400 рабочих-большевиков.¹ Однако прежний уровень организационной и агитационной работы не соответствовал новым условиям, когда в движение пришли огромные массы рабочих. К тому же дезорганизаторская деятельность меньшевиков ослабляла партийную работу в рабочих районах.

Несмотря на все трудности, Петербургская организация большевиков принимает активное участие в событиях, стремясь повлиять на рабочую массу. Петербургский комитет РСДРП издает ряд листовок, которые распространяются на фабриках и заводах и на собраниях в отделах гапоновской организации.² В прокламации, выпущенной в канун «Кровавого воскресенья», 8 января, большевики разъясняют массам иллюзорность их надежд на царя: «Свобода покушается кровью. Свобода завоевывается с оружием в руках, в жестоких боях. Не просить царя и даже не требовать от него, не унижаться перед нашим заклятым врагом, сбросить его с престола и выгнать с ним всю самодержавную шайку, только таким путем можно завоевать свободу». «Освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих. Ни от попов, ни от царей вы свободы не дождетесь».³ Была выпущена листовка «К солдатам» с призывом не стрелять в народ в воскресенье 9 января. Наряду с распространением нелегальных листов большевики вели устную агитацию среди рабочих, выступая прямо на собраниях в районных отделах.⁴ Корреспондент большевистской газеты «Вперед» в № 4 пишет: «Социал-демократы говорят также и в помещениях Союза, их речи встречаются сочувственно, но инициатива практических предложений исходит от зубатовцев».⁵ В некоторых райо-

¹ С. И. Гусев. Вокруг 9 января. Ленинградская правда, 1925, № 18.

² В состав Петербургского комитета РСДРП в январе 1905 г. входили С. И. Гусев, Р. С. Землячка, М. Н. Лядов, А. А. Богданов и др.

³ Листовки петербургских большевиков, т. I, стр. 158.

⁴ Е. Ярославский, в статье «О 9 января 1905 года» (газ. «Правда» от 22 января 1925 г.), рассказывает о своих выступлениях на собраниях в районных отделах гапоновской организации при обсуждении петиции на Васильевском Острове, а вечером 8 января на Петербургской стороне; о всех этих выступлениях он давал отчет Петербургскому комитету.

⁵ Вперед, 1905, № 4.

нах города — Василеостровском, Выборгском, Невском — массы стали все более прислушиваться к тому, что говорили большевики.

Вся деятельность большевиков в Выборгском районе 5—8 января сосредоточилась на агитационной работе в гапоновских собраниях, выступления большевиков встречались рабочей массой сочувственно, говорится в отчете Петербургского комитета III съезду партии.

На день 9 января многие большевики получили указания Комитета быть в рядах рабочей демонстрации; было условлено, что, сообразуясь с обстановкой, знаменосцы развернут красные знамена, агитаторы выступят на открытых уличных митингах. Такие митинги и были организованы большевиками после расстрелов на Васильевском Острове, на Невском проспекте и Петербургской стороне.

Массовый расстрел народа 9 января на улицах Петербурга был произведен преднамеренно, по вполне обдуманному, тщательно разработанному заранее плану. В. И. Ленин в газете «Вперед» (№ 4), в статье «План Петербургского сражения» разоблачил царизм, доказал наличие подлого плана массовых убийств.¹

Меры к подавлению массового рабочего движения в Петербурге стали приниматься царскими властями с начала забастовки.

В районах бастующих предприятий усиливаются полицейские наряды, а начиная с 6 января, на помощь полиции прибывают военные части. 7 января у петербургского градоначальника генерал-адъютанта Фуллона состоялось совещание, посвященное вопросу о совместных действиях полиции и военных частей; совещание происходило в присутствии командира гвардейского корпуса князя Васильчикова, назначенного повелением Николая II «главноначальствующим по подавлению беспорядков», и начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа генерала Мешетича. На этом совещании был разработан план совместных действий войск и полиции. Было признано необходимым весь город разделить на восемь районов, в каждом районе сосредоточить отряд войск пехи и конных частей под командованием генералов.

Ввиду недостаточности в Петербурге войск для выполнения этого плана было решено вызвать пехи и конные части из Петергофа, Пскова и Ревеля. Таким образом, план беспощадной расправы с народом в основном был готов 7 января.

8 января у градоначальника состоялось вторичное совещание. Была разработана диспозиция войск на 9 января, в назначенных восьми районах были сосредоточены 20 батальонов пехоты, 23½ эскадрона и 8 сотен кавалерии; в диспозиции точно указано название и количество воинских частей в том или ином районе и командиры отрядов.² Об этом совещании рапортом 9 января донес в Главный штаб начальник штаба войск гвардии и Петербургского округа гене-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 8, стр. 87—89.

² Красный архив, 1930, т. 1 (38), стр. 9—11.

рал Мешетич: «Вчера вечером, совместно с С.-Петербургским градоначальником, были выработаны меры для недопущения рабочих пройти сегодня на Дворцовую площадь для производства большой манифестации, которая сегодня ожидается полицией».¹

Согласно диспозиции на 9 января во всех восьми районах, на которые был разделен город, создавались сводные отряды из пехотных и кавалерийских частей, во главе этих отрядов были поставлены генералы царской гвардии, командиры полков, бригад и дивизий, все они были подчинены командиру гвардейского корпуса князю Васильчикову. 8 января в 11 час. вечера князь Васильчиков вызвал всех начальников отрядов на совещание, на котором были определены задачи каждого отряда, уточнена диспозиция; к участию в подавлении народного движения были привлечены все гвардейские полки, находившиеся в Петербурге, и остальные части Петербургского гарнизона. На Дворцовой площади, перед Зимним дворцом, был сосредоточен резерв: три батальона пехоты и два кавалерийских полка, под командованием командира лейб-гвардии Павловского полка генерала Щербачева.

Расположение войск по районам исходило из задачи разгрома демонстрации военной силой и ставило целью не допустить проникновения рабочих из окраин в центральную часть города, преградить путь через Неву для рабочих Васильевского Острова, Петербургской и Выборгской стороны. Мероприятия по подавлению движения 9 января разрабатывались с ведома и одобрения царя.

Вечером 7 января министр внутренних дел Святополк-Мирский приезжал в Царское Село для доклада царю о принятых мерах.

В мемуарах С. Ю. Витте есть рассказ о том, что 8 января у министра внутренних дел Святополк-Мирского было совещание, на котором присутствовали министр юстиции Муравьев, министр финансов Кокцов, директор Департамента полиции Лопухин, князь Васильчиков, градоначальник Фуллон и где были еще раз обсуждены меры, принимаемые для разгрома движения.²

Поздно вечером 8 января была сделана попытка со стороны некоторых кругов интеллигенции предупредить трагедию 9 января. На собрании в редакции «Наши дни» была избрана депутация из писателей, ученых, общественных деятелей; в состав ее вошли К. Арсеньев, Н. Анненский, А. Пешехонов, И. Гессен, В. Мякотин, В. Семевский, М. Горький, Е. Кедрин, Н. Кареев и секретарь гапоновского «Собрания» Д. Кузин.

Депутация попыталась добиться аудиенции у министра внутренних дел Святополк-Мирского, но безрезультатно, с нею разговаривал товарищ министра внутренних дел Рыдзевский; он заявил, что правительству все известно и меры

¹ ЦГВИА, ф. 400 (Главный штаб), 2 отд., 3 стол, 1905 г., д. 15, ч. II, л. 13.

² С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I. М.—Пг., 1923, стр. 280; ср.: ЦГИАМ. ф. 102, оп. 5, 1905 г., д. 4, ч. 1, л. 161.

Расстрел рабочих у Нарвских ворот 9 января. Рисунок из английского журнала «График», 1905 г.

приняты, а депутации посоветовал повлиять на рабочих. Тогда депутация отправилась к председателю Комитета министров С. Ю. Витте.

«Г-н Витте заявил нам, — писал М. Горький 9 января, — что министры Святополк-Мирский и Коковцов имеют более точные сведения о положении дел, чем сведения наши, что, по его мнению, и сам государь должен быть осведомлен о положении и намерениях рабочих и что лично он, Витте, бессилён сделать что-либо в желаемом нами направлении. Мы просили его устроить нам свидание со Святополк-Мирским; г. Витте согласился на это и при нас спрашивал по телефону г. Святополк-Мирского, желает ли он принять нас, как выразителей мнения группы литераторов и ученых по вопросу о возможных 9 января кровавых событиях и о мерах к устранению их. Г-н Святополк-Мирский отказался принять нас».¹

Таким образом, царское правительство было полностью осведомлено о целях и характере шествия 9 января.

Николай II, дядя царя великий князь Владимир Александрович — командующий гвардией и войсками Петербургского военного округа, генерал Мешетич — начальник штаба, командир гвардейского корпуса князь Васильчиков, царские министры сделали все распоряжения на день 9 января. Царь оставил столицу и выехал в Царское Село, но над Зимним дворцом развеялся императорский штандарт, свидетельствующий о присутствии царя во дворце.

Царские генералы во главе с командиром гвардейского корпуса князем Васильчиковым, выполняя предначертания царя и его ближайшего окружения, готовились к неслыханному злодеянию. Ночью 8 января и рано утром 9 января войска и полицейские наряды заняли свои места согласно диспозиции.

* * *

9 января, в воскресенье, утром происходит сбор рабочих у помещений районных отделов «Собрания», где они строились в многотысячные колонны с тем, чтобы двинуться к центру города и прибыть к 2 час. на площадь перед Зимним дворцом. Многие семейные рабочие шли с женами и детьми. Настроение у собравшихся было приподнятое, торжественное; возникавшие споры и пререкания пресекались словами: «Не такой сегодня день».

К 10 час. утра у Нарвского отдела собралась многочисленная толпа. К толпе, в священнической рясе, вышел Гапон, напутственное слово от его имени сказал инженер Путиловского завода эсер Рутенберг. «Приблизительно к 12 часам шествие тронулось. Впереди несли иконы, хоругви и несколько портретов царя и царицы. Народ двигался спокойно, «тихим шагом», с обнаженными головами, с пением „Спаси, Господи, люди твоя“».²

¹ М. Горький, Сочинения, т. 23, М., 1953, стр. 334.

² «Доклад комиссии, избранной общим собранием присяжных поверенных 16 января 1905 года, по поводу событий 9—11 января». СПб., 1905, стр. 6. Этот доклад, подписанный во-

Когда толпа рабочих подошла шагов на 200—300 к Нарвским воротам, она неожиданно подверглась нападению кавалерийского отряда. Толпа едва успела расступиться. Прорвавшись через толпу, отряд затем повернул и поскакал обратно. Толпа сомкнулась и продолжала с пением двигаться по направлению к Нарвским воротам.

«Шагов за семь-десять до ворот вдруг послышался со стороны ворот звук трубы, который, впрочем, из-за пения не всем был и слышен, тотчас же вслед за ним раздались залпы. Люди стали падать, часть толпы разбежалась, но за первым залпом последовал второй, третий, падали уже люди бегущие, падали успевшие уже скрыться во дворах, ибо выстрелы направлялись и во дворы. Первый залп был направлен в живот, второй в ноги, так что людей, упавших от первого залпа, уже лежащих, добивал второй залп».¹

Галоп среди общего смятения скрылся, никем не замеченный.

«Описание действий войсковых частей 9 января 1905 года», составленное в штабе войск гвардии и Петербургского военного округа по рапортам командиров воинских частей, имевшее целью всячески оправдать жестокие действия войск, преуменьшить число жертв, подтверждает доклад комиссии адвокатов о ходе событий у Нарвских ворот 9 января 1905 г.

«В 12 часов дня в районе Нарвских ворот была замечена толпа рабочих в числе до 3 тысячи человек, которая двигалась по Петергофскому шоссе к Нарвским воротам, неся с собой портреты их величеств, кресты и хоругви. Ввиду безуспешности попыток остановить толпу увещаниями или угрозами, против нее был выслан эскадрон конногренадеров, при приближении которых толпа раздалась, причем с ее стороны было произведено два выстрела из револьвера (не причинивших вреда) и одному из нижних чинов был нанесен удар крестом. Тогда, ввиду явно враждебного настроения толпы, эскадрон был отозван назад, а двум ротам 93-го пехотного Иркутского полка, после трехкратного предупреждения и сигнала, было прика-

зано известными петербургскими адвокатами, был опубликован в мае 1905 г. и сразу же был конфискован.

Комиссия выявила прежде всего «фактические обстоятельства дела на основании многочисленных показаний лиц, пострадавших от действий военных и полицейских отрядов, а также заявлений свидетелей, бывших ближайшими очевидцами таких действий».

При отборе материала комиссия совершенно игнорирует факты активных выступлений рабочих против вооруженных сил царизма, проявления политического протеста народных масс против зверств царизма. Что касается руководящих идей «Доклада комиссии», то они сводятся к юридическому доказательству законности шествия, его мирного характера, к юридическому обоснованию виновности различных должностных лиц. Либеральные адвокаты в своем докладе не называют в качестве преступников главных вдохновителей и организаторов расстрела 9 января — царя Николая II, великого князя Владимира Александровича, князя Васильчикова и царских министров.

¹ Доклад комиссии, стр. 7.

зано стрелять. После пяти залпов толпа, наконец, рассеялась, оставив на месте более 50 человек убитыми и ранеными.¹

Сведения о числе убитых и раненых у Нарвских ворот, о числе демонстрантов, сообщенные генералом Рудаповским, командовавшим войсками в этом районе, не имеют ничего общего с действительностью. Оружейный огонь по колонне рабочих, в которой было около 20 тыс. чел., вызвал огромные жертвы. Только среди рабочих-путиловцев, по данным, сообщенным администрацией завода в Общество заводчиков и фабрикантов, было 45 убитых и 61 раненый. Глубокою горе вошло в этот день во многие семьи рабочих за Нарвской заставой, потерявших родных и близких.

Возмущение и негодование рабочих, вызванное расстрелом, было неопишимо. Глубокий перелом произошел в сознании рабочих в этот день.

В другом рабочем районе Петербурга, за Невской заставой, утром 9 января рабочие собрались у помещения районного отдела в Новопрогонном переулке. При прохождении демонстрации мимо Невского судостроительного завода на улице выступили большевики Невского завода, призывавшие отказаться от шествия к Зимнему дворцу; однако эти выступления не достигли цели. Толпа молча двинулась по Шлиссельбургскому шоссе. У Шлиссельбургской пожарной части путь ей был прегражден войсками: стояла пехота и две сотни лейб-гвардии Атаманского полка. Начались безрезультатные переговоры председателя Невского отдела «Собрания» Петрова с офицерами. Когда толпа стала напирать и продвигаться вперед, раздались три залпа холостыми патронами, из-за пехоты выскочили атаманцы с обнаженными шашками и врезались в толпу, подминая и рая людей. В поисках спасения от казацких шашек и лошадиных копыт кто-то открыл ворота, ведущие с Шлиссельбургского проспекта на Неву, в которые и устремились рабочие, рассеиваясь по Неве и по противоположному берегу, двигаясь по направлению к Охте. Князь Васильчиков был очень обеспокоен тем, как бы рабочие Невской заставы не прошли в город. Командующий группой войск на Выборгской стороне Белов в 12 час. дня получает от командира гвардейского корпуса телеграмму, в которой говорилось, «что толпа рабочих в 16 тысяч человек перешла с Шлиссельбургского шоссе на Охту и, по мнению градоначальника, пытается пройти по льду к Литейному мосту. Приказано остановить эту попытку».²

Генерал Белов организует кавалерийскую разведку по набережной Невы к Охте и убеждается, что толпы нет. Только небольшая группа рабочих от Невской заставы добралась до центра города.

Сборным пунктом рабочих Выборгской стороны было помещение «Собрания» на Оренбургской улице. Путь через Литейный мост был прегражден тремя батальонами лейб-гвардии Московского полка, которые, согласно приказанию князя

¹ ЦГВИА, ф. 400, 1905 г., д. 15, ч. II, л. 4.

² Там же, л. 56.

Васильчикова, с раннего утра заняли все подступы к мосту и должны были не пропускать на ту сторону Невы толпы рабочих. Тогда было решено идти вместе с рабочими Петербургской стороны через Троицкий мост.

«Описание действий войсковых частей 9 января 1905 года» в сухой протокольной форме сообщает о разгоне колонны рабочих Выборгского района: «Первое скопление народа было обнаружено в 10¹/₂ часов утра на Выборгской стороне, близ Сампсониевского моста, откуда толпа через этот мост и Большую Дворянскую улицу двинулась к Троицкой площади, но была остановлена и рассеяна несколькими атаками улан и угрозами пехоты действовать огнестрельным оружием». ¹ Три раза конница прорезала колонну рабочих, толпа рассеивалась, подбирая раненых. Только части рабочих Выборгской стороны удалось соединиться с рабочими Петербургской стороны.

Рабочие Петербургской стороны собрались в Геслеровском переулке у помещения отдела «Собрания» и двинулись по Каменноостровскому проспекту к Троицкому мосту.

Многолюдное и торжественное шествие, двигавшееся по Каменноостровскому проспекту, подошло к часу дня к площади у Троицкого моста. Путь на мост был закрыт войсками.

По знаку офицера войска дали три залпа по толпе. Количество жертв у Троицкого моста было особенно значительным. Когда народ стал разбегаться, со стороны Дворянской улицы последовала атака отряда кавалеристов, рубивших бегущих пашками; многие искали спасения в подъездах домов. ²

В «Описании действий войсковых частей 9 января 1905 года» события у Троицкого моста изложены следующим образом:

«К 1 часу дня перед Троицкой площадью на Каменноостровском проспекте появилась новая густая масса народа в числе (по определению полиции) до 20 тысяч человек, которую уже никакие увещания, угрозы и предупреждения не могли более остановить. Тогда после троекратных предупреждений и сигналов полторы роты лейб-гвардии Павловского полка дали залп после чего толпа остановилась и стала отходить, подобрав своих убитых и раненых (приблизительно около 40 человек), и была затем окончательно рассеяна высланными в атаку лейб-уланами». ³

«Описание» скрывает, что залпы давались полуротами; количество убитых и раненых значительно преуменьшено.

Охваченный негодованием безоружный народ собирался на улицах Петербургской стороны, посылая проклятия палачам. Часа через полтора на Каменноостровском проспекте на углу Малой Посадской собралась толпа рабочих. Про-

¹ Там же, л. 3.

² Доклад комиссии, стр. 15—16.

³ ЦГВИА, ф. 400, 1905 г., д. 15, ч. II, л. 4.

изошел импровизированный митинг, на котором были произнесены речи, клеймящие самодержавие, и распространились революционные прокламации. Группа рабочих от Троицкого моста вернулась в помещение районного отдела «Собрания» Петербургской стороны, где перед ними выступил с политической речью агитатор Петербургского комитета. Перед собравшимися было развернуто красное знамя. Большой царский портрет, висевший на стене, был рабочими сорван.

В толпе народа на Петербургской стороне находился великий пролетарский писатель М. Горький. В письме к Е. П. Пешковой, недавно опубликованном, М. Горький 9 января писал: «С Петербургской стороны вели рабочих наши земляки — Ольга и Антон — у Троицкого моста их расстреляли без предупреждения, — два залпа, упало человек 60, лично я видел 14 раненых — 5 женщин в том числе — и 3-х убитых».

М. Горький в этом письме пишет об участии в демонстрации большевиков Ольги Ивашиной и Антона Войткевича. Описание событий этого исторического дня М. Горький заканчивает словами: «Итак — началась русская революция».¹

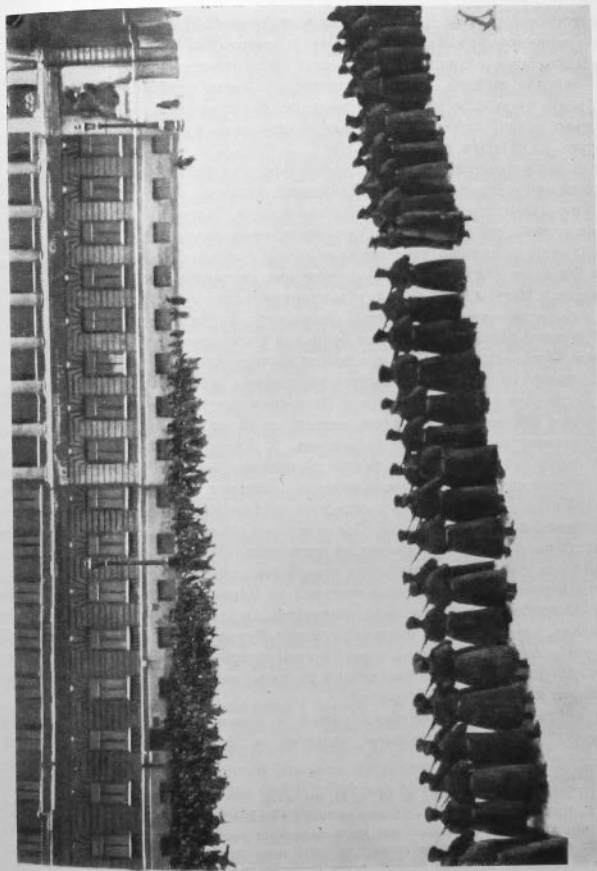
Потрясенный всем виденным и слышанным, М. Горький в тот же день, 9 января, пишет воззвание «Ко всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств».

Все происшедшее нельзя назвать иначе, писал М. Горький, как «предумышленным и бессмысленным убийством множества русских граждан». М. Горький в воззвании называет имя главного виновника расстрелов 9 января и указывает выход русскому народу: «А так как Николай второй был осведомлен о характере рабочего движения и о миролюбивых намерениях его бывших подданных, безвинно убитых солдатами, и, зная это, допустил избиение их, — мы и его обвиняем в убийстве мирных людей, ничем не вызвавших такой меры против них. Вместе с тем мы заявляем, что далее подобный порядок не должен быть терпим, и приглашаем всех граждан России к немедленной, упорной и дружной борьбе с самодержавием».² Воззвание на следующий день было захвачено при обыске у адвоката Кедрова; Горький был арестован.

В центре города, у Дворцовой площади и на Невском проспекте, события этого трагического дня развернулись следующим образом. С утра и до часу дня по Невскому проспекту было свободное движение, народу на улице было больше, чем в обычное воскресенье. Заметно было наличие рабочих в толпе, которые в одиночку и группами пробирались к Дворцовой площади. К часу дня собралась огромная, в несколько десятков тысяч, толпа народа у Дворцовой площади; она концентрировалась на Невском проспекте, ул. Гоголя, около Александровского сада; дети взбирались на решетки и деревья сада, чтобы лучше видеть все происходящее.

¹ М. Горький, Сочинения, т. 28, М., 1954, стр. 347.

² Там же, т. 23, стр. 335—336.

Расстрел рабочих у арки Главного штаба 9 января 1905 г. Фотография.

Расстрел народа на Дворцовой площади произошел в третьем часу дня. Офицеру, крикнувшему: «Расходитесь, будут стрелять», из толпы ответили: «Мы пождем депутатов товарищей, чтобы подать прошение государю».¹ Через несколько минут заиграл горнист, а затем последовали залпы. Стреляли по Александровскому саду, вдоль Адмиралтейской площади. Вслед за залпами последовала кавалерийская атака, оттеснившая народ на соседние улицы: Невский проспект, Морскую, ул. Гоголя.

«Описание действий войсковых частей 9 января 1905 года» сообщает ряд подробностей о расправе с народом на Дворцовой площади: «Между 12 и 2 часами значительные массы народа стали собираться вокруг Дворцовой площади по прилегающим улицам, набережной и у Александровского сада, но до 2 часов дня толпы эти удавалось рассеивать действиями конницы и пехоты, не прибегая к оружию. Около 2-х часов дня толпы стали значительно увеличиваться, собиравсь преимущественно у Певческого моста и у Александровского сада, причем у последнего масса народа держала себя особенно вызывающе, не уступая никаким увещаниям и требованиям разойтись и отвечая бранью и насмешками на угрозы действовать оружием. Толпа напирала и теснила войска все настойчивее и смелее, и из нее выделялись отдельные лица, обращавшиеся к солдатам с дерзкими заявлениями и угрозами. Тогда... эскадрон кавалерии на Певческом мосту был вынужден произвести две атаки с обнаженным оружием, нанося удары шашками плашмя, после чего толпа рассеялась и больше не собиралась. У Александровского же сада толпа укрывалась у решетки сада и позади нее, вследствие чего даже и атаки кавалерии с обнаженным оружием не оказали никакого действия. Тогда после многократных увещаний и сигналов „стрелять“, одна рота лейб-гвардии Преображенского полка принуждена была дать два залпа. После второго залпа толпа очистила прилегающую часть площади и сада, оставив на месте около 30 человек убитых и раненых, а затем была окончательно рассеяна атакой высланных вперед казаков».²

От Дворцовой площади народ отступил на Невский проспект и прилегающие улицы. Возмущение рабочих было неописуемо: встречных офицеров оскорбляли и избивали, среди избитых оказался генерал Рудановский, один из виновников расстрела рабочих у Нарвских ворот, и состоявший при Главном штабе генерал Эльрих. На улицах стихийно возникали митинги, на которых большевики призывали народ к вооруженной борьбе.³

В корреспонденции, опубликованной в большевистской газете «Вперед» (№ 4), сообщалось: «На Невском, недалеко от Морской, толпа составила без

¹ Доклад комиссии, стр. 19.

² ЦГВИА, ф. 400, 1905 г., д. 15, ч. II, лл. 4—5.

³ Е. Ярославский в статье «О 9 января 1905 г.» (газ. «Правда» от 22 января 1925 г.) рассказывает, что 9 января он в момент расстрела находился вместе с другими большевиками на Невском: «...помню, я и другие стали призывать к оружию, наскоро организовать добычу оружия в одном из недалеко находившихся оружейных магазинов».

всякой подготовки большое народное собрание. Я слышал две пламенные речи. Одна закачивалась кликом: «Долой самодержавие!», кликом, который толпа подхватила с энтузиазмом. Другая речь закончена была громким призывом: «К оружию». Толпа встретила и этот призыв с большим сочувствием.¹

Точность этой корреспонденции вполне подтверждается архивными данными. На митинге на Невском проспекте присутствовал мл. унтер-офицер 88-го Петровского пехотного полка В. Боровков, из петербургских ремесленников, выражавший одобрение оратору и сочувственно комментировавший его речь людям, стоявшим около него. По предательскому доносу ефрейтора Шуберта, также присутствовавшего на митинге, Боровков тут же, на Невском, был арестован офицером Семеновского полка. На дознании 4 II 1905 г. по этому делу ефрейтор Шуберт показал следующее о митинге на Невском: «Не доходя угла Морской. . . я остановился и увидел у подъезда санитарную карету. Раздались крики: «раненые, раненые, шапки долой!». Карета уехала и вслед за этим на подъезде Эриксона под часами появился какой-то господин. . . одетый в пальто и костюм обыкновенного, хорошо зарабатывающего мастерового. Тотчас же раздались крики: «Тише, тише, слушайте!», и затем воцарилась почти полная тишина, все взоры обращены к нему. . . Оратор заговорил. Речь его разделялась на две половины. Одна заканчивалась возгласом «Долой самодержавие», и мотивировалось это тем, что народ шел к своему царю с открытой душой, но царь не только не внял и не допустил его до себя, но и прямо «холодно и бессердечно» приказал расстреливать безоружных людей. «А потому, — закончил оратор первую половину речи, — Товарищи! Долой самодержавие!». Толпа, как один человек, подхватила этот возглас и, махая шапками, кричала: «ура!». Вторая половина речи уже заключалась в том, как свергнуть это самодержавие и как защитить себя; делался вывод, что против оружия можно действовать только оружием же, и потому народ призывался: «К оружию». Народ подхватил этот возглас, и крики «К оружию» не смолкли до тех пор, пока оратор не скрылся в подъезде».²

Рабочие массы на собственном опыте учились глубже понимать задачи и методы революционной борьбы. «Призыв: «К оружию!», раздавшийся в одной толпе рабочих на Невском 9 января, — писал В. И. Ленин в газете «Вперед» (№ 4), — не может теперь пройти бесследно».³

Чтобы справиться с положением в центре города, к Зимнему дворцу срочно вызывается подкрепление — батальон Семеновского полка под командованием полковника Римана, что не предусматривалось диспозицией на 9 января. Батальон следовал из казарм по Гороховой улице по направлению к Дворцовой площади.

Толпы народа, запрудившие тротуар, бросали по адресу проходящих семеновцев самые оскорбительные выражения.

¹ Вперед, 1905, № 4.

² ЦГВИАЛ, ф. 545 (Петербургский военно-окружной суд), 1910 г., д. 291, л. 13.

³ В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 8, стр. 89.

На глазах батальона толпа избивала одиночных офицеров; офицеры-семеновцы с обнаженными шашками бросались на выручку; двигаясь дальше, батальон подбирал встречных офицеров, среди них был один генерал, и помещал их в лазаретную фуру, следовавшую за батальоном.¹

Завершить расправу над народом на Невском проспекте генерал Щербачев приказал отряду под командованием Римана (в декабре 1905 г. этот палач командовал карательным отрядом на Московско-Казанской ж. д.). Две роты семеновцев вышли из-под арки Главного штаба на Невский; шедший впереди отряда Риман шашкой ранил рабочего, попавшегося ему навстречу. Одна из рот, оттеснив толпу народа, продвинулась к Полицейскому мосту (мост на Невском через Мойку). Здесь, по приказанию Римана, тремя взводами этой роты было произведено шесть залпов (по два залпа каждым взводом отдельно) в направлении Невского проспекта и в обе стороны по реке Мойке.

Очевидцы свидетельствовали, что у Полицейского моста народ расстреливали в упор, на расстоянии 20—30 шагов. Подбирая убитых и раненых, народ отходил дальше по Невскому проспекту.

Докладывая в рапорте генералу Щербачеву о своих палаческих делах 9 января, полковник Риман для наглядности дал два чертежа, на которых изобразил расположение роты и направление залпов.²

Миновав Полицейский мост, семеновцы продолжали медленно продвигаться дальше; к пяти часам вечера они достигли угла Большой Конюшенной, где остановились и стали поперек Невского проспекта, никого не пропуская в сторону Зимнего дворца.

Роты семеновцев, стоявшие на Невском, с трудом сдерживали напор безоружных, но грозных в гнев рабочих. Офицер-семеновец в записке о событиях 9 января писал: «Невский представлял крайне оригинальное зрелище. Толпы народа то волной подкатывались к ротам, то после сигналов к стрельбе бросались назад. В воздухе стоял гул от криков, казалось, мы действительно переживали революцию».³

Площадь перед Казанским собором была полна народа; временами народ отходил с Невского проспекта, по которому рысью с обнаженными шашками проносились конно-гренадеры и кавалергарды; в них из толпы бросали камнями, палками, железными прутьями, кусками льда.

Охваченный негодованием народ переходил к более активным действиям; на Невском была построена баррикада.

В рапорте генерала Гадона князю Васильчикову об этой баррикаде сообщалось: «Около 6 часов вечера, толпа, воспользовавшись несколькими минутами,

¹ ЦГВИАЛ, ф. 158, оп. 1, 1905 г., д. 2677, л. 3.

² Там же, лл. 5—7.

³ Там же, л. 4.

когда дозоры и разъезды были в других местах, мгновенно снесла в одно место и поставила поперек Невского все скамейки с бульвара у Казанского собора, сделав таким образом баррикаду, препятствующую действиям кавалерии, но подошедшая полурота разогнала демонстрантов прикладами, баррикаду разобрала, скамейки сдала дворникам церкви св. Петра и восстановила движение».¹

Стремясь не допустить слияния народной толпы в единый поток, воинские части разделили Невский проспект на сектора и стали оттеснять народ на боковые улицы. До позднего вечера продолжались активные действия демонстрантов на Невском, упорное сопротивление войскам было оказано также у Гостиного двора.

Великий перелом произошел в сознании рабочей массы. Утром рабочие празднично и торжественно шли по Невскому к Дворцовой площади. После расстрелов, потрясенные невероятным злодейством, безоружные питерские рабочие не бежали, но медленно отступали под напором пехоты и кавалерии. Не страшась новых залпов, они открыто выражали свою ненависть к царю-убийце и его верным слугам и оказывали активное сопротивление войскам.

Сбор рабочих Васильевского Острова для участия в шествии к Зимнему дворцу происходил около помещения отдела «Собрания» по 4-й линии, дом № 35. Туда же прибыла толпа рабочих из Гаванского отдела. Выслушав последние наставления руководителей отделов, исполнив дважды молитву «Отче наш», шествие двинулось в путь по направлению к набережной Невы. Неподдалеку от набережной 4-я линия была преграждена выстроившимися войсками.

Начальник сводного отряда войск, сосредоточенных на Васильевском Острове, командир Финляндского полка генерал-майор Самгин еще в 7 час. утра собрал ротных и эскадронных командиров, которым изложил свой план действий. Отряду была поставлена задача не допустить проникновения рабочих с Васильевского Острова через Неву. С этой целью отряд преградил доступ к Николаевскому и Дворцовому мостам, по набережной Невы от Биржевого моста до Горного института двигались кавалерийские разъезды, производя разведку как по набережной, так и в глубину по линиям Васильевского Острова. Роты пехоты придвинулись к началу линий 4—5-й, 6—7-й и стали развернутым фронтом поперек их.

Толпа рабочих, двигавшаяся по 4-й линии, подошла к фронту войск на расстоянии нескольких десятков шагов и остановилась. Эскадрону лейб-гвардии Уланского полка и сотне лейб-гвардии Казачьего полка Самгин приказал рассеять толпу. По знаку офицера кавалеристы с обнаженными шашками врезались в шествие, толпа была смята, отброшена, часть ее загнана в переулки Академический и Бугский, где полиция и солдаты учинили крутую расправу над демонстрантами.² Пройти вперед к Неве было невозможно; часть народа стала

¹ В. Б о й ч - Б р у е в и ч. Деятое января 1905 года. Пролетарская революция, 1929, № 1 (84), стр. 121.

² Доклад комиссии, стр. 17—18.

отходить обратно по направлению к Среднему проспекту, забирая с собой раненых. После столкновения с войсками настроение народной толпы с каждой минутой резко менялось.

На улицах, около дома № 35 по 4-й линии и в других местах, стали возникать собрания, на них раздавались речи с призывом добывать оружие, строить баррикады; эти призывы встречали сочувственный отклик. Группа рабочих под руководством двух вооруженных студентов проникла в типографию Гаевского, и здесь на скорую руку была набрана и напечатана прокламация с призывом к вооруженной борьбе.¹

В поисках оружия толпа рабочих ворвалась в помещение небольшой оружейной фабрики Шаффа, но, не найдя там заблаговременно припрятанного хозяевами огнестрельного оружия, захватила холодное оружие — пашки и клинки, которыми и вооружилась. Рабочие нападают на городовых; двести человек приняли участие в нападении на 2-й полицейский участок Василеостровской части, где были выбиты окна и выломаны двери. Полицейские открыли огонь из револьверов. При участии большого количества народа началась постройка баррикад на 4-й линии, недалеко от дома № 35, на углу Среднего проспекта. Рабочие подпиливали телефонные и телеграфные столбы, воспользовались лесным материалом из строящегося неподалеку дома, притащили большие столы из чайной «Собрания», собрали всякий подручный материал со дворов, и все это для прочности было опутано проволокой; в центре баррикады был водружен красный флаг. Перед баррикадой шло несколько рядов заграждений из наваленных телеграфных и телефонных столбов, опутанных проволокой. Эти заграждения предохраняли защитников баррикад от кавалерийских атак. По направлению к Малому проспекту на 4-й линии было сооружено еще несколько баррикад. На Малом проспекте толпа народа в короткий срок создала полтора десятка заграждений, а на углу 12-й линии и Малого многотысячной толпой была воздвигнута большая баррикада.

Получив донесение о постройке баррикад на 4-й линии, генерал Самгин приказал отряду из двух рот подавить активные революционные выступления рабочих на Васильевском Острове.

Сохранившиеся рапорты офицеров-карателей рисуют картину мужественной борьбы безоружных рабочих. Дойдя до первой баррикады на 4—5-й линии, рота Финляндского полка дала залп. Среди защитников баррикады появились убитые и раненые. У рабочих не было оружия, но залпы они могли ответить лишь несколькими револьверными выстрелами. Из дома № 35 и противоположного, строившегося, в войска полетели камни, кирпичи; дома были обстреляны. После залпа солдаты пошли приступом на баррикаду. «Оставив роту шагах в трех от баррикады, я увидел, — сообщает в своих показаниях капитан Ржевусский, — в центре ее какого-то человека, который, вылезши на баррикаду, стоял с красным флагом в руке и

¹ ЦГИАМ, ф. 102, 1905 г., л. 4, ч. 1, т. 2, л. 41.

громко кричал. Я приказал ближайшим ко мне нижним чинам сбить его штыком с баррикады, причем человек этот был заколот и упал, а флаг остался воткнутым в баррикаду».¹

На улицах, где еще несколько часов тому назад раздавались звуки молитвы, народ вел баррикадный бой с царскими войсками; революционное сознание рабочего сделало гигантский шаг вперед за этот памятный день.

Разбирая многочисленные заграждения, карательный отряд в наступившей темноте медленно продвигался по Малому проспекту. «На Малом проспекте, у 12-й линии, — говорится в «Описании действий войсковых частей 9 января 1905 года», — толпа снова сплотилась и, загородив дорогу, стала стрелять. Тогда одной полуротой 89-го пех. Беломорского полка было произведено три залпа, которыми толпа была рассеяна, и роты, разбирая целый ряд баррикад, дошли до Смоленского кладбища».²

Во время действий войск на Васильевском Острове карателями было задержано и арестовано 163 чел.

В день 9 января на Васильевском Острове наиболее отчетливо проявился закономерный процесс развития форм революционной борьбы рабочего класса; стачечное и демонстрационное движение, расширяясь и углубляясь, вплотную подошло к вооруженной борьбе.

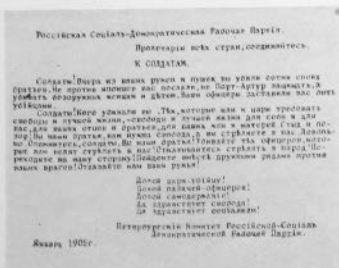
Провокационный план расстрела демонстрации 9 января был осуществлен. В народ стреляли в ряде пунктов города: у Нарвских ворот, у Троицкого моста

Строительство баррикад на Васильевском Острове вечером 9 января. Рисунок из английского журнала «Графика». 1905 г.

¹ Красный архив, 1925, т. IV—V (11—12), стр. 447.

² ЦГВИА, ф. 400, д. 15, ч. II, л. 3.

*Большевистская прокламация к солдатам по поводу
событий 9 января 1905 г.*

Количество жертв 9 января 1905 г. было огромным; в революционной прессе того времени назывались цифры: до одной тысячи убитых и около двух тысяч раненых. Царское правительство, напуганное гигантским взрывом народного негодования, приняло меры к сокрытию следов злодейских массовых убийств. Часть убитых была свезена в полицейские участки и казармы и оттуда ночью перевезена, минуя приемные покои больниц, на кладбища. Приемные покои больниц очищались от трупов ночами, полиция тайком от родных хоронила убитых в братских могилах на Преображенском, Митрофаньевском, Успенском и Смоленском кладбищах.

О том, какие меры при этом применялись царским правительством, свидетельствует донесение начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа генерала Мешетича в Главный штаб: «В ночь на 12 января, ввиду предстоящего перевезения трупов убитых 9-го января из больниц на кладбища, войсками, по требованию полиции, были приняты соответствующие меры предосторожности. В районе Васильевского Острова, около больницы Марии Магдалины, к 2 часам ночи была расположена полусотня казаков, которая затем следила за перевозкой трупов до соприкосновения с кавалерийской частью, высланной на Петербургской стороне, которая в свою очередь провожала далее до станции Финляндской ж. д. Кроме того, 1 эскадрон улан просматривал всю местность в районе перевозки, и 1 рота лейб-гвардии Финляндского полка была скрытно расположена у Тучкова моста».²

Под охраной войск производился вывоз полицией убитых из Обуховской и других больниц.

¹ Доклад комиссии, стр. 26.

² ЦГВИА, ф. 400, 1905 г., д. 15, ч. II, л. 33.

10 января в «Правительственном вестнике» было сообщено, что количество жертв 9 января составляет 76 убитых и 233 раненых; на следующий день были сообщены новые данные: 96 убитых и 333 раненых, из которых 34 чел. вскоре скончались.

В списке убитых и умерших от ран, представленном министром внутренних дел Булыгиным 29 января 1905 г. Николаю II, значится 130 чел. убитых и умерших от ран. Этим официальным данным никто не верил. Многие убитые и раненые были на руках унесены или увезены на извозчиках к родным и знакомым, легко раненные вообще не учитывались.

Администрация Путиловского завода выдала в Петербургское общество фабрикантов и заводчиков заверенные бланки на 45 убитых (среди них две женщины, жены рабочих, и мальчик, единственный сын рабочего) и 61 раненого рабочего на предмет получения ими пособий. При этом надо заметить, что многие рабочие и их семьи гнушались просить пособие, и лишь нужда вынуждала обращаться за ним. В бланках на раненых указан характер ранения: изувечен, огнестрельная рана в живот, в грудь, голову, бедро, огнестрельное ранение напылет, два огнестрельных ранения и т. д.¹ Едва ли будет возможным когда-либо установить точную цифру огромных человеческих жертв в Петербурге в день 9 января.

После расстрела 9 января стачечное движение в Петербургской губернии продолжало расширяться. 10 января забастовали рабочие Сестрорецкого оружейного завода, Охтенского порохового и 62 мелких промышленных предприятий. 12 января забастовали рабочие Ситценабивной мануфактуры в г. Шлиссельбурге.

В дни январской политической стачки бастовали все 625 предприятий Петербургской губернии, подчиненных надзору фабричной инспекции, со 125 тыс. рабочих

¹ ЦИАЛ, ф. 150 (Общество фабрикантов и заводчиков), оп. 1, 1905 г., д. 112.

Российская Социаль-Демократ. Рабочая
Партия

← Пролетарии всех стран, соединитесь! →

КО ВСЕМ РАБОЧИМ

Вы шли к царю добиваться прав своих,—и он встретил вас ружейными и пушечными залпами, ударами пик и отточенных сабель своих свиных опричников...

Вы просили у него хлеба и работы,—и он угостил вас раскаленным свинцом...

Не мы ли, социал-демократы, говорили вам, что у кровопийцы-царя вы ничего не добьетесь, что он не друг, враг народа и что не пользу народную он блюдет, а пользу любовниц и приспешников своих...

Убитые... Раненые... И их насчитывают сотнями тысячами... К месту вызывают эти трупы, которые вы возите по улицам. Собирайтесь же теперь под наши красные знамена... Восстаньте! Ходите по улицам и добивайтесь того, чтобы всюду и везде были прекращены работы,—чтобы всё граждане, как один человек, поднялись с оружием в руках против царя, против правительства: передавайте солдатам листки и требуйте, чтобы они отказались стрелять в народ.

Долой царя!

Долой самодержавие!

Да здравствует учредительное собрание.

Да здравствует социаль-демократия!

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КОМИТЕТ.

Р. С.—Д. Р. П.

Тип. Петерб. Ком.

Январь 1905 г.

Большевистская прокламация к рабочим по поводу событий 9 января 1905 г.

(а с предприятиями, не подчиненными инспекции, бастовало более 150 тысяч). Всеобщая стачка продолжалась до 19 января. Назначенный генерал-губернатором Трепов 12 января принял делегацию от собрания петербургских заводчиков и фабрикантов, а затем вызвал к себе начальников казенных заводов и вел с ними разговор о возобновлении работ на предприятиях. Трепов полностью согласился с предпринимателями, что переговоры об удовлетворении требований рабочих могут быть допущены лишь по возобновлении работ. 14 января была возобновлена работа на ряде казенных заводов — Обуховском, Орудийном, в Арсенале, на Александровском механическом, Балтийском, Трубочном, где администрация получила указания заплатить рабочим за дни стачки. Трепов ежедневно докладывал Николаю II о ходе стачки в столице и восстановлении нормальной жизни города. 18 января прекратилась стачка на Путиловском заводе, зачинателе январской стачки, 19 января — на Невском судостроительном и механическом заводе. Дольше всех длилась стачка на заводах и фабриках Выборгской стороны. Лишь 19 января приступили к работе заводы Петербургский металлический, Лесснер, Меднопрокатный (б. Розенкранца), «Феникс»; крупная текстильная фабрика этого района, Никольская мануфактура, бастовала до 25 января. Отсутствие общегородского центра по руководству стачкой не могло не сказаться на ее ходе; стачку рабочие заканчивали разновременно. Петербургский комитет РСДРП принимал меры к созданию центров по руководству стачечным движением. В выпущенных во время стачки листовках говорится: «Петербургский комитет организует в рабочих районах стачечные комитеты для помощи рабочим и руководства их действиями». «Социал-демократы продолжают вносить организацию в работу стачечных комитетов».¹

Страшная весть о «Кровавом воскресеньи» в Петербурге разнеслась по всей стране. Буря негодования и возмущения охватила рабочий класс, начались забастовки, политические демонстрации во всех крупнейших промышленных центрах. Первыми откликнулись московские рабочие, начав забастовку 10 января. По данным большевистской газеты «Вперед», в январской стачке в Москве участвовало 43 тыс. рабочих. Вслед за Москвой движение распространяется по всему центрально-промышленному району. Особенно бурный характер носили отклики на 9 января в Польше, Латвии, Эстонии.

В справке, представленной министром финансов Кокочевым Николаю II 4 февраля 1905 г., сообщаются данные о стачечном движении в России в январе 1905 г. Всего бастовало 2792 предприятия, 463 297 рабочих, из них в Петербургской губернии бастовало 625 предприятий, 125 тыс. рабочих, в Петроковской (Лодзинский промышленный район) — 650 предприятий, 100 тыс. рабочих, в Варшавской — 417 предприятий, 47 190 рабочих, в Московской — 134 предприятия, 45 тыс. рабочих, в Лифляндской — 275 предприятий, 43 тыс. рабочих, в Екатеринбург-

¹ Листовки петербургских большевиков, т. I, стр. 168—169.

славской — 25 предприятий, 18 тыс. рабочих, во Владимирской — 9 предприятий, 8 тыс. рабочих, и т. д.¹

За один январь 1905 г. бастовало в России рабочих больше, чем за все предшествовавшее десятилетие. В ряде городов — Петербурге, Варшаве, Лодзи, Риге, Ревеле — массовые политические стачки приняли всеобщий характер и сопровождались уличными демонстрациями и кровавыми столкновениями с войсками. В России началась революция.

Злодеяние царизма, совершенное 9 января 1905 г., вызвало огромное возмущение в рабочем классе и среди прогрессивной интеллигенции Западной Европы. Возмущенные рабочие устраивают демонстрации протеста перед зданиями посольств царской России, проводят многочисленные митинги, организуют сбор денежных средств в пользу семей убитых, депутаты-социалисты делают запросы в парламентах. На этих собраниях и митингах протеста против зверств царизма широко участвуют и представители прогрессивной западноевропейской интеллигенции. Царские дипломаты с тревогой доносили в Министерство иностранных дел о резко отрицательной реакции прогрессивных общественных кругов на петербургские события.

В Брюсселе, Париже, Риме, Триесте, Стокгольме, Вене, Праге, Кракове и других городах состоялись собрания и демонстрации протеста против зверств царизма. Расстрел петербургских рабочих вызвал глубокое волнение и негодование среди рабочих Парижа. Союз синдикатов Сены принял обращение к русским рабочим, в котором говорилось: «Союз синдикатов Сены, глубоко потрясенный петербургскими массовыми убийствами, ужас которых напоминает убийства кровавой недели 1871 года, шлет вам от имени парижских рабочих свою живейшую моральную поддержку в деле революции, которую вы начали и которую никакие расстрелы не остановят».² Союз синдикатов Сены устроил в большом зале Тиволи большой митинг протеста, на котором присутствовало около 5 тыс. чел., преимущественно рабочих; на митинге выступили Жорес, знаменитый французский писатель Анатоль Франс и др.

Этот митинг положил начало целой серии собраний и митингов, проведенных по всей Франции социалистической партией и профессиональными союзами. «Юманите» ежедневно получала резолюции, принятые на митингах различными рабочими организациями, с выражением солидарности с русскими рабочими; газета открыла публичную подписку в пользу семей жертв царской бойни; было собрано более 20 тыс. франков.³

Царский посол в Париже Нелидов доносил в Петербург в Министерство иностранных дел: «Везде, но преимущественно среди рабочих, собираются сходки,

¹ ЦГИАЛ, ф. 1157, 1905 г., д. 65, л. 1.

² L'Humanité, 1905, 24 января. Обращение Союза синдикатов Сены было полностью напечатано в большевистской газете «Вперед».

³ L'Humanité, 1905, 24 января и 9 марта.

где произносятся зажигательные речи и принимаются направленные против русского правительства решения, которые мне потом посылаются, но мною тщательно возвращаются обратно».¹

Так народы через голову буржуазных правительств выражали свою солидарность с русской революцией. Правительства, обеспокоенные русской революцией, оказывали царизму моральную и политическую поддержку. Французский министр иностранных дел Делькассе выступил в январе в палате депутатов как адвокат самодержавия. Американская буржуазия, лицемерно расточая слова сожаления по поводу событий 9 января, в то же время считала, по свидетельству царского посла в Вашингтоне Кассини, «что императорское правительство не могло поступить иначе, чем поступило».²

Таким образом, под воздействием начавшейся в России революции активизируется международное рабочее движение. Рабочие, истомившиеся в обстановке буржуазной реакции, «духовно оживают теперь при виде успехов революции в России», — писал В. И. Ленин в мае 1905 г.³

В. И. Ленин, находясь в эмиграции в Женеве, внимательно следил за началом и развитием революции в России и на страницах большевистской газеты «Вперед» опубликовал ряд статей, в которых дал глубокий анализ январского выступления петербургских рабочих.

«Первый день русской революции, — писал В. И. Ленин в газете «Вперед» (№ 4), — с поразительной силой поставил лицом к лицу старую и новую Россию, показал агонию исконной крестьянской веры в царя-батюшку и рождение революционного народа в лице городского пролетариата».⁴

В. И. Ленин указал на огромное развитие политического сознания масс в эти дни. Царистские иллюзии в рабочих массах были убиты навсегда.

«Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни».⁵

Изжита была вера в царя. Царь предстал перед народом как глава помещиков-крепостников, правящих Россией, тесно связанных с буржуазией, готовый на любое насилие над пролетариатом в угоду интересам господствующих классов. Воспитание рабочих масс в ходе революционной борьбы на собственном опыте имело величайшее значение. Рабочее движение поднялось на более высокую ступень, всеобщая политическая стачка в Петербурге и демонстрации подвели массы к задаче вооруженного восстания. В январские дни 1905 г. вопрос о восстании был только поставлен петербургскими рабочими.

¹ Красный архив, 1925, т. 11 (9).

² Историк-марксист, 1936, кн. 1 (53), стр. 111.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 8, стр. 405.

⁴ Там же, стр. 91.

⁵ Там же, стр. 77.

*В. А. Серов. Портрет Горького. Масло. 1904 г.
Музей М. Горького. Москва.*

В. И. Ленин в статье «Две тактики» (газ. «Вперед», № 6), приведя прокламацию большевиков Васильевского Острова, напечатанную большим тиражом 10 января 1905 г. (с призывом: «*К оружию, товарищи*, захватывайте арсеналы, оружейные склады и оружейные магазины. Разносите, товарищи, тюрьмы, освобождайте бордов за свободу. Расшибайте жандармские и полицейские управления и все казенные учреждения. Свергнем царское правительство, поставим свое»), писал: «Призыв петербургских рабочих не осуществился и не мог осуществиться так скоро, как они хотели. Этот призыв будет повторен еще не раз, и попытки восстания неоднократно могут еще повести к неудачам. Но гигантское значение имеет самый факт постановки этой задачи самими рабочими».¹

В статьях Ленина, посвященных январским событиям, много внимания уделено проблеме партийного руководства рабочим движением. Ленин в самых решительных выражениях вскрыл недостаточную роль большевистской организации в январские дни, мобилизуя партию на усиление работы в массах. «Девятое января 1905 года, — писал В. И. Ленин в статье «Должны ли мы организовать революцию?», — обнаружило весь гигантский запас революционной энергии пролетариата и всю недостаточность организации социал-демократов».²

В двенадцатую годовщину «Кровавого воскресенья», в 1917 г., выступая с докладом о революции 1905 г., В. И. Ленин указал, что «в этом пробуждении колоссальных народных масс к политическому сознанию и к революционной борьбе и заключается историческое значение 22 января 1905 года».³

Статьи В. И. Ленина, имевшие широкое распространение, вооружили партию и рабочий класс ясным пониманием смысла исторических событий января 1905 г., дали глубокий ответ на вопрос о методах революционной борьбы с царизмом, о перспективах победы революции.

* * *

После 9 января указом Николая II была учреждена должность генерал-губернатора для Петербурга и губернии, на которую был назначен бывший московский обер-полицеймейстер генерал-майор Трепов. Генерал-губернатор был облечен огромными полномочиями: мог вызывать войска для подавления народного движения, издавать обязательные постановления, выселять из столицы нежелательных лиц, влиять на цензуру, утверждать должностных лиц по городскому и земскому управлению и т. п. Таким образом, Трепов получил диктаторские полномочия и в дальнейшем, с совмещением должности товарища министра внутренних дел, стал определять все направление политики Министерства внутренних дел.

¹ Там же, стр. 133.

² Там же, стр. 144.

³ Там же, т. 23, стр. 229—230.

Первой и главной задачей петербургского генерал-губернатора была борьба с революционным движением в Петербурге. Начались массовые аресты среди рабочих, многих выслали из столицы административным порядком. По линии прокуратуры были начаты дела о дознании на 688 чел., задержанных в январские дни.¹ От этих репрессий пострадала Петербургская организация большевиков; все активно выступавшие на рабочих собраниях, в отделах гапоновского «Собрания» были арестованы. Арестовали почти всех участников депутации к Витте. М. Горький был арестован и заключен в Петропавловскую крепость за составление воззвания ко всем русским гражданам и к общественному мнению европейских государств. Продержав М. Горького в заключении более месяца, правительство было вынуждено освободить его в связи с мощным движением в защиту Горького как в России, так и за рубежом.

Трепов принимает решительные меры к обузданию печати. Было запрещено публиковать материалы, статьи о событиях 9 января. Всякого рода сообщения о стачках и беспорядках на фабриках и заводах можно было печатать в газетах лишь с разрешения высшей полицейской власти. Посыпались «предостережения» газетам за вредное направление. В феврале были приостановлены на три месяца либеральные петербургские газеты «Наша жизнь» и «Наши дни». После 9 января петербургские власти, страшась народных собраний, возникновения демонстраций, принимают административные предупредительные меры, закрывают ряд высших учебных заведений «впредь до особого распоряжения»; такая же судьба постигла читальный зал Публичной библиотеки. Закрыты были на несколько дней и театры в Петербурге.

Наряду с репрессиями царское правительство принимает другие меры, рассчитанные на внесение успокоения в рабочие массы. 14 января было опубликовано объявление за подписью министра финансов Коковцова и Трепова, в котором говорилось, что Николай II приказал приступить «к разработке вопроса о страховании рабочих», что Министерство финансов «готово приступить к разработке закона о дальнейшем сокращении рабочего времени». Все эти демагогические обещания давались с целью заставить рабочих Петербурга прекратить стачку и возвратиться на работу. Проектировалось издание манифеста царя с целью снятия личной ответственности с Николая II за январский расстрел. Однако прямая ответственность Николая II была для всех настолько очевидна, что манифест не решились опубликовать. Не имело успеха и послание Святейшего синода к «возлюбленным чадам» православной церкви, в котором князья церкви объясняли происшедшие события «подкупом со стороны врагов России». В двух столичных церквях послание не было оглашено ввиду возникшего большого ропота. Вместо манифеста Николай II с помощью Трепова разыграл комедию с приемом рабочей делегации во дворе в Царском Селе. Трепов распорядился, чтобы адми-

¹ Краевый архив, 1935, т. I (68), стр. 58.

инструкция заводов совместно с полицией отобрала вполне благонадежных людей из рабочих. 19 января 1905 г. представители рабочих, подобранные Треповым, были приняты Николаем II в Александровском дворце. Николай II обратился к ним с циничной речью, в которой заявил: «Я верю в честные чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их мне, а потому прощаю им вину их». О приеме царем делегации от рабочих появилось правительственное сообщение в газетах.

Варьвом негодования встретили рабочие на заводах и фабриках Петербурга извещение о приеме депутации и речи царя. С. Гусев, секретарь Петербургского комитета, писал Ленину в конце января: «Путиловцы страшно возмущены этой комедией и повсюду с негодованием заявляют, что никакого депутата они не выбрали, что на них клеветуют и т. п. То же было и на некоторых других заводах».¹

В. И. Ленин писал в газете «Вперед» (№ 5) по поводу этой депутации: «Эта гнусная комедия не обманет, конечно, русский пролетариат, который никогда не забудет кровавого воскресенья. Пролетариат поговорит еще с царем иным языком!».²

29 января 1905 г. было опубликовано распоряжение Николая II о создании комиссии под председательством сенатора Шидловского для «безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в г. С.-Петербурге и его пригородах и изыскания мер к устранению таковых в будущем». В комиссию должны были войти царские чиновники от различных ведомств, представители рабочих и предпринимателей. В число выборщиков, по инструкции, могли быть избраны лишь рабочие мужского пола, достигшие 25-летнего возраста, проработавшие на данном предприятии не менее года. Создание комиссии Шидловского являлось маневром контрреволюция, рассчитанным на обман рабочих масс, на отвлечение их от революционной борьбы за свержение самодержавия. Раскрывая перед рабочим классом смысл этой затеи царского правительства, большевики в то же время считали необходимым использовать избирательную кампанию в целях разоблачения контрреволюционных маневров царизма, срыва комиссии Шидловского и мобилизации рабочих масс вокруг лозунгов партии.

Меньшевистская газета «Искра» усиленно пропагандирует оппортунистический взгляд о создании из правительственной комиссии политического центра рабочего движения, считая создание такой комиссии с участием рабочих крупным фактом в истории профессионального рабочего движения.

Ход классовой борьбы вокруг комиссии Шидловского показал всю правильность большевистской тактики и разоблачил оппортунизм меньшевиков.

Кампания выборов в комиссию Шидловского охватила значительную часть петербургских рабочих. Выборы выборщиков были произведены на предприя-

¹ Пролетарская революция, 1921, № 3, стр. 171.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 8, стр. 114.

ниях с общим числом рабочих 145 тыс.; было избрано 372 выборщика. Основную массу выборщиков — 174 чел. — составляли рабочие-металлисты. Уже на первой стадии выборов на ряде заводов — Новый арсенал, Нобель, «Феникс», Александровском, телефонном Эриксон рабочие бойкотировали выборы в комиссию. На Резиновой мануфактуре рабочие в числе 12 выборщиков избрали трех работниц; Шидловский исключает работниц из списка на основании инструкции о выборах.

Такие же случаи неутверждения выборщиков-женщин имеют место и на других фабриках, в связи с чем сенатору Шидловскому от имени «всех работниц фабрик и мануфактур г. С.-Петербурга» был заявлен протест. В заявлении работницы писали: «Наконец, настало время, думали мы, когда петербургские работницы могут громко на всю Россию и от имени всех своих русских сестер работниц заявить о тех притеснениях, обидах и оскорблениях, которых не испытывает и которых не может знать мужчина работник. И вот, когда мы уже выбрали своих депутатов, нам объявляют, что депутатами могут быть только мужчины».¹

Кампания выборов в комиссию Шидловского происходила в условиях широкого развития стачечного движения на фабриках и заводах Петербурга.

Акт об образовании комиссии сенатора Шидловского был вызван резким обострением недовольства петербургских рабочих, началом новой волны стачек. Петербургские рабочие, вернувшись на фабрики и заводы после окончания январской стачки, убедились, что ничего не изменилось, требования их о сокращении рабочего дня, повышении заработной платы остались неудовлетворенными. На Путиловском заводе, начиная с 25 января, в течение нескольких дней в ряде мастерских революционным, явочным порядком вводится 8-часовый рабочий день. Вслед за путиловцами рабочие Франко-Русского завода 27 января прекратили работу двумя часами раньше нормального времени, заявив, что впредь будут работать только 8 часов.² В последующие несколько дней рабочие Франко-Русского завода также работали 8 часов. Администрация этих заводов угрожала закрыть предприятия. В ответ на эти угрозы 28 января с утра началась забастовка на Путиловском заводе. Путиловцы вместе с рабочими Петербургского вагоностроительного завода в этот день провели многотысячную уличную демонстрацию. Одновременно с путиловцами бастуют рабочие ряда предприятий. По данным фабричной инспекции, далеко не полным, 28 января бастовало 18 предприятий с 22 457 рабочими.³

Стачечное движение захватывает и казенные заводы, 27 января бастуют рабочие Ижорских заводов (Морское ведомство). В связи с началом новой стачечной волны рабочие районы Петербурга были наводнены войсками. По приказанию генерал-губернатора Трепова 27—30 января были арестованы и высланы из Петербурга 56 рабочих как подстрекатели и зачинщики стачек.

¹ Русская газета, 1905, № 149.

² ЦГИАЛ, ф. 1326, оп. 6, 1905 г., ч. 1, л. 147.

³ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 17, 1905 г., л. 339, л. 4.

Зачинателями новых стачек, как и первых январских, были рабочие-металлисты таких крупных заводов, как Путиловский, Ижорский, Петербургский вагоностроительный, Франко-Русский, предъявившие администрации ряд требований (8-часовой рабочий день, повышение заработной платы и др.). Вслед за металлизтами бастуют рабочие других предприятий. 1 февраля началась вторая забастовка на крупнейшей петербургской фабрике Резиновой мануфактуры (6100 рабочих); бастующие выдвинули требование 8-часового рабочего дня, прибавки 2 коп. на пару галош и др. Эта новая полоса стачек на петербургских фабриках и заводах продолжалась непрерывно до начала марта, рабочие ряда предприятий бастовали по нескольку раз.

Ко дню выборов выборщиков в комиссию сенатора Шидловского стачечное движение достигает значительной силы. По данным фабричной инспекции, 8 февраля бастует 34468 рабочих, 9 февраля — 31995 рабочих, 10 февраля — 36795 рабочих, 11 февраля — 35321 рабочий. После срыва комиссии стачечное движение резко усилилось: 18 февраля бастовало 38120 рабочих, 19 февраля — 52438 рабочих, 21 февраля — 49942 рабочих, 22 февраля — 31604 рабочих. Спад волны стачек идет медленно, ряд заводов (Невский судостроительный, Меднопрокатный, Петербургский металлический) бастовал до 4 марта.¹

В февральских стачках активно участвовали рабочие заводов Путиловского, Франко-Русского, Балтийского, Обуховского, Петербургского металлического, Невского судостроительного, Вагоностроительного Речкина, Лесснер, Невской ниточной фабрики, Резиновой мануфактуры и ряда других предприятий.

Петербургский комитет большевистской организации развернул агитационную работу в массах во время выборов в комиссию Шидловского; на эту работу были брошены все силы. На подавляющем большинстве фабрик и заводов Петербурга большевики выступали на рабочих собраниях.²

Комитет разработал требования от рабочих об условиях участия в выборах в комиссию Шидловского. Основные из этих требований были следующие: неприкосновенность личности и жилища, свобода собраний, свобода слова и печати, выборы в комиссию посредством всеобщего, равного и тайного голосования, свобода слова в комиссии, гласность работы комиссии. Эти требования были доведены до рабочих масс посредством листовок и выступлений большевиков на рабочих собраниях.

С большим успехом прошло выступление представителей Петербургской большевистской организации на многолюдном митинге с участием большого количества рабочих в Соляном городке 11 февраля 1905 г. Секретарь Петербург-

¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 17, 1905 г., д. 339, лл. 4, 48—49.

² В большевистской газете «Вперед» (№ 10 от 2 марта 1905 г.) была напечатана корреспонденция о выборах в комиссию Шидловского. Эта корреспонденция была отчетом Петербургского комитета о его деятельности во время выборов.

ского комитета С. И. Гусев, рабочий В. А. Шелгунов и другие выступили с обоснованием тактики бойкота комиссии Шидловского. Один из членов Петербургского комитета, доносил начальник Петербургского охранного отделения, огласил требования, позже предъявленные Шидловскому выборщиками. Это свободное собрание было закрыто нагрянувшей полицией.¹

Рабочие заводов Орудийного, Обуховского, Невского судостроительного, Лесенер, Ижорского, Путиловского, мастерских Николаевской ж. д., Российской бумагопрядильной, Резиновой мануфактуры и других включили в свои резолюции основные требования Петербургского комитета. Эти требования стали директивными для выборщиков. У большинства выборщиков не было никаких иллюзий относительно того, что комиссия будет сорвана, а им придется пострадать от репрессий царизма. «Выборщики после выборов везде произносили прощальные речи, в полной уверенности, что им придется посидеть в тюрьме или же уехать с проходным свидетельством из Петербурга. Рабочие всюду торжественно обещали оказать в случае ареста материальную поддержку семьям выборщиков».²

Общегородское собрание выборщиков, происходившее 17 февраля в Народном доме графини Паниной, предъявило сенатору Шидловскому ряд требований, сформулированных в листовке Петербургского комитета. На следующий день сенатор Шидловский дал отрицательный ответ, и выборщики отказались от выборов в комиссию.

Выборы в комиссию Шидловского показали, как возросло влияние большевистской партии в рабочих массах Петербурга в течение января—февраля.

В письме Н. К. Крупской из Женевы, написанном в марте 1905 г., дается такая оценка этих успехов: «Кампания с комиссией Шидловского ясное ясное показала, что Комитет и работает отлично, и влиянием пользуется громадным. Несмотря на противодействие меньшинства, Комитет провел свой план действий. Все 300 выборщиков (выбранных всеми рабочими С.-Петербурга) отказались от выборов — сделали именно то, за что агитировал Комитет. Это первый раз, что социал-демократической партии удалось организовать такой широкий политический протест».³ Рабочие Петербурга, следуя призывам большевистской партии, сорвали и обрекли на позорный крах затею правительства с комиссией сенатора Шидловского.

Революционное движение, развернувшееся в стране, мощное выступление петербургских рабочих, не могли не оказать своего освободительного влияния на солдат и матросов Петербургского гарнизона. Условия службы, быта в царской армии также способствовали постепенному пробуждению солдатской массы. Общеизвестно, что царская казарма была каторгой для солдат. Здесь процветали

¹ ЦГИАЛ, ф. 1326, оп. 6, 1905 г., д. 7, ч. II, лл. 74, 77.

² Вперед, 1905, № 10.

³ Красный архив, 1935, т. I (68), стр. 34.

побой, надругательство над людьми, солдаты находились в тяжелом материально-бытовом положении, были совершенно бесправны.

В первые месяцы 1905 г. революционное движение среди солдат и матросов Петербургского гарнизона было очень слабым. Следует отметить, что правительство в Петербурге и его окрестностях сконцентрировало большую массу войск; здесь находилась основная часть гвардии — наиболее верных царизму войск, большое количество армейских пехотных полков, артиллерийских бригад, военно-учебных заведений. Царизм в борьбе с революцией опирался на эти вооруженные силы, видя в них свою главную опору. В острые критические моменты в столицу вызывались войска из таких пунктов военного округа, как Ревель, Псков, в мае 1905 г. прибыли два казачьих полка с Дона, дислоцировавшиеся в районе Царского Села.

В день 9 января царские войска действовали безотказно, они были верным орудием в руках царского самодержавия. Однако следует отметить, что уже и тогда имели место отдельные случаи проявления революционного брожения среди солдат.

В день 9 января 1905 г. на Невском проспекте был арестован мл. унтер-офицер В. Боровков, по происхождению из петербургских ремесленников, которому Петербургский военно-окружной суд 23 июля 1905 г. вынес следующий приговор: «... за участие в публичном скопище, заведомо собравшемся с целью заявить сочувствие бунту и учению, стремящемуся к насильственному разрушению существующего в государстве общественного строя, но лишени его, подсудимого, унтер-офицерского звания, подвергнуть заключению в крепости на два года».¹

В Коллино 9 января активную роль играл солдат В. Толстухин, бывший рабочий Ижорских заводов. В донесении пристава начальнику заводов сообщается, что 9 января «в 7 часов утра рабочие вверенных Вам заводов, собравшись большой массой на Троицкой улице, построились в колонну и направились в С.-Петербург через Усть-Ижору, причем между другими агитаторами отличался особенной деятельностью, построил колонну и повел — призванный на действительную службу и состоящий в роте при адмиралтейских Ижорских заводах — стрелок 1-го Финляндского стрелкового полка В. И. Толстухин».²

Рабочие Ижорского завода добрались до Петербурга, но на 4-й Рождественской колонна ижорцев около 500 чел., построенная по шести в ряд, была разогнана эскадронам кавалергардов. После 9 января Толстухин был арестован.

10 января 1905 г. матрос 18-го флотского экипажа Г. Владимиров, бывший рабочий одной из фабрик Московского уезда, заявил в строю командиру роты о своем отказе стрелять в рабочих. В справке военно-морского судного управления так излагается суть дела: «10 января, в 10 часов вечера, командир роты...

¹ ЦГВИЛ, ф. 545, 1910 г., д. 291, л. 48.

² ЦГАВМФ, ф. 407 (Главное военно-морское судное управление), оп. 6, 1905 г., д. 13, л. 3.

на Охтенском морском полигоне штабс-капитан Нелидов разъяснял назначенным для охраны полигона 35-ти нижним чинам обязанности их в случае нападения на полигон производивших беспорядки рабочих. Бывший в числе этих нижних чинов матрос 1 статьи Владимиров возвышенным голосом спросил: «В кого же будем стрелять, в своих отцов и братьев», а затем, когда штабс-капитан Нелидов... приказал ему молчать, он воскликнул: «Я, Владимиров, стрелять не буду, ты сам молчи». Прежде чем приказание штабс-капитана Нелидова взять выступившего из строя Владимирова было исполнено, последний бросился на названного офицера и нанес ему карманным садовым ножом легкую рану в грудь». По докладу министра внутренних дел об этом случае последовала 13 января резолюция Николая II: «Следует предать полевому суду для примера». Военно-полевой суд приговорил сослать матроса Владимирова на каторжные работы без срока.¹

В феврале 1905 г. зарегистрированы случаи, когда в гвардейских полках, участвовавших в расстрелах 9 января, отдельные солдаты в разговорах между собой стали осуждать действия начальства. Так, рядовой 6-й роты Семеновского полка обратил на себя внимание тем, что «слишком резко критиковал действия войск 9 января и распоряжения начальства», рядовой Павловского полка заявил, что «солдаты нехорошо делали, стреляли в безоружных, что надо бы их не задерживать, а пропускать», рядовой Преображенского полка в помещении полкового караула «произносил дерзкие слова против государя императора». Солдаты, замеченные в таких разговорах, немедленно откомандировывались из гвардейских полков.²

С началом революции усилилась революционная пропаганда в войсках Петербургского гарнизона. Командиры многих воинских частей с тревогой сообщают рапортами об обнаружении прокламаций в казармах. В Московском полку, расположенном в центре Выборгского района, в январе было обнаружено 10 прокламаций, в феврале — 72, за первые 10 дней марта — 84 прокламации.³ В двух артиллерийских бригадах гвардейского корпуса за время с 27 января до 30 марта было 26 случаев обнаружения прокламаций, при этом изъято 120 экземпляров прокламаций.

Штаб гвардейского корпуса 5 февраля 1905 г. разослал приказание: «На бывшем на днях заседании Технического общества в Солином городке произносились речи противуправительственного свойства, причем в числе слушателей обнаружено присутствие нескольких нижних чинов. Ввиду изложенного, приказано принять строжайшие меры к недопущению впредь посещения нижними чи-

¹ ЦГАВМФ, ф. 407, оп. 6, 1905 г., д. 13, лл. 2—3.

² ЦГВИА, ф. 11 (Штаб войск гвардии и СПб. военного округа), оп. 1, 1905 г., д. 4190, лл. 1, 13, 25.

³ ЦГВИАЛ, ф. 400, 1905 г., д. 410, лл. 192—194.

нами (не исключая вольноопределяющихся и юнкеров) подобного рода собраний и обществ». ¹

Несмотря на эти категорические запреты, солдаты и матросы посещали подобные собрания. Петербургский градоначальник Дедюлин доносил Трепову, что на революционном собрании, происходившем 27 марта в помещении Обуховской воскресной школы, «где был произнесен целый ряд революционных речей, призывающих рабочих к вооруженному восстанию, среди присутствующих было 15 нижних чинов 18-го флотского экипажа, находящихся в охране Обуховского завода». ²

Петербургский комитет РСДРП выпустил ряд специальных листовок, обращенных к солдатам, с призывом идти вместе с революционным народом, не быть слепым орудием в руках самодержавия. В целях усиления революционной работы в войсках при Петербургском комитете создается специальная военная организация.

Под влиянием борьбы рабочего класса с февраля 1905 г. разворачивается массовое революционное движение среди крестьянства. Министр земледелия и государственных имуществ Ермолов в докладе Николаю II 14 марта 1905 г. с тревогой сообщил о начавшихся многочисленных выступлениях крестьян против помещиков, выразившихся в захвате земель, порубке лесов, прекращении арендных платежей, сожжении помещичьих усадеб и в других формах. По данным Ермолова, крестьянские выступления имели место в ряде губерний: Саратовской, Курской, Черниговской, Орловской, Витебской, Гродненской, Курляндской, в Польше, в Грузии. ³

Заволаговались и крестьяне близлежащих к Петербургу уездов. В отчете Николаю II за 1905 г. петербургский губернатор Зиновьев писал, что с начала 1905 г. к нему «отовсюду поступали донесения о массовых порубках чужих лесов, об угрозах относительно предстоящих захватов чужих земель, о производимых разгромах хлебозапасных магазинов, о противозаконных сборищах, именуемых сходками, о прекращении платежей и о требованиях возврата уже оплаченных сборов». ⁴

Крестьянство становилось на путь революционной борьбы, выступая в качестве союзника рабочего класса в борьбе против самодержавно-помещичьего строя.

Революционная борьба рабочего класса революционизировала различные прослойки мелкой городской буржуазии, в частности молодежь высших учебных заведений.

В Петербурге была сосредоточена примерно одна треть всех высших учебных заведений России. Наличие среди студенчества демократической прослойки,

¹ ЦГИАЛ, ф. 130, оп. 1, 1905 г., д. 402, л. 29.

² ЦГИАЛ, ф. 1236, оп. 6, 1905 г., д. 20, л. 62.

³ ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 1, 1905 г., д. 5757, март, лл. 298—303.

⁴ Всеподданнейший отчет о состоянии С.-Петербургской губернии за 1905 год, стр. 2.

активное участие передовой части студенчества в революционном движении обусловили значительную политическую активность студенческой массы.

Против студентов, как и против рабочих, велась погромная травля черной сотней, избиения студентов полицией и патрулями в дни 9—11 января были обычными явлениями.

После 9 января 1905 г. во многих высших учебных заведениях столицы: Университете, Технологическом институте, Электротехническом, Горном, Лесном, Военно-медицинской академии и других — состоялись многолюдные студенческие сходки, на которых выносились постановления о прекращении занятий до 1 сентября 1905 г. ввиду невозможности при современных политических условиях продолжать учебные занятия.

Огромное значение в осуществлении студенческой забастовки в Петербурге имела грандиозная политическая сходка в Актовом зале Университета 7 февраля 1905 г., на которой присутствовали студенты многих высших учебных заведений. Призывы к свержению самодержавия звучали в выступлениях многих ораторов. В принятой огромным большинством резолюции были следующие требования: созыв Учредительного собрания, демократическая республика, прекращение войны и др. К забастовке высших учебных заведений присоединились и учащиеся некоторых столичных гимназий.

Эта пассивная форма протеста учащейся молодежи поддерживалась либеральной профессурой. Ученые советы ряда учебных заведений: Политехнического института, Университета, Военно-медицинской академии, Женского медицинского института и других, вынесли постановления о невозможности возобновления занятий. Вслед за Петербургом большинство высших учебных заведений страны прекратило свою деятельность после январских событий.

* * *

Одновременно с объявлением о созыве комиссии Шидловского царское правительство предпринимает новые маневры для ослабления революционного движения в стране. 18 февраля 1905 г. был опубликован указ Сенату о праве петиций, легализовавший одну из форм буржуазно-либерального оппозиционного движения, и рескрипт на имя министра внутренних дел Булыгина. Рескрипт провозглашал намерение царя привлекать «избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений» и возлагал на Булыгина разработку законопроекта о совещательном представительном учреждении. Этот правительственный акт был рассчитан на удовлетворение политических стремлений умеренных буржуазных слоев.

В тот же день, 18 февраля, был опубликован манифест Николая II, в котором он призывал к сплочению вокруг престола и искоренению крамолы. Крупная буржуазия приветствовала рескрипт на имя Булыгина. Биржа ответила на акт 18 февраля поднятием курса ценных бумаг.

Январские события не могли не вызвать некоторого оживления буржуазно-либерального движения в стране. Земские собрания, городские думы, различные съезды и совещания вновь и вновь робко заявляют свои пожелания о даровании конституции. Представители торгово-промышленной буржуазии подают в Министерство финансов записки, в которых толкуют о необходимости государственных реформ. «Либеральная буржуазия „порозовела“ после 9-го января».¹ Петербургские либералы не составляли исключения.

Бурные январские события 1905 г. застали врасплох петербургские буржуазно-либеральные круги. Мысль, высказанная лидером русских либералов П. Струве на страницах «Освобождения» в начале января 1905 г.: «В России еще нет революционного народа», считалась в либеральных кругах аксиомой. Упоенные эрой правительственной «весны», банкетной кампанией, известной легализацией буржуазно-либерального движения, либералы были буквально ошеломлены мощным выступлением петербургских рабочих. Ни о каком активном вмешательстве растерявшихся либералов в ход событий не было и речи.

В эти дни либералы поддерживали контакт с Гапоном и с «Кружком ответственных лиц», получая от них некоторую информацию и документы. В редакциях петербургских либеральных газет «Наша жизнь», «Наши дни» происходили совещания интеллигенции, на которых знакомились с петицией, с письмом Гапона к Святополк-Мирскому, делились впечатлениями о событиях последних дней.

Днем 9 января либеральная интеллигенция столицы собиралась по редакциям газет, все разговоры вращались вокруг кошмарных событий дня, царил растерянность, не знали, что предпринять. На собрании интеллигенции в Публичной библиотеке, происходившем днем, когда еще звучали залпы на улицах Петербурга, стали производить подписку в пользу раненых и семей убитых. Вечером было большое собрание в Вольном Экономическом обществе. По рассказу делегата III съезда РСДРП, собралось около 1000 чел. — цвет петербургской буржуазной интеллигенции, чтобы обсудить вопрос «как быть», «что делать». Явившаяся на это собрание за советом делегация от рабочих Нарвского района поставила либералов втупик, и рабочие услышали из уст Прокоповича такой совет: «Главное, не бейте стекол, пожалуйста, не бейте стекол».²

Нескончаемый поток речей представителей буржуазно-либеральной интеллигенции не мог затушевать основного: политического бессилия и враждебного отношения русских либералов к решительной революционной борьбе с самодержавием.

Петербургская городская дума не могла пройти мимо январских событий. На заседании 12 января в присутствии 80 гласных, Городской управы в полном

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 9, стр. 147.

² Протоколы Третьего съезда РСДРП, стр. 390.

составе во главе с городским головой Резцовым группа гласных внесла резолюцию с осуждением расстрелов 9 января. «Подобная жестокость подрывает основы общественного порядка», — писали гласные в своем заявлении. Председательствующий, член Государственного Совета П. П. Дурново не допустил обсуждения этой резолюции, и Городская дума подавляющим большинством приняла решение, не входя в оценку событий, ассигновать 25 тыс. руб. на пособие раненым и семьям убитых 9 января 1905 г.

П. Дурново дал такую, бесподобную по цинизму, мотивировку этого постановления: «Если дума ассигнует 25000 рублей для раненых и семей убитых, то дума не выйдет из своих пределов. Ведь заботятся о врагах. Ассигнование не может служить выражением сочувствия беспорядкам, а лишь будет сделано благотворительное дело».¹

В глумлении над рабочими, залившими своей кровью три дня тому назад улицы Петербурга, не отставали и другие гласные Городской думы. Гласный Опенгейм заявил, «что среди пострадавших есть лица, которые заслуживают пособия, но есть и такие, которые этого не заслуживают».

«Я был свидетелем, — сказал гласный Потехин, — потрясающих картин, везли на ломовиках тела, и раненые лежали во дворах больниц на снегу без помощи (возгласы «позор!»). Карет скорой помощи не было на месте, видел, как один раненый полз от Исаакиевского собора к скверу; и далее в протоколе записано предложение выступавшего: «Просить учредить каретки скорой помощи по примеру Парижа».²

Так «отцы города» реагировали на январский расстрел. Консервативная Петербургская городская дума не пошла даже на принятие либеральной резолюции, которые в то время принимались земскими собраниями и городскими думами.

С началом революции необычайно активизировалась деятельность Петербургского общества для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности, более известного под названием Общества петербургских заводчиков и фабрикантов. К марту 1905 г. в обществе состояло 142 крупные фирмы, на предприятиях которых было занято 93800 рабочих. В дни январской стачки в Обществе заводчиков и фабрикантов почти ежедневно происходили совещания, на которых вырабатывались согласованные решения по борьбе с рабочим движением. На этих совещаниях часто присутствовали представители казенных заводов.

Морское министерство, заводы которого — Ижорский, Обуховский, Балтийский — играли в Петербургском промышленном районе исключительно важную роль, поддерживало с января 1905 г. самый тесный контакт с Обществом завод-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1326, оп. 6, 1905 г.; д. 164, л. 4.

² Там же, л. 7.

чиков и фабрикантов, делегировав туда члена правления Балтийского завода А. Чиколева, который принимал деятельное участие в работе Общества.

Когда в начале январской стачки на некоторых казенных заводах (Балтийском и др.) было объявлено об оплате рабочим за минувшие три дня забастовки, то «общее собрание петербургских фабрикантов 11 января 1905 г. усмотрело в этом факте весьма опасный прецедент для частной промышленности и постановило обратиться к казенным заводам с предложением принять участие в общих собраниях Общества, чтобы таким образом тактику действия по рабочему вопросу на казенных и частных заводах по возможности объединить».¹

Результатом январских совещаний явилось «общее заключение собрания петербургских фабрикантов» от 18 января 1905 г., разосланное по всем частным и казенным предприятиям для сведения и руководства. В этом «заключении» все важнейшие требования забастовавших рабочих: 8-часовой рабочий день, создание комиссий из выборных от рабочих, уничтожение штрафов и другие — были «признаны не подлежащими обсуждению» на том основании, что эти вопросы должны решаться в законодательном порядке в масштабе страны; что же касается рассмотрения частных требований рабочих, то предприниматели выдвигали предварительное условие — прекращение стачки. Наконец, собрание заводчиков и фабрикантов решило не платить рабочим за время забастовки, ограничившись выдачей пособий по усмотрению предпринимателя. Общество заводчиков и фабрикантов выступает перед царским правительством как выразитель мнения предпринимательских кругов. В январе 1905 г. министр финансов Кокковцов проводит ряд совещаний с петербургскими заводчиками и фабрикантами. Царизму необходимо было скорее добиться прекращения всеобщей стачки в столице хотя бы ценой мелких экономических уступок со стороны предпринимателей. Петербургские заводчики и фабриканты заняли непримиримую позицию в отношении экономических требований рабочих.

После совещания петербургских заводчиков и фабрикантов в Министерстве финансов 24 января 1905 г., которое не привело ни к каким положительным результатам, на имя министра финансов была подана «Докладная записка», в которой указывалось, что главной причиной рабочих волнений и стачек являются политические условия, существующие в России. По мнению петербургских предпринимателей, действительным средством умиротворения рабочего движения могут быть лишь «реформы общегосударственного характера».² Но либерализм петербургских заводчиков и фабрикантов сразу же увядал, когда дело касалось непосредственных интересов буржуазии; удовлетворять экономические требования рабочих они категорически отказывались. Ведущую роль в Обществе завод-

¹ ГИАЛО, ф. 1349, оп. 1, 1907 г., св. 224, д. 1918, л. 8.

² Докладная записка с.-петербургских заводчиков и фабрикантов министру финансов. СПб., 1905.

чиков и фабрикантов играла группа механических и металлургических заводов, руководимая Э. Нобелем. Эта группа являлась инициатором многих мероприятий, направленных против рабочего класса.

Как только могучая январско-февральская стачечная волна пошла на убыль, петербургское Общество заводчиков и фабрикантов забыло либеральную фразеологию и в целях борьбы с рабочим движением признало необходимым заключить между предпринимателями особое соглашение — конвенцию. 15 марта 1905 г. собрание Общества заводчиков и фабрикантов одобрило следующие шесть пунктов конвенции: не производить сокращения рабочего дня, не платить за забастовочные дни, считать недопустимым участие рабочих в определении заработной платы и обсуждении вопросов фабрично-заводского распорядка, «право увольнения рабочего принадлежит заводууправлению, и никакое вмешательство рабочих и их представителей в это дело не должно быть допускаемо», требования рабочих об отмене штрафов отклонить, «установление, по требованию рабочих, гарантированной заработной платы для работающих по сдельным расценкам, равно как установление минимальной платы для поденных, недопустимо. Заработная плата должна подчиняться закону спроса и предложения, и отступление от этого, даже кажущееся чисто формальным, опасно, как вредный прецедент вмешательства рабочих».¹

Собрание заводчиков и фабрикантов постановило эту конвенцию принять к руководству и придерживаться ее неуклонно, впредь до изменений, которые могли быть произведены с общего согласия.

Конвенция была разослана 17 марта 1905 г. Обществом заводчиков и фабрикантов всем предпринимателям и на казенные заводы с приглашением присоединиться, и в ближайшее время 92 петербургские фирмы дали свою подпись на участие в соглашении.

Когда копия конвенции была получена в Морском министерстве, то А. Чиков, член правления Балтийского завода, получил полномочия «заявить совещанию заводчиков и фабрикантов, что Морское ведомство солидарно с его взглядами».²

Таким образом, петербургские предприниматели, отклоняя важнейшие требования рабочих, заявленные во время январско-февральских стачек, и в первую очередь требование 8-часового рабочего дня, договорились о согласованных действиях, направленных против рабочего класса.

В феврале—марте 1905 г. предприниматели и царское правительство в борьбе с рабочим движением в Петербурге переходят к таким формам борьбы, как закрытие предприятий, расчет рабочих. Инициатором проведения локаута в

¹ ЦГИАЛ, ф. 156, оп. 1, 1904—1905 гг., лл. 111, 182.

² ЦГАВМФ, ф. 442 (Балтийский и Адмиралтейский судостроительные заводы), 1905 г., д. 229, л. 100.

Петербурге явилось товарищество Российско-Американской резиновой мануфактуры. Дирекция этого предприятия в ответ на начавшуюся 1 февраля стачку закрыла фабрику и произвела расчет рабочих. Локаут длился до 26 февраля, когда доведенные до крайней пужды 6 тыс. рабочих и работниц Резиновой мануфактуры вынуждены были стать на работу на условиях, объявленных дирекцией.

Локаут широко применяется на казенных петербургских заводах в конце февраля—марте. В конце февраля по распоряжению соответствующих министерств крупные заводы — Балтийский, Обуховский, Трубочный, Орудийный, Александровский — были закрыты «впредь до особого распоряжения».

Закрывая заводы и рассчитывая рабочих, царское правительство стремилось с помощью костлявой руки голода заставить рабочих работать на тяжелых, кабальных условиях и одновременно произвести чистку состава рабочих.

При возобновлении работ 8 марта на Трубочном заводе 2500 рабочих остались за бортом; не были приняты рабочие, ходившие в «выборщиках» и «депутатах». От принимаемых на работу рабочих отбиралась подписка установленной формы и поручительство. При возобновлении работ на Обуховском и Балтийском заводах наблюдается та же картина. От рабочего отбиралась подписка по такой форме:

«Подписка. Даю настоящую подписку в том, что обязуюсь, поступив для работ на Балтийский завод на цеховую плату последнего назначения, относиться добросовестно к исполнению этих работ, подчиняясь беспрекословно распоряжениям общей и цеховой администрации завода, а также существовавшему до 1 января 1905 г. правилам внутреннего распорядка на заводе, и не предъявлять впредь никаких претензий и требований скопом».¹

На Балтийском заводе не было принято обратно около 100 рабочих, среди них 14 «выборщиков» в комиссию Шидловского.

В марте, следуя примеру казенных заводов, владельцы таких крупных текстильных предприятий, как фабрика Торнтон, Спасская и Петровская мануфактуры, произвели расчет рабочих и закрыли предприятия до конца апреля 1905 г. Таким образом, с начала революции устанавливается единый фронт царизма и буржуазии в борьбе с революцией.

* * *

В революционной борьбе российского рабочего класса первых месяцев революции выдающаяся роль принадлежала петербургскому пролетариату. Петербургские рабочие шли в авангарде революционного движения, они положили начало первой русской революции.

¹ ЦГАВМФ, ф. 442, 1905 г., л. 229, л. 95.

В первые месяцы революции 1905 г. петербургские рабочие, как и рабочие всей России, сделали колоссальный шаг вперед в своем политическом развитии, организации, обогатившись опытом революционной борьбы.

С самого начала революции петербургские рабочие применили в борьбе такое важное и острейшее оружие, как массовая политическая стачка, поднимавшая на борьбу с самодержавием широкие массы народа. На опыте январской революционной борьбы для рабочего класса яснее стала связь массовых политических стачек с восстанием. Размах стачечного движения в Петербурге в первые месяцы революции был огромным. По данным Министерства торговли и промышленности, число «потерянных» в результате забастовок рабочих дней на фабриках и заводах Петербургской губернии составило за январь—март 1905 г. 1702544 дня. Эта цифра в несколько раз больше суммы «потерянных» рабочих дней за тот же период в таких промышленных губерниях, как Московская (188605 дней) и Владимирская (437248 дней).¹

Как и в масштабе всей страны, в Петербурге в авангарде январско-февральских стачек шли рабочие-металлисты. Ведущая роль этой группы рабочих видна из распределения «потерянных» рабочих дней за январь—февраль 1905 г.: на рабочих-металлистов падает 51,1% «потерянных» рабочих дней, на рабочих-текстильщиков — 24,1%.

В качестве яркой иллюстрации активности металлистов в стачечной борьбе в январе—марте 1905 г. могут служить заводы Путиловский (13200 рабочих), бастовал 31 день; Невский судостроительный и механический (6200 рабочих), бастовал 33 дня; Франко-Русский (2400 рабочих), бастовал 25 дней; Петербургский металлический (2000 рабочих), бастовал 22 дня; Меднопрокатный (б. Розенкранца) (1320 рабочих), бастовал 24 дня.²

Активно участвовали в стачечной борьбе в январе—марте петербургские текстильщики; на крупнейших фабриках было по две-три забастовки в течение января—марта 1905 г.

Невская ниточная мануфактура (1574 рабочих) бастовала 27 дней, Невская бумагопрядильная мануфактура (1831 рабочий) — 20 дней, Петровская и Спасская мануфактуры (2731 рабочий) — 20 дней, Александро-Невская Пали (1820 рабочих) — 20 дней.³

Революционная борьба рабочих России в первые месяцы революции имела своим результатом ряд экономических завоеваний. Рабочие казенных заводов, находившихся в ведении Министерства путей сообщения, Главного артиллерийского управления, добились сокращения рабочего дня на один час; 9-часовой

¹ ЦГИАМ, ф. 1157, д. 64, лл. 18—19.

² ГИАЛО, ф. 1229 (Фабричная инспекция Петербургской губ.), оп. 2, 1905 г., св. 70, д. 2, ч. II, лл. 73, 91, 145, 146.

³ ГИАЛО, ф. 1229, оп. 2, 1905 г., св. 70, д. 1, ч. I, лл. 2, 3, 12, 14.

В. А. Серов. Солдатушки, brave ребятушки... 1905 г.

рабочий день был введен 17 февраля 1905 г. в ж.-д. мастерских и депо, 12 апреля — на заводах артиллерийского ведомства. На заводах Главного артиллерийского управления и Министерства путей сообщения в Петербурге работало около 23 тыс. рабочих.

Рабочие таких крупных петербургских предприятий, как Александровский завод, железнодорожные мастерские Петербургско-Варшавской ж. д., Трубочный, Петербургский оружейный, Патронный, Арсенал, Сестрорецкий оружейный, Охтенские пороховые и другие, добились 9-часового рабочего дня.

На предприятиях Петербурга, подчиненных надзору фабричной инспекции, рабочим также удалось добиться ряда уступок экономического характера в результате январско-февральских стачек. Суммируя далеко не полные данные анкет, собранных фабричной инспекцией, получаем такую картину. На 25 средних и мелких механических и металлообрабатывающих предприятиях с общим числом рабочих 7 тыс., имевших до сего времени 11½-часовой рабочий день, рабочие добились его сокращения. Так, был установлен 10-часовой рабочий день вместо 11½-часового на заводах жестяных изделий Хаймовича, Розенберга; на 1 час был сокращен рабочий день на механическом заводе Сан-Галли, провололочном и гвоздильном, подковном Посселя, электротехническом Глебова, на «Арматуре», механическом заводе Р. Круг; на ½ часа был сокращен рабочий

день на машиностроительном заводе «Феникс», 2-м вагоностроительном.¹ На Путиловском, Петербургском металлическом, Франко-Русском, Невском судостроительном была несколько повышена заработная плата чернорабочих.

Рабочие 14 петербургских типографий добились некоторого сокращения рабочего дня и повышения заработной платы. Был сокращен рабочий день на 1 час на табачной фабрике «Лаферм» и Резиновой мануфактуре и на 1½ часа на пивомедоваренном заводе «Новая Бавария». Развернувшаяся политическая борьба рабочего класса против самодержавия не исключала, а, наоборот, предполагала широкое развертывание борьбы рабочих за улучшение своего экономического положения.

В январе—марте 1905 г. на многих петербургских фабриках и заводах, не исключая и казенных, появились выборные от рабочих, называвшиеся по-разному: «депутаты», «делегаты», «уполномоченные», «выборные», которые по поручению рабочих вырабатывали и предъявляли администрации требования, вели с ней переговоры, открыто проводили совещания и собрания.

Предприниматели и царская администрация временно были вынуждены считаться с фактом самочинного возникновения на многих заводах и фабриках института выборных от рабочих и со своей стороны принимали все меры к тому, чтобы подчинить их деятельности своему контролю, рассматривая выборных как фабричных старост. Фабричные старосты, введенные законом 1903 г., находились в полном подчинении фабрично-заводской администрации, и рабочие повсеместно игнорировали этот закон, отказываясь от выборов старост.

На Путиловском заводе администрацией были разработаны особые «Правила для выборных», в них даже предусматривалось «в виде опыта» привлечение выборных к установлению расценки. Однако опека заводской администрации была столь значительной, что выборные 30 марта сложили свои полномочия, и директор завода Смирнов объявлением 2 апреля оповестил рабочих, что «учреждение постоянных выборных и их кандидатов упраздняется».²

После срыва комиссии Шидловского на петербургских заводах и фабриках начались преследования «депутатов» и «выборных». Многие были уволены с предприятий, другие арестованы и высланы.

В революционной борьбе первых месяцев революции рабочий класс России, руководимый большевистской партией, показал себя как главная революционная сила в стране, возглавившая борьбу народа за свержение самодержавия.

Революция с самого начала приняла общенародный характер. Январско-февральский период 1905 г. явился первым этапом подъема народной революции.

¹ ГИАЛО, ф. 1229, оп. 2, 1905 г., св. 70, д. 2, ч. II, лл. 60, 62, 70, 88, 89, 108, 150, 165, 171.

² ГИАЛО, ф. 1349, оп. 1, 1905 г., св. 176, д. 1380, л. 257.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГЕ ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ 1905 г.

В. И. Ленин в статье «О статистике стачек в России» отмечает, что подъем стачечной волны в 1905—1907 гг. означает критические, поворотные пункты в развитии революции. «Это не значит, конечно, — пишет В. И. Ленин, — чтобы рассматриваемая форма движения была единственной или высшей формой, — мы знаем, что это не так... Но это значит, что перед вами статистическая картина (конечно, далеко не полная картина) движения такого класса, который был главной пружиной общего направления событий. Движение других классов группируется вокруг этого центра, за ним следует, им направляется или определяется (в положительную или в отрицательную сторону), от него зависит».¹

Январско-февральские стачки были первым крупным натиском рабочего класса на царизм. Эта волна политических и экономических стачек и начавшийся в мае подъем стачечного движения послужили мощным толчком для развития революционной борьбы среди крестьянства, среди солдат и матросов. В большевистской газете «Вперед» о крестьянском движении весной 1905 г. сообщалось следующее: «С стремительной быстротой и силой разрастается пламя крестьянского восстания и вширь, и вглубь. По сообщениям легальной и нелегальной прессы, крестьянское движение проявилось за последние месяцы в Черниговской, Орловской, Самарской, Саратовской, Курской, Киевской, Тамбовской, Екатеринославской и многих других губерниях Европейской России, не говоря уже о Кавказе, где фактически почти не существует правительственных властей».²

Весной и летом 1905 г. в революционную борьбу втягиваются новые слои рабочего класса. Крупнейшим революционным событием летом 1905 г. была стачка текстильщиков в Иваново-Вознесенске, вовлекшая в борьбу текстильщиков Центрально-промышленного района. Цифровые данные о стачечном движении за период весны и лета 1905 г. рисуют следующую картину: во вторую четверть 1905 г. количество стачечников составляет 481 тыс., из них на май падает 220 тыс.; в третью четверть стачечная волна снижается, количество стачечников составляет 294 тыс.³

Рабочее движение, порождая многообразие форм борьбы, неизбежно упирается в необходимость вооруженной борьбы с царизмом. Участились случаи вооруженных столкновений рабочих с полицией и войсками, в ряде мест движение поднимается до открытых восстаний народа: вооруженное восстание в Черноморском флоте на броненосце «Князь Потемкин-Таврический», баррикадные бои в Лодзи (22—24 июня 1905 г.).

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 377.

² Вперед, 1905, № 16.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 376.

Неудачи царизма в русско-японской войне: крупное поражение русской армии в феврале под Мукденом, гибель в мае 1905 г. русской эскадры у острова Цусимы — еще более накалили политическую обстановку в стране.

В условиях начавшейся буржуазно-демократической революции в России большевики завершили упорную борьбу за созыв очередного, III съезда партии. Созыв партийного съезда был крайне необходим, партия должна была выработать тактику в происходящей революции.

Преодолевая стремление меньшевиков помешать созыву очередного партийного съезда, все крупнейшие организации РСДРП, в том числе Петербургский комитет, Московский, Кавказский союзный, решительно боролись за созыв III съезда партии. В марте 1905 г. из 28 социал-демократических комитетов 21 высказался за созыв съезда партии.

Петербургская организация большевиков была важной опорой в борьбе за съезд партии. В. И. Ленин поддерживал с ней оживленную письменную связь. Некоторые члены Бюро комитетов большинства — С. И. Гусев, Р. С. Землячка — работали в Петербургской организации.

Петербургская организация большевиков в условиях начавшейся революции стала быстро расти, расширился размах ее деятельности. Секретарь Петербургского комитета С. И. Гусев в письме к Ленину так характеризовал состояние партийной работы в Петербурге: «Минувшие события пробудили огромную массу новых сил. От предложений нет отбоя. У нас создан огромный конспиративный аппарат, который остается только усовершенствовать. Достаточно упомянуть, что у Комитета теперь около 60 агитаторов и масса людей, выполняющих и готовых выполнить самые мелкие функции беготни, передачи, разноски, явок, переписки, экспедиции, посылки писем и т. д. Создается военная организация, ряд технических групп нового типа и пр.»¹

В марте Петербургский комитет приступил к изданию нелегальной газеты «Петербургская рабочая неделя»; вышел всего один номер 20 марта 1905 г. При наборе второго номера газеты подпольная типография Петербургского комитета была захвачена полицией.²

Во всех звеньях Петербургской большевистской организации горячо обсуждалось обращение Бюро комитетов большинства.

«В наших комитетах, — пишет из Петербурга корреспондент «Вперед», — в группах пропагандистов и агитаторов и в технических организациях — всюду начинается обсуждение тех вопросов, которые намечены в заявлении „Бюро“ о созыве съезда. По всем вопросам принимаются резолюции, которые будут представлены съезду».³

¹ Выдержки из этого письма опубликованы были в газете «Вперед», № 9, от 23 февраля 1905 г.

² ЦГИАЛ, ф. 1326, оп. 6, 1906 г., д. 4, ч. II, л. 9.

³ Вперед, 1905, № 8.

Корреспонденты «Вперед» сообщают некоторые данные об этом обсуждении. В Выборгском районе и на Петербургской стороне состоялись районные партийные собрания агитаторов районов, на которых были единодушно приняты решения за созыв съезда.

В нелегальном органе Петербургского комитета большевиков «Петербургская рабочая неделя» сообщается о собрании за Невской заставой представителей рабочих организаций этого района, которые в подавляющем большинстве «высказались за необходимость съезда и признали правильную тактику партийного большинства».¹

6 марта состоялось собрание ответственных организаторов всех районов при Петербургском комитете РСДРП, высказавшееся за созыв съезда. На этом собрании активных работников Петербургской организации большевиков был поднят вопрос, по которому партийному съезду предстояло сказать свое веское слово, — вопрос о вооруженном восстании. «В широких массах пролетариата, — пишет корреспондент из Петербурга, — за последнее время стала популярна идея вооруженного восстания, преддверием которого должна служить всеобщая политическая стачка». Ответственные организаторы районов Петербурга высказались за развертывание широкой работы партийных организаций по вооружению рабочих, за создание особых «боевых кружков».²

Деятельность нелегальной большевистской газеты «Вперед», руководимой В. И. Лениным, получает на предсъездовских собраниях в большевистских организациях Петербурга самую положительную оценку. Большевистская газета пользовалась большой популярностью среди петербургских рабочих. ««Вперед» и комитетские листки читаются рабочими нарасхват», — пишет корреспондент «Вперед» из Петербурга.³ Петербургский комитет и ответственные организаторы шести районов единогласно признают «Вперед» своим руководящим органом, говорилось в одном решении.⁴

Комитет Городского района Петербурга вынес постановление, в котором дал такую оценку меньшевистской «Искре» и большевистской газете «Вперед»: «Признавая, что „Искра“ изменила той позиции, на которой она должна была стоять на основании директивы II съезда, мы выражаем благодарность руководителям „Вперед“ за то, что они поддерживают, отстаивают и обосновывают эту позицию, и считаем этот орган руководящим органом».⁵

Делегатом на III партийный съезд от Петербургской организации была выбрана Р. С. Землячка, профессиональная революционерка, агент ленинской «Искры», член Бюро комитетов большинства.

¹ Петербургская рабочая неделя, 1905, № 1.

² Вперед, 1905, № 14.

³ Там же, № 12.

⁴ Там же, № 14.

⁵ Там же.

III съезд большевистской партии, состоявшийся в апреле 1905 г. в Лондоне, принял в основу своих решений проекты резолюций, написанные вождем партии В. И. Лениным, в которых были сформулированы основные положения стратегии и тактики большевиков в революции.

Гениальное теоретическое обоснование решений III съезда партии дано в классическом труде В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», вышедшем в свет в июле 1905 г.

В. И. Ленин в определении стратегии и тактики большевистской партии исходил из характера и движущих сил первой русской революции. Это была первая буржуазно-демократическая народная революция эпохи империализма, носившая на себе печать своеобразия, коренного отличия в расстановке классовых сил в сравнении с буржуазными революциями, происходившими ранее в странах Западной Европы.

Важнейшей особенностью первой русской революции было то, что рабочий класс России, руководимый революционной марксистской партией, являясь самым передовым, организованным, единственным последовательно революционным классом, выступил как главная движущая сила революции, как класс руководящий, идущий во главе всех революционных элементов народа.

В работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» В. И. Ленин обосновал положение о гегемонии (руководящей роли) пролетариата в буржуазно-демократической революции, явившееся новой установкой марксистской партии по вопросам тактики в революции. Союзником пролетариата являлось революционное крестьянство, заинтересованное в победе революции, которая уничтожит класс помещиков и даст крестьянам землю. Революция 1905 г. подняла миллионы рабочих и крестьян всех национальностей России на борьбу с самодержавно-помещичьим строем, — это была народная революция.

В «Докладе о революции 1905 года» В. И. Ленин писал: «Своеобразие русской революции заключается именно в том, что она была по своему социальному содержанию *буржуазно-демократической*, но по средствам борьбы была *пролетарской*».¹

Рабочий класс, осуществляя руководящую роль в революции, применял пролетарские средства борьбы: массовые политические стачки, вооруженные восстания.

Русская буржуазия, тесно связанная с самодержавием, боящаяся революционного движения рабочих и крестьян, не являлась революционным классом, она выступает врагом народной революции, стремясь к соглашению с царизмом.

Стратегический план большевиков, обоснованный Лениным в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции», исходил из того, что основной удар революции по царизму наносится объединенными силами

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 23, стр. 231.

пролетариата и крестьянства при руководящей роли пролетариата и при изоляции либеральной буржуазии.

В. И. Ленин не думал ограничивать революцию выполнением буржуазно-демократических задач. «... От революции демократической, — писал В. И. Ленин, в сентябре 1905 г. в «Пролетарии», — мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию».¹

Победу буржуазно-демократической революции В. И. Ленин не считал концом революции; в связи с разрешением задач этой революции должна начаться борьба пролетариата и других эксплуатируемых масс за социалистическую революцию.

Пролетариат, присоединяя к себе массу полупролетарских слоев города и деревни, совершит социалистический переворот. В. И. Ленин, опираясь на положения К. Маркса о непрерывной революции, о сочетании крестьянского революционного движения с пролетарской революцией и развивая их дальше, создал новую стройную теорию социалистической революции. Важнейшим условием победы социалистической революции является, как отмечал Ленин, союз пролетариата с полупролетарскими элементами города и деревни. Творчески развивая марксизм в новых исторических условиях, В. И. Ленин идейно вооружил партию и рабочий класс в борьбе за революционное преобразование общества.

Главным средством свержения царизма и установления демократической республики является вооруженное восстание.

III съезд РСДРП дал ясную директиву партии по вопросу о вооруженном восстании: «... задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент».² Вопросы организационно-технической подготовки к вооруженному восстанию выдвигались на первый план в работе большевистских организаций.

В результате победоносного восстания должно быть создано временное революционное правительство, являющееся органом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Ближайшей задачей временного революционного правительства является осуществление социал-демократической программы минимум, беспощадное подавление контрреволюции.

III съезд призвал допустимым вхождение социал-демократов в состав временного революционного правительства при сохранении самостоятельности классовой политической линии представителей пролетариата, при строгом контроле со стороны партии.

¹ Там же, т. 9, стр. 213.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7-е, стр. 77.

Большевистская стратегия и тактика в революции 1905—1907 гг. сложилась в жестокой борьбе с меньшевистской стратегией и тактикой. Меньшевики своими установками по вопросам революции политически разоружали рабочий класс, были проводниками буржуазного влияния на рабочий класс.

В период революции борьба двух линий в РСДРП — революционной, большевистской и оппортунистической, меньшевистской — развернулась с исключительной остротой. «Большевики держали курс на развертывание народной революции и ее победу, на освобождение трудящихся от гнета царизма и помещиков, на перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Меньшевики, наоборот, отстаивая гегемонию либеральной буржуазии в революции, держали курс на свертывание революции. Они скатились в болото соглашательства и превратились в агентуру буржуазии в рабочем движении».¹

Руководствуясь решениями III съезда, большевистские организации возглавляли борьбу рабочего класса. Широкое ознакомление с решениями съезда большевистской партии, их популяризация в массах являлись важнейшей задачей партийных организаций. Петербургский комитет нелегально издает тиражом в 7 тыс. резолюции III съезда партии, выпускает листовку с частью статьи Ленина «Пролетариат и крестьянство» и с резолюцией III съезда об отношении к крестьянству.²

* * *

Признаком начавшегося революционного подъема были политические стачки и демонстрации в связи с празднованием пролетарского праздника 1 мая, имевшие место во многих городах и промышленных районах. В первомайской листовке В. И. Ленин писал: «Готовьтесь же к великому бою, товарищи рабочие, останавливайте фабрики и заводы 1-го мая, или беритесь за оружие сообразно с советом комитетов социал-демократической рабочей партии. Час восстания еще не пробил, но он уже не далек».³

Особенно мощными были майские выступления в Польше, Прибалтике, на юге России.

Начиная с апреля 1905 г., в рабочих районах Петербурга почувствовалось приближение нового подъема революционной борьбы. За Невской заставой, за Нарвской, на Выборгской стороне, на Васильевском Острове происходят по различным поводам уличные демонстрации рабочих. У заводов устраиваются летучие митинги. Демонстрации и митинги часто сопровождаются столкновениями с полицией и вызовом войск. Особенно бурное оживление царило среди рабочих

¹ Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза (1903—1953). Госполитиздат, 1953, стр. 12.

² Пролетарий, 1905, № 14.

³ В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 8, стр. 318—319.

за Невской заставой. Здесь, в помещениях театра Невского общества народных развлечений, в воскресных рабочих школах Смоленской и Обуховской проводились многолюдные собрания, на которых раздавались революционные призывы к борьбе с самодержавием, на Шлиссельбургский тракт выходили рабочие с красными флагами и пением революционных песен. Особенно многолюдной и бурной была демонстрация 3 апреля 1905 г. Утром в этот день на местном кладбище к могиле убитого мастером рабочего фабрики Паля Алексея собрались толпы рабочих разных петербургских фабрик и заводов. После возложения венков на могилу состоялся митинг, где говорили речи «противоправительственного содержания»; стянутые сюда наряды пешей и конной полиции стали удалять с кладбища рабочих. Многотысячная толпа рабочих направилась по Шлиссельбургскому проспекту к фабрике Паля с пением «Марсельезы» и других революционных песен. Демонстрацию атаковали разъезды казаков, жандармов, полиции, которые были встречены градом камней, кирпичей, кусков железа; у Петровской мануфактуры рабочие пытались разоружить командира казачьей сотни. До вечера в этом районе происходили стычки с полицией и казаками; на помощь полиции были вызваны войска, рота преображенцев и сотня Атаманского полка.¹

Накануне 1 мая Петербургский комитет издает ряд прокламаций; на заводах Обуховском, Патронном, Ижорском были организованы митинги, на которых выступавшие ораторы призывали рабочих отметить день 1 мая устройством забастовок и демонстраций. Петербургский генерал-губернатор Трепов и градоначальник Дедюлин с большой тревогой ожидали приближения праздника 1 мая и принимали свои полицейские меры. В апреле происходят массовые обыски и аресты среди рабочих и революционной интеллигенции Петербурга. Эти полицейские операции нанесли большой урон Петербургской большевистской организации, были арестованы многие ее активные работники, на Васильевском Острове полиция захватила две оборудованные нелегальные типографии Петербургского комитета и другую технику, в руки охранного отделения попало большое количество большевистской литературы: номера газет «Вперед», «Петербургская рабочая неделя», прокламации «Общие требования», «К солдатам» и др.²

24 апреля градоначальник Дедюлин пишет Трепову: «Среди рабочих на фабриках и заводах встречается много лиц, весьма вредно влияющих на своих товарищей. Они являются первыми агитаторами к прекращению работ и всякого рода смуты и беспорядков». Дедюлин представляет Трепову списки рабочих, «пробывание которых в Петербурге является крайне нежелательным». Резолюция Трепова на списках лаконична: «выслать». Всего за три дня, 25—27 апреля, было возбуждено градоначальством ходатайство о запрещении жительства в пределах Петербургского генерал-губернаторства 743 лицам.³

¹ ЦГИАЛ, ф. 1326, оп. 6, 1905 г., д. 4, ч. II, л. 12.

² ЦГИАМ, ф. 102, оп. 5, 1905 г., д. 5, ч. I, лит. А, лл. 96, 110.

³ ЦГИАЛ, ф. 1326, оп. 6, 1905 г., д. 11, лл. 2, 29.

Эта волна репрессий не могла не отразиться на размахе первомайских выступлений в Петербурге.

Петербургские рабочие отметили праздник 1 мая устройством маевки, митингов и забастовками на ряде заводов. В день 1 мая в ряде пунктов города: на Выборгской стороне, Петербургской, за Невской заставой, на Преображенском кладбище — состоялись митинги; рабочие Путиловского и Охтенского заводов провели маевку за городом, на Охте. День 1 мая падал на воскресенье, большая часть предприятий в этот день не работала. На следующий день, 2 мая, рабочие двух заводов Лесснера, Петербургского металлического завода (Выборгская сторона), Невского судостроительного завода, Александрово-Невской мануфактуры Палия (Невская застава), 1-го вагоностроительного и ряда других предприятий, следуя призыву Петербургского комитета РСДРП, бастовали. Общее количество рабочих, участвовавших в первомайской забастовке в Петербурге, по данным фабричной инспекции, — 11 400 чел.¹

2 мая рабочие Невского судостроительного завода, начав утром забастовку, вышли огромной толпой из мастерских и с пением «Марсельезы» двинулись по Шлиссельбургскому тракту к фабрике Палия. На демонстрацию налетела полусотня атаманцев и стала избивать рабочих нагайками. Демонстранты бросились по дворам домов, откуда в казаков полетели камни и кирпичи.

Политическое положение в стране обострялось с каждым днем. Революционные митинги, политические демонстрации стали повседневным явлением. Широким потоком потекла в массы революционная литература: нелегальные брошюры, газеты, прокламации.

Петербургский комитет большевиков издает листки, прокламации, посвященные восстанию на броненосце «Потемкин», баррикадным боям в Лодзи. Призывы к сбору средств на оружие, к вооружению рабочих раздаются все чаще и чаще в листовках Петербургского комитета.

В обстановке развивающейся революции петербургские рабочие весной и летом 1905 г. проводят ряд крупных политических и экономических стачек. Борьба за улучшение своего экономического положения, за сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы вовлекает в движение самые широкие слои рабочих. В начале мая идет сильное брожение среди рабочих на заводах Морского ведомства (Обуховском, Балтийском, Ижорском, Новом Адмиралтействе), требовавших немедленного введения 9-часового рабочего дня, поскольку он уже существовал на ряде казенных заводов. В записке начальника Обуховского завода генерала Власьева от 7 мая управляющему Морским министерством, проливающей свет на историю введения 9-часового рабочего дня в Морском ведомстве, говорится: «Установление в начале марта нынешнего года девятичасового рабочего дня на казенном Александровском механическом заводе Министерства путей

¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 17, 1905 г., д. 339, л. 10.

сообщения, расположенном на одном тракте с Обуховским заводом и в самом близком от него расстоянии, произвело весьма благоприятное действие на всех мастеровых управляемого мною завода, поселив в них надежду, что такая льгота будет распространена и на них, так как условия жизни и работы на обоих заводах совершенно одинаковы. Однако с течением времени, не видя никаких перемен в желаемом направлении, существовавшее уже возбуждение начало сильно увеличиваться, и, наконец, когда стало известным, что на всех заводах главного артиллерийского управления введён девятичасовой день, нетерпение и возбуждение мастеровых Обуховского завода дошло до крайних пределов, и к вечеру 3 мая ясно обнаружилось, что через день или через два должен произойти взрыв, долженствующий окончиться новой забастовкой и, следовательно, полной остановкой всех работ по вооружению судов флота и в особенности четвертой эскадры. Только крайнее положение вещей заставило меня утром в среду, 4-го мая, экстренно беспокоить ваше высокопревосходительство и просить о возможно скором решении вопроса.¹

Управляющий Морским министерством генерал-адъютант Авелан срочно отправился к генерал-адмиралу великому князю Алексею Александровичу и, получив от последнего ответ, что на введение 9-часового рабочего дня в Морском ведомстве придется пойти, ставит в известность начальника Обуховского завода, который по возвращении на завод объявляет рабочим о введении 9-часового рабочего дня. Теперь уже отступать в этом вопросе Морское ведомство не могло. По докладу Морского министерства, Николай II лишь 16 мая 1905 г. подписал разрешение на введение 9-часового рабочего дня вместо 10-часового для адмиралтейств и заводов Морского ведомства.

Рабочие Обуховского, Балтийского, Ижорского и других заводов своей борьбой заставили царское правительство ввести 9-часовой рабочий день. «Товарищи, это ваша победа, это результат вашего зимнего и весеннего наступления», — справедливо говорилось в майской листовке Колпинского заводского комитета ПК РСДРП.²

Однако введение 9-часового рабочего дня в Морском ведомстве сопровождалось оговорками, ссылками на технические особенности работы отдельных цехов, якобы требовавшие большей продолжительности рабочего дня. На Ижорских адмиралтейских заводах администрация сохраняет 12-часовой рабочий день в металлургических цехах; после ряда забастовок в мае в этих цехах рабочий день был сокращён лишь на один час.

Исключительное упорство и энергию в революционной борьбе весной и летом проявили рабочие 1-го вагоностроительного завода (2600 рабочих) и 2-го вагоностроительного завода (850 рабочих).

¹ ЦГАВМФ, ф. 427 (Главное управление кораблестроения и снабжения), 1905 г., л. 93, л. 7.

² Листовки петербургских большевиков, т. I, стр. 232.

1-й вагоностроительный завод 2 и 3 мая в течение первой половины дня не работал, выборные от рабочих вручили администрации требования, состоящие из 23 пунктов: 8-часовой рабочий день, увеличение заработной платы на 50%, окончание работ по субботам в 2 часа дня, отмена штрафов, утверждение выборных старост для объяснений с администрацией и гарантия их неприкосновенности, освобождение двух рабочих, арестованных накануне 1 мая, увольнение управляющего и др.¹

Администрация сразу же заявила о некоторых мелких уступках (сокращение рабочего дня по субботам, выдача зарплаты через 2 недели и др.). Трепов выпустил двух арестованных. Однако рабочие решили продолжать борьбу; начиная с 4 мая, они вводят революционным явочным порядком 9-часовой рабочий день на заводе. 10 мая на собрании рабочих, происходившем на заводе, было «решено всегда оканчивать работу в 5½ часов вечера», т. е. работать 9 час.²

16 мая на заводе было расклеено объявление управляющего, извещавшего о расторжении договора и закрытии завода через 2 недели. Эти две недели по закону рабочие обязаны были работать. Возмущенные рабочие собрались на площади около вагоноборочной мастерской для обсуждения объявления. Утром 17 мая к управляющему явились выборные от рабочих и потребовали отмены объявления о закрытии завода, утверждения 9-часового рабочего дня. Получив отказ, они заявили, что эти две недели рабочие будут приходить на завод, но работать не будут. Действительно, в течение ряда дней рабочие с утра приходили на завод, собирались на площади и решали «находиться около своих мест и станков, но работу не производить».³ 20 мая завод был закрыт на неопределенное время, рабочие получили расчет.

В эти же дни, 16—19 мая 1905 г., происходит аналогичная по характеру забастовка на 2-м вагоностроительном заводе, тоже закрытом 20 мая. Локаут на 1-м и 2-м вагоностроительных заводах продолжался почти до середины июля, при возобновлении работ многие рабочие не были приняты обратно на заводы.

Революционное введение 9-часового рабочего дня в середине мая имело место и на Путиловском заводе. Борьба петербургских рабочих за сокращение рабочего дня, повышение заработной платы ширилась.

В течение двух недель в мае на Выборгской стороне бастуют оба завода Леснера (770 рабочих), телефонная фабрика Эриксон (550 рабочих), механический завод Барановского (600 рабочих), 18—21 мая бастуют рабочие механического завода Л. Нобель, на Петербургской стороне более недели бастовал механический завод Лангенгаупен (634 рабочих), в Петергофском участке бастовал 4 дня электротехнический Глебова (244 рабочих) и 11 дней механический завод Ю. Пивтш

¹ ГИАЛО, ф. 1229, св. 29, 1904—1905 гг., л. 408, л. 79.

² Там же, л. 95.

³ Там же, л. 119.

(109 рабочих). Петербургский комитет РСДРП большевиков поддерживает это движение рабочих за сокращение рабочего дня и повышение расценок; в особых листовках он призывает бороться за 8-часовой рабочий день.

В майских экономических стачках активное участие принимают рабочие петербургских текстильных фабрик, среди которых 60% составляли женщины. В течение недели бастуют такие крупные фабрики, как Александрово-Невская мануфактура Паля (1820 рабочих), бумагопрядильная «Невка» (500 рабочих), Росейская бумагопрядильная мануфактура (707 рабочих), Ново-Сампсониевская (400 рабочих), дважды бастовала Сампсониевская мануфактура (1449 рабочих), в мае начались продолжительные экономические забастовки на Никольской мануфактуре и фабрике Торитона.

Петербургское общество фабрикантов и заводчиков, встревоженное подъемом массового стачечного движения, бьет тревогу.

25 мая Общество фабрикантов и заводчиков рассылает циркуляр, в котором призывает капиталистов действовать солидарно и руководствоваться конвенцией, принятой 15 марта. Циркуляр сообщал, что «весь последующий ход рабочего движения доказал целесообразность и современность такого соглашения; начавшие же за последнее время в связи с требованием 9-ти часового рабочего дня новые забастовки рабочих, по единодушному убеждению собрания заводчиков по обработке металлов и машиностроению 19 сего месяца и общего собрания фабрикантов и заводчиков 23 с. м., скорее всего могут быть прекращены дружным отпором всех промышленников».¹ После получения этого циркуляра многие фирмы дали свою подпись под конвенцию: Меднопрокатный (б. Розенкранца), Петербургский железопрокатный и проволоочный, Петербургский вагоностроительный, фабрика механического производства обуви и др.

Основные требования бастующих рабочих в мае не были удовлетворены как на механических заводах, так и на текстильных фабриках. Лишь в начале июля на ряде текстильных фабрик — Невской бумагопрядильной, Сампсониевской, Спасской мануфактуре и других — рабочий день был уменьшен на $\frac{1}{2}$ часа, с $11\frac{1}{2}$ до 11 час., и заработная плата увеличена на 5%. Когда рабочим Спасской фабрики (1200 рабочих) было объявлено о сокращении рабочего дня, то они, прядя 14 июля на работу, «бросили таковую и с разрешения администрации фабрики собрались во дворе для обсуждения вопроса — принимать сбавку или нет, причем большинством голосов решено сбавки не принимать, а работать по-старому, впредь до издания закона о 8-часовом рабочем дне, после чего, около 8 часов утра, все приступили к работе».² Это отношение рабочих Спасской мануфактуры к сокращению рабочего дня на $\frac{1}{2}$ часа, проведенному с санкции Общества фабрикантов и заводчиков, очень характерно для позиции рабочих в период подъема революции. Борьба шла за 8-часовой рабочий день.

¹ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 4, 1904—1905 гг., д. 111, л. 202.

² ЦГИАЛ, ф. 1326, оп. 6, 1905 г., д. 81, л. 64.

В связи с военными поражениями царской России в массах усиливается анти-военное движение. Известие о разгроме русской эскадры при Цусиме было предметом обсуждения на многих собраниях Выборгской стороны; в резолюциях рабочие требовали прекращения войны. Выступления против войны приняли более широкий характер в связи с объявлением о мобилизации запасных в Петербурге. По призыву Петербургского комитета РСДРП в знак протеста против мобилизации 20 июня забастовали Путиловский, Невский судостроительный, Обуховский заводы; возбуждение охватило рабочих и других заводов. Выступления рабочих трех крупнейших, ведущих заводов Петербурга возымело свое действие; в газетах появилось разъяснение, что мобилизация будет носить частичный характер и коснется небольшой категории запасных. «Мы одержали блестящую победу над самодержавием», — говорилось в листовке большевистской организации Невского района.¹

Рабочие Путиловского завода, начав стачку в знак протеста против мобилизации, продолжали бастовать и в последующие дни, выдвинув ряд экономических требований: 9-часовой рабочий день с одновременным повышением на 20% заработной платы.² Правление 22 июня ответило отказом и заявило, что рабочие будут рассчитаны и завод закрыт.

В докладной записке петербургскому генерал-губернатору Трепову правление «почтительнейше просит обратить надлежащее внимание на происходящие на Путиловском заводе беспорядки и принять меры к устранению таковых». Правление отмечало особую активность, проявляемую рабочими мастерских инструментальной, механической, паровозо-механической, лафетно-сварядной, пушечной. «Это мастерские, которые постоянно заявляют какие-либо претензии и мутят остальных. В них лежит корень забастовок, так как движение всегда начинается ими».³ Локаут, объявленный на Путиловском заводе, был особенно длительным. Тринадцать с половиной тысяч рабочих обречены были на тяжелую нужду. Даже буржуазно-либеральная петербургская пресса вынуждена была писать о «царстве голода» за Нарвской заставой. Делалось это, конечно, не из сочувствия рабочим, а из чувства самосохранения, боялись вспышек эпидемий и беспорядков в столице.⁴

В корреспонденции о стачках путиловцев, опубликованной в нелегальной большевистской газете «Рабочий», сообщалось, что локаут путиловцев обрек на голод не менее 40 тыс. рабочего населения, с голоду пухли взрослые, умирали сотнями дети, вспыхнула эпидемия голодного тифа. Несмотря на скудость денежных средств, нелегальный Петербургский комитет большевиков переслал

¹ Листовки петербургских большевиков, т. I, стр. 238.

² ЦГИАЛ, ф. 1326, оп. 6, 1905 г., д. 467, л. 18.

³ Там же, лл. 4—5.

⁴ Русь, 1905, № 166.

путиловцам около двух тысяч рублей. На заводах и фабриках рабочие производили сборы денежных средств в пользу путиловцев; так, рабочие Обуховского завода собрали и передали нуждающимся путиловцам 3072 руб.¹

М. Горький, принимавший самое деятельное участие в сборе средств для рабочих-путиловцев, писал 27 июля 1905 г.: «Здесь на Путиловском форменный голод, голод индийский. Ребятишки умирают десятками. Женщины иссохли от слез, но рабочие, несмотря на все это, держатся крепко».²

Истощение путиловцев к концу июля дошло до крайности, пришлось становиться на работу на старых условиях. С 1 августа начали работать некоторые мастерские и то не с полным комплектом рабочих, в течение всего августа шло восстановление работ. Работа Путиловского завода при полном составе рабочих началась лишь с первых чисел сентября 1905 г.

Крупным событием революционной борьбы петербургских рабочих летом 1905 г. является однодневная забастовка, проведенная 9 июля в день полугодщины «Кровавого воскресенья». Организатором и руководителем этой большой политической стачки являлся Петербургский комитет большевиков.

Провалы ряда работников Петербургского комитета в апреле—мае несколько затормозили его работу. «Ни о расширении, ни об улучшении ее невозможно было думать. С трудом удавалось удерживать связи».³ Секретарем Петербургского комитета вместо выбывшего в мае в Одессу С. Гусева ставится Р. Землячка.

К июлю состав Петербургского комитета пополнился новыми работниками, работа оживилась. В конце июня Комитет принял решение ознаменовать полугодовщину январских событий однодневной политической стачкой. Укрепленный подпольный Петербургский комитет в начале июля собирался очень часто, уделяя большое внимание подготовке политической стачки 9 июля; достаточно указать, что было издано три прокламации, посвященные стачке, общим тиражом в 29 тыс. экземпляров.

С целью лучшего выявления мнения рабочих относительно забастовки 9 июля и мобилизации партийных организаций на успешное ее проведение, Петербургский комитет проводит ряд рабочих массовок, две конференции представителей кружков и заводских комитетов, подтвердивших готовность рабочих отметить полугодовщину январского расстрела.

Петербургский комитет большевиков заключил соглашение с Петербургской социал-демократической группой (меньшевиков), с Комитетом партии социалистов-революционеров о совместных действиях по проведению забастовки.

Меньшевики вначале не соглашались на устройство политической забастовки 9 июля, но, учитывая боевое настроение рабочих, они вынуждены были принять предложение большевиков.

¹ ГИАЛО, ф. 4267, св. 113, д. 1054, л. 11.

² М. Горький, Сочинения, т. 28 (Письмо Е. П. Пешковой).

³ Пролетарий, 1905, № 14. Из отчета о работе Петербургского комитета.

Забастовка 9 июля прошла с большим успехом; на многих заводах — Невском судостроительном, Обуховском, Балтийском, Ижорском, телефонной фабрике Эриксон и других — прошли митинги, на которых выступали представители Петербургского комитета РСДРП. По данным фабричной инспекции, число бастовавших в этот день составило 38 939 чел., но если учесть рабочих ряда казенных заводов, участвовавших в стачке, общая цифра бастующих превысит 50 тыс. чел.¹

Прекратили работы рабочие крупных заводов и фабрик за Невской заставой: Обуховского, Невского судостроительного, Александровского механического Николаевской ж. д., Петербургского чугунолитейного, Ситценабивной Паля; на Выборгской стороне бастовали Петербургский металлический, два завода Леснера, трубопрокатный Розенкранца, машиностроительный «Феникс», механический завод Л. Нобель, телефонная фабрика Эриксон и другие; на Васильевском Острове — электротехнический завод Сименс и Гальске, подковочный Поссели, завод «Вестингауз», северо-ткацкая мануфактура Гука; на Петербургской стороне бастовали рабочие на заводе Лангензипена, на ситценабивной фабрике Леонтьевых; в Коломенской части бастовал Франко-Русский завод.²

В этот день во многих петербургских церквях демонстративно служили панихиды по убитым 9 января. На Петербургской стороне рабочие фабрики Леонтьевых после панихиды устроили митинг, на котором ораторы выдвигали требование прекращения войны и введения 8-часового рабочего дня. Попытка рабочих организовать после митинга демонстрацию была сорвана полицией.³

Две тысячи рабочих Сестрорецкого оружейного завода этот день отметили прекращением работ на заводе и устройством уличной политической демонстрации, прошедшей под идейным руководством большевиков. За несколько дней до 9 июля в Сестрорецке были разбросаны большевистские прокламации: одна прокламация Петербургского комитета РСДРП «Ко всем рабочим», вторая гектографированная, местная «К сестрорецким оружейникам», подписанная «Пригородной организацией при ПК РСДРП». В прокламации «К сестрорецким оружейникам» большевики писали: «Товарищи! Завтра полгода со дня 9 января. Русский пролетариат ознаменует этот день однодневным прекращением работ. Этим он покажет непримиримую ненависть к царскому гнету и почтит память зверски убитых борцов за великое рабочее дело».⁴

8 июля выборные от рабочих заявили начальнику завода генералу Байцурову требование рабочих завода — закрыть завод 9 июля, на что после длительных переговоров, телефонного разговора начальника завода с канцелярией петербургского генерал-губернатора последовало согласие. Утром 9 июля рабочие, собрав-

¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 17, 1905 г., д. 339, л. 64.

² Там же.

³ ЦГИАЛ, ф. 1326, оп. 6, 1905 г., д. 81, ч. I, лл. 56—58.

⁴ Там же, д. 7, л. 46.

шись в большом количестве, демонстративно отслужили в церкви панихиду, после чего толпа двинулась по направлению к заводу. Демонстранты несли революционные знамена и пели «Марсельезу», около завода демонстрантами был избит исправник, пытавшийся прекратить демонстрацию. В лесу за Сестрорецком толпа остановилась на поляне, и здесь ораторы из рабочих выступили с политическими речами.

Вечером в тот же день в Сестрорецке к курорту подошла большая толпа рабочих и потребовала отмены концерта в курзале; буржуазная курортная публика в панике разбежалась. За участие в демонстрации в Сестрорецке 9 июля петербургский генерал-губернатор Трепов выслал из Петербургской губернии 13 чел., в большинстве рабочих Сестрорецкого завода.¹

Политическая стачка 9 июля, проведенная под руководством Петербургского комитета большевиков, явилась самым значительным событием в массовой революционной борьбе петербургских рабочих весной и летом 1905 г. Ведущую роль в стачке играли рабочие-металлисты. Рабочие России в ходе революции все чаще и чаще прибегают к массовой политической стачке, этому важнейшему средству мобилизации и организации масс в борьбе за победу революции. «Политическая стачка, — писал В. И. Ленин, — будит и шевелит отсталых, обобщает и расширяет движение, поднимает его на высшую ступень».²

Весной и летом 1905 г. усилилось брожение среди солдат и матросов в Петербурге и окрестностях. В связи с восстанием в Черноморском флоте Петербургский комитет организовал выпуск летучих листовок, в которых публиковал известия о ходе героического восстания на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». Из этих листовок рабочие, солдаты и матросы узнавали правду о крупнейших революционных событиях. На митингах, происходивших летом на заводах (Обуховском, Ижорском, Сестрорецком и др.), большевистские агитаторы рассказывали о восстании матросов, клеймили самодержавно-помещичий режим и призывали к свержению самодержавия. Восстание в Черноморском флоте оказало большое влияние на матросские и солдатские массы, способствовало дальнейшему усилению революционной пропаганды в войсках. Опубликованное в «Пролетарии» сообщение об организации революционной работы в войсках летом 1905 г. Сестрорецкой большевистской организацией РСДРП является характерным документом. «Замечается сильный спрос на нелегальную литературу со стороны расположенных здесь войск. Благодаря этому удалось распространить довольно большое количество листовок, приспособленных к пониманию солдат, и завести с ними постоянную связь. Организация солдатских кружков является в настоящее время ближайшей задачей Сестрорецкого комитета, в осуществлении которой мы не сомневаемся».³

¹ Там же, лл. 45—46.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 381.

³ Пролетарий, 1905, № 10.

Несмотря на большие трудности в организации революционной работы в войсках, большевистская пропаганда среди солдат усилилась, особенно в лагерях в Усть-Ижоре, в Красном Селе. В штаб округа поступают донесения о появлении прокламаций в лагерях, об участии солдат в митингах, устраиваемых рабочими близ Колпино.

В ряде воинских частей, расположенных в Кронштадте, происходили в июне—июле так называемые «гороховые бунты» — протесты солдат и матросов против плохой пищи.

Начальник Кронштадтского жандармского управления с тревогой доносил в Департамент полиции 17 июня 1905 г.: «В последнее время на настроение матросов повлияли события в Черном море и в г. Либаве, вызвали толки среди матросов и всякие предположения среди жителей. Высшее морское начальство принимает зависящие меры к улучшению пищи и к успокоению путем разъяснений при личных беседах с матросами». «Вообще замечен упадок дисциплины среди матросов. . . Общее заключение о настроении матросов в г. Кронштадте, по моему мнению, такое, что при первом удобном случае матросы выйдут из повиновения».¹

Во флотских экипажах Кронштадта получили широкое распространение революционные прокламации. За время с 19 по 25 июля 1905 г., доносит начальник Кронштадтского жандармского управления командир отдельного корпуса жандармов, «было несколько случаев обнаружения прокламаций и революционных листов внутри войсковых казарм и флота, были случаи, что революционные листки не только были разбросаны по полу и шкафчикам, но приклеивались и на дверях экипажных канцелярий. Виновные во всех случаях военно-морским начальством остались необнаруженными, но несомненно, что виновные в разбрасывании и расклеивании прокламаций по казармам были исключительно матросы».²

Петербургский генерал-губернатор Трепов в письме от 5 сентября начальнику штаба Петербургского военного округа свидетельствует о невозможности использовать для несения полицейской службы матросов флотских экипажей, находящихся в Петербурге. В качестве примера указываются матросы, несущие караульную службу на Ижорских заводах и на морском полигоне. Матросы, пишет Трепов, «сливаются в своих воззрениях с рабочими», наблюдается «полная солидарность нижних чинов флотских экипажей с рабочими».³

Революционное движение в армии усиливалось с каждым месяцем, развивалось в самой тесной связи с революционной борьбой пролетариата и крестьянства. Работа большевистской партии играла исключительно важную роль в революционизировании солдат и матросов.

¹ ЦГИАМ, ф. 102, оп. 5, 1905 г., д. 1877, ч. III, л. 53.

² Там же, л. 67.

³ ЦГИАЛ, ф. 1326, оп. 6, 1905 г., д. 299, л. 10.

* * *

Русская либеральная буржуазия с развитием революции весной и летом 1905 г. прилагает все усилия к тому, чтобы избежать расширения и углубления революции; она пытается договориться с царизмом. В целях усиления своего политического влияния она приступает к созданию всевозможных союзов, активизируется деятельность оппозиции в земствах и городских думах.

Среди петербургской буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции возникают профессионально-политические организации: союзы адвокатов, инженеров, писателей, фармацевтов, врачей, учителей, профессоров (Академический союз), конторщиков и бухгалтеров, железнодорожных служащих и др. Подобные же союзы возникают и в других районах страны. Из союзов, принявших всероссийский характер, в мае 1905 г. возникает объединение — Союз Союзов. На его учредительном съезде было представлено 14 союзов. Руководящую роль в Союзе Союзов играла буржуазно-либеральная интеллигенция, которая стремилась удерживать и удерживала это профессионально-политическое объединение в фарватере буржуазно-либерального движения.

Майский съезд земских и городских деятелей, собравшийся в Москве, в обстановке нарастающего подъема революционной борьбы, тяжелых известий о цусимской катастрофе, постановил послать к царю депутацию для вручения адреса. 6 июня 1905 г. Николай II принял в Петергофе депутацию. Князь С. Н. Трубецкой и М. Федоров от имени буржуазно-либеральных кругов выразили верноподданнические чувства и просили царя созвать народных представителей.

Заместитель председателя Петербургской городской думы А. Никитин на заседании Петербургской городской думы 8 июня, в докладе о своей поездке в Петергоф, откровенно поведал о контрреволюционных чаяниях буржуазии.

«После высочайшего приема, — заявил он, — можно выразить уверенность, что мы получим, и в недалеком будущем, то народное представительство, которое является теперь самой настоятельной потребностью России; и надо радоваться, что эта реформа, как и все прежние великие русские реформы, дана будет сверху, мирным путем, а не явится вынужденной, пройдет без тяжелых народных волнений и несчастных потрясений, какими сопровождалась выработка конституции почти во всех западноевропейских государствах».¹

В. И. Ленин в ряде статей в «Пролетарии» — «Первые шаги буржуазного представительства», «„Революционеры“ в белых перчатках» — гневно заклеил холопство либералов перед царем и разоблачил их контрреволюционность. В. И. Ленин писал: «Судьба русской революции зависит теперь от пролетариата. Только он может положить конец этому торгу. Только он может новым героическим усилием

¹ Наша жизнь, 1905, № 116.

поднять массы, разьединить колеблющуюся армию, привлечь на свою сторону крестьянство и вооруженной рукой взять свободу для всего народа, раздавив без пощады врагов свободы и отбросив в сторону корыстных и шатких буржуазных звонарей свободы».¹

В целях привлечения буржуазии на свою сторону царизм прибегает к некоторым уступкам. В течение пяти месяцев разрабатывался комиссией Булыгина закон о совещательной Государственной Думе. В конце июля в Петергофе, под председательством Николая II, происходит ряд совещаний, обсудивших проект закона. 6 августа был опубликован закон об учреждении Государственной Думы и «Положение о выборах в Государственную Думу». Булыгинская Дума являлась органом законосовещательным и ни в коей мере не ограничивала самодержавия. Рабочий класс, деревенская беднота, мелкая буржуазия городов были лишены избирательных прав. Это была карикатура на народное представительство. На полуторамиллионное население Петербурга приходилось лишь 9500 чел., имеющих право голоса. К участию в предварительной разработке законов привлекались представители помещичьего класса, верхи торгово-промышленной буржуазии и крестьяне-кулаки. Однако и эта маленькая подачка окрылила буржуазных либералов. Лидер складывавшейся буржуазно-либеральной кадетской партии П. Милюков пришел в восторг от акта 6 августа. В статье, опубликованной на следующий день в петербургской газете «Сын отечества», он писал: «В России сегодня родился народный представитель, и этого факта не уничтожат никакие толкования ни справа, ни слева. . . Русские обыватели формально признаны активными участниками в общественном и государственном деле, отныне — они граждане».² Буржуазно-либеральная петербургская газета «Наша жизнь» писала в передовой о Булыгинской Думе: «Видимо, вопрос об участии в выборах решается в положительном смысле, т. е. „за участие“». И освободительский орган находил: «Да едва ли и может быть другое решение».³ Союз Союзов, вначале высказавшийся за бойкот Булыгинской Думы, затем пересмотрел свою позицию и решил принять участие в выборах.

Вслед за либералами пошли и меньшевики, решившие не срывать Булыгинской Думы и ограничиться давлением на цензовых избирателей.

Большевики объявили активный бойкот Булыгинской Думе, развернув в массах энергичную агитацию и организационную работу по подготовке всенародного восстания, за образование временного революционного правительства путем победоносного восстания. Петербургские большевики развернули активную кампанию за бойкот Булыгинской Думы, разоблачая либералов и меньшевиков, державших курс на свертывание революции.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 8, стр. 495.

² Сын отечества, 1905, № 147.

³ Наша жизнь, 1905, № 230.

«... царский манифест от 6 августа есть наглое издевательство над рабочим классом России»,¹ — писал в прокламации Петербургский комитет, призывая рабочих к вооружению, к подготовке восстания.

Петербургские рабочие с негодованием встретили акт 6 августа и на многочисленных митингах принимали большевистские резолюции. Рабочие на массовке Ремесленного района Петербурга после обсуждения вопроса об отношении к Государственной Думе в своем постановлении писали: «...мы, петербургские рабочие и работницы, собравшиеся на сходку, . . . решительно и единодушно высказываем презрение этой жалкой попытке сохранить разложившееся самодержавие, обмануть рабочий класс и оставить его в положении рабов, лишенных всяких политических и гражданских прав. Признавая, далее, что потуги самодержавия совершенно неспособны удовлетворить запросы страны, мы заявляем, что будем с оружием в руках добиваться созыва учредительного собрания, избранного всеобщее, прямою, тайною и равною подачею голосов».² Две тысячи рабочих Невского судостроительного завода, собравшиеся на митинг 9 августа, приветствовали большевистских ораторов, разоблачавших сущность Булыгинской Думы.³

Значительным шагом, направленным на укрепление позиций царизма в борьбе с революцией, было заключение в Портсмуте мира с Японией 23 августа 1905 г. Военное поражение на фронте, развитие революции в стране заставляли представителей господствующих классов думать о выходе из войны. После Цусимы и легкого подъема революционной волны стремление к прекращению войны усиливается.

В августе 1905 г. реакционная газета «Московские ведомости» открыто заявляет, что главная опасность — это революция, «враг внутренний», а не внешний враг — Япония. «Если теперь, как нужно полагать, война на Дальнем Востоке прекратится, то России, наконец, будут развязаны руки, чтобы победоносно прекратить и внутреннюю войну», — писала 18 августа эта газета.

Стачечное движение в Петербурге в августе—сентябре 1905 г. было слабым в сравнении с другими месяцами этого года. Число так называемых «потерянных дней» в результате стачек составило в Петербургской губернии в сентябре 9678 дней. Министр торговли и промышленности в докладе Николаю II 17 декабря 1905 г. отмечал, что сентябрь 1905 г. по состоянию забастовочного движения в столице «являлся наиболее спокойным».⁴

Это было относительное спокойствие, петербургские рабочие копили силы к новым, решающим революционным боям. В сентябре в Петербурге был ряд

¹ Листочки петербургских большевиков, т. I, стр. 247.

² Пролетарий, 1905, № 14.

³ Там же, № 19.

⁴ ЦГИАМ, ф. 1157, д. 64, «О забастовках в 1905 г.», л. 17.

экономических забастовок на механическом заводе «Атлас», Сан-Галли, в механической мастерской Невского судостроительного завода, на фабриках Новой бумагопрядильной и «Невка». Под руководством профессионального союза фармацевтов бастовали служащие 62 петербургских аптек. Союз разработал требования бастующих: сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, учреждение третейского суда, введение страхования, предоставление отпусков с сохранением содержания, оплата за дни стачки и др. Эти требования были единогласно приняты на многолюдном собрании фармацевтов 12 сентября в Тенишевском училище. Владельцы многих аптек были вынуждены пойти на уступки.¹

Самым ярким явлением в политической жизни Петербурга в сентябре была кампания политических митингов, собраний на заводах и фабриках и в стенах высших учебных заведений. 27 августа 1905 г. были изданы «Временные правила» об университетской автономии, распространенные и на другие высшие учебные заведения. Либеральная профессура, игравшая значительную роль в буржуазно-либеральном движении, получила некоторое удовлетворение. Однако революция сорвала этот маневр царского правительства, либералы растерянно смотрели на то, как «автономия» была поставлена на службу революции.

В связи с началом учебного года в высших учебных заведениях большевики высказались против продолжения забастовки студенчества. В указаниях Центрального Комитета, опубликованных в «Пролетарии», говорилось: «Приближается решительная схватка с самодержавием, поэтому необходимо сконцентрировать все революционные силы для нанесения одновременного удара; студенчество должно считаться с этим и должно координировать свои действия с действиями городского пролетариата».²

Вместо забастовки ЦК предлагал провести «мобилизацию и организацию студенчества для подготовки к открытому выступлению одновременно с городским пролетариатом», рекомендовал устраивать всевозможные политические собрания как в стенах учебных заведений, так и за их пределами.³

Эти указания нашли полную поддержку студенческой массы, в этом духе высказался и студенческий съезд, происходивший в начале сентября в Выборге. 13 сентября состоялась многолюдная сходка в Петербургском университете, на которой обсуждался вопрос об отношении к Булыгинской Думе и задаче студенчества в революции. Среди ораторов преобладали социал-демократы большевики. Собрание огромным большинством приняло большевистскую резолюцию, клеймящую Булыгинскую Думу, как позорное издевательство над народом, и ничтожную и половинчатую автономию университетов. Сходка постановила «открыть

¹ ЦГИАЛ, ф. 1328, оп. 6, 1905 г., д. 63, лл. 35—36.

² Пролетарий, 1905, № 17.

³ Там же.

Университет для развития в его стенах и вне их широкой работы по подготовке надвигающейся решительной борьбы.¹

Корреспондент «Пролетария», приславший резолюцию, писал: «На сходные велись жаркие дебаты между социал-революционерами и социал-демократами исключительно большевиками. Да и сама резолюция определенно отвечает на вопрос, какая из фракций социал-демократов была руководительницей».²

Революционные элементы студенчества открыли двери высших учебных заведений Петербурга для народных собраний. В сентябре 1905 г. начались грандиозные политические митинги в Университете, Горном институте, Технологическом, Военно-медицинской академии и в других высших учебных заведениях столицы с широким участием рабочих. Ежедневно десятки тысяч трудящихся приходили на митинги, различные собрания. Таким образом, революционным порядком была завоевана свобода собраний и слова в стенах высших учебных заведений. Петербургский комитет большевиков принял самое деятельное участие в проведении митингов на фабриках и заводах и в высших учебных заведениях.

С большим подъемом прошли многотысячные митинги в конце августа—начале сентября на Невском судостроительном заводе, на Обуховском, Александровском механическом и других, на которых выступавшие большевики призывали рабочих к бойкоту Булыгинской Думы, к вооружению, к свержению самодержавия. Лозунг ораторов «Долой самодержавие!» подхватывался толпой. С митингов рабочие часто уходили с пением революционных песен. На донесении градоначальника о митинге 2 сентября на Обуховском заводе Трепов наложил резолюцию: «Пора бы с этим безобразием покончить», но усилия полиции были тщетны.

В сентябрьских корреспонденциях из Петербурга, опубликованных в «Пролетарии», запечатлены энтузиазм и воодушевление, царившие на сентябрьских митингах.

«Работа кипит. Митинги сменяются дискуссиями, дискуссии — митингами. Вчера митинг в высшем учебном заведении, сегодня на заводе; всюду масса рабочих прислушивается и воспринимает наши лозунги. Организовали особую коллегию митинговых ораторов, занятых по горло. Пересчитать, сколько было сказано наших, большевистских, речей, нет возможности. Довольно часто выступают наши рабочие, рвется на митинги масса. . . Наши организованные рабочие так защищают наши тактические лозунги, что любо слушать».³

На одном из таких митингов, посвященном вопросу о Булыгинской Думе, выступил петербургский рабочий-большевик М. И. Калинин. Полемизируя с лидерами формировавшейся кадетской партии Милюковым, Родичевым, Вина-

¹ Пролетарий, 1905, № 17.

² Там же, № 20.

³ Там же, № 21.

вером, Калинин блестяще защитил большевистскую тактику активного бойкота Думы. Тактика и лозунги большевиков пользовались огромным успехом и признанием. Корреспондент «Пролетария» из Петербурга сообщал: «Организация крепнет, наши идеи — идеи революционной социал-демократии проникают вглубь пролетарских масс; наша тактика с ее лозунгами: „Долой Государственную Думу, да здравствует Учредительное собрание, созванное временным правительством!“ всюду оказывается победительницей».¹

Петербургский комитет в период сентябрьской митинговой кампании развил исключительную энергию в развертывании широкой агитационной работы в массах.² В письме от 7 октября 1905 г. Н. К. Крупская писала: «В Питере дела идут блестяще: там теперь хороший состав Комитета, наплыв организаторов и пропагандистов. Все письма оттуда подтверждают одно: работа кипит, каждый день митинги на заводах, в высших учебных заведениях, влияние организации страшно растет, связи растут, публика прямо пьянеет».³

Революционные зерна, брошенные большевистской агитацией в рабочие массы на сентябрьских митингах, дали всходы в период высшего подъема революции.

ПЕТЕРБУРГ В ПЕРИОД ВЫСШЕГО ПОДЪЕМА РЕВОЛЮЦИИ (октябрь—декабрь 1905 г.)

Осенью 1905 г. революция круто пошла на подъем. Экономическое положение страны резко ухудшилось. Только что закончившаяся война с Японией стоила России больших человеческих жертв, потери территории; материальный ущерб от войны для народного хозяйства составил не менее 4—5 млрд. руб. Промышленный кризис в стране продолжался, особенно он чувствовался в текстильной промышленности. Неурожай зерновых хлебов в 1905 г. создал тяжелое продовольственное положение в 26 губерниях и вызвал вздорожание продуктов питания в промышленных центрах. Нужда и бедствия народных масс возрастают. Революция вступила в период решающих схваток с царизмом. Сентябрьские стачки московских рабочих явились вступлением к грандиозной, небывалой в истории России, всероссийской политической стачке в октябре 1905 г. Развитие революции делало неизбежным и необходимым переход ее к новому, высшему этапу — вооруженному восстанию. Только вооруженное восстание могло привести к победе революции. Весь ход революции подтверждал правильность решений III съезда большевистской партии.

Предвестником всеобщей октябрьской политической стачки явились сентябрьские события в Москве. 19 сентября забастовали рабочие типографии

¹ Пролетарий, 1905, № 22.

² В сентябре 1905 г. в состав Петербургского комитета входили Р. С. Землячка, Б. Кау-
шняц (Радин), П. А. Красиков, М. М. Эссен и др.

³ Красный архив, 1934, т. 1 (62), стр. 182.

Сытина, а через несколько дней стачки охватили все типографии и литографии Москвы, прекратился выход большинства московских газет. К бастующим печатникам присоединились пищевики, рабочие ряда фабрик и заводов. Стачки в Москве сопровождались громадными митингами на улицах, демонстрациями, схватками рабочих с полицией и войсками.

В. И. Ленин, следивший с величайшим вниманием за ходом революционной борьбы в России, придавал исключительно важное значение сентябрьским выступлениям московских рабочих, отмечая в ряде статей, опубликованных в «Пролетарии», что выступление пролетариата Московского промышленного района, тесно связанного с деревней, имеет огромное значение для победы революции.

Сентябрьская борьба московских рабочих вызвала волну стачек солидарности в других частях страны. Особенно горячо откликнулись на выступление московского пролетариата рабочие Петербурга. На собрании типографских рабочих в Народном доме Паниной 2 октября было решено провести трехдневную забастовку с целью выражения сочувствия борьбе в Москве. На следующий день дружно и организованно началась забастовка в 88 типографиях и литографиях, бастовало 6099 чел.¹ 4 октября газеты в Петербурге не вышли, кроме официальных органов, типографии которых работали под охраной полиции. Одновременно с типографиями забастовала Экспедиция заготовления государственных бумаг (2500 рабочих). На второй день забастовки на дворе экспедиции произошла кровавая расправа с рабочими; вызванная рота Измайловского полка штыками разогнала собравшихся, десять человек были ранены. Начатая типографскими рабочими стачка солидарности стала быстро расширяться. С утра 4 октября забастовал Невский судостроительный завод, к нему примкнули почти все заводы и фабрики Невской заставы (Александровский завод, крупная текстильная фабрика Паля, Спасская и Петровская мануфактуры и др.). Вастующие рабочие с красными флагами и революционными песнями двинулись по Шлиссельбургскому тракту, движение конки по тракту было остановлено, произошел ряд столкновений с полицией и казаками, рабочие отбивались камнями. Против Александровского завода была построена баррикада, а против Невского завода — проволочное заграждение, которые были уничтожены казаками и полицией.² Вечером и всю ночь войска патрулировали по Шлиссельбургскому тракту. Утром 5 октября толпы рабочих снова появились на Шлиссельбургском тракте, пытаясь остановить движение конки, шедшей под конвоем казаков. Забастовавшие в этот же день рабочие Обуховского завода устроили демонстрацию с красными флагами и предъявили начальнику завода следующие требования: «Мы, рабочие Обуховского сталелитейного завода, сего 5-го октября при общем собрании рабочих пришли к соглашению присоединиться к рабочим заводов и фабрик и требуем:

¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 17, 1905 г., д. 339, л. 20.

² ЦГИАЛ, ф. 1326, оп. 6, 1905 г., д. 47, лл. 53—54.

«1) Свободы слова и печати, свободы стачек и союзов. 2) Неприкосновенность личности и жилища. 3) Предвыборную агитацию в Государственную Думу: всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право. 4) Немедленную амнистию, освобождение арестованных за политические убеждения. 5) Мы требуем, чтобы все заказы как казенные, так и частные механического производства, обрабатывались исключительно в России, но никак не за границей. 6) И также 8-часовой рабочий день».¹

Во время стачки за Невской заставой возник рабочий стачечный комитет, от имени которого расклеивались прокламации с требованиями: свобода слова и собраний, 9-часовой рабочий день, повышение заработной платы на 20%, снижение квартирной платы на 50% и др. Политическая стачка петербургских рабочих 3—6 октября, в которой приняло участие вместе с казенными заводами около 30 тыс. рабочих, сопровождавшаяся уличными демонстрациями и столкновениями с полицией и войсками, свидетельствовала о близости решающих схваток рабочего класса с царизмом. Петербургский комитет большевиков, подводя итоги стачек этих дней, призывал рабочих в листовке к большей организованности, сознательности и вооружению. «Организируйте же, товарищи, просвещайте малосознательных рабочих, вооружайтесь, устраивайте боевые дружины! Пусть каждое наше выступление будет все более могучим и организованным».²

Политические стачки московских и петербургских рабочих конца сентября и начала октября непосредственно примыкают к всеобщей октябрьской политической стачке. Они несомненно оказали революционизирующее влияние на железнодорожников Московского узла. Настроение железнодорожников Московского узла в сентябре—октябре было такое, что стачка могла начаться в любой день. Вопрос о всеобщей забастовке железных дорог был поставлен и решен в положительном смысле на съезде железнодорожного союза еще в июле 1905 г. Честь революционной инициативы в деле начала всеобщей стачки железнодорожников принадлежит Московско-Казанской ж. д., забастовавшей по призыву Московского комитета большевиков 7 октября. Забастовка быстро перекинулась на весь Московский узел и стала распространяться по другим железным дорогам.

Заседавший в Петербурге с конца сентября делегатский съезд железнодорожных служащих, созданный для пересмотра положения о пенсионных кассах, в обстановке начавшейся железнодорожной стачки приковал к себе внимание бастующих железнодорожников. В адрес делегатского съезда идет поток телеграмм с заявлениями о поддержке. 9 октября съезд под напором масс декларирует присоединение к всеобщей забастовке и вырабатывает ряд общеполитических требований: амнистия политзаключенным, 8-часовой рабочий день, гражданские свободы, созыв Учредительного собрания. На съезд прибыла тепло встреченная деле-

¹ ГИАЛО, ф. 1267 (Обуховский сталелитейный завод), св. 112, 1905 г., д. 1048, л. 189.

² Листовки петербургских большевиков, т. I, стр. 258.

гация железнодорожников Польши. По поводу этих требований депутация съезда вступила в переговоры с председателем Комитета министров С. Ю. Витте и министром путей сообщения Хилковым, сея иллюзии в массах о возможности таким путем добиться уступок от царского правительства. После неудачных переговоров делегатский съезд призывает железнодорожников к расширению политической стачки. Железнодорожная забастовка продолжает охватывать все новые и новые линии, и к 11 октября бастуют уже 14 железных дорог.

В связи с успешным развитием забастовки на железных дорогах Петербургский комитет большевиков 10 октября выпускает листовку с призывом к всеобщей забастовке. Комитет писал: «Нам предстоит великая борьба за свободу. Будем готовиться к этой борьбе, будем вооружаться, организовываться, сплачиваться под знаменем единой Российской Социал-Демократической Рабочей Партии».¹

Первыми откликнулись на этот призыв рабочие Невской заставы, недавно прошедшие стачку в знак солидарности с московскими рабочими. 12 октября забастовали рабочие Невского судостроительного, Александровского механического завода, Александро-Невской мануфактуры Паля, Спасской и Петровской мануфактуры, фабрики Торитона, писчебумажной Варгуниных, Невского стеаринового завода, завода «Атлас» и всех мелких предприятий Невского района. 12 октября прекратилось движение поездов на дорогах Петербургского узла: Николаевской, Петербурго-Варшавской, Балтийской. 13 октября бастуют Обуховский, механический завод Коппель, электромеханический Глебова, 2-й вагоностроительный; все крупные заводы Выборгской стороны: Петербургский металлический, Меднопрокатный (б. Розенкранца), Лесснер, «Феникс», Нобель; текстильные фабрики Петербургской стороны: бумагопрядильная Д. Бек и ситце-забивная бр. Леонтьевых. В тот же день прекратилось движение на Царскосельской, Приморской и Ириновской ж.-д. линиях.² Резкий скачок в развитии октябрьской стачки в Петербурге произошел 14 октября, в этот день забастовали крупные заводы: Путиловский, 1-й вагоностроительный, Франко-Русский, Балтийский, Петербургский орудийный, Сименс и Гальске, телефонный Эриксон; фабрики Выборгской стороны: Сампсониевская, Ново-Сампсониевская, Никольская мануфактура, Выборгская мануфактура Воронина и другие; забастовали типографии. В последующие дни стачка в Петербурге становится всеобщей.

Октябрьская политическая стачка в Петербурге развивалась необычайно дружно, при огромном воодушевлении рабочих. Забастовали линии конно-железных дорог, большинство улиц Петербурга погрузилось в темноту вследствие забастовки рабочих электростанций, на башне Адмиралтейства был установлен мощный морской прожектор для освещения части Невского проспекта. 15 октября не вышли петербургские газеты, за исключением официальных изданий: «Прави-

¹ Там же, стр. 261.

² ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, 1905 г., л. 1055, л. 25.

тельственного вестника» и «Ведомостей градоначальства». Десятки тысяч рабочих присутствуют на гравдиозных политических митингах, происходящих в эти дни в Университете, Технологическом институте, Военно-медицинской академии и в ряде других высших учебных заведений, широко открывших двери для народных собраний.

Объявляя политическую забастовку, рабочие петербургских фабрик и заводов в постановлениях, принятых на многочисленных собраниях и митингах, выставляли различные политические требования и заявляли о своей солидарности с пролетариатом всей России. Рабочие требовали свободы слова, собраний, печати, союзов, стачек, неприкосновенности личности, установления демократической республики, 8-часового рабочего дня, амнистии политзаключенным и т. д. Для передовых элементов петербургских рабочих становилось ясным, что победа революции может быть достигнута только путем вооруженного восстания против царизма.

Рабочие Обуховского сталелитейного завода на многолюдном собрании 13 октября, обсудив предложение Петербургского комитета большевиков о присоединении к всеобщей политической забастовке, единогласно постановили:

«1) Мы объявляем политическую забастовку, выставляя требование немедленного освобождения политических арестованных, и заявляем о своей готовности бороться до конца за полное низвержение самодержавия и установление демократической республики.

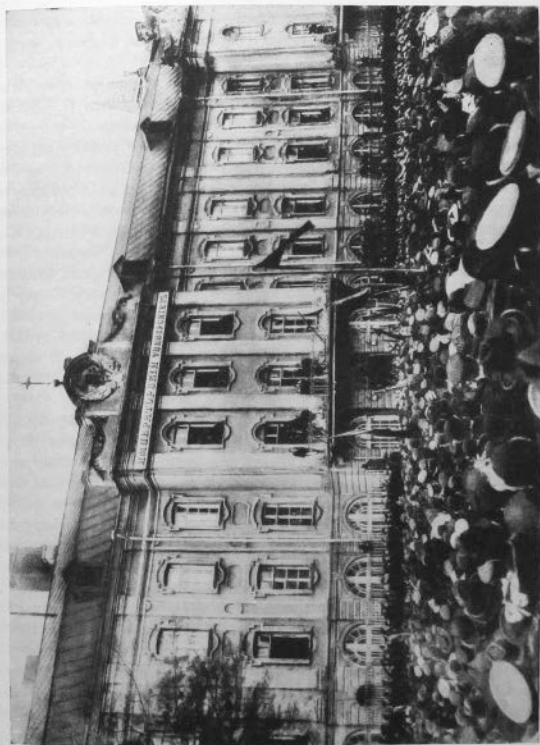
«2) Мы признаем, что достигнуть этого можно только путем всенародного вооруженного восстания. Поэтому мы призываем всех рабочих, понявших это, сплотиться вокруг партийных революционных комитетов для подготовки и проведения надвигающегося вооруженного восстания».¹

Содержание резолюции рабочих Обуховского завода, формулирующей задачу вооруженной борьбы с самодержавием, характерно для ряда аналогичных резолюций, принимавшихся забастовавшими рабочими; эта резолюция сразу же была издана Невским районным комитетом большевиков особой листовкой.

В первые дни всеобщей октябрьской политической стачки перед пролетариатом Петербурга остро встал вопрос о руководстве стачкой, о создании для этого руководящего центра, тесно связанного с рабочими всех заводов и фабрик. Это ясно понимают рабочие передовых заводов.

13 октября в Технологическом институте представители бастующих заводов и фабрик положили начало новой организации — Совету рабочих депутатов. Конституировавшись вначале как стачечный комитет, Совет рабочих депутатов в ближайшие дни расширил объем своей деятельности, превращаясь в массовый боевой орган революционной борьбы петербургского пролетариата. Петербургский совет рабочих депутатов, как и другие советы рабочих депутатов, возник-

¹ Листовки петербургских большевиков, т. I, стр. 264.

Митинг около Университета в октомври 1905 г. Фотография.

шие в 1905 г., был проявлением революционного творчества рабочих масс, он возник из потребностей революционной борьбы.

Рабочие массы в обстановке ожесточенной борьбы с паризмом в дни всероссийской октябрьской политической стачки создали новую могучую организацию — Совет рабочих депутатов.

Первое заседание Петербургского совета рабочих депутатов, состоявшееся в Технологическом институте 13 октября, было немногочисленным (35—40 чел.); это были металлисты Невского района (семяниковцы, обуховцы), рабочие заводов Выборгской стороны. На первом заседании Совета было решено обратиться ко всем рабочим и работницам столицы с призывом присоединиться к всеобщей политической стачке и произвести выборы депутатов в Совет рабочих депутатов по норме один на пятьсот рабочих. Это воззвание, напечатанное особой листовкой, получило широкое распространение среди рабочих. На фабриках и заводах Петербурга начались выборы депутатов в Совет. Вечером 14 октября в Технологическом институте состоялось второе заседание Совета рабочих депутатов; оно было более многочисленным, чем первое. Популярность Совета в рабочих массах Петербурга росла с каждым днем, состав его пополнялся все новыми и новыми депутатами, избранными на рабочих собраниях. Усложняется организационная структура Совета, во главе его становится Исполнительный комитет, в который, наряду с рабочими депутатами от заводов, фабрик и профсоюзов, вошли официальные представители партий: большевиков, меньшевиков, эсеров.

На пост председателя Совета рабочих депутатов был избран беспартийный присяжный поверенный, известный рабочим по выступлениям в судах по увечным делам, Хрусталеv-Носарь. Избрание его не было единодушным, многие депутаты возражали против его кандидатуры, заявляя, что «он либерал, между тем как нужен социал-демократ».¹ Благодаря поддержке меньшевиков и эсеров, считавших, что надо иметь во главе Совета рабочих депутатов беспартийного человека, Хрусталеv-Носарь стал его председателем. Позднее Хрусталеv-Носарь примкнул к меньшевикам. В Исполнительном комитете Совета меньшевики имели большинство (Л. Троцкий, П. А. Злыднев, С. Ш. Зборовский, Д. Сверчков-Введенский и др.). Большевики в Исполнительном комитете имели значительное представительство (Б. М. Кнуvьянц-Радин, Н. Г. Полетаев, Н. М. Немцов, П. А. Красиков, А. А. Богданов и др.); от эсеров в него входил Н. Д. Авксентьев.²

В конце ноября 1905 г. анархистские группы Петербурга добивались представительства в Совете рабочих депутатов, в чем им было решительно отказано. Этому решению Исполнительного комитета В. И. Ленин посвятил статью «Социа-

¹ ЦГИАМ, ф. 102, 1905 г., д. 6409 (показания Я. Вернстрема).

² Партийный состав Петербургского совета рабочих депутатов точно не известен; в прессе сообщались такие данные для начала ноября: социал-демократов 65%, социалистов-революционеров 13%, беспартийных 22% (Новая жизнь, № 7, за 8 ноября 1905 г.).

лизм и анархизм» в газете «Новая жизнь» (№ 21), считая это решение «в высшей степени правильным шагом, имеющим громадное и принципиальное и практически-политическое значение», соответствующим традициям международного движения.¹

Меньшевики, используя свое влияние, с первых дней существования Петербургского совета рабочих депутатов пытались направить его деятельность по ложному пути. Одним из первых ярких проявлений оппортунистической тактики меньшевиков в Петербургском совете была посылка делегации в Петербургскую городскую думу. Меньшевики рассматривали Совет как орган революционного самоуправления, существующий параллельно со старой властью и оказывающий на нее давление. Руководствуясь подобным оппортунистическим взглядом, меньшевики решили оказать давление на консервативнейшую Петербургскую городскую думу путем предъявления ряда требований: предоставить помещения для собраний, прекратить отпуск средств из городского бюджета на полицию, выдать из городских средств деньги на вооружение рабочих и студентов. После долгих мытарств и унижений делегации удалось предъявить гласным Городской думы свои требования, после чего председатель Думы Красовский предложил им удалиться.² Никаких практических последствий хождение в Городскую думу не имело, но оно свидетельствовало о том, что меньшевики с первых шагов деятельности Совета приижали значение этой новой боевой массовой организации рабочего класса.

Первой важнейшей задачей Совета рабочих депутатов была борьба за дальнейшее расширение политической стачки в Петербурге. Совет издает ряд обращений к рабочим и служащим с призывом принять активное участие в стачке. Для вовлечения в стачку небастующих предприятий применялись различные меры: обращение к рабочим на митингах, посылка депутатов Совета на заводы и фабрики. Свои действия по руководству октябрьской стачкой Петербургский совет рабочих депутатов согласовывал с Федеративным комитетом РСДРП,³ с союзом железнодорожников.

Мощная, небывалая по своему размаху политическая стачка рабочего класса увлекла за собой мелких служащих, учащихся, различные прослойки интеллигенции. Замолчал столичный телефон, прекратили работу телеграф и почта, забастовали фармацевты, служащие различных контор, петербургского земства, к забастовке присоединились чиновники Государственного банка, сберегательных касс и Министерства финансов и ряда других правительственных учреждений, перестал функционировать Мировой суд, адвокаты отказывались выступать в

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 10, стр. 53.

² Известия Совета рабочих депутатов, 1905, № 2.

³ Объединенный орган Петербургского комитета большевиков и Петербургской группы РСДРП (меньшевиков), возникший в октябре 1905 г. для координации действий.

судах, прекратилась деятельность средних и высших учебных заведений Петербурга, 17 интеллигентских союзов, входивших в буржуазно-либеральную организацию Союз Союзов, присоединились к всеобщей политической стачке.

К 17 октября всеобщая политическая стачка в стране достигла своего апогея. Бастовала вся железнодорожная сеть страны — 60 тыс. км пути, в стачке участвовала вся 750-тысячная масса рабочих и служащих железных дорог. Не было в России ни одного значительного города, рабочего поселка, железнодорожной станции, которые не были бы захвачены всеобщей политической стачкой. К основным великорусским политическим и промышленным центрам примкнули национальные районы России: Украина, Закавказье, Прибалтика, Польша. В стачке приняло участие свыше миллиона одних только фабрично-заводских рабочих, не считая железнодорожников и ряда других категорий рабочих и служащих. Общее число участников октябрьской политической стачки превысило два миллиона.

*«Всероссийская политическая стачка охватила, — писал Ленин, — на этот раз действительно всю страну, объединив в героическом подъеме самого угнетенного и самого передового класса все народы проклятой „империи“ Российской. Пролетарии всех народов этой империи гнета и насилия выстраиваются теперь в одну великую армию свободы и армию социализма. Москва и Петербург поделили между собой честь революционного пролетарского почина».*¹

Развитие всеобщей октябрьской политической стачки закономерно шло к вооруженному восстанию, в ряде промышленных центров ясно обнаруживается этот переход от стачки к вооруженному восстанию.

В Харькове, Екатеринославе начались баррикадные бои. «Восстание близится, оно вырастает на наших глазах из всероссийской политической стачки», — писал В. И. Ленин 18 октября 1905 г.²

Всеобщая октябрьская политическая стачка парализовала всю экономическую жизнь страны, нарушила нормальное функционирование правительственного аппарата, вызвала в правящих кругах полное замешательство и растерянность. Вначале обратились к обычному для самодержавия приему — с помощью репрессивных мер подавить революционное движение. 12 октября по распоряжению Николая II весь Петербургский гарнизон был подчинен генерал-губернатору Трепову, который разрабатывает план подавления движения в столице.

Петербург был разделен на четыре отделения, во главе войск, сосредоточенных в каждом отделении, стоял генерал из командиров гвардейской дивизии. Отделения делились на два-три района. На 14 октября в четырех отделениях было сосредоточено 43 батальона, 16 эскадронов, 17 сотен, каждому отделению были приданы два пулемета; к 17 октября количество войск, привлеченных к несению полицейской

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 9, стр. 362.

² Там же, стр. 363.

службы, увеличилось.¹ На каждый день, начиная с 14 октября, составлялась диспозиция войск, распределение их по отделениям, районам, учреждениям и предприятиям, на многих крупных фабриках и заводах были расположены воинские части. 14 октября публикуется от генерал-губернатора и начальника гарнизона «Извещение», в котором Трепов сообщает населению, что им дано приказание войскам и полиции при массовых беспорядках «холостных залпов не давать и патронов не жалеть».

Сатирическая открытка-карикатура периода всеобщей октябрьской политической стачки 1905 г.

Извещение в виде афиши было расклеено по заборам и витринам города.

Но месяцы революции не могли не отразиться на сознании части солдат и матросов, и, не чувствуя должной уверенности, царское правительство старается привлечь солдат мелкими подачками. Николай II, по докладу Трепова, приказал выдавать войскам Петербургского гарнизона, несущим полицейскую службу, денежное довольствие с 13 октября, улучшено было питание солдат. В ряде частей гарнизона во время октябрьской стачки были серьезные волнения. Пристав Адмиралтейской части рапортом доносил градоначальнику, что 16 октября в 6 часов вечера «по распоряжению командиров 14 и 18-го флотских экипажей все входы в Крюковские казармы были закрыты, дабы предупредить отлучку нижних чинов. Причем для развлечения матросов во дворе был помещен оркестр музыки, но нижние чины требовали все-таки, чтобы ворота были открыты и чтобы отлучки из казармы и прием ими посетителей были свободны. Получив отказ, матросы подняли крик, причем один из фельдфебелей был избит кулаками, а камнями были выбиты из внутреннего фасада во многих местах стекла. Командиры, под влиянием угроз, должны были удалиться, некоторые же нижние чины, разбив стекла в дверях, выходящих на Крюков канал, и сбив запоры с них, отлучились из казарм».² В октябре 120 нижних чинов из флотских экипажей Петербурга были переведены в Кронштадт по причине их политической неблагонадежности. 15 октября Трепов запрещает устройство народных собраний и митингов в высших учебных заведениях, а 16 октября высшие учебные заведения закрываются и оцепляются нарядами войск и полиции. В Петербурге фактически было введено военное положение. По всем улицам разъезжают патрули.

¹ ЦГВИА, ф. 400, 1905 г., д. 15, ч. II, л. 713.

² ЦГИАЛ, ф. 1326, оп. 6, 1905 г., д. 353, л. 51.

Перепуганные царские министры и другие официальные лица обращаются к генерал-губернатору Петербурга Трепову с просьбами об усилении вооруженной охраны правительственных и частных зданий. Так, управляющий Государственным банком просит прислать воинскую команду с пулеметом, министр иностранных дел просит дать охрану лицам дипломатического корпуса и т. д.¹

В дни октябрьской стачки Николай II находился в Петергофе, поближе к морю, на случай необходимости бегства за границу; связь с Петергофом поддерживалась посредством пароходов.

В правящих сферах с каждым днем в связи с гигантским развитием стачечного движения в стране росла тревога, появились сомнения в возможности силой подавить движение. Председатель Комитета министров С. Ю. Витте несколько раз приезжал в Петергоф для доклада Николаю II, и каждый раз, анализируя перед царем обстановку, Витте ставил дилемму: либо установить военную диктатуру в целях кровавого подавления революции, либо стать на путь государственных реформ, даровать конституцию. На случай принятия второго варианта Витте составил для Николая II доклад, в котором предусматривались основные реформы.

Только после того как царизм убедился, что политическая стачка в стране стала всеобщей и в ряде городов началась борьба на баррикадах, когда такие самые близкие и верные царизму люди, как великий князь Николай Николаевич и генерал Трепов, заявили Николаю II о невозможности установить военную диктатуру, так как не хватает войск и они не вполне надежны, о том, что в Петербурге установить порядок без массовых убийств невозможно, — царизм решил сманеврировать, прикрыть тревожные методы управления листком виттевской конституции.² 17 октября царь подписал манифест, утвердил доклад Витте и предложил ему «принять меры к объединению деятельности министров, впредь до утверждения законопроекта о Совете министров».

В манифесте 17 октября царь обещал гражданские свободы: неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов, расширение избирательных прав в Государственную Думу, с предоставлением ей прав законодательного органа. Манифест 17 октября был тактическим маневром контрреволюции: в опасной для царизма обстановке контрреволюция для вида шла на уступки с таким расчетом, чтобы их не выполнить и со временем о них забыть. Царизму не удалось созвать Булыгинскую Думу, ее смела всероссийская октябрьская политическая стачка, пришлось в манифесте обещать законодательную Государственную Думу и расширение избирательных прав.

Эти шаги царского правительства свидетельствовали о соотношении классовых сил в октябре 1905 г.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1326, оп. 6, 1905 г., д. 352, лл. 16, 24, 46.

² Красный архив, 1925, т. IV—V (11—12), стр. 79, 83; Былое, 1919, № 14, стр. 109—111.

Силы царизма и революции временно уравнились. «Царизм уже не в силах подавить революцию. Революция еще не в силах раздавить царизма».¹

Это временное равновесие сил вело неизбежно к дальнейшему обострению классовой борьбы в стране, к вооруженной схватке с царизмом. При помощи манифеста 17 октября, который удовлетворил буржуазию и облегчил открытый ее переход в стан контрреволюции, царизм подготавливал условия для борьбы с революцией.

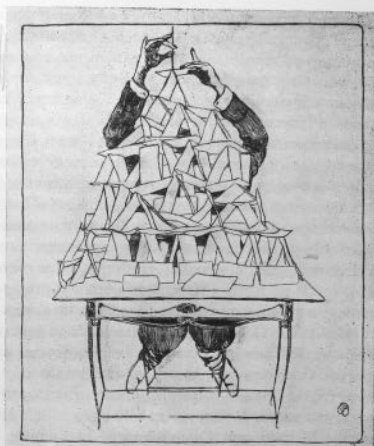
Манифест был опубликован в Петербурге 18 октября. Стихийно возникают многочисленные уличные митинги и демонстрации. Огромный митинг был у Казанского собора, произносились речи с призывом к вооруженному восстанию, срывались экземпляры расклеенного по домам и заборам манифеста.

Были и другие речи: либеральные красноречивые заговорили о конституционной эре, о разумном пользовании дарованными правами. В то же время на Невский вышли демонстрировать преданность престолу черносотенцы, происходят кровавые столкновения рабочих с черной сотней.

Генерал-губернатор Трепов 18 октября пояснил не на словах, а на деле, что такое гражданские свободы при существовании самодержавия.

Вечером 17 октября семеновцы по приказанию полковника Мина вели оружейный огонь по окнам Технологического института, в котором находились студенты. Собравшиеся утром 18 октября на площади у Технологического института толпы народа подвергаются нападению эскадрона кавалерии, раненые были унесены народом.

18 октября огромная толпа демонстрантов, шедшая с красными флагами и песней «Марсельезы» от Невского по Владимирскому и Загородному проспектам

«Наша Конституция, просим не дуть». Карикатура С. В. Чехонина из сатирического журнала «Зритель». 1905 г.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 9, стр. 397.

к Технологическому институту, была остановлена отрядом Семеновского полка на углу Гороховой улицы и Загородного проспекта. По приказанию Мина одна из рот, стоявшая в Беговом переулке, дала несколько залпов по демонстрантам; был напо-вал убит студент университета Бибилаури, пять демонстрантов тяжело ранены и многие получили легкие ранения. За залпами последовала атака конницы, завершившая разгон демонстрации. На Выборгской стороне, на Боткинской улице, в большую толпу народа, шедшую к Петербургской пересыльной тюрьме, стреляли казаки, один рабочий был убит, несколько человек ранено. Рабочие Путиловского завода в этот день вышли с завода на улицы с революционными песнями и красными флагами, на которых были надписи: «Долой самодержавие», «Да здравствует революция»; по демонстрантам были произведены шесть выстрелов, двое рабочих были убиты. На Садовой улице проезжающим корнетом в упор был застрелен флагоносец демонстрации. По сведениям петербургского градоначальника, за 18 октября на улицах Петербурга было убито 5 человек, тяжело ранено 12 человек, кроме того, «много раненых развезено по домам знакомыми».¹

Николай II был очень доволен этими действиями войск и рескриптом на имя Трепова 18 октября объявил благодарность войскам Петербургского гарнизона и особо Семеновскому полку за «верную службу при чрезвычайно тяжелых обстоятельствах». Однако в Петербургском гарнизоне были колеблющиеся, ненадежные воинские части. В рапорте начальника штаба Петербургского военного округа генерала Мешетича в Главный штаб говорится, что 18 октября «на Васильевском Острове, в Галерной Гавани, у казарм 8-го флотского экипажа была попытка со стороны толпы привлечь на свою сторону вооруженных матросов названного экипажа. Часть матросов, собравшихся, повидимому, присоединиться к толпе, была удержана своими же унтер-офицерами, а также появлением двух рот л.-гв. Финляндского полка».²

В письме Трепова управляющему Морским министерством Авелану об этом происшествии отмечалось: «... среди матросов были посторонние лица, говорившие о событиях дня и приглашавшие матросов следовать за толпой для участия в беспорядках, матросы громко в присутствии офицера одобрили оратора».³

В ряде воинских частей Петербургского гарнизона в дни всероссийской октябрьской политической стачки шло брожение.

У рабочего класса не могло быть никаких иллюзий относительно действительного смысла манифеста 17 октября.

В. И. Ленин в статьях в «Пролетарии» разоблачал лживый характер манифеста. «События стали давать великолепное подтверждение той истине, о которой мы давно уже твердили и всегда будем твердить читателям: пока не свергнутся

¹ ЦГВИА, ф. 400, 1905 г., л. 15, л. 722.

² Там же, ч. II, л. 721.

³ ЦГИАЛ, ф. 1326, оп. 2, 1905 г., д. 73, лл. 58—59.

фактическая власть паризма, до тех пор все его уступки, вплоть даже до „учредительного“ собрания, — один призрак, мираж, отвод глаз». ¹

Вопрос о манифесте 17 октября обсуждался на заседании Петербургского совета 18 октября. В принятом решении говорилось, что пролетариат не сложит оружия, пока не будет установлена демократическая республика, был выдвинут ряд требований: устранение полиции, вывод войск из Петербурга, амнистия политзаключенным, «создание народной милиции», отмена военного положения и усиленной охраны, созыв Учредительного собрания. Совет рабочих депутатов, таким образом, провозгласил, что его целью является свержение самодержавия и установление демократической республики в России и дальнейшая борьба пролетариата за социализм. Совет призывал рабочих продолжать всеобщую политическую стачку.

Требование вывода войск из столицы, несмотря на кажущуюся революционность, было ошибочным, так как эта мера могла поссорить солдат с рабочими, помешать их сближению и ослабить революционное влияние рабочих на солдатскую массу. Характерно, что в буржуазно-либеральных кругах также высказывались за вывод войск. Издатели и редакторы большинства петербургских газет, присутствовавшие 18 октября на приеме у Витте, просили его вывести войска из столицы.

Требование амнистии политзаключенным было поставлено народом в тот же день в несколько иную плоскость. На митингах, происходивших 18 октября на улицах и в зданиях высших учебных заведений Петербурга, в присутствии десятков тысяч людей все настойчивее стали звучать речи, требующие амнистии политзаключенным, поступали предложения идти к тюрьмам и освобождать томившихся в них революционеров. 18 октября многотысячная демонстрация рабочих и студентов подошла к зданию Рождественских курсов, где заседал в этот день Совет рабочих депутатов. Участники демонстрации потребовали, чтобы Совет возглавил шествие к тюрьмам.

Петербургский совет рабочих депутатов решил взять руководство этой грандиозной демонстрацией в свои руки. Заседание было прервано, а все депутаты присоединились к демонстрантам. Демонстрация, пройдя Лиговскую улицу, двинулась по Невскому проспекту. Зрелище было величественное, десятки тысяч людей приняли участие в демонстрации, было целое море красных знамен, раздавались звуки «Марсельезы», «Варшавянки» и других революционных песен.

У Адмиралтейства, у решеток Александровского сада, где расстреливали народ 9 января, демонстранты обнажили головы и исполнили: «Вы жертвою пали». Решено было идти к Университету, по не ближайшим путем — мимо Зимнего дворца через Дворцовый мост, а по Адмиралтейскому проспекту к Николаевскому мосту. ²

Соединившись на Университетской набережной с манифестацией, шедшей от Университета, шествие повернуло обратно, имея конечной целью Дом предвари-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 9, стр. 417.

² Б. Радик. Первый Совет рабочих депутатов. СПб., 1906, стр. 59.

тельного заключения на Литейном проспекте. Обратный маршрут демонстрации шел через Николаевский мост, мимо казарм 14-го и 18-го флотских экипажей, Мариинского театра, по Садовой улице, Невскому и Литейному проспектам.

У здания казарм флотских экипажей, среди которых было сильное революционное брожение, демонстрация остановилась, приглашая матросов присоединиться. Трепов считал матросские части ненадежными и принял соответствующие меры: охрану казарм несли пехотные части, и матросы не вышли.

Демонстрация достигла Литейного проспекта поздно вечером, и когда около Кирочной улицы руководители демонстрации получили ложное известие о том, что амнистия подписана и завтра будет опубликована, они охотно этому поверили и распустили демонстрацию. В действительности лишь 21 октября был опубликован указ о частичной амнистии, на основе которого освобождались некоторые категории политических заключенных. Среди освобожденных были узники Шлиссельбургской крепости (Н. Морозов, М. Фроленко, М. Новорусский и др.), находившиеся в заключении более двадцати лет.

Иная картина была в других городах России: Москве, Перми, Симферополе, Ревеле, Одессе, Минске, — где в результате организованного действия народа было освобождено значительное количество политзаключенных.

Всеобщая октябрьская политическая стачка в решающих политических центрах страны — Петербурге, Москве — не переросла в вооруженное восстание и стала прекращаться. Московский стачечный комитет, в котором было засилье представителей непролетарских профсоюзов, 18 октября выпустил обращение с призывом прекратить всеобщую стачку. В Петербургском совете рабочих депутатов был поднят вопрос об организованном прекращении забастовки. От имени Исполнительного комитета поступило предложение, принятое большинством, «прекратить 21 октября в 12 часов дня всеобщую политическую забастовку с тем, чтобы, смотря по ходу событий, по первому же призыву Совета возобновить ее для дальнейшей борьбы так же дружно, как и до сих пор, за наши требования».¹

В решении, предложенном Исполнительным комитетом, упор сделан на возобновление стачки без призыва готовиться к вооруженному восстанию.

В этой связи особый интерес представляет заявление в Совете рабочих депутатов, сделанное от имени Федеративного комитета РСДРП во время обсуждения вопроса о прекращении забастовки. В заявлении Петербургский комитет большевиков провел ряд важных положений, а именно: о согласовании действий Совета рабочих депутатов с действиями РСДРП, о прекращении всеобщей стачки не 19, а 21 октября, чтобы показать свое полное недоверие к манифесту 17 октября, и далее, рабочий класс призывается «готовить боевые кадры в целях еще более внушительной и величественной атаки на шатающуюся монархию, которая окончательно может быть сметена лишь победоносным народным восстанием».²

¹ Известия Совета рабочих депутатов, 1905, № 3.

² Там же.

Заявление Федеративного комитета РСДРП было поддержано депутатами Совета. Всеобщая политическая стачка в Петербурге закончилась организованно, тем самым еще раз была продемонстрирована сила и мощь рабочего класса.

Всероссийская октябрьская политическая стачка, начавшаяся 7 октября в Москве, длилась около трех недель; в основных промышленных районах и на железных дорогах она была прекращена 21—24 октября. Октябрьская политическая стачка имела исключительно важное значение в дальнейшем развитии революции, она вовлекла в движение широчайшие массы народа и подвела их к главному и решающему средству победы революции — к вооруженному восстанию.

Всероссийская октябрьская политическая стачка имела огромное значение для международного рабочего движения. Под ее непосредственным влиянием развернулась борьба рабочих масс Австро-Венгрии за введение всеобщего избирательного права. В Вене, Праге и других городах происходили грандиозные политические демонстрации, сопровождавшиеся столкновениями с полицией и войсками. Под давлением масс австрийское правительство было вынуждено приступить к избирательным реформам. Волна политических стачек и демонстраций прокатилась в Германии, Франции, Италии и других странах в конце 1905—начале 1906 г.

Вопреки сопротивлению оппортунистов II Интернационала, европейские рабочие требовали широкого применения «русского» средства борьбы — массовой политической стачки.

Под давлением рабочих масс Иенский и Мангеймский съезды Германской социал-демократической партии по предложению Августа Бебеля высказались за применение массовой стачки как орудия политической борьбы пролетариата. Роза Люксембург, выступая на Иенском съезде, призвала: «Учитесь же у русской революции».

* * *

Общеполитическая обстановка в России после 17 октября 1905 г. характеризуется временным равновесием борющихся классовых сил.

В этих условиях быстрым темпом идет организация и мобилизация как революционных сил, так и сил контрреволюции.

Рабочий класс мобилизует свои силы, растет его организованность, сознательные рабочие повсеместно идут в ряды партии, вступают в боевые дружины. Возникают многочисленные профессиональные союзы, создаются во многих рабочих центрах, в процессе революционной борьбы, зародыши революционной власти — Советы рабочих депутатов.

Вслед за рабочим классом, под влиянием его борьбы, шире разгорается революционная борьба крестьянства, осенью 1905 г. крестьянское движение охватило более трети уездов России; растет революционное брожение в армии и флоте, переходящее в открытую вооруженную борьбу матросов и солдат против царизма.

К предстоящей решающей схватке с революцией реакция мобилизует свои силы. В период революционного вихря (октябрь—декабрь), когда в движение пришли многомиллионные массы и свержение самодержавия стало в порядок дня как практическая задача, буржуазия круто поворачивает в сторону реакции, открыто выступает на защиту царизма.

Манифест 17 октября буржуазия встретила с ликованием, увидев в нем начало конституционной эры. Она солидаризуется с усилиями царизма подавить революцию, требуя от него положить конец «анархии».

Председатель Совета министров С. Ю. Витте становится популярным человеком среди буржуазии, ему выражают доверие, он поддерживает контакт с лидерами буржуазно-либерального движения, соблазняя их перспективой участия в правительстве. Царизм располагал безоговорочной поддержкой буржуазии в борьбе с революцией.

В обстановке дальнейшего развития революции происходит оформление буржуазных партий в России. Учредительный съезд кадетской партии состоялся 12—18 октября в дни всероссийской политической стачки. Собравшиеся на съезде представители левого крыла земско-городского движения и «Союза освобождения», учитывая политическую обстановку в стране, «демонстрировали» свое оппозиционное отношение к царизму и даже «приветствовали» освободительную борьбу рабочего класса.

Возникшая кадетская партия широко пользовалась радикальной фразеологией, прибегала к показному демократизму и в то же время тайно искала путей к соглашению с царизмом. С этой целью ряд видных деятелей кадетской партии устанавливает в октябре—ноябре личный контакт с председателем Совета министров С. Ю. Витте; шел обмен мнениями, поднимался вопрос о возможности участия кадетов в царском правительстве. На втором съезде кадетской партии, происходившем 11—15 января 1906 г. в Петербурге, было признано, что политической целью партии является установление в России конституционно-монархического строя, а в качестве основного средства политической деятельности выдвигалась парламентская деятельность. Социальной основой возникшей кадетской партии являлись капиталистические помещики и средняя буржуазия городов, буржуазная интеллигенция. Буржуазная по своему составу и характеру кадетская партия являлась основной партией русской либеральной буржуазии.

В целях маскировки своей классовой сущности кадеты называли себя конституционно-демократической партией, «партией народной свободы», на самом деле они были партией либерально-монархической буржуазии, злейшими врагами народной революции. Кадетская партия в Петербурге имела значительные связи и влияние в среде буржуазной интеллигенции, в Союзе Союзов. Располагая денежными средствами и литературными силами, кадеты издавали в Петербурге в 1905 г. еженедельники «Право», «Полярная звезда», газеты: «Свободный народ», «Народная свобода», с февраля 1906 г. — «Речь».

Другой буржуазной партией являлась партия октябристов («Союз 17 октября»). Эта партия представляла интересы крупной торгово-промышленной буржуазии и крупных помещиков, открыто ставших на сторону контрреволюции, считавших царский манифест отправным документом своей политической программы.

Партия октябристов возникла в результате объединения различных буржуазных политических групп, образовавшихся в период революционного вихря в Москве и Петербурге, ее базой явились правые элементы земско-городского движения и ряд организаций торгово-промышленной буржуазии. В октябре петербургская крупная торгово-промышленная буржуазия создает ряд политических организаций: Прогрессивно-экономическую партию, Торгово-промышленный союз и другие, которые затем влились в «Союз 17 октября».

В составе Прогрессивно-экономической партии числилось большинство крупных предпринимателей столицы; можно сказать, что эта партия вышла из недр Петербургского общества заводчиков и фабрикантов. Торгово-промышленный союз объединил петербургское купечество Гостиного двора и Апраксина рынка.

Октябристы открыто поддерживали царизм в его борьбе с революцией, стремясь скорейшего восстановления «порядка».

В. И. Ленин, характеризуя социальную природу октябристов, писал в сентябре 1906 г.: «Типичный октябрист — не буржуазный интеллигент, а крупный буржуа. Он — не идеолог буржуазного общества, а его непосредственный хозяин. Заинтересованный самым прямым образом в капиталистической эксплуатации, он презирает всякую теорию, плюет на интеллигенцию, отбрасывает всякие, свойственные кадетам, претензии на „демократизм“. Это — буржуа-делец».¹

Буржуазия, создав свои политические партии, начинает выступать более активно. Основная буржуазно-либеральная кадетская партия делает попытки возглавить движение крестьянства, ищет путей соглашения с царизмом, поэтому большевики в период буржуазно-демократической революции уделяли особое внимание задаче изоляции либерально-монархической буржуазии в лице кадетов.

После октябрьской стачки петербургское генерал-губернаторство было ликвидировано, Трепов был назначен на должность дворцового коменданта и продолжал пользоваться личным влиянием на Николая II. Трепов ушел, но треповские методы управления остались, ибо они были органически присущи самодержавию. Пост министра внутренних дел занял старый полицейский волк П. Н. Дурново. Предначертания царя и его ближайшего окружения по мобилизации всех сил контрреволюции осуществляло правительство Витте—Дурново.

Сразу же после издания манифеста 17 октября царизм проводит с помощью черносотенно-монархических организаций массовые избиения активных участников революционного движения, устраивает еврейские погромы, стремясь посредством погромов, насилий, грабежей деморализовать, разложить, запугать массы.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 11, стр. 202.

В течение двух-трех недель в стране длились дикие оргии черносотенцев, лилась человеческая кровь более чем в сотне городов. Царизм давал народу предметные уроки, что такое «конституция», дарованная царем.

Опасность провокаций и выступлений черной сотни в Петербурге заставила Совет рабочих депутатов отказаться от проведения траурной манифестации 23 октября в связи с похоронами погибших в первые дни после издания манифеста 17 октября.

Ленин по этому поводу писал: «Рабочие намеревались устроить гигантскую демонстрацию в воскресенье 5 ноября (23 октября). Они хотели всенародно почтить память своих товарищей-героев, павших в борьбе за свободу. Правительство готовило, с своей стороны, гигантское кровопролитие. Для Питера оно припасало то, что в малом масштабе разыгралось в Москве (бойня на похоронах вождя рабочих Баумана). Трепов хотел использовать момент, когда он еще не раздробил своих войск посылкой части их в Финляндию, — момент, когда рабочие собирались манифестировать, а не драться.

«Петербургские рабочие разглядели замысел неприятеля. Демонстрация была отменена».¹

Для дальнейшего успеха революции, организации ее сил огромное значение имела свобода печати. Правительство это прекрасно понимало, среди обещанных в манифесте 17 октября свобод отсутствовала свобода печати.

С прекращением октябрьской стачки и возобновлением выхода газет в Петербурге возник вопрос о революционном осуществлении свободы печати. 19 октября Совет декретирует свободу печати: «Совет депутатов постановляет, что только те газеты могут выходить в свет, редакторы которых игнорируют цензурный комитет, не посылают своих газет в цензуру, вообще поступают так, как Совет депутатов при издании своей газеты».² Совет рабочих депутатов в данном случае действовал как зародыш революционной власти, придавая своему постановлению обязательный характер; невыполнение постановления Совета влекло за собой стачку рабочих, печатающих газету, конфискацию и уничтожение газеты у газетчиков, порчу типографии и тому подобные меры. При самом активном участии рабочих-печатников постановление Совета получило силу, стало проводиться в жизнь. 22 октября петербургские газеты вышли, игнорируя царскую цензуру. В условиях относительной «свободы» и появились в Петербурге новые печатные органы.

27 октября в Петербурге вышел первый номер легальной большевистской газеты «Новая жизнь». Находясь в эмиграции в Женеве, В. И. Ленин мечтал о времени, когда удастся начать издание большевистской газеты в Петербурге. Мечты В. И. Ленина сбылись: у большевиков была теперь легальная газета.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 9, стр. 421.

² Известия Совета рабочих депутатов, 1905, № 3.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

№ 11

ПЯТНИЦА 11 НОЯБРЯ 1905 Г.

Всего в номере 11 страниц. Цена 10 копеек. Подписка на 12 месяцев 1 руб. 20 копеек. Подписка на 6 месяцев 60 копеек. Подписка на 3 месяца 30 копеек. Подписка на 1 месяц 10 копеек.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

С-ПЕТЕРБУРГЪ.

№ 11174. 15-й МАРТЪ 1905 Г.

Всего в номере 11 страниц. Цена 10 копеек. Подписка на 12 месяцев 1 руб. 20 копеек. Подписка на 6 месяцев 60 копеек. Подписка на 3 месяца 30 копеек. Подписка на 1 месяц 10 копеек.

ВЪ ЭТОМЪ № 6 ОТВѢЩАЮТЪ

Содержание: 1) Ответы на вопросы читателей. 2) Ответы на вопросы читателей. 3) Ответы на вопросы читателей.

НЕ СОСТОЯТСЯ.

Ввиду отсутствия необходимого количества подписчиков, собрание не состоится.

ВЪЗНУ

Ввиду отсутствия необходимого количества подписчиков, собрание не состоится.

СЪЕДИНЕНІЯ

Ввиду отсутствия необходимого количества подписчиков, собрание не состоится.

Ввиду отсутствия необходимого количества подписчиков, собрание не состоится.

Ввиду отсутствия необходимого количества подписчиков, собрание не состоится.

Ввиду отсутствия необходимого количества подписчиков, собрание не состоится.

Ввиду отсутствия необходимого количества подписчиков, собрание не состоится.

Ввиду отсутствия необходимого количества подписчиков, собрание не состоится.

Ввиду отсутствия необходимого количества подписчиков, собрание не состоится.

Ввиду отсутствия необходимого количества подписчиков, собрание не состоится.

Ввиду отсутствия необходимого количества подписчиков, собрание не состоится.

Ввиду отсутствия необходимого количества подписчиков, собрание не состоится.

Въ этомъ номерѣ въ первый разъ вы увидите въ нашей газетѣ, а именно въ № 11, статью о томъ, какъ надо бороться съ буржуазіей. Эта статья является однимъ изъ самыхъ важныхъ документовъ нашей революціи. Она показываетъ намъ, какъ надо бороться съ буржуазіей, какъ надо бороться съ буржуазіей, какъ надо бороться съ буржуазіей.

Крестники и крестныя родители

Въ этомъ номерѣ въ первый разъ вы увидите въ нашей газетѣ, а именно въ № 11, статью о томъ, какъ надо бороться съ буржуазіей. Эта статья является однимъ изъ самыхъ важныхъ документовъ нашей революціи. Она показываетъ намъ, какъ надо бороться съ буржуазіей, какъ надо бороться съ буржуазіей, какъ надо бороться съ буржуазіей.

Въ этомъ номерѣ въ первый разъ вы увидите въ нашей газетѣ, а именно въ № 11, статью о томъ, какъ надо бороться съ буржуазіей. Эта статья является однимъ изъ самыхъ важныхъ документовъ нашей революціи. Она показываетъ намъ, какъ надо бороться съ буржуазіей, какъ надо бороться съ буржуазіей, какъ надо бороться съ буржуазіей.

СЪЮЗЪ РАБОЧИХЪ

Въ этомъ номерѣ въ первый разъ вы увидите въ нашей газетѣ, а именно въ № 11, статью о томъ, какъ надо бороться съ буржуазіей. Эта статья является однимъ изъ самыхъ важныхъ документовъ нашей революціи. Она показываетъ намъ, какъ надо бороться съ буржуазіей, какъ надо бороться съ буржуазіей, какъ надо бороться съ буржуазіей.

Въ этомъ номерѣ въ первый разъ вы увидите въ нашей газетѣ, а именно въ № 11, статью о томъ, какъ надо бороться съ буржуазіей. Эта статья является однимъ изъ самыхъ важныхъ документовъ нашей революціи. Она показываетъ намъ, какъ надо бороться съ буржуазіей, какъ надо бороться съ буржуазіей, какъ надо бороться съ буржуазіей.

ВРЕМЯ РАБОТЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ этомъ номерѣ въ первый разъ вы увидите въ нашей газетѣ, а именно въ № 11, статью о томъ, какъ надо бороться съ буржуазіей. Эта статья является однимъ изъ самыхъ важныхъ документовъ нашей революціи. Она показываетъ намъ, какъ надо бороться съ буржуазіей, какъ надо бороться съ буржуазіей, какъ надо бороться съ буржуазіей.

Въ этомъ номерѣ въ первый разъ вы увидите въ нашей газетѣ, а именно въ № 11, статью о томъ, какъ надо бороться съ буржуазіей. Эта статья является однимъ изъ самыхъ важныхъ документовъ нашей революціи. Она показываетъ намъ, какъ надо бороться съ буржуазіей, какъ надо бороться съ буржуазіей, какъ надо бороться съ буржуазіей.

ВРЕМЯ РАБОТЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ этомъ номерѣ въ первый разъ вы увидите въ нашей газетѣ, а именно въ № 11, статью о томъ, какъ надо бороться съ буржуазіей. Эта статья является однимъ изъ самыхъ важныхъ документовъ нашей революціи. Она показываетъ намъ, какъ надо бороться съ буржуазіей, какъ надо бороться съ буржуазіей, какъ надо бороться съ буржуазіей.

Въ этомъ номерѣ въ первый разъ вы увидите въ нашей газетѣ, а именно въ № 11, статью о томъ, какъ надо бороться съ буржуазіей. Эта статья является однимъ изъ самыхъ важныхъ документовъ нашей революціи. Она показываетъ намъ, какъ надо бороться съ буржуазіей, какъ надо бороться съ буржуазіей, какъ надо бороться съ буржуазіей.

ВРЕМЯ РАБОТЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ этомъ номерѣ въ первый разъ вы увидите въ нашей газетѣ, а именно въ № 11, статью о томъ, какъ надо бороться съ буржуазіей. Эта статья является однимъ изъ самыхъ важныхъ документовъ нашей революціи. Она показываетъ намъ, какъ надо бороться съ буржуазіей, какъ надо бороться съ буржуазіей, какъ надо бороться съ буржуазіей.

11-й номер газеты «Новая жизнь», с передовой статьей В. И. Ленина «Пролетариат и крестьянство».

Меньшевики в Петербурге издают с середины ноября газеты «Начало» и подчиняют своему влиянию «Русскую газету»; легальным органом эсеров стала петербургская газета «Сын отечества». Меньшевикско-эсеровские газеты, маскируясь революционной фразеологией, пропагандируют оппортунистические установки мелкобуржуазных партий в вопросе революционной борьбы, являясь проводником буржуазного влияния на рабочих и крестьян.

На короткое время расцветают сатирические политические издания. Петербургские сатирические иллюстрированные журналы «Зритель», «Пулемет», «Жупель», «Дятел», «Пламя», «Бурелом» и другие, смело высмеивающие самодержавный режим, его слуг, пользовались значительной популярностью.¹

¹ В первом номере «Пулемета», вышедшем 13 ноября 1905 г., на последней странице был помещен текст манифеста 17 октября с отпечатком на нем кровяной руки, внизу стояла подпись: «К сему листу святы его величества генерал-майор Трехов руку приложил».

В. И. Ленин в статье «Приближение развязки» писал: «„Легальные“ газеты — с того момента, когда границы легального стал определять не Трепов, а союз петербургских стачечников — заговорили необычно смелым языком».¹

Петербургский совет рабочих депутатов во время стачек октябрьской, а позже ноябрьской и декабрьской, издавал «Известия Совета рабочих депутатов»; всего вышло 10 номеров. Рабочие-печатники под охраной дружинников захватывали типографии и печатали газету. Плотины царской цензуры были основательно разрушены борьбой рабочего класса, хотя и не были окончательно сметены. Эта относительная свобода печати была кратковременной. В конце ноября царизм издает «временные правила для периодических изданий», открывшие полосу новых преследований печати.

Борьба за свободу печати является заслугой Совета рабочих депутатов и петербургских рабочих-печатников; без активного участия последних было бы невозможно осуществить эту революционную задачу.

Ход и исход всеобщей октябрьской политической стачки подтвердил с особенной силой всю правоту большевистской партии, считавшей, что свергнуть самодержавие можно только путем вооруженного восстания.

Вопросы организационно-технической подготовки к восстанию после III съезда партии стали занимать в работе партийных организаций одно из главных мест.

Еще в конце июля Центральный Комитет решил создать при Петербургском комитете большевиков особый Боевой комитет, на который возлагалась практическая работа по организации боевых дружин, их обучению и вооружению, руководству всей боевой работой партийной организации. Осенью 1905 г. Боевой комитет при Петербургском комитете переслал В. И. Ленину за границу отчет о своей работе. Отчет Боевого комитета не удовлетворил В. И. Ленина, в ответном письме он высказал резкие, но справедливые замечания о деятельности Боевого комитета, недостаточно энергично развернувшего работу по организации боевых дружин, их вооружению и обучению. В. И. Ленин наметил программу практической деятельности боевых организаций партии.

«Основывайте, — писал Ленин, — *тогда* боевые дружины везде и повсюду и у студентов и у рабочих особенно и т. д. и т. д. Пусть *тогда* же организуются отряды от 3-х до 10, до 30 и т. д. человек». «Я готов, — пишет далее В. И. Ленин, — измерять продуктивность работ Боевого комитета числом таких отрядов, с которыми он связан. Если через 1—2 месяца у Боевого комитета не будет в Питере *minimum* 200—300 отрядов, тогда это мертвый Боевой комитет. Тогда его надо похоронить. При теперешнем кипении не набрать сотни отрядов — значит стоять вне жизни».²

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 9, стр. 421.

² Там же, стр. 315—316.

В. И. Ленин настаивал на немедленном военном обучении этих отрядов на практической боевой работе. «Отряды могут и должны ловить сейчас же всякий удобный случай для живой работы, отнюдь не откладывая дело до общего восстания, ибо без подготовки *в оне* нельзя приобрести годности и к восстанию».¹

Эти указания В. И. Ленина партия проводила в жизнь, создавая боевые дружины, добывая оружие, направляя значительные силы и средства на боевую работу.

Петербургский комитет большевиков усилил работу по вооружению рабочих, по организации боевых дружин. По свидетельству С. Познер, принимавшей активное участие в Боевой группе при Центральном Комитете большевиков, в Петербурге «были организованы почти во всех районах боевые организации, строительство шло с нескольких сторон, принимали в нем участие и П. К., и сами районы, и новая боевая группа».²

На многих заводах Петербурга — Путиловском, Обуховском, Александровском, Невском судостроительном и др. — возникали боевые дружины. В рабочих районах создавались центры по руководству боевой работой; так, в Нарвском районе был Штаб боевых дружин, в его состав входил член Нарвского районного комитета большевистской партии, рабочий Путиловского завода М. И. Калинин.

Среди петербургских рабочих наблюдается огромная тяга к вооружению.

В. И. Ленин писал об этих днях: «Боевым лозунгом петербургского пролетариата было тогда: „8-ми часовой день и оружие!“. Для все более возраставшей массы рабочих становилось очевидным, что судьбы революции может решить и решить только вооруженная борьба».³

Петербургский комитет большевиков распространяет в большом количестве листовки с призывами к вооружению рабочих, к сбору средств на оружие.

Одна листовка Петербургского федеративного комитета РСДРП была очень лаконична: «Граждане! Нужно оружие, нужны деньги для покупки оружия. Давайте оружие, давайте деньги! Социал-демократия передает их в мускулистые руки рабочих, надежных защитников всенародной свободы».⁴

В конце октября на многих предприятиях Петербурга развернулась энергичная работа по изготовлению холодного оружия, рабочие ковали стальные клинки, кинжалы, в этой работе принимала участие вся рабочая масса, среди рабочих производился сбор средств на закупку огнестрельного оружия.

Рабочие Путиловского завода собрали на вооружение 5 тыс. руб., рабочие Невского судостроительного завода — 2 тыс. руб., рабочие Франко-Русского завода потребовали от дирекции выдачи из штрафного капитала 1500 руб. на вооружение и произвели между собой денежный сбор для приобретения оружия.⁵

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 9, стр. 391.

² 1905 г. Боевая группа при ЦК РСДРП(б). М., 1927, стр. 39.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 23, стр. 240.

⁴ Листовки петербургских большевиков, т. 1, стр. 269.

⁵ Новая жизнь, 1905, № 4, 5.

Петербургский совет рабочих депутатов не мог не реагировать на развернувшееся движение петербургских рабочих за вооружение и создание боевых дружин. Депутаты поднимали эти вопросы, хотя это было и нежелательно для меньшевистских руководителей. 26 сентября состоялось собрание депутатов Совета от Городского района, решившее организовать в районе боевую дружину и поставить на обсуждение вопрос об организации боевых дружин на пленуме Совета рабочих депутатов.¹

Группа читателей большевистской «Новой жизни» в письме в редакцию сообщает об организации боевых дружин, готовых дать отпор активизировавшейся черной сотне. Такие дружины были созданы на заводах Путиловском, Лесснер, Невском судостроительном. Авторы письма предлагают, чтобы Федеративный совет РСДРП или Совет рабочих депутатов взял на себя руководство этими боевыми отрядами.²

Активизация контрреволюционных черносотенных элементов в Петербурге, выразившаяся в нападениях черносотенцев на депутатов Совета рабочих депутатов, в подготовке погрома революционных элементов, требовала принятия срочных мер.

Успокоительное уведомление петербургского градоначальника, что «предупредительные меры приняты, попытки к беспорядкам будут немедленно подавлены», только усилило тревогу. В течение 28—29 октября оружейные магазины Петербурга бойко торговали оружием, не требуя от покупателей разрешений на право покупки.³

29 октября вопрос о вооружении петербургских рабочих, об отпоре черной сотне горячо обсуждался на заседании Совета рабочих депутатов.

Депутат завода Нобель Верстрем в своих откровенных показаниях рисует следующую картину этого заседания.

«Депутат Металлического завода Макара⁴. . . объявил, что все они, на случай нападения черной сотни, от мала до велика в числе 2 тысяч человек вооружились и с 9 часов стали ковать кинжалы, при этом он откуда-то вынул и поднял вверх отточенный с одной стороны нож с деревянной рукояткой. Депутат с Путиловского завода. . . вышел на эстраду, вынул из бокового кармана самодельный клинок и заявил, что у них вооружаются все 12 тысяч рабочих, и если они понадобятся, то увидят только сказать по телефону.

«Депутат от завода Лесснера говорил то же с эстрады. Он показал металлическую шлетку со свинцовым наконечником, сказал, что у них тоже приобретается оружие против черносотенцев. Депутат одного из заводов. . . сказал, что решено на приобретение оружия пожертвовать цеховой зарработок».⁵

¹ Новая жизнь, 1905, № 5.

² Там же, № 3.

³ Там же.

⁴ Партийный псевдоним большевика Н. М. Немцова. — *Ред.*

⁵ ЦГИАМ, ф. 102, д. 6409, 1905 г., т. 2, л. 224.

Газетные отчеты об этом заседании Совета рабочих депутатов свидетельствуют о необычайном воодушевлении и энергии, проявленных рабочей массой в деле вооружения и организации. Характерно, что Исполнительный комитет по такому важнейшему вопросу повестки дня пленума Совета — «о вооружении рабочих» — не вынес особого решения, ограничившись резюме председателя, который констатировал, что холодного оружия у рабочих достаточно, а за огнестрельным надлежит обращаться к Исполнительному комитету. Это резюме не мобилизовало массы на дальнейшие усилия в деле вооружения. Деятельность Исполнительного комитета по приобретению оружия была ничтожной, закупили несколько десятков револьверов для личной охраны депутатов Совета.

Боевая решимость петербургских рабочих сделала невозможным выступление черной сотни в октябре.

Меньшевики и в Исполнительном комитете и на пленумах Совета пытались всячески сдерживать стремление рабочих к вооружению, к организации боевых дружин, рассматривая вооружение исключительно в плане самообороны от черной сотни. Как только непосредственная угроза черносотенного погрома в Петербурге прошла, меньшевики объявили цель достигнутой и стремились больше не возвращаться к этой важнейшей задаче — вооружению петербургских рабочих. Более того, они проводили мероприятия, прямо направленные на срыв этой работы.

С ведома Исполнительного комитета деньги, собранные рабочими на вооружение, расходовались иногда и на другие цели: организацию столовых, потребительских кооперативных лавок и т. п. Петербургские рабочие выражали недовольство подобной, губительной для дела революции тактикой меньшевиков.

На Путиловском заводе произошел конфликт между депутатами Совета и рабочими — инициаторами сбора средств на вооружение в связи с тем, что в Совете рабочих депутатов был поднят вопрос о расходовании этих сумм на другие цели. Этот конфликт обсуждался 12 ноября на районном собрании большевиков Нарвского района, которое осудило обман рабочих и заявило, что «считает справедливым и необходимым требовать передачи всех денег в Федеративный совет РСДРП для израсходования их на вооружение рабочих».¹

Член Исполнительного комитета большевик Б. Радия пишет в своей книге: «Вопрос о вооружении был пунктом постоянных недовольств как со стороны Совета Исполнительным комитетом, так и избирателей депутатами».²

Это — очень ценное свидетельство, записанное по свежей памяти руководящим деятелем Совета рабочих депутатов, говорящее о конфликтах рабочей массы и депутатов с меньшевиками, срывавшими работу Совета по вооружению петербургских рабочих.

¹ Новая жизнь, 1905, № 13.

² Б. Р а д и я, ук. соч., стр. 20.

После окончания октябрьской политической стачки петербургские рабочие провели боевую кампанию за революционное введение 8-часового рабочего дня. В период январско-февральских стачек и летом 1905 г. на фабриках и заводах Петербурга были случаи явочного введения 8-часового рабочего дня.

III съезд большевистской партии в апреле 1905 г. постановил: «Организовать пролетариат для немедленного осуществления революционным путем 8-часового рабочего дня».¹ В борьбе за революционное осуществление 8-часового рабочего дня большевики видели одно из важных тактических средств углубления революции, они рассматривали эти средства в тесной связи с подготовкой вооруженного восстания.

В духе постановлений съезда и велась работа партийными организациями среди рабочих, и она принесла свои плоды. После октябрьской стачки борьба за революционное введение 8-часового рабочего дня среди рабочих Петербурга приобретает широкий размах. Начало этой борьбы исходило от рабочих-металлистов, политически более передовых и лучше организованных.

Первыми ввели 8-часовой рабочий день рабочие Невского судостроительного и механического завода, явившиеся одним из наиболее сознательных и организованных пролетарских отрядов за Невской заставой. 24 октября, после опроса рабочих по мастерским, было решено с 12 час. дня приступить к исполнению решения о введении 8-часового рабочего дня. Делегаты от рабочих, явившись к директору завода Гиппиусу, поставив его в известность о решении рабочих, предъявили ему новый распорядок дня на заводе, согласно которому они теперь будут работать. Правление завода, основная часть акций которого принадлежала Государственному банку, обращается к управляющему банком Тимашеву и к министру торговли и промышленности Тимирязеву, прося «руководящих указаний». Рабочие, не взирая на угрозу сокращения заработной платы, начиная с 24 октября, работали явочным порядком восемь часов в день.²

24 октября рабочие Александровского завода Николаевской ж. д., отработав 8 час., прекратили работу и устроили на заводе митинг; то же повторялось 27 и 28 октября.³

На этом заводе было устроено закрытое голосование: за 8-часовой рабочий день было подано 1668 голосов, против — 14 голосов.⁴

Решением общего собрания рабочих на Обуховском заводе с 28 октября был введен 8-часовой рабочий день. Встревоженное правление Обуховского завода просило и. о. начальника завода лично доложить морскому министру об этом событии.⁵

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, стр. 79.

² ГИАЛО, ф. 1239 (Невский судостроительный завод), оп. 1, 1905 г., д. 61, л. 79.

³ ЦГИАЛ, ф. 273 (Управление жел. дорог), оп. 13, 1905 г., д. 316, л. 134.

⁴ Новая жизнь, 1905, № 5.

⁵ ЦГАВМФ, ф. 473 (Правление Обуховского з-да), оп. 4, 1905 г., д. 87, лл. 472—473.

Вслед за ведущими заводами Невской заставы 8-часовой день был установлен 27—28 октября на большинстве предприятий этого района. Депутаты от заводов и фабрик, явившихся инициаторами борьбы за введение 8-часового рабочего дня, поставили перед Советом рабочих депутатов задачу организовать и возглавить эту борьбу.

«... Если бы Совет отказался декретировать, — пишет Б. Радин, — введение 8-часового рабочего дня во всех производствах, его престиж сильно упал бы. Да вряд ли и послушались бы его революционно настроенные заводы, как, например, Невский судостроительный (Семяниновский) и Обуховский сталелитейный. Вопрос наперед был решен в положительном смысле».¹

На заседании 29 октября Совет декретирует введение на всех заводах и фабриках столицы 8-часового рабочего дня с 31 октября, выдвигая одновременно требование о повышении расценок.

Большевистская газета «Новая жизнь» в № 5 от 1(14) ноября посвятила передовую революционному введению 8-часового рабочего дня, в которой писала: «Это факт, который должен быть отмечен в летописях не только русского, но и всемирного рабочего движения».

Вождь рабочего класса В. И. Ленин придавал исключительно важное значение решению Совета рабочих депутатов о введении 8-часового рабочего дня. Большевики считали, что это тактическое средство помогает подводить массы к вооруженному восстанию. В. И. Ленин указывает, что при тех исторических условиях, «которые были в ноябре 1905 года, социал-демократия считает *немедленное* введение 8-часового рабочего дня не только законным, но и *необходимым*».²

Рабочие Петербурга с энтузиазмом взялись за выполнение постановления Совета рабочих депутатов.

31 октября, в понедельник, рабочие предприятий в районе Московской заставы, «отработав ровно 8 часов, с красными знаменами и с пенем „Марсельезы“ вышли на улицу, где и была устроена мирная демонстрация. Манифестанты по пути снимали продолжавшие работать заведения. То же случилось и во вторник. Рабочие после 8-часового рабочего дня пошли с красными флагами. На углу Волковской и Ломанской улиц на мирно шествующих рабочих налетел отряд казаков человек с 50 с офицером во главе».³

По сообщениям большевистской газеты «Новая жизнь», рабочие двадцати пяти самых крупных заводов и фабрик Петербурга, не обращая внимания на вопли и угрозы предпринимателей, ввели у себя революционным путем 8-часовой рабочий день.⁴

¹ Б. Р а д и н, ук. соч., стр. 75.

² В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 16, стр. 99.

³ Известия Совета рабочих депутатов, 1905, № 5.

⁴ Новая жизнь, 1905, № 9.

Меньшевистские руководители в Совете рабочих депутатов отрицательно относились к борьбе за 8-часовой рабочий день, не верили в ее успех, они называли введение 8-часового рабочего дня в Петербурге бессмыслицей, но, боясь скомпрометировать себя в глазах рабочих, действовали двурушнически: на словах они не возражали, а на деле сеяли неверие, срывали борьбу петербургских рабочих за революционное введение 8-часового рабочего дня.

Боевая кампания за введение 8-часового рабочего дня совпала с ноябрьской политической стачкой.

* * *

Всероссийская октябрьская политическая стачка в России не могла не оказать революционного воздействия на армию и флот. Самым значительным революционным выступлением, ближайшим образом связанным с октябрьской политической стачкой, было восстание в Кронштадте 26—27 октября 1905 г. Кронштадтское восстание явилось стихийным взрывом возмущения, охватившего моряков в связи с тяжелым их материальным положением (плохая пища, негодное обмундирование), полным бесправием и общим политическим положением в стране. Состав двадцатитысячного гарнизона в Кронштадте сильно изменился: летом в него влились запасные из рабочих заводов Морского ведомства, две тысячи крепостных артиллеристов из Варшавского и Одесского округов, «неблагонадежные» матросы из флотских экипажей Петербурга. Все это создавало благоприятные условия для возникновения брожения и недовольства. Революционизирующее влияние на гарнизон оказывали рабочие петербургских заводов, производившие работы в Кронштадтском порту. Петербургский комитет большевиков и местная Кронштадтская организация РСДРП уделяли большое внимание развертыванию революционной работы в Кронштадтском гарнизоне. После издания манифеста 17 октября на площадях и улицах Кронштадта началась широкая политическая агитация, в большом количестве распространяются прокламации, происходят митинги и демонстрации. Массовый митинг был устроен 23 октября на Якорной площади, на которой с большим успехом выступили перед матросами и солдатами большевики, среди них был известный партийный работник член ЦК И. Ф. Дубровинский, направленный в Кронштадт Центральным Комитетом партии.

Командант крепости и командующий флотом не решились разогнать многлюдный митинг военной силой.

В дни, предшествовавшие восстанию, во многих экипажах матросы предъявляют командованию различные требования, касающиеся их материального и правового положения. На происходивших митингах выдвигались общеполитические требования; матросов очень волновал вопрос, распространяются ли на них обещанные в манифесте 17 октября «свободы». Поводом к открытому вооруженному восстанию явился арест 26 октября группы солдат, заявивших свои требования. Попытка матросов отбить арестованных, которых везли в вагонах крепостной

железной дороги на один из фортов, кончилась неудачей — сопровождавшая охрана открыла огонь. Возмущенные расстрелом товарищей, матросы разошлись по экипажам и, захватив винтовки, стали выходить на улицу. Первыми вышли матросы 7-го и 4-го экипажей, к ним стали присоединяться и другие части. Восставшие разгромили морское офицерское собрание, вступили в перестрелку с войсками и полицией в ряде пунктов города.

Ввиду отсутствия четкой организации и плана восстания движение приняло стихийный характер. Растерявшиеся власти пустили в ход оружие провокации. В наступившей ночной темноте провокаторы, среди которых были и переодетые полицейские, начали громить винные лавки, магазины, склады, устраивать поджоги, открыли беспорядочную стрельбу, увлекая за собой малосознательную часть матросов. Это внесло полную дезорганизацию в движение, и 27 октября с помощью войск, прибывших из Петербурга, восстание было подавлено. Флотские экипажи были разоружены, произведены массовые аресты матросов и солдат. Арестованным и преданным военно-морскому суду угрожала смертная казнь. В защиту моряков и солдат выступили петербургские рабочие. На ряде заводов: Невском судостроительном, Франко-Русском, Трубочном, Лесснер и других — 31 октября состоялись митинги протеста, на которых рабочие выносили постановления против предания военно-полевому суду сотен матросов — участников восстания в Кройштадте, а также заявили протест ввиду введения военного положения в Польше.¹

Депутаты Совета рабочих депутатов от предприятий Выборгской стороны собрались 31 октября в районный штаб; отражая настроение рабочей массы, они вынесли такое постановление: «Восставшие матросы — наши сотоварищи и соратники в борьбе за наше общее дело. Мы с радостью приветствуем их как своих братьев борцов. Мы протестуем против намеченных правительством массовых казней и от имени избравших нас заводов заявляем свою готовность поддержать свой протест политической забастовкой и демонстрациями. Мы постановляем устроить завтрашний день митинги протеста на всех фабриках и заводах. Мы решительным образом требуем отмены военных судов, смертной казни, постоянной армии, в которой, если она будет существовать, неизбежны дикие расправы над солдатами в целях поддержания дисциплины. Мы требуем всеобщего вооружения народа. Мы предлагаем экстренно собраться Совету рабочих депутатов, которому заявляем наше мнение о необходимости устройства политической забастовки и демонстраций, окончателно же решение формы протеста предлагаем на усмотрение Совета рабочих депутатов».²

Таким образом, инициатива постановки вопроса о политической стачке принадлежит рабочим заводам и фабрикам Выборгского и Невского районов. Федеративный комитет РСДРП высказался за проведение политической забастовки. Испол-

¹ Новая жизнь, 1905, № 7.

² Там же.

нительный комитет, учитывая боевое настроение и требования рабочих масс, созывает 1 ноября в Соляном городке экстренное заседание Совета рабочих депутатов.¹

В центре внимания находился вопрос о событиях в Кронштадте. Выступающие, среди них матрос 18-го флотского экипажа Василий Колечкин, обрисовали картину восстания и разоблачили гнусный замысел царизма учинить кровавую расправу над сотнями кронштадтских матросов. Одновременно Совет рабочих депутатов обсудил и другой вопрос: как реагировать на введение военного положения в царстве Польском.

Депутаты Совета рабочих депутатов тепло встретили прибывшую на заседание польскую делегацию, обратившуюся к русскому рабочему классу с призывом поддержать освободительную борьбу польского народа против царизма. С большим воодушевлением Совет рабочих депутатов вынес решение о проведении политической забастовки 2 ноября в 12 час. дня в знак солидарности с революционными матросами Кронштадта и пролетариями Польши.

На следующий день, 2 ноября, с утра на заводах и фабриках Петербурга организуется митинги, на них оглашается постановление Совета рабочих депутатов о проведении политической забастовки. Повсюду это решение находит горячую поддержку рабочих.

На заводах и фабриках распространялась листовка, выпущенная Петербургским комитетом большевиков. «Пусть узнают, — писали большевики в листовке, — томящиеся в казематах кронштадтцы, пусть узнают наши польские товарищи, что петербургский пролетариат не дремлет и зорко стоит на страже общероссийской свободы. Пусть увидит царское правительство еще нашу грозную силу, нашу братскую солидарность с борющимися пролетариатом всей России, пусть увидит и трепещет. Близок час его гибели. Близок час всенародного восстания и провозглашения демократической республики».²

В первый день забастовали рабочие таких крупных петербургских заводов, как Невский судостроительный, Путиловский, Обуховский, Франко-Русский, Петербургский металлический, Александровский, Балтийский, Адмиралтейский Ижорский завод. На Васильевском Острове вслед за Балтийским заводом забастовали все крупные и средние предприятия (подковный Посселя, Сименс и Гальске, Проволочный и гвоздильный, табачная фабрика «Лаферм», кожевенный завод Осипова и др.). В 12 час. прекратилось движение поездов на Петербурго-Варшавской ж. д. 3 ноября политическая стачка охватила все районы города, бастует большинство заводов Выборгской стороны, крупнейшие текстильные фабрики: Петровская и Спасская мануфактуры, Невская ниточная, Торитона и другие; за-

¹ В ряде постановлений, принятых на рабочих собраниях 2 ноября (Петербургский металлический завод, Балтийский завод), имеются прямые ссылки на это решение Федеративного комитета РСДРП (Новая жизнь, 1905, № 7).

² Листовки петербургских большевиков, т. I, стр. 271.

бастовал Сестрорецкий оружейный завод, ряд электрических станций города. В этот день прекратилось движение на железных дорогах Петербургского узла: Николаевской, Балтийской, Ириновской. Вследствие забастовки рабочих типографий 3 ноября не вышли газеты, кроме официальных органов: «Правительственного вестника» и «Вестника СПб. градоначальства». По решению Совета в дни стачки выходила газета «Известия Совета рабочих депутатов», печатавшаяся революционным порядком путем захвата типографий.

По данным фабричной инспекции, далеко не полным, 3 ноября в Петербурге бастовало 331 предприятие — 100 948 рабочих, 4 ноября 501 предприятие — 121 635 рабочих, 5 ноября 501 предприятие — 126 350 рабочих, 7 ноября 504 предприятия — 114 090 рабочих.¹

Во время ноябрьской политической стачки бастовали почти все предприятия, подчиненные фабричной инспекции, бастовали все казенные заводы Морского ведомства, Петербургский железнодорожный узел.

Ноябрьская политическая стачка в Петербурге началась и проходила организованно и дружно.

Председатель Совета министров граф С. Ю. Витте обратился к рабочим со смелотворной телеграммой: «Братцы рабочие! Станьте на работу, бросьте смуту, пожалейте ваших жен и детей. Не слушайте дурных советов».

Демагогическая телеграмма Витте, оглашенная на заседании Совета рабочих депутатов и на многочисленных митингах рабочих, стала предметом насмешек. Рабочие одной электростанции, заслушав текст телеграммы Витте, постановили: «Прочитали и забастовали».

Опасаясь взрыва возмущения рабочих при оглашении телеграммы Витте, директор Франко-Русского завода и председатель отдела механических заводов Петербургского общества заводчиков и фабрикантов Нобель поехали к Витте. Витте предложил заводчикам «не умствовать» и сейчас же распорядиться об объявлении содержания телеграммы рабочим. На Франко-Русском заводе телеграмма Витте была встречена дружным свистом рабочих.

В дни ноябрьской политической стачки рабочие разных крупных заводов и фабрик почти ежедневно собирались на политические собрания и митинги, происходившие на предприятиях. После одного из таких митингов, 6 ноября, рабочие Невского судостроительного завода стали останавливать движение конно-железной дороги — опустили шлагбаум и завалили досками полотно железной дороги. Пехотные части и казаки разогнали рабочих прикладами и нагайками, ворвались во двор завода и открыли стрельбу по рабочим. Среди тяжелораненых и жестоко избитых был депутат Совета рабочих депутатов, постоянный председатель на митингах рабочих Николай Клемчинский.

¹ ЦГИАЛ, ф. 23. (Министерство торговли и промышленности), оп. 17, 1905 г., д. 339, Сводные сведения о забастовках по отраслям промышленности, л. 22.

Успешно начавшейся ноябрьской политической стачке петербургских рабочих на третий день был нанесен удар со стороны меньшевиков, членов Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов.

Меньшевики, имея связи в буржуазно-либеральных кругах, были хорошо информированы о настроенных так называемого «общества». Враждебное отношение буржуазии и буржуазной интеллигенции к ноябрьской стачке (Союз Союзов хотя и принял резолюцию о поддержке стачки, но практически ничего не сделал) сразу же было учтено меньшевиками, и, верные своему оппортунистическому принципу не пугать, не отталкивать буржуазию, они взяли курс на быстрое прекращение стачки.

Располагая большинством в Исполнительном комитете Совета, меньшевики выносят решение о прекращении стачки, принятое 9 голосами против шести.¹ Это решение не только не было согласовано с Федеративным комитетом РСДРП, а прямо противоречило его позиции. Федеративный комитет единогласно высказался за продолжение политической забастовки.²

4 ноября Исполнительный комитет на заседании Совета рабочих депутатов выносит решение о прекращении стачки.

Меньшевики получили отпор со стороны депутатов Совета; выступило тридцать два оратора, большинство выступающих осуждало решение Исполнительного комитета, заявляя, что нельзя играть таким оружием, как политическая стачка; чтобы голос петербургского пролетариата услышала вся Россия, недостаточно 3—4 дней, заявил депутат Александровского завода. Предложение Исполнительного комитета было отвергнуто Советом рабочих депутатов, оно собрало лишь четыре голоса.³ Несмотря на провал предложения о прекращении стачки, Исполнительный комитет вновь вносит его на очередное заседание Совета, воспользовавшись правительственным сообщением, что кронштадтские матросы не будут переданы военно-полевому суду, и колебаниями среди бастующих, усилившимися по вине самого Исполкома. Исполнительный комитет добивается принятия постановления о прекращении политической стачки 7 ноября в 12 час. дня.

Окончание ноябрьской политической стачки прошло необычайно организованно. Все заводы и фабрики столицы прекратили стачку в срок, установленный постановлением Совета рабочих депутатов. В 12 час. 7 ноября возобновилось движение на всех железных дорогах Петербургского узла.

Оппортунистическая тактика меньшевиков в дни ноябрьской стачки отчетливо выступает также в инциденте с «Новой жизнью». В связи с решением Совета рабочих депутатов о проведении ноябрьской стачки Петербургский комитет большевиков поставил перед Советом вопрос о необходимости выхода в дни стачки пролетарской

¹ Новая жизнь, 1905, № 9.

² Известия Совета рабочих депутатов, 1905, № 7.

³ Там же.

большевистской газеты «Новая жизнь», — этого требовали интересы борьбы рабочего класса.

Меньшевики и эсеры ополчились против предложения большевиков и добились его отклонения. Петербургский комитет апеллировал к рабочей массе, на ряде заводских митингов были вынесены постановления, требующие выхода большевистской газеты «Новая жизнь» во время стачки.

Позиция меньшевиков и эсеров в этом вопросе полностью совпадала с точкой зрения буржуазных журналистов из Союза в защиту свободы печати, которые упрекали «Новую жизнь» в несолидарности.¹

Ноябрьская политическая забастовка, в которой приняла участие основная масса фабрично-заводских рабочих столицы, прошла очень организованно; следует, однако, отметить, что она ограничилась Петербургом. Лишь рабочие Ревеля и Рыбинска присоединились к ноябрьской забастовке.

Исполнительный комитет, взявший курс на окончание стачки, не принимал мер к ее расширению.

Ноябрьская политическая стачка имела непосредственным своим результатом отмену военного положения в царстве Польском и военно-полевого суда над кронштадтскими матросами, но ее значение этим не исчерпывается. Ноябрьская политическая стачка явилась важным этапом в деле борьбы за армию, она сыграла значительную роль в пробуждении политического сознания у солдат и матросов.

В дни ноябрьской политической стачки и после ее окончания значительно усилилось революционное брожение в Петербургском гарнизоне. Особенно сильным было оно в 8-м, 14-м, 18-м флотских экипажах, расположенных в столице. О настроениях флотских экипажей ярко свидетельствует следующий случай. 5 ноября в 14-й флотский экипаж был доставлен рабочий, задержанный за передачу «пачки» «Известий Совета рабочих депутатов» для раздачи их нижним чинам. Задержание рабочего вызвало большое волнение среди матросов экипажа. Собравшись толпой до 100 чел. на дворе казармы, они решительно настояли на освобождении задержанного. Три матроса заявили пришедшим городовым: «Мы должны защищать вольных потому, что они нас защищают». Полицейские так и ушли с пустыми руками.²

В середине ноября среди матросов 8-го, 14-го, 18-го флотских экипажей получила большое распространение прокламация «От матросов», напечатанная в № 17 «Новой жизни», содержащая различные требования, касающиеся улучшения материального и правового положения нижних чинов, а также ряд политических требований (амнистия политическим заключенным, свобода собраний и т. д.). Высшее морское командование в конце ноября 1905 г. принимает все меры к изоляции флотских экипажей, к выводу их из Петербурга. Матросы решительно воспротивились

¹ Новая жизнь, 1905, № 7.

² ЦГВИА, ф. 11, оп. 1, 1905 г., д. 8610, лл. 9, 11.

переводу их в Кронштадт, где существовало военное положение. Против матросов 8-го, 14-го, 18-го флотских экипажей были двинуты гвардейские части с пулеметами, казармы ночью были оцеплены войсками, матросы разоружены и отправлены на баржах в Кронштадт. Часть матросов экипажа была предана военно-морскому суду.

Значительным революционным событием в Петербургском гарнизоне явилось волнение роты военно-электротехнической школы в ноябре 1905 г. Солдаты военно-электротехнической школы, среди которых было немало бывших рабочих, во время октябрьской и ноябрьской политических стачек использовались как штрейкбрехеры на электрических и телефонных станциях и на Главном почтамте. Это не могло не порождать чувства протеста у солдат, кроме того, постоянное соприкосновение с бастующими рабочими, чтение прокламаций способствовали росту их политической сознательности. Рядовой П. Белоусов, работавший во время ноябрьской стачки на заводе «Гелиос», в связи с забастовкой собрал около себя большую толпу народа, говорится в «Обвинительном акте», и заявил ей, «что начальство его заставляет работать против его убеждений, тогда как следовало бы помочь кронштадтским матросам, которых безвинно хотят расстрелять». Вследствие подобных заявлений и «нежелания работать» Белоусов был сразу же удален с завода и отправлен в казарму. Дорогой он заявил сопровождавшему офицеру, что «будет время», солдаты «покажут себя».¹

14 ноября 1905 г. солдаты военно-электротехнической школы, построившись без разрешения командиров в помещении роты, предъявили вызванному командиру роты 31 пункт «требований», заявив при этом, «что роты не отступятся от этих требований и просят передать их начальству». Предъявленные требования касались улучшения экономического и правового положения солдат, они требовали также «свободы собрания в казармах» и т. д.² Одновременно были поданы требования от нижних чинов нестроевой команды школы.

В тот же день по приказанию штаба Петербургского военного округа Павловский полк арестовал 145 солдат военно-электротехнической школы и под конвоем отвел их в Петропавловскую крепость. В донесении штабу округа командир Павловского полка генерал Щербачев сообщал: «Оружие было отобрано и заперто, при арестовании сопротивления не было оказано, но частные случаи неповиновения были».³ Через несколько дней после этих событий солдат военно-электротехнической школы, говорится в «Обвинительном акте», прикомандированный для несения службы к учебному воздухоплавательному парку, собрал солдат роты парка, познакомил их с требованиями, предъявленными в военно-электротехнической школе, и «побуждал и подговаривал этих нижних чинов пойти и силою освободить из-под ареста нижних чинов электротехнической роты».⁴ Волнения,

¹ ЦГВИАЛ, ф. 545, 1905 г., д. 847, ч. III, л. 11.

² Там же, т. I, л. 22.

³ ЦГВИАЛ, ф. 11, оп. 1, 1905 г., д. 8610, л. 142.

⁴ ЦГВИАЛ, ф. 545, 1905 г., д. 847, ч. III, л. 11.

связанные с предъявлением солдатами требований, имели место в ноябре и в других частях Петербургского гарнизона.

По сообщению «Новой жизни», в ночь с 16 на 17 ноября в Царском Селе были произведены аресты солдат Кираспирского, Гусарского полков и стрелкового батальона: «... арестованы предполагаемые главари брожения, принявшего определенную форму и результатом которого явился ряд требований; одним из пунктов петиции является категорический протест против навязывания солдатам полицейских обязанностей».¹

Петербургский комитет большевиков уделяет большое внимание революционной работе в армии и флоте. Для работы в войсках при Петербургском комитете существовала особая «военная организация».

Петербургская военная организация развернула значительную революционную деятельность среди солдат и матросов, в частях создавались подпольные революционные группы, издавались и распространялись листовки, революционные брошюры, оформлялись солдатские требования. Легальная большевистская газета «Новая жизнь» уделяет исключительное внимание делу привлечения армии на сторону революции, публикуя руководящие статьи, материалы о революционной борьбе в армии и флоте, о волнениях и брожениях в частях Петербургского гарнизона.

В «Новой жизни», в № 13 от 15 ноября 1905 г., были напечатаны солдатские требования воинских частей Петербурга, состоящие из 27 пунктов. Требования касались улучшения пищи, одежды, помещений, увеличения жалования, сокращения срока службы, права посещать собрания, читать газеты; далее солдаты требовали свободы совести, уничтожения военных судов, отмены титулования и т. д.

Царизмом принимались все меры к недопущению в воинские части большевистской газеты «Новая жизнь». В Николаевском инженерном училище был отдан приказ об изъятии из читальни номеров «Новой жизни». Юнкера предупреждались, что если у них будут замечены номера газеты «Новая жизнь», то на них будет наложено строгое взыскание. Приказом командования Измайловского полка солдатам запрещалось чтение этой газеты. Командир Гренадерского полка отдал приказание не допускать распространения среди нижних чинов газеты «Новая жизнь», так как «попадают часто статьи и заметки, направленные к увеличению и распространению смуты и беспорядков».² Большевистская легальная газета будила революционное сознание солдат и матросов и призывала их к борьбе против самодержавия. В. И. Ленин в «Новой жизни» в статье «Войско и революция», анализируя ноябрьское восстание в Севастополе, писал:

«Севастопольские события не одиноки и не случайны. Не будем говорить о прежних попытках прямого восстания во флоте и в армии. Сопоставим с севасто-

¹ Новая жизнь, 1905, № 16.

² Там же, №№ 11, 14, 16, 21.

польским пожаром петербургские искры. Вспомните те солдатские требования, которые намечаются теперь в различных воинских частях Петербурга.

Одновременно В. И. Ленин отмечает: «Политическая сознательность солдат и матросов еще очень низка. Но важно то, что сознание уже проснулось, что среди солдат началось *свое* движение, что дух свободы проник в казармы везде и повсюду».¹

* * *

После ноябрьской политической стачки борьба петербургских рабочих за 8-часовой рабочий день продолжалась. На Александровском, Обуховском и других заводах явочным порядком работали 8 часов. Однако условия борьбы для рабочих стали более тяжелыми. Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов не только не увязал ноябрьскую политическую стачку петербургских рабочих с задачей введения революционным путем 8-часового рабочего дня, но более того, в ходе стачки он взял курс на свертывание этой борьбы. На заседании Совета 6 ноября докладчик Исполнительного комитета прямо заявил: «Исполнительный комитет, исходя из того соображения, что при теперешнем экономическом кризисе проведение 8-часового рабочего дня представляет известное затруднение, не считает возможным дать лозунг за немедленное осуществление его».²

По докладу Исполнительного комитета была принята резолюция, фактически отменявшая прежнее решение о введении 8-часового рабочего дня на заводах и фабриках Петербурга. Меньшевики, располагая большинством в Исполнительном комитете Совета рабочих депутатов, забили отбой, уверяя при этом петербургских рабочих в том, что необходимым условием осуществления 8-часового рабочего дня является наличие профессиональных союзов, объединяющих рабочих как в Петербурге, так и во всероссийском масштабе, «которые смогут, — говорилось в резолюции Совета, — выработать практический способ для осуществления 8-часового рабочего дня».³ Исполнительный комитет, маскируя свою оппортунистическую линию, «рекомендует» рабочим продолжать борьбу за сокращение рабочего времени по отдельным заводам и фабрикам.

Позиция Исполнительного комитета в этом вопросе вызвала недовольство и возражения среди петербургских рабочих и их депутатов в Совете.

Представитель союза печатников заявил на пленуме Совета 6 ноября: «До сих пор Совет рабочих депутатов не поступал так, весь смысл его существования — объединить массы, заставить их действовать согласно, сплоченно. А теперь Совет предлагает вместо одной сплошной борьбы отдельные партизанские схватки».⁴

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 10, стр. 36—37.

² Известия Совета рабочих депутатов, 1905, № 7.

³ Там же.

⁴ Там же.

Рабочие завода Лесснер на митинге 8 ноября вынесли такое решение: «...узнавши о решении Совета рабочих депутатов прекратить на время борьбу за 8-часовой рабочий день, сожалеем о таком решении и выражаем свое твердое желание продолжать начатую борьбу по первому призыву социал-демократической рабочей партии и Совета рабочих депутатов». ¹ Решение Совета рабочих депутатов от 6 ноября было наруку петербургским предпринимателям, решившим не допускать введения 8-часового рабочего дня в столице.

Постановление Совета рабочих депутатов от 6 ноября и ряд решений Исполнительного комитета в развитие этого постановления внесли большую дезорганизацию в успешно начатую борьбу за 8-часовой рабочий день. Очередной пленум Совета рабочих депутатов удалось собрать лишь через неделю, 12 ноября, в помещении Вольного Экономического общества.

Несмотря на начавшийся локаут, представители ряда заводов и фабрик (Невского судостроительного завода, Александровского и др.) твердо настаивали на продолжении борьбы. Депутатами было высказано немало резких, но вполне справедливых упрёков в адрес Исполнительного комитета, который поторопился забить отбой. Среди выступавших особенно горячо настаивали на продолжении борьбы за революционное введение 8-часового рабочего дня две работницы — депутаты Совета — одна от ткацкой фабрики Максвеля, другая от табачной фабрики «Лаферм». ² После длительного обсуждения этого вопроса, учитывая изменившуюся обстановку, закрытие многих фабрик и заводов, казенных и частных, Совет рабочих депутатов постановил: «...временно приостановить немедленное и повсеместное проведение революционным путем 8-часового рабочего дня». ³ Это не исключало продолжения борьбы рабочими отдельных предприятий за сокращение рабочего времени, если они сочтут это возможным.

Так закончилась борьба петербургских рабочих за одно из революционных требований большевистской партии — за 8-часовой рабочий день.

Оппортунистическая линия меньшевистских руководителей Совета, наряду с локаутом предпринимателей, сыграла решающую роль в неуспехе борьбы за 8-часовой рабочий день.

Боевая кампания петербургских рабочих за революционное введение 8-часового рабочего дня, помимо ее огромного политического значения в смысле мобилизации масс на борьбу за свержение самодержавия, имела и непосредственные экономические результаты. Под влиянием этой борьбы петербургские заводчики и фабриканты были вынуждены производить частичное сокращение рабочего дня на ряде предприятий или даже в целых отраслях промышленности. Собрание петербургских текстильных фабрикантов 2 ноября было вынуждено принять решение

¹ Новая жизнь, 1905, № 10.

² Там же, № 12.

³ Там же, № 13.

о сокращении рабочего дня на фабриках по обработке волокнистых веществ на $\frac{1}{2}$ —1 час, начиная с 16 ноября.¹

Постановление о сокращении рабочего дня подписали 19 фирм. На таких крупных фабриках, как Спасская и Петровская мануфактуры, на Российской бумагопрядильной и других был введен $10\frac{1}{2}$ -часовой рабочий день вместо 11 часов, на других фабриках (Резвоостровской мануфактуре, Триумфальной, Екатеринбургской, Нарвской суконной мануфактуре и др.) введен $10\frac{1}{2}$ -часовой рабочий день вместо $11\frac{1}{2}$ часов. Одновременно пропорционально повышалась зарплата от 5—6% до 10—12%. В ряде петербургских типографий (Киришбаума, Гаевского, бр. Лещинских и др.) в ноябрь был установлен 9-часовой рабочий день. Сокращен был на $1\frac{1}{2}$ часа, с $11\frac{1}{2}$ до 10 час., рабочий день на кожевенных заводах Брусницына, Парамонова, Зверкова. Сокращение рабочего времени на $\frac{1}{2}$ —1 час, имевшее место в ноябре 1905 г. на многих петербургских предприятиях, явилось результатом упорной борьбы рабочих.

Под влиянием борьбы петербургских рабочих революционное введение 8-часового рабочего дня имело место на ряде заводов в стране. Рабочие крупного машиностроительного Коломенского завода под Москвой в течение нескольких дней, начиная с 3 ноября, работали по 8 часов. На крупном Екатеринбургском трубопрокатном заводе Шодуара рабочие в течение почти недели, начиная с 8 ноября, явочным «порядком» работали по 8 часов в день.²

* * *

7 или 8 ноября 1905 г. в момент окончания ноябрьской стачки возвращается в Россию, в Петербург, вождь большевистской партии и рабочего класса В. И. Ленин, находившийся ряд лет в эмиграции. Издалека ему было все сложнее и сложнее руководить партией, революционной борьбой рабочего класса, быть в курсе всех революционных событий, происходивших в России.

В то же время в Петербург приезжает ряд видных работников большевистской партии: Н. К. Крупская (секретарь ЦК), члены редакции «Пролетария» А. В. Луначарский, В. В. Воровский, М. С. Ольминский.

Вернувшись в Россию, в Петербург, В. И. Ленин был вынужден жить на нелегальном положении. Попытка В. И. Ленина и Н. К. Крупской поселиться легально на Греческом проспекте (д. 15/8) кончилась неудачей, на другой же день квартира была буквально оцеплена агентами полиции. Вождем рабочего класса в 1905—1907 гг. пришлось скрываться от царских жандармов и шпионов, постоянно менять паспорта, квартиры, временно оставлять Петербург и проживать в различных пунктах: в Куоккала и Териоках, в Финляндии (Гельсингфорс).

¹ ГИАЛО, ф. 1295 (Сампсониевская бумагопрядильная и ткацкая мануфактура), оп. 1, 1904—1907 гг., д. 605, л. 16.

² ЦГИАЛ, ф. 266, оп. 1, 1905 г., д. 271, лл. 371, 436.

Возвращаясь из эмиграции в Россию, В. И. Ленин в пути, в Стокгольме, пишет для газеты «Новая жизнь» статью «Наши задачи и Совет рабочих депутатов» (письмо в редакцию).¹ В этой статье он дает впервые оценку Советов рабочих депутатов как органов восстания и зачатков новой революционной власти. Надо было обладать гениальной ленинской прозорливостью, чтобы по первым шагам деятельности Совета рабочих депутатов определить великое значение этой новой боевой организации, созданной революционным творчеством масс.

Оценивая Советы рабочих депутатов как орган зреющего и растущего вооруженного восстания, как зачаточные органы революционной власти, В. И. Ленин поставил задачу привлекать в их состав представителей от революционных солдат и матросов и революционного крестьянства.

В. И. Ленин указывал, что Советы рабочих депутатов являются зачатком новой революционной власти — революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, которая должна быть установлена в результате победы восстания. В этом письме была развернута конкретная программа действий пролетарской партии на решающем этапе буржуазно-демократической революции, когда назрело вооруженное восстание. Вождь революции призывал к образованию временного революционного правительства, программой которого должно быть полное осуществление на деле политической свободы, созыв действительно всенародного Учредительного собрания, вооружение народа, немедленное предоставление действительной и полной свободы угнетенным народностям, введение 8-часового рабочего дня, переход всей земли к крестьянам и учреждение посылку революционных крестьянских комитетов. В центре поставленных В. И. Лениным перед партией большевиков задач было объединение и подготовка революционных сил для вооруженного восстания.

Положения В. И. Ленина о Советах рабочих депутатов были целиком направлены против меньшевистско-троцкистских, эсеровских взглядов на Советы как на органы революционного самоуправления, существующие параллельно с царской властью, вроде демократизированных городских самоуправлений.

Письмо Ленина в редакцию «Новая жизнь» было прямым откликом на споры, шедшие в Петербургской организации большевиков и на страницах «Новой жизни» о сущности, роли и значении Советов рабочих депутатов.

Ряд руководящих работников Петербургской организации большевиков (Богданов, Б. Радин) противопоставляли партию Совету рабочих депутатов, ими выдвигалось требование предложить Совету присоединиться к социал-демократической программе, иные договаривались до выхода из Совета в случае непринятия последним социал-демократической программы. В. И. Ленин решительно борется против этих ошибочных взглядов, ведущих к отрыву партии от массы.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 10, стр. 1. Это письмо В. И. Ленина не было напечатано в «Новой жизни». Впервые оно было опубликовано в ЦО «Правда», 5 ноября 1940 г.

В письме в редакцию «Новая жизнь» В. И. Ленин писал: «... тов. Радия неправ, ставя в № 5 „Новой жизни“... вопрос: Совет рабочих депутатов или партия? Мне кажется, что нельзя так ставить вопроса, что решение *безусловно* должно быть: и Совет рабочих депутатов и партия».¹

Возвращаясь к вопросу об участии в Советах рабочих депутатов в другой статье — «Социалистическая партия и беспартийная революционность», В. И. Ленин писал в «Новой жизни»: «В эпоху демократической революции отказ от участия в беспартийных организациях равнялся бы в известных случаях отказу от участия в демократической революции».²

Некоторые руководящие большевистские работники Петербурга не сразу разобрались в значении этой новой организации, созданной массами. С приездом В. И. Ленина, после ряда его выступлений, был изжит этот ошибочный подход к Совету рабочих депутатов. Отмеченные ошибки повели к некоторому ослаблению большевистского влияния при формировании Совета.

В первый же день приезда в Петербург В. И. Ленин проводит совещание большевистской части редакции газеты «Новая жизнь», на котором был определен состав редакции и программа газеты. В. И. Ленин привлек к сотрудничеству в газете ряд крупных партийных литераторов: В. В. Воровского, М. С. Ольминского, А. В. Луначарского; активно сотрудничал также А. М. Горький. В. И. Ленин уделяет исключительное внимание работе в газете. «Новая жизнь» выходит под его непосредственным руководством и становится боевым руководящим партийным органом, выполняющим задачи центрального органа партии. В первые недели по возвращении в Петербург В. И. Ленин почти ежедневно бывал и работал в помещении редакции газеты (Невский, д. 68/40). Редакция стала местом партийных явок, собраний, здесь с участием В. И. Ленина было несколько заседаний Петербургского комитета и Центрального Комитета.

На страницах «Новой жизни» В. И. Ленин публикует статьи, определяющие задачи партии и пролетариата в первой русской революции. В № 9 газеты от 10 ноября 1905 г. появилась первая статья Ленина — «О реорганизации партии».

В этой статье В. И. Ленин выдвигает задачу решительной и смелой перестройки партийной работы в связи с новыми условиями, создавшимися в России. Наряду с сохранением конспиративного партийного аппарата необходимо создавать, указывает В. И. Ленин, новые открытые и полуоткрытые, партийные и примыкающие к партии организации. В условиях подполья нельзя было строить партийные организации на основе выборности. Теперь, при изменившихся условиях, В. И. Ленин призывает партию осуществить демократическое начало в партийной организации, строить ее на началах демократического централизма, смелее и шире привлекать в партию рабочих.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 10, стр. 3.

² Там же, стр. 62—63.

12 ноября 1905 г. в «Новой жизни» № 11 была опубликована статья В. И. Ленина «Пролетариат и крестьянство»,¹ в которой вождь партии развивает идею гегемонии пролетариата, указывает на необходимость боевого союза рабочих и крестьян в буржуазно-демократической революции. Только рабочий класс поддерживает крестьянство во всех его революционных требованиях, в борьбе за землю и волю. Если в борьбе за разрешение задач демократической революции рабочие борются вместе со всем крестьянством, то в борьбе за социализм союзником рабочего класса будут пролетарские элементы деревни.

13 ноября в № 12 газеты «Новая жизнь» публикуется новая статья В. И. Ленина — «Партийная организация и партийная литература». В этой статье В. И. Ленин ставит перед партией задачу широкого развертывания литературно-издательской работы, решительного и последовательного проведения принципов партийности, тесно и неразрывно связывая литературно-издательскую деятельность с борьбой пролетариата.

Статьи В. И. Ленина в «Новой жизни», посвященные самым актуальным вопросам революции, оказывали огромную помощь партии, служили указаниями партийным организациям в их повседневной работе.

На страницах большевистской газеты «Новая жизнь», руководимой В. И. Лениным, последовательно проводится идея гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, дается конкретная программа действий большевистской партии и рабочего класса в достижении полной победы революции, неустанно разъясняется рабочему классу его историческая задача — борьба за социализм. «Новая жизнь» стала популярной газетой среди рабочих, ее тираж доходил до 70—80 тыс. экземпляров.

Вождь большевистской партии В. И. Ленин, находясь на нелегальном положении, развертывает кипучую революционную деятельность, напряженно работает в газете «Новая жизнь», руководит работой Центрального Комитета, Петербургского комитета РСДРП, встречается с партийными работниками, приезжающими из различных районов России, выступает с докладами по важнейшим вопросам политики партии. Так, 13 ноября 1905 г. В. И. Ленин выступает в Петербургском совете рабочих депутатов по вопросу о мерах борьбы с локаутом, 16 ноября — на собрании партийных работников Петербурга в помещении Вольного Экономического общества с докладом на тему «Критика аграрной программы партии социалистов-революционеров», на расширенном заседании Петербургского комитета РСДРП по вопросу об отношении партии к Совету рабочих депутатов.

В. И. Ленин принимает непосредственное участие в подготовке вооруженного восстания против царизма. Вникая во все детали этого важнейшего партийного дела, он руководит всей огромной организационной работой Центрального Комитета РСДРП по подготовке восстания.

¹ Там же, стр. 22—25.

Закономерное развитие русской революции делало вооруженное восстание против царизма неизбежным. Рабочий класс вплотную подошел к задаче подготовки и проведения восстания. В то же время царизм, облегчивший свое положение благодаря заключению мира с Японией, принимает решительные меры к подавлению революции. Царское правительство, обеспокоенное положением в столице империи, проводит совместно с капиталистами ряд контрреволюционных мероприятий, направленных против петербургского пролетариата.

В октябре—ноябре необычайно активизируется деятельность Петербургского общества фабрикантов и заводчиков. В дни ноябрьской политической стачки общее собрание петербургских фабрикантов и заводчиков не раз обсуждает вопросы борьбы с введением 8-часового рабочего дня, с революционными митингами на предприятиях. 1 ноября появилось «Извещение» от собрания представителей 72 механических и металлургических заводов Петербургского района, расклеенное в виде афиш на заводах, в котором петербургские капиталисты писали: «Собрание признало совершенно невозможным согласиться на сокращение ныне установленного рабочего времени, если к этому будут вынуждать сами рабочие, то решено закрывать заводы».

Аналогичные решения приняли табачные фабриканты, владельцы лесопильных и стекольных заводов и др. В Обществе заводчиков и фабрикантов снова был поднят вопрос о подписании мартовской конвенции, к которой был добавлен специальный седьмой пункт — не вступать в сношения с Советом рабочих депутатов.

Вопрос о принятии различных репрессивных мер против рабочих, вводивших 8-часовой рабочий день, был поднят в Совете министров. В дни ноябрьской стачки по докладу министра путей сообщения Немешаева Совет министров дал указание, что 8-часовой рабочий день не может быть введен в железнодорожных мастерских и депо. Это решение Совета министров имело принципиальное значение, оно устанавливало линию правительства в этом волнующем и насущном для рабочего класса вопросе, линию, вполне совпадающую с позицией петербургских заводчиков и фабрикантов.

Сигнал к наступлению на рабочий класс дали казенные заводы: Александровский, Орудийный, Балтийский, Обуховский, Петербургский арсенал и другие, объявившие о расчете рабочих и закрытии заводов. Морской министр Бирилев, принимая 8 ноября трех депутатов Совета, требовавших открытия заводов, заявил: «Я заводы открою, но с условием: работать на старых условиях. Ни 8-часового рабочего дня, ни собраний».¹

Против рабочих Невского судостроительного завода — инициатора введения 8-часового рабочего дня — сразу же после окончания ноябрьской стачки был при-

¹ Новая жизнь, 1905, № 11.

менее локаут. Завод был закрыт 9 ноября, и лишь 28 ноября на нем возобновились работы на прежних условиях (10-часовой рабочий день), 20% рабочих не было принято обратно на работу.

Петербургские заводчики и фабриканты в союзе с царизмом перешли в решительное наступление на рабочий класс. Локаут охватил значительную часть предприятий столицы; к 16 ноября в Петербурге было закрыто 72 предприятия, 110 тыс. рабочих лишены работы. Для оказания помощи безработным, сбора средств и их распределения по инициативе Федеративного комитета РСДРП была создана при Совете рабочих депутатов Комиссия безработных.

Организуя локаут в столице, вызывая массовую безработицу среди рабочих, царское правительство и капиталисты преследовали далеко идущие цели: ослабить петербургских рабочих, спровоцировать их на разрозненные выступления, не связанные с общим подъемом революционной борьбы в стране, и разгромить движение. Во время локаута рабочие районы Петербурга, отдельные предприятия наводнялись войсками, полицией, митинги рабочих разгонялись.

В. И. Ленин разоблачил коварные провокационные замыслы царского правительства и петербургских фабрикантов и заводчиков. 13 ноября В. И. Ленин выступил на заседании Петербургского совета рабочих депутатов с речью в защиту предложенной им резолюции «О мерах борьбы с локаутом», объявленным капиталистами в ответ на введение явочным порядком 8-часового рабочего дня. Принятие на следующий день Исполнительным комитетом этой резолюции является важным революционным актом в деятельности Петербургского совета рабочих депутатов. В написанном Лениным решении раскрывается заговор контрреволюции и содержится призыв к объединению всех революционных сил под руководством пролетариата для свержения самодержавия: «Мы должны приложить и приложим все усилия, чтобы объединить всю борьбу и всероссийского пролетариата, и революционного крестьянства, и армии, и флота, которые геройски поднимаются уже за свободу».¹

Исполкому поручалось войти в сношения с рабочими других городов, с железнодорожниками, почтово-телеграфным, крестьянским союзами, а также с армией и флотом.

В. И. Ленин придавал большое значение этому постановлению Совета рабочих депутатов, ему он посвятил особую статью «Неудавшаяся провокация», опубликованную в «Новой жизни» (№ 13).

Начертанная В. И. Лениным конкретная программа деятельности по объединению всех революционных сил для свержения самодержавия открывала перед Петербургским советом рабочих депутатов ясную перспективу, указывала путь, который ведет к победе революции.

Деятельность Петербургского совета, одного из первых советов, возникшего в крупнейшем промышленном и революционном центре империи, привлекала внимание рабочих всей России.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 10, стр. 32.

Рабочие Ростова, Нахичевани, Ревеля, Баку, Одессы, Киева, приступая к организации Советов рабочих депутатов, в своих решениях отмечают, что они следуют «примеру рабочих Петербурга». На первом заседании Московского совета рабочих депутатов, 21 ноября, был заслушан доклад представителя Петербургского совета. Московский совет постановил послать приветствие «своему старшему петербургскому брату» и своих представителей для установления тесной связи и ознакомления с работой Петербургского совета рабочих депутатов.

Укрепились связи Петербургского совета рабочих депутатов с почтово-телеграфным союзом. Во время всероссийской почтово-телеграфной забастовки, объявленной 15 ноября Всероссийским съездом почтово-телеграфных служащих в ответ на запрещение почтово-телеграфного союза, Петербургское отделение почтово-телеграфного союза обратилось в Совет за помощью в проведении забастовки. Почтово-телеграфная забастовка в Петербурге проходила в тесном контакте с Советом рабочих депутатов, который принимал энергичные меры к ее расширению, боролся с штрейкбрехерством, оказывал материальную помощь бастующим.

Связи Петербургского совета рабочих депутатов с Всероссийским Крестьянским союзом были очень слабыми. Крестьянский союз в обстановке большого подъема революционного крестьянского движения, охватившего осенью 1905 г. больше трети уездов, рос с необычайной быстротой. Эта революционная крестьянская организация, несмотря на сильное влияние в ее руководящих органах либеральных и эсеровских деятелей, тянулась к установлению тесного контакта с рабочими организациями. 5 ноября в Петербурге в Совете выступает встреченный бурными овациями представитель Крестьянского союза Сумского уезда, Харьковской губернии, рассказавший о революционной борьбе крестьян своего уезда. В Петербургский совет обращались крестьянские ходоки из различных губерний (Черниговской, Могилевской и др.), они привозили мирские приговоры, просили помощи и заступничества. Все это были отдельные эпизоды. Большевики медлили с выполнением поручения Совета войти в сношения с Крестьянским союзом, так как не считали крестьянство революционной силой.

Не случайно, что Исполком Совета рабочих депутатов не реагировал на царский манифест от 3 ноября, в котором объявлялось об отмене выкупных платежей с 1907 г. и снижении их размеров на половину в 1906 г. Царизм рассчитывал с помощью подобных уступок затушить пожар крестьянских волнений.

Лишь в конце деятельности Совета рабочих депутатов Исполнительный комитет связывается с центральным руководством Крестьянского союза, представители которого несколько раз присутствовали на заседаниях Исполнительного комитета. Член Исполнительного комитета большевик Б. Радин отмечает, что Совету рабочих депутатов за всю свою деятельность «ни разу не пришлось вынести резолюции по аграрному вопросу, по которой можно было определить его взгляды».¹

¹ Б. Радин, ук. соч., стр. 94—95.

Одним из последних революционных актов Петербургского совета было издание «финансового манифеста».

По предложению представителя Всероссийского Крестьянского союза Совет рабочих депутатов решил выступить совместно с другими революционными организациями с призывом к населению не платить выкупных и всех других казенных платежей, требовать при всех сделках и выдаче заработной платы уплаты золотом, брать вклады из сберегательных касс и Государственного банка, требуя выдачи всей суммы золотом, не признавать долгов по всем займам, заключенным во время революции.

Назначение манифеста — ускорить финансовое банкротство царизма. В обстановке революции происходило массовое изъятие вкладов из сберегательных касс. Обращение Совета рабочих депутатов имело известное влияние на дальнейший отлив вкладов. Суммы вкладов, взятых из государственных сберегательных касс за декабрь 1905 г., превышали поступления в Петербурге на 4 млн руб., а в провинции — на 99 млн руб.

На петербургские газеты, опубликовавшие «манифест» Совета рабочих депутатов, полностью или в выдержках: «Новая жизнь», «Сын отечества», «Наша жизнь», «Свободный народ», «Начало», «Русь», «Свободное слово», «Русская газета» — решением Петербургской судебной палаты был наложен арест и приостановлен выпуск этих газет, а против редакторов возбуждено уголовное преследование. Таким образом, дальнейший выход большевистской легальной газеты «Новая жизнь» и ряда других газет был прекращен. Министр юстиции в тот же день, 2 декабря, доложил о закрытии ряда петербургских газет Совету министров, на докладе министра юстиции Николай II с злобной радостью наложил резолюцию «Наконец!».¹ На заседании Совета министров 2 декабря также был предпринят вопрос об аресте Совета рабочих депутатов.

Наступление царизма усиливается. Министр внутренних дел Дурново рассылает приказы губернаторам об аресте активных деятелей революционного движения. 3 декабря по его приказанию был ликвидирован Петербургский совет рабочих депутатов. Помещение Вольного Экономического общества, где заседал Исполнительный комитет и собирались депутаты Совета на очередное заседание, было оцеплено войсками и полицией и все присутствующие 267 чел. арестованы и под конвоем отправлены в Петропавловскую крепость и тюрьму «Кресты».

Петербургский совет рабочих депутатов просуществовал 52 дня. В Совете была представлена основная масса петербургского пролетариата, к концу деятельности Совета в его состав входило 562 депутата от 147 заводов и фабрик, 34 мастерских, 16 профессиональных союзов (печатников, приказчиков, конторщиков, фармацевтов, железнодорожного союза, почтово-телеграфного союза и др.).

¹ ЦГИАЛ, ф. 1276 (Совет министров), оп. 1, 1905 г., д. 99, лл. 1—2.

Основную массу депутатов составляли рабочие-металлисты — 351 чел. и текстильщики — 57 чел.; среди депутатов также были печатники и бумажники — 32 чел., деревообделочники — 23 чел., резинщики и кожевенники — 15 чел., рабочие табачного производства — 13 чел., рабочие конфектных фабрик — 7 чел., рабочие производства взрывчатых веществ — 10 чел., рабочие осветительных предприятий — 7 чел., рабочие предприятий химической промышленности — 9 чел., рабочие стеклянного производства — 3 чел. и т. д.

В Совете были представлены рабочие всех значительных предприятий всех отраслей петербургской промышленности. Депутаты Совета докладывали на рабочих собраниях о решениях Совета, рабочие интересовались деятельностью своих депутатов, были случаи отзыва пассивных, непригодных депутатов и выбора новых. Так зарождались в процессе революционного творчества принципы новой, советской демократии.

Кроме участия в заседаниях Совета, депутаты время от времени собирались по районам; таких районов было семь (Нарвский, Невский, Василеостровский, Выборгский, Городской и др.). На районных собраниях депутаты обсуждали вопросы, связанные с проведением в жизнь постановлений Совета, выдвигали на рассмотрение Совета новые вопросы, рассматривали различные местные вопросы.

В некоторых районах были организованы районные штабы во главе с членом Исполнительного комитета, через районный штаб поддерживалась связь как с фабриками и заводами района, так и с Исполнительным комитетом.¹ Эта организация депутатов по районам имела важное значение для более тесной связи Совета рабочих депутатов с рабочими районами города, это были зародыши районных Советов рабочих депутатов.

То влияние, которым пользовался Совет среди петербургских рабочих, не может быть понято без учета работы большевиков в массах. Редакция большевистской газеты «Новая жизнь» справедливо отмечает: «...мы должны указать, что сила и влияние „Совета рабочих депутатов“ подготовлены долгими годами работы в Петербурге социал-демократической партии и непосредственно созданы в значительной мере работой в организации этого Совета наших партийных товарищей».² На каждое заседание Совета рабочих депутатов Петербургский комитет посылал 25 агитаторов, которые затем вместе с депутатами выступали на митингах, собраниях, разъясняя рабочим постановления Совета.

Борьба в Совете двух тактических линий — большевистской революционной и меньшевистской оппортунистической — с особенной остротой проявилась на последнем заседании Исполнительного комитета 3 декабря 1905 г. Члены Исполнительного комитета большевики Б. М. Кнулянец и П. А. Красиков предложили в ответ на наступление реакции объявить всеобщую политическую забастовку, стремясь к переводу ее в вооруженное восстание, их поддержали

¹ Б. Р а д и н, ук. соч., стр. 11.

² Новая жизнь, 1905, № 5.

представители Василеостровского района, почтово-телеграфного союза. Меньшевики (Л. Троцкий) выступили против вооруженного восстания, предлагая петербургским рабочим не проявлять революционной инициативы и начать забастовку после выступления провинции, меньшевиков поддержали эсеры. В самый разгар дебатов ворвалась полиция и Исполнительный комитет не смог вынести решения по обсуждаемому вопросу.¹

В. И. Ленин, характеризуя Советы рабочих депутатов 1905 г. как проявление революционного творчества масс, как зачаток революционной власти, отмечал, что в Петербурге «орган новой власти наиболее слаб, а старая власть наиболее сильна».²

Петербургский совет действовал как зачаток революционной власти, захватывая типографии для печатания «Известий Совета рабочих депутатов», декретируя свободу печати и введение 8-часового рабочего дня революционным путем, публикуя «финансовый манифест». Однако Совет рабочих депутатов не осуществил важнейшей и главнейшей задачи, без разрешения которой он не смог бы превратиться из зачатка в орган революционной власти, — подготовить и провести вооруженное восстание в столице. Меньшевики принижали значение Петербургского совета, созданного массами революционным путем в нарушение всех парских законов и установлений, утверждая, что его деятельность базируется на «конституционной» основе. Большевики поддерживали творческую революционную инициативу масс, являясь активными организаторами всех революционных мероприятий Совета рабочих депутатов, выдвигая на первый план боевой характер этой массовой выборной организации пролетариата столицы. Петербургский совет рабочих депутатов пользовался необычайной популярностью и огромным авторитетом среди рабочих и сыграл выдающуюся роль в борьбе петербургского пролетариата в октябрьские и ноябрьские дни.

Арест Петербургского совета внес известную дезорганизацию в руководство революционным движением в Петербурге.

В дни, когда контрреволюция перешла в наступление, а все развитие революции подвело рабочий класс к вооруженному восстанию как непосредственной практической боевой задаче, рабочие Петербурга оказались без органа, руководящего борьбой масс. Была сделана попытка возродить Совет рабочих депутатов в Петербурге. 4 декабря образовался новый Исполнительный комитет, в котором меньшевики сохранили свое руководящее положение, председателем стал меньшевик Парвус, единомышленник Троцкого, противник вооруженного восстания. Исполнительный комитет пытался созывать заседания Совета рабочих депутатов в составе уцелевших от ареста и вновь избранных депутатов.

Новому Исполнительному комитету до его ареста 2 января 1906 г. удалось провести несколько собраний депутатов, но они не играли прежней роли. Деятель-

¹ ЦГИАМ, ф. 102, оп. 143, 1905, л. 640, т. 1, лл. 99—100.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 10, стр. 217.

ность нового Исполнительного комитета протекала в нелегальных условиях, прочных связей с рабочими заводов и фабрик не было, собрания депутатов также проходили нелегально при случайном составе, естественно, что решения Исполнительного комитета и собраний депутатов не обладали мобилизующей силой. Широкая рабочая масса не знала о существовании второго Исполнительного комитета. Второй Исполнительный комитет, слабо связанный с массами, продолжал вести ту же меньшевистскую оппортунистическую политику; это сказалось самым отрицательным образом на развитии революционной борьбы в Петербурге в декабре 1905 г.

Царская власть в Петербурге в конце 1905 г. была еще сильна, государственный аппарат функционировал бесперебойно. В Петербурге и пригородах было сконцентрировано большое количество надежных войск: 18 гвардейских пехотных и кавалерийских полков, две гвардейские артиллерийские бригады, два армейских пехотных полка, два полка донских казаков, вызванных специально для полицейской службы, саперная бригада и ряд отдельных батальонов. При обострении положения в Петербурге в столицу вызывались дополнительные войска из различных пунктов округа: Ревеля, Пскова и др.

Гвардейские части комплектовались очень тщательно, рабочих, как правило, не зачисляли в эти части; например в 1905 г. в Павловском полку только два солдата до призыва работали на петербургских заводах, всего из жителей Петербурга служило в полку 6 чел.¹ Военские части, охваченные революционным брожением, удалялись из Петербурга. В распоряжении царских властей в столице было несколько тысяч хорошо вооруженных полицейских, жандармов. Эти огромные военные и полицейские силы были опорой царизма в его борьбе с революционными выступлениями петербургских рабочих.

Центр революционной борьбы в декабре 1905 г. перемещается в Москву. В отличие от Совета рабочих депутатов в Петербурге, Московский совет, руководимый большевиками, становится органом вооруженного восстания. В конце ноября прибыли в Петербург представители Московского комитета большевиков; здесь они вели беседы с В. И. Лениным по вопросам предстоящей борьбы.

4 декабря в Москве состоялось заседание Московского комитета большевистской организации. После тщательного обсуждения Московский комитет признал, что обстановка в стране, и в Москве в частности, является благоприятной для объявления всеобщей политической забастовки и начала вооруженного восстания.

Вечером это решение большевиков нашло отражение в постановлении Московского совета: «С. Р. Д. постановляет, что московские рабочие должны быть готовы в каждый данный момент ко всеобщей политической стачке и вооруженному восстанию».²

¹ ЦГВИА, ф. 11, 1905 г., д. 4159, л. 301.

² Вперед (Москва), 1905, № 4.

Московский комитет большевиков через Совет рабочих депутатов проводил свои решения в широкие массы. 6 декабря Московский совет вынес постановление объявить политическую стачку 7 декабря в 12 час. дня, «всемерно стремясь перевести ее в вооруженное восстание».

Всеобщая политическая стачка московских рабочих через несколько дней перешла в вооруженное восстание. Московский совет рабочих депутатов явился его организатором. Москва в декабре 1905 г. стала главным центром революционной борьбы в России, здесь закономерное развитие революции достигло своей высшей точки.

Иначе шло развитие революционных событий в эти дни в Петербурге. Собранный 4 декабря новый Исполнительный комитет, обсудивший вопрос об объявлении всеобщей политической стачки, проявляет нерешительность, медлит с принятием решения. Несмотря на то, что представители районов: Выборгского, Московского, Нарвского, представитель Путиловского завода — высказались в пользу объявления всеобщей политической забастовки, Исполнительный комитет ограничивается заслушиванием информации о настроениях в районах и организациях, откладывая окончательное решение до следующего заседания.¹ Этим неопределенным решением меньшевики сковывали революционную энергию масс. Прошедшие на следующий день в ряде районов митинги выявили боевое настроение рабочих, готовых объявить всеобщую политическую забастовку, на многих предприятиях были произведены выборы депутатов взамен арестованных. Так, рабочие старомеханической мастерской Путиловского завода избрали своим депутатом в Совет М. И. Калинина, союз работников печатного дела избрал шесть новых депутатов в Совет.

Петербургский комитет РСДРП обращается непосредственно к петербургским рабочим с призывом объявить всеобщую стачку. «Пусть вся жизнь России замрет по воле рабочего класса. И грозное безмолвие всеобщей стачки мы претворим в единый клич: Да здравствует вооруженное восстание измученного самодержавием народа! Да здравствует всеобщая стачка».²

2-й Исполнительный комитет после нескольких дней выжидания выносит постановление о проведении в Петербурге с 8 декабря всеобщей политической стачки. На этом заседании представитель Московского района заявил: «... забастовка начнется самостоятельно, если С. Р. Д. не поспешит объявить ее».³ В решении об объявлении всеобщей стачки перед рабочими не была поставлена задача перехода от стачки к вооруженному восстанию. Меньшевики срывали проведение вооруженного восстания в столице.

Началась декабрьская политическая забастовка в Петербурге дружно. По данным фабричной инспекции, далеко не полным, 8 декабря в Петербурге басто-

¹ Известия Совета рабочих депутатов, 1905, № 8.

² Листовки петербургских большевиков, т. I, стр. 287.

³ Северный голос, 1905, № 3.

вало 183 предприятия с 69 498 рабочими, 9 декабря стачка охватила 331 предприятие с 92 058 рабочими, 10 декабря бастуют 325 предприятий с 93 692 рабочими.¹

По более полным данным, собранным в градоначальстве, число бастующих утром 9 декабря составляло 110 669 чел., утром 10 декабря — 115 589 чел.²

Забастовали все крупные заводы и фабрики. За Невской заставой — Невский судостроительный, Обуховский, Александровский, Спасская и Петровская мануфактуры, Александро-Невская мануфактура. На Выборгской стороне — Петербургский металлический, Меднопрокатный (б. Розенкранца), оба завода Лесснера, «Феникс», Нобель, Новая и Старая Сампсониевские мануфактуры, Никольская мануфактура, бумагопрядильная «Невка». На Васильевском Острове — заводы Балтийский, Трубочный, Сименс и Гальске, подковочный завод Посседа, Гвоздильный, фабрика табачных изделий «Лаферм». За Нарвской заставой — Путиловский, 2-й вагонный, механический Коппель, Екатерингофская мануфактура. На Петербургской стороне — чугулитейный Лагензипена, Петербургский железопрокатный, Гейслера, ситценабивная фабрика Леонтьева. На Охте — судостроительный завод Крейтона, Большая и Малая Охтенские мануфактуры. Бастовали рабочие Франко-Русского завода, 1-го вагоностроительного, табачной фабрики Шашал, Ижорского завода в Колпино и ряда других предприятий. В связи с забастовкой типографских рабочих 10 декабря из петербургских газет вышли только «Правительственный вестник», «Ведомости градоначальства», «Русский инвалид» и «Новое время».

8 декабря рабочие заводов Выборгской стороны, Нарвского и Невского районов, прекратив работы, выходят на улицу с красными флагами и пением «Марсельезы», останавливают движение конно-железной дороги; полиция и казаки разгоняют рабочих, пускают в ход штыки и огнестрельное оружие (у телефонной фабрики Эриксон на Выборгской стороне). На улицах в этот день распространяются листовки Петербургского комитета с призывом ко всеобщей политической стачке.

Сообщения о ходе забастовки на заседании Исполнительного комитета 9 декабря носили оптимистический характер.³

Несмотря на успешное начало декабрьской политической стачки, налицо был ряд тревожных признаков, свидетельствовавших о недостаточности ее силы и размаха. Не присоединились к политической стачке железнодорожники Петербургского ж.-д. узла, в частности не бастовала Николаевская ж. д., соединяющая Петербург с Москвой. Группы рабочих с заводов Выборгской стороны 9 декабря обходили петербургские вокзалы и с горечью убеждались, что железные дороги не бастуют. Царское правительство принимало все меры к недопущению стачек на железных дорогах. 2 декабря был издан закон, карающий заключением в тюрьме

¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 17, 1905 г., д. 339, л. 24.

² ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 1, 1905 г., д. 36, лл. 12, 15.

³ Известия Совета рабочих депутатов, 1905, № 9.

за участие в стачках на железных дорогах, на дороги Петербургского ж.-д. узла прибыли батальоны железнодорожных войск.

На четвертый день забастовки работы на многих заводах и фабриках стали возобновляться. Истощение, тяжелое материальное положение петербургских рабочих, наступившее в результате напряженной стачечной борьбы за 11 месяцев 1905 г., не могли не сказаться на ходе декабрьской политической стачки.

По данным фабричной инспекции, 12 декабря бастует 252 предприятия с 67 085 рабочими, 13 декабря бастует 45 355 рабочих, 14 декабря 56 085 рабочих, 15 декабря 39 110 рабочих, 16 декабря 32 930 рабочих.¹

Политическая стачка в Петербурге пошла на убыль в то время, когда в Москве шли бои на баррикадах.

Петербургский комитет РСДРП выносит 12 декабря специальное решение о продолжении политической стачки, о ее расширении «и призывает всех с.-д. Петербурга к осуществлению этого решения».²

В этот день Исполнительный комитет созывает широкое совещание депутатов, на котором присутствовало человек двести. Обсудив вопрос о ходе политической стачки в Петербурге, совещание приняло решение продолжать стачку.³ Несмотря на эти решения, стачка с понедельника 12 декабря неуклонно шла на убыль.

В начале стачки, 9 декабря, реакционная газета «Новое время» со страхом писала: «Отдан приказ о революции», «Приказ этот отдан особым манифестом, напечатанным сегодня в „Северном голосе“ и в „Наших днях“. Великой революции приказано начаться ровно в полдень в четверг, 8 декабря». В последующие дни «Новое время» и другие правительственные и буржуазно-либеральные газеты со злорадством и удовлетворением трубили о провале стачки.

В целом декабрьская политическая забастовка в Петербурге не удалась. В. И. Ленин писал в конце декабря 1905 г., что в Питере «истощенные и обессиленные рабочие оказались не в состоянии провести декабрьской стачки».⁴

За 11 месяцев 1905 г. петербургский пролетариат провел большое количество стачек, понес огромные потери в заработной плате, это не могло не сказаться на ходе декабрьской политической стачки.

По подсчетам министерства торговли и промышленности, доложенным Николаю II 17 декабря 1905 г. министром Тимирязевым, общее число рабочих дней, «потерянных» по причине забастовок за одиннадцать месяцев 1905 г., составило по Петербургской губернии 4 082 817 дней, по Московской губернии—2 060 406 дней,

¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 17, 1905 г., д. 339, л. 24.

² Листовки петербургских большевиков, т. I, стр. 301.

³ «Известия Совета рабочих депутатов» (1905, № 10) сообщают об этом расширенном заседании как о заседании Совета рабочих депутатов.

⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 10, стр. 75.

по Владимирской — 2 801 125 дней, число же потерь по заработной плате рабочих, так называемых «потерянных» рублей, за этот же период составило по Петербургской губернии 4 736 067 руб., по Московской — 1 854 365 руб., по Владимирской 1 680 675 руб.¹

Таким образом, при сравнении с двумя другими промышленными губерниями видно, какую колоссальную энергию проявили петербургские рабочие в стачечной борьбе за одиннадцать месяцев 1905 г., какие тяжелые материальные жертвы они понесли. Главную тяжесть борьбы и жертв приняли на себя петербургские металлисты, шедшие в авангарде петербургского пролетариата. По Петербургской губернии на долю рабочих-металлистов падает 2 242 808 «потерянных» рабочих дней (54,9%) и 2 579 298 «потерянных» рублей заработной платы (54,4%) за одиннадцать месяцев 1905 г.

Отсутствие общегородского центра по руководству массовой политической стачкой также имело отрицательное значение для проведения декабрьской стачки в Петербурге.

2-й Исполнительный комитет, слабо связанный с фабриками и заводами, не мог заменить разгромленный Петербургский совет рабочих депутатов.

В декабре 1905 г. развитие революционной борьбы показывало, что политическая стачка как форма движения начинает исчерпывать себя, необходим переход к высшим формам классовой борьбы, к вооруженному восстанию. Известия о начавшемся в Москве вооруженном восстании несколько подняли настроение петербургских рабочих.

Когда на митинге на Путиловском заводе было сообщено о баррикадах в Москве, то рабочие «немедленно приступили к тушению мартеновских печей, а часть рабочих направилась закрывать соседний завод. Часть рабочих бросилась на улицу и начала выворачивать телеграфные столбы, с намерением строить баррикады».²

В одной полицейской сводке за 12 декабря, составленной Петербургским градоначальством, с тревогой сообщается: «Петергофский уч. — сегодня утром начались беспорядки: рабочие Путиловского завода громадной толпой идут по шоссе к Нарвским воротам и закрывают торговые заведения, убит постовой городской, войска еще не стреляют».³

В этот же день в другом конце города, на Сампсониевском проспекте (Выборгская сторона), происходит кровавое столкновение рабочих с полицией и войсками. Многотысячная толпа рабочих останавливает движение конки на проспекте, дружинники убивают постового городского. Прибывшая на помощь полиции полурота гвардейского Московского полка дает три залпа по рабочим, убита работ-

¹ ЦГИАМ, ф. 1157, д. 64, лл. 18—19.

² Известия Совета рабочих депутатов, 1905, № 10.

³ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 1, 1905 г., д. 36, л. 27.

вица Сампсониевской мануфактуры Прасковья Попова, двое рабочих тяжело ранены, многие получили легкие ранения.¹

На следующий день, 13 декабря, происходит кровавая схватка рабочих Александровского завода Николаевской ж. д. с патрулем лейб-гвардии Казачьего полка. Ворвавшись на территорию завода, казачий патруль потребовал выдачи рабочего, якобы стрелявшего в них; в казаков полетели гайки, куски железа; спешившись, казаки открыли огонь по рабочим, трое было убито на месте, четверо тяжело ранены, пять человек легко.²

В начале декабрьской политической стачки царское правительство было охвачено большой тревогой за столицу. В Петербурге начались массовые аресты революционеров, рабочих — членов боевых дружин; полиция искала оружие, подпольные мастерские по производству взрывчатых веществ, нелегальные типографии и т. п.³

На просьбы генерал-губернатора Москвы Дубасова о присылке войск из Петербурга великий князь Николай Николаевич, командующий Петербургским округом и гвардией, отвечал категорическим отказом.

Только убедившись, что в Петербурге движение пошло на убыль, что угрозы восстания нет, царское правительство в ночь с 14 на 15 декабря направило по Николаевской ж. д. Семеновский полк на подавление восстания московских рабочих. Петербургские большевики принимали ряд мер к прекращению движения по Николаевской ж. д., но все они оказались безуспешными.

17 декабря, в день наступления царских войск на последнюю цитадель восстания в Москве, героическую Пресню, в Петербурге бастовало 11 470 рабочих.⁴

Политическая декабрьская стачка в Петербурге, не перешедшая в вооруженное восстание, неизбежно должна была прекратиться.

Царизм, как выше указано, имел в своем распоряжении в Петербурге большое количество войск, многочисленные отряды полиции, с помощью которых разоглялись уличные демонстрации, подавлялись все проявления вооруженного сопротивления, запрещались собрания и митинги, проводились многочисленные репрессии. Революционные силы в Петербурге в декабре 1905 г. были сильно дезорганизованы массовыми обысками, арестами, локаутами.

Арест Совета рабочих депутатов 3 декабря привел к ликвидации легального центра по руководству борьбой рабочего класса. Задача создания передовых отрядов революционной армии (вооруженных рабочих, боевых дружин, воинских частей, готовых перейти на сторону народа) не была решена в Петербурге к декабрю 1905 г. Оппортунистическая тактика меньшевиков, выступавших против воору-

¹ Там же, л. 23.

² Там же, л. 30.

³ Красный архив, 1925, т. IV—V(11—12). Ежедневные записки по Департаменту полиции за декабрь 1905 г.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 17, 1905 г., д. 339, л. 24.

женного восстания, подрывала и ослабляла единство всех сил петербургского пролетариата. Усталость и истощение петербургских рабочих, достигшие значительных размеров, также сказались на ослаблении их борьбы в декабре 1905 г. В силу этих объективных и субъективных условий революционная борьба в Петербурге не переросла в вооруженное восстание.

В эти критические для царизма декабрьские дни на помощь ему спешит контрреволюционная буржуазия. В дни московского декабрьского восстания в Петербурге начал выходить под редакцией П. Струве еженедельник «Полярная звезда». На страницах этого кадетского журнала П. Струве и кадетские профессора описывали героическое московское восстание, поносили закрытую царизмом большевистскую газету «Новая жизнь», охотно печатали реакционно-мистический бред Мережковского о «грядущем хаосе» и т. д. и т. п. Контрреволюционный облик российского либерализма, охваченного смертельной ненавистью к рабочему классу, к революции, выступает в этом журнале в неприкрытом виде.

В дни декабрьской политической стачки царское правительство и предприниматели проводят ряд репрессивных контрреволюционных мер, направленных на дезорганизацию и подрыв сил петербургского пролетариата. Казенные заводы Морского ведомства (Балтийский, Обуховский, Ижорский, Новое адмиралтейство) по распоряжению морского министра 9—10 декабря были закрыты, а рабочим объявили расчет со дня забастовки. Всякие собрания и митинги во дворах заводов и в заводских корпусах были строго запрещены. На заводы были командированы войсковые части и усиленные наряды полиции.

Министр путей сообщения приказал 10 декабря закрыть мастерские Петербургово-Варшавской ж. д., примкнувшие к политической стачке. На Трубочном заводе (артиллерийского ведомства) 9 декабря, на второй день забастовки, появилось объявление начальника завода о закрытии завода и расчете рабочих.

На второй день декабрьской политической стачки петербургские заводчики и фабриканты на общем собрании решают применить локаут, если рабочие не приступят к работе.

Крупнейшие петербургские заводы, игравшие исключительную роль в революционной борьбе в 1905 г., — Невский судостроительный завод, Путиловский — снова подверглись локауту. 13 декабря был закрыт Невский завод, 27 декабря — Путиловский. Петербургские заводчики и фабриканты в тесном союзе с царской властью вели борьбу с рабочим классом.

В обстановке декабрьской политической стачки и начавшегося московского вооруженного восстания происходила с 12 по 17 декабря 1905 г. Всероссийская партийная конференция в Таммерфорсе. Сборным пунктом для делегатов был Петербург, откуда они 10 декабря тремя группами выехали в Финляндию. Делегаты от Москвы в связи с начавшимся восстанием не смогли приехать. На конференции с основными докладами по текущему моменту и по аграрному вопросу выступил В. И. Ленин. К сожалению, доклады не сохранились. Конференция

приняла решение о восстановлении единства партии, по аграрному вопросу и о бойкоте первой Государственной Думы.

Таммерфорская конференция РСДРП указала на необходимость агитации за вооруженное восстание во всех слоях народа. «Восстание должно быть немедленно подготовлено и организовано повсюду...»,¹ — говорилось в ее решениях. По совету В. И. Ленина конференция спешно закончила свою работу, чтобы дать возможность делегатам разъехаться на места и принять участие в проведении вооруженного восстания.

Московское декабрьское вооруженное восстание явилось высшей точкой в развитии первой русской революции. Вслед за московскими рабочими подняли знамя восстания шахтеры Донбасса, рабочие Красноярска, Новоросийска, Ростова-на-Дону; почти вся Грузия, часть Прибалтики были охвачены восстанием.

Все эти восстания произошли в разное время, не слились в общероссийское восстание и были, как и московское, подавлены царизмом.

Вождь рабочего класса В. И. Ленин с величайшим вниманием изучал опыт московского декабрьского восстания; он нелегально приезжает в Москву в январе 1906 г., а затем в марте 1906 г. и в непосредственном общении с московскими большевиками по свежим впечатлениям знакомится с героическим восстанием московского пролетариата.

В. И. Ленин в ряде работ дал глубокий марксистский анализ московского вооруженного восстания, гневно разоблачая меньшевиков, осуждавших героическую вооруженную борьбу московских рабочих. В. И. Ленин показал огромное значение декабрьского вооруженного восстания для дальнейшей борьбы рабочего класса, отмечая недостатки и ошибки в его подготовке и проведении.

Разоблачая оппортунистическую оценку декабрьского восстания, данную Плехановым, В. И. Ленин в статье «Уроки московского восстания», опубликованной в «Пролетарии», в августе 1906 г. писал: «Таким образом, нет ничего более близорукого, как подхваченный всеми оппортунистами взгляд Плеханова, что нечего было начинать несвоевременную стачку, что „не нужно было братья за оружие“. Напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно братья за оружие, нужно было разъяснить массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы».²

«Декабрь подтвердил, — писал далее В. И. Ленин, — наглядно еще одно глубокое и забытое оппортунистами положение Маркса, писавшего, что восстание есть искусство и что главное правило этого искусства — отчаянно-смелое, бесповоротно-решительное *наступление*. Мы недостаточно усвоили себе эту истину.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, 1954, стр. 101.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 11, стр. 147.

Мы недостаточно учились сами и учили массы этому искусству, этому правилу наступления во что бы то ни стало.¹

В декабре 1905 г. развитие революции достигло своей вершины. Поражение московского декабрьского вооруженного восстания явилось переломным моментом в ходе буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг.; с этого времени начинается нисходящая линия революции.

ПЕТЕРБУРГ В ПЕРИОД ОТСТУПЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ (1906—3 июня 1907 г.)

Ход русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. отчетливо разделяется на два периода: период подъема революции (1905 г.) и период отступления революции (1906—1907 гг.). Декабрьское вооруженное восстание было высшей точкой развития первой русской революции, после его поражения начался поворот к постепенному отступлению революции.

Отступление армии российского пролетариата в 1906—1907 гг. сопровождалось новыми боями. Волна стачечного движения в России в 1906—1907 гг. поднялась очень высоко: в 1906 г. бастовало 1108 тыс. рабочих, в 1907 г. — 740 тыс. рабочих.² Наибольший размах массовое стачечное движение получило весной 1906 и весной 1907 г. Общее количество стачечников во вторую четверть 1906 г. (апрель—июнь) достигает 479 тыс., что составляет 43,2% ко всему числу стачечников этого года; число участников политических стачек составляло 257 тыс., экономических — 222 тыс. человек.

Весной 1907 г. наблюдается новый подъем в развитии массового стачечного движения. Это были последние арьергардные бои рабочего класса России. Общее количество стачечников во вторую четверть 1907 г. (апрель—июнь) составляло 323 тыс. рабочих, 40,3% ко всему числу стачечников этого года; количество участников политических стачек — 271 тыс., экономических — 52 тыс. человек.³

В. И. Ленин в работе «О статистике стачек в России», характеризуя подъем стачечной борьбы рабочего класса весной и летом 1906—1907 гг., пишет: «... эти повышения знаменуют приостановку отступления и попытку отступающих снова перейти в наступление». «Не будь этих приостановок, событие 3-го июня 1907 г., исторически совершенно неизбежное, поскольку отступления оставались отступлениями, имело бы место раньше, может быть, целым годом, или даже более чем годом раньше».⁴

В стачечном движении петербургских рабочих 1906—1907 гг. проявляются общие закономерности, присущие стачечному движению по всей стране. В Петер-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 11, стр. 149.

² Там же, т. 16, стр. 379.

³ Там же, стр. 351.

⁴ Там же, стр. 378—379.

бурге наибольший подъем стачечного движения падает на весну и лето 1906 в 1907 гг., когда рабочие России пытались приостановить отступление.

Наблюдается широкое развитие политических стачек в Петербурге. Стачками отмечались годовщины «Кровавого воскресенья», необычайно высоко поднималась волна политических стачек в дни пролетарского праздника 1 мая, петербургские рабочие провели крупную политическую стачку 21—25 июля 1906 г. в связи с военными восстаниями, успешно прошла политическая стачка в Петербурге 22 ноября 1907 г. в связи с судом над социал-демократической фракцией 2-й Государственной думы. Передовые слои русских рабочих с наибольшей энергией старались приостановить отступление. Петербургский пролетариат в арьергардных боях 1906—1907 гг. играл выдающуюся роль.

В 1906 г. крестьянское движение в России приняло широкие размеры; процент уездов, охваченных крестьянским движением, для первой половины года составлял 49,2%, для второй половины года — 24,1%.¹ Летом 1906 г. под влиянием революционной борьбы рабочих и крестьян происходят вооруженные восстания в царской армии — в Свеаборге, Кронштадте, на крейсере «Память Азова».

Революционная борьба народных масс в 1906—1907 гг., поднявшаяся очень высоко, все же не достигла уровня 1905 г.; революция шла на убыль.

След за поражением декабрьского вооруженного восстания в Москве и вооруженных восстаний в провинции контрреволюция начинает действовать наглее и увереннее, широко применяя политику жесточайших репрессий. В начале 1906 г. в 39 губерниях было введено военное положение, в 15 — чрезвычайная охрана, в 28 — усиленная охрана. По всей стране неистовствовали карательные отряды, истребляя революционных рабочих и крестьян. Карательные отряды действовали на Сибирской железнодорожной магистрали, в Прибалтике, в Закавказье, в Польше, в центральной России.

В Петербурге в конце декабря 1905 г. и начале 1906 г. производились массовые аресты участников революционной борьбы, рабочие тысячами выслались из столицы. На помощь царскому правительству приходят петербургские заводчики и фабриканты. Предприниматели рассчитывают рабочих, закрывают предприятия с целью освободиться от «беспокойного» революционного элемента среди рабочих. Эта «чистка» состава рабочих началась с Невского судостроительного и Путиловского заводов. К 9 января 1906 г. число рабочих закрытых предприятий в Петербурге составляло 26 тыс. чел.² «Торгово-промышленная газета», сообщая о расчете рабочих на чугунолитейном заводе Коппель, выбалтывает, что увольнения вызваны не экономической конъюнктурой, а причинами политического порядка. Газета сообщает: «Администрация завода озабочена прискиванием нового контингента рабочих, не участвующих в партийной политической борьбе».³

¹ Там же, стр. 351.

² Торгово-промышленная газета, 1906, № 8.

³ Там же, № 5.

Обратный набор рассчитанных рабочих шел медленно; «беспокойный элемент» отсеивался.

При возобновлении работ в январе — феврале 1906 г. на Балтийском, Обуховском, Невском судостроительном, Путиловском заводах, в железнодорожных мастерских Петербургско-Варшавской ж. д. и других предприятиях рабочие, принимаемые на работу, обязаны были дать подписку о согласии работать на предъявленных условиях, не допускать самовольного сокращения рабочего времени, не устраивать собраний и сходок, не принимать участия в забастовках, подчиняться беспрекословно администрации и т. п.¹

Не принимались на работу активные участники революционной борьбы 1905 г. Так, на Невском судостроительном не было принято в январе 500 чел., в железнодорожных мастерских Петербургско-Варшавской ж. д. — 300 чел.; на Путиловском заводе прием на работу шел медленно, и к концу февраля 1906 г. не было принято 2900 чел. из декабрьского контингента рабочих.

На заводах Морского ведомства было то же самое. К 15 марта 1906 г. в порту не принято на работу 447 чел., на Ижорском заводе — 806 чел., на Обуховском — 1500 чел., на Балтийском — 200 чел.²

Несмотря на правительственные репрессии и наступление предпринимателей, значительная часть петербургских рабочих ознаменовала годовщину «Кровавого воскресенья» однодневной политической забастовкой. Петербургский комитет РСДРП выпустил листовку с призывом к однодневной забастовке в день 9 января.³ По официальным данным, в этот день не работало в Петербурге 64 тыс. рабочих.⁴ Первая годовщина 9 января была отмечена однодневной политической забастовкой, кроме Петербурга, в ряде городов: Риге, Тифлисе, Варшаве, Лодзи, Саратове и др. Самодержавие хотело стереть в памяти рабочих «Кровавое воскресенье», русские рабочие установили революционную традицию ежегодно отмечать этот день.

Тяжелым явлением для петербургских рабочих был рост массовой безработицы. Количество безработных в городе росло не только по причине промышленной депрессии, но и потому, что царизм и капиталисты превращают безработицу в орудие борьбы, классовой мести и расправы с передовыми, наиболее сознательными рабочими.

Рост безработицы был не только в Петербурге. В 1906—1907 гг. не было в России ни одного города, промышленного поселка, где бы не было безработных; число безработных в стране составляло несколько сотен тысяч, особенно значительная была безработица в Петербурге, Москве, Баку, Лодзи, Варшаве, Одессе, Саратове. В одной из прокламаций в феврале 1906 г. Петербургский комитет РСДРП писал: «30 тысяч безработных в Петербурге! Считая с семьями, свыше 100 тысяч человек!

¹ ГИАЛО, ф. 1239, оп. 1, 1906 г., д. 104, лл. 1, 24.

² ЦГАВМФ, ф. 427, 1906 г., д. 83, л. 77.

³ Листовки петербургских большевиков, т. 1, стр. 309.

⁴ Торгово-промышленная газета, 1906, № 8.

Среди них есть и грудные дети, и больные женщины, и дряхлые старики, и все они отданы в жертву нищете, голоду, болезням, голодной смерти».¹

Петербургский комитет РСДРП и районные комитеты уделяли большое внимание организации безработных, борьбе с безработицей. В листовках, выпущенных в январе—феврале 1906 г., формулируются требования: организация городских общественных работ для безработных, открытие закрытых заводов; рабочие призываются к организации профессиональных союзов, к отчислениям в пользу безработных, к протестам против расчетов рабочих.

Безработица ударила по ведущей группе петербургских рабочих, по рабочим металлопромышленности; среди зарегистрированных безработных Петербурга рабочие по обработке металла составляли 54,2%. По данным Исполнительного комитета безработных, не менее 60% петербургских безработных были «политики», т. е. рабочие, лишившиеся работы за активное участие в забастовках, в политической деятельности.

В связи с ростом безработицы среди рабочих возникает в Петербурге в апреле 1906 г. особая организация безработных, общегородской выборный Совет безработных, во главе которого стоял Исполнительный комитет. К маю 1906 г. возникли восемь районных советов безработных.

Совет безработных при поддержке Петербургского комитета РСДРП провел в апреле большую кампанию на фабриках и заводах по выбору представителей в Совет безработных от работающих рабочих.

Легальные большевистские газеты 1906 г. — «Волна», «Вперед», «Эхо» — уделяли большое внимание движению безработных, рассматривая его как часть обще-

Большевистский журнал «Молодая Россия».

¹ Листовки петербургских большевиков, т. I, стр. 325

пролетарского движения; защищая интересы безработных, они призывали рабочих к борьбе за уничтожение условий, порождающих безработицу, к борьбе за социализм.

В апреле 1906 г. представители Совета безработных явились в Петербургскую городскую думу и потребовали оказания материальной помощи безработным из городских средств и организации общественных работ. Дума, напуганная движением безработных, хорошо помнившая о недавних массовых выступлениях петербургских рабочих, не посмела ответить отказом; ей волей-неволей пришлось ассигновать часть средств для продовольственной помощи и организации городских общественных работ. Эту «помощь» Городской думы Совет безработных в заявлении рабочим депутатам 1-й Государственной Думы справедливо называл «убогой и недостаточной».¹

Царское правительство принимает репрессивные меры по борьбе с движением безработных в Петербурге. Собрания безработных систематически запрещались, нелегальные собрания разгонялись, их участники подвергались избиениям и арестам. Царская администрация выборных от безработных преследовала, широко практиковала высылку безработных из столицы.

В первые месяцы 1906 г. усиливается профессиональное движение среди петербургских рабочих. Еще в октябре — ноябре 1905 г. в обстановке мощного стачечного движения в Петербурге, как и в других промышленных центрах, возникают многочисленные профессиональные организации. В это время в Петербурге организовалось около сорока профессиональных союзов, в Москве — свыше 50 союзов. Организация профессиональных союзов в эти революционные дни проводилась при полном игнорировании царских законов и распоряжений царской администрации, на основе революционного права. Некоторые из петербургских профсоюзов имели своих представителей в Совете рабочих депутатов. Легальная большевистская газета «Новая жизнь» публиковала различные материалы о возникновении и деятельности профессиональных союзов, отстаивая принципы идейного руководства социал-демократии профессиональным движением.

В начале ноября 1905 г. в Петербурге окончательно оформляется межсоюзное объединение — Центральное бюро, вначале объединившее 14 профессиональных союзов и ставившее своей целью дальнейшее развитие и укрепление профессионального движения.

К концу декабря 1905 г. Петербургское центральное бюро объединило 35 профессиональных союзов. Меншевистские и буржуазно-либеральные элементы (С. Н. Прокопович, В. В. Святловский), входившие в Центральное бюро, оказывали тормозящее влияние, безуспешно пытаясь культивировать в профсоюзном движении экономизм, «нейтральность» профсоюзов. Зародившееся в 1905 г. в России широкое профсоюзное движение отвергло идеологию буржуазного тред-юнионизма.

¹ Эхо, 1906, № 2.

У Народного дома гр. Паниной в день выборов в I-ю Государственную Думу. Фотографил.

К началу 1906 г. профессиональные организации рабочего класса России сильно пострадали от репрессий царизма. В Москве, Петербурге и других городах были разгромлены многие профсоюзы. В течение первых двух месяцев 1906 г. работа по восстановлению организаций профсоюзов настолько продвинулась вперед, что в феврале 1906 г. в Петербурге состоялась Всероссийская конференция профессиональных союзов, сыгравшая значительную роль в усилении организационного строительства профессиональных организаций. Ко времени конференции Петербургское центральное бюро объединяло 26 профессиональных организаций.¹

4 марта 1906 г. царское правительство издало «Временные правила о профессиональных обществах», с помощью которых оно пыталось направить профессиональное движение в «законное русло». «Временные правила» устанавливали обязательную регистрацию союзов, утверждение уставов, запрещали межсоюзные объединения.

¹ 1905—1907 гг. в профессиональном движении. М., 1925, стр. 261.

Профессиональное движение воспользовалось «Временными правилами» для легализации деятельности союзов. Весной и летом 1906 г. происходит бурный рост профсоюзов.

Важным событием в профессиональном движении Петербурга было создание в апреле 1906 г. союза металлистов, быстро превратившегося в самый крупный профессиональный союз. В организации и деятельности союза металлистов активное участие принимал М. И. Калинин, являясь членом правления и секретарем Василостровского отделения союза. В апреле 1906 г. в Петербурге было 47 профессиональных союзов, правда, некоторые из них оказались слабыми и в дальнейшем влились в другие, более крепкие и жизнеспособные союзы.

В первые месяцы 1906 г. петербургские рабочие участвовали в политической кампании бойкота 1-й Государственной Думы.

Выборы в Государственную Думу производились на основе антидемократического избирательного закона 11 декабря 1905 г., который обеспечивал преобладание в Думе представителей помещиков и капиталистов и всячески ограничивал доступ в нее рабочих и крестьян; закон лишил большинство населения права выборов (женщин, батраков, солдат и матросов, молодежь до 25 лет, рабочих мелких предприятий). Все избиратели разбивались по куриям: землевладельческая (помещики), городская (буржуазия), крестьянская и рабочая. Выборы были многостепенные: по рабочей курии — трехстепенные, по крестьянской — четырехстепенные, по городской — двухстепенные. Выборы по рабочей курии производились следующим образом: в начале — выборы уполномоченных — одного на тысячу рабочих; собрание уполномоченных выбирало выборщиков в губернское избирательное собрание, на губернском собрании выборщиков от всех курий выбиралась депутаты в Думу.

Идя на созыв Государственной Думы, царизм издает ряд законов, ограничивающих ее права. С этой целью 20 февраля 1906 г. был реформирован Государственный Совет, превращенный во вторую законодательную палату на равных правах с Думой; ни один законопроект, прошедший через Думу, не мог получить силу закона без одобрения и согласия Государственного Совета.

Большевики проводили активный бойкот выборов в 1-ю Государственную Думу. В начале 1906 г. большевики исходили из того, что революция в России продолжается и партия должна готовить массы к новому подъему, участие же в выборах укрепит в массах конституционные иллюзии, посеет несостоятельные надежды на Думу. Меньшевистская тактика участия в выборах в Государственную Думу носила ярко выраженный оппортунистический характер. Меньшевики шли в Думу для органической законодательной работы, а не для разоблачения сделок либеральной буржуазии с царизмом, они держали курс на свертывание революции.

В Петербургской социал-демократической организации в январе—феврале 1906 г. с особой остротой развернулась борьба большевиков с меньшевиками по вопросу об отношении к Государственной Думе.

Развернувшаяся дискуссия велась вокруг двух платформ — большевистской и меньшевистской. После дискуссии в феврале 1906 г. городская конференция по докладу В. И. Ленина вынесла решение за проведение тактики активного бойкота.

После конференции В. И. Ленин от Петербургского комитета написал обращение «Ко всем рабочим и работницам Петербурга и окрестностей», в котором сообщил о результатах этой дискуссии.

«Несмотря на все полицейские препятствия и ловушки, — писал В. И. Ленин, — рабочие сумели устроить 120 кружковых собраний с подробным обсуждением вопроса, при участии представителей обеих тактик, наметившихся в нашей партии. Семью 2000 рабочих и интеллигентов, принадлежавших к нашей партии, голосовали вопрос и большинством 1168 голосов против 926 (при 2094 голосовавших) высказались за полный бойкот не только Думы, но и всяких выборов в нее».¹

В. И. Ленин призывал петербургских рабочих в этом обращении бойкотировать Думу. Обращение В. И. Ленина, изданное Петербургским комитетом отдельной листовкой, получило широкое распространение.

Для окончательного утверждения текста резолюции о тактике активного бойкота состоялась в конце февраля 1906 г. вторая Петербургская городская конференция, ставшая ареной самой ожесточенной борьбы большевиков во главе с В. И. Лениным с меньшевистскими лидерами Даном и Мартовым. Вторая Петербургская конференция приняла ленинскую резолюцию о проведении тактики активного бойкота. За резолюцию высказалось большинство местных организаций РСДРП.

При проведении выборов по рабочей курии в Петербурге бойкот получил широкое распространение. Во время выборов уполномоченных на фабриках и заводах происходил массовый отказ рабочих от участия в выборах. Рабочие Балтийского судостроительного завода, собравшись в количестве 1417 чел. на выборы четырех уполномоченных, отказались от производства выборов. На трубопрокатном заводе (за Невской заставой) на выборы явилось 10 чел., тогда директор сам назначил уполномоченных.

На Путиловском заводе из 11 тыс. участвовало в выборах человек 200. Нарвский комитет РСДРП выпустил специальную листовку по поводу выборов на Путиловском заводе, выдвинув требование к уполномоченным отказаться от своего звания.²

Рабочие ушли с выборных собраний на многих предприятиях: Александровском, Обуховском, Невском судостроительном, на фабрике Пали, Торнтон, Спасской и Петровской мануфактурах, вагоностроительном Речкина, Эриксон и др.³

Выборы уполномоченных в Петербурге по рабочей курии дали такие результаты. Из 271 предприятия, имевшего право выбирать, приняли участие в выборах

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 10, стр. 108.

² Листовки петербургских большевиков, т. 1, стр. 358.

³ Там же, стр. 244—245.

138 (51%), бойкотировали выборы 133 предприятия (49%). По промышленным пригородам Петербурга, где влияние большевиков было особенно значительным, из 57 предприятий участвовало в выборах 17 (30%), бойкотировало 40 (70%).

Несмотря на широкое распространение в рабочем классе России бойкотистских настроений при выборах в 1-ю Государственную Думу, в целом бойкот не достиг цели.

В. И. Ленин впоследствии указывал, что бойкот 1-й Государственной Думы в 1906 г. был ошибкой, хотя и небольшой, легко поправимой. В 1920 г. В. И. Ленин писал: «Русский опыт дал нам одно удачное и правильное (1905), другое ошибочное (1906) применение бойкота большевиками».¹

Важнейшим вопросом, занимавшим организацию РСДРП в первые месяцы 1906 г., был вопрос о подготовке к Объединительному IV съезду партии. Практически на местах и, в частности, в Петербурге объединение осуществлялось; к началу 1906 г. уже существовал Объединенный петербургский комитет и объединенные комитеты в районах.

Большевики считались со стремлением рабочих к объединению социал-демократической партии и шли на это. В то же время они не затуманивали всей глубины расхождений между революционной и оппортунистической частями партии и, идя на объединение, имели в виду полное сохранение своей идейной самостоятельности. Большевики шли на объединение с меньшевиками для того, чтобы вырвать из-под меньшевистского влияния ту часть рабочих, которая шла за ними.

В. И. Ленин в конце февраля 1906 г. в Куоккала (ныне Решмо) разрабатывает тактическую платформу большевиков — проект резолюций к Объединительному IV съезду РСДРП. Проект резолюций к Объединительному съезду многократно обсуждался, при участии В. И. Ленина, на совещаниях руководящих работников Петербургской и Московской организаций. С этой целью В. И. Ленин в марте 1906 г. приезжал нелегально в Москву, где ему лишь по счастливой случайности удалось избежать ареста.

Эти важнейшие партийные документы — тактическая платформа большевиков к Объединительному IV съезду — были опубликованы в газете «Партийные известия», выходившей нелегально в Петербурге. Большевики шли на съезд со своей тактической платформой, чтобы рабочим была ясна их позиция по всем вопросам.

Готовясь к съезду, В. И. Ленин пишет ряд работ, изданных легально в Петербурге. В работе «Победа кадетов и задачи рабочей партии», написанной в марте 1906 г., В. И. Ленин разоблачает кадетов, этих «могильных червей революции», и обобщает опыт революционной борьбы масс периода «революционного вихря» (октябрь—декабрь 1905 г.).

Участвуя в работе аграрной комиссии, созданной Объединенным ЦК РСДРП для разработки аграрной программы, В. И. Ленин пишет в марте 1906 г. работу

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 44.

«Пересмотр аграрной программы рабочей партии», в которой формулирует основные требования аграрной программы большевиков: конфискация помещичьих земель, при победе революции и свержении царизма — осуществление национализации земли.

«Нельзя взять землю и удержать ее за собой, — писал В. И. Ленин, — без новых политических завоеваний, без нанесения нового, и еще более решительного удара всей частной собственности на землю вообще».¹

Проведение национализации облегчало бы пролетариату переход к социалистической революции в союзе с деревенской беднотой.

В. И. Ленин принимал самое активное участие в предсъездовской дискуссии, выступая на партийных собраниях с защитой тактической платформы большевиков.

В числе делегатов на Объединительный IV съезд РСДРП от крупнейшей пролетарской организации — Петербургской социал-демократической организации — были избраны В. И. Ленин и М. И. Калинин, являвшийся в то время членом Петербургского комитета.

Объединительный IV съезд РСДРП, собравшийся в апреле 1906 г. в Стокгольме, стал ареной ожесточенной борьбы большевиков с меньшевиками.

Большевистские организации сильно пострадали от репрессий царского правительства после декабрьского восстания и не всегда могли послать делегатов на съезд. Это позволило меньшевикам, имевшим незначительное большинство на съезде, обеспечить принятие по ряду вопросов меньшевистских решений. Так, съездом была принята меньшевистская аграрная программа муниципализации земли.

Большевики исходили из перспективы нового революционного подъема; в непосредственной борьбе народных масс они видели главные формы борьбы с царизмом. Большевики считали, что революция в России победит и будет доведена до конца при условии руководящей роли в ней рабочего класса. Борьба с конституционными иллюзиями, верой в Думу являлась важнейшей задачей партии. Большевики стояли за использование Думы в целях поддержки революционной крестьянской демократии (трудовая группа) и высвобождения ее из-под влияния кадетов. Меньшевики отвергали гегемонию пролетариата в буржуазно-демократической революции, меньшевистская линия сводилась к ставке на конституционный, парламентский путь развития. Меньшевики, считавшие либеральную буржуазию движущей силой революции, рассматривали Думу как центр революционной борьбы и стояли за поддержку ее в конфликтах с самодержавием.

После съезда В. И. Ленин собрал делегатов-большевиков и дал им ясные указания, как надо бороться за осуществление линии большевиков в местных организациях. В. И. Ленин написал «Обращение к партии от имени делегатов

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 10, стр. 168.

Объединительного съезда, принадлежавших к бывшей фракции «большевиков», содержавшее большевистскую оценку решений съезда, вскрывавшее их основные ошибки. Это «Обращение» после обсуждения было опубликовано за подписью 26 делегатов, представлявших крупнейшие партийные организации.

После IV съезда РСДРП борьба большевиков с меньшевиками в Петербургской социал-демократической организации, как и в других, принимает необычайно острые формы. После возвращения из Стокгольма в Петербург в мае 1906 г. В. И. Ленин выступает с докладами об итогах Объединительного IV съезда на ряде партийных собраний в Московском, Нарвском и других районах города. Критика большевиками, их вождем В. И. Лениным оппортунистических, меньшевистских решений IV съезда вызывала злобную ярость меньшевиков, на доклады Ленина о съезде они всюду посылали содокладчиков, чаще всего Дана, и пытались всячески сузить обсуждение решений съезда.

Попытки меньшевистского ЦК наставить на сужении обсуждения решений IV съезда вызвали протесты в Петербургской и в других организациях. В. И. Ленин выступает в печати о решениях IV съезда РСДРП, пишет брошюру «Доклад об объединительном съезде (письмо к петербургским рабочим)». Эта брошюра явилась отчетом В. И. Ленина перед петербургскими рабочими о работе партийного съезда.

Обсуждение под руководством Ленина итогов IV съезда в Петербургской организации сплотило и укрепило ряды петербургских большевиков, помогло рабочим глубже разобраться в оппортунистической сущности меньшевизма.

Выборы в 1-ю Думу принесли избирательную победу кадетам — партии либерально-монархической буржуазии. Они получили в Думе 153 депутатских места (34,1%).

Особенно был значителен успех кадетов в Петербурге. В списки избирателей по городской курии было внесено 146 тыс. избирателей, к избирательным урнам в день выборов 20 марта явилось лишь 68 500 чел. (46%), которые и избрали 160 выборщиков.

Во время выборов по городской курии конкурировали два списка выборщиков: кадетский и черносотенно-октябристский (правые партии). За кадетов было подано 40 011 голосов, все 160 выборщиков принадлежали к кадетской партии. В рядах кадетов царило шумное ликование вокруг «петербургской победы».

14 апреля в Городской думе состоялось собрание выборщиков Петербурга, из них 160 чел. по городской курии, 15 чел. по рабочей курии. Результаты выборов в члены Государственной Думы от Петербурга были предreshены, все шесть избранных в Думу депутатов были кадеты (М. М. Винавер, Н. И. Кареев, В. Д. Набоков, Е. И. Кедрин, Л. И. Петражицкий, М. И. Петрункевич).

В. И. Ленин в работе «Победа кадетов и задачи рабочей партии» указывает на следующую основную причину успеха кадетской партии. «Кадетам победа

досталась в значительной степени лишь потому, что они оказались (благодаря Дурново и К¹) самой левой партией. Действительно левые партии были устранены — насилием, арестами, бойнями, избирательным законом и т. д. Все недовольные, раздраженные, озлобленные, неопределенно-революционные элементы силой вещей, логикой выборной борьбы вынуждены были сплотиться вокруг кадетов». ¹

В самой Думе из среды депутатов от крестьян возникла «трудовая группа», по численности занимавшая второе место (107 депутатов — 24%), составлявшая ядро левого крыла Думы. Была и «рабочая группа» из нескольких рабочих и меньшевиков, прошедших в Думу случайно, непартийным путем; позже, когда к ним присоединились меньшевики, избранные от Тифлисской и Кутаисской губерний (Жордания, Рамишвили и др.), была сформирована в Думе социал-демократическая фракция.

Приближалось время созыва 1-й Государственной Думы. Буржуазно-либеральная петербургская печать (кадетская «Речь» и др.) изображала день открытия 1-й Государственной Думы как «великий день», сознание народа отравлялось ядом конституционных иллюзий.

В день открытия Думы, 27 апреля, на всех фабриках и заводах Петербурга производились работы, несмотря на предложение администрации ряда предприятий не работать в этот день. Рабочие фабрик и заводов Выборгского района заявляли, что это «не их праздник и поэтому праздновать не будут». ² На вагоностроительном заводе Речкина (Московский район) накануне открытия Государственной Думы состоялся митинг. Выступающие на митинге указывали на то, что 27 апреля, день открытия Государственной Думы, не является праздником для рабочих, и настаивали на том, что в случае, если завод будет закрыт 27 апреля, рабочим необходимо потребовать уплаты за этот день. «Пусть празднуют 27-е те, кто возлагает все надежды на Думу, — говорили рабочие. — Мы отпразднуем вместо этого наш пролетарский международный праздник 1 мая». ³ День открытия Государственной Думы в рабочих кварталах прошел как обычный будний день, с той

«Победоносный марш кадетов» — карикатура из журнала «Сатирическое обозрение» в связи с выборами в 1-ю Государственную Думу.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 10, стр. 187.

² Волна, 1906, № 3.

³ Там же.

лишь разницей, что на улицах было много городских и казаков. В Зимнем дворце с утра собрались на прием члены Государственного Совета и Государственной Думы. После торжественного молебна Николай II огласил бесцветную тронную речь.

В тот же день в Таврическом дворце было открыто первое заседание Государственной Думы. Кадеты, как одна из самых значительных фракций, обеспечили за собой главенствующее положение в руководящих органах Думы, выдвинув на пост председателя кадета С. А. Муромцева. Упиваясь игрой в парламентаризм, кадеты видели в Государственной Думе оплот против революции, они становятся на путь тайных от народа переговоров с Треповым и Столыпиным о возможности получения министерских портфелей.

С первых дней существования Государственной Думы стало ясно, что кадеты стремятся к сделке с царизмом; в первоподданническом ответе на тронную речь отсутствовали основные народные требования. Большевики усилили борьбу с конституционными иллюзиями, верой и надеждами на Думу. Исключительное значение в деле разоблачения кадетов, в борьбе с конституционными иллюзиями имело выступление В. И. Ленина на многолюдном митинге в Народном доме графини Паниной 9 (22) мая 1906 г. Он был на нелегальном положении и выступал под фамилией Карпова; присутствовавшие на митинге рабочие узнали и приветствовали аплодисментами вождя большевиков.

В. И. Ленин разоблачил тайные сделки кадетов с царизмом и показал беспочвенность всяких надежд на кадетскую Думу, изложил отношение большевиков к Думе и думским партиям, указал на неизбежность усиления революционной борьбы. «Наша задача, — говорил В. И. Ленин, — приложить все усилия к тому, чтобы организованный пролетариат сыграл и в новом подъеме, и в неизбежной грядущей решительной борьбе роль вождя победоносной революционной армии».¹

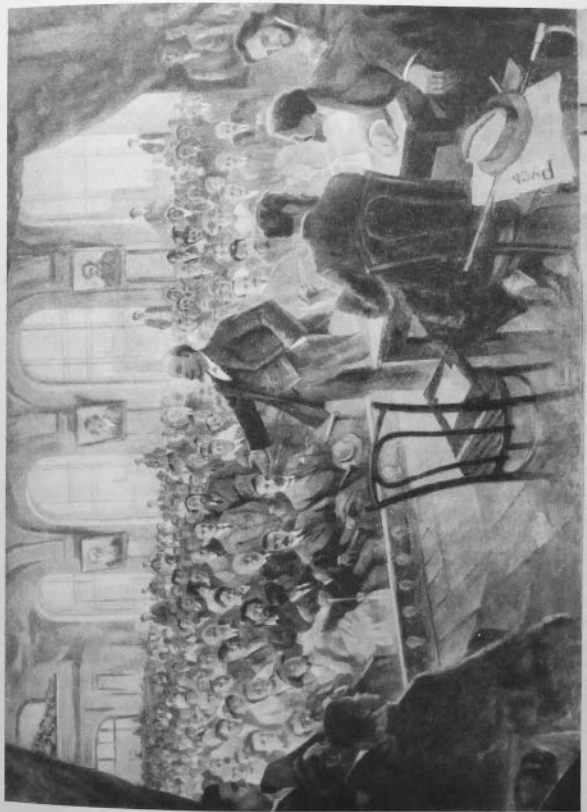
Выступление В. И. Ленина произвело огромное впечатление на присутствующих, преобладавшая на митинге масса рабочих в бурной форме одобряла оратора.

Речь В. И. Ленина создала перелом в настроении собравшихся на митинге, были забыты выступления кадетов, народных социалистов, меньшевиков, собрание потребовало от растерявшегося президиума принятия решения. В. И. Ленин предложил свою резолюцию, которая была принята собранием с большим подъемом.

В этой резолюции говорилось о кадетях: «Мы предостерегаем народ от этой партии, которая колеблется между народной свободой и угнетающей народ старой самодержавной властью».

«Собрание призывает крестьянскую («Трудовую») и рабочую группу в Государственной Думе выступать решительно, совершенно независимо от к.-д., каждая с своими самостоятельными требованиями, и заявлять полностью требования народа».

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 10, стр. 376.

Выступление В. И. Ленина 9 мая 1906 г. на народном читинге в Народном доме в Народном доме г. Петербурга.
Картина художника П. Жданова.

«Собрание обращает внимание всех, ценящих дело свободы, на то, что поведение самодержавного правительства и полная неудовлетворенность крестьянских и общенародных нужд делают неизбежной решительную борьбу вне Думы, борьбу за полную власть народа, единственно способную обеспечить свободу и нужды народа.

«Собрание выражает уверенность, что пролетариат попрежнему будет стоять во главе всех революционных элементов народа». ¹

Выступление В. И. Ленина имело большой общественный резонанс. Большевистская газета «Волна» напечатала короткий отчет о выступлении и текст резолюции, принятой на митинге. Буржуазно-либеральная столичная пресса, в частности «Речь» и «Дума», начала кампанию против большевиков, в этом ей помогали меньшевистские газеты («Невская газета», «Курьер»).

Конфликт Государственной Думы с правительством Горемыкина повысил интерес к Думе в рабочих кругах Петербурга. Государственная Дума выразила вотум недоверия правительству и требовала его замены, но царское правительство не собиралось уходить в отставку, лишний раз демонстрируя подвоту власти самодержавия.

Меньшевистский Центральный Комитет предложил организациям социал-демократической партии поддержать кадетскую Думу в ее конфликте с правительством.

Петербургский комитет РСДРП, в котором преобладали большевики, вынес постановление, написанное В. И. Лениным, направленное против этой оппортунистической меньшевистской установки.

В статье «О лозунге думского министерства» в газете «Вперед» (№ 2 от 27 мая 1906 г.) Ленин писал: «Такой лозунг двусмысленен, он затемняет сознание пролетариата, ибо кадеты скрывают за требованием думского министерства стремление войти в сделку с самодержавным правительством и ослабить революцию, затруднить созыв учредительного собрания». ²

Выступления Петербургского комитета, руководимого В. И. Лениным, против оппортунистической политики меньшевистского Центрального Комитета, положили начало большой дискуссии в Петербургской социал-демократической организации, завершившейся созывом в июне 1906 г. конференции Петербургской организации. На конференции с докладом от Петербургского комитета выступал В. И. Ленин, с защитой платформы меньшевистского Центрального Комитета выступал Дан. Конференция большинством голосов признала правильной линию Петербургского комитета и отвергла предложения меньшевиков о поддержке лозунга думского министерства.

По докладу В. И. Ленина «О единстве партии» конференция высказалась за созыв нового партийного съезда. Оппортунистическая тактика меньшевистского

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 10, стр. 377.

² Там же, стр. 447.

Центрального Комитета в вопросе о поддержке думского министерства была осуждена большинством социал-демократических партийных организаций в стране:

В мае 1906 г. в статье «Новый подъем» (Волна, № 10) В. И. Ленин писал: «Мы переживаем начало нового общественного подъема. И движение безработных, и первое мая, и усиление брожения в крестьянстве, в войсках, и митинги, и печать, и союзы, — все свидетельствует о новом подъеме самым недвусмысленным образом».¹

Майский смотр боевых сил рабочего класса России в 1906 г. принял широкий размах; по всем промышленным центрам страны прокатилась волна политических забастовок, митинги и демонстрации во многих городах сопровождались столкновениями с полицией. Большевицкая газета «Волна» публикует материалы о праздновании 1 мая под заголовком «Всероссийское празднование Первого мая».

Особенно успешно прошло празднование 1 мая в Петербурге. На многочисленных митингах, массовках, собраниях рабочих, происходивших в конце апреля, рабочие выносили решения о праздновании 1 мая.

Вот типичная картина рабочего митинга: «29 апреля на вагостроительном староречкинском заводе произошел митинг, в котором приняло участие подавляющее большинство рабочих (больше 2000 человек). Над сомкнувшейся толпой развевалось несколько знамен с надписями „Да здравствует 1-е Мая!“, „Да здравствует Учредительное собрание!“, „Да здравствует РСДРП!“ и т. д.

«Единым голосом принято решение отпраздновать 1 Мая однодневной забастовкой. С пением Марсельезы и развевающимися знаменами воодушевленная толпа стройными рядами двинулась к воротам, а затем и по шоссе. Тут же раздавались листки ПК РСДРП, которые брались нарасхват».²

Комитет писал в своих листках рабочим: «Петербургский комитет РСДРП шлет вам свой товарищеский привет, поздравляет с пролетарским праздником 1 Мая и призывает вас ознаменовать этот день однодневной забастовкой».³

Первомайская политическая забастовка в Петербурге прошла очень дружно и с большим подъемом.

По сообщениям большевицской газеты «Волна»,⁴ в Выборгском районе, за исключением двух-трех предприятий, все заводы и фабрики стояли в этот день. За Невской заставой рабочие вышли на работу, но к работе не приступили. После собраний и митингов, посвященных пролетарскому празднику, рабочие покинули предприятия. Из числа крупных предприятий не работали Обуховский, Невский судостроительный заводы, фабрики Паля, Торнтонна, Варгунина, Максвеля.

В Московском районе первомайская забастовка была полной и единодушной. В этом районе произошла демонстрация с красными флагами и пением револю-

¹ Там же, стр. 355.

² Волна, 1906, № 5.

³ Там же, № 3.

⁴ Там же, № 5.

ционных песен около большого дома, населенного рабочими и известного под именем «Порт-Артур»; казаки и полиция, оцепившие дом, угрожали открытием стрельбы.

К середине дня, после проведенных собраний и митингов, рабочие большинства фабрик и заводов Васильевского Острова также прекратили работу. На Васильевском Острове и на Невском проспекте появились демонстранты с красными флагами и пением «Марсельезы», полиция и казаки разогнали демонстрацию нагайками.

Сотни предприятий Петербурга не работали в день 1 мая, количество участников политической первомайской стачки составляло 110 тыс. человек.

Весной и летом 1906 г. в борьбу за улучшение своего экономического положения, за сокращение рабочего дня и повышение заработной платы втягиваются такие категории рабочих Петербурга, которые до сих пор не отличались высокой сознательностью и активностью.

В первых числах июня 1906 г. произошла всеобщая стачка булочников и кондитеров, в ней приняло участие до 10 тыс. чел. Стачкой были охвачены не только городские булочные, она распространялась на Колпино, Царское Село, Павловск, Петергоф, Гатчину, Стрельну, Удельную, Териоки и другие пункты в окрестностях столицы. В руководстве стачкой крупную роль играл профессиональный союз булочников, численный состав которого во время стачки дошел до 3 тыс. чел. Организованно проведенная двухнедельная стачка булочников закончилась победой бастующих: рабочий день сократился с 14—16 час. до 11 час., был завоеван воскресный отдых, повышена заработная плата.¹

В июне 1906 г. началась экономическая забастовка 3 тыс. рабочих сапожных мастерских. Более двух месяцев длилась эта забастовка, закончившаяся некоторыми уступками в пользу рабочих. В ходе стачечной борьбы возникает профессиональный союз, объединивший до 1000 рабочих-сапожников.

Упорный характер носили стачки и конфликты с предпринимателями в ряде петербургских типографий. Застрельщиками стачки были наборщики типографии Отто Кирхнера, забастовавшие в мае 1906 г. Они предъявили требования: 8-часовой рабочий день, полный воскресный отдых, увеличение зарплаты на 20—25% и др.

Возникают многочисленные конфликты и в других типографиях. Движение печатников возглавлял профессиональный союз работников печатного дела. Стачки и ряд конфликтов с предпринимателями закончились после упорной двухмесячной борьбы уступками в пользу рабочих. В июне происходит ряд экономических стачек в Петербургском торговом порту, кончившихся частичной победой рабочих, в ходе этих стачек возник ряд профессиональных союзов.

Особенно значительной была забастовка 12 тыс. каталей-угольщиков, приостановившая разгрузку английских судов, прибывших с углем в Петербург

¹ Эхо, 1906, № 9.

и Кройштадт, и вызвавшая большое скопление вагонов с углем на железнодорожных станциях. Во главе стачки стоял стачечный комитет, выработавший требования бастующих (повышение заработной платы и др.).

В конце июня и в первых числах июля 1906 г. началась забастовка на табачных фабриках, вылившаяся в общую забастовку шести с половиной тысяч петербургских табачников. Забастовка длилась более месяца, бастовали рабочие всех крупных табачных фабрик («Лаферм», «Шаншал», Богданова, «Оттоман», Саатчи и Мангуби, Шапошникова и др.). Табачные фабриканты ответили на стачку локкаутом. Инициаторами этой стачки были рабочие фабрики «Лаферм», где забастовка началась 27 июня, а через три дня фабрика была закрыта; в общей сложности фабрика не работала 46 рабочих дней. Стачка на фабрике Богданова продолжалась 23 дня, на фабрике «Оттоман» — 28 дней, на фабрике «Шаншал» — 27 дней.¹

Источенные в ходе месячной забастовки рабочие табачных фабрик, среди которых было более половины женщин, приступили к работе по призыву стачечного комитета, добившись лишь незначительных уступок.

В июне—июле 1906 г. на заводах механической группы (механическом заводе «Атлас», телефонной фабрике Эриксон, механическом заводе Лангензипена, машинном заводе Леммериха, Охтенском судостроительном Крейтова) происходили многочисленные конфликты, перешедшие в стачки, приковавшие к себе внимание рабочих Петербурга. Рабочие названных заводов предъявили предпринимателям требования: введение 9-часового рабочего дня, увеличение расенок на 30%, поденная плата чернорабочим не менее 1 руб., отмена штрафов, уплата за дни забастовок, приятие на работу всех без исключения и ряд других. Предприниматели бастующих заводов, пользуясь полной поддержкой петербургского Общества фабрикантов и заводчиков, отказались удовлетворить требования бастующих и отвергли всякие переговоры с профессиональными союзами.

Профессиональные союзы металлистов и деревообделочников возглавили руководство стачками. Особенностью стачек на этих заводах было применение системы бойкота со стороны рабочих. Бастующие рабочие установили пикетирование около заводов, не допускали никого на завод, не допускали вывоза готовых изделий, все места бастующих рабочих были объявлены под бойкотом. Стачка-бойкот вызвала тревогу в петербургском Обществе фабрикантов и заводчиков, от общества была послана министру внутренних дел паническая докладная записка о том, что «в столице, объявленной в положении чрезвычайной охраны, исполнительная власть не в состоянии оказать защиту» предпринимателям.² В связи с этими стачками петербургское Общество фабрикантов и заводчиков постановило разослать «черные списки» — списки бастующих рабочих с запрещением прии-

¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, 1906 г., д. 487, лл. 77—79, 86.

² Труд в России, 1925, № 2—3.

мать их на другие заводы. С этого времени система «черных списков» получила широкое применение. В августе—сентябре 1906 г. стачка была прекращена в связи с истощением рабочих (все средства профессиональных союзов, направленные на поддержку бастующих, были исчерпаны).

Забастовочное движение в Петербурге весной и летом 1906 г. приняло острые формы, развиваясь и вширь и вглубь.

В это время среди петербургских рабочих проявляется большая тяга к организации, растут профессиональные союзы, возникают стачечные комитеты для руководства стачками, создается ряд выборных рабочих организаций: Совет безработных, фабрично-заводские комитеты на ряде предприятий для регулярной связи с социал-демократической фракцией Государственной Думы. В этих условиях эсеры повели в июне 1906 г. агитацию среди рабочих за создание Совета рабочих депутатов. Петербургский комитет РСДРП выступил против лозунга создания Совета рабочих депутатов в данное время. В постановлении Петербургского комитета по этому вопросу говорилось: «В противовес агитации за образование Совета Р. Д., П. К. предостерегает рабочие массы против немедленного образования С. Р. Д., выяснив боевое значение этой организации и провокационное значение ее в данное время».¹

Хрусталева-Носарь в статье «Быть или не быть новому Совету Р. Д.», опубликованной в «Эхо», полемизирует с решением Петербургского комитета РСДРП и поддерживает эсеров.² В. И. Ленин в том же номере «Эхо» публикует статью «Об организации масс и о выборе момента борьбы», в которой обосновывает постановление Петербургского комитета о Совете рабочих депутатов. В. И. Ленин, исходя из оценки Советов рабочих депутатов как органов вооруженного восстания, считает, что они сыграли историческую роль в конце 1905 г., особенно в декабре. «Величайшей и далеко еще не оцененной заслугой Советов рабочих депутатов считаем мы именно их боевую роль».³

Разоблачая авантюристическое и провокационное предложение эсеров и Хрусталева-Носаря о создании в Петербурге нового Совета рабочих депутатов, В. И. Ленин пишет: «Создавать Совет значит создавать органы непосредственной массовой борьбы пролетариата. Такие органы нельзя создавать в любой момент, тогда как профессиональные союзы и политические партии необходимы всегда и безусловно, могут и должны быть создаваемы при всяких условиях».⁴

Споры по вопросу о создании нового Совета были перенесены в рабочие массы, на фабрики и заводы.

На рабочем митинге в Колпино после выступления эсеров, предлагавших возродить Совет рабочих депутатов, рабочие приняли большевистскую резолю-

¹ Эхо, 1906, № 5.

² Там же, № 11.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 41, стр. 72.

⁴ Там же, стр. 73.

цию: «Мы, колпинские рабочие, в количестве 500 человек, обсудив вопрос о создании Совета Р. Д., пришли к заключению, что создание такого Совета в данный момент является преждевременным, способным спровоцировать восстание пролетариата при неблагоприятных для него условиях и тем нанести непоправимый вред делу русской революции».¹ Петербургские рабочие пошли за большевиками, полностью поддержав Петербургский комитет РСДРП.

Весной и летом 1906 г., в обстановке нарастающего революционного подъема, в Петербурге вновь стала издаваться ежедневная легальная большевистская газета «Волна». Первый номер газеты «Волна» вышел 26 апреля (9 мая) 1906 г. После выхода 25-го номера она была закрыта царским правительством. Через день после закрытия «Волны» ее заменила новая легальная большевистская газета — «Вперед», просуществовавшая очень недолго, она была закрыта на 17-м номере. Через неделю после закрытия газеты «Вперед» она выходит под новым названием — «Эхо».

Легальные большевистские газеты подвергались постоянным репрессиям со стороны царского правительства. Из 56 номеров названных большевистских газет 30 номеров были конфискованы, многие за публикацию статей В. И. Ленина.

В. И. Ленин принимает самое деятельное участие в легальной большевистской печати. После приезда В. И. Ленина из Стокгольма в Петербург (после окончания IV съезда партии) большевистская газета «Волна» редактировалась фактически Лениным. Почти в каждом номере «Волны», начиная с девятого, а затем в газетах «Вперед» и «Эхо» публикуются руководящие статьи и заметки В. И. Ленина. В. И. Ленин опубликовал на страницах этих газет 59 статей и заметок.

На страницах большевистских газет «Волна», «Вперед», «Эхо» беспощадно разоблачались маневры царизма и контрреволюционных либералов, деятельность кадетов в 1-й Государственной Думе, шла борьба с конституционными иллюзиями, вскрывалась оппортунистическая тактика меньшевиков, шедших на поводу у кадетов. Газеты широко освещали революционную борьбу рабочего класса, крестьянства, солдат и матросов, готовя, организуя и призывая народные массы к борьбе за победу революции. Большое внимание газеты уделяли вопросам партийной работы, ведя непримиримую борьбу с оппортунизмом меньшевиков.

Петербургские легальные большевистские газеты пользовались большой популярностью среди рабочих. В связи с запрещением «Волны» рабочие завода Коппель вынесли такое постановление: «Признавая, что закрытая полицией с.-д. газета „Волна“, вполне выражая и защищая окончательные требования и цели рабочего класса, в то же время наиболее ясно и просто говорила нам, рабочим, о нашей классовой задаче в переживаемый нами момент, наиболее понятно и правильно разъясняла нам поведение кадетов и наше отношение к ним и Государ-

¹ Эхо, 1906, № 9. Газета публикует ряд подобных резолюций, принятых на рабочих собраниях.

ственной Думе, мы выражаем свое товарищеское сочувствие закрытой «Волне» и с нетерпением ждем газеты, которая выйдет ей на смену». ¹

С выходом 14-го номера газеты «Эхо» 7 июля 1906 г. прекратился выход легальных большевистских газет в Петербурге до начала 1907 г.

Наряду с легальными большевистскими газетами с марта 1906 г. стал выходить в Петербурге легальный большевистский научный, литературный и политический журнал «Вестник жизни». В этом журнале В. И. Ленин опубликовал две статьи: «Каутский о Государственной Думе» и «Русский радикал задним умом крепок!».

С мая 1906 г. в Петербурге были организованы большевистское издательство, центральный книжный склад и книжный магазин «Вперед» (Караванная, д. 9, кв. 8), являвшиеся большевистской издательской и книгораспределительной организацией, оказывавшей большую помощь партии в издании и распределении социал-демократической, большевистской литературы в массах. Царские власти постоянно преследовали книгоиздательство «Вперед», производили обыски, конфискуя издания, закрывая склад и магазин.

В. И. Ленин принимал активное участие в работе издательства, направляя его деятельность.

Сила народного революционного подъема весной и летом 1906 г. оказалась недостаточной. В этих условиях царское правительство решило распустить 1-ю Государственную Думу. Поводом для ее разгона послужило обсуждение аграрного вопроса.

Подъем крестьянского движения в России в первой половине 1906 г. выдвигал на первый план аграрный вопрос, и кадетская Государственная Дума была вынуждена им заняться. Законопроект, выдвинутый кадетами по аграрному вопросу, предусматривавший сохранение помещичьего землевладения и предлагавший частичное отчуждение помещичьих земель за хороший выкуп, разоблачил кадетов как врагов крестьян. Левое крыло буржуазной демократии в Думе (трудовая группа, эсеры) при всей своей непоследовательности, иллюзиях, утопичности и реакционности предлагаемого им «уравнительного» землепользования в своих аграрных законопроектах отражало стремление крестьянских масс к уничтожению помещичьего землевладения. Обсуждение аграрного вопроса Думой и послужило основанием для ее разгона. Утром 9 июля 1906 г. все входы в Таврический дворец были закрыты и охранялись войсками; из газет и уличных объявлений депутаты узнали об указе и манифесте Николая II о роспуске Государственной Думы.

После разгона Думы часть депутатов выехала в Выборг; здесь на частном совещании было принято воззвание, призывавшее население к отказу от налогов, платежей по займам, в даче рекрутов, пока не будет вновь созвана Дума. Для кадетов «Выборгское воззвание» было маневром, нужным для поднятия престижа

¹ Вперед, 1906, № 2.

партии в глазах народа, но вскоре кадеты раскаялись в этом поступке и отмежевались от него.

Подъем революционного движения рабочего класса весной и летом 1906 г., рост революционного движения крестьянства усилили брожение в армии и флоте, дошедшее в ряде случаев до открытых вооруженных выступлений. В 1906 г. Петербургская большевистская партийная организация развернула большую революционную работу в воинских гарнизонах города, в пригородах и в Кронштадте.

Петербургская военная организация к весне 1906 г. имела четкую структуру и свой устав. В уставе говорилось, что Петербургская военная организация работает под руководством Петербургского комитета РСДРП, подчиняется общепартийным директивам. В то же время она была автономна в вопросах военной работы и своей внутренней организации. Деятельность Петербургской военной организации распространялась не только на гарнизон города, но и на гарнизоны пригородов, на Кронштадт. Кронштадтская военная организация в своей работе подчинялась руководству Петербургской военной организации, входя в нее на правах отдельного района.

Большой заслугой Петербургской военной организации была организация издания нелегальной газеты для солдат и матросов под названием «Казарма». Первый номер «Казармы» вышел в феврале 1906 г., последний, тринадцатый, в феврале — марте 1907 г. На работу в газете были брошены значительные партийные силы. В «Казарме» активно участвовали Е. М. Ярославский (редактор газеты в последний период ее существования), В. Р. Мевжинский, М. С. Ольминский, В. В. Воровский и др.

Большевистская газета «Казарма» фактически явилась руководящим печатным органом всех большевистских военных организаций. По свидетельству нелегальной большевистской газеты «Пролетарий», «Казарма» обслуживала третью часть всех военных организаций, существовавших в России, тиражи ее последних номеров доходили до 20—25 тыс.¹

Простой язык газеты, обилие материала из жизни воинских частей, публикация солдатских писем и корреспонденций, защита требований солдат, широта и ясность освещения политических вопросов делали большевистскую газету «Казарма» необычайно популярной среди солдат и матросов.

Весной и летом 1906 г. Петербургская военная организация, пользуясь лагерными условиями, стала практиковать устройство собраний и митингов для солдат; такие митинги были в районе Красносельского, Усть-Ижорского лагерей и в других местах.

Летом 1906 г. происходит ряд волнений в воинских частях Петербургского гарнизона (в 85-м Выборгском и 88-м Петровском, в л.-гв. Преображенском,

¹ Пролетарий, 1907, № 16.

145-м Новочеркасском, 200-м Ижорском полках), выразившихся в отказе от полицейской службы, в столкновениях с полицией, в предъявлении начальству требований правового, экономического и политического порядка, в устройстве митингов и т. п. Большую тревогу в правящих сферах вызвало волнение в Преображенском полку, в составе офицеров которого числился царь Николай II.

В обвинительном акте по делу солдат-преображенцев говорится, что в течение зимы 1905—1906 гг. 1-й батальон Преображенского полка был «буквально забросан прокламациями»; сначала их подбирали и сдавали начальству, а затем ввиду того, что количество их постоянно увеличивалось, прокламации просто уничтожались. С переходом полка в Красносельский лагерь революционная пропаганда среди солдат усилилась, преображенцы массами посещали митинги в Гореловском лесу. В связи с приказанием по полку идти походным порядком в Петергоф для охраны царя среди солдат пошел ропот, началось возмущение, по вечерам у палаток толпились солдаты, часто раздавались крики «не пойдем, а поедем», дежурных офицеров солдаты встречали и провожали проницательными замечаниями и свистом. Командованию полка удалось без особых происшествий перевести полк в Петергоф, но по прибытии туда 9 июня 1906 г. после проверки солдаты 1-го батальона во дворе казармы стали обсуждать текст требований для предъявления по начальству; двух офицеров, пытавшихся прекратить собрание, заставили удалиться.

«Петиция 1-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка» — так был озаглавлен составленный солдатами документ — содержала различные экономические, правовые и политические требования. Пункт 17 гласил: «Выражаем свою солидарность (согласие) с требованием депутатов Государственной Думы о наделении крестьян землей».¹ Солдаты-преображенцы — активные участники этого выступления — были арестованы и отданы под суд. 1-й батальон Преображенского полка по распоряжению Николая II был лишен прав гвардии.

В. И. Ленин в начале июля 1906 г. в статье «Армия и народ», отмечая рост революционного движения в армии, разоблачает лживую либеральную доктрину, что «армия должна быть вне политики», и, касаясь требований преображенцев, пишет: «Солдаты Преображенского полка выставили требование — поддержка Трудовой группы в борьбе за землю и волю. Заметьте: не поддержка Думы, а поддержка Трудовой группы, — той самой, которую обвиняли кадеты в „грубом оскорблении“ Гос. думы за аграрный проект 33-х об уничтожении частной собственности на землю! Солдаты, видимое дело, идут дальше кадетов: „серая скотинка“ хочет *большего*, чем просвещенная буржуазия. . .».²

В тесном контакте с Петербургской военной организацией работала Финляндская военная большевистская организация, развернувшая в 1906 г. огромную работу в различных гарнизонах Финляндии.

¹ ЦГВИАЛ, ф. 545, 1910 г., д. 848, т. 2, лл. 5, 6, 11.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 11, стр. 68.

очень сложные, аресты следовали один за другим, подготовка восстания к июлю 1906 г. была еще слабой; эсеровская организация, в которую проникли провокаторы, толкала матросов и солдат на преждевременное выступление.

В связи с начавшимся восстанием в Свеаборге обстановка в Кронштадте стала напряженной, выступление матросов и солдат стало неизбежным. Кронштадтские большевики (среди них было два члена Петербургского комитета — Д. З. Мануильский и Егор Каноупул), следуя указаниям ЦК и Петербургского комитета, стремятся возглавить вооруженное выступление масс и придать ему более организованный характер. Несмотря на боевой дух восставших матросов и солдат, плохо подготовленное восстание на другой день было подавлено правительственными войсками. Одновременно с восстанием в Кронштадте произошло восстание на крейсере «Память Азова» и были попытки восстания на других кораблях Балтийского флота. Преждевременно вспыхнувшие военные восстания, не связанные с восстаниями рабочего класса, не могли достигнуть успеха, царскому правительству удалось быстро их подавить. Более 2500 матросов и солдат — участников июльских восстаний на Балтике — было арестовано и предано суду, многие руководители восстаний казнены.

В связи с вооруженными восстаниями в Свеаборге и Кронштадте в Петербурге в июле 1906 г. была проведена крупная политическая забастовка. Петербургский комитет РСДРП, по указанию В. И. Ленина, принял решение о проведении политической забастовки с целью поддержать восстание. Такое же решение о проведении политической забастовки принял и Московский комитет РСДРП.

По данным фабричной инспекции, далеко не полным, 21 июля бастовало 361 предприятие с 70 тыс. рабочих, 22 июля бастует 387 предприятий с 82 тыс. рабочих, после воскресного дня 24 июля бастует 374 фабрики и завода с 76 700 рабочими; 25 июля забастовки начинают прекращаться.¹ В Москве бастовало 150 фабрик и заводов.

В особой листовке Петербургский комитет отмечал, что забастовка «показала сознательным солдатам и матросам во всей России, что пролетариат заодно с ними, что он готовится к решительной борьбе».²

Политическая стачка в Петербурге 21—25 июля была последним крупным выступлением петербургского пролетариата весной и летом 1906 г. Сила революционного подъема оказалась недостаточной. Политическая обстановка в стране менялась, все говорило о продолжавшемся спаде революции и усилении самодержавия.

Активизируется деятельность правых черносотенных организаций. После подавления декабрьского восстания в Москве Николай II принимает в Царском Селе депутацию черносотенного «Союза русского народа», которая вручает ему

¹ Торгово-промышленная газета, 1906, № 169.

² Листовки петербургских большевиков, т. I, стр. 421.

звание и значок члена «Союза». Царь открыто провозглашает свое покровительство этой погромной организации. В условиях спада революции черносотенцы при поддержке царской администрации развивают погромную и террористическую деятельность. В мае 1906 г. на съезде уполномоченных дворянских обществ возникает Совет объединенного дворянства — один из влиятельнейших центров контрреволюции, оказывавший огромное влияние на правительственную политику. Все значительные акты царского правительства того периода, указ 9 ноября 1906 г., избирательный закон 3 июня 1907 г., предварительно обсуждались в Совете объединенного дворянства. Происходит консолидация сил контрреволюции.

Столица империи — Петербург — в июле 1906 г. была объявлена на положении чрезвычайной охраны. Начались аресты и высылки участников революционного движения. Усилились репрессии против рабочей печати и профессиональных союзов. 29 июля 1906 г. в течение одного дня по распоряжению петербургского градоначальника было разгромлено 28 профессиональных союзов. Охранке удалось выследить и арестовать на станции Удельная в июле 1906 г. значительную часть состава Петербургского комитета РСДРП, сильно пострадала от арестов большевистская Петербургская военная организация.

19 августа 1906 г. появился указ Николая II о военно-полевых судах, открывший полосу кровавого террора контрреволюции. На основании этого указа командующий Петербургским военным округом великий князь Николай Николаевич приказал секретным предписанием учредить военно-полевые суды в следующих пунктах Петербургской губернии: в Петербурге, Царском Селе, Петергофе, Гатчине, Ямбурге, Кронштадте.¹ Военно-полевой суд в Петербурге заседал в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, а многие смертные приговоры военно-полевого суда были приведены в исполнение на Лисьем Носу, под Сестрорецком. Царское правительство не жалеет денег на содержание пешей и конной полиции, щедро выдаются полицейским награды за «усердную службу», увеличивается штат полиции по всей империи, особенно в таких центрах, как Москва и Петербург. В период «междудумья» 9 ноября 1906 г. издается указ, положивший начало аграрной политике Столыпина.

* * *

В период подъема революции В. И. Ленин учил партию большевиков и рабочий класс искусству революционного наступления, теперь, в обстановке спада революции, В. И. Ленин учит партию и рабочий класс, как правильно, организованно отступать.

В этих условиях большевики пересмотрели вопрос о думской тактике и решили принять участие в выборах во 2-ю Государственную Думу с тем, чтобы использовать ее как трибуну в революционных целях.

¹ ЦГИАЛ, ф. 440 (Управление 1-го гвардейского корпуса), 1906 г., д. 446, л. 17.

Избирательная кампания во 2-ю Государственную Думу в Петербурге существенным образом отличается от избирательной кампании в 1-ю Думу. В 1906 г. кадеты во время выборов не имели перед собой сколько-нибудь серьезных противников. При выборах по рабочей курии господствовали бойкотистские настроения.

Теперь наблюдается иная картина. В. И. Ленин внимательно анализировал каждый этап избирательной кампании в Петербурге, руководя деятельностью большевиков, беспощадно разоблачая оппортунистическую тактику меньшевиков, стоявших за избирательные блоки с кадетами.

В. И. Ленин принимал самое активное участие в печатной и устной агитации в период избирательной кампании, часто выступая на партийных и рабочих собраниях.

Елена Стасова, являвшаяся в 1906 г. секретарем Петербургского комитета, в статье «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине» пишет:

«В 1906 году в Петербурге мы проводили работу в связи с выборами в Государственную Думу. В списке работников, которых я послала для агитации, был и Владимир Ильич Ленин. Меньшевики досадовали, что у них нет такого оратора в Петербурге. Не было такого случая, чтобы Владимир Ильич не выполнил поручения, не пошел на доклад или опоздал на него. На следующий день он обычно подробно сообщил нам о том, как прошел доклад, сколько народу было на докладе, какие вопросы были заданы и какие недостатки в той организации, куда мы его послали».¹

Участие большевистской партии в избирательной кампании было очень осложнено расколом в Петербургской социал-демократической организации.

По решению Петербургского комитета РСДРП в начале января 1907 г. в Териоках была проведена конференция Петербургской социал-демократической организации. С докладом об избирательных соглашениях на предстоящих выборах в Думу выступил В. И. Ленин. Из состава конференции 40 делегатов были большевики, представлявшие 2148 членов партии, и 31 делегат — меньшевики, представлявшие 1733 члена партии.²

Меньшевистский Центральный Комитет, чтобы создать перевес меньшевикам на конференции, постановил разделить ее на городскую и губернскую. С этим конференция не согласилась. Значительная часть делегатов-большевиков была послана на конференцию от промышленных пригородов Петербурга, расположенных за городской чертой. Видя неизбежность своего провала, меньшевики покинули конференцию. После ухода 31 меньшевика конференция продолжала работу и вынесла решение о запрещении блоков с кадетами, признала допустимыми избирательные соглашения с трудовиками и эсерами, при условии не заключения ими соглашений с кадетами. Таким образом, накануне выборов меньшевики пошли на

¹ Правда, 1955, № 106.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 11, стр. 399.

раскол в Петербургской организации, чтобы развязать себе руки для избирательных соглашений с кадетами.

7 и 14 января 1907 г. происходили выборы уполномоченных по рабочей курии в Петербурге. Как и в других районах России, среди уполномоченных и выборщиков по рабочей курии в Петербурге преобладали социал-демократы и им сочувствующие. Однако в Петербурге, в отличие от Москвы и ряда других промышленных центров, среди уполномоченных оказалось много эсеров и к ним примыкающих.

Если в Москве среди уполномоченных по рабочей курии эсеры составляли не более 10%, то в Петербурге из 269 уполномоченных 159 были социал-демократы и им сочувствующие (59%) и 110 — эсеры и им сочувствующие (41%).

В. И. Ленин тщательно анализирует причины успеха эсеров в Петербурге на первой стадии выборов по рабочей курии и считает виновниками столь позорного явления петербургских меньшевиков.

Раскол, учиненный меньшевиками в Петербургской организации, их решение идти на избирательные блоки с кадетами, встреченное с одобрением всей петербургской кадетской печатью, вызвали большое недовольство среди рабочих. Рабочие проваливали меньшевистских кандидатов в уполномоченные по рабочей курии и демонстративно выбирали эсеров.

На одиннадцати заводах и фабриках Невского района, где были выставлены в уполномоченные кандидаты меньшевики, из избранных 18 уполномоченных оказалось 6 меньшевиков и 12 эсеров, причем по таким крупным заводам, как Семяниковский и Обуховский, в уполномоченные были избраны одни эсеры.¹

На тех же заводах, где кандидатами в уполномоченные выставлялись большевики, эсеры, как правило, терпели поражение. Так, по двенадцати заводам и фабрикам Невского района, где кандидатами в уполномоченные были большевики, результаты были следующие: из избранных 14 уполномоченных 11 большевиков, один сочувствующий и два эсера.²

В. И. Ленин писал о результатах выборов уполномоченных по рабочей курии:

«Меньшевики повернули к кадетам, — пролетариат Петербурга отвернулся от меньшевиков.»

«Эсеры использовали момент раскола в социал-демократии, использовали негодование рабочих против кадетоподобных меньшевиков, использовали бойкот и бесперемонно. В предместьях они громили с.-д. за блоки с кадетами (умалчивая о большевиках и о Петербургском комитете РСДРП), а в городе они сами торговались с кадетами!».³

Мелкобуржуазная партия эсеров не имела прочных связей и влияния на рабочих на таких заводах, как Семяниковский, Обуховский, Балтийский, успех

¹ Там же, т. 12, стр. 53.

² Там же.

³ Там же, стр. 49.

эсеров здесь был мимолетным. Известную роль сыграло и то обстоятельство, что значительная часть наиболее сознательных рабочих, игравших активную роль в революционной борьбе этих заводов в 1905 г., была удалена после ряда расчетов, проведенных на этих заводах в течение 1906 г.

Петербургский комитет РСДРП принимает все меры к тому, чтобы на второй и третьей стадии выборов по рабочей курии обеспечить твердое большевистское партийное руководство.

На созванном Петербургским комитетом 30 января собрании уполномоченных социал-демократов принимается, несмотря на активное противодействие меньшевиков, такое решение: «Собрание признает обязательным для выборщиков подписание при выборах директивам ПК».¹

На этом же собрании был утвержден рекомендованный Петербургским комитетом список 14 кандидатов в выборщики, среди которых большинство принадлежало большевикам.

1 февраля 1907 г. в Городской думе состоялось собрание 269 уполномоченных, разгорелась острая борьба большевиков с эсерами, список кандидатов от партии эсеров был провален, избраны были все 14 выборщиков, рекомендованные Петербургским комитетом.

7 февраля 1907 г. происходили выборы в Петербурге по городской курии. В силу сенатских «разъяснений» к избирательному закону 11 декабря 1905 г. количество избирателей по городской курии сократилось до 130 тыс. — это при полуторамиллионном населении города. Предстояло избрать 160 выборщиков, которые вместе с 14 выборщиками по рабочей курии избирали шесть депутатов Государственной Думы от Петербурга.

Во время избирательной кампании по городской курии в Петербурге борьба развернулась между тремя партиями: черносотенцами (правые партии), кадетами и большевиками.

Мелкобуржуазные партии — меньшевики, трудовики, эсеры, народные социалисты — метались между кадетами и большевиками.

В ходе избирательной кампании кадеты (в этом отношении им помогали меньшевики) запугивали избирателей несуществующей «черносотенной опасностью» в Петербурге, говорили о возможности победы правых партий (октябристов, монархистов), если социал-демократическая партия выступит самостоятельно и раздробит голоса.

Большевики с начала избирательной кампании выступали с идеей блока левых партий, который должен был повести трудящиеся слои города против кадетов и правых.

После некоторых колебаний лишь в конце января 1907 г. эсеры, трудовики, народные социалисты пошли на избирательное соглашение с большевиками и

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 12, стр. 72.

договорились о составлении общих списков кандидатов в выборщики по Петербургу; в списке выборщиков половина мест принадлежала большевикам.

Списки кандидатов в выборщики от левого блока публиковались в газете «Товарищ» и др. О трудностях избирательной кампании для левого блока в Петербурге говорит тот факт, что у большевиков, руководящей партии в левом блоке, в это время не было ежедневной газеты. В списке выборщиков левого блока были вождь большевистской партии Владимир Ильич Ульянов, известный историк В. И. Семевский, профессор П. Ф. Лесгафт.¹

Меньшевики вместе с кадетами до самых выборов вели ожесточенную кампанию против левого блока, убеждая избирателей не голосовать за левых, пугая, что в противном случае избирательную победу одержат правые партии.

Результаты выборов по городской курии в Петербурге были следующие: в голосовании приняло участие 67 384 избирателя, что составляло 51% к массе избирателей, появивших в списке, кадеты получили 28 798 голосов, левый блок — 16 703, октябристы — 16 613, монархисты — 5 270.²

Левый блок в Петербурге собрал 25% голосов избирателей; большинство он получил лишь по Выборгскому участку, здесь прошел список кандидатов левого блока (9 выборщиков), в остальных 11 участках города прошли списки кадетских выборщиков.

Ввиду непропорциональной избирательной системы левый блок, собравший 25% голосов, получил 9 мест из 160. Несмотря на избирательную победу, кадеты потеряли в сравнении с выборами в 1-ю Государственную Думу 11 812 голосов избирателей; мелкобуржуазные слои города стали отходить от кадетской партии.

«Левый блок в Петербурге — несомненно, привлек приказчика и городского мелкого буржуа, поднял часть их впервые к политической жизни, оторвал весьма значительную часть их от кадетов».³ Решающую роль сыграла в этом большевистская партия, срывающая с кадетской партии маску народолюбия.

В. И. Ленин, имея в виду выборы по городской курии в Москве, где левый блок получил 13% голосов избирателей, писал: «Обыватель голосовал против левых не из антипатии к ним, а потому, что „опасно — голоса разобьются“, т. е. потому, что он поверил кадетским легунам, воспользовавшимся монополией ежедневных либеральных газет для одурачения обывателя».⁴

Хотя в Петербурге левый блок получил четвертую часть голосов, кадеты и здесь сумели достичь своей цели.

¹ Товарищ, 1907, № 84.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 12, стр. 98.

³ Там же, стр. 101.

⁴ Там же, стр. 59.

После выборов В. И. Ленин писал: «Хотя и далеко не в такой степени, как в Москве, выборы в Петербурге все же были выборами *запуганных и одуроченных кадетами* *мецань*.¹

16 февраля 1907 г. в Городской думе собрались выборщики от Петербурга, — 160 от городской курии и 14 от рабочей курии, — и произвели выборы членов Государственной Думы. Кадетское большинство не осмелилось лишить одного места представителей рабочей курии и левого блока, из числа выборщиков по рабочей курии был избран рабочий Охтенского порохового завода большевик И. А. Петров и от городской курии Г. А. Алексинский, бывший в то время большевиком (позднее он изменил партии и скатился в лагерь контрреволюции), остальные избранные депутаты были кадеты или близкие к ним (И. В. Гессен, П. Б. Струве, Н. Н. Кутлер, М. П. Федоров).

2-я Дума оказалась левее 1-й Думы; левые партии (социал-демократы, эсеры, трудовики, народные социалисты) имели 180 мест, кадеты — 98 мест, а буржуазные либералы в целом — 156 мест, правые — 97 мест.

20 февраля 1907 г. в Таврическом дворце состоялось открытие 2-й Государственной Думы, для депутатов на этот раз не было приема в Зимнем дворце, не было и тронной речи Николая II.

В день открытия около Думы собрались толпы народа, стояли огромные ряды полиции, казаков, проходившие правые депутаты освистывались, левых депутатов толпа шумно приветствовала. Вечером в центре города, на Литейном и Невском проспектах, состоялся ряд уличных демонстраций; демонстранты несли множество красных флагов и пели революционные песни, впереди демонстрации шла социал-демократическая фракция Государственной Думы; на Фурштатской улице демонстранты подверглись нападению конных жандармов.²

На заводах и фабриках Петербурга в эти дни было много митингов; на рабочих собраниях обсуждался и принимался «проект наказа депутатам от рабочих», выработанный Петербургским комитетом РСДРП и изданный отдельной листовкой. В этом «проекте наказа» большевики писали, что теперешняя Государственная Дума «не может считаться настоящим народным представительством».

Обязанностью рабочих депутатов являлось провозглашение с думской трибуны революционных требований рабочего класса России: «Пусть скажут они, что рабочие нашей страны также видят единственный путь к окончательному освобождению труда от гнета капитала только в социализме. . .

«Пусть скажут наши депутаты, что свобода народов и свободная борьба пролетариата возможна только при демократической республике».

Рабочие депутаты должны отстаивать экономические требования рабочего класса: 8-часовой рабочий день, государственное страхование, охрану здоровья, общественные работы для безработных.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 12, стр. 99.

² Новый луч, 1907, № 2.

«Рабочие депутаты должны приложить все усилия к тому, чтобы вырвать из-под влияния либеральных монархистов революционно-демократические слои народа вне Думы и прежде всего крестьянство, которое может быть лучшим союзником пролетариата в борьбе против самодержавного порядка. И в самой Думе — рабочие депутаты должны поставить перед представителями крестьян и других слоев демократии великие задачи революции в их полном объеме, ничего не скрывая и не загушыввая, призывая их на путь борьбы, отрывая всех левых от кадетского центра и руководя ими в революционной борьбе».¹

«Проект наказа» требовал от рабочих депутатов проводить в работе выдержанную классовую пролетарскую политику.

Социал-демократическая фракция 2-й Государственной Думы более чем наполовину состояла из меньшевиков. Это отрицательным образом сказалось на ее деятельности.

6 марта в Думе выступил председатель Совета министров Столыпин с обоснованием и защитой политики разнузданной контрреволюции. Столыпин вел себя в Думе нагло и уверенно. Кадеты не решились выразить недоверие правительству, как это было сделано в 1-й Государственной Думе в отношении кабинета Горемыкина. Главный принцип кадетской тактики во 2-й Думе был «беречь Думу». Осуществляя его, кадеты встретили правительственную декларацию молчанием. К их ужасу «гробовое молчание» нарушила социал-демократическая фракция, заклеившая правительственный курс Столыпина-вешателя.

Взбешенный Столыпин, отвечая социал-демократам, бросил угрожающе: «Не запугаете!».

Петербургский комитет выпустил специальную прокламацию «О декларации самодержавного правительства в Государственной Думе».²

¹ Листовки петербургских большевиков, т. I, стр. 498—499.

² Там же, стр. 506.

Б. М. Кустодиев. Столыпин. Карикатура. 1906 г.

Одним из главных вопросов во 2-й Думе, как и в 1-й, был аграрный вопрос. Все контрреволюционные, буржуазно-помещичьи партии выступали против решения аграрного вопроса в духе программ левых фракций Думы. 2-я Дума также не приняла никакого аграрного законопроекта, передав его в Комиссию.

Зима 1906—1907 гг. была очень тяжелой для петербургских рабочих. На заводах и фабриках шли массовые увольнения, происходило снижение расценок, росла дороговизна. В конце 1906 г. на вагоностроительном заводе Речкина было уволено 1000 рабочих, на Путиловском — 900, на Александровском — 3500, на Невском судостроительном и механическом — 1500; расчеты рабочих коснулись 21 предприятия.¹

Безработица среди петербургских рабочих усиливается. В это время Петербургская городская дума выносит постановление о прекращении ассигнований для помощи безработным; вначале прекратили свою деятельность столовые для безработных, а затем были свернуты все городские общественные работы для безработных.

Когда в феврале 1907 г., в связи с прекращением работ в Галерной гавани, на которых было занято около 1800 безработных, в Городскую думу явилась с протестом делегация от безработных, то она была выведена из зала заседания полицией по приказанию городского головы.² В начале 1907 г. почти прекратилась деятельность Совета безработных.

По инициативе социал-демократической фракции вопрос о помощи безработным обсуждался во 2-й Государственной Думе. Выступавший в ходе прений министр торговли и промышленности Философов заявил: «Здесь... говорили, что рабочие требуют, требуют себе хлеба и работы. Господа, на такую постановку вопроса о принципиальном праве требовать работы для всех безработных правительство идти не может. Это значило бы восстановить пресловутое право на работу».³ Депутаты Государственной Думы от правых до кадетов все были солидарны с царским правительством. Созданная Государственной Думой комиссия о безработных ничего не сделала.

Несмотря на тяжелое экономическое положение и усиление реакции, петербургские рабочие отметили вторую годовщину «Кровавого воскресенья» прекращением работы на ряде фабрик и заводов Петербурга. Бастовали Невский судостроительный, Александровский, Спасско-Петровская мануфактура, фабрика Паля, Петербургский металлический, Меднопрокатный (б. Розенкранца), механический Нобеля, оба завода Лесснера, фабрика Чешера, Старо-Сампсониевская мануфактура, Франко-Русский завод, фабрика механического производства обуви, 1-й Петербургский вагоностроительный, электромеханический Сименс и Гальско и др.

¹ Торгово-промышленная газета, 1907, № 272.

² Новый луч, 1907, № 4.

³ Государственная Дума второго созыва, стенографический отчет, 1907 г., т. 1, стр. 613.

На ряде заводов (вагоностроительный Речкина, Коппель, Пинтша, Глебова) накануне были митинги, на которых рабочие выносили постановления о проведении забастовки 9 января.

В политической забастовке 9 января участвовало 38 567 рабочих.¹ В этот день демонстративно служились панихиды по убитым, после которых рабочие исподняли «Марсельезу», производились сборы в пользу вдов и сирот убитых.

Весной 1907 г. в Петербурге, как и по всей стране, наблюдается некоторое оживление массового стачечного движения. В апреле 1907 г. происходят забастовки на ряде предприятий (заводах Нобеля, Лесснера, фабриках Мальцева, Шау, Лебедева) в знак протеста против избивания рабочих на крупной ткацкой фабрике Чешера.

Рабочие и работницы фабрики Чешера, возмущенные вычетами из зарплаты, собрались на дворе и вызвали представителей администрации фабрики. Присланные конные городские učinили зверское избивание нагайками, шашками, топтали рабочих копытами лошадей, пострадало несколько десятков рабочих.

Петербургский комитет РСДРП издал листовку по поводу избивания рабочих на фабрике Чешера. Социал-демократическая фракция 2-й Государственной Думы внесла срочный запрос об избиваниях рабочих на фабрике Чешера, но министр внутренних дел не нашел нужным дать ответ Думе.

С большим подъемом прошла в Петербурге политическая стачка 1 мая 1907 г. В этот день многие рабочие, явившись на фабрики и заводы, к работе не приступили. В первомайской забастовке в Петербурге участвовало 115 тысяч человек. Вследствие забастовки рабочих типографий большинство петербургских газет 2 мая не вышло. В рабочих районах были сосредоточены усиленные наряды войск и полиции. В Выборгском районе отряд конных городских напал на рабочих, шедших с красными флагами, два демонстранта было ранено и пять человек арестовано.

Наряду с политическими стачками весны и лета 1907 г. усиливается экономическая борьба петербургских рабочих против наступления капиталистов. Владальцы петербургских булочных в целях ликвидации уступок, вырванных стачкой пекарей в июне 1906 г., объявляют в апреле 1907 г. локаут. 6 тыс. рабочих-пекарей было выброшено на улицу, царская администрация приходит на помощь предпринимателям, производит многочисленные аресты и высылки рабочих; был разгромлен профессиональный союз булочников.

Несмотря на материальную и моральную поддержку со стороны профессионального союза рабочих по металлу, союза печатников, Центрального бюро профсоюзов, семинедельный локаут подорвал силы рабочих-булочников, ряд завоеваний июньской стачки был утрачен.

Весной 1907 г. в типографиях было проведено до 40 экономических забастовок, которые привели к некоторому увеличению заработной платы. Во второй половине

¹ ЦГИАМ, ф. 1157, 1907 г., д. 61, ч. 2, лл. 3—4.

мая происходит ряд экономических стачек на петербургских ткацких фабриках с требованиями 9-часового рабочего дня и повышения расценок.¹

В начале 1907 г. большевистская партия уделяла много сил и энергии на постановку издания легальных органов печати в Петербурге, однако усиливающаяся контрреволюция самым беспощадным образом расправлялась с печатью рабочего класса. Во время предвыборной кампании во 2-ю Государственную Думу вышло несколько номеров легальных большевистских газет — «Простые речи», «Зрение» — со статьями В. И. Ленина, посвященными избирательной кампании в Петербурге. Все номера этих газет были конфискованы. Большевистская газета «Рабочая молва» со статьями В. И. Ленина «Кадеты и трудовики» была закрыта на первом номере, недолго просуществовал большевистский еженедельник «Тернии труда», закрытый после выхода трех номеров.

С усилением революционного движения в стране весной 1907 г. удалось в Петербурге наладить на короткое время выход легальной большевистской газеты. В день открытия 2-й Государственной Думы 20 февраля 1907 г. выходит газета «Новый луч». Из семи номеров газеты четыре номера были конфискованы, редакции приходилось принимать все меры к распространению газеты до ее ареста. Номер седьмой, напечатанный тиражом 25 тыс., почти полностью разошелся, полиция конфисковала лишь сотню экземпляров.

Последней легальной большевистской газетой, выходившей в Петербурге в марте—апреле 1907 г., было «Наше эхо». 10 апреля 1907 г. на 14-м номере газета была запрещена петербургским градоначальником.

Усиливающаяся реакция задушила легальную большевистскую печать. В газетах «Новый луч», «Наше эхо» ближайшее участие принимал В. И. Ленин, почти в каждом номере появлялись его руководящие статьи, он направлял деятельность редакционных групп большевиков (М. С. Ольминский, В. В. Воровский и др.), выпускавших газеты. Газеты «Новый луч» и «Наше эхо» много внимания уделяли 2-й Государственной Думе, разоблачая контрреволюционную тактику кадетов, их соглашательство с царизмом, газеты разъясняли народу тактику партии рабочего класса, направленную на освобождение крестьянства и его представителей в Думе из-под влияния кадетов.

На страницах газет «Новый луч», «Наше эхо» дается обильный материал о деятельности Петербургской большевистской организации, о дезорганизаторской раскольничьей деятельности петербургских меньшевиков.

Газеты широко публиковали резолюции, принятые на рабочих собраниях, сообщения о митингах, стачках, происходящих на фабриках и заводах Петербурга.

В начале 1907 г. усиливаются репрессии и гонения на профсоюзы. Легализация профсоюзов была очень относительной. В марте—апреле 1907 г. в Петербурге происходят повальные обыски в помещениях союзов, закрываются профсоюзные

¹ Торгово-промышленная газета, 1907, № 129.

печатные органы «Кузнец», «Листок булочника», «Вестник печатника», ряд профсоюзных деятелей высылается из столицы. Социал-демократическая фракция 2-й Государственной Думы внесла запрос о действиях петербургского градоначальника в отношении рабочих организаций; запрос усилыми кадетов был сдан в комиссию, где и был похоронен.

Несмотря на репрессии и гонения царского правительства, в Петербурге в начале 1907 г. насчитывалось 35 профессиональных союзов с 49 тыс. членов союза.¹ Самыми крупными петербургскими профессиональными союзами были союз металлистов (10 700 членов), союз рабочих печатного дела (9400 членов), союз ткачей (4 тыс. членов), союз булочников (4140 членов). По участию в профессиональных союзах высоко стояли печатники. Среди них члены союза составляли 46,9%. Среди петербургских металлистов членов союза было 14,3%, среди булочников — 51,7%, среди ткачей — 13,3%. В начале 1907 г. в Европейской части России, исключая Прибалтику и Финляндию, насчитывалось 652 союза с 245 тыс. членов.²

Для развития профессионального движения в России большую опасность представляли буржуазно-либеральные, меньшевистские, оппортунистические взгляды о «нейтральности» профсоюзов, отрицавшие руководящую роль партии в профессиональном движении. Сторонники подобных взглядов имелись в руководстве Петербургского центрального бюро профсоюзов.

Большевики, активно участвуя в работе союзов, боролись за боевые классовые профессиональные союзы, работавшие под руководством партии рабочего класса. V съезд РСДРП поставил перед партийными организациями задачу добиться идейного и политического руководства профсоюзами. Ленинские принципы восторжествовали в российском профдвижении.

После январской конференции (1907 г.), посвященной избирательной кампании во 2-ю Думу, борьба с меньшевиками в Петербургской социал-демократической организации приняла исключительно ожесточенный характер.

Конференция Петербургской (городской и окружной) социал-демократической организации, происходившая в феврале 1907 г. под руководством Ленина, признала виновность меньшевиков в расколе Петербургской организации; конференция солидаризировалась с обвинениями, предъявленными В. И. Лениным меньшевикам в его брошюре «Выборы в Петербурге и лицемерие 31 меньшевика».

Городская конференция Петербургской социал-демократической организации, созванная в марте 1907 г. для решения вопроса о перестройке партийной организации на началах демократического централизма, принесла новую победу большевикам. На этой конференции было представительство от 6772 членов партии

¹ 1905—1907 гг. в профессиональном движении, стр. 470.

² Там же, стр. 474.

Петербургской организации РСДРП, из них большевиков было 4616, меньшевиков — 2156.¹

Эти точные цифровые данные, приводимые В. И. Лениным, дают полное представление о численном составе Петербургской социал-демократической организации и свидетельствуют о перевесе сил большевиков над меньшевиками в Петербурге накануне V съезда РСДРП.

В феврале—марте 1907 г. В. И. Ленин, живя в Куоккала, разрабатывает платформу большевиков, пишет проект резолюций к V съезду партии. Проекты резолюций к съезду обсуждаются и принимаются на совещании представителей Петербургского и Московского окружных комитетов, Областного бюро Центрального промышленного района и редакции газеты «Пролетарий».

Эти выдающиеся ленинские документы были опубликованы в нелегальной газете «Пролетарий» и в петербургской легальной большевистской газете «Новый луч» (№№ 6 и 7 от 25 и 27 февраля 1907 г.).

Большевики, руководимые В. И. Лениным, энергично готовились к съезду партии. На очередной V съезд партии от Петербургской социал-демократической организации было послано 17 делегатов, из них 12 большевиков (Е. М. Ярославский, рабочий С. Ф. Котов и др.). Та же картина соотношения сил большевиков и меньшевиков накануне V съезда РСДРП была во многих организациях партии.

Московская социал-демократическая организация послала на V съезд 19 делегатов, из них 16 большевиков. От Иваново-Вознесенской организации было 9 делегатов — все большевики; все 13 делегатов от партийных организаций Урала оказались большевиками. Делегаты-большевики представляли 46 тыс. членов партии. В. И. Ленин в «Докладе о революции 1905 года» отмечал большой рост партии в бурные месяцы революции: «Сотни революционных социал-демократов „внезапно“ выросли в тысячи, тысячи стали вождями от двух до трех миллионов пролетариев».²

Собравшийся в мае 1907 г. в Лондоне V съезд партии по принципиальным политическим вопросам — об отношении к буржуазным партиям, о рабочем съезде, о профсоюзах — принял большевистские решения, что означало крупную победу большевиков в рабочем движении.

В конце работы V съезда на собрании большевиков был избран Большевистский центр, возглавленный В. И. Лениным. Большевики развернули разъяснительную работу о решениях V съезда партии. В. И. Ленин, по возвращении в Россию, в начале июня 1907 г. в Териоках выступает с речью о V съезде партии перед петербургскими рабочими, пишет статью «Отношение к буржуазным партиям», разъясняя большевистские решения съезда по этому вопросу, разоблачая оппортунистическую линию меньшевиков.

2-я Государственная Дума не оправдала ожиданий, возлагавшихся на нее партией. Думу было решено разогнать. С помощью провокаторов Департамент

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 12, стр. 360.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 23, стр. 320.

ВОЛНА

С.-Петербург, Среда, 26 апреля 1906 г.

Выходит ежедневно, кроме дней праздников.

№ 1

Монитор и редакция: Летний проезд, д. 60, кв. 12

№ 1

Листы 1

Цена подписки № 2 год

Выходит один раз в день—с 9 ч. утра до 12 ч. дня. В субботу и в праздники не выходит. Цена подписки № 2 год—1 руб. 50 коп. Цена за отдельный лист—10 коп. Цена за отдельный лист—10 коп. Цена за отдельный лист—10 коп.

Год издается 1-й

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ

№ 1

№ 1

№ 1

№ 1

№ 1

№ 1

№ 1

№ 1

ВПЕРЕДЬ

Выходит ежедневно, кроме дней праздников.

№ 1

С.-Петербург, Пятница, 26-го мая 1906 г.

Цена № 3 коп.

КАЖДАЯ НЕДЕЛЯ

№ 1

№ 1

№ 1

№ 1

№ 1

№ 1

№ 1

№ 1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Иль Горюхи сообщает, что русские армиями

Год издается 1-й

Цена 3 коп.

НОВЫЙ ДУЧЪ

ежедневная политическая и литературная газета.

МОНИТОР и РЕДАКЦИЯ помещаются по адресу: Летний проезд, д. 60, кв. 12.

Год 1-й издается

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Цена № 3 коп.

ЭХО

Выходит в пятницу вечером. Пятничная к. № 1. № 2. Выходит в субботу. Выходит в воскресенье.

СЛУЖИ ОБЪ ОТСТАВКЪ МИНИСТЕРСТВА ГОРЕВЫХЪ. Брожение въ арміи. — Погромъ въ свободѣ Алексѣевнѣ.

СЛУЖИ ОБЪ ОТСТАВКЪ МИНИСТЕРСТВА ГОРЕВЫХЪ. Брожение въ арміи. — Погромъ въ свободѣ Алексѣевнѣ.

СЛУЖИ ОБЪ ОТСТАВКЪ МИНИСТЕРСТВА ГОРЕВЫХЪ. Брожение въ арміи. — Погромъ въ свободѣ Алексѣевнѣ.

Выходит в пятницу, 26-го марта

№ 1

НАШЕ ЭХО

ежедневная политическая и литературная газета.

Монитор и редакция помещаются по адресу: Летний проезд, д. 60, кв. 12.

Открыта подписка на ежедневную политическую и литературную газету „НАШЕ ЭХО“.

Подписка в дом

Выходит в пятницу, 26-го марта. Выходит в субботу. Выходит в воскресенье.

СЛУЖИ ОБЪ ОТСТАВКЪ МИНИСТЕРСТВА ГОРЕВЫХЪ. Брожение въ арміи. — Погромъ въ свободѣ Алексѣевнѣ.

СЛУЖИ ОБЪ ОТСТАВКЪ МИНИСТЕРСТВА ГОРЕВЫХЪ. Брожение въ арміи. — Погромъ въ свободѣ Алексѣевнѣ.

СЛУЖИ ОБЪ ОТСТАВКЪ МИНИСТЕРСТВА ГОРЕВЫХЪ. Брожение въ арміи. — Погромъ въ свободѣ Алексѣевнѣ.

полиции установил наличие связей у социал-демократической фракции с Петербургской военной организацией, охранное отделение превратило все это в целый «заговор» против самодержавного государства. Столыпин потребовал от Думы выдачи социал-демократической фракции для предания суду. Дума решила вопрос передать в комиссию для ознакомления с материалами. В ночь на 3 июня была арестована социал-демократическая фракция. 3 июня указом Николая II 2-я Дума была распущена, одновременно был опубликован новый избирательный закон для выборов в 3-ю Государственную Думу. Все эти акты были актами произвола и грубейшего нарушения основных законов. Государственным переворотом 3 июня 1907 г. контрреволюция закрепила свою победу. Первая русская буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. закончилась.

* * *

Революционная борьба петербургского пролетариата в революции 1905—1907 гг. является важнейшей составной частью героической борьбы всего русского пролетариата против царизма и буржуазии. В этой борьбе петербургские рабочие проявили исключительную революционную энергию, организованность, явившись одним из передовых отрядов русского рабочего класса. В работе «О статистике стачек в России» В. И. Ленин отмечает, что в Петербургском промышленном районе в 1905 г. каждый рабочий бастовал в среднем почти по четыре раза.¹ В стачечной борьбе петербургских рабочих ярко проявилось огромное значение массовой политической стачки.

Политические стачки в Петербурге в период подъема революции — в январе, октябре, ноябре, декабре 1905 г., как и политические стачки периода отступления революции — в январе, мае, июле 1906 г., январе, мае 1907 г., явились школой политического воспитания масс, средством мобилизации и организации сил рабочего класса.

Даже официальная статистика стачек Министерства торговли и промышленности дает яркую картину гигантской стачечной борьбы, развернутой петербургскими пролетариями. Приводимые в таблице (стр. 405) данные относятся ко всей Петербургской губернии и разбиты по группам производств.

Количество стачек и стачечников в Петербургской губернии в 1905—1907 гг. говорит об огромном вкладе петербургских рабочих в дело борьбы русского пролетариата против царизма и буржуазии.

Число стачечников по всей России составляло для 1905 г. 2863 тыс., для 1906 г. — 1108 тыс., для 1907 г. — 740 тыс.; по Петербургской губернии число стачечников в 1905 г. составляло 627 тыс., в 1906 г. — 180 тыс., в 1907 г. — 279 тыс.

Высокий уровень стачечной борьбы в Петербурге характерен не только для 1905 г., периода подъема революции; и в 1906—1907 гг., в период спада революции, этот уровень был относительно очень высоким.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 367.

ЧИСЛО СТАЧЕК И ЧИСЛО БАСТОВАВШИХ РАБОЧИХ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ¹

Годы	Текстиль- ная группа	Писче- бумажная и типо- графская группа	Деревя- нообделоч- ная группа	Обработка металлов и машино- строение	Обработка минераль- ных веществ	Обработка животных продуктов	Производ- ство пита- тельных веществ	Химиче- ские производ- ства	Итого
1905	305	417	190	625	52	58	149	65	1861
	177 241	53 622	16 478	280 692	4686	26 792	51 473	16 772	627 756
1906	114	177	71	214	37	41	85	54	793
	51 844	17 609	5660	61 835	2586	12 642	16 081	11 892	180 429
1907	177	201	105	342	30	40	84	46	1023
	104 909	24 729	8255	92 943	2978	16 605	20 053	9409	279 881

Примечание. В числителе приводится количество стачек, в знаменателе — стачечников.

Ведущую роль в стачках петербургских рабочих в 1905—1907 гг. играли рабочие-металлисты, потомственные пролетарии, тесно связанные с революционной социал-демократией. В 1905 г. число бастующих металлистов в Петербурге составляло 280 тыс., в 1906 г. — 61 тыс., в 1907 г. — 92 тыс. Металлисты шли в авангарде стачечного движения, поднимая остальную массу.

О степени напряженности стачечной борьбы петербургских металлистов в 1905 г., о колоссальной энергии, проявленной ими в стачечной борьбе, ярко свидетельствуют примеры передовых крупных заводов.

Путиловский завод в течение 1905 г. бастовал восемь раз, все стачки проходили организованно, при участии рабочих всего завода, общая продолжительность стачек составила за год 63 дня; летом 1905 г. путиловцы подверглись локату, в декабре завод был закрыт, а рабочие рассчитаны.

На Невском судостроительном и механическом заводе рабочие провели в 1905 г. 6 стачек, с общей продолжительностью 110 дней, в стачках участвовала вся масса рабочих.²

На Петербургском металлургическом заводе на Выборгской стороне в 1905 г. было 8 общезаводских забастовок и 7 забастовок частично по отдельным мастерским; общая продолжительность всех забастовок за год — 102 дня.³

В течение 1905 г. каждый рабочий-металлист Петербурга в среднем бастовал 46½ дней.

Рядом с металлистами по размаху стачечной борьбы стоит петербургские текстильщики. В 1905 г. число бастующих текстильщиков составляло 177 тыс.,

¹ Таблица составлена по официальным далеко не полным данным. В. Е. В а р з а р.

1) Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 г. СПб., 1908, приложения, стр. 2; 2) Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906—1908 гг. СПб., 1910, приложения, стр. 2, 78.

² В. Е. В а р з а р. Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 г., стр. 28—29.

³ ГИАЛО, ф. 1357 (Петербургский металл. з-д), 1907 г., д. 523, л. 2.

в 1906 г. — 51 тыс., в 1907 г. петербургские текстильщики дали 104 тыс. стачечников.

Рабочие крупнейших петербургских текстильных фабрик активно участвовали в политических и экономических стачках. Так, Александро-Невская мануфактура Паля бастовала в 1905 г. 9 раз, всем составом рабочих, общая продолжительность забастовок 45 рабочих дней; на Петровской и Спасской мануфактурах в 1905 г. было 12 забастовок с участием всех рабочих, с общей продолжительностью 35½ рабочих дней; в марте — апреле мануфактуры были закрыты.¹ В среднем каждый петербургский текстильщик бастовал в 1905 г. 34 дня.

Значительным стачечное движение было среди рабочих петербургских типографий и бумажных фабрик; в 1905 г. число бастовавших печатников составляло 53 тыс., в 1906 г. — 17 тыс., в 1907 г. — 24 тыс.

Стачечная борьба петербургских рабочих в годы революции имела непосредственные результаты в области улучшения экономического положения рабочих: в ряде производств был сокращен рабочий день, повышена заработная плата и сделаны другие экономические уступки, однако большинство этих завоеваний было отнято с торжеством реакции.

В годы первой русской революции петербургские рабочие, как и рабочие всей России, испытали на себе огромное воспитывающее действие революционных митингов, собраний, уличных демонстраций. Эти формы борьбы и революционного воспитания получили широкое применение в период подъема революции. Рабочие революционным, явочным порядком устанавливали политические свободы: свободу слова, собраний. В период отступления революции эти завоеванные «свободы» суживаются и совсем утрачиваются с поражением революции.

В годы первой русской революции с необычайной силой проявилась у петербургских рабочих, как и у рабочих всей России, тяга к организации. Передовые петербургские рабочие идут в ряды большевистской партии, вступают в боевые дружины, на фабриках и заводах растут кружки, руководимые партийными организациями, появляются заводские комитеты, уполномоченные с самыми разнообразными функциями, развивается профессиональное движение. Результатом революционного творчества рабочих масс явился Совет рабочих депутатов — массовая боевая организация, возникшая в период высшего подъема революции. Петербургский совет рабочих депутатов, тесно связанный с рабочей массой, вписал много ярких страниц в историю первой русской революции. Возникшие в результате творческой революционной инициативы рабочих масс в обстановке всероссийской октябрьской политической стачки — Советы рабочих депутатов явились величайшим историческим завоеванием рабочего класса России. Советы

¹ ГИАЛО, ф. 1129 (Фабричная инспекция Петербургской губернии), оп. 2, 1905 г., д. 1, ч. 1, лл. 1—3.

рабочих депутатов 1905 г. явились прообразом Советской власти, установившейся в нашей стране в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Петербургский пролетариат сыграл выдающуюся роль в революционной борьбе в годы первой русской революции. Среди петербургских рабочих в 1905—1907 гг. находился В. И. Ленин, руководя отсюда работой большевистской партии и героической борьбой рабочего класса России.

Первая буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. закончилась поражением. Одной из коренных причин поражения революции явилось отсутствие прочного союза рабочих и крестьян в борьбе против царизма.

Политическая несознательность значительной части крестьянства отразилась на поведении армии, состоявшей в своем большинстве из крестьян.

Первая русская буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. имела исключительно большое значение для дальнейшей революционной борьбы российского пролетариата и всего международного рабочего движения. Она вооружила русский рабочий класс и крестьянство огромным политическим и организационным опытом, который помогал им в дальнейшей революционной борьбе. В. И. Ленин после свержения самодержавия в марте 1917 г. в первом из знаменитых «Писем из далека» писал: «Без трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 годов была бы невозможна столь быстрая, в смысле завершения ее *начального этапа* в несколько дней, вторая революция. Первая (1905 г.) глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг другу и всему миру *все* классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей».¹

За годы первой русской революции рабочие и крестьяне прошли такую богатую школу политического воспитания, какую они не могли пройти в течение десятков лет в условиях обычного мирного развития.

Весь ход первой русской революции подтвердил правильность и жизнеспособность стратегии и тактики большевиков в демократической революции. Большевики, руководимые великим Лениным, оказались единственной подлинно революционной, марксистской партией в стране.

В годы революции колоссально возросли связи большевистской партии с массами. В огне революционных боев большевистская партия укрепила и расширила свое влияние на широчайшие слои народа.

Под руководством большевистской партии российский пролетариат обогатил революционное движение своей страны и всего мира новыми формами борьбы

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 23, стр. 291—292.

и организации, огромным политическим и организационным опытом. Впервые в рабочем движении были применены такие формы борьбы, как всеобщая политическая стачка, сочетание массовых политических стачек с вооруженным восстанием, впервые в истории возникли такие боевые массовые организации рабочего класса, как Советы рабочих депутатов.

Накопленный рабочим классом России и его авангардом — партией большевиков — опыт революционной борьбы сыграл неоценимую роль в победе рабочего класса и крестьянства над царизмом в феврале 1917 г. и в победе пролетариата и беднейшего крестьянства в Великой Октябрьской социалистической революции.

В. И. Ленин в работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» отмечает огромное историческое значение первой русской революции: «Без „генеральной реветиции“ 1905 года победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна».¹

Первая русская революция 1905—1907 гг. имела огромное международное значение. Она со всей очевидностью показала, что перемещение центра мирового революционного движения из Западной Европы в Россию, наметившееся в конце XIX в., совершилось в ходе русской революции 1905—1907 гг., а российский пролетариат стал авангардом международного рабочего движения. Одновременно с этим историческим процессом шло перемещение центра реакции с Востока на Запад. Самыми опасными врагами рабочего движения на Западе и национально-освободительного движения на Востоке выступают, наряду с царизмом, реакционные империалистические круги Западной Европы и Соединенных Штатов Америки.

Революционная борьба российского пролетариата под руководством большевистской партии, вооруженной революционной марксистско-ленинской теорией, по своему значению далеко выходила за пределы России.

Первая русская революция являлась первым мощным штурмом царского самодержавия и в то же время первым серьезным ударом пролетариата по мировому империализму.

Это обстоятельство определило враждебное отношение к революции в России, западноевропейских империалистических государств и всей мировой реакции, выступивших, несмотря на взаимные противоречия, единым фронтом против русской революции в защиту самодержавно-помещичьего строя в России.

Революция 1905—1907 гг. в России способствовала обострению классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией во всем мире, вызвав мощное революционное движение в странах Западной Европы и Азии.

«Русская революция, — говорил В. И. Ленин в «Докладе о революции 1905 года», — вызвала движение во всей Азии. Революции в Турции, Персии, Китае доказывают, что могучее восстание 1905 года оставило глубокие следы и что его

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 11.

влияние, обнаруживающееся в поступательном движении *сотен и сотен* миллионов людей, неискоренимо».¹

Международное значение первой русской революции не ограничивается одним ее непосредственным влиянием на развитие революционного движения во всем мире.

Революционный опыт российского пролетариата и его авангарда — большевистской партии, накопленный за годы первой русской революции, обобщенный в гениальных трудах В. И. Ленина, идейно вооружил международное рабочее движение. В. И. Ленин в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» отмечал, что «большевизм *годится как образец тактики для всех*».²

Революционный опыт российского пролетариата по проведению в 1905 г. массовых политических стачек, подводящих массы вплотную к вооруженному восстанию, организация и проведение вооруженных восстаний, рождение невиданной раньше в мировой истории массовой боевой организации, как Советы рабочих депутатов, — все эти достижения революционной эпохи имели всемирно-историческое значение.

В. И. Ленин в 1920 г., писал: «Первый раз во всемирной истории была достигнута такая высота развития и такая сила революционной борьбы, что вооруженное восстание выступило в соединении с массовой стачкой, этим специфически пролетарским оружием. Ясно, что этот опыт имеет мировое значение для *всех* пролетарских революций».³

В годы первой русской революции 1905—1907 гг. рабочий класс России показал рабочим Западной Европы и Америки, народам Востока пример самоотверженной, героической революционной борьбы за свободу, демократию и социализм.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 23, стр. 244.

² Там же, т. 28, стр. 270.

³ Там же, т. 31, стр. 315.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГОДЫ РЕАКЦИИ В ПЕТЕРБУРГЕ

Револуция 1905—1907 гг. потрясла до основания все здание Российской империи. Под натиском революционной борьбы рабочих и крестьянских масс в 1905 г. царское правительство вынуждено было обещать народу «незыблемые основы гражданской свободы» и созыв законодательной Государственной Думы. Однако когда после поражения вооруженного восстания в Москве в декабре 1905 г. революционная волна пошла на убыль, царизм перешел в наступление. «Поворот в развитии борьбы начинается с поражения декабрьского восстания. Контрреволюция шаг за шагом переходит в наступление по мере ослабления массовой борьбы». ¹ Летом 1906 г. была распущена 1-я Государственная Дума, а затем 3 июня 1907 г. и 2-я Государственная Дума. Одновременно с роспуском 2-й Думы был опубликован новый избирательный закон, до крайности ограничивавший избирательные права трудящихся масс России и обеспечивавший в Думе резкое преобладание депутатов из дворян-помещиков и крупной буржуазии.

Третьеиюньским государственным переворотом определилась временная победа сил контрреволюции. С этого момента царское правительство почувствовало себя достаточно сильным и открыто встало на путь самой жесточайшей реакции. Наступившая после 3 июня 1907 г. историческая полоса получила в истории наименование столыпинской реакции — по имени главы правительства П. А. Столыпина.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 13, стр. 99.

Вдохновителями разгона 2-й Думы, третьеновского переворота и других реакционных мероприятий правительства Столыпина были крепостники-помещики, составлявшие основную опору царизма. Напуганные революционными событиями 1905—1906 гг., грозившими им потерей земельных владений и политической власти, помещики в мае 1906 г. создали общеперскую организацию «Объединенное дворянство», которая имела целью выработку и проведение в жизнь решительных мероприятий для разгрома сил революции. Начиная с 1906 г., в Петербурге ежегодно (в 1906 г. — даже дважды: в мае и ноябре) созывались съезды уполномоченных губернских дворянских собраний, ставившие перед собой чрезвычайно широкие задачи. В первом параграфе устава съездов говорилось, что они «имеют целью объединить дворянские общества, сплотить дворянство в одно целое для обсуждения и проведения в жизнь вопросов интереса общегосударственного, а равно и сословного».¹ В перерывах между съездами действовал Совет объединенного дворянства, избравшийся на 3 года. Председателем Совета на всем протяжении его существования был крупный землевладелец, ярый монархист и реакционер граф А. А. Бобринский, бывший в то время депутатом 3-й Думы и предводителем дворянства Петербургской губернии.

«Объединенное дворянство» фактически направляло политику правительства. Его требования, решительно сформулированные уже на первых съездах и направленные на беспощадную расправу с революционным движением (введение военного положения, «скорорешительных» судов и пр.), на уничтожение «конституционных уступок» (роспуск Думы, коренное изменение избирательного закона), на сохранение в нетронутom виде помещичьего землевладения и неограниченной власти царя и пр., стали программой действий правительства на ряд лет.

Таким образом, рядом с Думой и в противовес ей образовался в лице дворянских съездов неофициальный черносотенный парламент, пользовавшийся покровительством правительства и самого Николая II и гораздо более влиятельный, нежели «законодательная» Дума. Думу дворянские съезды просто не признавали, считая ее главным источником «крамольных» идей. «Дума есть революционный аппарат, в ней заседает 500 Пугачевых, — говорил о первой Думе один из депутатов на I съезде, — ...я, пока жив, ее законам не подчинюсь».²

Некоторые из депутатов, напуганные подъемом в 1906 г. крестьянского движения и солдатскими бунтами, выступали еще более решительно. Один из них заявлял: «Если мы хотим победы, то надо торопиться, пока вся страна и войско не революционизировано, надо немедленно распустить думу, новой не собирать, создать аграрный закон для крестьян... и ввести военное положение; словом, взять всю власть в свои руки».³

¹ Труды III съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1907, приложение III, стр. 332.

² Труды I съезда уполномоченных дворянских обществ 29 губерний. СПб., 1906, стр. 7.

³ Там же, стр. 79.

Махровых реакционеров-черносотенцев пугали не только относительно левые по своему составу 1-я и 2-я Думы с кадетским большинством и с сильными фракциями трудовиков и социал-демократов, но даже и черносотенная 3-я Дума. Граф А. А. Бобринский на VI съезде дворянских уполномоченных (март 1910 г.) сделал даже специальный доклад о современной Государственной Думе, в котором, приводя громадное количество выписок из стенографических отчетов 3-й Думы (в основном из выступлений представителей социал-демократической фракции), пытался доказать, что она якобы является чем-то вроде революционного парламента, подрывающего все основные устои русского государства.¹

Особенное негодование дворянских депутатов вызвало раздававшееся с трибуны Думы требование принудительного отчуждения помещичьих земель. Одним из важнейших мероприятий I съезда была разработка проекта «разрешения» аграрного вопроса. В качестве средства для ликвидации крестьянского малоземелья предлагалось перейти от общинного владения землей к подворному, уничтожить внутринадельную чересполосицу, расселить крупные деревни, способствовать устройству на отрубных участках хуторов² и т. п. Этот проект своим острием был направлен против принудительного отчуждения помещичьих земель и в то же время, по мысли его авторов, должен был создать в деревне в лице кулачества, которому предоставлялось право широкого грабежа общинных земель, новую социальную опору для царизма и помещиков в борьбе против революционного движения крестьянства. «...сознание невозможности „мира“ с крестьянством, — писал по этому поводу В. И. Ленин, — и вызвало перемену политики „совета объединенных крепостников“. Совет решил во что бы то ни стало попытаться расколоть крестьянство и создать из него слой „новых помещиков“, зажиточных крестьян-собственников, которые бы „не за страх, а за совесть“ защищали от массы спокойствие и неприкосновенность помещичьих огромных имений...».³

Аграрная политика правительства Столыпина (в частности знаменитый столыпинский указ 9 ноября 1906 г.) явилась прямым результатом осуществления дворянских требований. «Столыпин, исполняя в точности веления совета объединенного дворянства, решил, по его собственному выражению, „поставить ставку на сильных“».⁴ Об этом неоднократно с удовлетворением заявляли на съездах и сами представители объединенного дворянства. Так, князь Н. Б. Щербатов заявил на IV съезде (март 1908 г.): «Если мы вспомним труды 1-го съезда во время 1-ой Государственной думы, когда обсуждался вопрос аграрный, и сравним с тем,

¹ Труды VI съезда уполномоченных дворянских обществ 33 губерний. СПб., 1910, стр. 186—256.

² Труды I съезда уполномоченных дворянских обществ 29 губерний, стр. 155.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 157.

⁴ Там же, стр. 154.

что сделано затем правительством, то мы найдем поразительное сходство между тогдашними нашими пожеланиями и проектами последнего.¹

Источник могущества и влияния крепостнических «зубров» (так часто с гордостью именовали себя крупные дворяне) заключался в наличии у них крупных земельных владений и связей с придворной камарильей, которая, по словам Ленина, при самодержавном или полусамодержавном режиме всегда является вторым, закулисным правительством. Эта развращенная, вырождающаяся общественная группа свила себе прочное гнездо при дворе последнего российского императора Николая II и оказывала громадное влияние на все направление политики царского самодержавия. В. И. Ленин указывает, что эти допотопные хищники, «масто-доты и ихтиозавры» обыкновенно прилагают все усилия, чтобы, «пользуясь своим придворным всемогуществом, захватить в свое полное и безраздельное владение и официальное правительство — кабинет министров. Обыкновенно в значительной своей части кабинет и состоит из их ставленников».² Поскольку же сохранение помещичьего хозяйства, дворянских привилегий и самодержавно-дворянского строя — вопрос жизни и смерти для придворной камарильи, то она, естественно, опирается на самые реакционные слои общества, на черносотенное дворянство, требования которого являются и ее собственными требованиями.

Не случайно поэтому Петербург явился главной ареной деятельности черносотенной организации объединенного дворянства. Здесь был царь с его двором, здесь были правительственные учреждения. Отсюда было легче всего направлять реакционную политику царского правительства.

Столыпинское аграрное законодательство, продиктованное Советом объединенного дворянства, ставило своей целью спасти дворянское землевладение и самодержавно-дворянский строй от угрозы новой революции. Оставляя в неприкосновенности помещичье землевладение, оно отдавало «на поток и разграбление» кулаков крестьянские общинные земли. Это был шаг, направленный на обеспечение развития капитализма по так называемому прусскому пути. Вскрывая классовую сущность аграрной политики царизма, В. И. Ленин указывал, что это — «второй крупный шаг массового насилия над крестьянством в интересах капитализма. Это — вторая помещичья „чистка земель“ для капитализма».³ Попытки самодержавия заигрывать с кулачеством В. И. Ленин называл аграрным бонапартизмом.

Столыпинская «реформа», призванная спасти полукрепостническое помещичье землевладение, успеха не имела. Несмотря на насилие, самодержавию не удалось насадить повсеместно хутора и отруба. Не дала результатов и попытка массового переселения крестьянства на Восток. Аграрные мероприятия правительства черносотенного дворянства привели к еще большему обострению классовых

¹ Труды IV съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909, стр. 21.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 13, стр. 107.

³ Там же, стр. 251.

противоречий в деревне и сделали неизбежным повторение 1905 г. на более высокой ступени капиталистического развития России.

Черносотенное объединенное дворянство диктовало и другие важнейшие контрреволюционные мероприятия царизма. На II съезде уполномоченных дворянских обществ (ноябрь 1906 г.) центральное место занял вопрос об изменении избирательного закона по выборам в Думу. Учитывая, однако, близость выборов во 2-ю Думу и возможность нового подъема революции, дворяне согласны были из тактических соображений несколько повременить с осуществлением этого контрреволюционного акта. Один из участников съезда заявил тогда: «Едва ли наш проект об изменении существующего закона перед высшим правительством может быть уважен теперь, до созыва думы, в виду его близости, — но допускаю, если дума явится такой же неудовлетворительной, какой была первая. . . то тогда правительство, имея уже в руках такое сильное ходатайство, как уполномоченных от 30 губерний, не может с ним не считаться и не выработать изменение в законе, чтобы в Государственной думе заседали дворяне, истинно преданные царю и родине, облеченные доверием своих дворянских обществ».¹

В сущности дворянский съезд предрекал еще до созыва Думы необходимость ее роспуска и принципы выборов в 3-ю Государственную Думу. Дворянский «парламент» был непосредственным вдохновителем третьеновского государственного переворота и всех сколько-нибудь существенных вопросов дальнейшего контрреволюционного законодательства правительства Столыпина.

Широко развернули свою деятельность в Петербурге и вне его и другие черносотенные организации. Крупнейшей из них, прославившейся изуверскими погромами, убийствами и избиениями передовых рабочих и интеллигенции, был «Союз русского народа», руководимый яркими реакционерами-черносотенцами А. И. Дубровиным и В. М. Пуришкевичем и издававший свой орган «Русское знамя». Почетным членом «Союза русского народа» был сам Николай II. «Союз» пользовался неизменным покровительством и поддержкой со стороны Совета объединенного дворянства. Он создавал свои банды погромщиков главным образом за счет деклассированных элементов и монархически настроенного мещанства, но вербовал сторонников и в среде отсталых слоев рабочих, а также среди мастеров, инженеров и заводской администрации. Отделы этого черносотенного «Союза» были созданы почти на всех крупных предприятиях Петербурга. Черносотенцы стремились дезорганизовать рабочих, натравить отсталых и несознательных на передовую и революционную массу пролетариата. Организация черных сотен на фабриках и заводах Петербурга началась еще с 1905 г. Черные сотни использовались для срыва забастовок, в качестве провокаторов и т. д.

Однако попытки черносотенцев внести раскол и деморализацию в среду рабочих сорвались. Сознательные рабочие вели решительную борьбу с изменниками,

¹ Труды II съезда уполномоченных дворянских обществ 31 губернии. СПб., 1907, стр. 54.

отбирали у черносотенцев оружие, значки и зачастую добились изгнания их с заводов.

Программой реакции была беспощадная борьба с революцией и революционным движением, ликвидация всех завоеваний пролетариата и крестьянства и дальнейшее наступление на жизненный уровень трудящихся. В этой борьбе дворянство и царизм не были одинокими. Им не за страх, а за совесть помогала русская буржуазия. В результате поражения революции заметно усилилось значение буржуазии в общественно-политической жизни России.

Создание различного рода объединений предпринимателей в широком масштабе началось в России под влиянием революционных событий 1905 г. и прежде всего под влиянием невиданного доселе подъема рабочего движения. В большом числе возникают новые общеперские, областные и местные организации торгово-промышленной буржуазии, объединяющие представителей самых различных отраслей промышленности. Если к началу 1906 г. только третья часть русской промышленности имела свои общеперские организации, то к концу периода реакции все более или менее значительные отрасли промышленности и торговли создали такие объединения в виде многочисленных съездов и комитетов.¹ Наряду с отраслевыми организациями было создано всероссийское их объединение — Совет съездов представителей промышленности и торговли.

Однако деятельность буржуазных представительных организаций находилась под постоянным надзором правительственных чиновников и ограничивалась пре-

под постоянным надзором правительственных чиновников и ограничивалась пре-

Лидер партии «Союз русского народа». Карикатура. 1906 г.

¹ Е. С. Лурье. Организация и организации торгово-промышленных интересов в России. СПб., 1913, стр. 105.

имущественно ходатайствами о «местных пользах и нуждах» или узко отраслевыми интересами. До общегосударственных, общеполитических вопросов эти «купецкие» организации не поднимаются. «Узостью отличаются вопросы, поднимаемые купцами, ибо они касаются *только* купцов. До *общеполитических* вопросов капиталисты не поднимаются. „Допущение представителей промышленности и торговли“ в те или иные местные или центральные учреждения — вот предел „смелости“ их ходатайств. О том, как *вообще* должны быть организованы эти учреждения, они *не умеют* думать. Они берут сложившиеся по чужой указке учреждения и в них кличут местечка. Они становятся рабски на государственную почву, не их классом созданную, и на этой почве „ходатайствуют“ об интересах *своего* сословия, *своей* группы, *своего* слоя, не поднимаясь даже и тут до широкого понимания интересов *всего класса*». ¹ Иначе и не могло быть в стране, где «⁹⁹/₁₀₀ политической власти» находилось «в руках абсолютизма и помещиков». ²

Однако если буржуазия, прочно связанная с самодержавием, не проявляла особой решительности в борьбе за расширение своих политических прав, то она проявляла чрезвычайную активность в борьбе против рабочего класса. Буржуазия, даже и либеральная, «во сто раз больше» боялась революции, нежели реакции, ³ и, предоставляя право столыпинским и пуришкевичам командовать над буржуазной страной, она повела вместе с черносотенцами бешеное наступление на рабочий класс.

Именно в связи с подъемом революционного рабочего движения в 1905—1906 гг. начинают в России создаваться так называемые «союзы работодателей», т. е. организации предпринимателей (не только отраслевые, но и объединяющие предпринимателей разных отраслей), которые имели своей главной, а часто почти исключительной целью борьбу против рабочего класса. Эти организации явились ответом контрреволюционной буржуазии на революционные выступления пролетариата. Один из предпринимателей, отвечая на вопрос, какой союз следует организовать буржуазии, заявил: «...сама жизнь показала, какие именно организации возникают прочно и быстро — последние рабочие союзы с Советом рабочих депутатов во главе». ⁴

Среди указанных организаций следует отметить Петербургское общество заводчиков и фабрикантов, Общество заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района, Общество заводчиков и фабрикантов Центрального промышленного района, и т. д.

Наиболее влиятельным среди этих наступательных организаций буржуазии было Петербургское общество заводчиков и фабрикантов. Оно возникло в 1906 г.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 45.

² Там же, стр. 47.

³ Там же, т. 17, стр. 224.

⁴ Торгово-промышленная газета, 1906, № 17.

как объединение предпринимателей разных отраслей промышленности в пределах города и сразу же развило энергичную деятельность.¹ В 1906 г. состоялось свыше 200 заседаний этого общества, на которых обсуждались вопросы о выработке общей тактики во время стачек, о сокращении рабочего дня, об объединении усилий предпринимателей с целью противодействия введению 8-часового рабочего дня² и т. д.

Управление обществом возлагалось на Совет и общее собрание членов. Для защиты интересов предпринимателей отдельных отраслей при обществе были созданы отделы. Каждый член общества в случае забастовки на его фабрике должен был немедленно сообщить об этом в совет отдела, от которого он также имел право просить выдачи ему субсидии. В 1907 г. общество приняло решение о мерах в случае совершения рабочими насилий над администрацией. В таких случаях предложено было фабрики закрывать и всех рабочих рассчитывать без права поступления на работу в другое место вплоть до выявления зачинщиков. Одному из отделов (так называемой посреднической конторе) было поручено составить список надежных рабочих и вообще принять меры для поднятия дисциплины на фабриках и заводах Петербурга. Петербургское общество заводчиков и фабрикантов явилось крупной силой в борьбе против петербургского пролетариата, игравшего авангардную роль в рабочем движении России.

Помимо объединений такого типа, как Общество заводчиков и фабрикантов, буржуазия стремилась к созданию чисто политических организаций, которые могли бы защищать ее интересы.

Политической партией, наиболее близкой к крупной торгово-промышленной буржуазии, а отчасти к известным слоям помещиков, особенно тесно связанным с буржуазией, являлась партия октябристов — «Союз 17 октября». Крупная торгово-промышленная буржуазия, по словам В. И. Ленина, «так перепугалась пробуждения рабочих, а за ними и крестьян, к самостоятельной жизни, что целиком повернула к защите старых порядков».³ Партия октябристов была главной контрреволюционной партией помещиков и капиталистов. По всем коренным вопросам эта партия поддерживала правительство Столыпина и выступала вместе с черносотенцами. Внешним отличием ее от откровенных черносотенцев было то, что она свою контрреволюционную программу прикрывала словечком «конституция», столь ненавистным для крепостнических зубров. В. И. Ленин указывал, что октябристы являются такой же правительственной партией, как националисты, т. е. черносотенцы.⁴ В Петербурге среди господствующих классов эта партия поль-

¹ В 1905 г. такую деятельность вело возникшее еще в 1897 г. С.-Петербургское общество для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности, в дальнейшем слившееся с Обществом заводчиков и фабрикантов.

² Е. С. Л у р ь е, ук. соч., стр. 166.

³ В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 18, стр. 33.

⁴ Там же, стр. 34.

зовалась значительным весом. При выборах в 3-ю Думу по первой городской курии, объединявшей наиболее состоятельные круги столицы, октябристы завоевали все три места (В. К. фон-Анреп, Г. Г. Лерхе и С. П. Белиев). Из четырех депутатов, избранных в Думу от Петербургской губернии, три депутата (фон-Крузе и др.) принадлежали также к партии октябристов (четвертый депутат — большевик Н. Г. Полетаев — был проведен от социал-демократической партии силами петербургского пролетариата).¹

Большим влиянием среди либеральных помещиков, средней, а отчасти и крупной буржуазии и верхушки буржуазной интеллигенции пользовалась партия кадетов (конституционалистов-демократов) или, как они себя еще называли, «партия народной свободы». Эта партия, как и партия октябристов, организационно оформилась в 1905 г. Партия кадетов была главным политическим представителем русского либерализма. Имея в 1-й и 2-й Думах большинство или главенствующее положение, кадеты использовали его для торгов с царизмом в отношении дележа власти, выступив как предатели народной свободы. «Либерал боится движения масс, тормозит его и сознательно защищает известные, притом главнейшие, учреждения средневековья ради того, чтобы иметь опору против массы, в особенности против рабочих. Дележ власти с Пуришкевичами — отнюдь не уничтожение всех основ власти Пуришкевичей — вот к чему стремятся либералы». ² Самодержавие, убедившись в неспособности кадетов повести за собой крестьянство, отвернулось от них и разогнало «кадетские» Думы. После поражения революции кадеты, фарисейски продолжая свою игру в «оппозицию», фактически встали на путь поддержки третьешюньского «конституционного» режима. Если октябристы выступали как правительственная партия, то кадеты были дозволенной правительством оппозицией, которую терпели, поскольку она была нужна для введения общественного мнения в заблуждение в отношении истинной сути столыпинского режима. Пресмыкаясь перед царизмом и желая представить столыпинское правительство как «вполне конституционное», один из лидеров кадетской партии Милюков в 1909 г. в Лондоне публично заявил: «... до тех пор, пока в России существует законодательная палата представителей с правом контролировать бюджет, русская оппозиция останется оппозицией его величества, а не его величеству». В. И. Ленин назвал кадетов «специалистами и виртуозами игры в оппозицию» и оценивал их как партию «либерально-монархической буржуазии, которая народного движения боится гораздо больше, чем реакции». ³ «... кадеты, — писал Ленин, — те же октябристы, подмалеванные в розовый цвет для обмана простачков». ⁴

¹ Государственная Дума. Указатель к stenографическим отчетам (части I—III). Третий созыв, сессия I. 1907—1908 гг. СПб., 1908.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 34.

³ Там же.

⁴ Там же, т. 19, стр. 153.

В годы реакции полностью вскрылась контрреволюционная сущность кадетов. В этот период они возглавили идейный поход против революции. В 1909 г. видными представителями кадетской партии (Струве, Изгоев и др.) был выпущен сборник «Вехи», в котором кадетские публицисты оплевывали революцию и демократическое движение масс и проповедовали «смирение, идеалы христианского подвижничества, послушание». Они цинично призывали благословлять ту «власть, которая одна со своими штыками и тюрьмами ограждает нас от ярости народной».

В. И. Ленин заклеймил «Вехи» как энциклопедию либерального ренегатства, как «сплошной поток реакционных помоев, вылитых на демократию».¹

Центр кадетской партии, ее штаб находился в Петербурге. В числе лидеров партии и ее видных деятелей выступали петербуржцы: либеральный историк и публицист П. Н. Миллюков, бывший министр земледелия (в кабинете Витте) Н. Н. Кутлер, юрист В. Д. Набоков, бывший одним из основателей кадетской партии, и др. В Петербурге выходил центральный орган кадетской партии газета «Речь», редактировавшаяся одним из петербургских лидеров кадетов — И. В. Гессеном. О влиянии кадетов среди определенных кругов столичного населения свидетельствуют результаты выборов в 3-ю Думу. По второй городской курии все три места оказались за кадетами (П. Н. Миллюков, А. М. Колюбакин, Ф. И. Родичев). За кадетов голосовала значительная часть буржуазной интеллигенции, а также некоторые более отсталые элементы служащих и др.

Несмотря на то, что в годы реакции социальная структура власти в России оставалась прежней, основные черты старого режима, старого взаимоотношения сил устранены не были, тем не менее самодержавие было после революции не тем, чем прежде. Хотя власть и доходы попрежнему сохранялись за землевладельцами феодального типа, однако самодержавие, как указывает В. И. Ленин, вступило «в новую историческую полосу. Оно делает шаг по пути превращения в буржуазную монархию».²

Этот шаг заключался в новой аграрной политике и в организации контрреволюционного блока помещиков и буржуазии. В условиях буржуазного развития страны царское самодержавие, утратившее старую «патриархальную» опору, должно было встать на путь бонапартизма, на путь лавирования между различными классами. Помещики, напуганные пробуждением во время революции народных масс, стали искать себе новую опору в лице контрреволюционной буржуазии.

Сдвиг самодержавия в сторону бонапартизма не исчерпывался только областью аграрных отношений, а касался и общеполитических вопросов. Чрезвычайно яркое выражение это нашло в политике даризма по отношению к 3-й Государственной Думе.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 107, 112.

² Там же, стр. 178—179.

Созванная на основе избирательного закона от 3 июня 1907 г., 3-я Дума была по своему составу черносотенно-октябристской. Из общего числа 442 депутатов около трехсот принадлежало к помещикам и буржуазии, бюрократии и духовенству. «Избирательный закон 3 июня 1907 года, — писал В. И. Ленин, — „строил“ государственную систему управления — да и не одного только управления — на блоке крепостников-помещиков с верхушками буржуазии, причем первый социальный элемент сохранял в этом блоке гигантский перевес, а над обоими элементами стояла фактически неурезанная старая власть».¹

Наиболее сильную фракцию составляли в Думе правые (черносотенцы) — 171 депутат, за ними шли октябристы — 113, затем кадеты — 101. Трудовиков в Думе было 13, социал-демократов 18.

В 3-й Думе были возможны два большинства — черносотенно-октябристское и октябристско-кадетское. Самодержавие получило возможность лавировать между этими двумя контрреволюционными большинствами, опираясь попеременно то на одно, то на другое. Первое большинство было естественной опорой самодержавия и означало полное сохранение у власти старого, второе необходимо было царизму для сговора с буржуазией и для осуществления попыток двигаться вперед по пути буржуазного развития.

Новый шаг по превращению самодержавия в буржуазную монархию сопровождался в то же время диким разгулом реакции, усилением черносотенных погромов. Смертельно напуганный революцией 1905—1907 гг. царизм теперь жестоко мстил.

Начинается повсеместное увеличение рабочего дня, локауты, разгром профессиональных организаций, усиление штрафов, массовая безработица. Лучших представителей рабочего класса и крестьянства жандармы бросали в тюрьмы и казематы. Страна покрылась виселицами. Было казнено несколько тысяч революционеров.

Политическое и экономическое наступление контрреволюции дополнялось наступлением в области идеологии, что нашло свое выражение не только в кадетской клевете на революцию и рабочий класс, но и в появлении громадного количества низкопробных романов, повестей, стихов, имевших целью идейное и моральное растление молодежи. Широко начинает пропагандироваться в художественной литературе и в публицистике, а также с кафедр высших учебных заведений идеалистическая философия и религия. В буржуазно-дворянских кругах стало модным увлечение спиритизмом. Модной стала «критика» марксизма.

Отражением наступления контрреволюции на идеологическом фронте явились попытки ревизии теоретических основ марксизма — диалектического и исторического материализма, предпринятые частью партийных интеллигентов (Богданов, Базаров, Луначарский, примыкавшие в 1905 г. к большевикам, меньшевики

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 463.

Юшкевич, Валентинов и др.). Под видом «защиты», «усовершенствования» марксистской философии, под видом приведения ее якобы в соответствие с достижениями современной науки эти ревизионисты фактически стремились ликвидировать диалектический материализм и заменить его реакционной субъективно-идеалистической системой Маха и Авенариуса — так называемым «эмпириокритицизмом».

Перед марксистами встала ответственная задача разоблачить любые попытки лишить марксистскую партию ее теоретических основ. Эту задачу блестяще выполнил В. И. Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм», вышедшей в 1909 г. В. И. Ленин разбил наголову европейский и русский махизм и вместе с тем поднял марксистскую философию на новую ступень, обобщив важнейшие достижения науки конца XIX — начала XX в. «Ленину принадлежит та важнейшая заслуга, что он в это трудное для партии время отстоял и развил теоретические основы партии — диалектический и исторический материализм, являющийся теоретическим фундаментом коммунизма».¹

В обстановке разгула реакции только большевики-ленинцы сохранили верность принципам марксизма. Они твердо верили, что поскольку основные задачи буржуазно-демократической революции в России не решены, то неизбежна в ближайшем будущем новая революция. Политическая программа большевиков осталась прежней.

Однако тактику наступления, применявшуюся в период подъема революции, теперь необходимо было заменить новой тактикой — тактикой обороны. Последняя была всесторонне разработана В. И. Лениным и предполагала наряду с сохранением и всемерным укреплением нелегальной партийной организации — всемерное использование легальных возможностей для подготовки масс к новой революции. Огромное значение в условиях торжества контрреволюции приобретало

Обложка книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

¹ Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, 1953, стр. 13.

использование Государственной Думы, являвшейся единственной легальной всероссийской трибуной, с которой большевики могли распространять в массах революционные призывы. Позднее газета «Звезда» следующим образом оценивала значение думской трибуны для большевиков: «В эти мрачные годы реакции Дума была и есть наше главное орудие гласности. Во многих случаях она — единственная трибуна, с которой можно говорить о вопросах, изъятых из общественного обсуждения. Она — единственный уголок в России, где можно перед лицом всей страны подвергать критике произвол реакции».¹

Таким образом, после поражения революции большевики отступили организованно, держа курс на подготовку новой революции. «В мрачные годы столыпинской реакции, в условиях разгула царских репрессий и черносотенного террора партия большевиков укрепляла свои ряды, умело использовала легальные и нелегальные возможности для упрочения связей с массами».²

Осуществляя свою революционную линию, большевики должны были бороться против антимарксистских, оппортунистических течений, существовавших в партии, — против ликвидаторов и отзовистов.

Ликвидаторами называли значительную часть меньшевиков, которые в годы реакции отрекались от революционных лозунгов партии, от революции и призывали к ликвидации самой нелегальной революционной партии пролетариата. Прямой отход от революции означал и так называемый отзовизм (или его разновидность — ультиматизм) — течение, требовавшее отзыва рабочих депутатов из Государственной Думы и сосредоточения всей работы в нелегальных организациях партии. Это течение, составившееся из некоторой части большевиков, порвавших с марксистскими принципами, толкало партию на путь отрыва от масс, на путь превращения в сектантскую организацию. В. И. Ленин называл отзовистов, прикрывавших свое ликвидаторство «левыми» фразами, «ликвидаторами наизнанку».

Меньшевиков-ликвидаторов поддерживал Троцкий, который свой меньшевизм маскировал криками о внефракционности. Ленин клеймил Троцкого за его двурушничество, предательство и называл его присяжным адвокатом ликвидаторов и отзовистов.

В эти трудные годы реакции В. И. Ленин и сплотившиеся вокруг него большевики-ленинцы повели ожесточенную борьбу против многочисленных врагов партии и сумели отстоять программу и тактику большевиков. «Идейная марксистско-ленинская закалка, правильное понимание перспектив революции помогли основному ядру партии, сплоченному вокруг Ленина, отстоять партию и сохранить ее основные кадры».³

¹ Звезда, 1911, № 14.

² Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза, стр. 12.

³ Там же, стр. 13.

Одним из важнейших центров борьбы за партию рабочего класса, за большевистскую партийность являлся Петербург. Петербургские большевики, руководимые и вдохновляемые В. И. Лениным, самоотверженно боролись за укрепление партийных рядов, за укрепление связей с рабочими массами, за скорейшее наступление нового революционного подъема. Великий Ленин, большевики-ленинцы воспитывали рабочих Петербурга в духе самоотверженной борьбы с паризмом, помещиками и капиталистами, в духе сплочения вокруг большевиков. Славная революционная школа, которую прошел петербургский пролетариат в годы реакции под руководством большевистской партии во главе с В. И. Лениным, обеспечила ему авангардную роль в годы подъема рабочего движения в России.

* * *

В период первой русской революции (1905—1907) В. И. Ленин возглавлял непосредственно революционную деятельность петербургского пролетариата и его большевистской организации.

В связи с усилением реакционного террора В. И. Ленин в 1906—1907 гг. жил преимущественно в Финляндии (в Териоках), откуда часто приезжал в столицу.

В. И. Ленин эмигрирует из России лишь в декабре 1907 г. Но и находясь в эмиграции, он никогда не порывал связей с Петербургом, он неустанно руководил борьбой петербургского пролетариата и его большевистской организации.

В период реакции партия в целом переживала тяжелый идейно-политический и организационный кризис. Раскольнические действия меньшевиков-ликвидаторов, троцкистов и отзовистов наряду с дикими преследованиями и разгромами со стороны царского правительства поставили местные партийные организации в очень тяжелое положение.

Меньшевистские организации в Петербурге были фракционно обособлены и представляли собой небольшие разрозненные группы, сравнительно изолированные от рабочих. Отзовисты-ультиматисты, уже с 1908 г. вставшие на путь фракционной борьбы с партией, своими раскольническими действиями приносили громадный вред большевистским организациям Петербурга. Широко пользуясь методами демагогии и обмана, они иногда увлекали за собой некоторые менее сознательные слои рабочих и тем самым вносили серьезную дезорганизацию в работу.

Известно, что В. И. Ленин, несмотря на формальное объединение с меньшевиками, самым решительным образом предостерегал против «спутывания двух частей партии».

Петербургские большевики, находясь с меньшевиками формально в рамках единой партии, никогда раньше и особенно в годы реакции не сливались с ними, фактически представляя собой самостоятельную партийную организацию, подчинявшуюся Большевистскому центру.

Поворот меньшевиков-ликвидаторов к явному ренегатству, а с другой стороны, усилившиеся репрессии повелительно требовали от передовых рабочих объединения своих усилий в борьбе за сохранение и укрепление нелегальной партийной организации. Петербургский комитет в 1909 г., следуя указаниям В. И. Ленина, проводит работу за единство «снизу» действительных сторонников нелегальной партийной организации, против ликвидаторских «верхов».

В листовке Петербургского комитета, изданной в середине 1909 г., говорилось: «Петербургский комитет предлагает всем товарищам, кому дороги интересы партии, войти в ряды единой Петербургской организации и порвать с организацией — меньшевистским центром, как руководящей и самостоятельной организацией, ибо деятельность этой организации шла вразрез как с принципиальной, так и с тактической частями программы нашей партии».¹

Лозунг единой организации был направлен против меньшевистского центра и имел целью отвоювать из-под влияния меньшевиков часть рабочих. Это единство отчасти удалось осуществить. В конце 1909 г. в ряде районов Петербурга установилось боевое единство рабочих большевиков и меньшевикопартийцев (плекхановцев) в борьбе за партию, против ликвидаторов и отзовистов.

Правительственный террор в Петербурге со всей силой обрушился на партию рабочего класса. По неполным данным, за период с июня 1907 по ноябрь 1910 г. Петербургский комитет ликвидировался полицией десять раз. После крупного провала в ноябре 1910 г. Петербургский комитет временно прекратил свою деятельность и был восстановлен только осенью 1911 г.

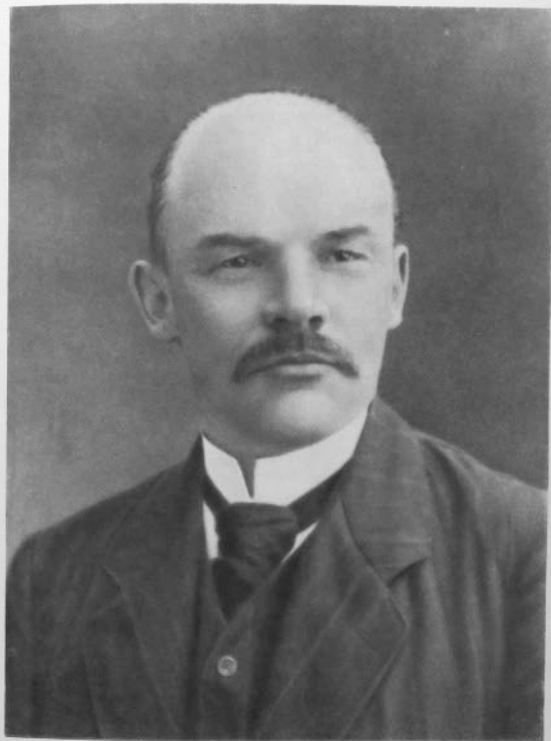
Частым арестам в Петербурге способствовала система провокаторства и шпионства, которая насаждалась столичным правительством. Провокаторы проникали даже в самые центры партии. Так, в Петербургском комитете РСДРП одно время работала провокатор Серова (кличка «Люся»), организовавшая ряд крупных провалов вплоть до ареста всего состава Комитета.

После поражения первой революции Петербургская партийная организация медленно и мучительно перестраивается на основе строгой конспирации и подпольного существования в соответствии с новой исторической обстановкой, сложившейся в период реакции.

В июле 1909 г. Петербургский комитет принимает новый организационный устав, который имел целью создать более подвижной и лучше законспирированный руководящий центр. Этот устав в силу необходимости урезывал выборное начало при составлении Комитета и вводил принцип кооптации в целях быстрого восстановления разрушенного партийного органа.² Февральское совещание ЦК РСДРП (декабрь 1912 г.), признав правильным такой тип построения руководящего пар-

¹ Листовки петербургских большевиков, т. II. Госполитиздат, 1939, стр. 46.

² Социал-демократ, 1909, № 7—8.

В. И. Ленин. Фотография 1910 г.

тийного органа в Петербурге, в своих решениях указывало: «Такой тип организации дает возможность установить наиболее тесную и непосредственную связь между руководящим органом и низовыми ячейками и в то же время позволяет создать узкий по составу, подвижной и наиболее законспирированный исполнительный орган».¹

В период реакции партийные организации значительно сократились в своей численности.

Одной из причин сокращения числа членов партии являлось массовое бегство из ее рядов мелкобуржуазных элементов, временных попутчиков революции, испугавшихся репрессий царского правительства и трусливо предававших пролетариат. Нужно отметить, что выход из партии такого рода элементов В. И. Ленин рассматривал как ее чистку, как укрепление партийных рядов. Уменьшению числа членов партии способствовало также то, что проводившиеся в то время увольнения на фабриках и заводах касались прежде всего передовых рабочих — партийцев, которые часто переселялись в деревню. Производились массовые аресты рабочих-партийцев; незначительное количество рабочих Петербурга переселялось в другие промышленные центры.

Петербургская партийная организация в силу указанных причин сократилась по своей численности с 7352 чел. в апреле 1907 г. до 3000 чел. в январе 1908 г. В дальнейшем наблюдалось еще более значительное сокращение числа членов. В 1909 г. численность партийной организации в столице достигала всего лишь нескольких сот человек.

Несмотря на столь значительное сокращение своей численности, Петербургская большевистская организация, сохранявшая в своем составе лучшие, наиболее стойкие и преданные делу рабочего класса силы, и в эти особенно трудные годы проявила большую жизнеспособность.

В годы реакции большевики-ленинцы придавали исключительное значение выдвижению руководящих работников партии из рядов самих рабочих. Эта задача получила особую остроту в связи с отходом значительной части интеллигенции от партии. В этом направлении перестраивается партийная организация во всех районах Петербурга. Пропагандистами, агитаторами, организаторами партии становятся сами рабочие. В мае 1911 г. В. И. Ленин с удовлетворением отмечал: «Новый тип социал-демократического рабочего, берущего партийные дела в свои руки, уже народился».²

Состояние кадров партийных работников в этот период как в Петербургском комитете, так и в районах характеризовалось крайней текучестью. Вполне понятно, что в таких условиях, когда Комитет испытывал постоянные удары и от царского

¹ В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 18, стр. 429.

² В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 16, стр. 357.

правительства и от дезорганизаторской работы меньшевиков-ликвидаторов, троцкистов и отзовистов, было невозможно существование более или менее постоянных кадров руководящих большевистских работников в Петербурге.

Текущее руководящих кадров обуславливала слабую связь местных организаций друг с другом, а также с руководящим центром. Связь между районами нарушилась.

Однако партийная жизнь в районах Петербурга даже в самую тяжелую полосу реакции не угасала. Низовые партийные ячейки и заводские партийные комитеты в районах и подрайонах, столь ненавидимые всяким либералам и меньшевикам-легалистам, хотя и с меньшей интенсивностью и энергией, но продолжали героическую борьбу за великое дело большевистской партии.

Факты показывают, что в годы реакции партийные организации как основные бастионы партии сумели устоять на крупных заводах Петербурга. Заводские партийные ячейки являлись основой большевистской организации. Работа ячеек имела тем большее значение, что нередко им приходилось действовать без своего руководящего центра — Петербургского комитета, который систематически громился полицией.

В. И. Ленин дал такое определение партийной ячейки: «Ячейка есть тип нелегальной партийной организации, в которой по общему правилу господствуют большевики».¹ В. И. Ленин высоко оценил самостоятельность, инициативу, верное большевистское чутье партийных ячеек Петербурга, которые, несмотря на многократные разгромы Петербургского комитета, продолжали свою работу и обеспечивали создание нового партийного центра.

Большевики даже в мрачные годы реакции были сильны тем, что своими корнями — ячейками — были глубоко связаны с массами, с рабочими фабрик и заводов. Вот почему гигантский аппарат подавления, гипертрофированная полицейская машина, созданные царской Россией, оказались бессильными сломить партию большевиков.

* * *

Рабочие стачки в России в период до революции 1905 г. и в ходе самой революции были наиболее распространенным средством борьбы пролетариата.

В. И. Ленин, тщательно изучавший статистику рабочих стачек в России, неоднократно подчеркивал в своих статьях, что петербургские рабочие шли в авангарде стачечной борьбы российского пролетариата. Однако в годы реакции происходит резкое падение стачечной борьбы во всех промышленных центрах России, в том числе и в Петербурге.

В период предреволюционный (1895—1904) в России ежегодно бастовало в среднем за год 43 тыс. рабочих, в период революционный (1905—1907) бастовало

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 81.

1570 тыс. в год, в 1908 г. забастовками было охвачено 176 тыс., в 1909 г. — 64 тыс., в 1910 г. — 47 тыс., в 1911 г. — 105 тыс.

В. И. Ленин писал: «Трехлетие 1908—1910 годов было эпохой разгула черносотенной контрреволюции, либерально-буржуазного ренегатства и пролетарского уныния и распада. Число стачечников все падает, доходя до 60 тыс. в 1909 и до 50 тыс. в 1910 году.

«Но с конца 1910 года начинается заметный поворот. . . 1911-ый год дает нам медленный переход в *наступление* со стороны рабочих масс: число стачечников доходит до 100 тысяч».¹

Резкое сокращение числа стачечников свидетельствовало о том, что революция потерпела поражение и временно победила реакция. Однако, несмотря на торжество контрреволюции в России, в 1910 г. бастовало 47 тыс. рабочих, т. е. больше, чем в предреволюционные годы. Это говорило о бессилии господствующих классов царской России, которые не смогли «умиротворить» страну даже в период реакции, и отражало непреодолимую революционную энергию русского пролетариата, продолжавшего бороться в тяжелейших условиях третьеиюньского режима.

В период реакции изменился самый характер стачечного движения. Если в предреволюционное десятилетие и в годы первой русской революции экономические и политические стачки переплетались друг с другом, то в годы реакции стачки носили в большинстве своем экономический характер. Кроме того, это были стачки обороны, а не наступления. Рабочие сопротивлялись все усиливающемуся наступлению капиталистов на их жизненный уровень и условия труда.

Петербургские рабочие самоотверженно боролись против произвола и насилия эксплуататоров, занимая одно из ведущих мест в революционной борьбе русского пролетариата.

* * *

Вторая половина 1907 г. в Петербурге, несмотря на поражение революции, проходит под знаком продолжающейся революционной борьбы. Это был период, когда контрреволюция уже торжествовала победу, но еще наблюдались отдельные отзвуки революционной волны, оказывались еще возможными отдельные весьма крупные массовые политические выступления рабочих.

Два основных события характеризуют вторую половину 1907 г. — это выборы в 3-ю Государственную Думу (октябрь 1907 г.) и стачка протеста против суда над социал-демократическими депутатами 2-й Думы (22 ноября 1907 г.). В этих событиях с большой наглядностью проявляется деятельность большевистской организации Петербурга и ее влияние на петербургский пролетариат.

Выборы в 3-ю Думу проводились осенью 1907 г. Для проведения предвыборной агитации и пропаганды у партии имелись крайне ограниченные возмож-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 85—86.

ности, учитывая репрессии полиции. Кроме того, внутри партии шла острая борьба по вопросу об отношении к выборам в 3-ю Государственную Думу.

Бойкотистские настроения пользовались поддержкой среди части петербургских рабочих, которые бойкотом прежде всего выражали свой протест против террора царского правительства и свою ненависть к буржуазно-помещичьей Думе.

Большевики-ленинцы прекрасно понимали, что черносотенная Дума не нарушает всевластия царизма и помещиков, буржуазии она дает арену для сделок, а пролетариату только «маленькую трибуну». Однако эту трибуну нужно было максимально использовать для воспитания и организации масс, для подготовки новой революции.

С защитой своей точки зрения по отношению к 3-й Думе В. И. Ленин выступил на Петербургской общегородской партийной конференции в Териоках в июле 1907 г. На конференции В. И. Ленину пришлось выдержать борьбу с бойкотистами. Против него с защитой бойкота 3-й Государственной Думы выступил Каменев. Только в результате острой и напряженной борьбы конференция приняла предложенную В. И. Лениным резолюцию.

В июле же 1907 г. в городе Котка состоялась вторая Общероссийская конференция РСДРП. Конференция указала: 1) что необходимо принять участие в избирательной кампании в 3-ю Думу; 2) что в ходе избирательной кампании и в самой Думе социал-демократия должна распространять и укреплять в сознании народных масс идею социализма и революционные лозунги и вести решительную борьбу как против реакции, так и против гегемонии кадетов в освободительном движении вообще и в Думе в частности.¹

После решений Петербургской и второй Общероссийской конференций РСДРП Петербургский комитет в конце августа 1907 г. выпускает листовку «К выборам в 3-ю Государственную Думу».

В листовке просто и убедительно доказывается, что во имя интересов революции рабочие должны принять энергичное участие в новых выборах. Петербургский комитет призывал рабочих голосовать за социал-демократов.²

Условия для проведения выборной кампании были крайне тяжелыми. Партийная печать находилась в подполье, воззвания и листовки партии немедленно конфисковывались, созывавшиеся большевиками рабочие собрания разгонялись полицией, партийные ораторы арестовывались.

Царский избирательный закон устанавливал не прямые и не равные выборы. Выборы по рабочей курии Петербурга были трехстепенными: 1) от рабочих отдельных предприятий избирались уполномоченные; 2) губернское собрание уполномоченных избирало из своей среды шесть выборщиков; 3) все выборщики на губернском собрании избирали от рабочей курии одного члена Думы.

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК 1898—1954. Изд. 7-е, ч. 1, 1954, стр. 174.

² Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 6.

Перед избранием выборщиков от рабочих правительство объявило незаконными выборы уполномоченных на некоторых фабриках и заводах.

По этому поводу Петербургский комитет предложил следующий проект резолюции, который был принят на собрании уполномоченных: «Протестуя против этого нового акта произвола, мы, уполномоченные петербургских рабочих, заявляем, что в наших глазах, всех товарищей рабочих, устранившиеся правительством уполномоченные являются вполне законными народными представителями».¹

Петербургский комитет на своем заседании утвердил кандидатуру депутата от рабочей курии — Н. Г. Полетаева. Имя Николая Гурьевича Полетаева, старого петербургского рабочего, было хорошо известно на заводах и фабриках Петербурга. Полетаев был участником первой

Н. Г. Полетаев. Фотография.

рабочей маевки в Петербурге в 1891 г., членом «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1895) и нередко на собраниях социал-демократических кружков встречался тогда с В. И. Лениным. После разгрома «Союза» Полетаев попал в тюрьму. В 1905 г. он являлся депутатом утиловцев в Петербургский совет рабочих депутатов и входил в Исполнительный комитет Совета. Это был опытный революционер, последовательный большевик. Его знал и ценил В. И. Ленин. Петербургский комитет отстаивал его кандидатуру как депутата от петербургских рабочих.

Выборы уполномоченных по отдельным предприятиям происходили в начале сентября 1907 г. Пассивность среди части рабочих, а также бойкотистские настроения, подогреваемые партией эсеров, привели к тому, что на отдельных пред-

¹ Пролетарий, 1907, № 16.

приятнях в выборах не участвовало около половины рабочих. Однако большая часть рабочих, особенно передовые и сознательные, пошла за большевиками.

На крупнейших механических заводах (Путиловский, Обуховский, Семяновский и др.) рабочие подавляющим числом голосов высказывались за участие в выборах и в качестве уполномоченных выбирали социал-демократов.

Попытки полиции и заводской администрации провести черносотенных уполномоченных повсеместно полностью провалились.

23 сентября Петербургский комитет созвал совещание уполномоченных от рабочей курии. Присутствовало 46 уполномоченных. В порядке дня стояли вопросы: 1) намечение кандидатов в выборщики; 2) выработка наказа члену Думы. Уполномоченные единогласно постановили «обязаться подчиняться директивам с.-д. партии» и согласились с тем, что окончательное решение по поводу кандидатов принадлежит партии. Большинство были намечены в выборщики шесть большевиков. Собрание поручило Петербургскому комитету разработать наказ депутату, избираемому в Думу.¹

30 сентября состоялось губернское собрание уполномоченных от Петербургской губернии, которое избрало шесть выборщиков. В числе их были путиловцы-большевики Николай Полетаев и Анисим Костюков.

17 октября происходило губернское собрание выборщиков, которое избрало депутата Думы также и по рабочей курии. Полиция пыталась отвести кандидатуру рабочего-большевика Н. Г. Полетаева. Однако все выборщики по рабочей курии (кроме Полетаева), следуя указаниям партии, решительно отказались от баллотировки. Благодаря этому губернское собрание выборщиков было вынуждено избрать депутатом Думы Н. Г. Полетаева. Это явилось крупной политической победой рабочих всей России и петербургских большевиков.

Несмотря на разгул реакции и дикие репрессии, несмотря на абсолютное отсутствие свободы избирательной борьбы, большевики на всех этапах выборов по рабочей курии оказались победителями.

27 октября в Терюках состоялась Петербургская общегородская партийная конференция. В отчете Петербургского комитета было подробно рассказано о проделанной работе в связи с выборами в 3-ю Государственную Думу, а также о работе в профессиональных союзах.

С докладом о 3-й Государственной Думе выступил В. И. Ленин. Все положения ленинского доклада были направлены против меньшевиков. Меньшевики не соглашались с тем, что кадеты играют контрреволюционную роль, и видели главную задачу социал-демократической фракции в борьбе с правительством и черносотенцами. Меньшевики предлагали поддерживать в Думе не только кадетов, но и октябристов. «Была Дума кадетская, — говорил в своем докладе В. И. Ленин, — и меньшевики вопили о поддержке кадетов. Стоило Столыпину изменить избира-

¹ Вперед, 1907, № 16.

тельный закон в благоприятную для октябристов сторону, и меньшевики готовы поддерживать октябристов. Куда же меньшевики в конце концов пойдут по этому пути?»¹

В. И. Ленин указывал на недопустимость поддержки со стороны социал-демократической фракции октябристов и кадетов и на необходимость использования ею трибуны для проведения самостоятельной социалистической и последовательно демократической линии. Конференцией была принята предложенная Лениным резолюция.

Важное место на конференции занял вопрос о предстоящем суде над социал-демократической фракцией 2-й Думы. Конференция призвала рабочих Петербурга к одновневной забастовке в день начала суда. Организованная Петербургским комитетом кампания против суда над рабочими депутатами 2-й Государственной Думы еще раз показала силу большевиков столицы.

22 ноября 1907 г. в Петербурге в суде началось слушание дела социал-демократической фракции 2-й Государственной Думы. 17 депутатов были приговорены к каторге.

По призыву ПК РСДРП в день царского суда над рабочими депутатами пролетариат Петербурга внушительно продемонстрировал свой протест против самодержавного произвола. В этот день забастовали почти все крупные предприятия Петербурга. Всего бастовало в Петербурге около 100 тыс. рабочих, а также не явился на лекции студенты Лесного, Политехнического и Технологического институтов и слушательницы Высших женских курсов (Бестужевских).² На многих фабриках и заводах происходили митинги.

Интересные материалы о ходе забастовки на Александровском заводе дают докладные записки в Департамент полиции начальника Петербургского жандармского полицейского управления железных дорог генерал-майора Фрейберга. В своем докладе он сообщает, что 20 ноября утром на Александровском механическом заводе появились воззвания «Петербургского комитета РСДРП с призывом к забастовке, а в полдень 15 человек выборных от цехов явились в контору завода и потребовали, чтобы утренний гудок, призывающий на работу, не был дан 22 ноября».

«По моему предложению немедленно было составлено объявление, в котором указывалось, что 22 ноября работы на заводе ни под каким видом приостановлены не будут, и все рабочие, не явившиеся на работу, будут уволены со службы немедленно. . . Кроме того, я потребовал передать мне тут же список выборных, которые являлись в контору, с каковым немедленно отправился к С.-Петербургу».

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 13, стр. 119.

² По данным Департамента полиции, 22 ноября бастовали рабочие 160 фабрик, в числе 70 389 чел. Однако эти данные безусловно являются преуменьшенными (ЦИАМ, ф. 102, оп. 99, л. 61, ч. 2, л. 140).

скому градоначальнику, которому доложил обо всем, прося распоряжение об их аресте в ночь на 21 ноября. Генерал-майор Драчевский вполне согласился с моим докладом и в 5 час. вечера список был мною доставлен в Петербургское охранное отделение».¹

В ту же ночь выборные от цехов были арестованы. Всюду в цехах были расклеены угрожающие предупреждения администрации о том, что не явившиеся на работу будут немедленно уволены. Утром 22 ноября, как обычно, был подав гудок. Однако, вместо 3000 рабочих на работу явилось около 800 человек. Около 10 час. утра рабочие Александровского завода пришли на соседний Костыльный завод и совместным решением единодушно «остановили работу и больше на работу в течение всего дня не явились». В отместку за это на Александровском и Костыльном заводах с 23 ноября было произведено массовое увольнение рабочих.

Как видно из докладной записки начальника жандармского полицейского управления Николаевской ж. д., начальник дороги 22 ноября вечером «доложил о ходе дел министру путей сообщения, с его разрешения приказал приостановить работы. . . приказав немедленно приступить к расчету рабочих».²

И на других заводах, так же как и на Александровском, полицейские власти и заводская администрация применяли всяческие репрессивные меры, чтобы сорвать забастовку. Но несмотря на угрозы, несмотря на аресты и преследования, рабочие дружно бастовали, показывая пример пролетарской солидарности и высокого классового сознания.

На забастовавших рабочих обрушились свирепые репрессии. В Петербурге в связи с забастовкой было арестовано свыше 100 чел., много выслано, производились массовые обыски. На ряде заводов рабочим был произведен полный или частичный расчет (на Путиловском, Александровском, на фабриках Торятюва, Керстена и др.).

Забастовка 22 ноября 1907 г. была блестящей политической победой петербургских большевиков. Подводя итоги этой забастовки в специально изданной прокламации, Комитет писал: «Не останавливаясь ни перед чем, петербургские рабочие прекратили работу и громко заявили, что дело социал-демократии — их собственное, кровное дело. В тяжелую минуту свирепой реакции петербургские рабочие не оставили без поддержки своих передовых борцов. . . Пусть беснуются черные силы страны. Рабочий класс попрежнему будет продолжать свою борьбу».³

В связи с забастовкой протеста предательскую позицию заняли петербургские меньшевики. Еще на общегородской партийной конференции (27 октября 1907 г.) меньшевики выступили против всеобщей политической забастовки, так как «время демонстративных забастовок» якобы прошло и «они могут привести только к оковательному разгрому организации». Только после продолжительных прений

¹ Из донесения генерал-майора Фрейберга 21 XI 1907.

² ЦГИАМ, ф. 102, оп. 99, д. 61, ч. 2, лл. 37—38.

³ Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 22.

большинством принимается решение «призвать петербургский пролетариат к демонстративной забастовке в день суда над депутатами».

1908 год характеризуется дальнейшим разгулом реакции и обострением внутрипартийной борьбы. Уже с весны 1908 г. петербургские меньшевики-ликвидаторы приступили на деле к ликвидации партийных организаций, они созывали рабочие собрания, на которых прямо призывали порвать с партией и создать некую культурническую и кооперативно-клубную организацию. В клубе общества «Просвещение» ликвидаторы проповедовали, что партия «разложилась и никакие попытки гальванизации ее ни к чему не приведут». Троцкисты во всем подпевали ликвидаторам.

Петербургские большевики решительно выступали против дезорганизаторских действий ликвидаторов, против их антипартийной агитации. Во всех районах деятельность меньшевиков встречала активное противодействие подавляющей части социал-демократических рабочих.

С осени 1908 г. в Петербургской организации крайне обострилась борьба с отзовистами, которые открыто встали на путь подрывных, антипартийных действий против большевиков-ленинцев.

Отзовистские настроения, захватившие небольшие группы отсталых рабочих, питались возникшим на почве упадка революции равнодушием к политической борьбе и к думской работе, а отчасти оппортунистическими шатаниями социал-демократической думской фракции.

Петербургские отзовисты осенью 1908 г. предложили расширенному заседанию Петербургского комитета свою резолюцию, которую они намеревались отстаивать на Общероссийской партийной конференции. В этой резолюции было выставлено два требования: 1) начать широкую агитацию в массах за лозунг «Долой 3-ю Государственную Думу»; 2) отозвать из 3-й Государственной Думы социал-демократическую фракцию. Оба эти требования В. И. Ленин считал глубоко неправильными, не отвечающими интересам пролетариата на современном этапе.

Резолюция петербургских отзовистов, по сути дела являвшаяся фракционной платформой отзовизма, в целях маскировки тщательно пряталась от партийной печати, от всей партии. Это лицемерное прикрывание оппортунистической сущности отзовизма фарисейскими клятвами в «верности» марксизму составляло в дальнейшем одну из наиболее отталкивающих черт отзовистской фракции. В. И. Ленин подчеркивал, что это неуместное прикрывание своей платформы, своих действительных взглядов делало отзовистскую антипартийную группу особенно вредной, ибо «прикрытая идейная путаница во сто раз больше развращает пролетариат, во сто раз больше вредит партии».¹

В Петербурге отзовисты навязали партийной организации дискуссию по поводу своих требований, которая закончилась полным их разгромом. В своей статье

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 26.

«О фракции сторонников отзовизма и богостроительства» Ленин потом отмечал, что «осенью 1908-го года во всей петербургской организации, вплоть до низов, шла борьба по платформам двух течений в большевизме, отзовистов и противников отзовизма, причем отзовисты потерпели поражение».¹

В разгроме и разоблачении отзовистов в Петербурге решающее значение имели помощь и руководство со стороны В. И. Ленина, который своими письмами и статьями, напечатанными в «Пролетарии», направлял деятельность петербургских большевиков на решительную борьбу с врагами партии справа и «слева».

В декабре 1908 г. в Париже состоялась Всероссийская (декабрьская) конференция РСДРП. От Петербургской организации на конференции присутствовал большевик А. М. Буйко. Кроме того, в работах конференции принял участие Н. Г. Полетаев.

Конференция дала глубокий марксистский анализ переживаемой Россией исторической полосы и охарактеризовала сущность новой политики царизма. Она определила ближайшие цели борьбы партии, оценила уроки революции 1905—1907 гг., вскрыла причины партийного кризиса и указала пути выхода из него. Большевики на конференции успешно вели борьбу на два фронта — против ликвидаторства и отзовизма. Победой большевиков явилось принятие конференцией предложенной В. И. Лениным резолюции, которая провозглашала самую решительную идейную и организационную борьбу с ликвидаторскими попытками уничтожить партию рабочего класса. Важное значение имело указание конференции о необходимости использования Думы и думской трибуны для революционной социал-демократической пропаганды и агитации. Решения конференции указывали партии рабочего класса твердый путь борьбы за подготовку нового революционного подъема.

В 1908 г. петербургские большевики не раз решительно разоблачали маневры кадетской интеллигенции, пытавшейся завоевать влияние в массах. Речь идет о попытках некоторых элементов буржуазной демократии создать «единую оппозицию».

Летом 1908 г. «левый» кадет В. Обнинский приезжал в Петербург, где он созвал совещание «единой оппозиции» из представителей «радикальных» кадетов, народных социалистов, трудовиков, меньшевиков, эсеров и некоторых беспартийных. Петербургскому комитету было передано приглашение участвовать в новой организации. Меньшевики-ликвидаторы с рвением ухватились за идею Обнинского.

Совсем иначе отнеслись к этому «движению» петербургские большевики. После обсуждения этого вопроса в Петербургском комитете (июнь 1908 г.) было решено на приглашение участвовать в упомянутом совещании ответить отказом, так как «состав самого совещания не гарантирует не только революционной борьбы с царизмом, но даже демократизма его задач и целей». Ближайшее будущее пока-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 38.

зало, что затея создать «единую оппозицию» от «левых» кадетов до меньшевиков включительно оказалась, по выражению В. И. Ленина, лишь «мертворожденным уродом».

Такую же отповедь дал Петербургский комитет попыткам буржуазных либералов взять в свои руки студенческое движение.

В сентябре 1908 г. началась забастовка студентов в Петербургском университете. На общеуниверситетской сходке 13 сентября 1908 г. было принято обращение «К обществу и студенчеству», призывавшее к всероссийской забастовке студентов. Студенческое движение в Петербурге возглавлял студенческий коалиционный совет, который почти наполовину состоял из социал-демократов. Движение студенчества было вызвано реакционной политикой министра народного просвещения Шварца, стремившегося уничтожить остатки университетской автономии.

Исполнительная комиссия Петербургского комитета, обсудив вопрос о студенческом движении, поставила следующие задачи перед социал-демократическими группами студентов: 1) разоблачать пошлый буржуазный либерализм, которым пропьянуто обращение студенчества Петербургского университета; 2) энергично поддерживая академическое движение студенчества, необходимо подчинить его задачам социал-демократии в общенародной борьбе с паризмом.¹

В. И. Ленин указывал, что «воззвание СПб. коалиционного студенческого совета показывает, что даже самые активные элементы студенчества упорно держатся за чистый академизм и тянут пока еще кадетско-октябристскую песенку. . . Отпор, который счел нужным дать Петербургский комитет нашей партии коалиционному совету, мы не можем не приветствовать».² Вместе с тем В. И. Ленин требовал использовать это движение, подчинив его задачам революционной борьбы.

В 1909 г. в Петербурге продолжалось успешное наступление реакции, проводился систематический разгром партийных организаций, профессиональных союзов и преследование культурно-просветительных обществ.

Подготовка ко дню 1 мая 1909 г. проходила в невероятной тяжелой обстановке. Были выпущены mimeографированные листовки к 1 мая районными комитетами в Петербургском, Московском и Первом городском районах.³ В Московском районе удалось выпустить листок с призывом к забастовке в количестве 1000 экземпляров.⁴ «Социал-демократ» в хронике петербургской жизни сообщал: «Свирепство охранки перед маем приняло невиданные размеры. . . Майская забастовка не удалась, бастовало несколько небольших фабрик и типографий».⁵

¹ Пролетарий, 1908, № 36.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 195.

³ Последние две листовки напечатаны в сборнике «Листовки петербургских большевиков» (т. II, стр. 39—41).

⁴ Социал-демократ, 1909, № 7—8.

⁵ Там же, № 6.

В докладной записке директора Департамента полиции министру внутренних дел указывалось, что в Петербурге «в целях предотвращения возможной забастовки в ночь на 1 мая были произведены обыски у 16 агитаторов». Из этой же записки видно, что в этот день в Петербурге бастовало около 15 тыс. чел.¹

Летом и осенью 1909 г. основное внимание петербургских большевиков было направлено на участие рабочих в довыборах в 3-ю Государственную Думу. Для замены исключенного из состава Государственной Думы кадета А. М. Колюбакина, выбранного в свое время от Петербурга, были назначены дополнительные выборы. Кадеты выставили кандидатуру Н. Кутлера, от РСДРП был выставлен адвокат Н. Д. Соколов, сочувствовавший тогда большевикам.

Петербургский комитет в связи с избирательной кампанией принял резолюцию-платформу, в которой говорилось о задачах социал-демократической фракции, о характере и содержании предвыборной агитации. «Предвыборная кампания должна быть использована в целях агитации и организации вокруг требований с.-д. программы в целом, причем во главу угла политической агитации должен быть поставлен лозунг Учредительного собрания и демократической республики».²

В связи с довыборами в 3-ю Государственную Думу в Петербурге развернулась острая партийная борьба с отзовистами-ультиматистами. Исполнительная комиссия Петербургского комитета в августе 1909 г. приняла ультиматистскую резолюцию, в которой требовалось не придавать «особо важного значения Государственной Думе и нашей фракции в ней». Ультиматисты добились принятия этой резолюции лишь потому, что на заседании Исполнительной комиссии присутствовали из 8-ми ее членов 5, из которых трое ультиматистов. Вскоре частное межрайонное совещание петербургских большевиков решительно осудило эту резолюцию. Вслед за этим было создано собрание Петербургского комитета, отменившее ультиматистскую резолюцию и принявшее новую резолюцию в полном соответствии с ленинскими установками.

Историю этого вопроса В. И. Ленин изложил в своей статье «Беседа с петербургскими большевиками». Оценивая первоначальную резолюцию Комитета, В. И. Ленин резко выступил против отзовистско-ультиматистских штрейкбрехеров, которые своей позицией «явно предавали социал-демократическую избирательную кампанию кадетам».³

«В Петербурге, — писал в этой статье В. И. Ленин, — социал-демократический пролетариат сразу призвал к порядку ультиматистов и так призвал, что они сразу послушались».⁴

¹ ЦГИАМ, ф. 102, IV д-во, 1909, № 136, л. 116.

² Пролетарий, 1909, № 49.

³ В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 16, стр. 53.

⁴ Там же, стр. 57.

Отзовисты не могли отвлечь широкие массы рабочих от избирательной борьбы. Рабочие живо интересовались ходом выборов. В профессиональных союзах и клубах широко обсуждалась платформа социал-демократов.

Благодаря деятельности рабочих клубов и союзов удалось распространить 20 тыс. бюллетеней. Бюллетени распространялись по рукам рабочими.

Несмотря на недостаток средств, большевики организовали шесть собраний в различных районах города: в Гавани, на Выборгской стороне, в доме Нобеля, на Калашниковской бирже и в Соляном городке.¹

Социал-демократическая партия на этих выборах в еще более тяжелых условиях существования получила относительно больше голосов, чем в 1907 г., и вновь оказалась на втором месте по числу голосов. Это несомненно свидетельствовало о влиянии петербургских большевиков среди пролетариата.

Результаты выборов обнаружили всю политическую беспочвенность отзовизма-ультиматизма и воодушевили революционных социал-демократов на беспощадную борьбу с этим течением.

Как известно, расширенное совещание редакции «Пролетария» (Большевистского центра), состоявшееся в Париже 21—30 июня 1909 г., решительно осудило отзовизм-ультиматизм и богостроительство и разорвало с этими антибольшевистскими течениями. Отзовисты были исключены из большевистской организации. Межрайонное совещание большевиков в Петербурге горячо одобрило эти решения.

После расширенного совещания редакции «Пролетария» отзовистская группа, возглавляемая А. А. Богдановым, образовала особую фракцию «впередовцев», продолжавшую подрывную антипартийную борьбу с большевиками.

Свои порочные взгляды отзовисты-ультиматисты пытались проводить и по отношению к легальным культурно-просветительным организациям и на общественных съездах. Отзовисты-ультиматисты выступили против участия партии в клубной работе, в культурно-просветительных обществах. Петербургские отзовисты с лета 1909 г. начали кампанию «взрывания изнутри» по отношению к легальным рабочим обществам. Всячески третируя легальные рабочие общества, отзовисты дезорганизовывали их работу. «Не принимая ни в чем делового участия, они по временам врываются силой в легальные рабочие организации и со скандалом требуют себе подчинения».²

Петербургские отзовисты в борьбе с партией объединялись с эсерами. В. И. Ленин подчеркивал, что деятельность отзовистов-ультиматистов «приводила уже к таким уродливым явлениям, как объединение отзовистов и эсеров (в СПб.) для проведения отказа в помощи нашему партийному думскому представительству».³

¹ Социал-демократ, 1909, № 9.

² Пролетарий, 1909, № 50.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 411.

Большевистская газета «Пролетарий» под руководством В. И. Ленина решительно выступала против происков отзовистов в Петербурге.

«Пролетарий» требовал от Русского бюро ЦК всемерной помощи местным организациям Петербурга в борьбе против дезорганизаторской деятельности ликвидаторов справа и «слева» и против Троцкого.

На тяжелое положение Петербургской организации в 1909 г. неоднократно указывал В. И. Ленин. В ноябре 1909 г. в своей статье он ссылается на письмо старого искровца и старого большевика, который познакомился с состоянием работы в Одессе и в Петербурге.

«На всей питерской работе, — читаем в этом письме, — чувствуется отсутствие руководящего единого центра, недисциплинированность, беспорядочность, отсутствие связи между отдельными частями, отсутствие единства и планомерности работы. Всякий работает за свой страх и риск. В нелегальной организации сильны отзовистские тенденции».¹

Предательская деятельность меньшевиков-ликвидаторов, а с другой стороны, усилившиеся репрессии повелительно требовали от всех передовых рабочих беспощадного разоблачения ликвидаторов, изоляции их от рабочих масс, объединения усилий всех подлинных партийцев в борьбе за сохранение и укрепление нелегальной организации.

В 1909 г. на почве практической работы в борьбе за нелегальную партию наметилось сближение между большевиками-ленинцами и меньшевиками-партийцами, сторонниками Г. В. Плеханова, который тогда резко выступал против попытки ликвидировать подпольную социал-демократическую партию.

В ряде районов происходили собрания партийных работников, отстаивавших необходимость укрепления подпольных партийных организаций.² Наиболее многочисленное собрание (35—40 чел.) произошло в ноябре 1909 г.; это собрание одобрило основные положения тактики большевиков. Вскоре после собрания на Выборгской стороне состоялось объединение большевиков с меньшевиками-партийцами. То же самое произошло и в некоторых других районах (например, в Московском и Василеостровском).³

В августе 1909 г. Петербургский комитет на своем заседании принял резолюцию об отношении к меньшевикам-партийцам. Она опубликована в № 47—48 газеты «Пролетарий» за 1909 г., причем редакция одобрила эту резолюцию.

Благодаря установленному в Петербурге боевому блоку между большевиками и меньшевиками-партийцами удалось завоевать на сторону большевиков ряд рабочих меньшевистских организаций в Выборгском, Московском, Василеостровском районах.

¹ Ленинский сборник, т. XXV, стр. 50.

² Пролетарий, 1909, № 50.

³ Социал-демократ, 1909, № 7—8.

В. И. Ленин высмеивал меньшевистскую газету «Голос социал-демократа», выступавшую против поведения меньшевиков-партийцев. «Меньшевики Выборгского района в Санкт-Петербурге, — писал Ленин, — выступили против ликвидаторства. . . Теперь ликвидатор меньшевик Г-э выступает в № 16—17 „Голоса“ и на чем свет стоит ругает выборжцев, ругает самыми худыми словами — можете себе представить? в меньшевистском органе ругает меньшевиков *большевиками*!»¹

1910 год характеризуется дальнейшим неослабным преследованием революционного рабочего движения в Петербурге. В течение этого года полиция несколько раз ликвидировала Петербургский комитет. В период с 6 по 9 января 1910 г. было арестовано 23 чел. из состава Комитета и работников Петербургского центрального бюро профсоюзов. По поводу этого ареста в докладе начальника охранного отделения в Петербурге, адресованном министру внутренних дел, указано, что Петербургский комитет РСДРП принял меры для организации на заводах митингов в ознаменование дня 9 января. «В предотвращение означенных выступлений мною в ночь на сие число. . . произведена ликвидация: 1) Петербургского комитета, 2) группы пропагандистов и 3) Центрального бюро профессиональных союзов».²

Несмотря на свирепые репрессии, ко дню 9 января 1910 г. вышла листовка Петербургского комитета в количестве 3000 экземпляров. Комитет, подчеркивая значение первой русской революции, останавливался на ее уроках, на причинах ее поражения. Листовка предсказывала новый революционный взрыв и выражала уверенность в грядущем торжестве дела революции, в способности пролетариата удержать победу за собой. Листовка призывала к упорной борьбе против самодержавия, против реакционного дворянства и капиталистической эксплуатации. Она звала рабочих вступать в ряды партии, создавать на предприятиях легальные партийные группы, а также самым широким образом использовать все легальные возможности. Особо отмечалось значение деятельности социал-демократической фракции Государственной Думы, которая должна стать открытой трибуной для выражения желаний объединенного, сознавшего свои интересы пролетариата всей России.³

На некоторых заводах Выборгского района были организованы массовки, которые прошли удачно.⁴

В начале 1910 г. в Петербургскую организацию постушили материалы о январском пленуме ЦК РСДРП.

Известно, что январский пленум ЦК РСДРП 1910 г. был созван вопреки В. И. Ленину, несмотря на его принципиальную и непримиримую позицию по отношению к меньшевикам-ликвидаторам и их пособникам. В это время Троцкий, поддерживая меньшевиков-ликвидаторов и разжигая фракционную борьбу всех

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 83.

² ЦГИАМ, ф. 102, оп. 102, д. 61, ч. 1, л. 1.

³ Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 50—52.

⁴ Социал-демократ, 1910, №№ 15—16.

антибольшевистских групп против Ленина, маскировал свое истинное лицо криками о необходимости «объединить» и «примирить» все фракции и группы в РСДРП.

Несмотря на возражения В. И. Ленина, Каменев и Зиновьев помогли Троцкому провести решение о закрытии большевистской газеты «Пролетарий». Одновременно было решено закрыть ликвидаторскую газету «Голос социал-демократа».

Решения пленума, представляя собой, по определению В. И. Ленина, «крайне непрочный компромисс», ничего положительного не дали. После пленума Центрального комитета впередовцы усилили свою фракционную борьбу с большевиками, меньшевики свою газету «Голос социал-демократа» не закрыли, Троцкий продолжал подлую антипартийную работу, пресмыкаясь и перед ликвидаторами и перед впередовцами.

Петербургские большевики, решительно выступая против происков ликвидаторов, серьезно и вдумчиво подошли к задаче сочетания легальной и нелегальной социал-демократической работы и объединения всех действительных партийцев для создания единства партийного действия как против ликвидаторов и троцкистов, так и против впередовцев. В течение 1909—1910 гг. и позднее усилилось влияние большевиков Петербурга в легальных учреждениях, а меньшевики-ликвидаторы постепенно вытеснялись оттуда и теряли свои позиции.

Несмотря на исключительно тяжелые удары со стороны полицейского аппарата, петербургские большевики и рабочие готовились в 1910 г. к встрече 1 мая. В день 1 мая забастовки не удалось, местами были проведены массовки.

В конце 1910 г. появились первые признаки оживления рабочего движения в России. В своей статье «Революционный подъем» В. И. Ленин писал, что трехлетие 1908—1910 гг. было эпохой разгула черносотенной контрреволюции, либерально-буржуазного ренегатства и пролетарского уныния и распада. «Но с конца 1910-го года, — подчеркивал В. И. Ленин, — начинается заметный поворот. Демонстрации в связи со смертью либерала Муромцева и Льва Толстого, а также студенческое движение ясно указывают, что повеяло иным ветром, наступил известный поворот в настроении демократических масс».¹ Этот поворот нашел свое отражение и в Петербурге.

Еще в сентябре 1910 г. в Петербург прибыл выдающийся деятель большевистской партии Я. М. Свердлов (Андрей). Он развил энергичную деятельность по восстановлению Петербургской партийной организации. По его указанию проводится ряд мер для оживления социал-демократической работы в Петербурге.

9 ноября 1910 г. в Петербурге происходило совещание социал-демократов (в помещении на Надеждинской, 14) в связи со смертью Л. Н. Толстого. На совещании присутствовало 47 чел.; было принято решение: «1) Требовать от с.-д. фракции срочно внести законопроект об отмене смертной казни, 2) принять уча-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 48, стр. 85—86.

стве во всех манифестациях, 3) агитировать за политическую забастовку с требованием отмены смертной казни».¹

В тот же день происходило заседание общества «Источник света и знания», на котором выступал Я. М. Свердлов. Вот как протекало это собрание, по описанию Петербургской охраны: это общество — «по существу социал-демократическое. Присутствовало больше 100 человек. Настроение крайне приподнятое. Большинство присутствующих рабочие. Вышеупомянутый «Андрей» говорит первую речь, настаивая на необходимости забастовки. . . Рабочие возбуждены. Произносится ряд речей революционного характера. . . Принята была следующая резолюция: «Немедленно начать агитацию за забастовку в день обсуждения вопроса в думе о смертной казни». Постановление принято единогласно. Заседание происходило на 9-й линии В. О., д. 66, кв. 24».²

10 ноября 1910 г. Центральное бюро профессиональных союзов вынесло постановление: «Призвать в ближайшее воскресенье 11 ноября к 12 часам на Невский проспект рабочих Петербурга и обратиться к думской с.-д. фракции с просьбой поддержать рабочую демонстрацию».³

Полиция столицы перепугалась не на шутку. Были приняты репрессивные меры: арестованы многие партийные работники, члены ЦБ профсоюзов, проведены многочисленные аресты и обыски в районах. 14 ноября был арестован Я. М. Свердлов. Но ничто не могло остановить революционных выступлений пролетариата в Петербурге, вылившихся под руководством петербургских большевиков в стачки и политические демонстрации.

9 и 10 ноября 1910 г. состоялись массовые сходки студентов; на сходку в Политехническом институте собралось свыше 3500 чел. Студенты университета организовали 9 ноября на Васильевском Острове демонстрацию, привлечшую до 3000 чел. «Энтузиазм, охвативший студенчество, напоминает несколько 1905—1906 годы», — доносил начальник петербургской охраны.⁴

9 ноября в Петербурге с 4 час. дня прекратили работу рабочие Орудийного завода и фабрики Леонтьева. 10 ноября состоялось собрание рабочих Кабельного завода, посвященное памяти Л. Н. Толстого.

В воскресенье, 11 ноября, состоялась демонстрация на Невском, собравшая не менее 10 тыс. чел. На Петербургской стороне, у Народного дома, куда двинулись демонстранты, к ним присоединилось много рабочих. От Народного дома демонстранты направились к Тучкову мосту. Подброшенный туда полицейский отряд не мог остановить демонстрации, и рабочие с пением и флагами прошли на Большой проспект Васильевского Острова. Только около университета полиции уда-

¹ ЦГИАМ, ф. 111, оп. 5, д. 310.

² Там же.

³ Из доклада начальника Петербургского охранного отделения в Департамент полиции 13/X 1910 г. за № 16299.

⁴ ЦГИАМ, ф. 111, оп. 5, д. 310, лл. 49—50.

лось разогнать демонстрацию. Рабочие Путиловского завода направили в социал-демократическую фракцию Государственной Думы заявление за 1080 подписями, в котором писали, что лучшим венком на могилу Л. Н. Толстого будет немедленная отмена смертной казни.

На происходившие события В. И. Ленин откликнулся статьями «Не начало ли поворота?» и «Начало демонстраций». В. И. Ленин оценил эти события как «начало поворота». «Смерть Льва Толстого, — писал В. И. Ленин (Рабочая газета, № 2 от 18 декабря 1910 г.), — вызывает — впервые после долгого перерыва — *уличные демонстрации*. . . Прекращение работы целым рядом фабрик и заводов в день похорон Толстого показывает начало, хотя и очень скромное, демонстративных забастовок. . . Русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции».¹

Большим событием в жизни петербургского пролетариата явилось создание, по инициативе В. И. Ленина, большевистской газеты «Звезда», выходившей легально один-два раза в неделю с декабря 1910 г.

Еще в 1909 г. среди русских социал-демократов, в частности в среде членов думской социал-демократической фракции, возникла мысль о создании легальной рабочей газеты. Осенью 1909 г., когда в Петербурге проходили дополнительные выборы в Думу, социал-демократам удалось выпустить несколько номеров легальной газеты «Новый день».

Начало «Звезды» было положено на совещании представителей думской фракции с Лениным, состоявшемся летом 1910 г. в Копенгагене. В своих воспоминаниях Н. Г. Полетаев писал об этом: «В Копенгагене при встрече с Владимиром Ильичем я рассказал ему о бывшей попытке создать газету при думской с.-д. фракции. Владимир Ильич сказал, что такая газета находилась бы вне влияния ЦК большевиков и что надо организовать свою газету, независимо от думской фракции. С этой целью на другой день после нашего приезда было устроено совещание. Вопрос о редакции был решен в две минуты. . . Владимир Ильич обещал выслать к моменту выхода газеты 1500 р. и столько же после. Так положено было начало будущей газете „Звезда“».²

Большую работу по подготовке издания легальной рабочей газеты проделал по указанию В. И. Ленина Я. М. Свердлов, находившийся некоторое время в Петербурге. Одним из организаторов и руководителей редакции «Звезды» в Петербурге явился Н. Г. Полетаев. Идеино-политическим руководителем «Звезды» и ее деятельным сотрудником до конца выхода газеты оставался В. И. Ленин. Он регулярно помещал в газете свои статьи. Ленин принимал постоянное участие в изыскании средств для газеты, а также в обеспечении ее квалифицированными литературными силами. По просьбе В. И. Ленина к сотрудничеству в «Звезде»

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 327.

² Н. Г. Полетаев. Как родились «Звезда» и «Правда». Правда, 1922, 5 мая.

был привлечен А. М. Горький. В. И. Ленин писал Горькому в начале 1912 г.: «Очень и очень рад, что Вы помогаете „Звезде“. Трудно нам с ней чертовски — и внутренние и внешние и финансовые трудности необъятны — а все же пока тянем».¹

Несмотря на преследования цензуры, штрафы, конфискации тиражей, «Звезда» продолжала выходить. Ее тираж неуклонно рос, доходя до 50—60 тыс. экз. Улучшалось положение и с литературными силами. Активное участие в «Звезде» начал принимать М. С. Ольминский. Весной 1912 г. в газете работал В. М. Молотов. С апреля 1912 г. в «Звезде» начинает печатать статьи И. В. Сталин. В «Звезде» сотрудничали также К. С. Еремеев, Н. Н. Батурич и др.

«Звезда» выходила с 16 декабря 1910 г. по 22 апреля 1912 г., когда она была закрыта царскими властями. Ее продолжением была «Невская Звезда», просуществовавшая до октября 1912 г.

«Звезда» была в основном рассчитана на передовых рабочих. Она послужила базой для создания «Правды» — массовой ежедневной рабочей газеты, сыгравшей исключительно большую роль в годы нового революционного подъема.

1910 год в России завершился такими событиями, которые показали, что в рабочем классе исчезают усталость и апатия, назревает новый революционный подъем. Перед большевиками со всей остротой встал вопрос о выходе из состояния кризиса.

Центральной задачей большевиков становится борьба за скорейший созыв общепартийной конференции, ибо только она могла ликвидировать кризис, восстановить и оздоровить партию и вывести ее на широкую дорогу.

М. С. Ольминский. Фотография.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 35, стр. 1.

* * *

Большевики стремились использовать в интересах революции любые легальные возможности, в особенности трибуну Государственной Думы, легальные и полулегальные пролетарские организации. Большевицкая партия через различные легальные формы крестила свои связи с рабочим классом, сплачивала его ряды, поднимала классовую сознательность пролетариата, тем самым готовя его к новым революционным боям. Для большевиков легальные формы борьбы не были чем-то самодовлеющим, как для меньшевиков-легалистов; легальные организации были лишь средством связи с массами, средством воспитания, политического просвещения и организации масс вокруг подпольных ячеек партии.

Для меньшевиков-ликвидаторов легальные формы стали самоцелью, ради чего они отказывались от партии. В соответствии со своей реформистской линией они считали высшей целью использование рамок «легальности» столыпинского режима для организации союзов, клубов, касс, просветительных обществ и т. д. Меньшевики-ликвидаторы рассматривали легальные учреждения как своего рода заменитель партии. По существу они становились на позиции кадетов, так как проповедовали борьбу только на «правовой» почве, в строгих рамках существующего режима. Отказавшись от строительства нелегальной партии, меньшевики-ликвидаторы окопались в легальных учреждениях и превратили их в центр своей деятельности.

В годы столыпинской реакции петербургские большевики проводят громадную работу по завоеванию легальных организаций и учреждений, по превращению их в дополнение и укрытие нелегальных организаций партии. Напряженная борьба с меньшевиками за руководство легальными организациями составляет главное содержание этой работы.

Изгнание меньшевиков-ликвидаторов с руководящих постов в профсоюзах, клубах и рабочих обществах было окончательно завершено в годы нового революционного подъема.

Помимо меньшевиков-ликвидаторов работе легальных организаций громадный вред приносили отзовисты-ультиматисты, которые грубо извращали партийную тактику в отношении использования легальных возможностей. Они проводили на практике свои анархистские взгляды о ненужности легальных организаций, так как эти организации якобы своим легальным существованием отравляют сознание пролетариата.

Петербургские большевики, всемерно используя легальные возможности на базе укрепления нелегальной партийной организации, решительно боролись на два фронта, против двух видов оппортунизма — против буржуазного либерализма ликвидаторов и против реакционного анархизма отзовистов.

* * *

В первый период деятельности 3-й Думы между социал-демократической думской фракцией и Петербургским комитетом партии возникли острые трения. Главной причиной разногласий явились принципиальные ошибки, совершенные социал-демократической фракцией в 3-й Думе.

Как известно, думская социал-демократическая фракция не была однородна по своему составу. Наряду с большевиками, стойко и мужественно отстаивавшими интересы народа, в эту фракцию входили меньшевики вроде Чхеидзе, Гегечкори и др., которые мешали выполнению задач, поставленных перед думской фракцией партией рабочего класса. Вся вина за ошибки, совершенные социал-демократической фракцией 3-й Думы, ложится именно на меньшевиков, предававших пролетариат.

Одной из основных ошибок фракции явилась поддержка по некоторым вопросам либеральной буржуазии (кадетов). Политические ошибки, допущенные фракцией, вызвали среди рабочих Петербурга возмущение.

22 декабря 1907 г. Петербургский комитет на своем заседании рассмотрел вопрос об ошибках социал-демократической думской фракции. Было указано, что среди передовых рабочих Петербурга работа социал-демократической фракции вызывает сильное недовольство, так как выступления фракции в Думе отличаются вредной нерешительностью, а внедумской работы фракция не проводит.¹

В январе 1908 г. состоялось собрание рабочих представителей шести районов Петербурга. Собрание обратилось к депутатам социал-демократической фракции 3-й Государственной Думы с письмом, в котором осуждались половинчатые, нерешительные действия фракции.²

Серьезное недовольство петербургских рабочих вызвало также нежелание некоторых социал-демократических депутатов выступать на легальных собраниях с отчетами перед избирателями.

Осенью 1908 г. состоялось собрание думской социал-демократической фракции. Обсуждался вопрос о сносах связи фракции с избирателями. При этом на собрании были оглашены два заявления Петербургской партийной организации: 1) о необходимости составить отчет о работе думской фракции для обсуждения его на партийных собраниях рабочих; 2) об обязанности думских депутатов посещать собрания рабочих в целях более тесной связи с петербургским пролетариатом.³

Ошибки и неудачи фракции, особенно в первый период ее деятельности, дали материал для оживления работы отзовистов-ультиматистов в Петербурге.

¹ Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 23.

² Из письма рабочих Петербурга. Пролетарий, 1908, № 40.

³ Пролетарий, 1908, № 39.

В. И. Ленин указывал, что настроения отзовизма, чуждые вообще сознательным рабочим, отчасти порождаются отрывом думской фракции от масс. «Для того, — писал В. И. Ленин, — чтобы в значительной степени подорвать отзовистское настроение в Петербурге, достаточно было, например, ряда собеседований товарищей думских депутатов с петербургскими рабочими».¹

Петербургские большевики, разоблачая ошибки социал-демократической думской фракции, вместе с тем старались оказать ей конкретную помощь в работе. Так, например, Петербургский комитет, обсудив доклад своего представителя в думской фракции, указал депутатам, что нужно в первую очередь выдвигать вопросы, близко затрагивавшие интересы пролетариата — о социальном законодательстве, разгроме профессиональных союзов, нормировке рабочего дня и т. п. Критика и помощь со стороны Большевицкого Центра во главе с В. И. Лениным, тесная связь с петербургскими рабочими, борьба большевиков-депутатов внутри фракции помогли в значительной мере выправить линию социал-демократической фракции 3-й Думы. В статье об итогах весенней думской сессии 1909 г. «Социал-демократ» дал положительную оценку деятельности фракции.

«Пессимисты предрекали нашей фракции в 3-й Думе жалкое положение группы, чувствующей свое бессилие и свою беспомощность среди сплошной массы ярых врагов. Действительность говорит обратное: социал-демократия... всего менее чувствует себя беспомощной в борьбе с черной стаей врагов. Самые скромные ее выступления, наименее яркие по форме заявления ее представителей проникнуты сознанием связи ее думской деятельности с предыдущей и будущей борьбой пролетариата на революционной арене, с теперешними попытками его передовых элементов возобновить прерванную нить открытого и организованного массового движения».²

Примером умелого использования Думы в интересах рабочего класса являлась деятельность депутата питерских рабочих Н. Г. Полетаева. Вся его работа в эти годы была образцом преданности пролетариату и честного служения партии большевиков.

В думской социал-демократической фракции Н. Г. Полетаев возглавлял большевистскую группу и последовательно боролся за революционную линию фракции, против оппортунизма и соглашательства меньшевиков.

Н. Г. Полетаев выступал в 3-й Государственной Думе по самым разнообразным вопросам, но главным образом по рабочему вопросу. Работая в течение десятков лет на различных заводах и особенно в Петербурге в качестве рабочего-металлиста, Н. Г. Полетаев имел большой жизненный и политический опыт. Этот опыт, подлинное знание предмета делало его выступления по рабочему вопросу живыми и конкретными, насыщенными многочисленными фактами и примерами из жизни

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 397.

² Социал-демократ, 1909, № 6.

рабочих. По форме выступления Н. Г. Полетаева в Думе отличались простотой, ясностью и лаконичностью. Деятельность Полетаева не ограничивалась только выступлениями в Думе. Он вел большую введумскую работу, поддерживая постоянную связь с массами. Полетаев часто бывал в рабочих клубах, обществах образования, профессиональных союзах. Здесь он выступал с лекциями, с докладами о работе фракции, участвовал в нелегальных заседаниях. Часто Полетаев выступал на нелегальных собраниях и массовках.

Если раньше В. И. Ленин критиковал рабочих-депутатов за их политические ошибки, то в дальнейшем он все больше и больше отмечает достижения социал-демократической фракции в деле разоблачения контрреволюционного существа Думы.

Пражская партийная конференция дала положительную оценку деятельности социал-демократической фракции Думы.

Итоги пятилетнего существования социал-демократической фракции в 3-й Думе блестяще подтвердили взгляды В. И. Ленина и большевиков-ленинцев на необходимость использования Думы в интересах пролетариата и показали всю реакционность отзовизма-ультиматизма.

Другой важной ареной борьбы большевиков с меньшевиками и отзовистами были профессиональные союзы.

Профессиональные союзы в Петербурге возникли и окрепли под руководством партии. Петербургский комитет строил свою работу в профсоюзах на основе решений Лондонского съезда партии. В этих решениях указывалось, что основной задачей социал-демократической работы в профсоюзах является содействие признанию профессиональными союзами идейного руководства партии и установлению организационной связи с ней. Партия требовала беспощадной борьбы с меньшевистским принципом нейтральности профессиональных союзов. Петербургский комитет принял резолюцию, в которой призывал к усилению работы в профсоюзах, к возможно большему сближению профсоюзов с социал-демократической партией.¹ Для постоянного согласования деятельности партии и союзов Комитет предложил союзам ввести во все их ячейки представительство от соответствующих партийных организаций.²

Против всех этих решений партии и Петербургского комитета выступили меньшевики, которые партийное руководство профсоюзами расценивали как попытку большевиков захватить союзы, как внедрение «политики» в жизнь профессиональных союзов. Меньшевики требовали не допускать в союз представителей партии, так как это может привести к репрессиям и к закрытию легального союза.³ Но ничто не помогло меньшевикам. По вопросу о профсоюзах петербургские большевики твердо шли по пути, указанному В. И. Лениным.

¹ Социал-демократ, 1908, № 1.

² Пролетарий, 1907, № 18.

³ Там же.

Большой вред профсоюзам наносили также отзовисты. Борясь против партии, они объединялись с эсерами в профессиональных союзах для того, чтобы добиться отказа профсоюзов снабжать думскую фракцию материалами для запросов о гонениях против профессиональных организаций. Они, как выше отмечено, входили в легальные рабочие организации, в том числе и в профсоюзы, для того чтобы проводить «взрывание изнутри». Работать в профессиональных союзах они отказывались на том основании, что легальные союзы не имеют якобы никакой силы и никакого значения.

Наступившая реакция уничтожила большинство профсоюзов в Петербурге, помещения их были разгромлены и опечатаны, а должностные лица арестованы. Сумели уцелеть лишь отдельные союзы, пустившие глубокие корни в массах и создавшие свои кадры активных работников.

В результате репрессий и полицейских разгромов к началу 1910 г. в Петербурге существовало только 17 профсоюзов (вместо 44 в 1906 г.), резко сократилось число членов в союзах (например, в профессиональном обществе рабочих по обработке металла число членов союза сократилось втрое к 1910 г.). За короткий срок было закрыто 27 печатных профессиональных органов.

Всю деятельность профессиональных союзов объединяло Центральное бюро профсоюзов, куда входил постоянный представитель от Петербургского комитета. Состав Центрального бюро выбирался и пополнялся на закрытых собраниях правлений профсоюзов по 1—2 чел. от каждого союза. Само Центральное бюро из-за закона 4 марта 1906 г. могло существовать только нелегально. Царская охранка дала довольно справедливую оценку деятельности Центрального бюро: «Это нелегальное сообщество, — писал в своем донесении начальник Петербургского охранного отделения, — являясь центральным руководящим органом всех профессиональных союзов г. Петербурга, безусловно направляет профессиональную и политическую деятельность союзов на революционный путь».¹

Петербургский комитет возглавил борьбу за сохранение союзов. По его настойчивому требованию социал-демократическая фракция 3-й Думы 4 апреля 1908 г. вносит запрос по поводу преследования профсоюзов. В этом запросе разоблачаются гнусные методы петербургских властей, громивших профсоюзы и подвергавших репрессиям профсоюзных работников. Лишь через год Дума обсудила этот запрос, причем было принято решение, целиком одобряющее политику правительства по отношению к профсоюзам.

По указанию Петербургского комитета некоторые профсоюзы существовали полулегально и нелегально. В союзах, несмотря на протесты меньшевиков, широко проводилась партийная работа. Большевики втягивали членскую массу союзов в революционную работу, не давая меньшевикам-ликвидаторам поставить проф-

¹ ЦГИАМ, ф. 111, оп. 5, д. 228, лл. 166—173.

союзы на службу буржуазии. Большевикам удалось направить работу профессиональных союзов на организацию рабочего класса для борьбы против царизма, против класса капиталистов.

В период реакция в профсоюзах было серьезно подорвано влияние меньшевиков-ликвидаторов и проведена подготовка для полного изгнания ликвидаторов с занимаемых постов, что с успехом было осуществлено в годы революционного подъема.

Революционное движение, пробудив рабочих к общественной деятельности, вызвало у них большой интерес и к культурно-просветительной работе.

Буржуазия стремилась использовать этот интерес рабочих в целях усиления своего влияния, учитывая свою привилегию на устройство лекций и разных образовательных учреждений, в которых буржуазная интеллигенция старалась отвлечь рабочих от политики и направить их внимание к культурническому крохоборству. В противовес этим стремлениям буржуазии социал-демократы ставили своей задачей использование легальных организаций для расширения и укрепления связи партии с массами.

Пятая Общероссийская конференция РСДРП (1908 г.) дала четкие указания о том, что социал-демократы обязаны принимать участие в работе клубов и культурно-просветительных обществ, используя последние в целях большевистской пропаганды и агитации и как средство укрепления классовой организованности пролетариата и развития его сознательности.

Петербургский комитет 27 февраля 1908 г. записал в своей резолюции по вопросу о клубах и просветительной деятельности: «ПК рекомендует товарищам брать на себя инициативу создания и ведения самостоятельных рабочих образовательных обществ, клубов и т. д. и использовать существующие организации при сохранении полной самостоятельности рабочих в этих образовательных организациях. Во всех учреждениях этих должны быть организованы социал-демократические группы.

«Всеякие попытки буржуазной интеллигенции использовать рабочие аудитории в своих интересах должны встретить отпор и разоблачение со стороны этих групп. При этих условиях культурно-просветительное движение сыграет подсобную роль в деле дальнейшего развития классового сознания в социалистической борьбе рабочего класса».¹

В этом постановлении замечательно то, что Петербургский комитет в целях усиления партийного влияния в образовательных обществах и клубах предлагает организовать в них социал-демократические группы. При этом подчеркивается необходимость сохранения «полной самостоятельности рабочих в этих образовательных организациях». Это последнее указание безусловно направлено против тех случаев, когда подобные учреждения организируются либерально-буржуазными

¹ Пролетарий, 1908, № 25.

кругами, частными благотворителями и существуют на средства таких учреждений. В этих случаях, как указывает Петербургский комитет, социал-демократы должны добиваться полной самостоятельности данных учреждений, т. е. независимости по отношению к «благотворителям» и «учредителям», и сосредоточения внутреннего управления в руках рабочих.

Меньшевики-ликвидаторы, отказавшись от строительства подпольной партийной организации, сосредоточили свои силы в клубах и профессиональных союзах.

Стараясь завладеть руководством клубов и культурно-просветительных обществ, ликвидаторы изгоняли оттуда малейшее проявление «политики», боясь того, как бы «политика» не нанесла ущерба легальности этих учреждений. Дело доходило до того, что ликвидаторы в Петербурге запрещали в клубах читать лекции о страховании рабочих, о женском съезде и т. п. В сущности, меньшевики-легалисты в этом смысле ничем не отличались от буржуазных культуртрегеров.

Перед петербургскими большевиками встала задача выбить меньшевиков-ликвидаторов из тех клубов и обществ, где они окопались.

В Петербурге существовало около 12 культурно-просветительных обществ. Эти общества и клубы то закрывались полицией, то возникали вновь. Они были разбросаны по всему городу: в Городском районе — клуб им. Стасюлевича, общество «Женская взаимопомощь» и Типографский музыкально-драматический и образовательный кружок; в Коломенском районе — общество «Просвещение»; в Нарвском районе — Нарвское общество образования; в Невском — клуб «Свет»; за Московской заставой — общество «Образование»; на Петербургской стороне — клуб «Знание»; на Выборгской — Сампсониевское общество образования; на Песках — общество «Наука»; в районе Обуховского завода — общество «Знание — свет» и Некрасовское общество образования. Некоторые из этих обществ уцелели с 1905 г., а некоторые возникли в 1907 г. и позднее.

В создании общества «Источник света и знания», организованного в конце 1907 г. по решению Василеостровского районного комитета партии в противовес меньшевистскому Гаванскому обществу образования, активное участие принимал М. И. Калинин, бывший тогда рабочим Трубочного завода.

В конце 1908 г. на Калашниковской набережной открылось рабочее культурно-просветительное общество «Наука». В начале 1909 г. предписанием петербургского градоначальника общество «Наука» было закрыто, но вскоре рабочие добились разрешения на открытие общества «Наука и жизнь», обосновавшегося на Херсонской улице, в доме № 2. В работе общества принимала горячее участие В. М. Бояч-Бруевич (Величкина), лекции читали Л. Р. Мевжинская и Г. В. Цыперович. Для большевиков это общество было явочной квартирой и средством революционного влияния на рабочих. Общество было закрыто полицией в 1910 г. и группа его руководителей арестована.

Сампсониевское общество образования, возникшее в Выборгском районе в 1908 г., пользовалось исключительной популярностью среди рабочих. В работе этого общества активное участие принимали большевички К. Н. Громова (Самойлова) и П. Ф. Куделли.

В Коломенском районе, вблизи Франко-Русского завода, в 1907 г. возникло общество «Просвещения». 18 октября 1910 г. это общество отмечало свое трехлетнее существование. О содержании работы общества можно судить по следующим данным.

В обществе состояло 426 чел., из них активное ядро насчитывало 50—60 чел. За год было проведено 109 лекций, на которых присутствовало 5686 слушателей, 19 научно-образовательных экскурсий (990 чел.), 20 литературно-музыкальных вечеров (1580 чел.). В библиотеке общества имелось 1278 книг, которыми пользовались 373 читателя. В обществе за два года было запрещено читать лекции по общественным вопросам 17 лекторам.¹

Многие просветительные рабочие общества возникли по инициативе партийных организаций в 1907—1908 гг., когда в связи с политической реакцией в стране остро встала потребность в создании такого рода легальных учреждений.

Царское правительство всячески ограничивало эти общества. На основании правил об обществах и союзах, изданных 4 марта 1906 г., обществам и союзам воспрещалось преследовать цели, «угрожающие общественному спокойствию и безопасности». На собраниях и лекциях непременно должен был присутствовать пристав или околоточный надзиратель.

В культурно-просветительных обществах и клубах, кроме школьных занятий, лекций, вечеров, концертов, читались нелегально для наиболее надежных членов доклады и рефераты на различные политические темы, во время которых между большевиками и меньшевиками возникали жаркие схватки. Обсуждались экономические нужды рабочих разных заводов, разрешались политические вопросы, устраивались лекции членов Государственной Думы — социал-демократов.

Для пополнения средств, кроме сбора членских взносов, устраивались платные публичные лекции и концерты, продавались журналы и газеты. Материальные средства давали также профессиональные союзы.

Для связи, взаимной поддержки и согласования деятельности всех рабочих клубов Петербурга была образована из представителей последних Межклубная комиссия, подобно тому, как в этих же целях существовало Центральное бюро профсоюзов. Межклубная комиссия, как и Центральное бюро, существовала нелегально.

Рабочие в своих воспоминаниях отзываются об обществах как о важном средстве политического воспитания пролетариата.

¹ ЦГИАМ, ф. 102, оп. 12, д. 5, ч. 51, л. 209.

В период между 1908 и 1910 гг. по инициативе буржуазно-демократических элементов был созван ряд общественных съездов: съезд народных университетов, женский съезд, съезд фабрично-заводских врачей, антиалкогольный съезд, съезд по борьбе с торгом женщинами. На эти съезды приглашались представители культурно-просветительных рабочих организаций, а на некоторые — представители профсоюзов.

На заседаниях общественных съездов делегациям рабочих организаций приходилось бороться с буржуазно-либеральными или аполитичными настроениями большинства их участников.

Антиалкогольный съезд происходил в Петербурге с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Съезд состоял из представителей обществ трезвости, религиозных и филантропических организаций. Несмотря на полицейские рогатки, представлялась возможность и рабочим попасть на этот съезд. На съезде было много попов, которые предлагали «лечить народ от зеленого змия» религией.

Отзовисты-ультиматисты предприняли специальную кампанию против участия в антиалкогольном съезде. Им удалось в Исполнительной комиссии Петербургского комитета провести свою резолюцию, которая рекомендовала социал-демократам явиться на съезд только для того, чтобы на первом заседании прочитать ультиматум-декларацию и демонстративно покинуть съезд.

Несмотря на эту резолюцию отзовистов-ультиматистов, отмененную впоследствии Петербургским комитетом, во всех районах Петербурга шла оживленная агитация за участие в работах съезда. Центральное бюро профсоюзов постановило принять участие в съезде, выбрало своего делегата и организовало доклады и обсуждение вопросов, стоявших на съезде, среди рабочих. В ноябре 1909 г. разными рабочими организациями Петербурга уже было избрано около 20 делегатов на антиалкогольный съезд.

Для совместного обсуждения поставленных на съезде вопросов собрание делегатов решило собираться до съезда по одному разу в неделю (по воскресеньям), но полиция расценила эти подготовительные мероприятия, «как угрозу общественной безопасности», и 15 ноября 1909 г. на одном из первых собраний произвела арест 12 рабочих делегатов съезда в помещении Гребенцкой школы на Петербургской стороне. Арестованных делегатов без предъявления обвинения держали в тюрьме, а некоторых потом выслали из города.

Профессиональным союзам полиция запретила обсуждать вопрос о пьянстве и выбирать на съезд своих делегатов. Но несмотря на все препятствия со стороны администрации и полиции, рабочие Петербурга прислали своих делегатов на съезд, открывшийся 28 декабря 1909 г. Прибыли на съезд и делегаты от других промышленных центров. Рабочих делегатов на съезде было 40 чел. Эта делегация стремилась осветить на съезде вопросы борьбы с пьянством с точки зрения пролетариата и его партии, т. е. увязать борьбу с пьянством с общей борьбой против существующего строя.

Члены рабочей группы проявили на съезде большую активность. Один рабочий делегат, выступая на съезде, заявил: «Являясь представителями рабочих, мы должны высказать свое мнение о съезде. Мы очень далеки от мысли, что съезд практически что-либо сделает. Нельзя успешно бороться с пьянством в стране, где само правительство спивает народ и нищета от этого доходит до ужасных размеров. . . Вы призываете нас к самостоятельности, а между тем закрываете наши клубы, союзы. И вот пример: прежде чем мы добрались до этой трибуны, мы должны были пожертвовать несколькими товарищами для помещения их на казенные квартиры, а при таких условиях борьба с пьянством немислима».¹

По окончании съезда весь состав рабочей делегации съезда был арестован и выслан из Петербурга. По этому поводу Петербургский комитет издал листовку, которая заканчивалась призывом протестовать против насилия.

29 апреля 1910 г. в Петербурге открылся съезд по борьбе с проституцией. Недостаток сил был причиной того, что подготовка к этому съезду партийных и рабочих организаций Петербурга не протекала так оживленно, как к антиалкогольному съезду. Этому также способствовало сопротивление со стороны отзовистов, агитировавших против участия в съезде.

В работе съезда участвовала сравнительно небольшая по составу рабочая делегация, в которой руководящую роль играли большевики — представители главным образом московских рабочих.

И на этом съезде рабочая делегация смело и резко вскрывала истинные причины, порождающие проституцию в капиталистическом обществе. Выступления рабочих неоднократно вызывали репрессии со стороны властей. Ввиду грубых попыток зажать рот рабочим делегатам последние были вынуждены покинуть съезд. Впоследствии начальник Петербургского охранного отделения писал в Департамент полиции: «Влияние малочисленной рабочей группы на съезд по борьбе с проституцией имело силу лишь в начале съезда, затем, под давлением требования администрации и президиума съезда, — рабочая группа покинула съезд ранее окончания его».²

На примерах указанных съездов видно, что большевики всемерно использовали эти легальные возможности для того, чтобы призвать массы к объединению вокруг партии и к укреплению революционной борьбы с самодержавием.

* * *

1911 год в Петербурге, как и во всей стране, проходил под знаком нарастающего революционного движения. Политические стачки, митинги и частичные де-

¹ Борьба (газета Невского района), 1910, № 4.

² ЦГИАМ, ф. 141, оп. 5, д. 228, лл. 166—173.

монстрации все чаще и чаще применяются петербургскими рабочими в борьбе с политической реакцией.

В январе происходили забастовки рабочих на заводе Питтш и прядильной фабрике Бек.

Во всех высших учебных заведениях Петербурга происходят бурные сходки студентов. Начавшаяся в конце января всеобщая стачка студентов в Петербурге отличалась исключительным упорством и продолжительностью. Теперь студенческое движение, после его спада в первые годы реакции, снова приобретает широкий размах и все более боевой характер. При большинстве выступивших учебных заведений были созданы студенческие социал-демократические фракции, которые руководили забастовочным движением и боролись с попытками придать движению буржуазно-либеральный характер.

О размахе студенческой борьбы можно судить по следующей заметке, опубликованной в «Звезде»: «С января по 23 февраля арестовано в Петербурге свыше 734 студента, переписано полицией свыше 2374 студента. Уволено 1860 студентов. Уволенные и замеченные высылаются из Петербурга».¹

Весной проводились многочисленные собрания и массовки, на которых рабочие выносили решения о необходимости укрепления нелегальной социал-демократической организации.

Все эти факты растущего революционного движения ставили перед петербургскими большевиками серьезные задачи и требовали организационного укрепления партийных органов.

В 1911 г. петербургские большевики продолжали с прежним упорством борьбу против ликвидаторов, троцкистов и впередовцев, а также против всякого рода беспринципных «примирителей» и «соглашателей». В основном борьба шла против меньшевиков-ликвидаторов и их пособников троцкистов, которые создали свою особую организацию. Меньшевики-ликвидаторы в 1911 г., чувствуя, что они теряют опору в массах, пытались любым способом оживить свою деятельность в Петербурге.

Петербургская «инициативная группа» ликвидаторов в начале 1911 г. подняла агитационную шумиху, которая называлась «петиционной кампанией». Сущность ее сводилась к тому, что рабочие должны обратиться с петицией к «господам народным представителям» 3-й Государственной Думы с просьбой предоставить рабочим законную возможность «свободно организовываться для защиты своих интересов».

Троцкий, который во всем поддерживал меньшевиков-ликвидаторов, с большим рвением ухватился за идею петиционной кампании и поднял в своей заграничной газете шум вокруг этого дела. Петиционная кампания самым наглядным образом отражала либеральную рабочую политику ликвидаторов и троцкистов, для которых петиции являлись «оружием классовой борьбы». На самом деле

¹ Звезда, 1911, № 11.

текст петиционной грамоты, составленный ликвидаторами, отнюдь не призывал к борьбе, а представлял собой жалкую слезливую мольбу о даровании свободы рабочим.

Большевики решительно выступили против петиционной кампании, этой либеральной затеи «обновить» режим 3 июня посредством «частичных улучшений». 1 апреля 1911 г. состоялось совещание рабочих представителей большевистских районных организаций Петербурга, решительно осудившее петиционную кампанию ликвидаторов.¹ Большевистские «Рабочая газета» (выходившая за границей) и «Звезда» выступили против петиционной кампании.

Пражская партийная конференция осудила петиционную кампанию как вредную бумажную затею, выражавшую либеральную рабочую политику ликвидаторов. В резолюции конференции по поводу петиционной кампании указано: «Судьба данной петиционной кампании явно подтвердила неправильность и оторванность от рабочей массы всего начинания: петиция собрала всего 1300 подписей, причем во всех партийных организациях, *без различия фракций и течений*, петиционная кампания не встретила абсолютно никакой поддержки». ² Так бесславно провалилась среди петерских рабочих петиционная возня, поднятая ликвидаторами и троцкистами.

Петерские большевики энергично готовились к празднику 1 мая. Подготовка шла через районные комитеты партии. Накануне Первомайских дней, 22 апреля, в 6 час. вечера, собрался двухтысячный митинг рабочих Путиловского завода. Митинг принял резолюцию протеста против преследования рабочих организаций и правительственного проекта о страховании рабочих.

Первомайские массовки и митинги проходили также на фабрике Печаткина, Невской ниточной фабрике, на заводе Сан-Галли. Всего в Петербурге было проведено до 20 массовок. Бастовали рабочие на Невской ниточной фабрике, на бумагопрядильной фабрике Джемс Бек.

К первомайским дням выпустили прокламации Петербургская и Городская районные партийные организации.

6 мая 1911 г. на Васильевском Острове состоялась рабочая демонстрация против правительственного законопроекта о страховании рабочих, в которой участвовало около 1000 чел.

Вопросы социального страхования приобрели большую остроту и имели важное значение для рабочих в связи с разработкой новых законопроектов, которые должна была рассмотреть Дума.

Правительственные чиновники составили законопроект о страховании от несчастных случаев и на случай болезни, который являлся шагом назад по сравнению со старыми законами 1886 и 1902 гг. Законопроект полностью уничтожал

¹ ЦГИАМ, ф. 102, оп. 12, д. 5, лл. 66—67.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 430.

самоуправление самих застрахованных лиц и подчинил все дело страхованию производу чиновников.

Петербургские рабочие, выражая протест против правительственного законопроекта о страховании рабочих, выставили следующие требования: 1) распространение страхования на все категории наемных рабочих; 2) возмещение всего заработка во всех случаях потери трудоспособности (при болезни, увечьи, инвалидности и старости); 3) возложение всех расходов на государство и предпринимателей; 4) полное и неограниченное самоуправление страховых организаций.

Страховая кампания служила для большевиков столицы средством укрепления их политического влияния среди рабочих масс. Меньшевики-ликвидаторы вместе с троцкистами стремились придать этой кампании строго «законный» характер, они выступали против «партийности» в страховых организациях, они отстаивали узко цеховую децентрализацию (по профессиям) всего страхового дела. Эти установки меньшевиков не встречали сочувствия среди питерского пролетариата.

В борьбе с петербургскими ликвидаторами и троцкистами активное участие принимал В. М. Молотов. Приехав в Петербург в июне 1911 г., после вологодской ссылки, В. М. Молотов с головой окунулся в революционную работу. Будучи студентом Политехнического института, он становится организатором большевистских групп среди петербургского студенчества. Позднее В. М. Молотов работает членом Петербургского комитета большевиков, ведет пропагандистскую работу среди рабочих Выборгского района и Николаевской железной дороги.

После июньского совещания цекисов и создания Заграничной организационной комиссии по созыву партийной конференции В. И. Ленин посылает в Россию ряд партийных работников: Г. К. Орджоникидзе, С. Спандарьяна и др. Он дает им задание укрепить местные партийные организации и создать Российскую организационную комиссию, которая должна взять в свои руки все дело подготовки конференции. В июле—августе посланцы Ленина объезжают крупнейшие партийные организации России, в том числе и Петербургскую.

Большевики всех районов Петербурга и его пригородов (Колпино и Сестрорецк) горячо приветствовали решения июньского совещания членов Центрального Комитета. Идея созыва общепартийной конференции была встречена с громадным воодушевлением и расценена как единственный выход из внутривнутрипартийного кризиса. Весть о предстоящем созыве общероссийской партийной конференции вызвала во всех районах Петербурга оживление партийной работы, прежде всего нелегальной. В течение августа 1911 г. в районах Петербурга состоялось свыше 20 массовок, несмотря на повсеместные аресты и обыски.

Осенью 1911 г. в крупнейших большевистских организациях России под руководством Г. К. Орджоникидзе и его помощников происходили выборы представителей в Российскую организационную комиссию (РОК) по созыву Всероссийской партийной конференции.

В конце ноября 1911 г. на многих заводах проводились митинги и демонстрации с требованием пересмотра дела осужденных социал-демократических депутатов 2-й Государственной Думы.

День 15 ноября, в связи с обсуждением в Думе запроса социал-демократической фракции по поводу участия арестованных депутатов 2-й Думы, ознаменовался рядом митингов протеста. В этот день Петербургский комитет организовал на Путиловском заводе многотысячный митинг рабочих, на котором выступил делегат от Петербурга на Пражской конференции. У Кабельного завода было организовано второе выступление, которое окончилось демонстрацией. Рабочие подняли красное знамя, вышли на улицу с пением революционных песен.

В. И. Ленин писал: «Едва ли не впервые в период лихолетия, с 1908-го года, страна видит, чувствует, осизает, как в связи с революционным протестом депутатов революционного пролетариата в черной Думе шевелится рабочая масса, поднимается брожение в рабочих кварталах столицы, устраиваются рабочие митинги (слова митинги!) с революционными с.-д. речами (митинги на Путиловском, Кабельном и др. заводах), появляются толки и слухи о политической массовой забастовке».¹

Непрерывная и упорная борьба В. И. Ленина и большевиков-ленинцев за большевистскую партийность против ликвидаторов, впередовцев и троцкистов завершилась в начале 1912 г. окончательным оформлением большевиков в самостоятельную партию.

В январе 1912 г. была созвана в Праге шестая Всероссийская партийная конференция, на которой были представлены организации обеих столиц (Петербурга и Москвы), Северо-Запада и Юга, Кавказа и Центрально-промышленного района. Работами конференции руководил вождь партии В. И. Ленин.

Конференция отметила, что в России начался новый подъем рабочего движения и заметно оживилась партийная работа, что всюду на местах признано и проводится в жизнь важнейшее правило большевистской тактики в период реакции, заключающееся в умелом сочетании легальных и нелегальных форм борьбы. Она подчеркнула необходимость усиленной работы по восстановлению нелегальной организации партии, использующей еще шире, чем это было до сих пор, все и всяческие легальные возможности, способной к руководству экономической борьбой пролетариата и единственно могущей руководить все участвующими политическими его выступлениями.²

Пражская конференция подтвердила резолюцию о третьиюньском режиме и задачах партии, принятую за три года перед тем декабрьской 1908 года партийной конференцией. Она дала самые подробные указания относительно позиции партии в связи с предстоящей избирательной кампанией в IV Государственную

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 295.

² Там же, стр. 419.

Думу; главными избирательными лозунгами, как указала Пражская конференция, должны были явиться: демократическая республика, 8-часовой рабочий день и конфискация всей помещичьей земли.

Конференцией были приняты решения по ряду других вопросов, имевших весьма крупное значение для партийной деятельности в России, в частности для работы Петербургской организации большевиков, как-то: о думской социал-демократической фракции, об отношении к думскому законопроекту о государственном страховании рабочих и т. д.

На Пражской конференции были изгнаны из партии ликвидаторы, навсегда было покончено с формальным объединением большевиков в одной партии с меньшевиками.

Пражская конференция выбрала большевистский Центральный Комитет партии во главе с В. И. Лениным. Для руководства партийной работой в России было создано Русское бюро ЦК.

Ликвидаторы, троцкисты, впередовцы встретили решения Пражской конференции с бешеной злобой и ненавистью. Зато все, кому были дороги интересы партии, с величайшим воодушевлением одобрили решения Пражской конференции.

По окончании конференции член Центрального Комитета Г. К. Орджоникидзе в начале февраля 1912 г. прибывает в Петербург. Здесь Орджоникидзе развивает активную деятельность, укрепляя петербургскую партийную организацию на основе решений Пражской конференции. Он выступает с докладами о конференции на заседании Петербургского комитета и в ряде районов. Партийные организации повсеместно выражали горячее одобрение решениям Пражской конференции.

10 февраля 1912 г. Орджоникидзе пишет из Петербурга:

«Дорогие друзья! Дела идут недурно, надеюсь пойдут совсем хорошо. Размыскал многое... Настроение среди публики отраднее. О ликвидаторах и слышать не хотят. Все, без различия, приветствуют наши начинания. В успехе не сомневаюсь. Почти на каждом заводе имеется сколоченная группа. Было одно собрание представителей ячеек Василеостровского района... человек 50. Выслушав доклад, приняли следующую резолюцию: «Выслушав доклад об общепартийной конференции, собрание представителей ячеек Василеостровского района выражает полную солидарность с решением и приветствует избранный ЦК и будет всячески поддерживать его в его трудной работе по объединению и сплочению всех партийных элементов, ведя решительную борьбу против разрушителей партии, ликвидаторов». Резолюция эта была принята единогласно.

«...рабочие слышать не хотят об единстве с ликвидаторами».¹

Во всех районах Петербурга партийные организации единодушно приветствовали и полностью одобрили решения исторической конференции. Организации

¹ Красный архив, 1939, т. IV (97), стр. 115.

теснее сплотились вокруг своих руководящих центров на основе решений и лозунгов Пражской конференции.

Ликвидаторы и троцкисты тщетно пытались в Петербурге привлечь на свою сторону партийные массы для созываемой ими ликвидаторской «конференции». Особенно изощрялся «внефракционный» Троцкий в своих усилиях построить антибольшевистский блок любых фракций и «течений», направленный против большевиков.

В «конференции» ликвидаторов участвовали только два представителя петербургской «инициативной группы», потерявшей всякую связь с петербургскими рабочими. Зато в Петербурге в выборах на ликвидаторскую «конференцию» не участвовали ни одна районная партийная организация, ни одна заводская социал-демократическая группа.

Грандиозные апрельско-майские бои петербургского пролетариата ознаменовали конец периода реакции и вступление России в новую историческую полосу — в полосу революционного подъема.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ГОДЫ НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА В ПЕТЕРБУРГЕ

Период нового революционного подъема 1912—1914 гг. является очень важным этапом подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. В эти годы под руководством ленинского Центрального Комитета большевистская партия, сочетая нелегальную и легальную работу, сумела прочно завоевать широкие массы рабочих. В 1912—1914 гг. продолжалось формирование руководящего ядра большевистской партии, возглавившего революционные бои русского пролетариата в 1917 г.

Во главе революционного движения рабочих России в 1912—1914 гг. шел петербургский пролетариат. В Петербурге, столице Российской империи, сложились и политические и экономические условия, способствовавшие превращению петербургских рабочих в авангардный отряд русского революционного пролетариата.

Дворянско-буржуазный Петербург, в котором сосредоточивались царский двор, придворная знать, высшие органы государственной власти, чиновничье-бюрократический аппарат царского самодержавия, а также правления крупнейших монополистических организаций русского финансового капитала, В. И. Ленин называл «цитаделью врага». ¹ Сюда Центральный Комитет партии направлял для революционной работы лучшие силы. Здесь, в частности, по поручению Централь-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 33, стр. 313.

ного Комитета, в 1912—1914 гг. работали М. И. Калинин, В. В. Куйбышев, В. М. Молотов, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, Н. М. Шверник.

В течение всего периода нового революционного подъема в Петербурге большую революционную работу проводил нелегальный Петербургский комитет. Организация Петербургского комитета делала его хорошо законспирированным. Строился он следующим образом: нелегальные заводские партийные комитеты посылали представителей в районные комитеты. Районные комитеты тайным голосованием избирали исполнительную комиссию из трех лиц, причем не весь комитет знал, кто входит в ее состав. Исполнительные комиссии районов посылали представителей уже в Петербургский комитет, но состав его опять-таки не был известен всем членам районных комитетов. Петербургский комитет из своего состава избирал исполнительную комиссию из трех лиц.

Таким образом, Петербургский комитет имел связи со всеми районами города и всеми заводами. Авторитет его среди рабочих был велик. Он руководил революционным движением петербургских рабочих, на все важные события рабочей жизни отзывался выпуском нелегальных листовок, был тесно связан с массами.¹

Нелегальные органы партии в Петербурге, как и по всей России, в 1912—1914 гг. попрежнему являлись основной руководящей силой в подготовке большевистской партии новой революции. В то же самое время максимально использовались и легальные возможности. С 22 апреля (5 мая) 1912 г. по инициативе петербургских рабочих в Петербурге стала выходить ежедневная легальная газета большевистской партии — «Правда». В. И. Ленин указывал, что, «поставив ежедневную рабочую газету, петербургские рабочие совершили крупное, — без преувеличения можно сказать, историческое дело».² «Правда» сыграла «важную роль в укреплении партийных рядов и расширении связи партии с массами, в воспитании нового поколения революционных рабочих, в борьбе с ликвидаторами, троцкистами и отзовистами и прочими оппортунистами».³ Наряду с «Правдой», после закрытия «Звезды», в Петербурге в мае—октябре 1912 г. издавалась легальная большевистская газета «Невская звезда».

Важным общероссийским легальным органом большевистской партии в 1912—1914 гг. также являлась большевистская фракция 4-й Государственной Думы, неразрывно связанная с «Правдой». Благодаря наличию в Петербурге легальной рабочей печати, способной отражать ход предвыборной борьбы, избирательная кампания в Петербурге являлась образцом для рабочих всей России. Поэтому подготовку и проведение выборов в Петербурге большевики обращали особенное внимание. Петербургские рабочие находились в центре избирательной борьбы. «На их плечи, — указывал В. И. Ленин, — падает великое и трудное дело. Они

¹ Социал-демократ, 1913, № 32.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 166.

³ Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, 1953.

служат образцом. Они должны развернуть максимум инициативы, энергии и настойчивости. Они сделали это с ежедневной рабочей газетой. Они должны продолжить великолепно начатое дело и на выборах».¹

Успешное проведение выборов в Петербурге, а затем повседневная тесная связь петербургских рабочих с большевистскими депутатами, поддержка выступлений депутатов-большевиков в Государственной Думе показали, что петербургские рабочие блестяще справились с задачей, поставленной перед ними Центральным Комитетом большевистской партии.

Петербург являлся крупным центром легальной рабочей печати. Кроме «Правды» и «Невской звезды», в Петербурге в 1912—1914 гг. издавался большевистский журнал «Просвещение», журналы различных профессиональных союзов. С 1913 г. начал издаваться журнал «Вопросы страхования», с 1914 г. — журнал «Работница». К 1914 г. в Петербурге насчитывалось до 20 профессиональных союзов рабочих и служащих, около десятка рабочих клубов.

Легальная работа большевистской партии в массах способствовала росту политического сознания, революционизированию петербургских рабочих, превращению их в революционный авангард рабочего класса всей России.

Росту революционного движения в 1912—1914 гг. благоприятствовало экономическое положение, сложившееся к этому времени в стране.

Длительный период кризиса и депрессии в 1909—1913 гг. сменился промышленным подъемом, сказавшимся прежде всего в тяжелой, в частности металлообрабатывающей, промышленности России.² Промышленный подъем охватил и промышленность Петербурга, ведущей отраслью которой было металлообрабатывающее производство. С 1908 по 1913 г. число рабочих-металлистов в Петербурге возросло на 62% и составляло около 90 тыс. чел., т. е. 40% общего числа всех петербургских рабочих и 13% общего числа всех рабочих-металлистов России. К этому же времени 82% всех металлистов Петербурга были заняты на крупных и крупнейших предприятиях с числом рабочих более 500 чел. Эта необычайно высокая концентрация в сочетании с хорошо поставленной революционной работой нелегальных большевистских ячеек превращала рабочих-металлистов в передовой, наиболее революционный отряд петербургского пролетариата. Так как в этот период все крупные, как частные, так и казенные, металлообрабатывающие предприятия были перегружены срочными заказами царского правительства, готовившегося к войне, то, по свидетельству фабричной инспекции, ощущался недостаток в квалифицированной рабочей силе.³ Поэтому в своих требованиях улучшения условий труда и быта⁴ рабочие могли наступать на капиталистов, не опасаясь

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 124—125.

² Подробнее об этом см. в 1—2-й главах.

³ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 19, д. 321, л. 3.

⁴ О положении петербургских рабочих см. в 3-й главе.

расчета за каждое выступление, как в 1900—1903 гг., в период промышленного кризиса.

На втором месте по числу рабочих к 1913 г. стояла текстильная промышленность Петербурга. С 1908 по 1913 г. число рабочих-текстильщиков возросло на 26% и достигло к 1913 г. 43 тыс. чел. 90% текстильщиков Петербурга были заняты на предприятиях с числом рабочих 500 чел. и выше. Текстильщики в революционной борьбе составили второй по численности отряд петербургских рабочих. Однако в революционных событиях 1912—1914 гг. они уступали металлистам, были менее активны. Это объясняется отчасти тем, что промышленный подъем 1909—1913 гг. почти не коснулся текстильной промышленности. Кроме того, в этой отрасли промышленности было меньше кадрового пролетариата, текстильщики были более связаны с землей.

Рабочие других отраслей промышленности Петербурга в силу меньшего политического развития и условий производства принимали менее активное участие в революционных событиях 1912—1914 гг. Однако и они все более и более втягивались в революционную борьбу и шли за своим передовым отрядом — металлистами.

В 1909—1913 гг. рост петербургской промышленности, как и промышленности всей России, происходил в условиях развитого империализма; почти все акционированные предприятия Петербурга входили в состав крупнейших синдикатов страны.

Эксплоатация рабочих усиливается. Монополии в погоне за максимальной прибылью увеличивали путем применения сверхурочных работ интенсификацию труда, удлиняли рабочий день. В связи с ростом цен на продукты питания, промышленные товары и жилища происходило систематическое падение реальной заработной платы рабочих. Гнет отечественного капитала усугублялся гнетом иностранного финансового капитала, в руки которого в результате антинародной политики самодержавия к 1914 г. попали важнейшие отрасли народного хозяйства России.

В ожесточенных стачках 1912—1914 гг. отстаивал петербургский пролетариат свои завоевания 1905—1907 гг. и добивался улучшения своего положения.

Злейшим врагом трудящихся масс России являлся царизм. Буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. потерпела поражение, и в 1912—1914 гг. страной попрежнему управляло ничем не ограниченное царское правительство, опиравшееся на крупных землевладельцев-крепостников типа Пуришкевича, Маркова II, ярых реакционеров, основателей и активных участников погромных черносотенных организаций — «Союза русского народа» и «Палаты Михаила Архангела». Класс дворян попрежнему был самым могущественным классом в России. Менее чем 30 тыс. помещиков Европейской России владели 70 млн десятин земли. После 1905 г., как указывал В. И. Ленин, «старый правящий класс, помещики-последыши, оставаясь правящим попрежнему, создал себе соответственную пар-

тию. Эта партия и есть «Союз русского народа» или «правые» Гос. думы и Гос. совета».¹

Кроме «правых», существовала еще одна помещичья партия — партия националистов, ничем по существу не отличающаяся от партии «правых».

Политика помещичьих партий по отношению к трудящимся нашла свое яркое выражение в реакционнейших актах царизма 1912—1914 гг. Она проявилась, например, в расстреле на Лене мирного шестия рабочих, в спровоцированном царскими властями по указке Совета объединенного дворянства в Киеве деле Бейдлса.

В Петербурге в течение всего периода революционного подъема 1912—1914 гг. не прекращало действовать положение об усиленной охране, по которому каждый стачечник рассматривался как «нарушитель общественного спокойствия» и подвергался административным взысканиям. В эти годы, когда стачечное движение рабочих России достигло вновь размеров, каких не знало мировое рабочее движение, стачками рабочих занялся Совет министров. В конце 1913 г. при Совете министров было создано специальное междуведомственное совещание по борьбе с забастовками рабочих. На заседаниях этого совещания обсуждались вопросы о создании новых законов, направленных главным образом против участников политических стачек. Пересматривался договор о найме рабочих. По новому проекту неявка на работу во время стачки должна была служить поводом для немедленного расторжения договора о найме и увольнения рабочего.

Явно контрреволюционными в период 1912—1914 гг. являлись все буржуазные партии (октябристы, прогрессисты, кадеты). Русские капиталисты, напуганные революцией 1905—1907 гг., в своих политических требованиях были безмерно робкими и со стороны царизма ожидали только защиты от «ярости народной». В. И. Ленин неоднократно подчеркивал «поразительное, чудовищное, почти невероятное политическое бессилие» русской буржуазии, объясняемое тем, что «буржуазия гораздо больше боится революции, чем реакции».² Образцом политического бессилия русской буржуазии являлась деятельность в 1912—1914 гг. продолжавшего свою работу в Петербурге Совета съездов представителей промышленности и торговли. Ни на повестке дня съездов, проходивших в эти годы (6-й, 7-й, 8-й съезды), ни в печатном органе Совета съездов «Промышленность и торговля» ни разу не были подняты и поставлены вопросы политического характера. Финансовые воротилы ограничивали свою деятельность кругом вопросов, непосредственно касавшихся только экономических интересов буржуазии: выражали недовольство «обременительной» налоговой политикой правительства по отношению к промышленности и торговле, чрезмерным расширением предпринимательской деятельности казны, конкурирующей с частной инициативой промышленников, и т. д.³

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 32.

² Там же, стр. 117.

³ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, дд. 55, 59, 60 и др.

Почти все предприниматели столицы, в том числе 88,6% всех металлостроителей и 99,5% всех хозяев текстильных предприятий в 1912—1914 гг. являлись членами Петербургского общества заводчиков и фабрикантов, продолжавшего проводить политику удушения революционного движения петербургских рабочих.

Взамен конвенции от 15 марта 1905 г. и обязательного постановления от 4 января 1908 г., направленных против забастовок рабочих, с целью остановить начавшийся революционный подъем обществом была выработана конвенция от 28 июня 1912 г. и гарантии к ее выполнению. По этому соглашению члены общества обязались за забастовочное время рабочим не платить, не допускать никаких представительных организаций рабочих на предприятиях, не допускать вмешательства рабочих обществ в заводские дела, не принимать на работу с бастующих фабрик и заводов согласно рассылаемым «черным спискам» забастовщиков. За несоблюдение того или иного пункта конвенции по разработанной таблице неустоек с членов общества взимался штраф. Так, например, за каждый случай несообщения в Совет общества о стачке взимался штраф в 25 руб.¹

Яркими врагами большевистской партии и всего революционного движения в России в 1912—1914 гг. попрежнему являлись рабски следовавшие тактике буржуазии меньшевики-ликвидаторы. Вопреки решениям партии в декабре 1908 г. и в январе 1910 г. о вреде и губительности ликвидаторства для рабочего движения и о необходимости борьбы с этим уклоном от марксизма, выражавшим буржуазное влияние на пролетариат, ликвидаторы попрежнему продолжали «в насмешку над всеми решениями партии, поносить и травить партию, т. е. «подполье»».² Поэтому партия большевиков в январе 1912 г. на Пражской партийной конференции изгнала ликвидаторов из Российской социал-демократической рабочей партии.

Изгнанные из партии, меньшевики-ликвидаторы в 1912 г. объединились против большевиков в организованный Троцким августовский антипартийный блок и на протяжении всего периода 1912—1914 гг. продолжали вести в рабочий класс оппортунистические буржуазные идеи. В своей газете «Луч» и ежемесячнике «Наша заря» ликвидаторы, стремясь уничтожить нелегальную партию рабочего класса, клеветали на программу и тактику большевистской партии. Отказавшись от дела революции, ликвидаторы всеми мерами пытались отвлечь рабочих от революционной политической борьбы с царским самодержавием и капиталистами. Революционные стачки рабочих 1912—1914 гг. они считали стачками экономического характера. Начало революционного подъема в стране ликвидаторы объясняли борьбой рабочих за «свободу коалиций». Революционные стачки осени 1912 г. они называли «стаечным азартом».

¹ Правда, 1912, № 90.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 134.

Большевики и в нелегальных, и в легальных организациях вели ожесточенную борьбу с ликвидаторами, вскрывая оппортунизм и антиреволюционный характер их выступлений.

Особая заслуга в деле разгрома и разоблачения ликвидаторов принадлежит В. И. Ленину. На протяжении всего периода нового революционного подъема В. И. Ленин требовал от большевиков неустанной борьбы с ликвидаторами как оппортунистами, обманывающими народ болтовней о частных реформах и отвергающими политическую программу партии. В целом ряде статей этого периода, помещаемых в «Правде», В. И. Ленин разоблачал ликвидаторов, показывая исторические корни этого мелкобуржуазного течения и необходимость непримиримой борьбы с ним. «Ликвидаторы, — указывал В. И. Ленин, — это — мелкобуржуазные интеллигенты, посланные буржуазией нести либеральный разврат в рабочую среду. Ликвидаторы — изменники марксизма и изменники демократии. Лозунг „борьбы за открытую партию“ у них (как и у либералов, как и у народников) есть прикрытие отречения от прошлого и *разрыва с рабочим классом*».¹ Под руководством большевистской партии рабочие к 1914 г. изгнали ликвидаторов из всех легальных рабочих организаций. Августовский блок ликвидаторов и тропкистов фактически распался. За ликвидаторами к 1914 г. шла совсем ничтожная часть рабочих России.

Единственной выразительницей и защитницей интересов рабочего класса в 1912—1914 гг., таким образом, являлась большевистская партия, под руководством которой шел рабочий класс навстречу новой революции. Свидетельством все нараставшего революционного движения в стране являлся бурный рост стачечной борьбы рабочего класса. Стачки рабочих носили в основном политический характер и проходили под лозунгами программы-минимум большевистской партии: требование конфискации помещичьих земель, 8-часового рабочего дня и демократической республики. Особую силу стачкам рабочих придавало переплетение политических и экономических требований.

За годы революционного подъема в России имело место большое число серьезных крестьянских выступлений.

Столыпинская аграрная «реформа» разорила и довела в 1911 г. до голодовки 30 млн крестьян. Крестьяне активно выступали против помещиков и кулаков, самовольно запахивали землю, препятствовали работе столыпинских «землеустроителей», рубили господский лес, уничтожали кулацкие хутора и помещичьи имения.

Большевистская партия в 1912—1914 гг. проводила активную революционную работу в армии и флоте. В. И. Ленин придавал огромное значение усилению революционной работы в войсках. По указанию Центрального Комитета местные

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 137.

большевистские комитеты создавали организации в армии и во флоте и с их помощью вели революционную пропаганду и агитацию среди солдат и матросов. В 1912—1914 гг. имели место революционные выступления матросов Балтийского и Черноморского флотов, восстание туркестанских сапер (в 1912 г.).

Как указывал В. И. Ленин в июле 1912 г., «массовые стачки не могли не зажечь *повсюду* революционного пламени». Но в условиях, когда общеполитический кризис в стране еще только нарастал, призывы к восстанию были бы крайне неразумны. «Восстания еще *преждевременны*. Только *соединенный* натиск рабочих масс, крестьянства и лучшей части армии может создать условия *победоносного*, т. е. *своевременного* восстания».¹

В 1912—1914 гг. революционное движение в стране разрасталось с необычайной быстротой. Уже в июне 1913 г. в статье «Маевка революционного пролетариата» В. И. Ленин следующим образом определяет положение в стране: «Политический кризис общенационального масштаба в России налицо и притом это — кризис такой, который касается именно *основ* государственного устройства, а вовсе не каких-либо частных его, касается *фундамента* здания, а не той или иной пристройки, не того или иного этажа».²

Исходя из наличия в стране революционного кризиса и втягивания в революционную стачечную борьбу новых районов страны, до сих пор или слабо, или вовсе не участвовавших в революционной стачечной борьбе (Москва, юг и др.), Пороинское партийное совещание в августе 1913 г. указало, «что движение подходит к постановке на очередь *всероссийской политической стачки*».³ Совещание предложило всем партийным организациям страны немедленно и повсеместно начать систематическую подготовительную агитацию к *всероссийской политической стачке*.

После Пороинского партийного совещания революционное движение в стране переходит на новую, высшую ступень.

Главной движущей силой всех революционных событий 1912—1914 гг. являлся рабочий класс, причем это был рабочий класс, прошедший школу революции 1905—1907 гг., имевший за спиной огромный политический опыт 1907—1912 гг., когда его интересы предала, скатившись в болото оппортунизма, большая часть прежде революционно настроенной мелкобуржуазной интеллигенции. Только большевики, руководимые ленинским Центральным Комитетом, остались верными делу рабочего класса, делу революции.

Наиболее политически развитой, организованной и революционной частью пролетариата России в силу сложившихся в Петербурге политических и экономических условий, как неоднократно указывал В. И. Ленин, являлся петербургский

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 212.

² Там же, т. 19, стр. 195.

³ Там же, стр. 380.

пролетариат. В июле 1914 г., незадолго до империалистической войны, В. И. Ленин писал: «Во главе рабочего движения последних лет идет Петербург. В то время как пролетариат в некоторых (теперь уже не во многих) местах провинции не может еще проснуться от тяжелого сна периода 1907—1911 гг., а в других местах только еще предпринимает первые шаги для того, чтобы встать в ряд с петербургским пролетариатом, этот последний развил громадную активность, откликаясь, как чуткий барометр, на все события, имеющие отношение к рабочему движению. Петербургский пролетариат стоит на первом месте».¹

Остановимся на том, как протекали революционные события 1912—1914 гг. в Петербурге.

* * *

Ленские события явились мощным толчком для перехода к новому революционному подъему.

В Петербурге о событиях на Лене рабочие узнали 6 апреля. Немедленно в социал-демократическую фракцию 3-й Государственной Думы от рабочих фабрик и заводов посыпались протесты с требованием расследовать преступление, наказать виновных и обеспечить семьи пострадавших. Большевицкая газета «Звезда» в эти дни печатала десятки гневных резолюций, вынесенных рабочими на собраниях и митингах. На ликвидационном собрании профессионального общества петербургских рабочих по обработке металла,² например, была вынесена следующая резолюция, помещенная в «Звезде»: «...мы считаем виновниками расстрела не только представителей администрации и капитала, но и весь современный русский строй».³

9 апреля 1912 г. социал-демократическая фракция внесла запрос о событиях на Лене в Государственную Думу. Рабочие насторожились в ожидании ответа. После наглого заявления министра внутренних дел Макарова: «Так было и так будет впредь», гнев и возмущение рабочих достигли наивысшего предела. В Петербурге начались массовые выступления рабочих. Руководимые Русским бюро Центрального Комитета большевистской партии, они носили организованный характер. На всех крупных заводах Петербурга проводились митинги. Всюду большевики призывали рабочих к забастовкам и демонстрациям протеста против ленских событий. На Путиловском и Обуховском заводах были разбросаны изданные местными партийными организациями прокламации с призывом в воскресенье, 15 апреля, организованно выйти на демонстрацию.

14 и 15 апреля состоялись демонстрации рабочих на Петербургской стороне, за Нарвской заставой. 15 апреля сотни рабочих, студентов, курсисток, несмотря

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 518.

² Профессиональное общество петербургских рабочих по обработке металла было открыто царскими властями 6 марта 1912 г.

³ Звезда, 1912, № 29.

№ 27,

ЗВЕЗДА

Годъ издания второй.

Владельцы: **В. М. Мительман, Б. Г. Глебов, А. Ульянский.**

Редакция: **В. М. Мительман, Б. Г. Глебов, А. Ульянский.**

Адрес: **Мительман и Глебов, Б.-Петербург, Рязанская, 15, кв. 15.**

Мительман и Глебов в Н. д. в 2-й этаж, дом 1.

№ 27 (14)

Воскресенье, 8-ое Апрель 1912 г.

№ 27 (14)

В Ленокском приходе
№ 270
рашено 250.

льтурные
способы

В Ленокском приходе, на территории, которую он занимает, в настоящее время находится 270 дворов. В настоящее время в Ленокском приходе находится 270 дворов. В настоящее время в Ленокском приходе находится 270 дворов.

Краткий обзор

В настоящее время в Ленокском приходе находится 270 дворов. В настоящее время в Ленокском приходе находится 270 дворов.

Заметать

В настоящее время в Ленокском приходе находится 270 дворов. В настоящее время в Ленокском приходе находится 270 дворов.

Записка

В настоящее время в Ленокском приходе находится 270 дворов. В настоящее время в Ленокском приходе находится 270 дворов.

Заметать

В настоящее время в Ленокском приходе находится 270 дворов. В настоящее время в Ленокском приходе находится 270 дворов.

Вольшевистская газета «Звезда». Номер, посвященный Ленскому расстрелу.

на преследования полиции, со всех концов города прорывались на Невский проспект и группами в 200—300 чел., возникшими в различных местах, шли по проспекту с красными флагами и пением «Вечной памяти» погибшим на Лене товарищам, пока их не разогнала полиция. За день полицией было арестовано 132 демонстранта.

В период между 15 и 22 апреля в Петербурге проходили массовые однодневные забастовки протеста. С каждым днем число бастовавших заводов увеличивалось. 14 апреля бастовали рабочие заводов б. Парвайнин; 16 апреля — Металлического, Эриксон, «Феникс», Лангеншпен, Розенкранц; 17 апреля — Путиловского, Коппель, Зигель. Забастовка на Путиловском заводе продолжалась и 18 апреля. Рабочие всех цехов бросили работу. «Демонстрация — весь завод, вся застава — с пением революционных песен двигалась к Нарвским воротам. Полиция, испуганная мощной демонстрацией, скрылась. Новый большой отряд полиции появился лишь на Ушаковской улице. Но и он не посмел тронуть рабочих. Попытки городских расеять шествие легко отбивались. Иногда слышался голос: «Проклятие палачам рабочих!». И тогда по всем рядам шествия перекатылся мощный возглас: «Проклятие палачам!»¹.

¹ М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульянский. История Путиловского завода. Изд. 2-е, 1941, стр. 317.

По данным «Звезды», в Петербурге в эти дни всего бастовало 140 тыс. рабочих 400 фабрик и заводов.¹ По всей России в стачках протеста против событий на Лене участвовало около 300 тыс. рабочих. Статьи, помещаемые в «Звезде», призывали рабочих к борьбе, к объединению вокруг большевистской партии.

Сила и организованность революционных выступлений пролетариата по всей стране в знак протеста против событий на Лене застали правительственный лагерь врасплох и заставили его отступить. Макаров вынужден был покинуть пост министра внутренних дел, а министр торговли и промышленности С. И. Тимашев 18 апреля на заседании Думы обещал, что правительство проведет подробное и всестороннее обследование «этого прискорбного дела». На приiski был направлен с чрезвычайными полномочиями член Государственного совета сенатор Манухин. Все эти действия царского самодержавия, разумеется, были только маневром, имевшим целью сорвать начавшийся в стране революционный подъем.

Петербургское общество заводчиков и фабрикантов, несмотря на существовавшие соглашения от 1905 и 1908 гг., по которым за каждую политическую забастовку на рабочих должен был налагаться штраф, также вынуждено было пойти на уступки. 17 апреля 1912 г. общее собрание членов общества, созванное специально по поводу ленских забастовок, решило: «... ввиду исключительных обстоятельств дела постановление о штрафовании рабочих в данном случае не применять, подтвердив в то же время обязательность такового постановления на будущее время».²

Начавшийся в стране революционный подъем, размах и организованность выступлений рабочих по всей России, и особенно в Петербурге, позволили ЦК большевистской партии ускорить дело давно намечавшегося издания в Петербурге ежедневной легальной большевистской газеты «Правда». «Звезда» имела большое значение для развития рабочего движения, особенно с осени 1911 г., когда она стала выходить как чисто большевистский орган. Велика была ее организующая и направляющая роль в дни революционных выступлений против ленских событий. Но с наступлением массового революционного подъема в стране, выходя раз в неделю, «Звезда» не смогла бы должным образом повседневно руководить революционными выступлениями широких рабочих масс.

Еще на Пражской партийной конференции в январе 1912 г. под руководством В. И. Ленина состоялось специальное заседание, на котором было решено приступить к изданию в Петербурге массовой ежедневной легальной рабочей газеты. Необходимость издания такой газеты, как видно из корреспонденций в «Звезду», понимали и сами петербургские рабочие. Они горячо откликнулись на призыв «Звезды» издавать ежедневную марксистскую газету. Начался сбор средств на «Правду». В январе 1912 г. от рабочих поступило 14 групповых взносов, в феврале — 18, в марте — 76. В апреле число групповых взносов резко возросло,

¹ Звезда, 1912, № 31.

² ГИАЛО, ф. 4267, св. 266, д. 2236, л. 26.

Дом, где помещалась редакция «Правды», Ивановская улица, дом № 11.

достигнув 277, что, по существу, и обеспечило возможность начать издание «Правды».¹

Таким образом, «Правда» была создана главным образом самими рабочими, на средства рабочих. Естественно, петербургские рабочие являлись инициаторами ее создания. Об этом газета в статье «Как возникла „Правда“» писала следующим образом: «В самые тяжелые годы реакции (1909—1911 гг.) сознательные петербургские рабочие не переставали делить мечту о создании ежедневной рабочей газеты». В этой же статье указывалось, что «как бы ни были велики заслуги отдельных лиц, все же не нужно забывать, что главнейшую работу выполнил сам пролетариат, вся сознательная пролетарская масса».²

Из 504 групповых сборов на «Правду», поступивших с 1 января по 1 июля 1912 г., 412 были сделаны петербургскими рабочими. Передовую роль петербургских рабочих в создании «Правды» и затем в ее повседневной поддержке, в защите от репрессий со стороны царских властей неоднократно подчеркивал В. И. Ленин.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 170.

² Правда, 1913, № 92.

В отличие от буржуазных газет и газет ликвидаторов, существовавших на средства буржуазии, «Правда» поддерживалась только рабочими. «Рабочие Петербурга, — писал В. И. Ленин, — покажи в какие-нибудь полгода, каким громадным успехом могут сопровождаться совместные рабочие сборы. Пусть их пример, их почти не пропадет даром. Пусть разовьется и окрепнет обычай *рабочей копейки на рабочую газету!*»¹

В течение всего периода выхода в свет «Правды» ее работой бесменно руководил В. И. Ленин. С началом нового революционного подъема, чтобы быть поближе к России, В. И. Ленин переезжает из Парижа в Краков. Н. К. Крупская в своих воспоминаниях пишет: «Краковская эмиграция не походила на парижскую или швейцарскую... В Кракове мы почти целиком жили интересами русской работы. Связи с Россией устанавливались очень быстро самые тесные. Газеты из Питера приходили на третий день... С «Правдой» были налажены самые тесные отношения. Чуть не ежедневно писал Ильич в «Правду» статьи, посылал туда письма, следил за работой «Правды», вербовал для нее сотрудников. Настаивал он всячески, чтобы принимал в ней участие Горький».² За 1912—1914 гг. в «Правде» было напечатано около 250 статей В. И. Ленина. В этих статьях он освещает самые важные, насущные вопросы политического и экономического положения страны: крестьянский вопрос, национальный вопрос, вопросы революционной борьбы рабочего класса, предательство ликвидаторами и другими мелкобуржуазными партиями в течении дела революции, и т. д. Все статьи В. И. Ленина этого периода пронизывает мысль о кризисном положении в стране, о необходимости активной подготовки к грядущей революции в форме различных революционных выступлений, о беспощадной борьбе с врагами революции.

Внимательно следя за материалами, публикуемыми в «Правде», В. И. Ленин повседневно руководил направлением ее работы и исправлял ошибки, допускаемые редакцией. Так, в самом начале выхода «Правды» в свет, редакция взяла неправильный тон по отношению к ликвидаторам, не вела с ними должной борьбы, не упоминала самого слова «ликвидатор». В. И. Ленин решительным образом потребовал от редакции исправления этой ошибки. В июле 1912 г. он написал в редакцию «Правды» ряд писем с требованием ярче выразить марксистское, антиликвидаторское направление «Правды». Направляя в «Правду» статью «Об избирательной платформе», В. И. Ленин писал: «На выкидывание упоминания о ликвидаторах *не могу согласиться*».³ В письме, написанном в редакцию 1 августа 1912 г., В. И. Ленин настаивал, чтобы выборный отдел газеты обязательно также носил ярко антиликвидаторский характер.⁴

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 180.

² Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине, ч. II, 1933, стр. 183.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 35, стр. 20.

⁴ Там же, стр. 22.

Типография, где печаталась газета «Путь правды» в 1913 г. Стереотипный цех. Фотография.

На основе этих указаний В. И. Ленина газета резко изменила тон и стала вести ожесточенную борьбу с ликвидаторами. Уже в августе 1912 г. в «Правде» была помещена направленная против меньшевиков-ликвидаторов статья В. И. Ленина «Спорные вопросы».

В дальнейшем В. И. Ленин также вникает во все стороны работы «Правды».

С сентября 1912 г. существенную помощь редакции «Правды» оказывает бежавший из ссылки И. В. Сталин.

В конце 1912 г. редакция «Правды» опять стала допускать серьезные ошибки. На Порошинском партийном совещании Центрального Комитета с партийными работниками было принято решение поручить редактирование «Правды» Я. М. Свердлову. Я. М. Свердлов горячо взялся за дело. Вот как об этом вспоминает депутат-большевик Ф. Н. Самойлов, на квартире у которого нелегально проживал бежавший из тюрьмы Я. М. Свердлов: «В январе 1913 г. у меня в комнате поселился Яков Михайлович Свердлов. Он тогда был фактическим редактором газеты «Правда». . . Часто он целыми сутками не выходил из комнаты и возился с газетными рукописями».¹

¹ Ф. Н. Самойлов. По следам минувшего. Изд. 3-е, М., 1954, стр. 231—232.

Но преданный провокатором Малиновским Я. М. Свердлов в феврале был арестован на квартире у «неприкосновенного» депутата Петровского. Вскоре был арестован и И. В. Сталин.

Благодаря неослабному вниманию В. И. Ленина к «Правде», которую он считал важнейшим средством завоевания рабочего класса на сторону большевистской партии, газета последовательно решала стоявшие перед ней революционные задачи.

Самое активное участие в работе «Правды» принимал В. М. Молотов. В течение первых 6 месяцев издания «Правды», до своего перехода на нелегальное положение, В. М. Молотов являлся секретарем редакции «Правды» и, кроме того, вел один из наиболее актуальных отделов — отдел стачечной хроники. В 1912—1914 гг., когда стачечная борьба петербургских рабочих приняла огромный размах, отдел стачечной хроники был в «Правде» необычайно ответственным участком работы.

В. М. Молотов вспоминал в 1922 г.: «Тогда в мою комнату секретаря редакции вливался поток людей и событий такой бодрой революционной силы и смелости, которые бываю только в такие знаменательные времена, как эпоха работы «Правды»...

«Вот опять трое рабочих металлистов с «Сименса и Гальске»... мне уже хорошо известных по ежедневным посещениям товарищей, фактически руководящий стачечный центр, обсуждают полупшопотом в сторонке стратегию и тактику стачки. Они, обсудив свое положение, сейчас же составят заметку, как держаться и на что есть надежда у сименцев. Мы и сами с ними обсуждаем каждый их шаг. — Завтра в газету нужно, — говорят они твердо. — Ладно, товарищи, будет сделано. И знаем, что завтра на митинге забастовщиков в Гавани «Правда» будет жадно читаться у нескольких тысяч сименцев».¹

Систематически преследуемый полицией, В. М. Молотов уже в конце 1912 г. был вынужден перейти на нелегальное положение. В этот период он активно работает как член Петербургского комитета, ведет обширную пропагандистскую работу в Выборгском и других районах города, принимает активное участие в избирательной кампании в 4-ю Государственную Думу.

В апреле 1913 г. В. М. Молотов был арестован и выслан из Петербурга с запрещением жить в «64 пунктах». После выхода из тюрьмы он поселился недалеко от столицы и попрежнему неутомимо работал в Петербургском комитете и в «Правде». Возглавляя в этот период в «Правде» отдел профессионального движения, В. М. Молотов оказывал большую помощь в издании профессиональных журналов, налаживании работы профессиональных союзов.

В течение 1912—1914 гг. В. М. Молотов написал для «Правды» большое число статей по вопросам стачечного и профессионального движения, экономики и политики и важнейшим вопросам революционной теории и рабочего движения.

¹ В. Молотов. Из прошлого «Правды». Правда, 1922, № 98.

В 23-летнем возрасте В. М. Молотов являлся зрелым марксистом, последовательно и горячо борющимся за революционную линию партии. Статьи В. М. Молотова помещались в «Правде» без подписи и под псевдонимами А. Рябин, В. Михайлов, А. Званов.

Обучаясь в Петербургском политехническом институте, В. М. Молотов вел большую работу по сплочению большевистских студенческих групп высших учебных заведений столицы — Университета, Горного института, Политехнического института — вокруг большевистской партии, по завоеванию студенческих групп, зараженных ликвидаторством, на сторону большевизма. В эти годы В. М. Молотов являлся также постоянным сотрудником большевистского журнала «Просвещение».

М. И. Калинин, избранный на Пражской партийной конференции кандидатом в члены ЦК большевистской партии, а на Поронинском партийном совещании кооптированный в члены ЦК, в 1912—1914 гг. находился в Петербурге. Он являлся также членом Русского бюро ЦК. В период нового революционного подъема М. И. Калинин помогал изданию «Правды». Особенно большую работу по изданию и распространению «Правды» М. И. Калинин пришлось вести в 1913 и 1914 гг., после ареста Я. М. Свердлова и И. В. Сталина, когда он оставался в Петербурге единственным членом Центрального Комитета.

С момента поступления в 1913 г. на работу на крупный машиностроительный завод «Новый Айпаз» М. И. Калинин возглавил деятельность партийной ячейки завода. Из 1200 рабочих завода 500 являлись подписчиками «Правды», 400 — членами профсоюза металлистов. Рабочие завода одними из первых откликнулись на все события рабочей жизни. Огромную помощь М. И. Калинин оказывал в работе большевикам-депутатам 4-й Думы, союзу металлистов.

Постоянными сотрудниками редакции «Правды» являлись М. С. Ольминский, Н. Г. Полетаев, К. Н. Самойлова, А. И. Елизарова, К. С. Еремеев.

На обязанности М. С. Ольминского лежало составление и редактирование номеров «Правды» по указаниям В. И. Ленина. М. С. Ольминский уделял огромное внимание воспитанию сети рабочих корреспондентов, проводил большую работу по организации сборов на газету среди рабочих.

Одним из активнейших сотрудников «Правды» являлся также Н. Г. Полетаев. В. М. Молотов указывал на выдающуюся роль Н. Г. Полетаева в постановке «Правды»: «Николай Гурьевич заботился и входил во все. Он и с типографией ладит, и квартиру подыскивает. . . и хозяйство газеты налаживает, и работников подбирает. . . Депутат от петербургских рабочих в Государственной Думе, сам питерский рабочий и старый большевик, он, мало выступавший с речами в Думе, выполнял для петербургского пролетариата важнейшие дела скромно, незаметно, но действительно беззаветно».¹

¹ Там же.

Отделом рабочей хроники, самым большим и популярным среди рабочих, ведал К. С. Еремеев, старейший рабочий-журналист. Он принимал сотни рабочих корреспондентов, выслушивал устные сообщения о стачках и освещал их в «Правде», гневно бичевал штрейкбрехеров.

Беззаветно отдавали свои силы «Правде» К. Н. Самойлова и А. И. Елизарова. К. Н. Самойлова под псевдонимом «Сибирский» писала в «Правду» статьи о беспросветном положении русских женщин-работниц. После перехода В. М. Молотова на нелегальное положение, К. Н. Самойлова стала секретарем редакции «Правды».

В 1912—1914 гг. «Правда», о которой В. И. Ленин говорил, что она «фактически... была органом *Центрального Комитета* нашей партии»,¹ являлась оружием сплочения вокруг большевистской партии широких масс рабочего класса и крестьянства всей России. Шовинистические, погромные газеты типа «Нового времени», правительственная печать, газеты и журналы контрреволюционной буржуазии, кадетская «Речь», ликвидаторские журналы и газеты, бульварные газеты типа «Биржевых ведомостей» и «Копейки» ставили своей целью одурманить сознание рабочих, отвлечь их от дела революции. «Правда» ворвалась в эту атмосферу обмана рабочего класса, лжи и демагогии ярким лучом света.

Петербургские рабочие справедливо считали «Правду» своей газетой. Выход первого номера газеты ожидался с большим нетерпением. Как вспоминает Н. Г. Полетаев, «когда первый номер „Правды“ был сверстан, стереотипы отлиты и все присутствующие на выпуске товарищи начали спускаться с четвертого этажа, где помещалась редакционная комната, в машинное отделение, нашим глазам представилась следующая картина: вся лестница, коридор, машинное отделение и типографский двор заполнены рабочими с фабрик и заводов, еще с вечера пришедшими за первым номером „Правды“».²

Петербургские рабочие считали делом чести и своей прямой обязанностью распространение «Правды» как в Петербурге, так и по всей стране. На всех предприятиях имелись десятки добровольцев, доставлявших газету на завод даже в дни, когда номер был конфискован. «Правда» будила революционное сознание рабочих, активизировала деятельность рабочих организаций, способствовала созданию партийных ячеек на предприятиях города. «Является подписчик с нового завода, — писал В. М. Молотов, — и мы знали, что это значит в заводе организуется ячейка нашей партии».³

Основным материалом, печатавшимся на страницах «Правды», были корреспонденции самих рабочих. Так, во второй год существования «Правды» в среднем на каждый номер газеты приходилось по 41 корреспонденции от рабочих.⁴ Своим

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 23, стр. 352.

² Правда, 1927, № 100.

³ В. М. Молотов. Из прошлого «Правды».

⁴ К. Остроухова. Партия большевиков в годы нового революционного подъема 1954, стр. 31.

существованием «Правда» обязана была только сборам рабочих, являвшимся как бы их партийными взносами. Например, в честь двухлетнего юбилея «Правды» за 6 недель было собрано более 16 тыс. руб., причем более 10 тыс. руб. из них собрали петербургские рабочие.¹

Благодаря массовой поддержке рабочих «Правда» выходила большим по тому времени тиражом в 40 тыс. экземпляров, а в дни революционных праздников и юбилейные дни тираж ее достигал 80—130 тыс. экземпляров. В мае 1914 г. у «Правды» было 8858 подписчиков в 684 пунктах России.²

«Правда», руководимая ленинским Центральным Комитетом большевистской партии, возглавляла революционную борьбу рабочего класса России во всех ее формах. Статьи «Правды», посвященные тому или иному вопросу рабочего движения (стачечной борьбе, профессиональной или клубной работе, страховой кампании) воспринимались рабочими как прямые указания на тактику и методы борьбы. Призывать открыто к забастовкам «Правда» не могла. Это делали нелегальные листовки Центрального Комитета, Петербургского комитета. «Правда» помещала специальные статьи, посвященные истории тех или иных революционных праздников, и призвала рабочих по-боевому отметить эти праздники. Во избежание закрытия «Правда» вообще вынуждена была говорить с рабочими «эзоповским» языком. Однако рабочие хорошо понимали язык своей газеты. Особенно большое значение приобретала «Правда» как штаб революционной борьбы в периоды массовых стачек, охватывавших тысячи рабочих. «Хроника стачечной борьбы, — указывает В. М. Молотов, — в это время была пульсом газеты. И именно поэтому «Правда» была душой борющихся рабочих. Именно поэтому «Правда» сыграла исключительную роль в подготовке революции».³

После каждого массового революционного выступления рабочих, длительной стачки на каком-нибудь крупном заводе (Обуховском, Путиловском и др.), коллективных экономических стачек нескольких предприятий и т. д. «Правда» подводила итоги, в которых анализировала ход стачки, допущенные ошибки и делала необходимые выводы на будущее.

«Правда» являлась одним из важнейших средств для завоевания легальных рабочих организаций на сторону большевистской партии и изгнания из них ликвидаторов. В целом ряде статей В. И. Ленина этого периода давалась характеристика ликвидаторства, истории его появления, его классовой сущности и огромного вреда, наносимого ликвидаторством делу революции. В результате этой работы «Правды» к началу империалистической войны из легальных рабочих организаций как Петербурга, так и всей страны ликвидаторы были изгнаны.

«Правда» проводила широкую пропаганду идей марксизма среди трудящегося населения России. Она раскрывала перед крестьянством причины его нищенского

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 517.

² С. М. Ковалев. Большевистская «Правда» 1912—1914. М., 1941, стр. 57.

³ В. М. Молотов. Из прошлого «Правды».

полукрепостного положения, перед ремесленниками, служащими и прислужной — задачи их организации и т. д. Большевицкая газета неустанно боролась против национальной политики царизма, освещала вопросы международного социалистического движения. Она приветствовала мощный подъем демократического движения в азиатских странах, разоблачала оппортунизм правых лидеров социал-демократических партий Запада, знакомила с вопросами экономической сущности империализма, наживавшегося на милитаризации экономики своих стран и все усиливавшейся эксплуатации трудящихся.

«Правда» объединяла революционное движение в стране в одно русло — подготовку новой революции. Она сплачивала вокруг партии рассеянные по всей стране партийные организации и разъясняла необходимость единства действий. Особым конспиративным языком газета доводила до сведения рабочих решения партийных конференций.

Для царских властей день ото дня все ясней становилась руководящая роль «Правды» в революционном движении. Поэтому большевицкая газета подвергалась бесчисленным репрессиям. Из 636 номеров, вышедших с 22 апреля 1912 г. по 8 июля 1914 г., 152 номера были конфискованы, а 35 оштрафованы на сумму 16 250 руб. Редакторы «Правды» в общей сложности приговорены были к 103 месяцам тюрьмы.¹ За 2½ года газету закрывали 7 раз, но она каждый раз выходила вновь под новым названием и попрежнему являлась средством сплочения рабочего класса вокруг находящейся в подполье большевицкой партии.

Результаты работы «Правды» были неизмеримыми. Как писал В. И. Ленин к 10-летию юбилею «Правды», в основании «Искры» в 1900 г. участвовал какой-нибудь десяток революционеров, а «в 1912—1913 годах, когда возникла легальная большевицкая „Правда“, за ней стояли десятки и сотни тысяч рабочих, своими копейными сборами победивших и гнет царизма, и конкуренцию мелкобуржуазных предателей социализма, меньшевиков».²

* * *

В условиях начавшегося в стране нового революционного подъема подготовка к Первомайским дням 1912 г. впервые после долгих лет реакции велась с необычайной энергией. «Правда» сразу включилась в эту работу, придав ей широкий размах. Она призвала рабочих покинуть в этот день заводы, фабрики, мастерские, залить улицы шумной толпой, веселой бодрящей песней. Газета предупреждала, что 1 мая вся полиция будет поставлена на ноги, и призвала к организованности.³

¹ С. М. Ковалев, ук. соч., стр. 4.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 33, стр. 313—314.

³ Правда, 1912, № 8.

В Петербурге перед 1 мая был арестован почти весь состав Петербургского комитета, но революционное выступление рабочих 1 мая было уже подготовлено. От имени Комитета была выпущена прокламация, призывавшая рабочих к забастовке и демонстрации под тремя революционными лозунгами большевистской партии. Листовка называла места общегородских и районных демонстраций.¹ Было создано центральное бюро по организации первомайских выступлений, состоялись собрания рабочих по районам. Так, 30 апреля охранное отделение доносило в Департамент полиции о таких собраниях рабочих Московского района, на которых обсуждался вопрос об участии в демонстрации 1 мая. На этих собраниях большевики вели ожесточенную борьбу с ликвидаторами, требовавшими отказа от политической борьбы.²

Оправившись от растерянности, характерной для него в дни левских событий, царское правительство мобилизовало все силы на борьбу с революционными выступлениями рабочих. 16 марта и 6 апреля на места губернаторам, градоначальникам и начальникам охранных отделений Департаментом полиции были разосланы циркуляры, в которых требовалось обеспечить 1 мая «полный порядок и спокойствие».

Администрация казенных заводов требовала присылки войск на заводы. Петербургский губернатор ходатайствовал в штабе Петербургского военного округа о том же самом.³ Совет Общества петербургских заводчиков и фабрикантов 30 апреля, как сообщала «Правда», попросил всех «господ членов» сообщить на прилагаемых бланках, как прошел на заводе день 1 мая.

Но вся эта «подготовка» царского самодержавия и капиталистов не принесла желаемых результатов. Не успели прекратиться забастовки протеста против левских событий, как по всей стране начались забастовки и демонстрации, посвященные 1 мая. Если в 1911 г. первомайские выступления имели место в 17 губерниях России, то в 1912 г. — в 50 губерниях (400 тыс. участников).⁴

В Петербурге политическая забастовка 1 мая охватила 200 тыс. рабочих, что составляло 80% всех фабрично-заводских рабочих столицы. Как сообщала «Правда», наибольшее число бастовавших было за Невской заставой и на Выборгской стороне, где в день 1 мая работали только по два предприятия.

Забастовки в рабочих районах Петербурга обычно начинались с митингов на крупнейших металлургических предприятиях. После митинга рабочие выходили из ворот завода и, подняв красный флаг, шли к другим предприятиям, которые также прекращали работу и примыкали к демонстрантам. За Нарвской заставой такую демонстрацию начали рабочие Путиловского завода. К ним примкнули рабочие

¹ Листовки петербургских большевиков 1902—1917, т. II. Госполитиздат, 1939, стр. 64—65.

² ЦГИАМ, Д. П., О.О., д. 101, 1912 г., л. 69.

³ ЦГИАМ, Д. П., IV д-во, д. 149, 1912 г., л. 104.

⁴ Там же, л. 177.

других заводов. Демонстрация с пением революционных песен и красным флагом дошла до Нарвских ворот, где была разогнана полицией. За Невской заставой первыми забастовали рабочие Невского судостроительного завода. Подняв красный флаг, с пением «Марсельезы» демонстрация по Шлиссельбургскому тракту дошла до Общественного переулка, где была рассеяна городовыми. На Выборгской стороне организаторами демонстрации являлись рабочие Металлического завода, после митинга вышедшие с пением революционных песен на Полустровскую набережную. К ним примкнули рабочие заводов «Феникс», Розенкранца. Полиция разогнала демонстрантов. Несмотря на то, что рабочие районы были оцеплены полицией и никого не пропускали из района в район и в центр города, многие рабочие под руководством большевиков прорвались сквозь полицейские кордоны и к 12 час., как указывалось в листовке Петербургского комитета, проникли на Невский проспект. 200—300 путильовцев пришли сюда со стороны Садовой улицы.

В течение всего дня группы рабочих и студентов собирались по нескольку сот человек в различных местах Невского проспекта: у Пассажа, Аничкова дворца, на Садовой, пытались организовать демонстрации. Поднимались красные флаги, запевались революционные песни. Как сообщало охранное отделение, наряды полиции разогнали 11 таких групп демонстрантов.¹ Несмотря на дождливую погоду, только к 8 час. вечера полиции удалось освободить Невский проспект от рабочих.

Подготовленная под руководством ЦК РСДРП петербургскими большевиками однодневная массовая стачка-демонстрация петербургских рабочих, как и апрельские стачки протеста, являлась свидетельством нового революционного подъема в стране. В. И. Ленин отмечал, что революционные выступления петербургских рабочих проходили под лозунгами Пражской конференции. Характеризуя первомайскую листовку петербургских большевиков, В. И. Ленин писал: «Мы видим из этого поучительного документа, что все лозунги, выставленные конференцией РСДРП, восприняты петербургским пролетариатом и запечатлели собой первые шаги новой русской революции».²

Организованность и революционный характер выступления штерских рабочих вынуждены были признать и царское самодержавие и предприниматели. Даже черносотенное «Новое время» признало, что «пролетариат Петербурга уже организовался для некоторых совместных действий». Только ликвидаторы утверждали, что стачки протеста против ленских событий были вызваны борьбой рабочих «за право коалиций», а майские выступления были почти стихийными, так как в них рабочие экономические требования «осложнили» политическими требованиями. Ликвидаторы утверждали, что «перед нами полоса экономических стачек. Было бы непоправимой ошибкой, если бы они переплетались с политическими выступлениями рабочих».³

¹ ЦГИАМ, Д. П., О. О., д. 101, 1912 г., лл. 144—145 об.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 95.

³ Цит. по: В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 71.

В. И. Ленин называл подобные выступления ликвидаторов «либеральной контрабандой». Он писал, что «именно *всесторонний* характер стачек всего более привлекает массу новых участников, всего более обеспечивает силу натиска и сочувствие общества, всего больше гарантирует как успех самих рабочих, так и общенародное значение их движения».¹

В. И. Ленин указывал, что вопреки писаниям ликвидаторов о том, что в апрельских выступлениях рабочие боролись за право коалиций, социал-демократический «пролетариат Петербурга... развернул *республиканское* знамя, требуя 8-часового рабочего дня и конфискации помещичьих земель, как единственных гарантий действительно демократического характера революции».²

Выступление рабочих 1 мая было настолько организованным, что Петербургское общество заводчиков и фабрикантов растерялось. Несмотря на существующие соглашения о штрафовании рабочих за участие в политической стачке, были оштрафованы рабочие только 13 предприятий, причем 11 667 чел. немедленно забастовали, требуя снятия штрафа. Стачки носили упорный характер. Рабочие двух заводов Сименс и Гальске, например, бастовали более 3 месяцев, рабочие трамвайных парков трех районов — 21 день. Капиталисты, чтобы восстановить «нормальные отношения» на производстве, вынуждены были пойти на уступки. Таким образом, силой наступления петербургских рабочих фронт предпринимателей был сломен.

Департамент полиции, обеспокоенный таким положением, послал на имя министра торговли и промышленности отношение, в котором предлагалось внушить заводчикам и фабрикантам о необходимости одинаково сурового отношения к стачечникам.³ Через два месяца, 28 июня, Петербургское общество заводчиков и фабрикантов, напуганное организованностью и размахом апрельско-майских выступлений рабочих, утвердило новую конвенцию против забастовок рабочих, выше уже отмеченную нами.

Несмотря ни на что новый революционный подъем в стране был налицо. В апрельско-майских политических стачках по всей стране участвовало 700 тыс. рабочих. Половину всех стачечников (340 тыс.) составляли петербургские рабочие.

В течение лета 1912 г. в Петербурге в 156 стачках участвовало 30 984 рабочих 183 предприятий.⁴ Таким образом, вопреки предсказаниям правительственной «Торгово-промышленной газеты», летом 1912 г. забастовочная волна не ушла, а разлилась по отдельным предприятиям.

В этот период большевистская партия через нелегальные партийные ячейки, легальные рабочие организации и печать приняла деятельное участие в начавшейся страховой кампании.

¹ Там же, т. 18, стр. 70.

² Там же, стр. 98.

³ ЦГИАМ, Д. П., IV д-во, л. 61, ч. 2, т. 1, 1912 г., л. 113—113 об.

⁴ Подсчитано автором по данным «Правды».

Похороненные в период столыпинской реакции страховые законопроекты с началом в стране нового революционного подъема были с необычайной для неповоротливой бюрократической машины царского самодержавия быстротой проведены через все инстанции и 23 июня 1912 г. получили силу законов.

Уродливый и куцый страховой закон большевистская партия использовала для революционной агитации в массах. «Правда» начала активную кампанию по разъяснению страховых законов, согласно которым страхованию подлежала только $\frac{1}{6}$ часть рабочих России. Рабочие обеспечивались пособием не во всех случаях утраты трудоспособности, а только при болезни и несчастных случаях. Страховые учреждения на предприятиях (больничные кассы) отдавались под надзор царских чиновников, полиции и капиталистов. «Правда» критиковала положения закона и в кратких популярных статьях формулировала полную страховую программу: охват страхованием всех рабочих, страхование при всех случаях потери трудоспособности, полное самоуправление рабочих в страховых организациях. По мере проведения в жизнь страховых законов, больничные кассы на фабриках и заводах Петербурга становились действительными защитниками интересов рабочих и превращались в опорные пункты большевистской партии, работавшие по директивам нелегальных центров.

Апрельско-майская волна стачек активизировала в Петербурге работу всех существовавших легальных рабочих организаций и их печатных органов.

Важнейшими опорными пунктами большевистской партии в массах являлись профессиональные союзы. Петербург в 1912—1914 гг. являлся крупнейшим центром профессионального движения России. К 1914 г. в Петербурге насчитывалось всего 20 профессиональных союзов; 13 из них были профессиональными союзами рабочих. Общее руководство союзами осуществлял Петербургский комитет через нелегальное Центральное бюро профсоюзов, куда входили представители от всех правлений союзов. К началу империалистической войны, как писал В. И. Ленин в июне 1914 г., из «20-ти профессиональных союзов Санкт-Петербурга... только чертежники, фармацевты и конторщики ликвидаторы, да наполовину печатники. Во всех остальных союзах, и у металлистов, и у текстильщиков, и у портных, и у деревообделочников, и у приказчиков и т. д. *полнейшее* преобладание правдистов».¹ Это означало, что в 1912—1914 гг. в результате ожесточенной борьбы большевиков с ликвидаторами за массы рабочего класса победа оказалась на стороне большевиков. Ликвидаторскими в Петербурге являлись только 3 профсоюза служащих. Огромную направляющую роль в работе профсоюзов Петербурга играла как нелегальная большевистская печать, так и газета «Правда», журналы «Промещение», «Вопросы страхования».

Крупнейшим профсоюзом Петербурга являлся профсоюз металлистов (Б. Пушкинская улица, д. 34а). Он подвергался бесчисленным репрессиям царского

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 475.

самодержавия. В начале 1912 г. союз был закрыт, но быстро возобновил свою работу. Осенью 1912 г. он был опять закрыт и возобновил свою деятельность только весной 1913 г. Окончательно профсоюз металлистов был закрыт царскими властями в марте 1914 г.

Профсоюз металлистов, как и все рабочие союзы, рос и креп вместе с ростом стачечной борьбы петербургских рабочих. Если в марте 1913 г. в нем насчитывалось 600 членов, то к моменту выборов правления, к 25 августа 1913 г., в 10 отделениях союза уже насчитывалось 5667 чел., а к январю 1914 г. в 11 отделениях — более 10 тыс. чел.¹ В марте 1913 г. союз окончательно очистился от ликвидаторов. Осенью 1913 г. и в начале 1914 г. через союз металлистов партия руководила почти всеми крупными стачками металлистов на отдельных предприятиях. Кроме руководства стачечной борьбой и помощи бастующим, союз металлистов принимал активное участие в страховой кампании, заботился об оказании периодической помощи членам союза, устраивал различные культурно-просветительные мероприятия и т. д. Большой популярностью среди рабочих пользовался и печатный орган союза — журнал «Металлист», работавший в тесном контакте с «Правдой». Очень часто журнал перепечатывал различные статьи и сообщения из «Правды». Активное участие в работе союза принимали М. И. Калинин и Н. М. Шверник.

Вторым по величине союзом рабочих Петербурга был профсоюз печатников. Он насчитывал к 1914 г. 5000 членов.² Союз имел свой печатный орган. Если металлисты быстро изгнали из правления своего союза ликвидаторов, то печатники терпели их в течение всего периода 1912—1914 гг. Это объяснялось тем, как указывал В. И. Ленин, что «печатники во всех странах наиболее склонны к оппортунизму, и некоторые разряды их наилучше оплачиваются».³

Союз печатников поэтому не выделялся, несмотря на большое число членов, своей активностью. Печатники слабее, чем металлисты и текстильщики, участвовали и в стачечной борьбе петербургского пролетариата.

Четвертым по величине был профсоюз текстильщиков (Лиговка, 117), насчитывавший к 1914 г. 1300 членов. С 1914 г. он начал издавать свой орган «Текстильный рабочий». Союз не отличался особенной активностью в рабочем движении Петербурга в 1912—1914 гг.

Профессиональное общество рабочих булочно-кондитерского производства (Лиговка, 88) к январю 1914 г. насчитывало более 1,5 тыс. членов. Союз издавал свой журнал «Жизнь пекарей». Это был один из наиболее активных большевистских профсоюзов Петербурга. Начиная с организованного выступления петербургских булочников-кондитеров в политической стачке-демонстрации 1 мая 1912 г. в количестве 10 тыс. чел., на протяжении всего периода нового револю-

¹ С.-Петербург и его жизнь. СПб., 1914, стр. 203.

² Там же, стр. 205.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 341.

ционного подъема профсоюз активно руководил революционной борьбой рабочих-булочников. В стачечной борьбе 1912—1914 гг. булочники, выступая коллективно, по несколько десятков пекарен, а в 1914 г. — целыми районами города, добились большой организованности и успехов. Поэтому союз подвергался систематическим репрессиям. После организации стачки бараночников в 50 пекарнях и стачки всех пекарен Филиппова в 1912 г., закончившихся полной победой рабочих, были арестованы и высланы руководящие работники союза и в том числе секретарь союза большевик Б. Иванов. В результате стачки булочных Филиппова было арестовано до 30 передовых рабочих этих пекарен — членов союза. Град репрессий сыпался и в 1913 г., и, наконец, в январе 1914 г. по распоряжению петербургского градоначальника союз был закрыт. Вновь он был разрешен только через полгода. Но еще не успев развернуть своей работы, союз был разгромлен вместе со всеми союзами и их печатными органами в июле 1914 г.¹

Из других профессиональных союзов рабочих в Петербурге в 1912—1914 гг. наиболее активно работали профсоюз рабочих золотосеребрянников и бронзовщиков (Лиговка, 117), насчитывавший к 1914 г. 600 членов, и профсоюз рабочих-портных (Лиговка, 88), насчитывавший к 1914 г. около 1000 членов. Оба союза имели свои печатные органы («Голос золотосеребрянника», «Вестник портных») и живо откликнулись на все насущные вопросы рабочего движения.

Всего к 1914 г. профессиональные союзы объединяли до 10% всех фабрично-заводских рабочих города. Они являлись могучим средством завоевания широких масс рабочего класса на сторону большевистской партии.

Большая работа, закончившаяся победой большевиков, в 1912—1914 гг. была проделана по изгнанию ликвидаторов и завоеванию на сторону большевистской партии рабочих культурно-просветительных обществ.

К 1914 г. в Петербурге вели работу 8 рабочих культурно-просветительных обществ, насчитывавших около 4000 членов. Их деятельностью руководила нелегальная межклубная комиссия, работавшая по указаниям Петербургского комитета.

Самым крупным из них было Сампсониевское общество образования в Выборгском районе (Бабурии пер., д. 5). В нем насчитывалось 1075 членов, имелась библиотека, вечерняя школа. Отделение общества на Б. Охте имело свои воскресно-вечерние курсы для взрослых.² Сампсониевское общество образования было одним из важнейших опорных пунктов партии в Выборгском районе. В нем вели революционную работу Н. М. Шверник, П. Ф. Куделли и другие большевики.

Крупным культурно-просветительным обществом являлось также общество «Источник света и знания» на Васильевском Острове (14 линия, д. 31). Общество

¹ Подробно о деятельности профсоюза рабочих булочно-кондитерского производства см.: Б. Иванов. Профессиональное движение рабочих хлебо-пекарно-кондитерского производства Петрограда и губернии (с 1903—1917 год). М., 1920, стр. 111—125.

² С.-Петербург и его жизнь, стр. 213.

насчитывало 930 членов, имело свою библиотеку, вело широкую лекционную и другую культурно-просветительную работу (кружки самодеятельности, экскурсии и т. д.).¹

Активно работали также культурно-просветительные общества «Знание» на Петербургской стороне (Б. Гребенская улица, д. 12), насчитывавшее к 1914 г. 450 членов, и общество «Знание — свет» за Невской заставой (Александровская улица, д. 1, кв. 3), насчитывавшее около 500 членов. Оба общества имели свои библиотеки и проводили широкую лекционную и образовательную работу среди членов общества. Общество «Знание — свет», кроме того, имело детскую школу, где обучалось до 80 детей членов общества.

Остальные 4 общества: Общество образования за Московской заставой (700 членов), Коломенское общество образования (250 членов), общество «Наука и жизнь» (940 членов) и 2-е Нарвское общество образования (300 членов) также проводили широкую лекционную и образовательную работу среди своих членов.²

Летом 1912 г., после апрельско-майской стачечной волны, в период общего подъема революционного движения, работа культурно-просветительных обществ, как и работа профсоюзов, значительно оживилась.

Отвоеванные у ликвидаторов рабочие культурно-просветительные общества в годы нового революционного подъема использовались для неlegalной революционной деятельности большевиков.

*

12 июня 1912 г. заканчивался срок полномочий 3-й Государственной Думы. Осенью должны были проводиться выборы в 4-ю Государственную Думу.

Еще на Пражской партийной конференции в январе 1912 г. партия большевиков определила свои задачи в предстоящей избирательной кампании. В резолюции «О выборах в IV Государственную Думу» указывалось, что партия должна принять участие в выборах, выставить самостоятельных кандидатов и образовать в Думе социал-демократическую фракцию, подчиненную партии. Главной задачей партии на выборах и деятельности депутатов-большевиков в Думе являлась «социалистическая классовая пропаганда и организация рабочего класса».³ Главными избирательными лозунгами были выдвинуты три революционных лозунга программы партии: демократическая республика, 8-часовой рабочий день и конфискация помещичьих земель. Тактическая линия большевистской партии на выборах определялась беспощадной борьбой с царизмом и поддерживавшими его партиями дворян и капиталистов, а также с фальшивым демократизмом кадетской партии. Что касается избирательных соглашений с другими партиями, то при выборах в рабочей курии всякие соглашения считались недопустимыми.

¹ Там же, стр. 212.

² Там же, стр. 212—213.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 419.

В марте 1912 г. В. И. Ленин пишет «Избирательную платформу РСДРП», заданную листовкой и распространенную по всей стране.

Выборам в Петербурге партия придавала исключительно важное значение. В. И. Ленин в статье «Значение выборов в Петербурге» указывал, что «борьба на выборах в Петербурге есть борьба за гегемонию между либералами и рабочей демократией во всем освободительном движении России».¹

Предвыборная работа в Петербурге затруднялась тем обстоятельством, что Петербургский комитет, как выше отмечено, весной 1912 г. был разгромлен царскими властями. Поэтому до осени 1912 г., когда Комитет был восстановлен, всю революционную работу в Петербурге объединяла общегородская организационная комиссия. Она разъясняла тактику большевистской партии в избирательной кампании, укрепляла нелегальные организации на фабриках и заводах, устраивала массовые нелегальные собрания рабочих с докладами о выборах в 4-ю Думу, проводила выступления рабочих в майские дни, издавала нелегальные листовки.²

Центральный Комитет направил в Петербург группу видных работников партии для развертывания агитационной работы к выборам. Как вспоминает Н. К. Крупская, в числе их была Инесса Арманд. Она заезжала в Краков к В. И. Ленину, где ей были переданы адреса явок и обдуман подробный план предвыборной работы. Эта группа товарищей сделала Нарвский район базой своей деятельности и повела широкую работу по ознакомлению рабочих с резолюциями Пражской партийной конференции, по налаживанию связей, оборванных предмайскими арестами, по оживлению всей партийной работы в Петербурге, по восстановлению Петербургского комитета.³

Огромную работу по подготовке к выборам с первых дней появления на свет вела «Правда». Она стояла в центре всей избирательной борьбы в России и особенно в Петербурге. Она призывала петербургских рабочих бороться за свои права, разъясняла им, что в Петербурге не было организовано рабочей курии, и поэтому рабочие должны избирать как квартиронаниматели по 2-й городской курии. «Правда» указывала, что на рабочих Невской, Московской и Нарвской застав, живших за городской чертой и выбиравших от Петербургской губернии по рабочей курии, ложилась огромная ответственность перед рабочими Петербурга за выборы достойного депутата по рабочей курии. Она вскрывала оппортунизм ликвидаторов, идущих на выборы в блоке с кадетами.

Петербургские рабочие летом 1912 г. оказались в центре избирательной борьбы.

Приближалось время выборов в 4-ю Государственную Думу. Центральный Комитет под руководством В. И. Ленина направлял всю избирательную борьбу.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 124.

² Социал-демократ, 1912, № 28—29.

³ Н. К. Крупская, ук. соч., стр. 187.

В «Невской звезде» в июне и июле были напечатаны статьи В. И. Ленина «Выборы и оппозиция» и «Значение выборов в Петербурге». В первой из этих статей В. И. Ленин разбивал версню ликвидаторов и буржуазных партий о том, что на выборах борются 2 лагеря — защитники третьестюнского режима и противники его. Эта «теория» включала пролетариат в либеральный лагерь, лишала его политической самостоятельности. В. И. Ленин указывал, что в предвыборной борьбе участвуют три лагеря: правые, либералы и революционная демократия (рабочие и трудовики) — и что революционная демократия, возглавляемая пролетариатом, должна вести ожесточенную борьбу как с правыми, так и с либералами.¹ В статье «Значение выборов в Петербурге» В. И. Ленин указывал, что благодаря наличию в Петербурге рабочей прессы выборы здесь служат образцом избирательной кампании, легкой на плечи рабочего класса, что «выборы по 2-ой городской курии в Петербурге являются центральным пунктом *всей* избирательной кампании по выборам в IV Гос. Думу».²

В статье «Итоги полугодовой работы», напечатанной в четырех номерах «Правды» в конце июля—начале августа, В. И. Ленин, подводя итоги предвыборной мобилизации партийных сил, указал на полный провал избирательной платформы ликвидаторов в рабочей среде: «... ликвидаторство — ничто в рабочем движении; сильно оно только в либеральной интеллигенции».³ В то время как «Правда» была поддержана за январь—июнь 504 групповыми сборами рабочих, ликвидаторские газеты «Живое дело» и «Невский голос» — только 15 групповыми сборами рабочих. В этой же статье В. И. Ленин указывал на необходимость активного участия всех рабочих в выборах, так как «даже в самой черной, чисто-помещичьей Думе рабочие депутаты *приносили* и могут приносить немало пользы рабочему делу, если эти депутаты настоящие рабочие демократы, если они связаны с массой, и масса учится направлять, проверять их».⁴

Выборы уполномоченных по рабочей курии Петербургской губернии происходили 16 сентября 1912 г. Основными врагами большевиков на выборах по рабочей курии являлись ликвидаторы, пытавшиеся под лозунгом «единства» протаскать своих кандидатов. В 7 пригородных участках Петербурга на 70 предприятиях были избраны 82 уполномоченных, среди которых было только 12 ликвидаторов.

Накануне выборов уполномоченных царское самодержавие приняло все меры, чтобы арестовать руководящих работников большевистской партии и наиболее влиятельных рабочих. Была арестована группа товарищей, присланных Центральным Комитетом для подготовки выборов в Петербурге, в том числе и Иясса Арманд. Однако уцелевшие работники партии продолжали начатое дело. В сентябре в Петербург приехал бежавший из нарымской ссылки И. В. Сталин.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 115—118.

² Там же, стр. 119.

³ Там же, стр. 178.

⁴ Там же, стр. 175.

Центральный Комитет большевиков поручает ему работу по проведению выборов в Петербурге. Состоялся ряд нелегальных собраний, посвященных выборам, в рабочих районах. «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату», написанный Сталиным и одобренный Лениным,¹ был единодушно принят как на собраниях петербургских рабочих, так и на съезде рабочих-уполномоченных 17 октября 1912 г.

4 октября было опубликовано сообщение о назначении на 5 октября второй стадии выборов — выборов выборщиков. Одновременно со скоропалительным назначением срока съезда уполномоченных царское самодержавие бросило рабочему классу Петербурга вызов — на 21 наиболее крупном предприятии выборы уполномоченных были «разъяснены», т. е. признаны недействительными.

Немедленно собралась Исполнительная комиссия Петербургского комитета, составила новый список выборщиков и приняла решение об однодневной забастовке протеста против «разъяснений».

Ночью 4 октября путиловская заводская ячейка присоединилась к решению Петербургского комитета, а 5 октября забастовал весь завод. 6 октября забастовали рабочие Сестрорецкого завода. 7 октября приняла решение о забастовке большевистская ячейка Невского судостроительного завода, 8 октября забастовал весь завод. На митинге рабочие выдвинули требование о вторичных выборах уполномоченных и с пением революционных песен вышли на демонстрацию на Шлиссельбургский проспект. Из солидарности забастовали рабочие фабрик, выборы на которых не были отменены: фабрики Паля, Петровской и Спасской мануфактур Максвеля, столярной фабрики Алексева.

Всего за 10 дней, с 5 по 15 октября, в однодневных стачках протеста против «разъяснений» в Петербурге участвовало до 100 тыс. рабочих. Стачки сопровождались митингами с вынесением резолюций протеста, демонстрациями и носили организованный характер. В результате рабочие победили. Уже 8 октября поздно ночью стало известно, что «разъяснения» Сенатом отменены, что путиловцы и рабочие других «разъясненных» предприятий могут участвовать в выборах и что к выборам допущен ряд новых предприятий.

В обстановке продолжавшихся забастовок на «разъясненных» предприятиях 14 октября происходили новые выборы уполномоченных. 17 октября 1912 г. состоялся уже второй по счету съезд уполномоченных от рабочей курии Петербургской губернии, на котором происходили вторичные выборы выборщиков. Съезд носил большевистский характер и подавляющим большинством голосов принял «Наказ петербургских рабочих». Ликвидаторы должны были бы снять своих кандидатов. Но, обманув собрание, заявив о своей солидарности с большевистской частью съезда уполномоченных, они сумели провести трех выборщиков-ликвидаторов из шести.

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 2, стр. 250—252.

20 октября состоялась третья стадия выборов по рабочей курии Петербургской губернии — выборы депутата. Несмотря на все старания ликвидаторов, линия большевиков победила. Депутатом от рабочей курии по Петербургской губернии был избран рабочий-слесарь, большевик А. Е. Бадаев.

В составе 4-й Государственной Думы, выборы в которую происходили по третьенюньскому избирательному закону, как и в 3-й Думе, благодаря «деланию выборов» со стороны правительства, попрежнему были два большинства: правооктябристское в 283 голоса (из 442) и октябристско-кадетское — в 226 голосов. Оба эти большинства служили опорой царского самодержавия.

А. Е. Бадаев. Фотография.

Выборы подтвердили правильность предвыборной платформы большевиков. В 1912 г. впервые за весь думский период все шесть курialsных депутатов от рабочих были большевиками. Это означало, что трудящиеся шести ведущих промышленных губерний России: Московской, Петербургской, Владимирской, Костромской, Екатеринославской и Харьковской, в которых насчитывалось свыше 1008 тыс. рабочих, шли за партией.

7 сторонников оппортунизма, 7 депутатов меньшевиков-ликвидаторов во главе с Чхеидзе, были избраны от 7 непролетарских губерний, в которых рабочих насчитывалось всего 214 тыс. Ликвидаторы потерпели среди промышленных рабочих полное поражение. В. И. Ленин указывал, что «пока ликвидаторы в 1908—1912 гг. ругали «подполье», оправдывали «бегство» из него, болтали об «открытой партии», — от них ушла вся рабочая курия, и они не сумели использовать первый и великий подъем апрельско-майской волны!»¹

Главными противниками большевиков на выборах по 2-й городской курии были кадеты. Выборы по 2-м городским куриям по всей России показали, что

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 484.

влияние кадетов даже на мелкую городскую буржуазию значительно ослабло. На выборах кадеты выступали в блоке с правыми партиями против социал-демократов. Большевики вели против кадетов самую отчаянную борьбу. В результате по 2-й городской курии за кадетского депутата было подано 19 376 голосов, за социал-демократического — 7688 голосов.

С самого начала работы в 4-й Думе большевики-депутаты заняли непримиримую классовую позицию.

Всей работой шестерки большевиков-депутатов руководил Центральный Комитет большевистской партии и по его поручению непосредственно в Петербурге — отдельные руководящие работники партии. Особенно большое внимание работе депутатов-большевиков уделял В. И. Ленин. Депутаты-большевики часто приезжали в Краков и получали от В. И. Ленина самые подробные указания о направлении их работы как легальной, так и нелегальной. Большевики-депутаты участвовали как в Краковском, так и Поронинском совещаниях Центрального Комитета с партийными работниками.

Многие из текстов выступлений депутатов-большевиков в Думе были написаны В. И. Лениным. Например, для депутата Н. Р. Шагова В. И. Ленин написал доклад «К вопросу об аграрной политике современного правительства», для депутата А. Е. Бадаева — проект речи «К вопросу о политике Министерства народного просвещения», для депутата Г. И. Петровского — проект речи по вопросу о национальной политике. Большую помощь депутатам-большевикам оказывали в разное время ряд видных деятелей партии (М. И. Калинин, В. М. Молотов, М. С. Ольминский, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин и др.), некоторые работники Петербургского комитета.

Особую бодрость и силу в работе депутатам-большевикам придавала повседневная практическая связь с широкими массами петербургских рабочих. А. Е. Бадаев писал: «Для большевистских депутатов поддержка петербургских рабочих имела первостепенное значение. . . деятельность думцев-большевиков, быть может, на добрые три четверти опиралась на революционное движение пролетарского авангарда — рабочих Петербурга».¹

Большевики-депутаты не ограничивались только думской деятельностью. Они вели большую нелегальную партийную работу по укреплению «Правды», нелегальных партийных ячеек на предприятиях Петербурга, руководили работой легальных рабочих организаций: профсоюзов, клубов, поддерживали связь с рабочими страны. На Краковском партийном совещании депутаты-большевики были кооптированы в состав Русского бюро ЦК — практический центр партийной работы в России.

¹ А. Бадаев. Большевики в Государственной Думе. Воспоминания. Изд. 8-е, 1954, стр. 55.

Открытие 4-й Государственной Думы сопровождалось новыми мощными революционными выступлениями петербургских рабочих. В октябре 1912 г. военноморской суд в Севастополе вынес приговор по делу 143 матросов, обвинявшихся в подготовке восстания в Черноморском флоте. 17 чел. были приговорены к смертной казни. В эти дни «Правда» сообщала об истязаниях политических заключенных Нерчинской каторги и о голодовках и самоубийствах последних в знак протеста.

Рабочий класс России под руководством большевиков немедленно откликнулся на эти очередные злодеяния царизма. По всей стране прошли массовые забастовки и демонстрации протеста, охватившие до 250 тыс. рабочих Петербурга, Москвы, Николаева, Харькова, Риги.

По данным «Правды», в одном только Петербурге с 29 октября по 4 ноября бастовало более 100 тыс. рабочих. Забастовки, как правило, начинались митингами с вынесением резолюций протеста и заканчивались демонстрациями с пением революционных песен и «Вечной памяти» погибшим товарищам, выбрасывались красные флаги.¹

Руководили стачками рабочих большевики. Охранное отделение доносило в Департамент полиции, что идея такой демонстративной забастовки возникла по инициативе группы лиц из местных социал-демократических организаций, которые вскоре будут арестованы.²

15 ноября начала свою работу 4-я Государственная Дума. Открытие ее происходило в необычайной обстановке: около 50 тыс. петербургских рабочих более чем 100 предприятий бросили работу в знак протеста против третьешюньского режима и новой реакционной Государственной Думы. У Таврического дворца, на Кировой, Лиговской и других улицах, как сообщало охранное отделение, состоялись демонстрации поддержки избранных в Думу социал-демократов. Одна из групп демонстрантов на Кировой улице выбросила флаг с лозунгом «Долой самодержавие». Полиция арестовывала и избивала демонстрантов.³ Демонстрации 15 ноября были организованы по инициативе большевиков — представителей отдельных районов и предприятий Петербурга. За 3 дня до открытия Думы на предприятиях были распространены листовки, призывавшие рабочих к демонстрациям.⁴

Ликвидаторов беспокоила массовость и революционность выступлений рабочих. Ликвидаторский «Луч» кричал о том, что забастовки рабочих настолько часты, что их перестают замечать, что дальше начинается уже не борьба, а «стачечный азарт».

¹ Правда, 1912, № 157.

² ЦГИАМ, Д. П., IV д-во, д. 61, ч. 2, т. 2, 1912 г., л. 180.

³ Правда, 1912, № 171.

⁴ Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 70.

Вопреки изменническому поведению ликвидаторов большевики направляли все внимание на усиление дальнейших революционных выступлений петербургских рабочих, на укрепление их организованности.

В. И. Ленин горячо поддерживал все выступления рабочих в октябре—ноябре 1912 г. и указывал, что движение масс поднялось на высшую ступень: от стачек политического характера к уличным демонстрациям.¹

Рабочие с нетерпением ждали первых выступлений своих депутатов в Думе. Первые два запроса были внесены социал-демократической фракцией в Думу 14 декабря 1912 г. Первый запрос был связан с отказом петербургского «особого об обществах присутствия» в регистрации профсоюзов рабочих, а второй — со стеснением страховых собраний рабочих. Большевики знали, что черносотенное большинство Думы провалит запросы. Целью запросов было показать рабочему классу, что не путь реформ, а путь революции коренным образом изменит их положение.

Накануне внесения запросов, 13 декабря, Петербургский комитет выпустил листовку с призывом поддержать выступления своих депутатов однодневной забастовкой.²

На призыв партии откликнулись крупнейшие предприятия столицы. Охранное отделение сообщило в Департамент полиции, что в ответ на запрос социал-демократической фракции забастовало 13 крупнейших предприятий столицы во главе с Путиловским заводом, выражая протест против страхового закона 23 июля 1912 г.³ Выступления своих депутатов петербургские рабочие поддерживали 60-тысячной политической забастовкой.

С 28 декабря 1912 г. по 1 января 1913 г. в Кракове проходило совещание Центрального Комитета с партийными работниками. От Петербурга на нем присутствовали 5 делегатов. Совещание подвело итоги партийной работы за 1912 г. и наметило ближайшие задачи на будущее. В «Известии» совещания, написанном В. И. Лениным, указывалось, что прошедший 1912 год явился годом великого, исторического перелома в рабочем движении, когда рабочий класс перешел к массовому наступлению на царскую монархию. Это свидетельствовало о том, что Россия вступила в полосу нарастания новой революции.⁴

Совещание приняло целый ряд резолюций. В резолюции «Революционный подъем, стачки и задачи партии» указывалось на необходимость всесторонней поддержки революционных массовых стачек и организации и развития всякого вида революционных выступлений масс. Очередной задачей партийных организаций конференция считала устройство революционных уличных демонстраций

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 395.

² Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 71—72.

³ ЦГИАМ, Д. II., IV д-во, д. 61, ч. 2, т. 2, 1912 г., л. 23 об.

⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 420.

как в сочетании с политическими стачками, так и в качестве самостоятельных выступлений. Лозунгами революционных выступлений должны быть ближайшие требования большевистской партии — демократическая республика, 8-часовой рабочий день и конфискация помещичьих земель. В этой же резолюции указывалось на необходимость самой решительной борьбы с ликвидаторами и их газетой «Луч», ведущими вредную агитацию против массовых революционных стачек.¹

Конференция, учитывая опыт революционной работы партии, указывала, что единственно правильным типом организационного строительства в переживаемую эпоху является нелегальная партия как сумма партийных ячеек, окруженных сетью легальных и полуполегальных рабочих обществ. Ставилась задача создания на всех фабриках и заводах нелегальных рабочих комитетов, а также в каждом центре из разрозненных местных групп — одной руководящей организации по типу Петербургского комитета и организации областных центров в главных районах рабочего движения.² Указывалось на необходимость попрежнему решительно бороться с ликвидаторами «Нашей зари» и «Луча» и разъяснять рабочим вред их антипартийных, антиреволюционных проповедей.

В дальнейшей работе по революционизированию масс и привлечению их на сторону партии петербургские большевики неуклонно руководствовались решениями Краковского партийного совещания.

* * *

С конца 1912 г. Центральный Комитет большевистской партии, по инициативе и под руководством В. И. Ленина, вел деятельную подготовку к ознаменованию наступающей восьмой годовщины петербургских событий 9 января 1905 г.

На основе ленинских указаний Центральным Комитетом большевиков была выпущена листовка «Ко всем рабочим и работницам России!», резко разоблачавшая злодеяния династии Романовых (царизм в то время готовился отпраздновать 300-летний юбилей этой династии) и призывавшая к самоотверженной революционной борьбе под старыми, испытанными лозунгами российского пролетариата и его партии: 8-часовой рабочий день, конфискация всей помещичьей, казенной и монастырской земли без выкупа, демократическая республика. Партия большевиков призывала всех рабочих отметить повсеместно годовщину 9 января митингами и резолюциями, а также — где это только возможно — однодневными забастовками и демонстрациями.

В Петербурге большое распространение также получила листовка, подписанная Петербургским комитетом, Центральным бюро петербургских союзов и комитетом Московского района. Она была озаглавлена «День 9 января». Листовка

¹ Там же, стр. 426—428.

² Там же, стр. 428—429.

говорила о значении 9 января для рабочих, о нарастании новой революции в стране и призывала отметить этот день собраниями и митингами, сборами на рабочую печать.¹

В результате проведенной большевиками подготовительной работы 9 января 1913 г. по всей стране прошли митинги, демонстрации и забастовки. Бастовало 160 тыс. рабочих, в том числе в Петербурге — 80 тыс.

В Петербурге вся полиция была поставлена на ноги. Особенно больше наряды были выставлены у фабрик и заводов, у мостов, соединявших рабочие окраины с центром города. Но несмотря на все меры, принятые полицией, на предприятиях всех районов столицы рабочие проводили митинги, выносили резолюции протеста и с красными и черными флагами, пением революционных песен и «Вечной памяти» покидали фабрики и заводы.

Особенно много бастовавших было на Выборгской стороне. Рабочие заводов Металлического и «Феникс», бросив работу, устроили на Полюстровской набережной демонстрацию. Бросили работу и устроили демонстрации также рабочие завода Барановского и фабрики «Невка». Бастовали 9 января и крупнейшие предприятия Нарвской заставы, в том числе 10 800 чел. дневной смены Путиловского завода.

На Путиловском заводе хозяин² Яковлев 9 января зверски избил рабочего Сафранова за то, что тот будто бы бегал по мастерским с целью срывать работы.³ 12 января «Правда» поместила заметку об избитии. 13 января пушечная и часть других мастерских начали забастовку, а 14 января забастовал весь завод. Рабочие требовали уволить Яковлева.

15 января, как доносило охранное отделение, порядок работ на заводе разрушился еще больше. По заводу распространялась листовка за подписью Нарвского районного комитета, призывавшая рабочих к солидарности.

Начались массовые репрессии — увольнения и аресты рабоч. «. Было арестовано до 80 путиловцев, в том числе почти весь состав Нарвского районного комитета большевиков. 18 января рабочие вынуждены были прекратить забастовку. Яковлев не был уволен. Петербургский комитет издал специальную листовку по поводу неуспеха забастовки, анализировал его причины и указал, что только организованность и тесное сплочение рабочих вокруг партии приведут их к победе.⁴

Большую роль в организации петербургских рабочих в этот период играла деятельность большевиков-депутатов в Думе. А. Е. Бадаев, депутат от петербургских рабочих, вел партийную работу в Петербурге, налаживал связи с рабочими всех заводов. Начальник Петербургского жандармского управления доносил

¹ Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 75.

² Хозяином назывались подручные заводского смотрителя.

³ ЦГИАМ, Д. П., IV д-во, д. 61, ч. 2, т. 1, 1913 г., л. 12.

⁴ Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 76.

20 января 1913 г. в Департамент полиции, что воззвания Петербургского комитета 9 января среди рабочих вагонных мастерских Александровского завода распространяли слесари (указаны фамилии), имеющие близкие отношения с депутатом от рабочих А. Е. Бадаевым.¹

На все преступления царского самодержавия и капиталистов по отношению к рабочим депутаты-большевики отзывались запросами царским министрам. Так, 21 января 1913 г. социал-демократическая фракция выступила с запросом по поводу взрывов на Охтенском пороховом заводе, в результате которых в декабре 1912 г. и январе 1913 г. погибло более 50 рабочих, и с запросом по поводу массовых локаутов на текстильных предприятиях города.

Запросами в Государственной Думе о тяжелом положении рабочих, о незаконных царского самодержавия и капиталистов по отношению к рабочим, яркими и обличительными речами в защиту спешности запросов депутаты-большевики показывали рабочему классу России, что большевистская партия является единственным защитником интересов рабочего класса.

Царское самодержавие знало, что в лице депутатов-большевиков оно имеет опасного и организованного противника. Директор Департамента полиции, объясняя причины обыска у «внеприкосновенного» по закону депутата-большевика Петровского министру внутренних дел, в докладной записке от 2 марта 1913 г. писал, что задачи большевистской фракции заключаются в открытой пропаганде с думской трибуны программных требований РСДРП, что фракция является местом, куда обращаются социал-демократы за разрешением партийных вопросов и откуда получают директивы о направлении партийной работы на местах и что фракция является органом, подчиненным Центральному Комитету, в состав которого входит Ленин.²

Между тем революционное движение в стране все более и более разрасталось. В Петербурге, например, после массовой политической стачки 9 января 1913 г. на фабрично-заводских предприятиях и в ремесленных мастерских города за 3 месяца произошло 126 стачек, охвативших около 36 тыс. рабочих.³

В качестве основной задачи партии в эти дни В. И. Ленин ставил задачу «воспитывать массы для демократической революции».⁴

Одним из средств подготовки пролетариата к революции партия считала стачки политические, переплетающиеся со стачками экономическими. В. И. Ленин писал: «Массовые упорные стачки неразрывно связаны у нас с вооруженным восстанием. . . Речь идет совсем не о призыве к восстанию. . . Речь идет об установлении связи между стачкой и восстанием в России».⁵

¹ ЦГИАМ, Д. П., л. 5, ч. 57, л. Г, 1913 г., л. 12—12 об.

² Красный архив, 1934, т. I (62), стр. 238—239.

³ По данным «Правды», профессиональных журналов и официальных источников.

⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 49, стр. 29.

⁵ Там же, т. 18, стр. 89.

Поэтому организованной подготовке и проведению стачек партия придавала исключительно большое значение.

К годовщине ленинских событий Центральным Комитетом партии была издана прокламация «Годовщина ленинской бойни». Листовка получила широкое распространение по всей стране. Она призывала митингами и демонстрациями всюду отметить день ленинской годовщины.

В Петербурге в начале апреля Петербургский комитет издал и распространял на фабриках и заводах города две листовки с призывом отметить стачками и демонстрациями день 4 апреля.

Вторая листовка призывала рабочих устраивать уличные демонстрации на Невском проспекте и близлежащих улицах.¹ Районные партийные организации и заводские ячейки проводили нелегальные собрания рабочих, вели подготовительную и разъяснительную работу на местах.

В результате упорной работы большевиков по всей стране 4 апреля 1913 г. забастовало 140 тыс. рабочих, в том числе в Петербурге — 85 тыс.

Утром 4 апреля на предприятиях проводились митинги, выносились резолюции поддержки законопроекта социал-демократической фракции 4-й Думы об обеспечении семей расстрелянных на Лене рабочих. Бросая работу, рабочие выходили из ворот фабрик и заводов с пением «Вечной памяти» и революционных песен.

На Выборгской стороне забастовали рабочие всех крупнейших металлообрабатывающих предприятий. Демонстрация рабочих Металлического завода была разогнана полицией, причем 5 демонстрантов были ранены.²

Забастовки и демонстрации проходили также на Петербургской стороне, на Васильевском острове. В Нарвском районе, где в январе было арестовано 80 чел. путиловцев, бастовала только часть рабочих.

В стачке 4 апреля, как и во всех массовых революционных стачках 1912—1914 гг., металлисты шли впереди и составляли 58% всех бастовавших, текстильщики — 23%.³ Впервые участвовали в политической стачке рабочие фабрики «Треугольник».

Необычайно жестокими были репрессии царского самодержавия и предпринимателей по отношению к участникам политической стачки 4 апреля 1913 г. Как сообщала «Правда», на петербургских фабриках и заводах за участие в стачке в общей сложности было уволено 6 тыс. рабочих.⁴ 4 апреля явилось началом резкого поворота в политике правительства и предпринимателей по отношению к бастовавшим рабочим. Петербургское общество заводчиков и фабрикантов

¹ Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 82.

² Правда, 1913, № 80 (284).

³ Подсчитано по данным «Правды».

⁴ Правда, 1913, № 86 (290).

обсудило петицию правительству по вопросу об издании закона против участников политических забастовок.¹

В апреле широкое распространение по России получила прокламация Центрального Комитета, призывавшая рабочих продолжать подготовку новой революции и встретить 1 мая собраниями и митингами, стачками и демонстрациями.²

Петербургский комитет под руководством ЦК большевистской партии развернул большую работу по подготовке к празднованию 1 мая. Охранка сообщала о проходящих в конце апреля сходках рабочих Невского и Московского районов, на которых обсуждался вопрос о праздновании 1 мая.³

В конце апреля от имени Петербургского комитета была выпущена первомайская прокламация. Листовка провозглашала основные революционные лозунги партии: демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель. Листовка призывала всех рабочих отметить день 1 мая всеобщей забастовкой: «В этот день не должна работать ни одна мастерская, ни одна фабрика, ни один завод».⁴

Кроме листовки, разъяснявшей значение празднования 1 мая, Комитет выпустил вторую листовку, указывавшую места первомайских демонстраций в районах и на Невском.

Запрос о рабочем-забастовщике.

¹ Там же, № 83 (287). В русском законодательстве в 1912—1914 гг. существовали статья закона, каравшие за участие только в экономической стачке в предприятиях государственного значения.

² Первое мая в царской России 1890—1916 гг. Сборник документов. 1939, стр. 236—238.

³ ЦГИАМ, Д. П., О.О., д. 101, 1913 г., л. 80.

⁴ Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 84.

Охранка всеми мерами старалась расстроить подготовку майского выступления. Еще 19 апреля начальник Петербургского охранного отделения докладывал в Департамент полиции о подготовке к 1 мая: «Особенно деятельно за это предприятие взялась фракция большевиков-ленинцев во главе со своим Петербургским комитетом».¹ По тем же данным охранки, в апреле «в предупреждение первомайских выступлений» было арестовано 95 человек «по принадлежности к местным группам РСДРП», а 23 апреля был арестован первомайский тачечный комитет.

Но ни массовые аресты членов Петербургского комитета и первомайского комитета, ни телеграммы министра внутренних дел, ни грозные предупреждения градоначальника не помогли. В Петербурге забастовка была почти всеобщей и охватила 250 тыс. чел. По призыву Петербургского комитета рабочие организовали демонстрации у фабрик и заводов по районам. Затем они стали пробиваться на Невский проспект для участия в общегородской демонстрации.

На Невском проспекте после 12 час. дня группы рабочих и студентов пытались несколько раз собраться в колонну и двигаться с пением революционных песен. Полиция разгоняла демонстрантов нагайками, загоняла их в тупики дворов и там нещадно избивала. На улицах города, по явно преуменьшенным данным охранки, 1 мая было арестовано 112 чел.² Депутаты-большевики Петровский и Бадаев, бывшие вместе с рабочими на Невском, выступили с протестом против кулачной расправы полиции с демонстрантами.

В. И. Ленин высоко оценил первомайскую демонстрацию рабочих столицы, подчеркнул упорную и организованную борьбу рабочих с полицией. Им была отмечена большая роль подпольных большевистских организаций Петербурга в революционном пробуждении пролетарских масс: «Маевка петербургского, а за ним и всего российского, пролетариата еще и еще раз наглядно показала тем, кто имеет очи, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, великое историческое значение революционного подполья в современной России. Единственная партийная организация РСДРП в Петербурге, Петербургский комитет заставил и перед маевкой, как и перед 9 января. . . как и 4 апреля, даже буржуазную печать отметить тот факт, что листки ПК снова и снова появились по фабрикам и заводам».³

Царизм был бессилен остановить революционный подъем в стране. В стачке 1 мая по всей России принимали участие 420 тыс. рабочих. В конце мая 1913 г. петербургская охранка, характеризуя текущее забастовочное движение в Петербурге и указывая на бесполезность локаутов для его прекращения, с тревогой сообщала в Департамент полиции, что «под влиянием легальных органов социал-демократической прессы, а также и при нравственной и материальной поддержке

¹ Первое мая в царской России 1890—1916 гг., стр. 239.

² Там же, стр. 243.

³ В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 19, стр. 197.

просветительных и профессиональных рабочих обществ, в последнее время среди столичных рабочих стала возникать такая согласованность действий, какой ранее не было заметно.¹

Летом 1913 г. забастовки рабочих охватили всю Россию. В Баку забастовали почти все рабочие нефтяных промыслов. Забастовка длилась до 2 месяцев и перекинулась в Грозный. В Лодзинском текстильном районе, по далеко не полным данным Министерства торговли и промышленности, в середине июня число бастовавших текстильщиков достигло 47 тыс. чел. В конце лета забастовали московские трамвайщики и т. д.

Первой массовой политической стачкой пролетариата в России в летний период явилась стачка-протест против смертной казни, угрожавшей 52 матросам Балтийского флота, которые обвинялись в подготовке к восстанию. По всей России забастовало 100 тыс. чел.

Петербургские рабочие внимательно следили за процессом, и как только выяснилось, что матросам угрожает смертная казнь, начались забастовки протеста. По данным «Правды», в Петербурге бастовало 70 250 чел. Забастовка охватила почти все рабочие районы. Впереди всех шел Выборгский район с его крупнейшими металлообрабатывающими предприятиями. Сигнал к забастовке, как сообщало охранное отделение, дали утром 17 июня рабочие машиностроительного завода «Феникс». За ними рабочие Металлического завода, не приступая к работе, вышли с пением революционных песен. На Полустровской набережной к ним присоединились рабочие завода Розенкранца. Когда демонстранты повернули на Тимофеевскую улицу, полиция стала избивать их нагайками и рубить шашками.² 58% всех бастовавших составляли металлисты, 11% — текстильщики.

Выступлениями рабочих руководили большевики. Охранное отделение сообщало в Департамент полиции: «Так как в устройстве всяких вообще забастовок главнейшую роль играет неизменно местная социал-демократическая организация большевиков-ленинцев, то в ночь на 19 сего июня была произведена ликвидация наиболее активных членов местной большевистской социал-демократической организации, причем были обысканы и арестованы 11 лиц».³

Не успела полиция придти в себя от забастовки протеста против суда над матросами Балтийского флота, как 1, 2 и 3 июля Петербургский комитет организовал новую массовую политическую забастовку в защиту рабочей печати.

Забастовка была вызвана участвовавшими с апрельско-майских дней 1913 г. репрессиями на «Правду». В июне было подвергнуто репрессиям 9 номеров, причём 5 из них за сообщения о стачках.

21 июня социал-демократическая фракция Думы внесла запрос по поводу преследования рабочей печати. Спешность запроса черносотенной Думой была

¹ ЦГИАМ, Д. П., IV д-во, д. 61, ч. 2, т. 2, 1913 г., л. 24—24 об.

² Правда, 1913, № 138 (342).

³ ЦГИАМ, Д. П., IV д-во, д. 61, ч. 2, т. 2, 1913 г., л. 71 об.

отклонена. Голосование запроса еще более усилило возбуждение рабочих. 1 и 2 июля по всей России бастовало 85 тыс. чел. В Петербурге 1, 2 и 3 июля бастовало около 62 тыс. чел.¹

Ликвидаторы попрежнему предавали интересы рабочего класса. О забастовке 1—3 июля ликвидаторский «Луч» ограничился небольшой заметкой, а в периодической от 2 июля протестовал против подобных выступлений рабочих.

Только одна «Правда» широко освещала забастовку 1—3 июля.

В. И. Ленин, анализируя отношение различных слоев русского общества к стачке рабочих 1—3 июля 1913 г., делал следующий вывод: «Враждебность реакции. Равнодушие и отрицание либералов и ликвидаторов. Единство на деле либерализма с ликвидаторством. Единство массового рабочего действия, возможное только против ликвидаторов».²

Стачка протеста против гонений на рабочую печать показала царизму всю опасность, какую представляла для него «Правда», ее крепкую связь с рабочим классом России. Поэтому 3 июля 1913 г. петербургская судебная палата «ввиду... резко партийного характера упомянутой газеты и явно вредного влияния ее на народные массы» постановила приостановить издание «Правды».³

5 июля 1913 г. на 356 номере «Правда» была закрыта. Но дружными усилиями партии и рабочих уже через неделю, 13 июля, вышел в свет первый номер «Рабочей правды». И охранное отделение, и Комитет по делам печати немедленно почувствовали в «Рабочей правде» своего старого врага, организатора и руководителя рабочих — «Правду». Из 17 вышедших номеров на 12 был наложен арест, причем на 10 из них — за сообщения о стачках.

Но стачки не прекращались. Царское самодержавие было чрезвычайно обеспокоено таким мощным подъемом революционного движения в стране и, в частности, в Петербурге. 30 июня 1913 г. министр внутренних дел Н. Маклаков писал министру торговли и промышленности С. Тимашеву о все разрастающемся забастовочном движении на предприятиях столицы, выполнявших заказы Военного и Морского ведомств. Он требовал пристального к забастовкам внимания и считал необходимым: 1) немедленно сообщать о всех случаях забастовок полиции, 2) непременно предавать суду всех участников забастовок в общественно-важных предприятиях, 3) все это делать таким образом, чтобы это не служило поводом к запросам в Государственной Думе, которые «укрепляют самосознание рабочих», 4) «вредных», т. е. передовых, политически развитых рабочих с предприятий увольнять и потом преследовать их как безработных, опасных для общественного порядка и спокойствия.⁴

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 232.

² Там же, стр. 235.

³ Большевицкая печать в тисках царской цензуры. Л., 1939, стр. 79.

⁴ Красный архив, 1936, т. 1 (74), стр. 41—42.

Эти предложения Маклакова являлись полицейским заговором против наиболее сознательной части рабочего класса.

Тимашев ответил Маклакову, что он со всеми предложениями последнего согласен, но считал бы необходимым: 1) судебному преследованию подвергать только тех рабочих, по отношению к которым суд обязательно вынесет обвинительный приговор, 2) передовых рабочих, «сеющих смуту» среди товарищей, с работы увольнять не во время забастовки, что поведет к усилению стачечной борьбы, а после стачки.¹ Так министр торговли и промышленности «уточнил» предложения министра внутренних дел, придав им еще более антирабочий характер.

На заседании Совета министров 8 августа 1913 г. обсуждался вопрос о борьбе с забастовками рабочих. В особом журнале заседаний Совета министров от 8 августа 1913 г. излагались взгляды Маклакова и Тимашева. Размеры стачечного движения, его общенародный характер явно беспокоили царских министров. Совет министров с сожалением отметил, что существующие законы страдают неполнотой, так как не устанавливают уголовной кары за забастовку, а лишь за «подстрекательство» к ней, за повреждение имущества, за принуждение к забастовке других рабочих и только в предприятиях общественно-важных.² Результатом этого заседания были особенно суровые репрессии к участникам стачек.

Начавшийся в стране новый революционный подъем, массовые выступления в апрельско-майские дни 1912 г. петербургского пролетариата поднимали на революционную борьбу рабочих всех промышленных районов страны. В частности, все сильнее втягивались в общую борьбу рабочие Москвы, которые в самом начале периода подъема еще несколько отставали. В июле 1912 г. в статье «Итоги полугодовой работы» В. И. Ленин писал: «На распространение рабочей газеты в Москве должно быть обращено самое усиленное внимание. С отсталостью Москвы помириться невозможно. Всякий сознательный рабочий понимает, что Петербург без Москвы — все равно, что одна рука без другой».³

В Москву были брошены лучшие партийные силы. И уже к августу 1913 г. московскими большевиками под руководством В. И. Ленина было подготовлено издание рабочей газеты «Наш путь». 25 августа вышел ее первый номер. Сотрудниками газеты были большевики-депутаты 4-й Государственной Думы, И. И. Степанов-Скворцов, Д. Бедный, М. С. Ольминский. Тираж газеты доходил до 17—20 тыс. экземпляров. Газета была боевым органом большевизма. Она подвергалась непрерывным преследованиям и на 16-м номере была закрыта.

С 23 по 25 сентября в Москве проходили стачки и демонстрации протеста против закрытия «Нашего пути». Бастовало до 90 тыс. рабочих. 19 сентября в Москве началась всеобщая забастовка трамвайных рабочих.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 9, д. 128, ч. 1, л. 17.

² Красный архив, 1936, т. I (74), стр. 47.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 174.

Протест московских рабочих против закрытия «Нашего пути» и стачка трамвайщиков выдвинули Москву по напряженности стачечной борьбы в конце 1913 г. в один ряд с Петербургом. Петербургские рабочие внимательно следили за борьбой московских товарищей. «Правда труда» ежедневно помещала корреспонденции о ходе забастовок в Москве.

В Петербурге атмосфера была накалена до предела: 6 сентября, уже второй раз, была закрыта «Правда». Последовавшее вслед за этим закрытие «Нашего пути» явилось каплей, переполнившей чашу терпения рабочих. Директор Департамента полиции сообщал 25 сентября министру внутренних дел: «Петербургские рабочие решили объявить однодневную забастовку в виде протеста против репрессий в отношении рабочей печати и как выражение солидарности с московскими рабочими».¹

Всего за три дня (26, 27 и 28 сентября) в Петербурге бастовало около 100 тыс. чел. В стачке 25—28 сентября впервые за период революционного подъема пролетариат Москвы и Петербурга выступил вместе в таких крупных масштабах.

Большое значение в политическом воспитании рабочего класса Петербурга и всей России в 1913 г. имели стачки рабочих на отдельных петербургских предприятиях. Некоторые из них по своему упорству и организованности вошли в историю рабочего движения России и получили широкий отклик по всей стране. Это прежде всего 102-дневная героическая стачка новолесснеровцев, знаменитая по упорству 132-дневная стачка обуховцев, 60-дневная забастовка рабочих завода «Новый Айваз» и др.

С 24 апреля до 3 августа в 1913 г. бастовали рабочие завода «Новый Лесснер». Рабочие поднялись против произвола заводской администрации, требуя уволить мастера, доведшего до самоубийства их товарища Якова Стронгина.² В забастовке участвовало более тысячи человек — все рабочие завода.

Непосредственное руководство стачкой по указаниям Петербургского комитета осуществлял стачечный комитет, состоявший в подавляющем большинстве из большевиков-правдистов; работой его руководил большевик А. Е. Кузнецов. Большое участие в забастовке принял союз металлистов, оказывая бастовавшим материальную и моральную поддержку.

Связь с Петербургским комитетом бастовавшие осуществляли через депутата А. Е. Бадаева.

Огромную роль в организации и проведении забастовки на «Новом Лесснере» играла «Правда». Она сообщала о помощи новолесснеровцам со стороны рабочих всей России, указывала, куда пошли заказы с завода, напоминала, что места рабочих «Нового Лесснера» и заказы находятся под бойкотом.

¹ ЦГИАМ, Д. П., IV д-во, д. 61, ч. 2, т. 3, 1913 г., л. 8.

² М. Лурье. Сто два дня героической забастовки. Л., 1938.

Заголовки газеты «Правда» в 1912—1914 гг.

Рабочие-корреспонденты через «Правду» высмеивали заводскую администрацию «Нового Лесснера», стремившуюся сломить солидарность петербургских рабочих объявлениями о наборе, рассылкой писем нестойким рабочим, попыткой привлечь к работе деклассированные элементы. 23 июня «Правда» в статье «Новые факты жизни» сообщала о решении рабочих Металлического завода отчислить в пользу лесснеровцев полудневной зарплатки, производить непрерывные сборы, забрать в свои семьи детей бастующих на время забастовки.¹

Из солидарности с новолесснеровцами, чаще всего в знак протеста против выполнения заказов с «Нового Лесснера», забастовали рабочие ряда крупных заводов Петербурга. 13 мая по призыву большевиков объявили забастовку рабочие «Старого Лесснера». 68 дней дружно бастовали рабочие обоих заводов. С 15 мая по 23 июля бастовали рабочие чугунолитейной мастерской Невского судостроительного завода. Первым требованием рабочих было не выполнять заказы с «Нового Лесснера». Уже на 4-й день забастовки заказы были сняты. С 24 мая по 11 июня бастовали все 150 рабочих чугунолитейного завода Паль, также отказавшиеся выполнить заказы с «Нового Лесснера».

В поддержку забастовки новолесснеровцев принимал участие весь петербургский пролетариат. На имя А. Е. Бадаева в социал-демократическую фракцию

¹ Правда, 1913, № 142 (346).

Государственной Думы стекались рабочие копейки со всех концов страны, образовав внушительную цифру — более 10 тыс. руб.

Забастовка приняла угрожающий характер. Все реакционные силы были поставлены на ноги для ее разгрома.

За сообщение о забастовке на «Новом Лесснере» 5 июля 1913 г. № 151 «Правды» был арестован. Начались аресты среди бастующих. Меншевики вели среди рабочих завода усиленную агитацию за окончание забастовки. Нашлась самозванная «делегация», кучка хозяйских подпевал, которая ежедневно с 29 июля ходила на завод. Рабочие колебались. Одолевала нужда, но не хотелось приступать к работе без удовлетворения требований.

3 августа 1913 г. «Северная правда» сообщала, что забастовка благодаря наличию большого числа штрейкбрехеров была сорвана. 100 рабочих остались за воротами. Несмотря на то, что стачка на «Новом Лесснере» закончилась поражением, она обогатила рабочий класс опытом классовой борьбы, показала еще раз всю глубину предательства интересов рабочего класса ликвидаторами, укрепила партийную организацию завода.

Рабочие «Нового Айваза» являлись одним из передовых отрядов петербургского пролетариата. На заводе была крепкая партийная группа, возглавляемая М. И. Калининным, работавшим с февраля до июля 1913 г. и с ноября 1913 до начала 1916 г. в инструментальной мастерской завода. Айвазовцы участвовали во всех политических забастовках-протестах и демонстрациях периода 1912—1914 гг.

60-дневная забастовка на «Новом Айвазе» началась 15 июля. Она была вызвана снижением расценок на 25% и введением двух смен вместо трех, что увеличивало рабочий день на 1 час. Чашей, переполнившей терпение рабочих, было появление хронометражиста. Сообщая в «Правде» о причинах забастовки, группа айвазовских рабочих указывала, что эксплуатация на заводе принимает все более зверский характер.¹

Всей третьей смене рабочих был объявлен расчет. В ответ забастовало 1200 рабочих. Основным требованием забастовавших было повышение расценок. В своей статье в «Правду» айвазовцы выразили глубокую уверенность в том, что петербургский пролетариат поддержит их в борьбе с предпринимателями.

Забастовка, начавшаяся несколько стихийно, вскоре приняла организованный характер. Руководство ею взял в свои руки стачечный комитет. Начали проводиться общие собрания бастующих. 23 июля на собрании было принято решение: держаться до конца и не поступать на другие заводы и фабрики.

Начались репрессии против рабочих: 1 августа было арестовано 5 чел., в том числе трое старост. По сообщению охранки, полицией Лесного участка 4 августа в 8 час. вечера в лесу Ратькова—Рожнова по Старо-Парголовокому

¹ Северная правда, 1913, № 13.

шоссе в местности «2-е болото» было обнаружено собрание айвазовцев в количестве 400 чел., 10 из них были задержаны. На месте собрания было подобрано несколько воззваний стачечного комитета к рабочим завода.¹ 10 августа было арестовано еще двое рабочих.

Администрация объявляет о наборе рабочей силы на завод. К 14 августа было сделано четыре таких объявления.

Через газету «Северная правда» айвазовцы просили рабочих Петербурга оказать им материальную помощь. Эта просьба нашла широкий отклик.

Союз металлистов активно участвовал в руководстве забастовкой айвазовцев. Было вынесено постановление собрать с каждого члена союза по 25 коп. на поддержку айвазовцев. Кроме того, было решено выдать пособия айвазовцам, членам союза металлистов, уволенным с завода за участие в забастовке.²

Положение, однако, становилось все более тяжелым, надвигалась осень. В начале сентября на общем собрании было решено послать совет старост на переговоры с администрацией. Предложения администрации обсуждались на собраниях рабочих. 14 сентября после отчета делегации было решено забастовку прекратить. Одновременно делегации было поручено составить списки вновь принимаемых на работу, так как должны были набираться только две смены из трех и большая часть рабочих оставалась за воротами завода. Собрание потребовало, чтобы на завод были приняты женщины, так как им труднее было найти работу.³ Охранное отделение возмущенно доложило в Департамент полиции, что администрация завода согласилась учредить особую рабочую комиссию для обратного приема рабочих. «В комиссию вошли те же самые лица, которые до того руководили стачкой, а ныне поставили своей целью возвращение на завод своих единомышленников».⁴

Администрация составила «черный список» и объявила, что он не подлежит просмотру комиссией. Члены комиссии потребовали от директора завода немедленного уничтожения этого списка. Администрация, боясь новой забастовки, вынуждена была уступить.

14 сентября забастовка закончилась. Несмотря на героическое 60-дневное сопротивление рабочих, условия труда были ухудшены. Требование рабочих о 8½-часовом рабочем дне не было удовлетворено.

Стачка айвазовцев также закончилась поражением, но и она ярко показала рост классового самосознания рабочих, рост их организованности.

Партия большевиков через «Правду», заводскую партийную ячейку и союз металлистов руководила стачкой.

¹ ЦГИАМ, Д. П., О.О., д. 341, прод. 2-е, 1913 г., л. 104.

² Северная правда, 1913, № 18.

³ Правда труда, 1913, № 4.

⁴ ЦГИАМ, Д. П., IV д-во, д. 61, ч. 2, т. 4, 1913 г., л. 30.

Айвазовцы внесли новое в стачечную борьбу петербургского пролетариата: 1) создали комиссию по приему рабочих на завод после окончания стачки, которая отстаивала интересы рабочих и добилась уничтожения «черных списков»; 2) организовали длительную материальную помощь оставшимся без работы товарищам.

Еще более упорный характер носила стачка рабочих казенного Обуховского завода Морского ведомства. Забастовка началась 26 июля выступлением 57 рабочих сварочно-закалочной мастерской. В этой мастерской были каторжные условия труда: в несколько рядов без всяких ограждений стояли низкие чаны с маслом, куда опускали для закалки отоженные сваряды. Воздух был насыщен гарью и масляными парами. В таких условиях без вентиляции и обеденного перерыва работали по 12 час. в сутки. Рабочие уходили с работы шатаясь, в полном изнеможении, со страшной головной болью. 26 июля один из рабочих, потеряв сознание, свалился в чан с кипящим маслом. Оттуда его извлекли мертвым. Рабочие прекратили работу и потребовали: 1) ограждения у чанов, 2) устройства вентиляции, 3) увеличения заработной платы. Все 57 чел. были администрацией уволены. Рабочие других цехов, где условия работы были немногим лучше, чем в сварочно-закалочной, а рабочий день длился также 12 час. без перерыва, и заработная плата была ниже, чем на частных заводах, были глубоко возмущены происшедшим. Из числа наиболее активных рабочих была избрана стачечная комиссия. 29 июля был организован огромный митинг, на котором обсуждались требования рабочих: 1) вернуть уволенных из сварочно-закалочной мастерской, 2) увеличить заработную плату на 25%, 3) улучшить условия труда, 4) отменить сверхурочные, и т. д. Требования были отосланы начальнику завода Воскресенскому. Всем рабочим был дан расчет. Администрация не тронула лишь рабочих оптической мастерской. Завод остался без воды и света. Администрация поняла, что поступила опрометчиво, и 31 июля на воротах завода было вывешено объявление, предлагавшее начать работу рабочим, обслуживающим водопровод и центральную электрическую станцию.¹ Но никто из рабочих на работу не вышел. Начались аресты бастующих. Было арестовано 37 чел.

Депутат Бадаев обратился к товарищу морского министра М. В. Бубнову с телеграммой, требуя приема по делу обуховцев, но получил отказ. Бадаев выступил в «Правде» со статьей «По министрам», в которой разъяснил рабочим, что все распоряжения о забастовке идут от Бубнова и было бы неразумно ожидать от него какого-либо улучшения их положения.²

8 августа около ст. Славянка 6 тыс. обуховцев собрались на митинг, который сразу же был разогнан конными стражниками и городовыми. 22 чел. были задержаны, на месте митинга были подобраны прокламации Петербургского комитета по поводу репрессивных мер правительства против забастовок и о рабочей печати.

¹ ГИАЛО, ф. 569, св. 158, д. 793, л. 8.

² Северная правда, 1913, № 18.

26 сентября забастовка была прекращена. Ни одно требование рабочих не было удовлетворено. Более 50 чел. было арестовано и выслано из столицы, свыше 100 рабочих не было принято на работу.

Прекращению забастовки способствовало то обстоятельство, что на Обуховском заводе, как и на всех казенных заводах, была усилена военная охрана, которой усердно помогали штрейкбрехеры и мастера-шпионы, предававшие забастовщиков. Рабочие были вынуждены приступить к работе.

Но рабочие смирились только на время, а 12 ноября, не выдержав новых, еще более тяжелых условий труда, забастовали вновь. Забастовку начали рабочие станочной мастерской и замочно-прицепного цеха. Им дали расчет. В знак солидарности объявили забастовку рабочие всего завода. Начальник завода Воскресенский закрыл завод.

15 ноября рабочие предъявили требования администрации. Эти требования были чрезвычайно смелы и широки и носили политический характер. Рабочие требовали 8-часового рабочего дня вместо 12-часового, свободы стачек, права на образование и чтение своей рабочей литературы, установления расценок 1906 г., занесенных в 1905 г., и т. д. Требования были отпечатаны в «Правде»¹ и нашли широкий отклик среди петербургских рабочих.

Уже 23 ноября администрация объявила о наборе рабочих на старых условиях. Но, как сообщала охранка, «означенное обращение к рабочим потерпело полную неудачу, так как до 1 ч. дня 24 ноября желающих записаться на работу оказалось не более 100 человек».²

Меньшевики всячески пытались сорвать забастовку. Они предлагали сократить список требований. Под их давлением из 25 требований были изъяты 12 самых существенных: требование 8-часового рабочего дня, свободы стачек, беспрепятственного чтения рабочей литературы и т. д. Несмотря на предательство меньшевиков, рабочие продолжали бастовать. Они через «Правду» обращались за помощью к своим товарищам. Рабочие просили своего депутата внести срочный запрос в Думу о положении на заводе. Запрос был внесен рабочей большевистской фракцией 15 ноября, но на обсуждение был поставлен только 25 ноября. С речью в защиту запроса выступил А. Бадаев. Под злобные выкрики правых и беспрерывные замечания Родзянко, председателя Думы, депутат Бадаев ярко описал тяжелое положение обуховских рабочих.

Речь Бадаева, опубликованная в «Правде», имела огромное агитационное влияние на массы рабочих. Он говорил: «Ясно, что я не рассчитываю вас пронять этим описанием, описанием тяжелого положения рабочих на Обуховском заводе. Ясно, что бессмысленно прививать оспу телеграфным столбам; не менее бессмысленно говорить о положении рабочих в этой черносотенной помещичьей Думе. . .

¹ За правду, 1913, № 39.

² ЦИАМ, Д. П., IV д-во, д. 61, ч. 2, т. 4, 1913 г., л. 103 об.

Вы своим голосованием покажете тот путь борьбы, на который мы давно зовем и который ничего не имеет общего с передними министерства». ¹

Большевистская рабочая фракция добилась того, что Государственная Дума запросила Морское министерство о положении рабочих Обуховского завода. Морской министр образовал секретную комиссию для расследования причин забастовки. Но никакой помощи от этой комиссии рабочие не дождались. На 70-й день стачки, в январе, нужда сломила рабочих. Все рабочие были без записи приняты на свои старые места.

Стачка имела важное воспитательное значение для рабочих. Она показала, что только коренная ломка всего общественного строя принесет пролетариату избавление от ига капитала и самодержавия.

Своей самоотверженной борьбой против царского самодержавия рабочие «Нового Леснера», «Нового Айваза» и казенного Обуховского завода показывали пример всему петербургскому пролетариату, активно вступившему в революционное движение. Рабочие победят только в том случае, если они будут действовать единым фронтом, сплоченно и организовано, если они будут бороться под лозунгами большевиков, — вот один из основных уроков, который вынес петербургский пролетариат из забастовок на этих трех крупнейших заводах столицы.

Революционные массовые стачки петербургских рабочих не прекращались в течение всей осени 1913 г. 22 октября 1913 г. «Правда» сообщала, что 6 ноября в 11 час. утра в 14-м отделении Петербургского окружного суда будут слушаться стачечные процессы рабочих Обуховского завода и завода Польте.

Суд над шестью обуховцами вызвал грозную демонстрацию рабочих против царизма. Уже утром 6 ноября по сигналу, данному Петербургским комитетом, забастовало 103 тыс. рабочих. ² 7 ноября рабочие, узнав об обвинительном приговоре, продолжали стачку протеста.

Образование осенью 1913 г. самостоятельной большевистской рабочей фракции в 4-й Государственной Думе ³ еще больше усилило связи партии с рабочим классом. Рабочие горячо поддерживали своих депутатов. За полтора месяца осенней сессии большевики-депутаты по основным вопросам рабочего движения внесли 13 запросов правительству. 1 ноября 1913 г. был внесен запрос по поводу преследования рабочих за участие в стачках, 15 ноября — об условиях труда рабочих Обуховского завода и о вызванных ими забастовках, 3 декабря — по поводу производимых арестов и административных ссылок представителей рабочих, избранных в больничные кассы, и т. д.

Депутаты-большевики присутствовали на суде над рабочими Обуховского завода. Большевик Г. И. Петровский описал происходившее на суде в «Правде».

¹ А. Бадаев. Большевики в Государственной Думе, стр. 153.

² За правду, 1913, № 31.

³ См. об этом выше.

Прокурор потребовал для забастовщиков наивысшего, возможного по законам наказания, чтобы это имело «моральное воздействие» на забастовочное движение в столице. Присутствовавшие на суде рабочие, писал Петровский, говорили, что несмотря на преследования за участие в стачках, бастовать мы будем, так как без этого нам грозит физическое и моральное вырождение и даже голодная смерть. Стачка — это наше законное средство борьбы.¹

Итоги состояния партийной работы и революционного движения в стране за 1913 г. были подведены на Пороинском партийном совещании Центрального Комитета с партийными работниками. Совещание состоялось в сентябре 1913 г. под руководством В. И. Ленина. На совещании присутствовали члены ЦК, редакции ЦО, социал-демократической фракции и представители с мест.

Совещание вынесло ряд важнейших решений. В резолюции «О стачечном движении» указывалось, что революционная стачка в 1913 г. охватила Москву и целый ряд новых промышленных районов. Совещание приветствовало почин Петербургского комитета и партийных групп Москвы, поднявших вопрос о всеобщей политической стачке и сделавших в этом отношении в июле и сентябре первые шаги. По размаху своему революционное движение в стране, отметило совещание, подходит к постановке на очередь всероссийской политической стачки, подготовку к которой нужно начать немедленно и повсеместно.²

В резолюции «О партийной печати» совещание указало на необходимость усиления нелегального партийного издательства листовок, брошюр и особенно регулярного выхода центрального органа большевистской партии — нелегальной газеты «Социал-демократ».³

Состоявшийся незадолго до выделения большевиков в Думе в самостоятельную фракцию, совещание приняло важные решения о думской работе. В них указывалось, что единству фракции грозит раскол, так как 7 депутатов-меньшевики, пользуясь большинством в один голос, всячески нарушают права 6 рабочих депутатов, представляющих громадное большинство рабочих России: депутаты-меньшевики лишают депутатов-большевиков возможности выступать с думской трибуны, выставляя своего оратора, лишают депутатов-большевиков мест в думских комиссиях и т. д. Совещание выносило действие меньшевистской семерки на суд широких рабочих масс.⁴

Совещание указало на необходимость усиления работы в легальных организациях рабочего класса (клубах, профсоюзах, больничных кассах), превращения их в оплот большевистской партии.

В резолюции по организационному вопросу конференция отметила необходимость укрепления руководящих нелегальных организаций в каждом городе,

¹ За правду, 1913, № 30.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 380.

³ Там же, стр. 380—381.

⁴ Там же, стр. 381—383.

а также объединения отдельных городов между собой. Кроме того, назревание политического кризиса в стране, мощный подъем рабочего движения и необходимость объединенных выступлений рабочего класса во всероссийском масштабе выдвинули на повестку дня вопрос о созыве партийного съезда, подготовку к которому предлагалось начать сразу после конференции.

Большое место в работе конференции занимал национальный вопрос.

Поронинское партийное совещание подтвердило основное положение национальной программы большевистской партии — право угнетенных царской монархией наций на самоопределение, т. е. на отделение и образование самостоятельного государства. Оно вскрыло всю опасность для всемирного рабочего движения реакционного плана «культурно-национальной автономии» в пределах одного государства, разобщающего пролетариат и отвлекающего его от совместной революционной борьбы против царского самодержавия и международного капитала. Совещание подчеркнуло, что «интересы рабочего класса требуют слияния рабочих всех национальностей данного государства в единых пролетарских организациях — политических, профессиональных, кооперативно-просветительных и т. д.»¹

Ознакомившись с решениями Поронинского партийного совещания, руководящий коллектив Петербургской партийной организации в составе 9 выборных от различных районов города и одного члена Исполнительной комиссии Петербургского комитета приветствовал решения совещания и подчеркнул необходимость более частого созыва подобных партийных совещаний Центрального Комитета с местными работниками. По поводу партийного съезда Петербургский комитет принял решение о необходимости созыва партийного съезда летом 1914 г. Для подготовки съезда Комитет решил начать создание фонда для отправки на съезд делегатов от Петербурга и избрать при Комитете специальную съездовскую комиссию, на обязанности которой лежала бы организация партийных собраний по вопросам, посвященным съезду, подготовка докладов по порядку дня съезда, подбор литературы и т. д.²

Вооруженный решениями Поронинского партийного совещания, Петербургский комитет в 1914 г. продолжал организацию революционной борьбы петербургского пролетариата во всех ее формах.

* * *

1914 год принес с собой дальнейший рост революционного движения по всей стране.

На опыте предыдущих лет пролетариат смог до конца распознать истинное лицо всех и всяких антипартийных группировок в среде русской социал-демо-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 385.

² К. Остроухова, ук. соч., стр. 76—77.

кратии. В частности, распад в 1914 г. трокистского августовского блока показал рабочим разложение и крах ликвидаторского течения, все более открыто смыкавшегося с лагерем либералов. С пеной у рта обрушивались ликвидаторы на страницах своей «Новой рабочей газеты» на «кадетство» большевиков-ленинцев.

К началу империалистической войны политическое положение в стране характеризовалось грандиозным ростом «правдистского» направления среди рабочих. Петербургские рабочие в основной своей массе к началу империалистической войны шли за большевистской партией и составляли значительный отряд огромной армии рабочих-правдистов всей России.

В конце октября 1913 г. большевистская шестерка в Думе отделилась от ликвидаторской семерки. С этого времени самостоятельная Российская рабочая социал-демократическая фракция 4-й Государственной Думы, работавшая по указаниям и директивам ленинского Центрального Комитета, стала в Думе

единственной выразительницей интересов трудящихся России и в первую очередь интересов рабочего класса. Выступления депутатов-большевиков в Думе отличались резкой критикой третьевьюнского режима и призывали трудящихся к решительной и непреклонной борьбе с паризмом.

Речи большевиков-депутатов в Думе, публикуемые «Правдой», являлись прекрасным агитационным материалом.

Царское самодержавие видело в лице депутатов-большевиков опасного и организованного противника. Оно всячески мешало деятельности рабочей социал-демократической фракции Думы. Сплошь и рядом председатель Думы октябрист Родзянко под улюлюканье правых, с Пуришкевичем и Марковым во главе, лишал большевиков-депутатов слова по середине речи. Царское самодержавие боялось бичующих, непримиримых запросов большевистской фракции, находивших широкую поддержку в революционных выступлениях рабочих всей страны, как это было 15 ноября и 14 декабря 1912 г.

„ПРОСВѢЩЕНИЕ“

Ежемесячный журнал.

№ 1.

Январь.

И-И

СПБ. 1913 годъ.

*Титульный лист большевистского журнала
«Просвещения».*

Рабочие всей России шли за партией, за большевистской шестеркой, выступая против ликвидаторской семерки. И в Петербурге ликвидаторская семерка осталась в одиночестве, без всякой поддержки со стороны широких слоев рабочего класса. После образования большевистской и меньшевистской фракций газеты большевиков и ликвидаторов организовали кампанию по сбору подписей за шестерку и за семерку. В Петербурге число подписей за партию (шестерку) к ноябрю 1913 г. достигло 5003, а за ликвидаторов (семерку) — 621, т. е. $\frac{9}{10}$ петербургских рабочих, подписавшихся под резолюциями, высказывались за большевистскую партию.

Эту кампанию подписей В. И. Ленин называл кампанией «открытого и массового опроса всех членов партии по важнейшему вопросу партийной жизни». В. И. Ленин указывал, что большевистская партия «дала всем партиям в России образец того, как следует втягивать массу рядовых членов партии в открытое и всестороннее обсуждение спорных вопросов».¹

Выборы от рабочих больничных касс во Всероссийский Страховой совет и Столичное страховое присутствие, состоявшиеся в Петербурге в начале 1914 г., также показали, что большая часть рабочих идет за большевистской партией. В обоих случаях прошли целиком списки сторонников «Правды». В рабочую группу Страхового совета был избран Н. М. Шверник.

Первая половина 1914 г. прошла под знаком усиления революционной стачечной борьбы петербургских рабочих. Большевики усиленно готовили всеобщую политическую стачку.

9 января 1914 г. явилось днем организованного политического выступления пролетариата России. Партия объединила выступления рабочих в общерусском масштабе, содействовала распространению революционной стачки на всю Россию. Задолго до 9 января по России был распространен листок Центрального Комитета с призывом к стачке и демонстрации 9 января 1914 г.

В Петербурге широкое распространение на фабриках и заводах получила также листовка Петербургского комитета, призывавшая к однодневной стачке и демонстрациям в день 9 января.

«Пусть как один человек забастует весь сознательный пролетариат Петербурга, — призывала листовка, — и в 11 часов дня выйдет на Невский проспект с великими лозунгами революции, родившимися 9 лет назад в крови петербургских рабочих, расстрелянных и растоптанных конскими копытами».²

«Правда» в передовой статье от 9 января писала, что задача раскрепощения России, поставленная перед рабочими России событиями 9 января, не выполнена до сих пор.

Призыв партии получил громадный отклик в рабочих массах: 9 января 1914 г. по всей России бастовало свыше 260 тыс. чел., на 100 тыс. чел. больше, чем

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 505, 506.

² Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 90.

в 1913 г. При этом бастовали одновременно рабочие Петербурга, Москвы, Риги, Варшавы, Николаева, Твери, Киева и других городов.

В Петербурге бастовало 140 тыс. рабочих, почти в два раза больше, чем 9 января 1913 г. Накануне 9 января на большинстве фабрик и заводов большевиками проводились митинги, на которых рабочие принимали решения не работать в этот день. Инициаторами и зачинателями забастовок и митингов, как и раньше, явились металлисты крупнейших заводов города: Путиловского (17500 чел.), Невского судостроительного (4374 чел.), Металлического (3450 чел.), Розенкранца (2400 чел.), Франко-Русского (2400 чел.).

Первой в 4 часа утра забастовала смена рабочих «Нового Айваза». Выйдя из ворот завода, рабочие пытались устроить митинг, но заранее подготовленным отрядом полиции были рассеяны.¹

В 7 час. 15 мин. путиловцы вышли из Морских ворот с красным флагом и с пением «Вставай, подымайся». В 7 час. утра рабочие Невского судостроительного завода организовали митинг и с пением «Вечной памяти», с красными и траурными флагами вышли из завода.²

В течение всего дня, начиная с 11 час. утра, рабочие стремились организовать демонстрацию на Невском проспекте, но оттеснялись полицией в прилегающие улицы, 400 демонстрантов на Садовой улице были разогнаны отрядом солдат-измайловцев. На Глазовской улице, при попытке рабочих освободить арестованного товарища, гороловые начали стрелять.³

Демонстрации состоялись отдельно по рабочим районам: на Петербургской стороне, в Московском районе, на Васильевском Острове. Всюду на рабочих набрасывалась полиция. По сообщению охранного отделения, «за участие в демонстративных выходах и противодействие распоряжениям полиции в разных местах города задержано в течение дня всего 132 чел.»⁴

Петербургское общество заводчиков и фабрикантов решило оштрафовать рабочих за участие в демонстрации. Но штрафу были подвергнуты в основном рабочие только текстильных предприятий, всего 7889 чел. На всех этих предприятиях вспыхнули забастовки рабочих, требовавших снятия штрафа. Отпор рабочих предпринимателям и размах движения были настолько сильны, что остальные члены общества, особенно хозяева крупных металлургических предприятий, боялись наложить штраф на рабочих.

В стачечной борьбе петербургского пролетариата в 1914 г. все большее и большее значение приобретали политические стачки, что отражало рост сознательности и организованности рабочих. Достаточно сказать, что количество участ-

¹ ЦГИАМ, Д. П., IV д-во, д. 61, ч. 2, л. А, 1914 г., л. 13.

² Там же, л. 13—13 об.

³ Пролетарская правда, 1914, № 8 (26).

⁴ ЦГИАМ, Д. П., IV д-во, д. 61, ч. 2, л. А, 1914 г., л. 15 об.

ников политических стачек в Петербурге за этот год превысило число участников экономических стачек в 22 раза.

Наиболее значительные революционные выступления петербургских рабочих падают на март и июль 1914 г.

4 марта забастовали 5340 чел. металлистов Нарвского и Московского районов, протестуя против тайного совещания правых и либеральных фракций Думы: националистов, октябристов, прогрессистов и кадетов, созванного без социал-демократов и трудящихся под председательством октябриста Родзянко, в присутствии председателя Совета министров, министров военного, морского, финансов, иностранных дел. «Правда» разъяснила рабочим, что на этом совещании речь шла об отпуске денег на военные цели в количестве сотен миллионов рублей народных средств.¹ Демонстрацией и стачкой рабочие выразили протест против подготовки царского самодержавия к войне.

С 6 по 12 марта в политических стачках протеста против преследования рабочей печати и профессиональных союзов участвовали десятки тысяч рабочих.

В январе на 16 (34)-м номере была закрыта «Пролетарская правда»; сменивший ее «Путь правды» также подвергался непрерывным преследованиям. Черносотенное большинство Думы утвердило антирабочие статьи нового законопроекта о печати, внесенного в Думу правительством. По 67-й статье этого исключительного закона восстанавливалась предварительная цензура, по статье 45-й требовалось, чтобы ответственными редакторами газет могли быть только лица, окончившие «учебные заведения не ниже средних».

Большевистская партия через «Правду» призвала рабочих дать организованный отпор царским погромщикам и выступить со стачками протеста против новых наскоков черносотенных громил на рабочую печать.

Внесенный еще 11 февраля запрос большевистской фракции Думы министру внутренних дел по поводу преследования полицией газеты «Путь правды» рассматривался на заседании Государственной Думы 4 марта 1914 г. Выступивший с речью Бадаев ярко обрисовал картину безудержного произвола царских властей над рабочей газетой и призвал рабочих к революционной борьбе с царским произволом. Бадаев заявил, что, несмотря ни на какие преследования, рабочие будут иметь свою печать.

Беспрерывными политическими стачками с 6 по 12 марта рабочие Петербурга откликнулись на выступление своего депутата. Всего по призыву большевистской партии в эти дни бастовало 35 132 чел. на 72 предприятиях. Впереди, как всегда, шли металлисты, давшие 77% участников стачек 6—12 марта. 14% участников стачек дали текстильщики.

К середине марта 1914 г. волна политических стачек петербургского пролетариата еще более усилилась. 4 апреля, вторая годовщина Ленского расстрела,

¹ Путь правды, 1914, № 27.

в 1914 г. приходилась на нерабочий день пасхальных праздников. Поэтому большевистская партия призвала рабочих отметить день ленинских событий 13 марта, приурочив его ко вторичному запросу в Думе об этих событиях. Петербургский комитет выпустил листовку «К товарищам рабочим и работницам Петербурга», в которой клеймилось позором злодейское преступление царского самодержавия против ленинских горняков. Листовка заканчивалась словами: «Пусть же завтра, 13 марта, весь сознательный пролетариат Петербурга объявит мощную стачку-протест, бросив грозное проклятие грабителям и палачам народа».¹

В ответ на призыв партии 13 и 14 марта забастовало 66 372 рабочих на 150 предприятиях. 67% всех стачечников дали металлисты. Впереди по количеству стачечников шли металлисты Выборгского района. 15% всех бастовавших составили текстильщики. Бастовали рабочие Охтенской бумагопрядильни (1000 чел.), бумагопрядильни Д. Бек (1300 чел.) и т. д. Активное участие в стачке протеста приняли рабочие типографий. Выступления 13 марта не ограничивались проведением митингов и демонстраций, имели место столкновения с полицией, особенно в Выборгском районе.

Рабочие Минного завода вышли на Б. Сампсониевский проспект с пением «Вставай, подымайся, рабочий народ» и двинулись на соединение с рабочими других заводов. По требованию полиции пение было прекращено, но рабочие «не расхотелись, приняли настолько угрожающее положение, что находящийся здесь местный пристав... и постовой городской вынуждены были обнажить шашки».² Рабочие Металлического завода бросали в полицию камнями. Новолессперовцы, пытавшиеся проникнуть к Городской думе на демонстрацию, были рассеяны полицией.

Как сообщала охранка, «за пение революционных песен, нанесение побоев чинам полиции, отказ от исполнения требования последней разойтись и за принуждение рабочих к оставлению работ всего в течение дня... задержано 19 человек».³

Не успели прекратиться стачки и демонстрации по поводу годовщины ленинских событий, как рабочие всей России были потрясены событиями, происшедшими на резиновой мануфактуре «Треугольник».

Утром 12 марта администрация резиновой мануфактуры «Треугольник» выдала рабочим для склеивания галош новый состав мази, выделявший ядовитые испарения, во удешевлявший процесс производства. От ядовитых паров на 1-й фабрике в запасных мастерских отравилось до 200 чел. По описанию «Правды», на фабрике «происходило нечто ужасное: одни падали и разбивались, другие, безумев, бежали из отделения, ничего не видя перед собой».⁴

¹ Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 96.

² ГИА, ф. 569, св. 56-д, л. 121, л. 2.

³ Там же, л. 3.

⁴ Путь правды, 1914, № 35.

Рабочие обратились за помощью в большевистскую фракцию Думы. К 4 час. на фабрику приехал Бадаев, который не был туда пропущен директором как «сторонний». Выяснив факты, 12 марта большевистская фракция на вечернем заседании Думы сделала запрос министру торговли и промышленности о массовых отравлениях на фабрике «Треугольник».

Несмотря на это администрация и на следующий день не прекратила экспериментов над жизнью рабочих, цинично заявив, что рабочие к новой мази привыкнут. 13 марта на 2-й фабрике для работы была дана та же самая мазь. С часу дня начались обмороки и массовые отравления. Пострадало до 300 чел. Вечером у ворот «Треугольника» состоялся многолюдный митинг. Для разгона рабочих была прислана полиция. Рабочие оказывали сопротивление, оборонялись камнями. Многие пострадали. Было арестовано до 10 чел.¹

14 марта отравления продолжались. Рабочие забастовали. У ворот завода собрался огромный митинг, на котором ораторы-большевики призывали организованно вести начавшуюся забастовку. Налетела конная полиция, начались избиения рабочих. Рабочие вынуждены были разойтись по домам.

Партия большевиков через нелегальные листовки и «Правду» разъясняла рабочим смысл происходящих событий, разоблачая гнусную ложь заводской администрации о «комитете отравителей», якобы организованном революционно настроенными рабочими для создания «брожения» в рабочей среде. «Правда» 20 марта 1914 г. в передовой «Комитет отравителей найден» писала, что «комитет отравителей», несомненно, существовал и существует. «Только искать, — указывала «Правда», — его надо не среди рабочих. Его надо искать среди тех, 1) кто дал рабочим не о ч и щ е н ы й бензин, 2) кто заставил их работать в у д у ш л и в о й а т м о с ф е р е, 3) кто непосильной работой, длинным рабочим днем и низкой заработной платой и с т о щ и л о р г а н и з м рабочих, 4) кто непрерывным преследованием рабочих организаций, рабочей печати и т. д. и т. д., создавал среди рабочих „повышенное настроение“».²

Петербургский комитет немедленно возглавил стачку протеста рабочих «Треугольника» через большевиков,* работавших на мануфактуре. В начале отравлений, 14 марта, Комитетом была издана специальная прокламация, призывающая рабочих «Треугольника» к забастовке: «Пусть избранный вами стачечный комитет под руководством Нарвского районного и Петербургского комитетов... обсудит все условия борьбы... Пусть все рабочие „Треугольника“, как один человек, сплотятся вокруг своего революционного стачечного комитета и покажут свою силу обнаглевшим эксплуататорам».³

Прокламация давала рабочим программу действия. В ней указывалось на необходимость создания стачечного комитета, выработки общих требований, на-

¹ Путь правды, 1914, № 36.

² Там же, № 41.

³ Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 97.

даживания организованных переговоров с администрацией, освещения хода стачки в рабочей газете, укрепления связи со всеми рабочими организациями Петербурга и с большевистской фракцией.

17 марта в знак протеста против отравлений первыми забастовали рабочие Путиловского и Балтийского заводов. Всего в этот день бастовало около 30 тыс. чел. 18 марта большевистская фракция еще раз внесла запрос о массовых отравлениях. На «Треугольнике» бастовало до 3 тыс. рабочих. 19 марта в Петербурге бастовало уже до 120 тыс. рабочих, вновь бастовал Путиловский завод с верфью. Охранка допосила в Департамент полиции о 13 демонстративных выступлениях и сообщила, что полицией задержаны 40 чел.¹

Всего, по данным «Правды», с 17 по 20 марта в стачках протеста против отравлений в Петербурге участвовало около 160 тыс. рабочих. Петербургское общество заводчиков и фабрикантов решило ответить на революционные выступления рабочих массовым локаутом. 20 марта было выброшено на улицу 70 тыс. рабочих. Локауту подверглись 26 предприятий, на которых работал наиболее «беспокойный» контингент петербургских рабочих — металлисты. Локаутированы были заводы Путиловский, Металлический, Балтийский судостроительный, Гвоздильный, Кабельный, оба завода Лесснера, Нобель, «Вулкан», Лангензипен, Парвайнен и др. Мало того, 21 марта, именно тогда, когда локаутированным рабочим более всего нужна была своя организация, был закрыт профсоюз металлистов, насчитывавший к тому времени до 12 тыс. чел.

Локаут и закрытие профсоюза металлистов не дали предпринимателям желаемых результатов. «Правда» и орган профсоюза «Металлист» разъяснили смысл происходящих событий и призывали к борьбе. Большевики повели агитацию за судебные иски к предпринимателям, уволившим рабочих, разъясняя, как составлять иски, куда их направить.² Большевистская фракция организовала сбор средств в пользу локаутированных.

Сами того не сознавая, локаутчики способствовали втягиванию рабочих в широкую политическую борьбу против существующего режима.

Петербургский пролетариат был не одинок в борьбе. По данным «Правды», в Москве с 10 по 24 марта бастовало 10 тыс. рабочих, протестуя против гошений на рабочую печать и профессиональные союзы и против массовых отравлений в Петербурге и в Риге.

В борьбе с локаутами петербургские рабочие руководствовались решениями Краковского партийного совещания, которое призывало пролетариат к «устройству уличных революционных демонстраций как в их сочетании с политическими стачками, так и в качестве самостоятельных выступлений».³ И после

¹ ЦГИАМ, Д. П., IV д-во, д. 61, ч. 2, лит. А, 1914 г., л. 131.

² Путь правды, 1914, № 43.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 427.

локаута 21 марта большевистская партия дала ясный лозунг: не бастовать сейчас, когда на стачку провоцируют фабриканты в целях разгрома выступления рабочих, а устраивать уличные демонстрации, сочетая их с политическими стачками.

4 апреля, в день 2-й годовщины Левского расстрела, Петербургский комитет призывал рабочих Петербурга к революционной демонстрации: «Товарищи! Выходите на Невский проспект к 11 часам утра 4 апреля».¹ Как доносило охранное отделение в Департамент полиции 2 и 3 апреля, листовки Комитета были найдены во дворе Франко-Русского завода, на «Старом Леспере», на Металлическом, Путиловском, казенном Трубочном и других заводах.²

«Правда» не могла упомянуть об этой листовке. Она, как обычно, прибегла к намеку: 4 апреля, в день демонстрации, рано утром в «Правде» появилась статья В. И. Ленина «О формах рабочего движения».³ В этой статье прямо называлось решение Краковского совещания о замене форм борьбы в случае локаута и делался намек на необходимость проведения революционной демонстрации.

Дружно откликнувшись на призыв партии, с самого утра 4 апреля рабочие стали собираться на Невском проспекте и прилегающих к нему улицах. Уже с утра полицией было задержано более 50 чел.

Демонстрации рабочих, по сведениям охранки, состоялись на Итальянской улице, у Михайловского моста, на Троицкой площади, у Большого проспекта Петербургской стороны, на Лиговской улице. Заранее заготовленные наряды полиции нещадно избивали, разгоняли, арестовывали демонстрантов.

Ликвидаторы остались в стороне от революционного выступления рабочих 4 апреля. Мало того, ликвидаторская газета, рассказывая 5 апреля 1914 г. о демонстрации, *«не перепечатывает сообщения буржуазных газет о распространении листовок от имени СПб. комитета нашей партии!»*,⁴ — писал В. И. Ленин. Ликвидаторы скрывали от рабочих существование Петербургского комитета, давшие о его революционных прокламациях и об устройстве Комитетом демонстраций 4 апреля. В. И. Ленин попрежнему требовал от рабочих и партии: *«... никакого „единства“ и никакого „мира“ с подобной группой ликвидаторов»*.⁵

22 апреля рабочие России торжественно отпраздновали двухлетний юбилей большевистской «Правды». Юбилейный номер «Правды» вышел в удвоенном размере. По призыву партии рабочие всей России к этому дню производили отчисления в «железный фонд» «Пути правды». К 24 апреля в «железный фонд» рабочей газеты только петербургскими рабочими было внесено около 6 тыс. руб.

¹ Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 103.

² ЦГИАМ, Д. П., IV д-во, д. 61, ч. 3, л. А, 1914 г., л. 19—19 об.

³ В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 20, стр. 189—192.

⁴ Там же, стр. 479.

⁵ Там же, стр. 480.

22 апреля в Думе произошло событие, взволновавшее рабочих всей России: 25 левых депутатов, в том числе и рабочие депутаты, были удалены из зала заседаний военной силой и лишены права присутствовать на 15 заседаниях за obstruction председателю Совета министров Горемыкину, устроенную в знак протеста против привлечения депутатов к судебной ответственности за думские выступления.

Большевики-депутаты и Петербургский комитет организовали стачку протеста рабочих против насилия над их представителями в Думе. В Петербурге забастовало более 75 тыс. рабочих, в Москве — до 40 тыс. рабочих.

На стачку протеста Петербургское общество заводчиков и фабрикантов ответило вторичным массовым локаутом. Локауту было подвергнуто более 26 тыс. металлистов 18 крупнейших предприятий города. К 1 мая локаут на большинстве предприятий был снят.

Центральный Комитет издал листовку, призывавшую рабочих в день 1 мая к однодневным забастовкам и уличным демонстрациям. По всей стране бастовало всего 500 тыс. чел.

Петербургский комитет также издал листовку, которая призывала рабочих присоединиться к международному пролетариату, организовав однодневную забастовку, и выдвигала следующие лозунги: долой милитаризм, долой царскую монархию, да здравствует демократическая республика, 8-часовой рабочий день и конфискация помещичьих земель.¹

Несмотря на то, что перед 1 мая вся полиция была поставлена на ноги и по ордеру охранного отделения было произведено свыше 400 обысков и до 100 арестов, первомайская забастовка в Петербурге была почти всеобщей, охватив 250 тыс. чел. Выступление оказалось настолько мощным и организованным, что капиталисты-локаутчики были вынуждены отказаться от своего излюбленного метода борьбы со стачками.

В течение всего мая и июня в Петербурге не прекращались революционные выступления рабочих. 19 мая в ответ на призыв Петербургского комитета забастовали в знак протеста против вторичного суда над обуховскими товарищами 112 тыс. металлистов Выборгского, Московского и Нарвского районов и рабочих типографий Городского района. С 9 час. утра до 4 час. дня на Литейном проспекте, у здания суда, проходили демонстрации. То там, то здесь раздавалось пение революционных песен. Отряды полицейских с большими усилиями оттесняли рабочих за Неву. Узнав о приговоре суда, увеличивавшем срок ареста до двух месяцев, 20 мая в Петербурге опять бастовало 113 тыс. чел.

Только большевистская партия являлась верной защитницей интересов рабочих. 24 мая 1914 г. большевик Бадаев выступил в Думе по вопросу о положении рабочего класса в России и политике Министерства торговли и промышленности

¹ Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 105.

ленности. Он говорил, что Министерство торговли и промышленности является орудием в руках полицейского ведомства, что в отношении рабочего законодательства за 1913 г. в России ничего не сделано, а фабричная инспекция бессильна. Только революционная борьба рабочих оказывает воздействие на спящие министерства. Поэтому неизбежны стачки и рост профсоюзов рабочих. Он указывал, что в то время как правительство всячески борется с революционными выступлениями рабочих, «рабочие Петербурга признали дело рабочих-обуховцев делом своим и ответили более чем 100-тысячной стачкой на это незаконное их привлечение».¹

Под руководством большевистской партии революционная борьба рабочих России в июле 1914 г. еще более усилилась. Июльские стачки и демонстрации 1914 г. явились авангардными боями, которые, будучи прерваны на время империалистической войны, через два с половиной года возобновились снова и явились в решающий штурм самодержавия.

Пробудился рабочий Урал: впервые за годы революционного подъема бастовали рабочие Лысьвенского, Каслинского, Нижне-Петровского заводов. В центральном промышленном районе по поручению Центрального Комитета большевик-депутат Шагов в течение всего июня возглавлял хорошо организованную забастовку рабочих-текстильщиков, охватившую 50 тыс. чел.

Но наибольший отзвук в стране подучили бакинские события. Бакинские рабочие, закаленные в революционных боях с царизмом и капиталистами, явились и в 1912—1914 гг. одним из наиболее революционных отрядов рабочего класса России.

В мае началась всеобщая забастовка нефтепромышленных рабочих Баку. Поводом для забастовки послужила угроза эпидемии чумы на присках. 20 мая на собрании уполномоченных был решен вопрос о проведении забастовки. 28 мая по призыву стачечного комитета нефтяники Баку забастовали. Рабочие требовали 8-часового рабочего дня, признания 1 мая праздничным днем и т. д. Владельцы промыслов ответили на требования рабочих отказом и поставили перед рабочими условие — 1 июня возобновить работу. 2 июня на всех промыслах были вывешены объявления об увольнении всех бастующих и выселении их из квартир. Градоначальник направил на промыслы 2 сотни казаков.

Петербургские рабочие внимательно следили за ходом бакинской стачки. 11 июня в «Правде» появилось сообщение о том, что в Баку уже арестовано 500 чел. бастующих и закрыто профессиональное общество рабочих-нефтяников. 25 июня «Правда» сообщала, что положение на промыслах становится все более тревожным: в Балаханах полиция открыла стрельбу по рабочим, количество арестованных достигло 1000 чел., наступил срок выселения рабочих из квартир. В Баку посылались новые воинские части.

¹ А. Бадаев, ук. соч., стр. 269.

*И. А. Владымирский, Июльские баррикады, Картина маслом.
Музей В. И. Ленина, Москва.*

Петербургский комитет специальной листовкой призвал пролетариат Петербурга к организованной помощи бакинским рабочим: забастовкам и денежным сборам. В листовке указывалось, что в Баку стачка стала всеобщей, что весь рабочий класс также идет от частичной забастовки к всеобщей стачке, что к этому должны готовиться и петербургские рабочие. Листовка призывала: «В день 1 июля за 1 час до шаша бросайте работы, созывайте митинги, решайте отчислить дневной заработок для бакинской всеобщей стачки... Да здравствует односторонняя стачка помощи и солидарности всех рабочих!!!».¹

Выступление петербургских рабочих по призыву и под руководством большевиков приняло 1 июля определенную организационную форму: заводы прекращали работу за час до окончания смены, проводились митинги и принимались резолюции с оценкой бакинских событий и с постановлением о сборе средств в помощь бакинцам. Петербургские рабочие под руководством большевиков способствовали превращению бакинской стачки во всероссийскую.

На Путиловском заводе за час до окончания работ 1 июля состоялся грандиозный митинг, на котором присутствовало 12 тыс. рабочих. Обсуждался вопрос о бакинской забастовке. Докладчик не успел закончить речь, как раздались провокационные выкрики: «Полиция! полиция!», и митинг был сорван.

«Правда» поместила ряд резолюций, принятых на рабочих митингах. Рабочие некоторых заводов, как, например, айвазовцы, прислали настолько резкие резолюции, что их нельзя было поместить целиком, так как газета была бы неминуемо конфискована. Вместо выпущенных слов редакция поставила многоточия: «Мы, рабочие и работницы зав. Н. Айваз, приветствуем т. т. бакинцев в стойкой героической борьбе. Протестуем против чрезвычайных репрессий, которым подвергаются т. т. бакинцы за стачку, законом не наказуемую. Выражая свою моральную и материальную поддержку, желаем... Победа бакинцев — наша победа».² В ответ на призыв Петербургского комитета рабочие увеличили сбор средств. Петербургский градоначальник издал еще 29 июня постановление, по которому запрещался сбор денег или вещей для поддержки бастующих. Виновыные в нарушении постановления подвергались штрафу в размере 500 руб. или аресту на три месяца.³ Это не прекратило сборов средств. Только от рабочих завода Гейслер, например, поступило для бакинцев 278 р. 26 к.

По призыву Петербургского комитета 1 июля в знак протеста против действий бакинской администрации бастовало 5349 рабочих. Резолюции протеста были приняты на 17 предприятиях города. 2 июля бастовало 4096 чел. От 15 предприятий в «Правду» были присланы резолюции протеста против бакинских событий.

¹ Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 107.

² Трудовая правда, 1914, № 30.

³ Там же, № 29.

3 июля царское самодержавие совершило злодейство, поднявшее на революционную борьбу новые десятки тысяч рабочих России и на баррикадные бои рабочих Петербурга и Лодзи. 3 июля царские опричники расстреляли митинг путиловцев. Во дворе завода находилось не менее 12 тыс. рабочих. Ораторы призывали путиловцев к поддержке бакинских товарищей. Перед окончанием митинга появился большой наряд конной и пешей полиции. Командующий полицейским нарядом потребовал разойтись, в ход были пущены пагайки. В это же время закрылись ворота завода. В рабочих было дано два залпа. Двое рабочих были убиты, 50 — ранены. Раздались возгласы: «На баррикады!», в порыве самообороны некоторые рабочие схватили камни.

Рабочие всей страны, узнав о расстреле митинга путиловцев, были потрясены случившимся. Зарвавшемуся царскому самодержавию нужно было дать отпор. Грандиозные демонстрации и стачки протеста прошли по всей России. По далеко не полным сведениям Московского общества заводчиков и фабрикантов, в Москве с 7 по 14 июля в политических стачках участвовало 55 000 чел., в Риге — 54 000, в Варшаве — более 20 000, в Ревеле 10 000, в Харькове — 12 000, в Николаеве — 9 000, в Ростове-на-Дону — 2 000, в Лодзи — 1 500, в Тифлисе — 12 000, в Московской губернии — 12 500 и т. д.¹

Небывалый со времени первой русской революции подъем революционной стачечной борьбы и рост демонстраций в эти дни свидетельствовали о приближении в стране новых революционных событий. Рабочий класс вел самоотверженную борьбу за освобождение трудящихся России от царизма.

Грандиозными революционными выступлениями ответил петербургский пролетариат на расстрел митинга путиловцев.

4 июля в Петербурге забастовало 90 тыс. рабочих. В «Правду» посылались десятки резолюций протеста. Во всех рабочих районах, наводненных полицией, шли непрерывные митинги и демонстрации. Демонстранты из всех районов города пробивались сквозь полицейские заставы к Путиловскому заводу. В разных районах города происходили столкновения с полицией. Начальник Петербургского охранного отделения доносил в Департамент полиции, что им сделано «распоряжение о дальнейшей ликвидации лиц, отмеченных за последнее время особой активностью и серьезностью партийной работы, в особенности же имеющих какие-либо сношения с депутатом Бадаевым».²

В ночь с 4 на 5 июля Петербургский комитет обсудил план дальнейших действий. Решено было слить разрозненные выступления рабочих в единое мощное движение, продлить массовую забастовку еще на три дня и провести всеобщую демонстрацию 7 июля, о чем была выпущена листовка.³

¹ Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района, 1914, № 8, стр. 20.

² ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 9, л. 160, ч. 2, лл. 135—136.

³ Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 108.

Эта листовка, появившаяся в рабочих районах 5 июля, придавала движению большевистскую целенаправленность. Забастовки и демонстрации продолжались. Как сообщала «Правда», 5 июля бастовало около 70 тыс. чел.

6 июля приходилось на воскресенье. По рабочим районам шла подготовка к общегородской демонстрации 7 июля. 7 июля бастовало 130 тыс. чел. Стояли почти все крупные фабрики и заводы. Во всех рабочих районах столицы прошли мощные демонстрации. Рабочие были хозяевами улиц.

На Выборгской стороне, согласно плану, разработанному районной партийной организацией, первыми вышли на улицу рабочие «Нового Леснера». К ним присоединились рабочие других фабрик и заводов и, вливаясь в мощную колонну демонстрантов, направились к Сампсониевскому проспекту. Полиция тщетно пыталась разрезать колонну на части.

В 10-м часу вечера рабочие Выборгской стороны построили первую баррикаду. Материалом для баррикады послужили 8 вагонов кожно-железной дороги, направившихся в парк. К месту событий подоспела полиция. Из окон населенного рабочими дома № 17 по Безбородкинскому проспекту, где была выстроена баррикада, в полицейских посыпался град камней. Полиция стреляла в окна домов и в рабочих, скрывавшихся за баррикадой. Выстрелом в окно была ранена работница.¹ В другом конце города, на Лиговской и Тамбовской улицах, полиция также стреляла в демонстрантов.²

¹ ЦГИАМ, Д. П., IV д-во, д. 61, ч. 2, т. 2, л. А, 1914 г., л. 180 об.

² Там же, л. 180 об.

Разстрѣлъ митинга путиловцевъ. По предварительнымъ даннымъ 2 убитыхъ и 50 раненыхъ товарищей.

Митингъ.

Вчера, за два часа до окончания работы, рабочие турбинной, бездвигательной и др. мастерскихъ прекратили работу и собрались во дворъ завода на митингъ. Всего отсутствовало на митингъ до 12.000 рабочихъ. Ораторы-рабочие, обрисовавъ положение бастующихъ бакинцевъ, призвали гг. путиловцевъ къ поддержке стачечниковъ. Передъ окончаніемъ собранія повисла во дворъ завода большая парадъ зонной и палией полиціи, которая была спущена на заводъ съ утра.

Разстрѣлъ.

Полиціею стали колорать на безоружныхъ рабочихъ. Въ ходъ были пущены ягтайки. Командовавшій полицейскими изрядомъ офицеръ потребовалъ немедленно разойтись, а между тѣмъ въ этотъ же моментъ заварилъ замки въ ворота и запереть было некуда.

Рабочие замолчали и въ тотъ же моментъ разделивъ выстрѣлы со стороны полиціи. Было слышно въ рабочихъ 2 залпа.

Завтрами были убиты 2 рабочихъ и 50 ранено.

Въ порывъ самообороны некоторые рабочие схватились за камни. Ибо не рабочихъ шло и видъ завода, на проспектъ.

Арестовано 65 человекъ. Они будутъ усиленною конвоемъ отпра-

влены къ Наревскую часть. **Деп. Бадаевъ на мѣстѣ разстрѣла.**

На Путиловскій заводъ немедленно отправился депутатъ Видевъ.

Въ заводъ уже никого не пропустили. За Бадаевымъ немедленно отправился полиціею членъ.

Несколько служащихъ заявили, что есть 4 убитыхъ и много раненыхъ. Въ заводской больницѣ ему сказали, что туда никто не доставленъ.

Управляющій заводомъ отказался принять деп. Бадаева, заявивъ, что никакихъ свѣдѣній не дастъ.

Въ участкѣ.

Въ петербургскомъ участкѣ деп. Бадаевъ засталъ ужасную картину: убитыхъ и стонущихъ рабочихъ лежавшихъ убой въ подъ арена. Совершенно ясно, что арестованные — избиты.

Принять отказался дать какилибо свѣдѣнія, причѣмъ велъ себя съ депутатомъ такъ, что А. Бадаевъ считалъ нужнымъ довести о его поведеніи до сведения Министра внутреннихъ дѣлъ. Бадаевъ немедленно обратился съ телеграммой въ министерство, чтобы получить завтра же приѣмъ.

Ночная сѣдня путиловцевъ забастовала.

*Сообщение о расстреле митинга путиловскихъ рабочихъ.
«Трудовая Правда», июль 1914 г.*

8 июля всеобщая забастовка продолжалась, приняв еще более грандиозные размеры: бастовало 150 тыс. рабочих. Не работали фабрики и заводы, нарушено было трамвайное движение.

Уже прошли 3 дня, намеченные Петербургским комитетом для трехдневной всеобщей стачки, но революционная энергия рабочих была через край. Наиболее бурные события развернулись на Выборгской стороне. На углу Нейшлотского пер. и Ньюстадекой улицы произошло столкновение с полицией, причем среди рабочих имелись раненые. На многих перекрестках улиц на Выборгской стороне из сваленных телеграфных столбов и трамвайных вагонов были устроены баррикады. Баррикады строились и в Нарвском районе.

Не прекращались столкновения с полицией, которая повсюду огнестрельным и холодным оружием разгоняла демонстрации рабочих. На улицах было вывешено обращение градоначальника к населению Петербурга, в котором указывалось, что для прекращения беспорядков будут приняты самые суровые меры. Царское правительство прибегло к жесточайшим репрессиям: город был превращен в военный лагерь, были закрыты все профессиональные союзы и рабочее общества.

«Правда», мобилизующая и организующая роль которой в эти революционные дни неизмеримо возросла и влияние которой на рабочих, по признанию Департамента полиции, «становилось неограниченным», «являлась штабом революционного движения, откуда шли все распоряжения».¹ Но 8 июля полиция закрыла «Правду», здание редакции было разгромлено, все сотрудники и свыше 30 находившихся в редакции партийных работников были арестованы.

9 июля бастовало уже свыше 150 тыс. рабочих. В течение всего дня не прекращались демонстрации во всех районах. Наиболее выдающиеся события произошли на Выборгской стороне, где рабочие продолжали строить баррикады и вступать в схватки с полицией. Как доносила охранка, «в два часа дня на Сампсониевском проспекте на углу Батениной улицы собралась толпа рабочих и из пивных ящиков, неизвестно откуда ими добытых, устроила баррикады, и когда приблизились чины полиции, то из-за баррикад толпою было произведено в чины полиции два выстрела, не причинивших никому из них вреда, ввиду этого чинами полиции был произведен по толпе залп из винтовок».² В течение дня в результате столкновений с полицией 5 рабочих было убито и 8 ранено.

Общество заводчиков и фабрикантов опять пришло на помощь царскому самодержавию в борьбе с революционными выступлениями петербургского пролетариата. 8 и 9 июля на собраниях членов общества было решено закрыть Путиловский завод на неопределенное время, рассчитав всех рабочих; все предприятия Выборгской стороны закрыть на две недели, так как там забастовка и де-

¹ Красный архив, 1939, т. IV (95), стр. 148.

² Там же, стр. 147.

монстрации носили наиболее революционный и непримиримый характер, и рассчитывать всех рабочих; все остальные предприятия закрыть на несколько дней. Всеобщим локаутом, страхом голодной смерти хотели предприниматели в союзе с царским самодержавием задуть передовой отряд русских рабочих, революционный пролетариат Петербурга.

10 июля забастовка и демонстрации продолжались.

Решение предпринимателей о локауте вступило в силу: было уволено более 17 тыс. рабочих Путиловского завода и верфи и объявлено о закрытии предприятия на неопределенное время. За Московской заставой были рассчитаны рабочие заводов «Скороход», Сименс и Гальске, на Выборгской стороне — рабочие заводов Лесснера, «Феникс», Металлического.

Вечером прибыли в Петербург затребованные градоначальником войска. Но ни локаут, ни вызов войск не испугали рабочих; 11 июля бастовало уже 200 тыс. чел.

Продолжался расчет рабочих. Количество локаутированных превышало 100 тыс. чел. В рабочих кварталах производились повальные обыски и аресты. Тюрьмы были переполнены заключенными.

Начало всероссийской политической стачки было прервано повой силой международного порядка — империалистической войной, в которой царизм искал спасения от все возраставшего революционного движения в стране.

Надвигающиеся военные события вынудили предпринимателей через несколько дней снять локаут, и, как сообщало охранное отделение в Департамент полиции, «почти все фабрично-заводские предприятия, оставшиеся закрытыми их администрацией после общей политической забастовки, 17-го сего июля были вновь открыты для производства работ».¹

Уже 18 июля по всей стране была объявлена мобилизация, а 19 июля Германия объявила войну России.

* * *

Таким образом, к началу империалистической войны Россия стояла накануне новой революции. В стране назрел политический кризис. Он сказался, прежде всего, в том, что (говоря словами Ленина) *«низи не хотели жить, как прежде»*.² Это проявилось в мощном нарастании революционного движения. Июльские революционные события в стране означали начало всероссийской политической стачки, которую большевистская партия готовила с Порошинского партийного совещания. В авангарде революционных событий шел петербургский пролетариат: в Петербурге, начиная с всеобщей демонстрации 8 июля, проходила всеобщая политическая забастовка.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1276, д. 130, ч. 2, оп. 9, л. 140.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 194.

Кризисное положение в стране сказалось также в крушении социально-экономической политики царизма и поддерживавших его помещиков и верхов буржуазии, в частности, в крахе столыпинской аграрной реформы. Крушение послереволюционной политики царизма и господствовавших классов сказалось также в невозможности подавления нового революционного подъема, что порождало разногласия в правящей среде. Кризис верхов еще более углублялся предвоенным общевропейским политическим и экономическим кризисом. Царизм и господствовавшие классы России *«не могли хозяйничать и управлять, как прежде»*.¹

Империалистическая война, развязанная международным империализмом, на 2¹/₂ года отодвинула начало новой революции в России.

Лучшей и незаменимой школой подготовки пролетариата к революции являлись стачки. В 1912—1914 гг. партия большевиков через организацию массовых революционных стачек против самодержавия и капиталистов, через подготовку и начало проведения в июле 1914 г. всеобщей политической стачки вела рабочий класс России навстречу новой революции. Стаечная борьба пролетариата России в 1912—1914 гг. достигла такого размаха, которого не знало мировое рабочее движение.

Во главе пролетариата России шел петербургский пролетариат. С апреля 1912 г. по июль 1914 г. рабочие Петербурга участвовали в 1631 стачке и дали около трех миллионов стачечников.

Из года в год количество стачечников в Петербурге в 1912—1914 гг. все увеличивалось, причем стачечная борьба петербургских рабочих носила ярко выраженный политический характер: количество участников политических стачек было в 13 раз больше количества участников экономических стачек.

В революционной стачечной борьбе петербургского пролетариата 1912—1914 гг. ясно намечаются два периода. Первый — с апреля 1912 г. до лета 1913 г., когда шел процесс втягивания еще отсталых слоев петербургских рабочих в стачечную борьбу. В этот период массовые политические стачки еще не идут непрерывно и не все они связаны с выступлениями рабочих других крупных промышленных центров страны. Выполняя решение Пражской партийной конференции и Краковского партийного совещания, под непосредственным руководством Центрального Комитета партии Петербургский комитет тогда организовывал и поддерживал всякого рода революционные выступления масс, обращая особое внимание на подготовку и проведение массовых политических стачек в сочетании с уличными демонстрациями.

Второй период начался с лета 1913 г. и продолжался до июльских дней 1914 г. В условиях уже назревшего в стране политического кризиса Петербургский комитет, согласно решению Поровинского партийного совещания, готовил

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 194.

петербургский пролетариат к участию во всеобщей политической стачке. Массовые политические стачки в Петербурге шли одна за другой, охватывая все большее количество рабочих.

В июле 1914 г. в Петербурге экономических стачек почти не было. В городе непрерывно проходили массовые политические стачки и демонстрации, связанные с подобными же выступлениями рабочих крупнейших городов страны. В Петербурге рабочие были хозяевами улиц, происходили столкновения с полицией, были убитые и раненые. В Петербурге, Лодзи и Баку рабочие строили баррикады.

Начиналась всероссийская политическая стачка, прерванная мировой империалистической войной.

Чтобы понять, как могли петербургские фабрично-заводские рабочие, общее количество которых в годы нового революционного подъема достигало 250—300 тыс. чел., выставить почти 3 млн стачечников, следует учесть повторность стачек.

В среднем каждый рабочий в 1912—1914 гг. бастовал около 12 раз. Разумеется, не все рабочие развивали одинаковую стачечную активность. Революционным авангардом петербургского пролетариата являлись металлисты крупнейших предприятий, поднимавшие по призыву Петербургского комитета и сигналу заводских ячеек на стачку рабочих других групп производств. Так, путевловцы в 1912—1914 гг. участвовали, по данным «Правды», в 85 стачках и составили 11% всех стачечников Петербурга за этот период; рабочие Невского судостроительного завода участвовали в 42 стачках и составили 3% всех стачечников в Петербурге; рабочие Металлического завода участвовали в 21 стачке и составили 2% всех стачечников. В первых рядах стачечников также шли рабочие заводов б. Парвайнен, Лангензиен, Вагоностроительного завода, «Нового Айваза», Трубочного завода Барановского, завода «Вулкан», «Нового Леснера».

В 1912—1914 гг. каждый петербургский металлист бастовал в среднем 21 раз. За этот период металлисты дали 63% всех стачечников Петербурга.

Текстильщики в стачечной борьбе петербургских рабочих шли вслед за металлистами. Они составили 16% всех стачечников Петербурга в 1912—1914 гг. Каждый текстильщик за этот период времени бастовал в среднем 10 раз.

Деревообделочники, печатники, химики и кожевники за период нового революционного подъема составили 13% всех стачечников столицы и каждый из них за это время бастовал в среднем 7 раз.

Рабочие по обработке минеральных веществ и пищевых продуктов, строительные рабочие в силу меньшей квалификации, большей связи с древесиной и условий производства были политически менее развитыми и сознательными и принимали менее активное участие в стачечной борьбе рабочего класса Петербурга. Каждый из них бастовал в среднем за 1912—1914 гг. 5 раз. В целом

они составили 8% (менее, чем рабочие одного Путиловского завода) всех стачечников Петербурга.

В авангарде стачечной борьбы петербургских рабочих в годы нового революционного подъема неизменно шли крупные предприятия с количеством рабочих 400 чел. и выше, но постепенно вытягивались и рабочие более мелких предприятий различных групп производства.

Стачки петербургского пролетариата в 1912—1914 гг. носили массовый политический характер. В массовых политических стачках 1912—1914 гг. участвовало более 2,5 млн из 3 млн всех стачечников Петербурга, что составляло 88% общего количества стачечников этого периода. Это были стачки 9 января и 1 мая. Кроме того, в период нового революционного подъема, выйдя на передовую линию классовых боев с самодержавием и капиталистами, занимая ведущее место в политической жизни страны, петербургские рабочие, как самый чуткий барометр, массовыми революционными выступлениями отвечали на каждое беззаконие царизма. Так, в 1912 г. с 14 по 22 апреля 140 тыс. чел. бастовало в знак протеста против левских событий, с 29 октября по 4 ноября 100 тыс. чел. бастовало против смертных приговоров севастопольским матросам. В 1913 г. 85 000 чел. бастовало в день годовщины событий на Лене, 17 июня 70 250 чел. бастовало в знак протеста против смертной казни, угрожавшей 52 матросам Балтийского флота, 6 ноября 110 569 чел. бросило работу в знак протеста против суда над обуховскими товарищами за участие в стачках и т. д.

Таких массовых политических стачек в 1912—1914 гг. было всего 28. Все они проходили под революционными лозунгами, выдвинутыми Пражской партийной конференцией, т. е. по своим требованиям носили общенародный характер, так как защищали интересы рабочих (8-часовой рабочий день), крестьян (конфискация помещичьих земель) и были направлены против общего врага — царского самодержавия.

Кроме 28 массовых политических стачек, в Петербурге в 1912—1914 гг. произошло 1603 политических и экономических стачки на отдельных предприятиях города. Несмотря на то, что в них участвовало только 12% всех бастовавших в 1912—1914 гг. рабочих, они имели большое значение для воспитания политического самосознания рабочего класса более мелких и разрозненных предприятий, являлись школой классовой борьбы и средством вытягивания наиболее отсталых слоев пролетариата в массовую политическую борьбу. В историю рабочего движения Петербурга вошли многие героические стачки рабочих на отдельных предприятиях: 132-дневная забастовка обуховцев, 97-дневная стачка рабочих заводов Сименса и Гальске, 102-дневная стачка новолесснеровцев, 102-дневная стачка рабочих арматурно-электрического завода, 60-дневная забастовка рабочих «Нового Айваза» и т. д.

На мелких предприятиях и мастерских города было проведено за 1912—1914 гг. 15 коллективных районных и общегородских стачек булочников, портных.

каталей угля, обойщиков, экипажников, золотосеребряников и т. д. 54% всех стачек на отдельных предприятиях в 1912—1914 гг. сопровождалось требованием увеличения зарплаты, 11% — сокращения рабочего дня, 9% — улучшения условий труда. Остальные 26% стачек на отдельных предприятиях носили политический характер, являясь стачками солидарности или правового характера. 29% всех стачек на отдельных предприятиях закончились полной победой рабочих, 16% — соглашением и 55% — поражением. Поражением чаще всего кончались стачки на тех предприятиях, хозяева которых состояли членами Петербургского общества заводчиков и фабрикантов и были связаны между собой рядом соглашений по борьбе с забастовками рабочих.

Массовые политические стачки петербургского пролетариата имели для революционной борьбы рабочего класса неизмеримое значение. В период высшего подъема апрельских стачек 1912 г. возникла ежедневная большевистская рабочая газета «Правда». Апрельско-майские стачки 1912 г. вынудили царское правительство издать страховые законы 1912 г. Грандиозными стачками протеста против преследований рабочей печати рабочие защищали «Правду» от разгрома вплоть до империалистической войны. Дружно поддерживая массовыми политическими стачками выступления рабочих депутатов в Думе и этим придавая запросам большевиков-депутатов реальную силу, рабочие дали возможность большевистской фракции под руководством Центрального Комитета вести в стране большую революционную работу вплоть до начала империалистической войны. Стачная борьба петербургских рабочих оказала огромное революционизирующее влияние на рабочий класс всей России. Вслед за столицей поднимались Прибалтика, Москва и Центральный промышленный район, Баку, Урал и т. д.

Стачная борьба петербургского пролетариата в годы нового революционного подъема носила чрезвычайно упорный характер. От стачек петербургских рабочих предприниматели потеряли за этот период около 8 млн (7 990 319) рабочих дней. 7% всех стачек на отдельных предприятиях в 1912—1914 гг. длились более месяца, а 38% — от 7 до 30 дней.

Начало нового революционного подъема застало царское самодержавие врасплох. Поэтому в 1912 г. репрессии против стачечников не были еще столь жестокими, как в 1913 и 1914 гг.: за руководство стачками царское правительство громило профсоюзы, рабочие общества, неоднократно приостанавливало издание «Правды», десятками и сотнями арестовывало стачечников. За участие только в «разрешенных законом» экономических стачках в 1912—1914 гг., по данным «Правды», было арестовано около 900 чел., уволено более 17 тыс. чел., был произведен 231 докнут на отдельных предприятиях. Не прекращало действовать положение об усиленной охране, по которому каждый стачечник рассматривался как «нарушитель общественного спокойствия» и без суда подвергался административным взысканиям.

Стачками рабочих не «раз занимался Совет министров. Было создано «междуправительственное совещание по борьбе с рабочими забастовками», на заседаниях которого обсуждались проекты издания новых, более суровых уголовных законов, направленных главным образом против участников политических стачек. Пересматривался договор найма, по новому проекту которого неявка на работу во время стачки должна была служить поводом для немедленного расторжения найма.

Члены Петербургского общества заводчиков и фабрикантов еще в июне 1912 г. заключили конвенцию, направленную против стачек рабочих. Совет общества рассылал «черные списки» забастовщиков, которых не разрешалось принимать на работу. После стачки 4 апреля 1913 г. общество начало проводить массовые локауты забастовавших рабочих: после стачки 4 апреля 1913 г. было уволено около 6 тыс. рабочих, в 1914 г. было проведено 3 массовых локаута, в результате которых уволили в общей сложности около 300 тыс. рабочих.

Наиболее жестокими были репрессии по отношению к руководителям стачек рабочих, членам большевистской партии.

Но никакие репрессии царского самодержавия не могли остановить нового массового революционного подъема. На место пострадавших товарищей партия направляла других и еще теснее сплачивала рабочий класс вокруг своих нелегальных и легальных центров. В ответ на массовые локауты рабочие, вооруженные тактикой большевистской партии, на время меняли формы борьбы, чтобы затем с новой силой выступить вновь. В канун первой мировой войны, как отмечено, дело дошло уже до баррикадных боев.

В чрезвычайно сложно складывавшихся условиях борьбы с самодержавием и капиталистами, с оппортунистами всех мастей, только одна партия, большевистская партия нового типа, имея крепкую нелегальную организацию и железную дисциплину в своих рядах, возглавила революционное движение рабочих. С неизменным революционным оптимизмом, вооруженные решениями Пражской конференции, Краковского и Поронинского партийных совещаний и мощной поддержкой тысяч рабочих, большевики применяли все новые революционные формы классовой борьбы, переходили от экономических и массовых политических стачек к демонстрациям и подготовке всероссийской политической стачки и вооруженного восстания.

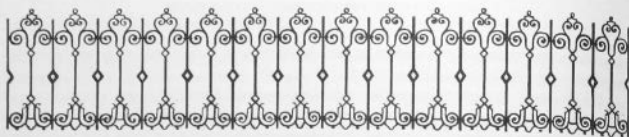
Партия вооружала рабочий класс теорией и тактикой классовой борьбы и в то же время сама училась у рабочего класса, обобщая опыт его борьбы.

Основные, неурезанные лозунги большевистской партии: требование 8-часового рабочего дня, конфискации помещичьих земель и демократической республики, красной нитью проходившие через все стачки петербургского пролетариата 1912—1914 гг., сливаясь с повседневными требованиями рабочего класса,

овладели сознанием масс и стали величайшей силой в наступивших революционных событиях 1917 г.

В годы нового революционного подъема партия большевиков, умело сочетая нелегальную работу с легальной, привлекла на свою сторону десятки и сотни тысяч передовых рабочих, которые впоследствии сыграли громадную роль в Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ШКОЛА В ПЕТЕРБУРГЕ

Экономическое и политическое развитие России в начале XX в. обусловило известные сдвиги в культурном уровне населения: постепенно ускоряется прирост грамотных, несколько быстрее растет сеть различных школ, курсов, библиотек и клубов, оживляется издательская деятельность и т. д. Особенно наглядно эти сдвиги сказывались, разумеется, в Петербурге, крупнейшем промышленном и революционном центре страны.

Техническое оснащение петербургских заводов не позволяло предпринимателям удовлетворяться прежним неграмотным рабочим. Все больший спрос предъявлялся и на кадры знающих инженеров и квалифицированных мастеров. Как следствие этого спроса усиливалась тяга к образованию во всех слоях общества. В столице росла сеть начальных и профессиональных школ, увеличилось число средних и высших учебных заведений.

Особенно быстро шел рост культурного уровня пролетариата. Еще перед 1905 г. петербургские рабочие выдвигали во время стачек наряду с политическими и экономическими и различные культурные требования. Образовательные запросы рабочих отразились и в петиции, обсуждавшейся на предприятиях столицы в канун 9 января. Рабочие требовали от правительства мер «против невежества и бесправия русского народа», требовали «общего и обязательного народного образования на государственный счет». Громадное значение для ликвидации массовой безграмотности рабочих имела первая русская революция,

пробудившая к сознательному политическому творчеству десятки тысяч пролетариев. Широкое участие в руководимой большевиками революционной борьбе, желание осознать ее цели и средства порождали у рабочих жгучее стремление к просвещению. Революция 1905 г. явилась важным рубежом в повышении культурного уровня петербургского пролетариата. После 1905 г. среди столичных рабочих, особенно среди молодежи, прочно устанавливается интерес к общественно-политическим и естественнонаучным знаниям, к книге. Сами рабочие, а не только интеллигенты, как прежде, становятся в суровое время реакции основателями рабочих клубов, воскресных школ и читален, активными распространителями книг и газет.

В годы революционного подъема передовые рабочие Петербурга, решительно пойдя по пути, указанному Лениным, большевиками, и выступив инициаторами создания «Правды», явились сознательными участниками заложения основ новой социалистической культуры. Однако политическое бесправие и невыносимые условия труда препятствовали осуществлению стремлений рабочих к просвещению. К тому же капиталисты после 1905 г. как огня боялись сознательных рабочих, и несмотря на то, что распространение образования было экономически выгодно для буржуазии, она настолько опасалась расширения умственного горизонта пролетариата, что предпринимала лишь робкие шаги для обучения детей трудящихся.

Культурные стремления рабочих находились в непримиримом противоречии с ничтожностью просветительских мероприятий царского правительства.

Неоднократно вынужденное поднимать вопрос о реформе просвещения, о расширении образования, правительство всякий раз само же срывало проекты реформ, тормозило расширение образовательной сети. Возмущение двуличной политикой царизма в области просвещения охватывало все более широкие общественные круги. О кризисе этой политики свидетельствует тот факт, что за 20 лет после смерти Делянова (1897—1917) сменилось десять министров народного просвещения. Ничего фактически не сделала для просвещения трудящихся и буржуазно-помещичья Государственная Дума.

Вопросы культурного развития страны могли быть решены только в связи с общими задачами революционной борьбы. Подлинный культурный прогресс народных масс был несовместим ни с царизмом, ни с помещичье-буржуазным строем в целом.

Из 3 млрд 208 млн руб. государственного бюджета на народное просвещение в 1913 г. тратилось лишь 136 млн 700 тыс. или $\frac{1}{23}$ всех государственных расходов. По расходам и числу учащих в стране (3,85%) Россия занимала последнее место в Европе. В стране было 73% неграмотных, $\frac{4}{5}$ детей и подростков России было лишено образования.¹ Царские бюрократы, очевидно, все-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 115.

цело разделяли принципы одного из деятелей реакции 80-х годов, уверявшего, что правительству «особенно необходимо всеми силами бороться против народного образования. Если Россия сопротивлялась еще сколько-нибудь успешно духу времени, то этим мы обязаны до известной степени безграмотности русского народа».¹ Невежество народа было возведено до степени основного государственного принципа. Царизм встречал в штыки всякую инициативу, направленную на улучшение просвещения масс. С гневным протестом против политики правительства в области просвещения выступала в 1905 г. учащаяся молодежь, передовое учительство, а также другие группы прогрессивно настроенной интеллигенции, в частности деятели науки, которые до того стояли в стороне от политической жизни. В конце января 1905 г. было опубликовано и получило широкий отклик в России и за границей обращение 342 ученых, в числе которых было 16 академиков и 125 профессоров (впоследствии число подписей достигло 1500). Авторы «Записки 342 ученых», как тогда называли это обращение, писали: «Правительственная политика в области просвещения народа, внушенная преимущественно соображениями полицейского характера, является тормозом в его развитии, она задерживает его духовный рост и ведет государство к упадку».²

Ученые понимали, что прогресс просвещения несовместим с царским строем, и требовали «установления незыблемого начала законности и неразрывно с ним связанного начала политической свободы», воплощенного «в привлечении свободно избранных представителей народа к осуществлению законодательной власти и контролю над действиями администрации».

Среди подписавших это обращение были академики А. А. Марков, А. С. Фаминцын, А. А. Шахматов и др. Все они получили выговор от великого князя Константина, являвшегося «августейшим президентом» Академии Наук. Правительственный обскурантизм вызывал недовольство не только среди передовой интеллигенции и рабочих, но и в буржуазно-либеральной среде.

Заводчики и фабриканты надеялись, что школа подготовит им «толковых рабочих и покорных холопов» (Ленин). Либеральные защитники грамотности убеждали правительство, что «неграмотный рабочий становится для предпринимателя убыточным», что «реальные интересы заводчиков и кушцов и даже самих помещиков настоятельно требуют распространения в народе грамотности».³ Но правительство всячески оттягивало разрешение вопроса о введении всеобщего обучения.

Тормозящая роль царского правительства в деле народного образования в сильнейшей мере сказывалась и в крупнейшем культурном центре страны —

¹ А. Е р ш о в. Народное просвещение и бюрократия после 1861 г. Образование, 1908, кн. VI, стр. 96.

² Наша жизнь, 1905, № 5, стр. 5.

³ Н. А н д р е е в. О введении всеобщего обучения в Петербурге. Учитель и школа, 1914, № 9, стр. 1.

в Петербурге. Уровень народного образования в столице оставался в общем весьма низким.

Один из инициаторов распространения начального образования в Петербурге, М. М. Стасюлевич однажды заявил: «...все, что мы сделали для низшего образования в Петербурге, это мы сделали только потому, что шли всегда против Министерства народного просвещения».¹

Правительство и Городская дума считали возможным тратить на образование жалкие гроши. Поэтому в столице вместо школ и библиотек гораздо чаще открывались новые церкви и казенки. Школьная сеть все более и более отставала от нужд времени и была необычайно запутана. Существовало, например, до 30 типов общеобразовательных школ. Все еще сохранялись пережитки феодально-сословной организации образования.

Привилегированное положение занимали, например, многие закрытые учебные заведения — кадетские корпуса, институты «благородных» девиц и т. д. Они были предназначены почти исключительно для дворян.

Учебные заведения, помимо разграничения на мужские и женские, резко делились на две независимые друг от друга категории.

Для детей хорошо обеспеченных родителей существовали средние учебные заведения — гимназии, коммерческие и реальные училища, которые широко открывали доступ в высшую школу.

Для широких масс трудящихся было доступно лишь элементарное образование, которое давалось несколькими типами начальных школ. Отчасти параллельно и отчасти на базе этих школ функционировало профессиональное образование.

Школы, предназначенные «для народа», не давали полноценной общеобразовательной подготовки. Окончившие их не могли поступать не только в высшие, но и в средние учебные заведения. В последнем случае мешала не только недостаточность программ начальных школ, но и прямое запрещение Министерства народного просвещения принимать в гимназию детей, учившихся в этих школах. Правительство ни в коем случае не хотело давать детям трудящихся широкое образование.

Потребности страны заставляли правительство соглашаться на расширение начального и профессионального образования. Однако оно не торопилось с открытием в столице новых школ, систематически отказывая школьному строительству в кредите. Подобную же позицию занимала нередко и Городская дума.

В результате, до Великой Октябрьской социалистической революции трудящиеся Петербурга не могли мечтать даже о всеобщей грамотности.

¹ А. Л. Народная школа во Второй Государственной Думе. Русская школа, 1907, № 12, стр. 12.

Процент грамотных повышался в столице настолько медленно, что абсолютное количество неграмотных непрерывно возрастало в связи с общим увеличением населения столицы.

В 1900 г. на 100 жителей Петербурга было 38 неграмотных, а общее число последних — более 543 тыс. Однодневная перепись населения в 1910 г. показала, что среди 1905 тыс. жителей столицы — 31%, или 630 тыс., безграмотных.¹ Даже если исключить детей до 11-летнего возраста, неграмотных было в 1910 г. около 400 тыс., тогда как в 1900 г. только 300 тыс.²

На просвещение расходовалась крайне незначительная сумма. В 1905 г. из 21,3 млн руб. городского бюджета на нужды образования было израсходовано лишь 1,8 млн руб.³ Причем из этих средств большая часть тратилась на средние учебные заведения, а не на начальные и профессиональные, предназначенные для детей бедноты. «Интересы меньшинства населения пользовались большим вниманием со стороны города, чем интересы подавляющего большинства»,⁴ — отмечалось в одном из учительских докладов в 1916 г. В результате количество детей, не посещавших школу, в Петербурге с каждым годом неуклонно росло. В 1900 г. училось 70% детей от восьми до одиннадцати лет, а в 1910 только 66%, т. е. треть детей не находила места в школе.⁵

Петербург был важным средоточием педагогической общественности и педагогической мысли. В столице собирались педагогические съезды, выходило два популярных тогда среди учительства журнала — «Образование» (некоторое время в нем сотрудничали и марксисты) и «Русская школа». Петербургские учителя стояли на одном из первых мест по своему преподавательскому мастерству.

В связи с революцией 1905 г. произошло заметное poleвение значительной части столичных учителей. Аполитичное и инертное ранее в своем большинстве учительство с энтузиазмом создавало свои профессиональные организации — Всероссийский Союз учителей, Союз учителей средней школы и др. Охваченные революционным порывом, педагоги нередко по своему почину меняли школьные порядки, программы, систему обращения с учениками. Лучшая часть учительства совместно со своими учениками поддерживала общеполитические требования масс, а некоторые из учителей примкнули в эти годы к партии большевиков.

¹ Н. Андреев, ук. соч., стр. 4; М. Л. План внешкольного образования в Петербурге. Учитель и школа, 1914, № 9, стр. 34.

² С. Григорьев. Народное образование и неграмотность в Петрограде и в Москве. Пгр., 1917, стр. 9.

³ Отчет Санкт-Петербургского общественного управления за 1905 г., ч. II. СПб., 1906, стр. 1.

⁴ Петроградский учитель, 1916, № 2—3, стр. 18.

⁵ С. Григорьев, ук. соч., стр. 40, 21.

Демократически настроенное учительство выступало за сохранение и развитие классического наследия педагогики XIX в. — педагогики Песталоцци и Ушинского, социалистов-утопистов Запада и русских революционных демократов.

Среди петербургских учителей не пользовались сколько-нибудь значительным влиянием модные буржуазные теории воспитания и образования (Дьюи и пр.). Не нашла признания и громкая одно время теория «свободного воспитания», выдвинутая в 1906 г. известным педагогом того времени К. Н. Вентцелем. Эта теория отразила крайний индивидуализм и растерянность испуганной революцией 1905 г. мелкобуржуазной интеллигенции.

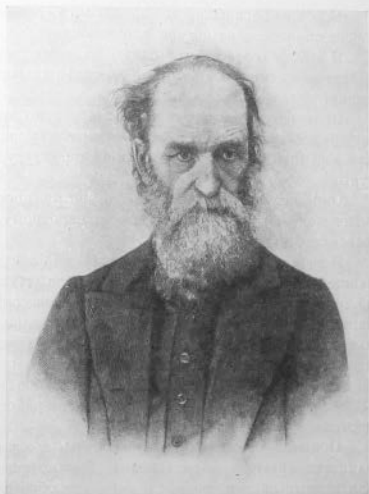
Справедливо критикуя правительственную школу, Вентцель с анархической легкостью предлагал отменить учебные программы, классы, уроки. Систематическое обучение в школе он предлагал заменить свободным домашним собеседованием родителей с детьми.

Значительно большим вниманием пользовались работы некоторых других теоретиков педагогики — П. Ф. Каптерева и, в особенности, П. Ф. Лесгафта.

Каптерев много думал об улучшении организации школы, об усовершенствовании программ и методики обучения («Педагогический процесс», изд. 1905 г.). Однако в его взглядах было немало отжившего, рутинного. Он, например, считал, что школа должна быть вне политики и жить в согласии с церковью.

Замечательный педагог и ученый-демократ П. Ф. Лесгафт успешно продолжал в это время свою блестящую научно-педагогическую деятельность, начатую еще в конце 60-х годов.

К началу XX в. Лесгафт завершил создание собственной системы физического воспитания и оригинальной теории семейного воспитания.

П. Ф. Лесгафт. С фотографии начала XX в.

Борец за раскрепощение науки и просвещения, Лесгафт был горячим поборником высшего образования для женщин.

В 1905 г. он создал Высшую вольную школу с курсами для рабочих. Неудивительно, что этот крупный ученый находился под неуспешным надзором полиции.

Педагогическое учение Лесгафта далеко выходило за пределы буржуазных теорий воспитания. Советская педагогика высоко ценит заслуги П. Ф. Лесгафта. Его имя присвоено Ленинградскому институту физического воспитания и культуры.

Определенное значение для развития просвещения и прогрессивной педагогической мысли имели съезды по народному образованию, обычно проводившиеся в Петербурге.

В 1904 и 1916 гг. были созваны III и IV съезды по профессиональному образованию, в 1908 г. I съезд деятелей народных университетов, в 1912 г. — I съезд по семейному воспитанию, в 1913 г. I Всероссийский съезд по женскому образованию и др. Хотя резолюции этих съездов носили в общем умеренно-либеральный характер, но на самих съездах не прекращалась борьба за коренную революционную перестройку системы народного образования. Особенно острой эта борьба была на I Всероссийском съезде по вопросам народного образования (22 декабря 1913 г.—3 января 1914 г.), в работе которого участвовало несколько десятков учителей-большевиков

Попытки правительства превратить заседания съезда в манифестацию преданности престолу были сорваны. В выступлениях учителей-большевиков звучал призыв партии: вопрос о народном образовании связать с общими задачами политического развития России.

Немوتря на брань черносотенной прессы, вопреки присутствию на съезде «человек 40 учителей в гороховом»,¹ т. е., попросту говоря, агентов охраны, съезд под влиянием большевистской программы по народному образованию принял несколько демократических резолюций.

Хотя председатель съезда сенатор Мамонтов призывал «не увлекаться», а распорядительный комитет, грубо нарушая элементарные демократические принципы, выкидывал из резолюций «опасные» абзацы, съезд большинством голосов осудил правительственную просветительную политику, провозгласил лозунг всеобщего обучения и трудовой школы. Съезд требовал и гарантий всеобщего обучения — ограничения и охраны труда детей и подростков. Хотя большинство делегатов было чуждо четких классовых позиций и не проявило достаточной политической зрелости, чтобы провозгласить необходимость демократических преобразований не только в школе, но и в стране, реакция пришла в ярость

¹ Н. Крупская. Итоги съезда по народному образованию. Просвещение, 1914. № 1, стр. 86.

и неустовство. Пуришкевич объявил созыв съезда «государственным преступлением».¹

С середины 90-х годов общественное движение, направленное в защиту просвещения масс, возглавили русские марксисты. «Союз борьбы» взял твердый курс на политическое воспитание и вовлечение в революционную работу широких кругов петербургских рабочих, учителей и учащейся молодежи.

В статьях 90-х и начала 900-х годов В. И. Ленин развивал учение Маркса и Энгельса о воспитании, выступал против царской школы, против либерально-народнических утопий.

Уже в одной из первых своих работ — «О чем думают наши министры» (1895) — В. И. Ленин разоблачил обскурантизм самодержавия, показал, что правительство смотрит «на рабочих как на порох, а на знание и образование как на искру», которая может взорвать этот порох и уничтожить самодержавие. «Без знания рабочие — беззащитны, со знанием они — сила!».²

Ленин рассматривал образование рабочих в неразрывной связи с их политическим сознанием. Говоря о стремлении рабочих учиться, он подчеркивал прежде всего их жажду учиться социализму; говоря о воспитании, он имел в виду прежде всего политическое воспитание рабочего класса, вовлечение его в революционную борьбу.

Ленин разъяснял рабочим, что борьба за свободное просвещение невозможна без борьбы за свержение царизма, что только революционное уничтожение капитализма может приобщить пролетариат к знаниям и культуре, позволит построить действительно свободную школу. Ввиду того, что росту социального сознания рабочего в 90-х годах более всего мешало народничество, В. И. Ленин основной удар направил против ошибок народников.

Либеральные народники были столь же беспомощны в педагогике, как и в области других общественных наук. Они не смогли создать в 90-х годах в педагогической теории ничего, кроме примитивной утопии Южакова, реакционные корни которой были вскрыты В. И. Лениным.

Южаков звал к «сближению и примирению классовых интересов»,³ а между тем в своем проекте всеобщего обучения не мог выйти за пределы типично классовой школы. Дети имущих родителей должны были по этому проекту оплачивать расходы по обучению, а дети несостоятельных — отрабатывать их в специально устроенных при гимназиях хозяйствах. В реформированных таким образом гимназиях Южаков оставлял даже учебные планы делиновско-толстовской гимназии.

¹ А. О с о с к о в. Начальное народное образование и IV Государственная Дума. Советская педагогика, 1947, № 1, стр. 88.

² В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 2, стр. 74, 76.

³ Дневник журналиста. Русское богатство, 1896, № 6, стр. 26.

Вскрыв убожество просветительных планов народников, В. И. Ленин одновременно обосновал ряд важнейших положений марксистской педагогики. Он показал классовый, буржуазный характер школы, приходящей на смену сословной школе, указал на необходимость всестороннего развития личности на основе соединения общего образования с производительным трудом, уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом и т. д.

Большое внимание вопросам народного образования уделяла газета «Искра».

Программа РСДРП, принятая II съездом, требовала как минимум бесплатного и обязательного для детей до 16 лет обучения общего и профессионального, отделения школы от церкви, а также права для населения получать образование на родном языке. В качестве гарантии всеобщего обучения программа требовала снабжения бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства, запрещения труда детей до 16 лет, ограничения рабочего времени подростков шестью часами и т. д.¹

В проекте резолюции II съезда партии об отношении к учащейся молодежи В. И. Ленин приветствовал оживление революционной работы в учебных заведениях и указывал на необходимость оказать содействие молодежи в выработке цельного и последовательного социалистического мировоззрения.

Партия большевиков активно руководила политическими выступлениями учащейся молодежи и учительства в 1905 г. Большеvistские группы в высших учебных заведениях возглавляли студенческие забастовки и демонстрации.

Под влиянием программы большевиков выдвигали демократические требования и некоторые беспартийные организации — профсоюзы, Всероссийский Учительский союз, рабочие просветительные общества, съезды по народному образованию.

Революционную борьбу за школу партия большевиков не прекращала и в годы реакции. Эта борьба усилилась в годы нового революционного подъема. Не раз с гневными обличениями буржуазно-либеральной и правительственной политики в области народного просвещения выступала партийная печать и прежде всего «Правда». Обскурантизм правительства клеймили в Государственной Думе депутаты-большевики. В статье «К вопросу о политике Министерства народного просвещения», служившей проектом речи депутата-большевика IV Государственной Думы Бадаева, В. И. Ленин, опираясь на официальные данные самого Министерства, показал невероятную культурную отсталость широких народных масс: девяти десяткам населения России правительство преграждало путь к образованию.

«Нет более злого и более непримиримого врага просвещения народа в России, чем российское правительство», — указывал Ленин и спрашивал: «Не за-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I. Госполитиздат, 1954, стр. 41.

служивает ли это правительство того, чтобы народ его *«выгнал?»*. В. И. Ленин с гордостью предсказывал, что рабочий класс России еще более серьезно и внушительно, чем в 1905 г., докажет «свою способность к революционной борьбе за настоящую свободу и за *настоящее*, не-кассовое и не-дворянское, *народное* просвещение!». ¹

«Правда» неустанно следила за обсуждением вопросов просвещения в черносотенно-кадетской Думе, на учительских съездах и т. д. В период подготовки к I съезду по народному образованию с июня 1913 г. «Правда» поместила около 30 статей, в том числе несколько передовых, о положении с просвещением народа в России. Итогам съезда была посвящена статья Н. К. Крупской в большевистском журнале «Просвещение».

Печать большевиков разоблачала не только охранительные начала в системе народного образования, но и выступала против сладких речей защитников «беспартийной» школы. Если педагогическая газета кадетского направления «Школа и жизнь» утверждала, что в школе нет места политике, то «Правда» заявляла, что «школа тесно связана с политикой». ²

Борьба большевистской партии за демократизацию образования продолжалась с неослабной силой и в период подготовки Октября.

Подчеркивая бездеятельность правительства Керенского, В. И. Ленин вновь настаивал на выполнении программы по народному образованию, принятой II съездом РСДРП, требовал осуществления полного отделения школы от церкви, бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 16 лет.

Тогда же, в 1917 г., появляется написанная еще в 1915 г. книга Н. К. Крупской «Народное образование и демократия». В этой книге впервые на русском языке было дано систематическое изложение учения Маркса и Энгельса о воспитании. Вместе с глубокой критикой старой школы Н. К. Крупская смело набрасывала контуры будущей школы социалистического общества.

* * *

В 1893 г. в Петербурге всех начальных школ было свыше 500, а учащихся в них 30 тыс.

В 1913 г. разнообразных начальных школ и классов в столице было до 700, а учащихся в них свыше 70 тыс. Однако если в 90-х годах начальные школы отказывали в приеме 3—4 тыс. детей, то в 1914 г. таких детей оказалось 18 тыс. ³ Весьма запутанной была ведомственная принадлежность школ, но

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 122.

² Правда, 1913, № 132.

³ Н. Андреев, ук. соч., стр. 4; Энциклопедический словарь изд. «Гранат», т. 32, стр. 108; Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона, т. 56, стр. 330—331.

еще большая неразбериха царила в их структуре и программе. Существовало более десяти различных типов начальной школы. «Система низших общеобразовательных учебных заведений представляет большой хаос, разобраться в котором удается с большим трудом даже людям, специально изучающим дело народного образования»,¹ — писалось в одном из справочных изданий.

Большое количество школ было в частных руках, в ведении Синода и различных министерств. Наибольшее число начальных школ находилось в ведении Городской думы; в 1913 г. она имела 283 начальных училища и 30 воскресных школ. Во всех этих школах было 55 тыс. учащихся. Городская дума тратила на расходы по образованию в 1913 г. 1 р. 75 к. на одного жителя. В Москве расходовало больше — 2 руб.²

По уровню начального образования Петербург значительно отставал от Москвы. В Москве училось сравнительно больше детей, а курс обучения был обычно 4-летним, а не 3-летним, как в Петербурге. Кроме того, классы в Петербурге были больше переполнены, чем в Москве. В Москве в классе в среднем было 37 чел., а в Петербурге — 48. В 1912 г. в Петербурге в 50 училищах одна учительница занималась одновременно с двумя отделениями. Не хватало учебных пособий.

Только 34 училища имели более или менее благоустроенные помещения (7-е Спасское для девочек и др.). Остальные ютились по частным, нередко темным и сырым квартирам. По школьной переписи 1911 г., 208 училищ имели всего по одной комнате.³ Петербургская дума признала даже нецелесообразным строительство школьных зданий ввиду того, что имеется много пустых квартир. Узко собственническая подоплека деятельности членов Городской думы — домовладельцев выступает в этом случае весьма отчетливо. Это в их карманы переходила целая треть средств, отпускаемых на содержание школ.⁴

Плохо было обеспечено учительство начальных школ, особенно женщин. Учительницы получали на 80 руб. меньше учителей (934 руб. в год вместо 1014 руб.).⁵ Необеспеченность учителей начальных школ заставляла их искать дополнительные заработки.

Окончание начальных училищ не давало права дальнейшего обучения в другом учебном заведении. Главная масса учащихся состояла из детей подвалов

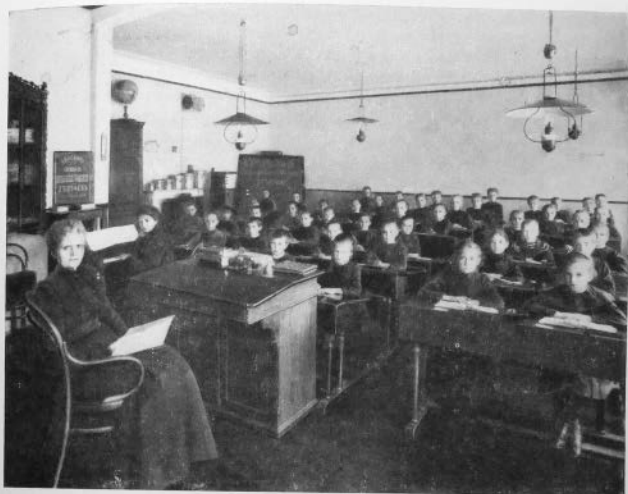
¹ Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона, т. 54, стр. 392.

² Отчет С.-Петербургской городской думы за 1912 г., № 4, Комиссия по народному образованию, стр. 74—75.

³ Однодневная перепись начальных школ, произведенная 18 января 1911 г. СПб., 1913, стр. 24.

⁴ А. Степанов. Школа городского самоуправления в России. Советская педагогика, 1939, № 2, стр. 122—123; Г. Беркенгейм. Несколько данных о петербургских городских школах. Отдел «Известий Московской городской думы». Народное образование, 1914, № 1, стр. 1—7.

⁵ Н. Андреев. Начальные школы Санкт-Петербургского учебного округа. Русская школа, 1913, № 7—8, стр. 14.

7-е Спасское городское училище для девочек. Фотография начала XX в.

в чердаках, истощенных, живущих в холоде и часто в голоде. Особую категорию учеников составляли дети из приютов. Больные и забытые, они были вялыми и потому крайне плохо учились.¹ К тому же некоторые школьники дразнили их «приютскими крысами». Обездоленные и душевно легко ранимые дети из приютов постепенно приучались смотреть на школу как на тюрьму. Среди учеников целая треть страдала малокровием, почти две пятых были поражены рахитом и золотухой.² Из ста учеников физически нормально развитых можно было насчитать только 17—18.³ «Домовладельческая» Городская дума, собиравшая миллионы городских сборов, только самую незначительную часть этих средств выделяла на организацию питания детей в школах.

¹ З. Масловская. Приютские дети в городских школах. Русская школа, 1913, № 7—8, стр. 73.

² Г. Беркенгейм, ук. соч., стр. 4.

³ Правда, 1912, № 91.

Однако бедность петербургского рабочего люда была так велика, что для широких слоев населения даже эти школы были малодоступны. Множество детей оставалось вне школы, а половину детей, поступивших в нее, родители брали еще до окончания 3-летнего курса, чтобы послать их на заработки. Наибольшее число учащихся было среди десятилетних детей; количество учащихся старше 11-летнего возраста быстро падало.¹ Оканчивало городские начальные школы только 14% поступивших. Остальные уходили из школы малограмотными, едва научившись читать и писать.²

Были начальные школы и при некоторых крупных предприятиях. Однако в большинстве своем они мало удовлетворяли рабочих, так как воспитывали их детей в духе слепого повиновения «властям». Так, при входе в заводскую школу начальника Балтийского завода ученики по команде «смирно» должны были вскочить и отчеканить как заправские солдаты: «Здравия желаем, ваше превосходительство».³

Тяжелые условия рабочего быта и постоянная опека полиции тормозили развитие и вечерне-воскресных школ. Их число в столице в начале XX в. никогда не превышало 30—40. Состав учеников в них был очень непостоянным. К 1910 г., за 25 лет своего существования, Вторые смоленские вечерние классы, например, имели несколько тысяч учащихся, но из них смогли закончить двухлетний курс менее 200 чел.⁴

Однако воскресные школы пользовались у рабочих большой любовью. Некоторые из них уже с начала 90-х годов являлись одновременно легальной трибуной для пропаганды социалистического сознания в пролетарской среде. Неудивительно, что из воскресных школ и вечерних курсов выходили активные организаторы стачечной борьбы петербургского пролетариата — такие, как И. В. Бабушкин, В. А. Шелгунов.⁵ Еще в 1898 г. министр внутренних дел Горемыкин пришел к выводу, что «большинство рабочих-агитаторов и главарей разных стачек... посещали воскресные школы, где под руководством так называемых „интеллигентов“ прекрасно усвоили противоправительственный образ мыслей, распространяя его затем с возрастающим успехом среди своих товарищей».⁶

Правительство с неодобрением взирало на деятельность большинства «воскресников». Царизм, как заметил В. И. Ленин, желал бы, чтобы в воскресных школах «преподавателями были бывшие унтеры».⁷

¹ С. Григорьев, ук. соч., стр. 11.

² М. Л., ук. соч., стр. 35.

³ Л. М. Клейнборг. Очерки рабочей интеллигенции, т. I. Пгр., 1923, стр. 33.

⁴ С. Мирманова. Вторые Смоленские классы Русского технического общества. Школа и жизнь, 1910, № 4.

⁵ Воспоминания И. В. Бабушкина. Госполитиздат, 1952; В. А. Шелгунов. Мои воспоминания о воскресных школах. Школа взрослых, 1939, № 7.

⁶ Я. Л. Пичуренко. Роль воскресных школ и вечерних курсов для рабочих в освободительном движении России (1859—1903). Автореферат, М., 1953, стр. 14.

⁷ В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 76.

Урок физики в женской гимназии. Фотография начала XX в.

Несмотря на бюрократические и полицейские препоны, преподаватели воскресных школ самоотверженно несли свет знания в рабочие кварталы. Особенно оживилась деятельность воскресных школ в годы первой революции. Только тогда дробь, наконец, перестали быть тем запретным знанием, каким они были в начале 90-х годов в глазах министерских инспекторов.¹

Воскресные школы постоянно пребывали в безысходной нужде. Недостаток средств влек за собой неудовлетворительность большинства школьных помещений.

В таком положении была, например, старейшая в начале XX в. воскресная школа — Первая Смоленская (д. 65 по Шлиссельбургскому тракту). Ее переход в 1895 г. из Фарфоровского приходского попечительства в ведение Русского Технического общества не внес никаких серьезных улучшений в ее жизнь. Попреж-

¹ А. Г у р е в и ч. Из хроника внешкольного образования. Русская школа, 1908, № 11, стр. 59.

нему она оставалась в неудобном, малогигиеничном помещении, теснясь в нескольких смежных квартирках.

И все же Смоленская школа делала немало для общего и профессионального образования рабочих Невской заставы.

В 1908 г. помимо 12 групп из 30—60 учащихся в каждой, которые проходили 3-летний срок обучения, в школе были организованы специальные (профессиональные) классы, а также четвертый общеобразовательный (дополнительный) класс.

Большой заслугой школы была организация нескольких видов краткосрочных курсов — профессионально-технических и общеобразовательных.

Занятия в школе проводились от 7¹/₂ до 9 час. вечера, а по воскресеньям с 10 час. утра до 6 час. вечера. В воскресные дни устраивались экскурсии. В Ботаническом саду рабочими экскурсиями с 1903 г. охотно руководил будущий президент Академии Наук СССР В. Л. Комаров, в Музее антропологии и этнографии — выдающийся этнограф Л. Я. Штернберг.¹ По четвергам читались лекции на научно-популярные темы. Для того чтобы поместилось 200—300 чел., желавших послушать интересную беседу, приходилось снимать перегородки классов.

За 25 лет (1883—1908) через Первую Смоленскую школу прошло 24 тыс. учащихся² — рабочих Невской заставы. Из них кончили полный курс очень немногие.

Буржуазный антинародный строй не был в состоянии обеспечить даже элементарную грамотность трудового населения. Если в 1897 г. некоторые педагоги указывали, что всеобщего обучения Петербург достигнет лишь к 1950 г., то к 1917 г. для объективных исследователей стало ясно, что поголовная грамотность населения (с 8 лет) в Петербурге недостижима при существующих условиях никогда. Грамотность же населения с десятилетнего возраста будет достигнута не ранее, чем через 650 лет,³ как ради шутки подсчитал один из деятелей Городской думы.

Тяга рабочих к знаниям, к грамоте возросла в годы нового революционного подъема вместе с выходом «Правды». Ежедневную рабочую газету хотели читать все, в том числе еще неграмотные и малосознательные рабочие. В 1912—1914 гг. на заводах, в рабочих квартирах существовали сотни нигде не зарегистрированных кружков по обучению рабочих чтению, письму, счету.

В начале XX в. в Петербурге очень заметен был рост профессионального образования, обусловленный быстро растущими нуждами промышленности страны и города.

¹ Л. Пескова. Экскурсии в Смоленской (Корниловской) школе для рабочих. Школа взрослых, 1939, № 8.

² А. Гуревич, ук. соч., стр. 69.

³ С. Григорьев, ук. соч., стр. 18.

Наряду с низшими ремесленными и техническими школами появляются и среднетехнические учебные заведения. Последние давали довольно основательную подготовку в области узкой технической специальности, но почти не заботились об общем образовании своих воспитанников. Буржуазия предпочитала иметь слуг с возможно более узким кругозором.

В конце XIX и начале XX в. в Петербурге проводится четыре всероссийских съезда по техническому и профессиональному образованию. Эти съезды, настойчиво рекомендуя для начальной школы трудовые навыки, не ставили, однако, вопроса о политехнической подготовке учащихся средних школ.

Сравнительно немногие профессиональные школы находились в ведении города. Из них наиболее значительными были Охтенское механико-техническое училище, торговая школа и две школы садоводства.

В ведении Женского патриотического общества и частных лиц в 1898 г. было 37 школ рукоделия и две кулинарные школы.¹ В рукодельные школы брали девочек уже с 9 лет, а иногда даже с 7 лет.²

Для представления о классовом характере профессионального образования характерен такой пример: в рукодельном училище при «Комитете для разбора нищих и призрения их» воспитанницы, нередко взятые из просивших милостыню девочек, обязаны были платить за учение 60 руб.³

Несколько технических учебных заведений принадлежало Русскому Техническому обществу, однако накануне империалистической войны Техническое общество из-за недостатка средств закрыло свои химико-техническую и часовую школы.⁴

Большинство профессионально-технических учебных заведений находилось в ведении Министерства торговли и промышленности и Министерства внутренних дел.

В Петербурге к 1914 г. было 53 ремесленных училища, 12 учебных мастерских, 12 технических школ, 13 медицинских школ и курсов, 4 мореходных училища, 4 технических школы, электротехническая и телеграфная школы, школа пивоварения и т. д. Имелось также много различных курсов: 75 кройки и шитья, 23 медицинских, 10 стенографии, 21 бухгалтерии и машинописи и др. В 1910—1912 гг. появляются первые частные школы шоферов.

Профессиональные учебные заведения находились в ведении самых различных министерств, обществ, отдельных лиц. Трудно даже установить их точное число. Одни из них открывались, другие закрывались из-за недостатка средств,

¹ Справочник по женскому профессиональному образованию в России. СПб., 1898, стр. IV—VI.

² Там же, стр. 59.

³ Там же, стр. 59, 138—139.

⁴ М. Новорусский. Внешкольное образование в Петербурге. Сб. «Санкт-Петербург и его жизнь», СПб., 1914, стр. 234.

просуществовав едва год. Во всяком случае к 1914 г. средних и низших профессиональных учебных заведений в Петербурге было свыше 200, не считая 35 профессиональных отделений и классов при общеобразовательных учебных заведениях. В них училось около 20 тыс. молодежи.¹

Профессиональное образование все же сильно отставало от нужд города, от требований производства. Застой в учебно-методическом отношении объяснялся полным отрывом обучения от фабрично-заводской практики и убогим учебным оборудованием. Крайне неблагоприятны были и условия учебы. Ремесленное училище механического дела, например, почти три десятка лет находилось в холодном полуподвале, вредном для здоровья учеников, но и это училище в 1907 г. смогло принять лишь 41 ученика из 126 желающих.² В школе десятников по строительному делу на 116 учеников в 1902 г. было всего 6 стипендий.³

Тяжелым и бесправным было существование учащихся в низших профессиональных учебных заведениях. Хозяева и мастера подвергали их издевательствам и избиению, держали впроголодь.

Еще более трудным было положение учеников на предприятиях. Платили им обычно жалкие гроши, мастера нередко подвергали унижительным наказаниям, немилосердно штрафовали за всякую «провинность». В защиту учеников-рабочих выступала не раз «Правда».⁴

* * *

К 1914 г. в Петербурге имелось свыше 80 мужских средних учебных заведений (казенных, общественных и частных). Среди них было 36 гимназий, 20 реальных училищ, более 20 коммерческих училищ, 7 церковных училищ и т. д. Хотя с 1900 по 1910 г. число учащихся в средних школах столицы увеличилось вдвое (с 24 до 48 тыс.), среднее образование попрежнему оставалось привилегией имущих классов. Даже не принимая во внимание такие узкосословные учебные заведения, как лицей и училище правоведения, предназначенные исключительно для детей дворян, можно подсчитать, что детей дворян и купцов в столичных средних школах было даже несколько больше, чем в высших (56% и 54%). Весьма показательным, что подавляющее большинство средних учебных заведений располагалось в центральных районах города — на рабочих окраинах их почти не было. Так же как и начальные, многие средние учебные заведения, особенно частные, размещались в крайне тесных и неудобных помещениях. Официальные обследования из года в год отмечали малую площадь

¹ Народное образование в СССР. Труды ЦСУ, т. XXVIII, вып. 1, М., 1926, стр. 520—523.

² А. Гуревич. Хроника профессионального образования. Русская школа, 1908, № 10, стр. 52.

³ Зодчий, 1902, № 26, стр. 302.

⁴ Правда, 1913, №№ 35, 41 и др.

и кубатуру классных комнат, недостаток света, плохое отопление, отсутствие вентиляции и т. д. Эти же недостатки были свойственны и некоторым министерским школам, в частности Введенской гимназии.¹

В начале XX в. все более ощущалась недостаточность столичной сети среднего образования. В 1907 г. в приеме в 1-й класс казенных гимназий было откано почти восьмистам мальчикам. Между тем в классах было по 45—50 учеников. Особенно остро чувствовалась нехватка реальных училищ. В 1908 г. в них было принято только 154 из 346 выдержавших испытания. Неудовлетворительное состояние среднего образования настолько бросалось в глаза, что попечитель Петербургского учебного округа предлагал немедленно открыть 1 гимназию и 6 реальных училищ и даже заявлял в своем представлении министру народного просвещения, что 30 лет назад потребности петербургского населения в среднем образовании удовлетворялись полнее. В действительности почти ничего не было сделано. Бесплодная переписка о постройке собственного здания для 12-й гимназии тянулась с 1908 по 1917 г.²

По призыванию одного из царских министров, к началу XX в. средняя школа в том виде, как она была унаследована от Дмитрия Толстого и Деянова, заслужила почти единодушное отрицательное отношение всех слоев общества.³

Суровой критике подвергалась средняя школа в кругах демократической интеллигенции, которая отмечала, что из гимназии нередко выходили люди, не имевшие твердых нравственных и принципиальных устоев, с узким кругозором, мало подготовленные к высшему образованию. Казенная средняя школа с ее кастово-сословным духом, как указывалось в большевистской печати, стремилась воспитать из учащейся молодежи верных слуг самодержавия.

Многие нарекания вызывали книжно-схоластические методы преподавания, особенно характерные для гимназий. Физика изучалась без приборов, а химия заучивалась наизусть без лабораторных опытов. Значительную часть учебного времени поглощали древние языки. Несмотря на наличие ряда хороших учебников, изучение школьных предметов нередко превращалось в бессмысленную зубрежку; самый живой рассказ учителя, не опирающийся на применение наглядных пособий, не мог обеспечить глубокие знания.

Правительство стремилось укрепить доверие буржуазии к средней школе путем частных улучшений, широкообещательных обещаний, назначения различных комиссий по реформе среднего образования и т. д.

¹ ЦГИАЛ, ф. 733, Департамент народного просвещения, оп. 167, д. 176, Об учреждении в г. Санкт-Петербурге новых средних учебных заведений, лл. 8, 16; оп. 116, д. 812, л. 196.

² ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 168, д. 165, О постройке здания для С.-Петербургской 12-й гимназии.

³ И. И. Толстой. Заметки о народном образовании в России. СПб., 1907, стр. 5—6, 27.

С 1901—1902 гг. в большинстве гимназий прекратилось преподавание греческого языка, а в младших классах и латыни. Расширились школьные коллекции, приобреталось лабораторное оборудование. Постепенно вводились новые, более серьезные по содержанию и по методическому оформлению учебники. Было покончено с «Историей» Иловайского и ей подобными книгами. Появились такие учебники, как «Физика» Цингера, Краевича, «Химия» Реформатского, всеобщая история Виноградова и др. Успеваемость, однако, оставалась в гимназиях низкой. В 1902 г. из IV и V классов было переведено 65%, а из VI и VII — 46%¹ учащихся.

Попытки вновь усилить классицизм накануне 1905 г. вызвали открытый ропот либеральной буржуазии, заинтересованной в развитии «реального» образования. Реакционеры же убедились, что древние языки бессильны в борьбе с растущими революционными идеями.

1905 год воочию показал крах толстовско-делияновской системы среднего образования. Царизму не удалось добиться главной своей цели — изолировать учащуюся молодежь от передовых идей. Средняя школа дала результаты, противоположные ожидавшимся. Тем не менее царские чиновники продолжали цепляться за классическое образование.

Увеличивающиеся потребности населения в среднем образовании, равно как и коренные пороки казенной средней школы, вызывали быстрый рост частных гимназий и особенно коммерческих училищ, находившихся под контролем Министерства торговли и промышленности. Правительство предоставило буржуазии возможность расширить сеть средних школ на собственные средства. Если в 90-х годах в Петербурге было только два коммерческих училища, то к 1914 г. их было более 20.² Учили в этих школах лучше, чем в старых, они были богаче оборудованы.

Серьезным преимуществом для коммерческих училищ было подчинение их не ведомству просвещения, а Министерству финансов, а с 1905 г. Министерству торговли и промышленности. Это позволяло в обход различных учебных циркуляров вводить некоторые прогрессивные методы обучения — широко практиковать самостоятельные лабораторные работы учащихся, организовывать кружки и экскурсии и т. д. В коммерческих училищах преподавали лучшие петербургские педагоги.

Коммерческие училища, особенно частные, превратились в значительной мере в общеобразовательные средние школы и преимущественно готовили молодежь в высшие учебные заведения. Коммерческие предметы занимали в них всего 11% учебного времени. Представители буржуазии на проходившем в 1913 г.

¹ А. Г. Вигдоров. Средняя общеобразовательная школа пореформенной царской России и ее место в политике самодержавия. Автореферат. М., 1952, стр. 34.

² Народное образование в СССР, стр. 520—523.

VIII Всероссийском съезде биржевой торговли потребовали увеличить срок обучения на 1—2 года для углубленной проработки учащимися специальных дисциплин. Но это пожелание не было реализовано. В 1914 г. окончившие коммерческие училища получили право после сдачи экзамена по латыни поступать в университет.

Большой известностью пользовались Выборгское училище (Финский пер., д. 5), а также коммерческое училище, основанное в 1898 г. на средства миллионера В. Н. Тенишева. В просторном здании на Моховой улице (д. 33—35), специально построенном для этого училища, имелись даже обсерватория и оранжерея. В этом училище не было ни наказаний, ни экзаменов, ни отметок. Ученики знали только, успевают они или нет. Широко практиковались экскурсии, преподавались искусства. Господствовал дух уважения к личности ребенка.

В 1903 г. училище едва не закрылось после внезапной смерти благотворителя, не оставившего школе ни капитала, ни здания, но инициатива петербургской интеллигенции спасла училище.

Все же, как писала в 1911 г. большевистская «Звезда», несмотря на формальное отречение от старых школ, новые школы в большинстве случаев мало чем от них отличались. Дух, господствовавший в новой школе, был духом типично буржуазным. В целях воспитания «человека практической деятельности» — буржуазного дельца ученикам прививался крайний индивидуализм, буржуазная предприимчивость.¹ С критикой филистерского духа в новых школах выступила Н. К. Крупская.

Коммерческие училища, так же как и гимназии, не могли быть массовой народной школой. Если в казенных средних школах к 1910—1914 гг. плата за обучение была повышена с 70 до 80 руб. в год, то в прочих она достигала 200—250 руб.² В 1914 г. в Петербурге было около 150 средних школ (мужских и женских), но обучалось в них менее половины детей школьного возраста. Многие из средних школ не имели даже и параллельных классов. К 1 января 1914 г. в мужских гимназиях из 377 классов было только 74 параллельных.³ Предпочтение, хотя порою и негласно, отдавалось детям привилегированных сословий. В уставе же Василеостровского коммерческого училища III товарищества преподавателей (1908) был совершенно недвусмысленный пункт о том, что «детям купеческого сословия отдается преимущество».⁴

¹ Звезда, 1911, № 15.

² ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 167, д. 790, Об установлении платы за учение в средних учебных заведениях, л. 16.

³ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 205, д. 169, Отчет попечителя Петербургского учебного округа по мужским гимназиям за 1913 г., л. 14 об.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 25, оп. 5, д. 112, Уставы коммерческих училищ и торговых школ, № 3.

В 1915 г. из 16 тыс. учащихся мужских гимназий детей дворянского и духовного сословий было более 9 тыс.¹

Совместного обучения в дореволюционной средней школе, как правило, не было. Предложения педагогических съездов о введении совместного обучения правительством не принимались во внимание. Ходатайства об открытии частных учебных заведений для детей обоего пола, как правило, отклонялись Министерством. Только в Выборгском коммерческом училище, в нескольких десятках начальных школ города и в двух-трех частных учебных заведениях 1-го разряда (по программе реальных училищ) мальчики и девочки учились совместно. Параллельно с системой мужского среднего образования существовала еще более сложная по подчиненности система женского образования. Постановка женского образования в Петербурге имела много характерных особенностей.

По подсчетам тогдашних педагогов, ассигнования казны на женскую школу составляли менее одной восьмой расходов на мужскую.² Тем не менее благодаря общественной инициативе женских средних учебных заведений было не меньше, чем мужских. Уже в 1900 г. среди жителей столицы, получивших среднее образование, заметно преобладали женщины.³

К 1914 г. в Петербурге в Ведомстве императрицы Марии было 20 гимназий и 3 прогимназии, а также 9 институтов и 2 училища. Кроме того, было 45 частных гимназий. Всего в столице было около 75 женских средних школ. Однако для низкооплачиваемых слоев населения они были малодоступны.

В младших классах частных гимназий годовая плата составляла 60—80 руб., а в старших доходила до 150—200 руб. Обычно по своим программам казенные женские гимназии стояли ниже мужских. Но в некоторых частных был подобран очень опытный преподавательский состав. В гимназии Стоюниной председателем педагогического совета был талантливый методист В. А. Герд, в гимназии Лохвицкой-Скалон — видный ученый В. М. Шимкевич. В этих гимназиях большинство предметов изучалось в объеме мужских гимназий.

Частные гимназии смелее применяли новые учебники и новую методику. Ученицы в них были более развитыми, менее стесненными правилами официальной морали и воспитания. Некоторые из них вступали в революционные кружки, поднимали классы на школьную забастовку в 1905 г.

Иначе обстояло дело в большинстве казенных гимназий, где ученицы были скованы суровым режимом и бдительным внеклассным контролем. Большое место в школьной жизни было отведено молитвам и чтению «священного писания». В понедельник и после праздничного дня законоучитель (священник, препода-

¹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 205, д. 114, Отчет попечителя Петербургского учебного округа за 1915 г., л. 59.

² Ф. И. Павлов. Итоги съезда по женскому образованию. Русская школа, 1913, № 2, стр. 112.

³ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 167, д. 176, л. 24.

вавший «закон божий») опрашивал учениц, были ли они у всенощной и у обедни и какое евангелие читалось.

Даже в 1905 г. ученицы приносили начальству Василеостровской гимназии письменные удостоверения от церкви, где они исповедывались.¹

В казенных женских гимназиях до 1905 г. 50—60% учениц было дочерьми дворян. Позднее этот процент стал несколько меньше, но главным образом за счет первых классов. В двух младших классах Василеостровской гимназии (9-я линия, д. 6) из 58 учеников в 1911 г. детей дворян и чиновников было только 19, а детей крестьян и нижних чинов — 22. В старших классах и особенно в дополнительном педагогическом классе процент дворянских детей все же резко повышался. На словесном отделении VIII (дополнительного) класса из 27 учениц дворянок было 18.²

Очень незначительно изменились по сравнению со второй половиной XIX в. женские институты. Их тщательно оберегали от внимания общественности и прессы. Женские институты сохраняли узко сословный характер. Воспитанницы Смольного института (Воспитательного общества благородных девиц) сплошь были потомственными дворянками. В других институтах дворянкам всегда оказывалось предпочтение. В результате в 1912 г. в Павловском институте из 251 воспитанницы дочерей дворян и чиновников было 233, духовных лиц — 7, почетных граждан и купцов — 11.³

В женских институтах господствовали педагогические принципы, унаследованные едва ли не от дворянского воспитания XVIII в. Стоявшие во главе женских институтов придворные аристократки (княгини Ливен, Голицына и др.) заботились более всего о религиозно-нравственном воспитании. Молитвы и участие в богослужении отнимали большую долю свободного от занятий времени.

Воспитанниц приучали к безропотному послушанию, лести, стремились подавить инициативу, самостоятельное развитие, притупить индивидуальные склонности. Программы были очень скудные, а на уроках сообщались лишь обрывки знаний. До 1905 г. в числе предметов не было даже физики.⁴ Главное внимание уделялось языкам, музыке, танцам, рисованию.

В институтах парадная показная внешность уживалась с неприглядным внутренним бытом. Царила система унижительных наказаний, жестоких приди-рок, грубых окриков. За русское слово в разговоре на перемене нередко сни-жали балл по поведению. Получать книги извне запрещалось категорически, в

¹ ЦГИАЛ, ф. 759, оп. 29, д. 35, Отчет за 1905 г., л. 5 об.

² Там же, д. 7, Обзорный отчет Василеостровской женской гимназии за 1911 г., л. 2.

³ ЦГИАЛ, ф. 759, Канцелярия по учреждениям имп. Марии, оп. 29, д. 1, Отчет Павловского института за 1912 г., л. 2.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 759, оп. 29, д. 31, Отчет Павловского института за 1908 г., л. 4.

библиотеках же, помимо духовно-нравственных сочинений, имелись главным образом сентиментальные романы. В 1907/8 учебном году в Смольном институте были переведены в следующий класс без переэкзаменовки 194, а с переэкзаменовкой 121 воспитанница. На второй год осталась 31.¹

По единодушному мнению самых широких слоев петербургской интеллигенции, женские институты были каким-то анахронизмом. «Допускать существование их теперь, на мой взгляд, преступно»,² — заявлял автор одной из статей на страницах крупного столичного журнала «Русская школа».

Довольно разностороннюю подготовку девушки могли получить в женских коммерческих училищах (2 частных и Петербургского купеческого общества). Учебный курс этих училищ был рассчитан на 6—8 лет. Воспитанницы заканчивали или отделение коммерции или отделение рукоделия. Кроме того, все они обучались работе на пишущей машинке.

Необычайно высокая, даже по тому времени, плата в этих училищах — до 270 руб. в год — была доступна лишь для немногих, а бесплатные вакансии предоставлялись только детям привилегированных сословий.

Преподавание в дореволюционной средней школе носило в значительной мере схоластический характер. Детей заставляли усваивать «массу ненужных, лишних, мертвых знаний, которые забивали голову и превращали молодое поколение в подогнанных под общий ранжир чиновников».³ Нельзя, однако, закрывать глаза на некоторые ценные черты в учебно-воспитательном процессе старой школы.

Для лучших средних школ была характерна организованность школьной жизни, целеустремленность педагогов в развитии памяти учащихся. Учителя стремились добиться прочного усвоения грамматических правил и математических формул, развивали твердые навыки орфографически правильного письма, большое внимание уделяли удовлетворительному знанию хронологии, географической карты и т. д.

В целом же средняя школа, служившая прежде всего целям господствующих классов, имела много недостатков, которые вызвали протест передовой интеллигенции и самой учащейся молодежи. Правительство стремилось поставить воспитание и обучение в школе таким образом, чтобы сковать и задержать умственное развитие молодежи, воспитать ее в духе веры и казенного патриотизма.

В гимназическом билете, снабженном назидательными изречениями из Евангелия, содержалось указание на обязанность учеников присутствовать на богослужениях. Посещение всех других общественных учреждений без разрешения гимназического начальства запрещалось. Получившим дозволение пойти

¹ ЦИАЛ, ф. 759, оп. 29, д. 1, л. 15 об.

² И. Петербургская. Об институтах. Русская школа, 1914, № 7—8, стр. 103.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 261.

в театр предлагалось воздерживаться от аплодисментов. Один из параграфов правил был направлен против распространения в ученической среде революционной и демократической литературы: «Учащимся средних учебных заведений не дозволяется брать книг для чтения от посторонних лиц или из публичных библиотек без разрешения родителей или классного наставника» (раздел VII, § 1).

Рост рабочего движения с 90-х годов XIX в. не мог не вызвать брожения среди учащегося юношества. Уже в 1897—1903 гг. в Петербурге существовало отделение Всероссийского Гимназического союза — Санкт-Петербургская организация среднееучебных заведений, в которую входили ученики более 20 гимназий и реальных училищ. Члены этой организации участвовали в демонстрации на Казанской площади 4 марта 1901 г. в знак протеста против насилий над студентами. В 1902—1903 гг. они выпустили несколько листовок и два номера журнала «К свету». Однако работа шла в общем вяло, и организация распалась весной 1903 г.

Осенью 1903 г. возник Северный союз учащихся средних школ. В отличие от Южного союза, придерживавшегося большевистской программы, Северный союз занимал в общем довольно пассивную, аполитичную позицию. Наиболее политически определенным выступлением было осуждение русско-японской войны.

Несмотря на полевение, Союз в 1905 г. действовал вяло. Все же многие учащиеся петербургских средних школ приняли довольно деятельное участие в революционных событиях 1905 г.

Ученики 4-й гимназии первыми среди учащейся молодежи Петербурга поставили трехдневной забастовкой выразить проклятие преступному царскому правительству за расстрел 9 января.

Уже 11 февраля попечитель Петербургского учебного округа представил министру народного просвещения секретный доклад «О нарушениях правильности хода учебных занятий в средних учебных заведениях, вызванных волнениями учащихся». В докладе указывалось на митинги учащихся и появление во многих гимназиях и реальных училищах нелегальной литературы.

Наиболее сильно революционное брожение весной 1905 г. проявилось в 1-м реальном училище, которое ученики в одной из листовок называли «царством полицейщины, царством произвола и гнета».

27 марта в училище появилась прокламация, которая, указывая на забастовки рабочих и крестьянские выступления, заявляла: «Вооруженное восстание является роковой необходимостью... Гражданская война началась». Ученики создали свой организационный комитет, печатали на гектографе листовки и, по словам инспектора, полностью «хозяйничали в заведении»¹.

¹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 166, д. 810, лл. 7, 40; д. 811, л. 214; д. 812, лл. 181, 186.

Министерство закрыло на месяц училище и уволило лучших преподавателей, прикнувших к ученикам. Тем не менее борьба учеников за свои права не оказалась бесплодной. Им удалось добиться удаления черносотенно настроенных директора и инспектора.¹

Основным организующим центром так называемого среднешкольного движения в Петербурге к лету 1905 г. стала Северная социалистическая группа, находившаяся под большевистским влиянием. Журнал «На заре», выпущенный всего в 100 экземплярах, выступал за партийное руководство ученическим движением.

Забастовки и волнения учащихся средних учебных заведений Петербурга протекали в 1905 г. порой стихийно, без вмешательства какого-либо организующего центра. В таком случае они принимали довольно неорганизованный характер. Устраивались «химические» и «стеклянные» обструкции. В первом случае выпускались удушливые газы или разливались зловонные жидкости, во втором — выбивались оконные стекла.²

Наибольшего размаха ученические забастовки достигли в октябре 1905 г. — в момент всеобщей политической стачки. Во многих школах строили в коридорах и классах баррикады из парт, повреждали электропроводку, устраивали «бенефисы» ненавистным учителям, встречая их шумом и гвалтом. Несмотря на постоянное дежурство на улицах дворников и полиции, которые ловили и избивали гимназистов, учащиеся средних школ устроили 13 октября довольно внушительную демонстрацию по городу. Ученики 1-го реального училища, 4-й и 8-й мужских гимназий, а также Василеостровской женской гимназии прошли по Васильевскому острову и Петербургской стороне, снимая с уроков соседние учебные заведения.

Участие в октябрьской забастовке сблизило учащихся средних школ Петербурга с идеями пролетариата. Под влиянием большевистской оценки манифеста 17 октября было принято обращение к ученической молодежи полувешего Северного союза учащихся средних школ. В большевистском духе выступали на митинге 18 октября ученики Царскосельской гимназии.³

В ноябре 1905 г. ученики средних школ принимали дружное участие в забастовке, объявленной Петербургским советом в знак возмущения расправой над восставшими кронштадтскими моряками.

Как быстро шел в конце 1905 г. рост революционного настроения учащихся, показывает пример 10-й петербургской гимназии. В начале октября гимназисты

¹ Г. М. Князев. Исторический очерк Санкт-Петербургского первого реального училища 1862—1912 гг. СПб., 1912, стр. 83.

² ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 205, д. 85, Отчет попечителя Петербургского учебного округа за 1906 г. по мужским гимназиям, дл. 14—15.

³ Новая жизнь, 1905, № 2.

на своих сходках еще толковали об устройстве буфета, а в ноябре они уже активно вмешивались в жизнь школы и даже намечали желаемых для себя кандидатов в родительский совет.

В декабре сходка учащихся 10-й гимназии под председательством будущего замнаркомпроса РСФСР Е. А. Литкенса провозгласила требование демократической республики. Приветствуя восставший московский пролетариат, сходка постановила буфетные и библиотечные деньги немедленно передать Петербургскому совету рабочих депутатов, а «зданию гимназии отдать революционному народу».¹

В декабре 1905 г. была создана Ученическая организация при ПК РСДРП. Маевна 1906 г., проведенная в Лесном, показала, что в этой организации объединилось 118 чел. Ее работой руководил Петербургский комитет партии, поддерживался контакт и с районными организациями РСДРП. В организации была несложная типографская техника, которая позволила выпустить один номер «Известий», три листовки и каталоги Центральной и Выборгской районных библиотек. Выступления учащихся средних школ имели место и в период отступления революции.

1905—1907 годы составили особую эпоху в жизни средней школы. Ученики сами брались за перестройку школы, явочным порядком проводили необходимые реформы: отменяли закон божий и молитвы, уничтожали кондуиты, сокращали преподавание латинского языка и прекращали изучение греческого. Так было во 2-й, 5-й, 7-й и других петербургских гимназиях.²

Под давлением учеников преподаватели вынуждены были расширять программы по новой литературе, иначе трактовать историю и т. д.

Под влиянием революции и активных выступлений учащихся правительство в 1905—1906 гг. пошло на смягчение бюрократического воспитательного режима, отменило представление выписок из кондута при поступлении в высшее учебное заведение, разрешило кружки самообразования и другие организации учащихся.

Однако защитники обскурантизма не мирились с передовыми идеями в школьном преподавании. Летом 1905 г. «Журнал Министерства народного просвещения» высказался против изучения таких писателей, как Горький, Толстой, Чехов.³

После поражения революции «дисциплина» учащихся была усилена. В случае малейших волнений все замешанные в них ученики, в особенности «низшего» происхождения, немедленно увольнялись.

Искоренение следов революции 1905 г. в школе, гонения на передовые веяния в педагогике, расправы с негодными правительству прогрессивными пре-

¹ А. Л. Пиленько. Забастовки в средних учебных заведениях Санкт-Петербурга. СПб., 1906, стр. 23.

² ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 166, д. 810, л. 144.

³ Журнал Министерства народного просвещения, 1905, № 7.

подавателями достигли своего апогея при черносотенных министрах Шварце и Кассо, которые установили почти полицейский режим в средней и низшей школе. «Министерство народного просвещения, — писал в то время В. И. Ленин, — есть министерство полицейского сыска, глумления над молодежью, надругательства над народным стремлением к знанию».¹

В стремлении изолировать школу от общественно-политической жизни современности Министерство народного просвещения установило строгий шпионско-полицейский надзор над учениками. Вновь были запрещены все организации учащихся. На улицах было установлено дежурство помощников классных наставников. После 7 час. вечера зимой и 9 час. летом они вместе с городскими охотились на запоздавших гимназистов.

В 1909 г. даже посещение учениками старших классов публичной лекции на тему «Выбор факультета и специальной школы» было сочтено в Министерстве предосудительным и чрезвычайным происшествием.² Тогда же науганный пошеститель Петербургского учебного округа не разрешил в 8-й гимназии и лекции о воздухоплавании.³ Строгие репрессии постигли и революционное учительство. Десятки педагогов были высланы из столицы.

В 1908 г. упоминание об общественном значении поэзии Некрасова на уроке в Царскосельском реальном училище вызвало донос дворцового коменданта министру Шварцу. В результате преподаватель — молодой исследователь творчества великого русского поэта В. Е. Максимов — имел серьезные неприятности и был переведен в другое учебное заведение.⁴

В 1908 г. Совет министров разрешил министру народного просвещения распускать родительские комитеты (они имелись в 64 учебных заведениях).⁵ Школа возвращалась к тому состоянию, в котором она находилась до 1905 г. Думские дискуссии о реформе средней школы оказались бесплодными.

Поражение революции 1905 г. породило в средней школе упадочнические настроения. Появилось увлечение мистикой, натпикертоновщиной, бульварным кинематографом.

В удрученной атмосфере казенной школы жизнь становилась порой невыносимой. Неслучайно в годы реакции резко возросло количество самоубийств учащихся. «Сухие цифры говорят о том, что с каждым годом растет то, чему нет

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 122.

² ЦГИАЛ, ф. 733, Департамент народного просвещения, оп. 167, д. 547, л. 62.

³ Там же, д. 821.

⁴ Там же, д. 68, лл. 207—229. Будущий советский литературовед, крупный знаток творчества Некрасова и общественного движения 50—60-х годов XIX в. В. Е. Евгеньев-Максимов тогда только что выступил со своей книгой «Литературные дебюты Н. А. Некрасова» (СПб., 1908).

⁵ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 161, 1908 г., д. 222, лл. 69—70 (Копия Особого журнала Совета министров).

имени на человеческом языке — самоубийство детей и подростков», — писала Н. К. Крупская в статье «Самоубийства среди учащихся и трудовая школа» (1911).¹ Крупская указывала, что не только мелочный надзор и казарменный режим школы виноваты в самоубийствах учеников. Первенствующую роль следовало отвести мрачной российской действительности, обстановке реакции, убивающей в ребенке всякую жизнерадостность, всякую энергию, оказывающей гнетущее влияние на его психику.

Министры Шварц и Кассо для отвлечения юношества от революционного движения вновь пытались в полном объеме восстановить толстовский классицизм. Были приняты меры и для укрепления в среде школьников преданности «отечеству и престолу».

Соединенными усилиями двух министров — военного и народного просвещения — создаются отряды бойскаутов и формируются военно-монархические организации «потешных». В 1911 г. Николай II присутствовал на первом смотре «потешных».

Несмотря на все старания правительства, ему не удалось полностью парализовать влияние революции на учащуюся молодежь. Глухое брожение в среде учащихся не прекращалось и в годы реакции, оно немедленно усилилось в связи с подъемом общественного движения.

В 1912 г. арест 32 гимназистов в помещении гимназии Витмера, собравшихся там по инициативе учеников Введенской гимназии и реального училища Черныяева, показал, что среди учащихся вновь возникло стремление создать организацию для борьбы с существующим режимом.

В защиту невинно пострадавших школьников выступила решительнее всего большевистская партия. «Правда» с гневом осудила обыски в гимназиях и аресты гимназистов.² На цинично-издевательское заявление Кассо о том, что на городского — участника облавы на гимназистов — русское общество должно смотреть как на «второго отца» учащихся, «Правда» ответила бичующим полицейско-самодержавный строй фельетоном «Второй отец».³

В. И. Ленин посвятил «витмеровскому» делу свою статью «Возрастающее несоответствие»,⁴ первоначально опубликованную в большевистском журнале «Просвещение» (№ 4 за 1913 г.). Энергичная защита прав учащихся на организацию кружков и проведение бесед сильно подняла авторитет партии большевиков в кругах передовой школьной молодежи.

В период 1911—1914 гг. в Петербурге довольно активно действовала межученическая организация, находившаяся под большевистским влиянием.

¹ Н. К. Крупская. О воспитании и обучении. 1946, стр. 63—65.

² Правда, 1912, № 191.

³ Правда, 1913, № 22.

⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 525—541.

В 1914 г. одним из деятельных ее членов был С. Рошаль, в 1917 г. видный участник Октябрьской революции.

Начало мировой войны почти полностью прервало революционную работу в средней школе. Большинство учащихся — детей буржуазии, чиновничества и т. д. — было захвачено угаром шовинистических настроений. Лишь в канун Февральской революции оппозиционные настроения учащихся вновь стали заметным фактором школьной жизни.

* * *

С 90-х годов прошлого века в связи с недостатком в стране кадров специалистов в Петербурге появляются новые высшие учебные заведения. Если в 1895 г. в столице было 21 высшее учебное заведение, то к 1914 г. число их возросло до 60. Появляется много частных курсов: 3 политехнических, 2 по сельскому хозяйству, 2 по коммерции, несколько по банковскому и страховому делу и т. д. В числе новых учебных заведений были даже ораторские курсы.

Частные учебные заведения существовали нередко на очень мизерные средства. Так, Педагогическая академия Лиги образования через несколько лет после открытия в 1910/11 г. имела бюджет всего 17 тыс. руб., который покрывался отчасти платой за обучение (7 тыс.), а отчасти пожертвованиями (10 тыс.).

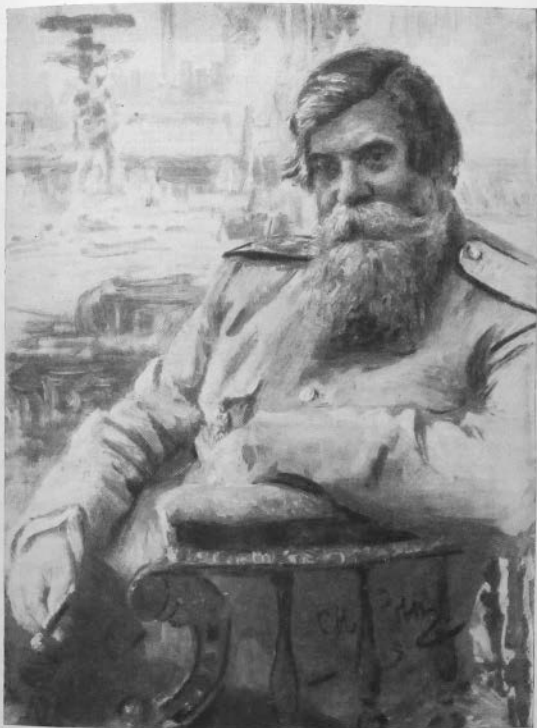
50 преподавателей, в числе которых были всемирно известные ученые, преподавали поэтому бесплатно или за ничтожное вознаграждение.

Не получая ни одного рубля субсидий от Министерства народного просвещения, было очень трудно проводить лабораторные работы. Значение Академии постепенно падало, число слушателей с каждым годом уменьшалось.¹

Из числа других новых высших учебных заведений следует назвать очень популярный в дореволюционное время среди передовой интеллигенции Психоневрологический институт, основанный в 1907 г. В. М. Бехтеревым, а также Вольную высшую школу П. Ф. Лесгафта (потом Высшие курсы при биологической лаборатории Лесгафта). Эти учебные заведения стремились дать своим слушателям очень широкое общее и специальное образование. В Психоневрологическом институте помимо Бехтерева преподавали такие видные ученые, как Н. Е. Введенский, В. Л. Комаров, М. М. Ковалевский, М. Н. Гернет, Г. В. Хлоппи. На высших курсах Лесгафта преподавали физиологи И. П. Павлов, А. А. Ухтомский, геологи Е. С. Федоров и Ф. Н. Чернышев, историки В. И. Семевский и Е. В. Тарле. Здесь же читал лекции бывший шлиссельбургский узник Н. А. Морозов.

В 1902 г. в Лесном был основан знаменитый в истории русской и советской техники Политехнический институт. К 1917 г. в его составе было 6 отделений: металлургическое, механическое, электромеханическое, кораблестроительное, инженерно-строительное и экономическое. Институт сыграл выдающуюся роль в развитии

¹ Вестник воспитания, 1914, № 5 (Отдел II), стр. 44.

В. М. Вехтерев. Портрет работы И. Е. Репина. 1913 г.

русской техники, выпустив до 1917 г. 2088 хорошо подготовленных инженеров.¹ В Политехническом институте преподавали такие видные ученые — будущие советские академики, — как металлурги А. А. Байков и М. А. Павлов, гидротехник Н. А. Павловский, электротехники В. Ф. Миткевич, В. В. Скобельцын, М. А. Шателен и др.

Вместе с Москвой Петербург обладал тремя четвертями всей сети высших учебных заведений России. Неудивительно, что в Петербург приезжало много молодежи с Кавказа и из Средней Азии, где не было вплоть до 1917 г. ни одного высшего учебного заведения, из Восточной Сибири и с Дальнего Востока, где был один, да и то узко специальный Восточный институт.

Несмотря на значительное расширение контингента учащихся (с 9 тыс. в 1895 г. до 40 тыс. в 1913 г.), поток заявлений далеко превышал число вакансий.

В Горный институт, например, в начале 900-х годов подавалось до 700 прошений на 50 мест.² Вследствие большого конкурса вступительные экзамены носили весьма суровый характер.

Число студентов в университете в 1912 г. превышало семь тысяч, на Высших женских курсах — шесть, в Политехническом приближалось к пяти, в Технологическом и в Горном — к двум тысячам и т. д.³

Состав студенчества постепенно демократизировался. В 1892 г. в Горном институте дворян было 60%, а в 1914 г. их стало только 30%.⁴ Все же в 1910 г. среди петербургских студентов выходцев из дворян было 35,4%, из почетных граждан и купцов — 19,1%, а из крестьян всего 10,4%. Демократическая часть студенчества испытывала немало материальных лишений.

Если в 1892 г. в Горном институте получал стипендию каждый четвертый студент, то в 1914 г. — только каждый одиннадцатый.⁵ В университете же в 1910 г. стипендию получал лишь 1 из 25 студентов.

Очень немногие освобождались от платы за обучение. В Политехническом и Горном не вносили платы 25—30%⁶ студентов, а в университете — 15%. В Электротехническом институте еще меньше — 25 чел. из 300.⁷

Характерны данные анкеты, проведенной среди студентов-технологов в 1909—1910 гг.

Более трети студентов работало. Из 1000 студентов 52, или 5%, не имели по недостатку средств ежедневного обеда, всего же недоедало до 33%. На вопрос,

¹ ЦГИАЛ, ф. 25, оп. 5, д. 131, л. 4.

² И. М. Губкин. Моя молодость. М., 1939, стр. 47.

³ Энциклопедический словарь изд. «Гранат», т. 32, стр. 107—108.

⁴ Ленинградский горный институт. Юбилейный сборник. 1773—1923 гг. Л., 1926, стр. 38.

⁵ Там же.

⁶ Е. Н. Медынский. Высшее техническое и сельскохозяйственное образование в дореволюционной России. Высшая техни. школа, 1935, № 4, стр. 74.

⁷ Сб. «50-летие ЛЭТИ», М.—Л., 1948, стр. 28.

Политехнический институт. Главный фасад. Архитектор Э. Ф. Виррих. Фотография около 1905 г.

«ежедневно ли обедаете?», многие отвечали: «Пока что, каждый день», «К счастью, да» и т. д.¹

Неудовлетворительными были и квартирные условия: на квартиру студенты тратили больше, чем на питание, нередко даже большую часть своего бюджета. Две трети занимаемых студентами комнат были сырыми, холодными или темными и душными.²

Тяжелые бытовые условия вынуждали многих студентов не столько учиться, сколько метаться по городу, зарабатывая грошевыми уроками на жизнь.

В числе преподавателей наиболее крупных высших учебных заведений Петербурга было много виднейших ученых России. В Электротехническом институте преподавали изобретатель радио А. С. Попов и будущие советские академики Г. О. Графтио, И. В. Гребенщиков. В Горном институте преподавали такие знаменитые ученые, как геолог А. П. Карпинский — первый советский президент Академии Наук СССР, всемирно известный кристаллограф Е. С. Федоров, в Технологическом институте — А. Е. Порай-Кošиц, П. А. Земятченский. В Военно-медицинской академии преподавал великий русский физиолог И. П. Павлов.

¹ А. Гродзинский. Материальный быт студентов-технологов Сб. «К характеристике современного студенчества», СПб., 1910, стр. 49, 51, 75.

² Там же, стр. 78—79.

Целая плеяда замечательных ученых работала в университете. На Физико-математическом факультете крупнейшие математики — В. А. Стеклов и А. А. Марков, физики — О. Д. Хвольсон, И. И. Боргман, метеоролог А. И. Воейков, химики — А. Е. Фаворский и В. Е. Тищенко, биологи — А. О. Ковалевский, Н. Е. Введенский. На Юридическом факультете преподавал М. М. Ковалевский, на Восточном факультете египтолог Б. А. Тураев, индологи Ф. И. Щербатский и С. Ф. Ольденбург. Ведущими профессорами Историко-филологического факультета были языковеды А. А. Шахматов, Л. В. Щерба, И. А. Бодуэн де Куртене, славист П. А. Лавров, историки Н. И. Кареев, И. М. Гревс, А. Е. Пресняков, С. Ф. Платонов, А. С. Лаппо-Данилевский.

Следует, однако, отметить, что значительная часть профессуры по своим политическим убеждениям была близка к кадетам и разделяла все грехи русского буржуазного либерализма. Буржуазной, а порой и реакционно-охранительной идеологией были проникнуты, например, лекции многих преподавателей гуманитарных дисциплин. Даже самые «левые» из них вели преподавание общественных дисциплин, если и не во враждебном, то во всяком случае в далеком от марксизма духе. Среди консервативно настроенной профессуры особенно горячими проповедниками идеалистического мировоззрения в университете были профессора философии А. И. Введенский и Н. О. Лосский.

На естественных и технических факультетах высших учебных заведений нередко задавали тон не видные и прогрессивные ученые, а ограниченные начетки от науки, покровительствуемые реакционным начальством. Они были заражены буржуазно-дворянским чувством низкопоклонства перед всем иностранным и настойчиво проповедовали взгляды о будто бы извечной неспособности русского народа к научно-техническому творчеству.

Единого руководства высшим образованием в России не было. Высшие технические учебные заведения Петербурга находились в подчинении самых различных ведомств. Технологический институт состоял в ведомстве Министерства народного просвещения, Политехнический — Министерства торговли и промышленности, Институт гражданских инженеров — Министерства внутренних дел. Разные ведомства — разные требования, различные программы, несхожие методы обучения. Весьма трудно было организовать практику. На частные предприятия студентов не всегда допускали — из опасения выдать технические секреты конкурентам.

Бичом технических высших учебных заведений была многопредметность и большая перегрузка студентов. Студент-технолог, учившийся на Механическом факультете, изучал, например, и технологию волокнистых веществ, и подвижной состав железных дорог, и гидротехнические сооружения, не говоря уже о строительном деле и электротехнике.

В результате подобной энциклопедичности учебного плана в Технологическом институте в 1914 г. средняя продолжительность обучения при норме в 5 лет

на Химическом факультете достигала восьми с половиной лет, а на Механическом даже девяти. Некоторые же учились 11—12 лет.

Было как-то подсчитано, что для того чтобы кончить Политехнический институт в 5 лет, средний студент должен заниматься пятнадцать с половиной часов в сутки.¹

Легко понять, почему при переполнении технических институтов оканчивало их ежегодно сравнительно небольшое число студентов. В 1913 г. Политехнический институт окончило 332 чел., Горный — 101, Технологический — 143,² что составляло 5—7% общего числа учащихся.

Несмотря на то, что ощущалась нехватка инженеров на транспорте, в горном деле, в электротехнической промышленности и т. д., буржуазия очень вяло добивалась улучшения и расширения высшего технического образования.

Особенно остро стоял вопрос об отечественных инженерах в годы первой мировой войны, когда и в Государственной Думе и на специальном совещании, созванном Министерством народного просвещения, представителями буржуазии было сказано немало горьких слов о бедственных последствиях пренебрежения правительства к техническому образованию. Однако выправить положение было уже невозможно.

В высших технических учебных заведениях остро ощущался недостаток преподавателей. В петербургских технических институтах (например Политехническом, Горном) один преподаватель приходился на 25—30 и более студентов, тогда как в Германии только на 8—10.³ В 1913 г. в столичном университете из 248 преподавателей было 75 профессоров, а в Технологическом институте только 13 из 81.

Несмотря на недостаток профессуры, готовилась она плохо. Даже в университете за десять лет (1904—1913) было защищено всего 42 докторских диссертаций.⁴ Вопрос же о присуждении ученых степеней по техническим наукам при царизме так и остался неразрешенным.

Все же, несмотря на серьезные недостатки в техническом образовании, нельзя не признать высокого уровня подготовки русских инженеров. Объяснялось это тем, что в петербургских институтах преподавали крупнейшие ученые, умевшие привить студентам любовь к своей специальности и сообщавшие им на лекциях последние результаты научно-технического прогресса.

¹ М. Гусельщиков. Некоторые черты общественно-культурной стороны студенческой жизни. Сб. «К характеристике современного студенчества», СПб., 1910, стр. 38; Е. Н. Медынский. Высшее техническое и сельскохозяйственное образование в дореволюционной России. Высшая техн. школа, 1935, № 5, стр. 60.

² Е. Н. Медынский, ук. соч., № 4, стр. 73.

³ В. И. Гриневецкий. О реформе инженерного образования. М., 1915, стр. 22.

⁴ А. Я. Синецкий. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. М., 1950, стр. 33—34.

Многие из инженеров, окончивших петербургские технические институты в последнее двадцатилетие перед Октябрем, стали виднейшими советскими специалистами. Среди них следует назвать будущего вице-президента Академии Наук СССР академика И. М. Губкина, создавшего стройное учение о нефти (окончил в 1909 г. Горный институт), академика Б. Е. Веденеева, чье имя присвоено Ленинградскому Всесоюзному институту гидротехнических сооружений (выпускник Института путей сообщения в 1909 г.), академика Б. Г. Галеркина — крупнейшего ученого в области строительной механики (закончил курс Технологического института в 1899 г.), академика В. Н. Образцова (окончил Институт путей сообщения в 1897 г.), чье имя носит теперь Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, видного специалиста по теплотехнике академика М. В. Кирпичева (окончил Технологический институт в 1907 г.) и многих других.

Выпускниками Физико-математического факультета Петербургского университета были создатель советского синтетического каучука С. В. Лебедев (1900), физики, академики В. Г. Хлопин (1912) и И. В. Гребенщиков (1910).

Большое значение в жизни страны и особенно в жизни высшей школы имело в начале XX в. студенческое оппозиционное движение.

На первых порах студенческое движение было слабо дифференцировано и выдвигало подчас очень умеренные академические требования. Студенты объединялись в общества взаимопомощи — землячества, требовали для неимущих освобождения от платы за обучение, разрешения сходов и т. д.

С 80—90-х годов, в связи с появлением в России социал-демократии и под влиянием роста революционной борьбы рабочего класса, демократически настроенное студенчество начинает участвовать в освободительном движении, во главе которого стал пролетариат.

В Петербурге ряд студентов-технологов входил в середине 90-х годов в ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» (Г. М. Кржижановский и др.). В 1908 г. Технологический институт окончил один из будущих бакинских комиссаров М. Азизбеков.

В 1905 г. студентом Военно-медицинской академии был В. В. Куйбышев. В Политехническом институте в 1904—1905 гг. учился М. В. Фрунзе, а в 1911 г. в этот же институт поступил В. М. Молотов. Юридический факультет университета окончил в 1898 г. В. Р. Меижинский, с 1895 г. принимавший активное участие в революционном движении. В числе студентов университета в 1905—1906 гг. были Д. З. Мануильский и будущий руководитель эстонской коммунистической партии В. Э. Кингисепп.

Студенческие волнения стали значительно усиливаться в первые же годы XX в. под влиянием борьбы пролетариата.

В проведении антиправительственных выступлений студенчества руководящую роль сыграла ленинская газета «Искра», которая вела непримиримую

борьбу за революционное студенчество с экономистами и другими ревизионистами. Студенты-марксисты Петербурга явились деятельными участниками создания искровской большевистской организации в столице.

В апреле 1903 г. секретарь ПК РСДРП Е. Д. Стасова сообщила в редакцию «Искры», что помимо 25 фабрично-заводских групп и кружков партии в столице создано 24 студенческие группы¹ в высших учебных заведениях.

Решение II съезда РСДРП по вопросу о работе среди молодежи, принятое по инициативе В. И. Ленина, явилось боевой программой для деятельности большевистских организаций на местах.

Петербургское студенчество приняло активное участие в революционных боях 1905—1907 гг.

9 января 1905 г. студенты университета и Горного института вместе с рабочими сражались на баррикадах Васильевского Острова. 10 января студенты Технологического института объявили забастовку протеста против кровавой расправы с народом. К ней примкнули студенты и курсистки других высших учебных заведений.

7 февраля 1905 г. состоялась грандиозная сходка в университете, в которой участвовало до 5 тыс. студентов. Председателем этой сходки был избран студент-большевик Замятин.²

В забастовках начала 1905 г. принимало участие почти все столичное студенчество. Летом не было ни экзаменов, ни выпускков. Рост революции и все усиливавшееся движение студентов вынудили правительство пойти на уступки.

К «автономии» высших учебных заведений. Сатирическая открытка 1905 г.

¹ П. С. Гусятников. Революционное студенчество Петербурга накануне и в период первой русской революции. Автореферат. Л., 1951, стр. 16.

² Н. И. Павлицкая. Петербургский университет в революции 1905—1907 гг. Вестник Ленинградского университета, 1948, № 11, стр. 142.

В августе 1905 г., перед самым началом учебных занятий, правительство издало «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями». Университеты и институты получали известную автономию в рамках университетского устава 1863 г., однако полиция попрежнему пыталась препятствовать студенческим сходкам; царизм рассчитывал парализовать студенческое движение и привлечь на свою сторону профессуру.

Стремление правительства сохранить контроль над высшими учебными заведениями натолкнулось на решительное сопротивление прогрессивной профессуры в Горном и Электротехническом институтах. Первым выбранным директором Электротехнического института был знаменитый изобретатель радио А. С. Попов, убежденный демократ по своим воззрениям, а директором Горного института был избран известный русский кристаллограф Е. С. Федоров, страстный противник царизма, революционный народник в молодости.

Совет Электротехнического института под председательством А. С. Попова энергично пресекал попытки полиции мешать студенческим митингам. Этого не могли простить известному ученому царские чиновники. После очередного вызова к градоначальнику Попов слег и более не поднимался. Он умер в каюте 1906 г.

Предоставление кучей автономии высшим учебным заведениям и студенческим организациям, отмена должностей инспектора студентов и его помощников не внесли умиротворения в среду учащейся молодежи. Остановить движение студенчества этими подумерами оказалось невозможным.

В сентябре 1905 г. в обращении ЦК РСДРП намечалась более высокая, чем забастовка, форма революционной борьбы студенчества — захват институтов и университетов для революционно-пропагандистской работы.

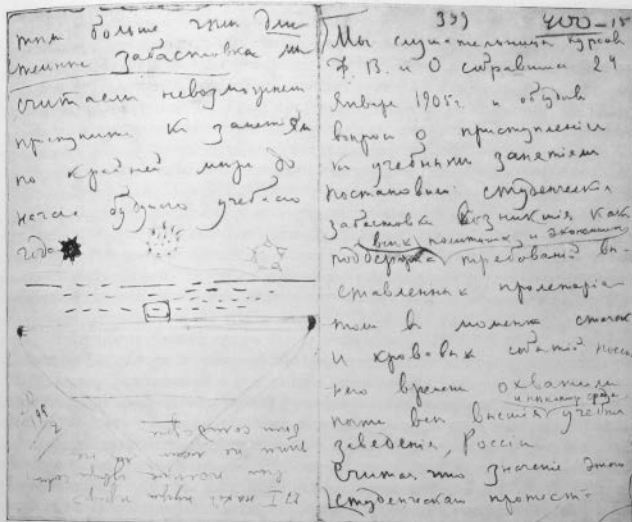
«Аудитории, которые в мирное время предназначались исключительно для того, чтобы дурманить молодые головы профессорской кафедральной мудростью и превращать их в покорных слуг буржуазии и царизма, служили теперь местами собраний для тысяч и тысяч рабочих, ремесленников, служащих, которые открыто и свободно обсуждали политические вопросы».¹

Осенью 1905 г. студенческие сходки превратились в народные митинги. Университетские кафедры стали трибунами революционного Петербурга. Собрания и митинги, назначавшиеся Петербургским комитетом партии или Петербургским советом, проводились большей частью в актовом зале, а также в прилегающих к университетскому коридору аудиториях. Использовалось для массовых собраний и здание Физического института.²

Огромные народные митинги состоялись 27 сентября, 6, 11 и 15 октября. На митингах присутствовало много курсисток, чиновников и даже рабочих с

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 23, стр. 240.

² Н. Г. Сладкевич. Петербургский университет в 1905 г. Вестник Ленинградского университета, 1955, № 3, стр. 34.

Черновик резолюции слушательниц курсов Лесгафта, написанный В. Л. Комаровым.
 Январь 1905 г.

жепами. На митинге 6 октября рабочих было большинство. Выступления в защиту ограниченной монархии встречались смехом. Большинство ораторов говорило о демократической республике.

Настроение студенчества было самое боевое; 2 октября студенты отважно вступили в стычку с полицией на Знаменской площади, а также на набережной вблизи университета. Были подвергнуты бойкоту реакционные профессора университета: Георгиевский, Фойницкий, А. Введенский.

К октябрю 1905 г. студенты-большевики (их всего было 104 чел.)¹ вели за собой основную массу студенчества.² Университет стал одной из штаб-квартир петербургских большевиков. На собраниях и на митингах, на подпольных явках

¹ Пролетарий, 1905, № 25.

² Д. (автор брошюры, — Ред.). 1905 и 1906 в Петербургском университете. СПб., 1907. стр. 81.

в нем бывали Н. К. Крупская, М. И. Ульянова, М. И. Калинин, Е. М. Ярославский, Р. С. Землячка, К. Н. Самойлова, И. Ф. Дубровинский и др.

Напуганное революционными настроениями студенчества правительство 16 октября закрыло университет. 18 октября после провокационного взрыва царские войска штурмом овладели Технологическим институтом. Однако занятие полицией университета и ряда институтов не воспрепятствовало подпольной работе. В мастерских Технологического института студенты-технологи продолжали тайно изготовлять динамит и гремучую ртуть для боевой организации РСДРП. В студенческих общежитиях накапливались запасы оружия, бомб, агитационной литературы.

За революционным движением студенчества внимательно следил В. И. Ленин. Одно время он скрывался от царских ищек в Электротехническом институте.

В начале 1906 г. в революционной газете студентов «Молодая Россия» (вышел единственный номер, который был конфискован) В. И. Ленин напечатал статью «Рабочая партия и ее задачи при современном положении». В числе сотрудников «Молодой России» были также М. Горький и М. С. Ольминский.

В мае 1906 г. В. И. Ленин выступал в аудитории Физического института университета (ныне там помещается кафедра физической культуры) на нелегальном собрании штерских большевиков с докладом о решениях IV съезда РСДРП.

Спад революции привел к сокращению демократической части студенчества. В 1907 г. от всех поступающих в высшие учебные заведения вновь стали требовать свидетельства местной полиции о благонадежности. В студенческой среде все более распространялись чисто «академические» настроения, стали поднимать голос правые черносотенные организации студентов, которые начинали борьбу с «беспорядочниками». В 1909 г. был учрежден крайне правый по своей направленности Всероссийский национальный студенческий союз. За год до его организации возник при поддержке «Союза Михаила Архангела» столь же черносотенный Союз академистов. В 1910 г. академисты получили финансовую поддержку от Столыпина. Они «запросто» сфотографировались в Царском Селе с Николаем II. Парализовать революционное брожение в среде студенчества академистам не удалось.

Новый подъем студенческого движения начался в 1910 г. В апреле этого года сходка Горного института выразила недоверие правительству, черносотенному большинству Думы и «неповнятно молчаливой профессуре». ¹ Тогда же состоялись сходки в университете и в некоторых технических институтах, принявшие резолюции протеста против клеветнической антистуденческой кампании, поднятой Пуришкевичем. Студенты приветствовали депутатов Думы — социал-демократов и трудовиков за поддержку учащейся молодежи. ²

¹ ЦГИАЛ, ф. 25, оп. 5, д. 1, л. 299.

² Там же, л. 235.

В ноябре 1910 г. в связи со смертью Л. Н. Толстого студенческие забастовки охватили почти все высшие школы столицы. Студенческие волнения перебросились в Москву и другие города. 31 января 1911 г. Петербургский университет был закрыт, 392 студента было арестовано и уволено.¹ Всего в Петербурге было арестовано 734, уволено 1860 и переписано полицией 2374 студента. Почти все они были высланы из столицы.

Студенческие волнения 1910 г. являлись, по выражению В. И. Ленина, одним из признаков «известного поворота в настроении демократических масс».²

По предложению черносотенного министра народного просвещения Кассо Совет министров в 1911 г. отменил автономию высших учебных заведений и закрыл все студенческие организации. В знак протеста против этого реакционного решения вышла в отставку лучшая часть профессуры Московского университета. В Петербурге отказался от чтения лекций в университете выдающийся русский математик академик А. А. Марков. Еще ранее отказался принимать меры против студенческих сходок и демонстративно вышел в отставку и. о. директора Горного института академик Ф. Н. Чернышев.

Сдвиги в общественном движении страны в 1912—1914 гг. не могли не отразиться на политических настроениях студенчества.

В канун мировой войны в Петербурге возникает Объединенный комитет студенческих социал-демократических фракций высших учебных заведений. Этот Комитет объединял большевистски настроенных студентов. По призыву Комитета студенты-политехники на сходке 13 марта 1914 г. принимают резолюцию протеста против самодержавия, а 21 марта протестуют против преследований рабочих организаций, локаутов и отравлений на петербургских предприятиях.³

В 1916 г. Комитет провел забастовки в петроградских институтах в знак протеста против осуждения депутатов Думы — большевиков и в знак солидарности с бастующими рабочими Путиловского завода и Выборгской стороны. В ряде институтов распространялось большевистское обращение «К товарищам, уходящим в войска». Обращение заканчивалось ленинскими лозунгами: «Долой войну империалистическую! Да здравствует война гражданская!».⁴

Брожение в студенческой среде разрасталось по мере приближения революционного кризиса. Осенью 1916 г. все чаще стали организовываться студенческие сходки.

Петербургское демократическое студенчество приняло активное участие в Февральской революции.

¹ В. Р. Лейкина - Свирская. Из истории борьбы Петербургского университета с министерством Кассо. Вестник Ленинградского университета, 1948, № 7, стр. 158.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 86.

³ ЦГИАЛ, ф. 25, оп. 5, д. 9, лл. 62, 85.

⁴ Там же, л. 254.

* * *

С середины 90-х годов XIX в. дальнейшее развитие получает в столице высшее женское образование.

Среди передовых русских девушек все шире распространялось убеждение о высоком предназначении русской женщины, о ее гражданском долге перед родиной.

В 1895 г. открываются курсы новых языков М. А. Лохвицкой-Скалон, в 1896 г. — курсы воспитательниц и руководительниц физического образования П. Ф. Лесгафта.

В 1897 г. был основан Женский медицинский институт (Архиерейская ул., д. 6—8), вскоре ставший одним из лучших высших учебных заведений столицы. Ныне это 1-й Ленинградский медицинский институт им. И. П. Павлова.

Правительство открыло Женский педагогический институт, который должен был стать, по его замыслам, учебным заведением верноподданнического толка в отличие от либеральных и порой революционно настроенных Бестужевских курсов.

В 1903 г. для подготовки учительниц географии и естествознания были организованы трехгодичные Высшие женские естественно-научные курсы, в 1904 г. — Высшие агрономические курсы профессора Стебута.

В 1906 г. в составе историко-литературного и юридического отделений начали свою деятельность Высшие женские курсы Н. П. Раева, а в 1910 г. — Высшие женские курсы И. В. Дмитриева, открытые в составе трех факультетов (историко-филологического, физико-математического и юридического). Тогда же, в 1910 г., после вынужденного перерыва, вновь открылись высшие курсы им. Лесгафта.

Появление все новых и новых женских учебных заведений стимулировалось большим наплывом учащихся. В 1910 г. на Бестужевских курсах было 5177 студенток, на естественно-научных курсах Скалон — 957, на курсах Раева — 929¹ и т. д.

Сравнительно большой наплыв девушек в высшие учебные заведения объяснялся, разумеется, и тем, что правительство в результате событий 1905 г. сделало известные уступки по вопросу о допущении на службу женщин.

В 1906 г. женщины получили право преподавать в младших классах мужских учебных заведений, а в 1911 г. учительницы формально уравнины в правах с мужчинами, получившими диплом об окончании высшего учебного заведения.

В 1906—1907 гг. женщины проникли в университеты и институты. Советами учебных заведений разрешили их прием на правах вольнослушательниц. Правительство не решилось протестовать. Министр народного просвещения находил, что «без самых серьезных осложнений университетской жизни отменить указав-

¹ К. Шохоль. К вопросу о развитии высшего женского образования в России. Журнал Министерства народного просвещения, 1913, март, стр. 18—43.

ные распоряжения советов в настоящее время невозможно»,¹ и советовал узаконить эту меру.

К концу 1907/8 учебного года, когда министр народного просвещения Шварц признал незаконным допущение женщин в университет, в нем было 240 студентов. Несмотря на массовые исключения, в университете к 1912 г. оставалось до сотни студентов.

Даже в технических высших учебных заведениях города в 1914 г. было до 7% девушек.²

Еще в первые годы XX в. мало кто верил в возможность и особенно в необходимость высшего технического образования для женщин. Особенно дикой казалась мысль о женщинах-архитекторах, потому что, как писали тогда, «взбираться по лестницам трудно при длинных юбках».³

Тем не менее в столице открылись сначала Высшие женские строительные курсы (1904), затем Женские курсы высших архитектурных знаний, а затем и Высшие женские политехнические курсы, на которых следует остановиться несколько подробнее.

Женские политехнические курсы были открыты в 1906 г. по инициативе П. Н. Ариан, а также профессоров Института путей сообщения В. И. Курдюмова и Н. А. Белелюбского в составе 4 факультетов: архитектурного, инженерно-строительного, электротехнического и химического. Для того чтобы устроить помещение курсов, пришлось снять 4 больших квартиры в доме на углу Серпуховской ул. и Загородного проспекта и переделать их в аудитории. Курсы брали низкую плату за обучение и мало платили преподавателям. Существовая на скудную благотворительную помощь, они все же доказали свою жизнеспособность и добились того, что в 1915 г. были преобразованы в Петроградский женский политехнический институт. Если в 1906 г. на курсах было 234 слушательницы, то в 1916/17 г. в институте было около 1500 студентов, а 300 не было принято из-за недостатка мест.⁴

На Химическом факультете преподавали А. А. Байков, А. Е. Порай-Кошиц, П. П. Федотьев, В. Я. Курбатов, на Инженерно-строительном — Б. Г. Галеркин, Н. А. Белелюбский, А. И. Гегелло, на Архитектурном мастерскими руководили И. А. Фомин, Л. Н. Бенуа, А. Е. Белогруд, В. А. Покровский.

Одним из лучших высших учебных заведений столицы стал Женский медицинский институт. Первоначально он был предоставлен самому себе и строился

¹ ЦГИАЛ, ф. 25, оп. 5, д. 2, л. 313.

² Н. И. Шихова. Женщины в русских университетах и технических высших учебных заведениях в 1906—1912 гг. Труды I Всероссийского съезда по женскому образованию, т. 1, СПб., 1913, стр. 32.

³ В. Курбатов. Женские политехнические курсы и первые женщины-инженеры. Природа, 1947, № 3, стр. 76.

⁴ Там же, стр. 79.

на частные средства. Городская дума дала только 15 тыс. руб., а правительство и совсем ничего. Клиника и лаборатории создавались впоследствии лишь благодаря поддержке более чем 50 провинциальных земств.

К 1913 г. в составе его было уже 32 кафедры. Богатое оборудование и прекрасный преподавательский состав позволили институту равняться на Военно-медицинскую академию и обеспечить хорошую подготовку женщин-врачей. В институте преподавали В. М. Бехтерев, Д. О. Отт, Г. Ф. Ланг, К. К. Скробанский, Г. В. Хлопин и др.

Хотя только 20% студентов обеспечивалось стипендией, девушки, вышедшие большей частью из малосостоятельных семей, учились самоотверженно. Особенно хорошо проявили себя женщины-хирурги во время русско-японской и первой мировой войны. До 1914 г. около 20 женщин защитило диссертации на степень доктора медицины.

Однако сила косных традиций была настолько еще велика, что в самом Женском медицинском институте не было вплоть до последних лет царского режима ни одной женщины-преподавательницы.¹

Заметно повысился уровень подготовки на Бестужевских высших женских курсах, которые по своим учебным планам все более приближались к университету. На курсах попрежнему читали лекции лучшие университетские профессора. Бестужевские курсы за 34 года (1878—1912) окончили 3995 курсисток. Две трети из них вело педагогическую работу. Только единицы оставлялись на курсах для дальнейшего усовершенствования и подготовки к должности профессора. Из последних можно назвать будущих советских ученых: математика Н. Н. Гернет и историка средних веков О. А. Добаш-Рождественскую. 143 бывшие слушательницы в разное время работали в Смоленской вечерне-воскресной школе за Невской заставой.²

Попытку сочетать общее гуманитарное образование с эстетическим и физическим, а также с подготовкой по избранной технической или естественно научной специальности представляла программа Высших женских курсов Лесгафта, стремившихся, согласно заветам своего основателя, готовить из своих слушательниц не только образованных и гуманных учительниц, но и убежденных людей долга, сторонниц социальной справедливости, способных воспитать в детях высокие гражданские качества.

Высшее женское образование в Петербурге благодаря тому, что оно относительно менее зависело от правительственных чиновников, было поставлено довольно неплохо. В нем, например, не было ничего похожего на узкий практицизм,

¹ Н. Д. Страшун. Основные этапы развития Института за полвека. Сб. «50 лет 1-го Ленинградского медицинского института», Л., 1947; А. А. Кадьян. Петербургский женский медицинский институт, Труды I Всероссийского съезда по женскому образованию, т. I.

² Е. Щепкина. Деятельность окончивших Высшие женские курсы. Вестник Европы, 1913, август, стр. 347—349.

Женский медицинский институт. Профессор Г. В. Хаопин среди курсисток. Фотография начала XX в.

характерный в то время для высшей женской школы в США. Когда один из докладчиков на I съезде по женскому образованию стал неумеренно восхвалять высшее женское образование в Америке, ему возразили, что в России высшие женские школы носят более передовой характер.¹

Интересны данные анкеты, проведенной осенью 1909 г. на Бестужевских курсах. Анкету заполнило 30% курсисток. Среди них дворянок было 45%, из купцов и прочих состоятельных сословий — 19%, из мещан и рабочих — 24%, из крестьян — 11%.

В действительности, как признает автор, подводивший итоги анкеты, «число вышедших из собственно народных масс остается ничтожным, достигая 5%».² Еще менее отрадная картина была в Педагогическом институте. В 1905 г. из 331 курсистки дочерей крестьян было только 8,³ стипендии были только у 7,5%. Почти 87% получали средства, часто очень скудные, от семьи. Остальные остро нуждались.

¹ Труды I Всероссийского съезда по женскому образованию, т. I, стр. 142.

² А. Кауфман. Русская курсистка в цифрах. Русская мысль, 1912, июнь, стр. 66.

³ ЦГИАЛ, ф. 759, оп. 29, д. 9, л. 1.

Многие заболели и уходили с курсов, измученные нездоровыми жилищными условиями и недостатком питания.

«Лишь более обеспеченные слушательницы имеют возможность закончить высшее образование», — такой вывод напрашивался из проведенной среди курсисток-бестуженок анкеты.¹

Характерны сведения, относящиеся к мировоззрению курсисток. Сильное влияние на формирование своих убеждений 39% опрошенных приписывали Толстому, 32% — революционным демократам 60-х годов, 18% — Марксу (среди юристок на Маркса ссылалось 27%), многие указывали на роль 1905 г.

Вопреки распространенному среди реакционных журналистов мнению об увлечении курсисток писателями-декадентами любимыми поэтами их были Пушкин, Лермонтов и Некрасов.

Слушательницы принимали активное участие в студенческих волнениях. В сходках участвовало две трети опрошенных.

Большинство курсисток Историко-филологического и Физико-математического факультетов привлекала преподавательская работа. Но они не хотели «возиться с балованными баричами», а предпочитали быть или «в деревне», или в «пролетарской среде», или вообще «в народной школе». Только единицы из почти двух тысяч опрошенных не разделяли этих демократических идеалов и хотели стать «богатою барыней и путешествовать».²

Несмотря на сбивчивость, неясность своих идеалов, большинство русских студенток мечтало не только о зароботке, но о самоотверженной и трудной работе на благо народа.

* * *

В общем очерке системы образования в Петербурге должны быть упомянуты также военные и духовные учебные заведения.

В Петербурге было 6 военных академий — Военная, Морская, Артиллерийская, Инженерная, Военно-медицинская, Военно-юридическая, в 1911 г. к ним прибавилась Интендантская.

Кризис царской монархии в сильнейшей степени сказывался не только на армии, но и на ее высших учебных заведениях. В военных академиях, располагавших весьма квалифицированным преподавательским составом, бросались в глаза крупнейшие упущения и недостатки в учебных программах.

В Морской академии, например, где специальные морские и кораблестроительные дисциплины преподавали А. Н. Крылов, Ю. М. Шокальский и другие крупные ученые, была в загове военно-морская стратегия, игнорировалась история русского военно-морского искусства и т. д.

¹ А. Кауфман, ук. соч., стр. 70—71.

² Там же, стр. 84—91.

Только Военно-медицинская академия благодаря своему научному профилю продолжала играть выдающуюся роль в развитии отечественной медицины.¹

Среди средних военно-учебных заведений должны быть названы 8 военных училищ — Пажеский корпус, два пехотных, два артиллерийских, кавалерийское, инженерное и топографическое, а также пять кадетских корпусов (включая младшие классы Пажеского корпуса) и Морской кадетский корпус.

Об этих учебных заведениях, как правило, очень редко писали в тогдашней печати. Правительство оберегало их закрытый, сословный характер. Только в очень ограниченных размерах был разрешен доступ в кадетские корпуса также и не дворянам, но не менее, как почетным гражданам. Более открытый доступ был в военные училища. В 1913 г. из 395 юнкеров в столичном Владимирском пехотном училище было 80 выходцев из зажиточных крестьян.²

Царское правительство усиленно насаждало среди кадет и юнкеров кастово-шовинистический дух, слепую преданность самодержавию. На содержание военно-учебных заведений тратились громадные средства. Кадетские корпуса и военные училища помещались в прекрасных помещениях, нередко в бывших дворцах. Кадет развлекали балами и концертами, кормили изысканными блюдами.³

Так как на первом плане стояла строевая муштра, у будущих офицеров вырабатывалось пренебрежение к учению, к военной науке. Настойчивое насаждение верноподданнической идеологии прививало будущим офицерам презрение к народу, слепую готовность служить господствующим классам.

В Петербурге находилось несколько духовных учебных заведений — две академии и две семинарии (православные и римско-католические), а также православное духовное училище. По реформе 1912 г. православные учебные заведения потеряли всякие следы былой самостоятельности в выборе профессоров и доцентов, целиком подчиняясь Синоду.

* * *

Тяга рабочих к знанию и культуре обусловила довольно энергичный рост внешкольного образования. Особенно быстро внешкольное образование начало развиваться в связи с демократизацией общественной жизни в 1905—1907 гг., несмотря на противодействие государственной власти, которая считала внешкольное образование делом лишним и вредным и потому не допускала чтения лекций на предприятиях, притесняла воскресные школы и просветительные общества. Царское правительство понимало, что культурное движение в среде рабочих

¹ Е. Н. Павловский. Военно-медицинская академия Красной армии им. С. М. Кирова за 140 лет (1798—1938). Л., 1940.

² ЦГВИА, ф. 308, оп. 1, т. 3, д. 4670, л. 8 об.

³ С. Фесенков. Из быта кадетских корпусов. Педагогический сборник, 1914, январь, стр. 63.

грозит рассеять нависшую над страной «власть тьмы». Даже в невинных съездах деятелей народного просвещения полицейский аппарат видел «революционные манифестации».

Поощрялись лишь просветительные учреждения, созданные с откровенной целью насаждать буржуазную и даже охранительно-монархическую идеологию.

Непосредственно перед 1905 г. в Петербурге действовало 11 отделов гапоновского «Собрания», объединявших около 9 тыс. членов. Охранка относилась к гапоновским организациям необычайно благожелательно. Вполне благонадежным с точки зрения полиции было и общество «Маяк», состоявшее под попечительством принца Ольденбургского, куда рабочих принимали только с рекомендацией хозяев.

Лекции для народа, устраиваемые с 70-х годов XIX в. Педагогическим музеем военно-учебных заведений и Постоянной комиссией по устройству народных чтений при Петербургском комитете грамотности, теряют свою популярность из-за духовно-правоучительного, по преимуществу, их направления.¹

Во внешкольном образовании трудящихся столицы большую известность приобрели народные дома, Общество народных университетов и, главным образом, рабочие клубы.

В 1903 г. на средства графини Паниной был открыт Лиговский народный дом. При нем были вечерние общеобразовательные классы, общедоступный театр, различные самодеятельные кружки, библиотека, выставки, юридическая консультация, сберкасса и т. д. В 1907—1908 гг. в классах и кружках Лиговского народного дома было более тысячи учащихся.

Другой народный дом был организован на средства известного капиталиста Нобеля.

Рабочие шли в эти дома отчасти потому, что других мест, где можно было развлечься, послушать лекцию или прочитать полезную книгу, было не так уж много. В народных домах неустанно велась агитационная работа большевиков. В 1906 г. в Лиговском народном доме под фамилией Карпова выступил на большом митинге В. И. Ленин.

В мелкобуржуазных слоях населения столицы известной популярностью пользовались лекции, организованные Петербургским обществом народных университетов. Это общество, возникшее в 1906 г. при участии таких деятелей буржуазной интеллигенции, как Н. И. Кареев, С. Н. Прокопович и другие, имело более десятка больших аудиторий, несколько различных курсов (агрономические, политехнические, коммерческие, новых языков, а также стенографические и бухгалтерские). Была даже своя народная консерватория и курсы художественного образования. Эти довольно систематические учебные заведения были, однако,

¹ Краткий обзор деятельности Педагогического музея военно-учебных заведений. Пгр. 1914, стр. 3, 13, 15.

малодоступны рабочим из-за недостаточной общеобразовательной подготовки. Кроме того, рабочие по недостатку времени и средств не могли участвовать во многих дальних экскурсиях; из 3232 экскурсантов за 1912 г. было только 162 рабочих. Довольно оживленно проходила лишь лекционная работа.

В 1912 г. на лекциях, которые обычно сопровождались научными кинофильмами, побывало около 70 тыс. слушателей.

Тяжелая продолжительная работа не позволяла рабочим регулярно посещать лекции.

Перед империалистической войной лекции читались в очень небольших и неудобных помещениях — нередко в камерах мировых судей.¹

Еще в 1908 г. на съезде деятелей народных университетов происходили резкие столкновения представителей профсоюзов с буржуазными делегатами.

Кадеты, задававшие тон на съезде, доказывали, что университеты не следует ставить под контроль рабочих организаций, ибо просвещение якобы имеет надклассовый и внепартийный характер. Рабочие же ораторы заявляли, что «все дело просвещения надо оставить в руках рабочих, так как сотрудничество рабочих и буржуазии немислимо».²

Центральное бюро петербургских профсоюзов все же добилось двух мест в Совете Общества народных университетов.

Победа буржуазных принципов на съезде 1908 г. носила в значительной мере формальный характер. Рабочие не желали слушать либеральных лекций и требовали от лекторов изложения марксистских революционных взглядов.

Так случилось, что, по выражению одного из рабочих, деятельность народных университетов повела к «такому печальному явлению, как народный университет без народа».³

Большевики активно поддерживали инициативу рабочих по созданию собственных, пролетарских, не зависящих от буржуазной филантропии просветительных обществ и клубов.

Клубы были предметом особой заботы пролетарских организаций и прежде всего профсоюзов. «Рабочие клубы являются организационными ячейками рабочего класса. . . В то же время эти общества являются местом, где готовится собственная рабочая интеллигенция, собственные строители рабочего дела»,⁴ — заявляли члены общества «Знание».

¹ М. Г р а н. Из анкетных материалов С.-Петербургского народного университета. Вестник Народного университета, 1911, № 5, стр. 233; Н. А н д р е е в. Анкета центральных аудиторий Петербургского народного университета. Вестник Народного университета, 1911, № 7, стр. 320—343; М. С а б и н и н. Из жизни С.-Петербургского общества народных университетов. Учитель и школа, 1914, № 1, стр. 46—48.

² Труды I Всероссийского съезда деятелей обществ народных университетов. СПб., 1908, стр. 43.

³ Там же, стр. 168.

⁴ Правда, 1913, № 91.

В 1905—1906 гг. явочным порядком организовалось много безуставных рабочих клубов, но все они были сметены реакцией.

С 1907 г. просветительные общества, возникавшие по инициативе рабочих, стали добиваться утверждения своих уставов правительством. Общества были обязаны строго придерживаться утвержденных правил: не вводить предметов в своих школах и курсах, на которые не было испрошено разрешение, не допускать заочного обучения, не выдавать свидетельств об окончании курсов и т. д.¹

Для того чтобы бюрократически-полицейский аппарат разрешил новое рабочее общество, требовалось иметь известных и даже высокопоставленных учредителей, получить согласие попечителя учебного округа и т. д.

Если трудно порой было найти приемлемых для правительства учредителей, то еще труднее было найти помещение. Домовладельцы заламывали бешеные деньги, а иногда, под давлением полиции, совершенно отказывали в сдаче квартир.

Четырежды менялось местопребывание общества «Наука». Общество «Свет», объединявшее рабочих Нарвской заставы, испытало еще большие мытарства, ибо полиция объявила, что оно может явиться источником эпидемии тифа и холеры (!). Гонения и издевательства полиции не прекращались и в случае подбора помещения вполне удовлетворительного.

Лица, вошедшие в состав правления, нередко рассматривались как политически неблагонадежные. Правлению женского клуба полиция запретила собираться в составе более восьми человек. При открытии общества им. Стасюлевича из 12 членов правления тотчас было арестовано 7. В 1912 г. оно было закрыто из-за присутствия на общем собрании (чуть ли не 1000 членов) «трех посторонних лиц».

С невероятными трудностями устраивались и лекции. Из 34 лекций обществу «Свет» в 1907 г. разрешили только 3. В годы реакции на всех лекциях в рабочих клубах присутствовали полицейские чиновники.

Не меньшее подозрение охраны вызывали и рабочие экскурсии — их то не пускали в Эрмитаж, то окружали необыкновенным скоплением жандармов (экскурсия Сампсониевского клуба в 1911 г. в Киев).

Несмотря на все преследования и материальные трудности, в 1907—1910 гг. в столице функционировало 16 просветительных обществ, созданных по инициативе самих рабочих.

В каждом из обществ обычно состояло до 300—400 членов. На денежные средства, полученные от вступительных и членских взносов (15—25 коп. в месяц), нанимались квартиры, устраивались небольшие аудитории, читальня, чайная и т. д.

Просветительные общества или, как их принято было тогда называть, рабочие клубы, успешно выдерживали конкуренцию с буржуазно-либеральным Обще-

¹ Внешкольное образование. Сост. В. И. Чарнолуский, вып. 1, стр. 454—456.

ством народных университетов, устраивая лекции по вопросам, волнующим всех рабочих, организуя для них вечерние школы и курсы.

Однако инициатива рабочих сковывалась недостатком средств. Почти все клубы страдали из-за финансовой неустойчивости. Взносы составляли сравнительно небольшую сумму и к тому же вносились они нерегулярно. Профсоюзы же были еще не в силах оказывать клубам существенную поддержку.

Энергичную борьбу за влияние партии в рабочих клубах вели большевики. Решение 5-й Общероссийской конференции РСДРП (1908 г.) обязывало членов партии активно работать в культурно-просветительных учреждениях и превращать их в опорные пункты агитационной, пропагандистской и практически-организационной работы среди масс. По указанию Петербургского комитета в рабочих клубах начали создаваться партийные группы.

В годы реакции и нового революционного подъема петербургские большевики одержали победу в трудной борьбе с буржуазными либералами и меньшевиками-ликвидаторами за влияние в культурно-просветительных организациях.

В 1914 г. депутат 4-й Государственной Думы большевик Бадаев имел основание заявить от имени партии: «Мы... взяли уже в свои руки внешкольное дело, культурно-просветительные общества».¹ В созданном по решению Василеостровского комитета партии клубе «Источник света и знания» вел партийную пропаганду работавший тогда на Трубочном заводе М. И. Калинин. Меньшевики были вытеснены из Общества образования Нарвского района (Петергофское шоссе, д. 29), в которое входили рабочие Путиловского завода и Резиновой мануфактуры.

Ярко большевистский характер носили Сампсониевское общество образования и существовавшее очень короткое время в 1914 г. общество «Наука и жизнь» (Разъезжая улица, д. 42; Боровая улица, д. 14). В нем было более 1400 чел. В обществе работали Л. Р. Менжинская, В. М. Бонч-Бруевич и другие большевики.

Нелегальная межклубная комиссия, созданная Петербургским комитетом партии, направляла работу клубов в большевистском духе. Для этого требовалась строгая конспирация и оперативность. Нередко полицией утверждалась одна лекция, а читалась другая, или утверждался лектор-меньшевик, а читал большевик.

Рабочая аудитория с возмущением принимала таких буржуазных лекторов, как Мережковский, Маклаков. Прокопович был изгнан рабочими за утверждение, что «Маркс нуждается в поправках».

В рабочих клубах поднимали на смех и изгоняли отзовистов или, как их прощически называли, «взрывателей», а тех, кого считали меньшевиками-ликвидаторами, рабочие не пускали на кафедру.

Кроме общественных культурно-просветительных учреждений, в Петербурге существовало довольно много частных. В 1910 г. в столице было 14 курсов живо-

¹ Путь правды, 1914, № 91.

писи, 14 оперно-драматических курсов, 5 музыкальных школ и классов, 3 театралных школы. Большею частью все эти курсы и школы имели для занятий только небольшую комнату. Плата же за обучение в них была для рабочих недоступна.¹

В целом средства внешкольного образования в Петербурге были в канун мировой войны ничтожны. Если Городская дума на нищенское начальное образование тратила 2,5 млн руб. в год, если все средние учебные заведения, которых также далеко не хватало, обходились казне и частным лицам в 5 млн руб. в год, то на внешкольное образование сотен тысяч неграмотных и малограмотных трудящихся тратились поистине жалкие суммы. Правительство и Городская дума, как указывалось выше, никакого участия в расходах на внешкольное образование фактически не принимали. Исключением являлись лишь бесплатные библиотеки, состоявшие в ведении Городской думы. В 1914 г. их было 15.

В 1905 г. в них начинает улучшаться подбор книг. Они получили право приобретать всю допущенную к продаже книжную продукцию. Библиотеки очищаются от засорившей их лубочной и религиозно-назидательной макулатуры.

После пятнадцатилетнего перерыва на полках появились полные собрания сочинений русских классиков. Если в 90-х годах читатели могли из всего Тургенева прочитать только «Муму» и «Перепелку», то теперь они имели возможность познакомиться со всем творчеством писателя. В лучших библиотеках появились сочинения Белинского и Добролюбова.

В народных библиотеках марксистских книг не было. Число же рабочих, которые интересовались политической и главным образом большевистской литературой, непрерывно росло. Разумеется, народные библиотеки таких передовых рабочих не удовлетворяли. Еще меньше читателей привлекали читальни при церковно-приходских советах.

Следует отметить, что бесплатных народных библиотек было слишком мало для такого крупного города, как Петербург. Одна библиотека приходилась на 100 тыс. жителей. Основной читательской массой в этих библиотеках были дети — свыше 70% читателей.

В 1912 г. в 18 читальнях из 37 427 записавшихся было 9790 взрослых, а из них — 3634, т. е. около 40%, рабочих. Рабочим по посещаемости принадлежало второе место после учащихся.² Любимыми писателями рабочих были Горький, Чехов и Толстой.

Ярый реакционер Кассо вновь ограничил количество разрешенных для народных библиотек книг. Эта мера повлекла за собой сокращение числа взрослых читателей. Однако Кассо не добился своей цели. В Петербурге в годы во-

¹ Вышние, средние и низшие учебные заведения всей России. Киев, 1911.

² Отчет Комиссии народного образования Городской думы за 1912 г., ч. 4, стр. 232, 564.

Народная библиотека-читальня в Петербурге. Фотография начала XX в.

во время революционного подъема быстро росло число профсоюзных и других рабочих библиотек, которые обходили министерские циркуляры. При недостатке школ библиотеки играли весьма существенную роль в распространении самообразования. В 1910—1914 гг. появилось несколько программ и указателей по домашнему чтению. Стали выходить периодически такие издания, как «Общедоступная наука для всех», «Журнал экстернов» и др. В журнале «Школа для всех» участвовали крупные ученые: Н. С. Державин, С. А. Венгеров, Н. А. Морозов.

Бюрократическая опека серьезно мешала разворачиванию культурно-просветительной деятельности петербургских государственных библиотек.

К началу XX в. изменяется характер работы Публичной библиотеки. Публичная библиотека больше внимания стала обращать на подногу новых поступлений и систематизацию уже имеющихся книжных богатств. К 1913 г. ежегодный прирост новых книг достигал сотни тысяч названий, а всего в библиотеке имелось

более 3 млн книг, рукописей и гравюр.¹ Если в 1894 г. Публичной библиотекой было выдано 13 тыс. читательских билетов, то в 1912 г. почти 28 тыс. Число же выданных в залы книг увеличилось с 320 тыс. до полумиллиона.² Высоко ценил ее книжное богатство В. И. Ленин. По воспоминаниям Н. К. Крупской, по приезду в Петербург Ленин «целыми днями просиживал в Публичной библиотеке».³

Через В. В. Стасова и других прогрессивно настроенных библиотекарей в Рукописный отдел Публичной библиотеки поступала вновь издаваемая нелегальная литература. Обычным путем библиотека комплектовалась революционной литературой очень недолгое время в 1905—1906 гг.

Съезд по библиотечному делу отмечал в 1911 г. «бесправие библиотек народных и общественных, неопределенное положение библиотек академических, внутреннюю неорганизованность и тех и других».⁴

Даже в Библиотеке Академии Наук, как указывалось в печати, царил беспорядок и господствовала неурядица в поступлениях. Комплектование весьма нередко шло по принципу обслуживания научных интересов отдельных академиков. Из-за задержек и конфискации книг царской цензурой далеко не всегда поступал обязательный экземпляр. Seriously задерживалась обработка книг. Хотя с 1893 по 1917 г. число сотрудников увеличилось с 10 до 33, поток вновь поступающей литературы буквально захлестывал небольшое помещение академической библиотеки. Новое здание для Библиотеки Академии Наук (Биржевая линия, д. 1), начатое строительством в канун мировой войны, уже тогда являлось технически устаревшим.

Несмотря на серьезные недостатки в своей работе, крупнейшие петербургские библиотеки имели огромное научное и культурно-просветительное значение. В их читальных залах занимались инженеры, учителя, студенты.

Университетской библиотекой и библиотекой Вольного Экономического общества пользовался В. И. Ленин для написания своей классической книги «Развитие капитализма в России».

Наряду с библиотеками огромное культурное значение для Петербурга и всей страны имело книгоиздательское и книготорговое дело в столице.

Если в конце 80-х годов русский книжный рынок по числу вновь выходящих книг, названий и экземпляров, занимал одно из самых скромных мест в мире, то с начала 900-х годов выпуск новых книг стал идти все более ускоренным темпом. В связи с первой революцией книжный поток превратился в книжное наводнение. В 1905 г., как писал Н. А. Рубакин, внезапно «ожили и размножились

¹ С. С в а т и к о в. Публичная библиотека за 100 лет. Голос минувшего, 1914, № 3, стр. 309—315.

² Имп. Публичная библиотека за 100 лет. СПб., 1914, Приложение, стр. X—XI.

³ Н. К. К р у п с к а я. Что писал и говорил Ленин о библиотеках. М., 1939, стр. 21.

⁴ Труды I Всероссийского съезда по библиотечному делу. СПб., 1912, стр. 1.

книжные магазины, вдруг развернулся и вырос небывало-огромный круг читателей, и не прошло и нескольких месяцев, и даже недель, как Россия, по числу названий и экземпляров вновь выходящих книг, заняла первое место на всем земном шаре.¹ К сожалению, нет точных данных об издательской деятельности в этот период. Из 36 630 названий книг, выпущенных в России в 1912 г., 8420, т. е. четвертая почти часть, была издана в Петербурге.² В Москве печаталось на 2 тыс. названий меньше, но общий тираж московских изданий в полтора раза превышал тираж петербургских.³ В Петербурге выходила почти четвертая часть всех русских периодических изданий. В 1910 г., по официальным данным, в Петербурге было зарегистрировано 555 газет и журналов (в Москве — 297). В действительности эти цифры были несколько ниже — 472 и 204.

Среди крупных издательств этого времени можно назвать издательства А. С. Суворина, А. Ф. Маркса (издания классиков в виде приложения к журналу «Нава»), научное издательство М. М. Стасюлевича и др.

Наряду с новыми буржуазно-декадентскими издательствами в период революции 1905 г. появляются первые в России социал-демократические издательства.

Особое место в книжном деле принадлежало в этот период возникшему в 1898 г. товарищескому книгоиздательству «Знание», которое с 1902 г. возглавлялось М. Горьким. Вокруг «Знания» объединились прогрессивные писатели страны. «Знание» издавало сочинения Горького, Куприна, Серафимовича, Вересаева, Телешова, Скитальца.

Большой популярностью пользовались по всей России сборники «Знания», в которых концентрировались лучшие силы русской художественной литературы. Было издано более 300 книжек «Дешевой библиотеки» общим тиражом 4 млн экземпляров. В этой библиотеке по предложению большевистской партии был напечатан ряд произведений Маркса и Энгельса.

В годы реакции правление издательства, пользуясь отсутствием Горького, занимало не всегда последовательные демократические позиции, шло на уступки буржуазному упадочничеству и бездействию. В 1911—1912 гг. Горький порвал со «Знанием».

Рост революционного движения вызвал появление все новых изданий книг Маркса и Энгельса. В Петербурге первым изданием вышли книги В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», а также ряд его работ периода первой революции.

¹ П. Рубакин. Книжный прилив и книжный отлив. Современный мир, 1909, № 12, стр. 3.

² Г. И. Поршнев. История книжной торговли в России. Книжная торговля, 1925, стр. 130—132.

³ Энциклопедический словарь изд. «Грават», т. 32, стр. 109.

Однако книгоиздательское дело и печать в России в описываемое время, как и раньше, находилась под жестоким игом цензуры.

Уже первая легальная работа В. И. Ленина, опубликованная в 1895 г. в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», была уничтожена вместе с последним.

Раскрепощению печати не помогла и отмена в 1905 г. предварительной цензуры. В 1905—1907 гг. в столице по требованию прокурора подверглось запрещению 70 периодических изданий;¹ были закрыты большевистские газеты «Новая жизнь», «Волна», «Вперед», «Эхо», журнал «Вестник жизни» и др. Аресту, а затем беспощадному уничтожению подвергались по постановлению суда «Коммунистический манифест», выпущенный в Петербурге в 1906 г., переведенные М. И. Ульяновой под редакцией В. И. Ленина «Письма к Кугельману» К. Маркса, выпущенные в 1907 г., и другие произведения основоположников марксизма. Подверглись преследованию и уничтожению работы В. И. Ленина «Нужды деревни», «Победа кадетов и задачи рабочей партии» и др.

В Петербургском комитете по делам печати в 1906 г. скопилось такое количество тюков с изъятыми книгами, что чиновники едва пробивались к своим столам. Придя, видимо, в отчаяние от потока изъятых изданий, столичный инспектор по делам печати, не дожидаясь суда, отдал приказ: «Сегодня и впредь, если не будет в складе места, всю конфискованную литературу сжигать».²

Еще более усилился террор по отношению к печатному слову в годы реакции. Всюду и везде реакция разыскивала недопустимое, опасное, вредное. «Текстильному делу» пришлось переменить 13 названий, а рабочие, распространявшие это издание, привлекались к ответственности как за «торговлю без права на нее».³

Запрещались произведения Герцена, Писарева, Шевченко. К 1914 г. 55 раз запрещались произведения Л. Н. Толстого. 30 из этих произведений было выпущено в Петербурге.⁴ В других 11 книгах Толстого постановлением судебных органов были уничтожены десятки страниц.⁵ Перепуганные чиновники арестовали даже карамель и шоколад, на обертке которых оборотистые фабриканты поместили изречения великого писателя.⁶

С особой силой штрафы, аресты и другие преследования обрушивались на большевистскую печать. Из 96 номеров «Звезды» и «Невской звезды» было конфисковано 39 и оштрафовано 10.

¹ В. Розенберг. Несколько итоговых цифр. Сб. «Свобода печати при обновленном строе», СПб., 1912, стр. 239—241.

² В. Обвинский. Печать и администрация. Сб. «Свобода печати», стр. 191.

³ Там же, стр. 185.

⁴ Алфавитный указатель книгам и брошюрам, а также номерам повременных изданий, арест на которые утвержден судебными установлениями по 15 апреля 1914 г. Тип. Мин. внутр. дел, 1916, стр. 67—69.

⁵ Там же, стр. 101—102.

⁶ С. Ордынский. Печать и суд. Сб. «Свобода печати», стр. 143.

Аресты и гонения на вольное слово не могли его заглушить. Скорее, наоборот. Рабочие, интеллигенция раскупали демократическую литературу тотчас по ее выходе в свет. «Надо кушать, а то, чего доброго еще конфискуют», — говорили многие. «Таким образом, конфискаторы, сами того не сознавая, делали дело, явно противоположное своей цели».¹ Спрос на общественно-политическую литературу рос почти пропорционально числу новых конфискаций.

До 1901 г. общественно-политическая тематика занимала одно из последних мест по числу вновь печатаемых книг, и в библиотечной библиографии не были представлены целые разделы политической экономии и философии. В 1905—1907 гг. Россия имела едва ли не самую богатую в мире литературу по общественно-экономическим вопросам. Почетное место в ней занимали по числу названий, по тиражам и по идейности содержания издания большевистской партии. Правительство не мирилось с этим потоком революционной и демократической литературы. Если к 1 января 1906 г. было запрещено всего 167 книг, то к 1912 г. — 1821. Официальный список арестованных книг и журналов в 1911 г. составлял довольно внушительную книгу в 223 страницы.²

Большевистская пресса подвергалась суровым репрессиям. Партийная литература выпускалась с обозначением подставных фирм. Однако в годы первой революции в Петербурге функционировало несколько социал-демократических издательств и типографий довольно открыто. В типографии большевистского журнала «Наша мысль» (Литейный, д. 60) были напечатаны работы В. И. Ленина «Победа кадетов и задачи рабочей партии», «Пересмотр аграрной программы рабочей партии». Из большевистской типографии «Дело» (Фонтанка, д. 96) вышли брошюры В. И. Ленина «Услышишь суд глупца», «Выборы в Петербурге и лицемерие 31 меньшевика».

Наиболее крупное издательство большевиков — «Вперед» — образовалось в 1906 г. При издательстве находился центральный книжный склад, где имелось много выпущенной в России и за рубежом революционной литературы.

Во главе издательства стояли видные большевики М. С. Ольминский, А. И. Елизарова, В. В. Воровский, В. Д. Бояч-Бруевич, А. В. Луначарский. Нередко сюда, на Караванную улицу дом № 9, вечером заходил, тщательно следил за конспирацией, В. И. Ленин. Он внимательно знакомился с уже отпечатанными брошюрами и книгами, тщательно редактировал готовящиеся к печати.

«Вперед» выпустило отдельными изданиями работы Ленина «Социал-демократия и избирательные соглашения», «Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии» и др.

В 1913—1914 гг. в Петербурге функционировало партийное издательство «Прибой».

¹ Д. М. Клейнберг. Очерки рабочей интеллигенции, т. I. Пгр., 1923, стр. 14.

² В. Розенберг. Летовись русской печати (1907—1914). М., 1914, стр. 61.

Все большее место в культурной жизни столицы с каждым годом нового столетия занимала книжная торговля, поражавшая всех приезжавших в Петербург громадным выбором книг и гравюр почти всех времен и народов.

К началу XX в. книжные лавки и стеллажи заняли чуть не весь Литейный проспект, а также прилегающие к нему улицы — Симеоновскую (ныне ул. Бедняцкого) и Владимирский проспект.

Основным покупателем книг была интеллигенция. Большинство книг по своей цене для рабочих было недоступно. По минимально низким ценам выпускались большевистские издания. В 1905—1907 гг. распространение политической литературы стало настолько выгодным делом, что им занялись даже верноподданнически настроенные купцы, ранее не причастные к книготорговле. В эти годы «демократическая книжка стала базарным продуктом»,¹ — отмечал В. И. Ленин. В 1905 г. и после него «миллионы дешевых изданий на политические темы читались народом, толпой, „низами“ так жадно, как некогда еще дотоле не читали в России».²

Вместе с наступлением реакции резко изменился и состав книжного рынка в столице. Газетчики стали предлагать улично-сенсационные издания типа газетки «Амур», «Новобрачной газеты», «Газеты-копейки», журнальчика «Тарыбары» и т. п. Книжные лавки наводнились потоком полупорнографической, потом сыщицкой, а затем салонно-великосветской беллетристики. Все это бульварно-фельетонное чтение должно было развратить сознание трудящихся, отвлечь массы от злободневных вопросов жизни, от борьбы.

Однако основные слои рабочего класса были мало затронуты мутным потоком развлекательной беллетристики. «Ната Пинкертона», «Сверхсыщика», «Злые чары» и им подобные писания читали преимущественно мелкие торговцы, официанты, отчасти школьники.

В период революционного подъема рабочие уже различались не потому, читают ли они вообще, а по тому, какую газету они читают.

Хотя «Правда» стоила две копейки, а «Газета-копейка» — одну копейку, последнюю не брали вовсе.

Весьма важная роль во внешкольном образовании принадлежала столичным музеям. К началу XX в. их было 48. Среди вновь открытых важнейшим был Русский музей (см. главу XV).

В 1903 г. на средства, собранные по всей России среди населения и особенно у нижних чинов армии, открылся в специально выстроенном здании на Кирочной улице музей А. В. Суворова.

Музеи, однако, продолжали оставаться скорее складами редкостей, чем просветительными учреждениями. Слово «музей» являлось все еще синонимом «мерт-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 286.

² Там же.

вого, затхлого и консервированного»,¹ — писал один из современных наблюдателей, а другой прямо говорил, что «некоторые из наших лучших музеев имеют такую организацию, которая заставляет думать, что умышленно затруднен доступ в них для широких народных масс».²

Ливрейные швейцары придворного музея — таким Эрмитаж оставался вплоть до 1917 г. — очень широко толковали право о недопущении лиц «в неприличном виде или в неопрятной одежде».³ Рабочие экскурсии не всегда могли попасть в эту сокровищницу искусства.

Эрмитаж, открытый обычно на 4 часа в день, весьма часто бывал закрыт вообще — его залы занимались под дворцовые празднества. Царские чиновники рассматривали сокровища Эрмитажа не как национальное достояние, а как личную собственность царской семьи.

По воскресеньям бывало многолюдно лишь в 2—3 музеях (Эрмитаж, Русский, Зоологический). Сравнительно большой Морской музей посещали 10—15 тыс. чел. в год, или 40—50 чел. в день, а Горный всего 2 тыс., или 6—7 экскурсантов ежедневно.⁴ Одним из самых популярных музеев города был Зоологический музей. Открытый в 1900 г. после восьмилетнего периода переезда в новое помещение, он сразу привлек внимание публики, особенно детской. В 1901 г. в нем было 76 тыс. посетителей, в 1910 г. — 120 тыс. В воскресные дни его посещало до 1500 чел., главным образом воспитанники учебных заведений. В других музеях посетителей бывало гораздо меньше. Пустота в них бросалась в глаза. Популяризация своих богатств не входила в задачу музеев. Только в Сельскохозяйственном музее был специальный штат «объяснителей». В других музеях неподготовленные экскурсанты беспомощно бродили по залам, будучи не в силах сами разобраться в случайных принципах экспонирования и в существе выставленных предметов. Разъяснений им ждать было не от кого. Музеи, замечал один из упомянутых выше свидетелей, «строго говоря, не доступны массам ни для посещения, ни, тем более, для понимания».⁵

Почти все музеи столицы были в неупорядоченном состоянии. Даже консервативный журнал «Старые годы» горевал о тесноте Эрмитажа. В запущенном состоянии находился Горный музей при Горном институте. Много лет ждал открытия Геологический и Минералогический музей Академии Наук, коллекции и лаборатории которого были разбросаны по нескольким квартирам Васильевского острова.

¹ М. В. Новорусский. Музеи и их образовательное значение. Сб. «В помощь семье и школе», М., 1911, стр. 89.

² Е. Елачиц. О необходимости реорганизации национальных музеев для целей высшего образования. Труды I Всероссийского съезда деятелей обществ народных университетов, стр. 170.

³ Там же, стр. 173.

⁴ М. В. Новорусский, ук. соч., стр. 97, 99.

⁵ Е. Елачиц, ук. соч., стр. 170.

Характерна судьба основанного в 1907 г. (открыт для публики в 1912 г.) музея «Старый Петербург». Он существовал на смехотворный бюджет в 100 руб. в год, отпущенный ему Обществом архитекторов-художников, и занимал одну комнату в частной квартире. Ни город, ни государство о нем не вспоминали. Между тем музей «Старый Петербург» выполнял не только свои прямые функции, но и мало свойственные учреждению такого рода обязанности по охране памятников. Он не только вел «реестр вандализма», столь частого в эпоху капиталистического предпринимательства, отмечая все случаи порчи и уничтожения наружной и внутренней архитектуры классических зданий Петербурга, но и добивался иногда сохранения их в первоначальном виде — так было с окраской Адмиралтейства, Смольного и других зданий.

* * *

По уровню народного образования царская Россия стояла на одном из последних мест в Европе. Коренные пороки царской образовательной системы остро сказывались и в Петербурге. Хотя в столице было немало школ и горячо преданных своему делу учителей, Петербург все же не обеспечивал образования широким слоям трудящихся. Стремление масс к просвещению встречало совершенно неприкрытое противодействие царизма. Почти недоступно для детей рабочих было среднее и тем более высшее образование.

В. И. Ленин, который отмечал тогда, что «правительство *мешает* народному просвещению в России»,¹ называл царское Министерство народного просвещения «министерством народного затемнения» и «министерством народного одурачения».²

Буржуазные партии и организации не могли и не хотели сломать устаревшую школьную систему, а скромные начинания отдельных групп либеральной интеллигенции в условиях полицейского произвола оказывались мало эффективными. Большевики указывали, что буржуазия боится просвещения народа и потому фактически является пособником правительства в его политике торможения просвещения. «Интерес класса капиталистов, интерес всей буржуазии состоит в том, чтобы оставить рабочих невежественными и раздробленными»,³ — писал В. И. Ленин.

Лишь одна партия, партия большевиков, решительно выдвигала требование всеобщего и обязательного обучения, неустанно добивалась доступности образования, громила мракобесие царского правительства, вскрывала опасность господства буржуазии и помещиков для дальнейшего развития национальной куль-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 119.

² Там же, стр. 116, 118.

³ Там же, т. 4, стр. 279.

туры. Большевицкая партия органически увязывала борьбу за культуру, за просвещение масс с политическими требованиями пролетариата, с подготовкой революции.

Как бы в ответ на возгласы буржуазных писателей о том, что культура принадлежит господствующим классам и что революция несет с собой гибель цивилизации, великий пролетарский писатель Максим Горький объявил революцию «актом величайшего культурного значения» и заявлял, что культура принадлежит народу.

Вместе с обострением в России классового антагонизма с необычайной интенсивностью шел процесс размежевания в культурной жизни страны. Все связанное с господством эксплуататорских классов и царизма отходило вправо к мистике и религии в идеях, к контрреволюции в политике, а все лучшее, патристическое стремилось пойти навстречу народу, принять участие в его борьбе за светлое будущее. Начавшееся после поражения первой революции ожесточенное наступление идеологов буржуазии на марксизм кончилось крахом. Буржуазная проповедь идеализма, шовинизма и монархизма не сумела оказать сколько-нибудь серьезного воздействия на демократическую интеллигенцию и пролетариат.

Демократизация культуры находилась в тесной связи с довольно быстрым после 1905 г. повышением образованности и сознательности рабочего класса. Даже в годы свирепой реакции передовые рабочие Петербурга сохранили верность марксизму, продолжали овладевать знаниями, все более и более начинали чувствовать себя полноправными хозяевами культурных ценностей, накопленных народом.

К 1914 г. на наиболее крупных предприятиях Петербурга неграмотных было совсем немного. Весьма характерной стала фигура рабочего-интеллигента, добившегося своих знаний главным образом путем самообразования. Рабочие жадно читали «Правду», охотно раскупали марксистскую литературу, многие писали корреспонденции в свою газету. «Правда» нашла в питерских рабочих не только своих читателей, но и своих организаторов и активных сотрудников.

Крупные политические и культурные сдвиги, происшедшие в среде петербургских пролетариев после 1905 г., имели громадное значение для судеб социалистической революции в России. В 1917 г. кадровый питерский рабочий благодаря своей сознательности, где бы он ни находился — в столице или на фронте, завоевал доверие народа и уверенно повел за собой по призыву партии большевиков массы трудящихся на штурм капитала.

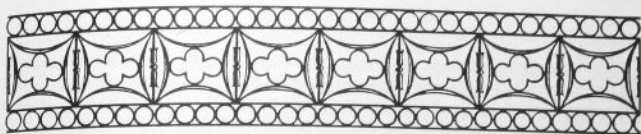
Непрерывная борьба, которую в годы подъема рабочего движения вела «Правда» с царизмом и буржуазным либерализмом, сочеталась на страницах газеты со стремлением приобщить массы к величайшим завоеваниям человеческого разума, с благородной битвой за передовые традиции русской и мировой культуры.

Передовые рабочие становились горячими почитателями творчества Горького, Толстого, Чехова, Короленко, восторженными посетителями театров. Питерских рабочих можно было увидеть на концерте и на публичной лекции, в залах Эрмитажа и Русского музея.

Лучшие представители русской культуры не могли, разумеется, не откликнуться на появление этой новой и все растущей аудитории.

Борьба Ленина, «Правды» за демократизацию просвещения, за высокое общественное значение и партийность литературы, за реализм и народность искусства, за материализм в науке имела громадное историческое значение как закладка идейного фундамента, на котором стало возводиться после Октября 1917 г. грандиозное здание социалистической культуры.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Научная жизнь России в конце XIX—начале XX века характеризовалась своими специфическими особенностями. Это было время окончательного укрепления и упрочения марксизма в России как выражения коренных интересов рабочего класса. В трудах В. И. Ленина марксизм был развит дальше и обогащен новыми выдающимися открытиями. На теоретическом фундаменте марксизма вырос ленинизм — высшее достижение русской и мировой культуры, знамя борьбы народов за свободу и независимость.

В начале XX в., когда Россия превратилась в узловой пункт всех противоречий империализма и оказалась наиболее слабым звеном в цепи мирового империализма, перед русскими марксистами встала историческая задача — свергнуть паризм и капитализм в России.

Насущные интересы все усиливавшегося революционного движения трудящихся постоянно требовали защиты марксизма от попыток его ревизии и фальсификации со стороны оппортунистов II Интернационала, дальнейшего творческого развития марксистской науки применительно к новой исторической обстановке. Эта великая задача была выполнена В. И. Лениным.

С первых же шагов своей революционной деятельности В. И. Ленин творчески развивал марксизм в соответствии с новыми задачами революционной борьбы российского и международного пролетариата. «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное, — писал В. И. Ленин

в 1899 г., — мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса».¹

Глубоко проникнув в диалектику общественной жизни, В. И. Ленин прозорливо видел перспективы развития человечества в условиях новой эпохи — эпохи империализма и пролетарских революций.

Отличительной чертой теоретической деятельности В. И. Ленина являлась ее неразрывная органическая связь с русским и международным революционным движением.

В своих гениальных трудах «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?»,² «Развитие капитализма в России», «Что делать?», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Материализм и эмпириокритицизм», «Империализм, как высшая стадия капитализма» и многих других В. И. Ленин отстоял марксизм от всякого рода ревизионистов и поднял его на новую, высшую ступень.

В. И. Ленину принадлежит великая историческая заслуга разработки учения о Коммунистической партии как руководящей организации пролетариата, как оружия пролетариата в борьбе за победу социалистической революции. Он научно разработал идеологические, политические (тактические) и организационные основы марксистской партии, развил дальше марксистскую теорию классовой борьбы как движущей силы развития классового общества, дал глубокий анализ новых форм классовой борьбы в эпоху империализма, указал на решающую роль народа как творца истории, как создателя всех материальных и духовных благ.

В трудах В. И. Ленина всесторонне обоснована необходимость революционного союза пролетариата и крестьянства, в котором он видел главное средство свержения царизма и буржуазно-помещичьего строя в России, высший принцип диктатуры пролетариата.

В. И. Ленин выработал теоретическую программу и политику партии по национальному вопросу.³ В его теоретическом наследии исключительно важное место занимает учение о социалистической революции, диктатуре пролетариата и строительстве социализма.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, стр. 191—192.

² Книгу «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин написал в 1899 г. в Петербурге; здесь же были изданы ее первый и третий выпуски.

³ Основные работы В. И. Ленина, посвященные национальному вопросу, — «Критические заметки по национальному вопросу» и «О праве наций на самоопределение» были напечатаны в большевистском легальном журнале «Просвещение», издававшемся в Петербурге (статья «Критические заметки по национальному вопросу» была напечатана в 1913 г., статья «О праве наций на самоопределение» — в 1914 г.).

Творчески развивая марксизм, В. И. Ленин дал новую установку по вопросу о соотношения между буржуазной и социалистической революциями, разработал теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Впервые в марксистской литературе он сформулировал и обосновал вывод о возможности победы социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Этот ленинский вывод логически вытекал из закона неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма, также открытого им.

Разработанная В. И. Лениным теория социалистической революции указала ясные пути революционного движения, развязала инициативу пролетариата в борьбе со своей национальной буржуазией, укрепила веру трудящихся в неизбежность победы социалистической революции.

Обогащая марксизм в таком важнейшем вопросе, как вопрос о диктатуре пролетариата, и обобщая опыт Парижской Коммуны, а также первой русской народной революции 1905—1907 гг., В. И. Ленин открыл такую политическую форму диктатуры пролетариата, как республика Советов. Это было новое гениальное открытие В. И. Ленина, новый большой шаг в развитии марксистской науки. Открытие В. И. Лениным Советской власти как государственной формы диктатуры пролетариата имело величайшее значение для победы Великой Октябрьской социалистической революции и утверждения социалистического строя в нашей стране.

В. И. Ленин внес огромный вклад в марксистскую философию, политическую экономию, научный социализм. Он обобщил богатейший опыт русского и международного рабочего движения. Вот почему возникший на русской почве ленинизм является в то же время глубоко интернациональным учением, оружием международного пролетариата в его революционной борьбе. Ленинские идеи бессмертны. Их великая, непреборимая сила подтверждена всем ходом истории. Учение Ленина всеильно потому, что оно верно. «Имя Ленина, великого основателя и мудрого вождя Коммунистической партии, неразрывно связано со всей историей нашей партии, с возникновением и развитием первого в мире социалистического государства — Союза Советских Социалистических Республик. Имя Ленина стало знаменем трудящихся всего мира в борьбе за дело мира, демократии и социализма, за светлое будущее народов».¹

Все более широкое распространение марксизма, усилившаяся революционная борьба трудящихся вызвали бешеное озлобление господствующих классов царской России. Для борьбы с революцией они мобилизуют все средства идеологического воздействия на массы, какие только имелись в их распоряжении. В этих условиях усиливается борьба между материализмом и идеализмом в науке.

Громадное значение для защиты материализма в науке имел гениальный труд В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», в котором были глубоко

¹ Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, 1953, стр. 4.

вскрыты корни реакционных течений в философии и естествознании, возникших в конце XIX — начале XX в. В. И. Ленин ярко охарактеризовал ожесточенную борьбу между материализмом и идеализмом в науке, показал, как передовые естествоиспытатели, глубоко убежденные в познаваемости мира, стремятся к изучению законов природы для использования их человеком, как выводы науки противоречат философскому идеализму с его реакционным утверждением о непознаваемости мира. В своей книге В. И. Ленин отстоял и развил дальше теоретические основы марксистской партии — диалектический и исторический материализм.

Условия научной работы в России были исключительно тяжелыми. Царское правительство преследовало прогрессивных ученых, насаждало в научно-исследовательских учреждениях и учебных заведениях реакционные порядки. Научные учреждения и учебные заведения страны испытывали постоянные материальные затруднения. Старейшее научное учреждение страны — Академия Наук, — в котором были сосредоточены выдающиеся научные силы России, не могло в полную меру развернуть свою работу по изучению естественных производительных сил страны из-за отсутствия достаточных средств.

Характеризуя развитие русской науки в XIX в., академик С. И. Вавилов отмечал, что в то время Россия имела много замечательных ученых, могла гордиться длинной чередой важнейших открытий и изобретений, но, за редкими исключениями, наука в ней не была в состоянии систематически и плодотворно влиять на жизнь страны. «Такой разрыв между возможностями, заложенными в народе, между стремлением широких масс к науке, с одной стороны, — подчеркивал академик С. И. Вавилов, — и отсутствием правительственной поддержки — с другой, особенно обострился в последние предреволюционные десятилетия русской науки».¹

Несмотря на разгул философской реакции и на то, что царское правительство всячески тормозило развитие науки, передовые русские ученые самоотверженно трудились в различных областях знания. Были сделаны важнейшие открытия в математике, астрономии, геологии, физиологии и других науках о природе. Многие из этих открытий, как будет показано ниже, являлись крупным вкладом в отечественную и мировую науку.

К началу XX в. все более крепнут зарубежные связи русских ученых. Многие из них с успехом выступают на всемирных научных конгрессах, в 1900 г. русская Академия Наук вступила в основанный тогда Международный Союз академий.

Деятельность ряда видных ученых протекала в Петербурге. Здесь работали математики А. М. Ляпунов, А. А. Марков, В. А. Стеклов, физики Б. Б. Голицын, А. Ф. Иоффе, астроном Ф. А. Бредихин, кораблестроитель

¹ С. И. Вавилов. Тридцать лет советской науки. Вестник АН СССР, 1947, № 11, стр. 33—34.

А. Н. Крылов, химики Н. Н. Бекетов, Д. П. Коновалов, Н. С. Курнаков, А. Е. Фаворский, Л. А. Чугаев. История геологии неразрывно связана с именами А. П. Карпинского — «отца русской геологии», А. Е. Ферсмана и В. И. Вернадского — основоположников геохимии. География была представлена именами П. П. Семенова-Тян-Шанского, А. И. Воейкова, Ю. М. Шокальского. Великий русский физиолог И. П. Павлов продолжал развивать свое учение о высшей нервной деятельности животных и человека. И. П. Бородин и В. Л. Комаров обогатили своими исследованиями ботанику. Работы русских ученых в области естествознания и техники подтверждали глубокую правильность положений диалектического материализма и наносили удар по идеалистическому мировоззрению.

Все области общественных наук, как уже говорилось, были обогащены классическими трудами В. И. Ленина. Свой вклад в общественные науки внесли один из первых русских марксистов Г. В. Плеханов, марксисты В. В. Воровский, М. С. Ольминский и др. Что касается академической и университетской науки, то здесь, в области общественных дисциплин, попрежнему сохраняли свое монопольное положение представители различных буржуазных школ и направлений.

Буржуазные философы вели яростную борьбу против марксизма, все более превращаясь в прислужников реакции, буржуазные экономисты делали попытки опровергнуть коренные положения марксистской политической экономии.

Идейная реакция проявилась и в исторической науке. Борьба против марксизма, тяготение к тематике узко специального характера — вот что характеризовало деятельность буржуазных историков. В то же время работы некоторых из видных историков Петербурга содержали ценный фактический материал, часто впервые вводимый в научный оборот (исследования А. Е. Преснякова, С. Ф. Платонова, Н. П. Павлова-Сильванского и других по истории России, Б. А. Тураева и С. А. Жебелева по истории древнего мира, Н. И. Кареева и Е. В. Тарле по истории Франции).

Византиноведение, славяноведение, литературоведение, фольклористика также развивались по линии накопления новых конкретных материалов. В области языкознания в Петербурге работал А. А. Шахматов, исследования которого по исторической фонетике и исторической грамматике русского языка сохранили свое значение до наших дней. Крупные востоковеды В. В. Бартольд, К. Г. Залеман, В. В. Радлов, С. Ф. Ольденбург занимались изучением истории, языка, фольклора, литературы и искусства стран Востока.

Достижения буржуазных общественных наук чаще всего не шли дальше накопления конкретного материала, который осмысливался учеными с идеалистических позиций. Буржуазные исследователи не были в состоянии делать правильные теоретические выводы и обобщения из собранного ими материала, этому мешало их идеалистическое мировоззрение. Идейный кризис общественных наук являлся отражением той политической обстановки, которую переживала Россия в эпоху империализма.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Суровым был путь развития русского естествознания в конце XIX и начале XX в.

Крупнейшие научные результаты, полученные русскими учеными, порою не находили доступа в промышленность и сельское хозяйство, если не прошли иностранную «апробацию», т. е. если не оказывались присвоенными иностранными фирмами. Царское правительство не понимало роли отечественной науки, пренебрегало ею, относилось к ней с подозрением, предпочитая в случае необходимости заимствовать достижения научной и технической мысли из-за границы.

Россия в XIX в. имела много замечательных ученых, могла гордиться значительным рядом открытий и изобретений, но без прочной материальной базы наука все же развивалась медленно и не стала той могучей силой, которой могла бы сделаться при благоприятных для нее условиях. Наука еще очень мало была связана с жизнью и не опиралась на широкий круг исследователей. Профессия ученого была не только малодоступной, но и неблагоприятной. Но горячие патриоты родины передовые русские естествоиспытатели рассматривали свою научную деятельность как важнейшее общественное дело, как благородное служение народу. Они были страстными противниками «чистой науки». Заботясь о будущем России, они старались содействовать не только ее экономическому, но и культурному развитию, стремились к демократизации науки. Если в начале XIX в. ученые лишь в редких случаях обращались к народу, то к концу 90-х годов ряд петербургских ученых — Менделеев, Докучаев, Мушкетов и другие — читают публичные лекции в здании Городской думы и т. д. Организуется специальное издательство «Общественная польза», выпускавшее не только научную, но и популярную литературу. Очень оживленно и продуктивно протекала деятельность научных обществ. Большое значение имела работа Русского Физико-химического общества, объединившего все тогдашние кадры физиков и химиков, Общества естествоиспытателей и многих других. С 1890 г. работали Математическое общество и Русское Астрономическое общество. В 1892 г. было организовано электротехническое общество, которое созвало в Петербурге I съезд русских электротехников (1899). Позднее (1909) возникло Общество любителей физики и астрономии («любителей мироведения»). Ряд обществ находился при Петербургском университете, при Военно-медицинской академии и других высших учебных заведениях. На заседаниях обществ обсуждались крупнейшие проблемы науки и новейшие открытия ученых.

Русские натуралисты провели в рассматриваемый период огромную работу по естественнонаучному изучению территории России и сопредельных государств. Ведущую роль в организации экспедиций в этот период играло Русское Географическое общество.

Кроме научных обществ, большую роль в развитии естественных наук сыграли съезды естествоиспытателей и врачей, собиравшиеся частью в Петербурге и Москве. Несмотря на притеснения со стороны царского правительства, русским ученым удалось организовать несколько таких съездов и совещаний. Съезды естествоиспытателей и врачей облегчили контакт между учеными и создали условия для болевой продуктивной исследовательской работы.

В годы первой мировой войны встал со всей остротой вопрос об использовании природных минералогических ресурсов. Возможность выписывать минеральное сырье из-за границы, как это практиковалось прежде, была исключена. При Комитете военно-технической помощи организуется Комиссия сырья, задачей которой было изучение природных богатств, их месторождений и использования. В этой работе принимал участие видный русский геохимик академик В. И. Вернадский. По инициативе Вернадского, при активном участии Н. С. Курнакова, была организована при Академии Наук Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). В секциях этой Комиссии начали разрабатываться многие вопросы технической физики, геологии и т. п. Комиссия наметила издание сводного описания известных уже природных богатств и специальных исследований малоизученных районов. Была проведена большая работа и по объединению научных сил.

В период, когда капитализм уже вступил в полосу своего загнивания, когда буржуазия в стремлении удержать свое господство стала прибегать к помощи религии и мистики, новые открытия в естествознании подчас получали идеалистическое истолкование.

Многочисленные идеалистические школы и направления (махизм, неокантианство, прагматизм и т. д.), возникшие в эпоху империализма, имели своей целью духовное порабощение масс. В. И. Ленин в труде «Материализм и эмпириокритицизм» ярко показал, что философское мракобесие, спекулируя на так называемом кризисе естествознания, оказывает тлетворное влияние на многих естествоиспытателей и сбивает их на позиции идеализма.

Ленин показал, в частности, что новейшие открытия физики в области изучения строения материи вскрывали объективные закономерности природы и требовали от физики решительного отказа от идеализма и метафизики в пользу материализма и диалектики.

В напряженной борьбе с реакцией, с идеализмом передовые русские ученые создавали великие ценности, служившие интересам народа. Благодаря самоотверженной деятельности целой плеяды выдающихся ученых-патриотов в последние десятилетия перед революцией русское естествознание находилось на достаточно высоком уровне. В области физико-математических дисциплин Россия блистала именами физиков П. Н. Лебедева и Н. А. Умова, талантливейших создателей русской школы аэрогидродинамики Н. Е. Жуковского, С. А. Чаплыгина и К. Э. Циолковского. В Петербурге протекала деятельность известных всему миру механиков и

математиков А. М. Ляпунова и А. Н. Крылова, крупнейшего математика-аналитика В. А. Стеклова, талантливого физика Д. С. Рождественского и др. Начало XX в. характеризуется дальнейшими успехами физики и образованием новых центров экспериментальных исследований в России.

* * *

В Петербурге в это время имелось несколько очагов развития экспериментальной физики. Заслуживает прежде всего быть отмеченным Петербургский университет, в стенах которого трудился выдающийся исследователь Д. С. Рождественский. Окончив в 1900 г. Петербургский университет, он остался при нем ассистентом, а в 1914 г. был избран профессором. С 1915 г. он занимал должность директора Физического института Петроградского университета. Еще будучи ассистентом, Рождественский сам наметил себе тему и добился решающих результатов в проведенных исследованиях. Классическая работа над аномальной дисперсией паров натрия поставила его в ряд первоклассных экспериментаторов-оптиков своего времени. Работы Рождественского имели большое значение для изучения атома, особенно в связи с теорией знаменитого датского ученого Нильса Бора.

Изучению разнообразных разделов физики посвятил свою жизнь профессор Петербургского университета О. Д. Хвольсон. В сфере его научных интересов были электромагнетизм, оптика, активометрия, метрология и т. д. В период с 1896 по 1915 гг. Хвольсоном был создан «Курс физики», который он читал в Петербургском университете и других высших учебных заведениях столицы. Пять томов этого фундаментального труда многократно переиздавались, в том числе и в советское время. «Курс физики» Хвольсона был переведен на немецкий, французский и испанский языки.

Хвольсон состоял почетным председателем Ассоциации русских физиков, членом множества научных русских и иностранных обществ. Однако мировоззрение этого ученого было весьма противоречиво. Философская позиция Хвольсона была подвергнута критике В. И. Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм».

С Петербургским политехническим институтом тесно связано имя А. Ф. Иоффе. Первые его научные работы начаты еще в лаборатории Рентгена в Мюнхене (1903—1906) и были посвящены исследованию механических и электрических свойств кристаллов и в значительной степени предопределили всю последующую научную деятельность Иоффе (учение о полупроводниках). Иоффе изучал природу упругого последействия твердых тел и установил, что последнее связано с микрокристаллической структурой этих тел и исчезает у монокристаллических образцов. Им впервые был применен для этой цели рентгенографический анализ, который дал правильную картину процессов, лежащих в основе пластической деформации. Эти работы получили техническое развитие в рентгенографическом исследовании раз-

личных микрокристаллических тел, подвергаемых механической обработке (прокатке, вальповке и пр.). Еще в первый период своих исследований Иоффе заинтересовался свойствами диэлектрических кристаллов и показал, что они обладают измеримой электропроводностью, которая быстро возрастает с повышением температуры.

Иоффе занимался изучением и других вопросов; так, он провел блестящие экспериментальные исследования фотоэлектрического эффекта. А. Ф. Иоффе уже тогда явился признанным организатором молодежи и создателем обширной и многогранной школы физиков.

Следует отметить, что в Академии Наук после смерти Б. С. Якоби (1874) развитие физики сильно замедлилось. И лишь с назначением на должность директора Физической лаборатории Б. Б. Голицына (1894) произошел известный перелом. До этого времени лаборатория Академии Наук не имела электрического тока, и для выполнения опытов по электричеству пользовались в качестве генератора электрической энергии гальваническими батареями. При Голицыне помещения лаборатории расширились, пополнились новейшим оборудованием. Несмотря на то, что Физическая лаборатория Академии Наук получала весьма ограниченные средства для своей работы и ютилась в крайне малом помещении, в ее стенах немногочисленным ученым персоналом велась очень интенсивная творческая научная работа.

Все исследования лаборатории произведены были на площади всего в 15 кв. сажен подвального этажа, так как верхняя часть помещения вообще была мало пригодна для экспериментальных исследований и сплошь заставлена шкапами с инструментами и книгами. Кроме того, тут же работал штат вычислителей Сейсмической комиссии. До 1894 г. на содержание лаборатории отпускалось по 1000 руб. в год, причем из них на уплату лаборанту 280 руб. и механику 400 руб. Только с 1912 г. на содержание лаборатории стало отпускаться 6000 руб. в год. Механическая мастерская при Физической лаборатории стала снабжать сейсмографами не только все станции русской сейсмической сети, но и многие заграничные обсерватории. По отзывам специалистов, сейсмографы системы Б. Б. Голицына являлись самыми чувствительными и точными приборами, оставляя далеко позади себя сейсмографы других систем.

При содействии директора Пулковской обсерватории О. А. Баклунда Б. Б. Голицыным была открыта (1906) в подвалах Пулковской обсерватории научная сейсмическая станция, главное назначение которой составляло первоначальное сравнительное изучение различных сейсмических приборов и методов наблюдений. Как на характерную особенность Физической лаборатории необходимо указать на организованное ею весной 1911 г. чтение лекций по сейсмометрии для подготовки персонала Сейсмической комиссии.

К слушанию лекций допущено было много посторонних лиц, изъявивших желание ознакомиться с этой новой наукой. Лекции Голицына были изданы

Сейсмической комиссией под заглавием «Лекции по сейсмометрии». Это сочинение явилось единственным во всей сейсмологической литературе по полноте критического изложения основных вопросов науки. «Лекции по сейсмометрии» были переведены на немецкий язык.

Отдавая большую часть своих сил разработке вопросов сейсмометрии и сейсмологии, Голицын до 1909 г. не прекращал своих работ по экспериментальной физике, работая главным образом в области спектроскопии. Здесь следует отметить его работу по экспериментальному доказательству принципа Допплера и исследование ступенчатого спектрографа Мейкельсона.

Весьма существенное значение имеют исследования Голицына по теоретической сейсмологии — изучение скорости распространения поверхностных сейсмических волн, коэффициента поглощения сейсмической энергии, природы и вероятных причин микросейсмических колебаний, глубины очага землетрясения и т. д.

Труды Голицына легли в основу создания обширной сети сейсмических станций Советского Союза, занимающей одно из первых мест в мировой сейсмической сети. Свыше 130 оригинальных работ было опубликовано Голицыным в различных научных журналах и изданиях. Б. Б. Голицын являлся членом многих иностранных обществ и академий, а с 1911 г. президентом Международной сейсмологической ассоциации. По инициативе Голицына на одном из петербургских заводов начата была постройка аэропланов. В мировую войну (1914—1918) по предложению Голицына было создано Военно-метеорологическое управление. Главной задачей этого управления, во главе которого был поставлен Голицын, являлось обслуживание армейских частей прогнозами погоды, что имело весьма важное значение при применении немцами газов.

Крупное место в развитии мировой астрономической мысли занял академик Ф. А. Бредихин, директор Пулковской обсерватории, создатель механической теории кометных форм и основатель первой русской школы астрофизиков.

Учеником и ближайшим преемником Бредихина был академик А. А. Белопольский, который явился инициатором исследований Солнца. Белопольский прославился также замечательными работами в области астроспектроскопии.

Весьма важные работы в области астрономии выполняла Пулковская обсерватория, закрепившая в конце XX в. свою репутацию необычайной тщательностью и точностью наблюдений. Американский астроном Ньюком, прославившийся, в частности, своими каталогами точных положений звезд, утверждал (1907), что одно наблюдение на пулковском вертикальном круге было равноценно двадцати, тридцати и даже сорока наблюдениям, произведенным привычным наблюдателем на меридианном круге.

По богатству и совершенству своего оборудования Пулковская обсерватория заняла в то время первое место в мире. В ней имелся, в частности, величайший

Пулковская обсерватория в начале XX в. Фотография.

в то время ахроматический телескоп (рефрактор) с диаметром объектива 760 мм.

В 1898 и 1908 гг. Пулковская обсерватория обогатилась двумя отделениями на юге — в Одессе (позже переведено в Николаев) и в Симеизе.

Важным геодезическим предприятием, в котором приняла участие Пулковская обсерватория в 1899—1901 гг. совместно с учеными Шведской Академии Наук, было измерение дуги меридиана на Шпицбергене.

* * *

Математические науки были представлены в Петербурге целым рядом видных ученых.

Весьма крупных успехов добились петербургские математики в области теории вероятностей, где русским ученым давно принадлежала ведущая роль. А. А. Марков и А. М. Ляпунов блестяще продолжили идеи П. Л. Чебышева в этой области.

А. А. Марков. Фотография 80-х годов XIX в.

Теория вероятностей именно благодаря им приобрела необычайно серьезную и строгую основу. Важную роль в развитии теории вероятностей сыграл знаменитый русский математик, академик А. А. Марков. Научное творчество Маркова весьма разнообразно. Многие его труды воспринимаются теперь как классические произведения математики и все еще продолжают питать идеями, методами и постановкой задач новые поколения исследователей. Его классический курс исчисления вероятностей и курс исчисления конечных разностей получил международное признание.

Петербургская математическая школа дала также выдающиеся исследования теории уравнений математической физики.

В Петербургском университете с 1906 г. работал и создал свою школу математической физики один из крупнейших русских математиков В. А. Стеклов, в будущем вице-президент советской Академии Наук. Им были опубликованы работы по общим вопросам математического анализа, а также по теории механических квадратур, по теории упругости и гидродинамики. При всей математической строгости его работ они были посвящены решению конкретных задач научного естествознания. Имя В. А. Стеклова ныне присвоено Математическому институту Академии Наук СССР.

Большую роль в развитии русской математики сыграл знаменитый кораблестроитель А. Н. Крылов.

За годы своего учения в Морской академии Крылов познакомился с математическими идеями своего дяди А. М. Ляпунова, а через него и с идеями П. Л. Чебышева.

Впоследствии он посещал в Петербургском университете лекции виднейших математиков и механиков А. Н. Коркина, Д. К. Бобылева, А. А. Маркова, И. В. Мещерского. Корабельная наука была главным стержнем всей более чем полувековой научной работы Крылова. Вместе с тем он с полным правом занимает почетное место среди наиболее видных деятелей физико-математических наук. Крылову принадлежат крупные изыскания по теории упругости и сопротивлению

материалов. Особенно важное значение имели его работы по теории корабля.

В 1906 г. Крылов прочел в первый раз свой знаменитый курс «Приближенные вычисления» (последние дополненные издания выпущены в 1933 и 1935 гг. Издательством АН СССР). В этот же период он занимался исследованием методов определения орбит комет по малому числу наблюдений. Поводом к тому послужило ожидавшееся в 1910 г. появление кометы Галлея. В 1911 г. Крылов составил весьма интересные «Беседы о способах определения орбит комет и планет по малому числу наблюдений».

В 1912 г. Крылов читает слушателям Морской академии обширный курс «О некоторых дифференциальных уравнениях математической физики, имеющих приложение в технических вопросах» (курс переработан и напечатан в изданиях 1932 и 1933 гг.).

В 1914—1916 гг., будучи инженером-консультантом и организатором кораблестроения, Крылов использует свой досуг для серьезного труда. Он переводит с латинского языка знаменитый трактат Ньютона «Математические начала натуральной философии» — сочинение, которое легло в основу всей системы современного точного знания. Перевод раскрыл перед читателем неуываемую силу этой книги. В 1916 г. А. Н. Крылов, выбранный действительным членом Академии Наук, стал директором Главной физической обсерватории. Крылов доводил свои исследования до таких результатов, которые были непосредственно приложимы в технике. Не случайно, что наряду с исследованиями в области механики он уделял много внимания развитию теории приближенных вычислений. Эти работы имеют большое значение и в настоящее время. Крылов представляет собой блестящий образец ученого, умевшего неразрывно сочетать теорию с практикой.

Для виднейших русских математиков рассматриваемого периода характерно глубокое и постоянное внимание к различным областям практического применения

А. Н. Крылов. Фотография 90-х годов XIX в.

математики. Ученик Чебышева Ляпунов разрабатывал как области математического анализа, пограничные с механикой, так и самую механику. Его труд «Об устойчивости эллипсоидальных форм равновесия вращающейся жидкости» сыграл большую роль в истории механики.

* * *

К концу XIX в. в Петербурге, кроме Академии Наук и университета, существовал ряд высших учебных заведений (Горный, Технологический, Политехнический, Лесной институты, Военно-медицинская академия и т. д.), в которых были созданы химические кафедры и лаборатории. При этом оборудование кафедр и лабораторий по химии некоторых из перечисленных учебных заведений (Политехнический институт и др.) превосходило оборудование лаборатории Академии Наук. Такая децентрализация в значительной степени содействовала росту научных кадров и развитию научных школ.

В Петербурге продолжалась неутомимая научно-преподавательская и общественная деятельность гениального Менделеева. Труды виднейших русских физико-химиков Н. Н. Бекетова, Д. П. Коновалова, основателя физико-химического анализа Н. С. Курнакова, замечательных ученых А. Е. Фаворского и Л. А. Чугаева получили широкую известность и всеобщее признание. Однако условия для широкого развития химических исследований и создания химических школ в дореволюционное время были в высшей степени неблагоприятными. На постройку, оборудование и содержание лабораторий отпускались крайне скудные средства. Исследовательских химических институтов не было совсем.

Между тем в начале XX в., в период бурного развития промышленности, с поразительной быстротой и в непредвиденных размерах изменялись не только теоретические основания химии и физики, но и фактические данные. Появлялись новые объекты химического исследования, выделялись новые отделы науки: физическая химия и электрохимия, фото- и спектрохимия, микрохимия, радиохимия, химия коллоидов и т. д. Новые формы научного исследования вещества требовали новых, более утонченных методов изучения.

Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции химии нашей страны насчитывали в своих рядах немногим более 1000 чел. с законченным специальным образованием. Но только около четверти из них имели непосредственную связь с наукой (преподаватели высших учебных заведений и др.).

В Академии Наук химия была представлена небольшой лабораторией, в которой в конце XIX в. при двух академиках состояло только два штатных и два сверхштатных химика. В 1896—1897 гг. химическая лаборатория после упорных и долгих хлопот Бекетова была расширена и снабжена некоторыми новейшими физико-химическими приборами и инструментами. Это было единственное пере-

устройство химической лаборатории за последнюю четверть века. Для серьезной работы не хватало ни средств, ни помещения. В последние 25 лет перед 1917 г. оставался без изменения и увеличения прежний бюджет лаборатории, составлявший всего 2000 руб. в год, из которых оплачивались электричество, газ, мебель, книги, журналы и т. д., так что на цели научных исследований оставались гроши. При наличии для исследовательских целей столь скромных средств научная работа протекала гораздо менее эффективно, чем это было возможно. Направление деятельности лаборатории определялось по преимуществу характером интересов ее руководителей.

Академик Н. Н. Бекетов являлся физико-химиком. К числу его научных трудов следует отнести исследования о получении металлического рубидия и цезия, о физических свойствах металлов и т. д. Огромной заслугой Бекетова является развитие современной физической химии как самостоятельной дисциплины. Он возродил начинание Ломоносова и впервые ввел физическую химию в качестве особой научной и учебной дисциплины. Более чем за 20 лет до Оствальда Бекетов развивал основные представления современной физической химии. Это позволило И. А. Каблукову еще в 1911 г. отметить, что имя Н. Н. Бекетова, наряду с именами Д. И. Менделеева и А. М. Бутлерова, будет занесено золотыми буквами в историю науки в России.

Другим руководителем академической лаборатории являлся академик Ф. Ф. Бейльштейн — представитель органической химии. Под руководством Бейльштейна и при участии сотрудников химической лаборатории Академии Наук и Петербургского технологического института был составлен многотомный справочник по органической химии, который включает в себя данные о свойствах, способах получения и характерных реакциях всех органических соединений, синтезированных до 1899 г., и содержит обширную библиографию. Бейльштейн передал право выпуска справочника Германскому химическому обществу, которое, начиная с 1918 г., выпускает его 4-е издание. Справочник является и в настоящее время необходимым пособием каждой лаборатории органической химии.

Дальнейшие успехи физических наук показали значение периодического закона Менделеева как основного закона не только химии, но и физики.

Работы Менделеева по изучению растворов были продолжены Д. П. Коноваловым, занявшим после ухода Менделеева (1890) из университета кафедру неорганической химии. Коновалов с самого начала своих исследований встал на точку зрения последовательного развития идей Менделеева. В трудах Коновалова гидратная теория растворов получила дальнейшее подтверждение.

Физико-химик М. С. Вревский, работавший при кафедре физической химии университета (1911), выпустил ряд работ по термохимии растворов, вошедших в мировую литературу. Вревским установлены весьма важные зависимости между температурой, составом пара растворов и парциальными упругостями составных частей его.

Учение Менделеева об определенных и неопределенных соединениях было развито в трудах Н. С. Курнакова и его школы. Одним из первых химиков в России Курнаков ввел в преподавание физическую химию, курс которой он начал читать в Электротехническом институте (1899). В лаборатории общей химии Политехнического института (1902) и в Горном институте Курнаков сосредоточил свою научную деятельность. Он заложил основы физико-химического анализа и создал одну из крупнейших в мире школ в области неорганической химии. Автор более трехсот печатных работ, Курнаков как экспериментатор и теоретик был одним из наиболее выдающихся русских химиков. После избрания в действительные члены Академии Наук (1913) Курнаков получил в свое распоряжение лабораторию общей химии Академии Наук.

К этому времени относится начало деятельности А. А. Байкова. Исключительно интересными были его фундаментальные исследования в области химии сплавов (1902), выполненные им в Институте путей сообщения. Своими исследованиями Байков подтвердил теснейшую связь физико-механических отношений с общими химическими явлениями.

Среди петербургских химиков необходимо упомянуть основателя большой школы комплексных соединений — Л. А. Чугаева, заместившего Коновалова на кафедре неорганической химии в Петербургском университете (1907). Этот отдел химии включает в себя соединения платины, палладия, никеля и др. Разработанные Чугаевым и его учениками методы синтеза комплексов обогатили науку новыми соединениями и привели к открытию ряда закономерностей в их строении.

Достоинным продолжателем бутлеровских традиций, основателем одной из крупнейших школ советских химиков-органиков был профессор органической химии Петербургского университета (с 1902 г.) и Технологического института (с 1899 г.) А. Е. Фаворский. Фаворский развил далее идеи своего учителя в области теории строения. Объектами его исследований являлись преимущественно углеводороды высокой степени неопределенности. Актуальность этих исследований выявилась особенно в последнее время, когда на основе многих выводов Фаворского стала развиваться промышленность синтетического каучука, искусственных смол и т. д. Огромное значение для развития органической химии имеет созданная Фаворским научная школа. Ее представители получили во многих областях химической технологии исключительно большие практические результаты. Достаточно напомнить синтез аммиака, синтез метанола, так называемые процессы ожигания угля и т. д.

Другим представителем органической химии, главой обширной химической школы был Н. Д. Зелинский, который переселился в Петербург после разгрома в 1911 г. министром Кассо прогрессивной профессуры Московского университета. Зелинский в Петербурге занял место директора Центральной лаборатории Министерства финансов, где быстро развил интенсивную научную деятельность. Из

петербургских работ Зелинского особенно заслуживают внимания работы по гидролазу белков (выполнены совместно с В. С. Садиковым), по ароматизации нефти и т. д.

* * *

Обилие материалов, накопленных на протяжении XVIII—XIX вв., поставило перед петербургскими учеными-геологами задачу их научного обобщения.

Ранее созданный (1882) Геологический комитет возглавлял геологические исследования в разных частях России и ставил задачу составления общей геологической карты России в 10-верстном масштабе. Директором Геологического комитета был А. П. Карпинский (1885—1903), позднее его ученик Ф. Н. Чернышев (1903—1914), при котором геологические съемки распространились на Сибирь, Среднюю Азию и Кузбасс. Крупнейшие работы в различных отраслях геологической науки (геологии, палеонтологии, петрографии) принадлежат Карпинскому, специально занимавшемуся геологической историей Европейской России. Одним из свидетельств высокого уровня русской геологической науки является активное участие русских ученых на сессиях Международного Геологического конгресса. Седьмая сессия Международного Геологического конгресса состоялась в Петербурге (1897); на ней ведущая роль принадлежала русским геологам. Геологическим комитетом был сделан доклад о достижениях русской геологии за 15 лет.

Президентом седьмой сессии был избран крупнейший геолог России А. П. Карпинский, а многочисленными экскурсиями руководили другие видные ученые. В начале XX в. (1901) Геологический комитет начал систематическое изучение нефтеносных областей Кавказа, а также изыскания источников водоснабжения и каптажа минеральных вод. До Великой Октябрьской социалистической революции геологической съемкой всех масштабов было покрыто около 10%, а съемкой масштаба 1 : 200 000 и крупнее — меньше 1% (0,69%) поверхности страны. Работа эта, крайне необходимая для страны, тормозилась из-за недостатка средств и специалистов.

Деятельность Геологического комитета была тесно связана с именами таких крупных русских ученых, как А. П. Карпинский, Ф. Н. Чернышев, С. Н. Шкитин, И. В. Мушкетов, В. А. Обручев и др. Результаты деятельности Геологического комитета опубликованы в ряде его периодических изданий: «Труды Геологического комитета», «Известия Геологического комитета», «Вестник Геологического комитета» и др., в отдельных монографических работах.

Геологический и Минералогический музеи Академии Наук в конце XIX и начале XX в. принимали деятельное участие в экспедициях, организованных как Академией Наук, так и различными ведомствами.

Была налажена тесная связь с научными учреждениями других государств путем участия в международных съездах, конференциях.

Геологический музей обогатился крупнейшими коллекциями — Шпицбергенской (1897), Русской полярной (1900—1903) и др. Минералогическим музеем

заведовал академик В. И. Вернадский, сумевший образцово поставить геохимические изыскания. Музей становится в ряды лучших музеев Европы. Возникшая при нем особая Минералогическая лаборатория начала исследования химического состава русских минералов. Были организованы спектроскопические исследования для изучения распространения элементов в земной коре и начато изучение радиоактивных минералов в России. При ближайшем участии Музея Академия Наук приступила к исследованию месторождений радиоактивных минералов на территории России, но развернуть широко эти работы не представлялось возможным из-за отсутствия необходимых средств.

В 1913 г. Академия Наук в четвертый раз ходатайствовала перед правительством о необходимости исследований радиевых минералов в России; это ходатайство совпало с широким интересом общественности к этим вопросам вследствие открывшейся возможности практического применения радия и мезотория в медицине.

Был издан закон (июнь 1914) об ассигновании в распоряжение Академии Наук на три года необходимой суммы для организации экспедиций по исследованию месторождений радиоактивных минералов, а также для создания необходимого оборудования. Работы были организованы значительно шире, чем в предыдущие годы, но они остались незавершенными в связи с наступившей войной.

Имя А. А. Иностранцева наиболее тесно связано с историей геологического образования. Им был создан первый русский курс геологии (в двух томах), выдержавший несколько изданий. Будучи профессором Петербургского университета, Иностранцев являлся воспитателем многих поколений русских геологов, создателем замечательного Геологического и Палеонтологического музея и кабинета в Петербургском университете. Он состоял также профессором Петербургских высших женских курсов, Техниологического института, Военно-медицинской академии, Академии генерального штаба. Иностранцев опубликовал свыше ста оригинальных работ, не считая мелких статей и заметок. Он вел полевые геологические исследования преимущественно в северной части России, частично на Кавказе, Урале, в Донбассе, руководил обследованием Алтая. Иностранцев умело сочетал теоретические работы с практикой, принимая активнейшее участие в разрешении практических вопросов (вопросы водоснабжения Петербурга, изучение минеральных вод на Кавказе и т. д.), в организации геологических исследований в связи с постройкой железных дорог и т. д.

Выдающееся место среди исследователей Средней Азии, Урала, Кавказа занимает И. В. Мушкетов. Неутомимый исследователь-путешественник, он с любовью вел и большую педагогическую работу в Горном институте, в Институте инженеров путей сообщения, а позже на Высших женских курсах и на курсах физического образования. Обладая редким красноречием, Мушкетов увлекал слушателей своими лекциями. Многие его слушатели по Горному институту избирали свои специальности под влиянием его лекций. Мушкетов создал школу рус-

ских геологов — горных инженеров, которые хорошо освоили физическую геологию. Многие ученики Мушкетова стали профессорами и преподавателями геологии в высших школах. Мушкетов являлся автором свыше 120 научных работ и по тому времени образцового двухтомного курса «Физическая геология».

В классическом наследии минералогической науки видное место занимают труды профессора Горного института Е. С. Федорова. Федоров был автором свыше 480 научных и научно-популярных работ. Из них по кристаллографии около 180 работ, по геометрии около 130, по минералогии свыше 50, по геологии около 40 и по петрографии до 30. Им написано около 50 статей на темы общего характера, по философским и общественным вопросам. Федоров — создатель теоретических основ современной кристаллографии, творец теодолитного метода исследования кристаллов и кристалло-химического анализа, открывших новые перспективы для экспериментального изучения вещества. В 1901 г. Академия Наук выставила Федорова кандидатом в свои члены, но он был избран только адъюнктом Академии по кафедре минералогии. Как известно, адъюнктами выбирались обычно начинающие ученые, для 48-летнего профессора, пользующегося мировой известностью (в 1896 г. Федоров был избран в Баварскую академию), это звание звучало как насмешка. Очевидно, реакционные академики не могли простить ученому его свободомыслие и прошлую революционную деятельность. Многие из его начинаний не получили завершения: остались без последствий его повторные заявления об организации Минералогического института, поданная им смета на оборудование лаборатории не была утверждена.

* * *

В начале XX в. в связи с усиленным освоением и заселением окраин России основное внимание географической мысли было направлено на изучение Средней Азии, Сибири, Северного Казахстана и Дальнего Востока. В Арктике экспедиция на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач» открыла архипелаг Северная Земля (1913). Г. Я. Седов организовал экспедицию на Северный полюс.

В конце XIX и в начале XX в. руководителями Географического общества были П. П. Семенов-Тянь-Шанский, А. И. Воейков и И. В. Мушкетов, а затем Ю. М. Шокальский. Создаются атласы, характеризующие состояние сельского хозяйства и промышленности, опубликованы одиннадцать томов коллективного труда «Россия» под редакцией П. П. Семенова-Тянь-Шанского. Усиленно изучаются в целях развития рыболовства и мореплавания моря, омывающие Россию. Обогащение географии громадным количеством данных о природе материков и океанов способствовало успехам в области общей физической географии, дальнейшему обособлению специальных физико-географических дисциплин (геоморфологии, климатологии, океанографии). В географических работах широко используются сравнительный и исторический методы. В. В. Докучаев своими трудами

не только заложил основы генетического почвоведения и географии почв, но и выступил (1899) с весьма плодотворными физико-географическими идеями о «зонах природы», о необходимости изучения природных закономерностей. Существенные успехи были сделаны в это время и в области разработки теории географии. Московский ученый Д. Н. Анучин (1912) обосновал единство общей и региональной географии и необходимость исследования географической среды в ее изменении и развитии. В Петербурге начал свою деятельность в начале века Л. С. Берг, впоследствии крупнейший советский ученый и президент Географического общества.

Основу для действительно научной разработки русской экономической географии дала книга В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» (1899). Эта книга В. И. Ленина содержит глубокий марксистский анализ развития и размещения производительных сил в дореволюционной России.

* * *

Русские биологи на протяжении ряда десятилетий, обогащая и развивая дальше дарвинизм, вели непримиримую борьбу за его основное материалистическое содержание, против реакционного вейсманизма-морганизма и других идеалистических течений в биологии.

Крупнейшим русским и мировым ученым в области биологии был И. П. Павлов, продолживший сеченовскую материалистическую традицию в биологии.

С 1895 г. И. П. Павлов был профессором Военно-медицинской академии по кафедре физиологии и одновременно заведовал Физиологическим отделом в организованном в 1891 г. Институте экспериментальной медицины. Здесь Павлов построил «чистую операционную», которая не уступала по асептике человеческой операционной. Работая в стенах этого института, Павлов выполнил важнейшие свои исследования по физиологии пищеварения и разработал учение об условных рефлексах.

В 1913 г. для исследования высшей нервной деятельности по инициативе Павлова в Институте экспериментальной медицины было построено специальное здание, в котором впервые оборудованы звуконепроходимые камеры для изучения условных рефлексов (так называемая башня молчания).

Еще раньше Павлов опубликовал свой труд «Лекции о работе главных пищеварительных желез» (СПб., 1897). Эта книга была переведена на немецкий, английский и французский языки и благодаря новизне идей, обилию фактического материала и образности изложения имела огромный успех в научном мире. В своем труде Павлов подвел итоги пятнадцатилетней работы по физиологии пищеварения и намечил дальнейшие пути исследования в этой области. «Лекции» явились настоящим руководством для физиологов всего мира. За свои работы по пищеварению И. П. Павлов получил Нобелевскую премию (1904).

И. П. Павлов с ассистентами и слушателями Военно-медицинской академии. Фотография начала XX в.

В этот же период Павловым была открыта новая страница в истории физиологии — «учение о высшей нервной деятельности», или «учение об условных рефлексах».

Своим учением о высшей нервной деятельности Павлов доказал, что без воздействия внешнего мира на органы чувств животных, на их мозг невозможно никакая психическая деятельность, что психика животных есть отражение внешнего объективного мира. Предварительные соображения по условным рефлексам он изложил на XIV Международном конгрессе физиологов в Мадриде (1903). С введением метода условных рефлексов вся деятельность организма стала доступной для объективного изучения. Открылась возможность познавать опытным путем связи организма с внешней средой. Условный рефлекс сделался для физиологии, по выражению Павлова, «центральным явлением», пользуясь которым оказалось возможным все полнее и точнее изучать как нормальную, так и патологическую деятельность больших полушарий. Теория условных рефлексов Павлова нанесла смертельный удар всем антинаучным построениям в области психологии и физиологии высшей нервной деятельности. В течение всей последующей жизни Павлов вместе со своими многочисленными учениками и сотрудниками разрабатывал по существу созданный им заново отдел физиологии — физиологию высшей нервной деятельности.

Не было такой страны в мире, где бы учение Павлова не имело горячих почитателей, учеников и продолжателей. Только в период 1900—1917 гг. он избирается в качестве действительного или почетного члена около ста различных русских и заграничных научных обществ, научных и учебных учреждений. В 1907 г. Павлов избирается академиком Академии Наук по разделу сравнительной анатомии и физиологии (членом-корреспондентом он был с 1901 г.). Уже в это время он состоял почетным членом Нью-Йоркской медицинской академии, Американского физиологического общества, Лондонского королевского медицинского и хирургического общества, Парижского биологического общества и т. д. Ему были присуждены: Королевским медицинским колледжем в Лондоне — золотая медаль Бели (1905), Лондонским королевским обществом — медаль Коплея (1915).

В Америке, Англии, Франции были созданы специальные павловские лаборатории. Лабораторию Павлова посетили сотни экскурсантов из-за границы; в ней работали приславные к Павлову в специальную командировку ученые других стран. Многие ученые вели оживленную переписку с Павловым и его многочисленными учениками по различным вопросам созданного Павловым направления в науке. Журналы по физиологии и психологии печатали десятки статей, посвященных павловскому учению. Однако материалистическое учение Павлова было встречено весьма враждебно рядом реакционных ученых и философов как в России, так и за границей.

Другими крупнейшими физиологами России были Н. Е. Введенский и его ученик А. А. Ухтомский. В 1889 г. Введенский избирается профессором физиоло-

гии Петербургского университета, позже читает курс физиологии животных в Психоневрологическом институте.

В 1909 г. по представлению Павлова он избирается членом-корреспондентом Петербургской Академии Наук.

Введенский был первым русским физиологом, вошедшим в состав постоянного международного комитета по созыву физиологических конгрессов. После смерти Введенского на этот пост был избран И. П. Павлов.

Научные работы Введенского относятся главным образом к электрофизиологии, в которой он скоро сделался одним из общепризнанных специалистов. Основным научным трудом этого периода является книга «Возбуждение, торможение и наркоз» (СПб., 1901), в которой Введенский разрабатывает открытые им закономерности парабоза, лежащие в основе развития некоторых патологических процессов (например шока). С 1905 г. Введенский стал издавать «Труды физиологической лаборатории С.-Петербургского университета», выходявшие вплоть до империалистической войны.

За время своей научной деятельности Введенский привлек к научной работе много молодых ученых, из числа его учеников можно назвать И. С. Беритова (Бериташвили), А. А. Ухтомского, Д. С. Воронцова и др.

Непосредственным продолжателем работ Введенского являлся А. А. Ухтомский — один из крупных руководителей физиологической школы Петербургского университета, разрабатывающей основные проблемы периферической и центральной нервной системы.

Ухтомский предложил (1911) новый подход к изучению деятельности мозга, введя понятие доминанта, т. е. очага возбуждения в центральной нервной системе, который способен усиливаться за счет посторонних раздражений. В своих работах Ухтомский указал на условия, при которых реакции в мозгу идут в том или ином направлении, и подчеркнул важность учета исходного состояния нервной системы.

Ученик Павлова, крупный физиолог Л. А. Орбели, с 1907 г. работал в физиологическом отделе Института экспериментальной медицины. С 1910 г. он стал приват-доцентом, а затем штатным доцентом Военно-медицинской академии. В 1913 г. он вступил в заведование лабораторией физиологии Петербургской биологической лаборатории им. Лесгафта. Наибольшую известность получили его работы в области физиологии нервной системы.

* * *

Потребности растущей капиталистической промышленности в сельскохозяйственном сырье стимулировали развитие интенсивных форм земледелия и животноводства, что поставило перед наукой ряд неотложных вопросов, важных для практики сельского хозяйства — улучшение агрономии и селекции.

Система земледелия, известная под названием комплекса Докучаева—Вильяма, включает метод обработки почвы, уход за растениями, систему удобрений, севообороты, ползащитное лесоразведение, сооружение водосемов, развитие животноводства — целый комплекс мер, ведущих к непрерывному повышению плодородия почв.

Быстрое капиталистическое развитие сельского хозяйства в XIX и начале XX в. ставило перед биологией массу разнообразных вопросов, а также способствовало дифференциации биологических наук на отдельные самостоятельные дисциплины. Например, изучение болезней культурных растений привело к формированию микологии и фитопатологии. Переработка продуктов сельского хозяйства, связанная с использованием деятельности микроорганизмов (процессы брожения, гниения и т. д.) определила рост технической и сельскохозяйственной микробиологии и биохимии. Добыча каменного угля стимулировала развитие палеоботаники и т. д.

В России большой вклад в науку о водорослях внесли Л. С. Ценковский и его ученики. Различные группы грибов изучались М. С. Воронинным, В. А. Траншелем и др.

В конце XIX и первом десятилетии XX в. в систематике растений начало формироваться новое направление, ставящее своей задачей построение филогенетической системы растительного мира, которая отразила бы подлинную картину его эволюции. Среди видных петербургских ботаников следует упомянуть С. И. Коржинского, Д. И. Литвинова, В. И. Липского и др.

В изучении флоры земного шара в этот период были сделаны большие успехи. В конце XIX и начале XX в. выдающийся ботаник В. Л. Комаров, впоследствии президент Академии Наук СССР, изучал флору Средней Азии, Дальнего Востока, Кореи, Маньчжурии, Китая, Камчатки. Эти исследования привели к углублению ботанической географии, в развитии которой выдающуюся роль сыграли также Н. И. Кузнецов и другие ученики А. Н. Бекетова.

В изучении фотосинтеза большое значение имели работы В. Н. Любименко. В развитии учения о дыхании растений заслуживают внимания исследования И. П. Бородина, который показал, что основными веществами, потребляемыми при дыхании, являются углеводы.

Для дальнейшего развития русской физиологии растений наибольшее значение имели две школы, руководимые выдающимися учениками Тимирязева в Петербурге — В. И. Палладиним и в Москве — Д. Н. Прянишниковым.

Талант исследователя и руководителя начинающих у Палладина развернулся после его перехода в Петербургский университет (1901), где он занял кафедру физиологии, и позже на Бестужевских курсах.

Лаборатории двух указанных учреждений составляли как бы научно-исследовательский институт. Многочисленная школа Палладина дала значительную часть русских ботаников-физиологов, среди которых были такие видные ученые,

как С. П. Костычев, С. Д. Львов, Н. А. Максимов, Н. Н. Иванов, О. А. Вальтер и многие другие.

Основным направлением работ лабораторий Палладина было изучение химизма дыхательного процесса, а также тесно связанного с дыханием растений процесса спиртового брожения. В этом направлении нашло себе отражение последовательно материалистическое мировоззрение Палладина и его желание изгнать идеалистическую «жизненную силу» из такого основного процесса жизни, как дыхание.

К числу учеников Тимирязева следует отнести Л. А. Иванова, свыше 35 лет занимавшего кафедру ботаники в Лесном институте. Первой его крупной физиологической работой было исследование превращений в растениях (водорослях) соединений фосфора. Иванову принадлежат весьма ценные исследования водного режима и фотосинтеза у древесных пород. Для учета внешних условий, особенно световых, им был сконструирован ряд специальных приборов. Позже Иванов написал несколько учебников по физиологии, анатомии и систематике растений, в которых были учтены специальные потребности будущих работников лесного хозяйства.

Развитие ботаники в Петербурге не может быть прослежено без краткого очерка работ двух других учеников Тимирязева: почвоведов П. С. Коссовича и цитолога С. Г. Навашина.

Будучи профессором почвоведения Петербургского лесного института (позже Лесотехнической академии), Коссович провел ряд опытов по усвоению фосфора корнями растений, изучил «клевероутомление» почв и т. д. Одним из первых он разработал методику выращивания растений в вегетационных сосудах. В дальнейшем Коссович посвятил себя изучению почвы и стал одним из крупнейших русских почвоведов.

Коссович возглавил (1900) организацию первого в России научно-агрономического органа «Журнал опытной агрономии».

В учении о минеральном питании и связанном с ним вопросе об искусственном удобрении почвы большое значение имели также работы А. Н. Энгельгардта, К. К. Гедройца и др.

С. Г. Навашин от Тимирязева позаимствовал исключительную точность при проведении экспериментальных работ по эмбриологии и цитологии растений и умение излагать их с классической ясностью и убедительностью. Одна из работ, посвященная открытию двойного оплодотворения у покрытосемянных растений (1898), доставила Навашину мировую известность.

Среди ботаников-физиологов ярким представителем биохимического направления являлся С. П. Костычев, продолжительное время работавший вместе с В. И. Палладиным и ставший его преемником и в университете и в Академии Наук.

В 1907 г. Костычев обосновал рядом блестящих опытов идею о тесной генетической связи между анаэробным и нормальным (кислородным) дыханием у расте-

ний. Замечательны работы Костычева по азотному обмену дрожжей и плесневых грибов, по фотосинтезу и т. д.

В Петербургском университете первым начал преподавать физиологию растений А. С. Фаминцын. Он всю свою долгую жизнь посвятил физиологии растений и воспитал ряд выдающихся представителей этой науки. Большую ценность представляет составленный Фаминцыным первый оригинальный русский учебник физиологии растений (1887). Для своих исследований Фаминцын устроил небольшую лабораторию в собственной квартире, так как в университете не оказалось для этого места, а после избрания в академики организовал (1890) при Академии Наук весьма скромную ботаническую лабораторию с одним штатным сотрудником.

Среди физиологов химического направления своеобразное место занимает чрезвычайно талантливый, в свое время мало оцененный М. С. Цвет (1882—1919), работавший в качестве нештатного сотрудника в ботанической лаборатории Академии Наук. В начале XX в. он занялся изучением зеленых и желтых пигментов листьев, применив для их разделения и получения в чистом виде разработанный им чрезвычайно остроумный метод адсорбции их нерастворимыми нейтральными солями. Цвету удалось впервые разложить хлорофилл на два компонента — альфа- и бета-хлорофиллин.

Разработанный им метод адсорбционного анализа получил широкое распространение в химии для разделения различных веществ. Забытое в прошлом имя русского исследователя Цвета стало теперь одним из наиболее популярных имен не только среди биохимиков, но и физико-химиков. Ныне значение хроматографического адсорбционного анализа выходит далеко за пределы биологических наук и признано во многих областях современной физики и химии. Работы Цвета значительно опережали соответствующие исследования иностранных ученых.

Из учреждений, имевших большое значение для развития ботаники, следует отметить в первую очередь Ботанический музей и Ботанический сад. В начале XX в. Ботанический музей значительно расширился, увеличилось штаты и т. д. Вся деятельность музея с конца XIX в. и до начала войны (1914) сосредоточена была преимущественно на изучении отечественной флоры и частью сопредельных стран Азии.

Во главе Ботанического музея стоял видный ученый академик И. П. Бородин, предпринявший капитальное переустройство академического гербария. Вместо одного общего русского гербария решено было образовать отдельно гербарии Европейской России, сибирский, крымско-кавказский, среднеазиатский (туркестанский), западноевропейский и внеевропейских стран. Кроме наметенных, оставался прежде выделенный гербарий споровых. Музей все больше и больше привлекал флористов из различных городов страны, желающих ознакомиться с богатыми коллекциями и библиотекой музея.

Ботанический музей выпускал в начале XX в. свои «Труды», а также «Гербарий русской флоры». Третьим крупным изданием музея являлась «Флора Сибири и Дальнего Востока», первый выпуск которой появился в свет в 1913 г.

Вторым старейшим ботаническим учреждением Петербурга являлся Ботанический сад.

К началу XX в. Ботанический сад вырос в научное учреждение с мировой известностью. Он располагал обширными и разнообразными коллекциями живых и засушенных растений, собранных со всего земного шара. В начале XX в. в Ботаническом саду была закончена постройка большой пальмовой оранжереи высотой 10 сажен и большой новой оранжереи для культуры виктории. Заново были построены две оранжереи. Всего оранжерей насчитывалось до 27; общая протяженность их составляла свыше одного километра. Академические экспедиции пополнили гербарий; было доставлено также значительное количество живых растений и особенно семян. Парк Ботанического сада принял ту планировку, которая сохранилась в основном и теперь. Коллекция живых растений состояла (1905) из 27 790 видов и разновидностей. В продолжении этого периода Ботанический сад неоднократно участвовал в международных выставках и получил большое количество наград. В 1916 г. было создано Русское Ботаническое общество, во главе которого стояли такие крупные ученые, как И. П. Бородия, В. И. Палладин, В. Л. Комаров, С. П. Костычев, В. Н. Сукачев.

* * *

Изучению животного мира в России способствовали различные экспедиции, которые были организованы Академией Наук и Русским Географическим обществом. К началу XX в. относятся знаменитые географические экспедиции в Центральную Азию, на окраинные территории России, главным образом Азиатской. После Пржевальского его преемник и продолжатель исследования Центральной Азии П. К. Козлов привез обширнейшие зоологические коллекции из Тибета, Монголии, Сычуани. Активный деятель Русского Географического общества Г. Е. Грум-Гржимайло исследовал в начале XX в. географию, историю и этнографию западной Монголии, Тувы (Урянхайский край), путешествовал по Дальнему Востоку, Туркмении и Закавказью.

Фауну русских морей изучал Н. М. Книпович — участник ряда комплексных экспедиций в Ледовитый океан, Каспийское, Черное и Азовское моря. К. М. Дерюгин изучал фауну Кольского залива и Баренцова моря.

Мощное развитие (начало XX в.) получили систематика и морфология, появился ряд монографий и учебников. Н. В. Насонов основал издание серии монографий — «Фауна России и сопредельных стран» (1911). Крупные работы по морфологии беспозвоночных животных с широким теоретическим обобщением опубликовал В. М. Шимкевич. Он также написал «Биологические основы зоологии» (1900) и «Курс сравнительной анатомии позвоночных» (1905).

В. Т. Шевяков дал ряд капитальных исследований по простейшим. Энтомолог А. П. Семенов-Тянь-Шанский известен своими теоретическими обобщениями в области систематики («Таксономические границы вида и его подразделений», 1910).

Н. А. Холодковский написал «Учебник зоологии и сравнительной анатомии» (1905), «Краткий курс энтомологии» (1890) и дал ряд монографий по биологии и систематике насекомых.

В Петербурге издавался специальный «Русский зоологический журнал» (1916).

Существенную роль в развитии зоологии играли научные общества. Наиболее крупным из них было общество естествоиспытателей с его отделением зоологии и физиологии, возглавлявшимся А. С. Догелем.

Исключительно большую роль в развитии зоологии в России играл Зоологический музей. По размерам своих научных богатств Зоологический музей Академии Наук стоит в ряду с первоклассными музеями Западной Европы. Главный состав его коллекций представляет фауну России и сопредельных с нею стран. Музей играл исключительно важную роль при выяснении различных вопросов по систематике и распространению животных, населяющих территорию России. К его помощи обращалось большинство русских зоологов, фаунистов и систематиков. Весьма многие иностранные зоологи-систематики также пользовались коллекциями Зоологического музея.

К концу 1880-х годов в Зоологическом музее числилось около 340 тыс. экземпляров. За последние двадцать пять лет перед первой мировой войной происходил бурный рост поступлений — поступило более двух с половиной миллионов экземпляров, из которых более полутораста тысяч составляли позвоночные животные. Наибольшее число поступлений было в 1911 г. — до 255 836 экземпляров, из которых 242 761 — беспозвоночных животных и 13 075 — позвоночных.

Результаты научных работ помещались в общих зоологических изданиях Музея, а также в специальных сериях работ, касающихся обработки определенных коллекций и изданных Академией Наук, реже в других академических изданиях как, например, «Записки» и «Известия» Академии.

К изданиям Музея принадлежит «Ежегодник Зоологического музея Академии Наук», который начал издаваться в 1896 г. До 1914 г. выходило по одному тому в год, в составе четырех выпусков. Другое издание Музея — «Фауна России и сопредельных стран» — начало выходить значительно позже (1911) и включает в себе не только сводку литературных данных, но главным образом результаты обработки коллекций Музея в виде монографий, составленных по одному плану и содержащих систематическое описание, сведения о географическом распространении и образе жизни.

* * *

Несмотря на значительную дифференциацию биологических дисциплин, сохранилась связь между ними и смежными с ними дисциплинами (медициной, физикой, химией).

Теоретические идеи и практическая деятельность выдающихся представителей медицины были основаны на всестороннем учете анатомических и физиологиче-

ских данных. Со своей стороны, медицинская практика продолжала обогащать исследования физиологов.

В Военно-медицинской академии по многим специальностям работали выдающиеся ученые, давшие первоклассные работы. Ученые академии, стоя на позициях творческого дарвинизма, создали новые эволюционные направления в анатомии (П. Ф. Лесгафт, В. Н. Тонков), физиологии (Л. А. Орбели), гистологии (Н. Г. Хлопин), паразитологии (Е. Н. Павловский), фармакологии (Н. П. Кравков), невропатологии (М. И. Аствацатуров) и др.

Особенностью развития науки в Военно-медицинской академии было стремление ученых приблизить свои дисциплины к практике медицины и здравоохранения, придать им общественный характер. В этом отношении достаточно сослаться на имена хирурга Н. В. Склифосовского, гигиениста Г. В. Хлопина и многих других.

Вопросу улучшения народного здравоохранения была посвящена работа Комиссии профессора Рейна, составившей (1914) обширный проект об учреждении в России «Главного управления государственного здравоохранения».¹

Однако до Великой Октябрьской социалистической революции научная работа велась, как правило, без достаточной материальной поддержки, по личной инициативе ученых.

Весьма большой труд, вложенный виднейшими деятелями Военно-медицинской академии в дело медицины, в дело создания профилактического направления, часто оказывался бесплодным и безрезультатным.

ТЕХНИКА

В эпоху империализма Петербург продолжал оставаться крупнейшим промышленным центром и, что особенно важно, главным центром машиностроения, этой основы основ для развития машинной техники.

В Петербурге, являвшемся одним из важнейших узлов водных путей и железных дорог, находился и самый крупный из всех портов страны. Здесь же был и основной центр судостроения.

На заводах и верфях, на фабриках, в железнодорожных и портовых мастерских Петербурга были сосредоточены наибольшие, чем где-либо в стране, массы передовых рабочих, мастеров и инженеров. Труд их сочетался с творчеством передовых ученых, занимавшихся подготовкой специалистов и развитием технических наук в высших учебных заведениях Петербурга.

Вплоть до самого конца XIX в. в Петербурге, однако, продолжали все еще оставаться только лишь те немногие высшие технические учебные заведения, которые были основаны до 1861 г. в условиях феодально-крепостнической России. Быстрое развитие крупной промышленности, рост отдельных предприятий,

¹ Такое учреждение было создано (1916), но к работе так и не приступило.

обусловленный концентрацией капитала, настоятельно требовали все большего количества инженеров, основным поставщиком которых до 1917 г. оставался Петербург. Иностраный капитал, занимавший ключевые позиции в промышленности царской России и препятствовавший развитию русской техники, стремился восполнить недостаток инженеров за счет приглашения немецких, английских и других зарубежных специалистов, далеко не всегда имевших даже дипломы инженеров.¹

Академия Наук в Петербурге начала сокращать во второй половине XIX в., а к началу XX в. почти совсем прекратила работы в области технических наук. Научно-исследовательских институтов, работающих в области техники, в дореволюционные годы не было.

Стаким положением не могли мириться передовые русские ученые и инженеры, много лет упорно боровшиеся за создание новых отечественных высших технических учебных заведений.² Только на рубеже XX в. удалось основать в Петербурге, впервые за годы капиталистического развития, новые высшие технические школы — Электротехнический институт (1898) и Политехнический (1899). Основатели Петербургского политехнического института, в числе которых были Д. И. Менделеев, А. С. Попов и Д. К. Чернов, надеялись превратить его в высшее техническое учебное заведение нового типа — своеобразную академию по подготовке инженеров самой высокой квалификации, по воспитанию научных работников и преподавателей технических дисциплин для высших учебных заведений страны.³

Петербург попрежнему оставался основным центром развития отечественной технической печати. Но наряду с ранее основанными техническими журналами, издававшимися заинтересованными правительственными учреждениями, все чаще стали появляться периодические издания, основанные обществами русских инженеров: «Известия общества гражданских инженеров» (с 1895 г.), «Вестник общества морских инженеров» (с 1898 г.), «Бюллетени общества инженеров-электриков» (1903 г.), «Бюллетени общества технологов» (1903—1904 гг.) и др.⁴

За 1895—1917 гг. общее количество технических периодических изданий в Петербурге составило свыше 120 названий. Некоторые из них быстро заканчивали свое существование, но многие издавались годами,⁵ а то и на всем протяже-

¹ Среди иностранцев, заведовавших промышленными предприятиями в России, в те годы только 45,8% имело высшее или хотя бы среднее техническое образование (Техническое образование, 1893, кн. 4—5, стр. 56).

² Реакционеры, стремившиеся задержать развитие высшей школы, распространяли вымыслы о якобы «непроизводстве интеллигенции». В действительности в те годы даже среди директоров заводов и фабрик число лиц, не имевших никакого технического образования, достигало в машиностроении — 45,6%, в сталелитейном и рельсовом производстве — 57,8%, на текстильных предприятиях — 75% (Техническое образование, 1894, кн. 2, стр. 122—130 и др.).

³ Об учреждении Политехнического института в Петербурге. СПб., 1900, стр. 56—61.

⁴ Одним из важнейших видов изданий были «Труды», «Известия», «Записки», систематически выпускавшиеся всеми высшими техническими учебными заведениями.

⁵ «Всемирное техническое обозрение» (1898—1916), «Железнодорожное дело» (1882—1916), «Теплоход» (1911—1916).

А. С. Попов. Фотография начала XX в.

нии рассматриваемого периода.¹ Ряд журналов был посвящен самым передовым отраслям техники, только лишь зарождавшимся в те годы.²

Серьезное значение для развития техники и технических наук имели технические выставки и съезды, организовывавшиеся в Петербурге.

На рубеже XIX—XX вв. здесь состоялся I Всероссийский электротехнический съезд. Из многих других съездов, происходивших в рассматриваемое время в Петербурге, назовем III и VI Всероссийские электротехнические съезды (1903—1904 и 1910—1911), I Менделеевский съезд по общей и прикладной химии (1907) и II Менделеевский съезд по общей и прикладной химии и физике (1911), I Всероссийский воздухоплавательный съезд (1911), Съезд деятелей, занимающихся построением и применением двигателей внутреннего сгорания (1911), Съезд по горному делу, металлургии и машиностроению (1913). Очень активно работало Русское Техническое общество. Протоколы и отчеты Русского Технического общества показывают, что для своего времени оно было одним из передовых центров по развитию техники и технических наук. К началу XX в. в его составе деятельно работали девять отделов: Химическая технология и металлургия, Механика и механическая технология, Инженерно-строительное и горное дело, Техника военного и морского дела, Фотография и ее применения, Электротехника, Воздухоплавание, Железнодорожное дело, Техническое образование. К 1896 г. общество имело 23 отделения в стране. Кроме своего основного журнала «Записки Русского Технического общества», общество издавало журналы «Электричество», «Железнодорожное дело», «Техническое образование».

Значительных успехов удалось достигнуть, организовывая специальные постоянно действующие комиссии при Русском Техническом и других обществах.

Передовые русские инженеры и ученые, работавшие в Петербурге, неутомимо изыскивали разнообразные новые пути для развития отечественной техники. При этом приходилось непрерывно преодолевать сопротивление реакционеров, мешавших развитию техники и технических наук и работавших перед иностранщиной. Все время шла борьба русских изобретателей и инженеров с иностранными фирмами, всеми способами препятствовавшими развитию русской науки и техники, систематически стремившимися присваивать себе русские изобретения. Это ярко проявилось в том, что проделала фирма «Стефен и Леман», начиная с 1896 г., против русского изобретателя Ф. Щербакова, создавшего оригинальную телеграфно-телефонную систему. После десятилетней тяжбы, изобретатель в жалобе, поданной в 1906 г. в Сенат, писал, будучи доведенным до отчаяния: «Хочешь лишиться чести и сделаться в глазах общества подлецом, то будь

¹ «Горный журнал» (1825—1916), «Инженерный журнал» (1857—1916) и др.

² «Автомобиль» (1902—1916), «Воздухоплаватель» (1903—1913), «Автомобильное дело» (1907—1910), «Аэро- и автомобильная жизнь» (1910—1914), «Вестник воздухоплавания» (1910—1913), «Техника воздухоплавания» (1912—1916), «Мотор» (1913—1914).

прежде всего гражданином Российской империи и сделай какое-нибудь имеющее меновую ценность изобретение».¹

В лучших домах на центральных улицах Петербурга находились богато обставленные конторы иностранных фирм, ревниво следивших за тем, чтобы на заводах России господствовало импортное оборудование, и стремившихся прибрать к своим рукам и самые заводы, и замечательные начинания русских техников.

Иностранные капиталисты, как правило, категорически отвергали просьбы высших технических учебных заведений о допуске на заводскую практику студентов и даже выступили с угрозой вообще прекратить прием русских инженеров на заводы.² Это было вызвано ростом среди русских техников революционных настроений, протеста против произвола самодержавия. Такой протест особенно ярко проявился в Петербургском политехническом институте на следующий же день после массового расстрела 9 января 1905 г.

Передовые ученые-политехники, собравшиеся на экстренное заседание 10 января 1905 г., единогласно решили прекратить в знак протеста все занятия в институте, немедленно уведомив об этом всех студентов.³ Не ограничиваясь тем, что институт присоединился тем самым к всеобщей забастовке, начавшейся тогда в Петербурге, Совет института с предельной четкостью выразил свое глубокое негодование по поводу «массового расстреливания», указав, что «в России не обеспечена даже самая жизнь мирных граждан». К решению Совета единодушно присоединились все студенты и все профессора и преподаватели, не входившие в состав Совета. Тогда же начали забастовку Технологический, Электротехнический институты и некоторые другие высшие учебные заведения Петербурга. Приведен-

С. О. Макаров. Фотография начала XX в.

¹ История одного изобретения. М., 1906, стр. 1—6.

² ЦГИАЛ, ф. 25, оп. 1, № 5848, л. 78.

³ Там же, лл. 38—44 об.

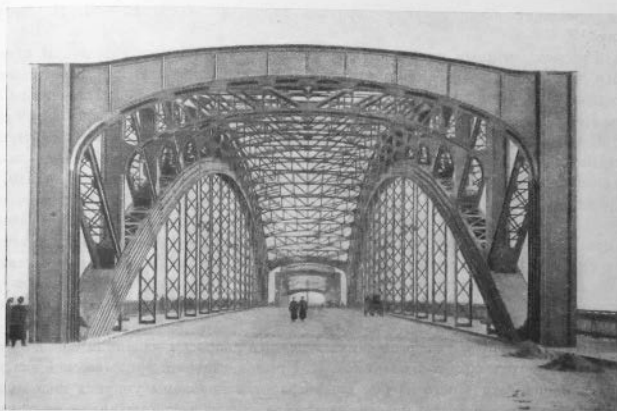
ное решение Совета Политехнического института было принято такими выдающимися русскими учеными, имена которых навсегда вошли в историю науки и техники, как химики Н. С. Курнаков и Н. А. Меншуткин, металлурги А. А. Байков, М. А. Павлов и П. П. Федотьев, механик И. В. Мешерский, кораблестроитель К. П. Боклевский, электротехник М. А. Шателев, петрограф Ф. Ю. Левинсон-Лессинг и другие во главе с директором института А. Г. Гагариным, одним из основоположников теории и конструирования машин для механического испытания материалов. Особого внимания заслуживает то, что все названные ученые, дожившие до Великой Октябрьской социалистической революции, сразу же стали на сторону советской власти и заслужили своим творчеством высокое признание народа.

В 1895 г. А. А. Ржешотарским, учеником Д. К. Чернова, была создана первая в России металлографическая лаборатория на Обуховском заводе в Петербурге. В 1898 г. он же выпустил первый классический обобщающий труд по металлографии — «Микроскопические исследования железа, стали и чугуна». Большой шаг вперед в металлографии сделал Н. С. Курнаков, ставший впоследствии академиком (1913) и широко известный как основатель физико-химического анализа и создатель одной из крупнейших научных школ в области общей и неорганической химии. В 1899 г. Н. С. Курнаков организовал Металлографическую комиссию для исследования сплавов при Русском Техническом обществе.¹ Продолжая и развивая начинания Д. К. Чернова и его последователей, русские ученые и инженеры, работавшие в этой комиссии, выполнили выдающиеся исследования в области металловедения. Успеху их много способствовали приборы, созданные в России, в том числе оригинальный регистрирующий пирометр, изобретенный Н. С. Курнаковым в 1903 г. Русские ученые Н. Ф. Лабзин, Н. Т. Беляев и другие опубликовали ряд трудов, посвященных металловедению.

Значительный вклад в дело развития науки о металле был внесен учеными А. Л. Бабониным, Г. Л. Тагеевым и другими, объединившимися в Рельсовой комиссии, начавшей работать в 1899 г. при Инженерном совете Министерства путей сообщения и опубликовавшей в 1906 г. основные итоги своих исследований рельсовой стали.² Науку о металлах обогатили классические труды профессоров Петербургского политехнического института (ставших при советской власти академиками и Героями Социалистического Труда) А. А. Байкова по общей теории металлургических процессов и М. А. Павлова по теории производства чугуна, по определению размеров и проектированию доменных и мартеновских печей.

¹ Записки Русского Технического общества, 1900, № 1, стр. 3. Только через четыре года появилась вторая подобная комиссия, организованная профессором Таммавом при Геттингенском университете в Германии. См. доклад А. Карвинского, В. Вернадского и др. от 2 ноября 1913 г. (Архив АН СССР, ф. 701, оп. 2, № 12, лл. 126—127).

² На Миланской выставке 1906 г. труды Рельсовой комиссии получили почетный отзыв, а ее сотрудники награждены золотыми медалями.

Озernский мост. Фотография.

Основным центром развития горной науки и техники продолжал оставаться Петербургский горный институт, старейшее высшее техническое учебное заведение страны. Здесь работали лучшие геологи страны во главе с А. П. Карпинским. Профессор Петербургского горного института В. И. Бауман являлся главой и организатором русской школы маркшейдеров, основоположником геофизических способов разведки полезных ископаемых. Здесь же трудился Б. И. Бокий, зачинатель применения аналитических расчетов в проектировании рудников и шахт, выполнивший основополагающую работу для превращения горного искусства в горную науку, основанную на математических методах.

Из стен Петербургского горного института вышел непревзойденный знаток Довнецкого бассейна Л. И. Лутугин, разработавший методику детального геологического картирования, автор многих важных теоретических обобщений, имеющих огромное значение для разведки и разработки каменноугольных месторождений. Один из самых активных организаторов и деятелей Русского Технического общества, он вел общественную работу по многим важным направлениям. Его борьба в годы первой русской революции против произвола царского самодержавия была высоко оценена народом. В 1915 г. на его похоронах, в организации которых принимали участие А. М. Горький и В. Г. Короленко, во главе траур-

ной процессии несли венок с короткой надписью: «1905 г. — Л. И. Лутугину».¹

Русские ученые и инженеры, работавшие в Петербурге, выполнили много важных работ для развития теоретической и технической механики, теории машин и механизмов, машиностроения. Один из участников экстренного заседания Совета Политехнического института, объявившего 10 января 1905 г. забастовку в ответ на «Кровавое воскресенье», И. В. Мецкерский навсегда вошел в историю науки и техники как один из создателей научных основ реактивной техники. Современные исследователи опираются на его труды «Динамика точки переменной массы» (1897), «Уравнения движения точки переменной массы в общем случае» (1904). Профессор механики Петербургского университета Д. К. Бобылев создал много важных работ, от оригинального курса аналитической механики (1880—1884) до «Статики твердого тела» (1912).² Одним из его учеников был знаменитый математик и механик А. М. Ляпунов, создавший современную теорию устойчивости движения, имеющую решающее значение для авиации и других областей техники, где приходится иметь дело с большими скоростями.

Ценнейшие труды также по самым сложным вопросам механики еще в дореволюционные годы создал академик А. Н. Крылов, ставший при советской власти Героем Социалистического Труда. Он разработал проблемы упругих колебаний механических систем, создал классический курс теоретической механики, выдвинул и обосновал много важных теорий в области компасного дела, баллистики, астрономии, был непревзойденным кораблестроителем. Крылов получил общее признание во всем мире как крупнейший из всех ученых, создавших теорию корабля. Научно обосновывая и развивая идеи С. О. Макарова, он разработал учение о непотопляемости судна, имеющее огромное практическое значение. Он написал ряд основных курсов по теории корабля и в том числе курс «Вибрация судов» (1908). Из рядов воспитанных им еще в дореволюционные годы кораблестроителей вышли ставшие выдающимися советскими учеными-кораблестроителями академики В. Л. Поздюнин и Ю. А. Шиманский, член-корреспондент АН СССР П. Ф. Папкович, автор классических работ по строительной механике корабля.

Продолжая начатую И. А. Тиме и другими русскими учеными разработку научной теории резания металлов, петербургские политехники Н. Н. Саввин и Я. Г. Усачев расширили и углубили понимание сущности процессов, происходящих при резании. Л. В. Ассур опубликовал классический труд по теории механизмов, справедливо считающийся одним из основополагающих в этой области. Замечательные работы по теории гироскопов, по вопросам влияния трения на работу регулируемых систем написал Е. Л. Николаи, создавший также трехтомный курс теоретической механики. В. Г. Галеркин, ставший при советской власти ака-

¹ А. А. Гапеев. Геолог Л. И. Лутугин. Индустрия социализма, 1939, № 5, стр. 45—48.

² А. М. Ляпунов. Дмитрий Константинович Бобылев. Пгр., 1917.

Первый русский теплоход «Ванда» на Неве. Фотография. 1903 г.

демником и Героем Социалистического Труда, начал с 1909 г. публиковать свои труды по теории продольного изгиба, изгиба прямоугольных пластинок и другие по строительной механике и теории упругости. В. Л. Киршичев заложил научные основы современного учения об усталости металла. Работы, опубликованные в те годы А. А. Раддигом, принесли ему славу зачинателя научных основ современного паротурбостроения.

Работы по технологии машиностроения, по испытаниям и расчетам двигателей внутреннего сгорания, паровых, гидравлических и воздушных машин, выполненные русскими учеными в Петербурге, немало способствовали развитию отечественного машиностроения, но использовались они крайне недостаточно, ибо не находили часто признания в царской России.

В 1899 г. в Петербурге была завершена работа по созданию одного из самых важных двигателей современности. Это — двигатель внутреннего сгорания тяжелого жидкого топлива с самовоспламенением от сжатия, обычно известный под названием «дизель». Созданием такого двигателя занимался немецкий ученый Р. Дизель с 1893 г. Однако только после его усовершенствования на заводе Нобеля на Выборгской стороне в Петербурге был создан двигатель, надежно работающий в производственных условиях. В Англии и других странах он получал тогда название «русский двигатель».¹ В 1903 г. русские инженеры, работавшие здесь же,

¹ Теплоход, 1911, № 1—2, стр. 5.

впервые установили эти двигатели на судне «Вандал», ставшем родоначальником современных теплоходов. В дальнейшем русские инженеры решили много важных задач для теплоходостроения, ввели реверсивные механизмы для обратного хода, но их начинания были плохо использованы в царской России.

Также крайне недостаточно были использованы труды внесших много нового для развития химической технологии русских ученых, инженеров и изобретателей, работавших в Петербурге. Не получила признания выдвинутая Д. И. Менделеевым идея подземной газификации углей.

По существу остались без должного использования труды Н. С. Курнакова в области соляного дела, начатые им с 1885 г. и имевшие огромное значение для техники, так же как и открытие им в 1916 г. вместе с К. Ф. Белоглазовым богатейшего месторождения калийных солей в районе Соликамска.¹ Не встретили справедливой оценки и поддержки труды работавшего в Петербурге А. Е. Фаворского, работы которого по изучению внутримолекулярных перегруппировок имели огромное теоретическое значение и позволили в дальнейшем осуществить промышленное производство таких важных продуктов, как пластмасса, органическое небьющееся стекло, синтетический каучук.² Не были должным образом оценены и использованы и труды петербургского профессора С. В. Лебедева, еще в 1913 г. опубликовавшего монографию «Исследования в области полимеризации двууглеродных углеводородов». Здесь он обобщил свои открытия о способности углеводородов ряда дивинила давать каучукоподобные продукты.³ Это был путь, по которому С. В. Лебедев пришел уже при советском строе к созданию первого промышленного метода производства синтетического каучука.

В царской России не были должным образом использованы также и многочисленные открытия и изобретения русских электротехников.

Еще в 1850 г., как вспоминал В. Либкнехт, К. Маркс сказал, что на место пара становится «неизмеримо более революционная сила — электрическая искра».⁴

Через полстолетия после этих пророческих слов перед мировой общественностью была продемонстрирована выдающаяся роль в деле создания электротехники русских ученых, инженеров и изобретателей, а из них прежде всего тех, кто работал в Петербурге — главном центре развития техники и технических наук в дореволюционной России.

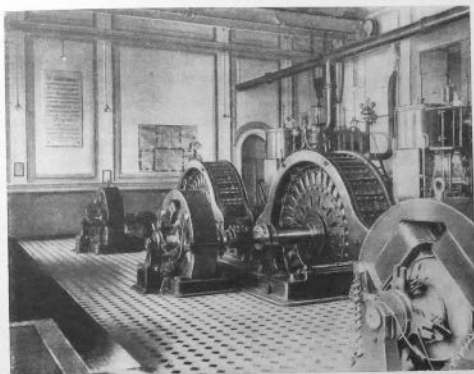
27 декабря 1899 г.—7 января 1900 г. состоялся в Петербурге I Всероссийский электротехнический съезд. Открывая его, председатель Н. П. Петров указал, что именно русское изобретение — электрическая свеча П. Н. Яблочкова — дало электротехнике такой же сильный толчок на пути разнообразнейших при-

¹ Н. С. Курнаков, Собрание избранных работ, т. I—II, М.—Л., 1936—1939.

² Алексей Евграфович Фаворский, М.—Л., 1947, стр. 12—20.

³ Сергей Васильевич Лебедев, М.—Л., 1947, стр. 6—36.

⁴ К. Маркс, Избранные произведения, т. I, 1937, стр. 75.

Машинный зал Аничковой электростанции, одной из первых в Петербурге. Фотография 1900 г.

менений электричества, какой паровая машина Уатта дала применению пара в промышленности».¹

В речи Н. П. Петрова и докладах участников съезда было раскрыто величие вклада русских электротехников во все области новой отрасли техники со времен М. В. Ломоносова и В. В. Петрова и кончая трудами изобретателя радио А. С. Попова и творца современной техники трехфазного переменного тока М. О. Доливо-Добровольского.² Доклады А. С. Попова, Н. П. Петрова, М. О. Доливо-Добровольского, Н. С. Курякова, Г. О. Графтио, М. А. Шателена и многих других развернуто показали достижения мировой науки и техники в строительстве электрических станций, передаче и распределении энергии, в развитии электротехнической промышленности, в применении электричества в горном деле, металлургии, машиностроении и других отраслях производства, на транспорте, в связи, в коммунальном хозяйстве и в быту.

На выставке, организованной к съезду, были продемонстрированы образцы электрических приборов, изготовленных русскими рабочими, обучавшимися в школе рабочих-электротехников Русского Технического общества. Здесь же

¹ Труды Первого Всероссийского электротехнического съезда 1899—1900 гг. в С.-Петербурге, т. I, СПб., 1901, стр. 106.

² Там же, стр. 103—290; т. II, СПб., 1901, стр. 1—380; т. III, СПб., 1901, стр. 1—459; т. IV, СПб., 1901, стр. 1—337.

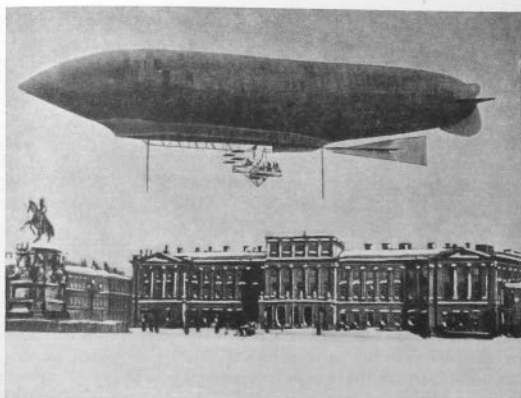
были показаны сварные изделия Н. Г. Славянова, двигатель В. А. Великанова, топка А. С. Ломшакова, электроприборы В. А. Тюриня и другие изобретения, созданные в Петербурге. В. В. Добротворский выступил с замечательным проектом электроснабжения Петербурга гидростанциями на рр. Волхове, Нарове и Вуоксе.

В 1900 г. основные итоги русского творчества в области электротехники были представлены в Париже всему ученому миру в докладах на Международном Электротехническом конгрессе и в экспонатах Всемирной выставки.

Русская техническая мысль гордится одним из величайших открытий — изобретением радио, принадлежащим А. С. Попову. Великое открытие Попова состояло прежде всего в продемонстрированном им в 1895 г. приборе, при помощи которого можно было принимать отдельные разряды (грозоотметчик). Через год (март 1896) Попов продемонстрировал передачу на 250 м электрическими сигналами букв, образующих имя основателя учения об электромагнитных волнах — Генриха Герда. Это была первая радиограмма. Позже (1897) Попов установил радиосвязь между кораблем, находящимся в море, и берегом. Все опыты с электромагнитными волнами Попов должен был производить, не имея никаких специальных ассигнований. Необходимые приборы изготовлялись им самим. Он имел возможность производить опыты только летом, так как остальное время был занят преподавательской деятельностью в Минном классе в Кронштадте и других школах. Непонимание важности нового средства связи в высших кругах тормозило работу Попова. Только в 1898 г. удалось построить две полные приемно-передающие станции, с помощью которых (между учебным судном «Европа» и крейсером «Африка») была установлена беспроволочная связь на расстоянии до 8 км. Попов был горячим патриотом своей родины. Когда работы Попова по применению радиосвязи на кораблях обратили на себя внимание за рубежом и Попову стали предлагать переехать для работы за границу, он решительно отказался. Попов, как подтверждается документально, произвел свои опыты ранее Маркони. Приоритет Попова неоднократно был признан решениями по патентным делам, экспертизой научных обществ и научной печатью всего мира.

Среди выставочных призов, пришедшихся на долю петербургских ученых и изобретателей, была медаль Всемирной выставки 1900 г. в честь творца радио А. С. Попова.

Мировое признание заслуг русских электротехников сочеталось, однако, с крайне недостаточным использованием плодов их творчества в условиях царской России. Так, А. А. Троицкий, В. Н. Чиколев, Н. П. Булыгин, Н. В. Смирнов и другие строители первых электростанций в Петербурге внесли массу нового в производство, передачу и распределение электроэнергии. Во всем мире при строительстве крупных электростанций опирались на достижения этих замечательных людей во главе с М. О. Доливо-Добровольским. В царской же России крупных электростанций по сути дела совсем не было. Установленная мощность двигателей

Управляемый аэростат над Мариинским дворцом. Фотография начала XX в.

наибольшей из гидроэлектростанций в царской России (Гиндукушейской) составляла к 1917 г. всего лишь 1590 л. с.

Гнилость и бессилие царской России ярко проявились в том, что произошло с омертвленными тогда проектами гидроэлектроцентралей. Автор проекта электроцентрали на Волхове, разработанного в 1910—1911 гг., профессор Петербургского электротехнического института Г. О. Графтио только при советской власти смог осуществить свой замысел и стать строителем Волховской гидроэлектростанции имени В. И. Левина.

Противоречие между творческими силами народа и их использованием в царской России также резко проявилось и в истории авиационной техники. Общеизвестна громадная роль в развитии теории самолетостроения Н. Е. Жуковского и С. А. Чаплыгина. Гигантскую работу выполнили многочисленные изобретатели и конструкторы моторов, самолетов, вертолетов, дирижаблей. Однако когда в 1910 г. была организована в Петербурге первая авиационная неделя, то основную массу участников ее составили иностранные летчики с иностранными самолетами. Тем не менее наибольшего успеха тогда достиг русский летчик Н. Е. Попов, поднимавшийся на высоту 600 м, в то время как ни один иностранный летчик не поднялся выше чем на 150 м.¹ Попов также дольше всех держался в воздухе —

¹ Библиотека воздухоплавания, 1910, № 8, стр. 33—41 и 51—52; № 9, стр. 50—59.

2 часа 4 мин. В том же году русские летчики совершили первые полеты за пределы аэродромов: с Коломяжского аэродрома в Гатчину (Руднев) и в Кронштадт (Плоторовский).¹ Замечательное мастерство показали в последующие годы многие русские летчики во главе с прославленным П. Н. Нестеровым, питомцем Гатчинской авиационной школы.

Значительная работа была выполнена в Петербурге по созданию базы для научной работы и подготовке специалистов по воздухоплаванию и авиации.

В 1909 г. начала работать первая высшая авиационная школа в России — воздухоплавательные курсы при Петербургском политехническом институте, организованные К. П. Боклевским.² Затем Н. Н. Митинский предложил организовать по примеру Политехнического института преподавание воздухоплавания в Петербургском институте инженеров путей сообщения.³ В 1909—1910 учебном году Н. А. Рынин начал читать здесь общий курс воздухоплавания. В 1910 г. Я. М. Гаккель построил в Петербурге самолет-биплан, показавший высокие летно-технические качества.

В 1913 г. на Русско-Балтийском заводе в Петербурге был построен впервые в истории авиации тяжелый многомоторный самолет «Русский витязь», поднимающий до полутора тонн груза (при собственном весе $3\frac{1}{2}$ т). Успешные полеты этого самолета, родоначальника знаменитых русских машин «Илья Муромец», положили начало истории тяжелого самолетостроения.⁴

Говоря о развитии техники в Петербурге, нельзя забыть о двух весьма важных изобретениях, созданных для спасения человека.

В 1911 г. Г. Е. Котельников создал в Петербурге первый в мире ранцевый парашют для спасения летчиков при авариях самолетов.⁵ В 1912 г. успешно прошли под Гатчиной испытания модели РК-1 (Русский, Котельников, 1-я модель). Изобретение Котельникова использовали во всех странах мира, а царское правительство отказалось ввести парашют в русском воздушном флоте.

В 1915 г. Н. Д. Зелинский, заведовавший в это время Центральной лабораторией Министерства финансов в Петербурге, изобрел угольный противогаз для защиты солдат от отравляющих веществ. Это русское изобретение было ответом на зверское применение весной 1915 г. немецкими империалистами отравляющих газов на фронте. Противогаз Н. Д. Зелинского оказался единственным надежным средством защиты против химического оружия. На разработанном Н. Д. Зелин-

¹ В том же году был совершен перелет из Елизаветполя в Тифлис (Васильев).

² И. Д. По в х. Первая высшая авиационная школа в России. Труды Ленингр. политех. инст. им. М. И. Калинина, 1948, № 1, стр. 120.

³ А. М. Л а р и о н о в. История Института инженеров путей сообщения за первое столетие его существования 1810—1910. СПб., 1910, стр. 359 и 368—373.

⁴ Построенные в 1914 г. в США Кертисом и в 1915 г. в Германии Сименс—Шукертом первые зарубежные тяжелые (двухмоторные) самолеты были много меньше русских перьяцев.

⁵ Г. Е. Котельников. История одного изобретения. 2-е изд., М.—Л., 1939.

ским принципе основывается сейчас конструирование противогазов во всем мире. Но это замечательное изобретение с трудом нашло в то время путь в войска. Только в марте 1916 г., и притом через голову верховного санитарного начальника принца Ольденбургского, удалось добиться решения о заказе противогазов Н. Д. Зелинского и притом в явно недостаточном количестве по сравнению с тем, что требовалось.

За последнее десятилетие перед Великой Октябрьской социалистической революцией благодаря самоотверженному труду многих русских ученых и инженеров технические науки в России были на довольно высоком уровне даже по сравнению с самыми передовыми странами Запада.

Передовые русские ученые и изобретатели старались помочь экономическому и культурному развитию страны, искали путей к слиянию науки и практики.

Однако в условиях капиталистической России задачи, поставленные перед техникой потребностями промышленного развития страны, могли быть разрешены только частично. Отсутствовала необходимая материально-техническая база, не хватало научных сил. Нередко случалось, что русские открытия и изобретения сначала широко использовались за границей, а затем уже в России.

Русская наука и техника получили необозримые возможности для своего широкого развития только после Великой Октябрьской социалистической революции, в условиях нового социалистического общества.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

На состоянии общественных наук в России в начале XX в. отражалась обстановка предреволюционного кризиса в общественно-политической жизни страны. Большинство буржуазных ученых — философов, экономистов, историков и других — открыто выступали против марксизма, стояли на идеалистических, реакционных позициях в истолковании явлений общественной жизни. Положительное значение трудов буржуазных ученых все более ограничивается накоплением фактических данных, конкретных знаний в специальных областях той или иной науки.

Среди буржуазных ученых популярностью стала пользоваться философия Риккерта, представлявшая собой одну из новейших разновидностей неокантианства. Риккерт противопоставлял естественные науки наукам общественным, утверждая, что в последних господствуют лишь частные, индивидуальные, неповторимые явления и события, которые невозможно обобщить. Поэтому задача общественных наук заключалась, по мнению Риккерта, в изучении отдельных, разрозненных, не связанных друг с другом событий и фактов. Риккерт отрицал объективную закономерность и причинность в развитии человеческого общества. В философии Риккерта буржуазные ученые пытались найти теоретическое оправ-

давшие фактологизма и описательности, которые были характерны для большинства их работ.

Борьба против марксизма особенно усилилась в период политической реакции, после поражения революции 1905—1907 гг. Временные попутчики революции, перешедшие в лагерь реакции, целая группа модных писателей всячески пытались оклеветать революционный народ, выступая единым фронтом против марксизма. Выпущенный в 1909 г. видными представителями кадетской партии сборник «Вехи» представлял сплошной поток лжи и клеветы на русский народ и являлся, по определению В. И. Ленина, энциклопедией либерального ренегатства. «Вехи» объявили решительную борьбу материализму, ратовали за синтез «знания и веры», взяли под свою защиту крайние формы идеализма.

Петербург наряду с Москвой попрежнему был крупным центром научной жизни страны. Состояние общественных наук в столице характеризовалось теми же самыми особенностями, что и состояние общественных наук во всей стране.

В области философии началась усиленная реставрация идеализма. Философы-идеалисты объявили открытый поход против марксизма, пытались с идеалистических позиций истолковать новейшие достижения современного естествознания, в особенности достижения физики.

Для борьбы с материализмом, для затемнения сознания трудящихся религиозными предрассудками в Петербурге было создано несколько «философских» и религиозно-философских обществ, в которых объединились многие философы-идеалисты. Таковы были философское общество при университете, религиозно-философское общество, Российское теософическое общество, два общества по психографологии («науке», занимавшейся определением характера и способностей человека по его почерку) и др.

Чем же занимались эти общества? Религиозно-философское общество было организовано Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус, Н. А. Бердяевым и др. Председателем общества долгое время был В. А. Карташев (будущий министр Временного правительства), а членами его Совета состояли П. Б. Струве и С. Л. Франк.

Заседания общества начались в октябре 1907 г. Первый же доклад, прочитанный в обществе идеалистом С. А. Аскольдовым — «О старом и новом религиозном сознании», был направлен против материализма и оправдывал веру в бога. С. А. Аскольдов утверждал, что материя возникла в связи с отпадением дьявола от бога и что поэтому материальный мир является смещением божественного и дьявольского начал. В дальнейшем на заседаниях общества продолжались споры в духе средневековой схоластики о том, всемогущ или не всемогущ бог, есть ли резкая грань между царствами бога-отца и бога-сына и т. д.¹

¹ Впоследствии большинство руководителей религиозно-философского общества перешло в лагерь врагов советской власти. Аскольдов в 1944 г. получил от гитлеровцев премию за книгу «Критика диалектического материализма».

Для того, чтобы получить представление об университетской философии этой эпохи в Петербурге, достаточно ограничиться краткой характеристикой деятельности профессора университета по кафедре философии А. И. Введенского. В течение многих лет, с 1899 по 1921 г., этот ярый враг марксизма, идеалист-неокантонец являлся председателем Петербургского философского общества.

Введенский стремился обосновать положение о том, что человеческие восприятия не имеют объективного содержания, а являются всецело продуктами духовной деятельности. Он утверждал, что человеческие знания не способны отражать объективную действительность, что наука может проникнуть лишь в область явлений. Одна из основных книг Введенского «Психология без всякой метафизики» (СПб., 1914) была целиком написана с позиций крайнего агностицизма и представляла собой откровенную проповедь религии.

Еще дальше, чем Введенский, шли представители так называемого «интуитивизма» профессора Н. О. Лосский и С. Л. Франк, прямые проповедники мистики и поповщины.

Буржуазные философы Петербурга превратились в прислужников религии, врагов подлинной науки.

Буржуазные издательства столицы печатали новейшие идеалистические трактаты Авенариуса, Маха, Бергсона, Риккерта, Джемса и Дьюи. Издавались книги Ницше, Шопенгауэра, Штейнера, этих яростных поборников реакции и мистицизма. Пропагандой сочинений иностранных философов-идеалистов занималось философское общество при университете, издавая их в серии своих «Трудов». В 14 выпусках «Трудов философского общества при Петербургском университете», изданных вплоть до 1917 г., не было опубликовано ни одного произведения, написанного с материалистических позиций.

Однако все эти идеалистические трактаты не находили широкого спроса. Не смогли найти для себя читателей издававшиеся религиозно-философским обществом «Записки», а также богоскательские журналы Мережковского «Новый путь» и «Вопросы жизни». Журнал «Новый путь» пришлось закрыть на первом же году его существования вследствие отсутствия подписчиков.

Большую опасность, чем прямая проповедь идеализма, религии и мистики, представляли попытки скрытой ревизии диалектического и исторического материализма, предпринятые некоторыми интеллигентами, считавшими себя марксистами, но никогда твердо не стоявшими на позициях марксизма. Под флагом «защиты» основных позиций марксизма они развернули «критику» диалектического и исторического материализма.

В 1908 г. в Петербурге вышел сборник статей Богданова, Базарова, Бермана, Юшкевича и других «Очерки по философии марксизма», направленный на деле против философских основ марксизма. Проповедью субъективного идеализма русские последователи Маха и Авенариуса наносили ущерб идеологическому вос-

питанию передовых рабочих и интеллигенции и всему революционному движению пролетариата.

Осенью 1909 г. В. И. Ленин написал гениальный философский труд «Материализм и эмпириокритицизм», в котором разгромил махизм и его новейшую разновидность — эмпириокритицизм. В. И. Ленин подверг уничтожающей критике русских эмпириокритиков Богданова, Юшкевича, Базарова, Валентинова и их иностранных учителей Маха и Авенариуса. В. И. Ленин показал, что объективная классовая роль эмпириокритицизма всецело сводится к прислужничеству фидеистам и что идеализм махистов открывает прямую дорогу поповщине. В своей книге В. И. Ленин защитил теоретические основы марксистской партии — диалектический и исторический материализм. В книге В. И. Ленина были глубоко осмыслены и материалистически обобщены важнейшие достижения естествознания, которые имели место за период от смерти Энгельса до выхода книги в свет, и в особенности успехи физики.

Характеризуя состояние экономической науки в конце XIX—начале XX в., необходимо отметить, что марксистская политическая экономия получила свое дальнейшее развитие в трудах В. И. Ленина. Особое значение имеет работа В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», содержащая всестороннюю характеристику экономики и классовой структуры страны в конце XIX в.¹

Как известно, Маркс и Энгельс дали анализ основ монополистического капитализма. Заслуга же выяснения закономерностей развития империализма принадлежит В. И. Ленину. Анализу империализма посвящена работа В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», написанная весной 1916 г.² В. И. Ленин показал, что все противоречия капитализма в эпоху империализма достигают крайней остроты. В. И. Ленин доказал, что империализм есть загнивающий, паразитический и умирающий капитализм, который несет неслыханные бедствия трудящимся массам во всех странах мира. В. И. Ленин открыл закон неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма, что являлось выдающимся вкладом в марксистскую науку. Выдвинутое В. И. Лениным положение о том, что империализм есть канун социалистической революции, нашло полное подтверждение на практике.

Марксистская экономическая наука не имела, разумеется, доступа ни в учебные заведения, ни в научные учреждения царской России.

Буржуазная экономическая наука переживала глубокий идейный кризис. Ее достижения не шли дальше накопления конкретного фактического материала.

Вольное Экономическое общество постепенно утрачивает значение центра русской сельскохозяйственной науки. «Есть мнение, что Вольное Экономическое

¹ Работу над книгой «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин начал в Петербурге и закончил ее в ссылке в Сибири. Книга была впервые издана в 1899 г. в Петербурге.

² Книга В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» впервые была издана в Петрограде в 1917 г.

общество уже отжило свое время»,¹ — говорилось в отчете общества за 1906 г. Наиболее существенными результатами работы общества за последние 20 лет его существования были только статистические труды по вопросам урожайности, о положении начального народного образования и материалы по аграрному движению в 1905—1906 гг.

В статистике продолжалось накопление конкретного материала. Известное движение вперед имело место в земской статистике. Земской статистике уделялось внимание в семинарах А. А. Чупрова (в Политехническом институте) и А. А. Кауфмана (в университете).

Серьезно отставала промышленная статистика. Первые более или менее подробные обследования промышленности были предприняты лишь в 1900 и 1908 гг. (В. Е. Варзар)² и в 1913 г. (В. В. Степанов).

Успехи в теории имела математическая статистика, основывающаяся на блестящих работах академика А. А. Маркова по теории вероятностей.

В своих экономических работах В. И. Ленин среди других источников широко использовал официальные статистические данные. В книге «Развитие капитализма в России» многочисленные цифровые данные и факты извлечены из статистических сборников, ежегодников, временников, обзоров министерств, из материалов статистического ведомства, трудов, отчетов и протоколов различных правительственных комиссий. В своей книге В. И. Ленин ссылается на 70 источников подобного рода. Он дал образец строжайшей проверки и критической переработки статистических данных буржуазных ученых и официальной статистики.

Марксистская политическая экономия развивалась в непримиримой борьбе с врагами марксизма.

В середине 90-х годов народники, объединившиеся вокруг журнала «Русское богатство», выступили против марксизма. Исходя из принципов субъективной социологии и опираясь на отрывочные статистические данные, они отрицали возможность капиталистического развития России, воспевали такие «особые устои» русской жизни, как община, «народное производство» (крестьянские промыслы, кустарничество и т. д.). Народники не видели кулака и кулацкой эксплуатации в деревне.

В. И. Ленин показал несостоятельность взглядов народников и убедительно доказал, что капитализм сложился и определился «не только в фабрично-заводской промышленности, а и в деревне и вообще везде на Руси».³

Против важнейших положений марксистской политической экономии выступали и представители так называемого «легального марксизма», среди которых находились видные буржуазные ученые-экономисты.

¹ Отчет о действиях имп. Вольного Экономического общества за 1906 год. СПб., 1907, стр. 1.

² В. Е. Варзару принадлежат также ценные работы по статистике стачек в России за время с 1895 по 1908 г. (эти работы были критически использованы В. И. Лениным в его трудах по статистике стачек в России).

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 358.

Относительно буржуазных экономистов В. И. Ленин в 1909 г. писал: «Ни одному профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же *партийная наука* в современном обществе, как и *гносеология*. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов».¹ Такими «учеными приказчиками» класса капиталистов и являлись буржуазные экономисты столицы.

Идеолог легального марксизма, потом один из основателей кадетской партии П. Б. Струве был доцентом Политехнического института, а впоследствии действительным членом Академии Наук.

Свои взгляды на экономическое развитие России Струве выразил в книге «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», изданной в Петербурге в 1894 г. В этой книге Струве выступил с критикой народничества. Полемика с народничеством соединена в книге Струве с попытками подорвать марксизм, превратить марксизм в буржуазный реформизм. Вопреки исторической правде Струве утверждал, что капитализм не раздирается внутренними противоречиями, что он якобы ничего, кроме пользы, для трудящихся не приносит. Струве отрицал классовую борьбу при капитализме и восхвалял эксплуататорское государство как «организацию порядка». Он не понимал значения производственных отношений в развитии общества, отождествлял капитализм с товарным хозяйством и считал, что решающим условием торжества капитализма является расширение парового транспорта.

В. И. Ленин в своей работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» показал несостоятельность взглядов Струве на экономическое развитие России и нанес удар по идеологии «легального марксизма».²

Струве пытался «опровергнуть» важнейшие положения марксистской политической экономии: теорию прибавочной стоимости, теорию обнищания пролетариата и т. д. Показательна в этом отношении вышедшая в 1913 г. в издательстве миллионера Рябушинского в Москве книжка Струве «Хозяйство и цена». Вся книжка Струве, переполненная злобными выпадами против марксизма, представляла собой набор цитат и фактов, надерганных из разных источников и не связанных друг с другом. В этой книжке, как и в других своих писаниях, Струве рассматривал социальные явления в отрыве от экономической жизни общества. Так, социальное неравенство при капитализме, крепостничество и рабство Струве механически отделял от хозяйственного строя соответствующих общественных формаций. Пы-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 328.

² Работу «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» В. И. Ленин написал в конце 1894—начале 1895 г. в Петербурге. Она была напечатана в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития, изданном в Петербурге в 1895 г., но уничтоженном властями.

таясь опровергнуть теорию прибавочной стоимости Маркса, Струве не затруднял себя, однако, доказательствами на этот счет. В своей книжке он не смог ничего выдвинуть против марксистской теории прибавочной стоимости, кроме голословного утверждения, что эта теория есть... фантом.

В. И. Ленин в статье «Еще одно уничтожение социализма» (март 1914 г.) подверг критике книжку Струве и показал, что именно заставляло Струве нападать на экономическую теорию Маркса. В. И. Ленин подчеркнул характерную для книжки Струве боязнь подлинной науки. «Отчаяние в возможности научно разбирать настоящее, — писал В. И. Ленин, — отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких „законов“ исторического развития, загородить лес — деревьями, вот классовый смысл того модного буржуазного скептицизма, той мертвой и мертвящей схоластики, которые мы видим у г-на Струве».¹

Одним из идеологов легального марксизма являлся профессор университета М. И. Туган-Барановский. Так же, как и Струве, Туган-Барановский входил потом в состав кадетской партии.

«Один из кандидатов кадетской партии, — писал В. И. Ленин в 1912 г., — г. профессор Туган-Барановский принадлежит к числу тех российских экономистов, которые в молодости были почти-марксистами, а затем быстро «поумнели», «подправили» Маркса обрывками буржуазных теорий, и за великие релягетские заслуги обеспечили себе университетские кафедры для ученого одурачения студентов».²

Одна из ранних работ Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. I. Историческое развитие русской фабрики в XIX в.» (СПб., 1898) содержит ценный фактический материал, который представляет интерес и в наши дни. Однако на основе этого материала автор пытался построить свою антимарксистскую схему фабричного производства и опровергнуть марксистскую теорию о последовательной смене трех стадий в капиталистической промышленности — простой капиталистической кооперации, мануфактуры и фабрики.

В своих последующих работах «Основы политической экономии» (издана в 1909 г.), «Социальная теория распределения» (издана в 1913 г.) и других — Туган-Барановский подобно Струве выступал против основ марксистской экономической науки.

Как и Струве, Туган-Барановский отрицал противоречия капитализма, пытался доказать отсутствие классовой борьбы при капитализме. Он даже утверждал, что причина вздорожания жизни при капитализме заключается в огромном росте населения, по преимуществу городского. Туган-Барановский выдвинул вздорную теорию о том, что якобы в капиталистических странах существует пря-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 179.

² Там же, т. 18, стр. 338.

мая пропорциональная зависимость между ростом производительности труда и движением заработной платы рабочих. Кризисы, в которых ярко проявляются все присущие капитализму противоречия, Туган-Барановский не считал закономерным результатом аварии производства при капитализме, а рассматривал их как якобы один из продуктов экономического прогресса. По мнению Туган-Барановского, кризисы вполне можно было преодолеть в рамках капиталистического строя экономическим путем.

Петербургу видное место принадлежало в развитии буржуазной исторической науки. Здесь существовало несколько исторических обществ, объединявших буржуазных историков столицы. Наиболее крупным из них было общество, состоявшее при Петербургском университете. Историко-филологический факультет университета являлся центром исторической науки в Петербурге, и здесь работали ведущие буржуазные ученые-историки.

Петербургские университетские историки стояли на идеалистических позициях, были враждебно настроены по отношению к марксизму. Большинство из них стремилось уйти в область тематики узко специального характера, избегая постановки вопросов, имеющих принципиальное, общен историческое значение. Отчасти с этим было связано усиление интереса к чисто источниковедческой работе, имевшее свои некоторые положительные результаты, однако весьма ограниченные вследствие ошибочных методологических посылок буржуазных источниковедов.

Усиление интереса к источниковедению нашло свое отражение в работах А. С. Лаппо-Данилевского, читавшего лекции в университете, а в 1899 г. избранного в Академию Наук. С его именем связано развитие специальной источниковедческой дисциплины — дипломатики частных актов. Лаппо-Данилевский обладал большой эрудицией и впервые ввел в научный оборот значительное число документов и источников. Большой новый фактический материал содержался в его магистерской диссертации «Организация прямого обложения в Московском государстве со времени смуты до эпохи преобразований», вышедшей в свет в 1890 г., в очерке «Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия» (1899) и в других работах. Однако методологическая основа работ Лаппо-Данилевского была порочна по своей сущности. В 1910—1913 гг. он выпустил двухтомный курс «Методология истории», направленный против марксизма. Первая часть этого курса посвящена теории исторического знания, вторая — теории изучения исторических источников. Свою теорию исторического знания Лаппо-Данилевский построил на риккертанском противопоставлении наук естественных и общественных, на отрицании закономерностей общественного развития. Отрывая исторический процесс от экономических условий, совершенно игнорируя классовую борьбу в развитии человеческого общества, Лаппо-Данилевский объективно становился на путь восхваления капиталистического строя, замазывая глубоких противоречий, характерных для капитализма.

Движущей силой исторического процесса Лаппо-Данилевский считал идею государства, что означало прямое отрицание какого бы то ни было значения социальной борьбы в развитии общества. Выдвинутая Лаппо-Данилевским теория изучения исторических источников также насквозь пронизана идеалистическим мировоззрением ее автора. Исторические источники Лаппо-Данилевский изучал в отрыве от экономического строя общества, видя в них лишь продукт человеческой психики.

Расширение источниковедческой базы исторических исследований проявилось в работах С. Ф. Платонова, длительное время возглавлявшего кафедру русской истории университета. Платонова интересовала история Московского государства конца XVI—начала XVII в., преимущественно история «смутного времени».

Основному исследованию Платонова по истории «смутного времени» предшествовала его источниковедческая работа «Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века, как исторический источник» (СПб., 1888). Главный труд Платонова «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в смутное время)», вышедший в свет в 1899 г.,¹ насыщен большим и интересным фактическим материалом. Однако этот материал рассматривается автором с буржуазно-идеалистических позиций. Хотя Платонов и считал, что восстание Болотникова ставило цели социального переворота, тем не менее он, как и все другие буржуазные историки, был весьма далек от марксистского понимания роли классовой борьбы в историческом процессе.

На основе широкого круга источников было построено исследование П. Г. Любомирова «Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг.» (СПб., 1917),² примыкавшее к работам Платонова о «смутном времени».

Русские летописи продолжали привлекать внимание некоторых петербургских историков, прежде всего А. Е. Преснякова и М. Д. Приселкова, написавших ряд специальных работ по истории русского летописания. Главными трудами Преснякова были «Княжое право в древней Руси» (СПб., 1908) и «Образование великорусского государства» (Пгр., 1918). Ценные изучением обширного круга источников, работы эти не преодолели идеалистических концепций «историко-юридической школы». Приселков написал «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.» (СПб., 1913), в которых показал упорную борьбу Киевской Руси за свою национальную самостоятельность.

Одной из проблем, разрабатываемых петербургскими историками, была проблема феодализма на Руси, выдвинутая в исследованиях Н. П. Павлова-Сильванского (Павлов-Сильванский работал в Государственном Архиве в Петербурге).

¹ Книга была переведена в 1937 г.

² Книга была переведена в 1939 г.

В трудах по истории русского феодализма — «Феодализм в древней Руси» (1907). «Феодализм в удельной Руси» (1910) — Павлов-Сильванский признал, что в России существовал феодализм. Если учесть тот факт, что буржуазные историки XIX в. отрицали возможность возникновения феодализма в русских условиях, то станет ясным значение работ Павлова-Сильванского. Феодализм Павловым-Сильванским, однако, понимался односторонне, не как система определенных производственных отношений, а как сумма юридических признаков, как явление чисто политического характера. Неправильным пониманием сущности феодализма и объясняются выводы Павлова-Сильванского о прекращении феодализма в России вместе с прекращением феодальной раздробленности.

Шаг к признанию феодальной основы Киевского государства был сделан в уже упоминавшейся работе Преснякова «Княжое право в древней Руси».

Живой интерес к проблемам феодализма на Руси проявил Б. Д. Греков, научная деятельность которого начиналась в те годы на Историко-филологическом факультете университета. Первое большое исследование Грекова «Новгородский дом св. Софии», защищенное им в качестве магистерской диссертации в 1914 г., содержало богатый фактический материал, подвергнутый автором мастерскому анализу. Уже в этой первой работе Греков в противоположность историко-юридическим построениям большинства петербургских историков главное свое внимание обращает на изучение истории социально-экономических процессов.

В диссертации А. И. Заозерского «Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве» (Пгр., 1917) конкретно характеризовалось крупное вотчинное хозяйство XVII в. Работа эта представляет большой интерес для изучения социально-экономической истории Московской Руси.

В начале XX в., в особенности после первой народной революции 1905—1907 гг., в буржуазной историографии усилился интерес к изучению крестьянства и крестьянской реформы 1861 г., а также общественной мысли XIX в.

История крестьянства и крестьянской реформы изучалась профессором Политехнического института кадетом А. А. Корниловым, написавшим работы «Судьба крестьянской реформы в царстве Польском», «Губернские комитеты по крестьянскому делу в 1858—59 гг.», «Общественное движение при Александре II» и др. Как и другие буржуазные историки, Корнилов замазывал классовую сущность реформы 1861 г., не показывая развернувшейся вокруг нее острой классовой борьбы.

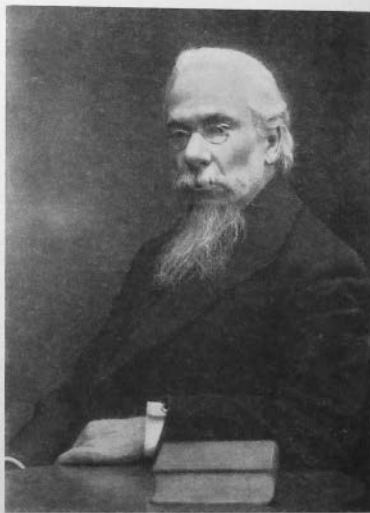
Большое количество ценного фактического материала содержалось в исследовании историка народнического направления В. И. Семевского о положении русского крестьянства в XVIII в.¹ В 1898 г. вышла двухтомная монография Се-

¹ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, тт. I—II. СПб., 1881—1901; т. I, изд. 2-е, испр. и доп., СПб., 1903.

мевского «Рабочие на сибирских золотых промыслах» — одно из первых исторических исследований о русском пролетариате.

Увелившийся интерес к изучению истории общественной мысли нашел свое отражение в ряде исследований и публикаций по этой тематике.

Некоторые петербургские историки обратились к эпохе декабристов. В 1909 г. вышла в свет работа Семевского «Политические и общественные идеи декабристов», написанная на очень большом материале. Эта работа принадлежит к числу наиболее выдающихся дореволюционных исследований о декабристах. Слабая сторона труда Семевского обусловлена отсталостью общей теоретической концепции автора. Идеи декабристов рассматриваются Семевским с позиций либерального народничества, а сами декабристы причисляются к разряду так

В. И. Семевский. Фотография начала XX в.

называемой «внеклассовой интеллигенции». Изучали эпоху декабристов также П. Е. Щеголев, Н. П. Павлов-Сильванский. Семевский, наряду с изучением декабризма, много сил отдал исследованию истории кружков петрашевцев.

История русской литературы, цензуры и революционного движения, преимущественно периода 60-х годов XIX в., служила предметом изучения М. К. Лемке. Нависанные Лемке труды — «Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия» (1904), «Эпоха цензурных реформ. 1859—1865 годы» (1904), «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.» (1908), «Очерки освободительного движения шестидесятых годов по неизданным документам» (работа вышла отдельным изданием в 1908 г.), «Политические процессы в России 1860-х гг. (по архивным документам)» — насыщены огромным фактическим материалом и не утратили своей ценности в наши дни.

В 1906—1907 гг. в Петербурге ежемесячно выходил журнал «Былое», издававшийся П. Е. Щеголевым и В. Я. Богучарским. Группировавшаяся вокруг

«Былого» по преимуществу народническая интеллигенция оказала сильное влияние на содержание журнала. На его страницах помещались материалы по истории партии «Народная воля», публиковались воспоминания народников и народо-вольцев. Если деятельность народников подробно освещалась и идеализировалась, то рабочее и крестьянское движение и история русской социал-демократии получили крайне недостаточное отражение. В 1907 г. журнал «Былое» был запрещен.

История народничества привлекала внимание В. Я. Богучарского, опубликовавшего много материалов по общественному движению 60—70-х годов XIX в. Для исследовательских работ Богучарского характерны отсутствие анализа классовых основ движения, преобладание оценок либерального и полублиберального характера.

Большая группа историков столицы занималась изучением всеобщей истории.

В 1896 г. начал чтение лекций в университете по истории древнего Востока и египтологии Б. А. Тураев. Помимо университета деятельность Тураева протекала также в Академии Наук, избравшей в 1913 г. его своим членом-корреспондентом, а в 1918 г. — действительным членом.

Тураев — крупнейший знаток истории древнего Востока, автор таких работ, как «Бог Тот» (СПб., 1898), «Исследования в области агриологических памятников Эфиопии» (СПб., 1902) и многих других, которые по праву занимают выдающееся место в дореволюционной историографии.

Обобщающий труд Тураева «История древнего Востока», вышедший двумя изданиями в 1911—1914 гг. и издававшийся в последующее время, охватывает историю древнего мира на протяжении пяти тысячелетий, при этом Тураевым дан здесь очерк истории и культуры Ванского царства, Нататы, Мероэ и Аксума, а также древних пунийцев, что не было сделано ни одним историком, писавшим на данную тему ранее Тураева. Прекрасно зная древние памятники, как археологические, так и литературные, Тураев сумел многие вопросы осветить более полно, чем его предшественники и современники.¹

Особый интерес Тураев проявлял к изучению культуры древнего Востока. Под его общей редакцией выходила серия «Культурно-исторических памятников Востока» в русском переводе; Тураевым же была написана работа «Египетская литература», изданная в 1920 г., после смерти автора.

Сосредоточив свое особое внимание на изучении истории культуры, в особенности истории религии, Тураев недооценивал, а нередко почти игнорировал социально-экономическую историю древнего Востока. В основу развития народов Востока он положил такие факторы, как завоевания, смены династий и другие политические события, переоценивал роль географической среды в жизни человечества, что вело в конечном счете к неправильному пониманию хода исторического процесса. Создав ценные, насыщенные огромным фактическим материалом

¹ В. И. Авдиев. История древнего Востока. Госполитиздат, 1953, стр. 13—14.

исследования, Тураев, таким образом, все же не смог преодолеть коренных принципиальных ошибок буржуазной историографии, не сумел перешагнуть за ее теоретические рамки.

Тураев создал первую русскую египтологическую школу. Исследования Тураева продолжал ряд его учеников — В. В. Струве, Н. Д. Флитнер, Ф. Ф. Гесс. Первое место среди учеников Тураева принадлежит В. В. Струве, еще до Великой Октябрьской социалистической революции начавшему печатать свои работы по истории землевладения в эллинистическом Египте.¹ Основная научная деятельность В. В. Струве протекает после Великой Октябрьской социалистической революции. Н. Д. Флитнер и Ф. Ф. Гесс посвятили себя изучению истории древнеегипетского искусства.

История античности изучалась С. А. Жебелевым, читавшим лекции в университете. Политическая история Греции, история северного Причерноморья, история античной религии, классическая археология — вот далеко не полный перечень вопросов, интересовавших Жебелева. Его магистерская диссертация «Из истории Афин 229—31 г. до Р. Хр.» (СПб., 1898) была посвящена истории Афин, начиная с освобождения их от македонской зависимости и вплоть до битвы при Акциуме, докторская — «Ахейка» (СПб., 1903) — истории Афин от 146 г. до Р. Хр. и до времен Диоклетиана. Обе диссертации Жебелева являлись шагом вперед в изучении поздней истории Греции, наименее изученной в те годы. Жебелевым также переведены произведения античных авторов — Аристотеля, Фукидида и Платона.

Интересы отдельных петербургских историков лежали в области изучения истории древнего Рима. В магистерской диссертации М. И. Ростовцева, читавшего лекции в университете, — «История государственного откупа в Римской империи» (СПб., 1899) — охватывались три века римской истории и давалась характеристика одного из важных финансовых институтов Рима. В докторской диссертации Ростовцева «Римские свинцовые тессеры» (СПб., 1903) впервые выяснилась роль тессер в жизни древнего римлянина и Римского государства.

В работах о римском колонате Ростовцев примкнул к модернизаторскому толкованию истории древнего мира, изыскивавшему в ней периоды феодализма и капитализма. Реакционные позиции Ростовцева определились особенно отчетливо, когда, после Великой Октябрьской социалистической революции, он эмигрировал за границу.

История римского землевладения был посвящен труд другого петербургского историка И. М. Гревса — «Очерки из истории римского землевладения, преимущественно во время империи», т. 1 (СПб., 1899).

В области византиноведения работал Ф. И. Успенский, профессор университета и действительный член Академии Наук. Главное свое внимание он сосредото-

¹ Первая работа В. В. Струве — «Петербургские сфинксы» (Записки классического отделения Русского Археологического общества, т. VII, СПб., 1913, стр. 20—51).

точил на исследовании социально-экономической истории Византии. Начиная с 1883 г., Успенский выпустил одну за другой свои работы о византийском землевладении: «К истории крестьянского землевладения в Византии», «Значение византийской и южно-славянской проции» и «Военное устройство Византийской империи». Успенского интересовали также вопросы, связанные с развитием общественно-политической идеологии Византии, исследованию которых он посвятил свои «Очерки по истории византийской образованности».

Успенский написал трехтомную «Историю Византийской империи» (первый том вышел в свет в 1913 г.), насыщенную значительным новым фактическим материалом.

Академия Наук издавала «Византийский временник», в котором публиковались исследования и материалы по истории Византии.

Видными историками-медиевистами были И. М. Гревс и О. А. Добиаш-Рожественская. Гревс преподавал на Высших женских курсах и в университете. Добиаш-Рожественская преподавала на Высших женских курсах.

Гревс написал работы по истории средневековой Италии: «Очерки флорентийской культуры» (СПб., 1904—1905), статьи о Данте и др. Ему же принадлежат работы историографического характера: статьи о Тьери, Фюстель де Кулаже и Васильевском.

Выдающийся русский палеограф Добиаш-Рожественская глубоко изучила древние латинские рукописи Публичной библиотеки, а часть из них опубликовала в работе «Заметки и извлечения из латинских рукописей СПб. публичной библиотеки», изданной в 1913 г. Добиаш-Рожественская изучала также духовную жизнь средневековья, написав на эту тему такое исследование, как «Церковное общество во Франции в XIII в., ч. 1. Приход» (Пгр., 1914). Духовная жизнь средневековья рассматривалась автором в отрыве от экономических условий развития общества.

В области новой истории под несомненным воздействием революции 1905—1907 гг. усиливается изучение французской революции.

Много документов по истории французской революции опубликовал Н. И. Кареев, научная деятельность которого была связана с университетом, Высшими женскими курсами, Политехническим институтом и Академией Наук. В 1912 г. им были напечатаны «Неизданные документы по истории парижских секций 1790—1795 гг.», а в 1914 г. — «Неизданные протоколы парижских секций 9 термидора II года». Карееву принадлежит большой научно-популярный труд «История Западной Европы в новое время (развитие культурных и социальных отношений)» в 7 томах, издававшихся на протяжении 25 лет, с 1892 по 1917 г. Работа возникла из лекций Кареева и отличалась большой широтой охватываемых вопросов. Внимание автора сосредоточено на изучении истории социальных и политических отношений, а также истории культуры.

Ценность большинства конкретных работ Кареева состоит в том, что в них содержится богатый фактический материал. Концепция же автора — идеалистиче-

ская. В своих теоретических работах¹ Кареев стоял на позициях субъективной социологии, а позднее придерживался неокантианского противопоставления естественных наук общественным. Выступая против марксизма, Кареев, в частности, совершенно не понимал принципиальной разницы между марксизмом и «экономическим» материализмом. Г. В. Плеханов в своей книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» показал порочность взглядов Кареева, подвергнув его наряду с Михайловским суровой критике.

Изучение истории французской революции было в еще больших размерах, чем Кареевым, предпринято Е. В. Тарле, читавшим лекции в университете. Тарле обратил свое внимание на состояние французской промышленности и положение рабочего класса Франции в эпоху революции. В 1907 г. Тарле выпустил небольшую монографию «Рабочие национальных мануфактур во Франции в эпоху революции», а в 1909—1911 гг. опубликовал большое двухтомное исследование «Рабочий класс во Франции в эпоху революции». Опираясь на богатый архивный материал, Тарле подробно проследил судьбы французского рабочего класса, начиная с 1789 г. Охарактеризовав тяжелое положение рабочих в начале революции, он много внимания уделил стачечному движению, вспыхнувшему весной 1791 г. Интерес представляет характеристика состояния французской промышленности накануне революции, данная Тарле.

Н. И. Кареев. Фотография начала XX в.

¹ Н. И. Кареев: 1) Основные вопросы философии истории. СПб., 1883; 2) Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб., 1890; 3) Введение в изучение социологии. СПб., 1897.

Непосредственное продолжение работ Тарле по истории рабочего класса и промышленности Франции в период революции составляли два крупных его исследования — «Континентальная блокада» и «Экономическая жизнь королевства Италии и царствование Наполеона I». ¹ В обоих этих исследованиях содержится огромный, частью никем ранее не изучавшийся архивный материал, извлеченный автором из французских, английских, немецких, голландских и итальянских архивов.

Значительный вклад был внесен учеными Петербурга в развитие этнографической и смежных с ней наук. Представители демократической интеллигенции, сосланные за участие в революционном движении в отдаленные районы Севера, вели там большую научно-исследовательскую работу по изучению особенностей материальной и духовной культуры местных народов. Политические ссыльные разработали так называемый метод стационарных исследований в этнографии, впервые примененный в этой области Н. Н. Миклухо-Маклаем. Этот метод, как известно, предполагает длительное пребывание исследователя среди изучаемой народности, обязательное знание ее языка и оказание практической помощи местному населению. ²

Трудами В. Г. Богораз-Тана, Л. Я. Штернберга, В. И. Иохельсона и других была создана обширная литература по народам Сибири и Севера.

Проблемы родового строя и ранних форм развития семьи, являющиеся важнейшими проблемами этнографии, привлекали внимание Л. Я. Штернберга, который в 80-х годах участвовал в народовольческом движении и был сослан на север Сахалина. Во время ссылки Л. Я. Штернберг проводил большую научную работу среди гиляков. Его наблюдения над гиляками подтвердили взгляды Моргана о стадиях развития семьи и о групповом браке. В 1892 г. Энгельс в специальной статье «Вновь открытый случай группового брака» подчеркнул серьезное значение исследований Л. Я. Штернберга. ³ В дальнейшем Штернберг, опираясь на большой собранный им фактический материал, приступил к теоретической разработке проблемы развития семьи. Интересовали его и вопросы, связанные с изучением первобытной религии.

Работы Штернберга, хотя на них сказалось влияние идеалистической генетической школы в этнографии, представляют ценность, так как содержат огромный материал по этнографии Дальнего Востока.

В 90-х и 900-х годах в экспедициях по изучению народов крайнего Северо-востока участвовал В. Г. Богораз-Тан (его научная деятельность началась в 90-х

¹ Е. В. Тарле. Континентальная блокада. I. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона. М., 1913; II. Экономическая жизнь королевства Италии и царствование Наполеона I. Юрьев, 1916.

² С. А. Токарев. Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку. Сов. этнография, № 2, 1948, стр. 191.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 4-е, т. XVI, ч. II, стр. 321—324.

годах на Кольме, куда он был сослан царским правительством за участие в народовольческом движении). Богораз-Тану удалось собрать значительный материал, характеризующий язык, фольклор и быт народов крайнего Северо-востока. Материал этот не утратил своей ценности и в наши дни. Богораз-Тану принадлежит заслуга создания первых учебников, словарей и грамматик чукотского языка. Ранние работы Богораз-Тана написаны под влиянием идеалистических направлений в этнографии.

Центром развития этнографии в Петербурге был Музей антропологии и этнографии Академии Наук, которым руководил академик В. В. Радлов. В изданиях Музея публиковались работы упомянутых выше и других ученых в области этнографии. Несмотря на постоянный недостаток средств, Музей непрерывно пополнялся новыми коллекциями, приобретаемыми главным образом за счет пожертвований. Начиная с 1900 г. Музей приступил к изданию «Сборников Музея антропологии и этнографии», к подготовке монографий по отдельным коллекциям.

Вторым центром этнографической науки являлся Этнографический отдел Русского музея, основанный в начале XX в. Д. А. Клеменцом.¹

Петербург играл ведущую роль и в развитии русского востоковедения. Здесь имелись два тесно связанных между собой центра востоковедения — Академия Наук и университет, где работали почти все крупные востоковеды. Среди них выделяющееся место по праву занимает В. В. Бартольд, в 1901 г. избранный профессором университета, а в 1912 г. — академиком.

Обладая большой эрудицией и глубоко зная восточные языки, Бартольд очень много сделал для изучения Средней Азии. Его основной труд на эту тему — «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», ч. I—II (1898—1900), охватывающий исто-

В. В. Бартольд. Фотография из начала XX в.

¹ В 70-х годах XIX в. Д. А. Клеменц принимал активное участие в народническом революционном движении.

рию Средней Азии на протяжении огромного отрезка времени, — завоевал мировую известность. Большое внимание Бартольд обращал на изучение истории Ирана, а также древней истории тюркских кочевников, в знании которой он занимал первое место среди современников. Бартольда интересовали также вопросы истории арабов и ислама. Известностью пользовались его работы «Историко-географический обзор Ирана» (1903), «Персидская надпись на стене Ангийской мечети Мануче» (1911), «Халиф и султан» (1911), «Новое мусульманское известие о русских» (1896).

В трудах Бартольда находил отражение интерес автора к вопросам социально-экономической истории, освещалось положение тех или иных классов (которые Бартольд называл «сословиями»), иногда рассказывалось об отдельных крестьянских движениях на Востоке, что было шагом вперед в рамках буржуазной историографии. Однако Бартольд не был в состоянии понять роль классов и классовой борьбы в развитии человеческого общества и поэтому не смог правильно осмыслить всей совокупности вопросов истории народов Востока. Так, при изучении истории монгольских завоеваний он допустил грубую ошибку, положительно оценив эти завоевания, связанные с порабощением миллионов трудящихся и огромным разрушением производительных сил. Бартольд недооценивал роль народных масс в истории и считал, что движущей силой исторического процесса являются выдающиеся личности.

Ряд востоковедов Петербурга работали в области изучения языков и литератур народов Востока. К. Г. Залеман, профессор университета и академик, являлся крупнейшим знатоком иранской филологии. Залеман изучал главным образом среднеиранские языки, пехлеви и согдийский, занимался исследованиями новоперсидской филологии, а также пехлевийской и новоперсидской лексикографии. Главные работы Залемана — «Манихейские этюды» (1908), «Среднеперсидский язык» (1902) — не утратили своего интереса и в наши дни.

Основатель современной тюркологии академик В. В. Радлов публиковал собранные им ранее лингвистические и фольклорные материалы и работал над «Опытном словаря тюркских наречий».

Фольклор, литературу, искусство, а также археологию Индии изучал С. Ф. Ольденбург, непререкаемый секретарь Академии Наук. Под его руководством была создана так называемая «Буддийская библиотека» (выпущено в течение 35 лет 26 томов).

На 1907—1914 гг. падает появление первых работ И. Ю. Крачковского по истории арабской поэзии и художественной прозы. Крачковский первый среди арабистов приступил к изучению новой арабской литературы XVIII—XX вв., написав на эту тему в 1911 г. специальное исследование — «Исторический роман в современной арабской литературе».

Важной стороной деятельности востоковедов являлось собирание и исследование древних восточных документов.

Ученик Розена и Хвольсона В. С. Голенищев в результате своих многократных путешествий по Египту собрал замечательную коллекцию памятников древнего Египта, состоявшую из 6 тыс. различных предметов. В 1909 г. эта коллекция была приобретена Россией в национальную собственность, а в 1912 г. экспонировалась в залах московского Музея изящных искусств.¹

Академик П. К. Коковцов, крупный семитолог и гебраист, исследовал группу древних арамейских памятников, опубликовав большое количество документов и надписей.²

В Азиатском музее Академии Наук хранилось богатейшее собрание восточных рукописей и книг по востоковедению, изданных на многих языках. В рассматриваемое время коллекции музея несколько пополнились. В результате организованной Академией Наук в 1909—1910 гг. археологической экспедиции в восточный Туркестан в музей и Эрмитаж поступили новые документы и памятники.

Одной из ведущих историко-филологических дисциплин было в Петербурге славяноведение.

Академик В. И. Ламанский, глава так называемой петербургской школы русских славистов, написал работы «Три мира Азиатско-Европейского материка», «Славянское жите св. Кирилла». Он же опубликовал сборник документов по истории южных славян, составленный по материалам венецианского архива.³ Работы Ламанского, основанные на большом новом конкретном материале, несомненно, были значительным вкладом в развитие славяноведения. Однако нельзя не отметить в то же время, что Ламанский проводил в своих работах реакционные идеи панславизма, в частности защищал русификаторскую политику царизма в Польше.⁴ Печать классово-ограниченности лежит на работах и Т. Д. Флоринского о южнославянских и византийских отношениях второй четверти XIV в. Представитель панрусизма, защитник православия и самодержавия, Флоринский впоследствии перешел в лагерь врагов советской власти.

Историей культуры славянских народов занимался профессор университета П. А. Лавров. В 1914—1915 гг. вышло в свет двухтомное исследование Н. С. Державина «Болгарские колонии в России», в котором рассматривались вопросы истории культуры болгарского народа.

Академия Наук издавала специальные сборники по славяноведению. В течение 1904—1910 гг. она выпускала «Статьи по славяноведению», где печатались

¹ Б. А. Тураев. Русская наука о древнем Востоке до 1917 г. Л., 1927, стр. 11—12.

² Н. В. Пигулевская. Акад. П. К. Коковцов и его школа. Вестник Лен. Гос. университета, 1947, № 5, стр. 106—118.

³ В. И. Пичета. Академия Наук и славяноведение. Вестник АН СССР, № 5—6, 1945, стр. 167.

⁴ С. А. Никитин. Предисловие к сб. «Документы к истории славяноведения в России». М.—Л., 1948, стр. VI—VII.

исследования на всех славянских языках. В Академии же вышло несколько выпусков «Систематического указателя трудов по языкознанию, литературе, этнографии и истории», содержавших ценный справочный материал по славяноведению. Следует, кроме того, указать, что II отделение Академии Наук издавало «Энциклопедию славянской филологии», к редактированию которой был привлечен крупный австрийский славист И. В. Ягич.

Русское языкознание в конце XIX—начале XX в. было обогатено трудами А. А. Шахматова, Ф. Ф. Фортунатова, Ф. Ф. Корша, И. А. Бодуэна-де-Куртене.

«В истории нашей отечественной науки о русском языке с 90-х годов XIX в. по первые годы советской эпохи, — отмечает академик В. В. Виноградов, — едва ли не самое выдающееся место принадлежит академику А. А. Шахматову».¹

А. А. Шахматов окончил Московский университет, где учился у академика Ф. Ф. Фортунатова. В 1893 г. Шахматов переехал в Петербург, и вся его последующая деятельность протекала в стенах Академии Наук и Петербургского университета, профессором которого он стал с 1908 г.

Научные интересы Шахматова были направлены прежде всего на изучение истории русского языка, истории древнерусской литературы и древнерусского летописания. В 1915 г. Шахматов выпустил в свет свою работу «Очерк древнейшего периода истории русского языка», в 1916 г. он издал I том «Повести временных лет». Историю языка Шахматов изучал на основе сравнительно-исторического метода исследования. Главное свое внимание при этом он обращал на изучение истории звукового и грамматического строя русского языка. Конкретные работы Шахматова, посвященные исторической фонетике и исторической грамматике русского языка, как и сравнительно-исторической грамматике славянских языков, представляют большой интерес и в наши дни.

Богатый фактический материал содержал «Синтаксис русского языка» — курс лекций, который читался Шахматовым в университете. Курс этот был переиздан в 1941 г. Много труда вложил Шахматов также в изучение русской диалектологии, организовав для этого в 1903 г. в Москве специальную диалектологическую комиссию.

Либерал по своим политическим взглядам, Шахматов изучал историю языка с идеалистических позиций. Он не сумел правильно понять великую роль народа в развитии русского национального языка и русской национальной культуры.²

Взгляды Шахматова на структуру языка и законы его развития построены на основе идеалистической психологии и логики. Выдвинутое Шахматовым учение

¹ В. В. Виноградов. Учение акад. А. А. Шахматова о грамматических формах слов и о частях речи в современном русском языке. АН СССР, Институт языкознания, Доклады и сообщения, т. I, М., 1952, стр. 28.

² Там же, стр. 28—51.

о коммуникации как об основном акте мышления является метафизическим и противоречит одному из важнейших положений марксистского философского материализма о диалектическом единстве языка и мышления.¹

С Петербургом была также связана деятельность одного из упомянутых выше крупнейших языковедов изучаемого времени — И. А. Бодуэна-де-Куртене, профессора Петербургского университета в 1901—1918 гг. и члена-корреспондента Академии Наук.

При характеристике состояния языковедения в Петербурге необходимо упомянуть, что в это время II отделение Академии Наук продолжало издавать «Словарь русского языка». «Словарь», правда, выходил медленно, и всего было издано семь выпусков. Помимо Шахматова, который сменил Грота на посту редактора, к работе над «Словарем» были привлечены С. П. Обнорский (впоследствии советский академик), В. И. Чернышев, С. К. Булич, Д. К. Зеленин и др.

Говоря о состоянии литературоведения в Петербурге, необходимо подчеркнуть, что с Петербургом была тесно связана борьба большевистской партии против реакционной литературы за демократическую, реалистическую литературу.

Статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» была опубликована в ноябре 1905 г. в издававшейся в столице газете «Новая жизнь». Эта статья В. И. Ленина, его статьи о Толстом и Герцене вооружили большевиков в их борьбе против реакционной, упадочнической литературы.

Вопросы литературы широко освещались в большевистских газетах «Звезда» и «Правда», где активно сотрудничали критики-большевики Воровский и Ольминский. Ряд важных статей по вопросам литературы, написанных Воровским, Ольминским, а также Луначарским, был опубликован в петербургских журналах и сборниках. Разоблачая декадентство и мистицизм буржуазных писателей, критики-большевики боролись за демократизацию литературы, за приближение творчества писателей к интересам народа.

А. А. Шахматов. Фотография начала XX в.

¹ В. В. Виноградов, «Синтаксис русского языка» акад. А. А. Шахматова. Вопросы синтаксиса современного русского языка, М., 1950, стр. 75, 125.

В буржуазных публицистико-литературоведческих работах следует отметить ярко выраженное стремление опорочить демократические традиции в русской литературе (Воынский, Айхенвальд, Гершензон, Мережковский и др.).

В Петербургском университете, а затем в Академии Наук в конце XIX и в первые годы XX в. продолжалась деятельность крупного либерально-буржуазного ученого-литературоведа А. Н. Веселовского, опубликовавшего в 1893—1894 гг. весьма богатое конкретным историческим содержанием исследование о Боккаччо, в 1904 г. — книгу «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и „сердечного воображения“», в 1905 г. — работу о Петрарке. В тот же период Веселовский уделял много внимания изучению так называемой исторической поэтики.

Ценность работ Веселовского значительно снижалась такими коренными недостатками его научной методологии, в свое время разъясненными в советской науке и печати, как игнорирование классовой природы литературных явлений, недооценка национальных особенностей в развитии культуры, резкое преувеличение влияний и заимствований.

Изучение романских языков и литератур велось в Петербурге некоторыми учениками А. Н. Веселовского — Д. А. Петровым (испанский язык и литература), В. Ф. Шишмаревым, ученым с исключительно широким и разнообразным кругом научных интересов, ныне академиком.

Положительное значение имела подготовка ряда серьезных изданий сочинений русских и западных классиков.

В 1905—1906 гг. в созданной при Академии Наук комиссии по постройке памятника Пушкину возникла мысль об учреждении в память Пушкина дома-музея, где сосредоточивались бы все рукописи, автографы, документы и материалы, связанные с жизнью и творчеством поэта. В 1906—1907 гг. Академии удалось приобрести библиотеку Пушкина и библиотеку села Тригорского, составить значительное собрание автографов поэта, сосредоточить много материалов и документов о нем. На основании и этих поступлений, и поступлений архивов других писателей и литературных деятелей Академия организовала Пушкинский Дом не в виде специального Пушкинского музея (как предполагалось вначале), а как пантеон русской литературы.¹

Пушкинский Дом собрал немало ценных материалов и музейных вещей по истории русской литературы. Он занимался публикацией этих материалов, устраивал юбилейные литературные выставки памяти писателей, проводил литературные вечера и лекции. С 1914 г. стал издаваться «Временник Пушкинского Дома».

Вокруг Пушкинского Дома постепенно объединялись исследователи — литературоведы Петербурга. Уже с 1909 г. в их руки перешло академическое издание сочинений Пушкина (Б. Л. Модзалевский, В. И. Саитов, Н. К. Козьмин), а также такое начинание Академии Наук, как «Академическая библиотека русских писа-

¹ Официальной датой основания Пушкинского Дома считается 1905 год.

телей». С 1909 г. Академия издала полные собрания сочинений М. Ю. Лермонтова (под ред. Д. И. Абрамовича), А. С. Грибоедова (под ред. Н. К. Пиксанова), А. В. Кольцова (под ред. А. И. Лященко), Е. А. Боратынского (под ред. И. А. Шляпкина). Продолжалось также издание сочинений М. В. Ломоносова, начатое Академией раньше.

В рассматриваемое время по общественной инициативе выходили полные собрания сочинений Н. А. Добролюбова (под ред. М. К. Лемке и др.), В. Г. Белинского (под ред. С. А. Венгерова) и Н. Г. Чернышевского (под ред. М. Н. Чернышевского). К концу периода было приступлено к изданию полного собрания сочинений и писем А. И. Герцена (под ред. Лемке).

Ценный материал по истории литературы содержался в больших библиографических работах С. А. Венгерова — «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней)» (1889—1904), «Русские книги» (1896—1898), «Источники словаря русских писателей» (1900—1917). Под редакцией Венгерова выходила также «Библиотека великих писателей» — собрания сочинений Пушкина, Шекспира, Байрона, Шиллера и Мольера, снабженные научными комментариями (изд. Брокгауз—Ефрон).

Организационным центром фольклористики в Петербурге был Этнографический отдел Русского Географического общества, издававший журнал «Живая старина», в котором освещались вопросы этнографии и фольклора.

Русское Географическое общество издало ряд замечательных сборников сказок, былин, песен и других видов народного творчества. Среди этих сборников следует назвать «Печорские былины» Н. Е. Оичукова (1904 г.), «Сибирские песенные старины» А. А. Макаренко, напечатанные в журнале «Живая старина» (1907, кн. I—IV), «Сибирский народный календарь» А. А. Макаренко (СПб., 1912). В 1895—1902 гг. был издан под редакцией А. И. Соболевского семитомный свод русских песен — «Великорусские народные песни».

Академики С. Ф. Ольденбург и А. А. Шахматов организовали при Этнографическом отделе Географического общества специальную Сказочную комиссию, осуществившую издание ценных сборников русских народных сказок, таких, как «Северные сказки» Н. Е. Оичукова (СПб., 1909), два сборника Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Пермской губернии» (Пгр., 1914) и «Великорусские сказки Вятской губернии» (Пгр., 1915). Кроме того, в 1917 г. вышли два тома «Сборника сказок из Архива Географического общества» А. М. Смирнова, в которых были опубликованы тексты сказок, поступившие в Архив Географического общества после издания известного сборника А. Н. Афанасьева.¹

Некоторые из упомянутых сборников содержали яркие материалы, свидетельствующие об острой социальной борьбе в России. Так, в сборник Н. Е. Оичукова

¹ М. К. Азадовский. Фольклористические исследования в начале XX века. В кн.: Русское народное поэтическое творчество. Учпедгиз, М., 1954, стр. 138.

«Северные сказки» были включены материалы о классовой борьбе в деревне, о ненависти крестьян к угнетателям. Уже после Октябрьской революции В. И. Ленин, ознакомившись со сборником Н. Е. Олчукова, указал на необходимость изучения народной поэзии под социально-политическим углом зрения, отметил, что на этом материале можно написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных.¹

Изданные по фольклору сборники обогащали фольклористическую науку новыми интересными материалами. Однако они не отличались в целом политической заостренностью, которая характеризовала работу собирателей народного творчества 60-х годов XIX в. Буржуазные фольклористы пытались доказать, что народное творчество аполитично и целиком произано религиозными мотивами. Некоторые из них утверждали, что творцами фольклора являются не трудящиеся массы, а высший правящий класс. В начале XX в. появилась реакционная аристократическая теория происхождения фольклора. Эту теорию пропагандировал, в частности, В. А. Келтуяла в предисловии ко второй книге «Курса истории русской литературы», вышедшей в Петербурге в 1911 г.

А. М. Горький в статье «О русской интеллигенции» писал, что Келтуяла совершенно вычеркнул русский народ из русской истории. Горький относил выступления Келтуялы к идеям «господ вехистов».

* * *

В связи с кризисом буржуазной идеологии глубокий кризис переживали в начале XX в. и общественные науки. Значительные порой результаты, достигнутые отдельными буржуазными учеными в литературоведении, лингвистике и истории, во многом обесценивались идеалистической методологией исследования. Глубокий идейный распад охватил университетскую политическую экономию и философию. Дальнейшее развитие общественных наук было возможно только на путях марксизма.

¹ Русское народное поэтическое творчество, т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 77.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ЛИТЕРАТУРА

Борьба рабочего класса во главе с революционной социал-демократией за гегемонию в революционном движении нашла глубокое отражение в развитии русской культуры.

Освободительные и демократические традиции русской классической литературы продолжали развивать писатели, принадлежавшие к направлению критического реализма. В конце 90—начале 1900-х годов выходят в свет такие произведения критического реализма, как «Воскресение» Льва Толстого, «Мужики», «В овраге», «Вишневый сад» А. П. Чехова. Печатают свои произведения В. Г. Короленко, В. В. Вересаев, Д. Н. Мамин-Сибиряк и др. Произведения демократических писателей, вызванные к жизни борьбой народных масс против гнета самодержавного государства, в свою очередь оказывают сильное влияние на развитие освободительного движения в России.

Произведения критического реализма уже не могли в полной мере ответить стремлениям взявшего в свои руки руководство революционной борьбой пролетариата. Требовалось новое содержание художественной литературы. Это новое содержание было найдено М. Горьким — основоположником социалистического реализма.

Раннее творчество М. Горького было пронизано тем боевым духом, который отвечал требованиям марксистской эстетики. Огромное значение для обоснования основных положений марксистской эстетики имели уже первые работы

В. И. Ленина, в частности работа «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1894—1895). Здесь В. И. Ленин выясняет сущность и различие объективизма и марксизма. Объективизм, трактуя о «непреодолимых исторических тенденциях», не столько объясняет, сколько оправдывает существующий общественно-экономический строй. Марксизм вскрывает закономерность «тенденций», но он указывает вместе с тем и на выход из существующих социальных отношений — на классовую борьбу. Марксизм и партийность неразрывно связаны между собой. «...материализм (этот термин в подцензурном тексте В. И. Ленина заменяет собой марксизм, — *Ред.*) включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы».¹

Этими словами определена В. И. Лениным сущность марксистской эстетики: художник не созерцатель, не бесстрастный наблюдатель действительности, а борец, видящий в классовой борьбе единственный путь разрушения существующего порядка. Таков был намеченный В. И. Лениным принцип партийности в искусстве (позднее, в 1905 г., В. И. Ленин подробно развил этот принцип, о чем речь будет идти дальше).

М. Горький в первых же своих произведениях показал себя как писатель-борец, остро ненавидящий изображаемую им действительность и зовущий к борьбе с ней. М. Горький, еще не связанный в те времена с революционной марксистской партией, создаваемой под руководством великого вождя рабочего класса В. И. Ленина, в практической своей деятельности художника становился на позиции марксистской эстетики. Так складывалось то направление в русской художественной литературе, которое вошло в мировую культуру под именем социалистического реализма и которое стало основой советского искусства.

Критико-реалистическое направление в художественной литературе, так же как начинавший складываться социалистический реализм, развивалось в ожесточенной борьбе с направлениями, враждебными демократии и пролетариату. В 1890-х годах в буржуазных и мелкобуржуазных кругах успехом пользовались произведения писателей, продолжавших и развивавших теорию малых дел. Отказ следовать реалистическим традициям русской классической литературы они прикрывали ничем общим с реализмом не имеющими приемами натуралистического письма. Задачи литературы сводились у этих писателей к изображению единичных явлений, без показа внутренних закономерностей, без раскрытия их социального смысла. Нарочитая аполитичность была одним из если не высказываемых, то на практике реализуемых лозунгов писателей-натуралистов. Характерным для этого направления было творчество П. Д. Боборыкина, И. Н. Потапенко и некоторых других.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 380—381.

Большую опасность представляло собой декадентское направление в литературе. Оно родилось как буржуазная реакция против того подъема, которым в 1890-х годах были охвачены передовые круги русского общества. Писатели-декаденты явились рупором буржуазии, с ненавистью и злобой встретившей делавшееся для нее все более очевидным стремление рабочего класса стать во главе революционной борьбы и тем самым довести ее до конца.

Писатели и критики декаденты (Д. С. Мережковский, Н. М. Минский, А. Л. Волынский, Э. Н. Гишпиус, Ф. К. Сологуб и др.) проповедовали «отрешение от реальной действительности» и служение «чистому искусству». Это означало отказ от борьбы за передовые идеи, от следования великим традициям классиков. Декаденты объявляли законы творчества непознаваемыми, говорили об иррациональной природе искусства. Отсюда те религиозно-мистические мотивы, которыми они насыщали свои произведения. Сознательно стремясь к тому, чтобы оторвать народные массы, а вместе с ними и демократическую интеллигенцию от освободительного движения, декаденты проповедовали индивидуализм. Они нередко доводили эту проповедь до утверждения идеи «сверхчеловека»; на взглядах многих декадентов лежит печать откровенного влияния Ницше. Глубоким пессимизмом веет от творчества декадентов, мотивы смерти становятся в нем все более и более назойливыми.

Декаденты в своей пропаганде так называемого «нового искусства» не могли опереться на сколько-нибудь значительную русскую традицию; русской литературе, как правило, были чужды декадентские настроения. Поэтому они фактически отрекались от великого наследия, оставленного классиками. Декаденты чаще всего обращались к западноевропейским образцам. В произведениях Метерлинка, Бодлера, Уайльда и других они черпали материал для своих художественных концепций.

С отравляющим сознание читателей воздействием писателей-декадентов всем прогрессивно настроенным деятелям литературы приходилось вести упорную и нелегкую борьбу.¹

Литературная жизнь Петербурга в рассматриваемую эпоху была богата событиями и явлениями большой значимости. Это понятно. Петербург явился цен-

¹ О том, какого напряжения она достигала даже в 1890-е годы, можно судить по такому эпизоду, произошедшему в литературной жизни Петербурга. А. Л. Волынский приобрел в литературных кругах Петербурга печальную известность одного из самых ярых почитателей В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского. Против него в рядах прогрессивных писателей росло возмущение, кончившееся громким скандалом. В 1894 г. в Петербурге праздновали юбилей А. М. Скабичевского, считавшего самого себя «верным хранителем» демократических традиций в русской критике. Устроители юбилей не допустили присутствия А. Л. Волынского на торжестве. Эпизод получил широкую огласку. Петербургская печать разделилась на два лагеря: защитников и противников А. Л. Волынского. Чрезвычайно интересно, что черносотенная печать взяла А. Л. Волынского, которого она обычно травля, под защиту. «Новое время» и А. Л. Волынский в отношении к революционным демократам оказались единомышленниками.

*Л. Н. Толстой. Скульптура П. Трубцкого.
Государственный русский музей.*

тром самой острой политической борьбы. В Петербурге жил и работал В. И. Ленин, руководивший петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Здесь издавались виднейшие политические и литературно-художественные журналы, здесь протекала деятельность представителей всех общественно-литературных течений. В силу всех этих причин Петербург стал крупнейшим центром литературной борьбы, определившей на ближайшие годы весь ход развития русской литературы.

Литературная деятельность старшего поколения писателей критико-реалистического направления, хотя бы и не живших в Петербурге, была в известной мере связана с Петербургом. В петербургском журнале «Нива» в 1899 г. печаталось последнее крупное произведение Л. Толстого, являющееся вершиной критического реализма в творчестве

великого писателя — роман «Воскресение» (в 1900 г. издательство «Нива» выпустило два отдельных издания «Воскресения»). Правда, роман был напечатан с огромным количеством цензурных искажений, редакция «Нивы» нередко прибегала к литературной «правке» стиля Л. Толстого, калеча и искажая его. Тем не менее опубликование «Воскресения» явилось крупнейшим событием в литературной жизни не только Петербурга, но и всей страны и всего мира.

В некоторых петербургских изданиях и издательствах вышли в рассматриваемое время произведения А. П. Чехова. Так, в 1897 г. в издательстве А. С. Суворина появился рассказ А. П. Чехова «Мужики» (впервые он был напечатан в том же году в московском журнале «Русская мысль»). Рассказ произвел огромное впечатление в различных общественных кругах и вызвал многочисленные литературные отклики. Между двумя петербургскими журналами — легальномарксистским «Новым словом» и народническим «Русским богатством» — завязалась полемика по поводу «Мужиков».

В петербургском журнале «Жизнь» в 1900 г. была напечатана повесть А. П. Чехова «В враге». Подобно «Мужикам» она вызвала множество литературных откликов. Чрезвычайно высоко оценил ее М. Горький. В своем критическом отзыве о ней, напечатанном в газете «Нижегородский листок» в 1900 г., он писал, что «каждый новый рассказ Чехова усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас ноту — ноту бодрости и любви к жизни». ¹ Говоря о литературных достоинствах повести, М. Горький высказал замечательную мысль: «Как стилист, Чехов недосыгаем, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов». ²

А. П. Чехов. Фотография конца XIX в.

В 1904 г. в Петербурге во второй книге сборников «Знание» (об этих сборниках речь будет идти дальше) была напечатана последняя пьеса А. П. Чехова «Вишневый сад». В том же году она вышла отдельным изданием в издательстве А. Ф. Маркса. Гениальная комедия А. П. Чехова отражала порожденную предреволюционным общественным подъемом глубокую веру писателя в светлое будущее родины, которое придет на смену тяжелому и горькому настоящему.

Литературная деятельность одного из крупнейших писателей критико-реалистического направления В. Г. Короленко была самым тесным образом связана с Петербургом. В. Г. Короленко с 1896 по 1900 г. жил в Петербурге, вместе с Н. К. Михайловским руководил петербургским журналом «Русское богатство», участвовал в литературно-общественных организациях, был связан личными и общественными связями со многими писателями, критиками, художниками, общественными деятелями города.

¹ М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 23, М., 1953, стр. 317.

² Там же, стр. 316. Основной материал о связях с Петербургом Толстого и Чехова — во втором томе «Очерков истории Ленинграда».

В. Г. Короленко. Фотография 90-х годов XIX в.

ства, В. Г. Короленко вместе с тем в своем литературном творчестве оставался верным последователем демократических заветов критического реализма. Глубокий гуманизм писателя и его верность демократическим традициям ясно ощущались читателями из самых разнообразных слоев, в том числе и читателями-рабочими. Вот, например, отзывы о творчестве В. Г. Короленко, принадлежащие трем рабочим: «Люблю его от всей души — человека, ищущего справедливость», «читая Короленко, всегда чувствую, что передо мною лежит творенье человека с большой душой», «близкий писатель, потому что человек родной».¹

В. Г. Короленко уловил общественный подъем в 1890-х годах с чуткостью, которой могли бы позавидовать многие писатели. В художественном творчестве его это нашло отражение в рассказе «В облачный день», опубликованном в 1896 г. в «Русском богатстве». А в знаменитом своем стихотворении в прозе «Огоньки», напечатанном в 1901 г. в одном из литературных сборников, вышедшем в Петербурге, В. Г. Короленко высказал уверенность в грядущем освобождении народа

Н. К. Михайловский продолжал оставаться главой народнического направления общественно-политической мысли 1890-х годов и стремился превратить «Русское богатство» в боевой орган народничества. Хотя бурное развитие капитализма вырывало почву из-под ног тех, кто пытался цепляться за безнадежно устаревшую социально-экономическую доктрину народничества, хотя марксисты во главе с В. И. Лениным нанесли ей уничтожающие удары, все же народники продолжали свою общественную, публицистическую и литературную деятельность. В Петербурге они группировались вокруг «Русского богатства». Среди народников-беллетристов наиболее заметными фигурами были Н. Н. Златовратский, В. Г. Богораз-Тан, С. Я. Елпатьевский и др.

Связанный с писателями-народниками и разделяя некоторые теоретические положения народничества,

¹ Л. М. Клейнборт. Русский читатель-рабочий. Л., 1925, стр. 79.

от ига самодержавия. «Огоньки» приобрели громкую известность и сыграли роль в общественном подъеме предреволюционной эпохи. «Мы вместе с вами верим, — писали В. Г. Короленко петербургские рабочие-печатники, — что огни не только впереди, но и близки. Наляжем сильнее на весла и доедем мы до этих „огней“». ¹

В 1900 г. В. Г. Короленко написал рассказ «Мгновение», в котором предчувствие бури, несущей освобождение, выражено почти с горьковской силой.

В 1896 г. В. Г. Короленко переехал в Петербург (он поселился в одном из домов на 5-й Рождественской, ныне Советской улице). В Петербурге он отдавал много сил и времени редактированию «Русского богатства», ведя при этом тяжелую и упорную борьбу с цензурой, председательствовал в Юридической комиссии, избранной союзом писателей для разработки вопросов о положении печати, поддерживал деловые и дружеские связи со многими петербургскими писателями, печатал в «Русском богатстве» и разных литературных сборниках беллетристические произведения. К петербургскому периоду жизни В. Г. Короленко относится его избрание в 1900 г. почетным академиком и нашумевший отказ от этого звания. Отказ был вызван аннулированием Академией избрания в почетные академики М. Горького, когда выборы его не были утверждены Николаем II (1902). В 1900 г. В. Г. Короленко покинул Петербург и переехал в Полтаву, но неизменно поддерживал со столицей самую тесную связь, продолжая, в частности, редактировать ежемесячник «Русское богатство». В Петербург он нередко наезжал, принимая живое участие в общественных событиях и литературной жизни.

В. В. Вересаев. Фотография начала XX в.

¹ Там же, стр. 104.

Марксисты наносили народникам один удар за другим. Обреченность народничества становилась очевидной для многих из тех, кто раньше стоял на позициях народничества. «Быстро, на глазах, популярность Михайловского падала и таяла. А нужно было жить в 80-х годах, чтобы знать, какова была эта популярность. . . В два-три года он стал совершенно чужим как раз наиболее активной части интеллигенции», — вспоминал В. В. Вересаев.¹ Вересаев сам считал себя воспитанником «школы Михайловского» и со времени своего приезда в Петербург в 1894 г., как он сам пишет, «яростно спорил с марксистами». Но его увлечение народничеством продолжалось недолго. В 1896 г. вспыхнула знаменитая стачка петербургских текстильщиков. Она оказала сильное воздействие на В. В. Вересаева, еделав то, чего не могли сделать его идейные противники. Стачка привела его к марксизму. «Многих, кого не убеждала теория, убедила она, — меня в том числе», — пишет В. В. Вересаев.²

В. В. Вересаев был одним из тех писателей, кто не только пережил крушение народнических иллюзий, но и отразил это в своем художественном творчестве. В его повести «Без дороги», напечатанной в «Русском богатстве» в 1895 г., показан духовный кризис народнической интеллигенции. Вслед за этой повестью он написал рассказ «Поветрие», где изобразил героиню повести «Без дороги» пришедшей к марксизму. Этот рассказ явился эпилогом к повести «Без дороги». Рассказ «Поветрие» Н. К. Михайловский отказался поместить в своем журнале. В. В. Вересаев напечатал его в сборнике рассказов, вышедшем в Петербурге в 1898 г.

Изображая передовую интеллигенцию своего времени, В. В. Вересаев показывает честных, ищущих, близких народу людей. В ряде произведений («Лизар», «Два конца») он рисует быт городской и сельской бедноты. В. В. Вересаев нетерпимо относился к уродующему человека социально-экономическому строю, но до ясного понимания путей к его ниспровержению не дошел.

В 1890-х годах начал печатать свои произведения Н. Г. Гарин-Михайловский. В молодости он увлекался народничеством, но вскоре не только отошел от него, но даже стал ему враждебен. Н. Г. Гарин-Михайловский считал, что народнические идеи для «дела нового» не пригодны, «а ведь старое провалилось».³ Литературным памятником разочарования писателя в народничестве остались очерки «Несколько лет в деревне», где народнические иллюзии разоблачены с присущей Н. Г. Гарину-Михайловскому силой. Он начал сближаться с марксистами, поддерживая материально некоторые марксистские издания и печатая свои произведения в марксистских и подмарксистских органах («Жизнь», «Начало», «Мир божий»). Хотя участия в партийной работе он и не принимал, тем не менее сочувствовал идеям Маркса и, по словам М. Горького, восхищался перспективами граи-

¹ В. Вересаев. Воспоминания. Изд. 3-е, ОГИЗ, М.—Л., 1946, стр. 366.

² Там же, стр. 367.

³ История русской литературы, т. X. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954, стр. 524.

днозной коллективной работы, исполняемой освобожденными от эксплуатации людьми. М. Горький высоко ценил талант Н. Г. Гарина-Михайловского. По его инициативе издательство «Знание» выпустило собрание сочинений этого писателя и печатало их отдельными изданиями.

Самым значительным произведением Н. Г. Гарина-Михайловского была его тетралогия — «Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры». Основной мотив этого произведения — столкновение демократических стремлений передового интеллигента с жестокой действительностью русской жизни. В этом столкновении герой тетралогии оказывается побежденным и приходит к мысли, что жизнь нужно не перестраивать, а приспособляться к ней. Жизнь петербургского студенчества и технической интеллигенции показана писателем в тонах, создающих впечатление безвыходности.

Но трагический финал жизни героя не умалил социального значения романа Н. Г. Гарина-Михайловского.

Такая же разоблачительная тенденция пронизывает и первое крупное произведение А. И. Куприна — «Молох», напечатанное в «Русском богатстве» в 1896 г. Эта повесть сразу сделала имя молодого писателя известным. В ней А. И. Куприн обнаружил ясное понимание исторической неизбежности капитализма, показав вместе с тем и все отталкивающие стороны его. Картина мерзости капиталистического строя была написана А. И. Куприным в реалистических тонах. Свиное божество Молох — капитализм — требует человеческих жертв и хозяева жизни — эксплуататорские классы — легко приносят их ему. Жертвами Молоха являются рабочие и лучшие представители интеллигенции. В первоначальном варианте повести А. И. Куприн намеревался показать бунт рабочих того завода, вокруг которого разыгрываются изображаемые им действия. Но по настоянию цензуры

А. И. Куприн. Фотография начала XX в.

писатель исключил главу, посвященную описанию бунта.¹ «Молох» принадлежит к числу наиболее значительных произведений критического реализма конца XIX в.

В литературных кругах Петербурга сравнительно редко появлялась фигура Д. Н. Мамина-Сибиряка, хотя он поселился в городе с 1891 г. и оставался в нем до смерти (1912). Это был второй приезд писателя в Петербург (в первый раз он жил в нем в 1870-х годах). Д. Н. Мамин-Сибиряк в этот второй петербургский период своей жизни не поддерживал широких литературных знакомств, почти не принимал участия в общественно-литературных делах. Писатель жил замкнуто. Это не мешало ему следить со вниманием за событиями текущей жизни и быстро откликаться на них. Демократизм Д. Н. Мамина-Сибиряка, его ненависть к насилию, глубокая любовь к народу никогда в нем не умирали и делали его отзывчивым ко всем явлениям жизни.

Бесчеловечное грабительство русских промышленников и купцов показано в романах Д. Н. Мамина-Сибиряка («Приваловские миллионы», «Горное гнездо» и др.) с исключительной смелостью и правдивостью. Ко второму петербургскому периоду жизни Д. Н. Мамина-Сибиряка относится серия его детских рассказов, занявших выдающееся место в детской литературе. В это же время он писал и свои автобиографические рассказы, посвященные далекому детству. Эти рассказы по своей тонкой поэзии, искренности, человечности, высоко развитому пониманию природы должны быть отнесены к лучшим образцам творчества писателя. В 1912 г. М. Горький приветствовал Д. Н. Мамина-Сибиряка в таких провикновенных словах: «...ваши книги помогли понять и полюбить русский народ, русский язык... Когда писатель глубоко чувствует свою кровную связь с народом, это дает красоту и силу ему. Вы всю жизнь чувствовали творческую связь эту и прекрасно показали вашими книгами, открыв нам целую область русской жизни, до вас незнакому нам».²

Начальный период литературной биографии М. Горького прочно связан с литературной жизнью Петербурга конца 1890—начала 1900-х годов. В 1895 г. в «Русском богатстве» был напечатан рассказ М. Горького «Челкаш». В течение последующих трех лет в других петербургских журналах («Новое слово», «Северный вестник», «Жизнь») появились такие выдающиеся произведения М. Горького, как «Супруги Орловы», «Коновалов», «Бывшие люди», «Фома Гордеев», «Трое» и др.

В 1898 г. в Петербурге впервые вышли отдельным изданием два тома рассказов М. Горького, печатавшихся раньше в различных газетах и журналах. В. А. Поссе, которому М. Горький поручил хлопоты по изданию рассказов, долгое время не мог найти издателя. Наконец, двое знакомых Поссе — С. П. Дороватовский и А. П. Чарушиков — согласились взять на себя издание. В 1898 г. оба тома

¹ Л. А. Плоткин. Вступительная статья к Избранным произведениям А. И. Куприна. Л., 1947, стр. VIII.

² М. Горький, ук. соч., т. 29, М., 1955, стр. 277—278.

вышли в свет. Успех они имели для начинающего писателя необычайный: менее чем в год весь тираж (по 3,5 тыс. экземпляров каждого тома) был раскуплен. Еще во время печатания рассказов в типографии Богельмана наборщики, прерывая работу, сообщая читали их и говорили: «Вот это действительно наш писатель. Это за живое задевает».¹

Революционный пафос ранних рассказов М. Горького был ярким отражением подъема, назревавшего с 1890-х годов в рабочем классе, крестьянстве и передовой интеллигенции России.

Идейно-эстетические позиции раннего Горького отразились в его рассказе «Читатель» (1898). В нем он заявляет, что писатель не может не быть близким к народу, а близость к народу делает писателя борцом за социальную правду и справедливость.

Сила, смелость, свободолюбие легендарных и героических персонажей М. Горького, их протест против мещанства, их вера в человека производили громадное впечатление на читателей и быстро завоевали писателю любовь всего передового человечества. В петербургском журнале «Жизнь» в апреле 1901 г. было напечатано самое знаменитое произведение М. Горького того периода — «Песня о Буревестнике», воспринятое в широких читательских кругах как литературно-революционный манифест.

О революционизирующем значении произведений М. Горького, написанных до 1901 г., лучше всего говорят следующие строки из работы В. И. Ленина «Начало демонстраций», напечатанной в «Искре» (№ 13, 20 декабря 1901 г.): «В Нижнем небольшая, но удачно сошедшая демонстрация 7-го ноября была вызвана проходами Максима Горького. Европейски знаменитого писателя, все оружие которого состояло — как справедливо выразился оратор нижегородской демонстрации — в свободном слове, самодержавное правительство высылает без суда и следствия из его родного города. Башибузуки обвиняют его в дурном влиянии на нас, — говорил оратор от имени всех русских людей, в ком есть хоть капля стремления к свету и свободе, — а мы заявляем, что это было хорошее влияние».²

Впервые М. Горький приехал в Петербург в 1899 г. Он сразу же вошел в петербургский литературный мир. В своей так быстро завоеванной известности в литературных кругах Петербурга он мог убедиться во время банкета, устроенного в его честь редакцией журнала «Жизнь». На банкете, на котором присутствовали все видные писатели Петербурга, произносились приветственные речи с выражением восхищения талантом М. Горького.

Вскоре после встречи с петербургскими писателями М. Горький выступил на одном из студенческих вечеров. Появление его на эстраде вызвало овацию. Такой же овацией сопровождалось и чтение им отрывков из своих произведений. Это

¹ В. А. Поссе. Мой жизненный путь. М.—Л., 1929, стр. 149.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 295.

Титульный лист книги М. Горького «Очерки и рассказы».

видели прокламацию против жестокой расправы полиции с участниками демонстрации. Прокламация была подписана сорока четырьмя писателями. Среди подписей стояло имя М. Горького.

По распоряжению министра внутренних дел 12 марта за составление протеста против действий правительства был закрыт в Петербурге Союз взаимопомощи русским писателям. В ответ на этот акт репрессии со всех концов России на имя отдельных членов Союза в Петербург начали поступать приветствия с выражением сочувствия и поддержки.

С именем М. Горького ближайшим образом связано основание в Петербурге издательства «Знание». Это издательство возникло в 1898 г. Учредителями его были

¹ Александр Серебров (А. Н. Тихонов). Время и люди. Звезда, 1948, № 12, стр. 121—127.

было первое публичное выступление М. Горького, показавшее, какую любовь он успел приобрести среди широких кругов демократической интеллигенции.

Об одной из марксистских вечеринок в Петербурге, на которой выступал М. Горький, рассказывает в своих воспоминаниях А. Н. Тихонов. М. Горький очень хорошо различал настоящую любовь к себе демократической молодежи от того «внимания», которым его дарили в либерально-буржуазных кругах. Воспоминания А. Н. Тихонова хорошо иллюстрируют общественно-литературный быт тех петербургских кругов, которые «хвастались» своим знакомством с М. Горьким.¹

Во второй раз М. Горький приехал в Петербург в 1901 г. Во время его пребывания в Петербурге 4 марта была устроена студенческая демонстрация в знак протеста против отдачи студентов в солдаты за участие в студенческих волнениях. В тот же день передовые петербургские писатели составили

К. П. Пятницкий, В. А. Поссе, Г. А. Фальборк, В. И. Чарнодуский, О. Н. Попова и некоторые другие лица. Возникло оно как культурно-просветительская организация, а не как коммерческое предприятие. Директором-распорядителем был избран К. П. Пятницкий. В 1900 г. в состав товарищества вошел М. Горький. С течением времени все участники товарищества по разным причинам отошли от него. С 1902 г. во главе издательства оставались К. П. Пятницкий и М. Горький.

Издательство сначала было задумано с целью пропаганды главным образом естественно-научных знаний. Каждый из учредителей-нальщиков являлся в то же время и редактором книги, которую он предлагал в издательство. В первое время своего существования «Знание» выпускало книги по астрономии, палеонтологии, географии, биологии и другим естественным наукам. Позднее стали выходить сочинения по истории, политической экономии, искусству. Постепенно начали издаваться беллетристические произведения, имевшие

столь большой успех, что скоро издательство почти целиком перешло на издание беллетристики. Были напечатаны сочинения М. Горького, В. В. Вересаева, А. С. Серафимовича, Е. Н. Чирикова, И. А. Бунина, Л. Н. Андреева, А. И. Куприна и многих других современных писателей. Издавались и классики мировой литературы: Софокл, Эврипид, Гете, Байрон, Лонгфелло, Золя и др. В период революции 1905—1907 гг. издательство выпускало сочинения Маркса, Бебеля, Меринга, Лафарга и др.

Особое место в деятельности «Знания» занимают его знаменитые сборники. За все время существования издательства им было выпущено 40 сборников (первый вышел в 1904 г.). В них печатались произведения М. Горького, А. П. Чехова, А. И. Куприна, А. С. Серафимовича, С. Г. Скитальца и других авторов. Многие произведения М. Горького (в том числе «На дне», «Мать») впервые были напеча-

Сборник товарищества «Знание», книга III.

таны в сборниках. Успех сборников был огромен. Можно без преувеличения сказать, что перед революцией 1905—1907 гг. и в период революции не было более популярных беллетристических произведений, чем те, которые печатались в сборниках. О сборниках В. И. Ленин писал, что это были издания, «стремившиеся концентрировать лучшие силы художественной литературы».¹

Была организована серия беллетристических произведений под названием «Дешевая библиотека товарищества „Знание“». По цене от 3 до 10—15 коп. выпускались отдельные произведения этих авторов. Дешевая цена делала их доступными для самых широких слоев населения. В деле распространения среди рабочего класса произведений М. Горького «Знание» сделало очень много.

М. Горькому принадлежит виднейшая роль в борьбе прогрессивной русской литературы с декадентством.

В Петербурге декаденты группировались вокруг «Северного вестника», редактировавшегося А. Л. Вольнским и Л. Я. Гуревич. После прекращения этого журнала начал с 1898 г. выходить под редакцией С. П. Дягилева «Мир искусства». В обоих журналах печатали свои произведения Н. М. Минский, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, К. Д. Бальмонт, Ф. К. Сологуб и др. «Теоретиком» декадентства считался А. Л. Вольнский.

Декаденты начинают приобретать в буржуазных кругах и среди российских обывателей все большую известность. В Петербурге они часто выступают с публичными лекциями, в которых пытаются пропагандировать декадентскую эстетику. Некоторые петербургские литературные салоны становятся центрами декадентства, например собрания у Д. С. Мережковского, у Вячеслава Иванова (В. Иванов был признанным главой молодых декадентских поэтов Петербурга). Часто петербургские декаденты ездят в Москву, где встречают теплый прием у своих московских братьев. В Москве связь декадентов с буржуазными кругами прослеживается особенно заметно: крупный московский фабрикант Н. П. Рябушинский дал средства для издания органа декадентов — журнала «Золотое руно»; другой журнал — «Весы» и издательство «Скорпион» были основаны на средства московского капиталиста С. А. Полянова.

М. Горький сразу понял реакционную сущность декадентства. В отзыве о стихах Ф. Сологуба, напечатанном в 1896 г. в «Самарской газете», он указывал на «пессимизм и полное безучастие к действительности», на «сознание своего бессилия», на «ясно ошутимое отсутствие крыльев у поэтов-декадентов».² А в статье «Полю Верлен и декаденты», появившейся в том же году в той же газете, М. Горький писал, что декаденты — «рабы жизни, болезненно бьются в ней, как мухи в паутине, и раздражительно жужжат, наводя уныние и тоску».³ Давая общую

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 34, стр. 380.

² М. Горький, ун. соч., т. 23, стр. 122.

³ Там же, стр. 136.

оценку этому направлению в литературе, М. Горький заявлял, что «декаденты и декадентство — явление вредное, антиобщественное, — явление, с которым необходимо бороться».¹

Наиболее действенным оружием в борьбе М. Горького с декадентством было его художественное творчество. Оно своим жизнеутверждающим и революционным содержанием наносило сокрушительные удары по этому глубоко реакционному литературно-общественному течению. Декаденты чувствовали силу великого писателя и отвечали на его удары злобными выпадами.

Сильные и здоровые художественные таланты не только избегали влияния декадентов, но активно боролись с этим течением. Так, остался чужд декадентству один из самых видных беллетристов и тонких поэтов начала XX в. — И. А. Бунин. В своей автобиографии (1915) он писал, что, издав в 1900 г. свою первую книгу стихов в декадентском издательстве «Скорпион», он скоро разошелся со своими новыми товарищами, не возымевав никакой охоты играть с ними «в аргонавтов, в демонов, в магов и нести высокопарный вздор».²

*
*
*

Начало 1900-х годов отмечено в жизни страны бурными событиями: «Обуховская оборона», ряд крупных стачек и демонстраций, подъем крестьянского движения, студенческие волнения и, наконец, «Кровавое воскресенье», положившее начало первой русской революции. Вместе с развитием революционного движения растут и крепнут марксистские социал-демократические организации. Этот период является периодом подготовки ко II-му съезду партии, когда из отдельных, ранее разрозненных социал-демократических кружков и групп была создана Российская социал-демократическая рабочая партия, вставшая во главе революционного движения масс.

Бурные события кануна первой русской революции нашли яркое отражение в литературе. Литературные произведения этого времени, написанные писателями демократического направления, насыщены высоким идейно-политическим содержанием. Лучшие русские писатели, поднятые на гребень волны массового движения, изображали в своих произведениях необычайный подъем, охвативший рабочий класс, крестьянство и широкие круги демократической интеллигенции.

Между 1901 и 1905 гг. появились такие выдающиеся, наполненные революционным содержанием произведения М. Горького, как «Песня о Буревестнике», «Букоемов Карп Иванович», «Тюрьма», «И еще о чорте» и др. Тогда же были написаны М. Горьким пьесы «Мещане», «На дне» и «Дачники». Первое представление «Ме-

¹ Там же, стр. 125.

² Русская литература XX века, под ред. проф. С. А. Венгерова, ч. II, стр. 339.

щан» состоялось в Петербурге 26 марта 1902 г. Пьесу поставил Художественный театр, гастролировавший тогда в Петербурге. В «Мещанах» впервые в литературе показан в лице Нила рабочий как носитель идеи революции.

Пьеса «На дне» была поставлена в декабре 1902 г. Художественным театром в Москве. Спектакль имел исключительный успех. Через месяц пьеса была выпущена издательством «Знание». К концу 1903 г. 75 тыс. экземпляров издания оказались распроданными — такой успех редко выпадал на долю литературного произведения. В 1903 г. пьеса была переведена на многие языки и во многих театрах мира поставлена. Везде ее постановка сопровождалась громадным успехом.¹ Имя М. Горького приобрело мировую известность.

После Октябрьской революции М. Горький, отвечая группе читателей, писал: «Вы спрашиваете, почему в пьесе „На дне“ нет сигнала к восстанию. Сигнал этот можно услышать в словах Сатина, в его оценке человека».² Громадное революционизирующее значение творчества М. Горького было отлично разгадано его врагами, активизировавшими свои выступления против него. Сам М. Горький писал о выпадах против него в письме Е. П. Пешковой от 4 февраля 1904 г. из Сестрорецка в таких шуточных тонах: «Против меня затеян поход с трех сторон: „Новый путь“ — Философов и Гиппиус клянутся уничтожить Горького, „Новое время“ ставит своей ближайшей задачей доказать как дважды два вред моего существования, о том же усиленно будет заботиться „Русский вестник“».³

В 1901 г. вышла повесть В. В. Вересаева «На повороте». В ней автор в противовес колеблющейся и перерождающейся либеральной интеллигенции показал рабочего социал-демократа, верящего в победу революции. О первой части повести одобрительно отозвался В. И. Ленин.

В рассказах А. С. Серафимовича, написанных в предреволюционный период, также показаны представители рабочего класса — та новая сила, которая преобразует мир.

На писателя огромное влияние оказала обстановка предреволюционного подъема и сближение с Горьким. Влиянию М. Горького Серафимович придавал исключительное значение. Он говорил, что М. Горький помог ему понять все значение борьбы рабочего класса, разбудил в нем мысль, что пролетариат — «мировая сила, которая в конце концов свернет шею мировой буржуазии».⁴ Вслед за М. Горьким Серафимович становится на путь социалистического реализма.

¹ О спектаклях «На дне» в Петербурге см. гл. XI настоящего издания.

² М. Горький, ун. соч., т. 6, М., 1950, стр. 551.

³ Там же, т. 28, М., 1954, стр. 302. «Новый путь» был органом тех кругов, которые создали реакционное Петербургское религиозно-философское общество; Д. В. Философов — один из вдохновителей этой организации.

⁴ А. С. Серафимович, Собр. соч., т. X, 1948, стр. 424.

Тема близящейся революции появилась в произведениях многих демократических писателей — А. И. Куприна, Н. Г. Гарина-Михайловского, С. Г. Скитальца, С. И. Гусева-Оренбургского и др.

Лучшие из писателей-символистов также оказались вовлеченными в общий поток. В написанных перед 1905 г. стихотворениях А. А. Блока отражены настроения тревожного ожидания, предчувствия близящегося потрясения, хотя они и были облечены в привычную в то время для А. А. Блока туманно-мистическую форму.

Творчество А. А. Блока на всем его протяжении связано с Петербургом. Блок начал писать с 1898 г. В первые годы творчества он находился под сильным влиянием В. Я. Брюсова. Познакомившись с Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус и войдя в их кружок, он стал особенно близок к декадентству. Отражением тогдашних его настроений явился цикл «Стихи о Прекрасной Даме». Первый печатный сборник стихотворений А. А. Блока — «Стихи о Прекрасной Даме» — вышел в Петербурге в октябре 1904 г.

К этому времени А. А. Блок уже отошел от тех настроений, во власти которых находился в период создания сборника. Блок начинает сознавать, что дорога, по которой он до сих пор шел, может завести его в тупик. Он касается таких тем, какие никогда поэтами-декадентами не затрагивались. Таково знаменитое стихотворение А. А. Блока «Фабрика», написанное в 1903 г. В нем — ясно выраженное ощущение непримиримости социальных противоречий.

Более отчетливо отразил радость ожидания перемен, которые принесет надвигающаяся буря, В. Я. Брюсов. Громадное распространение в годы предреволюционного и революционного подъема получило его стихотворение «Каменщик» (1902), в котором явственно звучал призыв к борьбе.

Особое место в литературе тех же лет заняла военная тема. Русско-японская война в демократических кругах не пользовалась никакой популярностью. Только самая реакционная часть общества приветствовала войну. С наигранным воодушевлением авторы статей и рассказов, печатавшихся в поддерживаемых правительством изданиях, писали об «извечной преданности» русского народа царю и вере, о неизбежном поражении Японии и т. д. и т. п. Были ищены в ход все обычные черносотенно-патриотические литературные приемы. Не была забыта и так называемая литература для народа. Петербург явился одним из центров, где печатались «лубочные» издания, отравлявшие сознание народных масс своим верноподданнически-церковным духом.

В 1904 г. в 3-й книге сборника «Знание» появилось одно из значительных произведений антивоенной литературы — «Красный смех» Л. Н. Андреева. Этот писатель, начавший печататься в последние годы XIX в., скоро был отмечен М. Горьким, который привлек его к участию в сборниках «Знание». М. Горький оценил дарование Л. Н. Андреева, который со своей стороны относился с любовью

и уважением к М. Горькому. Л. Н. Андреев говорил, что в течение многих лет великий писатель оказывал ему неоценимую поддержку своими советами. Первые рассказы Л. Н. Андреева, написанные в реалистических тонах, в значительной степени были направлены против лицемерия буржуазного общества, против мещанства. Однако идейная неустойчивость Л. Н. Андреева — фаталиста и скептика, — впоследствии заставившая его примкнуть к идейной реакции, сказывалась в нем уже тогда.

В «Красном смехе» нашел отражение протест против ужасов и бессмысленности всякой, с точки зрения Л. Н. Андреева, войны. Ни Л. Н. Андреев, ни кто-либо другой из литераторов, стоявших вне рядов революционных марксистов, не могли протестовать против войны иначе, как с пацифистских позиций. Но и такой протест против авантюры, затеянной царизмом, находил широкий отклик и оказывал свое революционизирующее влияние. С. Юшкевич, С. И. Гусев-Оренбургский и другие писатели изображали равнодушие к войне в народных массах, рисовали отталкивающие картины войны, в очень неприглядном свете выставляли офицерскую среду.

А. И. Куприн в повести «Поединок» развенчал армию, создаваемую царским правительством. Повесть была напечатана в 6-й книге сборника «Знание». «Поединок» — обвинительный акт против самодержавия, породившего небоеспособную армию и бросившего ее на поля сражений. «Великолепная повесть» — так отозвался о «Поединке» М. Горький.

Резким обвинением против военно-бюрократической системы управления армией явились записки В. В. Вересаева «На войне», напечатанные уже после окончания русско-японской войны в сборниках «Знание». Автор в начале войны отправился в качестве врача в действующую армию. Проведя много месяцев в ее рядах, В. В. Вересаев увидел закоснелость военно-бюрократического аппарата, неспособность офицерского состава, показал брожение в армии и развертывающееся революционное движение рабочих.

Подъем, пережитый накануне первой революции представителями демократической литературы, нашел выражение, конечно, в литературной жизни не одного Петербурга. Во всей стране прогрессивные писатели были охвачены желанием помочь борьбе трудящихся масс с самодержавным и капиталистическим гнетом. В Москве образовалось литературное общество «Среда», участники которого были тесно связаны с петербургскими писателями. Большую роль в деле сближения через «Среду» писателей Петербурга и Москвы сыграл М. Горький, внимательно следивший за жизнью этой литературной организации и посещавший ее собрания всегда, когда он бывал в Москве. На собраниях «Среды» выступали А. С. Серафимович, С. Г. Скиталец, С. А. Найденов, Л. Н. Андреев, Н. Д. Телешов и др. Участники «Среды» собирались не только для того, чтобы обменяться мнениями о новых литературных произведениях, но и по поводу политических событий. Писатели, входившие в эту организацию, выступали с публичными протестами против

полицейских расправ, занимались просветительной деятельностью, коллективно боролись против выступлений реакционных писателей и т. д.¹

Наступил 1905-й год. Революция пробудила широчайшие рабочие и крестьянские массы к борьбе с самодержавием, вызвала открытые выступления в солдатской и матросской среде. Под влиянием массового движения активизировалась втянутая в революционную борьбу демократическая интеллигенция. Демократические писатели насыщают свои произведения революционным содержанием и поднимают в них вопросы большой политической важности.

М. Горький откликнулся на революцию произведениями, из которых наиболее значительны «9 января» и «Мать». «9 января» в России по цензурным условиям до падения царизма не могло быть напечатано (впервые в России «9 января» вышло в 1920 г.). Этот очерк — лучшее из литературных произведений, написанных на тему событий памятного в истории первой русской революции дня. Горький был в это время в Петербурге и лично наблюдал события 9 января.² После расстрела участников демонстрации он написал воззвание, призывавшее к упорной и дружной борьбе с самодержавием. За это воззвание он был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Правительство под давлением передовых общественных кругов в России и за границей, протестовавших против ареста М. Горького, оказалось вынужденным его освободить. М. Горький уехал из Петербурга в Ригу. До ареста и после освобождения М. Горький имел возможность говорить со многими участниками демонстрации, передававшими ему не только фактические подробности событий, но и те настроения ужаса, удивления, гнева, ненависти, которыми были охвачены шедшие к Зимнему дворцу рабочие. Все это вместе с собственными впечатлениями писателя нашло исключительное по силе выражение в очерке «9 января».

Другое произведение М. Горького, которым он откликнулся на революцию, — знаменитая повесть «Мать». Задумал ее М. Горький еще в 1902 г. в связи с сормовской демонстрацией рабочих и тогда же начал подготовительные работы. Но после ареста собранный им материал пропал. Писал М. Горький «Мать» в Америке в 1906 г. «по памяти». Отдельным изданием на русском языке повесть вышла за границей в 1907 г. В России она была напечатана с большими цензурными пропусками в сборниках «Знание» в 1907 и 1908 гг.

В. И. Ленин высоко оценил «Мать», с которой он познакомился еще в рукописи. В своих воспоминаниях о В. И. Ленине М. Горький писал, что В. И. Ленин признал повесть «очень своевременной», «нужной», говорил, что рабочие прочитают «Мать» «с большой пользой для себя». К. Е. Ворошилов в 1932 г. писал М. Горькому, что «Мать» близка каждому пролетарию, прошедшему «суровую школу старой проклятой русской жизни».³ А. В. Луначарский говорил, что по-

¹ Н. Г е л е ш о в. Записки писателя. М., 1950, стр. 37—68.

² См. гл. V настоящего издания.

³ М. Г о р ь к и й, ук. соч., т. 7, М., 1950, стр. 535—536.

весть стала настольной книгой для рабочих зарубежных стран. Многочисленные письма рабочих М. Горькому свидетельствовали, что они увидели в повести произведение, которое учило их жить и бороться.

«Мать» — первое в русской и мировой литературе произведение, в котором идея пролетарской революции нашла художественное выражение. Потому-то так велико было революционизирующее значение повести М. Горького и потому она не теряет этого своего значения для рабочих тех стран, где еще не свергнут капитализм.

Темы революции касались и другие писатели, хотя бесспорно с гораздо меньшей глубиной, чем М. Горький. Следует назвать «Похоронный марш», «На Пресне» и другие произведения А. С. Серафимовича. Отдельные эпизоды революционной борьбы отразил В. Г. Тан в повестях «На тракту» и «Дни свободы». Он показал забастовки рабочих, столкновения рабочих демонстраций с черносотенцами, вооруженное восстание в Москве и ряд других событий, связанных с революцией. В одной из книг сборника «Знание» была напечатана хроника А. А. Кипева «В октябре», изображавшая революционные события в Одессе. Е. Н. Чириков коснулся революционной темы в своих пьесах и рассказах. В его рассказе «Мятежники» показано революционное движение в деревне. Эту тему затрагивали В. В. Муйжель, С. Г. Скиталец и др.

Значительное внимание уделяли демократические писатели разоблачению борьбы паризма с революцией. Сцены расстрелов, карательных экспедиций, казней, погромов наполняли собой многие произведения, появившиеся в 1906 и 1907 гг. А. И. Куприн, Леонид Андреев, А. А. Кипев, С. Г. Скиталец, В. В. Муйжель и другие писатели рисовали картины звериной злобы и ненависти господствующих классов. Часто такие картины получались более яркими, чем показ революционного подъема. Писателей одушевляла ненависть к полицейско-самодержавному строю и страстное желание его уничтожения. Но четкой и ясной политической и социальной программы, утверждавшей пролетариат гегемоном революции, они не имели.

В 1905 г. в Петербурге начала выходить первая легальная большевистская газета «Новая жизнь». Первый ее номер вышел 27 октября, последний — 3 декабря 1905 г. Редактором газеты, начиная с девятого номера и до ее закрытия, был В. И. Ленин, напечатавший в ней 12 работ. В газете участвовали М. Горький (в этот период произошла первая личная встреча М. Горького с В. И. Лениным, оказавшим на великого писателя огромное влияние), Л. Б. Красин, А. В. Луначарский, В. В. Воронский, М. С. Ольминский, В. В. Вересаев, Н. Г. Гарин-Михайловский и др. Официальным редактором «Новой жизни» числился Н. М. Минский, имевший разрешение на издание газеты. Это разрешение группа большевиков — организаторов газеты и решила использовать. В специальном договоре, заключенном перед началом выхода «Новой жизни» между Н. М. Минским и организаторами газеты, оговаривалось, что сотрудничество Н. М. Минского в газете

не должно противоречить ее программе. А газета ставила своей задачей «быть выразительницей политических и экономических интересов рабочего класса».¹

Событием громадной важности было появление на страницах «Новой жизни» работы В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература». В. И. Ленин учил, что литература должна быть частью общепролетарской борьбы, что «литературное дело должно непременно и обязательно стать неразрывно связанной с остальными частями частью социал-демократической партийной работы». В противовес буржуазной торгашеской печати, в противовес «буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму», литературное дело для социалистического пролетариата «не может быть вообще индивидуальным делом, независимым от общего пролетарского дела». В. И. Ленин разоблачил так называемую свободу творчества буржуазных деятелей искусства, в действительности зависящих в прямой или косвенной форме от «денежного мешка, от подкупа, от содержания». Литературе, связь которой с буржуазией маскировалась пышными фразами о «свободе творчества», В. И. Ленин противопоставлял «открыто связанную с пролетариатом литературу».² В признании художником этой связи и в творческой реализации ее заключались основы марксистской эстетики, развитые В. И. Лениным.

В «Новой жизни» были напечатаны «Заметки о мешанстве» М. Горького, в которых великий писатель показал полное понимание задач, поставленных перед литературой В. И. Лениным. В этой работе М. Горький разоблачал людей, прикрывающихся беспартийностью, но на деле поддерживающих тех, кто стремится

Сатирические журналы 1905 г., в которых сотрудничал М. Горький.

¹ Б. С. Мейлах. Ленин и проблемы русской литературы. М., 1947, стр. 152—153.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 10, стр. 26—31.

задушить освободительное движение. Растерянно суесящиеся между эксплуатируемыми и эксплуататорами мещане — воплощение недопустимого в острой классовой борьбе компромисса. В гневном обличении оппортунистического мировоззрения, какую бы форму ни принимало последнее, заключалось громадное политическое значение «Заметок о мещанстве». В. И. Ленин высоко оценил это произведение М. Горького. В 1908 г. он, сообщая писателю о близящемся выходе центрального большевистского органа «Пролетарий», предлагал ему «дать что-либо для первых номеров (в духе ли *заметок о мещанстве* из «*Новой жизни*» или отрывки из повести, которую пишете, и т. п.)».¹

Большое распространение во время революции 1905 г. во всей стране и особенно в Петербурге получили сатирические журналы. В 1905—1907 гг. в Петербурге выходило 178, в Москве — 43 и в провинции — 88 сатирических журналов, тогда как в течение всего XIX в. в Петербурге было 47 таких журналов, в Москве — 12 и в провинции — 20. Жизнь каждого из этих журналов была очень непродолжительной — почти все они закрывались правительством на первых же номерах. Против редакторов некоторых из них было начато судебное преследование. Но потребность в политической сатире была столь велика, что на месте одного закрытого издания сейчас же возникало другое. Успех они имели чрезвычайный — сплошь и рядом весь тираж журнала раскупался в день его выхода в свет.

Среди петербургских сатирических журналов наиболее интересными были «Зритель», выходивший под редакцией Ю. К. Арцыбушева, «Пулемет» Н. Г. Шебуева, «Сигнал» К. И. Чуковского и некоторые другие. В журналах принимали участие многие выдающиеся художники. Художники в немалой степени способствовали успеху сатирических изданий. Особого внимания заслуживает журнал «Балда», издававшийся коллективом рабочих-печатников, закрытый на третьем номере. Вместо него стал выходить «Топор», прекративший свое существование уже на втором номере. Предположенный к изданию «Звон», который должен был явиться продолжением «Топора», вовсе не вышел вследствие высылки из Петербурга его редактора П. В. Васильева-Северянина.

В некоторых сатирических журналах принял участие М. Горький. В «Адской почте» был напечатан его рассказ «Мудрец», в котором высмеивалась проповедь непротивления злу. В «Адской почте» же М. Горький напечатал «Правила и изречения» под своим старым псевдонимом — Иегудил Хламида. Помещал он свои рассказы и сатирические наброски также в «Жупеле», «Жале» и других изданиях.

Масса сатирических журналов, которые выходили в годы революции, отражала политическую ориентацию демократической и отчасти либеральной интеллигенции. Несомненный успех имели журналы и среди рабочего читателя. Злое остроумие сотрудников журналов часто было направлено на Николая II и его окруже-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 34, стр. 328.

ние. В выпадах против царя применялись хитроумные способы, чтобы обмануть цензуру. Она нередко попадала впросак, но читатели отлично разбирались в значении разнообразнейших намеков, применяемых в словесном и графическом материале журналов. В разоблачении самодержавия со всеми его атрибутами, проводимом иногда очень остро и зло, крылась причина успеха сатирических журналов.

* * *

Годы реакции, наступившей после подавления первой революции, способствовали оживлению деятельности реакционных писателей. После 1907 года некоторая часть интеллигенции отвернулась от революции и стала особенно усердно проповедовать «искусство для искусства». В этих кругах насыщенность литературного произведения идейно-политическим содержанием объявлялась преступлением против «хорошего вкуса», связь с народом высокомерно отвергалась, а следование традициям критического реализма признавалась несправимой отсталостью. В литературе появилось множество разветвлений единого, по существу, декадентства. Лишь в отдельных случаях такие мелкие литературные группировки просуществовали сколько-нибудь длительное время; как правило, они распадались с первых же шагов своей деятельности.

Некоторые русские писатели в своем стремлении «оплевать революцию» и отвлечь от борьбы молодежь, интеллигенцию доходили до крайней степени морального и идейного падения. В свет выходили такие произведения, как «Тьма» Леонида Андреева, «Санни» и «У последней черты» М. П. Арцыбашева, как повести А. П. Камениского, критические статьи В. В. Розанова и Д. С. Мережковского и т. д.

В 1909 г. вышел печально знаменитый сборник «Вехи». Принявшие в нем участие кадетские публицисты (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, литературовед М. О. Гершензон и др.) открыто высказывали свою ненависть к революции и народу, воспевали самодержавие и объявляли разрыв со славными традициями русской революционно-демократической литературы, критики и публицистики. Известна борьба В. И. Ленина с идеологией «Вех». В. И. Ленин посвятил этому сборнику статью, в которой говорилось, что авторы сборника «спорвали с самыми основными идеями демократии, с самыми элементарными демократическими тенденциями»,¹ и позднее во многих работах, написанных после выхода сборника в свет, вскрывал контрреволюционную сущность взглядов его авторов.

Петербург был одним из центров, выпускавших на рынок поток той упадочнической литературы, которая либо шла на потребу незначительной группы эстетствующих интеллигентов, либо ориентировалась на вкусы обывателя, до смерти пе-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 109.

репуганного революцией и более всего на свете ценившего свой покой. Эстетствующие интеллигенты с новой энергией взялись за служение «чистому искусству». Одним из литературных органов этой группы был журнал «Аполлон», начавший выходить в 1909 г. В журнале помещались статьи по вопросам теории и истории искусства, написанные с позиций воинствующего идеализма, наполненные резко враждебными выпадами против эстетики демократии. Философско-эстетические позиции «Аполлона» были одинаковы с теми, на которых стояли авторы «Вех». Между двумя этими явлениями существует самое тесное и близкое родство.

В журнале «Аполлон» нашла себе трибуну группа петербургских поэтов, в начале 1910-х годов провозгласившая себя сторонниками нового литературного течения под названием акмеизма. В эту группу входили Н. Гумилев, А. Ахматова, М. Кузмин и др. Для акмеизма — одного из течений декадентской литературы характерны те же черты безидейности, мистики, эротизма, ненависти к революции и страха перед ней, какие присущи всей декадентской литературе в целом. Акмеисты проповедовали индивидуализм, культ «сильной личности», любовь к мелочам «красивого» быта и за исключением этих мелочей не видели ничего в реальной жизни; философия их была пронизана мистицизмом.

В Петербурге выходили в период реакции многочисленные журналы, наполненные мешаяским чтивом. Порнография, анекдоты, беззубый юмор, сплетни, вослечение «красивой» жизни — таков был литературный материал этих изданий. В обывательской среде большую популярность приобрели такие журналы, как «Синий журнал», «Пробуждение», «Столица и усадьба», «Солнце России» и много других. В огромных тиражах печаталась бульварная газета «Копейка», начавшая выходить в Петербурге в 1908 г. и получившая из-за своей дешевизны (номер стоил 1 коп.) широкое распространение. Расплодилось множество никому неизвестных беллетристов, отлично сумевших приспособиться к условиям времени и наполнявших бульварные журналы низкопробной литературной стряпней.

Широкие размеры приняло увлечение так называемой «сыщицкой» литературой. В Петербурге существовало даже целое издательство, носившее название «Развлечение», которое специализировалось на выпуске дешевой детективной литературы. Целыми сериями печатались в этом издательстве «приключения» Шерлока Холмса, Ната Пинкертона, Ника Картера и т. п. Так забила мутная струя пресловутой «наттинкертоновщины». Успех этой макулатуры вызывал в прогрессивно настроенных общественных и литературных кругах серьезную тревогу. Двенадцать миллионов экземпляров «сыщицкой» литературы, разошедшиеся в одном 1908 г., способны были встревожить всякого передового литератора, общественного деятеля, педагога. В петербургских газетах и журналах появлялось немало статей, посвященных борьбе с этим злом.

Характерным для Петербурга в эти годы явлением стало возникновение очень многих литературных кружков и салонов. Писатели и люди, близкие к литературе,

стремится не к действительному сплочению сил, как в период подъема, а, напротив, к замыканию в интимно-салонные кружки, насчитывающие несколько участников. Руководителями и посетителями этих салонов в подавляющем большинстве были второстепенные и реакционно настроенные литераторы. Измельчение и обеднение форм литературного быта — явление, характерное для периода всякого рода упадочнических настроений.

К. А. Сомов. Портрет Александра Блока. 1907 г.
Государственная Третьяковская галерея.

Но несмотря на все это, переломная русская литература, оставшаяся верной лучшим традициям, продолжала успешно развиваться. Демократические писатели с еще большей энергией разрабатывали темы, насыщенные высоким идейным содержанием. Полностью сохранил свои прежние демократические позиции А. С. Серафимович. В романе «Город в стене» он изобразил

возникновение в голой стене капиталистического города, описал борьбу пролетариата с эксплуататорами. Созданный под несомненным влиянием М. Горького, роман А. С. Серафимовича продолжал ту линию социалистического реализма, которая была начата М. Горьким.

А. И. Куприн, несмотря на отдельные ошибки и срывы, продолжал писать реалистические повести и рассказы, проникнутые бодростью, любовью к жизни и народу. В таких рассказах, как «Река жизни», «Олеся», «Гамбриус» и другие, жизнеутверждающие мотивы звучат у А. И. Куприна в полную силу его голоса.

В эти годы в петербургской печати появляются отдельные части самого крупного произведения В. Г. Короленко — «История моего современника», ряд замечательных сказок и рассказов для детей Д. Н. Мамина-Сибиряка, литературоведческие и беллетристические произведения В. В. Вересаева.

Воздействие революции особенно глубоко ощущалось в творчестве А. А. Блока. Он все больше и больше отходит от туманной мистики первых лет творчества.

Все яснее пробивается в его произведениях неприязнь к дворянскому и буржуазному миру и вместе с тем возрастает чувство любви к родине, к ее великому культурному прошлому, все большее влияние начинают на него оказывать демократические и реалистические традиции русской литературы. Он видит, как жестокая действительность калечит творческие силы человека, но не знает еще, как бороться со злом во имя светлого будущего. В его творчестве много противоречивого: жизнеутверждающие мотивы переплетаются у него с мотивами тоски и уныния. Но писатель не перестает размышлять о будущем России. Он страстно хотел, чтобы «слизкая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью». А. А. Блок давно уже начал понимать, что с декадентами ему не по пути. В 1902 г. он писал Л. Д. Менделеевой, что преодолел декадентство, что перед ним раскрывается «жизнь светлая, легкая, прекрасная». «Я ведь не декадент, — признавался он, — это напрасно думают».¹

Революция 1905—1907 гг. навсегда вывела его из душевной атмосферы эстетских любований своим мирком и заставила его увидеть глубокие жизненные противоречия. «Я яростно ненавижу русское правительство... и моя поэма («Возмездие», — *Ред.*) этим пропитана», — писал он в письме к матери от 17 февраля 1911 г.² В 1909 г. А. А. Блок заносил в свою записную книжку: «...современное искусство — кощунство перед жизнью».³

В годы между двумя революциями А. А. Блок отходит от своих старых литературных друзей. Он, по его собственному признанию, ощущает запах тления той среды, в которой привык вращаться. Он обращается к прозе, критике, литературоведению, к театру, к переводческой деятельности, читает публичные лекции на самые разнообразные темы. Круг его интересов расширяется, он активнее, чем раньше, вторгается в жизнь. Особенное значение для А. А. Блока имела его близость к театру. Связи его с основанным в Петербурге в 1904 г. театром В. Ф. Комиссаржевской вызвали к жизни его драматургические опыты.

А. А. Блок много писал о Петербурге. Здесь он родился и прожил всю свою недолгую жизнь (он умер, не достигнув 41 года). А. А. Блок был «петербуржцем» в лучшем смысле этого слова и всегда подчеркивал это. Ряд мест в Ленинграде связаны с его именем. В «ректорском доме» университета (Университетская набережная, д. 9) 16 ноября 1880 г. он родился. Последней квартирой Блока была квартира в доме № 57 по Офицерской улице (ныне ул. Декабристов), где он жил с 1912 г. Здесь он и умер 7 августа 1921 г. В его творчестве «петербургская» тема занимает видное место. В противоположность многим современникам, разрабатывавшим тему Петербурга с позиций эстетствующих снобов (А. Н. Бенуа, авторы многих статей в журнале «Старые годы»), А. А. Блок видел в Петербурге реальный

¹ Цит. по изданию: Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940, стр. XVI.

² Письма Александра Блока к родным, т. I. Л., 1932, стр. 122.

³ Записные книжки Ал. Блока. Л., 1920, стр. 106.

город своего времени, хотя это свое видение далеко не всегда облекал в реалистические формы. Но сквозь фантастические образы населяющих Петербург «черных человечков», «невидимок», сквозь «хаос», «бездну», «хрипящие звуки» (образы стихотворения, посвященного конным статуям П. К. Клодта на Анничковом мосту) можно увидеть капиталистический город с его социальными противоречиями. Во многих петербургских стихотворениях А. А. Блока звучат мотивы ожидания «неслыханных перемен», часто встречаются образы пожара, охватывающего город. Пейзажные зарисовки Петербурга, иногда поразительно тонкие и глубокие, наполнены любовью к городу «непостижимому», как называл его поэт. Но это любовь не к ушедшим и уходящим пейзажам, а к будущему городу, которого ожидает «чистая, веселая и прекрасная» жизнь.

М. Горький после своего короткого увлечения «богостроительством», результатом которого явилась его «Исповедь», еще ближе связал себя с революционным марксизмом и партией большевиков. В годы первой революции завязывается дружба В. И. Ленина с М. Горьким. В. И. Ленин высоко ценил талант М. Горького и очень дорожил работой великого писателя для дела революции. В 1910 г. В. И. Ленин в «Заметках публициста» писал, что «Горький — безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать. Всякая фракция социал-демократической партии может закономерно гордиться принадлежностью к ней Горького. . . Горький — авторитет в деле пролетарского искусства, это бесспорно».¹ Опровергая басню буржуазной печати об исключении М. Горького из партии, В. И. Ленин писал: «Напрасно стараются буржуазные газеты. Товарищ Горький слишком крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира, чтобы ответить им иначе, как презрением».² В письме М. Горькому, написанном в 1909 г., В. И. Ленин говорит о громадной пользе, какую М. Горький своим талантом художника принес рабочему движению не одной России.³

В годы реакции М. Горький написал крупные повести «Городок Окуров» и «Жизнь Матвея Кожемякина» и цикл рассказов, которым дал впоследствии общее название «По Руси». В этих произведениях ясный оптимизм М. Горького не изменил ему. Как ни страшна была изображенная им жизнь русской провинции, но он верил в силы народа, верил, что они пробудятся к новой борьбе. Жизнеутверждающее начало в творчестве великого писателя было неосыпаемо. Он негодовал против «похоронных» настроений, охвативших либеральную интеллигенцию в период реакции. В одной из своих сказок, написанных позднее (1912), он с замечательной едкостью высмеял в образе поэта Смертяшкина упадочнические настроения. В трудный для русской литературы и общественной жизни период он оставался, несмотря на отдельные ошибки, верен революционному мировоззрению.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 186.

² Там же, стр. 89.

³ Там же, т. 34, стр. 354.

В ноябре 1910 г. в связи со смертью Л. Н. Толстого начались демонстрации, давшие повод В. И. Ленину в статье «Не начало ли поворота?» отметить «начало демократического подъема».¹

По сведениям московской газеты «Русские ведомости», цитируемой в статье В. И. Ленина, в Петербурге демонстрация 11 ноября собрала на Невском проспекте не менее 10 тыс. чел. У Народного дома к демонстрантам присоединилось много рабочих. У Тучкова моста шествие было остановлено полицией. Но рассеять толпу полиция не смогла, демонстранты с пением и флагами прошли на Большой проспект Васильевского Острова и только около университета были разогнаны. Такая была первая и непосредственная реакция рабочего класса и демократической молодежи на смерть великого русского писателя.²

В статье «Начало демонстраций», написанной в декабре 1910 г., В. И. Ленин писал: «Пролетариат начал. Демократическая молодежь продолжает. Русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции. . . Прекращение работы целым рядом фабрик и заводов в день похорон Толстого показывает начало, хотя и очень скромное, демонстративных забастовок».³ В дальнейшем рабочее движение усиливается. Массовые политические стачки, как известно, вспыхнули в апреле — мае 1912 г. в связи с Ленским расстрелом и во все возрастающей степени продолжались вплоть до начала первой мировой войны.

Годы подъема создали благоприятную обстановку для формирования новых писательских сил, лишь совсем недавно вступивших в литературу. В этот период приобретают известность А. Н. Толстой, И. С. Шмелев — автор повести «Человек из ресторана», М. М. Пришвин, прославившийся своими рассказами из жизни природы, и некоторые другие. Из них в первую очередь должен быть назван А. Н. Толстой, начавший свою литературную деятельность в Петербурге и продолжавший ее в Ленинграде (лишь незадолго до смерти он переехал в Москву).

А. Н. Толстой начал с подражания декадентам. Он увлекался К. Д. Бальмонтом, Андреем Белым, С. Пшибышевским. Плодом этого увлечения явилась книжка лирических стихов, вышедшая в Петербурге в 1907 г. и содержавшая до полусотни ничем не примечательных стихотворений. Позже экземпляры ее старательно собирались автором и сжигались. Очень быстро А. Н. Толстой понял, что с декадентскими поэтами ему не по пути, и отошел от них. В 1909 г. в «Новом журнале для всех» появился рассказ «Архип», положивший начало его профессиональной писательской деятельности. В том же году печатались новые стихи А. Н. Толстого, позднее объединенные в цикл «За синими реками». В них уже еле заметны

¹ В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 16, стр. 292.

² См. гл. VI настоящего издания.

³ В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 16, стр. 327.

следы декадентства. Больше стихов А. Н. Толстой не печатал. Выход в свет в 1910 г. его книги, озаглавленной «Сорочьи сказки», окончательно определил его путь прозаика.

В своих первых крупных повестях и романах («Заволжье», «Чудаки», «Хромой барин») А. Н. Толстой показывал отвратительные картины разложения усадьбно-дворянского быта. В них звучал голос протеста против отмирающего дворянского мира, хорошо изученного автором. Галерея типов уездных помещиков нарисована А. Н. Толстым мастерской рукой. Среди всех этих насильников, обжор, пьяниц, ханжей, бездельников, невежественных людей автор не нашел ничего, что могло бы внушить ему бодрость и веру. Но Толстой не впал в пессимизм. Он верит в преобразующую силу любви и страданий, верит в рождение нового человека, освобожденного от той мерзости, которую он столь реалистически изображал.

А. Н. Толстой. Портрет работы Н. П. Ульянова.

А. Н. Толстой не видел в ту пору пути к такому освобождению. Лишь после Великой Октябрьской социалистической революции он нашел его. Талант А. Н. Толстого сразу был замечен М. Горьким. В 1911 г. в письме к слушателям социал-демократической школы в Болонье он писал: «Обратите внимание на нового Толстого, Алексея — писателя несомненно крупного, сильного и с жестокой правдивостью изображающего психическое и экономическое разложение современного дворянства».¹

В годы подъема заметное положение заняли крестьянские писатели, хотя многие из них в литературе были уже давно. Революция 1905—1907 гг. выдвинула крестьянский вопрос как один из самых острых вопросов современности. «Эта революция, — писал В. И. Ленин в статье «Пятидесятилетие падения крепостного права», — впервые создала в России из толпы мужиков, придавленных проклятой памяти крепостным рабством, народ, начинающий понимать свои права, начинающий чувствовать свою силу».² Крестьянские демократические пи-

¹ В. Ш е р б и н а. А. Н. Толстой. М., 1951, стр. 11.

² В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 17, стр. 66.

сатели стремились показать новых людей деревни, начинающих чувствовать свою силу. С. П. Подъячев в повестях и рассказах из крестьянской жизни выпукло нарисовал картину пробуждающегося политического сознания передовых слоев деревни. Эти слои начинали сбрасывать с себя тяжелый груз политического и морального угнетения. Такова же была направленность автобиографической «Повести о днях моей жизни» И. Е. Вольнова, написанной по совету и с помощью М. Горького. Крестьянскую тему разрабатывали А. С. Неверов и А. П. Чашыгин, занявшие впоследствии видное место в советской литературе.

На годы подъема приходится такое крупнейшее явление в политической жизни страны, как возрождение легальной большевистской печати. Известна огромная роль издававшихся в Петербурге газет «Звезда» и «Правда» в деле развития революционного движения.

«Правда» имела громадное значение и для развития пролетарской литературы. Газета собирала и воспитывала пролетарские литературные кадры. Вокруг нее сложился актив рабочих-писателей, с которыми редакция вела систематическую работу. О размахе этой работы можно судить по количеству литературного материала, печатавшегося в газете: за два с небольшим года в ней было помещено около 700 стихотворений и 100 рассказов. Столь высокая продуктивность пролетарских писателей позволила издательству «Прибой» в Петербурге выпустить в 1914 г. «Первый сборник пролетарских писателей», предисловие к которому было написано М. Горьким. «... возможно, — писал М. Горький, — об этой маленькой книжке со временем упомянут как об одном из первых шагов русского пролетариата к созданию своей художественной литературы».¹

Основным литературным материалом «Правды» была политическая поэзия. В стихотворениях поэтов-правдистов разрабатывались темы борьбы, труда, международной пролетарской солидарности, разоблачалась политика правительства; много внимания уделялось социальной и политической сатире. Авторы всех этих стихотворений твердо верили в грядущую победу революции, их поэзия была пронизана бодростью и уверенностью. Поэзия правдистов явилась одним из этапов развития социалистического реализма в литературе.

Среди поэтов, печатавшихся в «Правде», наибольшую славу приобрел Демьян Бедный (Е. А. Придворов). С первого номера «Правды» началось сотрудничество Демьяна Бедного в газете, не прекращавшееся в течение всей его жизни. Излюбленной формой литературного творчества Демьяна Бедного стала басня, дававшая поэту возможность высказывать проникнутые политической остротой мысли, избегая цензурных осложнений. Вонзистующая партийность его басен, едкое остроумие, мастерское владение стихом создали ему большую популярность в рабочей среде. Когда в 1913 г. вышел первый сборник басен Демьяна Бедного,

¹ М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941, стр. 68.

В. И. Ленин писал М. Горькому: «Видали ли „Басни“ Демьяна Бедного? Вышло, если не видали». ¹

Ряд других поэтов-правдивистов также достигли впоследствии значительной литературной известности, например А. И. Маширов-Самобытник, Я. Бердников, И. Садофьев и др.

В «Правде» печатали свои произведения многие пролетарские прозаики. Они разрабатывали две основные темы: рабочий труд и революционная борьба.

Проза «Правды» была пронизана идеей пролетарской революции, которую авторы, постоянно руководимые и направляемые редакцией, пропагандировали в своих очерках и рассказах. В деле подготовки к революционной борьбе широких масс трудящихся пролетарские поэты и прозаики «Правды» сыграли немалую роль.

Много внимания уделяла «Правда» вопросам литературной критики и теории литературы. Не раз печатались рецензии на сочинения М. Горького, заметки и письма рабочих о нем. По этим отзывам можно судить, какой любовью и уважением пользовался великий писатель среди читателей «Правды». Газета поддержала известный протест М. Горького против постановок псевденрированных романов Ф. М. Достоевского в Московском Художественном театре. М. Горький в 1913 г.

писал, что в то время, когда «на Русь снова надвигаются тучи, обещающие великие бури и грозы», необходимо крайнее напряжение всех здоровых сил страны, «необходимо духовное здоровье, бодрость, вера в творческие силы разума и воли».

«Правда» приветствовала произведения пролетарских писателей, появлявшиеся отдельными изданиями. Суровую и резкую критику встречали в газете писатели, которые после революции 1905—1907 гг. вовсе отошли от социально-политической тематики и вступили на путь служения мелкобуржуазно-бывальщеским вкусам. Много литературно-критических статей «Правды» было посвящено вопросам литературного наследия. Газета печатала статьи о творчестве Н. А. Некра-

Демьян Бедный. Фотография 1910-х годов.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 35, стр. 66.

сова, Н. А. Добролюбова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и других великих русских писателей. В них пропагандировалась мысль о необходимости следовать революционно-демократическим традициям русской литературы. В этом вопросе «Правда» отвечала прямым указаниям В. И. Ленина, писавшего в 1912 г. в редакцию: «Хорошо бы вообще от времени до времени вспоминать, цитировать и растолковывать в „Правде“ Щедрина и других писателей „старой“ народнической демократии».¹

Наряду с газетами начали выходить и легальные большевистские журналы. В 1910 г. в Москве вышел первый номер «Мысли», руководимой жившим за границей В. И. Лениным. На пятом номере журнал был правительством закрыт. По инициативе В. И. Ленина вместо закрытой «Мысли» было организовано издание нового журнала под названием «Просвещение». Местом издания «Просвещения» был избран Петербург. Фактическим редактором журнала являлся В. И. Ленин, попросту живший за границей.

Беллетристическим отделом «Просвещения» руководил М. Горький. В. И. Ленин приветствовал предложение М. Горького ввести в журнал беллетристический отдел и взять на себя редактирование этого отдела. «Чрезвычайно меня и всех нас здесь обрадовало, — писал В. И. Ленин М. Горькому из Кракова в феврале 1913 г., — что Вы беретесь за «Просвещение»... Вот действительно превосходно будет, ежели мы помаленьку присоединим беллетристов да двинем «Просвещение»! Превосходно! Читатель новый, пролетарский, — сделаем журнал дешевым, — беллетристику станете Вы пускать только демократическую без нитя, без ренегатства».² В «Просвещении» печатались произведения М. Горького, Демьяна Бедного, И. Вольнова, И. Касаткина и др. Уделял журнал внимание и вопросам литературоведения. Так, в нем были помещены статьи В. В. Воровского памяти Н. А. Добролюбова, М. С. Ольминского о М. Е. Салтыкове-Щедрине и некоторые другие работы, связанные с историко-литературными датами.

Особенно видное место в марксистском литературоведении занял В. В. Воровский. В своих литературоведческих и критических статьях он исходил из ленинского положения о партийности в литературе. Он требовал оценки каждого литературного явления со стороны его социально-классового содержания и с точки зрения интересов пролетариата. В. В. Воровский вел борьбу за высокую идейность литературы, за реализм, за совершенство литературного мастерства, которое он всегда рассматривал в неразрывном единстве с содержанием. Работы В. В. Воровского заняли почетное место в марксистской критике и много способствовали борьбе прогрессивной литературы с декадентской литературой и критикой.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 35, стр. 31—32.

² Там же, стр. 57.

Большевистской легальной печати, возрождение которой было самым тесным образом связано с подъемом рабочего движения, приходилось отстаивать свое существование в борьбе не только с цензурой и полицейскими преследованиями. Она вела борьбу с реакционной литературой всех оттенков и направлений. Буржуазная интеллигенция, располагая значительными денежными средствами и крупными литературными силами, подчинила себе почти всю периодическую печать и являлась хозяйкой многих издательств. В трудных условиях протекала борьба партии с буржуазной литературой. В. И. Ленин писал М. Горькому в феврале 1912 г.: «Очень и очень рад, что Вы помогаете „Звезде“. Трудно нам с ней чертовски — и внутренние и внешние и финансовые трудности необъятны — а все же пока тянем».¹

В. В. Воровский. Фотография.

Большевистская печать боролась с растлевающим влиянием декадентской литературы, с реакционными идеями, откровенно высказывавшимися буржуазными писателями, с черносотенной литературой, с литераторами из меньшевистского и меньшевистствующего лагеря, словом, со всеми литературно-общественными направлениями и течениями, противостоящими революционному марксизму. Эти направления и течения имели свои печатные органы в Петербурге и Москве.

Успехи большевистской пропаганды и агитации были несомненны. Все большее число рабочих становилось под знамена большевизма. Революционное движение развивалось, достигнув, как известно, к середине 1914 г. своего апогея за весь период после революции 1905—1907 гг.

Начавшаяся 1 августа 1914 г. первая мировая война вызвала временный спад революционного движения. Некоторая часть рабочих была задета первое время

¹ Там же, стр. 1.

буржуазно-патриотическим угаром. Но скоро угар этот стал проходить; через два года после начала войны полностью определялась картина военного, экономического, политического поражения императорской России. Страна шла навстречу революции.

Художественная литература, связанная с буржуазией, отразила «буржуазно-патриотический угар» первого периода войны. Даже ряд писателей демократического направления вторил откровенно реакционным призывам писателей буржуазного лагеря. А. И. Куприн, С. И. Гусев-Оренбургский и другие писали о единстве России, забывшей якобы все разногласия под воздействием войны, писали о войне как о морально-очистительном факторе, о готовности народа нести любые жертвы во имя войны и т. д. и т. п.

Лишь немногие писатели стремились показать войну как бедствие. В. В. Вересаев протестовал против разлива шовинистических чувств, явившегося прямым результатом войны, И. С. Шмелев показывал хищничество буржуазии, умножающей свои доходы благодаря войне. В. Я. Брюсов и А. А. Блок в своих стихах писали о войне с возмущением и отвращением.

Военные события не нашли в творчестве А. А. Блока почти никакого отклика. В тех 4—5 стихотворениях, которые затрагивали военную тему, поэт попрежнему сурово говорил о хищности, жадности, лицемерии буржуазии. В противоположность подавляющему большинству поэтов, никакой «преображенной» в войне России он не увидел. Напротив, он видит, как «шумит война, встает мятеж, горит деревня, видит «василь могилы братской», слышит «щемящую песню солдатскую». Никакого намека на воспевание войны стихотворения А. А. Блока не содержат. В его творчестве военных лет ясно различимы не только ноты протеста против постигнутой страны несчастья, но и предвидение революции.

Особое место в литературе времени войны занимает творчество В. В. Маяковского.

В. В. Маяковский впервые выступил в печати в футуристическом сборнике «Пощечина общественному вкусу», вышедшем в конце 1912 г. в Москве. Футуризм в искусстве возник как отражение общего кризиса буржуазной культуры, ее разложения и упадка. Футуристы, считая в искусстве основным форму, относились совершенно пренебрежительно к идейному содержанию произведения искусства. Их эстетика сводилась к утверждению формализма как единственного метода в любой отрасли искусства. «Обрушиваясь» на изысканность декадентов и вводя в искусство приемы нарочитой грубости и примитивизма, футуристы в действительности не противопоставляли себя декадентам, а полностью совпадали с ними в своих эстетических принципах: те и другие одинаково твердо стояли на позициях теории «искусства для искусства». Будучи продуктом распада буржуазной культуры, футуризм явился направлением, глубоко враждебным и чуждым культуре народа.

Значительная группа футуристов жила и печаталась в Петербурге. Д. Бурлюк, И. Бурлюк, В. Хлебников, В. Каменский, А. Крученых и другие принадлежали

В. В. Маяковский. Фотография 1918 г.

к числу наиболее видных представителей футуризма. При их ближайшем участии выходили в Петербурге и Москве сборники футуристических стихотворений (между 1910 и 1915 гг.) под такими экстремными названиями, как «Садок судей», «Пощечина общественному вкусу», «Дохлая луна», «Рыкающий Парнас», «Весеннее контрагентство муз» и т. д.

В. В. Маяковский переехал в Петроград в 1915 г.¹ Здесь он пробыл два с половиной года, поселившись в доме № 52 по Надеждинской улице (ныне ул. Маяковского). В 1915 г. он получил предложение редакции «Нового сатирикона» сотрудничать в журнале. Охотно приняв это предложение, он поместил в «Новом сатириконе» свыше двух десятков стихотворений. Антивоенная и антибуржуазная направленность их настолько бросалась в глаза, а форма их была так своеобразна, что о молодом поэте заговорили.

В. В. Маяковский сблизился с футуристами, не избегав их влияния. Но по важнейшим взглядам на жизнь и искусство он оставался чуждым футуризму. С первых же шагов литературной деятельности он стремился насытить свое творчество социальной тематикой. Война ускорила обращение В. В. Маяковского к общественным темам.

¹ До этого поэт уже неоднократно выступал (с 1912 г.) на литературных диспутах в Петербурге, а в декабре 1913 г. он поставил в петербургском «Луна-парке» на Офицерской улице свою двухактную трагедию «Владимир Маяковский».

В Петербурге с 1911 г. существовало артистическое кафе «Бродячая собака» (оно помещалось на Михайловской площади, ныне площадь Искусств). Здесь бывал В. В. Маяковский, здесь он читал свои гневные обличения. Так, например, в один из вечеров он прочитал «Вам» — негодующий памфлет, направленный против спекулирующего и веселящегося тыла. Чтение закончилось шумным протестом посетителей кабака. В «Бродячей собаке» произошла встреча В. В. Маяковского с М. Горьким. Великий писатель был приглашен на вечер, устроенный в честь выхода футуристического сборника «Стрелец», в котором принимал участие и В. В. Маяковский. М. Горький почувствовал в двадцатидвухлетнем поэте незаурядный талант, проникся к нему симпатией и поддержал его первые литературные шаги. По просьбе «Журнала журналов» М. Горький после вечера в «Бродячей собаке» поместил в нем статью. В ней он говорил о даровании «необузданного» поэта, который со временем «будет писать хорошие, настоящие стихи».

В 1915 г. в Петрограде вышла поэма В. В. Маяковского «Облако в штанах». Летом этого года поэт читал поэму М. Горькому, жившему тогда в Мустаяхах (Финляндия). М. Горький отнесся к поэме одобрительно. Сочувствие великого писателя В. В. Маяковский оценил очень высоко и впоследствии никогда не забывал о поддержке, оказанной ему не кем иным, как самим Горьким. «Облако в штанах» из-за антикапиталистической и антивоенной направленности было изуродовано цензурой. В своем первоначальном виде оно увидело свет только после революции.

Внимание, оказываемое М. Горьким В. В. Маяковскому, этим не исчерпалось. В 1916 г. в петроградском издательстве «Парус», руководимом М. Горьким, вышел сборник стихотворений В. В. Маяковского «Простое как мычание». Отрывки из написанной в 1916 г. В. В. Маяковским поэмы «Война и мир» М. Горький предполагал поместить в редактируемом им журнале «Летопись», но не все было пропущено цензурой.

В самом конце 1913 г. М. Горький получил возможность вернуться из-за границы в Россию. Сначала он жил в Финляндии, позднее переехал в Петербург (он поселился в доме № 23 по Кронверкскому проспекту, ныне носящему название проспекта Максима Горького). Возвращение М. Горького на родину вызвало многочисленные отклики. Со всех концов России шли к нему приветствия и обращения от различных общественных и рабочих организаций. Петербургское профессиональное общество рабочих булочнично-кондитерского производства обратилось к писателю с такими словами: «Привет тебе, товарищ, вернувшийся из изгнания». Группа металлистов Выборгского района в Петербурге приветствовала «пролетарского писателя, горячо любящего свою родину и свой рабочий угнетенный народ». Среди рабочих Нарвского района оживленно обсуждался вопрос о подвешении М. Горькому серебряного лаврового венка. На Путиловском заводе был начат сбор средств для этой цели. Подобного же рода приветствия шли из Москвы, Самары, Киева, Новгорода, Одессы и множества других городов.¹ Сам М. Горький

¹ Д. М. Клейнборг, *изв. соч.*, стр. 149.

в письме А. В. Амфитеатрову из Петербурга от 23 марта 1914 г. писал: «Встречен демократией ласково и трогательно, одна Москва поздравила слыше 70 раз, — тут и булочники, и чулочницы, водопроводчики и даже „мужики-крестьяне Ново-торжеского уезда“. Очень тропут. А интеллигенция не очень меня любит, знаете ли!». Выказывая свои первые впечатления о петербургской интеллигенции в канун первой мировой войны, М. Горький в том же письме писал: «...ничего не понимаю! Так все запутано, до того все измяты и лишены образа божия, что, право, смотришь на пекакое пред тобой и соображаешь, какому существу подражает сия тварь?»¹

В конце 1915 г. в Петрограде стал выходить под редакцией М. Горького журнал «Летопись». Журнал являлся одним из тех немногих в дни войны органов печати, которые стояли на антиоборонческих позициях. На «Летопись» постоянно обрушивались цензурные запрещения. Сама цензура характеризовала журнал как орган «резко оппозиционного направления с социал-демократической окраской».²

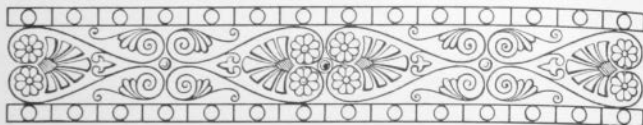
В беллетристическом отделе «Летописи» принимали участие такие прославленные писатели, как И. А. Бунин, В. Я. Брюсов. Подлинным украшением беллетристики «Летописи» явились произведения М. Горького, напечатавшего в ней «В людях», «Страсти-мордасти» и др. Наряду с писателями, имевшими уже крупные литературные имена, в журнале печатались новые, еще никому не известные писатели. Некоторые из них впоследствии приобрели славу выдающихся художников слова — В. Я. Шिशков, Ф. В. Гладков, М. М. Пришвин, С. А. Есенин и др. В «Летописи» помещались произведения иностранных писателей, разделявших антивоенные настроения передовой интеллигенции мира. Так, был напечатан роман Уэллса «Мистер Бритлинг пьет чашу до дна». Широко была представлена в «Летописи» критика. Произведения писателей критико-реалистического направления встречали в ней всегда поддержку. Благожелательные отзывы были напечатаны в журнале о сочинениях А. Н. Толстого, А. С. Серафимовича, В. Я. Шिशкова и др.

Редакция «Летописи» (она помещалась на Б. Моейной — ныне ул. Скороходова, д. 18) была местом частых встреч М. Горького и В. В. Маяковского. Приглашенный по настоянию М. Горького в сотрудники «Летописи», молодой поэт под воздействием своего учителя и друга быстро становился крупнейшей художественной величиной. Оба они, один — известный всему миру писатель, другой — еще только пробующий свою могучую силу, были верными, хотя и каждый по своему, продолжателями революционных и демократических традиций русской литературы.

¹ М. Горький, ук. соч., т. 29, М., 1955, стр. 320.

² Военная цензура о «Летописи». Летопись, 1917, № 2—4, стр. 427.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР В ПЕТЕРБУРГЕ

Девяностые годы были переходной порой в театальной жизни России. В конце их возник — в Москве — Художественно-общедоступный театр (потом просто — Московский Художественный театр), появление которого положило начало новому этапу в истории русского и мирового театра. Основание Московского Художественного театра было ответом на новые требования к театральному искусству; оно было продиктовано стремлением к преодолению явлений застоя, кризиса, все заметнее ощущавшихся в работе театра в 90-х годах. Пути Московского Художественного театра на первом этапе его жизни определял тот общественный подъем, который предшествовал первой русской революции.

В наиболее передовых кругах публики, среди известной части актеров и людей, близких к театру, все более сознавалось усиливающееся отставание театра от жизни, недостаток связи с современными запросами общества. Вызывало чувство неудовлетворенности недостаточное внимание, а то и полное невнимание существующего театра к новым формам драматургии (Чехов, позднее Горький — в России, Ибсен — на Западе). Засоренность текущего репертуара мещански-обывательскими пьесами, не теперь, правда, начавшаяся, все острее воспринималась как тормоз в деле нормального развития и роста театальной культуры.

Внутренний строй, организация театального дела нуждались в домке. В. И. Немирович-Данченко, один из создателей Московского Художественного театра, пишет в своих воспоминаниях о задачах обновления театра, вставших

перед передовыми деятелями последнего в середине 90-х годов: надо было «перестроить всю его жизнь, убрать всю казенщину, начиная с управляющих чиновников, увлечь общностью интересов все художественные силы до самых маленьких, переменить в корне весь порядок репетиций, приготовления пьес, самую публику подчинить нужному нам режиму, взять ее незаметно для нее самой в железные руки».¹

На одно из первых мест выдвигалась проблема ансамбля и неразрывно с ней связанная проблема режиссуры. Без решения этих проблем нельзя было думать об успешном овладении новой драматургией. Менялись до известной степени представления о характере актерского творчества, еще более — об условиях и требованиях так называемой сценичности. Подводя на самом рубеже XIX и XX вв. итог переменам в психологии части зрителей, один из тогдашних видных работников театра говорил (на втором съезде русских сценических деятелей): «То, что еще так недавно называлось „сценичным“ и что особенно привлекало публику, — как часто это теперь называется грубым эффектом, даже литературной пошлостью».² На очереди стоял вопрос об обновлении методов и приемов актерского творчества, о дальнейшем развитии, об углублении сценического реализма.

Поиски путей и средств театрального обновления имели место внутри самого казенного театра. Знаменитый деятель Московского Малого театра А. П. Ленский выступил против казенщины и рутины, против засилья ремесленной драматургии. «Много скорбных годов пережил наш театр, много лет задыхался он в бессмысленных пошлостях наводнявшего его репертуара», — писал Ленский (1899), видя в этом одно из главных обстоятельств, подтачивавших «добрую славу» театра. Другой недуг, не менее важный, Ленский видел в том, что ансамбль на существующей сцене — «явление случайное». «Пусть, — писал Ленский, — каждый из участвующих в пьесе артистов создаст свой, хотя бы необычайной яркости образ, все же это будет не ансамбль, а только богатый материал для него. Ансамбль создается другим, столь же необходимым художником сцены, как и артист, и этот художник сцены — режиссер. Только при активном участии режиссера, доказывал А. П. Ленский, в театре создается единое настроение — настроение пьесы.³ Воплощение пьесы как органического идейно-художественного целого, а не как суммы выигранных для актеров ролей — вот что представлялось целью и задачей театра с точки зрения его передовых деятелей.

Самоотверженные усилия людей, подобных Ленскому, наткнулись на глухую стену бюрократического управления, казенных навыков хозяев императорской сцены. Кое-что, конечно, удавалось отвоевывать, но коренной перестройки, отвечающей новым требованиям, не получалось. Она удалась впервые в новом

¹ Вл. И. Немирович-Данченко. Из прошлого. М., 1938, стр. 57—58.

² Речь П. Ф. Арбузова. Театр и искусство, 1901, № 11, стр. 224.

³ Александр Павлович Ленский. Статьи. Письма. Записки. Изд. 2-е, М., 1950, стр. 210—211.

театру, совершенно независимому от казенного управления, созданному по почину и при исключительном участии свободных от правительственной опеки деятелей театра и литературы: Московскому Художественному театру.

Нет оснований думать, что новый театр, основанный под руководством К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко в 1898 г., сразу нашел все то, чего искал, что он не знал на своем пути внутренних трудностей, серьезных ошибок и уклонов. Тем не менее театру удалось действительно выступить с ярким и замечательным новым словом в области сценического искусства. А. М. Горький справедливо указывал, что Станиславский и Немирович-Данченко создали «образцовый театр, одно из крупнейших достижений русской художественной культуры».¹

Московский Художественный театр возник не для того, чтобы разрушить прекрасное старое, но для того, чтобы посылить продолжать его, — сказал однажды Станиславский.² Театр, по словам Станиславского, при своем возникновении поставил себе целью завет Щепкина: «берите образцы из жизни и природы» — и «тем самым вступил в борьбу со всем ложным в искусстве».

Борьба за полноценный, подлинно художественный, насыщенный большим, важным содержанием репертуар, тесная связь с передовой литературой; стремление к наибольшей естественности и простоте в сценическом искусстве, к правде и искренности переживаний; небывало высокий уровень постановок, явившихся всегда итогом огромной, необычайно вдумчивой и кропотливой подготовительной работы, в которой выдающуюся роль играло направляющее участие режиссуры; общая атмосфера творческого содружества всех членов коллектива, спаянных единством целей, — таковы были характерные черты художественников, снавзавшихся с первых шагов деятельности театра. Была с самого начала и непосредственная ориентация на массового, народного зрителя. Это не удавалось по причинам, не зависевшим от самого театра. Но он привлек к себе, по крайней мере, лучшие круги интеллигенции; отдельные возможности художественного общения с рабочей средой также никогда им не упускались.

Художественный театр возник в Москве и работал в Москве. Вместе с тем, начиная с 1901 г. (весной 1901 г. — первый приезд на гастроли в Петербург), театр имел прочные связи с Петербургом. Весенние поездки в Петербург, во время которых театр за небольшими исключениями переиграл весь свой репертуар, вошли в правило, стали, по первому замечанию историка Московского Художественного театра, органической и очень существенной частью петербургской театральной жизни.³

¹ Литературный критик, 1938, № 9—10, стр. 92.

² Доклад о 10-летней художественной деятельности Московского Художественного театра. В кн.: К. С. Станиславский. Статьи, речи, беседы, письма, М., 1953, стр. 199.

³ Николай Эфрос. Московский Художественный театр. 1898—1923. М.—Пг., 1924, стр. 421.

С большой теплотой вспоминает К. С. Станиславский (в своей книге «Моя жизнь в искусстве») о петербургских выступлениях художественников, о приеме, оказывавшемся лучшей частью петербургской публики славному московскому коллективу. «Петербургская весна и приезд „художественников“, — пишет Станиславский, — сплелись в представлении нашем и наших северных друзей. Нас баловали, принимали свыше наших заслуг». Станиславский цитирует ценное признание одного из петербургских друзей театра: «...в перспективе прошлого еще яснее видно, чем были для нас эти ваши приезды, эти „гастроли“, на которые являлась вся интеллигенция, вся учащаяся молодежь, на которые доставали себе места — в то трудное для них время — и сознательные рабочие, ученики Смоленской школы и других вечерних курсов».¹

Московский Художественный театр в раннюю пору своего существования определился в первую очередь как театр Чехова и Горького. В первые же приезды художественники привезли петербуржцам свои чудесные постановки чеховских пьес — «Дядя Ваня», «Три сестры». В марте 1902 г. Московский Художественный театр показал в Петербурге только что законченный здесь подготовкой спектакль «Мещан» Горького — эту первую из пьес великого пролетарского писателя.

В своем роде историческими были представления драмы Ибсена «Доктор Штокман» в 1901 г. Станиславский оценивает эту постановку как зародыш общественно-политического направления в работе театра, зародыш той линии, главным начинателем и создателем которой в театре Станиславский с полным основанием называет А. М. Горького. «Образ доктора Штокмана стал популярным как в Москве, так и, особенно, в Петербурге. В то тревожное политическое время — до первой революции — было сильно в обществе чувство протеста. Ждали героя, который мог бы смело и прямо сказать в глаза правительству жестокую правду. Нужна была революционная пьеса — и «Штокмана» превратили в таковую». В политическую демонстрацию превратилось представление «Доктора Штокмана» в один из мартовских дней 1901 г. — в прямой связи со студенческими волнениями и известным побоищем на Казанской площади. «В этот день, — вспоминает Станиславский, игравший доктора Штокмана, — я на собственном опыте узнал силу воздействия, которую мог бы иметь на толпу настоящий, подлинный театр».²

¹ К. С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве. Собр. соч. в восьми томах, т. I, М., 1954, стр. 238—239. Когда в один из приездов Художественного театра в Петербург (уже после первой революции) его труппой в Народном доме Нобеля на Выборгской стороне была исполнена (в чтении) для рабочих пьеса Ибсена «Бранд», слушатели обратились к артистам и дирекции с адресом, в котором, давая высокую оценку труду художественников «на поприще родного искусства», писали: «...все это показало нам, что вам дороги духовные интересы рабочих, и ощущение вашей к нам близости оставило глубокий след в нас» (из воспоминаний о деятельности петербургского «Типографского музыкально-драматического кружка»; цит. по корректурному оттиску).

² К. С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве, стр. 249—250.

«Праздник искусства», «Возрождение театра» — таковы заголовки статей в прогрессивных органах петербургской печати, посвященных спектаклям Московского Художественного театра. Были, правда, и недоброжелательные, отрицательные отклики, но равнодействующая была, по верной оценке историка театра, бесспорна: «признание Художественного театра крупнейшим явлением в современном русском сценическом искусстве, очень важную веху на историческом пути этого искусства».¹

О спектаклях художественников говорили, что они вносят в культурную жизнь северной столицы новый свет и воздух.

Нельзя вместе с тем упускать из виду и второй стороны вопроса — значения петербургских гастролей для развития деятельности самого Художественного театра. Красноречивым документом является в этом смысле недавно впервые опубликованная записка В. И. Немировича-Данченко «Членам товарищества МХТ» (1902), в которой начальная история театра прямо делилась на два периода — до и после первого посещения Петербурга: «Вышло так, как будто именно до поездки в Петербург мы только готовили материал для стройки какого-то прекрасного здания... А посещение Петербурга как бы сразу указало нам путь, обнаружило с яркой очевидностью наши достоинства и недостатки и установило требования, к удовлетворению коих мы должны стремиться».²

* * *

Как некогда гастроль корифеев Московского Малого театра служили поводом для усиления критики слабых сторон в деятельности Александринского театра (см. об этом во втором томе нашего издания), так и теперь приезды Московского Художественного театра давали существенный материал для сравнений и сопоставлений, которые, как правило, оказывались не в пользу Александринской сцены.

Александринскому театру недоставало больше всего именно того, чем особенно сильны были художественники.

Преобладание обывательского, мещанского по «действию» содержания, ремесленного по своим литературным свойствам репертуара было крупнейшим злом Александринской сцены.

Русская классика занимала, разумеется, свое место в репертуаре театра, но место далеко не достаточное. Например, за ряд сезонов с 1894/95 по 1899/1900 гг.³ — представления пьес русского классического репертуара составили в общем итоге всего около 400 спектаклей. Половина этого числа приходилась на произведения

¹ Николай Эфрос, ук. соч., стр. 421.

² В. И. Немирович-Данченко. Театральное наследие. 2. Избранные письма. М., 1954, стр. 215.

³ См. отчетные сведения, опубликованные в «Ежегоднике имп. театров» за соответствующие годы.

Островского; их было 6 в сезоне 1894/95 г. с общей цифрой представлений 27; 9 — в 1895/96 г. с числом представлений 45, и т. д. Другая половина пришлась на сочинения Фонвизина, И. А. Крылова, Грибоедова, Гоголя, Тургенева, Сухова-Кобылина, Льва Толстого и др. «Недоросль», «Горе от ума», «Ревизор» оставались всегда в репертуаре, при небольшом, однако, числе годовых представлений; только постановки «Ревизора» составляли в среднем около 8 спектаклей за год. Почти ежегодно шла «Свадьба Кречинского». «Женитьба» Гоголя, пьесы (преимущественно одноактные) Тургенева, «Дело» Сухова-Кобылина, «Плоды просвещения» Льва Толстого и ряд других произведений классиков появлялись в репертуаре sporadически. Премьеры произведений великих русских писателей были слишком редки. Иногда ставились заново некоторые из пьес Островского. В 1895 г. была поставлена «Власть тьмы» Л. Н. Толстого. Сезон 1898/99 г. принес постановку «Царя Бориса» А. К. Толстого.

Совсем малозаметное место занимала иностранная классика. Менее ста спектаклей приходится на нее за целые шесть лет; из них 38 принадлежало Шекспиру (главным образом «Шейлок», «Гамлет»); рядом с Шекспиром стоял Мольер («Мнимый больной», «Тартюф» и др.); за несколько лет прошло всего 4 спектакля Шиллера («Коварство и любовь»), 5 — Гюго («Эрнани»), 4 — Лессинга («Эмilia Галотти»).¹

Господствовали в репертуаре «современные» авторы, как русские, так и иностранные, в своем подавляющем большинстве отражавшие упадок буржуазной литературы и, в частности, драматургии. До второй половины 90-х годов крупное место в репертуаре занимал еще пресловутый Виктор Крылов. Только после сезона 1896/97 г. число «крыловских» спектаклей значительно падает (в 1896 г. В. Крылов покинул пост управляющего александринской труппой). Но фигурировавшие в репертуаре пьесы Персияниновой, Смирновой, Нотовича и других, теперь уже никому неведомые даже по именам авторов не возвышались над уровнем «крыловщины». Да и произведения Швагинского, Модеста Чайковского, Потапенко и т. п., отличаясь несколько более высокими чисто формальными литературными качествами, по своему идейно-общественному значению не особенно превосходили «творения» Крыловых или Персияниновых.

Несколько раз театр принимался за Ибсена, но без энтузиазма и без должного проникновения в дух его творчества. Неудача постигла театр и с Чеховым. В свое время с блеском исполнил чеховского «Иванова», Александринская сцена в 1896 г. не осмыслила как следует «Чайки». Первое представление этой глубоко поэтической чеховской пьесы приняло характер настоящей катастрофы для автора и для театра. Даже учитывая роль в этой катастрофе «гостиницовой» публики, в значительном числе присутствовавшей по разным случайным обстоятельствам на этой премьере, даже памятуя, с другой стороны, о том, что следующие спектакли шли уже

¹ Ряд опытов постановки великих драматургов древности относится лишь к началу XX в. («Ипполит» Эврипида — в 1902 г., «Эдип в Колоне» Софокла — в 1904 г., и т. д.).

с заметным успехом у зрителей, все же нельзя отрицать, что налицо была серьезная творческая неудача, объяснимая лишь при учете некоторых внутренних болезней театра как целого.¹

«Новый род драматического искусства, в котором реализм возвышается до одухотворенного и глубоко продуманного символа», увидел в «Чайке» Горький.² Этот новый род драматургии требовал и нового подхода со стороны театра — продуманной, высоко культурной режиссуры, единого тона исполнения, глубокого постижения каждым актером всего своеобразия чеховского письма, тонкого искусства полутонов, передачи подтекста драмы. Но помимо известной чуждости чеховской манеры большинству исполнителей, воспитанных на ином драматургическом материале, в Александрийском театре как раз и не было ни настоящей режиссуры, ни сознательного и организованного ансамбля (ансамбль в хороших спектаклях складывался по существу стихийно). Видный представитель александрийской труппы Н. Н. Ходотов призывает в своих воспоминаниях (касаясь непосредственно конца 90-х годов): «... когда пьеса требовала психологических созвучий, стройного ансамбля, нередко доминировала актерская личность, общий тон не улавливался и не ощущался именно потому, что каждый из отдельных исполнителей слишком тинул в свою сторону».³

* * *

Сила и слава Александрийского театра заключалась между тем именно в актере. Тот же Ходотов, указывая, что на Александрийской сцене исполнялось много «дребедени», отмечает, что играли ее тогдашние актеры «так красочно, с таким искренним стремлением углубить каждую деталь, вдохнуть в нее искру живой жизни, что спектакль резко отличался от пьесы».⁴ Спектакли же Островского, Гоголя, Сухово-Кобылина и других классиков большей частью превращались благодаря замечательным мастерам-александрийцам в подлинные художественные праздники.

К началу периода, составляющего предмет настоящей главы, в труппе Александрийского театра находились артистки М. Г. Саввина, В. В. Стрельская, Е. Н. Жулева, Н. С. Васильева, В. А. Мичурин-Самойлова, А. И. Абарипова, М. А. Потодная, артисты К. А. Варламов, В. Н. Давыдов, Н. Ф. Сазонов, М. И. Писарев, П. М. Медведев, Р. Б. Аполловский, Ю. В. Корвин-Круковский, Ю. М. Юрьев,

¹ Через шесть лет после неудачной премьеры, в конце 1902 г., возобновление «Чайки» прошло гораздо лучше и сразу сопровождалось значительным успехом; это объяснялось сдвигами в отношении к чеховской драматургии и публики, и прессы, и самого театра, сдвигами, совершившимися не без сильного влияния Московского Художественного театра. Печать прямо говорила о постановке в Александрийском театре «Чайки» в 1902 г. как об «умелом подражании» («без крайностей, без увлечения», как при этом утверждалось, например, в «Мире искусства» — 1902, 2-е полугодие, отдел III, стр. 46—51).

² М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 28, М., 1954, стр. 52.

³ Н. Н. Ходотов, Близкое—далекое, М.—Л., 1932, стр. 117.

⁴ Там же.

Мамонт Дальский (М. В. Неелов), Степан Яковлев, Н. П. Шаповаленко, А. А. Усачев и др. Во второй половине 90-х и начале 900-х годов в труппе находилась В. Ф. Комиссаржевская.

В конце 90-х годов на Александринскую сцену пришли Н. Н. Ходотов, Г. Г. Ге, А. А. Чижевская, М. П. Домашева, в 1901 г. в труппу вернулся после семилетнего перерыва В. П. Далматов, в 1904 г. пришел А. П. Петровский.

Конечно, нет возможности охарактеризовать здесь творчество всех или даже большинства перечисленных видных деятелей Александринской сцены и приходится по необходимости ограничиться краткими данными об отдельных артистах, стоявших во главе труппы.

К. А. Варламов принадлежит к самым выдающимся деятелям русского театра конца XIX и начала XX в. По выступлениям на летних сценах петербуржцы знали и любили Варламова уже с 1870 г. В 1875 г. он был принят в Александринский театр, в котором проработал сорок лет (до своей смерти в 1915 г.). Варламов, будучи комическим актером, обладал также громадным чисто драматическим талантом. После смерти Варламова поэтому даже возник спор — был ли Варламов сильнее в комических ролях или в выражении драматических ситуаций, когда он глубочайшим образом волновал зрителей. Многие из современников при этом склонялись ко второму мнению.

В творчестве Варламова определяющее место занимала драматургия Островского и Гоголя, первого в особенности. «Поклоняюсь Гоголю, Островскому и страшно люблю играть их пьесы», — указывал сам Варламов в своей автобиографии.¹ Замечательные образы созданы были Варламовым в пьесах Сухова-Кобылина, Льва Толстого, Салтыкова-Щедрина, в произведениях Мольера, Шекспира.

К. А. Варламов — Берендей в «Снегурочке»
А. Н. Островского.

¹ Галерея сценических деятелей. Изд. журн. «Рампа и жизнь», М., 6 г., т. II, стр. 12.

В целом репертуар Варламова был огромен и крайне разнообразен — он заключал в себе свыше тысячи ролей.

В некрологе Варламова С. М. Киров отмечал «благодарную, исключительную по своему значению работу артиста, указывая, что ею запечатлены «лучшие, наиболее красочные страницы сценического искусства».¹

Родным и близким был Варламов («дядя Костя», как его с любовью называли зрители) не только для петербургской публики, но и для широких кругов зрителей всей страны, знакомых с творчеством артиста по его многочисленным гастрольным выступлениям в провинции.²

При всем огромном значении деятельности Варламова роль его долголетнего сотоварища по Александринской сцене В. Н. Давыдова была для театра еще важнее. И Давыдов подобно Варламову был великим комическим актером; вместе с тем и он умел быть глубоко, потрясающе драматичным. В отличие от Варламова, талант которого был по преимуществу «стихийным», Давыдов соединял с интуицией, чутьем, непосредственной силой вдохновения глубоко сознательную работу над образом. «Для него, — свидетельствует известный артист того же театра Б. А. Горин-Горийнов, — художественная интуиция была ценна только тогда, когда она, создавая полную гармонию, входила в общую систему искусства, регулируемого критикой разума и высокой техникой мастерства».³

Давыдов на петербургской сцене явился с самого начала как бы носителем и продолжателем традиций Московского Малого театра. Давыдов сам называл своей школой «славный Московский Малый театр», который в юности разбудил дремавшие в нем силы, который указал ему путь и научил «восторженно любить родное, благородное драматическое искусство».⁴ Островский — любимейший автор Давыдова — еще в первые годы работы артиста в Александринском театре писал о нем: «Хорошее влияние московской труппы очень заметно в его тоне и манере игры... Он крепко держит раз созданный тип, играет по-московски».⁵ Девиз Давыдова — жить на сцене, отражая жизнь — был им вынесен из школы Островского и Малого театра.

Достойный наследник Щепкина и Мартынова, В. Н. Давыдов создал длинный ряд незабываемых реалистических образов, образов безмерной художественной простоты и предельной правдивости, в произведениях Грибоедова (Фамусов), Гоголя (Городничий), Тургенева, Островского, Сухово-Кобылина (Расплюев), Льва Толстого, Чехова. За свою продолжительную артистическую жизнь (он оставался на сцене почти 60 лет, с 1867 по 1925 г., и из них около 40 лет было от-

¹ Из неопубликованных статей и писем С. М. Кирова. Красная новь, 1939, кн. 10—11, стр. 147.

² К. А. Варламов проживал в последние годы на Загородном проспекте, д. № 13.

³ Б. А. Горин-Горийнов. Антеры. (Из воспоминаний). Л.—М., 1947, стр. 126.

⁴ А. Брянский. Владимир Николаевич Давыдов. Л.—М., 1939, стр. 135.

⁵ А. Н. Островский, Воли. собр. соч., т. XII, М., 1952, стр. 224.

даю Александрийской сцене) Давыдов сыграл до 600 ролей, в том числе до 500 в пьесах русского репертуара.

В преддверии и в начале XX в. Давыдов имел славу «первого актера» русского театра.

Давыдов пережил и Варламова, и Савину. Ему посчастливилось дожить до Великого Октября; он участвовал в строительстве советского театра в Ленинграде и Москве в первые годы революции; он был одним из первых народных артистов Советской страны.

Не только как актер, но и как педагог, воспитатель молодых актерских поколений Давыдов оставил в истории театра важный след. «Помните, что на сцене надо жить, жить и жить, и не одним только телом, а головой и сердцем», — учил Давыдов своих учеников.¹ В школе Давыдова выросли такие артисты, как Ходотов, как будущий главный режиссер Ленинградского театра драмы имени Пушкина, народный артист СССР Л. С. Вивьен и др.

К плеяде великих александрийских актеров старшего поколения принадлежала вместе с Давыдовым и Варламовым М. Г. Савина.

Савина подвизалась на Александрийской сцене с 1874 г. Сжатая общая оценка ее творчества дана была при освещении деятельности петербургского театра второй половины XIX в. На 70—80-е годы приходится первая пора расцвета яркого и обаятельного савинского дарования, глубоко жизненного, реалистического, овеянного тонким лиризмом, в то же время по-особому уравновешенного, технически совершенного и законченного. Примерно к середине 90-х годов наступила для Савиной полоса перехода: артистке приходилось думать об известной перемене амплуа. Продолжая выступать в некоторых из любимых своих молодых ролей, Савина постепенно вводит в свой репертуар новые роли, не требующие уже, как

*В. Н. Давыдов — Расплаков в «Свадьбе Кречинского»
А. В. Сухово-Кобылина.*

¹ А. А. Усачев. Повесть об одном актере. Воспоминания, Л. (1935), стр. 88.

определяла критика, свежести молодости. В своей основе талант Савиной не по-терпел ущерба. Даже больше того — именно к рубежу 90-х и 900-х годов большинство наблюдателей относит высшую зрелость, полноту савинского творчества. Да и для самых последних 10—12 лет творческого пути М. Г. Савиной несомненно справедливы свидетельства критиков о золотой ее «осени»; на эти годы падает еще длинный ряд достижений Савиной, вписанных в историю русской сцены.

На заре своей деятельности в Александринском театре М. Г. Савина произвела фурор высоко поэтичным и проникновенным исполнением роли Верочки в «Месяце в деревне» Тургенева. Через четверть века в той же пьесе ее особенно любимого, наиболее близкого ей по духу автора Савина с непревзойденной силой воссоздает второй (главный по авторскому замыслу) женский образ Натальи Петровны.¹ В другом шедевре русской классики — «Ревизоре» — Савина, десятки лет неподражаемо исполнявшая «Марью Антоновну», в один из своих последних сезонов (1911/1912) поразила зрителей необычайно мастерским исполнением роли Анны Андреевны. С именем Савиной связана память о блестящем воплощении ряда женских образов Островского на сцене Александринского театра. В описываемый период этот ряд пополнился новыми для Савиной ролями: Веры Филипповны в «Сердце не камень» (сезон 1898/99), Евгении Мироновны в «На бойком месте» (1906/1907), Людмилы в «Поздней любви» (1908/1909), Мамаевой в «На всякого мудреца довольно простоты» (1909/1910). Некоторые образы в драматургии Островского были показаны Савиной в новой актерской «редакции»: Евлалия — в «Невольниках» (1899), Катерина (спектакль «Гроза», которым Александринский театр в 1907 г. отметил 75-летие своего существования). На грани нового периода, в 1895 г., Савина создала незабываемый образ Акулины во «Власти тьмы» Льва Толстого. Через 16 лет Савина покорила зрителей исключительно правдивым и выразительным исполнением роли Карениной в толстовском «Живом трупе». Игравшая в чеховском «Иванове» при его первом появлении на Александринской сцене (1889) Сашу, Савина при возобновлении пьесы в конце 90-х годов блестяще сыграла центральную роль — Анны Петровны (Сарры), прежде исполнявшуюся Стрелетовой. При возобновлении в 1902 г. чеховской «Чайки» Савина создала интересный и своеобразный образ Аркадиной.

Как и прежде, Савина играла бесчисленное множество ролей в так называемом текущем репертуаре, создавая подчас из малозначительного или даже ничтожного материала убедительные, живые образы, глубоко врезавшиеся в сознание зрителя. Достаточно назвать Елену Александровну из пьесы второстепенного драматурга Радавиловича «История одного увлечения» или, позже, старую княжну Плаву-

¹ Исполнение Савиной роли Натальи Петровны в недавнее время запечатлено в театральных мемуарах Ю. М. Юрьева (Зависки. Л.—М., 1948, стр. 397—398) и Александры Бруштейн (Страницы прошлого. М., 1952, стр. 269—274).

тину-Плавунцову из «Холопов Гведича (поставлены были Александринским театром в сезон 1908/1909).

В ярко художественном реалистическом воспроизведении большой галереи русских женских типов разных состояний и поколений современное общество видело выдающуюся историческую заслугу Савиной. Впоследствии А. В. Луначарский, тоже современник, отмечал, что Савина была первой актрисой петербургской императорской сцены, которая «показала и в женщине из русского терема, и в женщине из дворянского гнезда... и в женщине, выросшей в черной избе, стиснутой крепостничеством, и в женщине, подавленной самодурством кулака, — лицо подлинной русской женщины, обветренное воздухом наших полей, лицо, по которому не трудно было угадать, что в самом недалеком будущем эта женщина заявит твердо и решительно о своих правах». ¹

Слава Савиной была всероссийской; неутомимо странствовала она почти каждое лето по России, и артистку хорошо знали, сильно любили и на Волге, и в Грузии, и в главных центрах Украины. Триумфальными были выступления Савиной в 1902 г. в Москве (где раньше, в начале 90-х годов, ее принимали еще в общем холодно). Предприняв в 1899 г. поездку в Берлин и Прагу, Савина первая познакомилась с зарубежными странами, в том числе общественность западного славянства, с великими достижениями русского драматического театра. Под флагом Савиной, отмечала тогда чешская печать, русское сценическое искусство совершает победоносное шествие по Европе. «Художественная Русь, великая и необъятная Русь скрывает в себе еще многое для удивления нашего Запада; от нее, действительно, веет той огромной „черноземной“ силой, которая так чудно изображена в тургенев-

М. Г. Савина. Рисунок Л. Вакста.
Государственный Русский музей.

¹ М. Савина и А. Коки. Перениска. 1883—1915. Л.—М., 1938, стр. 6.

ской «Нови»... Мы видели те именно оригинальность, искренность и правдивость, которые Белинский отмечает в литературе и искусстве русских».¹

Как общественная деятельница М. Г. Савина внесла свое имя в театральную историю организацией Русского театрального общества² и устройством в Петербурге Дома ветеранов сцены (на Петровском острове).

Савина прожила многие годы на Фонтанке, близ Анничкова моста (д. 38); потом, до последних дней, Савина жила в своем доме на ул. Литераторов, 17.

Умерла М. Г. Савина в 1915 г., вскоре после смерти Стрельской и Вардамова.

Как упомянуто раньше, одно время в труппе Александринского театра находилась В. Ф. Комиссаржевская. Она пришла сюда в 1896 г.³ и покинула театр в 1902 г. В течение этих лет она сыграла на Александринской сцене около 50 ролей. Первая громадная победа Комиссаржевской была ею одержана в роли Ларисы в «Бесприданнице» Островского, возобновленной в сентябре 1896 г. Ровно через месяц состоялась печально известная премьера «Чайки» Чехова. Однако именно Комиссаржевская, в роли Нины Заречной, полностью постигла и превосходно воплотила чеховский образ. «Это было 17 октября 1896 года. Белокурая Чайка стонала мучительно и одиноко на Александринских подмостках. Только еще один В. Н. Давыдов, силою громадного вдохновения преодолев толщу тогдашних сценических традиций и рутин, творил в тот вечер поистине как великий художник, — писал потом П. П. Гайдебуров (видный актер, создатель Передвижного театра).⁴ Нина Заречная (как и Лариса) стала одной из лучших и самых любимых ролей артистки. Комиссаржевская осталась навсегда лучшей «Чайкой».

Комиссаржевская в короткий срок завоевала любовь публики и прежде всего петербургской молодежи. Выдающимися событиями были ее выступления в ролях Вари («Дикарка» Островского), Снегурочки, Софьи («Горе от ума»), в модных в те годы и в совершенстве ей удававшихся пьесах немецкого писателя Зудермана («Бой бабочек», «Гибель Содомы», «Огни Ивановой ночи»). В театре Комиссаржевская скоро заняла во мнении многих место рядом с Савиной и даже чуть ли не выше ее.

Но Комиссаржевская не осталась на сцене Александринского театра; покинув ее, она временно даже уехала из Петербурга. В своих объяснениях она сурово критиковала казенную сцену, где много находящихся в полном блеске талантов, где есть и способная молодежь, но «все это не объединено и не направлено на настоя-

¹ Русское сценическое искусство за границей. Артистическая поездка М. Г. Савиной с труппой в Берлин и Прагу. СПб., 1909, ч. II, стр. 308.

² Ему предшествовало Общество для пособия нуждающимся сценическим деятелям, организованное в Петербурге в 1883 г. также по инициативе Савиной (см.: Кончина Марии Гавриловны Савиной, т. II. Пгр., 1917, стр. 104—107, 238—239).

³ Комиссаржевская была на десять лет моложе Савиной (Савина родилась в 1854 г., Комиссаржевская — в 1864 г.).

⁴ П. П. Г а й д е б у р о в. Испытание лаврами. Алкоголь, кн. 1, СПб., 1911, стр. 28.

В. Ф. Комиссаржевская. Фотография конца XIX в.

щий художественный путь», где в пьесах господствуют «первый план да яркие контуры», но пропадают полутона, «светотени», где ансамбль вялый, где репертуар так складывается, что ей, Комиссаржевской, «ничего было играть».¹ Протестуя своим уходом против отсталости казенной сцены, Комиссаржевская выразила мечту о создании с в о е г о театра, где она могла бы сказать с в о е слово. Мечта осуществилась только в 1904 г., в канун первой революции. Однако в течение двухлетнего перерыва ее постоянной, систематической деятельности в Петербурге

¹ Театр и искусство, 1902, № 39, стр. 697.

она появлялась здесь на гастролях, сопровождавшихся грандиозными овациями и настоячими призывами, особенно со стороны молодежи, студенчества, вернуться в столицу. Теснейшая связь Комиссаржевской с обществом, с массой молодых зрителей в первую голову, проявилась на этих ее спектаклях еще с большей силой, чем прежде (на адресе от учащейся молодежи, поднесенном артистке в 1903 г., были тысячи подписей), и это заставило ее окончательно решиться на основание собственного театра именно в Петербурге.

Необычайная популярность Комиссаржевской вызывалась созвучностью ее вдохновенного и взволнованного творчества чувствам и настроениям широкого круга современников. Мятущийся дух, дух неудовлетворенности, протеста, правдоискательства, тоска по лучшей, истинно красивой жизни, яркая гуманистическая окраска ее творчества в сочетании с неповторимым талантом задушевного, глубоко лирического склада, с уточненным психологическим реализмом — были источником ее неотразимого влияния на чуткого, рвавшегося из оков окружающей тяжелой действительности зрителя, были причиной того особого к ней отношения, которое Луначарский назвал «влюбленностью всей культурной части целого народа». «Я не знаю», — писал Луначарский, — были ли у Комиссаржевской сколько-нибудь определенные политические взгляды, но чувство скорби за униженных и оскорбленных, чувство какой-то огромной внутренней обиды за человека, за женщину, соединенное с нежным, застенчивым порывом к некоему большому и святому счастью, — это было ей присуще как основной аккорд ее «существа».¹

Какова бы действительно ни была степень определенности общественных взглядов Комиссаржевской, она несомненно чувствовала себя кровно связанной с прогрессивными, демократическими силами России, и это находило выражение также в ее практических делах, в ее откликах на призывы революционного подполья, в прямой помощи ему.

Передовую общественно-художественную роль сыграл — в свою лучшую пору — созданный Комиссаржевской театр, о котором будет речь впереди.

* * *

Но времени основания театра Комиссаржевской в Петербурге уже существовали некоторые другие частные театры. Наиболее долговечным частным театром столицы оказался театр Литературно-художественного общества, или театр Суворина, Малый театр. Он открылся в сентябре 1895 г. в помещении Панаевского театра на Адмиралтейской набережной (у Дворцового, ныне Республиканского, моста), потом перешел в Малый театр на Фолтанке,² где и работал до конца своего существования (театр этот дожил до революции), кроме сезона 1901/1902 г., когда после пожара Малого театра он временно опять приютился в Панаевском.

¹ А. Луначарский. Артистический жанр Веры Федоровны Комиссаржевской. Сборник памяти Веры Федоровны Комиссаржевской, М., 1931, стр. 30, 33.

² Ныне в этом здании находится Большой Драматический театр имени Горького.

Как первый прочный и сравнительно богатый средствами частный театр в Петербурге театр Литературно-художественного общества вначале возбудил немалые надежды. Возникший в 1897 г. в Петербурге журнал «Театр и искусство» в первой программной статье писал: «Несомненно, что интерес к драматическому театру возрос в Петербурге в последние годы и что этому способствовало, если только это не произвело, учреждение театра Литературно-художественного кружка» (так называлось до 1899 г. Литературно-художественное общество).

Но скоро наступило разочарование. Тот же журнал писал в 1905 г. в связи с десятилетием театра Литературно-художественного общества: «Вначале свежесть дарования, приятная, на первый взгляд, свобода от разных условностей, „академизмов“ и рутины. Потом быстрое приспособление к рынку, господство на нем, торжество беспринципности и, наконец, столь же быстрое падение и омертвление».¹

Суворинский дух (в организации театра и управлении им ближайшее участие принимал журналист охранительного направления А. С. Суворин, имя которого впоследствии было присвоено театру) вредным образом сказался на судьбе театра и помешал ему сделаться живым творческим организмом.

Хорошие, литературные пьесы в прогрессирующей степени вытеснялись ничемным (подчас и прямо реакционным) драматургическим материалом. Печать сравнивала настоящие, значительные пьесы в репертуаре театра со «свадебным генералом», приглашаемым для украшения скромного мещанского стола.

Все же некоторые постановки театра, в основном в е р в ы х его лет, встретили признание. В первый свой сезон театр поставил (в октябре 1895 г., одновременно с Александринским театром) «Власть тьмы» Л. Н. Толстого. Служившая в тот

К. И. Яковлев и П. Н. Орленев в инсценировке «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского. Фотография 1899 г.

¹ Театр и искусство, 1905, № 38, стр. 611.

год в этом театре П. А. Стрепетова создала замечательный образ Матрены. Один из главных и наиболее постоянных актеров театра М. А. Михайлов с выдающимся успехом сыграл роль Акима, известный артист И. И. Судьбинин — Никиты. В октябре 1898 г. в театре Литературно-художественного общества была впервые осуществлена публичная постановка трагедии А. К. Толстого «Царь Федор Иванович». Это было крупное событие театральной жизни Петербурга. Пьеса за один сезон прошла 78 раз.¹ Спектакль выдвинул замечательного русского актера П. Н. Орленева. «На другой день (после премьеры «Царя Федора», — *Ред.*) и проснулся знаменитостью. Имя мое было у всех на устах», — пишет Орленев в своих воспоминаниях.² Второй большой успех Орленева в том же театре был связан с постановкой инсценированного романа Достоевского «Преступление и наказание» в сезон 1899/1900 г. (в роли Раскольникова). В той же постановке в роли следователя Порфирия Петровича впервые прославился другой талантливейший деятель русского театра Ковдрат Яковлев, актер почти давидовской силы, игравший в 1898—1906 гг. на сцене театра Литературно-художественного общества, а с 1906 г. ставший одним из ведущих артистов Александринского театра.³

Первые сезоны театра Литературно-художественного общества ознаменовались также постановкой никогда до того вследствие запрета не исполнявшейся последней части трилогии А. В. Сухово-Кобылина — «Смерть Тарелкина», однако в заметно обесцвеченной по цензурным условиям редакции и под измененным названием «Веселые расплюевские дни». Премьера (15 сентября 1900 г.) прошла в присутствии драматурга, сердечно принимавшего публичкой.

Наконец, следует отметить, что театром Литературно-художественного общества был «открыт» драматург С. А. Найденов. Его яркая бытовая пьеса «Дети Ванюшина», до сих пор не сходящая со сцены, была здесь исполнена впервые 10 декабря 1901 г.

На сцене театра Литературно-художественного общества в первые годы его существования работали артисты В. П. Далматов (деятельность которого в своей наибольшей части протекла в Александринском театре), К. В. Бравич (потом ведущий артист театра Комиссарьевской), А. А. Чижевская и М. П. Домашева (потом десятки лет работавшие в Александринском театре), З. В. Холмская, Л. Б. Яворская (в 1901 г. открывшая в Петербурге в зале Кононова на Мойке собственный, так называемый Новый театр). В 1901 г. в труппу вступила Валентина Миронова, ставшая со временем первой актрисой театра Литературно-художественного общества. С тем же театром впоследствии была связана на протяжении

¹ Н. Долгов. Двадцатилетие театра имени А. С. Суворина (6. театр Литературно-художественного общества). Пгр., 1915, стр. 33.

² Жизнь и творчество русского актера Павла Орленева, описанные им самим. М.—Л., 1931, стр. 112.

³ К. Н. Яковлев. Бирюч петроградских государственных академических театров. II сборник статей. Пгр., 1920 (1921), стр. 359—361.

ряда лет (1909—1915) деятельность выдающейся русской артистки, носительницы ярко выраженных демократических тенденций в театральной жизни и искусстве — Е. П. Корчагиной-Александровской. Вообще крупных актеров немало перебивало за два с лишним десятилетия в труппе театра, но никакого нового слова театр не сказал и вследствие своей зависимости от Суворинных, конечно, сказать не мог.¹

* * *

Приближение первой русской революции отразилось на театральной жизни Петербурга. Важнейшим симптомом — в сфере театра — назревающих событий явилось проникновение на петербургские сцены произведений гениального буревестника революции А. М. Горького.

О значении горьковского творчества в целом уже была речь в разделе, посвященном литературе. Сказанное там относится в полной мере и к драматическим произведениям Горького. Великий писатель рабочего класса выступает в них как лучший продолжатель русской классической драматургии XIX в. и одновременно как зачинатель нового социалистического искусства. Пьесы Горького с необыкновенной полнотой и исключительной реалистической силой, в образах огромной художественной убедительности отразили эпоху пролетарского революционного движения в России, эпоху распада русского царизма и капитализма, борьбы против них и конечной победы над ними сил нового, сил демократии и социализма. Обличая с большевистских позиций врагов демократии и рабочего класса, вскрывая несостоятельность промежуточных, колеблющихся между двумя станами общественных элементов, подвергая острой, боевой критике либерально-буржуазную интеллигенцию, поворачивающуюся спиной к народу, Горький в то же время дал замечательные образы новых людей, передовых представителей самой массы, а также той части интеллигенции, которая чувствовала свою связь с массой и рвалась навстречу ей. Драматургия Горького насквозь проникнута духом подлинного, социалистического гуманизма, она славит человека, человека-борца, его творческий труд. Такой передовой, смелой, революционной драматургии не было до Горького ни в России, ни на Западе: исследователи творчества Горького справедливо называют ее самым революционным явлением мировой театральной культуры.

Следует отметить, что в Петербурге попытки познакомить публику с Горьким со сцены делались еще до появления первых его пьес. Они шли по линии инсценировок одного из известных его беллетристических произведений — повести «Фома Гордеев». В ноябре 1901 г. сразу в двух частных театрах — Петербургском театре и Новом театре Л. Б. Яворской — были осуществлены постановки по мотивам

¹ Не случайно почти сразу же после Февральской революции именно в Малом театре разыгрался длительный резкий конфликт между актерами и тогдашней руководительницей театра А. А. Сувориной, приведший в конце концов к прекращению антрепризы Сувориной и образованию Товарищества артистов.

«Фомы Гордеева». Новый театр через два месяца, в январе 1902 г., дал вторую редакцию спектакля, причем на этот раз инсценировка была выполнена с разрешения автора, чего не было при первых постановках.¹

Весной 1902 г., как уже указывалось, Петербург первым познакомился с пьесой Горького «Мещане» в постановке Московского Художественного театра (преьера состоялась 26 марта 1902 г.). В декабре 1902 г. в Москве Художественный театр показал пьесу Горького «На дне».

Громадный успех Горького-драматурга побудил даже косную петербургскую дирекцию императорских театров согласиться на постановку пьесы «На дне» в Александринском театре («На дне» намеревался поставить в свой бенефис артист В. П. Далматов).² Пресса уже печатала сообщения о приготовлениях к предстоящему спектаклю и об интересе, возбуждаемом им среди зрителей. Но постановка правительством не была допущена;³ так до самого конца старого режима драматургия Горького осталась запретной для императорских сцен. В апреле 1903 г. «На дне» было показано петербуржцам Московским Художественным театром.⁴

С мая 1903 г. на летних петербургских сценах как в черте города, так и в пригородах (Ораниенбаум, Озерки, Павловск и т. д.), десятки раз шли «Мещане» с участием в роли старика Бессеменова Ковдрата Яковлева, тогда еще артиста Суворинского театра, и В. Н. Давыдова. Оба выдающихся актера давали этот образ в смягченных тонах, что шло вразрез с авторским замыслом. Тогда же, летом 1903 г., на частных сценах Петербурга и пригородов многократно шло «На дне». В ряде спектаклей Луку играл Давыдов; и тут, однако, спектакль отличался примирительной тенденцией, расхолившейся с боевым духом горьковской пьесы. В октябре 1903 г. «На дне» неоднократно давалось в частном театре Неметти на Петербургской стороне — труппой артиста И. И. Судьбинина (роль Актера исполнял, выдвинув ее силой своего таланта на первый план, Павел Орленев).⁵ Спектакли «На дне»

¹ Разрешение было, видимо, отчасти связано с той репутацией, которую в те годы имел театр Яворской, заигрывавший в начале века, как отмечает, например, в своих воспоминаниях Александра Бруштейн, с революцией (Страницы прошлого, М., 1952, стр. 140). Заграничная русская печать в 1903 г. сообщала, что Плева недоволен Новым театром, который-де «служит не для художественных целей, а для пропаганды зловерных идей». Яворской было запрещено читать на студенческих вечерах. (Освобождение, № 8, стр. 311).

² Театр и искусство, 1902, № 38, стр. 681.

³ Как сообщал тогда же петербургский корреспондент зарубежного либерального журнала «Освобождение» (1903, № 17, стр. 303), постановка была запрещена Николаем II по инициативе Плева. Иные истории запрещения постановки «На дне» восстановлены по дневникам директора императорских театров Теляковского (С. С. Д а в и д о в. Революция 1905—1907 гг. и русский театр. Театр, 1955, № 7, стр. 119—120).

⁴ Сообщая в конце января 1903 г. К. Пятницкому о запрещении ставить «На дне» на императорской сцене, Горький писал: «Поэтому Художественный театр едет в Питер. Это очень хорошо, знаете ли» (Архив А. М. Горького, т. IV, М., 1954, стр. 117).

⁵ И. Березарн. Горький и театр в эпоху революции 1905 г. Литерат. современник, 1935, № 12.

Театр Комиссаржевской открылся, под названием «Драматический театр», в помещении театра «Пассаж» (Итальянская улица, ныне ул. Ракова, д. 19), 15 сентября 1904 г.¹ Драматический театр быстро завоевал репутацию передового театра столицы, связанного с прогрессивными кругами общества, в первую очередь опирающегося на симпатии и поддержку демократического студенчества и вообще демократической интеллигенции. Пьесы Горького в особенности определяли передовое, прогрессивное лицо нового театра в «Пассаже».

«Дачники» были впервые поставлены именно в театре Комиссаржевской. Премьера, состоявшаяся 10 ноября 1904 г. (при участии В. Ф. Комиссаржевской в роли Варвары), показала резкое размежевание интеллигентского зрителя: обличение буржуазной интеллигенции вызвало горячее одобрение демократической части зрителей и острые протесты оторвавшихся от народа и его освободительной борьбы элементов. В письме к Е. П. Пешковой, написанном через два-три дня после премьеры, А. М. Горький в ярких красках изобразил события того памятного вечера. Он охарактеризовал тогда первый спектакль «Дачников» как лучший день своей жизни. «Никогда, — писал Горький, — я не испытывал и едва ли испытаю когда-нибудь в такой мере и с такой глубиной свою силу, свое значение в жизни». Наиболее яркими «протестантами» явились присутствовавшие в театре (потом демонстративно покинувшие зал) представители декадентской литературы и печати во главе с Мережковским, Философовым, Дягилевым. Если они громко порицали пьесу и ее автора, то из другой (преобладающей) части публики Горькому кричали: «Товарищ!», «Спасибо!», «Ура! Долой мешаство!».²

В Петербург Горький приехал незадолго до премьеры «Дачников». Он участвовал в последних приготовлениях к спектаклю. И. А. Слонов, в то время молодой актер театра Комиссаржевской (впоследствии народный артист РСФСР), вспоминает, что Горький «оказался и очень внимательным режиссером, и одновременно умел так образно раскрыть сущность явления, как умеет это делать только автор, выносивший, выстрадавший свое произведение и, как никто, почувствовавший «правду жизни»».³ Постановщиком «Дачников» был режиссер И. А. Тихомиров, состоявший до перехода в театр Комиссаржевской актером и одним из режиссерских работников Московского Художественного театра. Следует тут же заметить, что через Тихомирова и другого режиссера, Н. А. Попова, также принадлежавшего к воспитанникам сценической школы Станиславского, непосредственно как бы осуществлялось воздействие Московского Художественного театра на театр Комиссаржевской.

¹ Ныне здесь работает Ленинградский драматический театр.

² М. Горький, Собр. соч., т. 28, М., 1954, стр. 333—334.

³ И. А. Слонов, Горьковские пьесы в театре Комиссаржевской. Советское искусство, 1938, № 79. Ср.: Н. С л о в о в а. Иван Артемьевич Слонов. Записки о жизни и творчестве. М., 1950, стр. 25.

А. М. Горький читает пьесу «Дети солнца». Слева направо: В. В. Стасов, А. И. Курриш, П. Г. Горин-Михайловский и Ф. Д. Батюшков. Рис. П. Е. Ревина 1905 г. Собрание П. С. Зильберштейна.

После 9 января 1905 г. А. М. Горький был арестован и содержался в Петропавловской крепости. В связи с этим и из опасения политических демонстраций в театре, петербургские власти предписали дирекции последнего снять «Дачников» с репертуара. Лишь революционный подъем осенью 1905 г. заставил правительство опять допустить пьесу на сцену. Петербургская газета «Новости» писала в сентябре 1905 г. по поводу возобновления «Дачников»: «Снова раздались призывы к другой, лучшей, светлой жизни, снова слышатся резкие слова осуждения, снова поднимают свой громкий голос молодые, чувствующие и понимающие жизнь сердца. Театр переполнен. Всею молодежь, горящие увлечением глаза. Пьеса кончилась, последние слова отзвучали, а вызовы и овации продолжались долго, долго, как будто силой и инстинктивно их собравшаяся толпа хотела лучше доказать свою признательность не только Комиссаржевской, но и Ведринской, Голубевой, Уралову, Бравичу и Слонову, которые, вдохновленные пьесой и сочувствием, вложили все, что есть лучшего и искреннего в их дарованиях».¹

«Дети солнца» были написаны Горьким в Петропавловской крепости в январе—феврале 1905 г. Постановка их долго встречала сопротивление цензуры и полиции. Еще в апреле 1905 г. петербургский генерал-губернатор Трепов предписывал градоначальнику «принять надлежащие меры» к недопущению постановки в театре Комиссаржевской пьесы М. Горького «Дети солнца». В августе цензор драматических сочинений писал, что у него «не возникает ни малейших сомнений в совершенной недопустимости» постановки на сцене «Детей солнца» ввиду «крайней тенденциозности» пьесы, могущей вызвать при исполнении «нежелательные последствия».² Как и в случае с возобновлением «Дачников», революционный подъем и здесь вынудил власти отступить. «Дети солнца» были поставлены, опять-таки впервые, театром Комиссаржевской в октябре 1905 г. — в дни, когда начала разворачиваться всеобщая октябрьская стачка. В пьесе участвовали В. Комиссаржевская (Лиза), К. Бравич (Протасов), И. Уралов (Чепурной), Е. Корчагина-Александровская, И. Слонов, А. Нелидов, А. Феона, О. Голубева и др. Режиссер Н. Н. Арбатов дал постановку, созвучную революции.³ Сам А. М. Горький принимал в подготовке спектакля еще более близкое участие, чем при постановке «Дачников», и, хотя не мог непосредственно видеть спектакля в связи со своим переездом в Москву, очень одобрительно отзывался о всей направленности постановки. «Дети солнца» имели у демократического зрителя огромный и высоко знаменательный успех. Спектакль за один сезон прошел 40 раз. Он посещался не только интеллигенцией, но и петер-

¹ Цит. по статье: С. Дурмлин. Горький на сцене. Сб. «Горький и театр», М.—Л., 1938, стр. 249—250.

² Революционный путь Горького. По материалам Департамента полиции. С предисл. Ем. Ярославского. М.—Л., 1933, стр. 93.

³ С. Дурмлин, ук. соч., стр. 251.

бургскими рабочими.¹ Именно постановки в театре Комиссаржевской пьес Горького «Дачники» и «Дети солища» должны быть признаны особенно яркими проявлениями «театрального 1905 года» в Петербурге.

Театр Комиссаржевской, часть актерского состава которого была уже только что отмечена (кроме упомянутых, надо назвать Павла Самойлова, талантливого сына знаменитого В. В. Самойлова, А. Кашпирова, Н. Красова, З. Холмскую, В. Гардина, В. Александровского, А. Домашеву, М. Михайлова, А. Любоша, режиссера А. Петровского), довольно широко ставил, помимо горьковских пьес, произведения авторов, в то время группировавшихся вокруг руководимых Горьким же сборников «Знание». В театре шли пьесы С. А. Найденова («Богатый человек», «Авдотьяна жизнь» и др.), Е. П. Чирикова («Иван Мироныч»). Видное место в репертуаре театра завладала чеховская «Чайка», которой был открыт второй сезон театра. В театре ставился и «Дядя Ваня». Театр Комиссаржевской поставил пьесы Островского «Таланты и поклонники» (с Негинной — Комиссаржевской), «Бесприданницу» (главные исполнители — Комиссаржевская, Кашпиров, П. В. Самойлов), «Дикарку», «Праздничный сон до обеда». Во главе иностранного репертуара стояло имя Г. Ибсена. С исключительным успехом (около 60 спектаклей за первый же сезон) шел «Кукольный дом» с Комиссаржевской в роли Норы (один из самых глубоких образов, созданных великой актрисой). Кроме того, были поставлены ибсеновские «Привидения», «Росмергольм», «Строитель Сольнес», обративший на себя особенно большое внимание (Гильда — Комиссаржевская, Сольнес — Бравич). Исполнялись, наряду с пьесами Ибсена, пьесы Гауптмана, Стриндберга и других крупных западных драматургов той эпохи. В общем репертуар театра Комиссаржевской 1904—1906 гг. весьма выгодно выделялся на фоне других петербургских театров своей литературностью, преобладанием в нем произведений большой идейности. Он мог бы быть еще богаче, еще созвучнее революционной современности, если бы не препятствия со стороны цензуры, запрещавшей многие уже намеченные постановки («Заговор Фиеско» Шиллера, «Ткачи» Гауптмана, «Голод» Юшкевича, «Мужики» Чирикова и т. д.).

Интересно отметить, что в ноябре 1905 г., в разгар революционных событий, Комиссаржевская решила репетировать запрещенных «Мужиков» (пьеса была посвящена в значительной мере крестьянскому движению) и сыграть их, объявив на афише другую пьесу, хотя бы это стоило закрытия театра. «Ее потом отговорили, и представления не было», — сообщает брат артистки и летописец ее театра Ф. Ф. Комиссаржевский.²

¹ Приехавшая в Петербург поздней осенью 1905 г. и видевшая спектакль «Дети солища» А. Бруштейн пишет: «Спектакль этот был так органически впаян в то, что происходило в те дни за стенами театра, что его даже трудно выделить из общей цепи событий и явлений, впечатлений и переживаний» (Страницы прошлого. М., 1952, стр. 72). Автор особенно выдвигает из состава исполнителей, наряду с Комиссаржевской, Уралова (потом артиста МХТ и, наконец, Александринского театра).

² Сборник памяти В. Ф. Комиссаржевской, под ред. Евг. П. Карпова, СПб., 1911, стр. 208.

С начала революции 1905 г. в среде театральных деятелей развертывается движение за широкое объединение работников сцены. Ведется агитация, направленная против сковывающих деятельность театра политических порядков. Часть актеров стремится включиться в освободительное движение, во лишь немногие склоняются на сторону последовательной демократии, прямо сочувствуют партии рабочего класса. Большинство не умеет отличить демократов от либералов, некоторые тяготеют к мелкобуржуазным «радикалам» типа руководителей интеллигентского Союза союзов.

Примерно через месяц после январских событий появляется, обходя почти всю печать, записка сценических деятелей под заглавием «Нужды русского театра». Записка указывает на тягостное положение русского театра, на печальные экономические условия его жизни, «вне всякой правовой охраны и твердых начал законности». Составители жалуется на то, что театр не может отзывать на «больные вопросы современности», что «редкая пьеса, отражающая жизнь в ее истинных проявлениях и чаяниях, вносится в список безусловно разрешенных». Отмечается, что целые периоды истории, целые сословно-общественные группы, целые области жизни не дозволяются к воспроизведению на театральных подмостках. Подчеркивается особенно тяжелое положение народного театра, из скудного репертуара которого «определенно изъемлются пьесы, имеющие живое отношение к действительности и могущие заинтересовать народную аудиторию». Авторы записки заявляли, что театр «может получить столь чаемую им свободу лишь при условии общего закономерного строя», и выдвигали требования упразднения специальной драматической цензуры, установления гражданских свобод и т. д.¹ Вся записка в целом носила умеренный, по существу либеральный характер, и тем не менее, как вспоминают современники, многим работникам сцены ее требования в начале революции казались «смелыми и страшными».

По сообщению артиста Александринского театра Н. Н. Ходотова, записка сценических деятелей составлялась у него на квартире комиссией под председательством ученого-геолога и общественного деятеля (одного из руководителей Союза союзов) Л. И. Лутугина; в комиссию входили сам Ходотов, актеры К. В. Бравич, Н. Г. Шумов, Борис Неволин, редактор журнала «Театр и искусство» А. Р. Кугель, режиссер и драматург Евтихий Карпов.² Записка была утверждена на совещании актеров и драматургов, на котором присутствовали представители большинства петербургских театров.³ При опубликовании записки на ней было около 200 подписей, среди них — Комиссаржевской, Бравича, Корчагиной-Александровской (тогда, как уже упоминалось, актрисы театра Комиссаржевской), Уралова, Ходотова, Ге, Яворской, братьев Адельгейм, Мирановой и др. Немедленно

¹ Русь, 1905, № 36 (от 12 февраля).

² Н. Н. Ходотов, ук. соч., стр. 233—234, 254.

³ Театр и искусство, 1905, № 6, стр. 82.

после напечатания записки начались многочисленные «присоединения» к ней. В числе первых присоединившихся находились все ведущие деятели Московского Художественного театра — Станиславский, Немирович-Данченко, Качалов, Москвин, Книшвер, Леонидов, Вишневский, Артем и др.

Вслед за запиской сценических деятелей, подписанной, кроме актеров, и некоторыми драматургами, появилось отдельное обращение драматургов, в котором подчеркивалось, что русский театр «скован по рукам и ногам» существующими политическими условиями — беззаконием и административным произволом, царящими в области театра, и в качестве единственного выхода из «мучительного положения» указывалось на общее преобразование страны.¹

С первых месяцев революции шла в Петербурге и Москве работа комиссий по выработке устава всероссийского союза сценических деятелей (союзные комиссии).² Работа затягивалась из-за внутренних трений, сопротивления консервативных элементов, вследствие чего летом 1905 г. группа более активных деятелей явочным порядком приступила в Петербурге к организации предварительного товарищеского объединения и создала, после довольно широкого актерского собрания 28 августа, организационное бюро, соединившееся вскоре с петербургской союзной комиссией в Комитет самопомощи среди сценических деятелей (председательница — Комиссаржевская, члены — Бравич, Далматов, Шалашии и др.). Комитет самопомощи должен был опираться на местные кружки, устраиваемые по отдельным театрам. Задачи кружков официально определялись как этические, художественные и экономические, но имелись, несомненно, в виду и известные политические цели.

Список присоединившихся к предварительному товарищескому объединению и его Комитету самопомощи включал на 28 сентября 1905 г. 563 чел., на 5 октября — 611 чел. (в их числе находился известный деятель Московского Малого театра А. И. Южин-Сумбатов).

Наряду с вполне гласной и открытой работой велась и нелегальная. В актерской среде появились организаторы и агитаторы — представители большевиков. В октябре 1905 г. актеры были призваны к участию во всеобщей политической стачке и в значительном числе откликнулись на этот призыв. Воззвание, распространенное среди артистов, указывало: «Артисты-граждане! Вы являетесь учителями народа. Вы проповедуете живые слова, начала истинного счастья, свободы. Вы обязаны в эту решительную минуту примкнуть ко всем отважным борцам за свободу и счастье России. Насилие лишает вас возможности говорить со сцены то, что сейчас единственно должно и нужно говорить. Для вас есть единствен-

¹ Проходившие позднее, в феврале 1906 г. и апреле 1907 г., всероссийские съезды драматических и музыкальных писателей требовали отмены театральной цензуры.

² Начало выработки устава восходит еще ко временам I Всероссийского съезда сценических деятелей (1897).

ный честный способ исполнить долг перед собой и отечеством: гордо замолчать».¹

В Александринском театре это воззвание распространял Николай Ходотов. Брожение захватило — в той или иной степени — не только частные, но и императорские театры. Тогдашний директор императорских театров В. Теляковский в специальной книжке воспоминаний «Императорские театры и 1905 год», изданной после Великой Октябрьской социалистической революции, приводит немало фактов, связанных с отражением революционных событий 1905 г. в жизни артистов казенной сцены (оппозиционные выступления части артистов балета во главе с Анной Павловой, Михаилом Фокиным и др., недовольство хора Мариинской оперы и т. д.). В общем они все же плелись в хвосте, и тот же Теляковский, например, сообщает, что «союз артистов бойкотировал драматическую труппу Александринского театра после того, как узнал о том, что она собирается по случаю вышедшего манифеста (17 октября, — *Ред.*) подвести адрес государю».²

В самом складывавшемся союзе отнюдь не было, однако, единства. По мере обострения политического положения и углубления революции усиливалось размежевание в том отряде интеллигенции, который был связан с жизнью театра. На актерском митинге в помещении Панаевского театра 20 октября была большинством голосов принята платформа профессионально-политического союза сценических деятелей, соответствовавшая, как указывали потом ее сторонники, «так называемой платформе-минимум, требуемой Союзом союзов».³ Меньшинство (к нему принадлежали социал-демократы) не соглашалось с платформой; был даже временно образован отдельный союз на платформе меньшинства.⁴ Несколько дальнейших собраний в начале ноября 1905 г. ознаменовалось бурными столкновениями между двумя течениями. В отчете об учредительном собрании членов Всероссийского союза сценических деятелей 9 ноября (в помещении театра Комиссаржевской) большевистская газета «Новая жизнь», уделявшая вообще серьезное внимание театру и стремившаяся направить его лучших деятелей на путь революционной борьбы за демократию, за подлинно народное искусство, резко критиковала поведение «либерально-буржуазной, антрепренерско-режиссерской группы», опиравшейся «на малосознательное большинство» и стремившейся не допустить влияния представителей «левой» на исход выборов в руководящий орган союза.⁵ В еще не оформленном окончательно союзе произошел раскол — многочисленная группа,

¹ Н. Н. Ходотов, ук. соч., стр. 251.

² В. А. Теляковский. Императорские театры и 1905 год. Л., 1926, стр. 57.

³ Право, 1905, № 45—46, стб. 3728.

⁴ В постановлении, принятом на собрании 30 октября левой частью сценических деятелей Петербурга, подчеркивалась необходимость «бороться за полное и последовательное осуществление в нашем отечестве идеалов истинного народовластия» (сб. «Российские партии, союзы и лиги», СПб., 1906, стр. 183—184).

⁵ Новая жизнь, 1905, № 10 (от 11 ноября).

Панаяевский театр на Адмиралтейской набережной. Фотография около 1900 г.

в основном из сторонников умеренного течения, отстранилась от участия в делах союза, заявив о выходе из числа его учредителей. Спад революции после наивысшего подъема, достигнутого в декабрьском восстании, подорвал процесс дальнейшей политической и серьезной профессиональной организации актерской массы. Это сказалось, в частности, на судьбах Всероссийского союза сценических деятелей (с центром в Москве), официально оформившегося в 1906 г.

Народный артист РСФСР Б. А. Горин-Горяинов, с 1911 г. неразрывно связанный с Александринским театром, но в 1905 г. работавший в частном Новом театре Л. Яворской и бывший одним из представителей актерской «левой» (она была в «дни свободы» влиятельна среди артистов данного театра), пишет в своих мемуарах: «Припоминая сейчас это далеко ушедшее время, с гордостью думаешь, что многие тихие и незаметные до того труженики-актеры в годину первого революционного шквала умели держаться независимо и стойко».¹

¹ Б. А. Горин-Горяинов, ук. соч., стр. 114.

Репертуар императорской драматической сцены в революционный период почти не отличался от обычного.

Торжественно отмечалось (в январе 1906 г.) 75-летие со дня первого представления на Александрийской сцене бессмертной комедии Грибоедова «Горе от ума», причем играли Давыдов (Фамусов), Мичурин (Софья), Юрьев (Чацкий), Савина, Варламов, Стрельская, Далматов, Аполлонский и другие корифеи труппы. Возобновили комедию Островского «Не все коту масленица» с Варламовым — Аховым. Впервые в Александрийском театре поставили «Вишневый сад» Чехова (преьера 23 сентября 1905 г.), при участии Мичуриной (Раневская), Далматова (Гаев), Степана Яковлева (Лопахин), Ходотова (студент Трофимов), Варламова (Симеонов-Пищик), Петровского (Епиходов), Медведева и Шаповаленко (Фирс) и др. Поставили в первый раз в январе 1906 г. трагедию Софокла «Антигона», премьеры которой за год до того была отменена вследствие выраженных Департаментом полиции опасений, что «Антигона» даст благодарный материал для антиправительственных демонстраций со стороны демократической части зрителей. Отложить ее второй раз не решились, — это значило, как доказывала дирекция театров, подчеркнуть только, что «власть — в панике перед современными событиями».¹

Но наряду с «Вишневым садом» и «Антигоной» поставили впервые ряд более или менее ничтожных пьес, как «День денщика Душкина» Рышкова, «Злая сила» Майской и др. О репертуаре Александрийской сцены, намеченном на 1905/1906 г., театральный журнал писал летом 1905 г.: «Бессильные понять веления времени, бессильные выбрать в массе нового наиболее талантливое и живое, бессильные развиваться вместе с развитием сцены, руководители театра принимают свое бессилие за знамя и сколько могут крепко сжимают его в своих бессильных руках».²

Накануне и в годы первой революции свежую струю в деятельность Александрийской сцены стремился внести режиссер А. А. Санин, в 1902 г. перешедший из Московского Художественного театра в Александрийский. С именем Санина (постановщика только что упомянутой «Антигоны») связаны попытки перенести на петербургскую казенную сцену некоторые из завоеваний театральной культуры, сделанных художественниками. Санин пришел в Александрийский театр с вынесенными из школы Станиславского идеями о значении режиссуры и ансамбля. В талантливых постановках нескольких пьес Островского, «Смерти Иоанна Грозного» А. К. Толстого и других ему удалось добиться больших успехов в реалистическом воспроизведении бытовой обстановки. Санин проявил себя крупным мастером массовых сцен. В отдельных санинских постановках довольно явственно звучали в революционный период ноты гражданской оппозиционности. Однако и в силу неблагоприятных условий императорской сцены, и вследствие присущей самому Санину общественно-эстетической ограниченности новаторские замыслы и свер-

¹ В. Теляковский, ук. соч., стр. 119.

² Театр и искусство, 1905, № 27, стр. 423.

шения его в Александринском театре не могли приобрести очень широкого размаха. К тому же с усилением реакции Савину в 1907 г. пришлось покинуть императорскую сцену.¹

Далеко впереди казенной сцены в отношении репертуара шел, как видно из изложенного выше, театр Комиссаржевской. К освежению репертуара в духе момента стремились и некоторые другие частные театры. Цензурные препятствия старались обойти, обращаясь помимо более передовых пьес современных авторов к таким произведениям классического репертуара, которые могли звучать в унисон с настроениями переживаемого времени. 100-летний юбилей Шиллера был отчасти использован в этом направлении. «Новый театр» в сентябре 1905 г. открыл сезон «Вильгельмом Теллем». Критика отмечала, что спектакль захватил и взбудоражил публику, уловившую «отзвуки современности» в песнях Шиллера, твердящих о свободе и зовущих к новой жизни. В Александринском театре вопреки желанию заправил казенной сцены публика «манifestировала» на представлениях «Коварства и любви», подчеркивая аплодисментами слова и выражения, в которых ей слышались близкие, свободолюбивые мотивы.

Власти пробовали еще сильнее стеснить театр и другие зрелища, боролись против актерских «отсебятив» антиправительственного характера. Дело дошло до приказа петербургского градоначальника, запрещавшего «бисы». Недопущенные к исполнению в виде основного номера пьесы, стихи и т. п. всегда могут быть исполняемы при вызове артистов на «бис», — мотивировал градоначальник это запрещение. Но пока революция шла на подъем, подобные меры слабо действовали. «Бросаемые из зрительного зала зажигательные реплики выбивали из заученного текста и подмывали кинуться на авансцену с монологами не по роли», — вспоминает Горин-Горийнов.² Репертуар часто самим зрителем «осовременивался», зритель брал из пьесы то, что было ему наиболее близко, — пишет в свою очередь Ходотов. Охваченный революционными настроениями зритель реагировал «на всякое слово, всякий жест актера, которые ему казались протестующими против удушья монархического режима».³

Передовые элементы общества, впрочем, имели все основания требовать от театра более активного и смелого включения в народное освободительное движение, пример чего показывал великий Горький. За действительную общественно-революционную роль театра, как и всего искусства, боролась печать большевиков, на страницах которой в разгар революционных событий 1905 г. появилась знаменитая ленинская работа «Партийная организация и партийная литература», определившая пути деятельности партии в области литературы и искусства.

¹ В работе «Историко-бытовая линия в Александринском театре» (Ежегодник Московского Художественного театра 1945 г., т. I, М.—Л., 1948, стр. 549—655) В. Прокофьев анализирует деятельность Савина под углом зрения «влияния раннего МХТ на казенную сцену».

² Б. А. Горин-Горийнов, ук. соч., стр. 118.

³ Н. Н. Ходотов, ук. соч., стр. 235, 239.

Период реакции, вызвавший упадочные явления во всех сферах культурной жизни, неблагоприятно повлиял на театр.

Как известно, еще в 90-х годах (части даже и раньше) определилось антиреалистическое, антиобщественное движение в литературе в виде декадентства, символизма и т. д. Представители этих течений стремились распространить влияние формалистической эстетики и на театр. Свообразным манифестом театрального декадентства явилась статья Валерия Брюсова «Неужная правда», опубликованная в 1902 г. в журнале «Мир искусства» в связи с петербургскими гастролями Московского Художественного театра и (наряду со справедливой в какой-то мере критикой чрезмерного увлечения натуралистическими деталями во внешней обстановке спектаклей) направленная по существу против самих принципов реалистического театра, в защиту пропагандировавшегося символистами так называемого «условного» театра.¹

Декадентские лозунги были подхвачены некоторыми работниками театра и представителями театральной прессы. «Бунт» против реализма, против «быта» (т. е. против стремления театра к отражению жизни), против величайшего драматурга-реалиста Островского, идеалистические требования, предъявляемые к искусству, ярко выраженное тяготение к мистике, попытки мистико-религиозного истолкования задач театра, буржуазное эстетство и формализм — такими чертами характеризовалось декадентско-символистское течение в театре.

Проповедь сторонников этого течения не прекращалась даже в 1905 г., вызывая, однако, острое сопротивление со стороны поборников живого, реалистического театра. Так, например, Южин-Сумбатов резко высказался (на страницах петербургской театральной печати) против мнения, что все жизненное и житейское должно быть изгнано из театра, что театр должен «подняться» к «мистическому символизму» и т. п. Театр есть жизнь, — писал Южин, — а не бредовая экзальтация; живой театр является родным сыном живой жизни.²

История декадентских, формалистических «исканий» в предреволюционном театре в немалой степени связана с именем режиссера Всеволода Мейерхольда, который еще в 1905 г. сделал попытку создания формалистского, условного театра в «Студии», готовившейся к открытию при Московском Художественном театре. Коренное расхождение между Станиславским и Мейерхольдом привело к разрыву между ними и к отказу художественников от мысли об открытии этой «Студии».

В 1906 г. Мейерхольд стал руководителем театра Комиссаржевской в Петербурге. «Театр на Офицерской» (после первых двух сезонов, 1904—1906 гг., Комис-

¹ Мир искусства, 1902, 1-е полугодие, отдел III, стр. 67—74.

² Театр и искусство, 1905, № 20, стр. 322 (письмо А. Южина-Сумбатова).

саржевская перенесла свое театральное дело из «Пассажа» в бывший театр Неметти на Офицерской, ныне ул. Декабристов) фактически оказался по всему духу, по направлению своей деятельности новым театром, а не продолжением прежнего театра Комиссаржевской, несмотря на то, что большинство актеров последнего продолжало играть и на Офицерской.

Театр Комиссаржевской на Офицерской улице открылся 10 ноября 1906 г. пьесой Ибсена «Гедда Габлер». В дальнейшем репертуаре этого и следующих сезонов видное место заняли произведения бельгийского писателя-символиста Метерлинка («Сестра Беатриса», «Пелеас и Мелисаида», «Чудо святого Антония»), польского писателя Пшибышевского («Вечная сказка»), русских символистов — Блока («Балаганчик»), Федора Сологуба («Победа смерти»), мистические драмы Леонида Андреева («Жизнь человека», «Черные маски») и т. д.

И основная часть репертуара, и методы постановок и исполнения (отход от реализма, отказ от драматического движения, условность, стилизация, чрезмерное выпячивание живописи и пластики за счет живого актерского творчества) определяли лицо театра как театра бегства от действительности, театра символистского, декадентски-мистического типа.

Главным проводником «новых» тенденций в театре был Мейерхольд, которому, однако, оказывала в течение определенного времени поддержку сама Комиссаржевская. «Именно талант В. Ф. Комиссаржевской, сдабривая различные кунштюки г. Мейерхольда, постепенно приучает молодую публику глотать его декадентские пилюли», — писал Луначарский в одной из осенних книжек петербургского левого ежемесячника «Образование» за 1906 г.¹ Под влиянием ложных идей условно-стилизаторского, символистского театра Комиссаржевская готова была одно время ломать и уродовать свой прекрасный талант. Она высказывала в этот период ошибочное мнение, что якобы «быт использован исчерпывающе», что реальное воспроизведение быта «художниками всех родов искусства» стало уже ненужным, что искусство должно стремиться к так называемому «познанию вечного», к «разгадке глубоких мировых тайн» и т. п.²

А. В. Луначарский называл театр Мейерхольда, в связи с постановкой упадочнической, социально пессимистической, антидемократической пьесы Пшибышевского «Вечная сказка», «эстетически и культурно реакционным».³ Появление и известный успех театра Комиссаржевской—Мейерхольда критик-большевик справедливо связывал с начавшимся уже в 1906 г. «процессом скисания» части интеллигенции, с переживавшимся уже тогда моментом разброда и «некоторого идейного недоумения».⁴ О публике этого театра Луначарский свидетельствовал:

¹ А. Луначарский. Театр и революция. ГИЗ, 1925, стр. 170—171.

² Сборник памяти В. Ф. Комиссаржевской, под ред. Евт. П. Карпова, стр. 94.

³ Сб. «У горня», № 1, СПб. (1907), стр. 123.

⁴ А. Луначарский. Театр и революция, стр. 170, 184.

«Одни ходили туда, чтобы посмеяться над „чуждачествами“ новаторов, другие — чтобы поглазеть на нечто новое, третьи — чтобы почесать потом языки в салонных беседах на тему о новых путях искусства. Ходила в театр, правда, и молодежь, хорошая передовая молодежь. Но для нее направление театра было ядом, оно толкало в ту же сторону, куда вела реакция и разочарование: прочь от жизни и от ее тяжелых задач в царство чистой грезы».¹

В конце 1907 г. между Комиссаржевской и Мейерхольдом произошел разрыв. Ближайшим поводом к нему явилась неудача спектакля «Пелеас и Мелисанда». Но основной причиной было то, что Комиссаржевская начала сознать мертвящее давление постановочных приемов Мейерхольда на актерское искусство, на театр в целом. Разрывая с Мейерхольдом, она указывала, что путь, которым он шел, это путь, ведущий к марионеточности, к театру кукол; ставя пьесы, Мейерхольд их комкал, «почти переделывал», если они не входили в рамки его метода. «Я стала чувствовать, что публика уходит из театра равнодушной. Режиссер встал между сценой и зрителями», — говорила Комиссаржевская в объяснение своего решения отказаться от сотрудничества Мейерхольда.²

Надо тем не менее заметить, что и после разрыва с глашатаем антиреалистического театра Мейерхольдом Комиссаржевская не вполне освободилась от влияния модернистских идей, в плену которых ее театр оказался во второй половине 1906 г. До конца своего существования (последний сезон состоялся в 1908/1909 г.) театр испытывал сильное влияние со стороны тех же идей. Приглашенный после Мейерхольда режиссером Н. Евреинов формулировал свою программу (в 1908 г.) в следующих словах: «Мой принцип — театральность, в жертву которому я приношу все остальное. Я не сторонник реалистической струи в сценическом воплощении».³ Евреинов защищал формализм и модернизм, проводником которых на театре он сам являлся.

Практические соображения, впрочем, толкали театр Комиссаржевской к возобновлению пьес из старого репертуара артистки. Комиссаржевская опять выступает на сцене своего собственного театра в ролях Ларисы и Вари («Бесприданница» и «Дикарка» Островского), горячо приветствуемая большинством публики и сочувствующей сценическому реализму критикой. В последнем спектакле театра Комиссаржевская играла в 100-й раз Нору в драме Ибсена «Кукольный дом». Это выступление стало ее прощальным петербургским спектаклем. 10 февраля 1910 г., во время провинциальных гастролей (в Ташкенте), она умерла. Похороны ее состоялись в Петербурге, на кладбище Александро-Невской лавры, при огромнейшем стечении народа.

¹ А. Луначарский. Театр и революция, стр. 214.

² Сборник памяти В. Ф. Комиссаржевской, под ред. Евт. П. Карпова, стр. 241; Рампа, 1908, № 3.

³ Д. Тальников. Комиссаржевская. М.—Л., 1939, стр. 360.

Незадолго до своей смерти, в ноябре 1909 г., Комиссаржевская объявила товарищам по труппе о своем решении покинуть театр. «Надолго ли, навсегда ли — зависеть это будет не от меня. Я ухожу потому, что театр в той форме, в какой он существует сейчас, — перестал мне казаться нужным, и путь, которым я шла в исканиях новых форм, перестал мне казаться верным», — так объясняла свой уход Комиссаржевская в обращении к товарищам.¹ Уход Комиссаржевской был убедительным показателем трудного, кризисного состояния, какое переживал театр в период реакции.

* * *

Веяния реакции вредно сказались на жизни Александринской сцены. Прежняя пестрота репертуара, характерная для этого театра, еще более усилилась. В весьма большом числе продолжали ставиться бессодержательные обывательские пьесы. На сцену театра проникали произведения, отражавшие упадочные, сугубо индивидуалистические настроения, широко распространенные среди интеллигенции в годы реакции («Заложники жизни» Федора Сологуба, некоторые пьесы Леонида Андреева). Реакционные, мистические тенденции сказывались не раз на режиссерской трактовке пьес классического репертуара. В этом отношении сыграло свою роль приглашение в Александринский театр в качестве одного из режиссеров (с 1908 г.) устранившегося из театра Комиссаржевской Мейерхольда.

В эти годы Мейерхольд возглавляет формалистическое течение так называемого «традиционализма», сущность которого его сторонниками определялась как «ретроспективная мечтательность о прошлом в духе давно минувших театральных эпох». Безидейность, выхолащивание социального содержания избранных для экспериментов произведений классиков, любование стилизованной театральной стариной составляли основу «традиционализма».

Ярким образцом формалистско-традиционалистских («сканий») явился спектакль «Дон-Жуан» Мольера в сезон 1910/1911 г. Критика, даже буржуазная, определяла этот спектакль как нарядный балаган. Большевицкая «Звезда» писала о мейерхольдовской «любопытной постановке» «Дон-Жуана» как «последнем слове» отрицания настоящего театра.²

Наряду с этим ревизия классики шла по линии попыток «освобождения» реалистической драматургии от «быта». Так было с постановкой (тем же Мейерхольдом) «Грозы» Островского уже в сезон 1915/1916 г. Оценивая эту постановку, современник передает: «Кабаниха оказалась квартирующей в каком-то палатко стиля модерн. Действие происходило где-то между небом и землей. Никакого намека на эпоху. Городская улица позаимствована из сказочной действительности. Вместо костюмов налицо фантастические красочные вариации на русские мотивы».³

¹ Сборник памяти В. Ф. Комиссаржевской, под ред. Евт. П. Кариова, стр. 321.

² Звезда, 1910, № 2.

³ А. Е. Редько. К попыткам освободить Островского от быта. Русские записки, 1917, № 1, стр. 188.

Внешние особенности должны были подчеркнуть смысловую установку спектакля как мистического зрелища, апологию страдальчества, настроение полнейшей обреченности. «Удушливая чепуха», «наипозорнейшее глумление» — такие оценки давались представлениям «Грозы»; спектакль, правда, усиленно посещался, но это был успех нездоровой сенсации.

Традиционализм и мистицизм соединились вместе в мейерхольдовской постановке «Маскарада» Лермонтова, готовившейся в течение ряда лет, но осуществленной лишь в начале 1917 г., в дни Февральского буржуазно-демократического переворота.

Мейерхольд, впрочем, отнюдь не определял целиком практику Александринской сцены в период между первой и второй революциями. Модернистская линия сосуществовала в театре рядом с реалистической. Театральная пресса неоднократно указывала в те годы на мешанину стилей, господствующую в Александринском театре. Объявляя непосредственно ответственным за это последнего директора императорских театров В. А. Теляковского, популярный тогда театральный критик писал (в 1916 г.): «Этот, ныне благополучно здравствующий, директор перепробовал всякие фасоны. Он даже пытался создать какое-то свое „смешанное направление“, направление-микст, при котором правая рука реалистического театра не ведаёт, что творит левая рука модернистского театра».¹

Вся эта художественная путаница, отражавшая явления кризиса и распада буржуазно-интеллигентской общественной мысли, болезненно сказывалась на творческом самбчувствии труппы Александринского театра. «Я почувствовал, что в вашем театре не стало ни „боренья“ (идейного, конечно), ни „действия“, ни даже желания действовать», — заявлял впоследствии в обращении к труппе артист Н. Н. Ходотов.² Театр «потерял свое лицо, свою идею», — утверждал Ходотов в том же письме.

Надо при всем том подчеркнуть, что и в последний, самый трудный период истории дореволюционной Александринской сцены она оставалась театром выдающихся артистических сил.

В годы после первой революции в Александринском театре продолжали работать Савина и Стрельская (обе до 1915 г.), Мичурин-Самойлова, Васильева, М. Домашева, Потockая, Чижевская, Варламов (до 1915 г.), Давыдов, Далматов (умер в 1912 г.), Юрьев, Аполлопский, Кондрат Яковлев, Ходотов, Ге, Корвин-Круковский и др. В 1907—1908 гг. в труппу вступили И. В. Лерский и Е. И. Тиме, в 1911 г. одновременно пришли И. М. Уралов (замечательный актер, выдвинувшийся в театре Комиссаржевской), Б. А. Горин-Горайнов, Н. В. Смолч, П. И. Лешков, Е. П. Студенцов, в 1915 г. на Александринскую сцену перешла Е. П. Корчагина-Александровская. Многие из названных актеров и актрис потом украшали труппу советского Академического театра драмы в Петрограде—Ленинграде (ныне театр имени Пушкина).

¹ Театр и искусство, 1916, № 16, стр. 328.

² Театр и искусство, 1917, № 42, стр. 728.

Наличие в театре ряда крупнейших деятелей старших поколений, живых носителей традиций реалистической сцены XIX в., давало возможность проникновенного исполнения пьес Островского — возможность, по вине казенных заправил Александрийской сцены использовавшуюся далеко не в достаточной мере. Некоторые возобновления пьес Островского превращались в выдающиеся события театральной жизни. Например, вновь поставленный в 1910 г. «Лес» шел с большим и серьезным художественным успехом. В спектакле были заняты Далматов и Шаповаленко (Несчастливцев и Счастливец), Васильева (Гурмыжская), Юрьев (Буланов), Ст. Яковлев (Восмибратов), Ходотов (Петр), Давыдов (Милонов), Кондрат Яковлев (Бодаев), Потоцкая (Аксюша), Варламов (Кари). Из других спектаклей Островского наибольший успех

Ю. М. Юрьев в роли Дон-Жуана в одноименной пьесе Мольера. Фотография.

имели в описываемое время «Поздняя любовь» (сезон 1908/1909), «На всякого мудреца довольно простоты» (1909/1910), «Доходное место» (1913/1914) и др. Выдавались сезоны, относительно более благополучные для Островского и в количественном отношении, как, например, 1909/10 г., когда было дано 56 представлений 11 пьес Островского; 1910/11 г., когда произведения великого драматурга шли 51 раз; сезон 1912/13 г., принесший 61 представление Островского. Об исполнении Островского на Александринской сцене журнал «Театр и искусство» писал в 1911 г.: «Кто сживал в кресле Александринского театра, когда Островского играют Савина, Стрельская, Давыдов, Варламов и др., тот никогда не скажет такого вздора, будто Островский «устарел». . . И дело не только в том, что играют исключительно талантливые люди, а в том, что они знают, чувствуют, ощущают и передают стиль Островского, что они сроднились своей душой с душой Островского».¹

¹ Театр и искусство, 1911, № 42, стр. 795.

В марте 1909 г., в связи с празднованием Петербургом и всей Россией столетия со дня рождения Гоголя, было дано подряд три гоголевских торжественных спектакля, в которых исполнены были все драматические произведения Гоголя («Ревизор», «Женитьба», «Игроки», «Утро делового человека», «Собачкин», «Лакейская», «Тяжба»). В сезон 1911/12 г. была осуществлена на Александринской сцене новая постановка «Ревизора». Играли Давыдов (Городничий), Савина (Анна Андреевна), Домашева (Марья Антоновна), Горин-Горайнов (Хлестаков), Варламов (Осип), К. Яковлев (Земляника). 29 октября 1915 г. состоялся в Александринском театре 500-й спектакль «Ревизора», впервые поставленного в этом именно театре в 1836 г. «В этот вечер я был... почти радостно настроен по отношению к Александринскому театру. Все-таки, даже при Теляковском, он все еще является иногда тем, чем должен быть, — хранителем традиций, сосудом коллективного разума и творчества предшествовавших поколений, — писал по поводу юбилейного представления «Ревизора» уже цитировавшийся критик.¹

В сезоны 1908—1911 гг. Александринский театр, с большим запозданием, выполнял оставшийся на нем долг перед Чеховым, поставив ранее еще не шедшие на его сцене пьесы гениального русского драматурга — «Дядя Ваня» и «Три сестры». «Дядя Ваня» был впервые представлен александринцами 16 марта 1909 г., почти через десятилетие после премьеры Московского Художественного театра. «Три сестры» шли на Александринской сцене в первый раз 17 сентября 1910 г. — тоже через 10 лет после того, как их показал Художественный театр.

К событиям театральной жизни тех же лет относится появление на Александринской сцене пьесы Л. Толстого «Живой труп» (28 сентября 1911 г.); спектакль прошел за один сезон 45 раз, чего не случалось никогда в Александринском театре. Аполлонский и Ходотов играли Федю Протасова, Тиме и Ростова — Машу, Савина и Немирова-Ральф — Каренину, Юрьев — Каренина; в пьесе Толстого были также заняты Далматов, К. Яковлев, Уралов, Петровский и др.

Крупными актерскими удачами иногда отмечены бывали, независимо от режиссерских ухищрений и извращений, спектакли по замыслу постановщиков «традиционалистские», как и некоторые спектакли декадентствующих авторов. В пьесе, например, Леонида Андреева «Профессор Сторицын», поставленной в конце 1912 г., блестяще показали себя Р. Аполлонский — в роли самого Сторицына и К. Яковлев — в роли Телемахова. В «Дон-Жуане» Мольера большой интерес вызвало исполнение заглавной роли Ю. М. Юрьевым и роли Сганарели К. А. Варламовым. Тот же Юрьев, яркий актер романтической драмы и трагедии, выделился в «Маскараде» исполнением роли Арбенина уже в первой редакции спектакля, а еще более — в позднейших, послереволюционных его вариантах, когда трактовка образа существенно изменилась и углубилась (черты демо-

¹ Н о т о п о в у с (А. Кугель). Заметки. Театр и искусство, 1915, № 44, стр. 819.

низма» уступили место чертам высокой человечности, как отмечает исторический очерк Александрийской сцены).¹

Повторим, в самых неблагоприятных условиях последнего предреволюционного десятилетия Александрийский театр не переставал быть театром больших и ярких русских актеров. Но этим талантливым актерам не слишком часто выпадали достойные их дарований роли; им и в достойных ролях сплошь и рядом приходилось преодолевать преграды, воздвигаемые модернистской режиссурой; их душила реакционная атмосфера казенного управления, борьба с которой далеко не всем оказывалась под силу. К самому концу дореволюционной жизни Александрийского театра сказывалось даже уже и известное оскудение талантов. Некоторые из лучших представителей старшего поколения сошли со сцены, а новая смена не могла вполне возместить утраты. Жалобы на вялость, художесиче, на бледный тон исполнения учащались в печати, в том же духе выражали свою неудовлетворенность наиболее чуткие среди актеров, жаждавшие обновления, которое, однако, немисливо было в условиях самодержавия, в условиях постепенного распада дворянско-буржуазной культуры.

* * *

В определенном внутреннем родстве с формалистским «традиционализмом» находился Старинный театр. Он начинал работать в Петербурге дважды — в конце 1907 г. и в конце 1911 г. (первый раз — в бывшем зале Кононова на Мойке, второй — в выставочных залах Соляного городка). Режиссер Н. Евреинов и любитель театра Н. Дризен были его организаторами. Театр задавался чисто реставраторскими целями; в сезон 1907/1908 г. был поставлен цикл старофранцузских средневековых пьес (литургическая драма XI в. «Три волхва», мираклъ XIII в. «Действо о Теофиле» и др.), сезон 1911/12 г. был посвящен опытам восстановления ряда спектаклей старого испанского театра. Театр ставил пьесы Лопе де Вега, Тирсо де Молина, Кальдерона. Но не испанскую драматургию, — как замечает С. С. Давилов, — а старых испанских актеров, разыгрывающих пьесы своего времени со всеми условностями старинного театра, стремилась воспроизвести режиссура спектаклей.² Попытки реставрации старинных спектаклей требовали большого труда переводчиков, актеров, художников, но труд этот был потрачен на чисто эстетскую затею, лишнюю общественного значения, даже сознательно удивившую от общественных задач. Недаром апологеты Старинного театра указывали, что деятельность его была направлена в сторону голы «театральности» и исключала «всякую публицистику, всякие манифесты общественности».³

¹ Ленинградский Государственный ордена Трудового Красного Знамени академический театр драмы им. А. С. Пушкина. Л., 1940, стр. 31 (очерк К. Н. Державина).

² С. С. Давилов. Очерки по истории русского драматического театра. М.—Л., 1948, стр. 513.

³ Эдуард Старк. Старинный театр. Пгр., 1922, стр. 70.

Столь же недолговечным, как Старинный театр, оказались некоторые другие из частных театральных начинаний периода реакции.

В 1907 г. действовал Современный театр, в котором играли (под псевдонимами) отдельные ведущие актеры Александринской сцены (под фамилией «Николаева» Ходотов — главный вдохновитель Современного театра, К. Яковлев и др.), а также артисты театра Комиссаржевской (в том числе Уралов). В историю петербургской сцены Современный театр вошел в связи с тем, что им (в помещении Панаевского театра на Адмиралтейской набережной) впервые была осуществлена, 1 апреля 1907 г., постановка пьесы Горького «Варвары». В 1908/1909 г. в бывшем зале Коновалова работал частный театр Фальковского и Леванта. Его непосредственным продолжением был Новый драматический театр, работавший два сезона в помещении театра на Офицерской. Он как бы специализировался на постановках новых пьес Леонида Андреева («Анфиса», «Анатема», «Gaudeamus»). Но в Новом драматическом театре состоялись также первые представления двух горьковских пьес: «Чудак» и «Васса Железнова» (1910).

В 1911 г. в Петербурге, сначала в том же зале на Офицерской улице, открылся новый частный театр — К. Н. Незлобина, известного своими провинциальными антрепризами, а в описываемый период державшего уже несколько лет театр в Москве. У Незлобина играли Юренева, Лихачев, Нелидов, Церонов и др. Театр Незлобина был вначале встречен очень сочувственно; предполагалось, что в его лице Петербург обретет солидный частный театр, который будет служить важным дополнением и коррективом к Александринской сцене. Незлобинский театр сумел на ряд лет упрочиться в Петербурге,¹ но надежды оправдал лишь в небольшой степени. Репертуар у него был пестрый и невыдержанный. Большое место в репертуаре занимали такие авторы, как Арцыбашев с его типичными для реакционной атмосферы межреволюционных лет произведениями на темы «пола» («Ревность» Арцыбашева кормила Незлобина целый сезон). Но Незлобин давал и постановки, подчас сравнительно удачные и яркие, пьес классического репертуара, русского (Островский) и западного.

В сентябре 1912 г. в Панаевском театре спектаклем «Снегурочка» Островского открылся Русский драматический театр А. К. Рейнеке. Одним из режиссеров этого театра был А. Я. Таиров. Антреприза Рейнеке слилась позже с незлобинской. В начале первой мировой войны Панаевский театр был реквизирован для военных нужд (в 1917 г. здание Панаевского театра, с которым связаны были многие события истории петербургского театра, драматического и оперного, сгорело).

Характерным явлением обозреваемого периода является широкое распространение так называемых театров миниатюр. Одним из первых театров этого рода был Троицкий театр — на Троицкой улице, вышедшей ул. Рубинштейна. Потом

¹ До революции, когда он сначала превратился в актерское «товарищество», а затем перешел (в 1918 г.) в ведение Петроградской трудовой коммуны.

появились Литейный театр (на Литейном), Интимный театр (на Крюковом канале, рядом с Мариинским театром) и т. д. В театрах миниатюр программа каждый вечер повторялась два-три раза. Продолжительность спектакля при трех «сериях» составляла около полутора часов. Афиши предупредительно извещали, что впуск в зал — в течение всего вечера, что снимать верхнее платье необязательно. Публике предлагались за одну программу одноактная комедия и оперетта, балетные и вокальные номера, в антрактах демонстрировались кинокартины. Театры миниатюр, в которых подчас подвизались талантливые актеры и режиссеры, однако носили большей частью коммерческий и чисто развлекательный характер, не преследуя серьезных идейно-художественных целей.¹

Среди театров малых форм несколько особняком стоял возникший еще в 1908 г. театр пародий «Кривое зеркало». Он был основан сначала при Театральном клубе, потом многие годы существовал как самостоятельный театр, на Екатерининском канале, дом № 90 (ныне канал Грибоедова). Театр возник по инициативе актрисы З. В. Холмской, руководил им критик А. Р. Кугель; успеху театра очень содействовали драматург Б. Ф. Гейер и композитор В. Г. Эренберг. Эренберг был автором (вместе с М. Н. Волконским) поставленной «Кривым зеркалом» и ставшей исключительно популярной «Вампуки» — остроумной пародии на оперную рутину (слово «вампука» сделалось нарицательным). Интересы театра вращались главным образом в сфере литературной и театральной пародии, почти не вторгаясь в область общественно-политической сатиры. На эту ограниченность «Кривого зеркала» указывал в свое время известный литератор-большевик В. В. Воровский, сочувственно откликнувшийся на гастрольные спектакли театра в Одессе (где работал тогда Воровский), но одновременно призывавший «Кривое зеркало» выбраться «в открытое море общежитийской сатиры», а не «кружиться в тесной проруби театрально-литературного мира».²

* * *

В обозреваемую эпоху (середина 1890-х годов — 1917 г.) в общественных и театральных кругах продолжалось обсуждение вопроса о народном театре.

В предыдущем томе уже говорилось о театрах, возникших на Васильевском Острове и за Невской заставой в 80-х годах. При этом было отмечено, что Васильевский театр с течением времени изменил свой характер «народного» (по составу

¹ С Троицким театром позже, в 1917—1918 гг., тесно связал свое имя видный деятель русского и грузинского театра К. А. Марджанов (Марджанишвили). При Марджанове театр, однако, весьма существенно изменил свой характер.

² В. В. В о р о в с к и й, Сочинения, т. II, Институт Ленина, Соцгиз, 1931, стр. 373—375. Позже в самом Петербурге большевистская «Звезда» писала о появлении на сцене пародий, которые «держают высмеивать смешное в театральной и литературной технике (устаревшие формы оперы, оперетты, драмы), но остерегаются выставить в кривом зеркале серьезные подтемы нашей духовной и общественной жизни» (Звезда, 1910, № 2). «Кривому зеркалу» посвящен один из очерков книги Л. Никулина «Люди русского искусства» (М., 1947).

зрителей) театра. Следует добавить, что в 1898 г. на Острове (угол Среднего проспекта и 12-й линии) было выстроено новое небольшое театральное здание (Народный дом) В. Н. фон-Дервиз, которое с тех пор использовалось для драматических, а подчас и оперных спектаклей. Плодотворным периодом в театральной истории зала Дервиз можно считать деятельность Нового Василеостровского театра, созданного здесь в 1906 г. видным театральным работником Н. А. Поповым. Демократическая печать отмечала выдержанный, серьезный репертуар театра, хороший ансамбль (труппа состояла из актерской молодежи). А. В. Луначарский противопоставлял театр Н. А. Попова постановкам Мейерхольда в театре Комиссаржевской на Офицерской, указывая, что в Новом Василеостровском театре «нет кричащих потуг на оригинальность, но масса вкуса, настроения, тонкого понимания намерений автора».¹ Но театр под руководством Попова работал недолго, да к тому же не имел, собственно, оснований считаться в строгом смысле народным или рабочим театром.

В годы подъема рабочего движения (1912—1914) в зале Дервиз иногда давались самодеятельные спектакли членов рабочих культурно-просветительных обществ.

Через несколько лет после открытия зала Дервиз на Петербургской стороне был построен Попечительством о народной трезвости (официальное казенное учреждение, возникшее одновременно с установлением вишней монополии) сравнительно обширный Народный дом, которому было присвоено имя царя Николая II. Народный дом был открыт в декабре 1900 г. До 1912 г. в нем, кроме помещения для эстрадных представлений, имелся один общий театральный зал, в котором ставились и драматические, и оперные спектакли (в 1912 г. был выстроен отдельно оперный театр). Под предлогом отвлечения трудовых слоев населения от пьянства и «заботы» об их культурном отдыхе правительство на самом деле стремилось больше всего к отвлечению народа от политики, революционной борьбы, к идеологическому воздействию на массы в интересах укрепления царского режима. Соответственно этому по возможности строился репертуар. Конечно, руководители театра не могли избежать включения в репертуар настоящих литературных пьес и должны были отводить то или иное место произведениям Островского и других классиков. Однако особое внимание уделялось, с одной стороны, мелодрамам, а с другой — историко-батальным спектаклям, проникнутым казенно-патриотическим, монархическим духом, а также бессодержательным феериям, обставлявшимся, как и «исторические» спектакли, с большой пышностью. Драматург, автор книг о народном театре Щеглов отмечал в начале 1900-х годов преобладание в Народном доме «пестроты, блеска и треска» и говорил о стремлении разлить публику разжиганием вкуса к «блестящим шумным зрелищам», отесняющим на задний план живое слово.² Впоследствии, главным образом в последние предрево-

¹ А. Луначарский. Театр и революция, стр. 183.

² Иван Щеглов. Народ и театр. Пгр., б. г., стр. 199—200.

люционные годы, администрация Народного дома под давлением общественного мнения вынуждена была усилить в репертуаре удельный вес литературных пьес, но в целом характер его деятельности¹ сохранился прежний. Большевикская печать неоднократно подвергала резкому порицанию работу казенного Народного дома, подчеркивая, что его обстановка и репертуар больше развращают зрителей, чем их облагораживают или «отвлекают» от пьянства.

Резкий контраст Народному дому имп. Николая II представлял Лиговский Народный дом (С. В. Паниной)² с существовавшим при нем театром.

Этот театр возник, как и весь Народный дом Паниной, в 1903 г. Первый спектакль («Гроза» Островского) состоялся 23 ноября 1903 г. Театр был назван «Общедоступным». Его руководителями были П. П. Гайдебуров (ведущий актер и главный режиссер театра, ныне народный артист РСФСР) и Н. Ф. Скарская (талантливая актриса, сестра В. Ф. Комиссаржевской). В числе основателей и главных работников театра находился А. А. Брицнев, впоследствии виднейший деятель советского детского театра.

К 1905 г. было решено дополнить работу в столице созданием передвижного театра для систематических поездок по провинциальным городам. В марте 1905 г.

¹ Опера находилась отчасти в ином положении (см. гл. XII настоящего издания).

² В районе Лиговки — на углу Прялуковской и Тамбовской улиц.

Программа юбилейного спектакля «Гроза» в Общедоступном и передвижном театре 23 ноября 1913 г. Литография.

Ленинградский Гос. театральный музей.

начались спектакли Первого драматического передвижного театра. В дальнейшем гайдубуровский театр стал называться Передвижным общедоступным (или Общедоступным и передвижным) театром.

Характерными чертами Передвижного общедоступного театра являлись ориентация на массового зрителя, содержательный, высокохудожественный репертуар,¹ отвращение к рутине и казенщине, строгое, «подвижническое» отношение актеров (молодых в большинстве) к своему делу, вдумчивая, тщательная, хотя и простая постановка. Благодаря этим качествам театр, несмотря на то, что в его составе все-таки почти не было очень больших актеров (и тем более актеров с именами), оказался значительным и интересным явлением в дореволюционной театральной культуре.

Передвижной общедоступный театр пользовался широкой популярностью среди рабочих Петербурга; о нем весьма сочувственно писала большевистская печать.

В 1912 г., откликаясь на открытие очередного сезона театра, «Правда» писала: «Даже странным кажется, что где-то на окраине, в рабочих кварталах, играют хорошо. Петербургского рабочего вообще не балуют по части предоставления полезных и разумных развлечений. В садах попечительства о народной трезвости для рабочих — по большей части балаганные развлечения, а драма ставится или с пресно-патриотическим содержанием, или что-нибудь из переводных феерий с сыщниками и апашами во всех действиях. Другие театры недоступны для рабочих по ценам на места, и Общедоступный театр в известной степени одиноко делает хорошее дело».²

«Правда» ценила Передвижной общедоступный театр как театр идейный, стремящийся постановкой классических произведений «приблизить сцену к пролетариату», «освободить театр от унизительной роли места отдыха и забавы для буржуазных слоев». Она одобряла его за «тщательную художественную постановку, любовное отношение к делу».³

Передвижной театр заслужил одобрение со стороны С. М. Кирова, который в 1912 г. по поводу выступления театра во Владикавказе писал: «Реализм, чуждый театральности, «игры» — вот девиз передвижников».⁴

Но не следует все же думать, что Передвижной общедоступный театр сколько-нибудь полно удовлетворял запросы передового пролетарского зрителя. «Театр

¹ Основу репертуара в те годы, когда театр развивался, шел на подъем, составляли Островский, Пушкин, Гоголь, Писемский, Сухово-Кобылин, Тургенев, А. К. Толстой, Л. Н. Толстой, Чехов, Горький, Софокл, Шекспир, Мольер, Бомарше, Шиллер, Гете, Гюкков, Ибсен, Гаунтман (И. П. Г а й д е б у р о в. Народный театр. (Первые итоги). Игр., 1918, стр. 26—31).

² Правда, 1912, № 108.

³ Правда, 1913, № 58.

⁴ Терек, 1912, № 4309.

Гайдебурова — далеко не пролетарский театр», — отмечалось однажды в 1914 г. в «Правде». «Театр Гайдебурова не есть театр рабочих», хотя «он один из всех наших театров пошел навстречу рабочим», — писал один из зрителей-рабочих в редакцию журнала, издававшегося театром, в том же году.¹

Театру несомненно предило отсутствие революционного мировоззрения у его руководителей, их тяготение к идеализму, своеобразно религиозные, «богоскательские» тенденции. Отсюда явилось на позднейших этапах жизни театра известное увлечение символизмом Метерлинком, религиозно-морализаторская концепция спектакля «Свыше нашей силы» Бьерсона, ставшего между тем одним из основных и определяющих физиономию театра спектаклей (в апреле 1917 г. — уже соотое представление).²

Связь Передвижного театра с рабочим зрителем стала слабеть в годы первой мировой войны, когда он должен был сначала прервать свою деятельность и затем обосновался уже в центре (Мастерская Общедоступного и передвижного театра на Серпуховской улице). После Октябрьской революции³ театр проработал еще ряд лет, но в новой обстановке не нашел путей правильного развития и окончил свое существование.

Наряду с театральными начинаниями, не исходившими от рабочих, но рассчитанными в большей или меньшей степени на рабочего зрителя и действительно привлекавшими его внимание (Передвижной общедоступный театр; протекавшая с переборами и при очень колеблющемся художественном уровне деятельность Невского общества народных развлечений, а также, отчасти, оформившегося в 1900 г. Василеостровского общества народных развлечений и т. д.), на рабочих окраинах Петербурга в начале XX в. ставятся иногда спектакли самостоятельных рабочих драматических кружков. Большевицкая «Правда» в конце 1912 г. отмечала, что в Петербурге «образовалось несколько рабочих артистических кружков, которые с успехом выступают на окраинных сценах».⁴

Рабочие спектакли связаны преимущественно с деятельностью пролетарских легальных культурно-просветительных обществ (клубов). Драматические кружки существовали, например, при Обществе образования и духовного саморазвития имени М. М. Стасюлевича (1912—1913 гг.), при рабочем клубе Василеостровского района «Источник света и знания», при Обществе образования за Московской заставой и др. На Охтенских пороховых заводах действовал Пороховской литературно-драматический кружок. Рабочие драматические кружки ставили «Мещан Горького (особенно часто), «Дядю Ваню» Чехова и т. д.

¹ Записки Передвижного общедоступного театра, № 2, апрель 1914, стр. 15.

² Сб. «Двести представлений «Свыше нашей силы» в Передвижном театре П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской». Изд. Передвижного театра, Пгр. (1921).

³ С декабря 1917 г. возобновились — параллельно с представлениями на Серпуховской — спектакли в Лиговском Народном доме.

⁴ Правда, 1912, № 167.

Размах и уровень работы разрозненных пролетарских театральных кружков, хотя и вызвавших большое сочувствие рабочей общественности, не могли вполне удовлетворить последнюю.

На страницах рабочей печати неоднократно поднимался вопрос о создании в Петербурге рабочего театра. Этот вопрос особенно оживленно обсуждался в «Правде» в конце 1913 г. и в предвоенные месяцы 1914 г. — в пору высоко поднявшейся волны революционной борьбы рабочего класса. Авторы статей «Правды» по вопросам организации рабочего театра рассматривали его как органическую часть общего пролетарского дела. «Не в современной обстановке заживет настоящей жизнью рабочий театр, — говорилось в одной из статей «Правды» за 1914 г. — Но что рабочий класс уже теперь в силах противопоставить буржуазному театру с его мещанской моралью и слезливой проповедью свои пролетарские идеалы — в этом не может быть сомнения». При этом в газете подчеркивалось, что «все артисты-рабочие, как и все рабочие писатели и поэты, остаются (т. е. должны остаться, — *Ред.*) тесно спаянными с рабочей массой во всех ее будничных делах, во всех проявлениях классовой борьбы и, конечно, в и у ж н о е время они всегда солидарно встанут в ряды пролетариата и, мало того, поведут за собой и свои широкие аудитории».¹

Мысль о рабочем театре горячо поддерживалась А. М. Горьким.

Уже весной 1913 г. в помещении Дома просветительных учреждений (на Обводном канале у Балтийского вокзала) открылся было театр под названием «Наш театр», претендовавший, видимо, стать рабочим театром. Но он не имел успеха.

«В настоящем его виде он нас совершенно не удовлетворяет», — писала «Правда».² В конце 1913 г. в том же помещении возник Рабочий театр, который поставил из сезон 1913/14 г. «На бойком месте» и «Грех да беда на кого не живет» Островского, «Женитьбу» Гоголя, «От ней все качества» Льва Толстого, «Перед восходом солнца» Гауптмана, опубликованную в 1910 г. одноактную комедию Горького «Встреча» («Дети») и т. д. «Правда» приветствовала появление этого театра и отмечала большие симпатии, вызванные им среди зрителей-рабочих. Через несколько месяцев, однако, в труппе Рабочего театра обозначился раскол. Одна часть ее на столбцах «Правды» обвинила другую (руководимую режиссером-артистом из Передвижного театра П. Сазоновым) в том, что та является сторонницей так называемого «чистого, бестенденциозного, внеклассового искусства». О себе протестанты говорили, что они видят в искусстве «проявление реальной жизни», влияние классовой точки зрения, что они хотят «посредством сцены освещать положение трудящегося класса и указывать выход из него».³

Все же в конце мая 1914 г. «Правда» с удовлетворением могла отметить серьезную удачу Рабочего театра — яркое исполнение «Горькой судьбины» Писемского.

¹ Рабочий (одно из наименований большевистской «Правды», — *Ред.*), 1914, № 8.

² Правда, 1913, № 58.

³ Путь правды, 1914, № 72.

Конечно, «Правда» не видела еще тут настоящего, полноценного и вполне жизнеспособного рабочего театра; она призывала к дальнейшему напряженному труду. «Да, действительно, рабочие-артисты есть, и рабочий театр будет!» — писала большевистская газета.¹

На страницах большевистских органов «Звезда» (1910—1912 гг.) и «Правда» (1912—1914 гг.) ставились важные проблемы театральной жизни Петербурга и России в целом. Эти органы отмечали признаки разложения буржуазного театра в условиях империализма, в обстановке политической реакции. Театр, — писала «Звезда» в 1910 г., — все менее обслуживает широкие запросы населения, он суживает свою деятельность до обслуживания беззаботной части населения, «ищущей в театре только легкой забавы, веселья, полезного для пищеварения и не затрагивающего „драм жизни“». Пресса большевиков указывала, что театр, питающийся вниманием и любовью господ жизни — «вырождающейся буржуазии и ее приспешников», гибнет «от своего творческого худосочия и от неустойчивости своих художественных целей». «Звезда» и «Правда» резко обличали формалистическое трюкачество на сцене; острой критике подвергалась, в частности, деятельность Мейерхольда.

«Звезда» и «Правда» ратовали за здоровый реалистический театр, тесно связанный с требованиями жизни, за идейный репертуар, близкий и понятный народу. Рабочие газеты боролись против царской цензуры, которая, как писала, например, «Звезда», кастрирует общественные интересы, просачивающиеся на сцену, или совсем отстраняет их от сцены.⁴

Отражая настроения передовых рабочих, «Правда» указывала, что рабочий зритель, приходя в театр, хочет найти в пьесе освежающую мысль, хочет получить от настоящего искусства актера моменты высокого подъема и «своей, физически утомленной, но жаждущей душе сообщить чистоту и яркость глубоких переживаний».⁵

Выступления большевистской печати 1910—1914 гг. по вопросам театра (как и ее выступления по вопросам искусства вообще, по вопросам литературы) исходили из круга идей, еще в 1905 г. гениально обоснованных в работе В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература».

Естественно, что печать большевиков оказывала моральную поддержку тем театральным предприятиям, которые в большей или меньшей степени шли навстречу требованиям передовой демократии в области искусства. Уже отмечалось сочувственное отношение большевистской прессы к Передвижному общедоступному театру. Рабочие газеты давали высокую оценку деятельности Московского Худо-

¹ Рабочий, 1914, № 4.

² Звезда, 1910, № 2.

³ За правду, 1913, № 38.

⁴ Звезда, 1910, № 2.

⁵ За правду, 1913, № 38.

жественного театра. «Звезда» в 1912 г. писала о великом значении Художественного театра, о его революционных заслугах в деле театрального искусства. В следующем году «Правда» отмечала, что Станиславский, как чуткий художник, все время носится с мыслью о создании театра для огромных народных масс. Вместе с тем большевистская печать не проходила мимо ошибок Московского Художественного театра, переживавшего после поражения первой русской революции известный идейный кризис. Еще до выступления Горького против писценников Художественным театром романов Достоевского «Братья Карамазовы» и «Бесы» орган большевиков «Звезда» с тревогой отмечал (по поводу гастролей художественников в Петербурге в 1912 г.) некоторые шатания театра, видя в них результат бессознательного приспособления его к упадочническим настроениям, распространённым среди интеллигенции в период реакции.¹

Нет необходимости подробно останавливаться на широко известных статьях Горького («О „карамазовщине“», «Еще о „карамазовщине“»), впервые опубликованных в московской печати в сентябре и октябре 1913 г. Горький упрекал Московский Художественный театр в том, что он, обращаясь к «Братьям Карамазовым» и тем более к «Бесам», помогает «дремлющей совести общества заснуть крепче». «Необходима, — писал Горький, — проповедь бодрости, необходимо духовное здоровье, деянние, а не самосозерцание, необходим возврат к источнику энергии — к демократии, к народу, к общечеловечности и науке».²

Выступление Горького, одобренное В. И. Лениным, вызвало против него «вой» (определение Ленина) реакционной и либеральной печати. Выходившая в Петербурге большевистская «Правда» самым энергичным и настойчивым образом поддержала Горького. Известный большевистский литератор М. С. Ольминский подчеркивал в «Правде», что вокруг статей Горького столкнулись два мира: один, пролетарский, мир выступил против соглашения с реакцией, а другой готов был обниматься с реакцией.³ «Правда» опубликовала немало откликов петербургских рабочих на полемике вокруг статей Горького. Рабочие Петербурга критиковали тогдашнее уклонение Московского Художественного театра от пути демократического, жизнеутверждающего искусства и выражали глубокое сочувствие основным мыслям великого пролетарского писателя. В одном из рабочих писем говорилось: «...то, что ставится на сцене, должно быть здоровой пищей для демократии... Присоединяемся к Горькому в его протесте и выражаем надежду, что русский театр

¹ Звезда, 1912, № 25.

² М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 24, М., 1953, стр. 146, 156. Критикуя Московский Художественный театр за уклонения от правильного пути, Горький не переставал высоко ценить и любить этот театр, который он признавал лучшим театром, настоящей русской гордостью (Б. А. Бялик. Горький в борьбе с театральной реакцией. Л.—М., 1938, стр. 87—88). Напомним здесь кстати, что именно к описываемому времени относится начало разработки плодотворного учения Станиславского об актерском творчестве — «системы Станиславского».

³ За правду, 1913, № 3.

будет служить целям русского общества, а не вносить в него духовный распад».¹

Действенное участие передовых петербургских рабочих в обсуждении поданных выступлениями Горького вопросов, усиление кампании за создание в Петербурге рабочего театра свидетельствовали о повышающемся интересе рабочего Петербурга к театральной культуре, к ее живым и острым проблемам. Наблюдатели театральной жизни Петербурга в эти и последующие годы не раз обращали внимание на любовь рабочего зрителя столицы к театру, на особенности этого зрителя, весьма выгодно отличающие его от пресыщенной, обывательски настроенной привилегированной публики. В ответ на утверждения некоторых эстетствующих критиков о неминуемой гибели театра среди театральных деятелей раздавались и разумные голоса, указывавшие, что «снизу» встают неисчислимые, свежие, здоровые массы зрителей, жаждущие простого, правдивого, народного и реалистического искусства, и что только на основе подлинной демократизации театра возможны для последнего преодоление трудностей, выход на широкую дорогу подъема и расцвета. Однако условия царизма и капитализма исключали этот единственно надежный путь дальнейшего развития театра. Только Великая пролетарская революция открыла новую эпоху в истории русского театра.

¹ За правду, 1913, № 31.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

МУЗЫКА

(МУЗЫКАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО. КОНЦЕРТНАЯ ЖИЗНЬ.
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ОПЕРА)

Эпоха с середины 90-х годов до 1917 г. в русской музыке, как и в литературе, театре, изобразительном искусстве, отличалась сложностью, глубокими противоречиями. Жили и развивались традиции классической глинкавской и послеглинкавской поры, продолжалось накопление идейно-художественных богатств передового русского музыкального искусства. Вместе с тем заметным становилось проникновение декадентских, модернистских тенденций. Напор декадентских элементов резко усилился после поражения первой русской революции. Модернистские черты в годы реакции давали себя отчасти чувствовать даже в творчестве отдельных композиторов-реалистов. Таким образом, внутри обозреваемой эпохи намечаются периоды — от середины 90-х годов примерно до 1907—1908 гг. и от 1907—1908 гг. до Великой Октябрьской социалистической революции. Первый из этих периодов отличается подавляющим перевесом, полным господством здоровых, реалистических сил, при отдельных симптомах проникновения широко распространенного уже к тому времени на Западе модернизма; в дальнейшем модернизм пытается оспаривать у реалистического, народного направления его первенствующее положение, впрочем, также в конечном счете без сколько-нибудь решающих успехов.

Наследство, полученное русской музыкой конца XIX и начала XX вв. от предшествующей эпохи в развитии мировой и русской музыкальной культуры, было необычайно богато и разнообразно. Творчество классиков XIX

столетия отличалось органическим единством глубокого идейного содержания и яркой, захватывающей своей красотой, естественностью и выразительностью музыкальной формы. Неразрывно связанное с народным поэтическим и музыкальным творчеством, оно было провинуто реалистическим духом и гуманистическими стремлениями; оно задавало высокими моральными и общественными целями и играло огромную прогрессивную роль в общем культурном движении человечества. В лице ряда своих лучших представителей классическое музыкальное искусство находилось в тесной духовной связи с освободительной борьбой народных масс и передовой интеллигенции.

Совершенно иной, во многих отношениях противоположный классике характер приобретает музыкальное творчество ряда композиторов декадентско-модернистского, формалистического направления.

Модернистская музыкальная эстетика исходила из крайне идеалистических и субъективистских посылок. Она занимала воинствующе антиреалистические позиции, отвергала социальные и этические задачи искусства. Попирая на деле лучшие традиции классической музыки, она вместе с тем пыталась ложно истолковывать мировоззрение и творчество великих композиторов прошлого, без каких-либо оснований объявляя некоторых классиков чуть ли не своими «предшественниками». Модернистские теоретики и практики стремились к нарочитому и предельному усложнению музыкальной речи, сознательно отказывались от простой, доходчивой, эмоциональной, ясной и мелодической отношении музыки. Известный европейский композитор-модернист Арнольд Шелберг, пользовавшийся большим авторитетом и среди русских модернистов, презрительно отзывался о мелодии как «первобытном», т. е. якобы устаревшем, изжившем себя, средстве музыкального выражения.

Крупнейшие русские композиторы и передовые музыковеды, во главе с Римским-Корсаковым, Танеевым, Глазуновым, Стасовым, вели последовательную борьбу с модернизмом, с западным декадансом и отдельными проявлениями его воздействия на молодые музыкальные силы России. В 1904 г. Римский-Корсаков писал: «Декадентские, импрессионистские и мыльно-пузырчатые течения. . . и вижу насквозь». Композитор подчеркивал «справедливый и осмысленный» характер своего раздражения «против западного „прогрессивного“ направления в музыкальном искусстве», против «близорукого взгляда» тех, которые, по его словам, не замечали, что «истинный прогресс музыки живет у нас на Руси».¹

Проявления музыкального модернизма в самой России были в 90-х и начале 900-х годов еще сравнительно слабы. С конца 90-х годов в духе модернизма стал сочинять музыку провинциальный композитор В. И. Ребиков. Влияния модернизма в какой-то мере отразились уже на рубеже 90-х и 900-х годов на твор-

¹ А. В. Оссовский и др. Мировое значение русской классической музыки. Л., 1948, стр. 20.

честве А. Н. Скрябина, хотя главным образом они сказались у него позднее. К модернизму постепенно стал склоняться один из учеников Римского-Корсакова Н. Н. Черепнин. В 1901 г. зародились в Петербурге «Вечера современной музыки». Просуществовав более десяти лет, «Вечера», руководимые критиком-модернистом В. Г. Каратыгиным, композитором И. И. Крыжановским и другими, превратились в один из очагов русского музыкального декадентства.

Как отмечено выше, в основном музыкальное творчество в России в 90-х и первой половине 900-х годов развивалось под знаком передовых принципов народности и реализма. В сфере оперы интенсивно работал Н. А. Римский-Корсаков, давший между 1895 и 1907 гг. целых десять опер, в том числе такие шедевры, как «Садко», «Царская невеста», «Сказание о певидимом граде Китеже», «Золотой петушок» и т. д. А. К. Глазунов за это же время создал четыре лучшие свои симфонии, три балета (в их числе «Раймонду»), концерт для скрипки, ряд крупных камерно-инструментальных сочинений. С. И. Танеев завершил и показал оперу «Орестея», опубликовал свою так называемую «Первую» симфонию, пять квартетов и пр. Появились две симфонии В. С. Калиникова, ряд больших произведений М. А. Балакирева, С. В. Рахманинова, А. С. Ареского, наиболее ценные творения А. Н. Скрябина. Об этом времени можно повторить слова исследователя, что оно «непосредственно примыкает к золотой поре русской музыкальной классики».¹

Вместе с тем в самом прогрессивном реалистическом направлении русского музыкального искусства проступают некоторые черты, свидетельствующие все-таки об известном понижении его идейно-общественного уровня по сравнению с периодом «могучей кучки» и Чайковского. Менее тесной, в целом на протяжении эпохи, стала связь музыкального искусства с освободительным движением, вступившим теперь в новый, пролетарский, фазис. Музыкальная эстетика и творчество не стояли вполне на уровне тех требований, какие объективно представлялись обострением классовой борьбы, выступлением пролетариата как ведущей силы революционного движения, утверждением идейной гегемонии марксизма в этом движении. Сохраняя (хотя и не всегда в прежнем объеме) связь с народным искусством, с народной песней, музыканты в большинстве своих произведений уже не отводили прежнего места самой теме народа, теме его борьбы. Русская музыка теперь не являлась в такой же, как раньше, мере программной.

Интерес к оперному творчеству поддерживался по преимуществу деятельностью гениального классика оперы Римского-Корсакова; вне этой деятельности, однако, оперное творчество начинало оскудевать. При этом ряд больших композиторов вообще опер не писали (Глазунов, Лядов, Скрябин).

¹ Т. Ливанова. К спорам о музыкальном наследии. Советская музыка, 1950, № 10, стр. 12.

Петербургская консерватория. Фотография 1896 г.

Русская буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. вызвала на несколько лет оживление в среде музыкальной общественности. Политическая декларация, составленная в кругу московских музыкальных деятелей вскоре после 9 января 1905 г. (ее подписали Танеев, Рахманинов, Гречанинов, Глиэр, Шаляпин, Собинов, Игумнов и др.), явилась открытым протестом лучших представителей русской музыкальной культуры против существующего режима. «Когда в стране нет ни свободы мысли и совести, ни свободы слова и печати, когда всем живым творческим начинаниям народа ставятся преграды, — чахнет и художественное творчество». «Мы — не свободные художники, а такие же бесправные жертвы современных ненормальных общественно-правовых условий, как и остальные русские граждане», — заявляли авторы московского постановления и предъявляли требование «коренных реформ» (иначе, в ограниченных рамках, намеченных тогдашними решениями либеральных земцев).¹ В Петербурге Римский-Корсаков немедленно же объявил о своей солидарности с политическим выступлением москвичей.

¹ Театр и искусство, 1905, № 6, стр. 82 (из газеты «Наши дни» от 2 февраля 1905 г.).

На протяжении 1905 г. (в значительной мере и 1906 г.) происходила острая борьба в Петербургской и Московской консерваториях. Большинство учащейся молодежи высшей музыкальной школы примкнуло к движению, охватившему все революционное студенчество. Музыкант должен быть гражданином; музыканты должны идти в ногу с народом, вместе с ним бороться за осуществление его требований, без удовлетворения которых невозможно и нормальное развитие культурного творчества, — такова была позиция передовой музыкальной молодежи. Вместе с тем она настойчиво добивалась коренного улучшения дела музыкального образования, освобождения музыкальной школы от гнетущей опеки царских сановников и бюрократов. Петербургская и московская консерваторская молодежь в начале 1905 г. присоединилась к общестуденческой политической забастовке. В Петербурге учащимся при проведении стачки пришлось преодолеть немалые препятствия, понести и ряд жертв. Молодежь встретила сочувствие и поддержку у наиболее прогрессивных представителей профессуры (Танеев — в Москве, Римский-Корсаков, Глазунов, Лядов — в Петербурге). Особенно славную роль сыграл в развернувшейся в 1905 г. борьбе Н. А. Римский-Корсаков. Как отмечает в своих воспоминаниях один из руководителей движения учащихся Петербургской консерватории в 1905 г. Михаил Гнесин (впоследствии известный композитор), Римский-Корсаков «постепенно совсем объединился с молодежью в совместной борьбе за лучшие условия жизни для искусства, принимая и все политические лозунги, под знаком которых проходила в дальнейшем борьба».¹

Общими усилиями демократической массы учащихся и прогрессивной профессуры удалось добиться известного обновления консерваторской жизни; была вырвана у власти некоторая «автономия» для консерваторий, что в последующем сыграло свою положительную роль в развитии их деятельности.

Под влиянием событий первой русской революции в передовых музыкальных кругах с еще большей остротой был поставлен вопрос о борьбе за распространение музыкальной культуры в широкой народной среде. Студенчество Петербургской консерватории требовало, например, «демократизации» казенных театров, настаивало на том, чтобы «последние широко открыли свои двери для малоимущих слоев общества».² Прямым порождением общественного подъема явилось движение в пользу создания так называемых народных консерваторий. Инициативу в этом проявила прогрессивная музыкальная общественность Москвы: композиторы Танеев, Гречанинов, Кастальский, Аракишвили и другие, критик Энгель, известные музыкально-общественные деятельницы Линева и Брюсова и т. д. (очень велика была во всем деле роль Е. Э. Линевой). «Народная

¹ Мих. Гнесин, Н. А. Римский-Корсаков в общении со своими учениками. Музыка и революция, 1928, № 7—8, стр. 17.

² Театр и искусство, 1905, № 41, стр. 650.

консерватория» в Москве открыла свою деятельность в 1906 г. В связи с созданием московской Народной консерватории Танеев писал: «...надо заботиться, чтобы дремлющие творческие силы нашего музыкального народа проблились наружу и проявили себя в созданиях, стоящих на уровне тех бессмертных народных мелодий, которые составляют недосыгаемые образцы для нас, ученых музыкантов». ¹ Петербург отстал на два года от Москвы в деле открытия Народной консерватории, да и по характеру своей деятельности Народная консерватория в Петербурге уступала московской.

Революция вызвала попытки профессиональной организации среди музыкантов. В разных местах возникли союзы оркестрантов. В частности, в Петербурге в ноябре 1905 г. был основан Союз оркестровых деятелей. В 1907 г. в Петербурге было учреждено Общество писателей о музыке. В том же 1907 г. был основан в Москве (под редакцией музыковеда И. В. Липаева) двухнедельный журнал «Музыкальный труженик», посвященный «жизни и труду» оркестровых музыкантов, дирижеров, певцов и иных категорий работников музыкального искусства.

Революция 1905—1907 гг. оказала влияние на творчество композиторов.

Римский-Корсаков и Глазунов дали симфоническую обработку двух песен, приобретших широкую популярность в революционных массах: «Дубинушки» (оркестрована Римским-Корсаковым) и «Эй, ухнем» (оркестрована Глазуновым). В разгар революционных событий октября—ноября 1905 г. песни были исполнены (еще по рукописи) в петербургских симфонических концертах Зилоти.

Великий народный подъем 1905 г. породил у Римского-Корсакова мысль о создании оперы, посвященной Степану Разину. Идея оперы должна была заключаться в том, что «восстал избавитель народа от гнета», «восстала и пронеслась какая-то исполинская фигура среди угнетаемого народа, в которую он верит». Композитор считал, что «соприкосновение» его оперы с «современным положением вещей» «будет ясно для всякого». ² Замысел оперы о Разине остался неосуществленным; но несколько позднее, в 1906—1907 гг., Римский-Корсаков создал то из своих творений, которое биографом композитора, его сыном Андреем Римским-Корсаковым метко было названо «звучащим выводом из пережитой революционной поры»; мы, конечно, имеем в виду оперу «Золотой петушок».

Отзвуки настроений, вызванных русской революцией, ясно чувствуются во второй симфонии Рахманинова, написанной в 1906—1907 гг. Так она воспринималась и современниками. Один из критиков ³ писал о содержании симфонии: «Оно полно контрастов — от нежной идиллии до бурной трагедии — и захватывает своим поэтическим настроением, программу которого хочется найти в со-

¹ Г. Бернандт. С. И. Танеев. М.—Л., 1950, стр. 196.

² А. И. Римский-Корсаков. Н. А. Римский-Корсаков, жизнь и творчество, вып. V. М., 1946, стр. 119.

³ Г. Тимофеев. Петербургская музыкальная жизнь в 1908 г. Русская мысль, 1909, кн. 2, стр. 161.

временных событиях русской жизни». Трудно не усмотреть косвенного влияния переживаний революционного времени в последней, восьмой, симфонии Глазунова, оконченной к весне 1906 г., симфонии особенно углубленной, необычной для глазуновского творчества по драматическому напряжению.

По-своему, очень по-своему, отзывался на грозную атмосферу предреволюционных и революционных лет Скрябин. «Эта музыка, — говорил о творчестве Скрябина Плеханов, — представляет собой отражение нашей революционной эпохи в темпераменте и мирозерцании идеалиста-мистика».¹ Непосредственно к революционным годам (1905—1907) относится сочинение Скрябиным «Поэмы экстаза».

Несколько более поздним отголоском настроений революционного периода являются отдельные вокальные произведения Тансеева (хор «Прометей», написанный в 1909 г., ряд романсов).²

Для периода первой революции, особенно для поры ее подъема (1905), весьма характерно широкое развитие и распространение массовой революционной песни. Современники не случайно видели в громадной популярности революционных песен — таких, как «Марсельеза», «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу», — своеобразный показатель роста боевого духа и политического сознания народных масс.

В канун 1905 г. и в годы революции не раз издавались сборники революционных песен. Один из сборников вышел в 1906 г. в Петербурге в условиях большевистского подполья; он содержал десять песен с фортепианным сопровождением.³

Поражение революции 1905 г. породило распад и разложение в среде попутчиков революции, вызвало нездоровые, упадочнические настроения в части интеллигенции. Процесс распада затронул область литературы и искусства, в частности музыки. Именно после поражения первой революции более резко дали себя знать те отрицательные черты, о которых говорилось выше в связи с характеристикой музыкального модернизма.

Почти замерло со времени смерти (в 1908 г.) Римского-Корсакова серьезное по значению творчество композиторов в области оперы. Часть новых опер была написана на сюжеты русских и западных писателей и поэтов упадочнического, декадентского направления, и некоторые из этих опер, как «Бездна» Ребикова (по Леониду Андрееву), производили, по отзыву современников, «впечатление какого-то вызова музыкальному миру».⁴

Влияние модернизма расширилось. В сферу его в большей или меньшей степени вовлекались некоторые композиторы, воспитанные в классических, ре-

¹ Воспоминания Р. М. Плехановой в сб. «Александр Николаевич Скрябин» (М.—Л., 1940, стр. 75).

² Г. Бернандт, ук. соч., стр. 175—177.

³ М. Друскин. Русская революционная песня. Советская музыка, 1953, № 2, стр. 67.

⁴ Н. Кочетов. Очерк истории музыки. 2-е изд., М., 1913, стр. 136.

листических традициях. Ряд композиторов, начинавших свою деятельность в период реакции, чуть не с первых своих шагов подпали под влияние модернизма.

Увлечение модернизмом во все возрастающей степени сказывалось в творчестве талантливого выходца из школы Римского-Корсакова Игоря Стравинского. Учитель Стравинского еще в конце 1907 г. осуждал его за то, что он «слишком резко ударился в модернизм». «Для меня, — говорил тогда Римский-Корсаков, — вся эта современная, декадентски-импрессионистическая лирика, с ее убогим, тощим идейным содержанием и ее фальшиво-народным русским языком — полна мглы и тумана».¹

Все дальше отходил от принципов здорового, реалистического искусства, все больше углублялся в дебри мистики один из крупнейших музыкантов эпохи Скрябин. Немалую дань формалистическим «неканьям» отдал молодой Прокофьев, впервые появившийся на столичной концертной эстраде в 1908 г. Символистская эстетика в той или иной степени подчинила себе в те времена начинавшего свой композиторский путь Мясковского, талантливого московского композитора С. Н. Василенко и др.

Наряду с петербургскими «Вечерами современной музыки», с модернистской пропагандой в таких органах, как петербургский журнал «Аполлон», появился влиятельный центр модернизма в Москве — журнал «Музыка» (с конца 1910 г.), оказывавший воздействие и на петербургскую музыкальную жизнь.

Однако и в эти трудные годы реалистическое музыкальное искусство продолжало делать новые завоевания. В 1908 г. появились известное трио Танеева, вторая симфония Балакирева, в 1909 г. — третий фортепианный концерт Рахманинова, концертная сюита для скрипки Танеева, симфонические картины Лядова «Волшебное озеро» и «Кикимора», в 1910 г. — фортепианные концерты Глазунова и Балакирева—Ляпунова, в 1911 г. симфония Глиэра «Илья Муромец» и фортепианный квинтет Танеева и т. д. и т. д. Да и такие композиторы, как Прокофьев, Мясковский, давали, кроме формалистской, символистской музыки, такие страницы ясной и искренней, выразительной, человеческой музыки, которые пережили свое время и сохранили все значение до наших дней.

Таким образом, и второй из периодов, на которые распадается музыкальная эпоха 1890-х—1917 гг., ни в коем случае нельзя признать мало плодотворным. Русская музыка не прекращала своего развития, не прерывала накопления новых ценностей.

Громадную прогрессивную роль на протяжении всей эпохи играло славное русское исполнительское искусство, связанное в те десятилетия с именами Ша-

¹ А. Гозенпуд. Н. А. Римский-Корсаков. Советская музыка, 1950, № 2, стр. 67. Стравинский начинал свою деятельность в Петербурге, но скоро оторвался от родной почвы и навсегда обосновался за границей. В петербургских симфонических концертах неоднократно исполнялись произведения Стравинского — его ранняя симфония, скерцо «Фейерверк», сюиты из его известных балетов «Жар-птица», «Петрушка» и т. д.

ляпина, Рахманинова, Собинова, Ершова, Неждановой, Алчевского и др. Они способствовали не только распространению и усвоению новых произведений, но в ряде случаев неизмеримо более глубокому и совершенному постижению русского и мирового музыкального наследия прежних времен.

* * *

Петербургский музыкальный мир конца XIX—начала XX в. насчитывал в своей среде ряд деятелей прежних поколений, служивших как бы живой связью между прошлым и настоящим.

После смерти в 80-х годах XIX в. сначала М. П. Мусоргского, потом А. П. Бородина остались в числе действующих музыкантов столицы три представителя прежней «могучей кучки»: М. А. Балакирев, Ц. А. Кюи и Н. А. Римский-Корсаков. Значение их для современности было неодинаковым. Ведущая общественная роль Балакирева, а также Кюи была в сущности в прошлом,¹ между тем как Н. А. Римский-Корсаков, выдвинувшийся еще в 80—90-х годах на центральное место в музыкальном мире Петербурга, сохранял до своей смерти (1908) роль авторитетнейшего руководителя музыкальной жизни, роль не только неутомимого создателя новых музыкальных ценностей, но также вдохновителя и учителя подрастающих музыкальных поколений.

Но и Балакирев, давно перестав быть вождем русского музыкального движения, продолжал как композитор свою творческую деятельность и именно в последние десять-пятнадцать лет своей жизни осуществил несколько крупных, частью старых, частью новых творческих замыслов. К 1898 г. Балакирев закончил одно из наиболее значительных и талантливых своих произведений, приобретающее настоящую популярность только в наше, советское, время, — писавшуюся им долгие годы первую симфонию. 11 апреля 1898 г. симфония была впервые исполнена в Петербурге под управлением самого Балакирева в концерте Бесплатной музыкальной школы, основанной Балакиревым же (совместно с Ломакимым) еще в начале 1860-х годов. Это было его последнее публичное выступление.

Свою вторую симфонию Балакирев создал в 1908 г. К 1890—1900-м годам относятся новые циклы романсов Балакирева и ряд фортепианных произведений. Последней работой Балакирева был его фортепианный концерт, законченный уже после его смерти С. М. Ляпуновым.

Произведения позднего Балакирева, несмотря на отход его от боевых общественных идеалов 60-х годов, сохранили очень тесную связь с реалистическими и народными основами русской классической музыки, эстетические принципы которой некогда складывались и оформлялись при самом живом участии самого Балакирева.

Разойдясь с прежними соратниками, Балакирев не был и в последний свой период совершенно одиоком. У него происходили музыкальные вечера («бала-

¹ Кюи, впрочем, возглавлял в 1896—1904 гг. дирекцию Петербургского отделения Русского Музыкального общества.

*Н. А. Римский-Корсаков, Портрет маслом работы И. Е. Репина. 1893 г.
Государственный Русский музей.*

киревские вторники»), собиравшие кружок друзей и учеников (с 80-х годов и до своей смерти 16 мая 1910 г. Балакирев жил на Коломенской улице, дом № 7, кв. 7). Наиболее видное место в позднем окружении Балакирева занимал Сергей Ляпунов, композитор и пианист, высоко ценимый прежним руководителем «могучей кучки», который в своем чрезмерном увлечении признавал С. М. Ляпунова «первым музыкантом нашего времени».¹

Римский-Корсаков, тоже человек 60-х годов, оставался до конца дней непоколебимо верным прогрессивным общественным стремлениям искормившей его эпохи.

Творчество Римского-Корсакова, как известно, было весьма разнообразным в жанровом отношении. Уже в 60—80-х годах он ярко проявил свой гений в симфонической и оперной музыке, в области романса, песни, хоровой музыки. В 90-х годах Римский-Корсаков создал несколько десятков новых замечательных романсов; к 90-м и началу 900-х годов относятся его кантаты «Свитезянка», «Песнь о вешем Олеге», «Из Гомера». Но центр тяжести творчества Римского-Корсакова в 90—900-х годах лежит в сфере оперы. После постановки в 1882 г. «Снегурочки» (ей предшествовали оперы Римского-Корсакова «Пековитянка» и «Майская ночь») композитор почти в течение десятилетия не сочинял опер. На самом рубеже 80-х и 90-х годов он написал «волшебную оперу-балет» «Млада» (она была поставлена в Мариинском театре в 1892 г.). К первой половине 90-х годов относится создание Римским-Корсаковым последней редакции его ранней оперы «Пековитянка». Первые исполнения оперы в новой, наиболее законченной и совершенной редакции явились заслугой возникшего в столице в 90-х годах по инициативе группы энтузиастов русской музыки Петербургского общества музыкальных собраний. Новая премьера «Пековитянки», лежавшей по вине казенной дирекции императорских театров более 20 лет под срудом, состоялась 6 апреля 1895 г. в помещении Панаевского театра (Адмиралтейская набережная, д. 4). Примерно в одно время с переработкой своей «Пековитянки» Римский-Корсаков создал новую музыкальную редакцию оперы Мусоргского «Борис Годунов». И по отношению к «Борису», возобновление которого было в 90-х годах отклонено дирекцией императорских театров (по прямому указанию Николая II), плодотворную роль сыграло то же Петербургское общество музыкальных собраний, взявшее на себя в 1896 г. осуществление постановки. Представления «Бориса Годунова» (они состоялись в Большом зале Петербургской консерватории) шли под управлением самого Римского-Корсакова, при участии, как и в «Пековитянке», наряду с любителями нескольких видных артистов Мариинской сцены (бас Ф. И. Стравинский, тенор Г. А. Морской). Постановка «Бориса Годунова» в редакции Римского-Корсакова Петербургским

¹ К. Чернов, Мидий Алексеевич Балакирев. (По воспоминаниям и письмам). Музыкальная летопись, сб. III, Л., 1926, стр. 64.

обществом музыкальных собраний, по верной оценке биографа Римского-Корсакова, ознаменовала начало новой жизни оперы; после почина Римского-Корсакова и Общества музыкальных собраний «Борис Годунов» совершает (впрочем, не сразу) свое триумфальное шествие по свету.¹

В конце 1895 г. в Мариинском театре состоялась премьера новой оперы Римского-Корсакова (на гоголевский сюжет) «Ночь перед Рождеством». По словам самого Римского-Корсакова, «Ночь перед Рождеством» положила начало следующей, теперь уже непрерывной, его оперной деятельности.² Действительно, за ней следуют одна за другой оперы Римского-Корсакова «Садко», «Моцарт и Сальери», «Царская невеста», «Боярыня Вера Шелого» (пролог к «Псковитянке»), «Сказка о царе Салтане», «Сервилия», «Кашей бессмертной», «Пан воевода», «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии», «Золотой петушок» — на протяжении всего двенадцати лет десять опер, принадлежащих в подавляющей части к золотому фонду русской и мировой оперной классики.

Вопрос о постановке «Садко» послужил (в начале 1897 г.) источником конфликта и последовавшего за ним разрыва, продолжавшегося в течение нескольких лет, между композитором и императорскими театрами. Николай II и его директор театров Всеволодский отвергли эту оперу Римского-Корсакова, который после того решил не представлять уже более своих новых опер дирекции императорских театров.³ «Садко», «Моцарт и Сальери», «Вера Шелого», «Царская невеста», «Сказка о царе Салтане», таким образом, впервые появились не в Мариинском театре, где ранее осуществлялись первые постановки произведений Римского-Корсакова, а в московской частной опере, основанной известным меценатом С. И. Мамонтовым и сыгравшей большую роль в упрочении позиций русского национального оперного искусства в целом, Римского-Корсакова в особенности.

В 1898 г. (февраль—апрель) мамонтовская опера впервые была на гастролях в Петербурге. Из 37 спектаклей, данных ею тогда (в Большом зале Петербургской консерватории), 18 пришлось на четыре оперы Римского-Корсакова. Тогда-то Петербург в первый раз узнал «Садко» в исполнении А. В. Секар-Рожанского, Н. И. Забелы-Врубель, вдохновенной исполнительницы произведений Римского-Корсакова (впоследствии она служила ряд лет в Мариинской опере). Во время тех же гастролей Петербург услышал «Псковитянку» с гениальным Шаляпиным в роли Грозного; лишь через пять лет «Псковитянка» снова появилась и на Мариинской сцене, с тем же Шаляпиным.

¹ А. Н. Римский - Корсаков. Н. А. Римский-Корсаков, жизнь и творчество, вып. IV, М., 1937, стр. 59.

² Н. А. Римский - Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни. (7-е изд.), М., 1955, стр. 195.

³ Музыкальная новь, 1924, № 1 (4), стр. 43 (письма Римского-Корсакова).

Не только «Садко», но и «Моцарта и Сальери», затем «Царскую невесту» петербуржцы сначала услышали на спектаклях частных оперных сцен в течение 1899—1900 гг.¹

Широчайшее признание Римского-Корсакова как великого мастера русской оперы не могло не отразиться на репертуарной политике казенной сцены. К тому же сменилось руководство дирекцией казенных театров, перешедшее ненадолго к известному своими театральными-художественными интересами С. Волковскому. Дирекция казенной сцены сама должна была пойти навстречу Римскому-Корсакову и искать, в той или иной степени, сближения с ним.

Таким образом, в январе 1901 г. и на Мариинской сцене, наконец, появилась замечательная опера-былина «Садко», глубоко народная по всему своему складу, по своим музыкальным краскам, патриотическая в лучшем смысле слова, проникнутая гордостью за русский народ, воспевающая величие и смелость русского человека в борьбе с силами природы. Крупным событием явилось выступление в роли Садко одного из самых выдающихся русских оперных артистов — И. В. Ершова. За «Садко» последовала драматическая, весьма человечная и душевная — по правильной характеристике самого автора — «Царская невеста», данная на Мариинской сцене в том же году, а потом «Сервилья», которая шла в Мариинском театре уже в качестве полной новинки (в 1902 г.).

Однако поворот Мариинской оперы к Римскому-Корсакову оказался все же крайне недостаточным. После «Сервилли» один только «Град Китеж» был поставлен впервые в Мариинском театре (7 февраля 1907 г.). «Сказка о царе Салтане», впервые поставленная еще в 1900 г. (в Москве), дошла до Мариинской сцены лишь во время первой мировой войны.² Дореволюционный Мариинский театр никогда не ставил ни «Кашея бессмертного», написанного в 1901 г., ни «Пана воеводы» (законченная автором в 1903 г., опера была впервые поставлена в октябре 1904 г. частной антрепризой Церетели, под управлением дирижера В. Сука, в Большом зале консерватории), ни гениальной предсмертной оперы Римского-Корсакова «Золотой петушок», которая была впервые представлена в 1909 г. в Большом зале консерватории (гораздо более серьезное художественное значение имела постановка «Золотого петушка» в опере Народного дома в 1916 г.).³

Оперное творчество Римского-Корсакова представляет собой величайшую идейно-художественную ценность. Оно ярко, красочно, оптимистично. Образы

¹ «Моцарт и Сальери» был впервые показан в Петербурге мамонтовской оперой во время ее гастролей 1899 г. Петербургская премьера «Царской невесты» состоялась в марте 1900 г. в частной антрепризе Церетели (в Панаевском театре).

² Первая петербургская постановка «Сказки о царе Салтане» была осуществлена 22 декабря 1902 г. частной оперной антрепризой Умберто Гвиди (в Большом зале Петербургской консерватории).

³ Лишь после Октября, в начале 1919 г., на сцене Государственного Мариинского театра появились «Золотой петушок» и «Кашей».

народной поэзии, мотивы национальной классической литературы (в первую очередь творения Пушкина) служили для него важнейшей сюжетной основой, дух народной песни определил его музыкальный склад. Погружаясь в мир сказочной народной фантастики, Римский-Корсаков, по очень верному замечанию Д. Кабалевского, не терял ощущения живой реальности — «характернейшей чертой его творчества было сочетание поэтической народной выдумки с реальностью». В операх-сказках Римского-Корсакова звучали не раз острые политические темы: в «Наше бессмертном» русское прогрессивное общество с полным основанием увидело протест против неволи и деспотизма, в «Золотом петушке» — тонкую и умную сатиру на самовластие. Пользуясь богатейшим арсеналом музыкальных средств, неустанно развивая и обновляя свой музыкальный язык, Римский-Корсаков в то же время оставался чужд музыкальным ухищрениям модернистов и боролся против попыток отрыва музыки от ее жизненных, народных корней.

В духе прогрессивных традиций русской классической музыки Римский-Корсаков воспитывал поколения композиторов, как русских, так и представлявших музыкальную культуру других народов России. Педагогическая деятельность Римского-Корсакова в стенах Петербургской консерватории имела громадное значение, как уже отмечалось в предыдущем томе нашего издания.

С деятельностью Римского-Корсакова как профессора Петербургской консерватории связан громкий и многозначительный эпизод его биографии, в котором отразилось прямое воздействие событий первой русской революции на музыкальную жизнь Петербурга. Речь идет о позорном увольнении Римского-Корсакова из состава профессуры Петербургской консерватории в 1905 г., поводом для которого послужила самоотверженная и смелая защита композитором интересов и прав консерваторской учащейся молодежи, примкнувшей после январских дней 1905 г. к революционным выступлениям петербургского демократического студенчества.

Действовавший уже к началу февраля 1905 г. в стенах консерватории нелегальный студенческий комитет, «отвергая ложный и недостойный взгляд на искусство как на область, отрешенную от жизни», призывал учащихся последовать примеру других высших школ и прекратить занятия до тех пор, пока народные требования найдут себе удовлетворение и страна получит возможность «свободно дышать и развиваться».¹ Преобладающая часть учащихся Петербургской консерватории приняла эту позицию, в связи с чем и большинство Художественного совета консерватории, последовавшее в тот момент за такими выдающимися музыкальными деятелями, как Римский-Корсаков, Глазунов и Лядов, высказалось за перерыв занятий. Однако дирекция Петербургского

¹ Ю. Кремлев. Ленинградская государственная консерватория. 1862—1937. М., 1938, стр. 75.

отделения императорского Русского Музыкального общества и ее ставленник директор консерватории чиновник от музыки Беригард стали на путь полицейских преследований студенчества и попыток насильственного возобновления занятий в консерватории. Открытый протест в печати Римского-Корсакова против реакционных мероприятий директоров, сопровождаемый требованием широкой прогрессивной реформы консерватории, привел к тому, что дирекция (в марте 1905 г.) осмелилась уволить Римского-Корсакова из консерватории.¹

Увольнение Римского-Корсакова вызвало уход из консерватории из солидарности с ним Глазунова, Лядова и некоторых других профессоров. Протест Римского-Корсакова и его увольнение привлекли самое широкое внимание всей общественности, приобретя значение крупного политического события, героем которого сделался гениальный русский композитор. Возмущение наглым поведением «музыкальных» чиновников, за которыми стояли более высокие реакционные политические сферы, выражала вся сколько-нибудь передовая печать.

Общественные симпатии к Римскому-Корсакову, помимо бесконечного множества приветствий (были даже от крестьян), адресов, газетных выступлений, нашли выражение на «музыкальном утре», данном 27 марта 1905 г. в помещении драматического театра Комиссаржевской (в «Пассаже»). Здесь впервые в Петербурге силами учащихся консерватории, под управлением Глазунова (при самом близком участии и самого Римского-Корсакова, готовившего спектакль) была исполнена вольнолюбивая одноактная опера композитора «Кашей бессмертной». Автору «Кашея» была устроена невиданная овация. «Он был буквально засыпан цветами. Было поднесено множество венков, один из них с надписью на красных лентах „борцу“, а затем началось чтение многочисленных адресов от учащихся в консерватории, от инженеров, от присяжных поверенных, от интеллигенции, от женщин». Выступивший с горячей речью Стасов (то было за полтора года до смерти старейшего критика), напомнив слова Пушкина

Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат, —

заметил Римскому-Корсакову: «...это сказано словно про вас».²

Опасаясь, что демонстрация примет еще более бурный характер, власти не допустили второй части «утра» — концертного отделения. Через несколько дней был запрещен очередной белаяевский симфонический концерт, в программе которого стояли произведения Римского-Корсакова, Глазунова, Лядова. Тогда же последовало распоряжение Трепова, воспрещавшее вообще исполнение

¹ Н. А. Римский-Корсаков. Сборник документов под ред. В. А. Киселева. М.—Л., 1951, стр. 223—226.

² Г. Тимофеев. «Кашей бессмертной» и чествование Н. А. Римского-Корсакова. Петербургский дневник театрала, 1905, № 14, стр. 4.

произведений Римского-Корсакова¹ (запрещение могло соблюдаться лишь в течение нескольких месяцев).

В числе уступок царского правительства, вынужденных у него осенью 1905 г. революционным движением, была и куцая автономия высших учебных заведений. Она коснулась в известной степени консерваторий. Художественные советы получили право избрания директора (с последующим, однако, утверждением). В декабре 1905 г. Глазунов был единогласно избран директором Петербургской консерватории и потом неизменно переизбирался каждые три года. Римский-Корсаков и другие профессора-протестанты вернулись перед этим в консерваторию.²

Вспоминая предсмертные годы Римского-Корсакова, один из его учеников писал потом: «Николай Андреевич, несмотря на свой солидный возраст (64 года), обладал до последних дней нечеловеческой энергией и колоссальным темпераментом. Брался он за дело с увлечением, свойственным только юношам, и всегда доводил его до конца».³

Многие годы (с начала 1890-х годов и до 1908 г.) Римский-Корсаков проживал на Загородном проспекте, в доме № 28.⁴ Композитор, имя которого столь тесно и неразрывно связано на протяжении почти полувека с музыкальной жизнью Петербурга, умер в усадьбе Любенск Лужского уезда Петербургской губернии, 8 июня 1908 г. Через три дня состоялись похороны на кладбище Новодевичьего монастыря в Петербурге. В 1937 г. могила была перенесена в пантеон-некрополь в Александро-Невской лавре. В 1952 г. у здания Ленинградской Государственной консерватории, носящей славное имя Н. А. Римского-Корсакова, установлен памятник композитору.⁵

Положение Римского-Корсакова в петербургском музыкальном мире было по праву унаследовано его наиболее выдающимся учеником и близким другом А. К. Глазуновым, который, впрочем, и при жизни Римского-Корсакова оказы-

¹ М. Яковлевский. Римский-Корсаков и революция 1905 года. М.—Л., 1950, стр. 62.

² Внутренняя борьба в преподавательской коллегии консерватории и после этого отнюдь не прекратилась. Большой интерес представляют письма Римского-Корсакова к жене от мая 1906 г., отражающие борьбу композитора против «отвратительной дирекции» Русского Музыкального общества, его возмущение не только консервативными элементами профессуры, но и недостаточной твердостью некоторых из тех, кто причислял себя к «левой партии» в консерватории (Музыкальное наследие. Римский-Корсаков. Исследования. Материалы. Письма. Т. II. М., 1954, стр. 510—512). Не прекращалось на всем протяжении 1906 г. и возбуждение среди учащихся консерватории.

³ Русская музыкальная газета, 1908, № 32—33, столб. 661.

⁴ В квартире, которая сначала значилась под № 24, а позднее под № 39 (во дворе, в третьем этаже большого каменного флигеля).

⁵ Над проектом памятника работали скульпторы В. Я. Боголюбов, В. И. Ингал, архитектор М. А. Шешилевский.

А. К. Лядов, А. К. Глазунов и Н. А. Римский-Корсаков. Фотография 1907 г.
Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

вал на музыкальную жизнь столицы исключительно выдающееся влияние.¹ О начале музыкальной деятельности Глазунова уже упоминалось во втором томе нашего издания. С 90-х годов начинается период полной художественной зрелости Глазунова, переход к которому примерно датируется его четвертой симфонией, написанной в 1893 г. и впервые исполненной в беляевском симфоническом концерте, под управлением Римского-Корсакова, в январе 1894 г. А. К. Глазунов — в первую голову симфонист. Замечательные свойства гигантского таланта Глазунова — жизнеутверждающий и патриотический характер его музыки, ее близость к народным корням, мелодическое богатство, монументальность и в то же время ясность форм, роскошь и совершенство инструментовки — сказались в первую очередь именно в серии его симфоний, лирико-эпических по своему духовному складу, продолжавших во многом традицию бординского симфонизма. Между 1895 и 1906 гг. Глазунов создал четыре больших симфонии (особенно любимую слушателями V, VI, VII и VIII). Последняя,² восьмая по счету, его симфония, глубокая и содержательная, местами проникнутая даже трагическим пафосом (вообще Глазунову несвойственным), писавшаяся накануне и в период первой революции, впервые была исполнена по рукописи под управлением автора в декабре 1906 г. в одном из беляевских концертов (в «Русских симфонических концертах», учрежденных М. П. Беляевым, впервые исполнялись все глазуновские симфонии, кроме юношеской первой). Ко второй половине 90-х годов относятся три балета Глазунова: «Раймонда», «Барышня-служанка» или «Испытание Дамиса» (переработан в 1924 г.) и «Времена года»; ими Глазунов, продолжая творческий труд Чайковского, чрезвычайно обогатил область балетной музыки. Также вслед за Чайковским, Глазунов внес высоко ценный вклад в область инструментального концерта. Его популярнейший скрипичный концерт, необычайно богатый и цельный (исполнен в Петербурге, в начале 1905 г., в симфоническом собрании Русского Музыкального общества Леопольдом Ауэром), его первый фортепианный концерт (написанный в 1910 г., впервые прозвучал в Петербурге в начале 1912 г., в исполнении известного московского пианиста и педагога К. Н. Игумнова), созданный в 1917 г. второй фортепианный концерт принадлежат к высшим образцам скрипичной и фортепианной музыки, как и две сонаты, написанные Глазуновым для рояля. Глазунов создавал также превосходные произведения для камерного инструментального

¹ В марте 1904 г. Римский-Корсаков записал в дневнике: «...центр музыкальной жизни за последнее время помещается у Глазунова. Молодые композиторы тяготеют к нему, — и это вполне понятно и естественно» (Музыкальное наследство. Н. А. Римский-Корсаков, т. II, стр. 13).

² От девятой симфонии Глазунова (над ней композитор работал между 1904 и 1910 гг.) остался фортепианный эскиз первой части, имеющей как бы самостоятельный характер. Произведение инструментовано советским композитором Г. Юдиным (партитура девятой симфонии издана в 1952 г.).

ансамбля. На дооктябрьскую эпоху приходится его струнный квинтет и пять (из семи) его струнных квартетов.

Глазунов — петербургский уроженец, он прожил почти всю свою жизнь (63 года из 71) в Петербурге, в одном и том же доме, по Казанской улице (ныне ул. Плеханова), дом № 10. Он был одним из главных представителей кружка петербургских музыкантов, группировавшегося около М. П. Беляева. В 1899 г. Глазунов стал профессором Петербургской консерватории, в 1905 г., как уже отмечено, он сделался директором (первым выборным директором) консерватории и на этом посту оставался до 1928 г.; он был, таким образом, и первым директором советской консерватории в Петрограде—Ленинграде. Композитор был беззаветно предан Петербургской консерватории, предан интересам и нуждам ее учащихся, которые положительно боготворили его; очень любила его и широкая петербургская публика. После Римского-Корсакова Глазунов бесспорно был и наиболее выдающимся, и наиболее популярным музыкальным деятелем в Петербурге. Его сравнительно частые дирижерские выступления (в концертах беляевских, Русского Музыкального общества, Павловского вокзала и т. д.), несмотря даже на нередко критическую оценку его собственно дирижерских качеств, встречали неизменно самый горячий, сердечный прием со стороны и слушателей и исполнителей.

Как и Римский-Корсаков, Глазунов крепко и уверенно держался прогрессивных и демократических традиций русской классической музыки, выражая резкое неодобрение декадентской, модернистской музыке, в связи с чем особенно ретивые последователи модернизма готовы были отлучить Глазунова от «современного» русского музыкального искусства.¹ Между тем в широких кругах наблюдался именно в последние предреволюционные годы, в пору «натиска» декадентов, рост интереса к глазуновской музыке, что в самый канун Февральской буржуазно-демократической революции вызвало даже — впервые — организацию целого цикла симфонических концертов из произведений Глазунова.²

Если Римский-Корсаков, сделавший важнейший вклад и в симфоническую музыку (три симфонии, «Шехеразада», «Испанское каприччио» и т. д.), в историю музыкальной культуры вошел все-таки еще в большей мере как оперный композитор, если Глазунов был в первую очередь симфонистом, то ближайший сподвижник их обоих (и ученик первого из них) А. К. Лядов преимущественно творил в области фортепианной музыки, но отчасти и в сфере музыки вокальной и оркестровой. Лядов — композитор тончайшего, филигранного мастерства и

¹ См., например, журнал «Музыка» (1914, № 201, стр. 604).

² Прогрессивный общественный облик Глазунова хорошо отразился в недавно опубликованных письмах композитора за годы первой русской революции (Советская музыка, 1955, № 4, стр. 21—30).

безупречного вкуса. Его влекло к формам музыкальной миниатюры; крупных по внешним масштабам сочинений он не оставил, однако его миниатюрные пьесы полны содержания, красоты, обаяния.

Творчество Лядова связано с русским народным песенным творчеством, с русским сказочным фольклором. Огромное значение имела для него работа над гармонизацией русских народных песен, принятая им на себя в конце 90-х годов по поручению Русского Географического общества. 150 народных песен в обработке Лядова для голоса с фортепиано вышло в течение 1898—1903 гг. в четырех сборниках. «Замечательно, какое волшебное действие на дарование Лядова произвело соприкосновение его с творчеством родного народа»,¹ — свидетельствует его биограф. Из этой работы выросли в последующие годы его лучшие создания — «Баба-Яга» (симфоническая «картинка к русской народной сказке»), «Восемь русских народных песен для оркестра», «Волшебное озеро» («сказочная картина для оркестра»), «Кикимора» («народное сказание для оркестра») и т. д. Все названные произведения впервые исполнялись в Петербурге в 1904—1909 гг.

Художественное мировоззрение позднего Лядова не лишено противоречий, сказавшихся в какой-то мере на отдельных его произведениях. Будучи большим личным другом идеолога русского реалистического искусства Вл. Стасова, учеником Римского-Корсакова, А. К. Лядов увлекся, однако, впоследствии литературой и живописью символизма и временами высказывался отчасти в духе антиреалистических теорий «чистого искусства». Музыка к пьесе Метерлинка «Сестра Беатриса», в меньшей степени «Скорбная песнь для оркестра» («Нения»), тоже связанная с Метерлинком, отразили некоторые идейно ущербные черты в настроениях последних лет деятельности Лядова. Надо при всем том подчеркнуть, что чисто музыкальный язык модернистов, особенно в крайних проявлениях, вызывал у Лядова резко критические оценки. По свидетельству современников, это были с его стороны «недоумение и даже сомнения в здравии музыкального ума» «новаторов».

А. К. Лядов сравнительно мало общался непосредственно с петербургской публикой. Его дирижерские выступления были редкими (главным образом он выступал в беляевских «Русских симфонических концертах»). Более 35 лет Лядов преподавал в Петербургской консерватории. Его имя связано с бурными событиями консерваторской жизни в 1905 г. Среди лядовских учеников 1900-х годов были видные впоследствии деятели советской музыкальной культуры Н. Я. Мяскоцкий, С. С. Прокофьев, Б. В. Асафьев.

А. К. Лядов, бывший подобно Глазунову коренным петербуржцем, последние тридцать лет своей жизни занимал одну и ту же квартиру на Николаевской улице (ныне ул. Марата), в доме № 52 (рядом, в доме № 50, жил музыкально-

¹ Сб. «Ан. К. Лядов», Пгр., 1916, стр. 61.

общественный деятель, близкий друг Лядова М. П. Беляев). А. К. Лядов умер в самом начале первой мировой войны, 15 августа 1914 г.

В дружеских отношениях с беляевским кружком находился, по свидетельству Римского-Корсакова, А. С. Аренский, «известный и талантливый наш композитор», по аттестации всегда высоко требовательного Корсакова.¹

Аренский общее и музыкальное образование получил в Петербурге; по Петербургской консерватории, оконченной им в 1882 г., он был учеником Римского-Корсакова. В деятельности Аренского был продолжительный московский период (1882—1894), когда он преподавал в Московской консерватории. К этому времени относится сближение Аренского с Чайковским, который очень ценил его талант и, например, его «Сон на Волге» признавал одной «из самых симпатичных и прелестных» среди существующих опер.² Чайковский оказал на творчество своего младшего друга глубокое влияние, позволяющее говорить об Аренском как об одном из ближайших последователей, притом даровитейших, великого русского композитора. С 1895 г. Аренский жил в Петербурге; в течение ряда лет он был управляющим Певческой капеллой, сменив на этом посту Балакирева.

Аренский работал в области музыки симфонической (две симфонии, несколько сюит), камерной инструментальной, инструментального концерта, оперы, балета, романса. Тонкий и искренний лиризм, богатый мелодический дар, изящество и прозрачность музыкальных форм являются отличительными свойствами творчества Аренского. Широкая известность пришла к композитору после появления его замечательного первого фортепианного трио; оно было исполнено в Петербурге впервые в январе 1895 г. в квартетном собрании Русского Музыкального общества при участии самого автора, являвшегося отличным пианистом.³ Популярности Аренского в широких кругах очень содействовал также его мелодичный и задушевный, благодарный для исполнителей фортепианный концерт. По поводу первого, значительно запоздавшего, исполнения в Петербурге, в беляевских симфонических концертах, концерта Аренского — в начале 1899 г. (играл москвич А. Б. Гольдштейн) — Стасов писал: «...прекрасен фортепианный концерт Аренского — просто на удивление и на редкость».⁴

Аренский неоднократно выступал в Петербурге не только как пианист (он, между прочим, был исполнителем фортепианной партии и при первом испол-

¹ Н. А. Римский-Корсаков, ук. соч., стр. 147, 232.

² Модест Чайковский. Жизнь Петра Ильича Чайковского, т. III, М., 1902, стр. 423.

³ В Москве первое исполнение состоялось несколько ранее — осенью 1894 г. Автор уверял в письме к Танееву, что Петербург отнесся к его трио «гораздо сочувственнее, чем Москва» (сб. «С. И. Танеев. Материалы и документы», т. I, М., 1952, стр. 146).

⁴ Влад. Каренин. Владимир Стасов, очерк его жизни и деятельности, ч. II, Л., 1927, стр. 445. Характерно, что одновременно орган модернистов «Мир искусства» дал о концерте Аренского неблагоприятный отзыв (1899, № 7—8, стр. 84).

нении известного своего квинтета в 1900 г.), но и как дирижер в концертах Русского Музыкального общества, потом — Зилоти.

Все три оперы Аресенского («Сон на Волге», «Рафаэль», «Наль и Дамаянти») шли на оперных сценах Петербурга, частью в Марининском театре, частью в опере Народного дома.

Аресенский являлся на рубеже XIX и XX вв. одним из представителей группы композиторов, которые прочно стояли на почве реализма, музыка которых была проникнута духом народности. Он стремился следовать по пути, проложенному классиками русской музыкальной школы, хотя не поднимался до тех высот идейности, какие отличали творчество его предшественников и вдохновителей.

Умер Аресенский в 1906 г. недалеко от Петербурга (около станции Перкиярви).

Многие яркие страницы музыкальной летописи Петербурга связаны с именем старейшего в то время московского композитора С. И. Танеева, одного из самых заслуженных строителей русской музыкальной культуры, великого мастера камерной и симфонической музыки, глубокого музыкального теоретика, замечательного педагога, лучшего из учеников и близкого друга П. И. Чайковского. Творчество Танеева, если в целом и не было прямо связано с конкретными стремлениями и особенностями современного ему освободительного движения, неизменно отличалось высоким этическим смыслом, гуманистической направленностью, богатством идей, отвращением ко всякого рода декаданству. Чайковский закономерно подчеркивал художественную мудрость Танеева, находил в нем постоянное «отражение бодрого, здорового, оптимистического отношения к задачам жизни».

Общение Танеева с музыкальной общественностью и широкой публикой северной столицы началось еще в 70-х и начале 80-х годов, когда он не раз выступал в Петербурге как пианист (Танеев был одним из выдающихся русских пианистов). И тогда, и в более поздние годы (вплоть до 90-х годов) именно на долю Танеева выпадало несколько раз знакомить петербургских слушателей с не известными еще им творениями Чайковского. Как автор Танеев впервые предстал перед петербуржцами в конце 1882 г., когда в одном из концертов Русского Музыкального общества под его собственным управлением была исполнена его ранняя увертюра.

В 80-х годах не было еще настоящей близости между Танеевым и петербургскими композиторами, но уже в следующем десятилетии начинается тесная творческая и личная дружба Танеева с Римским-Корсаковым, Глазуновым, Лядовым. Начало сближения отчасти связано с постановкой на Марининской сцене единственной оперы Танеева — «музыкальной трилогии» по Эсхилу «Орестея» (опера, впервые поставленная в Марининском театре, шла на протяжении года, с октября 1895 г. по октябрь 1896 г., при участии в главных ролях молодого Ер-

шова и Славиной). «При строгой обдуманности опера поражала обилием красоты и выражения», — пишет Римский-Корсаков.¹

Наряду с московскими концертными учреждениями и петербургские выступают в качестве пропагандистов творчества Танеева, причем в ряде случаев задачу первого исполнения его произведений принимают на себя петербургские музыканты. Таким образом, знаменитая так называемая первая симфония Танеева (единственная опубликованная автором и потому первая, но в действительности четвертая по времени написания) была впервые исполнена в Петербурге под управлением Глазунова в одном из беллевеских «Русских симфонических концертов» 21 марта 1898 г. И это произведение было по заслугам весьма высоко

С. И. Танеев. Фотография 1910-х годов.

оценено петербургскими музыкантами. Римский-Корсаков писал Танееву после выхода из печати симфонии (кстати, посвященной Глазунову): «Считаю вашу симфонию прекраснейшим современным произведением: благородный стиль, прекрасная форма и чудесная разработка всех музыкальных мыслей».²

Ряд крупных камерных сочинений С. И. Танеева также впервые прозвучал в Петербурге, в том числе четвертый, пятый квартеты, представляющий собой вершину камерного творчества Танеева гениальный шестой квартет (исполнен в 1907 г.) и первый квинтет. Квинтет этот, исполненный в 1902 г., своеобразно отразил взаимные симпатии Танеева и ведущих петербургских композиторов: в нем использованы темы из оперы Римского-Корсакова «Садко», очень любимой Танеевым. Танеев весьма высоко оценивал и творчество Глазунова, который, в свою очередь, считал себя во многом обязанным именно Танееву. «Откровенно признаюсь, — писал Глазунов Танееву, — что я страшно дорожу той дружбой, которая установилась между нами, и верю в ее постоянство».³ «Всегда благоговейно вспоминаю мудрые советы мирового учителя», — писал Глазунов после смерти Танеева.⁴

¹ Н. А. Римский-Корсаков, ук. соч., стр. 215.

² Сб. «Памяти Сергея Ивановича Танеева», М.—Л., 1947, стр. 220.

³ Там же, стр. 223.

⁴ Там же, стр. 234.

Во время революции 1905 г. Танеев и петербургские композиторы действовали единым фронтом, оказывая друг другу моральную поддержку. Танеев энергично протестовал против удаления Римского-Корсакова из Петербургской консерватории. Глазунов, Лядов, Римский-Корсаков публично солидаризировались с Танеевым после вынужденного ухода его из Московской консерватории.¹

В ноябре 1907 г. в Обществе камерной музыки состоялся впервые в Петербурге специальный концерт из танеевских произведений при участии самого композитора. Его последнее выступление в Петербурге имело место в феврале 1914 г., когда в камерном концерте Русского Музыкального общества он исполнил партию рояля в своем, ныне столь широко известном фортепианном квинтете. Танеев присутствовал при состоявшемся в Петербурге в марте 1915 г. первом исполнении только что им законченной кантаты «По прочтении псалма» (в одном из концертов Кусевицкого). Через несколько месяцев С. И. Танеев умер.

В годы первой мировой войны (1915) была возобновлена «Орестея» в Мариинском театре.

Надо заметить, что в значительной сложности музыкального языка Танеева, в известной сдержанности, проявляемой им в выражении своих чувств и настроений, заключались в свое время препятствия к быстрому распространению его музыки среди широкого круга публики. В отношении доступности и доходчивости, «душевной непосредственности»² музыка другого виднейшего московского композитора Сергея Рахманинова имела преимущество перед музыкой одного из его учителей — Танеева (другим учителем Рахманинова как композитора был Ареский).

С. В. Рахманинов начал свое музыкальное образование в 1882—1885 гг. в стенах Петербургской консерватории, но продолжал и завершил его в Московской. С Москвой последующая деятельность гениального русского композитора, величайшего пианиста, замечательного дирижера Рахманинова связана в первую очередь. Но и в петербургской музыкальной жизни творчество Рахманинова — и композитора, и исполнителя — играло очень видную роль, да и в артистической жизни самого Рахманинова роль Петербурга была немаловажной.

С ранним композиторским творчеством Сергея Рахманинова Петербург познакомился (в 1894—1896 гг.) на беляевских симфонических вечерах. В Петербурге, в тех же беляевских концертах, в 1897 г. впервые состоялось исполнение первой симфонии Рахманинова. Неудачно сыгранная тогда под управлением Глазунова, она не имела успеха и, несмотря на свои вполне очевидные теперь крупные достоинства, никогда более при жизни композитора не исполнялась; в недавние годы симфония была восстановлена по сохранившимся оркестровым партиям и стала популярной среди советских слушателей.

¹ Г. Бернандт. С. И. Танеев. М.—Л., 1950, стр. 182.

² Молодые годы Сергея Васильевича Рахманинова. Л.—М., 1949, стр. 143 (статья В. М. Богданова-Березовского).

В пропаганде рахманиновского творчества в Петербурге в дальнейшем большую роль играла концертная организация Зилоти (двоюродного брата Рахманинова и одного из его учителей по фортепиано). В исполнении Зилоти, под управлением Никиша, Петербург в 1902 г. впервые познакомился со вторым фортепианным концертом Рахманинова, который впоследствии неоднократно исполнялся в столице самим автором, как и написанный в 1909 г. его третий концерт. В этих двух концертах ярко выразились лучшие стороны рахманиновского творчества, характерного неподражаемой напевностью, мелодическим богатством («сугубо м е л о д и й н ы м» верно назвал Асафьев дарование Рахманинова), благородной патетикой и страстностью, органическим сочетанием лиризма и мужественности, реалистической образностью.

В концертах Зилоти, под управлением автора, в январе 1908 г. состоялось первое исполнение грандиозной по масштабам и захватывающей по содержанию второй симфонии Рахманинова, одного из самых полноцветных и ярких произведений русской симфонической литературы, уже упоминавшегося выше.

Первый специально рахманиновский симфонический концерт в Петербурге состоялся у Зилоти в феврале 1911 г. В те же примерно годы популяризацию сочинений Рахманинова приняли на себя также «Концерты Шереметева».

Глубоко национальный по складу своего творчества композитор, теснейшим образом связанный с традициями русской музыкальной классики, являвшийся сам одним из ее поздних блестящих представителей, Рахманинов был идейным противником декадентского искусства. «Я мало ценю тех, — говорил Рахманинов, — кто отказывается от мелодии и гармонии ради погружения в оргию шума и диссонансов, являющихся самоцелью». Осуждая музыкантов, которые поворачивались спиной «к простой народной песне своей родины», Рахманинов нахо-

С. В. Рахманинов. Фотография начала XX в.

дил, что «их творчество вымучено, ходульно и неестественно».¹ Лишь в слабой степени модернистские влияния сказались на отдельных сочинениях самого Рахманинова, частью написанных в России, а частью — за границей, где он жил с конца 1917 г. и до своей смерти (1943). Одним из рахманиновских произведений, в которых он отдает некоторую дань модернизму, отчасти подпадая под влияние символистских или им родственных настроений и переживаний, является его поэма-кантата «Колокола», по Эдгару По — Бальмонту, впервые исполнявшаяся под авторским управлением в 1913 г. в Петербурге. В целом, конечно, Рахманинов без всякого сомнения принадлежит самому передовому, реалистическому, связанному своими корнями с искусством народа направлению в русской музыке. Недаром для идеологов декадентства в музыке Рахманинов был одноозной фигурой, и влияние его творчества на массы слушателей оно безуспешно старалось подорвать.

Часто появляясь в Петербурге (с начала 1900-х гг.) в качестве пианиста, давая время от времени собственные фортепианные вечера, Рахманинов особенно много выступал перед петербуржцами в годы первой мировой войны. Достоянейший наследник и продолжатель пианистического искусства Антона и Николая Рубинштейнов, Рахманинов властно покорял слушателей своим одухотворенным, проникновенным, пламенным, «поющим» исполнением, безгранично, притом, совершенным в «техническом» отношении. Петербург знал Рахманинова прежде всего как бесподобного исполнителя собственных сочинений. Событием явилось исполнение Рахманиновым произведений Скрябина после смерти этого выдающегося его современника в 1915 г. Нельзя не вспомнить и убедительнейшей интерпретации Рахманиновым-дирижером «Пиковой дамы» Чайковского (автора, из всех русских классиков наиболее близкого ему по духу) во время гастролей его в 1912 г. в Мариинском театре.

В петербургской музыкальной жизни предреволюционных лет глубокий след оставили рахманиновские вечера, посвященные вокальному творчеству композитора. Романы Рахманинова исполнялись на них даровитой московской певицей Ниной Кошиц и автором, выступавшим в роли аккомпаниатора. А. В. Нежданова познакомила Петербург, в те же годы, с рахманиновским «Вокализом». Имя Шалаянова (ближайшего друга композитора), имена Ершова, Собинова связаны с воплощением вокального рахманиновского творчества в северной столице.²

Последователем русских музыкальных классиков, преимущественно «кучкистов» и в особенности М. А. Балакирева, являлся на всем протяжении своего творческого пути уже называвшийся выше С. М. Ляпунов. Ляпунов воспитывался в Московской консерватории (у Танеева и др.), но в стремлении к нап-

¹ С. В. Рахманинов, Письма, М., 1955, стр. 556.

² О петербургских постановках опер С. В. Рахманинова см. ниже в разделе, посвященном оперному театру.

более тесному общению с Балакиревым и другими представителями бывшей «могучей кучки» он с середины 80-х годов окончательно обосновался в Петербурге. Ляпунов был знатоком, собирателем и исследователем русской народной песни, издателем сборников народных песен. Народнопесенная тематика в его собственных сочинениях занимает важное место. Ляпунов внес серьезный вклад в развитие русской фортепианной музыки (много камерной фортепианной музыки и два концерта) и симфонии. Свои первые крупные симфонические произведения он создал еще в 80-х годах. В 1888 г. в Петербурге в первый раз исполнялась первая симфония Ляпунова. Много лет спустя, между 1910 и 1917 г., он написал вторую симфонию, при жизни автора не исполнявшуюся и сравнительно недавно вошедшую в концертный репертуар (по инициативе Ленинградской филармонии). Вторая симфония, интересная по материалу, мастерски обработанная, с достаточным основанием признавалась такими вдумчивыми ценителями, как Глазунов, лучшим произведением Ляпунова. Ближайший друг Балакирева в поздний период его деятельности, Ляпунов близко стоял к жизни балакиревского детища — Бесплатной музыкальной школы — и руководил ею в последние годы ее существования. Он был профессором Петербургской консерватории в предреволюционные и первые советские годы.

Бывший также одним из носителей традиций русских классиков сверстник Ляпунова композитор М. М. Ипполитов-Иванов получил музыкальное воспитание в Петербургской консерватории под руководством Н. А. Римского-Корсакова (во второй половине 70-х и начале 80-х годов). Обстановка музыкального, литературного и художественного Петербурга этого времени, личное знакомство и встречи со многими его видными представителями сыграли большую роль в духовном развитии Ипполитова-Иванова, деятельность которого в дальнейшем протекала в Грузии, затем (с 1893 г.) в Москве. Ипполитов-Иванов почти одновременно с тем, как Глазунов был выбран директором Петербургской консерватории, стал первым выборным директором Московской консерватории; он же был первым директором уже советской Московской консерватории. В деятельности Ипполитова-Иванова видное место занимало оперное творчество. Из шести его опер наиболее известны «Ася» (лирические сцены по Тургеневу, премьера в Москве в 1900 г.) и «Измена» (по Южину-Сумбатову), ставившаяся и на сцене Мариинского театра (автор сам дирижировал на петербургской премьере в январе 1914 г.). Из симфонических произведений Ипполитова-Иванова особенно популярны две сюиты на темы народов Кавказа («Кавказские эскизы», исполненные в Петербурге в первый раз в 1896 г. в беляевских концертах, и вторая сюита — «Иверия»). В творчестве Ипполитова-Иванова сказывалось близкое родство с Чайковским и непосредственным воспитателем композитора — Римским-Корсаковым. Как учитель многих композиторов начала XX в., Ипполитов-Иванов служил живой связью между классиками второй половины XIX в. и лучшими деятелями новых поколений.

Ипполитов-Иванов многократно появлялся за дирижерским пультом и в дореволюционном Петербурге, и в социалистическом Ленинграде, являясь всегда желанным гостем петербуржцев — ленинградцев.

В числе тех молодых (начинавших на рубеже XX в.) композиторов, которые стремились опереться в своем творчестве на народную музыку и на традиции классиков, находился Р. М. Глиэр, ныне один из крупнейших деятелей советского музыкального искусства. Глиэр был учеником — по Московской консерватории, оконченной им в 1900 г., — Танеева и Ипполитова-Иванова. Вместе с тем он многим был обязан Римскому-Корсакову, Глазунову, Лядову, творческое общение с которыми, по собственному заявлению Глиэра, оказало огромное влияние на его художественное развитие и в значительной мере определило направление его композиторского пути.¹ Об этом направлении Глиэр сам говорит как о стремлении «к простому, правдивому искусству, опирающемуся на здоровые, богатые национальные традиции».²

Начало плодотворных встреч Глиэра с передовыми петербургскими музыкантами — с Римским-Корсаковым, Глазуновым, Лядовым — относится к 1900 г. Эти музыканты, вместе с М. П. Беляевым, всячески способствовали популяризации творчества Глиэра, сочинения которого (сначала для камерных инструментальных ансамблей) уже с того же 1900 г. стали появляться в Петербурге в программах Общества камерной музыки, а вскоре и Русского Музыкального общества. В марте 1904 г. в «Русских симфонических концертах» столичные слушатели впервые услышали первую симфонию Глиэра.

Будучи по характеру своему с самого начала реалистическим, живанным, тесно связанным с народнопесенными интонациями, творчество Р. М. Глиэра и в пору реакции, наступившей после поражения первой революции, оставалось в основном таким же. Наиболее значительными произведениями Глиэра в период после 1905 г. явились вторая симфония (первое исполнение в Петербурге — в начале 1911 г., в концертах Русского Музыкального общества), симфоническая поэма «Сирень» и монументальная третья симфония «Илья Муромец» (завершенная в 1911 г.), посвященная А. К. Глазунову (впервые в Петербурге исполнена в специально Глиэру посвященном концерте Придворного оркестра в 1916 г.).

Большое место в истории петербургской музыкальной жизни принадлежит А. Н. Скрябину. О противоречивости скрябинского творчества говорилось и писалось немало. Подводя объективный итог оценке композитора советским музыковедом, один из наших музыковедов писал несколько лет тому назад о Скрябине: «Вдохновенный поэт звуков, музыка которого исполнена высокого благородного артистизма, невольно захватывая своим заволнованным пафосом, при-

¹ Р. Г л и э р. Встречи с беляевским кружком. Советская музыка, 1949, № 8, стр. 65.

² Р. Г л и э р. Народ — великий учитель. Советская музыка, 1953, № 1, стр. 11.

поднятостью чувства, страстным порывом ввысь и вперед. И в то же время — мистик, декадент, старавшийся подчинить искусство бредовым, фантастическим идеям конца мира, полного торжества духа над материей, т. е. в сущности уничтожения всякой реальности».¹

Путь Скрябина разделяется на несколько этапов. К раннему и второму, зрелому, периодам его творчества, примерно до конца первой русской революции, относятся многие его проникновенные, полнокровные, яркие сочинения, в большей или меньшей мере связанные с исконными гуманистическими и реалистическими традициями русской и мировой классики. Последний период, совпадающий с общим усилением декадентщины в русском искусстве и литературе, характерен для Скрябина господством мистических, болезненно индивидуалистических настроений, вызывавшим временами извращение самой формы его музыки.

Скрябин был воспитанником, затем одно время профессором Московской консерватории и жил большей частью в Москве; с Петербургом у него были самые тесные связи и отношения. В 1894—1895 гг. здесь состоялись его первые авторские концерты (Скрябин-пианист и позднее выступал только с собственными произведениями). Тогда же произошло его сближение с М. П. Беляевым, оказавшим ему в дальнейшем большую поддержку, с А. К. Лидовым, В. В. Стасовым, потом и с А. К. Глазуновым. Скрябин часто приезжал в Петербург, оставаясь в доме Беляева. В беляевских симфонических концертах впервые были исполнены его оркестровые сочинения — прелюдия «Мечты» (в 1898 г.,

А. Н. Скрябин. Фотография начала XX в.

¹ Ю. К е л д ы ш: Идеиные противоречия в творчестве А. Н. Скрябина, Советская музыка, 1950, № 1, стр. 71. См. также работу Л. Данилевича «А. Н. Скрябин» (М., 1953).

под управлением Римского-Корсакова),¹ первая и вторая симфонии (в ноябре 1900 г. и январе 1902 г., под управлением Лядова), а впоследствии состоялось и первое в России исполнение наиболее знаменитой его третьей симфонии — в феврале 1906 г., под управлением Ф. Блуменфельда (до этого она уже была исполнена в 1905 г. в Париже Никштем). Престарелый Стасов писал Скрябину после петербургской премьеры третьей симфонии: «С великим восхищением я присутствовал на торжестве вашей III симфонии. . . Она возбудила и удивление, и глубокие симпатии многочисленной публики».²

В начале 1909 г. в Петербурге, почти одновременно в Придворном оркестре и «Русских симфонических концертах», учрежденных Беляевым, прошли первые исполнения скрябинской «Поэмы экстаза» — произведения, стоящего на рубеже между средним и третьим периодами творчества композитора (наряду с его пятой фортепианной сонатой, исполненной автором в Петербурге в качестве новинки тоже в январе 1909 г.). Печать отмечала громадный интерес музыкальной общественности Петербурга к Скрябину в связи с его пребыванием в столице зимой 1908/1909 г.; при этом «Поэма экстаза», как сообщал один из восторженных поклонников и не менее страстных «хулителей».³

Популяризацией скрябинских произведений в Петербурге занимались в последующем концертные организации Кусевицкого и Зилоти. Начиная с 1911 г. в концертах Кусевицкого, потом Зилоти неоднократно исполнялся, при участии автора, скрябинский «Прометей» («Поэма огня») — сочинение, с которого особенно ясно определилось модернистское направление позднего Скрябина. Один из представителей модернистской критики в Петербурге В. Каратыгин по поводу первого исполнения «Прометея» писал: «Для меня „Прометей“ — божественное откровение, полное еще невиданных красот. . . Для других, для большинства это — бред сумасшедшего».⁴ В это же время другой видный критик признавался (в московской печати; аналогичные высказывания были и в петербургской): «Не лежит сердце к этим теософическим претензиям стать сверх-человеком, к вечным симфоническим судорогам. . . ко всем дребням того тупика идеи и формы, куда, думается, заводит Скрябина „Прометей“».⁵

¹ В том же 1898 г. (в ноябре) в одном из симфонических собраний Русского Музыкального общества Скрябин исполнил впервые в Петербурге свой фортепианный концерт, принадлежавший, как известно, к наиболее доступным и популярным сочинениям композитора, привлекающий своей счастливой мелодикой, тонким поэтическим ароматом.

² Александр Николаевич Скрябин. Сборник к 25-летию со дня смерти. М.—Л., 1940, стр. 231. Однако часть публики тогда не приняла третьей симфонии («чела себя вызывающее», как вспоминал потом один из современников: А. П. К о т я е в. А. Н. Скрябин, характеристика. Изг., 1916, стр. 7).

³ Григорий Тимофеев. Из музыкальной хроники. Вестник Европы, 1909, № 10, стр. 762—765.

⁴ Театр и искусство, 1911, № 12, стр. 256.

⁵ Музыка, 1911, № 23, стр. 501 (статья Ю. Энгеля).

Несмотря на острые споры и разногласия (отчасти даже именно благодаря им), интерес к произведениям Скрябина возрастал и все учащались как симфонические, так и камерные концерты, целиком им посвященные. Много раз на протяжении 1909—1915 гг. выступал в Петербурге сам Скрябин как тончайший исполнитель своих оригинальных, овеянных поэзией, разнообразных по настроению (обычно миниатюрных) фортепианных пьес. В Петрограде состоялся и последний концерт Скрябина — 2 апреля 1915 г.¹ А. Н. Скрябин умер в Москве спустя немного дней после этого, оказавшего предсмертным выступлением. Бесчисленными концертами откликнулся музыкальный Петербург на трагическую смерть еще сравнительно молодого композитора. Возникло в столице и специальное Скрябинское общество, в котором, однако, задавали тон преимущественно люди, стремившиеся подчеркнуть в творчестве Скрябина как раз его слабые, декадентски-мистические черты за счет здоровых, сильных, подчас героических элементов этого творчества, которые подхвачены и популяризируются ныне советским музыкальным искусством.²

В Петербурге начала XX в. жил и работал ряд учеников Римского-Корсакова, Лядова, Глазунова. Среди них были Черепнин, Штейнберг, Гнесин, Мясковский, Прокофьев, Асафьев и др.

Н. Н. Черепнин, воспитанник Петербургской консерватории второй половины 90-х годов, один из талантливых учеников Римского-Корсакова, не смог стать действительным последователем своего учителя, так как чем дальше, тем больше уклонялся в сторону модернизма.

Симфония Черепнина в 1899 г. впервые была исполнена в беллевских «Русских симфонических концертах». В 1900-х и 1910-х годах Черепнин был одним из основных дирижеров этих концертов; он вел дирижерский класс в Петербургской консерватории, несколько лет дирижировал в Мариинской опере. Сочинения Черепнина (музыка из балетов «Павильон Армиды», «Нарцисс и эхо», фортепианный концерт, вокальные произведения и т. д.) часто в эти десятилетия появлялись в петербургских концертных программах. В 1907 г. балет Черепнина «Павильон Армиды» был поставлен на Мариинской сцене. Римский-Корсаков в последние годы своей жизни с тревогой отмечал связи Черепнина с представителями модернистских художественных кругов (группировка «Мир искусства») и, например, иронически отзывался о «24-этажной музыке» черепнинского

¹ Отчет об этом концерте и о приеме, оказанном на нем публикой Скрябину, см. в статье Евгения Браудо «Музыка в Петрограде» в журнале «Аполлон» № 4—5 за 1915 г.

² Нельзя пройти мимо предположений, что к концу жизни Скрябин был близок к новому повороту, который мог бы вывести его из творческого кризиса. Г. Нейгауз в таких сочинениях, как последние две сонаты, видит признаки возвращения Скрябина «к живой мелодии», «освобождения от схоластических принципов, сковывавших мысль композитора» (Советская музыка, 1955, № 4, стр. 39).

фортепианного концерта.¹ Черепнин после Октябрьской революции эмигрировал и умер за рубежом в 1945 г.

Моложе Черепнина были воспитанники Петербургской консерватории, впоследствии видные советские музыкальные деятели, Максимилиан Штейнберг и Михаил Гнесин, ученики Римского-Корсакова (Гнесин учился также у Лядова, Штейнберг — у Лядова и Глазунова). Деятельность М. Ф. Гнесина лишь частично связана с Петербургом (надо отметить в этой деятельности интересный этап — его музыкально-просветительную работу в период 1908—1909 гг. в рабочем клубе-школе на Петербургской стороне).² Штейнберг связал с Петербургом—Ленинградом всю свою музыкальную жизнь. Первые композиции Штейнберга относятся еще ко времени его консерваторского учения (1905). В год окончания консерватории (1908) впервые была исполнена в беллевских концертах его первая симфония, в следующем году в концертах Зилоти была исполнена вторая его симфония. Из ранних сочинений Штейнберга особенное внимание привлекла музыка к балету «Метаморфозы» (по Овидию), исполнявшаяся впервые в отрывках у Зилоти в 1912 г. Характерным для молодого Штейнберга было стремление к сочетанию художественных приемов, унаследованных от корсаковско-глазуновской школы, с умеренно импрессионистскими и модернистскими «исканиями». Впоследствии Штейнберг настойчиво защищал в своей деятельности заветы школы Римского-Корсакова, из которой он вышел. Вступив еще в 1908 г. в число педагогов Петербургской консерватории, Штейнберг до своей смерти (1946) был одним из видных профессоров Ленинградской консерватории. Учениками Штейнберга являются композиторы Щербачев, Пашенко, Шостакович, Брусиловский и др.

Почти одновременно с Гнесиным и Штейнбергом в Петербурге же дебютировали видные деятели советского музыкального искусства Н. Я. Мясковский и С. С. Прокофьев.

Мясковский с ранних юношеских лет был связан с Петербургом. Он получил военное образование в Петербургском втором кадетском корпусе и Военно-инженерном училище, служил в саперном батальоне в Петербурге, накопив, уже в 25-летнем возрасте, в 1906 г., поступил в Петербургскую консерваторию (класс Лядова, занимался и у Римского-Корсакова), которую окончил в 1911 г. Мясковский начал сочинением романсов, но со времени написания своей первой симфонии (в 1908 г.) определился как композитор-симфонист по преимуществу. В дореволюционные годы Мясковский, кроме ряда камерных сочинений, вокальных и инструментальных, создал свои первые три симфонии, симфонические

¹ Письмо Римского-Корсакова к Глазунову от 28 августа 1907 г. (М. Яковлевский. Римский-Корсаков и революция 1905 года. М.—Л., 1950, стр. 26).

² Предреволюционное творчество Гнесина отмечено связью с познанием символизма и носит на себе заметную печать модернистских влияний, изжитых им в советское время.

поэмы «Сказка» («Молчание») — по Эдгару По, «Аластор» — по Шелли, «Симфонизетту». Мясковский в декабре 1908 г. впервые предстал перед петербургской публикой как камерный композитор — в одном из «Вечеров современной музыки». Первым исполнителем симфонического творчества Мясковского был московский дирижер К. С. Сараджев, сыгравший впервые его «Сказку» (1911), вторую симфонию (1912). В Петербурге (как и в Москве) симфонические произведения Мясковского сначала исполнялись только в летних концертах — в Павловском вокзале, под управлением дирижера Асламова (с 1912 г.). Только в конце 1914 г. впервые в зимнем сезоне у Кусевицкого был сыгран его «Аластор»; в конце 1916 г., после летнего исполнения у Асламова, московский дирижер Эм. Купер играл третью симфонию Мясковского в петербургских концертах Зилоти. Появляется, наконец, Мясковский и в программах Русского Музыкального общества.

В канун революции Мясковский уже расценивался частью музыкальной прессы как один из главных представителей современной русской музыки. Его творчество этого периода было противоречиво. О своей «зараженности модернизмом» еще в консерваторские годы говорил впоследствии сам Мясковский, как и об идейном влиянии на его еще «довольно сырую психику» символистских литературно-художественных кругов.¹ Пессимистический характер своей тогдашней музыки Мясковский в значительной мере приписывал, и справедливо, этому влиянию. Вместе с тем тот же Мясковский испытывал «священный восторг и безграничное поклонение» перед Чайковским, с которым и критика находила у него точки соприкосновения. Он недаром подчеркивал, что ценит Чайковского за всегданнее стремление к выражению внутренних переживаний, за искренность, за богатство эмоционального содержания, за то, что у него «на первом плане всегда стоит выражение — что, а не как».² Эмоциональность, искренний лиризм музыки, написанной, как отмечала дружественная критика, «кровью человеческого сердца», подкупали чуткого слушателя уже в ту пору.

Преодолевая противоречия своего творческого метода и мировоззрения, Мясковский в революционные годы вырос в крупнейшего мастера советского музыкального искусства, авторитетного воспитателя и руководителя композиторской молодежи, школу которого (в Московской консерватории) прошло едва ли не большинство видных советских композиторов.

Прокофьев, хотя и значительно более молодой годами, начал свою деятельность одновременно с Мясковским. Близкие друзья — они и выступили впервые перед петербургской публикой в один и тот же вечер в конце декабря 1908 г. Как потом вспоминал один из присутствующих, Прокофьев тогда «был восторженно приветствован одними и принят в штыки другими, причем на стороне дру-

¹ Н. Мясковский. Автобиографические заметки о творческом пути. Советская музыка, 1936, № 6, стр. 6—7.

² Н. Мясковский. Чайковский и Бетховен. Музыка, 1912, № 77, стр. 431—440.

гих¹ оказалось подавляющее большинство.¹ Прокофьев в то время был, как и Мясковский, учащимся Петербургской консерватории, в которую он поступил 13-летним подростком в 1904 г. (он учился композиции у Лядова, Римского-Корсакова, Витоля, фортепианной игре у профессоров Винклера и Есиповой, дирижерскому искусству у Черепнина). До окончания консерватории Прокофьев успел написать два фортепианных концерта, две симфонических поэмы («Сны», «Осеннее»), симфониэтту, много фортепианных произведений и т. д. Как и в отношении Мясковского, первым истолкователем симфонических сочинений Прокофьева явился (в Москве) дирижер Сараджев (1911).

Летом 1912 г. Прокофьев, сам очень сильный пианист, впервые исполнил в Москве и в Петербурге (Павловский вокзал) свой первый фортепианный концерт; с этим же концертом он выступал в 1914 г. при окончании фортепианного класса консерватории (композиторский был пройден раньше). В 1913 г. Прокофьев сыграл в Павловске и свой второй концерт.

Творчество молодого Прокофьева вызывало горячие споры. То разделение среди публики, которым ознаменовано было уже самое первое его выступление, продолжалось и в дальнейшем, хотя число непримиримых противников прокофьевской музыки все-таки заметно уменьшалось. Протестами было встречено частью публики первое исполнение прокофьевской «Скифской сюиты» («Алла и Лоллий») в 1916 г., в концертах Зилоти.

Разногласия в оценке прокофьевского творчества и враждебность к нему части публики и музыкантов вызывались рядом особенностей музыки Прокофьева, о котором один из критиков писал в 1914 г.: «Это — молодое и здоровое по существу дарование, но совершенно изломанное и насильственно втиснутое в тиски модернизма».² В защиту и поддержку Прокофьева подчеркивались у него бодрость, свежесть, ширь, размах (Игорь Глебов — Асафьев), действительно присущие ему с самого начала. В упрек ему, с другой стороны, ставились «угловатость, жесткость, холодность», то, что фортепиано под его пальцами говорит «тоном ударного инструмента». Даже такой почитатель тогдашнего Прокофьева, как Каратыгин, соглашался с тем, что лирика и нежность тонут пока у Прокофьева в «какой-то первозданной буйности и ярости вдохновения».

В творчестве Прокофьева, таким образом, с первых его шагов ощущались слушателем противоречия, которые и в позднейшие годы, когда Прокофьев занял виднейшее место среди композиторов Советской страны, по временам осложняли его путь советского художника.

Одним из показателей того, что Прокофьев и в свои молодые годы, отмеченные сильным воздействием модернистских, формалистических устремлений, способен был создавать исключительно ясные, доходчивые, реалистические по духу сочине-

¹ Искусство, 1916, № 1, стр. 9.

² Русская музыкальная газета, 1914, № 17, столб. 442.

ния, является его «Классическая симфония», написанная в 1916—1917 гг. и встретившая по заслугам широкое, восторженное признание при первом же исполнении в Петрограде (под управлением автора) весной 1918 г.

* * *

Концертная жизнь в Петербурге по сравнению с XIX в. очень расширилась и развилась в начале XX в. и в особенности в последнее предреволюционное десятилетие.

До конца XIX в. преобладающее место среди петербургских концертов оставалось за концертами Русского Музыкального общества; беляевские «Русские симфонические концерты», имевшие тогда очень большое значение для пропаганды новых произведений русских композиторов, были сравнительно немногочисленными и к тому же долгое время не собирали достаточно широкой аудитории.¹

Позиция, занятая заправилами Русского Музыкального общества в начале первой русской революции, весьма невыгодно отразилась на состоянии концертной деятельности общества, известный упадок которой, впрочем, замечался уже и раньше, на рубеже 90-х и 900-х годов. Последнее симфоническое собрание Русского Музыкального общества в сезон 1904/1905 г. было отменено вследствие отказа капельмейстера А. Б. Хессина дирижировать концертом после «изгнания» Римского-Корсакова из консерватории. Проведя кое-как концертный сезон 1905/1906 г., Русское Музыкальное общество затем на два года прекратило регулярную концертную деятельность. Она возобновилась с осени 1908 г.;² в декабре 1908 г. состоялся 500-й по счету (с основания общества в 1859 г.) симфонический концерт. Но старого ведущего положения концерты Русского Музыкального общества уже не могли занять, несмотря на то, что главным руководителем этих концертов в 1910—1914 гг. являлся один из наиболее выдающихся русских и мировых дирижеров описываемого периода, Василий Сафонов.

Падение значения музыкального дела Русского Музыкального общества способствовало успеху нового концертного учреждения в Петербурге, организованного крупным пианистом Александром Зилоти (ученик Николая Рубинштейна и Листа, а по теории музыки — Чайковского). Концертное дело Зилоти было учреждено в 1903 г. и постепенно расширилось: начав с пяти концертов в сезон, Зилоти со временем довел число своих концертов — симфонических и камерных — до 20 с лишним. Популярность концертов Зилоти среди петербургской публики особенно упрочилась именно в годы первой русской революции. Концерты Зилоти привлекали, с одной стороны, свежестью своих программ (он, в частности, открывал зна-

¹ Еще в 1902 г. сам Беляев в статье, приуроченной к 17-й годовщине «Русских симфонических концертов», жаловался на равнодушие к этим концертам со стороны «большинства публики» (Новое время, № 9564, или Мир искусства, 1902, 2-е полугодие, отд. III, стр. 27—29).

² Концертом из сочинений именно Римского-Корсакова, незадолго перед тем умершего.

чительный доступ молодым русским композиторам и вместе с тем активно пропагандировал новые сочинения уже широко признанных авторов — Рахманинова, Глазунова, Лядова, потом и Скрябина), с другой — участием видных русских и иностранных солистов и дирижеров (Рахманинов, Никиш, Вейнгартнер, Моттль, Менгельберг, Коутс, Шаляпин, Изан, Тибо, Казальс, Гофман и др.). Одной из особенностей репертуарной линии Зилоти была настойчивая пропаганда Баха; усиленно, с другой стороны, пропагандировал Зилоти новых французских композиторов (Дебюсси, Равель, Роже-Дюкасс и др.).

Многочисленно в концертах Зилоти выступали в качестве исполнителей-толкователей своих сочинений сами авторы. Из русских, например, Аренин, Рахманинов, Глазунов, Скрябин, Василенко, из иностранных — Регер, Сибелиус, Форэ, Энеску и др. Сам Зилоти не был особенно выдающимся дирижером.

В период 1910—1916 гг. внимание петербургской публики наравне с концертами Зилоти привлекали концерты Кусевичского. Известный русский виртуоз-контрабасист, долголетний член оркестра московского Большого театра, С. А. Кусевичский в сезон 1909/1910 г. появился на петербургской концертной эстраде в качестве дирижера симфонических собраний Русского Музыкального общества. Вскоре Кусевичский начал самостоятельное концертное дело и сформировал собственный превосходный по своим качествам симфонический оркестр. Предприятие Кусевичского было общим для Москвы и Петербурга. В Москве имело оно главную базу. Программы, исполняемые в Москве, повторялись в Петербурге. В отличие от Зилоти Кусевичский быстро проявил себя как первоклассный дирижер, выступления которого встречали горячий отклик у слушателей. Ему особенно удавались произведения Скрябина. С большой силой Кусевичский передавал музыку Чайковского, которому в 1912 г. он посвятил специальный концертный цикл («четырёхднев»), прошедший с исключительным успехом и послуживший наглядным опровержением исходивших из декадентских кругов вредных призывов отодвинуть в сторону Чайковского как якобы композитора «устаревшего», теряющего власть над сердцами слушателей. Следует заметить, что подобные композиторские циклы были еще в те времена редким явлением. В программах концертов Кусевичского фигурировали, наряду с широко представленными Чайковским и Скрябиным, Римский-Корсаков, Глазунов, Танеев, Рахманинов, Бетховен, Шуман, Брамс, Берлиоз, Вагнер, Верди (столетие со дня его рождения в 1913 г. отмечалось широко в Петербурге) и др. Неоднократно включались также в программы Рихард Штраус, Брукнер, Регер, Малер¹ и т. д. В 1913 г. по приглашению Кусевичского Петербург и Москву посетил и дирижировал своими произведениями Клод Дебюсси. У Кусевичского выступали солисты Бузони, Ф. Крейслер, Скрябин, Метнер, Годовский и др. В последнее предреволюционное десятилетие концертам Кусевичского и Зилоти принадлежала гегемония в концертной жизни столицы.

¹ Отметим попутно триумфальные петербургские выступления Малера-дирижера (1902, 1907).

Группа деятелей искусства: А. Глазуров, Д. Стасов, Ф. Шаляпин, Ц. Кюн, С. и Ф. Блуменфельды, В. Стасов,
М. Савина и др.

Сезон 1915/16 г. был в Петрограде последним для концертного дела Кусевицкого. Концертное предприятие Зилоти пережило последнее на один год.¹

Придворный оркестр (о начале его деятельности говорилось в нашем предыдущем томе) стал более или менее значительным фактором петербургской музыкальной жизни примерно на рубеже XIX и XX вв. и в особенности — в последние предреволюционные годы. В 1896 г. он вместо прежней военной получил гражданскую организацию; еще через несколько лет ему было разрешено давать публичные концерты с афишами и платными билетами (до этого оркестр был известен публике только по летним выступлениям в Петергофе). С 1902—1903 гг. начались в Придворном оркестре «Оркестровые собрания музыкальных новостей»; за полтора десятка лет их состоялось свыше 50; здесь наряду с забытыми сочинениями старых композиторов главным образом исполнялись, обычно впервые, произведения современных русских и западных авторов. Главным дирижером оркестра являлся Г. И. Варлих. Для больших, парадных концертов оркестра в течение ряда сезонов приглашался знаменитый Никиш. В Придворном оркестре гастролировал Рихард Штраус.

Наиболее оживленная деятельность Придворного оркестра начинается с 1911/12 г., когда он выступает с многочисленными «историческими» концертами как русской, так и западноевропейской музыки, рассчитанными в первую очередь на учащуюся молодежь столицы. В годы первой мировой войны Придворный оркестр устраивал специальные концерты из произведений современных петроградских и московских композиторов. В те же военные годы в программах его большое место занимают произведения славянских композиторов.²

Значение деятельности Придворного оркестра снижалось в известной мере недостаточно высоким, подчас, уровнем исполнения.

Немедленно после Февральского переворота музыканты бывшего Придворного оркестра явочным порядком объявили себя Государственным оркестром. После нескольких лет интенсивной музыкально-просветительной деятельности в условиях гражданской войны (1918—1920) этот оркестр послужил основой для организации Ленинградской Государственной филармонии.

¹ Концерты Зилоти и Кусевицкого происходили главным образом в помещении Дворянского собрания (нынешний Большой зал Ленинградской филармонии). Временами концерты Зилоти давались в Большом зале консерватории и Мариинском театре. Во время первой мировой войны (в годы войны Дворянское собрание было занято под лазарет и возвращено музыкальному искусству советской власти в мае 1918 г.) концерты Кусевицкого происходили в Малом театре (на Фонтанке) и в оперном театре Народного дома. Концерты Русского Музыкального общества давались в консерватории и Дворянском собрании.

² «Собрания музыкальных новостей» происходили в собственном здании Придворного оркестра, выходившем на Малую Конюшенную и Екатерининский канал; они были почти недоступны широкой публике. Большие открытые концерты оркестра происходили на Мойке в здании Певческой капеллы.

Среди столичных концертных организаций крупное место занимало и концертное дело А. Д. Шереметева, любителя музыки из среды богатого барства, располагавшего собственным оркестром и хором. Систематическая концертная деятельность шереметевских музыкальных коллективов началась в 1898 г. Первоначально это были общедоступные концерты духового оркестра с участием солистов и хора, но вскоре Шереметев восстановил (уже ранее державшийся им, потом временно распушенный) симфонический оркестр. Симфонические концерты также устраивались как общедоступные, даже «народные». Однако несмотря на дешевые цены билетов (впоследствии концерты стали бесплатными), «народа» в тесном смысле слова на них почти не бывало. Шереметевские концерты широко привлекали среднюю и низшую интеллигенцию, привлекали в большом числе учащуюся молодежь. Они представляли интерес и для тех слушателей, которым были доступны гораздо более дорогие концерты Зилоти, Кусевицкого или Русского Музыкального общества, так как выделялись своеобразно составляемыми программами, дававшими часто то, чего нельзя было услышать в остальных музыкальных организациях. Особенно тяготели шереметевские программы к произведениям ораториально-кантатного типа (Генделя, Гайдна, Моцарта, Листа, Берлиоза, Сен-Санса, Рубинштейна т. д.), к концертному исполнению опер («Моцарт и Сальери» Римского-Корсакова, «Франческа да Римини» Рахманинова, «Каменный гость» Даргомыжского, «Парсифаль» Вагнера и др.). Шире, чем в других концертах, у Шереметева отмечались различные памятные и юбилейные даты, связанные с историей и русской, и западной музыки. Дирижерская сторона была ахиллесовой пятой шереметевских концертов. Часто и охотно выступавший «хозяин» концертов был слабым дирижером. Исполнение богатых и сложных партитур нередко оказывалось мало удовлетворительным.

Всего за два десятка лет состоялся 241 общедоступный концерт оркестра и хора Шереметева. Последний шереметевский концерт имел место в апреле 1917 г.¹ Лишь Октябрьская революция реально сделала общедоступными для действительно широких масс все симфонические концерты, концерты, удовлетворяющие, притом, очень серьезным и высоким художественным требованиям.

В предреволюционные десятилетия продолжались (в Дворянском собрании, в Большом зале консерватории) «Русские симфонические концерты», учрежденные в середине 80-х годов М. П. Беляевым. Сам основатель умер в конце 1903 г., но он обеспечил крупными средствами продолжение начатого дела, возложив руководство им на Попечительный совет в составе Н. А. Римского-Корсакова, А. К. Глазунова и А. К. Лядова. Незадолго до своей смерти Римский-Корсаков вышел из совета. После смерти Римского-Корсакова печать неоднократно говорила об уладке

¹ Шереметевские концерты (обычно дававшиеся в виде воскресных утреников) происходили в зале Кононова на Мойке (близ Невского), потом в Большом зале консерватории, в Дворянском собрании, в годы мировой войны — в Михайловском театре.

беляевского дела, об утрате им прежнего передового значения, упрекала его руководителей в «кружковом» направлении их репертуарной политики. Несомненно, что в условиях значительного расширения концертной деятельности в Петербурге в XX в. и резкого усиления интереса к русской музыке в публике роль беляевских концертов в деле пропаганды творчества русских композиторов уже не могла быть столь влиятельной, как на первых порах (и это несмотря на то, что именно теперь «Русские симфонические концерты» успели, наконец, завоевать более или менее широкие круги интеллигентных слушателей). Тем не менее и в описываемый период беляевские концерты, попрежнему не очень многочисленные, сохраняли свою ценность, помогали росту русской музыкальной культуры.

23 ноября 1910 г. было торжественно отпраздновано 25-летие беляевских концертов. Итоги, подведенные тогда по этому поводу, свидетельствуют, что между 1885 и 1910 гг. было дано всего 93 симфонических концерта; в программы их вошли 48 композиторских имен, представленных 680 произведениями, из которых весьма многие исполнялись в этих концертах в первый раз (например, из 81 симфонии — 26, из 321 симфонического сочинения других форм — 142).¹ Беляевские концерты проводились под управлением Феликса Blumenфельда, Черепнина и других; в качестве дирижеров выступали также Глазунов, Лядов, выступали во многих случаях сами авторы исполняемых произведений (Спендиаров, Василенко и др.).²

Изредка напоминавшая еще о себе Бесплатная музыкальная школа в 1910 г. ознаменовала столетие со дня рождения великого польского композитора Шопена блестящим шопеновским концертом при участии постоянного петербургского гостя пианиста Иосифа Гофмана, а в 1911 г. завершила свою концертную деятельность вечером памяти своего основателя Балакирева, на котором впервые был исполнен С. М. Ляпуновым законченный им после смерти автора балакиревский фортепианный концерт.

Редко подавало признаки существования Петербургское филармоническое общество, хотя временами его концертная деятельность еще приобретала и несколько более оживленный характер (например, симфонический абонемент в 1897 г.). В 1902 г., на праздновании 100-летнего юбилея этого старейшего музыкального общества столицы, была снова исполнена «Торжественная месса» Бетховена, некогда (в 1824 г.) впервые в мире прозвучавшая в одном из концертов того же Петербургского филармонического общества. Интерес редким концертам Филармонического общества придавало участие знаменитых дирижеров (Никиш, Шух и др.) и солистов (Шалаяпин, пианисты Бузони, Феликс Blumenфельд и т. д.). Выступле-

¹ М. П. Беляев и основанное им музыкальное дело. Краткий очерк. XXV. 1885—1910, стр. 17—18.

² Деятельность «Русских симфонических концертов» заглохла во время мировой войны. Лишь в мае 1918 г., после долгого перерыва, они напомнили о себе выдающимся вечером, познакомившим публику с рядом новых произведений А. К. Глазунова.

ними первоклассных дирижеров характерны были обычно и собственные симфонические вечера, по временам устраиваемые оркестром Мариинской оперы (именно этот оркестр выступал также в концертах Русского Музыкального общества,¹ Зилоти, беляевских). Возникший в Петербурге в предреволюционный период частный оперный Театр музыкальной драмы также устраивал симфонические концерты своего оркестра. Организовавшийся в начале 1900-х годов студенческий симфонический оркестр (при Петербургском университете, под руководством студента университета, ученика Римского-Корсакова П. А. Сасс-Тисовского) носил, конечно, любительский характер. Его концертные выступления тем не менее вызывали живой интерес. «...публика была в восторге — так обаятельна сама по себе молодость и ее увлечения», — писала «Русская музыкальная газета» в 1912 г. по поводу очередного студенческого симфонического концерта. В годы первой мировой войны заметное место в музыкальной жизни столицы заняли публичные концерты составленных из мобилизованных в армию музыкантов симфонических оркестров некоторых гвардейских полков, в особенности Преображенского.

Серьезную роль в пропаганде симфонической музыки играли летние концертные эстрады — в Павловске, Сестрорецком курорте, в меньшей степени — концерты в Петергофе.

Павловский вокзал в 1912 г. отпраздновал 75-летие своих концертов. К этому времени было дано (с основания) около $10\frac{1}{2}$ тыс. концертов, из них около 600 симфонических. Процесс превращения павловских концертов из чисто развлекательных, типично садовых и бальных в солидное музыкально-художественное учреждение, начавшийся задолго до описываемого периода, заметным образом усилился в XX в. Симфонические концерты давались регулярно два раза в неделю; один из этих концертов посвящался русской симфонической музыке. Чем дальше, тем чаще Павловский вокзал брал на себя задачу первого в столице исполнения новых произведений, в частности сочинений молодых, даже начинающих авторов. Последние дореволюционные павловские сезоны знакомили петербуржцев не только с произведениями Глиэра, Штейнберга, Мясковского, Прокофьева, но и В. В. Щербачева (в 1914 г. окончившего Петербургскую консерваторию), Б. В. Асафьева и др. Конечно, господствующее место в павловских симфонических вечерах занимала классика.

До 1903 г. павловскими концертами управлял (в течение 12 сезонов) дирижер и скрипач, профессор Петербургской консерватории Н. В. Галкин. В 1904 г. в Павловске играл Пражский филармонический оркестр под управлением известного чешского композитора и исполнителя-альтиста (члена часто навещавшего Петербург знаменитого чешского струнного квартета) Оскара Недбала. Этот сезон, естественно, ознаменовался широкой пропагандой музыки чешских композиторов —

¹ Кроме нескольких лет (с 1909 до 1914 г.), когда Русское Музыкальное общество имело собственный оркестр, главным образом из молодых музыкантов, питомцев консерватории.

Сметаны, Дворжака, Иосифа Сука, Недбала, Фибиха и др. В предреволюционные годы во главе павловских концертов стояли дирижеры А. П. Асланов, Э. А. Кулер; во время мировой войны рядом с Аслановым выступал известный польский дирижер и композитор Г. Фительберг.¹ Глазунов, московские композиторы Ипполитов-Иванов, Колюс и ряд других видных музыкантов, русских и иностранных, появлялись за дирижерским пультом в Павловске.

История сестрорецких концертов теснейшим образом связана с именем замечательного русского дирижера, главного капельмейстера московского Большого театра Вячеслава Сука. В. И. Сук руководил сестрорецкими концертами с 1905 г. и до первой мировой войны. Симфонические программы в Сестрорецке давались реже, чем в Павловске (там 25—30 симфонических вечеров в сезон, здесь, в Сестрорецке, около 10). Репертуар основывался почти исключительно на классике.

Наряду с симфоническими неизменно устраивались в Петербурге камерные концерты, число которых, как и симфонических, очень возрастает в начале XX в.

Русское Музыкальное общество с самого начала своего существования регулярно устраивало квартетные собрания. Между 1860 и 1895 гг. их состоялось около 300. Следующее десятилетие принесло еще около 100 камерных вечеров Русского Музыкального общества. Во главе квартета Русского Музыкального общества в 90-х и первой половине 1900-х годов попрежнему находился знаменитый петербургский скрипач Л. С. Ауэр. Виолончелистом квартета был крупнейший художник А. В. Вержбилович. Фортепианную партию в камерных ансамблях чаще других играла замечательная представительница русской пианистической школы, воспитанница и профессор Петербургской консерватории Анна Есипова. Ауэр, Вержбилович и Есипова составляли также петербургское трио, о котором «Русская музыкальная газета» в 1903 г. писала: «Петербургцы могут гордиться своим „трио“, хотя и не значащимся в списках музыкальных учреждений и ансамблей. С каждым концертом ансамбль их достигает все большей художественной стройности и совершенства».²

Позднее на камерных вечерах Русского Музыкального общества выступал другой квартетный ансамбль — так называемый Мекленбургский квартет (назван по имени учредителя и первого «покровителя» герцога Г. Мекленбург-Стрелицкого). Этот квартет, имевший не только всероссийскую, но и всеевропейскую славу (за рубежом его называли петербургским), возник в 1896 г., а публично стал выступать с 1898 г. После прекращения деятельности ауэровского квартета Мекленбургский квартет, несомненно, был лучшим в Петербурге.

«Русские квартетные вечера», учрежденные в 1891 г. М. П. Беляевым в дополнение к «Русским симфоническим концертам», продолжались более или менее регулярно в течение четверти века. Обычным исполнителем на этих вечерах, начи-

¹ Он же руководил упомянутыми раньше концертами оркестра Театра музыкальной драмы.

² Русская музыкальная газета, 1903, № 46, стлб. 1129.

Квартет Л. С. Ауэра. Фотография конца XIX в.

ная со второй половины 90-х годов и до первой мировой войны, являлся квартет В. Г. Вальтера, концертмейстера Марининской оперы. Программы беляевских вечеров, по самому назначению концертов, включали только русских авторов и притом часто — никогда еще не исполнявшиеся произведения.

С сезона 1906/1907 г. в число петербургских учреждений, культивировавших камерную музыку, включился Зилоти; из года в год он стал давать от трех до шести (иногда и больше) камерных концертов, являясь и одним из наиболее частых исполнителей; у Зилоти много выступали также Рахманинов, Скрябин (со своими сочинениями), скрипач Изай и виолончелист Казальс; вокальные произведения исполнялись Забелой-Врубель, Фелией Литвин.

В пропаганде камерной музыки в Петербурге принимал участие ряд музыкальных обществ (помимо полуофициального Русского Музыкального общества). Петербургское общество камерной музыки, возникшее в 70-х годах, не прекращало своей работы в описываемый период. В 1915 г. здесь отмечалось 25-летие постоянного участия в вечерах общества квартета Вальтера. Характерно, что Петербургское общество камерной музыки на свои обычные (не «экстренные») концерты не допускало женщин, которые, согласно уставу общества, не могли состоять его членами. В последнем отношении от Общества камерной музыки выгодно отличалось Общество любителей камерной музыки, одинаково допускавшее в свой состав мужчин и женщин. Общество любителей возникло в 1891 г. Оно преследовало цели «предоставления любителям камерной музыки возможности совместного исполнения» и «содействия распространению камерной музыки». Члены подразделялись на исполнителей и слушателей. В репертуаре решительно преобладала классика.

Интересным начинанием явилось созданное в 1909 г. Общество друзей музыки, руководимое такими видными музыкальными деятелями столицы, как Н. Ф. Финдейзен (основатель и редактор «Русской музыкальной газеты»), М. А. Гольдблум, Г. И. Варлих, А. И. Зилоти. Общество устраивало камерные концерты обычного типа, «камерные симфонические концерты», оперные спектакли. Участвовали хор и оркестр общества, квартет В. А. Заветновского (солиста Приворного оркестра),¹ молодые артисты, ученики петербургских преподавателей пения. Исполнялись сочинения старых мастеров и современных авторов (в частности петербургских), причем многое игралось в первый раз, иногда по рукописи. В исполнении участвовали и сами авторы (Акименко, Черепнин, Леонид Николаев и др.). Из современных иностранных композиторов большое место всегда уделялось полякам (Шимановскому, Ружицкому, Карловичу, Фительбергу). Имеются указания, что с Обществом друзей музыки поддерживали связи отдельные рабочие клубы столицы. Общество участвовало в разработке программ клубных концертов, направляло в клубы музыкантов-исполнителей.

В начале 1912 г. открыло свою концертную деятельность возникшее тогда в Петербурге новое Общество вокальной музыки. На музыкальных собраниях общества (их устраивалось до 10 в сезон) исполнялись старые, главным образом малоизвестные или вовсе неизвестные, и новые произведения для голоса соло и для вокальных ансамблей. Особенностью концертов Общества вокальной музыки было то, что имена исполнителей не объявлялись в программах, — как объясняло общество, — «для большего отвлечения одного из основных принципов деятельности общества, а именно — перенесения центра тяжести с исполнителя на автора, с исполнения на самое произведение».

¹ Впоследствии В. А. Заветновский два десятка лет был концертмейстером Ленинградской филармонии.

И инструментальная, и вокальная камерная музыка исполнялась на «Вечерах современной музыки», существовавших с 1901 г. Основной задачей «Вечеров», как это видно уже из их наименования, являлось исполнение современных авторов, ознакомление с последними новинками. Руководители «Вечеров» тяготели достаточно определенно к модернистскому направлению. Западные и русские модернисты различных оттенков преобладали в концертных программах «Вечеров». «С одной стороны, прослушанное как будто и ново, а с другой не оставляет впечатления — такими словами можно резюмировать настроение публики после концерта», — писал петербургский музыкальный журнал после одного из «Вечеров» в 1907 г. Журнал выражал пожелание: «Хотелось бы только, чтобы вечера современной музыки были в то же время вечерами современной музыки». Конечно, в программы «Вечеров» не могли не попадать и сочинения авторов, не причастных к модернизму и декадентству, как Рахманинов, Глазунов и др. Исполнялись иногда неизвестные произведения умерших классиков — Бородин (к 25-летию со дня его смерти в 1912 г.), Мусоргского (в марте 1909 г. на одном из «Вечеров» состоялось первое в Петербурге публичное исполнение изданной лишь в 1908 г. «Женитьбы» Мусоргского,¹ в 1911 г. «Вечера современной музыки» совместно с Литературным фондом в первый раз дали в открытом концерте отрывки из его же оперы «Сорочинская ярмарка»). В целом, однако, «Вечера современной музыки» являлись одним из главных очагов предреволюционного русского модернизма.

Во время первой мировой войны со специальной целью знакомить публику с современной (исключительно русской) музыкой устраивались концерты нового большого журнала «Музыкальный современник», выходившего в Петербурге с 1915 г. Произведения Метнера, Гнесина, Мясковского, Прокофьева, Штейнберга, Анатолия Александрова, А. Крейна, Катуара, Глиэра и других московских и петербургских авторов стояли в программах концертов «Музыкального современника».

Очагами хоровой культуры в Петербурге являлись Певческая капелла (придворная), хор Архангельского, о которых уже говорилось в предыдущем томе. Музыкальными руководителями капеллы после Балакирева и Римского-Корсакова, оставивших ее в 1894—1895 гг., были последовательно Аренский, С. Смоленский, Н. Клеповский, наконец, профессор консерватории и композитор (автор оперы «Жорделия») Н. Соловьев. Одним из помощников дирижера капеллы был в дореволюционные годы М. Г. Климов (ученик Римского-Корсакова и Черепнина по Петербургской консерватории и сам преподаватель последней), впоследствии, после Октября, поставленный во главе коренным образом преобразованной капеллы и сыгравший в ее жизни видную роль. Публичные выступления Певческой капеллы до самой революции оставались довольно редкими. Несмотря на очень высокую

¹ «Женитьба» не была оркестрована автором и шла тогда под рояль.

технику исполнения, Певческую капеллу предреволюционных лет упрекали иногда в недостаточно выраженном индивидуальном стиле, в известной «скованности». Хор капеллы (исключительно мужской) состоял из 126 певчих, из них взрослых было 36, малолетних 90.¹ Смешанный (мужской и женский) хор А. А. Архангельского насчитывал 90 чел.

В 1890-х годах И. А. Мельников организовал в Петербурге бесплатный хоровой класс и на его основе хор любителей, руководимый Ф. Беккером, а после смерти последнего — Н. Сафоновым. Концерты хора Мельникова пользовались в 90-х и начале 900-х годов серьезным успехом. С хором Мельникова был связан композитор Гречанинов, писавший специально для него музыку. В 1900—1910-х годах выделяется деятельность энергичного организатора в области хорового пения В. В. Певцовой. Певцова еще перед 1905 г. создала профессиональный хор, на протяжении многих лет дававший с успехом концерты с программами из светских и духовных пьес, из русских народных песен. В 1911 г. В. Певцова организовала «Петербургский народный хор». Начало ему было положено за Невской заставой, где 1 октября 1911 г. состоялся первый концерт хора в 180 чел., состоявшего из заводских рабочих.² В 1912 г., вслед за Невским, были открыты Выборгское и Нарвское отделения. Во всех отделениях еженедельно велись занятия по музыке; Певцова открыла также «народное отделение» при своих музыкально-драматических курсах в центральной части города.

Нельзя в обзоре концертной жизни Петербурга пройти мимо выступлений исполнителей на русских народных инструментах. В очерке музыкальной жизни второй половины XIX в. было отмечено начало деятельности В. В. Андреева в 1880-х годах. В течение 90-х годов из первоначального маленького андреевского кружка любителей игры на балалайках возник Великорусский оркестр, в который Андреев, кроме балалаек, ввел домры, гусли, свирели, накры, бубны. Почин Андреева постепенно привлекает широкое внимание и интерес. Прошло 10 лет с момента первого публичного выступления андреевского кружка (1888 г.), и в одном Петербурге, как отмечал потом А. В. Оссовский, насчитывалось уже около 20 тыс. лиц, играющих на балалайке и домре.³ Концерты оркестра Андреева, регулярно дававшиеся им с конца 90-х годов, проходят неизменно с огромным успехом. «Артист, наделенный подлинным художественным темпераментом, — писал тот же Оссовский (в 1906 г.), — дирижер с прекрасным взмахом, он сплотил свой оркестр в одну живую и восприимчивую душу, которая необыкновенно чутко

¹ См. о капелле изданную к ее 225-летию работу В. Музалевского «Старейший русский хор» (Л.—М., 1938).

² Еще гораздо раньше, в 1901 г., известная собирательница и пропагандистка народной песни и ревительница народного музыкального просвещения Е. Э. Линева организовала хор рабочих в том же районе (Е. Капи-Новикова. Евгения Линева. М., 1952, стр. 145).

³ В. В. Андреев и его «Великорусский оркестр». Очерк В. К. СПб., 1909. Приложение. Отзвны прессы.

отзывается на все замыслы своего руководителя — сама увлекается и увлекает других». Вокруг Андреева собралась группа энтузиастов народного искусства, усердно помогавших ему в работе (В. Т. Насонов, Н. П. Фомин, Н. И. Привалов, Ф. А. Ниман, блестящий виртуоз на балалайке солист оркестра Б. С. Трояновский). Сочувственно следили за деятельностью Андреева Глазунов, написавший для оркестра народных инструментов «Русскую фантазию», Римский-Корсаков, который ввел хор домр и балалаек в одну из сцен своей оперы «Сказание о невидимом граде Китеже», А. М. Горький, Шалишин (близкий друг В. В. Андреева).

Андреев добился введения систематического обучения игре на народных инструментах для солдат гвардейских частей Петербургского военного округа; сам он занял место заведующего штатом преподавателей народной музыки в войсках гвардии. Великорусский оркестр Андреева предпринимал гастрольные поездки по России и зарубежным странам; выступления в городах Европы и Америки сопровождалось исключительным успехом.

По примеру Великорусского оркестра Андреева в Петербурге стали возникать аналогичные коллективы. Наибольшего внимания заслуживает деятельность одного из сподвижников Андреева, инженера и археолога, знатока русской песни Н. И. Привалова. Он создал свой оркестр из любителей, многократно дававший в столице публичные концерты. Привалов открыл в 1902 г. бесплатные музыкальные классы игры на народных инструментах при Народном доме; они были потом переведены им на Стекланный завод, причем курс был расширен введением обучения пению, начальной теории и истории музыки, игре на роале. Ансамбли учащихся (великорусский оркестр, певческий хор, хоры гуслей и рожечников) давали народные концерты, выступали в спектаклях. Привалов писал своеобразные оперы, в которых обычный оперный оркестр заменял оркестром народных инструментов. В Народном доме шли его «оперные сцены из народной жизни XVI столетия» — «На Волге», разработанные «по народным мотивам», с сопровождением большого великорусского оркестра.

Распространение игры на народных инструментах, организация соответствующих коллективов (профессиональных и самодеятельных), создание специального репертуара для них получили огромный размах после революции, в советские годы. Деятельность самого В. В. Андреева оборвалась в самом начале новой эпохи: выступая со своим оркестром на фронтах гражданской войны, он заболел и по возвращении в Петроград умер, в декабре 1918 г.¹

* * *

Оперный театр, как и в предыдущую эпоху, был представлен в Петербурге прежде всего Марининской сценой.

С середины 1890-х годов и до 1917 г. в Марининском театре шло в общей сложности около ста опер, примерно поровну русских и иностранных. По отдельным

¹ В 1912—1918 гг. В. В. Андреев жил в доме № 64 по набережной Мойки.

годам соотношение исполняемых произведений было для русских опер явно неблагоприятным; в редкие сезоны число шедших на сцене русских опер было равно числу иностранных или превышало его; обычно, наоборот, западных опер шло больше, иногда намного больше; например, в сезон 1897/98 г. в репертуаре было из 28 опер 19 иностранных, в сезон 1912/13 г. из 32 опер было иностранных 20. Жалобы на пренебрежительное отношение дирекции императорских театров к творчеству русских композиторов никогда не умолкали в печати. Да и в целом репертуар Мариинского театра постоянно вызывал нарекания за отсутствие системы, руководящей идеи, художественной планомерности.

За два с лишним десятилетия в Мариинском театре было осуществлено несколько более 60 новых постановок, включая капитальные возобновления.

Из русских авторов по числу вновь поставленных опер на первом месте стоял Н. А. Римский-Корсаков; между 1895 и 1917 гг. Мариинский театр помимо возобновлений поставил восемь опер Римского-Корсакова: «Ночь перед рождеством», «Садко», «Царская невеста», «Сервилия», «Моцарт и Сальери», «Сказание о невидимом граде Китеже», «Сказка о царе Салтане» и, кроме того, пролог к «Псковитянке» («Боярыня Вера Шелого»). Из ранее поставленных шли оперы «Майская ночь», «Снегурочка» и возобновленная в 1903 г. после очень длительного перерыва «Псковитянка». Но, как уже отмечалось, постановки корсаковских опер недопустимо запаздывали. Вместе с тем эти оперы то включались, то исключались из текущего репертуара; как правило, годовой репертуар включал не больше двух опер Римского-Корсакова.

Из опер Чайковского за описываемый период шли «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Иоланта», «Мазепа», «Черевички», «Орлеанская дева», «Опричник». К постоянному репертуару театра принадлежали только первые две; остальные то появлялись, то исчезали из репертуара («Черевички» были поставлены Мариинской сценой в декабре 1906 г. впервые). Однако «Онегин» и «Пиковая дама» занимали во всем оперном репертуаре первые места по годовому числу представлений. «Онегин» давался в среднем в год 12 раз; по отдельным сезонам число спектаклей достигало 16—18; «Пиковая дама» шла около 9 раз в среднем, в отдельные сезоны — до 14—15 раз.

«Иван Сусанин» Глинки всегда сохранялся в репертуаре; общая цифра спектаклей, со времени первой постановки (1836), достигла к концу предреволюционной эпохи 800; средняя цифра спектаклей за год колебалась теперь около 8. «Руслан» Глинки шел почти ежегодно (в начале 900-х годов был длительнейший перерыв) при сравнительно небольшой средней цифре спектаклей — около 5.¹

Опера Рубинштейна «Демон», опера Направника «Дубровский» принадлежали к постоянному репертуару Мариинской сцены. «Дубровский» давался в сред-

¹ В декабре 1904 г. состоялась — в связи со столетием со дня рождения М. И. Глинки — новая постановка «Руслана и Людмила», с восполнением прежних купюр (тогда впервые исполнил Фарлафа Шалапин); в августе 1908 г. дан в новой постановке «Иван Сусанин».

А. Я. Головин. Портрет Шалапина в роли Бориса Годунова. 1912 г.
Государственный Русский музей.

нем около 6 раз в сезон, «Демон» — около 5 (в начале периода число представлений и той и другой оперы было заметно выше — до 10 и 12 спектаклей в сезон, но постепенно число это падало). «Князь Игорь» Бородина, обычно, за некоторыми исключениями, стоявший в годовом репертуаре, ставился, однако, далеко не часто, достигнув только однажды, в сезон 1909/10 г., в связи с новой постановкой, 17 представлений; средняя за весь период цифра составляла четыре спектакля в год.

Время от времени возобновлялись оперы Серова, чаще других — «Юдифь».

Начало XX в. ознаменовано было все возрастающим интересом к творчеству Мусоргского. С этим вынужденной оказалась считаться и дирекция театров в Петербурге. К тому же на нее оказывал давление в пользу Мусоргского великий певец и артист Шаляпин. Таким образом, в 1904 г. был поставлен десятки лет не шедший в Мариинском театре «Борис Годунов», окончательно упрочившийся в репертуаре после следующей постановки — в 1911 г. В том же 1911 г. наконец появилась впервые на Мариинской сцене (через тридцать лет после смерти гениального автора) «Хованщина» Мусоргского (за четыре года до этого «Хованщина» была дана в консерватории частной антрепризой Дракули).

Из опер Даргомыжского в репертуаре театра фигурировала, но не ежегодно, «Русалка». ¹ Музыкальная пресса долгие годы безуспешно настаивала на постановке «Каменного гостя» Даргомыжского. Лишь в самый канун революции эти настояния увенчались успехом — «Каменный гость» был поставлен в конце января 1917 г.

Эпизодически в репертуаре появлялись некоторые из опер Кюи (возобновлена к юбилею композитора в сезон 1909/10 г. опера «Анджело», вновь поставлены «Сарацин», «Капитанская дочка», «Сын мандарина»), оперы Рубинштейна «Фераморс» и «Нерон», опера Рахманинова «Алеко» (в Мариинском театре дана впервые лишь в 1914 г.), оперы Ареского «Рафаэль» и «Наль и Дамайянти», опера Направника «Франческа да Римини», Имполитова-Иванова «Измена» и т. д. В самом начале и в конце периода шла «Орестея» С. Танеева.

Иностранный репертуар Мариинской сцены унаследовал от предшествующей эпохи ряд опер, которые продолжали ставиться в театре и теперь. Часть из них принадлежала к постоянному репертуару Мариинского театра, например три оперы Верди («Аида», «Травиата» и «Риголетто»), некоторые оперы Россини («Севильский цирюльник»), Бизе («Кармен»), Гуно («Фауст», «Ромео и Джульетта»), Мейербера («Гугеноты»), Вагнера («Лоэнгрин», «Тангейзер»). Наиболее характерным для описываемой эпохи фактом — в том, что касается иностранной части оперного репертуара, — было широкое внедрение в театр произведений Вагнера. Между 1900 и 1905 гг. впервые на русской сцене был постепенно поставлен весь

¹ 26 января 1904 г. «Русалка» исполнялась «в первый раз по возобновлению» при участии Шаляпина (Мельник) и Собинова (Князь); это было 233-е представление со времени премьеры оперы в 1856 г.

цикл «Кольца Нибелунга», повторявшийся из года в год вплоть до начала первой мировой войны. Были поставлены «Моряк-скиталец», «Тристан и Изольда», «Нюрнбергские мастерзингеры». В последний предвоенный сезон (1913/14) в репертуаре Мариинской сцены одновременно фигурировало восемь вагнеровских опер (в то же время шло опер Чайковского две и Римского-Корсакова также две). Из западных опер, помимо вагнеровских, вновь были поставлены в изучаемый период «Орфей и Эвридика» Глюка, «Свадьба Фигаро» Моцарта, «Фиделио» Бетховена, «Волшебный стрелок» Вебера, написанные много позднее — «Самсон и Далила» Сен-Санса, «Манон» и «Вертер» Массне, «Искатели жемчуга» Бизе, «Богема» и «Ччо-Ччо-Сан» Пуччини и др. В сезон 1899/1900 г. на Мариинской сцене, в свое время уже показавшей «Проданную невесту» Сметаны, была поставлена другая опера прославленного чешского композитора — «Далибор». Не все эти оперы прочно удержались в репертуаре; не удержались, в частности, «Фиделио» и «Свадьба Фигаро». По средней годовой цифре представлений из иностранных опер впереди стояли «Валькирия» (из «Кольца Нибелунга»), «Фауст» и «Ромео», «Кармен», «Аида», «Лакмэ».

Каковы бы ни были недостатки и пороки репертуарной политики, текущий репертуар все же, конечно, открывал возможности для проявления весьма богатых данных мощного исполнительского коллектива Мариинской оперы.

Уже во второй половине XIX в. в Мариинском театре образовалась сильная труппа, сформировались замечательные оркестр и хор. Особенности русской вокальной школы достаточно ясно стали определяться еще со времен Глинки. «Он хотел натуры и простоты», — писала о требованиях Глинки к певцам русская оперная артистка, сподвижница Глинки А. Я. Петрова-Воробьева. Реализм, задушевность и искренность, глубина и естественность выражения, внутренняя осмысленность пения, соответствие музыки и слова, тесная связь с исторически сложившимися народными приемами исполнения русской песни, стремление к слиянию в оперном искусстве высокого вокального мастерства с живым драматическим воплощением характеров и образов действующих героев — эти особенности русской вокальной школы, русского музыкального театра с течением времени развивались и укреплялись, приведя, на основе огромных достижений русской музыки в создании неповторимо богатой и яркой национальной оперной драматургии, к расцвету русского оперного театра на рубеже XIX и XX вв. Правда, композиторское творчество в области оперы после смерти Римского-Корсакова вступает в полосу упадка, связанного в первую очередь с напором декадентских влияний; но несметные сокровища, накопленные в предшествующий период и в ряде случаев только теперь по-настоящему осваиваемые, продолжают вдохновлять лучшую часть исполнителей.

Музыкальным руководителем Мариинской оперы (поскольку гнетущая казенная опека над театром позволяла осуществлять систематическое руководство)

оставался и в 90-х и в 900-х годах Э. Ф. Направник,¹ хотя с годами он уже не мог почти единолично (как это было до конца XIX в.) вести всю дирижерскую работу в театре. К последнему двадцатилетию деятельности Направника относятся постановки под его управлением, помимо его собственных двух опер «Дубровский» (1895) и «Фрауческа да Римини» (1902), опер «Ночь перед Рождеством», «Садко», «Царская невеста», «Боярыня Вера Шелого», «Моцарт и Сальери» Римского-Корсакова, «Черевички» Чайковского, «Орфей» Глюка (1911 г.; одна из последних работ Э. Ф. Направника), всего вагнеровского «Кольца Нибелунга». Помощниками Направника во второй половине 90-х и в 1900-х годах были Э. А. Крушевский и богато одаренный Ф. М. Blumenfeld. «На такое явление на Марининской сцене, как Blumenfeld, следует радоваться», — писал в 1899 г. Римский-Корсаков, указывая на то, что этот дирижер в отсутствие Направника сумел хорошо провести «Снегурочку», «Дубровского», «Юдифь», «Тристана», «Ферраморса».² Под управлением Blumenfeld были поставлены позже «Сервилия» и «Сказание о невидимом граде Китеже» Римского-Корсакова, «Нерон» Рубинштейна, «Наль и Дамаянти» Аренского. В 1906—1909 гг. в числе дирижеров Марининского театра находился Н. Н. Черевяки. В 1908 г. в театр был приглашен ученик Римского-Корсакова и Черевякина Н. А. Малько, сначала балетным, потом оперным дирижером; вслед за Малько появился Д. И. Похитонов (до недавнего времени дирижировавший в театре оперы и балета им. С. М. Кирова), позднее — А. П. Асланов. В 1910 г. был приглашен Альберт Коутс, который после Направника являлся главным дирижером Марининской оперы. Первой русской оперой, которой дирижировал Коутс, была «Хованщина» Мусоргского.

Среди певцов-солистов Марининской оперы к середине 90-х годов из прежнего состава исполнителей оставались в группе Мравина и Медея Фигнер, Каменская, Славина, Фриде, Долгина, Федор Стравинский, Николай Фигнер, Яковлев, Корякин, Серебряков, Чернов, М. Васильев, Михайлов и др. В разное время покинули они сцену — Мравина в конце 90-х годов, Каменская, Яковлев — в 1906 г., Серебряков — в 1912 г.; Стравинский, которого в некоторых отношениях можно считать связующим звеном между О. А. Петровым и Шаляпиным, умер в 1902 г., еще раньше умер известный бас М. М. Корякин (в 1897 г.). Славина, вступившая на сцену в 70-х годах, продолжала петь в Марининском театре на протяжении всего описываемого периода, оставаясь до конца одним из лучших украшений труппы.³

¹ См. второй том «Очерков истории Ленинграда».

² Письма Н. А. Римского-Корсакова к Н. Ф. Финдейзену. Музыкальная новь, 1924, № 1(4), стр. 42. Б. Асафьев оценивает Blumenfelda как превосходного, восторженного музыканта (Советская музыка, 1954, № 8, стр. 51).

³ См. характеристику М. А. Славиной в книгах: Э. Старк (Зигфрид). Петербургская опера и ее мастера. 1890—1910. Л.—М., 1940, стр. 60—69; Д. И. Похитонов. Из прошлого русской оперы. Л., 1949, стр. 146—157.

В 1892 г. поступила на Марининскую сцену колоратурное сопрано М. А. Михайлова, с честью несшая большой репертуар до 1912 г. (Антонида и Людмила в операх Глинка, Джульетта в опере Гуно, Джилда в «Риголетто» Верди и др.). Через два года в театр пришла выдающаяся певица Валентина Куза (драматическое сопрано), еще спустя несколько лет на Марининскую сцену вернулась не менее выдающаяся певица Аделаида Большка. Куза находилась на сцене полтора десятка лет, Большка — более двух десятилетий. Репертуар этих двух певиц отчасти совпадал, обе создали ряд ярких и значительных образов в русском и западном репертуаре (Куза — Юдифь, Наталья в «Опричнике», Лизы в «Пиковой даме», Маши в «Дубровском», Валентины в «Гугенотах», Аиды; Большка — Татьяны, царевны Волховы в «Садко», некоторых из вагнеровских героинь).

В 1900—1901 гг. на подмостки Марининской оперы вступили М. Б. Черкасская и Н. С. Ермоленко-Южина — две особенно крупные представительницы амплу драматического сопрано в последний период дореволюционной Марининской сцены (Ермоленко, как и Большка, некоторые годы пела в московском Большом театре). Обладательница необыкновенно красивого и мощного голоса, Черкасская постепенно выросла в весьма крупную величину и как сценическая толковательница образов, как актриса. Одним из ее высших достижений в русском репертуаре был образ Февронии в корсаковском «Китеже». Черкасская пела Татьяну, Лизу, Оксану («Черевички»), Марию («Мазена»), Натану («Русалка»), Машу («Дубровский»). В постоянном персонале труппы Черкасская являлась лучшей из исполнительниц вагнеровского репертуара. Образы Леоноры («Фиделио»), Валентины («Гугеноты»), Аиды также принадлежат к ее лучшим созданиям.¹

В 1905 г. в Марининский театр из московской Большой оперы была переведена контральто Е. И. Збруева, ученица Е. А. Лавровской. Совмещая прекрасный голос² с ярким драматическим дарованием, Збруева исполняла многие годы почти весь альтовый репертуар. Она пела партию Вани в «Иване Сусанине», Ратмира в «Руслане», Марфы в «Хованщине», хозяйки корчмы в «Борисе Годунове», Кончаковны в «Князе Игоре», Леля в «Снегурочке». Збруева часто выступала и в качестве концертной певицы. Во время первой мировой войны Збруева была избрана профессором Петербургской консерватории; свою педагогическую деятельность после Октября она перенесла в Москву.

Стремление к сочетанию вокального мастерства с внимательной работой над сценическим образом отличало в значительной мере и М. Н. Кузнецову, лирическое сопрано (Оксана в «Черевичках», Купава в «Снегурочке», Маргарита и Джульетта в операх Гуно, Виолетта в «Травиате», Манон, Ччо-Ччо-Сав)³. Талантливой

¹ Э. Старк, ук. соч., стр. 50—53; Д. И. Похитонов, ук. соч., стр. 162—165.

² «Прекрасное контральто с низкими бархатными нотами и громадным диапазоном», — писала о Збруевой А. В. Нежданова (Из воспоминаний. Советская музыка, 1952, № 6, стр. 58).

³ Оценку ее работы в театре дает в своей книге Похитонов (стр. 165—169).

*И. В. Тартаков в роли Риголетто
в одноименной опере Верди. Фотография.*

певицей и артисткой была меццо-сопрано Е. Ф. Петренко, выступавшая в Мариинском театре с 1905 г., в советское время принадлежавшая к профессуре Московской консерватории.

История Мариинской сцены не может обойти Фелию Литвин, хотя она (за исключением одного сезона — 1891/92) не принадлежала к штатному составу труппы. Литвин была обладательницей феноменального по силе и редкого по красоте голоса (современники определяют его как «героическое сопрано»). В то же время у нее был выдающийся драматический талант. Русская по происхождению, уроженка Петербурга, Литвин получила музыкальное образование и начала артистическую деятельность за границей. В сезон 1890/91 г., находясь на службе в московском Большом театре, она впервые появилась на подмостках Мариинского театра в партии Юдифи.

С конца 90-х годов и до войны 1914 г. Литвин пела в Петербурге в качестве постоянной гастролерши. Лучше всего она была известна петербургской публике как исполнительница Юдифи и партий вагнеровского репертуара, в которых, по единодушным оценкам, достигла предельных художественных высот.

Не слишком часто выступая в Петербурге, оставила тем не менее важный след в музыкальной жизни северной столицы великая русская певица А. В. Нежданова, постоянной ареной деятельности которой был московский Большой театр. Имя Неждановой, большого художника, совершеннейшей вокалистки, одной из лучших представительниц русской певческой школы, внесшей огромный вклад в дело утверждения высокого реалистического искусства на оперной сцене, хорошо известно и близко советским слушателям. Петербург впервые познакомился с Неждановой в ноябре 1907 г. в одном из симфонических концертов, устраивавшихся тогда под эгидой Русского Музыкального общества фирмой Шредера. Нежданова с пер-

вого же выступления очаровала и покорила петербургскую публику.¹ В начале 1908 г. Нежданова в первый раз появилась на Марининской сцене (Виолетта, Джилльда, Лакма). После того она выступала и в том же Марининском театре (Антонида в «Иване Сусанине», Эльза в «Лоэнгрине» и т. д.) и в оперном театре Народного дома, а также в концертах (Русского Музыкального общества, Зилоти, Кусевицкого).

Едва ли не богаче и сильнее женского был мужской состав Марининской группы.

В дополнение к блестящему баритону, любимцу петербуржцев Леониду Яковлеву в течение 90-х годов появляются И. В. Тартаков (1894) и А. В. Смирнов (1896). Оба принадлежали к лучшим вокалистам Марининской оперы последних десятилетий. Особенно крупную роль в жизни петербургской оперы сыграл Тартаков, уже певший на Марининской сцене в 1882—1884 гг. и снова вернувшийся на нее через десятилетие признанным мастером оперного искусства. Владелец блестяще поставленного «бархатистого» лирического баритона, Тартаков был «певцом-художником, для которого в авторских намерениях никогда ничего не оставалось неосознанным». ² Он был вдохновенным истолкователем образов Чайковского (Онегин, Томский, Елецкий, Мазепа), Рубинштейна (Демон), Верди (Риголетто, Жорж Жермон в «Травиате», Амонасро в «Аиде»), Римского-Корсакова (Грязной в «Царской невесте»). Тартаков принадлежал к популярнейшим в Петербурге концертным певцам; он был неизменным участником бесчисленных «благотворительных» и иных вечеров. С 1909 до 1917 г. он состоял главным режис-

В. И. Касторский. Фотография 90-х годов XIX в.

¹ Вспоминая это выступление (Советская музыка, 1952, № 6, стр. 59), Нежданова ошибочно относит его к 1906 г.

² Э. С т а р к, ук. соч., стр. 107.

сером Марининской оперы. Активнейшим образом, несмотря на пожилой возраст, продолжал он свою деятельность после Октября. Тартаков погиб во время автомобильной катастрофы в январе 1923 г., когда возвращался с концерта для рабочих Александровского завода.

В один год с Тартаковым поступил в Марининский театр певец В. С. Шаронов (низкий баритон или «бас-баритон») сначала хористом, но затем выдвинувшийся в первые ряды солистов. Шаронов пел Руслана и Бориса, Игоря и Томского, Салтана и старого Хованского. Интересный артист, он особенным успехом пользовался в ролях комического характера.

К концу 90-х годов в труппе появился бас В. И. Касторский. Отличаясь голосом редкой красоты и мягкости («более певучего баса на моей памяти в Марининском театре не было», — свидетельствует Старк), Касторский совершенствовался из года в год и занял со временем в Марининской опере одно из виднейших мест по яркости и выразительности исполнения. Касторский пел Сусанина, Руслана, Мельника, Досифея («Хованщина»), Пимена («Борис Годунов»), Гремина («Евгений Онегин»), Мефистофеля, Нилаканту («Лакмэ»), Вотана и Хагена («Кольцо Нибелунга») и другие ответственнейшие партии русского и иностранного оперного репертуара. Дожив до глубокой старости, пережив Великую Отечественную войну, Касторский искал общения со слушателями до последних своих лет (он умер в 1948 г.).

Четыре известных тенора поступили на Марининскую сцену между 1895 и 1900 гг. Об одном из них — Ершове — будет речь дальше. Одновременно с Ершовым вступил в труппу Г. А. Морской (Ячницкий), через несколько лет — А. М. Лабинский, в 1900 г. — А. М. Давыдов.

А. М. Давыдов принадлежал к самым большим мастерам русской оперы конца XIX — начала XX в. Он пришел на Марининскую сцену после долголетних провинциальных скитаний, уже известный, впрочем, и петербургской публике по своим выступлениям в спектаклях частной оперы Максакова. Печать уже тогда отметила Давыдова как прекрасного певца с голосом мягким, «хватаящим за сердце», и талантливого артиста с большим вкусом и темпераментом. «Полное слияние музыкального с драматическим» отличало многие из ролей, исполненных им на Марининской сцене. В общем в репертуаре Давыдова числилось до 85 опер (не все они им пелись на Марининской сцене). Партия Германа являлась у него коронной. Его Герман был значительным шагом вперед по сравнению с Германом Фигнера, первого создателя образа, отличаясь еще большей продуманностью и цельностью, большей художественной простотой. Ленский, Дубровский, Самозванец, Хозе, Тангейзер, Зигмунд и ряд других образов русской и западной музыкальной драматургии принадлежали к его лучшим созданиям. Давыдов пользовался славой и как концертный певец; к концертной деятельности он перешел окончательно со второго десятилетия XX в., вынужденный оставить из-за начавшейся глухоты оперную сцену.

Из ряда других теноров, вступивших на дореволюционную Марининскую сцену в XX в., назовем Большакова и Пиотровского. Н. А. Большаков (ныне народный артист РСФСР) с 1906 г. был одним из самых деятельных и видных членов труппы, исполняя многие партии лирического, а частью и драматического тенорового репертуара (Ленский, Герман, Князь в «Русалке», Самозванец, молодой Хованский, Дубровский, Левко в «Майской ночи», Хозе, Фауст, Радамес и др.). Долгие годы проработав на Марининской сцене (до 1929 г.), Большаков впоследствии перешел к профессорской деятельности в Ленинградской консерватории. К. И. Пиотровский (Петраускас), пришедший в труппу Марининского театра в 1911 г., также занял видное место в ней как один из ведущих певцов-теноров (Ленский, Альмавива, Ромео, Герцог, Альфред). Впоследствии Пиотровский стал крупнейшим деятелем национальной литовской оперы (ныне — народный артист Союза ССР).

В 1909 г. в театр пришел замечательный русский певец (бас) Григорий Пиров, скоро, однако, перешедший на сцену московского Большого театра. Примерно тогда же, в 1909—1910 гг., артистами Марининской оперы стали бас Г. А. Боссэ и баритон П. З. Андреев, тесно связавшие на многие годы свое имя с Марининской сценой. Оба певца пришли в театр, имея уже известный стаж деятельности на оперной сцене (П. Андреев, в частности, был уже знаком петербуржцам по своим выступлениям в частной опере) и необычайно быстро заняли ведущие места в труппе Марининского театра. Богатый голос, хорошая певческая школа, драматический талант, художественное чутье отличали обоих артистов. Боссэ пел Сусанина, Фарлафа, Мельника, Кончака, Салтана, старика Хованского, Мефистофеля, Вотана и десятки других партий оперного репертуара; он был и прекрасным

П. З. Андреев в роли князя Игоря. Фотография.

камерным певцом, а впоследствии занял видное место среди вокальных педагогов. П. З. Андреев, недавно (1950) умерший, профессор Ленинградской консерватории и народный артист Союза ССР, спел в театре более двух тысяч спектаклей. В последние десятилетия он был лучшим на Мариинской сцене исполнителем таких партий, как Игорь, Руслан, Шахловитый («Хованщина»). С выдающимся успехом он пел Бориса Годунова, Онегина, Кочубея («Мазепа»), Демона, Амонасро («Аида»), Эскамильо («Кармен»).

С историей Мариинской оперы, как и вообще с историей оперы в Петербурге, тесно связано имя Федора Ивановича Шаляпина, гениального певца (бас) и актера. Шаляпину был 21 год и он уже выступал несколько лет на оперных сценах в провинции, когда по приглашению антрепренера Лентовского он приехал в 1894 г. на летний сезон в Петербург (театр сада «Аркадия»). Пропев затем недолго в оперном товариществе Панаевского театра, молодой Шаляпин был весной 1895 г. принят на Мариинскую сцену. Первый дебют Шаляпина в Мариинском театре состоялся 5 апреля 1895 г. в опере Гуно «Фауст» в роли Мефистофеля; случилось так, что в том же спектакле на Мариинской сцене дебютировал другой великий русский певец-художник И. В. Ершов — в партии Фауста. Вл. Стасов через несколько лет вспоминал о первых шагах Шаляпина в Мариинской опере: «... все были бесконечно удивлены и восхищены талантливостью невиданного еще никогда прежде юноши».¹ Ф. И. Шаляпин прослужил тогда на Мариинской сцене примерно полтора сезона, выступив всего 27 раз в 10 операх. Большею частью он выступал во второстепенных или не вполне подходящих ролях, и хотя несколько раз ему удалось спеть некоторые из тех партий, в которых он впоследствии особенно прославился (кроме Мефистофеля, Владимир Галицкий в «Князе Игоре» Бородина и Мельник в «Русалке» Даргомыжского), он не мог чувствовать себя удовлетворенным своим положением на императорской сцене.

Шаляпин ушел в московскую Частную оперу Мамонтова. Три года работы в последней имели исключительное значение в творческой биографии Шаляпина. Сам он впоследствии утверждал, что в «этот московский период» «нашел, наконец, свой настоящий путь в искусстве». В московской Частной опере Шаляпин спел 17 партий в русских операх и 4 в западноевропейских. Ряд этих партий Шаляпин исполнял в Петербурге во время гастролей московской Частной оперы в северной столице в начале 1898 г. и весной 1899 г. (Иван Грозный в «Псковитянке», Мельник в «Русалке», Досифей в «Хованщине», Борис Годунов, Сальери в опере Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери», тогда впервые показанной в Петербурге, и др.). Выступления Шаляпина уже в 1898 г. произвели огромное впечатление на петербургское общество. Стасов откликнулся на них нашумевшей статьей «Радость безмерная». «Великое счастье на нас с неба упало. Новый великий талант родился», — писал знаменитый критик.

¹ В. Стасов. Избранные статьи о музыке. Л. — М., 1949, стр. 304.

В дальнейшем между Стасовым и Шаляпиным установились прочные отношения, игравшие большую роль в жизни обоих деятелей русской культуры. Шаляпин, бывая в Петербурге, постоянно посещал «бесподобного старика» — летом в Старожиловке, близ Парголова, зимой на его городской квартире (угол 7-й Рождественской, ныне Советской, и Суворовского проспекта). Шаляпин встречался у Стасова с Глазуновым, Римским-Корсаковым, Лядовым, Репиным.

В 1905 г., в связи с одним из импровизированных шаляпинских концертов у Стасова, последний писал Репину: «Да, русский человек — самый, по-моему, удивительный, самый что ни есть богачей, самый роскошно-одаренный. . . Один Шаляпин чего стоит! Какие чудные, несравненные вещи западного творчества он исполняет со всею громадною своею гениальностью, но тут же рядом что он выносит на свет из нашего собственного творческого арсенала! . . . Вот я и торжеству и праздную за нашу землю и за наших людей!»¹

Стасов метко оценивал Шаляпина как «художественную натуру по преимуществу национальную» и, отмечая его великие заслуги «в создании личностей иноземных», в то же время подчеркивал, что «главное его торжество и главная его слава» в создании ряда незабываемых образов в русских операх. Вдохновляемый творчеством Глинки (образы Сусанина, Фарлафа), Мусоргского (Борис, Варлаам, Досифей), Серова (Олоферн в «Юдифи», Еремка во «Вражьей силе»), Даргомыжского, Римского-Корсакова, Бородина, Чайковского, Рубинштейна, Шаляпин сыграл неоценимую роль в поднятии интереса к русской оперной классике прежде всего в самой России, а вместе с тем и в завоевании для русской оперы почетнейшего места в мировом искусстве.

Сила Шаляпина заключалась в связи его искусства с народным музыкальным творчеством; Шаляпин сам был лучшим из всех известных певцов русской народной песни. Его сила заключалась в гармоническом сочетании замечательного голоса и блестящей вокальной школы с глубочайшей общей музыкальностью, с громадным самобытным драматическим дарованием ярко реалистического характера. Исполнение Шаляпина было проникнуто тонким художественным чутьем, редчайшей простотой и естественностью, умением с несравненной мощью и глубиной передавать психологическую правду образа. О нем Горький говорил: «. . . поет он слово, два, фразу — и слышишь: вся человеческая душа, а порой и мир».² При этом Шаляпин со временем вырос еще и в выдающегося учителя сцены, единственного в своем роде оперного режиссера.

В самом конце 90-х годов Шаляпин снова вернулся на императорскую сцену. Он стал артистом московского Большого театра, гастролировавшим (начиная уже с сезона 1899/1900) и в Мариинском театре. Дальнейшая деятельность Шаляпина протекала в равной мере в Петербурге и в Москве. Выступления Шаляпина в Ма-

¹ И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка. III. 1895—1906. М. — Л., 1950, стр. 96.

² Б. Асафьев. Шаляпин. Советская музыка, сб. IV, М. — Л., 1945, стр. 155.

ринском театре особенно участились в годы перед первой мировой войной. Шаляпинские выступления в Петербурге не ограничивались Мариинской сценой. Он систематически гастролировал в частных оперных предприятиях (опера Макасова в «Аркадии», оперные сезоны в Новом летнем театре, в «Олимпии» и пр.). Предреволюционная деятельность Шаляпина, кроме Мариинской оперы, тесно связана со сценической площадкой Большого зала Народного дома. Здесь, между прочим, столица впервые увидела Шаляпина в одной из его последних ролей — Дон-Кихота (в одноименной опере Массне, написанной именно в расчете на неповторимые артистические данные Шаляпина).¹

Шаляпин был не только великим оперным артистом, но и непревзойденным концертным певцом. Еще в 1901 г. Горький с восторгом описывал концерт Шаляпина в Нижнем, находя, что даже и Мефистофель и Галицкий Шаляпина — это не столь важно по сравнению с его концертом.² «...никогда ничего подобного я не испытывал», — сообщал Горький. Каждое концертное выступление Шаляпина, идеального камерного певца, превращалось в подлинный музыкальный праздник.

Шаляпин был другом Горького. Горький оказывал на протяжении десятилетия благотворное влияние на Шаляпина, которого он ценил безмерно высоко, которому он однажды писал: «Ты в русском искусстве музыки первый, как в искусстве слова первый — Толстой».³ Горького называли «общественной совестью» Шаляпина.⁴

Выходец из низов, Шаляпин одно время примыкал к радикально-демократическим кругам интеллигенции. Его наибольшая близость к демократии относится ко времени первой русской революции. В 1915 г., когда Шаляпин давал первый свой бесплатный спектакль для рабочих в Народном доме, передовые рабочие ряда петроградских заводов в своем обращении к нему писали: «Вышедший из глубины демократии, ею рожденный, в силу гениальной одаренности занявший одно из первых мест среди русских художников, вы были для нас символом растущих в глубинах демократии творческих сил. И было время, когда вы были верны ее стремлениям, так ярко выразившимся в памятные годы русской революции». Теперь эта пора оказывалась уже позади, о чем и писали рабочие Шаляпину.

Не сомневаясь в том, что Шаляпину обеспечен «горячий прием чуткой рабочей аудитории», авторы обращения предупреждали, что лучшей части передового петроградского пролетариата не будет в Народном доме, потому что артист, по их словам, ушел из рядов демократии к тем, кто за деньги покупает его талант, ушел к «далеким по духу» людям. По свидетельству Горького, Шаляпин, читая письмо

¹ Другой новый шаляпинский образ — Филипп II в опере Верди «Дон-Карлос», — также был показан впервые в Народном доме, в апреле 1917 г.

² Н. П и к с а и о в. М. Горький и музыка. Л.—М., 1950, стр. 26.

³ Перепица А. М. Горького с Ф. И. Шаляпиным. Горьковские чтения 1949—1952, М., 1954, стр. 34.

⁴ Заслуживает внимания работа Г. Хубова «Горький и Шаляпин» в «Советской музыке», 1952, №№ 4 и 5.

рабочих, плакал.¹ Однако это серьезное напоминание рабочих столицы о гражданском долге певца перед демократией, перед пролетариатом не уберегло его от ложных шагов. Правда, в течение первых лет после Октября он активно участвовал в строительстве советской музыкальной и театральной культуры в Петрограде (он, между прочим, стоял тогда во главе Художественного совета Мариинского театра). Но затем Шляпин покинул Советскую Россию и хотя тосковал по родине, однако остался на чужбине и даже временами враждебно высказывался о стране социализма.

В 1938 г. Шляпин умер в Париже. Несмотря на его крупные политические ошибки и прямое отступничество, единственный беспристрастный ценитель таланта — народ высоко ценит его вклад в развитие музыкальной культуры и любовно бережет его наследие.

В числе крупнейших представителей периода расцвета русской вокальной школы рядом с Шляпиным стоит Леонид Собинов (лирический тенор). Воспитанник Московского университета и Московского филармонического училища, Собинов вступил на сцену московского Большого театра в 1897 г. Он быстро завоевал любовь московского, потом петербургского общества, приобрел популярность всероссийскую, а со времени своих западноевропейских гастролей (начавшихся в 1904 г.) он подобно Шляпину стал пользоваться всемирной славой. Своим успехом Собинов был обязан дивному, обаятельнейшему, «душевному голосу» (по определению Качалова), искренности, лирической теплоте и взволнованности своего исполнения, глубокому постижению внутренней правды музыкально-сценического образа, оригинальности трактовки, новизна и свежесть которой притом не противоречили замыслам авторов, а, напротив, наи-

Л. В. Собинов в роли Ленского в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин».

¹ М. Яковский. Шляпин и русская оперная культура. Л.—М., 1947, стр. 163.

лучшим образом помогали их самому полному раскрытию. Свообразной особенностью Собинова, в которой критика с первых его шагов видела одну из важнейших причин его неотразимого действия на массу, было то «ощущение молодости», которое испытывали слушатели и зрители его концертов и спектаклей (как и Шаляпина, Собинов был не только великим оперным певцом-актером, но и несравненным мастером романса, песни). «В его пении чувствуется дыхание молодой весны», — писал русский театрально-художественный журнал в 1902 г.

В феврале 1901 г. Собинов впервые появился на оперных подмостках в Петербурге — в спектаклях частной антрепризы Любимова в Большом зале консерватории. После выступлений в операх «Травиата», «Демон», «Фауст» Собинов в марте 1901 г. исполнил впервые в Петербурге партию Ленского в опере Чайковского «Евгений Онегин». Собинов пел уже Ленского в Большом театре с 1898 г., но теперь, в Петербурге, он снова переосмыслил образ. Как указывает один из его биографов, он «показал другого Ленского, создав эпохальное явление, нетленное сокровище русской оперной культуры».¹ Ленский навсегда остался лучшим достижением Собинова. В петербургском театре собиновский Ленский вытеснил Ленского Фигнера. «Вот, наконец, Ленский Пушкина, а не Фигнера», — заявляла петербургская критика.

Вслед за Ленским на первое место среди собиновских образов можно поставить Лозингина, в котором русский певец отодвинул на второй план «военный пыл», а на первый выдвинул внутреннюю духовную силу, гуманистическое начало.² На петербургских сценах (Мариинской, Народного дома и др.) Собинов также исполнил князя в «Русалке», Дубровского, Левко в «Майской ночи», Ромео, Вертера, Ионтека в «Гальке» (опере польского композитора Монюшко) и т. д. Большим художественным событием явилось появление Л. В. Собинова в «Орфее» Глюка (1911).³

Собинов был артистом-общественником, патриотом, глубоко сочувствовавшим освободительному движению. После Октября он деятельно боролся за расцвет социалистического искусства.

Связь Собинова с Ленинградом не прерывалась до последних лет жизни гениального русского артиста (Собинов умер в 1934 г.).

В 1917 г. безвременно оборвалась жизнь замечательного русского музыкального деятеля, крупнейшего представителя русского и мирового музыкального театра Алчевского. Многие страницы творческой биографии И. А. Алчевского

¹ М. Львов, Леонид Витальевич Собинов. Советская музыка, сб. IV, М.—Л., 1945, стр. 169.

² Леонид Витальевич Собинов. Юбилейный сборник под ред. Вл. И. Немировича-Данченко. М., б. г., стр. 13—14; Д. И. Похитонов, ук. соч., стр. 194.

³ Кроме Орфея, Собинов в Петербурге впервые исполнил еще четыре партии своего оперного репертуара: Вильгельма Мейстера («Миньон» Тома, 1903), Лионеля («Марта» Флотова, 1904), Вертера («Вертер» Массне, 1904), Каварадосси («Флория Тоска» Пуччини, 1914). См.: М. Львов, Л. В. Собинов. М.—Л., 1951, стр. 102—103.

связаны с Петербургом. В конце 90-х годов он приехал из родной Украины в северную столицу. Его богатейший голос (драматический тенор) сразу обратил на себя внимание, и режиссер-педагог Палечек определил Алчевского как «Рубинштейна в пени». Четыре сезона (1901—1905) пропел молодой Алчевский в Мариинском театре; он с большим успехом исполнял партии Собинина («Иван Сусанин») и Садко, Фауста, Ромео, Рауля («Гугеноты»), Лоэнгрина; ему посчастливилось участвовать в возобновлении «Псковитянки» (Михайло Туча) и «Бориса Годунова» (Шуйский). Но крайне требовательный к себе, Алчевский не был удовлетворен тогдашними своими достижениями. Он оставил Мариинский театр и поехал доучиваться. Вскоре начались триумфальные выступления Алчевского на западно-европейских оперных сценах. В 1910—1912 гг., когда Алчевский работал на сцене московского Большого театра, он наезжал в Петербург и пел в Мариинском театре. Наконец,

И. А. Алчевский. Фотография начала XX в.

в годы первой мировой войны Алчевский снова вернулся в Петроград — в наивысшем расцвете своих сил. Те, кто слышали Алчевского прежде, говорили теперь о его певческом перерождении. Однако не только как вокалист в тесном смысле слова, но и как артист-художник Алчевский достиг в это время предельных высот. Выступая в драматических и героических ролях Германа, Рауля, Радамеса, Иоанна Лейденского, Хозе и других, Алчевский захватывал и потрясал слушателей (Мариинского театра и оперы Народного дома) своим громадным темпераментом, искренностью и эмоциональным подъемом, исключительной художественной законченностью исполнения, совершенством вокальной техники. Особенно большое значение в развитии русской оперной культуры имело появление Алчевского в «Пиковой даме». Его Герман явился, после Фигнера и Давыдова, еще одним шагом вперед в раскрытии трагического музыкально-драматического образа, созданного Чайковским.

Алчевский радовал любителей музыки своими концертными выступлениями. Об Алчевском как камерном певце известный музыкальный критик Кашкин пи-

сал: «Такого соединения богатства средств, законченного мастерства в умении владеть ими, а главное — внутреннего проникновения в содержание исполняемого в другой раз не встретишь».¹ Большое внимание привлекли в Петрограде военных лет выступления Алчевского с вокальными пьесами М. Ф. Гнесина. Накануне революции, незадолго до своей смерти, Алчевский с выдающимся успехом выступил в роли Дон-Жуана в «Каменном госте» Даргомыжского, поставленном тогда Мариинской оперой впервые после 70-х годов. После смерти Алчевского музыкальный мир единодушно скорбел о невознаградимой потере одного из самых ярких и привлекательных, самых вдохновенных певцов-поэтов.

Остается сказать еще об одном прославленном мастере оперного искусства, чье имя с историей Мариинского театра связано нерасторжимыми нитями, — Иване Васильевиче Ершове, этом, по выражению одного из музыкантов-современников, «Шляпине среди теноров». Выходец из народа, воспитанник Петербургской консерватории конца 80-х—начала 90-х годов, в свое время поддержанный Антоном Рубинштейном, Ершов поступил на Мариинскую сцену в 1895 г. и проработал на ней около трех с половиной десятилетий. Обладатель выдающегося, могучего голоса (героический тенор), артист исключительной музыкальности и культуры, Ершов был также замечательным актером, огненно темпераментным, глубоко вживавшимся в каждый передаваемый образ. Режиссер Шкафер, работавший с Ершовым в Мариинском театре, свидетельствовал: «Ершов — огромная сила оперного искусства, это мощный вулкан артистизма, откуда создается на сцене художественный подъем и творчество».² За десятилетия своей славной деятельности Ершов овладел огромным и весьма разносторонним репертуаром, хотя наиболее близкой и родной всегда оставалась для него область героики, героической патетики и трагедии.

Ершов пел в операх Глинки и Серова, Даргомыжского и Бородина, Чайковского и Рубинштейна, Мусоргского, Танеева, Кюи, Направника. Он был лучшим исполнителем роли Финна в «Руслане», лучшим Голицыным в «Хованщине». В русском репертуаре теснее всего Ершов был связан с Римским-Корсаковым (Вакула в «Ночи перед Рождеством», Садко, Валерий в «Сервилии», Михайло Туча в «Псковитянке», Берендей в «Снегурочке», Гришка Кутерьма в «Китеже», Гвидон в «Сказке о царе Салтане», впоследствии и Кащей). Садко, Туча, Берендей и в особенности Гришка Кутерьма принадлежали к высшим его шедеврам. Режиссер, впервые ставивший в Мариинском театре «Сказание о невидимом граде Китеже», сообщает о восторге и удивлении, какие вызывал Ершов у Римского-Корсакова своим гениальным исполнением партии Гришки Кутерьмы. В развитии русского реалистического оперного стиля этот ершовский образ оставил глубокий след.

¹ Б. Яголим. Вдохновенный мастер. Советская музыка, 1949, № 10, стр. 96.

² В. П. Шкафер. Сорок лет на сцене русской оперы. Л., 1936, стр. 205.

Богат и разнообразен был также западный репертуар Ершова: Бетховен (превосходное исполнение Флорестана в «Фиделлио»), Вебер, Обер (Мазанелло в «Фенелле»), Мейербер, Гуно, Бизе (один из лучших Хозе в «Кармен»), Сен-Санс (выдающийся Самсон), Верди (лучший в России вердиевский Отелло). Ершов исполнял заглавную партию в опере чешского композитора Сметаны «Далибор». Наибольшую славу в западном репертуаре Ершов стяжал себе в качестве исполнителя вагнеровского репертуара, исполнителя, не превзойденного не только в России, но и в самой Германии и на всем Западе, притом же глубоко самобытного, претворявшего, переосмысливавшего вагнеровские образы под углом зрения прогрессивных, гуманистических идеалов (Тангейзер, Лоэнгрин, Тристан; в «Кольце Нибелунга» Логе, Зигмунд и Зигфрид — наряду с Гришкой Кутермой лучшая роль великого русского певца-художника).

И. В. Ершов сыграл крупнейшую роль в русской музыкальной культуре также как учитель подрастающих поколений певцов и певиц, долголетний профессор Ленинградской консерватории, создатель и руководитель ее оперной студии. Неумоимо, на протяжении десятилетий, участвуя в строительстве советской музыкальной культуры, Ершов дожил до Великой Отечественной войны; он умер народным артистом Союза ССР в 1943 г.¹

Сделанный выше далеко не полный обзор артистического состава Мариинской оперы конца XIX и первых 16 лет XX в. показывает, какими богатыми силами располагала Мариинская сцена того времени. Несомненно, что деятельность театра имела не только общероссийское, но и всемирное значение. Тем не менее она не могла полностью удовлетворить лучшую часть общества. Уже упо-

И. В. Ершов в роли Зигфрида в опере Р. Вагнера.

¹ Наиболее обстоятельная из работ, посвященных Ершову, принадлежит В. Богданову-Березовскому (Иван Ершов. М.—Л., 1951).

мивалось о крупных изъянах в репертуаре театра, постоянно вызывавших законные нарекания. Но критика раздавалась и в адрес исполнительской стороны. Богатые возможности труппы использовались весьма недостаточно. Настоящая режиссура в том смысле, как она понимается ныне в советском оперном театре, как правило, отсутствовала. Каждый из артистов, как неоднократно отмечала пресса, делал дело «по-своему, как умеет, за свой страх»; объединяющего начала обычно не чувствовалось. Существовала большая разница между «показными» спектаклями, в частности премьерами, и спектаклями «рядовыми». После первых представлений ансамбль падал, повседневные спектакли редко шли с надлежащим подъемом, в них сказывались в большей или меньшей степени апатия и рутинность. Несмотря на изобилие артистических сил, дирекция императорских театров чем дальше, тем больше делала ставку на гастролеров.

Другим крайне отрицательным моментом являлась недоступность Мариинской оперы не то что для рабочих масс, но даже и для более широкого круга интеллигенции. Господствовала система абонементов, передававшихся по наследству. Недаром печать называла Мариинскую оперу «семейным театром», который обычно посещала одна и та же публика, и при этом публика сугубо привилегированная, принадлежавшая к верхним слоям населения. Получить место на внеабонементный спектакль бывало весьма трудно, да и цены, особенно на гастрольные спектакли, были непомерно высоки. Лишь отказывая себе подчас в самом необходимом и простаивая часами (а на спектакли Шаляпина или Собиннова и днями) в очередях, можно было изредка студенту или мелкому интеллигенту получить доступ в императорскую оперу.

Роль общедоступного оперного театра в Петербурге, начиная с 1900—1901 гг., должна была играть опера Народного дома (на Петербургской стороне). До 1912 г., как отмечено в другом месте, Народный дом имел один театральный зал, в котором попеременно давались драматические и оперные спектакли. Лишь к январю 1912 г. был выстроен специально для оперы огромных размеров Большой зал Народного дома; но после первого спектакля (Иван Сусанин) новый театр сгорел (в ночь на 7 января 1912 г.); он был вновь отстроен и вторично открыт в декабре 1912 г.

Цены на места в Народном доме были доступнее, чем в Мариинском театре; в новом театре существовали и бесплатные места (последний ярус), обычно заполнявшиеся выставившей огромные очереди учащейся молодежью. Сравнительно большей доступности оперы Народного дома способствовало еще отсутствие абонементов. Надо, однако, отметить, что частные антрепренеры, арендовавшие помещение Народного дома (оперное дело здесь велось либо самим Попечительством о народной трезвости, в ведении которого находился Народный дом, либо, большею частью, частными антрепризами), широко прибегая к гастрольной системе, устанавливали для гастрольных спектаклей очень высокие, так называемые «шаляпинские» цены, чем и опера Народного дома в сущности превращалась в театр для немногих.

Репертуар оперы Народного дома никогда не отличался особой выдержанностью, но произведения русских композиторов в ней обычно давались чаще, чем в Мариинском театре. В Народном доме шли обе оперы Глинки, «Русалка» Даргомыжского, все три оперы Серова (более часто «Вражья сила»), «Демон» Рубинштейна, «Дубровский» Направника, большинство опер Чайковского, ряд опер Римского-Корсакова (из них «Сказка о царе Салтане» была поставлена, с участием известного баса Цесевича и тенора Богдановича, в 1905 г., задолго до ее появления в Мариинском театре, а «Золотой петушок» серьезно был поставлен впервые в Петербурге именно оперой Народного дома),¹ «Борис Годунов» Мусоргского, «Князь Игорь» Бородина и др. В Народном доме ставилась не шедшая на Мариинской сцене старинная опера Верстовского «Аскольдова могила». Опера Рахманинова «Алеко» была поставлена здесь в 1910 г., за четыре года до постановки в Мариинском театре (при участии певшего в Народном доме несколько сезонов баритона Л. Ф. Савранского, потом выдвинувшегося на сцене московского Большого театра). При участии московского певца Г. А. Баклавава был поставлен в 1913 г. рахманиновский «Скупого рыцаря», не ставившийся на императорской сцене. Только в Народном доме была поставлена опера А. Т. Гречанинова «Добрыня Никитич», в которой заглавную партию пел Григорий Пирогов, приглашенный в 1916 г. в труппу Народного дома из московского Большого театра.

К числу крупных недостатков оперы Народного дома относилась большая текучесть ее труппы. Для многих певцов и певиц Народный дом служил как бы «проходной казармой»; сегодня приходя сюда, они завтра переходили в другие театры. Общий уровень труппы почти всегда оставался только посредственным, а качество исполнения только «приличным», хотя в разное время в театре все-таки появлялись (помимо видных гастролеров) крупные силы, например, уже названные Пирогов и Савранский, бас А. Л. Каченовский, игравший здесь много лет подряд, талантливые певицы Е. Ф. Петренко и Р. Г. Горская (последняя именно с Народного дома начала в годы первой мировой войны свою яркую артистическую карьеру в Петрограде). Шалапин, Собинов, Нежданова, Алчевский, Липковская, московский тенор Дмитрий Смирнов и другие выступали в качестве гастролеров на сцене Народного дома, часто в таких ролях, которых они не исполняли в Мариинском театре.

В течение нескольких сезонов (1910—1914) оперой Народного дома руководил Н. Н. Фигнер, много выступавший как солист (это был уже закат его певческой деятельности). На протяжении ряда предреволюционных лет оперные спектакли ставил режиссер А. А. Сапиг, в свое время связанный с Московским Художественным театром (о нем была речь в главе, посвященной драматическому театру). Дирижеры в Народном доме менялись почти так же часто, как и певцы.

¹ Заслуживает также упоминания постановка в Народном доме оперы Римского-Корсакова «Садко» осенью 1906 г., осуществленная под личным наблюдением композитора.

Во втором десятилетии XX в. в числе дирижеров оперы Народного дома находились А. В. Павлов-Арбенин, А. Э. Маргулян, А. М. Пазовский, С. А. Самосуд, А. Б. Хессин.

С конца 1912 до 1919 г. в Петербурге работал Театр музыкальной драмы, существовавший на частные средства (паевого товарищества) и помещавшийся в Большом зале Петербургской консерватории, который перед открытием Театра музыкальной драмы (оно состоялось 11 декабря 1912 г.) подвергся новой капитальной перестройке, получив именно тогда тот внешний вид, какой он имеет в настоящее время.

Главным общим руководителем Театра музыкальной драмы являлся режиссер И. М. Лапидский; специально музыкальное руководство с основания театра и до 1916 г. принадлежало воспитаннику Петербургской консерватории, ученику Лядова и Штейнберга, талантливому музыканту М. А. Вихтеру, приглашенному в качестве главного дирижера театра.

Лапидский поставил себе целью перенести в сферу оперы творческие принципы Московского Художественного театра. Первоначально даже имелось в виду назвать новый театр «Художественной оперой». Уничтожить рутину и штампы в оперном театре, добиться максимальной сценической правды, достигнуть естественности, согласованности и законченности «зрительно-слухового» ансамбля, создать единый творческий коллектив — такова была программа театра. Но между программой и ее практическим осуществлением с самого начала наблюдался большой разрыв, зависевший и от недостаточности художественных средств, и от крупных изъянов в конкретном понимании и истолковании самих программных лозунгов. Стремясь к подражанию Художественному театру, Лапидский в сущности тяготел главным образом к тем чертам в практике этого театра, которые равно были отодвинуты и изжиты самими художественниками, именно — к увлечению «внешним» реализмом, бытовыми и историко-бытовыми подробностями. Руководство Театра музыкальной драмы решительно недооценивало определяющую роль музыки в оперном спектакле, оно часто подчиняло задачи выявления музыкальной сущности произведения ложно понятым требованиям «реализма» (а вернее — натурализма) на оперной сцене. С этим было связано и недостаточно бережное (иногда совершенно вольное) обращение с самым наследием композиторов, произвольные переделки и перекройки, «модернизация» классических опер. Театр не располагал, кроме того, таким богатством сил и талантов, какое необходимо было для поднятия вокальной части на тот особо высокий уровень, который логически диктовался поставленными им в принципе ответственными художественными задачами; да руководство театра и недостаточно сознавало эту необходимость. Театру музыкальной драмы удалось создать превосходный хор, работа которого неизменно встречала самую высокую оценку со стороны публики и печати. «Хор жил на сцене, он представлял мыслящий организм, одушевленный ясным пониманием изображаемой роли», — пишет один из критиков-совре-

меняков.¹ Но состав певцов-солистов был недостаточно высок, значительно уступая Марининскому и московскому Большому театрам, хотя Театр музыкальной драмы все же располагал рядом интересных и одаренных артистов, как сопрано М. В. Веселовская (Ляпицкая), М. И. Бриан (списывавшая особенные симпатии исполнением роли Татьяны, впоследствии профессор Ленинградской консерватории), М. И. Литвиненко (широко популярная потом в Советской стране деятельница Киевского театра оперы и балета имени Т. Шевченко, народная артистка СССР Литвиненко-Вольгемут), меццо-сопрано М. С. Давыдова, баритоны И. В. Иванцов, С. Ю. Левик, басы А. И. Мозжухин, П. М. Журавленко (тоже широко известный позднее по своей работе в ленинградском советском оперном театре), А. Н. Садонов, тенора Н. Н. Рождественский, К. С. Исаченко и т. д.

В постановки Театра музыкальной драмы обычно вкладывалось много энергии и сил, много изобретательности (иногда излишней). Коллектив театра, по крайней мере в своей основной и наиболее постоянной части, верил в важность дела, в котором он участвовал. Ляпицкий едва ли преувеличивал, когда в 20-х гг. писал, что в Театре музыкальной драмы он был окружен «фанатически настроенным коллективом». Театр, кроме отличного хора и группы серьезных солистов, имел в своем распоряжении и солидный оркестр, управлявшийся такими музыкантами, как М. А. Бихтер, А. Э. Маргуля, Г. Фительберг² и др. Спектакли театра в связи с этим привлекали большое внимание со стороны петербуржцев. Но сочувствие, встреченное Театром музыкальной драмы при его возникновении, с течением времени уменьшалось, особенно в наиболее чутких и требовательных музыкальных кругах, так как он не оправдывал тех больших ожиданий и надежд, которые на него многими вначале возлагались. Часть критики уже в военные годы говорила о Театре музыкальной драмы прямо с раздражением, с чувством явного разочарования. Другая ее часть (и определенные круги публики) продолжала ценить искания театра, рассчитывая, что они еще увенчаются более полными и бесспорными художественными достижениями.

За годы своей деятельности Театр музыкальной драмы дал всего около 40 постановок. Он открылся оперой Чайковского «Евгений Онегин», которая на протяжении всего существования театра шла в нем весьма часто (в общем состоялось более 200 спектаклей). Из опер Чайковского были поставлены также «Пиковая дама», «Иоанна», «Мазепа», «Черевички». В Театре музыкальной драмы шли «Снегурочка», «Садко» Римского-Корсакова, «Каменный гость» Даргомыжского (поставленный здесь раньше, чем опера была возобновлена в Марининском театре),

¹ И. Кн (о р о з о в) с к и й. Концерт хора «Музыкальной драмы». Театр и искусство, 1913, № 38, стр. 737.

² Уже называвшийся раньше крупный польский музыкальный деятель, находившийся в период оккупации Польши вильгельмовской Германией в Петрограде. Фительберг дирижировал в Театре музыкальной драмы до 1918 г.; потом он еще неоднократно выступал в Марининском театре.

«Пир во время чумы» Кюи. «Борис Годунов» Мусоргского был поставлен в Театре музыкальной драмы в 1913 г., «Хованщина» — в 1916 г. После революции, в октябре 1917 г., театр осуществил постановку «Сорочинской ярмарки» Мусоргского (законченной в 1916 г. Цезарем Кюи); тогда же была показана «Женитьба» Мусоргского в оркестровке и под управлением А. В. Гаука. Из иностранных опер в Театре музыкальной драмы ставились «Кармен», «Аида», «Фауст», «Севильский цирюльник», «Нюрнбергские мейстерзингеры», «Парсифаль», «Богема», «Чю-Чю-Сан», «Паяцы», опера французского композитора-импрессиониста Дебюсси «Пелееас и Мелисанда» и др. Для ошибочных и неоправданных экспериментов, проводившихся Театром музыкальной драмы, характерна постановка (в 1916 г.) «Король забавляется», представлявшая собой своеобразный «монтаж» из драмы Виктора Гюго «Король забавляется» и оперы Верди «Риголетто», написанной композитором, как известно, на сюжет указанного произведения Гюго. Музыкальная пресса считала более подходящим для спектакля заглавие «Режиссер забавляется».

Недолго просуществовав после Октябрьской революции в качестве самостоятельного театра, Театр музыкальной драмы в начале 1919 г. был объединен с оперой Народного дома¹ в Большой оперный коммунальный театр.²

* * *

Петербург являлся одним из крупнейших центров музыкального образования в России и Европе.

Во главе музыкально-образовательных учреждений столицы стояла Петербургская консерватория. Она была основана в 1862 г., и о первых десятилетиях ее истории была уже речь во втором томе «Очерков истории Ленинграда».

Как и в тот период, консерватория 1890-х и 1900-х годов насчитывала в своем педагогическом составе очень крупных музыкальных деятелей. Авторитетнейшей фигурой среди профессоров Петербургской консерватории был Н. А. Римский-Корсаков. Б. В. Асафьев впоследствии писал: «Консерватория моей юности — консерватория выдающихся мастеров-педагогов, с великим главой композиторского отделения Н. А. Римским-Корсаковым, громадный авторитет которого буквально пронизывал все и всех».³ В тесном сотрудничестве с Римским-Корсаковым работали в консерватории А. К. Глазунов, А. К. Лядов (см. выше о композиторах — деятелях Петербургской консерватории).

¹ Последняя еще весной 1918 г. перешла из рук частного интрепренера Аксарина в ведение Петроградской трудовой коммуны.

² В связи с обзором петербургских оперных сцен следует отметить более или менее систематические гастрели итальянских оперных трупп (участники: А. Мазини, М. Баттистини, Тита Руффо, Э. Карузо, Д. Ансельми, Джемма Белличчони и др.; с итальянцами неоднократно выступал Собянов).

³ Б. А с а ф ь е в (Игорь Глебов). Вчера и сегодня Ленинградской консерватории. Советское искусство, 1937, № 44.

На большой высоте находилось преподавание в ряде специальных классов — рояля, скрипки, виолончели, — руководимых такими замечательными художниками и педагогами, как А. Н. Есинова, Л. С. Ауэр, А. В. Вержбилович и др.

Анна Есинова сама была воспитанницей Петербургской консерватории, которую она окончила в 1871 г. Пианистка с мировым именем, Есинова в 1893 г. начала свою педагогическую деятельность в родной консерватории и проработала в ней более 20 лет (умерла в 1914 г.). Эта деятельность была исключительно плодотворной — многие выдающиеся музыканты конца XIX—начала XX в. вышли из школы Есиновой, в их числе Сергей Прокофьев, Александр Боровский, Леонид Крейнер, Владимир Дроздов, Ольга Калантарова (сама в дальнейшем ставшая профессором Петербургской — Ленинградской консерватории) и т. д.¹ Есинова заслуженно имела славу главы петербургских пианистов послерубинштейновского времени.

На более позднем этапе жизни консерватории в ней возникла и расцвела пианистическая школа Л. В. Николаева. Леонид Николаев, пианист, композитор, педагог, начал работу в консерватории в 1909 г. и оставался в рядах ее профессуры до своей смерти в 1942 г. Четверть века его консерваторской деятельности, таким образом, приходится на советское время. Николаев воспитал целую плеяду пианистов, к которой принадлежат В. Софроняцкий, Д. Шостакович, М. Юдина, П. Серебряков, Н. Перельман, А. Каменский, В. Разумовская, известный музыкальный педагог С. Савшинский² (из них лишь часть начинала свою подготовку в предреволюционной консерватории).

Крупную роль из профессоров-пианистов сыграли также Феликс Блуменфельд (дирижер, композитор, участник беляевского кружка, начавший свою деятельность в консерватории еще в середине 80-х годов) и Николай Дубасов (с 1893 г.).

Мировым центром скрипичного искусства являлся класс профессора Л. С. Ауэра. Ауэр был профессором Петербургской консерватории с 1868 до 1917 г. К старшему поколению его учеников относятся А. А. Колаковский, П. П. Пустарнаков, В. Г. Вальтер, С. П. Коргуев, Э. Э. Крюгер, И. Р. Налбандян и др. (большинство из них тоже заняли потом видное место среди педагогов Петербургской консерватории). В младшем поколении ауэровских учеников были такие знаменитые скрипачи, как М. Б. Полякин, Я. Хейфец, Е. Цимбалист, М. Эльман. Известные профессора Московской консерватории А. И. Ямпольский и Л. М. Цейтлин, воспитавшие многих талантливых молодых советских скрипачей, вышли из скрипичной школы, возглавлявшейся Ауэром.³

¹ Т. Беркман и А. Н. Есинова. М.—Л., 1948; А. Алексеев. Русские пианисты. М.—Л., 1948.

² С. Савшинский. Леонид Николаев. Л.—М., 1950.

³ Л. Ауэр. Среди музыкантов. М., 1927.

Александр Вержбилович, ученик К. Ю. Давыдова по Петербургской консерватории (которую окончил в 1871 г.), стал преемником своего учителя, ведущим профессором виолончельного класса. Педагогическая деятельность выдающегося художника, одного из лучших виолончелистов мира продолжалась с 80-х годов до его смерти в 1911 г.¹

Консерватория готовила не только инструменталистов, но и вокалистов. Класс пения существовал в ней с основания. С 1869 г. делались попытки устроить оперный класс, долго встречавшие различные препятствия. Класс окончательно был организован в 1885 г. Заметное оживление его деятельности наступило во втором десятилетии XX в.

До конца 80-х годов крупнейшим вокальным педагогом консерватории был К. Эверарди; при нем начали также работу профессора пения С. И. Габель и Н. А. Ирецкая, продолжавшие ее в течение обозреваемого в данной главе периода. Учениками Габеля были Ершов, П. Андреев, Пиотровский, Морской, Секер-Рожавский, Чаров, Камюнский (известный баритон) и др.² Некоторые из этих певцов учились и у другого видного профессора консерватории (одновременно крупного деятеля Марининской сцены) О. О. Палечка. С середины 90-х годов одним из главных вокальных педагогов в консерватории являлась К. Ферри-Джиральдони. Руководителем оперного класса Петербургской консерватории, находившегося много лет в ведении Габеля и Палечка, накануне революции приглашается И. В. Ершов.

На рубеже XX в. в консерватории числилось около 900 учащихся, к началу первой русской революции — около 1100. Учащиеся консерватории, как выше отмечено, в своей значительной массе приняли участие в революционных событиях 1905 г. и в той или иной мере нашли поддержку у лучшей части профессуры. Выступая под общеполитическими демократическими лозунгами, студенчество консерватории выдвинуло тогда и целую программу преобразования самой консерватории — расширения и углубления музыкального образования, усиления музыкальной практики, установления самоуправления учащихся и т. д. Левое студенчество вместе с передовой частью профессуры добивалось автономии консерватории, устранения вмешательства в ее дела со стороны дирекции Русского Музыкального общества, выборности директора и других должностных лиц и пр.³ Начатая борьба не обошлась без жертв (исключения, аресты, высылки). Был удален, о чем уже говорилось, Римский-Корсаков, из солидарности с которым ушли Глазунов и др. Подъем революционной борьбы в стране вынудил правительство к уступкам. Он принес известное облегчение и консерватории. Хотя изменения консерваторских порядков были совершенно недостаточны и не могли

¹ Л. Г и а б у р г. А. В. Вержбилович. Советская музыка, 1947, № 4.

² Н. Ф (индейзен). Проф. С. И. Габель, Русская музыкальная газета, 1912, № 50.

³ Хроника журнала «Музыкальный современник», 1917, вып. 18, стр. 5—6; Ю. К р е м л е в, ук. соч., стр. 75—77.

ей обеспечить нормального широкого развития, все же кое-что было в результате борьбы достигнуто. Главой консерватории после революции 1905 г., ее выборным директором был А. К. Глазунов.

Число учащихся в консерватории после 1905 г. быстро возрастает. Оно превысило 1 $\frac{1}{2}$ тыс. уже в 1908/1909 учебном году. В 1913/14 г. насчитывалось более 2 $\frac{1}{2}$ тыс. учащихся; такое же число состояло в последнем предреволюционном учебном году (1916/17).¹ В среде учащихся было много демократических элементов (правда, не из рабочих и крестьян, которых были единицы, а из трудовых слоев интеллигенции), но немало имелось и представителей привилегированных слоев населения. Пестрым был и состав преподавателей. Наряду с общественно-прогрессивными элементами, наряду с выдающимися художественно-педагогическими силами, составлявшими славу консерватории, создававшими ей почетное, передовое место среди музыкально-образовательных учреждений всех стран, были элементы косные, силы второстепенные, посредственные. Освободиться вполне от опеки сверху старой консерватории не удалось и после вырванных первой русской революцией «преобразований». Коренная перестройка консерватории, ее решительная и последовательная демократизация, всестороннее обновление пришли лишь с Великой Октябрьской социалистической революцией.

¹ А. И. Пузыревский и Л. А. Саккетти. Очерк пятидесятилетия деятельности С.-Петербургской консерватории. СПб., 1912, стр. 174; Русская музыкальная газета, 1914, № 24—25, столб. 563; Хроника журнала «Музыкальный современник», 1917, вып. 20—21, стр. 15.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПЕТЕРБУРГСКИЙ БАЛЕТ

ущественный элемент петербургской театрально-музыкальной жизни составлял балет.

Особенности развития дореволюционного балетного театра кратко охарактеризованы во втором томе «Очерков истории Ленинграда». Там же была подчеркнута реформаторская роль П. И. Чайковского, который максимально сблизил балет с симфонией, драматизировал его, насытил глубоким психологическим содержанием, ввел в балет живых людей, реальные, искренние человеческие чувства.

В 1890 г. на сцене Мариинского театра, где и шли, наряду с оперными, балетные спектакли, была осуществлена первая постановка «Спящей красавицы» Чайковского. Автором постановки был тогдашний руководитель петербургского балета Мариус Петипа. «Спящая красавица», при всех недочетах спектакля, осознанных особенно впоследствии, в советское время, явилась одним из лучших, если не лучшим достижением хореографического мастерства Петипа. В конце 1892 г. в Мариинском театре был впервые показан зрителям новый балет Чайковского — «Щелкунчик». Эта постановка принадлежала второму балетмейстеру театра Льву Иванову, расцвет деятельности которого был связан именно с воплощением на сцене творений Чайковского. За «Щелкунчиком» последовала (уже после смерти Чайковского) работа Л. И. Иванова над второй картиной балета «Лебединое озеро», показанной в феерале 1894 г.

15 января 1895 г. Мариинский театр в первый раз в Петербурге показал, в постановке М. И. Петина и Л. И. Иванова, целиком (впрочем, не без купюр) балет «Лебединое озеро». Это — знаменательная веха в истории русского и мирового балета. Правда, еще за 18 лет до того, в начале 1877 г., «Лебединое озеро» было представлено впервые в Москве на сцене Большого театра. Однако постановка 1877 г., выполненная балетмейстером Рейзингером, с самого начала весьма мало соответствовала великим достоинствам партитуры Чайковского, а в дальнейшем она была еще сильнее испорчена множеством вставок из музыки других авторов; через несколько лет «Лебединое озеро» выпало вовсе из репертуара. Петербургская постановка 1895 г.,¹ тоже далеко не лишенная слабых сторон,² все же неизмеримо превосходила премьеру 1877 г.; ею был воскрешен и навсегда утверджен в репертуаре гениальный балет Чайковского. Наиболее совершенные и поэтичные моменты постановки 1895 г. связаны с именем Льва Иванова, тонкого художника, прекрасно чувствовавшего музыку, сумевшего воспринять (и воспроизвести), говоря словами Б. В. Асафьева, «самое основное, самое дорогое и самое правдивое, что есть в лирике Чайковского».³

Продолжателем дела Чайковского, особенно в отношении симфонизации балета, явился А. К. Глазунов. Творческое наследие Глазунова богато и целыми произведениями и отдельными эпизодами танцевального характера. В деятельности Глазунова был период (1896—1899), весь почти отданный балету. Результаты этого увлечения композитора балетной музыкой оказались необыкновенно плодотворными. Три балета, созданные тогда Глазуновым («Раймонда», «Испытание Дамиса», «Времена года»), стоят в одном ряду с балетной музыкой Чайковского, принадлежат к высшим достижениям мировой балетной классики.

Сценическое воплощение балетов Глазунова неразрывно связано с петербургским балетным театром и, в частности, с деятельностью М. И. Петина, первого постановщика всех трех глазуновских балетов.

Одной из жемчужин балетного репертуара остается до наших дней большой, монументальный балет Глазунова «Раймонда» (сюжет Лидии Пашковой на основе

¹ Авторами постановки были, как отмечено, Петин и Иванов. Музыкальная часть спектакля находилась в руках Р. Дриго (известный балетный композитор и дирижер, с 1886 до 1920 г. был первым капельмейстером петербургского балета). В главных ролях выступали итальянская балерина Пьерина Леньяни (в ее бенефис и была осуществлена постановка «Лебединого озера» в 1895 г.), П. А. Гердт, А. Д. Булгаков.

² Прежде всего это касается музыкальной редакции Дриго. «На всей работе редактора, — писал впоследствии Б. В. Асафьев, — ощущается стремление «подчистить», «выгладить» фактуру Чайковского, а не поднять до сознания слушателей все наиболее ценное и симфонически развитое в первоисточнике» (Лебединое озеро. Л., 1933, стр. 26—27).

³ Лебединое озеро. Л., 1933, стр. 29. Характерно, что сцены, поставленные Ивановым, пережили позднейшие режиссерские переработки и сохранены были даже в новаторской постановке «Лебединого озера», осуществленной в 1953 г. на сцене Московского музыкального театра им. К. Станиславского и В. Немировича-Данченко.

средневековой провансальской легенды), впервые поставленный в Мариинском театре 7 января 1898 г. Либретто «Раймонды» едва ли не с самого появления балета на сцене вызывало упреки в «легковесности», в недостатке внутренней логики. Однако красота и разнообразие музыки, неисчерпаемое богатство инструментовки искупали в глазах внимательных и чутких слушателей-зрителей слабость драматургического построения либретто.¹ Вкус и изобретательность, проявленные 76-летним Петипа в сочинении танцев, во многом, со своей стороны, способствовали успеху первого балета Глазунова. «Раймонда» была дана в первый раз для бенефиса танцевавшей еще тогда на Мариинской сцене итальянской балерины Ленъяни (через несколько лет практика приглашения на амбуа ведущей балерины иностранных танцовщиц была окончательно оставлена; петербургская сцена сама располагала первоклассными артистическими силами и выдвинула балерин, не знавших себе равных на западноевропейских сценах, например Анну Павлову). В спектакле, наряду с Ленъяни, участвовали многие талантливые представители балета Мариинского театра, как Преображенская, Куличевская, только начинавшая свою карьеру Ваганова, П. А. Гердт, братья Легат, Горский, а также окончивавшие в то время балетную школу и находившиеся на каникулах вступления в состав труппы Мариинского театра Седова, Егорова, Фокин, Михаил Обухов.

Два других балета Глазунова — «Испытание Дамиса» («Барышня-служанка») и «Времена года» — являются одноактными. «Испытание Дамиса» — пастораль, навеянная творчеством французского художника XVIII в. Ватто, пастораль «русская, несмотря на всю французскую видимость», как метко указывает Асафьев. Аллегорический балет «Времена года», тем же Асафьевым верно определенный как замечательная симфонико-хореографическая поэма, в чисто музыкальном смысле отчасти превосходит даже блестящую партитуру «Раймонды».

На Мариинской сцене оба балета впервые были представлены в январе («Испытание Дамиса») и феврале («Времена года») 1900 г.² «Испытание Дамиса» осталось более или менее репертуарным спектаклем, хотя шло гораздо реже «Раймонды». «Времена года», после премьеры надолго исчезнувшие из репертуара, в 1907 г. в связи с празднованием 25-летия деятельности Глазунова были возобновлены, в новой уже постановке Н. Г. Легата, но шли сравнительно редко. В наше время музыка одноактных глазуновских балетов хорошо знакома в концертном исполнении, особенно частом в радиопередачах.

Принципиальное значение балетного новаторства Чайковского, продолженного Глазуновым, с самого же начала было огромно. Произведения Чайковского

¹ В ценном разборе «Раймонды» (1922 г. — перепечатано в «Избранных трудах» автора, т. II, М., 1954, стр. 322—326) советский музыковед Б. В. Асафьев показал, что балет Глазунова внес в танцевальную структуру классического балета много ценных добавлений, усовершенствований и новых факторов выражения.

² До публичных премьер в Мариинском театре прошли представления обоих балетов в Эрмитажном театре.

и Глазунова указывали пути реалистического развития балета, небывало поднимали художественный уровень хореографии. Правда, со всей должной глубиной задача освоения ценнейшего наследия Чайковского—Глазунова смогла быть поставлена лишь в советском балетном искусстве. Ввиду особого «внимания» к балету со стороны правящих сфер, а также специфического социально-культурного облика среды так называемых «балетоманов», отчасти и вследствие давления общественных «верхов» на более отсталую часть балетных кадров, рутинная условность, «кукольность», распространенные в свое время в балете, не могли быть уничтожены одним появлением Чайковского и Глазунова в балетном театре. Рутинная в той или иной мере вторгалась даже в сценическое воплощение самих творений этих великих мастеров реалистической и гуманистической музыки. С другой стороны, балетам Чайковского и Глазунова, как и лучшим произведениям западного балета (например сочинениям Делиба или Сен-Санса),¹ не под силу было, при существовавших условиях, достаточно чувствительно ограничить традиционный балетный репертуар.

Профиль репертуара не в меньшей степени, чем «Спящей красавицей», «Лебединым озером» или «Раймондой», определялся старотипными балетами Пуни или Минкуса «Баядерка», «Дочь фараона» и др. Не только постоянно повторялись эти и им подобные старые балеты, но попадали на сцену и новые — такого же или еще гораздо более низкого художественного уровня. Так, в 1896 г. на Мариинской сцене появился балет малозначительного композитора П. П. Шенка «Синяя борода», в 1897 г. — совсем ничтожный «фантастический балет» на музыку барона В. Г. Врангеля «Дочь микадо», о котором свиходительный балетный критик А. А. Плещеев писал: «Терпсихора мало выиграла от постановки этого скучного японского произведения, а дирекция проиграла, затратив непроизводительно несколько десятков тысяч рублей».²

В итоге, положение балетной сцены Петербурга, хотя и весьма богатой яркими дарованиями, давно завоевавшей славу первого балетного театра мира (в описываемый период она уже делит эту славу с балетом московского Большого театра), вызывало беспокойство.

С новой силой и настойчивостью в среде балетных деятелей, в печати и художественных кругах возникали споры о единстве и согласованности всех элементов балетного спектакля, о роли драмы в балете, о путях преодоления укоренившихся штампов, об опасностях, вызываемых акробатическим вырождением балетной техники, и пр.

Тогда как раз завершалась деятельность Мариуса Петипа, который имел выдающиеся заслуги в качестве балетмейстера и воспитателя-педагога, но пред-

¹ Кроме шедшей еще с 80-х годов «Коппелии» Делиба, в 1901 г. в Мариинском театре была поставлена его же «Сильвия», а в 1902 г. — более слабый «Ручей». В 1902 г. был поставлен балет Сен-Санса «Жавотта».

² А. П л е щ е е в. Наш балет (1673—1899). 2-е изд., СПб., 1899, стр. 438.

ставлял в сущности уже уходящую эпоху, хотя он и на исходе своей карьеры успел вписать в нее последние славные страницы как участник в создании балетных спектаклей Чайковского и Глазунова. Петипа покинул Мариинский театр после 56-летней службы, в 1903 г. Еще раньше, в 1901 г., в лице умершего Льва Иванова театр лишился другого из руководителей, в работе которого чувство нового выражалось, бесспорно, много смелее и острее, нежели у Петипа.

В эти именно годы начинает выдвигаться как балетмейстер-новатор А. А. Горский. Питомец Петербургского театрального училища (балетной школы), ученик Петипа, Горский с 1889 г. на протяжении десятилетия служил танцовщиком в Мариинском театре; с середины 90-х годов он работал также преподавателем театрального училища. Уже тогда он, как вспоминает одна из его учениц балерина Карсавина, выказывал себя человеком новых взглядов и «зачастую обрушивался... на незыблемые устои хореографического искусства». ¹ В 1900 г. Горский был назначен балетмейстером в московский Большой театр. С его именем связан четвертьвековой период жизни московского балета, в течение которого в огромной степени был поднят уровень последнего. Горский испытал сильное влияние со стороны Московского Художественного театра. Стремление применить в балете реалистические принципы русского драматического театра являлось одной из важнейших основ работы Горского. А. А. Горский боролся за цельность художественного замысла в балете, за единство и стройность ансамбля, исключая злоупотребления «премьерством»; он отвергал «самоцельность» балетной техники, добиваясь выразительности и глубокой эмоциональности балетных танцев. Великолепный мастер массовых сцен, Горский реформировал работу кордебалета: толпа подлинно жила в постановках Горского. Важной чертой работы Горского было самое тесное содружество с художниками (главным образом с Константином Коровиным). Сам Горский отмечал большое значение воздействия на направление его деятельности талантливых русских живописцев театра. ² Не всегда удача сопровождала начинания Горского, деятельность которого отнюдь не лишена была противоречий: в ряде постановок Горского отразились модные в начале XX в. веяния импрессионизма (с которым, кстати, были связаны работавшие с Горским художники), сказывался подчас и уклон в сторону натурализма.

Горский много работал над сценическим воплощением балетов Чайковского (особенно над «Лебединым озером») и «Раймонды» Глазунова. Он создал ряд совершенно новых балетов («Дочь Гудулы», «Саламбо» и др.). Громадные усилия потратил также Горский на обновление и переосмысление ряда популярных в свое время произведений прежнего балетного наследия, как «Дон-Кихот», «Конек-горбунок», «Корсар» и т. д.

¹ Ю. Бахрушин. Александр Алексеевич Горский, 1871—1924. М.—Л., 1946, стр. 11.

² М. Габович. А. А. Горский. К 20-летию со дня смерти. Литература и искусство, 1944, № 43.

Работа Горского-балетмейстера связана была преимущественно с московской сценой. Но и для Петербурга она имела существенное значение. Помимо того или иного влияния московских спектаклей Горского на деятелей петербургской балетной сцены, надо иметь в виду постановку Горским ряда балетов в самом Петербурге.

Первым проявлением новых балетных веяний в северной столице явилась постановка Горским в январе 1902 г. на Мариинской сцене коренным образом пересмотренного им старого балета Минкуса «Дон-Кихот» в художественном оформлении (декорации и костюмы) К. А. Коровина и А. Я. Головина. Спектакль повторял московскую постановку Горского (1900 года), однако с другим, петербургским, составом исполнителей (Кшесинская, Преображенская, Седова, Павлова, Егорова, Мария Петипа, Карсавина — тогда еще воспитанница школы, Булгаков,

Анна Павлова. Фотография 1910-х годов.

Чекетти, Гердт, Н. Г. Легат и др.). В оценке спектакля мнения и публики и критики разделились. «Новшества» Горского, как и живопись Коровина—Головина, многих оттолкнули; однако балетмейстер (как и художники) встретил и сочувствие, правда, не безоговорочное. Большое впечатление осталось от живых, темпераментных массовых танцев, свободная и непринужденная композиция которых порывала с традиционной «симметрией» прежних массовых сцен. Poleмика, вызванная петербургским выступлением Горского-балетмейстера, способствовала развитию эстетической мысли в области балета.

Позднее Горским на Мариинской сцене ставились сильно им обновленный «Конек-горбунок», в оформлении Коровина (1912), «Спящая красавица» Чайковского, также в коровинском оформлении (1914).¹

¹ «Ежегодник императорских театров» (1914, вып. VI, стр. 80), отмечая, что совместные труды Горского и Коровина по возобновлению старых балетов предположены и в будущем, указывал, что этими трудами переносятся на сцену Мариинского театра стиль московского балета.

В самом Петербурге, несколько лет спустя после начала балетмейстерской деятельности Горского, в качестве реформатора балета выступает М. М. Фокин. Окончив в 1898 г. балетную школу и поступив тогда же в балетную труппу Мариинского театра, Фокин быстро выделился в последней как один из лучших танцовщиков. В 1904 г. он стал педагогом Театрального училища, еще через год он дал свою первую постановку (спектакль училища — балет «Адис и Галатея»). Постепенно в деятельности Фокина балетмейстер выдвигается на первый план, хотя он продолжает с большим успехом и свои выступления в качестве танцовщика. После обратившего на себя большое внимание ученического спектакля «Сон в летнюю ночь» (1906, на музыку Мендельсона) Фокин в начале 1907 г. для благотворительного спектакля в Мариинском театре представляет публике свой одноактный балет «Евника» (сюжет по роману Сенкевича «Камо грядеши», музыка А. В. Щербачева) и первую редакцию ставшей в дальнейшем знаменитой «Шопенианы» (сюита из произведений Шопена). Оба балета вошли в репертуар Мариинской сцены лишь с весны 1909 г. Но еще до того, в конце 1907 г., на сцене Мариинского театра появился в постановке Фокина балет «Павильон Армиды», написанный композитором Н. Н. Черепниним (в этом произведении державшимся во многом традиций русской классической музыки, потом более или менее типичным модернизмом) на либретто Ал. Бенуа, при его же художественном оформлении. В 1908 г. были поставлены — также на благотворительном спектакле — «Египетские ночи» на музыку Аренского, в 1909 г. включенные в репертуар театра. 1908-й год ознаменовался также сочинением (для Анны Павловой) известной хореографической миниатюры Фокина «Умиравший лебедь», на музыку Сен-Санса. Летом 1909 г. имя Фокина приобретает всеевропейскую славу в связи с его деятельностью балетмейстера очередного «русского сезона» Дягилева¹ в Париже. Здесь

¹ С именем С. П. Дягилева, одного из руководителей декадентской группы «Мир искусства» (см. главу о художественной жизни), связана история организации русских сезонов в Париже, а затем и в других западноевропейских столицах. В мае 1907 г. в Париже прошла с большим успехом серия исторических концертов русской музыки при личном участии композиторов Римского-Корсакова, Глазунова, Рахманинова, при участии Шаляпина, Збруевой, Черкасской, Касторского, Матвеева и других выдающихся русских артистов. В 1908 г. богатой постановкой «Бориса Годунова» Мусоргского (при участии Шаляпина, Алчевского, Дм. Смирнова, Касторского, Ермоленко-Южиной и других солистов, главным образом Мариинской оперы, в хора московского Большого театра) была начата серия оперных русских сезонов. В 1909 г. состоялся первый русский балетный сезон. В дальнейшем именно балетные спектакли занимали особенно видное место в зарубежной антрепризе Дягилева. Все усиливающиеся модернистские, формалистические черты дягилевского предприятия, ориентация на способную дорого платить фешенебельную публику привели его в конце концов к вырождению. Однако на первых порах блестяще обставленные дягилевские спектакли сыграли, несомненно, определенную роль в популяризации на мировой арене творчества русских композиторов и исполнительской культуры русских артистов. Громадный успех дягилевских сезонов в годы, предшествовавшие первой мировой войне, явился, как признавал, например, сподвижник Дягилева Александр Бенуа, не одной победой устроителя или даже привлеченных им прекраснейших исполнителей, а торжеством

были показаны, с небывалым успехом, «Сильфиды» («Шопениана»), «Павильон Армиды», «Клеопатра» («Египетские ночи»), «Пир» (спектакль-концерт дивертисментного характера) и вызвавшие наибольший восторг полководческие пляски для оперы «Князь Игорь». В течение 1910—1912 гг. дягилевские сезоны в западноевропейских центрах оставались главной ареной деятельности Фокина, работавшего в сотрудничестве с целой группой артистов Мариинской балетной сцены, при участии и ряда деятелей балетной труппы московского Большого театра. В это время там появились такие постановки Фокина, как «Шехеразада» (на музыку Римского-Корсакова), «Карнавал» (Шумана), «Жар-птица» и «Петрушка» (Стравинского), «Призрак Розы» (музыка «Приглашения к танцам» Вебера), «Нарцисс и эхо» (Черепнина), «Тамара» (Балакирева), «Дафнис и Хлоя» (Равеля) и др. Лишь небольшая часть зарубежных фокинских балетов была поставлена и на Мариинской сцене: полководческие пляски вошли в новую постановку «Князя Игоря», осуществленную в сентябре 1909 г.; «Карнавал» впервые был представлен в феврале 1911 г. В том же 1911 г. Фокин в Мариинском театре поставил танцы в опере-балете Глюка «Орфей и Эвридика»; в 1912 г. он дал на Мариинской сцене балеты «Бабочки» (на музыку Шумана) и «Исламей» (музыка Балакирева, сюжет из «1001 ночи»), в 1913 г. — «Прелюды» (на музыку симфонической поэмы Листа). В годы первой мировой войны были поставлены Мариинским театром балеты Фокина «Франческа да Римини» (музыка Чайковского), «Эрос» (музыка трех частей струнной серенады Чайковского), «Стенька Разин» (Глазунова), «Арагонская хота» (Глинки), «Ученик чародея» (Дюка).

Вокруг постановок Фокина шли на протяжении многих лет нескончаемые споры. Часть критиков резко порицала Фокина с позиций защиты «неприкосновенности» традиционного классического балета; другие горячо поддерживали балетмейстера и поощряли его к новым опытам в деле обновления балета.

Среди положений, отстаиваемых Фокиным и его сторонниками, были, без сомнения, такие, которые имели прогрессивное значение. В ряде пунктов исходные позиции Фокина и его единомышленников совпадали по существу своему с новаторскими устремлениями Горского и были направлены к упрочению и развитию лучших традиций русской балетной сцены.

Фокин декларировал принцип доминирующей роли музыки в балете. Он отвергал ремесленную музыку старых «профессиональных» балетных композиторов и стремился перевести на язык хореографии творения Глинки, Бородина, Римского-Корсакова, Чайковского, Шопена, Шумана и других корифеев мирового музыкального искусства. Фокин поднимал вопрос о гармонии всех эле-

всей великой русской культуры, своеобразия и глубины русского искусства. Успехи русского (в частности петербургского) балета на Западе освещены, среди других работ, в книгах А. В. Луначарского «Театр и революция» (1925), «О театре» (1926), в книге В. Светлова «Современный балет» (1911).

ментов балетного спектакля, придавая, в частности, важное значение его живописному оформлению. Он ставил вопросы о стильности балетной постановки, о «духовной содержательности» и эмоциональной выразительности танца, выступая против увлечения чисто виртуозной стороной классического танца, против «схоластики традиционного балетного катехизиса» (говоря словами его почитателей в прессе). Фокин квалифицировал как ошибку балетной техники то, что она вся сводилась часто к танцу ног, тогда как «должно танцевать все тело». ¹ Он выступал против слишком исключительной, подавляющей ансамбль роли балерины. Фокин поднял роль характерного танца, он придавал большое значение массовым сценам, в постановке которых проявил себя талантливым мастером (его шедевр в этом отношении — половецкие пляски).

Современники неизменно подчеркивали большое влияние на некоторые стороны фокинской реформы так называемого свободного танца Айседоры Дункан. Лишь в советской литературе по балету установлена, одновременно с этим, тесная зависимость большинства лучших элементов фокинских постановок от предшествующих достижений русской балетной сцены (в особенности от прекрасных художественных находок Льва Иванова), а также их связь с достижениями Горского.

Необходимо подчеркнуть противоречивый характер как эстетической платформы, так и всей художественной практики М. М. Фокина. Настаивая на ведущем значении музыки в балетном театре, сам Фокин подчас разрывал связь музыки и балетного действия и танца, нарушал дух и содержание «хореографируемых» им выдающихся музыкальных произведений, допускал купюры, иногда «подмешивал» отрывки из музыки других авторов. Вопреки заверениям своих последователей относительно возрождения им балета как танцевальной драмы Фокин не сумел в целом разрешить проблему балета-драмы; ему лучше всего удавались, наоборот, бессюжетные балеты, лишённые драматического действия, к которому в большинстве случаев он проявлял, по существу, ограниченный интерес. В отношении Фокина к балетному наследию проявлялось немало неоправданного нигилизма, чем его деятельность невыгодно отличалась от подхода к наследию со стороны Горского. Ошибочным было игнорирование Фокиным крупной, монументальной балетной формы, его замыкание в рамках маленьких, одноактных балетов (к типу одноактного балета принадлежит подавляющее большинство фокинских работ).

Хуже всего было то, что идейное содержание фокинских постановок было сплошь и рядом проникнуто мотивами ущербности, неверия в силы человека, элементами упадочного символизма.

К началу XX в. балет стал привлекать к себе усиленное внимание в кругу художественной интеллигенции декадентского пошиба и прежде всего в известной группировке «Мир искусства» (см. о ней в главе XV).

¹ М. М. Фокин. Новый балет. Аргус, 1916, № 1, стр. 30, 35.

Еще в 1902 г., на страницах журнала «Мир искусства», идеолог «мирискусничества» Ал. Бенуа заговорил о «священном смысле» балета,¹ о его превосходстве над драмой. В 1908 г. в сборнике, преимущественно декадентского содержания, «Театр» (Книга о новом театре) тот же Бенуа выступил с развернутым обоснованием взглядов своей группы на балет. Бенуа призывал преисполниться «глубоким благовоением к балету» как к «культу божества радости», как к «литургии»; он призывал балет держаться в стороне от «реальных», «конкретных» фактов и событий. Бенуа признавал преимущество балета по сравнению с драмой в том, что ему-де совершенно чужд всякий «утилитаризм», чужда «наша суетная возня, наши искания», другими словами, он резко противопоставлял цели и возможности балета каким-либо идейным общественным стремлениям, отстаивал полнейший отрыв балета от жизни, ее волнений и задач.²

М. М. Фокин, связанный с «Миром искусства» (в своих постановках он самым тесным образом сотрудничал с художниками Бенуа, Бакстом, Рерихом, Авицефелдом и др.), находился в немалой степени под духовным влиянием символистов-декадентов. Это, конечно, наложило свой отпечаток на его систему театральных взглядов и его постановочную практику, особенно в более поздние годы, и подрывало во многом то положительное и ценное, что эта практика в себе заключала.³

В своей балетмейстерской деятельности Фокин мог опираться на богатейшие возможности блистательной труппы Мариинского балета (впрочем, далеко не все ее члены относились к его работе сочувственно).

Очень сильная по составу уже в прежний период, петербургская балетная труппа в конце XIX и начале XX в. поднялась еще выше, вследствие чего ее ведущая роль в мировом балетном искусстве стала еще бесспорнее и ярче.

К середине 90-х годов в Мариинском театре еще продолжали свою деятельность некоторые одаренные артистки балета, вступившие на сцену в 70-х годах, как Клавдия Куличевская, Анна Иогансон, Мария Петипа (дочь Мариуса Петипа, известная характерная танцовщица), сестры Оголейт и др. Вместе с тем все более выдвигаются новые силы, и среди них на первом плане (не считая недолго в 90-х годах состоявшей в петербургской труппе Екатерины Гельцер) О. О. Преображенская и М. Ф. Кшесинская. Кшесинская (на сцене с 1890 г.) занимала привилегированное положение в театре благодаря своим близким отношениям (естественно, всегда очень предвзвешенным ее репутации в глазах прогрессивного общественного

¹ А. Бенуа. Новые театральные постановки. Мир искусства, 1902, 1-е полугодие, отд. III (Хроника), стр. 25—30.

² А. Бенуа. Беседа о балете. Сб. «Театр. Книга о новом театре», СПб., 1908, стр. 104, 106, 110, 114.

³ После революции Фокин оказался в эмиграции (умер в 1942 г.). Как отмечает Ю. Слюняевский в своей книге «Советский балет» (М.—Л., 1950, стр. 17), Фокин «томился, не раз помышлял о возвращении в Советский Союз, но уничтожить „лаутину“, в которой запутался, не смог».

мнения) с дворцовыми кругами; однако это обстоятельство не могло заслонить бесспорно денных достижений балерины, обладавшей не только исключительно уверенной и разнообразной балетной техникой, но и крупным и самобытным мимическим талантом. Вершиной ее творчества был образ Эсмеральды в одноименном балете.

С 1889 г. подвизалась на Марининской сцене Ольга Преображенская, завоевавшая положение балерины на рубеже 90-х и 900-х годов. На правах постоянной гастролерши она продолжала выступать и после своего прощального спектакля в 1909 г., по истечении 20-летней службы. Талант и репертуар Преображенской были многогранны. Юбилейный перечень прошедших с ее участием спектаклей включал уже в названном 1909 г. 33 балета, во многих из которых ею исполнялись главные роли («Спящая красавица», «Лебединое озеро», «Раймонда», «Жизель», «Пахита», «Коппелия», «Жавотта», «Тщетная предосторожность», «Талисман», «Напризны бабочки», «Камарго», «Арлекинада» и др.). В позднейшие годы Преображенская выступала и в фоксинских балетах — «Павильоне Армиды», «Шоппениане», «Египетских почтах», «Евнике». В танцах и игре Преображенской находили выражение такие особенности русской балетной школы, как тонкое постижение музыки, лиризм, разрыв с голым техницизмом и стремление к образности и выразительности танца. Преображенская подкупала зрителей своим особым мягким юмором. Ее называли создательницей хореографического «жанра». ¹ Отмечая успех реалистических жанровых картинок Преображенской, критика признавала, что они «привдвинули балет» к широкой публике, популяризировали и демократизировали его. ²

Артистки В. А. Трефилова, Ю. Н. Седова, Л. Н. Егорова, вступившие в балетную труппу Марининского театра в течение 1890-х годов и в разное время достигнувшие положения балерины (Трефилова оставила сцену в 1910 г., две другие — в сезон 1916/17 г.), отличались преимущественно строгим и безукоризненным мастерством классического танца. О танце Егоровой критик и летописец балета А. Плещеев писал: «Он всегда законченный, всегда ровный и холодный, мраморный. Танцы Егоровой — талантливая скульптура». ³

Незаяурдным дарованием обладала А. Я. Ваганова, которую только в силу недоброжелательного отношения начальства императорского балета держали почти до конца службы в Марининском театре на положении солистки (Ваганова состояла в Марининской труппе с 1897 г. до начала 1916 г., а звание балерины получила только в 1915 г.). В силу неблагоприятной обстановки Ваганова лишь считанное число раз выступала в ролях балерины (в балетах

¹ В. Светлов. Терпсихора. СПб., 1906, стр. 333.

² Н. Шебуев. Ольга Преображенская. Альбом «Русский балет», СПб., изд. «Солнце России», стр. 9.

³ А. Плещеев. Л. Н. Егорова. Искусство, Пгр., 1917, № 1—2 (6—7), стр. 16.

«Жемчужина», «Ручей», «Лебединое озеро», «Конек-горбунок», «Жизель»). Ее обычным амплу было исполнено в качестве солистки классических вариаций, неизменно встречавшее восторженное признание публики и критики. В печати неоднократно высказывалось мнение о Вагановой как о «лучшей классической танцовщице» петербургского балета.¹

В 1917 г. началась педагогическая деятельность А. Я. Вагановой, имеющей незабываемые заслуги перед советской хореографической культурой, воспитательницы блестящей плеяды советских балетных артистов (Уланова, Семенова, Дудинская, Вечеслова, Балабина, Шелест, Анисимова и др.).²

Крупнейшей хореографической артисткой обозреваемого периода и одной из величайших представительниц искусства танца всех времен является Анна Павлова.

Как и многие представительницы русского балетного искусства, Павлова вышла из народа; она — дочь крестьянина (отставного солдата) и прачки. А. П. Павлова выросла в одном из петербургских пригородов — Лигове. В 90-х годах она прошла курс Петербургского театрального училища и в 1899 г. была принята на Марининскую сцену. С первых шагов своих в театре Павлова обратила на себя внимание и привлекла любовь зрителей, в дальнейшем непрерывно возраставшую. Уже в 1900 г. Павлова получила главную роль в небольшом балете

А. Я. Ваганова. Фотография 1910-х годов.

¹ Например: Театр и искусство, 1911, № 42, стр. 780.

² В 1930-х годах Ваганова была художественным руководителем балетной группы Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова. Вагановой было присвоено звание народной артистки РСФСР. См.: В. М. Богданов-Березовский. А. Я. Ваганова. М.—Л., 1950; М. Франгопуло. Агриппина Яковлевна Ваганова. Пятьдесят лет работы в балете. Л., 1948.

«Пробуждение Флоры», в 1902 г. она выступила в одной из своих коронных с тех пор ролей — Никии в «Баядерке». В 1903 г. она исполнила роль Жизели (в балете того же названия). Это выступление было единодушно оценено как крупное художественное событие. Один из критиков и историков балета писал позднее: Анна Павлова воскресила Жизель; «ее гениальная игра и полные поэзии танцы на памяти всех современников. . . „Жизель“ в исполнении Павловой получила совершенно новый интерес, а игра ее была так вдохновенна и так реальна, что вызывала слезы». ¹ В 1903—1904 гг. Анна Павлова исполнила главные роли в балетах «Наяда и рыбак», «Пахита», «Корсар», в 1905—1907 гг. — в «Доп-Кихоте», «Дочери фараона», в новом балете «Павильон Армиды» (Черешнина—Фокина). В январе 1908 г. состоялось первое выступление Павловой в роли Авроры в «Спящей красавице» Чайковского, в которой она уже раньше танцевала фею Сирени, фею Кандид и др. Из фокинских постановок в Петербурге Павлова, кроме «Павильона Армиды», участвовала в «Евнике», «Египетских ночах», «Шопениане». В конце 1909 г. Павлова исполнила свою последнюю в Петербурге новую большую роль — Низии (в старом балете «Царь Кандавл»). Павлова выступала на Мариинской сцене и в других балетах — Чайковского, Глазунова (в «Раймонде», «Временах года»), Рубинштейна (отрывок из балета «Виноградная лоза»), Корещенко («Волшебное зеркало»), в балетах «Ручей», «Эсмеральда», «Талисман» и т. д. Уже упоминалось о сочиненной для Павловой миниатюре «Умиравший лебедь», ставшей в ее исполнении одним из высших достижений (быть может, даже высшим) хореографии начала XX в.

Во время революции 1905 г. Анна Павлова принадлежала к группе «протестантов» внутри балетного коллектива Мариинского театра и действительно участвовала в начинаниях группы. Она не ладила с начальством балета и в последующее время. Легендарный успех заграничных выступлений Павловой в 1908—1909 и следующих годах («Павлова — такая же величина в танце, как Расин в поэзии, Пуссен в живописи и Глюк в музыке», — восклицал один из французских критиков) ² обострял недовольство балерины отношением к ней со стороны петербургских театральных заправил. К тому же вся в целом атмосфера императорского балета тяготила ее. Вскоре после окончания десятилетнего служения на петербургской сцене Павлова почти на два года отправилась на гастроли за границу. В сезоны 1911/12 и 1912/13 гг. состоялось в Петербурге лишь 14 ее выступлений. Уехав снова за границу, Павлова уже больше никогда не возвращалась на родину. «Ее дарование не могло уместиться в рамках старого, закостенелого в штампах и традициях балета, где бездумье „нимф“ и „дриад“ глушило мысль и живое человеческое чувство», — пишет Галина Уланова о причинах отъезда Павловой. ³

¹ Д. Л е ш к о в. Жизель. Вирюч Петроградских государственных театров, 1918, № 5, стр. 38.

² Цит. по книге: В. С в е т л о в. Современный балет. 1911, стр. 131.

³ Г. У л а н о в а. Школа балерины. Новый мир, 1954, № 3, стр. 217.

Конечно, далеко не одна Павлова не мирилась с бездумьем и бездушьем на балетной сцене. Лучшие традиции русского балета связаны с борьбой, во многих случаях очень успешной, против безидейности и формализма. Но творчество Анны Павловой было особенно ярким, полным и смелым отрицанием рутин и штампов. Блестяще владея всем арсеналом технических средств классического балета, отличаясь необыкновенной грациозностью, легкостью, воздушностью, она никогда не довольствовалась достижениями в этой только области. Павлова была великой актрисой, достигавшей трагической силы выражения; она непрестанно заботилась о психологической правдивости образов, о глубине и цельности художественного впечатления, о законченности и верности стиля исполняемых танцев; она была вдохновенным поэтом хореографии. Павлова умерла в 1931 г. вдали от своей родины, о которой она всегда вспоминала с любовью.

После фактического ухода Анны Павловой ее положение в известной мере унаследовала Тамара Карсавина, отчасти родственная по характеру своего дарования Павловой. Т. П. Карсавина пришла на Мариинскую сцену из Петербургского театрального училища в 1902 г. и, как недавно Павлова, быстро привлекла симпатии зрителей. С 1904 г. Карсавина удачно выступает уже в главных ролях в небольших балетах «Пробуждение Флоры» и других, в конце 1906 г. она с блеском исполняет центральную роль Царь-девицы в «Коньке-горбунке». В 1908 г. Карсавина создает глубокие образы в «Лебедином озере» Чайковского (Одетта и Одиллия), затем в старинном «Корсаре» (Медора). Тот же год приносит ей большой успех

В. А. Серов. Портрет Т. П. Карсавиной. 1909 г.
Государственная Третьяковская галерея.

в Праге, где она танцует в «Щелкунчике», а в 1909 г. Карсавина завоевывает всевропейскую славу после русского сезона в Париже и гастролей в других западных центрах. Во время зарубежных гастролей Карсавина танцует, на протяжении нескольких лет, весь тогдашний фокинский репертуар. В Петербурге Карсавина также выступает главной исполнительницей в идущих на Мариинской сцене фокинских балетах (с наибольшим успехом в «Карнавале» Шумана). Вместе с тем она танцует в Мариинском театре Раймонду в известном глазуновском балете и Аврору в «Спящей красавице», Пахиту, Китри (в «Дон-Кихоте»), Жизель и т. д. В некоторых из этих ролей Карсавина достойно замещает теперь Павлову, в частности в «Жизели» (исполненной ею в 1910 г.), в которой ее успех был громадным. Ко времени мировой войны Карсавина отчасти отдаляется от фокинских исканий, в которых ее начинает отталкивать чрезмерный отход от традиций классического танца¹ (из пяти новых балетов, поставленных Фокиным в 1915—1916 гг., она танцевала в одном).

Карсавина была превосходной классической танцовщицей, отлично владевшей всем техническим мастерством классической хореографии. Но она допускала пользование этой техникой «только как средством для достижения определенной (художественной, — *Ред.*) цели, а не как материалом для достижения легкого успеха».² Артистической индивидуальности Карсавиной были ближе всего балеты и танцы лирического склада, где требуются «нежность, мечтательность и поэтическое настроение».³ Подобно всем лучшим представителям русской балетной школы Т. П. Карсавина совмещала в себе большой чисто танцевальный талант с ярким и своеобразным мимическим даром.

Среди видных танцовщиц, вступивших на Мариинскую сцену в начале XX в., следует особо отметить группу артисток, впоследствии, после Великой Октябрьской социалистической революции, составивших руководящее ядро женского состава труппы и несших на себе тогда основной репертуар. Это прежде всего Е. И. Вилль, Е. П. Гердт, Г. И. Большакова, Е. М. Люком. Старше остальных по сцене была Вилль (работавшая в театре с 1900 г. до 1928 г.), талантливая классическая и характерная танцовщица, хотя и занимавшая лишь положение солистки, но в предвоенные годы уже выступавшая как балерина в ряде балетов (в «Коппелии», «Лебедином озере» и др.). Е. П. Гердт, дочь знаменитого деятеля петербургского балета Павла Гердта, вошла в труппу в 1908 г. Ее сфера — классический танец, в котором она еще до революции проявила себя крупным масте-

¹ Позже Карсавина, публично сетуя на излишнюю «порывистость» балетных «исканий», говорила: «Дошедший до крайности модернизма, он (балет) на пути исканий часто принимал формы, не соответствовавшие самому духу балетного искусства» («Жизнь искусства», 1924, № 4, стр. 10).

² Цит. по книге: М. Б о р с о г л е б с к и й. Материалы по истории русского балета, т. II. Л., 1939, стр. 159.

³ См., например, характеристику Карсавиной в журнале «Театр и искусство» (1912, № 9, стр. 191).

ром; после 1917 г. Гердт была одной из ведущих балерин. Г. И. Большакова и Е. М. Люком, пришедшие в театр в 1909 г., работали в нем более 30 лет. Очень рано обратила на себя внимание Елена Люком, на которую критика всего через несколько лет после окончания школы возлагала «наилучшие ожидания», вполне ею затем оправданные. Люком уже в 1915—1916 гг. исполняла центральные роли в ряде балетов («Арлекиада», «Тщетная предосторожность», «Шопениана», «Эрос»). Талант Люком блестяще расцвел в послеоктябрьские годы, и одно время ее заслуженно признавали лучшей балериной Ленинградского балета.¹ Начав работу в театре в 1902 г., продолжала ее с большим успехом и после Октября Е. В. Лопухова, стяжавшая известность мастерским исполнением характерных и народных танцев.

Петербургский балет располагал богатыми кадрами и в своем мужском составе.

Около десятилетия на протяжении описываемого здесь периода работал еще Феликс Кшесинский, отпраздновавший в 1903 г. пятидесятилетие пребывания на петербургской сцене (он пришел на нее из Варшавского театра), — замечательный исполнитель национальных, в частности славянских, танцев, особенно прославившийся непревзойденным исполнением польского национального танца — мазурки. С 1875 и до 1904 г. находился на сцене Сергей Лукьянов, превосходный характерный танцовщик, обладавший крупным комическим дарованием. Блестящий Гердт (Павел Андреевич), начавший еще в 1860-х годах свою артистическую карьеру, работал до конца рассматриваемого периода (он умер в 1917 г.). На рубеже XX в. Гердт оставил молодые роли и перешел на роли стариков. Критика отмечала, однако, что он обладал секретом молодости, и когда ему приходилось возвращаться к прежним ролям (в «Раймонде», «Корсаре»), он в них восхищал публику, как раньше.²

В 80-х и начале 90-х годов в Мариинский балет пришел ряд талантливых артистов, имевших большое значение в его жизни в последующее время. Венгерец по происхождению Альфред Бекефи перешел в 1883 г. в Мариинский театр из московского Большого. Он совмещал большой танцевальный талант с мимическим, прекрасно исполнял венгерские, испанские и другие танцы, особенно же ярко танцевал чардаши. Он должен был уйти из театра в начале 1906 г. За формальной причиной («слабость сил») скрывалась, по утверждению исследователя, другая: сочувствие артиста революционной молодежи.³ Также из Москвы пере-

¹ Е. М. Люком. Моя работа в балете. Л., 1940; М. Борисоглебский, ук. соч., стр. 152—153, 182, 185—187; Ежегодник императорских театров за разные сезоны.

² В. Светлов. Терпсихора, стр. 232. Тот же автор в следующих словах определял главные свойства таланта Гердта: «Широкий и свободный жест, вдумчивая и осмысленная мимика, изящество движений и позы, редкое умение носить костюм, пластичность внешнего образа, умение поддерживать балерин и элегантность манер». Во всем этом, писал критик в начале XX в., Гердт «не имеет соперников». См. там же, стр. 230.

³ М. Борисоглебский, ук. соч., стр. 306.

шел в 80-х годах в Мариинский театр Эрико Чекетти, танцевавший, согласно свидетельству современников, «вихрю подобно».¹ Чекетти большую еще роль, нежели в области непосредственно исполнительской, сыграл в дальнейшем как педагог, с которым занимались Павлова, Преображенская, Кшесинская и др.

Крупным талантом обладали Николай Легат, танцовщик, педагог, балетмейстер (работал с 1888 до 1914 г.), Иосиф Кшесинский (сын Ф. И. Кшесинского, служил с 1886 г., во время революции 1905 г. уволен администрацией за «недопустимое поведение», связанное с его участием в прогрессивной группе артистов балета; по возвращении в театр в 1914 г. оставался на сцене до 1928 г.), Александр Горский (см. выше), Георгий Кякшт, известный своим совершенно исключительным техническим мастерством (на Мариинской сцене с 1891 до 1910 г.).

В 1885 г. в труппу Мариинского театра вступил Александр Ширяев, в ближайшие же годы зарекомендовавший себя высокоталантливым характерным артистом. «Легкость, подвижность, экспрессия, юмор и необычайная выразительность танца» — его основные черты, — отмечает автор известного труда «Материалы по истории русского балета» Борисоглебский.² Он был одним из руководителей петроградского балета в годы гражданской войны. Велико значение педагогической деятельности Ширяева, начавшейся в 1891 г. Он много сделал для изучения и пропаганды народных танцев, поднял на большую высоту преподавание характерных танцев и явился, уже в советское время, одним из создателей курса характерного танца. Из представителей того же поколения, что и Ширяев, вписавших впоследствии яркие страницы в деятельность советского балета, следует назвать Николая Соляникова, разносторонне одаренного артиста (выступавшего в разное время не только в балете, но и в драме и опере), долголетнего талантливого исполнителя мимико-драматических ролей.

Середина 90-х годов дала Мариинскому балету новых видных исполнителей — Ивана Кусова (работал в театре до 1922 г.) и Сергея Легата, яркого классического и характерного танцовщика, широко известного в России и за рубежом (он был участником оппозиционной группы в балете в 1905 г., в том же году покончил с собой). С конца 90-х годов работали Михаил Фокин (см. выше) и Михаил Обухов, в некоторых ролях оказывавшийся, по оценке критики, на «недостигаемой высоте виртуозности».

С 1902 г. в петербургском балете работал С. К. Андрианов, видный классический танцовщик (его называли «фанатиком классического танца»), позже и балетмейстер, давший незадолго до своей смерти (умер в 1917 г.) несколько со вкусом выполненных постановок.

В 1902—1903 гг. начали свою деятельность А. М. Монахов, А. И. Чекрыгин, Л. С. Леонтьев; все трое выказали себя талантливыми артистами, главным обра-

¹ М. Борисоглебский, ук. соч., стр. 39.

² М. Борисоглебский, ук. соч., т. I, Л., 1938, стр. 309.

зом в характерном жанре. После Октября Чекрыгин и в особенности Леонтьев проявили себя также в качестве балетмейстеров. Монахов, Чекрыгин и Леонтьев сыграли большую роль в поддержании деятельности петроградского балета в трудные первые годы советской власти. Известный советский балетмейстер Федор Лопухов (на протяжении 1920-х годов являвшийся художественным руководителем ленинградского балета и ныне снова занимающий этот пост в театре оперы и балета имени С. М. Кирова) начал свою работу в Марининском театре в 1905 г.¹

В 1907 г. из Петербургского театрального училища был выпущен в труппу Марининского театра Вацлав Нижинский. Он проработал на сцене театра всего три с половиной сезона: зимой 1910/11 г. он оставил Марининскую сцену вследствие столкновения с дирекцией, после чего он целиком перенес свою деятельность за границу, где уже раньше многократно выступал, начиная с первого балетного русского сезона 1909 г. Нижинский обратил на себя большое внимание еще во время выступлений на ученических спектаклях 1905—1906 гг. На выпускном спектакле в 1907 г. Шалаяпин назвал его гордостью России. О Нижинском говорили как о «чуде» балетной техники. Особенно поражала его элевация: по свидетельству П. Гердта, никто из виденных им танцовщиков не достигал такой высоты прыжка.² Но Нижинский увлекал зрителей не одной красотой и сложностью техники, а и исключительной выразительностью исполнения, особенной, ему свойственной, порывистостью игры и танца. Успех его среди публики и в Петербурге, и за границей был грандиозен. Уже в конце 1908 г., поднося ему венок, почитатели в Петербурге написали на ленте: «первому артисту мира». Нижинский выступал в «Спящей красавице» (Голубая птица), в «Коньке-горбунке», «Павильоне Армиды», «Шопениане», «Египетских ночах», «Талисмане», «Жизели».

За границей Нижинский с 1912 г. выступал не только как артист-исполнитель, но и как балетмейстер, сменив Фокина в дягилевской антрепризе. Вокруг его постановок, проникнутых ультрановаторскими тенденциями («Фавн» на музыку Дебюсси и др.), происходила шумная полемика. Болезнь вскоре оборвала деятельность Нижинского, который как танцовщик очень много сделал для мировой славы русского балета.

После Нижинского мужской состав Марининского балета пополнился еще рядом одаренных танцовщиков. Из них некоторые впоследствии покинули родной театр и родную страну, но другие остались верными народу и родному искусству и достойным образом связали свои имена с историей советского балета. Таковы, например, известный характерный танцовщик, талантливый комик А. А. Орлов (в труппе Марининского театра с 1908 г.), будущий балетмейстер

¹ Ю. Слонимский. Полвека в русском балете. Театр, 1955, № 10, стр. 162—163.

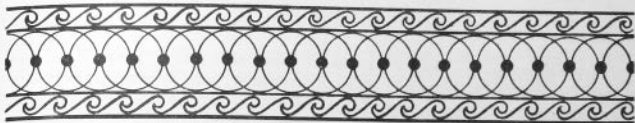
² Ежегодник Петроградских государственных академических театров, 1922, № 12, стр. 32.

В. И. Пономарев (пришел на сцену в 1910 г.), блестящий классический танцовщик В. А. Семенов (с 1912 г.).

В успехах петербургского балета, наряду с балеринами, солистками, первыми и вторыми танцовщиками, большая и важная доля принадлежала коллективному творчеству кордебалета. «Наш кордебалет действительно образцовый», — отмечала балетная критика в 1905 г., подчеркивая особенно высокий уровень его женского состава.¹ Сплошь и рядом кордебалет оказывался для зрителей такой же притягательной силой, как и отдельные корифеи балетной сцены. Во время заграничных гастролей русского балета иностранная публика была поражена исполнительским мастерством талантливых артистов кордебалета, их подлинно активным участием в происходящем, жизнью кордебалета на сцене. Высокая роль кордебалета явилась одной из тех плодотворных традиций старой русской балетной сцены, которая была использована, в обновленной и углубленной форме, советским балетом.

¹ А. П л е щ е в. О балете. Петербургский дневник театрала, 1905, № 8, стр. 4.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ЗАРОЖДЕНИЕ И ПЕРВЫЕ ШАГИ КИНО

Путь русской дореволюционной кинематографии очень сложен. Ее развитие началось в годы реакции, и это во многом предопределило ее идейное содержание. Крупное достижение научно-технической мысли, по своему характеру предназначенное для приобщения к искусству, просвещения, культуре широких масс населения, кино, однако, сплошь и рядом не отвечало этой цели.

Репертуар русских кинематографов до революции большей частью был направлен на удовлетворение мелкобуржуазных мешанских вкусов. Вместе с декадентской литературой, вместе с театрами миниатюр и фарса кинофильмы должны были отвлекать массы от крупнейших событий, происходивших в России. В годы, когда революционная борьба русского рабочего класса вступала в решительную стадию своего развития, на экранах Петербурга показывались главным образом картины «роковой любви», «кошмарных» преступлений или глухие трюковые комедии. Множество фильмов настойчиво проводило одну мысль: не нужно бороться, не нужно идти наперекор судьбе. Художественные фильмы становились в руках всякого рода предприимчивых дельцов средством спекуляции и одурманивания широких слоев населения.

Подобную же задачу были призваны выполнить ленты, посвященные прошлому России: «Оборона Севастополя», «1812 год» и др. В этих фильмах крупнейшие события истории трактовались в верноподданническом духе.

Дореволюционная кинематография имела все же и некоторые достижения. Отдельные ее фильмы, как художественные, так хроникальные и научные, сыграли известную положительную роль в становлении русской кинематографии, утверждая в ней принципы реализма.

Достаточно напомнить, что отдельные русские художественные фильмы ставили перед собой такую сложную творческую задачу, как правдивая передача внутренних переживаний героев, а некоторые передовые режиссеры стремились ознакомить трудящихся с лучшими произведениями русской классической литературы.

Были и хорошие научные и документальные фильмы. Они рассказывали самым широким слоям населения о деятелях русской культуры и искусства, знакомили зрителя с новейшими достижениями техники и науки.

Все это давало основания журналу «Сине-фоно» писать в декабре 1914 г.: «Свое было. Только дремало оно, убаюканное, одурманенное сказкой о том, что все иностранное лучше, что только они все могут».¹

Говоря о возникновении кинематографии в России, нельзя не отметить того значительного вклада в дело изобретения и усовершенствования кинематографа, который сделали русские ученые и изобретатели.

В 1881 г. русский фотограф И. Болдырев впервые использовал для съемки вместо стеклянных пластинок гибкие (целлулоидные) пленки с нанесенным на них светочувствительным слоем.

Целый ряд усовершенствований в аппаратуре и в методах съемки также принадлежит русским изобретателям.

В России зародилась и объемная мультипликация. 26 апреля 1912 г. вышел фильм «Прекрасная Люканида» или «Война усачей и рогачей», поставленный оператором, художником и режиссером В. А. Старевичем. В течение 1912—1913 гг. им было выпущено еще несколько фильмов, в которых основные роли исполняли искусно сделанные фигурки животных и насекомых; наибольшей известностью пользовались «Стрекоза и Муравей» (по Крылову).

Использовались и новейшие заграничные достижения.

Осенью 1910 г. в большом зале Петербургской консерватории демонстрируются цветные картины «Кинемаколор», снятые с помощью двух цветных фильтров — зеленого и красного, и затем соответственно окрашенные. Были и попытки создания звукового кино, но они оказались малоуспешными.

Основные произведения русского дореволюционного кино связаны с Москвой. Там находились наиболее крупные фирмы. Там были поставлены и наиболее значительные фильмы, в том числе одна из лучших картин русского кино «Пиковая дама» (режиссер Я. Протазанов, оператор Е. Славинский). Там работали первые выдающиеся русские кинорежиссеры В. Р. Гардин и Я. А. Протазанов.

¹ И. М а в и ч. Возрождение русской кинематографии. Сине-фоно, 1914, № 4—5, стр. 24.

Петербург в истории дореволюционного кино занимает менее видное место, однако и с ним связан целый ряд фильмов, имен и достижений.

В Петербурге состоялся первый в России открытый киносеанс. В субботу 4 мая 1896 г. публичке, собравшейся в театре «Аквариум» на открытие летнего сезона, во время антракта было показано несколько «живых фотографий» синемаатографа Люмьера. Появление на неподвижном полотне экрана движущихся людей и особенно поезда произвело огромный эффект на первых кинозрителей. Через несколько дней «Петербургский листок» писал, что впечатление было потрясающее: «Восторг зрителей был громадный, так что по требованию публички пришлось еще раз показать картину, изображавшую прибытие поезда».

«Живые картины», как некоторое время называли новое изобретение, быстро завоевали общую популярность.

В первые годы существования кинематографа сеансы длились всего несколько минут, изумленная публичка с восторгом смотрела коротенькие (15—20 м ленты) незатейливые истории о поливальщике улицы, о проезде по городу экипажа и т. д. Каждый «фильм» шел около минуты. Эти сценки снимались прямо на улице и не отличались большой выдумкой.

Трудно в то время было предполагать, что новое изобретение довольно скоро займет видное место среди искусств и явится одним из важнейших средств воспитания людей. Гораздо отчетливее представлялась социальная его опасность. М. Горький, видевший первые «кинофильмы» летом 1896 г. на Нижегородской ярмарке, указывал в своих статьях, что в руках торгашей кинематограф прежде всего «послужит вкусам ярмарки и разврату ярмарочного люда».¹

Слова Горького оправдались очень скоро. Появились дельцы, которые увидели в новом изобретении, пользующемся большой популярностью, источник легкой наживы. Они покупали у иностранных, главным образом французских, фирм готовые ленты и показывали их в наспах оборудованных и потому небезопасных от пожара помещениях.

Очень скоро простое движение на экране людей и транспорта перестает удовлетворять зрителей. Появляются «живые картины» с несложным сюжетом, разыгранные специально для кинематографа. Вместе с «игровыми» фильмами на одном сеансе показываются «видовые», «научные» и хроникальные картины. Открываются и первые стационарные «электротeatры», предназначенные для демонстрации кинолент. В 1905 г. в Петербурге их насчитывается уже несколько.

Неумение демонстрировать фильм было серьезным минусом раннего кино. При афирно-кислородном освещении были часты взрывы, при электрическом возникали пожары — появились даже приказы устраивать над аппаратом душ. Большим недостатком являлось мигание и прыгание кадров по экрану, что сильно утомляло глаз. Крупный специалист по глазным болезням профессор Военно-медицинской

¹ М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 23, М., 1953, стр. 246.

академии А. Г. Белляринов объявил даже, что «кинематограф является безусловно вредным для зрения».¹

Во множестве «электрических театров» под прикрытием кино существовали шантаны и бары. Вскоре это было запрещено, и кинематографы стали устраивать в перерыве между катушками собственные дивертисменты. Окончательно аттракционы исчезли из кино лишь в 1914 г. Сеансы первоначально были разрешены лишь до десяти с половиной часов вечера и только с 1912 г. было позволено продолжать сеансы до 12 час. ночи. Летом кино, как и театры, закрывались.

В 1908 г. в Петербурге за сеанс давалось 8—10, а то и 12 фильмов, в число которых входили 3—4 «драмы», 2—3 «комические», несколько видовых и хроникальных лент. Сеансы длились полтора-два часа. Вот кинореклама того времени:

«Театр „Модерн“. Невский, 78. Программа с 25 октября 1908 по 1 ноября 1908.

1) Яблочный сидр, 2) Зимние удовольствия, 3) Хиромантика, 4) Обновленная Турция, 5) Материнская любовь, 6) Бега на ходулях, 7) Парфорсная охота на оленя, 8) Выделка угля, 9) Спуск бровеносца, 10) Не целуй солдат».²

В 1910-е годы кинематограф в России становится одним из наиболее посещаемых и доступных для трудящихся зрелищ.

К концу 1911 г. Петербург имел около 100 кинотеатров, а в 1916 их было 144 (среди них много мелких). Число картин на одном сеансе сократилось до 6—8, но возросла длина фильмов. Программы менялись 2—3 раза в неделю. Ежедневно давалось 4—5 сеансов, в праздники 6—7. Общая длина лент, входящих в программу сеанса, доходит до 1800 м. Цены местам назначались в среднем от 1 руб. до 35 коп. в лучших кинотеатрах и доходили до 20—15 коп. в менее благоустроенных.

К 1913—1914 гг. в столице открывается ряд первоклассных кинотеатров — «Паризиана» (Невский проспект, д. 80) на 800 мест, «Пикадилли» (Невский проспект, д. 60) на 800 мест, «Молния» на Большом проспекте Петербургской стороны и др.

Невский и Большой (на Петербургской стороне) проспекты были основными центрами расположения кинематографов. Так, в начале 1914 г. на Невском имелось 23 кинематографа в общей сложности на 10 000 мест.

В целях рекламы владельцы кинотеатров выбирали «шикарные» или просто громкие названия. В результате в 1914 г. в столице было три «Прогресса», три «Рекорда», три «Гранд-паласа» (не считая одного просто «Гранда»), четыре «Парижских», четыре «Марса», шесть «Мулен-Ружей».

Очень характерны рекламные трюки, применявшиеся театровладельцами и кинофирмами. На глянцевой бумаге афиши сообщали, например, о новой ленте, вылуценной фирмой «Танагра»: «Все, что до сих пор было показано из злободневных картин, была сплошная бутафория. Мы удивим вас жуткой действительностью в картине „Огнем и кровью“». Рекламные восклицания (небывалая сенсация! потрясающая драма ужаса! бесподобная комедия! шедевр всех времен!)

¹ Б. С. Ли х а ч е в, История кино в России, ч. 1. Л., 1927, стр. 27.

² Вестник кинематографов в С.-Петербурге. 1908, № 1, стр. 11.

нередко противоречили друг другу. О «Гибели Помпеи» объявлялось: «Грандиозная постановка. Исключительная игра артистов. Превосходит абсолютно все выпущенное до сих пор, в том числе „Камо грядеши“». А о фильме «Камо грядеши» в тех же выражениях сообщалось, что он превосходит «Гибель Помпеи».

Как правило, фильмы демонстрировались под аккомпанемент рояля, скрипки, иногда трио и даже небольшого оркестра — в зависимости от возможностей владельца кинематографа. Искусство музыкальной иллюстрации фильма считалось очень трудным.

В ряде кинотеатров зрителей впускали постоянно и зритель смотрел программу с того места, во время которого он вошел в зал. Так как нумерованных мест до 1912—1913 гг. не было, это вызывало частые недоразумения и скандалы.

До 1907 г. на экранах петербургских кинотеатров демонстрировались игровые фильмы только иностранного производства. Житель Петербурга смотрел в те годы и салонные мелодрамы: «Вываться из когтей ада», «Дьявольская месть», «Привидение замка», и большие по тому времени «исторические боевики» тиша «Убийство герцога Гиза». Нередко демонстрировались видовые ленты, посвященные экзотике дальних стран, или хроникальные — о встречах европейских монархов и т. д.

Все эти фильмы обычно были сняты на очень невысоком художественном уровне. В Россию сбывались наряду с десятками более или менее удачных картин сотни самых неправдоподобных боевиков («Пожиратель женщин», «Мертвые повелевают») и пошлых комедий («Не целуйся с горничной», «Жена или гредка»). Эти фильмы вызывали порой настолько глубокое возмущение зрителей, что против них и главным образом против прокатных контор и театровладельцев, которые с позорной угодливостью брали самую возмутительную чепуху, лишь бы она имела иностранную марку, приходилось выступать и кинопечати. В русских киножурналах не раз развенчивались фильмы под громкими названиями, сопровождавшимися «душеледеными» плакатами. Однако театровладельцы продолжали брать все, что угодно, думая только о выручке. Поэтому столь часто шла и бульварщина и сентиментальная пошлость.

Серьезные драматические фильмы или по-настоящему остроумные комические с участием выдающихся артистов появлялись скорее как исключение. В результате осталось почти незаметным появление в 1911 г. на русском экране знаменитого киноактера Чарли Чаплина.

Первые шаги русской игровой кинематографии были несколько отличны от пути развития западного кино, с самого возникновения широко пропагандировавшего убийства, грабежи, ужасы.

Начиная с 1907 г., в России появляются отечественные кинофирмы. Количество русских художественных кинофильмов растет с необычайной быстротой. В 1907 г. их было всего 4, в 1910 г. — 30, в 1913 г. — 129, в 1916 г. уже около 500. Иностранная кинопродукция (фирмы «Патэ», «Гомон», «Фильм д'ар») в общем

подавляла русское производство лишь до начала мировой войны. Всего за 10 лет было выпущено свыше 1700 короткометражных и полнометражных художественных картин, не считая большого количества видовых, научных и документальных.

Летом 1907 г. «Первое синематографическое ателье А. Дранкова» в Петербурге — первое капиталистическое русское предприятие по производству кинолент — снимает несколько отрывков из «Бориса Годунова» Пушкина. Картина вышла на экраны в незаконченном виде под названием «Сцена из боярской жизни».

Это была первая попытка силами русских кинематографистов и артистов создать игровую картину на национальном материале. Через год, 15 октября 1908 г., фирма Дранкова выпускает фильм «Стенька Разин», или «Попизовая вольница» (поставлен по сценарию В. Гончарова режиссером В. Ромашковым, операторы А. Дранков и Н. Козловский). Этот фильм считается первой русской художественной картиной. Он повторял содержание известной народной песни «Из-за острова на стрежень», разыгранной артистами Петербургского народного дома, и длился немногим более 10 мин. Этот фильм конечно не мог создать правдивого образа Стенана Разина.

После «Стеньки Разина» Дранков выпускает в течение 1908—1911 гг. около двух десятков игровых картин, из которых интерес представляют «Свадьба Крестьянского» (отрывок из второго акта спектакля), где впервые снимался в кино выдающийся русский актер В. Давыдов, и фильмы «Богдан Хмельницкий» и «Крестьянская свадьба».

«Богдан Хмельницкий» является экранизацией сцен одноименной пьесы М. Старицкого, поставленной гастролировавшей в Петербурге Украинской труппой. Это одна из немногих картин, виденных Л. Толстым, который, по свидетельству А. Дранкова, отметил «доступность ее крестьянам как по простоте сюжета, так и по красочности картин». ¹ Л. Толстой, заинтересовавшись кинематографом, хотел сам написать какой-либо сценарий. ² В этом плане представляет интерес художественно-документальная картина фирмы Дранкова «Крестьянская свадьба», режиссером и автором сценария которой является дочь писателя Т. Л. Толстая-Сухотина и в съемках которой в имени Толстых принимал участие сам Л. Толстой.

Вытесненный более сильными конкурентами, Дранков вскоре переехал в Москву, где организовал новое кинопредприятие.

Накануне войны и во время ее в Петербурге, как и во всей России, возникло много новых фирм по производству лент. Часть из них быстро прогорала и переходила на прокат. Более сильные и крупные держались дольше. К 1916 г. в столице насчитывалось 9 фирм по производству кинематографических картин и 18 контор, занимавшихся прокатом.

Так «Вита», возникшая в 1911 г., выпускала в основном короткометражные картины, снятые при участии популярного клоуна Жакомино.

¹ В. Вишняковский. Художественные фильмы дореволюционной России. ГКИ, 1945.

² И. Тенеромо. Толстой о кинематографе. Кино, 1922, № 2, стр. 3.

В 1913 г. эта фирма выпустила большой авантюрный фильм «Борец под черной маской» (1795 м) на материале цирковой жваии с массой трюков: прыжок с Охтенского моста в Неву и т. п.

Фирма «Танагра» спекулировала на любимых зрителем именах артистов театра. В ничтожных по своему достоинству фильмах «Где Матильда?», «Роман русской балерины», «Ночь соломенного вдовца» снимались известная балерина Смирнова и выдающийся русский драматический актер К. А. Варламов.

Затем фирма привлекла для съемок В. Н. Давыдова и Ю. М. Юрьева и выпустила с их участием фильмы «Глаза баядерки» и «Душегубец». Эти картины также были рассчитаны на маловзыскательного зрителя, привлекаемого именами широко известных артистов, и по существу находились довольно далеко от искусства. Исключением явилась небольшая лента «Коронные роли К. Варламова», где были сняты отрывки из спектаклей с участием знаменитого актера.

От этих предприятий довольно выгодно отличалась фирма «Продафильм», сделавшая за 1911 г. около 20 игровых картин. В качестве сюжетов фирма использовала русские народные песни и сказки и произведения русской классики. Так, на экраны выходили «Басни Крылова», «Песнь о вещем Олеге», «По старой Калужской дороге», «На берегу пустынных волн» и др. В этих небольших, часто очень наивных картинах, зритель узнавал любимых героев Пушкина, Крылова и других классиков. Но таких фильмов на экранах было сравнительно немного. Гораздо больше снималось и показывалось фарсов, салонных драм и глупых комедий.

Особое место в истории русской дореволюционной кинематографии занимают фильмы, в которых рассказывалось о жизни рабочих. В 1910 г. выходит фильм «Жена рабочего» московской фирмы А. Хапжонкова, летом и осенью 1912 г. демонстрировались на экранах Петербурга «Рабочая слободка» и «Железом и кровью» той же фирмы, «Драма на заводе» и «Демон разлада» общества «Гомон». Эти картины стремились показать, что между фабрикантами и рабочими нет оснований для серьезных разногласий и что все зло идет не от существующего строя, а от отдельных «плохих» людей. Так кинематограф открыто становился на службу реакции. Не случайно появление этих фильмов относится ко второй половине 1912 г., — перед тем вся рабочая Россия протестовала против кровавого расстрела на Левских золотых приисках. Фильмы о рабочих пытались уверить рабочий класс России в необходимости слепого послушания воле капитала.

Но даже такие фильмы с отдельными правдивыми кадрами в них пугали правительство. В 1913 г. царское правительство издало циркуляр, предлагающий полиции ни в коем случае не допускать на экраны фильмы, в которых изображаются тяжелые условия труда, а также имеются сцены, могущие возбудить рабочих против хозяев.¹ Когда на экраны был выпущен французский фильм «Углекопы» (по Золя), цензура оставила в ленте лишь 800 м из 3000.

¹ Сине-фоно, 1913, № 24, стр. 31—33.

В годы войны наряду с великосветскими фильмами на экранах России во множестве появились военно-шовинистические и детективные. В этих последних героями были уголовные преступники — воры и убийцы.

К числу наиболее прогремевших картин такого рода относятся поставленные в Петрограде уголовный боевик «Приключения знаменитого начальника Петроградской сысковой полиции И. Д. Путилина», мрачная драма о преступлении сумасшедшего врача больницы для умалишенных «Рукой безумца» и уголовный фильм по мотивам одного шумевшего процесса «В лапах профессора-афериста».

Значительное место в продукции Петрограда продолжают занимать ленты из жизни «подусвета». Бесконечным потоком идут «Раба страстей, раба порока», «Дочь падшей» и др. Появляется и много мелодрам: «Увяли цветы... угасли мечты» и т. д. Исключение в этот период представляют картины «Дочь Альбиона» и «Беззаконие», сделанные режиссером Б. Глаголиным по рассказам Чехова. В картине «Беззаконие» основную роль исполнял артист Александринского театра К. Яковлев. Следует отметить также большую художественную картину в двух сериях — «Приваловские миллионы» — единственную дореволюционную экранизацию произведений Мамина-Сибиряка. Для постановки этого фильма петербургская фирма «Крео» привлекла известного тогда московского кинорежиссера В. Р. Гардина.

Специальные журналы, посвященные кинематографии, — «Сине-фоно» и «Киножурнал» — с 1911—1912 гг. настойчиво говорят о необходимости экранизации выдающихся произведений русской классической литературы и о привлечении к работе в кино крупнейших артистов театра. Многие лучшие фильмы русского дореволюционного кино — «Пиковая дама» Я. Протазанова, «Дворянское гнездо», «Война и мир», «Анна Каренина», «Снегурочка» и другие — сделаны по мотивам широко известных романов, повестей, пьес. Интересно отметить, что творчество Гоголя послужило основой для 25 дореволюционных картин, Некрасова — для 12, Лермонтова — для 15, Островского — для 15, Тургенева — для 12, Льва Толстого — для 24. К сюжетам Чехова работники русского дореволюционного кино обращались 43 раза, Пушкина — 48 раз, Достоевского — 10 раз.

Не следует забывать, что эти картины не могли в полной мере передать на экране художественное очарование и идейное богатство того или иного произведения литературы и потому зачастую ограничивались довольно субъективным показом одной какой-либо линии. Однако их появление на фоне массы низкопробных картин было безусловно положительным явлением.

В лучших фильмах неоднократно снимаются артисты Московского Художественного театра, Малого театра, Александринского театра (В. Давыдов, К. Яковлев, Ю. Юрьев) и др. Выдающиеся деятели русского драматического театра несли с собой в кино замечательные традиции актерского искусства и поднимали своим исполнением идейно-художественный уровень картин.

Рекламный плакат к фильму «Приваловские миллионы».
Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Складываются кадры профессиональных работников русской кинематографии. В Петербурге работают режиссеры В. Гончаров, Б. Глаголин, А. Чаргонин, операторы А. Рылло, А. Печковский, Е. Франциссон. Начинает свою плодотворную деятельность старейший художник кино В. Егоров.

Появляются и первые киноактеры, из которых следует отметить В. Максимова, В. Полонского, В. Холодную, В. Орлову, О. Рувич, З. Баранцевич. Наибольшей известностью пользовался И. Можухин, создавший глубоко впечатляющий образ Германа в «Пиковой даме» Я. Протазанова и ряд других психологических образов. В картинах фирмы «Крео» выдвинулась талантливая польская актриса Пола Негри, получившая позже мировую известность.

Говоря об истории русской дореволюционной кинематографии, необходимо отметить большое распространение в России уже в первые годы существования кинематографа лент не игрового характера — видовых, документальных и особенно научных. Передовые деятели русской науки сразу же увидели в кинематографе большие возможности для научного исследования и для популяризации знаний. При первом полярном плавании ледокола «Ермак» адмирал Макаров впер-

вые использовал только что появившийся кинематограф для точной записи движения корабля при переходе через торо́с. Эти данные помогли А. Н. Крылову изучить поведение ледокола во время движения по ледяному полю.¹

Известно, что Г. Я. Седов, отправляясь к северному полюсу, взял с собой киноаппарат, и сделанные им снимки рассказали в дальнейшем о трагической судьбе его экспедиции.²

В деле пропаганды научного кинематографа в России особенно значительна роль Петербурга. Уже зимой 1896/97 и 1897/98 гг. постоянная комиссия по техническому образованию Русского Технического общества устраивала в Соляном городке киносеансы с демонстрацией видовых картин в сопровождении лекций. Эти сеансы имели большой успех и проходили при полном зале.

В 1909 г. открывается в Териоках близ Петербурга «Прокатное бюро научных лент для учебных заведений» А. Д. Мина. Это предприятие выпустило до 140 тыс. м своих лент и даже вывозило их в Англию и Финляндию.

Мин создал и очень совершенный проектор. Для того, чтобы обеспечить его сбыт, ему пришлось сделать иностранное клеймо S.P.M. (т. е. Санкт-Петербург, Мин) и обозначить местом выпуска Льеж. «Бельгийские» аппараты разошлись в самое короткое время.

Учебные фильмы начинают применяться как дополнение к урокам по естествознанию и географии. Зимой 1907—1908 гг. несколько учебных заведений Петербурга абонировали один из крупнейших кинотеатров города «Колизеум» для показа видовых и научных лент.

Весной 1913 г. в Политехническом институте в Петербурге студентам демонстрировались на экране различные приемы обработки стали, постройка и прокладка кабелей и много других картин научно-технического содержания. Научно-популярные фильмы завоевывают и массовую аудиторию. Просмотры их организуются в 1909 г. Обществом народных университетов в зале Тенишевского училища.

В 1910 г. учреждается постоянный научный кинематограф в Лиговском Народном доме.

По примеру Петербурга научные кинематографы возникают и в других городах России. Наряду с научными картинами большой интерес представляют документальные фильмы.

В петербургский период своей работы Дранков неоднократно снимал Льва Толстого. По его же заказу был снят М. Горький на острове Капри. Дранков выпустил несколько лент и о жизни Петербурга. Им снимается также открытие памятника героям миноносца «Стерегущий». Ряд лент об архитектуре и окрестностях Петербурга, о Русском музее выпустил «Продафильм». Фирма «Аполлон» выпускает фильмы «Господин Великий Новгород», «Международные состязания

¹ А. Н. Крылов. Мои воспоминания. Изд. АН СССР, 1945, стр. 130.

² Вестник кинематографии, М., 1914, 1 апреля, № 87, стр. 22.

в катании на коньках», происходившие в январе 1911 года в Петербурге, «Петергоф» и «Спуск первого русского дредноута» и др. Необходимо отметить выпуск в начале 1911 г. большой по тем временам (935 м) документально-видовой картины «Первый пробег на русском автомобиле из Санкт-Петербурга на Сен-Готтард», фильм был заснят оператором А. Булла, проделавшим для этого вместе со спортсменом Нагелем весь путь в 12 730 км (туда и обратно) за 53 дня.

«Продафильм» в 1911 г. начинает выпускать первые русские хроникальные киножурналы под названием «Живописная и промышленная Россия».

Характерна попытка царского правительства использовать документальное кино для пропаганды столыпинской реформы.

По заказу Переселенческого управления петербургской фирмой А. Дранкова было изготовлено до 6 тыс. м лент о «счастливой» жизни переселенцев.

С самого начала своего развития кино находилось в поле зрения деятелей большевистской партии. Еще в 1907 г. В. И. Ленин говорил, что в руках спекулянтским содержанием пьес, чем пользы, вередко развращая массы отвратительной культурой, оно станет одним из могущественнейших средств просвещения масс.¹

Пролетарский зритель, составлявший значительную часть посетителей кинотеатров, уже в то время требовал фильмов, которые правдиво и убедительно рассказали бы о жизни и борьбе рабочего класса. «Правда» резко критиковала пошлые буржуазные фильмы. Отмечая большое значение кино для воспитания масс, газета призывала создать специальные рабочие кинематографы для демонстрации программ по выбору просветительных организаций.

Великий пролетарский писатель Максим Горький, отвечая в 1915 г. на анкету «Люди искусства о кинематографе», писал: «Кинематограф меня занимает давно. Я одобряю кинематограф будущего, который безусловно займет исключительное место в нашей жизни. Он явится распространителем широких знаний и популяризатором художественных произведений».²

Это будущее было недалеко. Меньше чем через два года Великая Октябрьская социалистическая революция провозгласила образование Советского государства. В истории русского кино начался новый этап.

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Ленин и кино (по личным воспоминаниям). Кинофронт, 1927, № 13—14, стр. 3.

² Театр, 1915, № 1755, стр. 6.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Развитие русского изобразительного искусства на рубеже XIX и XX вв. и в начале XX в. протекало не менее сложно и противоречиво, чем развитие музыки и театра.

Уже во второй половине 1880-х годов, в период реакции, последовавшей за революционным подъемом конца 70-х и начала 80-х годов, стало ощущаться некоторое оскудение идейного содержания в творчестве части художников. Все чаще в печати раздавались жалобы на то, что на выставках мало (или меньше прежнего) появляется произведений, способных возбудить живое общественное внимание и сочувствие.

По мере того, как изживает себя разночинно-демократический этап русского освободительного движения, с которым так тесно было связано демократическое и реалистическое направление изобразительного искусства 60—90-х годов, наблюдаются элементы кризиса в передвижничестве, теряющем понемногу свое исключительное по влиянию место. «Передвижная выставка уже не производит ныне того впечатления, какое производила когда-то», — свидетельствовала даже очень дружественная передвижникам пресса во второй половине 1890-х годов. Сам Стасов, один из главных идейных вдохновителей передвижничества, оценивая юбилейную, 25-ю, выставку передвижников (1897) и находя ее стоящей гораздо выше всех других петербургских выставок, тем не менее готов был кое в чем сравнивать ее с «Москвой и Севастополем после нашествия французов».¹

¹ В. В. Стасов. Избранное, в двух томах. Русское искусство, I, М.—Л., 1950, стр. 306.

И. Е. Репин. Рисунок В. А. Серова. 1901 г.
Государственный Русский музей.

Все больше поднимают голос представители антиреалистического и анти-демократического направления в искусстве. Усиливается воздействие на отдельных представителей русского искусства формалистических течений западного искусства, растет волна декадентства, символизма. Но и демократическое, реалистическое направление в искусстве, несмотря на отмеченный частичный упадок Товарищества передвижников, отнюдь не сдает позиций. Ведется борьба против бездельности, отстаиваются принципы народности, жизненности, общественного служения искусства. «Живого и нетронутого у нас еще довольно, все-таки, осталось», — справедливо указывал Стасов в упомянутой статье о выставках 1897 г.

Наряду с группой «стариков», по мере сил поддерживавших традиции идейного, народного искусства, выступает ряд представителей художественной молодежи, продолжающих те же традиции. Многие из них действуют в рамках Товарищества передвижников. Некоторые художники-реалисты, связанные вначале с тем же Товариществом, потом переходят в иные выставочные организации, что не мешает им сохранить в основном верность принципам идейности и реализма. Временный, но яркий подъем гражданских тенденций в изобразительном искусстве связан с первой русской революцией.

Следует подчеркнуть ведущую роль Москвы в реалистическом художественном движении конца XIX—начала XX в. Именно в Москве прежде всего можно отметить, наряду с борьбой за сохранение старых передвижнических традиций, появление новых моментов в передвижничестве, некоторые зачатки социалистического реализма в изобразительном искусстве. Они впервые проявились наиболее ясно в творчестве Н. А. Касаткина, впоследствии первым удостоившегося высокого звания народного художника Советской республики. Касаткина можно считать первым художником русского рабочего класса. Любовно и чутко изображал он типы, положение и быт, а в известной мере (в произведениях, связанных с темой революции 1905 г.) и борьбу пролетариата. Пролетарская тема нашла отражение также в творчестве А. Е. Архипова (тоже потом одного из первых народных художников Советской страны), С. В. Иванова (не дожившего до великого Октября). Тот же Сергей Иванов и другой москвич — Сергей Коровин — отдали значительную часть своих недюжинных художественных сил изображению жизни русского крестьянства.¹

В Москве же работали один из крупнейших художников конца XIX в., гениальный пейзажист И. И. Левитан и великий художник-реалист В. А. Серов, в какой-то, впрочем, степени связанный и с Петербургом. Из старшего поколения в Москве оставались В. И. Суриков, В. Д. Поленов.

В петербургский отряд художников-реалистов, передвижников входили к середине 90-х годов и позднее И. И. Шишкин и Н. А. Ярошенко (умерли в самом начале нового исторического периода, в 1898 г.), Г. Г. Мясоедов (потом переехавший в провинцию, в Полтаву) и В. М. Максимов (Мясоедов и Максимов умерли в 1911 г.), жанрист К. В. Лемох (умер в 1910 г.), известные пейзажисты А. А. Киселев (умер в 1911 г.), Е. Е. Волков и Н. Н. Дубовской и др. С 90-х годов, в связи с переходом на работу в Академию художеств, петербуржцем стал популярнейший передвижник-жанрист Владимир Маковский. До конца своих дней (1910) в Петербурге жил А. И. Куинджи, формально теперь не входивший в Товарищество передвижников, да и вообще больше не выставивший для публики своих новых произ-

¹ Из числа названных художников Архипов в заметной степени подвергся влиянию импрессионизма, но реалистическая, передвижническая основа творчества оставалась у него направляющей.

веденный, но продолжавший работать и проводивший большую общественно-художественную деятельность.

Центральной фигурой прогрессивной художественной общественности Петербурга вплоть до революции 1917 г. оставался И. Е. Репин.¹

После недолгого периода колебаний в эстетических взглядах Репин в 1899 г. по-боевому выступил против критиков и художников декадентов и в дальнейшем уже неизменно отстаивал принципы демократического, реалистического, национального искусства. «Он сбросил с себя, одним махом, одним здоровым непобедимым напором, и бревна, и булыжники, и сор, и плесень — и стал опять прежний Репин», — писал Стасов в статье «Чудо чудесное» (1899) о возвращении Репина на старые позиции.²

Борясь против декадентов, Репин, между прочим, протестовал тогда против резких их нападок на обновленную в 90-х годах Академию художеств.³ Сам Репин, принявший участие в проведении реформы Академии художеств, в течение длительного времени (1894—1907) был связан с ней в качестве руководителя одной из живописных мастерских академического Высшего художественного училища; некоторое время Репин был и ректором этого училища. Репинская мастерская в эти годы занимала особое место в Академии художеств (Высшее художественное училище при Академии в просторечии продолжали называть Академией художеств). Сюда стремилась одаренная молодежь со всех концов страны, и мастерская Репина всегда была без меры переполнена (70—100 учеников вместо 30 по норме). Один из учеников Репина, известный впоследствии советский художник И. И. Бродский, пишет в своих воспоминаниях: «Достоинства Репина как педагога заключались в том, что он на деле показывал, как нужно работать... Эти минуты, когда Репин брал кисть, были особенно значительными, все бросали работу и смотрели, что делает Репин. Такие случаи бывали не часто... И все же мы считали за большую честь учиться у Репина. Репинское обаяние, сознание того, что придет гениальный художник, поднимали нас всех, и эти минуты пребывания гения в мастерской давали нам огромную зарядку».⁴

На протяжении 1890—1900-х годов через мастерскую Репина прошли многие видные в дальнейшем художники (разных направлений). Среди них были Д. Н. Кардовский, И. Э. Грабарь, Ф. А. Малявин, И. Я. Билибин, А. П. Остроумова-Лебедева, Б. М. Кустодиев, И. С. Куликов, Д. А. Щербиновский, И. И. Бродский, М. Б. Греков, Г. Н. Горелов, М. И. Тоидзе (один из крупнейших представителей искусства Грузии) и др.

¹ Основной материал, касающийся Репина, см. во втором томе «Очерков истории Ленинграда».

² В. Стасов, ук. соч., стр. 365.

³ И. Репин. По адресу «Мира искусства». Мир искусства, 1899, № 10, стр. 1.

⁴ И. Бродский. Мой творческий путь. Л.—М., 1940, стр. 12—13.

Оставляя в 1907 г. профессию в Академии художеств, Репин указал, что основная причина его выхода — «малое время, остающееся для собственных работ». ¹ Однако Репин и за время своей профессорской деятельности никогда не оставлял собственного художественного творчества.

Главные достижения Репина этого периода относятся к области портрета (выдающиеся портреты сестры М. И. Глинки Л. И. Шестаковой, Н. П. Головиной, дочери художника Н. И. Репина, А. П. Боткиной-Третьяковой и т. д.). В 1901—1903 гг. Репиным был создан грандиозный групповой портрет «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 г., в день столетнего юбилея со дня его учреждения». И сама эта картина, и еще в большей мере подготовительные к ней работы (общий эскиз произведения, ряд отдельных эскизов-портретов — Витте, А. П. Игнатьева, Победоносцева и т. п.) принадлежат к вершинам репинского творчества. Верхушка правящей России изображена здесь с исключительной художественной силой, с предельной, самой беспощадной правдивостью. Как отмечает Игорь Грабарь, в бесподобной серии портретных этюдов для картины «Государственный совет» Репин «не только достиг прежней художественной и технической высоты, уровня 80-х годов, но перекрыл ее». ²

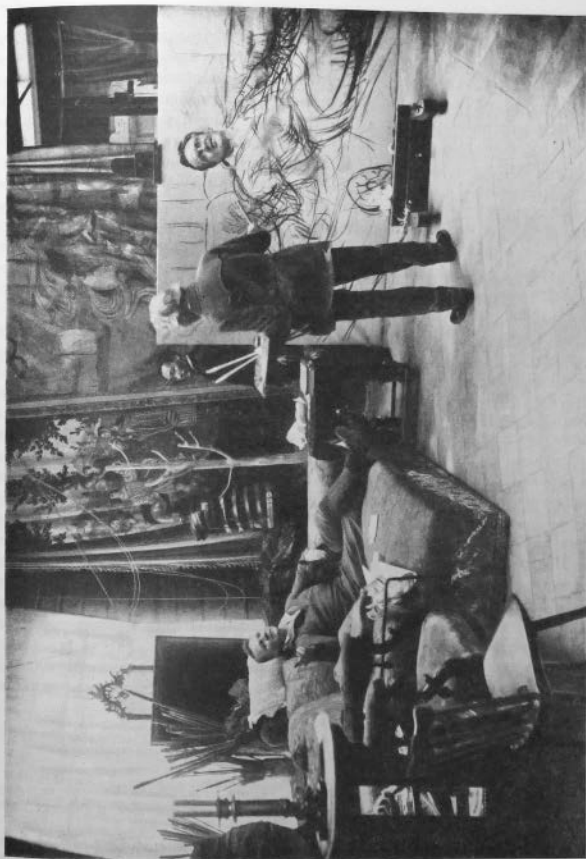
В работе над картиной «Государственный совет» Репину помогали его ученики Б. М. Кустодиев и И. С. Куликов. В январе 1904 г. картина для публичного обозрения была выставлена в Маринском дворце (местопребывание Государственного совета). В 1905 г. она находилась на устроенной тогда в Таврическом дворце богатой историко-художественной выставке русских портретов. ³ Картина Репина висела до начала 1920-х годов в Маринском дворце, затем она выставлялась в Музее Академии художеств и Музее революции, а в настоящее время она находится в Государственном Русском музее.

В течение 1890-х годов на передвижных выставках Репин выставлялся нерегулярно. Но с 1899 и до 1917 г. Репин из года в год появляется на них со своими произведениями, из которых иные вызвали повышенный общественный интерес. Таковы, например, картины «Какой простор», появившаяся на 31-й выставке Товарищества передвижников в 1903 г. и воспринятая обществом как прославлен-

¹ С. Эрнст. Илья Ефимович Репин. Л., 1927, стр. 52.

² И. Грабарь. Зарубежный период Репина. Художественное наследство, т. I, М.—Л., 1948, стр. 294.

³ Выставка была открыта 6 марта 1905 г. и явилась важным и интересным явлением в художественной жизни столицы. Советский художник Н. П. Ульянов вспоминает о ней: «Эта выставка — грандиознейшая демонстрация портретистов, русских и иностранных мастеров, работавших в России со времен Петра I до начала XX века. . . Собранные в одном месте, эти многочисленные портреты суммировали достижения, подводили итог работе талантов в специальной области изобразительного искусства в таком масштабе, как никогда и нигде в мире. Это было большое, незабываемое событие не только для художников» (Мастера советского изобразительного искусства. Произведения и автобиографические очерки. Составители П. И. Сысов и В. А. Швариков. Живопись. I. М., 1951, стр. 533). Организатором выставки был С. П. Дягилев.

И. Е. Репин в «Пенатах» пишет портрет Ф. И. Шаляпина. Фотография 1914 г.

ние стремящейся вперед, к лучшему будущему русской молодежи, или «17 октября 1905 г.», показанная на 41-й выставке в 1912—1913 гг. Последняя картина была написана в 1907—1911 гг., когда мастерство Репина в общем уже находилось на ущербе, что отчасти сказалось на содержании и выполнении произведения, которое тем не менее, как напоминание о событиях первой революции, произвело (прежде всего на часть интеллигенции) сильное, «заражающее» впечатление.

С конца 1900 г. И. Е. Репин жил постоянно в поселке Куоккала (ныне Репино), на даче своей жены И. Б. Нордман-Северовой «Пенаты». ¹ В историю художественно-общественной жизни столицы вошли «репинские среды» в «Пенатах», на которые собирались многие представители петербургской интеллигенции, где оживленно обсуждались вопросы искусства и общественной жизни. Среди посетителей «Пенатов» можно назвать В. В. Стасова, Ф. И. Шаляпина, Д. И. Менделеева, И. П. Павлова, В. М. Бехтерева, В. Г. Короленко, Н. А. Морозова, В. В. Маяковского, И. И. Бродского, И. Я. Гинцбурга, К. И. Чуковского и др. «Пенатам» посвящено немало теплых страниц в мемуарах современников. ²

Одним из частых гостей Репина в «Пенатах» являлся А. М. Горький, лично связанный с Репиным с 1899 г. (тогда Репин написал первый из своих портретов Горького), оказавший на художника благотворное идейное влияние. ³ Горький исключительно ценил Репина. По воспоминаниям И. И. Бродского, «из художников-современников Алексей Максимович как-то по-особенному нежно любил Репина и Серова. С ними он был в большой дружбе и все, созданное руками этих мастеров, расценивал необычайно высоко». ⁴

Можно смело признать, что великий пролетарский писатель в своей любви к Репину выражал отношение к художнику всех передовых элементов рабочего класса. Поздравляя Репина по случаю одного из юбилеев его художественной деятельности, группа петербургских рабочих писала ему: «Любя народ и правду, болея душой о неволе русского народа, вы сумели в чудных образах изобразить его горе и радость. Ваши картины особенно близки нашему сердцу... Спасибо, честный гражданин!». ⁵

Не случайной была особенная любовь Горького и к Серову, отмеченная в цитированном свидетельстве Бродского. ⁶ В. А. Серов (сын известного компози-

¹ И. А. Бродский и Ш. М. Меламуд. Репин в «Пенатах». М.—Л., 1940.

² См., среди других, воспоминания Корнея Чуковского «Репин» (М.—Л., 1945).

³ И. С. Зильберштейн. Репин и Горький. М.—Л., 1944.

⁴ И. Бродский, ук. соч., стр. 54.

⁵ И. А. Бродский и Ш. М. Меламуд, ук. соч., стр. 62—63. Недавно напечатан материал об интересной встрече большой группы рабочих с Репиным в Пенатах около 1913 г. (Вечерний Ленинград, 1955, № 229).

⁶ Зимой 1910/11 г. Горький писал Бродскому о Серове: «Очень я его люблю, — крепкий он человечье и художник божий» (М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 29, М., 1955, стр. 150).

тора и критика) был гордостью русского искусства конца XIX и начала XX в. Отдельные колебания в сторону эстетики модернизма, личные связи и та или иная степень сотрудничества с модернистским кругом художников не могут повлиять на общую, итоговую оценку Серова как проникновенного, тонкого и глубокого реалиста, до пределов правдивого и искреннего в изображении и человека, и природы. Вместе с Репиным Серов был одним из величайших русских и мировых портретистов, с непревзойденным мастерством передававшим характер, внутренний мир людей. Как портретист, Серов, вслед за Репиным, Крамским, Перовым, Ге, оставил исключительно ценную и поучительную галерею образов представителей весьма разнообразных слоев русского общества.¹ Но значение Серова далеко не исчерпывается областью портрета. Он весьма обогатил русскую историческую живопись (проявив особый интерес ко времени Петра I), он был замечательным мастером пейзажа, неповторимым анималистом. Очень важен вклад Серова в развитие графики (блестящий дар Серова-анималиста, между прочим, проявился в его известных иллюстрациях к басням

В. А. Серов. Рисунок И. Е. Репина. 1901 г.
Государственная Третьяковская галерея.

Крылова), театрально-декорационного искусства (оформление спектакля «Юдифь» А. Н. Серова). Серов был человеком большого гражданского мужества; некоторые стороны его прогрессивной общественной деятельности будут освещены ниже.

Значительным художественным событием была посмертная выставка произведений В. А. Серова в залах Академии художеств в начале 1914 г.

* * *

Крупным фактом в истории культурной жизни столицы и всей страны явилось создание музея национального искусства в самом конце XIX в. В Москве к этому времени уже была создана Третьяковская галерея, открытая широко

¹ Эта галерея, в частности, ценна для понимания облика, психологии верхнего слоя петербургского общества предреволюционной поры; с другой стороны, Серовым запечатлены образы ряда представителей художественного и артистического мира столицы.

для публики с 1881 г. и в начале 90-х годов перешедшая в руки города. В Петербурге произведения русских художников были рассеяны по разным музеям (Эрмитаж, имевший свой русский отдел, Музей Академии художеств) и дворцам (Зимний, Царскоевский Александровский и т. д.). Мысль об основании Русского музея возникла давно. В 1870 г. существовавшее тогда Петербургское собрание художников создало комиссию (А. Б. Лобанов-Ростовский, архитектор В. А. Гартман, археолог В. А. Прохоров, историк М. И. Семевский и др.) для составления проекта Русского музея, предполагавшегося к открытию в Соляном городке.¹ Но осуществление этого начинания оказалось не под силу собранию художников.² Лишь через четверть века, уступая требованиям общественности, в том числе художественной,³ дело это взяло на себя государство. В 1895 г. появился указ об основании в Петербурге Русского музея, которому новый царь Николай II присвоил имя своего отца Александра III, как якобы «покровителя русского искусства». Под музей было отведено приобретенное в казну здание Михайловского дворца, построенное в 1819—1825 гг. архитектором К. И. Росси для великого князя Михаила Павловича. Переделка Михайловского дворца для нужд музея была выполнена архитектором В. Ф. Свиньным.

Согласно положению о Русском музее, утвержденному в 1897 г., предусматривалось образование в музее отделов Художественного, Этнографического и Художественно-промышленного.⁴ Основой собраний музея должны были стать картины, скульптуры и предметы прикладного искусства, переданные из Эрмитажа, Академии художеств и дворцов. Дальнейшее пополнение намечалось производить путем покупок и пожертвований. Забота о пополнении Русского музея возлагалась отчасти на Академию художеств. Вновь приобретаемые произведения подлежали помещению на несколько лет в Музей Академии художеств и только после этого окончательно передавались в Русский музей.

Русский музей находился в ведении Министерства императорского двора. Непосредственное заведование им было возложено на управляющего, которым, согласно положению, непременно должен быть член царской фамилии. Зависимость от двора, «руководство» «августейшего» управляющего (насколько оно могло реально проявляться) отрицательно сказывались на деятельности Русского музея.

Открытие Русского музея состоялось 7 марта 1898 г. «Широко, разнообразно и мощно проявление русского таланта, и мы можем гордиться нашим музеем, где он так блистательно представлен», — заявлялось в столичной печати по по-

¹ Здесь потом возникло Центральное училище технического рисования барона Штиглица и при нем ценный музей предметов прикладного искусства.

² Знакомые. Альбом М. И. Семевского. 1867—1888. СПб., 1888, стр. 49.

³ Энергично боролся за создание в Петербурге русского государственного национального музея Вл. Стасов (см., например: В. В. Ст а с о в, ук. соч., стр. 369 и сл.).

⁴ Создавался, кроме того, никому не нужный отдел памяти Александра III.

В. А. Серов. Дети. 1899 г.
Государственный Русский музей.

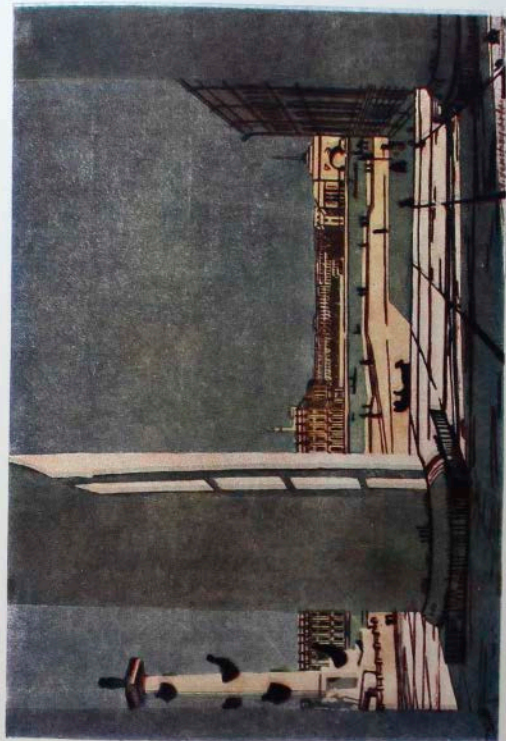
воду этого торжества. В действительности, при всем значении совершившегося события, не было оснований говорить о том, что Русский музей полно и всесторонне отражает развитие национального изобразительного искусства.

Характеризуя коллекции Русского музея, один из тогдашних искусствоведов писал примерно через десять лет после его открытия: «К сожалению, при организации музея многие произведения, весьма интересные для истории русского искусства, не были взяты, а наоборот, в музей попали такие безличные художники, которые не имеют ни исторического, ни художественного интереса».¹ Особенно бедно была показана реалистическая живопись второй половины XIX в. — передвижников и их непосредственных предшественников. Решив вначале быть представлен только картинами «Запорожцы» (переданной из Эрмитажа), «Садко», «Николай чудотворец» и весьма немногими портретами, в том числе несколькими акварельными портретами, входившими в состав пожертвованного музею собрания акварелей, рисунков и пастелей М. К. Тенишевой. Музей не давал сколько-нибудь достаточного представления о творчестве Крамского, Ярошенко и особенно Перова. При открытии музея отсутствовали картины В. Маковского, Максимова, В. В. Верещагина, из более молодых — Серова. Всего одной-двумя картинами были представлены Суриков («Ермак»), Поленов («Блудная жена»), Савицкий («На войну»), Мясоедов («Поздравление молодых в доме помещика»), Приявнишников («Крестный ход», «Возвращение к ярмарки»). Саврасов был представлен одним карандашным рисунком, Левитан — одной акварелью, Федор Васильев — одной картиной маслом (правда, из лучших). Относительно благополучнее с самого начала обстояло дело с Шишкиным (15 произведений, в том числе «Лесная глушь» и «Корабельная роща»), Н. Н. Ге («Тайная вечеря», «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича»). Разумеется, сосредоточение хотя бы и немногих произведений передвижнической школы в одном музее, более или менее доступно рядовой публике, имело серьезное культурное значение.

Гораздо шире и богаче была представлена в Русском музее живопись первой половины XIX в. В музее с первых дней было выставлено около 40 произведений К. П. Брюллова (в том числе переданный из Эрмитажа «Последний день Помпеи», «Смерть Инессы де Кастро», портрет графини Самойловой, автопортрет). Немало было полотен Кипренского, Венецианова («Гумно» и др.), А. О. Орловского, Сильвестра Щедрина, Тропинина, Бруни, Айвазовского (среди других — «Девятый вал», «Всемирный потоп»). Русский музей располагал картиной Федотова «Сватовство майора», картиной Александра Иванова «Христос и Магдалина» и его же известным портретом Гоголя.

В музее было с самого начала некоторое число работ портретистов XVIII в. — в основной части фонда и в специальной коллекции портретов А. Б. Лобанова-

¹ Н. Н. В р а н г е л ь. Обзор Русского музея имп. Александра III. СПб., 1907, стр. XII. Автор — сторонник модернистского «Мира искусства», но приведенный его отзыв является в общей форме справедливым.

А. П. Остроуов-Левбедев. Вид на Неву из-за колонн Биржи. Цветная эраюра, 1908 г.
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

Ростовского, приобретенной от его наследников (Аргунов, Боровиковский, Левицкий).

Всего при открытии Русского музея было выставлено около 400 картин масляными красками и более 70 акварелей, сепий, пастелей, рисунков, полученных в основном из Эрмитажа, Академии художеств, Зимнего и Александровского дворцов, и, кроме того, около 400 номеров собрания Тенишевой, около 90 — собрания Лобанова-Ростовского.¹ Из Академии художеств был передан музею отдел христианских древностей.

Отдел скульптуры Русского музея выставил на первых порах 109 номеров. Здесь были произведения Антокольского («Умиравший Сократ», «Мефистофель», «Иоани Грозный», «Ярослав Мудрый», «Нестор летописец», «Ермак Тимофеевич»), П. К. Клодта (этюды для группы на Аничковом мосту и др.), Ф. П. Толстого (аллегорические сцены Отечественной войны 1812 г.), Козловского, Рамазанова, Гальберга, Н. С. Пименова, Каменского, Чижова.

Этнографический отдел Русского музея был открыт в 1902 г.; впоследствии было приступлено к организации Историко-бытового отдела.² Наряду с появлением новых отделов постепенно происходило расширение коллекций главного, Художественного отдела Русского музея. В течение уже первого десятилетия жизни музея он пополнился произведениями Верещагина (купленными целым собранием с посмертной выставки художника), Левитана, Серова, Вл. Маковского. В Русском музее появились «Вдовушка» Федотова, «Трапеза» Перова, «Портрет Раухфуса» Крамского (последняя работа художника, за которой он умер), «Витязь на распутье» В. Васнецова, ряд выдающихся репинских портретов, включая этюды Репина к «Государственному совету», и многое другое.

Пополнение Русского музея продолжалось и во втором десятилетии его существования, особенно интенсивно — в годы перед первой мировой войной. Тогда, между прочим, после смерти Куинджи от действовавшего в столице общества его имени был получен в дар ряд выдающихся произведений художника, как «Вечер на Украине», «Лунная ночь в лесу». На те же годы приходится обогащение и устройство заново отдела иконописи: к прежним 1700 иконам, хранившимся в музее, прибавилось огромное собрание Н. П. Лихачева — около 1500 икон.

Несмотря на расширение музейных коллекций, состояние Русского музея с точки зрения полноты отражения истории русского реалистического искусства оставалось желать очень многого. Продолжало ощущаться отсутствие системы в размещении картин, вызывавшее нарекания с первых лет существования Русского музея, несмотря на те или иные усовершенствования в экспозиции. Следует, наконец, учесть и то, что музей в отношении количества и состава посетителей

¹ Каталог художественного отдела Русского музея имп. Александра III. СПб., 1899.

² Г. Е. Лебедев. Государственный Русский музей. 1895—1945. Л.—М., 1946.

не мог считаться при старом режиме подлинно народным. Даже в 1913 г. число посетителей в будние дни колебалось от 300 до 600 и только в воскресные — достигало 2—2½ тыс.¹

Коренная перестройка работы Русского музея, сделавшая его — теперь в огромной степени расширившаяся — коллекции действительно всенародным достоянием, наступила лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

* * *

Выше было отмечено зарождение и постепенное усиление с конца XIX в. антиреалистических и антидемократических веяний в изобразительном искусстве. В Петербурге это выразилось в появлении художественной группировки «Мир искусства», получившей свое название по имени журнала, который она выпускала с осени 1898 по 1904 г.

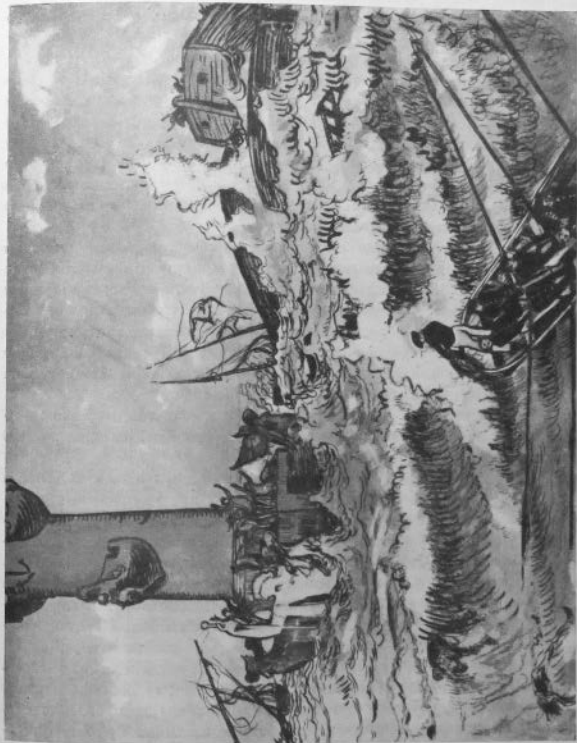
Образование «Мира искусства» было подготовлено в течение 90-х годов деятельностью кружка художников и других интересовавшихся искусством лиц, к которому принадлежали Александр Бенуа, Сергей Дягилев, Бакст, Сомов, Лансере и др. Бенуа и отчасти Дягилев были идеологами «мирискусничества», Дягилев — его главным организатором.

«Мир искусства» с самого начала противопоставил себя передвижничеству, за которым он лишь в прошлом признавал некоторую заслугу по борьбе со старой Академией художеств, но основные принципы которого он отвергал. При этом «Мир искусства» боролся не только против передвижников; он резко нападал на всю эстетику русской революционной демократии (с Чернышевским во главе), служившую важнейшей идейной основой самого передвижничества в его лучших и высших проявлениях.

«Мир искусства» выступил под знаменем давно разоблаченной Белинским, Чернышевским, Добролюбовым антинародной теории «искусства для искусства». В серии программных статей журнала Дягилев заявлял, что для него «совершенно непонятно» требование общественного служения искусства, требование «отзывчивости искусства» на человеческие «заботы и волнения». Он утверждал, что искусство должно быть «самоцелью, самополезно». Дягилев говорил о своих сторонниках как о «каждущем красоты поколению», находящем эту красоту «и в добре и в зле». Выступая с позиций воинствующего индивидуализма, он «доказывал», что только личность — единственная творческая сила, «единое светило, озаряющее все горизонты». ² Бенуа выпустил (отдельно в 1902 г.) свою «Историю русской живописи в XIX веке», направленную против представителей русского идейного, реалистического искусства. Здесь отвергалось искусство, насыщенное социальным

¹ Аполлон, 1914, № 9, стр. 63.

² Мир искусства, 1899, № 1—2, стр. 14, 15; № 3—4, стр. 49, 60.

А. И. Бегун. Навождение у Рождальной колонны. Рисунк 1903 г.
Государственный Русский музей.

содержанием (Бенуа презрительно называл последнее «социально-педагогическими идейками»); Бенуа ратовал против «направленства», против якобы уже «сыгравшего свою роль» реализма, отстаивал индивидуализм, «долгое время пропавший» идеализм.¹

«Мир искусства» объединял одаренных художников, но они были проникнуты космополитическими настроениями, подчиняли содержание формальным исканиям, отворачивались от окружающей жизни, особенно от жизни трудящихся масс, и посвящали свои произведения изображению, сугубо идеализированному и стилизованному, прошлых эпох — придворного быта Франции времени Людовика XIV, быта верхов русского общества XVIII в. и т. п. (таковы были картины Сомова, самого Бенуа и др.). Даже близкие к «мирискусникам» критики подчас вынуждены были высказывать тревогу по поводу подмены ими широких задач живописи эстетством и гурманством.

Первой выставкой объединения «мирискусников» была выставка русских и финляндских художников, организованная Дягилевым в помещении музея Штиглица в начале 1898 г. В 1899 г. состоялась первая уже после появления журнала «Мир искусства» выставка, устроенная редакцией этого журнала и под его маркой. Она была названа «Международная художественная выставка картин журнала „Мир искусства“», так как экспонировались произведения не только русских (петербургских и московских), но и иностранных художников. Последующие выставки представляли уже одних русских художников.

Выступления художников — индивидуалистов и идеалистов, мистиков, формалистов сразу же встретили решительный отпор со стороны деятелей русской демократической культуры.

Еще в 1896 г., в связи с Всероссийской выставкой в Нижнем Новгороде, М. Горький подверг резкой и глубоко принципиальной критике ранние проявления декадентского искусства. Горький исходил из положения, что искусство нужно жизни, людям. Он доказывал, что искусство должно быть ясно и просто; «значение его слишком велико и важно», чтобы в нем могли иметь место «чуждачества». Горький находил, что творчество «новых» художников «никогда не охватывает зрителя, не заставляет его чувствовать и думать». «Краски большинства картин, — писал Горький, — ослепительно яркие, идеи — мутны и темны». Писатель-революционер упрекал художников-модернистов в недостатке любви к своей стране и к ее людям. Он говорил об этих художниках, что они не видят и не знают своего народа. Сурово Горький расценил творчество М. А. Врубеля, художника большого таланта, но неровного — отдавшего большую дань модернизму, которого декаденты сделали как бы своим знаменем. Подчеркивая родство живописи Врубеля с декадентской поэзией, Горький писал: «Какой социальный смысл во всем этом, какое

¹ А. Бенуа. История русской живописи в XIX веке. СПб., 1902, стр. 145, 195, 224—226.

А. П. Остроумова-Лебедева. Прачечный мост. Гравюра на дереве. 1912 г.

положительное значение может иметь эта пляска св. Витта в поэзии и живописи».¹

С возникновением первых выставок, организованных дягилевской группой, а затем и ее журнала — «Мир искусства» энергичным и пламенным борцом против нее выступил В. В. Стасов. Стасов называл сторонников этого направления «нищими духом». Характеризуя «секту» декадентов, возникшую сначала на Западе, Стасов определял ее «как безобразие, как насилование природы, как искажение ее, как поклонение тому, что безумно по содержанию и бестолково по форме».² Подобно Горькому Стасов устанавливал факт тесной связи «декадентов литературы и искусства», отмечая, что в глазах и тех, и других «смысл и жизненная правда не обязательны для поэзии и искусства».³

Надо, однако, заметить, что выставки «Мир искусства» демонстрировали творчество не одних «коренных» представителей этой группировки; на этих выставках появлялись художники, которым по существу чужды и далеки были главные установки «мирискusstничества». Для стасовских выступлений против «Мира искусства» очень характерно было стремление от основного «мирискusstнического» ядра отделить художников, сохранявших преемственную связь с лучшими традициями русского искусства XIX в. Так, обозревая в 1898 г. выставку русских

¹ Горький об искусстве. М.—Л., Изд. «Искусство», 1940.

² В. В. Стасов, ук. соч., стр. 347.

³ Там же, стр. 411.

и финляндских художников, Стасов писал: «...от всей этой оргии беспутства и безумия я совершенно отделяю несколько хороших и талантливых произведений, которые стоят тоже на выставке, но громко кричат против нее... Это картины таких, в самом деле, талантливых людей, как Серов, Ап. Васнецов, Левитан, Рябушкин, Пурвит».¹ Ту же линию отмежевания художников реалистического склада и духа, «н е д е к а д е н т о в», Стасов проводил и в позднейших статьях, особенно настойчиво, и с полным основанием, выделяя всегда Серова как «настоящий, верный и справедливый талант», «свежий, не исковерканный».²

Надо заметить и то, что даже в самом ядре «мирискусников» были разные оттенки, в связи с чем отдельным представителям его предстояла различная судьба. В то время как одни (А. Н. Бенуа, К. А. Сомов, М. В. Добужинский, Н. К. Рерих) и после крушения царизма и капитализма не смогли перестроиться, остались верными антинародной эстетике, уехали из своей страны на Запад, другие (и именно те, в первую очередь, чье творчество всегда имело в большей или меньшей степени реалистические, национальные основы) поставили свое искусство на службу победившему народу и заняли почетное место среди художественной интеллигенции страны Советов. Такова, например, А. П. Остроумова-Лебедева, ученица Репина и Матэ, замечательный гравер и живописец, возродившая и блестяще развившая искусство деревянной гравюры, запечатлевшая во многих из своих глубоко поэтических произведений, проникнутых живым чувством и тонким очарованием, архитектурно-художественный облик, природу, отчасти и быт Петербурга—Ленинграда (Остроумова-Лебедева была удостоена высокого звания народного художника РСФСР).³ Таков и Е. Е. Лансере (также народный художник РСФСР), разносторонний по своим интересам и кругу деятельности мастер, автор ценных исторических полотен, известный график, о котором еще будет речь впереди.

Как было указано выше, на выставках «Мира искусства» сначала были представлены художники и Петербурга и Москвы. Вскоре среди москвичей наметилось стремление к созданию своего объединения. В конце 1901 г. открылась первая Выставка 36 художников в Москве, при участии и ряда петербуржцев из «Мира искусства». В 1903 г. в Москве возникло постоянное выставочное объединение — Союз русских художников, просуществовавшее до первых лет советской власти. Незадолго до образования Союза фактически приостановились выставки «Мира искусства», и ряд участников последнего примкнул теперь к новому Союзу.

¹ Там же, стр. 338. Вильгельм Пурвит, принадлежавший на определенном этапе к петербургским художественным кругам, занимает видное место в истории латышской художественной культуры.

² Там же, стр. 415 (ср. стр. 357).

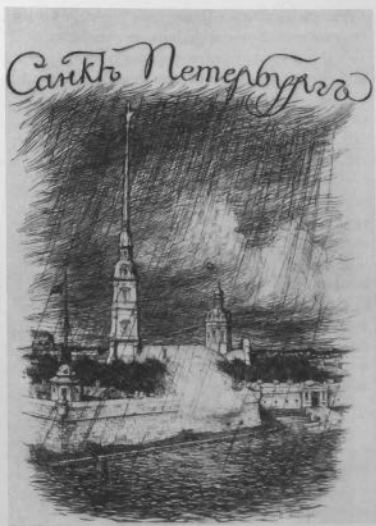
³ Остроумова-Лебедева является также талантливым писателем-мемуаристом. Выпущенные ею три тома «Автобиографических записок» (1935—1951) представляют большой интерес для истории культурной жизни города Ленина. Художница умерла в Ленинграде в 1955 г.

Выставки Союза русских художников из Москвы перевозились ежегодно в Петербург (впервые выставка Союза в Петербурге была открыта под Новый год 1905 г.).

Состав Союза русских художников был пестрым. В нем находилось много москвичей-передвижников, отделившихся к началу XX в. от Товарищества передвижных художественных выставок; часть из них испытала так или иначе влияние импрессионистского движения в живописи, но обычно сохраняла и связь с передвижническими традициями. С другой стороны, в Союзе участвовали тогда модернисты разных уклонов. На выставках его экспонировались произведения петербургских «эмприскусников» Бенуа, Сомова, Бакста, Добужинского, также Лансере, Остроумовой-Лебедевой и др.

Видную роль из числа художников-москвичей в объединении Союза русских художников играли Врубель, Серов, Константин Коровин, С. В. Малютин, С. Ю. Жуковский, Архипов, К. Ф. Юон, И. Э. Грабарь, Аполлинарий Васнецов, П. И. Петровичев, Л. В. Туржанский и др.¹ К Союзу в конце своей жизни примыкал и Суриков.²

Участие бывших деятелей «Мира искусства» в Союзе русских художников продолжалось до 1910 г., когда в Союзе произошел раскол: большинство петер-

Е. Е. Лансере. Петропавловская крепость. Рисунок 1901 г.

Государственный Русский музей.

¹ Некоторые из участников Союза продолжали одновременно выставляться у передвижников и состояли членами Товарищества передвижных выставок (например Малютин, Жуковский, Петровичев, Туржанский).

² У передвижников Суриков в последний раз был представлен (на 35-й выставке, открывшейся в Петербурге в декабре 1906 г.) своим «Разным», находящимся ныне в Государственном Русском музее.

буржцев вышло из Союза, и с конца того же года возобновились отдельные выставки под фирмой «Мира искусства».

В пору сотрудничества между «мирискусниками» и Союзом русских художников модернистская критика в общем более или менее сочувственно откликалась на выставки Союза. После раскола она стала часто подчеркивать ненавистную ей «передвижническую закваску» многих деятелей Союза русских художников. И действительно, для значительной части «союзников» характерна была эта закваска, следование реалистическим традициям передового русского искусства, хотя идейное содержание их творчества редко достигало уровня прежнего, классического, боевого передвижничества. Нечего и говорить, что в этих именно чертах, в этой связи с передовыми традициями сказывалась сила (а не слабость, как пытались доказать модернисты) лучшей части Союза русских художников.

Недаром и в наши дни видные советские художники с благодарностью вспоминают многих деятелей Союза русских художников. Народный художник Союза ССР Александр Герасимов пишет: «Из картин текущих выставок самое большое впечатление производили на меня картины с выставки Союза русских художников. Особенно привлекал меня А. Е. Архипов. . . Увлекали меня полотна Серова и. . . работы Л. Туржанского, который в то время имел на меня очень большое влияние». ¹

* * *

События первой буржуазно-демократической революции в России (1905—1907 гг.) оказали серьезное влияние на художественную жизнь столицы.

Сильно была затронута влиянием революции художественная учащаяся молодежь — в первую очередь студенчество Академии художеств (Высшего художественного училища).

Студенты Академии были потрясены расстрелом рабочей демонстрации 9 января. С 17 января 1905 г. Академия была закрыта. После ее открытия 3 февраля начались многочисленные сходки учащихся. Уже на сходке 3 февраля учащиеся Академии художеств заявили, что они, «солидарные в протесте с другими учебными заведениями», прекращают занятия до сентября. ² На одной из сходок присутствовал в числе нескольких других оппозиционно настроенных профессоров И. Е. Репин. 6 февраля он писал под живым впечатлением от сходки: «...я особенно рад, что еще раз и так воочию пришлось видеть нашу русскую молодежь. . . Для меня несомненно, что наша молодежь, по сравнению со всем образованным миром, заняла бы одно из самых первых мест и по развитию и по высоте своих идеалов. Ну как могут удержаться на этой среде ханские предания самодержавия?!». ³

¹ Мастера советского изобразительного искусства. Живопись. I, стр. 10—12.

² Русь, 1905, № 11 (от 18 января); Право, 1905, № 6 (от 13 февраля), стлб. 443.

³ И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка. III. 1895—1906. М.—Л., 1950, стр. 231.

В. К. Масленников. 9 января. Картина маслом.
Музей революции СССР. Москва.

Когда к сентябрю 1905 г. в столицу съехалась (после летнего периода) молодежь высших школ и началась полоса сходок и митингов, возобновились также сходки в Академии художеств. На академической сходке 19 сентября было признано, что «настоящее состояние России не позволяет студенчеству прекратить начатую борьбу и сосредоточиться на занятиях искусством». Считая вместе с тем, что закрытие Академии разъединяет ее учащихся, сходка постановила открыть двери Академии, чтобы сплотиться между собой и с другими группами студенчества «и совместно с ними перейти к наиболее активной форме освободительной борьбы, согласно требованиям данного момента».¹

В обстановке нараставшего подъема революции учащиеся временно, как вспоминает И. И. Бродский, «стали хозяевами положения».² Во главе движения в Академии стоял студенческий Совет старост. Действенными участниками движения были А. И. Савинов, И. И. Бродский, Л. П. Альбрехт и др.³ Революционное студенчество Академии художеств подобно студентам университета стремилось широко открыть двери Академии для собраний трудящихся. Громадный народный митинг состоялся 14 октября во дворе и в помещениях Академии художеств. Это вызвало грубую реакцию со стороны «августейшего» президента Академии великого князя Владимира (дяди царя, командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа), приказавшего «Академию закрыть и даже наглухо заклепать».⁴

В течение ряда недель Академия художеств была блокирована войсками и полицией. После снятия в середине ноября наружных военных караулов учащиеся были все же лишены возможности собираться здесь для обсуждения своих нужд.⁵

В начале ноября 1905 г. большевистская газета «Новая жизнь» опубликовала решения сходки учащихся Академии художеств, собравшейся в частном помещении. Студенты-художники выражали «свое негодование по поводу насильственного закрытия Академии» и высказывали надежду, что совет профессоров не останется пассивным зрителем насилья, но «предпримет решительные меры в борьбе с административным произволом».⁶ Еще через несколько дней орган большевиков сообщил о том, что выбранная учащимися из своей среды комиссия выработала проект «полной реорганизации всего художественного академического строя,

¹ Право, 1905, № 38 (от 25 сентября), столб. 3191—3192.

² И. Б р о д с к и й, ук. соч., стр. 19.

³ Л. П. А л ь б р е х т. Страничка воспоминаний. Художественное наследство, т. II, М.—Л., 1949, стр. 236.

⁴ Н. С о к о л о в а. Революционное движение в Академии художеств и Училище живописи в 1905—1906 гг. Искусство, 1934, кн. 2, стр. 175.

⁵ Новая жизнь, 1905, № 1 (от 27 октября); Новости и биржевая газета, 1905, № 219 (от 10 ноября).

⁶ Новая жизнь, 1905, № 6 (от 2 ноября).

исходя из общих принципов свободы общественной жизни, науки и искусства». ¹ «Проект устава высшей художественной школы», выработанный учащимися, исходил из убеждения, что «школа должна быть автономна» и «управление ею должно принадлежать профессорам и ученикам на равных правах». Сорок один пункт студенческого «Проекта» подробно рассматривал вопросы желательного устройства Академии художеств на новых началах, устраняющих «попечение» царского правительства «об искусстве и художественном воспитании страны». ²

Учащиеся не добились осуществления своих планов и стремлений. Высшее художественное училище при Академии художеств оставалось закрытым в течение всего 1905—1906 учебного года. После его открытия осенью 1906 г. молодежь пыталась возобновить свою борьбу; дело снова дошло до объявления студенческой забастовки, в условиях спада революционного движения и общего наступления реакции не имевшей, однако, успеха. ³

Революционные события 1905 г. захватили в той или иной мере учащихся и других художественных школ Петербурга. Воспитанники Центрального училища технического рисования барона Штиглица в феврале 1905 г. присоединились к решению других учебных заведений о прекращении занятий до сентября (фактически были закрыты на один месяц старшие классы). ⁴ Происходило брожение среди учащихся училища Общества поощрения художеств. ⁵

Революция нашла отклик и в старших поколениях художников. Валентин Серов, числившийся с 1903 г. действительным членом Академии художеств, был свидетелем расстрела толпы демонстрантов на Васильевском Острове у здания Академии 9 января 1905 г. События произвели на Серова потрясающее впечатление. По воспоминаниям Репина, характер Серова «круто изменился»; всех удивили, по словам Репина, «его крайние политические убеждения, появившиеся у него как-то вдруг» ⁶ (после январских событий). 20 января Серов писал Репину: «То, что пришлось видеть мне из окон Академии художеств 9 января, не забуду никогда — сдержанная, величественная безоружная толпа, идущая навстречу кавалерийским атакам и ружейному прицелу, — зрелище ужасное». ⁷ Серов подчеркивал ответственность великого князя Владимира: «Как главнокомандующий петербургскими войсками, в этой безвинной крови повинен и президент Академии художеств». 18 февраля В. А. Серов и В. Д. Поленов обратились с заявлением в собрание Академии художеств, в котором писали: «Мы, художники,

¹ Новая жизнь, 1905, № 11 (от 12 ноября).

² Текст «Проекта» полностью напечатан в журнале «Право» (1905, № 50, от 18 декабря, стлб. 4048—4052).

³ И. И. Бенкер, И. А. Бродский, С. К. Исаков. Академия художеств. Исторический очерк. Л.—М., 1940, стр. 119—120.

⁴ Право, 1905, № 6 (от 13 февраля), стлб. 442—443; Русь, 1905, № 76 (от 25 марта).

⁵ Новости и биржевая газета, 1905, № 249 (от 20 декабря).

⁶ И. Е. Репин. Далекое близкое. 3-е изд., М.—Л., 1949, стр. 372.

⁷ И. Е. Репин и В. В. Стасов, ук. соч., стр. 230—231.

глубоко скорбим, что лицо, имеющее руководство над этими войсками, пролившими братскую кровь, в то же время стоит во главе Академии художеств, назначение которой — вносить в жизнь идеи гуманности и высших идеалов».¹ Поскольку заявление не было оглашено в собрании Академии, Серов демонстративно вышел из состава ее членов, осуществив намерение, родившееся у него сразу после январских событий (тогда Серов рассчитывал на возможность коллективного выхода членов из Академии художеств и призывал к тому Репина). Впечатлениями от январских событий было порождено знаменитое произведение (пастель) Серова «Солдатушки, бравы ребятушки», подаренное им впоследствии М. Горькому.² В конце 1905 г. работа Серова была воспроизведена в сатирическом журнале «Жупел».

Кровавому воскресенью была посвящена большая, проникнутая горячим чувством скорби и протеста, картина Владимира Маковского «9 января 1905 г. на Васильевском Острове» (сохранились, кроме самой картины, разработанный во всех подробностях эскиз ее, а также этюды главных действующих лиц).³

С первых дней революции различные группы художественной интеллигенции (в широком смысле слова) выступали с заявлениями политического характера. Исключения не составляли деятели изобразительного искусства. Оппозиционную резолюцию приняли, например, в январе 1905 г. члены Союза русских художников, признавшие главной причиной отсутствия живой связи между искусством и массой русского народа «тот непечительный гнет над творчеством, который убивает не только искусство, но и другие творческие начинания русского общества».⁴ Общее заявление от русских художников готовилось весной 1905 г.; Маковский, Киселев, Репин и другие художники были причастны к этому начинанию. «Я обеими руками и хоть 100 раз готов подписывать подобные заявления теперь, и под всякой редакцией подпишусь», — писал Репин Стасову в марте 1905 г.⁵ В проекте воззвания художников, найденном в бумагах Репина, содержалось требование «немедленного и полного обновления государственного строя» путем созыва народных представителей.⁶ Переписка Репина за последующие месяцы 1905 г. полна негодующих речей по адресу царского самодержавия. Репин называл царизм «невежественным Д е р ж и м о р д о й» и радовался ударам, наносимым этому «гнусному варвару».⁷

¹ В. А. Серов. Переписка. 1884—1911. Л.—М., 1937, стр. 302.

² И. Бродский, ук. соч., стр. 20—21, 117.

³ Н. Соколова. Тематика революции в станковой живописи 1905—1907 гг. Искусство, 1935, кн. 6, стр. 17—21.

⁴ События в искусстве. Театр и искусство, 1905, № 4 (от 23 января), стр. 55.

⁵ И. Е. Репин и В. В. Стасов, ук. соч., стр. 86.

⁶ Искусство, 1955, № 5, стр. 74—75 (публикация Ф. Рогинской).

⁷ И. Е. Репин. Письма к Е. П. Тархановой-Антокольской и И. Р. Тарханову. Л.—М., 1937, стр. 43, 45.

В разгар революционных событий антиправительственными настроениями были охвачены и те художественные круги, которые были связаны с «Миром искусства». В ноябре 1905 г. одна из лучших представительниц этой среды А. П. Остроумова-Лебедева писала: «...все кругом зашевелилось. Не пройдет и году, как все закипит, тогда всем найдется работа, и жизнь станет интересной. Хотя без борьбы, и должно быть кровавой, все-таки ничего не будет, ничего не дадут... Не дадут — так возьмут».¹

Но у большинства «мирискусников» «принятие» революции было окрашено субъективизмом и эстетством.² Эти ноты сильно звучали и в той декларации, которая в ноябре 1905 г. была опубликована в печати за подписями М. Добужинского, К. Сомова, А. Бенуа, Е. Лансере (автором ее был Мстислав Добужинский).

Деятели «Мира искусства» требовали коренной реорганизации Академии художеств, которая «как школа в настоящее время только калечит людей», а также музеев, представляющих собой «мертворожденные, затхлые, бюрократические учреждения». Они заявляли о необходимости «установить связь и взаимное понимание между художниками и уж не „обществом“, — а народом». Но при этом настойчиво подчеркивалась мысль о «красоте» как единственной основе и цели искусства и выражался «страх за ближайшее время, боязнь, что красота будет устраниена и забыта в великой волне неотложных утилитарных задач».³

Выступление «мирискусников» вызвало именно в связи с этим отпор со стороны Владимира Стасова. Цитируя высказывания Белинского, Чернышевского, Льва Толстого — этих «наших настоящих наставников, направителей и указателей в деле искусства», — Стасов резко отвергал «залёжалое, устарелое знамя» эстетства, «чистого искусства» и высмеивал опасения «господ декадентов», по мнению которых «красоте» грозит опасность «от утилитарного, может быть, направления революции».

В сочувствии, выражаемом «художественными хромоногами и зайками» (так Стасов называл «мирискусников») «великому усилию возрождения и роста народного дела», т. е. революции, Стасов готов был видеть только «комплименты перед людьми и событиями, вдруг неожиданно выдвинувшимися на первый план, почтительные и подобострастные кивксы перед новою силою».⁴ Недоверие старейшего идеолога реалистического искусства к серьезности и глубине увлечения декадентов революцией было оправдано в дальнейшем жизнью: это увлечение для большинства из них оказалось, действительно, временным и поверхностным, да и с самого начала не было последовательным, полноценным.

¹ А. П. Остроумова-Лебедева. Автобиографические записки. 1900—1916. Л.—М., 1945, стр. 75.

² Н. Соколова. Мир искусства. М.—Л., 1934 (гл. V: «Мир искусства» и революция 1905 г.).

³ Золотое руно, 1906, № 1, стр. 132—133 (из газеты «Русь» от 11 ноября 1905 г.).

⁴ В. Стасов. Лжехудожество и лжехудожники. Новости и биржевая газета, 1905, № 229 (от 20 ноября).

В своем выступлении В. В. Стасов выражал горячее сочувствие той кампании в пользу организации широкого союза художников, которая велась в это время в Петербурге. Печать столицы освещала подготовительную работу по созданию союза. Орган большевиков «Новая жизнь» писал в середине ноября 1905 г.: «Художники начинают объединяться... В собрании общества взаимопомощи русских художников решено посредством воззвания привлечь всех русских художников к организации в союз». Газета сообщала о предстоящем большом митинге петербургских художников для оформления союза, цель которого — «бороться за свободу художественного творчества и автономию академии и художественных школ».¹ Позднее «Новая жизнь» подробнее сообщала об основных положениях деятельности всероссийского профессионально-политического союза художников. В качестве цели союза указывалось объединение для борьбы «за полную свободу развития искусства и превращения его в достояние всего народа». Условием успеха этой борьбы выдвигалось присоединение к требованию «всей прогрессивной части русского общества» о созыве учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.²

Е. Е. Лансере. Тризна. Журнал «Адская почта», 1906 г.

В начале декабря 1905 г. общим собранием художников было принято решение об учреждении союза, однако не оказавшегося жизнеспособным после поражения революции.

Своеобразным и ярким выражением вклада петербургских художников в дело революции явилось их участие в сатирических журналах революционного периода (а также в создании множества остро сатирических политических открыток). О подъеме сатирической журналистики во время первой русской революции уже говорилось в главе о литературной жизни Петербурга.

¹ Новая жизнь, 1905, № 14 (от 16 ноября).

² Там же, № 26 (от 1 декабря).

Сатирические журналы периода первой революции носили в массе беспартийно-радикальный, частью и либеральный («левого» оттенка) характер. Один только журнал «Жало» (вышедший единственным номером в Москве в конце 1905 г., при участии М. Горького) был связан с большевизмом, а некоторые журналы имели отношение к рабочему профессиональному движению. Однако в месяцы наивысшего подъема революции, захватившего широкие круги интеллигенции, ряд буржуазно-демократических сатирических органов выступал в острых и боевых тонах, отражая революционное возбуждение народа и его ненависть к силам реакции, к царю и его окружению. Своей популярностью и успехом сатирические журналы были в высокой степени обязаны работе художников, как молодежи (в журналах близкое участие принимал ряд студентов Академии художеств), так и многих более зрелых, сложившихся мастеров.

Первенцем сатирической журналистики периода революции 1905—1907 гг. был «Зритель» Ю. К. Ардыбушева, в котором из художников особенно близкое участие принимал ученик Репина С. В. Чеховин. В появившихся с ноября 1905 г. «Пулемете» Н. Г. Шебуева и «Сигнале» К. И. Чуковского сотрудничали художники И. Грабовский, А. Любимов, П. Троянский и др. Молодые художники-академисты И. Бродский, Н. Фешин и Деспальдо сами выпустили несколько номеров журнала «Пламя». К наиболее ярким в художественном отношении принадлежал журнал «Леший», среди художников которого находились И. Бродский, Н. Фешин, А. Любимов. Воспитанник училища Штиглица, тогда еще начинавший художник В. С. Сварог сотрудничал преимущественно в «Волшебном фонаре», но также и в «Пулемете», «Зрителе». В журнале «Гамаюн» работали И. С. Горюшкин-Сорокопудов, А. Вахрамеев, в «Молоте» одним из редакторов был художник Н. Н. Герардов. В общем, по подсчетам исследователей, число художников-профессионалов, участвовавших в сатирических журналах времени первой русской революции, превышало сотню.¹

Среди них заметное место заняли некоторые из художников, связанных с «Миром искусства». Не будучи в своем большинстве способными освободиться от тяжелого груза формализма и идеализма, «мирискусники» тем не менее выдвинули из своей среды ряд участников сатирической политической журналистики. Тут были и художники, которые, несмотря на свою принадлежность к «Миру искусства», вообще проявляли тяготение к реалистической, национальной живописи, были и такие, кто временно, под давлением атмосферы революционных дней, поддались господствовавшему тогда настроению.

Художники из группы «Мир искусства» сосредоточились вокруг журнала «Жупель», организованного З. Гржебиним в конце 1905 г. Подготовке этого издания помогал М. Горький, у которого инициаторы будущего журнала собирались еще

¹ С. Исаков. О революционной графике 1905 г. Искусство, 1935, кн. 6, стр. 33. Ср. новую работу: Г. Стернин. Графика русских сатирических журналов 1905—1906 годов. Искусство, 1955, № 3, стр. 33—38.

летом 1905 г. в Куоккале.¹ Первый номер был украшен, как выше упомянуто, революционным рисунком В. А. Серова. В этом и двух последующих номерах (на третьем номере журнал был разгромлен правительством)² были помещены произведения Е. Лансере, А. Остроумовой-Лебедевой, Б. Кустодиева, М. Добужинского, И. Билибина, Д. Кардовского, Б. Анисфельда и др. В литературном отделе сотрудничал Горький (рассказ «Собака», «Афоризмы и максимы»)³

Из иллюстраций «Жупела» очень шумели «Осел» и «Царь Додон» И. Я. Билибина, «Орел-оборотень» Гржебина, направленные непосредственно против «особы» Николая II, и трилогия, посвященная подавлению московского вооруженного восстания («Вступление» Кустодиева, «Бой» Лансере, «Умиротворение» Добужинского).

После закрытия в январе 1906 г. «Жупела» было предпринято издание «Адской почты», в которой издателем числился Е. Е. Лансере. В «Адской почте» были опубликованы известные вещи Лансере «Радость на земле основных законов ради» («Черная сотня»), «Рады стараться, ваше превосходительство», «Тризна» («Семьновцы»), в которых ярко и смело, притом вполне реалистическими средствами, обличался дикий, зверский разгул контрреволюции. Работы Лансере свидетельствовали о плодотворном влиянии революции на творчество наиболее чутких, более близких к демократии представителей художественной среды, втянутой в орбиту «мирикусничества». В «Адской почте» же был помещен ряд блестящих шаржей на царских министров и сановников Б. М. Кустодиева, также художника, выделявшегося в «Мире искусства» своими реалистическими устремлениями.⁴

В «Адской почте», как и в «Жупеле», печатался М. Горький, готовый поддерживать и художников данной группировки, если видел проявление интереса и сочувствия к народу и революции.

¹ Архив А. М. Горького, т. IV, М., 1954, стр. 184, 351—352.

² После выхода второго номера министр внутренних дел Дурново, требуя возбуждения преследования против «Жупела», доказывал, что в нем «самые рисунки возбуждают к восстанию».

³ В ноябре 1905 г. Горький писал из Москвы директору-распорядителю издательства «Знание» К. П. Пятницкому: «Вероятно, к 21-му я буду в Питере — нужно выпускать „Жупел“ и видеть вас» (Архив А. М. Горького, т. IV, стр. 189).

⁴ Б. М. Кустодиев — отличный анатом и изобразитель русской провинции, автор картин из крестьянского быта, из купеческой жизни, талантливый портретист, внесший также серьезный вклад в развитие графики и театрально-декорационного искусства. В 1907 г. на страницах большевистского «Вестника жизни» А. В. Луначарский писал о Кустодиеве: «В нем не только хорош здоровый, ясный, сочный реализм его техники, хорошо и то, что его интересует ж и з и я, живая, кипучая, разнообразная, разноцветная жизнь, реальность сама по себе, а не как предлог для колористических эффектов» (Вестник жизни, 1907, № 2, стр. 108). При всем том творчество Кустодиева (особенно в годы реакции после первой революции) далеко не свободно было от противоречий, не лишено было отступлений от последовательного критического реализма, что и сделало возможным его сотрудничество с «мирикусниками» (некоторый уклон в ретроспективизм, увлечение декоративностью, парадными сторонами жизни и пр.).

Следует подчеркнуть, что главный идеолог «мирискусничества» Александр Бенуа прожил революционный 1905 г. за границей и держался фактически в стороне от всей деятельности тех своих товарищей, которые стремились так или иначе включиться в освободительное движение. Его осуждал за это Серов, писавший Бенуа с явным укором: «Не хочешь с нами кашу есть».¹ Интересно также, что другой «мирискусник» — Бакст — мечтал вывести «Жупел», как он писал, «из тины политических карикатур на чудную, богатую художественными исканиями дорогу, чисто социального (?) и чисто художественного. . . рисунка, картины».²

События первой русской революции нашли отражение не только в графике, но и в станковой живописи.

Ряд произведений станковой живописи, связанных с темой революции 1905 г., был создан московскими художниками («Расстрел», «Митинг» и т. д. С. В. Иванова, «Рабочий-боевик» и ряд других картин и этюдов Н. А. Касаткина).

Из петербургских художников, работавших над той же темой, уже были отмечены Репин и Маковский (Репин еще до картины «17 октября 1905 г.» дал в продолжение 1905—1906 гг. эскиз к этой своей будущей картине, а также эскизы и наброски «Царская виселица», «Разгон демонстрации», «Красные похороны»). Художник Д. Н. Кардовский создал эскиз «9 января 1905 г.».

Художник Н. И. Фешин написал в 1905 г. «Случайную жертву». Это произведение было снято с академической выставки, как посвященное революционной теме.³ Происшествие с Фешиным не было единичным. Цензура вела вообще упорную борьбу с появлением на петербургских выставках картин, посвященных революционным темам. Еще в конце 1905 г. на персональной выставке одного из второстепенных столичных художников (Н. И. Кравченко) был запрещен аллегорический эскиз «на тему современных событий».⁴ На годичной весенней выставке в Академии художеств 1906 г. было снято цензурой уже пять-шесть «опасных» картин.⁵

Большой эскиз маслом «Красные похороны» (ныне широко известный) был создан художником Бродским в 1906 г. под влиянием карательных экспедиций на железных дорогах. Представленный на конкурсе эскизов в Академии художеств, он не был, несмотря на защиту со стороны Репина, допущен к конкурсу по решению большинства профессоров, а потом снят цензурой с Академической выставки.⁶

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что и станковая живопись отнюдь не прошла мимо событий первой революции, хотя непосредственные отра-

¹ В. А. Серов, ук. соч., стр. 284.

² Н. Соколова. Мир искусства, стр. 168.

³ П. Дульский. Николай Иванович Фешин. Казань, 1921, стр. 7.

⁴ Новости и биржевая газета, 1905, № 256 (от 29 декабря).

⁵ Золотое руно, 1906, № 3, стр. 129. Как сообщал тот же журнал, результатом этой репрессии была самая широкая популяризация снимков с этих картин в различных иллюстрированных изданиях.

⁶ И. Бродский, ук. соч., стр. 26—28.

жения этих событий в ней не были особенно многочисленными. Если в графике большое место заняло сатирическое обличение правящих верхов, господствующих классов, реакционных сил (хотя и здесь в работах наиболее демократически настроенных художников уделялось чем дальше, тем все более серьезное внимание образам борцов революции, теме народа, пролетариата), то живопись отразила прежде всего пафос революционных событий, самоотверженность лучших сынов народа, готовность к борьбе не на жизнь, а на смерть.

* * *

Известно, как тлетворно сказалось поражение первой революции на настроениях значительной части интеллигенции, на различных сторонах культурной жизни страны. Не избежало этого влияния и изобразительное искусство.

Борьба против идейного, реалистического искусства, проникнутого интересом к жизни народа, со стороны искусства формалистического, бездейного, равнодушного к интересам и нуждам народа, — борьба, начавшаяся раньше, в годы реакции резко усилилась.

Еще накануне революции 1905 г. среди части молодых художников стали проявляться тенденции ультрадекадентства. На выставке Московского товарищества художников, показанной и в Петербурге в январе 1905 г., появились картины Павла Кузнецова, Кандицкого, Уткина и других художников, которым антиреализм и формализм «мирискусников» казались уже недостаточными. «Здесь какое-то хулиганство, босячество, даже анархия в отрицании науки искусства», — отмечалось даже в декадентствующей критике.¹

В следующем году Стасов с тревогой и возмущением откликнулся на новые произведения декадентской молодежи (Павел Кузнецов, Ларионов и др.), готовой перешагнуть своих вдохновителей и предшественников. «Недоброе семя принесло недобрый плод», — писал Стасов.²

Это были первые шаги так называемых «левых» течений в искусстве, не имевших ничего общего с политической левизной, с передовыми, революционными стремлениями в общественной жизни, хотя идеологи «левых» художников не раз пытались ложно выдавать свою борьбу против реализма в искусстве за проявление протеста, революционности.

В центре лжеэваторских, ультрадекадентских, футуристических течений в изобразительном искусстве в период между двумя революциями в России стояла возникшая в 1910 г. в Москве группа «Бубновый валет», с различными отпочковавшимися потом от нее группками (выставки «Ослиный хвост», «Мишень» и т. д.).

«Бубновалетовцы», резко порвавшие с традициями русского передового искусства, шли по пути подражания некоторым французским художникам-формалистам,

¹ А. Р о с т и с л а в о в. Ультра-декадентство. Театр и искусство, 1905, № 7, стр. 108—109.

² В. В. С т а с о в, Избранное, I, стр. 414.

по пути нарочитого огрубления, примитивизации живописи. Не только предметы натюрморта (которым «бубновалетовцы» занимались особенно охотно), но и самого человека они изображали деформированным, сознательно уродуя и искажая действительность.¹

К «Бубновому валету» принадлежали братья Бурлюки, П. Кончаловский, А. Куприн, И. Машков, М. Ларионов, Н. Гончарова и др.² Наталья Гончарова и Михаил Ларионов в дальнейшем возглавляли выставки «Ослиного хвоста» и пр.

Отражением московских сверхдекадентских, футуристических «исканий» в Петербурге являлось общество художников — Союз молодежи, существовавшее с 1910 г., во главе с И. Школьником, Давидом Бурлюком и др. Союз молодежи устраивал в Петербурге выставки, объединяясь для этого в ряде случаев с московскими единомышленниками. Союз молодежи выпускал в Петербурге и печатный орган под тем же названием. Он устраивал в столице собрания, диспуты, заканчивавшиеся подчас столкновениями, скандалами ввиду вызывающего поведения футуристов, стремившихся «эпатировать» публику.

«Мир искусства», возродившийся в качестве самостоятельной организации, как выше указано, в 1910 г. вследствие разрыва этой группы петербургских художников с Союзом русских художников (первая выставка «Мира искусства» после этого раскола открылась в декабре 1910 г.), казался шокированным выходками «молодых» и сдержанно отзывался об их творчестве. Ведущий орган формалистов в Петербурге — «Аполлон» (1909—1918), поддерживавший преимущественно «Мир искусства», с удовлетворением отмечал стремление последнего отмежеваться «слева» от «крайних кубистических и футуристических произведений».³ Сам Александр Бенуа выражал сомнение в том, чтобы «левая» художественная молодежь «подавала серьезные надежды». «Во всем этом, — писал он, — слишком много шума, из-за которого невозможно расслышать, что творится дельного. . . До сих пор мы присутствуем лишь при каком-то легкомысленном „параде“, — а это начинает приедаться и подрывать доверие ко всему движению».⁴

Не следует, однако, ни в коем случае переоценивать значение расхождений в формалистическом лагере. В конечном счете, с точки зрения общих основ мировоззрения, с точки зрения социально-политического смысла его деятельности, весь он оставался враждебным делу идейного искусства, отвлекал от служения народным массам, от революционной борьбы.

¹ Б. М. Н и к и ф о р о в. Живопись. Краткий очерк. (Советское искусство, кн. 1). М.—Л., 1948, стр. 42; В. М. Л о б а н о в. Художественные группировки за последние 25 лет. М., 1930, стр. 62 и сл.

² Кончаловский, Куприн, Машков, полностью преодолев впоследствии формалистические извращения, стали крупными советскими художниками-реалистами.

³ Е с с е т (Сергей М а к о в с к и й). «Мир искусства». Аполлон, 1913, № 2, стр. 56.

⁴ А. Б е н у а. Художественные итоги. Ежегодник газеты «Речь» на 1913 г., стр. 414—415.

Недаром уже при самом возобновлении выставок «Мира искусства» в близкой к нему критике подчеркивалась «несомненная преемственность и связь современной молодежи с художниками „Мира искусства“, как бы часть молодежи ни отрешивалась от этой связи, причисляя своих предшественников к передвижникам, чуть ли не к академикам».¹ И вполне понятно, что с самого начала «Мир искусства» не очень был строг в проведении «межи» между собой и футуристами разных толков, допуская тех или других из них на свои выставки. Роль экспонентов из среды «бубновалетовцев» на выставках «Мира искусства» постепенно возрастала; они входили и в состав членов общества «Мир искусства», а в конце концов, ко времени революции, большинство членов «Бубнового валета» перекочевало в «Мир искусства», отодвинув даже отчасти на задний план коренных «мирискусников».

А. А. Рылов. Зеленый шум. 1904 г.

Государственный Русский музей.

В отличие от выставок «Мира искусства» продолжавшиеся из года в год выставки Союза русских художников, несмотря на наличие импрессионистских тенденций в творчестве ряда его членов, несмотря и на то, что в нем «уживались порой далекие друг от друга мастера»,² отнюдь не терял и в период реакции связи с реалистическими традициями русского искусства. «Аполлон» давал о Союзе двусмысленные, сдержанные отзывы, находя тут якобы лишь «золотую середину» искусства, и особенно не жаловал тех из деятелей Союза русских художников, в ком всего сильнее и живее были духовные связи с классическим передвижничеством.

Союз русских художников представлял собой в основном выставочное объединение художников Москвы. Но с ним были тесно связаны также некоторые петербургские художники, как ученик Купиджи А. А. Рылов, как ученик Решина И. И. Бродский, Г. М. Бобровский, О. Л. Делла-Вос-Кардовская и др. Нельзя не отметить заслуг Рылова. Окончив в 1897 г. Академию художеств, Рылов накануне 1905 г. выдвинулся в первые ряды русских пейзажистов (обратившая на себя большое внимание картина «Зеленый шум» и т. д.). Творческое лицо художника-патриота и реалиста хорошо определено в его собственном заявлении: «Я посвятил

¹ А. Ростиславов. Новое общество под старым знаменем. (Выставка «Мир искусства»). Театр и искусство, 1911, № 3, стр. 65.

² И. Бродский, ук. соч., стр. 72.

свое искусство родному пейзажу, потому что люблю свою страну, люблю ее природу».¹ Привлеченный к участию в выставках «Мира искусства», Рылов почувствовал себя там через некоторое время чужим и затем прочно связал себя с Союзом русских художников. После Октября А. А. Рылов занимал видное место в советской художественной культуре (он умер в Ленинграде в 1939 г.).²

Товарищество передвижных художественных выставок попрежнему ежегодно (обычно в начале года) открывало в Петербурге свой выставочный сезон (в начале 1917 г., накануне революции, в помещении Общества поощрения художеств, на Морской, открылась уже 45-я передвижная выставка). На выставках фигурировали произведения московских и петербургских передвижников и работы, принадлежавшие членам или экспонентам Товарищества — художникам Одессы, Киева, Казани и других городов.³ Среди московских передвижников в описываемый период видную роль играли В. Н. Бакшеев, В. К. Билибинский-Бируля, В. Н. Мешков — художники, потом внесшие крупный вклад в развитие реалистического советского искусства. Из московских мастеров, связанных преимущественно с Союзом русских художников, некоторые одновременно появлялись, как уже отмечено выше, и на передвижных выставках (в 1913—1917 гг. выставлялся Сергей Малютин, почти ежегодно — Жуковский, иногда — Петровичев и т. д.). Из петербургских художников у передвижников попрежнему выставлялись систематически такие коренные деятели Товарищества, как Репин, Вл. Маковский, пейзажисты Ефим Волков и Николай Дубовской; к старейшим передвижникам принадлежал и А. К. Бегров (умер в 1914 г.), творчество которого как прежде, так и теперь в значительной своей части было посвящено чисто петербургской теме. Появляются на выставках передвижников и новые имена петербургских художников: Г. Н. Горелов (с 1911—1912 гг.), В. С. Сварог (с 1916 г.) и др.

На новом историческом этапе передвижники сохраняли серьезное прогрессивное значение; они продолжали держаться реалистического художественного метода и всей своей деятельностью стремились противостоять тенденциям модернизма и формализма. Впрочем, старого боевого духа, прежней (столь ярко проявлявшейся в XIX в.) живой связи с освободительным движением уже не чувствовалось в организации передвижников в целом, в особенности — именно в годы, следовавшие за поражением первой революции. Оскудевало отчасти (у некоторых из «стариков») и бывшее живописное мастерство. Утерю передвижниками прежнего исключительно влиятельного и ведущего положения болезненно переживали по

¹ Каталог выставки картин А. А. Рылова. Л., 1935, стр. 5.

² Цейны для истории искусства «Воспоминания» А. А. Рылова, вторым изданием вышедшие в 1954 г.

³ Ко времени юбилейной 40-й выставки, в 1912 г., в Товариществе насчитывалось более 70 членов и экспонентов, из которых половина приходилась на Москву, а около 30% — на Петербург. На Украину приходилось 8 человек (шесть на Одессу, среди них К. К. Костанди и Н. Д. Кузнецов, двое на Киев, в том числе Н. К. Пимоненко). См.: Сороковая выставка картин Т-ва передвижных художественных выставок. М., 1912, стр. 65—69.

временам основоположники движения. Незадолго до своей смерти В. М. Максимов (известный передвижнический деятель 70—80-х годов) очень критически оценил, например, характер одной из очередных выставок Товарищества (1908), жалуясь, в частности, на то, что «молодежь» не принесла на выставку идейных вещей, что она отходит, как казалось Максиму, от наблюдения «живой жизни».¹

В рассматриваемое время иногда стирается грань между работами некоторых участников передвижных выставок и живописью академической, демонстрируемой ежегодно на весенних выставках Академии художеств.

Как известно, в жизни самой Академии со времени реформы ее, проведенной в 90-х годах, заметное место принадлежало нескольким крупным передвижникам. Но, отчасти в связи с некоторыми сдвигами внутри самого передвижничества, а главное — в связи с особенностями Академии как учреждения официального, слишком зависящего от двора и правительства, участие передвижников в работе Академии художеств не способно было обеспечить действительно коренной перелом в ней и превратить ее в подлинный живой центр художественной жизни. Не удовлетворяла, в частности, общественность и передовые художественные круги постановка преподавания в Высшем художественном училище, несмотря на те или иные сдвиги, несмотря на участие в преподавании таких корифеев русского искусства, как Репин (до 1907 г.), как Маковский и др.

Острой критике не раз подвергали Академию даже лица, близко стоявшие тогда к ее руководству. Вл. Маковский в 1908 г. писал в специальной записке, поданной в собрание Академии: «Вот уже 14 лет, как Академия художеств ведет Высшую художественную школу по новому временному уставу; общество, художники, профессора искусств в Высшей художественной школе постоянно выражали и выражают недовольство деятельностью Высшей художественной школы. . . С таким нелицезным мнением по адресу Высшей художественной школы нельзя не согласиться».² Когда, в декабре 1911 г., в Петербурге собрался Всероссийский Съезд художников, положение Академии художеств явилось одним из существенных предметов его обсуждения. И. Е. Репин, отнюдь не принадлежавший в эти годы к числу крайних хулителей Академии, говорил в своем выступлении на съезде: «50 лет назад Академия художеств не была на высоте своего назначения. Ее даже совсем отрицали. . . Теперь беспристрастно посмотрим на Академию наших дней, в смысле связи ее с художественным миром. Не то же ли самое? Да, и теперь, и 15 лет назад, и в мое время Академия художеств всегда считалась и ныне считается отсталым бюрократическим учреждением: все закидает в ее прокисших сосудах, сколько бы ни вливали туда свежего вина».³

¹ А. Леонов, Василий Максимович Максимов. Жизнь и творчество. М., 1951, стр. 320.

² И. И. Беккер, И. А. Бродский, С. К. Исакон. Академия художеств. Исторический очерк. Л.—М., 1940, стр. 121.

³ Труды Всероссийского Съезда художников в Петрограде. Декабрь 1911—январь 1912, т. III. Пгр., 6. г., стр. 90—91.

За отрыв от общественной жизни, от жизни и борьбы народных низов, за равнодушные к назревающим в действительности «великим переменам» резко осуждала деятельность Академии и ее Высшего художественного училища большевистская «Правда». Орган большевиков находил, что Академия «воспитывает своих учеников на старых, обещавших навыках, прививает им старые вкусы, — вкусы господствующих классов». Строителем молодого нового искусства, — писала «Правда», — может стать только тот, кто болеет одними муками и живет одной верою со строителем великого будущего человечества — пролетариатом.¹

В дореволюционные годы в стенах Академии художеств проходили подготовку некоторые молодые художники, которые сумели в дальнейшем стать участниками строительства этого «молодого нового искусства», неразрывно связанного с жизнью и борьбой трудящихся масс. Но лишь Великая Октябрьская социалистическая революция широко раскрыла перед ними эти возможности, твердо и бесповоротно направила их на этот благородный и благотворный путь.²

В период после первой революции и особенно в годы нового подъема рабочего движения (1912—1914) весьма заметен рост интереса к искусству среди пролетариата Петербурга. Развитие эстетических интересов и художественного вкуса рабочих находилось в поле зрения пролетарских культурно-просветительных и профессиональных организаций. Эту деятельность клубов и профессиональных союзов горячо поддерживала рабочая печать. «Правда» систематически сообщала об экскурсиях рабочих на выставки, давала советы относительно того, как целесообразнее проводить посещения музеев и выставок. В отдельных статьях популяризовалось творчество русских и западных художников-реалистов. «Правда» отмечала «беспорные признаки» упадка буржуазного искусства и предсказывала наступление в искусстве «периода демократического». Необходимыми чертами демократического искусства она признавала стремление к выражению духа и настроений народа, «строгую и сильную» правду, вдумчивое отношение к окружающей действительности и борьбу за ее преобразование. «Правда» поощряла занятия любителей-рабочих живописью, рассчитывая, что своими произведениями они послужат общепролетарскому делу.

Передовые петербургские рабочие, знакомясь с изобразительным искусством, отвергали так называемые «новые направления». Как отмечалось в тогдашней

¹ Заметки об искусстве. Правда, 1913, № 5 (от 6 января).

² Среди учащихся Академии художеств рассматриваемого времени, выросших впоследствии в крупных советских художников, можно отметить живописцев М. И. Авилова, М. Б. Грекова, И. И. Бродского, Е. М. Чепцов, П. И. Котова, Г. Н. Горелова, Ф. А. Модорова, П. Д. Покаржевского, Г. К. Савицкого, Р. Р. Френца, скульпторов В. В. Липшева, М. Г. Манизера, архитекторов В. А. Шуко, И. А. Фомина, Л. А. Веснина и др.

Следует отметить значение батального класса Академии, руководимого с 1903 г. художником Ф. А. Рубо (создателем известных панорам «Севастопольская оборона», «Бородинская битва»), с 1913 г. — художником Н. С. Самокишем. К их ученикам принадлежал ряд советских художников из числа названных выше.

печати, им чужды были формалистические «искания» модернистов. Рабочие, не находя настоящей мысли в произведениях живописи, негодовали; они требовали подлинной жизненной правды, смотрели на картину, как на книгу, ища в той и другой глубокого поучения, призывов к сознанию и совести, взволнованного чувства, обличения зла. «Надо сказать, что ближе им по душе время Репина, Поленова, Крамского, Перова и т. д.», — утверждали на основании личных наблюдений авторы интересной статьи «Искусство в народной аудитории», опубликованной в 1914 г.¹

* * *

Обозреваемый период характерен значительным повышением интереса к таким отраслям изобразительного искусства, как книжная графика, как театрально-декорационное искусство.

Над иллюстрированием книг работали многие из петербургских художников, достигнув в этом деле крупных успехов.

Художник Д. Н. Кардовский, авторитетный представитель художественной общественности Петербурга, основатель возникшего накануне первой революции Нового общества художников,² профессор-руководитель живописной мастерской в Академии художеств, внес ценный вклад в развитие книжной графики своими иллюстрациями к русским классикам, отличающимися соответствием духу творчества писателей. Особенно известны из дореволюционных работ Кардовского его иллюстрации к «Горю от ума» Грибоедова, к повести Гоголя «Невский проспект».

Выдающимся мастером книжной графики проявил себя И. Я. Билибин, превосходный знаток русской старины и народного искусства, давший высоко художественные иллюстрации к русским народным сказкам, былинам (о Добрыне Никитиче, Илье Муромце, Микуле Селянниниче и Вольге), к сказкам Пушкина («О рыбаке и рыбке», «Сказке о царе Салтане», «Сказке о золотом петушке»).

Билибин, принадлежавший к обществу «Мир искусства», всегда выделялся среди его членов любовью и интересом к народному творчеству.³

¹ Русская школа, 1914, № 5—6 (авторы — С. В. Панина и П. П. Гайдебуров). См. также статью В. Павловского «Дооктябрьская партийная печать об изобразительном искусстве» в журнале «Искусство» (1955, № 1, стр. 64—68).

² «Новое общество» более десяти лет устраивало в Петербурге свои выставки, не имевшие строго определенного лица, не лишние, впрочем, некоторой духовной связи с «Миром искусства». К числу особенностей выставок «Нового» общества современники относили большой процент участвующих женщин-художниц и широкое привлечение молодежи.

³ Связь с кругом «Мира искусства» все же предопределила известную ограниченность Билибина как художника народной сказки. В его работах иногда выявление идейной и сюжетной основы произведений народного творчества заслоняется задачами чисто декоративного характера. Оторвавшись после Октября от своей родины, Билибин вернулся в 30-х годах в Ленинград, где затем погиб в период блокады (в 1942 г.). См.: Советское искусство, 1952, № 44 (31 мая).

Ряд других деятелей той же художественной группировки уделял также большое внимание книжной графике (Бенуа, Сомов, Бакст, Добужинский и др.). Е. Е. Лансере стал одним из крупнейших представителей искусства книжной иллюстрации. Классической его работой являются рисунки к повести Льва Толстого «Хаджи-Мурат». Из работ Александра Бенуа в области книжной графики наиболее известны иллюстрации к «Медному всаднику», «Пиковой даме» Пушкина.

Уже в дореволюционные годы выдвинулся в Петербурге популярный потом как советский художник-иллюстратор Д. И. Митрохин (рисунки к Лермонтову, Жуковскому, к сказкам Гауфа и Андерсена и т. д.).

Начало поворота в области театральной живописи, как известно, связано с деятельностью московского художественного кружка, группировавшегося около С. И. Мамонтова. Художники В. М. Васнецов, В. Д. Polenov и другие, работавшие с Мамонтовым, сыграли в 80—90-х годах решающую роль в резком повышении культуры оформления спектакля. С конца 90-х годов опыт мамонтовских спектаклей в той или иной мере старается использовать казенная сцена. Выдвинувшийся у Мамонтова Константин Коровин привлекается на работу в московский Большой театр; вместе с ним в Большой театр вступает талантливый художник-декоратор (связанный с «Миром искусства») А. Я. Головин, который вскоре переходит на петербургскую императорскую сцену. Работал для петербургской сцены и К. Коровин. Яркие, красочные, стильные декорации и костюмы этих мастеров знаменовали прогресс в театрально-художественном деле.

В начале 1900-х годов определяется вообще известное сближение художников «Мира искусства» (А. Н. Бенуа, Л. С. Бакст) с императорскими театрами.

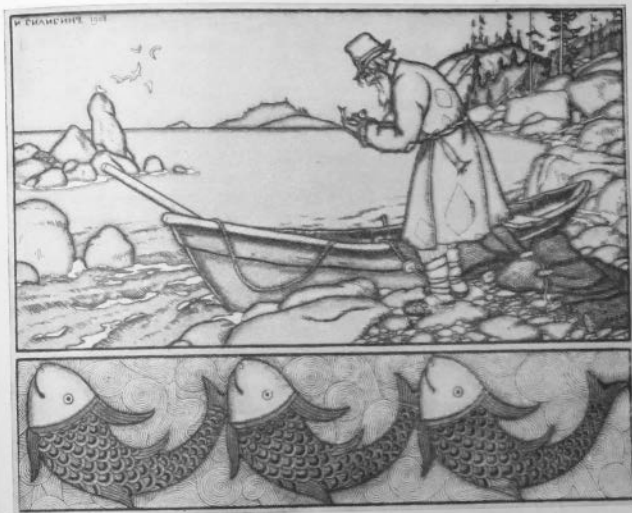
В 1907 г. ряд художников из круга «Мира искусства» был приглашен к близкому участию в работе Старинного театра.¹ Здесь начинали свою деятельность в сфере театральной живописи И. Я. Вилибин, Н. К. Рерих, М. В. Добужинский.

Опыт очень широкого привлечения художников был сделан театром Комиссаржевской на Офицерской — не только художников-«миристиков», но и представителей так называемых «левых» художественных течений. В этом театре работали художники В. И. Денисов, С. Ю. Судейкин, Н. К. Калмыков, Н. Н. Сапунов, Бенуа, Добужинский и др. По свидетельству летописца театра Комиссаржевской, последняя предполагала приглашать каждый раз «того художника, дарование которого наиболее отвечало бы дарованию драматурга и замыслу исполнителей данной пьесы». Однако художники-живописцы в большинстве случаев не считались «ни с актерами, ни с автором»; «внешность сценических представлений... или не вязалась с драматическим произведением, или даже искажала его».²

С этих пор уже начинают раздаваться и жалобы на «засилье» художника в театре, на то, что некоторые видные декораторы-живописцы «убивают» театр,

¹ См. о Старинном театре в гл. XI настоящего издания.

² Сборник памяти В. Ф. Комиссаржевской, под ред. Е. П. Карпова, СПб., 1911, стр. 224, 227.

И. Я. Билибин. Иллюстрация к «Сказке о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина.
Государственный Русский музей.

придавая живописи слишком самоудовлетворяющее значение и отвлекая зрителя от действия, от актера.

Таким образом, весьма положительное само по себе явление — приход в театр крупных мастеров живописи, большое внимание со стороны театра к художественному оформлению спектаклей — в обстановке деградации буржуазной культуры, в условиях натиска всевозможных видов декадентства и формализма подчас теряло свой разумный смысл, становилось явлением сомнительным по значению, иной раз мешающим нормальной жизни театра. Надо вместе с тем учесть, что художники «Мира искусства» или родственные им по духу в большей или меньшей степени приносили в свою деятельность для театра свойственные им рафинированное эстетство, модернистское стилизаторство.

Все же, конечно, это не исключало более или менее неоспоримых достижений. Например, Бенуа, лучше многих других чувствовавший специфические задачи и требования театра, сумел дать сравнительно ценные работы для Московского

*А. Я. Головин. Эскиз декорации к опере «Борис Годунов». 1911 г.
Государственный Русский музей.*

Художественного театра, с которым он, оставаясь петербургским художником, был тесно связан в предвоенные годы и в период первой мировой войны (в том числе пушкинский спектакль, 1914—1915).

Плодотворно работали в театре петербургские художники Б. М. Кустодиев (оформление постановок Островского и Салтыкова-Щедрина в Московском Художественном театре и театре Незлобина в те же примерно годы), И. Я. Билибин (постановки ряда русских опер в петербургском Народном доме, московской опере Зимина и т. д.).

Многими значительными достижениями отмечена деятельность уже упомянутого Александра Головина (впоследствии народного художника РСФСР), работавшего в Марининском и Александринском театрах. К известным его работам принадлежит оформление спектаклей «Кармен» Бизе (1908), «Орфей» Глюка (1911), «Маскарад» Лермонтова (1917).

* * *

Противоречия, свойственные в конце XIX и начале XX в. развитию изобразительного искусства в целом, отразились на состоянии русской скульптуры. В рассматриваемый период выдвинулся ряд талантливых мастеров ваияния, но многие из них отдали дань влияниям модернизма, импрессионизма.

Своими реалистическими устремлениями выделялся в описываемое время петербургский скульптор И. Я. Гинцбург, ученик Антокольского, вместе с тем воспитанник Академии художеств, прошедший ее курс еще в 1878—1886 гг. Творчество Гинцбурга встречало большое одобрение со стороны В. Стасова, находившего, что Гинцбург — «искренний реалист по натуре», который «прямо принадлежит к семейству передвижников».¹

Гинцбург известен жанровыми скульптурами из детского мира, многочисленными портретными статуэтками выдающихся русских деятелей — Льва Толстого, Верещагина, Менделеева, Чайковского и др. Он был автором нескольких памятников, в том числе памятника В. В. Стасову (открытого в 1908 г. в Александро-Невской лавре), Гоголю (в Сорочинцах), Айвазовскому (в Феодосии), Плеханову (поставлен после Октября в Ленинграде).

Другой, более молодой воспитанник Академии художеств (учившийся в ней в 1893—1898 гг., по окончании Московского училища живописи и ваияния) — Л. В. Шервуд — с начала XX в. обратил на себя внимание такими работами, как памятник Глебу Успенскому на Волковом кладбище (1904), бюст Петра I. Шервуд явился автором памятника адмиралу Макарову в Кронштадте. После Великой Октябрьской социалистической революции Шервуд активно включился, как и Гинцбург, в творческую деятельность советских ваителей (известны его скульп-

*П. Трубецкой. Модель памятника Александру III.
1900 г.*

Государственный Русский музей.

¹ В. В. Стасов, *Избранное*, I, стр. 315.

втура «Часовой» к 15-летию Красной Армии, памятник Мечникову, скульптурный портрет Репина и другие произведения).¹

Скульптор, одновременно и живописец, Д. С. Стеллецкий, также воспитанник Академии художеств (второй половины 90-х и начала 900-х годов), был тесно связан с группой «Мир искусства». Видное место на выставках петербургского «Мира искусства» предреволюционного десятилетия занимали произведения А. Т. Матвеева, воспитанника Московского училища живописи и ваяния конца 90-х и начала 900-х годов, испытавшего там влияние известного скульптора-импрессиониста Трубецкого, в дальнейшем вышедшего на свою самобытную дорогу, после Октябрьской революции работающего в рядах советских (и, прежде всего, ленинградских) скульпторов.

Павел Трубецкий, выросший за рубежом и проведший за границей большую часть своей жизни, в пору своей деятельности в России работал частью в Москве, частью в Петербурге. Еще Стасов, в самом начале 1900-х годов, отмечал двойственность, противоречивость художественной натуры весьма одаренного от природы Трубецкого. Стасов остро критиковал декадентские черты в творчестве Трубецкого, «водворение каприза», нарочитую угловатость и пр., но признавал в Трубецком также «хорошие качества» — «жизненность», «верное схватывание целого», хвалил, хотя и не без существенных оговорок, созданные им знаменитые изображения животных.² Трубецкий выступал и как скульптор-портретист (широко известно, например, изображение Льва Толстого на лошади). С историей художественно-общественной жизни Петербурга Трубецкий связал в особенности свое имя как автор памятника Александру III, который был открыт в 1909 г. на площади перед Московским (в то время называвшимся Николаевским) вокзалом.³

По поводу вновь поставленного памятника разгорелись жаркие споры. Помимо большой художественной ценности, признанной, однако, далеко не сразу и не всеми, памятник имел, без сомнения, глубокий общественно-политический смысл как обличительное символическое изображение реакционнейшего царствования Александра III. С самого же начала высоко оценил и горячо защищал новый памятник И. Е. Репин. Приветствуя Трубецкого, Репин говорил, что он поздравляет «всю Россию и все потомство» с гениальным произведением искусства.⁴ Здесь Александр III, как заявлял Репин в письме от ноября 1909 г., «с тушой ограниченностью, самодовлеющей тьмою — все также будет стоять за все отжившее, невежественное на своем буйволе».⁵

¹ И. Я. Гинцбург умер в Ленинграде в 1939 г., Л. В. Шервуд — там же, в 1954 г.

² В. В. Стасов, Избранное, I, стр. 387, 397.

³ Проект памятника был утвержден еще в 1900 г. (Мир искусства, 1900, № 5—6, Литературный отдел, стр. 116).

⁴ К. Чуковский, Репин. Из моих воспоминаний. М.—Л., 1945, стр. 35.

⁵ И. Е. Репин. К десятилетию со дня смерти. Л., 1940, стр. 8. А. Бенуа в своей статье «О памятниках» (1917) отмечал, что в памятнике Александру III художник противопоставил смело свою мысль воле заказчика (Николая II) и вынес столь жестокий приговор «царю-мироворцу».

*Скульптор К. Изенберг у модели памятника морякам миноносца «Стерегущий».
Фотография 1911 г.*

На петербургских художественных выставках начала XX в. наряду со скульпторами, постоянно работавшими в Петербурге или вообще с ним более или менее тесно связанными, выступали скульпторы-москвичи и среди них — принадлежавшие к наиболее крупным русским ваятелям обозреваемого периода А. С. Голубкина и С. Т. Косенков (Косенков в 1899—1902 гг. состоял в числе учащихся Академии художеств в Петербурге, но реально в ней почти не занимался).¹

Известный впоследствии в качестве крупного деятеля искусства скульптуры Советской страны П. А. Андреев, воспитанник Московского училища живописи и ваяния, участвовал в конкурсе на памятник Глинке в Петербурге и получил первую премию. Заказ на памятник, однако, был передан более маститому уже тогда скульптору Р. Р. Баху. Памятник Глинке работы Роберта Баха был открыт в Петербурге 3 февраля 1906 г. на Театральной площади. Общественность не была удовлетворена этим памятником и имела для этого основания. «Русская музыкальная газета» не находила «во всей внешности бронзовой фигуры... ничего глинкинского». И все-таки, — писала газета, — самый факт постановки памятника — великая радость для каждого любящего родное искусство.² Тому же Баху принадлежит очень удачный, напротив, памятник А. С. Пушкину в Царском Селе (ныне г. Пушкин), поставленный в 1899 г.

Среди памятников, воздвигнутых в столице в начале XX в., следует также отметить памятник героям-матросам погибшего в русско-японскую войну миноносца «Стерегущий» работы скульптора К. Изенберга, открытый в 1911 г. на Петербургской стороне.

В конце описываемого периода в петербургской Академии художеств проходили подготовку видные в будущем представители советской скульптуры В. В. Лишев (окончил Академию в 1913 г.)³ и М. Г. Маннзер (окончил академический курс в 1916 г.). Монументальную скульптуру социалистического Ленинграда они обогатили впоследствии памятниками — Жертвам 9 января 1905 г., Володарскому (Маннзер), Чернышевскому (Лишев).

что «заказчика с самого открытия памятника не покидала мысль отправить его в ссылку в Сибирь, подальше от своих оскорбленных сыновьих глаз».

¹ К концу этого петербургского периода относится работа Косенкова над статуей «Самсон, разрывающий узлы», идея которой была внушена скульптору подъемом рабочего движения в столице в начале 1900-х годов.

² Русская музыкальная газета, 1906, № 7—8, стлб. 175.

³ К дореволюционному времени относятся работы Лишева: скульптурная группа «Наши предки», памятники писательнице М. В. Крестовской (близ Тернока), Семенову-Тянь-Шанскому и Мусоргскому (для парка Николаевского кавалерийского училища на Лермонтовском проспекте) и др.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПЕТЕРБУРГА

Развитие промышленности, увеличение населения, застройка новых районов и пригородов ставила в начале XX в. перед городским хозяйством столицы новые и сложные задачи. Царское правительство и Городская дума решали эти задачи в интересах привилегированной части населения. Центр все более благоустраивался, все резче становилась противоположность между ним и лишенными всякого благоустройства окраинами. Никакого плана развития коммунального хозяйства ни в городе в целом, ни в какой-либо его части не существовало. Вопросы строительства и содержания коммунальных предприятий, транспорта, городской санитарии и благоустройства решались от случая к случаю без взаимной увязки.

Застройка города не регулировалась. На Петербургской и Выборгской сторонах, на Большой и Малой Охте, за заставами по Шлиссельбургскому тракту, по Московскому шоссе, по Петергофской дороге строились новые промышленные предприятия, и вокруг них постепенно возникали низкие деревянные хищарки и многоэтажные кирпичные дома-казармы для рабочих.

Старый центр 90-х годов XIX в., почти сплошь застроенный многоэтажными каменными домами, за последние 25—30 лет существования дворянско-буржуазного Петербурга изменился сравнительно мало. Новые дома возводились на отдельных пустырях и на месте сносимых деревянных построек в таких районах, как Василеостровская, Рождественская, Александро-Невская, Москов-

ская, Нарвская части. Уплотнялась застройка, увеличивалась этажность жилых домов.

Несмотря на то, что общее количество новых построек было довольно значительным (в 1910—1913 гг. ежегодно строилось около 180 тыс. кв. сажен жилой площади), это строительство не образовывало новых архитектурных ансамблей, не придавало нового целостного облика отдельным районам города. Единственным исключением являлась Петербургская сторона, отдельные улицы и микрорайоны которой (например участок Большого проспекта между Каменноостровским проспектом и Карповкой) были застроены в этот период относительно удачно.

Петербургская сторона была районом, который за последнюю четверть века до революции застраивался наиболее интенсивно. Еще в начале 90-х годов Петербургский остров сохранял характер пригорода. Лишь по Большому проспекту и местами по примыкающим к нему улицам стояли каменные здания, остальная территория была застроена деревянными домиками с садами и огородами. После того как в начале 90-х годов был решен вопрос о постройке постоянного каменного Троицкого моста взамен существовавшего с начала столетия наплавного на Петербургской стороне началось оживленное строительство, сопровождавшееся еще невиданной в истории столицы спекуляцией земельными участками. В течение двух десятков лет внешний вид района резко изменился — деревянный пригород превратился в часть каменного города.

Спекуляция недвижимостями и рост цен на землю являлись характерной чертой дореволюционного Петербурга. Цена на землю росла во всех районах города весьма быстрыми темпами. Причинами этого явления были увеличение численности населения, жилищная пужда, рост квартирной платы, повышение доходности недвижимых имуществ. Цена квадратной сажени земли на центральных улицах в 1913 г. дошла до 300—500 руб., а на отдельных участках (Невский, Морская) земля расценивалась еще дороже.

Как быстро росла цена на землю, показывает пример с участком на Гулярной улице, принадлежавшим некоей Пальниковой. В связи с благоустроительными работами Городская дума решила в начале 80-х годов приобрести этот участок в собственность города. Дело об отчуждении тянулось с 1883 по 1906 г. За это время стоимость квадратной сажени земли по определению городской оценочной комиссии составляла: 1886 г. — 10 руб., 1898 г. — 35 руб., 1900 г. — 80 руб., 1903 г. — 90 руб., 1906 г. — 100 руб. По этой последней цене земля и была отчуждена.¹

Весьма интенсивно застраивались также пригороды. Такие места, как Лесной, Удельная, Озерки, Пороховые, Ржевка, территории по Шлиссельбургскому шоссе и по Петергофской дороге заселялись особенно быстро. Темп роста населения в пригородах превышал темп роста населения в городе почти в два раза.

¹ Известия С.-Петербургской городской думы, 1908, № 29, стр. 289.

Основной причиной этого являлась высокая квартирная плата в центральных районах города, которая заставляла рабочих и низкооплачиваемые категории служащих селиться вне городской черты.

Пригороды, по существу представляющие собой органическую часть Петербурга, юридически не входили в его состав. Городские власти на этом основании не считали себя обязанными заботиться об их благоустройстве. Вопрос о присоединении пригородов обсуждался неоднократно в Министерстве внутренних дел и в Городской думе. Дума занимала в этом вопросе резко отрицательную позицию: она считала невыгодным тратиться на окраины, которые в течение длительного срока не могли полностью себя окупить. Министерство внутренних дел проявляло больше «инициативы». Оно присоединило к Петербургу рабочие окраины «в полицейском отношении», создав 4 новые полицейские части: Лесновскую, Полуостровскую, Шлиссельбургскую и Петергофскую. Число полицейских было значительно увеличено.

Такое положение, при котором Петербург в полицейском отношении значительно превосходил размерами собственно город, т. е. территорию, на которую распространялась юрисдикция городского управления, сохранялось вплоть до революции.

* * *

Организация городского управления Петербурга за рассматриваемый период существенных изменений не претерпела.

Как уже указывалось в предыдущем томе, в 1892 г. в Петербурге было введено новое городское положение, уменьшившее и без того незначительные права выборных городских органов. Вместе с этим были расширены полномочия административной власти и втрое сокращено число лиц, пользовавшихся избирательным правом. По действовавшему до того положению 1870 г. избирательным правом обладали все плательщики оценочного сбора, т. е. все владельцы городских недвижимостей независимо от их стоимости, и все торговцы, выбравшие патенты, в том числе и на мелочной торг. Общее число избирателей в Петербурге составляло в 1889 г. 21 176 чел. Положение 1892 г. уменьшило количество лиц, имевших право голоса, до 7152 чел., оставив в числе избирателей купцов 1-й гильдии и владельцев недвижимости стоимостью свыше 3000 руб. Правительство опасалось влияния мелкобуржуазных слоев населения на деятельность органов городского управления, однако повышение ценза и вообще вся реформа 1892 г. не оправдали правительственных надежд. Представители крупной буржуазии отчетливо понимали всю иллюзорность полномочий думских органов, их полную подчиненность градоначальнику и полиции и потому мало интересовались думскими выборами. Активность в период выборов проявляли главным образом несколько враждовавших между собой групп, объединенных не какой-либо программой действий в области городского хозяйства, а исключительно

личными связями и стремлением пристроиться поближе к городскому «спириту». Это обстоятельство явилось причиной неожиданного результата первых выборов по новому положению в 1893 г.: общегородское собрание, на котором по закону должны были производиться выборы, созывалось дважды и все же требуемое абсолютное большинство голосов получило всего 55 чел., остальных 95 избрать не удалось. На выборах 1897 г. повторилась та же история: избрано было только 56 гласных. Так как при этом составе самое существование думы юридически не было законным, правительство было вынуждено изменить закон и провести вторичные выборы не на общегородском собрании, а на участковых. Однако и на участковых собраниях не удалось избрать требуемого количества гласных. Вплоть до 1903 г. дума функционировала в составе 110—120 членов, т. е. двух третей нормы.

Политика правительства в отношении органов местного управления продолжала оставаться двойственной. Понимая хозяйственную целесообразность предоставления известных прав местным выборным органам, царское правительство в то же время боялось их превращения в рупор оппозиционных настроений либеральной буржуазии и мелкобуржуазных демократических кругов. Оно пыталось само решать городские вопросы силами губернской администрации и полицейских органов, однако полная неспособность последних к какой-либо деятельности в сфере хозяйства была абсолютно очевидна. Государственный Совет, обсуждая муниципальные дела, отмечал, что «в случае излишнего ограничения дум и управ, они утратили бы значение ответственных органов общественного управления, и весь центр тяжести сего управления перешел бы в руки губернской администрации. Между тем круг деятельности последней представляется уже и ныне чрезмерно обширным. Поэтому расширять его сверх меры... значило бы возложить на администрацию явно непосильную задачу и вместе с тем тяжелую ответственность за правильный ход городских дел».¹

Неудача положения 1892 г. была очевидной. Царское правительство не могло не быть озабоченным судьбами хозяйства столицы, в которой проживала большая часть правящей верхушки страны. Поэтому вопрос о новом положении вновь стал актуальным.

В 1903 г. в Петербурге было введено новое «Положение об общественном управлении г. С.-Петербурга». Оно не вносило существенных изменений в существующий порядок и представляло собой попытку, сохраняя представительство в думе за небольшой прослойкой городского населения, сделать этот орган более действенным, способным выполнять указания правительственной власти. Для этого царское правительство сделало попытку привлечь к делам городского управления ту часть привилегированных слоев населения, которая ранее участия в местных органах не принимала. Существовавший имущественный ценз

¹ Журнал Соединенного департамента Государственного Совета, 1892, № 38, стр. 2—4.

лишал избирательного права дворян, живших в столице, но не имевших в ней недвижимости. Эта относительно многочисленная часть дворянства (бюрократия и офицерство) снимала дорогие квартиры в центре города. Специфические имущественные интересы этой группы заставляли ее стремиться к известному влиянию в городских делах. Предоставляя право голоса съемщикам дорогих квартир,¹ правительство стремилось привлечь к делам управления вполне благонадежную часть населения, которая создала бы некоторый противовес домовладельческо-купеческим влияниям в думе.

В результате нового положения количество избирателей возросло до 11—12 тыс. чел. Насколько узким продолжал оставаться круг лиц, имевших право голоса, видно из того, что он охватывал примерно 1% взрослого населения.

Положение 1903 г. не внесло особо существенных изменений в структуру думских органов. Дума избирала управу и городского голову, которым принадлежала исполнительная власть. Новое положение стремилось усилить роль городского головы, расширить его полномочия. Голова, члены управы и думский секретарь считались состоящими на государственной службе; однако права на производство в чины они не имели.

Обладая исполнительной властью и имея в своих руках аппарат городской управы, городской голова имел серьезный вес в решении вопросов городского хозяйства и управления. Через него осуществлялись все сношения с правительственной администрацией. Эта последняя лишь в редких случаях адресовалась к другим должностным лицам думы. Председатель думы располагал значительно меньшими полномочиями. Он не получал жалования и фактически ограничивал свою деятельность председательствованием на заседаниях и участием в различных комиссиях.

Круг ведения Городской думы и ее исполнительных органов по положению охватывал вопросы пользования городскими землями, эксплуатации коммунальных предприятий, городской санитарии и благоустройства. Дума ведала также городскими школами, больницами, учреждениями общественного призрения.

Возлагая на городское самоуправление ряд хозяйственных и иных функций, правительственная администрация сохраняла за собой право всеобъемлющего, всестороннего контроля.

Общий надзор за деятельностью органов городского управления в Петербурге, как и во всей стране, принадлежал министру внутренних дел. Практически он осуществлялся градоначальником, действовавшим в качестве представителя правительственной власти. Градоначальник имел право делать представления городскому голове об отмене думских решений. Если дума или управа

¹ Избирательное право по положению 1903 г. представлялось квартиросъемщикам, уплачивавшим не менее 33 руб. городского квартирного налога, что отвечало квартирной плате не менее 1080 руб. в год.

были не согласны с градоначальником, конфликт рассматривался в так называемом особом по делам г. С.-Петербурга присутствии. Это присутствие состояло из назначенного правительством председателя, петербургского градоначальника и нескольких должностных лиц.

Весь аппарат городского управления работал крайне медленно и неэффективно. Неаккуратно функционировала и сама дума. Так, например, думе положено было заседать два раза в неделю (по средам и пятницам). Однако одно из заседаний большей частью срывалось из-за неявки гласных. Когда на заседаниях дело доходило до принятия решения, то зачастую оказывалось, что налицо нет не только 80 гласных, требующихся для решения наиболее важных вопросов, но нет и 54 чел., необходимых для того, чтобы заседание вообще считалось состоявшимся. Летом работа думы почти замирала.

В начале 1912 г. в думе было около 700 нерешенных вопросов, многие из них весьма важные и имевшие срочный характер. В то же время повестка дня думы перегружалась самыми мелочными вопросами. Так, в 1912—1913 гг. разбирались дела «об ассигнованиях на обмундирование сторожей при городских уборных», о «жалобе инж. Травина на взимание городских сборов с его лошади, находящейся на Крестовском острове», и т. п.

Городская дума выражала классовые интересы привилегированных слоев городского населения. Топ в ней вплоть до революции продолжали задавать представители крупной буржуазии. Однако внутри представленных в думе группировок имелись разногласия и противоречия, которые делили думу на группы и партии.

Еще в 90-х годах наметилось образование в думе двух группировок, которые позднее получили названия «стародумцы» и «обновленцы». «Стародумцы», располагавшие в думе большинством до 1912 г., выражали интересы домовладельцев и купцов (значительная часть последних являлась и домовладельцами).

«Стародумцы» поддерживали развитие лишь тех городских предприятий, которые давали гарантированный, устойчивый доход и не могли повысить оценочный сбор с их недвижимости.¹ Они решительно возражали против всяких расходов на санитарно-гигиенические мероприятия, культурные учреждения и т. п.

«Обновленцы» являлись представителями новой «просвещенной» буржуазии. Среди них топ задавали представители промышленной буржуазии. После выборов 1908 и особенно 1912 г., когда «обновленцы» завоевали большинство, значительный удельный вес в думе приобрели члены кадетской партии. Однако кадеты не имели большинства и не выступали в думе самостоятельно, блокируясь с более правыми элементами.

¹ О структуре городских финансов до 90-х годов см. второй том «Очерков истории Ленинграда».

*А. Вегров. Вид Петербурга зимой. Конец XIX в.
Государственный Русский музей.*

Городская буржуазия рассматривала думу как защитника своих коллективных классовых интересов. Члены думы успешно выполняли эту задачу; однако, защита коллективные интересы своего класса, они не забывали и об интересах личных. Работа в органах городского управления давала возможность для всяких полузаконных и вовсе незаконных доходов, прощически именовавшихся «кормлением».

«Кормление это надо понимать широко: дело не в одном только пресловутом распределении между „своими“ платных должностей по городскому управлению. Нет, всякая постройка, всякое сооружение, будь то больница или мост, трамвай или мусоросжигательная печь, — неизбежно делались источником для прокармливания одного-двух, а подчас и целой компании присосавшихся к городу дельцов. Только то городское начинание в их глазах имеет цену, которое дает возможность что-нибудь „сорвать“ — безразлично, строится ли пятимиллионный мост или безвозмездно отдается под кладбище городская земля»¹.

Хроника предреволюционной Городской думы богата уголовными делами. Так, например, в 1911 г., который считался в уголовном отношении отно-

¹ В. Петрищев. С.-Петербургское городское управление. Ежегодник газеты «Речь», 1912, стр. 390.

сительно «тихим» годом, были вскрыты злоупотребления на водопроводной станции, на поставках городу угля, в управлении Сениного рынка, в пяти городских больницах, при сдаче в аренду городских земель. В результате ревизии строительства Охтенского моста был арестован председатель думской комиссии Даидрэ и привлечен к уголовной ответственности ряд думских служащих. Наиболее крупные из думских дельцов орудовали при предоставлении концессий, заключении подрядных договоров на строительные работы, комиссионерствовали при покупке городом земельных участков и т. д.¹

Деятельность Петербургской городской думы хорошо характеризует мало известный эпизод с рассмотрением обращения известного полярного исследователя Георгия Седова. В 1912 г., адресуясь к думе, Седов писал о своем намерении организовать первую русскую национальную экспедицию к северному полюсу. Исследователь рассчитывал на то, что дума ассигнует ему около 30 тыс. руб. из требуемых по самым скромным подсчетам 70 тыс. Но городская управа, распоряжавшаяся бюджетом свыше 40 млн руб., в помощи Седову отказала² на основании ст. 1 положения об общественном управлении Петербурга, согласно которой «пределы ведения городского управления ограничиваются чертой города».

В составе Городской думы имелась небольшая группа прогрессивно настроенных гласных (врачей, инженеров и т. д.), которая стремилась улучшить городское хозяйство столицы и пыталась бороться со злоупотреблениями и расхищением общественных средств, но сколько-нибудь серьезного влияния на деятельность городского управления эта группа оказать не могла. Лишь немногие отделы управы работали более или менее плодотворно. Так, например, в статистическом отделе, возглавлявшемся В. В. Степановым, был хорошо налажен учет городского хозяйства и регулярно публиковались весьма ценные статистические ежегодники.

Однако в целом аппарат думы и градоначальства работал бюрократически, без инициативы. Не было даже приблизительного представления о перспективах развития города. Все сколько-нибудь крупные мероприятия в городском хозяйстве были направлены на благоустройство центра, повышение уровня коммунального обслуживания привилегированной части городского населения. Благоустройству рабочих окраин, вопросам улучшения жилищных условий трудящейся части населения города дума не уделяла никакого внимания.

* * *

Увеличение населения и рост потребности в услугах городских предприятий непосредственно отражались на бюджете города. По сравнению с предше-

¹ Каких вообще размеров достигали доходы комиссионеров, видно из нашумевшего случая с покупкой Русско-Азиатским банком участка у вдовы городского головы Глазуновой за 6,5 млн руб., когда комиссионер получил 500 тыс. руб.

² Известия С.-Петербургской городской думы, 1912, № 29, стр. 109.

ствующим периодом бюджет Петербурга значительно увеличился. Он составил:¹

1895 г.	11911 тыс. руб.
1905 »	22565 » »
1915 »	57000 » »

Дефицитность городского бюджета, почти хроническая до последней четверти XIX в., исчезла после того, как возник новый источник доходов в виде коммунальных предприятий.

До 1882 г. доходы Петербурга от коммунальных предприятий составляли всего около 100 тыс. руб. в год. После постройки скотобойни в 1882 г. они удвоились, а в 1885 г., после открытия городского рынка (4 павильона на Сенной площади), почти удвоились вновь. Переход в руки города в 1891 г. водопровода повысил объем доходных поступлений в 3½ раза. Весьма доходным предприятием оказался и телефон, ставший городским предприятием в 1901 г.

Однако наиболее крупные изменения принес переход в руки города конно-железных дорог и замена их в 1907 г. трамваем. В 1908 г. трамвай дал 999 тыс. руб. чистой прибыли, в 1910 г. — 4,4 млн руб., в 1914 г. — около 10 млн руб.

Большинство городских предприятий характеризовалось очень высокой доходностью в результате применения монопольных цен и эксплуатации потребителей коммунальных услуг. Так, например, при валовом доходе от эксплуатации рынков в 1910 г. в 505 тыс. руб. чистая прибыль после уплаты процентов и погашения по займам составляла 465 тыс. руб. Прибыль трамвая в том же году, за вычетом процентов и погашения по займам, составляла 37,8% валового дохода. Всего в 1901—1910 гг. прибыль всех городских предприятий возросла с 1718 тыс. руб. до 8020 тыс. руб. в год.

Для выкупа концессионных предприятий город широко прибегал к займам. Задолженность Петербурга, составлявшая в 1885 г. 2974 тыс. руб., в 1903 г. равнялась 55 951 тыс. руб., а в 1914 г. — 94 млн руб.

Результатом перехода в руки думы ряда коммунальных предприятий явился не только рост городского бюджета, но и коренное изменение его структуры. Резко снизилось значение налогов и сборов; оценочный сбор, на протяжении многих десятилетий дававший львиную долю городских доходов, утратил свое решающее значение. В 1893 году налоги и сборы дали городскому бюджету 6656 тыс. руб., а доход от городских предприятий 661 тыс. руб. В 1911 г. налоги и сборы составляли 12 578 тыс. руб., а доход от предприятий (за вычетом эксплуатационных расходов и % на капитал) достиг 7323 тыс. руб. Валовой доход равнялся 22 267 тыс. руб.²

¹ Известия Петроградской городской думы, 1917, № 5—6, стр. 102.

² «О способах улучшения финансов С.-Петербурга», доклад подготовительной комиссии Городской управы. Известия С.-Петербургской городской думы, 1914, № 1, стр. 301—303.

Надо отметить, что переход в руки города коммунальных предприятий, обусловивший изменение структуры городского бюджета, проходил в условиях ожесточенной борьбы различных фракций в думе, где имелись рьяные защитники частных концессий, материально заинтересованные в их монопольных прибылях. Однако более многочисленной и более влиятельной являлась группировка, заинтересованная в том, чтобы коммунальные предприятия находились в руках города. Ее вполне определенно поддерживало Министерство финансов, видевшее в коммунальных предприятиях путь к снижению убыточности городского хозяйства.

Часть домовладельцев рассматривала рост доходов от водопровода, трамвая и т. д. как гарантию сохранения на неизменном уровне оценочного сбора. Часть гласных и притом наиболее близкая к «кормилу правления» считала, что управление предприятиями через управу и думские комиссии лучше обеспечит возможность расстановки «своих» людей на теплые местечки, позволит решать отдельные вопросы в своих интересах. Так, например, когда в думе решался вопрос о соединении Лесного с городом трамвайным путем, то влиятельная группа гласных, связанная с владельцами земельных участков, настояла на проведении линии по почти пустому Лесному проспекту, а не по застроенному Сампсониевскому. В результате этого цены на земельные участки на Лесном проспекте резко возросли.

Как уже отмечалось, коммунальное хозяйство ориентировалось на обслуживание нужд населения центральных районов города, но и здесь развивались главным образом те отрасли, которые давали значительный доход. «Бездоходная» канализация оставалась крайне запущенной; в состоянии хронического застоя находилось газовое хозяйство.

* * *

Жилищный фонд города по переписи 1910 г. состоял из 37 523 жилых строений (в том числе каменных 15 121) с 226 857 квартирами. Жилая площадь в 1914 г. определялась в 16,0—16,5 млн кв. м. В течение 90-х годов и в период с 1900 по 1914 г. было построено значительное количество жилых и коммерческих зданий. Особенно интенсивно в то время застраивалась Петербургская сторона. Годы с 1910 по 1914 являлись для Петербурга порой спекулятивной строительной горячки. Дома обычно строились на заемные средства и закладывались в банке по этажам. Но мере возведения этажей банк принимал их в залог и выдавал новую ссуду. Многие постройки осуществлялись с нарушением строительных правил, бывали случаи катастроф. Так, например, в 1909 г. с большим количеством жертв обрушился флигель дома № 26-28 по Разъезжей улице, принадлежавший семье известного спекулянта-строителя Залемана.

Стимулом жилищного строительства служил быстрый рост квартирной платы. Квартирная плата в Петербурге, поднимавшаяся на протяжении десяти-

*Е. Е. Лансере. Набережная Невы у Медико восточных. Акварель, 1904 г.
Государственный Русский музей*

летий, обнаруживала тенденцию к дальнейшему ускорению роста в годы промышленного подъема 1910—1913 гг., когда резко возросло рабочее население столицы. В бюджете семейных рабочих оплата квартиры составляла 15—25% общих затрат.

Высокая квартирная плата делала невозможным для рабочих и мелких служащих проживание в городе и заставляла их искать жилье в пригородах — в Лесном, Удельной, Кушелевке. Часть населения была вынуждена искать убежище в подвалах или в мансардах. По переписи 1890 г. в подвальных этажах жило 50 тыс. чел., в мансардах — 22 тыс. В 1910 г. в 8292 подвальных квартирах проживало 63 089 чел. В 1912 г. в городе насчитывалось 150 тыс. коечных и угловых жильцов.

По данным специального обследования рабочих-текстильщиков в 1908 г., в среднем на одного рабочего приходилось меньше 4 кв. м жилой площади. Семейные рабочие, получавшие в год от 200 до 400 руб. (а это была подавляющая часть рабочих), занимали: подкомнаты — 7,3%, угол — 35,7% и койку — 7,0%.¹ Следовательно, половина рабочих семей не имела отдельной комнаты.

Один из исследователей жилищного вопроса в Петербурге писал: «Знаете ли вы, как живут рабочие в Петербурге? В одной квартире обычно теперь живет 15—70 человек. На одного человека приходится $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ кубической и квадратной сажени». Санитарный врач Александро-Невской части дает такое описание квартиры, занимаемой рабочими одной бумагопрядильни: «Квартира находится в четвертом этаже, состоит из двух комнат, кухни и коридора. В квартире три окна, выходящих к отхожему месту и помойной яме. Плата за квартиру 14 руб. без дров. В этой квартире живут преимущественно семейные рабочие, всего 15 чел. (шесть мужчин, шесть женщин и трое детей). В каждой комнате помещается по две семьи (четыре и шесть человек), в кухне помещается 4 человека, а в темном коридоре — одна женщина. На каждого живущего в квартире приходится $\frac{1}{2}$ куб. сажени и $\frac{1}{2}$ квадр. сажени. . . В огромном большинстве случаев в распоряжении одного рабочего находится не целая кровать, а половина кровати. В комнате помещается 6—10 человек, а кроватей 3—5. Из 205 одиноких только 18 человек спали на отдельной кровати».²

В то же время в городе пустовало значительное число квартир, не находивших платежеспособного спроса. По переписи 1900 г. насчитывалось 11 376 свободных квартир, годных для заселения, по переписи 1910 г. — 5629 свободных квартир.

Пристанищем для беднейшей части населения служили ночлежные дома — «ночлежки». Они принадлежали городскому управлению и благотворительным обществам. В 1910 г. их было 34 на 6208 мест.

¹ Данные обследования текстильщиков (Петербургский текстильный рабочий в его бюджетах, СПб., 1912, стр. 32).

² А. Н и к и т и н. Задачи Петербурга, 1904, стр. 37.

Но по подсчетам городских санитарных врачей, в 1910—1912 гг. в Петербурге было около 10 тыс. чел., вынужденных пользоваться ночлежками. Часть бездомных людей, напрасно простояв в очереди, оставалась на ночь без крова. В некоторых домах в таких случаях разрешалось переполнение. Так, например, при обследовании дома № 81 по Обводному каналу врачи обнаружили на 48 местах 207 чел., спавших под нарами и на полу. Этот дом, находившийся в частных руках, пользовался печальной известностью. Он занимал подвальное сырое помещение; вентиляции не было никакой. Летом 1909 г. санитарная инспекция признала дом подлежащим закрытию. Однако нужда в ночлежных помещениях в этом районе была так велика, что привести в исполнение эту меру не решились.¹ По словам хозяина дома, переполнение осенью и зимой доходило до того, что ночлежники молили о разрешении хотя бы посидеть в тепле, не мечтая уже о такой роскоши, как сон.

В ночлежном доме в Рождественской части, рассчитанном на 25 чел., при проверке оказалось 140. Один из домов Нарвской части на 382 места принимал 1000 и более человек. О санитарных условиях в ночлежках свидетельствует тот факт, что ночлежный дом по Обводному каналу № 133 дал в эпидемию возвратного тифа 1895—1896 гг. 3% всех заболеваний в городе, а в эпидемию 1908 г. — 6%. Заболеваемость ночлежников в этом доме возвратным тифом была в 110,5 раза выше, чем средняя по Петербургу.

Люди в этом доме спали без всяких постельных принадлежностей, в грязных, зловонных лохмотьях и обуви, по двое на пространстве, узаконенном для одного. Весь пол под нарами, в проходах и сушильнях буквально вплотную бывал устлан ночлежниками. Воздуху в спальнях приходилось по $\frac{1}{4}$ куб. сажени на человека. От смрада и духоты у непривычных людей начиналось головокружение, головные боли и тошнота. Летом часть ночлежников находила себе даровой приют на барках, пустырях и огородах. «Во время ночных обходов находили спавших людей на свалках, где они вырывали траншеи и устраивали себе постель на брошенных тут же рваных рогожах, и только по случайно высунувшейся ноге полиция обнаруживала эти жилища», — писал современный свидетель.²

Ни царское правительство, ни дума не делали ничего для того, чтобы ликвидировать жилищную нужду в городе. Санитарные обследования, производившиеся время от времени, неизменно выявляли печальную картину высокой заболеваемости и смертности населения, но достаточно решительных мер к ликвидации создавшегося положения Городская дума не предпринимала, профилактические и оздоровительные меры почти не проводились. Во время обследо-

¹ Городское дело, 1912, № 11—12. Ночлежные дома в больших русских городах.

² Известия С.-Петербургской городской думы, 1900, № 34; цит. по: Д. Д. Семенов. Городское самоуправление. СПб., 1901, стр. 326.

нии медицинской полиции, произведенного в 1897 г., выяснилось, что 1391 угловую квартиру Нарвской части населяло 15 647 чел. В материалах этого обследования¹ мы находим следующее описание условий жизни в угловых квартирах: «Окна в этих квартирах запотевшие и грязные от насевшей пыли и копоти; подоконники постоянно мокры от стекающей с окон влаги; на полу и подоконниках валяется всякий хлам и остатки пищи; стены обиты в большинстве случаев изодранными обоями, испещренными узорами от раздавленных клопов, к которым обитатели углов, повидимому, относятся равнодушно; в комнатах, где только возможно, поставлены кровати, число которых доходит до шести и более. Воздух в этих квартирах тяжелый и душный. Происходит это главным образом от того, что квартиры не только не вентилируются открытием форточек из боязни сильно охладить комнату или из-за того, что у окна помещается супружеская чета с малолетними и грудными детьми, но даже вентилятор и все щели усердно затыкаются тряпками. Одежда и постельные принадлежности самих жильцов зачастую зловонны; очень часто можно видеть целые ряды просушиваемых портянок, пеленок, мокрой одежды. Таким образом, доступ чистого воздуха возможен только через дверь, но и последняя зачастую выходит или в кухню, или в коридор, или же на площадку лестницы, где устроены отхожие места. Постельные устройства холостых от женатых отличаются наличием занавесок».

В 1912 г. в Петербурге насчитывалось 150 тыс. коечных и угловых жильцов. Значительная часть беднейшего населения Петербурга страдала от периодически повторявшихся стихийных бедствий — наводнений.

* * *

С ростом населения коммунальное хозяйство города постепенно росло и усложнялось, хотя уровень коммунального обслуживания широких масс населения продолжал оставаться невысоким. Потребление воды и газа на душу населения не увеличивалось вовсе, канализация, дорожные покрытия, зеленые насаждения оставались в крайне неудовлетворительном состоянии.

Водопроводные станции перешли еще в 1890—1891 гг. в ведение города. Концессионеры, извлекая огромные доходы, совершенно не заботились о качестве воды, которую получали потребители. На незаречной водопроводной станции фильтрацию воды устроили лишь по решению суда; заречные водопроводные станции фильтров не имели. В погоне за прибылью водопроводные общества присоединяли к сети неограниченное количество абонентов. В результате снижалось давление в сети, во многих районах города в часы наибольшей на-

¹ Город С.-Петербург с точки зрения медицинской полиции. Составлено врачами Петербургской столичной полиции при участии и под редакцией старшего врача И. Еремеева. СПб., 1897, стр. 459—460.

грузки вода не поднималась в верхние этажи. Не справлялись с нагрузкой и фильтры. Толщина фильтровального слоя была снижена до 1,5 футов вместо положенных 3 футов, это увеличило скорость фильтрации, но ухудшило качество воды.

Городская дума вынуждена была принять ряд мер к тому, чтобы устранить наиболее вопиющие нарушения санитарно-гигиенического режима, которые создавали угрозу вспышки эпидемий желудочных заболеваний в любой момент. Однако никакого кардинального улучшения водопроводного дела дума не произвела.

Рабочие окраины оставались без воды. Новые водопроводные линии прокладывались главным образом в центральных районах города. Не было водопровода за Невской заставой, в Старой и Новой деревне и т. д.

Наиболее острой проблемой в водопроводном хозяйстве Петербурга перед революцией была проблема качества воды. Увеличение стока промышленных и хозяйственных вод в Неву вызывало прогрессирующее загрязнение воды в черте города.

Дума длительное время занималась изучением вопроса о снабжении города ключевой водой из района силлурийского плато (к югу и юго-западу от города), но в результате изысканий выяснилось, что это недостаточно мощный источник. В 1910—1913 гг. было решено построить Ладожский водопровод с водозабором несколько севернее истока Невы. Строительство началось в 1914—1915 гг., но было прервано в 1916 г.

Качество невской воды продолжало оставаться неудовлетворительным. В периоды наибольшей нагрузки к фильтрованной воде при подаче в сеть добавлялась нефильтрованная, в количестве 10% и выше, что сводило на нет весь эффект фильтрации. Поэтому эпидемии желудочных заболеваний — холеры, брюшного тифа, дизентерии — в Петербурге почти не прекращались.

Для устройства усовершенствованной канализации за два с половиной десятилетия до революции практически не было сделано ничего. Трудно найти лучший пример пренебрежения интересами города. Не желая нести некоторых, в общем не столь уже значительных расходов по переустройству дворовой канализации, петербургские домовладельцы упорно и успешно саботировали все предложения, направленные на решение этого важнейшего для города вопроса.

В предыдущем томе рассказывалось о перипетиях с проектированием петербургской канализации в 70—80-х годах. Представленный инженером Ливидеем проект в течение всех 90-х годов проходил экспертизу. В 1898 г. проект Ливидея, вместе с другими проектами и вариантами, был окончательно отвергнут. В 1900 г. дума вновь объявила конкурс на проектирование городской канализации. Из представленных проектов три были отобраны и переданы в доработку. После доработки, в результате нового рассмотрения в 1905 г. все проекты были отвергнуты как основанные на недостаточно проработанных данных.

Водоразборная будка на окраине Петербурга. Фотография около 1900 г.

Дума создала подготовительную комиссию по канализации, по поручению которой инженер Грибоедов в 1908 г. составил проект канализации Васильевского Острова, а затем и всего города, однако никаких практических шагов для осуществления проекта опять-таки сделано не было.

В 1911 г. на основе закона о принудительном оздоровлении городов на думу было возложено обязательство построить усовершенствованную канализацию. Очередной проект был составлен и одобрен в мае 1914 г. В годы войны работа над ним продолжалась и была завершена лишь к концу 1917 г. Всего за период с 1868 по 1917 г. было составлено 48 проектов канализации города, а практически не было сделано почти ничего.

Крайне примитивно была организована очистка города и улиц. Содержание улиц в чистоте лежало на обязанности владельцев участков; мосты, площади и некоторые территории общего пользования убирали подрядчики по договору с городской управой.

Одно время большой популярностью пользовалась идея мусоросжигания. В 1906 г. на городские средства была построена мусоросжигательная станция

на Старообрядческой улице, в 1912 г. — вторая, более крупная станция на Васильевском Острове. Однако экономичность этого способа удаления мусора оказалась сомнительной, и мусоросжигание не получило в Петербурге значительного развития.

Большую часть работ по очистке города от мусора и снега выполняли крестьяне окрестных деревень: Ручьев, Пискаревки, Рогатки, Коломаги, Гражданки и др. Эти деревни были по существу извозчицкими слободами, ибо сельскохозяйственные работы являлись в них только подсобным источником дохода.

Ассенизационный транспорт, принадлежавший городу, обслуживал 20—25% домовладений, выполнял заказы казенных учреждений и некоторых частных домовладельцев. Мощность его была совершенно недостаточной, а Городская дума никак не могла изыскать средства на пополнение наличного парка. Вместо необходимых по расчетам 400—500 бочек с пневматическим устройством в 1915 г. их было всего 80. Вплоть до революции очистка города оставалась одним из самых запущенных участков городского хозяйства.

* * *

Старейшими предприятиями городской энергетики были газовые заводы. Они вырабатывали газ главным образом для освещения. После появления электричества надо было бы переходить на внедрение газа в качестве топлива, но «Общество 1835 года», продолжавшее оставаться в частных руках, а также «Общество 1858 года», перешедшее к городу, не предпринимали никаких шагов в этом направлении.

Производство газа в течение последних 10—15 лет перед первой мировой войной держалось на очень низком уровне. Оно составляло в 1909 г. 550, а в 1913 г. 458 млн куб. фут. Этого количества хватало на освещение части улиц газовыми фонарями. Для бытовых нужд газ подавался в небольшое число домов на Невском проспекте и на прилегающих к нему улицах. Газовое хозяйство постепенно деградировало.

Производство электроэнергии возникло в Петербурге первоначально также для целей освещения. Вплоть до революции уличное и домовое освещение, трамвай и водопровод потребляли вместе около $\frac{2}{3}$ выработки электростанций общего пользования.¹

Роль электричества в уличном освещении непрерывно возрастала: в 1898 г. в городе было 213 электрических фонарей, в 1915 г. — 2980. Но в целом для большого города это было ничтожным количеством. В 1915 г. в Петербурге остава-

¹ Кроме электростанций общего пользования, имелись еще электростанции на промышленных предприятиях.

дось 3518 керосиновых фонарей, из них 1734 керосино-калильных и 1784 обыкновенных керосиновых. Эти последние были источником света на окраинных улицах; впрочем, большинство этих улиц не имело до революции даже такого примитивного освещения.

Выработка электроэнергии первоначально осуществлялась на установках небольших размеров. Так, при освещении Невского проспекта «свечой Яблочкова» небольшая электроустановка была сооружена около Казанского собора. В 1895 г. в незаречных частях города действовало 30 самостоятельных электрогенераторных установок, дававших ток для более чем 30 тыс. лампочек накаливания. Станция «Общества 1886 года» питала 20,5 тыс. лампочек и около 300 дуговых фонарей. На Васильевском Острове была сооружена установка, рассчитанная на облуживание 7,5 тыс. лампочек и 40 дуговых фонарей.

Мелкие установки довольно быстро уступили место крупным электростанциям, построенным с участием иностранного капитала, нашедшего в электростанциях надежный источник извлечения громадных прибылей.

В Петербурге, с участием немецкого и бельгийского капиталов, возникли общества «Гелиос» и «Гуэ и Шманцер», построившие электростанции на Калашниковской набережной и на Фонтанке.

Несмотря на то, что в печати и в думе раздавались голоса о целесообразности сооружения и эксплуатации электростанции силами города, постройка станций общего пользования была сдана по концессионным договорам частным компаниям. Концессионеры добились исключительно выгодных условий: плату за электроэнергию им разрешалось взимать в размере до 21—35 коп. за киловатт-час, в то время как уровень техники производства электроэнергии в это время позволял установить тариф не выше 15 коп. Срок договора был определен в 40 лет. Электрокомпании обеспечивали себе гарантированные крупные прибыли.

В годы непосредственно перед первой мировой войной электрические монополии предприняли попытку захватить в свои руки все источники гидроэнергии вокруг Петербурга. Как сообщила печать,¹ утвержденное в августе 1912 г. С.-Петербургское акционерное общество электропередачи силы водопадов, в состав которого вошли почти все петербургские банки, приобрело водопады Иматру, Валликоски и Малую Иматру, а также Волховские пороги, т. е. все основные источники гидроэнергии, наиболее близкие к городу. Только Октябрьская революция помешала плану осуществления грабительских монопольных тарифов на электроэнергию.

Лишь в отдельных случаях, когда интересы электрокомпаний вступали в противоречие с интересами других групп буржуазии, некоторая информация о методах, какими действовали монополисты, становилась достоянием гласности. Так, например, один из гласных городской думы — Оппель — в 1912 г. предъ-

¹ Городское дело, 1912, № 17, стр. 1098.

явил трем петербургским электрокомпаниям обвинение в образовании синдиката и в систематическом нарушении обусловленных концессионным договором правил отпуска энергии абонентам. Эти нарушения выражались в применении максимальных тарифов, в отказе давать свет абонентам с малым потреблением электроэнергии, в повышении вольтажа в сети, что влекло за собой сокращение срока службы лампочек и неверные показания счетчиков, и т. д.

Как и их западноевропейские и американские собратья, петербургские электрокомпании в первом десятилетии XX в. пытались всеми средствами помешать замене электрических лампочек с угольной нитью лампочками с металлическими, танталовыми, вольфрамовыми и другими нитями (так называемые «экономические» лампочки), применение которых резко снижало потребность в электроэнергии для целей освещения.

Хозяйничанье электрических компаний наносило большой ущерб потребителям электроэнергии. Каждая станция давала ток различных параметров («Общество 1886 года» — трехфазный, два других — простой переменный, «Общество 1886 года» и «Гелиос» — 50 периодов, Гуэ и Шманцер — 42,5 периода в секунду; вольтаж в распределительных сетях также был различным у всех трех станций). В некоторых районах города сети двух станций перекрывали друг друга, не будучи в то же время в состоянии заменить или восполнить одна другую. Весь этот хаос пришлось ликвидировать уже советской власти.

* * *

В отсталом и запущенном состоянии находилось в предреволюционном Петербурге городское дорожное хозяйство. Из 9 млн кв. м площади улиц и проездов лишь 7% (568 тыс. кв. м) имело усовершенствованные покрытия, остальные 93% падали на долю булыжного замощения и грунтовых дорог.

Дорожное хозяйство было организовано так, что добиться единообразия и разумного решения общегородских вопросов было почти невозможно. Со времен Петра I обязанность замощения улиц лежала на владельцах прилегающих к улицам земельных участков. Каждый землевладелец самостоятельно решал вопрос, как мостить и когда мостить. Известная регламентация существовала лишь в отношении торцовых мостовых, для прочих же видов (булыжных, брусчатых, асфальтовых) требования состояли всего лишь из двух пунктов: 1) не начинать дорожных работ раньше 15 мая, 2) не мостить сразу во всю ширину улицы, чтобы не закрывать проезд.

На некоторых главных улицах единообразие в типе покрытия и сроках достигалось, но не законодательным, а административным путем, с помощью полиции, по требованию представителей царской фамилии и влиятельных сановников, заинтересованных в удобной мостовой на своих обычных путях следования.

Как относились городские власти — правительственные чиновники и дума — к делам дорожного хозяйства и вообще к благоустройству города, видно на при-

Конка у Николаевского моста. Фотография начала XX в.

мере проекта постановления об устройстве и содержании мостовых и тротуаров, разработанного городской управой в конце 1904 г. Это постановление содержало в себе некоторые пункты, упорядочивавшие дорожное дело и расширявшие права города в отношении землевладельцев. Дума утвердила проект в конце 1905 г. В 1906 г. градоначальник его опротестовал, и в начале 1907 г. особое по делам г. Петербурга присутствие отменило думское решение, предложив его изменить в некоторых частях. Лишь в апреле 1909 г. дума утвердила исправленную редакцию и препроводила ее градоначальнику. Почти через год, в марте 1910 г., градоначальник вернул проект в думу с предложением согласовать его с одним из ранее составленных документов. В 1911 г. дума известила градоначальника о несогласии с его предложением. В 1912 г. градоначальник передал постановление, как спорное, вновь на рассмотрение особого присутствия. В 1913 г. особое присутствие нашло, что постановление, возлагая на домовладельцев обязанности, лежащие на городе, противоречит закону, и после десятилетней волокиты признало постановление «не подлежащим опубликованию».

Внимание градоначальника и полиции привлекали лишь те улицы, которые примыкали к императорским и великокняжеским дворцам, к району, где обитала правящая верхушка царской России. На этих улицах для удобства владельцев собственных выездов была уложена торцовая мостовая, мягкая, бесшумная, но очень дорогая в эксплуатации. Полностью торцами были замощены в 1910 г. 16 улиц: Невский, Морская, Гоголя, Английская набережная, Дворцовая набережная, Миллионная, Французская набережная, Каменноостровский проспект и др. Частично замощены торцами были Литейный, Владимирский, Загородный проспекты, набережные Фонтанки, Мойки и Екатерининского канала, Садовая и несколько других улиц.

Усовершенствованные покрытия в дореволюционном дорожном хозяйстве столицы почти не применялись. Первые опыты использования асфальта были сделаны еще в 40-х годах XIX в., но дальнейшего развития не получили. В 1890 г. прессованным асфальтом был замощен участок перед домом на ул. Гоголя. В 1892 г. замощена целиком Б. Конюшенная улица. В 1910 г. асфальтовое покрытие, кроме Б. Конюшенной, имели Екатерининская улица, часть ул. Жуковского и набережной Фонтанки. В небольших количествах применялась брусчатка. Производство дорожных работ базировалось целиком на ручном труде строителей-дорожников, приезжавших в Петербург на заработки на летний сезон.

1900—1915 гг. являются периодом довольно оживленного строительства мостов. В 1903 г. был открыт для движения Троицкий мост, самый большой мост через Неву, в 1911 г. — Охтенский мост у Смольного, в 1916 г. — Дворцовый мост (еще не полностью законченный). Строительство этих мостов в значительной степени было связано с нуждами трамвайного хозяйства. Если в эпоху конного транспорта можно было пересекать Неву по наплавному мосту, слегка покачивавшемуся на волнах, то электрический транспорт таким мостом пользоваться

На Невском проспекте. Фотография 900-х годов.

не мог. Потребовалось также переустроить и усилить конструкции ряда старых каменных, металлических и деревянных мостов (Полицейского, Старо-Никольского, Елагина, Маслянобуинского, разводной части Николаевского моста и др.).

Если количество постоянных мостов через Неву существенно увеличивалось, то протяженность каменных набережных оставалась почти стабильной. Лишь в связи со строительством Троицкого и Дворцового мостов прилегающие участки набережных подверглись некоторому переустройству.

* * *

В городском транспорте столицы за период с 1890 по 1917 г. произошли существенные перемены. Развитие промышленности, возникновение новых промышленных предприятий, застройка новых окраинных районов требовали улучшения средств сообщения между частями города. Фабриканты были заинтересованы в том, чтобы территория, на которой они могли бы набирать себе рабочую силу, была возможно шире. Проведение конных железных дорог, а затем трамваев усиливало конкуренцию на рынке труда, увеличивало предложение рабочих рук.

В 90-х годах потребность в электрическом трамвае стала ощущаться очень сильно. Трамвай работал в Москве, Киеве и во многих провинциальных городах, в то время как северная столица вынуждена была довольствоваться конками.

В 1898 г. в связи с истечением срока концессионного договора линии первого общества конно-железных дорог — Невская, Садовая и Василеостровская — перешли в руки города. Второе общество не желало отказываться от своих прав, и его линии город получил лишь после продолжавшегося 6 лет судебного процесса, в 1902 г.

В 1904 г. был составлен проект постройки трамвая. Предусматривалось сооружение 190 верст трамвайных путей и приобретение 800 вагонов. По недостатку средств было решено осуществить в первую очередь примерно $\frac{1}{4}$ объема работ по проекту. Постройка линии первой очереди (54,4 версты) была начата в 1905 и закончена в 1907 г. Пуск трамвая состоялся 15 сентября 1907 г. На линии в первое время находилось в эксплуатации 228 моторных вагонов, в 1908 г. количество вагонов равнялось 511.

Трамвай оказался исключительно доходным городским предприятием, прибыли от его эксплуатации значительно превысили первоначальные расчеты. Ежегодный прирост числа перевезенных пассажиров конно-железными дорогами в 90-х и в начале 900-х годов редко превышал 4—6% в год, т. е. соответствовал или отставал от роста численности населения. Прирост числа пассажиров в первые годы после пуска трамвая составлял 15—20% в год и более.

В 1906 г. конные дороги перевезли 106 млн пассажиров и получили 1340 тыс. руб. чистой прибыли. В 1909 г., после завершения первой очереди трамвая, было перевезено 162 млн пассажиров (и, кроме того, оставшимися конными линиями 31 млн пассажиров). Чистая прибыль трамвая в 1909 г. составила 4597 тыс. руб. В 1914 г. валовой доход трамвая (включая Невскую пригородную железную дорогу), составил 17,6 млн руб., а эксплуатационные расходы, включая капитальный ремонт (без погашения капитала) — 7,9 млн, т. е. всего 45% валового дохода.

Оказалось даже выгодным прокладывать зимой небольшую трамвайную линию по льду Невы (первый опыт относится к 1895 г.). Достаточно устойчивые зимы в начале XX в. делали возможной эксплуатацию такой линии в течение 2—4 месяцев.

В 1911 г. был поднят вопрос о постройке второй очереди трамвая. В этот момент на сцену выступили весьма влиятельные, имевшие сильную поддержку в думских кругах частные компании, связанные с бельгийскими, немецкими и другими иностранными предприятиями и банками, пытавшиеся получить в свои руки эксплуатацию такого «золотого дна», каким оказался петербургский трамвай.

Надо отметить, что прибыли концессионных коммунальных предприятий стояли на очень высоком уровне, а трамвай выделялся в этом отношении особен-

Электрическая железная дорога по льду Невы. Фотография. 1895 г.

но. Один из журналов того времени отмечал: «Бельгийцы, специализировавшиеся на эксплуатации трамваев в русских городах, продолжают наживаться... Выручка всех бельгийских трамваев увеличилась в 1913 г. по сравнению с 1912 г. на 8,2 млн руб. или на 18%... Доход саратовского трамвая поднялся на 27,5%, а бельгийского общества „Ташкентский трамвай“ на целых 76%. Ни в одной другой стране бельгийские трамвайные анонимы не получают таких больших прибылей, как у нас в России».¹ Понятно, что столичный трамвай представлял собою особенно лакомый кусок. Вполне возможно, что усилия адвокатов концессионных компаний в Петербурге увенчались бы в конце концов успехом, но этому помешало напряженное положение городских финансов. В этот момент вновь возникла задача расширения и переустройства водопровода и канали-

¹ Городское дело, 1914, № 4, стр. 243.

зации. Встал вопрос об источниках городских доходов. Дума не могла выпускать из своих рук такой надежный источник доходов, как трамвай.

Строительство второй очереди началось в 1914 г. Вся стоимость работ оценивалась в 40 млн руб. Смета предусматривала строительство ряда линий (Лесной, Смоленской, Таврической, Обводной и других общей протяженностью 76 верст), сооружение Петербургского, Василеостровского, Рождественского, Московского трамвайных парков, приобретение дополнительного подвижного состава с доведением его до 770 вагонов и ряд других расходов. Работы по строительству второй очереди продолжались до 1916 г. и закончены до революции не были.

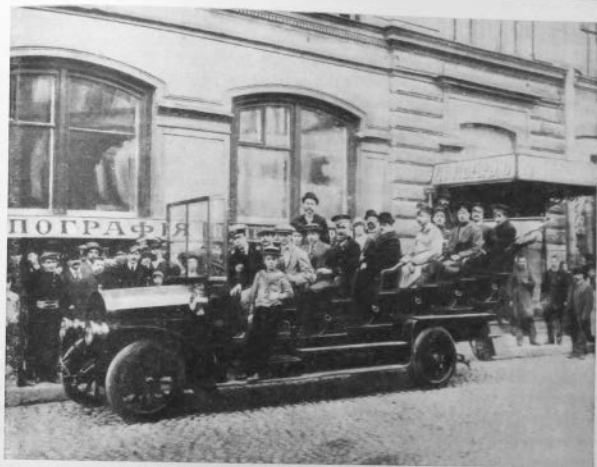
Уже в 90-х годах стали поступать предложения о строительстве в Петербурге подземных дорог — метрополитена. В 1893 г. в Петербургском собрании инженером Ганеманом был прочитан доклад о проекте металлического тоннеля под Невой вместо предполагаемого строительством постоянного Троицкого моста. Первый проект подземных железных дорог в Петербурге был составлен в 1901 г.; подземный тоннель должен был соединить Адмиралтейство с Николаевским вокзалом и пройти под Невским проспектом.

Были разработаны и другие проекты; авторы некоторых проектов предлагали осушить часть каналов города и воспользоваться ими для устройства пути в открытых готовых выемках (например по Екатерининскому каналу, Лебяжьему каналу и др.), что могло, конечно, нанести непоправимый ущерб архитектуре города. Дореволюционное городское самоуправление так и не сумело начать работу по строительству метрополитена.

Первые предложения по организации в Петербурге автобусного движения были сделаны в 1900 г. (намечался маршрут от Николаевской улицы по Надеждинской, к Литейному мосту). В 1903 г. городская управа в заключении на очередное предложение отмечала, что «городской думой было разрешено многим предпринимателям подобного рода движение, но ни один из них до настоящего времени не осуществил своего предприятия».

Первое автобусное движение организовал предприниматель инженер-технолог Б. Иванов. Получив разрешение в сентябре 1907 г., он устроил сообщение по маршрутам от Александровского сада к Царскосельскому вокзалу по Гороховой улице и к Балтийскому вокзалу по Вознесенскому и Измайловскому проспектам. В 1910 г. в его предприятии было занято всего 100 чел.

Автомобильное движение в дореволюционном Петербурге было почти исключительно легковым. Всего в 1913 г. в городе насчитывалось 2585 машин, из них казенных 221, таксомоторных 328, остальные принадлежали частным лицам — аристократии, крупной буржуазии, а также частным фирмам, сдававшим машины в прокат.

Автобус в Петербурге. Фотография около 1910 г.

Интересно отметить, что первые «Правила уличного движения» для автомобилей были приняты Городской думой в 1901 г.¹ По этим правилам скорость езды по улицам не должна была превышать 12 верст в час. Для шоферов устанавливались испытания. Машины должны были проходить технический осмотр один раз в год. При движении по улицам, как указывалось в правилах, автомобили должны «не выпускать... ни дыма, ни пара», и «в случае изобретения и одобрения» предохранителей от разбрасывания резиновыми шинами грязи владельцы машин должны таковые предохранители приобрести и установить.

Появление трамвая изменило структуру городского транспорта. Значение конного пассажирского транспорта резко упало. Начало сокращаться количество извозчиков. В 1909 г. городская управа выдала 16 600 легковых извозных знаков, а через 2 года, в 1911 г., всего около 14 тыс. Однако грузовой конный транспорт прочно сохранял свои позиции, ибо грузовики на улицах города в сколько-нибудь заметных количествах появились лишь в годы первой мировой войны.

¹ Ведомости СПб. градоначальства, 1901, № 160 (от 25 июля).

* * *

В собственность города в 1901 г. перешла телефонная сеть. До этого телефон эксплуатировался на концессионных началах американской компанией Белла. Какие доходы извлекала эта компания, видно из того, что абонентная плата была установлена ею в размере 250 руб. в год. После перехода телефона в руки города плата была снижена в пять раз, до 50 руб. Тем не менее эксплуатационные расходы (без погашения капитала) составляли менее 50% валового дохода. Число абонентов Белла к 1901 г. составляло 4,6 тыс. На 1 января 1912 г. число телефонов всех категорий равнялось 37 тыс, на 1 января 1916 — 56 185. Телефон обслуживал зажиточные слои населения в центре города и был недоступен широким массам трудящегося населения на окраинах.

* * *

Представители правящих классов царской России проявляли большую заботу об охране своего здоровья. К их услугам были высококвалифицированные частные врачи и лечебницы, русские и заграничные курорты.

Трудящееся население столицы обслуживалось главным образом городскими больницами, попасть в которые считалось несчастьем. Сеть этих больниц была недостаточна, ассигнования на их содержание мизерны. Будучи переполнены в течение всего года, больницы совершенно не справлялись со своими задачами в периоды эпидемий.

Опасаясь эпидемических заболеваний, которые могли не пощадить и представителей привилегированной части населения, городские власти осуществляли некоторые мероприятия по расширению больничной сети. В 1910 г. Петербург располагал 12 городскими больницами с 10 600 кроватями. Из 12 больниц пять являлось больницами общего типа, одна — детской, одна — для острозаразных больных, три — для психических и две — для венерических больных. В 1911 г. город приступил к постройке наиболее крупной больницы общего типа — им. Петра Великого (ныне Мечниковская больница). Проект этой больницы был составлен архитектором Л. А. Ильиным при консультации выдающихся представителей медицинской науки.

Услугами городских больниц в 1906 г. воспользовалось 117 тыс. чел. Перед первой мировой войной число больных превысило 150 тыс. в год.

Кроме больниц, существовало 11 лечебниц — амбулаторий, в которых думские врачи должны были оказывать бесплатную помощь населению. Однако персонал этих лечебниц на весь город исчислялся всего в 40 врачей.

Совершенно неудовлетворительная организация медицинской помощи была одной из причин высокой смертности, особенно среди детей. В 1912 г. из 100 родившихся детей в Петербурге на первом году жизни умирало 25. На долю детей возрастом до 5 лет приходилось 47% всех смертных случаев.

Общая смертность населения составляла 25—26 чел. на 1000 населения. При этом смертность в центральных районах, населенных аристократией и буржуазией — в Адмиралтейской, Казанской, Литейной частях — не превышала 15 чел. на 1000, в Александро-Невской, Рождественской, Выборгской, Петербургской частях она доходила до 30.

Такая высокая смертность и общее неудовлетворительное состояние медицинского дела в столице было неизбежным следствием антинародной политики и Городской думы и правящих верхов.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

 Начиная с 90-х годов, резко возрастает количество промышленных предприятий Петербурга, быстро увеличивается число жителей. В 1890 г. в Петербурге числилось 954 тыс. жителей, в 1900 г. их уже насчитывается 1418 тыс., а в 1913 г. — 2142 тыс.¹

Приток населения вызвал резкое повышение цен на квартиры, что в свою очередь привело к массовому строительству жилых зданий. Строительство доходных домов в это время оказалось чрезвычайно выгодной формой помещения капитала. В начале 900-х годов весной в столицу прибывало до 100 тыс. сезонных строительных рабочих.

Несмотря на дальнейший рост города, выявившиеся ранее в его застройке тенденции — контраст между центром, сравнительно благоустроенным, и окраинами, совершенно запущенными, неравномерность и хаотичность застройки — продолжали господствовать в городском строительстве и в начале XX в.

Определившийся ранее характер застройки отдельных районов города в рассматриваемый период в целом не меняется. Город продолжал развиваться стихийно. Единых принципов и руководящих идей в его планировке не было. Бессистемное строительство в центре сопровождалось просто беспорядочным на окраинах. Беспорядочные и запущенные заводские окраины являлись настоящими задворками города.

¹ Материалы по статистике Петрограда, вып. 1. Пгр., 1920, стр. 10.

Проведение трамвайных линий ускорило застройку отдельных частей города, а также пригородов. В начале XX в. на первое место среди других районов по темпам роста населения выдвинулась Петербургская сторона. На Каменноостровском, ныне Кировском, проспекте исчезали один за другим окаймлявшие его сады, и вместо них возникали большие доходные дома. Каменноостровский проспект вел на «Острова» — излюбленное место отдыха петербургских жителей. Вдоль проспекта располагались различные увеселительные заведения. Важнейшей после Невского магистралью города становится Большой проспект на Петербургской стороне, средоточие торговых и зрелищных предприятий.

В пределах северных пригородов Петербурга — на Выборгской стороне — одно время предполагалось строительство буржуазной части города. В целях оживления застройки Выборгской стороны Городская дума провела две линии трамвая — в Сосновку и в Полистрово к больнице Мечникова. Туда были проведены также водопровод и канализация. Однако застройка этих отдаленных от центра районов шла медленно.

Все попытки перепланировки городской территории носили частный, ограниченный характер. К тому же намечавшиеся мероприятия имели порой для города отрицательное значение.

После того как в 1891 г. был засыпан и заключен в трубу Лиговский канал на участке до Обводного канала, городскими властями было возбуждено также ходатайство о засыпке Таврических прудов, связанных с Лиговским каналом, но, к счастью, оно удовлетворено не было. После засыпки Лиговского канала на его месте был разбит бульвар, который был затем уничтожен в связи с проведением трамвайной линии.

Помимо бульвара на Лиговке, был уничтожен парк на Выборгской стороне, бывший единственным парком общественного пользования в этом рабочем районе.

В 1909 г. возникла мысль о создании на Марсовом поле центрального парка, с засыпкой Лебяжьего канала и с соединением нового парка с Летним садом. В случае реализации этого проекта, был бы нарушен архитектурный комплекс одного из замечательных участков города — Марсова поля с окружающими его зданиями.

Вместо целостной планировки больших районов города, на практике наблюдалось упрощенное проведение проездов без учета будущей застройки.

Мероприятия по планировке и благоустройству города в иных случаях наталкивались на прямое противодействие со стороны владельцев земельных участков. Так, когда в 1914 г. возник проект создания улицы, параллельной Невскому проспекту, путем соединения ул. Жуковского и ул. Ракова со сносом строений на участке, принадлежавшем графу Шереметеву, осуществлению этой идеи воспрепятствовал владелец этого участка — Шереметев.

В 1908 г. архитектор Л. Н. Бенуа составил записку относительно необходимости разработки единого генерального плана Петербурга. В этой записке, пред-

ставленной им в Академию художеств, было отмечено, что «каждый большой город, особенно столичный, с неизбежными изменениями условий жизни, а главное, с его ростом, неминуемо требует временами капитальных переустройств и расширений. Все работы по преобразованию городов необходимо приводить в исполнение по заранее составленным планам и в порядке расписания очереди работ на многие годы вперед». Бенуа констатировал далее: «Все, что выполняется, носит совершенно случайный характер, причем во всех мероприятиях отсутствует стремление сохранить определившийся давно облик города. Между тем, общий план Петербурга был в свое время отлично задуман; город был застроен монументальными зданиями и имел все возможности для дальнейшего гармоничного развития». Мнение Бенуа было поддержано президентом Академии художеств и было доведено до сведения Городской думы. Однако, как и следовало ожидать, дума сочла сделанное предложение «несвоевременным» и угрожающим стеснить «частную инициативу» в деле развития города. В 1916 г. Л. Н. Бенуа вновь сделал заявление о настоятельной необходимости для петроградского строительства единого всесторонне разработанного плана. В заявлении говорилось, что до сих пор в работах по застройке города все делалось случайно и хаотично. Далее отмечалось, что «эта бессистемность не мало вреда причинила внешнему виду столицы и привела к невероятно беспорядочному движению, особенно товарному, по городу, удорожая всю нашу жизнь». В записке Бенуа указывалось на необходимость: 1) иметь точный план столицы, 2) выработать применительно к последним требованиям науки по застройке городов план новых частей города с проектированием подъездных путей, 3) ввести закон о принудительном отчуждении земель для общих городских и государственных нужд, 4) развить водные сообщения, 5) в центре города, где только окажется возможным, устроить параллельные к магистралям улицы, 6) перенести по возможности крупные фабрики из центральных частей города, 7) устроить возможно больше садов и скверов, прибегая к выкупу участков, 8) реконструировать ряд улиц.

Записка Бенуа была вновь представлена Городской думе. Однако разработка проекта натолкнулась на отсутствие точного плана города и данных по его застройке и благоустройству.

Отсутствие точного плана города сильно тормозило строительные работы. Городское строительство велось на основании устаревшего строительного устава, не учитывавшего планировочные и архитектурные условия застройки. К застройщикам предъявлялись почти исключительно технические требования, если не говорить о потерявшем в начале XX в. всякий смысл обязательстве устраивать двор площадью не менее 30 кв. сажен.

Несмотря на невозможность добиться осуществления больших градостроительных мероприятий, передовыми архитекторами того времени было разработано несколько проектов реконструкции отдельных районов города.

В 1904 г. было принято решение построить так называемый Царский городок за Александро-Невской лаврой, по Шпассельбургскому проспекту, на земле, принадлежавшей Кабинету его величества.¹ Был составлен проект этого городка. Он планировался в виде круглой площади с расходящимися от нее лучами, пересеченными пятью полукольцевыми проездами. Проект начал осуществляться; каждая новая улица сразу же благоустраивалась. Однако вследствие неблагоприятных почвенных условий (глубина торфяного слоя доходила до 6—8 м), застройка городка шла крайне медленно и фактически замысел реализован не был.

Тем временем архитектурная цельность города систематически продолжала нарушаться. Хозяева города действовали с бесцеремонной и невежественной предприимчивостью. Разрушалось то, что было создано в лучшую эпоху русского зодчества.

На рубеже 90—900-х годов перестала существовать большая, прекрасная по своей архитектуре площадь между зданиями Биржи Тома де Томона и Петербургского университета, на которой нередко собирались студенческие сходки и демонстрации. Без учета ансамблевой связи на этой площади было построено тем самым Л. Н. Бенуа, который позже выступал против такого бессистемного строительства, здание Клинического повивально-гинекологического института. Высокая дымовая труба котельной института почти на полвека непрошено вторглась в строгий силуэт набережной и стрелки Васильевского острова.

В 90-х годах, в связи с основанием Русского музея, был нанесен значительный ущерб построенному Росси бывшему Михайловскому дворцу. Назначенный архитектором Русского музея В. Свиныи уничтожил внутри главного здания отделки Росси и переделал восточный служебный корпус Михайловского дворца и связанный с ним манеж Росси в здание Этнографического музея. Вновь возникшее здание, отличающееся тяжелыми грузными формами, не гармонирует с основными частями этого ансамбля и нарушает симметричность первоначальной композиции.

В начале 900-х годов, по проекту архитектора В. А. Шретера, дополненному гражданским инженером А. П. Максимовым, была произведена перестройка здания Фидармовни (б. Дворянского собрания). К зданию, со стороны площади Искусств, была присоединена пристройка, нарушившая архитектурное единство здания.

Прекрасное здание Большого театра, отличавшееся простотой и монументальностью своих форм, было перестроено с 1891 по 1895 г. в здание консерватории по проекту гражданского инженера В. Никола. Здание консерватории — типичный пример безликой «серой» архитектуры конца XIX в.

Вследствие «реставрации» значительно пострадал Таврический дворец. Еще больший ущерб дворец потерпел в связи с временной передачей его

¹ Теперь территория Стеклянного города.

Государственной Думе. Из его стен была удалена прежняя обстановка — мебель, бронза, вазы, гобелены. Был также разрушен дворцовый театр.

В 1910-х годах была сломана часть Старого гостиного двора на Васильевском Острове, на его месте было возведено громоздкое здание Библиотеки Академии Наук, по архитектуре резко отличающееся от соседнего здания университета.

На Черной речке владельцами была сломана чудесная дача Строгановых, построенная Воронихиным.

В это время был надстроен с перedelкой фасадов ряд ценных зданий, сооруженных ранее, среди них здание Технологического института и бывшего Константиновского артиллерийского училища. Фасады перedelывались чаще всего в стиле модери, чуждом исторически сложившейся архитектуре города.

Новые сооружения возникали иногда на тех участках, где их появление ничем не оправдывалось. К примеру вандализма такого рода следует отнести уничтожение построенного по проекту Растрелли особняка на Обуховском проспекте. Как и многие другие выдающиеся памятники петербургской архитектуры, этот дом в последние годы стоял изуродованный безобразными вывесками и пристроенными клетушками. В 1900 г. здание было снесено и на его месте соорудили рынок.¹

* * *

В конце XIX—начале XX в. резко поднялся технический уровень строительства. В наиболее крупных зданиях широко применяются металлические балки. Появляются первые железобетонные конструкции, опыты над которыми проводились еще с 1891 г. под руководством известного специалиста по цементу профессора Института путей сообщения Н. А. Белелюбского. В Петербурге появляется товарищество «Железобетон». Сплошные железобетонные фундаменты были применены при строительстве дома № 2 по Малой Садовой (ныне дом Радио), дома № 7/9 на углу Невского проспекта и ул. Гоголя (б. банк Вавельберга).

В 1905 г. бетон был официально допущен для постройки зданий. В 1908 г. при возведении универсального магазина Гвардейского экономического общества (ныне универмаг «Дом ленинградской торговли») была применена каркасная система железобетонных конструкций. Для отделки фасадов часто применяется глазированный кирпич — белый и под слововую кость, а для облицовки полов и стен внутренних помещений — метлахские плитки.

Гораздо большее, чем прежде, применение получает стекло. Трехарочная композиция сплошь застекленных проемов торгового здания Мертенса, сооруженного по проекту архитектора М. Лялевича, удачно замкнула на Невском

¹ Н. Султанов. Старый Петербург. Зодчий, 1902, № 5, стр. 54.

*Дом компании швейных машин «Зингер», ныне Дом Книги, Невский проспект, № 28.
Архитектор П. Ю. Сюзор. 1907 г.*

перспективу Б. Коюшенной улицы. Громадные витрины были устроены в торговых помещениях дома Елисеева и дома компании Зингер (ныне Дома Книги).

Для повышения технического и архитектурного качества строительства через посредство Петербургского общества архитекторов иногда применялась конкурсная система, позволявшая выбирать если и не всегда лучшие в архитектурном отношении, то наиболее продуманные и экономичные проекты.

Оформление фасадов большей части зданий, строившихся в это время, основывалось, преимущественно, на использовании декоративных мотивов ренессанса и французской архитектуры XVII—XVIII вв. Эклектизм оставался характерной чертой архитектуры этого периода.

В 90-х годах на русскую архитектуру оказывает воздействие так называемый стиль модери, носивший космополитический характер и порожденный упав-

дочническим западным искусством. Наибольшим распространением модерн пользовался примерно до середины 900-х годов. Он нашел отражение в ряде значительных сооружений, возведенных в рассматриваемый период. Русская буржуазия видела в модерне свой «новый», «современный» стиль.

Архитекторы-модернисты широко использовали новинки тогдашней строительной техники — железобетонные конструкции, стекло и т. д. Свои архитектурные замыслы они, однако, подчиняли эстетски-формалистическим вкусам. Фасады домов нередко становились объектом самых произвольных экспериментов в области внешнего украшения. Их отличали вычурная орнаменталистика, отсутствие симметрии, произвольные формы и размеры оконных проемов и т. д. Основной причиной кратковременного существования этого стиля является то, что он не был связан с русской национальной художественной культурой.

В рассматриваемый период продолжалось строительство зданий разнообразных типов. Большинство их представляло собой доходные дома, попрежнему отражавшие в своем облике социальную дифференциацию общества. Появились вполне благоустроенные доходные дома, предназначенные для состоятельных слоев населения. Некоторые из них охватывали очень большие участки, иногда целый квартал, ограниченный несколькими улицами, и содержали внутри ряд дворов. Доходные дома, располагавшиеся на оживленных улицах, имели в первых этажах торговые помещения с большими витринами. Фасадные стены вышележащих этажей обрабатывались балконами и эркерами. Дома, размещавшиеся на угловых участках, почти всегда имели башенки, иногда самых неожиданных очертаний. В оформлении фасадов применялись попрежнему мотивы, заимствованные из различных стилей.

Нередко фасады частично или полностью облицовывались керамическими, часто изразцовыми, плитками различных цветов. В архитектурной практике закрепился прием решения главного фасада большого доходного дома в виде полураскрытого глубокого парадного двора, связанного непосредственно с улицей. Подобный план имеют доходные дома — б. Перцова (Лиговская улица, д. 44), построенный по проекту архитектора С. Галензовского, дом б. Первого Российского страхового общества (Каменноостровский проспект, д. 26/28, архитектор Л. Бенуа), дом № 15/17 на Троицкой улице (архитектор Ф. Лидваль) и др. Лидваль, являвшийся одним из пионеров благоустроенных доходных домов, построил в 1902 г. по той же схеме дом № 1—3 по Каменноостровскому проспекту. Здание это является типичным образцом облагоустроенного петербургского модерна.

Среди частных особняков этого времени следует отметить как более удачный бывший особняк Кшесинской (ныне Музей С. М. Кирова) на Петроградской стороне, построенный в стиле модерна по проекту архитектора А. Гогена.

Продолжается строительство гостиниц. На Исаакиевской площади, вне связи с другими, более ранними сооружениями, было построено в 1910 г. здание го-

*Доходный дом на Каменноостровском проспекте № 26/28. Архитектор Л. П. Бенуа.
Фотография начала XX в.*

стиницы «Астория» (архитектор Ф. Лидваль); ее фасады и внутренние отделки носят черты стиля модери.

Большие дворцовые сооружения представителями царской фамилии в этот период почти уже не возводятся. В большинстве случаев переделываются лишь внутренние помещения дворцов, построенных ранее, — так называемые личные апартаменты цари и его семьи. Произведенные отделки, в частности в Александровском дворце в Пушкине, выполненные в стиле модери, могут служить образцом полного падения вкусов правящей верхушки царской России. Так называемый Нижний дворец в Петергофе (в Александрии), построенный в 90-х годах по проекту архитектора А. Томишко и являющийся одним из немногих дворцовых сооружений этого времени, представляет скорее большого размера загородную дачу. Архитектура его лишена каких бы то ни было достоинств.

Из зданий музейного и выставочного назначения, строившихся в это время, отметим Суворовский музей на Кирочной улице, открытый в 1904 г. (архитектор А. Гоген), оформленный в «русском стиле». На стенах здания помещены были

мозаичные панно, воспроизводящие картину А. Н. Попова «Переход через Альпы» и картину Н. А. Шабунина «Отъезд Суворова из села Копчанского». В мозаике эти полотна были воспроизведены М. М. Зощенко и Н. Е. Масленниковым. Это был первый опыт применения мозаики для внешнего украшения здания.

В 1913 г. архитектором Л. Бенуа был построен выставочный корпус Академии художеств рядом с Русским музеем, главный фасад которого выходит на Екатерининский канал.

Архитектором Е. Воротиловым в 900-х годах было возведено рядом с главным корпусом Государственной Публичной библиотеки, построенной К. Росси, новое библиотечное здание, содержащее большой читальный зал. Своим фасадом с пилястрами в тосканском ордере, покрытым серой цементной штукатуркой «под гранит», оно резко отличается от украшенного коринфскими колоннами стоящего рядом сооружения Росси.

Ранее уже отмечалось, что в первой половине 90-х годов по проекту архитектора В. Шретера было произведено расширение Мариинского театра с пристройкой нового фойе и с соответствующим «обогащением» фасадов в барочном духе.

В 900-х годах возведением по проекту архитектора Г. Люцедарского здания Большого оперного театра завершилось строительство Народного дома на Петербургской стороне. Здания Народного дома, фасады которых были облицованы желтым облицовочным кирпичом, являются примером унылого архитектурных форм. Внутренняя планировка зрительных зал — чрезвычайно неудачная, видимость сцены и акустика — плохие. Отделка помещений была крайне упрощена. Вместо цельного архитектурного комплекса, каким мог явиться Народный дом, возник конгломерат зданий с архитектурой самого сомнительного вкуса. Приземистый купол как бы придавливал среднюю часть здания. В саду Народного дома бездарными строителями были состряпаны аляповатые навильончики.

В 900-х годах на Каменноостровском проспекте было построено здание Скетинг-ринга (зал для катания на роликах), представлявшее собой новый тип спортивного сооружения. В архитектуре здания сочетались черты стиля модери и классицизма. Основные конструкции были осуществлены из бетона и железобетона.

С 1895 по 1898 г. по проекту архитектора А. Гогена было построено здание Офицерского собрания (теперь Дом офицеров) на углу Литейного проспекта и Кирочной улицы — большое сооружение с фасадами, оформленными желтым облицовочным кирпичом.

Строятся здания высших учебных заведений. С 1899 по 1902 г. была осуществлена в районе Сосновки постройка комплекса зданий Политехнического института (архитектор Э. Виррих). Строительство института было задумано, не в пример другим мероприятиям, очень широко. Помимо главного здания были построены Химический корпус, здания общежитий, профессорские и служебные

Музей А. В. Суворова. Архитектор А. И. Гоген. Фотография 1904 г.

корпуса. Все сооружения отличались удачной внутренней планировкой, были хорошо оборудованы. Большие размеры зданий, высокое качество отделки выделяли Политехнический институт из числа других сооружений того времени. К сожалению, этого нельзя сказать об архитектурно-художественной стороне комплекса. Здесь имелись все возможности для создания полноценного архитектурного ансамбля, однако они архитектором реализованы не были. Отдельные здания лишь механически связаны между собой, архитектурного взаимодействия между ними не возникло, архитектурное оформление корпусов трафаретно.

В 1898—1900 гг. было построено здание Электротехнического института на Петербургской стороне, с фасадами, совмещающими черты английской готики

Электротехнический институт. Главное здание. Архитектор А. Н. Векшинский. Фотография 1903 г.

со стилем модери. Строится здание Высших женских курсов. Во дворе университета строятся здания Физического института и Химической лаборатории.

Возводятся новые школы, однако число их было непропорционально мало по отношению к населению города. В «петровском стиле» был построен академиком архитектуры А. Дмитриевым Училищный дом Петра Великого на Петровской набережной (1908—1912 гг.) — ныне Нахимовское училище, рядом с которым на приколе теперь стоит исторический крейсер «Аврора».

Наряду со школами старого типа — с узкими окнами (например школа при церкви св. Анны на Кирочной улице) строятся несколько школьных зданий нового типа. Таким было, например, здание Тенишевского коммерческого училища (Моховая, д. 33—35). В училище имелись обсерватория и оранжерея. Классы были освещены громадными окнами (площадь их составляла две пятых площади пола). В вечернее время классы освещались отраженным от потолка светом и т. д.

В городе строятся в большом количестве новые, характерные для капиталистической эпохи дома торговых фирм, банков, универсальных магазинов и

Училищный дом, ныне Нахимовское училище. Архитектор А. И. Дмитриев. Фотография 1911 г.

г. д. Несмотря на недостатки стиля, несвязанность с окружающими постройками, новые здания имели большей частью очень солидный, вполне столичный облик.

В начале XX в. в большом количестве строятся здания банков, расположенные на центральных улицах города. Характерны здание Сибирского банка на Невском проспекте (архитектор М. Лялевич) и дом б. Страхового общества «Саламандра» на Гороховой улице (архитекторы М. Перетяткович и Н. Веревкин), фасады которых носят классицистический характер.

В 1907 г. на Невском, на углу Малой Садовой улицы, архитектором Г. Барановским был сооружен дом коммерсанта Елисеева; в первом этаже разместился гастрономический магазин; над магазином помещался театральный зал (теперь — помещение Театра Комедии). Одновременно на углу Невского проспекта и Екатерининского канала, по проекту архитектора П. Сюзор, было построено богатое здание торговой фирмы швейных машин «Зингер». Показной роскошью отделки эти здания несколько нарушили стилистическое единство главной маги-

страдали города — Невского проспекта, но исказить его общий архитектурный облик они не смогли.

Выгодное с предпринимательской точки зрения совмещение функций универсального магазина и театра, имеющее место в б. доме Елисеева, мы находим также в здании «Пассажа» на Невском проспекте. Оно было построено в 1848 г. по проекту архитектора Желязевича и являлось в свое время выдающимся зданием торгового типа. В 1909 г. здание было перестроено, расширено и заново оформлено гражданским инженером С. Козловым. В 1908 г. на Б. Кошюшенной улице (архитектор Виррих) было построено двухзальное многоэтажное здание универсального магазина Гвардейского экономического общества — крупнейшее торговое здание Петербурга. Фасадные плоскости здания прорезаны большими окнами-витринами. Немногочисленные декоративные детали — типичные примеры орнаментации модерна. На Литейном проспекте архитектором М. Красовским было построено в формах классицизма здание Пассажа (д. 51). На соседнем участке (д. 53) возникли Торговые ряды (архитектор Н. Васильев), в архитектурном облике которых ощущаются элементы будущего конструктивизма.

В 1900-х годах по проекту М. Перетятковича и М. Лялевича на территории Сытного рынка вдоль Кровверкского проспекта был построен так называемый Городской дом, за которым расположился новый торговый рыночный корпус. Архитектурное решение главного здания, завершено в центре башней, являлось крайне неудачной попыткой связать сооружение с градостроительными традициями Петербурга. Формы здания, несомненно, несут на себе печать стиля модерна.

Среди построенных в это время медицинских учреждений отметим больницу Петра Великого на Выборгской стороне (ныне больница имени Мечникова), представляющую целый городок лечебных зданий, построенных в стиле петровского барокко (архитектор Л. Ильин, совместно с А. Клейн). Больница начала строиться в 1910 г.

С 1902—1904 гг. строится здание Царскосельского (Витебского) вокзала (академик архитектуры С. Бржозовский). Здание является характерным примером стиля модерна, о чем свидетельствует асимметричная композиция, купольные покрытия неопределенных очертаний, больших размеров оконные проемы и специфические орнаментальные мотивы.

Среди культовых сооружений, построенных в это время, выделяется мечеть на Петербургской стороне, спроектированная и построенная архитектором Н. Васильевым, совместно с архитекторами С. Кричинским и А. Гоген. Венчающий здание купол повторяет по своей общей характеристике купол мавзолея Тимура в Самарканде (Гур-Эмир). Здание отличается высоким качеством выполнения. Купол и портал декорированы фигурными цветными изразцами. Однако в целом формы сооружения модернизированы и приближены к петербургской архитектуре, чему способствует серая гранитная облицовка стен.

В 900-х годах в городе было закончено строительство трех больших мостов. С 1897 по 1903 г. при участии архитекторов Л. Н. Бенуа, Л. Н. Померанцева, Г. И. Котова и скульптора М. А. Чижова был построен Троицкий мост, соединивший центр города с Петербургской стороной. Мост, построенный из металла, отличается легкостью своего силуэта; решетки и фонари оформлены в стиле модери.

В связи с сооружением Троицкого моста правый берег Невы украсился Петровской набережной. При ее строительстве встретилось непредвиденное, но чрезвычайно характерное для частнособственнической системы землевладения препятствие. Владелец одного из прибрежных участков наотрез отказался предоставить принадлежавшую ему береговую полосу для склада материалов и производства работ. Пришлось строить набережную прямо с воды, хотя это намного усложняло и удорожало постройку.¹

На Петровской набережной было сооружено три полукруглых лестницы и широкая пристань, удачно украшенная двумя мифическими львами-лягушками Ши-цза, привезенными в 1907 г. из Маньчжурии.

С 1913 по 1917 г. вместо старого деревянного наплавного моста был построен по проекту инженера А. Шельцер и архитектора Р. Мельцер новый Дворцовый мост; оформление моста в дореволюционное время закончено не было. С 1909 по 1911 г. инженерами Н. Кривошеиным, В. Апышковым и архитектором Л. Бенуа был сооружен Большой Охтенский мост, соединивший Большую Охту с районом Смольного. Композиция моста явно неудачна; он слишком громоздкий (с верхним строением), железнодорожного типа. Проектируя мост, строители совершенно игнорировали близость ансамбля Смольного.

*Скульптура на Петровской набережной.
Фотография 1907 г.*

¹ В. И. Кочеданов, Набережные Невы. М.—Л., 1954.

В начале 900-х годов в русской архитектуре под воздействием общественного движения в стране отмечается усиление прогрессивных тенденций. Передовые архитекторы, не удовлетворенные состоянием современной им архитектуры, сознававшие, что современная архитектура заходит в тупик, обращаются к классической архитектуре, в первую очередь к архитектуре русского классицизма, стремятся проникнуть глубже в ее сущность, изучить ее приемы и формы. В частности пробуждается интерес к архитектуре старого Петербурга. Если в предшествующий период — в середине и второй половине XIX в. — архитектура классицизма отвергалась и рассматривалась как результат отхода от национальных художественных традиций, как архитектура «официальная», «казенная», «казарменная», то теперь — в начале XX в. — передовые архитекторы обращаются именно к сооружениям классицизма, оценивая их по достоинству и воспринимая в совокупности как одно из высших проявлений русской национальной архитектуры.

В петербургских журналах начали появляться статьи о национальных традициях русской архитектуры. И. А. Фомин напоминает о богатом содержании классицизма, И. Э. Грабарь подчеркивает непреходящее значение памятников петербургской архитектуры XVIII в. В 1909 г. в столице создается Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Вскоре основывается музей «Старый Петербург», открывается «Историческая выставка архитектуры и художественной промышленности», выходит богато иллюстрированный и украшенный превосходными гравюрами Остроумовой-Лебедевой путеводитель по архитектуре Петербурга В. Курбатова и т. д.

В эти же годы в среде передовой студенческой молодежи Академии художеств начало складываться мнение о том, что копирование последних новинок западноевропейского модерна несовместимо с путями русской архитектуры. Из среды этой талантливой молодежи вышли такие мастера, как Щусев, Жолтовский, Таманян, Фомин, Щуко, которые возглавили впоследствии архитектурные направления социалистической эпохи.

В своих произведениях молодые архитекторы стремились, положив в основу традиции классицизма, развить эти традиции в современных условиях. Направление это, имевшее различные оттенки, известно под названием неоклассицизма. В известной мере к ним примыкали также архитекторы Ильин, Лансере, Перегатович, Лялевич.

И. А. Фоминим в 1911—1913 гг. были построены особняк, бывший Половцева, на Каменном острове (ныне санаторий) и особняк, бывший Абамалек-Лазарева, на набережной Мойки (д. 2). В особняке Половцева заложены начала подлинной монументальности; композиция здания проста и воссоздает тип городской усадьбы, распространенной в русской архитектуре XVIII в. Проработка фасадов основана на применении ионического ордера; центральный его ризалит сложился под несомненным воздействием фасада бывшего дворца Разумовского

Дом № 65 на Каменноостровском проспекте. Архитектор В. А. Щuko. Фотография 1911 г.

в Москве, построенного Казаковым. Немногочисленные детали отличаются верностью рисунка и сочностью форм. Фасад особняка Абамален-Лазарева, оформленный рядом больших пилястр, органично вошел в общую систему застройки набережной и также свидетельствует о влюбленности мастера в архитектуру русского классицизма. Особняк этот несколько испорчен вазами, сделанными вопреки архитектору по рисункам заказчика.

В 1912 г. академиком И. А. Фоминим был создан проект «Нового Петербурга». В 1911 г. владельцы территорий на острове Голодае представили прошение о разрешении им произвести планировку территории острова и застроить кварталы жилыми домами. Предложение было одобрено Городской думой. По мысли И. А. Фомина, остров Голодай, до этого времени пустынный и заброшенный, должен был превратиться в единый архитектурный ансамбль с единой системой площадей и улиц. В центре «Нового Петербурга» Фоминим была задумана огромная полу-

круглая площадь, ограниченная зданиями, фасады которых оформлены коринфскими колоннами. От центральной площади должны были отходить улицы; въезды на площадь были перекрыты величественными колоннадами. К полукруглой площади примыкал прямоугольный в плане рынок, решенный в виде большого перистыля, обрамленного колоннадами тосканского ордера. Проект Фомина являлся попыткой возродить традиции русской классической архитектуры, возродить градостроительные ансамблевые принципы периода ее расцвета. Однако широко задуманный, монументальный замысел зодчего не мог быть осуществлен в условиях царской России. Из всего комплекса был построен лишь один дом, да и тот не был завершен. Проект Фомина оказался «не по плечу» частным предпринимателям, преследовавшим лишь свои узкие коммерческие цели.

В 1913 г. И. А. Фоминым был создан конкурсный проект перепланировки и застройки Тучкова буяна, около Тучкова моста. В создаваемый ансамбль должны были быть включены сохранившиеся сооружения XVIII в. На территории Тучкова буяна автор предложил разместить залы съездов, выставочные помещения, помещения для спортивных занятий. В этом проекте Фомина вновь нашла выражение тема парадного двора, окруженного колоннадами. Идея реконструкции территории Тучкова буяна осуществлена не была.

В. А. Щуко в 1911—1912 гг. были построены для домовладельца инженера Маркова два больших доходных дома №№ 63 и 65 на Каменноостровском проспекте. В основу архитектурной проработки фасадов Щуко были положены классические мотивы итальянского Возрождения, однако, в отличие от эклектиков второй половины XIX в., к решению задачи Щуко подошел творчески и создал вполне оригинальные композиции. Дома эти, технически весьма совершенные, имеют и высокий уровень благоустройства, а также вполне столичный облик. Подобным же характером отличаются дома М. Лилевича (например, д. 46 на Каменноостровском проспекте) и А. Белогруда, построившего несколько доходных домов в пределах небольшого участка Большого проспекта, примыкающего к реке Карповке. Типичен дом № 77, фасад которого оформлен величественной коринфской колоннадой. Силуэт здания обогащен скульптурами, стоящими на парапете, обработанном в виде арок. Белогруд построил также рядом расположенный дом с двумя башнями, выходящий своим главным фасадом на площадь Льва Толстого. В основу архитектурного замысла Белогруд положил мотивы французской и итальянской средневековой архитектуры, но совершенно самостоятельно интерпретировал их. Менее удачен в архитектурном, но не в техническом, отношении дом 26/28 по Каменноостровскому проспекту, построенный Л. Бенуа в канун первой мировой войны.

Типичен для неоклассицизма построенный М. Перетятковичем дом Торгово-промышленного банка на Морской улице (д. 15), с фасадом в виде колоннады тосканского ордера, охватывающей верхнюю половину здания; стена нижних двух этажей облицована крупным рустованным камнем. Перетятковичем в 1912 г.

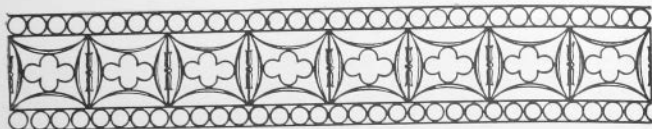
было возведено на углу Невского и ул. Гоголя здание банка Вавельберга. Для его архитектурного оформления архитектор использовал композиционные мотивы венецианского палаццо Дожей. Серая гранитная рустика придает им сумрачный тяжеловесный вид, чуждый общему облику петербургской архитектуры.

Несмотря на то, что представителями неоклассицизма на основе дальнейшего развития прогрессивных традиций русской архитектуры XVIII и начала XIX в. был создан ряд значительных произведений, в целом направление это носило ограниченный, локальный характер. Неоклассицизм, сыграв положительную роль в борьбе с модерном, не мог стать единым всеобъемлющим стилем своего времени. Господствующие классы и правящая верхушка царской России не в состоянии были вызвать к жизни те идеи, которые могли бы составить содержание нового большого стиля в архитектуре.

В условиях царской России градостроительство и архитектура не имели перспектив для своего развития. Отсутствовали необходимые идеологические и материальные предпосылки для осуществления больших архитектурных замыслов. Петербург, сложившийся в XVIII и в первой половине XIX в. как цельный архитектурный организм, в начале XX в. приобрел черты, типичные для города, развивающегося в условиях капитализма. Хаотичность застройки города, все более усиливавшийся резкий контраст между центром города и окраинными районами, эклектический характер архитектуры как следствие упадка буржуазной художественной культуры — все это, с одной стороны, нарушало единство архитектурного облика города и, с другой стороны, осложняло, затрудняло его дальнейшее развитие.

Предпосылки для подлинного расцвета архитектуры и градостроительства были созданы в нашей стране в результате Великой Октябрьской социалистической революции. Невиданный ранее размах промышленного и жилищного строительства, широко задуманные архитектурные ансамбли, сотни и тысячи новых благоустроенных домов в центре и на окраинах преобразили старый Петербург в социалистический Ленинград.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ПЕТРОГРАД В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО- ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Девятнадцатого июля 1914 г. Германия объявила войну России, а 20 июля русский царизм выступил с ответным манифестом о войне с Германией. Первая мировая война началась.

Первая мировая война 1914—1918 гг. была войной империалистической. Это была война за новый передел мира и сфер влияния.

Решающую роль в этой войне играло столкновение империалистических интересов англо-французского и стоящего за ним американского капитала, с одной стороны, и германского капитала, с другой стороны. Россия выступила на стороне англо-французского блока (Антанты). Это было предопределено экономической зависимостью царской России от стран Антанты и огромной задолженностью царизма французским и английским банкам. Вместе с тем царская Россия преследовала в этой войне свои цели. Она рассчитывала захватить новые территории и рынки, нанести удар австро-германскому блоку, который в свою очередь планировал захват Польши, Украины, Прибалтики. Крепостники-помещики и буржуазия хотели, используя военную обстановку, расправиться с революционными рабочими и крестьянами. Стремясь к получению максимальной прибыли, капиталисты предполагали также навязаться на военных за-казах.

Черносотенные помещики и империалистическая буржуазия восторженно встретили начало мировой войны. Буржуазные политические партии, прежде

всего кадеты, безоговорочно поддерживали ранее и поддержали сейчас внешнюю политику царизма.

Партия мелкой буржуазии — эсеры и меньшевики — изменили делу рабочего класса и трудового крестьянства. Маскируясь социалистическими фразами, они проповедовали гражданский мир внутри страны, кричали о необходимости защищать родину от «прусских варваров», уговаривали трудящихся поддерживать буржуазию и царизм во всех их мероприятиях. Подобно оппортунистам других стран они стали социал-шовинистами и открыто выступили в защиту своей буржуазии.

Скрытыми социал-шовинистами были центристы. Они защищали открытых социал-шовинистов и, прикрываясь «левыми» фразами о борьбе с войной, на деле поддерживали войну.

Опираясь на поддержку социал-шовинистов, буржуазия и помещики сделали все возможное для того, чтобы заразить народ шовинистическими, «оборонческими» настроениями. Царские власти организовали шовинистические демонстрации. Буржуазная и мелкобуржуазная печать трубила о «народном» характере войны, о единении царя с народом.

Только небольшая часть рабочих, обманутых эсерами и меньшевиками, участвовала в шовинистических демонстрациях. Но она — эта обманутая часть рабочих — не отражала настроений рабочего класса. Рабочий класс шел за большевиками, которые остались верны делу социализма и пролетарского интернационализма.

Большевики не были противниками всяких войн, не были пацифистами. Марксистско-ленинское учение о войне содержит положение о том, что войны бывают двух родов: войны справедливые, освободительные, и войны несправедливые, захватнические. Поддерживая войны первого рода, большевики выступали против всяких захватнических войн.

Еще до возникновения первой мировой войны, борясь с оппортунистами II Интернационала, большевики требовали, чтобы социалистические партии готовили революционные выступления пролетариата против империалистических войн.

После начала первой мировой войны Ленин в ряде замечательных документов — ранее всего (август 1914 г.) в тезисах «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне» — характеризовал ее как войну империалистическую, захватническую, направленную на подавление революционного движения и истребление революционного пролетариата.

Определив характер первой мировой войны как войны империалистической, большевики доказали, что наиболее верным средством ликвидации войны является свержение власти империалистической буржуазии. Большевики выдвинули лозунг «превращения войны империалистической в войну гражданскую», выдвинули политику «поражения своего правительства в империалистической

войне». Большевики голосовали против военных кредитов, призывали трудящихся — в том числе рабочих и крестьян, находившихся в армии, — повернуть оружие против своей буржуазии, создавали нелегальные революционные организации, поддерживали братание солдат на фронте, организовывали революционные выступления рабочих и крестьян против войны, готовили восстание против своего империалистического правительства.

В годы империалистической войны Ленин разработал новую теорию социалистической революции, основы которой были намечены им еще в период первой русской революции. Ленин доказал, что империализм является кануном социалистической революции, что неравномерность развития капитализма, особенно вырастая в условиях империализма, приводит к империалистическим войнам, которые ослабляют империализм и делают возможным прорыв фронта империализма в его наиболее слабом звене. Отсюда вытекала возможность победы социализма в одной отдельно взятой стране и, напротив, невозможность одновременной победы социализма во всех странах. Эта теория, являясь дальнейшим развитием марксизма, показала рабочим всех стран путь борьбы за революцию, за свержение своей национальной буржуазии, в частности в условиях военной обстановки.

В годы первой мировой войны большевики укрепили веру пролетариев в победу революции и подготовили победоносное восстание против царизма.

Объективные изменения, которые произошли в стране в годы первой мировой империалистической войны, создали благоприятные условия для огромного подъема революционного движения рабочих и крестьян.

В годы империалистической войны, явившейся, по определению Ленина, всесильным «режиссером» и могучим ускорителем, окончательно сложились те объективные изменения действительности, которые в совокупности и составили революционную ситуацию. Как писал Ленин еще в работе «Крах II Интернационала», оконченной в июне 1915 г., революционная ситуация несомненно наступила.¹ Война, в громадной степени обострившая классовую борьбу пролетариата против буржуазии, неизбежно должна была превратиться и превратилась в гражданскую войну между ними.

Со всей отчетливостью обнаружился во время войны кризис верхов, кризис политики господствующего класса. Этот кризис закономерно вытекал из неспособности царской России выдержать такое тяжелое испытание, каким явилась война.

Царские власти поставили под ружье 15 млн чел., что составило 47,4% трудоспособных мужчин. Это нанесло огромный удар по народному хозяйству, во много раз усилило нужду и бедствия угнетенных классов. Однако

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, стр. 192.

создать необходимые условия для победы буржуазии и помещики не могли и не умели.

Многомиллионная царская армия терпела поражения, потому что была плохо вооружена и снабжена, потому что во главе ее стояли неспособные, а подчас и продажные руководители. Все это было предопределено общей экономической отсталостью царской России, гнилостью царизма и его неспособностью мобилизовать и правильно расходовать ресурсы страны, хищничеством и своекорыстием буржуазии и помещиков, недостаточной поддержкой со стороны англо-французских и американских союзников царизма.

Далеко не сразу царизм приступил к перестройке промышленности на военный лад, к загрузке частных предприятий военными заказами. Только крупнейшие металлообрабатывающие и машиностроительные предприятия, бывшие и до войны основными поставщиками военной продукции, получили большие заказы с первых дней войны. Так, Путиловский завод получил большой заказ на производство шрапнели, а на четвертый месяц войны шрапнельные мастерские завода работали полным ходом.¹ Лесснер в связи с получением новых заказов увеличил выпуск продукции и поставил новое оборудование. В целом, однако, лишь с весны 1915 г., когда кризис боевого снабжения проявился во всей остроте, правительство приступило к полной загрузке военными заказами большого числа частных предприятий. Образованное в 1915 г. Особое совещание по обороне, в состав которого входили и представители буржуазии, не жалело денег.² Заказы были пооприятельными, а авансы — щедрыми. Если капиталист заявлял, что выполнение заказа требует установки нового оборудования, он получал аванс в размере $\frac{2}{3}$ стоимости заказа, а за выполнение заказа при старом оборудовании брал 30%. Крупные заводы, как Путиловский, Балтийский и другие, получали авансы без всяких гарантий и залогов. Если требовалась гарантия банка, капиталист включал ее в цену заказа, что, по признанию Особого совещания по обороне в журнале 9 июля 1916 г., повышало «иногда цены на 100—200%». В стремлении увеличить выпуск военной продукции правительство, по словам помощника военного министра Манюковского, раздавало заказы «направо и налево... совершенно ничтожным заводам... иногда прямо пустому месту». Были случаи, когда капиталисты брали авансы, не имея не только оборудования, но даже и стен предприятия, и на авансовые суммы строили новые заводы, строили медленно, что, разумеется, задерживало выполнение заказов.

Прибыли военных промышленников были огромны. По подсчетам финансиста Шарого, прибыль в 1915 г. по отношению к 1913 г. составляла 188%, а в 1916 г. — 297%. Львиную долю этой прибыли захватывали крупные и крупней-

¹ М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульяновский. История Путиловского завода. Л., 1939, стр. 513.

² Вопрос о военных заказах изложен по работам советского исследователя А. Л. Сидорова.

шие заводы, где она достигала баснословных размеров. Прибыль «Треугольника» составляла в 1914 г. 13,3 млн руб., в 1916 г. — 29,7 млн руб. Об оборотах «Треугольника» газеты писали: «Цифры „Треугольника“ положительно подавляют. Это какой-то фонтан миллионов». ¹ На Путиловском заводе только официально показанная прибыль составляла в 1915 г. 12 млн руб. ²

Громадная часть военных прибылей шла за границу — английским, французским, бельгийским и американским акционерам. Даже германские акционеры, например акционеры фирмы «Треугольник», через подставных лиц получали в годы войны свои, в огромных размерах выросшие дивиденды.

Огромный прилив капиталов в военную промышленность, загрузка большинства предприятий военными заказами привели к увеличению выпуска промышленной продукции: в 1916 г. по сравнению с 1913 г. валовая продукция по всей стране выросла на 21%, причем общий рост промышленности сопровождался ее концентрацией. ³

Военная обстановка существенно повлияла и на характер экономики Петрограда.

Значительно выросла промышленность города. В результате эвакуации промышленных предприятий из Прибалтики, в целом проведенной без всякого плана, в Петрограде было размещено 30 рижских и 25 литовских предприятий. ⁴ Было открыто много новых заводов, фабрик, мастерских. Из 773 предприятий, перечисленных в списке фабрик и заводов Петрограда, составленном в начале 1918 г., 133 возникло в годы войны. Большинство их (судя по списку) были мелкими — менее чем со 100 рабочими. Но в целом ряде вновь открытых металлообрабатывающих предприятий (производство самолетов, снарядов, броневиков) число рабочих достигало значительных размеров: завод «Динамо» насчитывал 2109 рабочих, Лебедева — 1085, «Анчар» — 600 и т. д. ⁵ В наибольшей степени общее увеличение промышленности Петрограда явилось результатом расширения старых, крупных и крупнейших, предприятий, получивших основную массу военных заказов. Некоторые из них в громадных размерах увеличили производство. Ижорский завод в 1913 г. выпускал продукцию на 16,6 млн руб., а в 1915 г. — на 27,8 млн руб. ⁶ Обуховский завод в первой половине 1914 г. давал продукцию на 4,5 млн руб., во второй половине 1914 г. — на 25,5 млн руб. ⁷

¹ Б. Ш а б а л и н. Фабрика на Обводном. Л., 1948, стр. 271.

² М. М и т е л ь м а н, Б. Г л е б о в, А. У л ь я н с к и й, ук. соч., стр. 551.

³ П. И. Л я щ е н к о. История народного хозяйства СССР, т. II. ОГИЗ, 1948, стр. 639, 658.

⁴ Там же, стр. 596; А. С и д о р о в. Эвакуация русской промышленности во время первой мировой войны. Вопросы истории, 1947, № 6.

⁵ Совет народного хозяйства Северного района. Статистический отдел. Список фабрично-заводских предприятий Петрограда. Пгр., 1918.

⁶ С. З а в ь я л о в. История Ижорского завода. М., 1934, стр. 319, 354.

⁷ М. Р о з а н о в. Обуховцы. Л., 1938, стр. 327.

Столь же показательны и данные об увеличении числа рабочих на ряде крупнейших предприятий города:¹

	1913 г.	1 января 1917 г.
Путловский	13382	28627
Металлический	3400	6704
Эрикссон	1521	2212
Франко-Русский	3931	6656
Невский судостроительный	3250	6141

В целом изменения в промышленности Петрограда могут быть охарактеризованы следующими данными, охватывающими предприятия с 50 и более рабочими:²

	На 1 января 1914 г.	На 1 января 1917 г.	Увеличение числа рабочих (в %)
Обработка металлов	162 108932	239 233432	214,3
Обработка дерева	34 4697	34 5139	109,4
Обработка волокнистых веществ	47 40686	46 38441	94,5
Швейное производство	5 727	20 4441	610,8
Производство бумаги и бумажных изделий	19 3932	19 3611	91,8
Обработка минеральных веществ	10 2184	12 2772	126,9
Обработка пищевых продуктов	34 10559	34 6643	62,9
Табачное производство	7 7272	7 8395	115,4
Обработка кожи	16 7914	20 10912	137,8
Обработка животных продуктов	6 1780	6 1961	110,1
Химическое производство	33 23367	44 42949	183,8
Полиграфическое производство	72 21014	71 19120	90,9
Электрические станции	5 1183	4 1411	118,7
Итого	450 234247	556 379227	161,8

¹ Д. П. К а н д а у р о в. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Пгр., 1914; Список фабрично-заводских предприятий Петрограда.

² Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пгр., 1922, стр. 40. В числителе показано количество предприятий, в знаменателе численность рабочих. По подче-

Следует отметить, что рост промышленности Петрограда в годы войны значительно превосходил ее рост по всей стране.¹ Он произошел за счет производств, работавших на оборону, в первую очередь металлообрабатывающего (вооружение), химического (изделия резиновой промышленности для нужд армии). Характерно также существенное увеличение (незначительных в целом) швейных и обувных предприятий, работавших по заказам интендантских органов. Напротив, предприятия текстильные, бумажные, пищевые сократились количественно и особенно по числу занятых в них рабочих. Экономика города приобрела ясно выраженный военный характер. Главная масса предприятий города работала на оборону. Производством вооружения и боеприпасов были заняты не только все сколько-нибудь значительные металлообрабатывающие, машиностроительные и химические предприятия, но также текстильные, швейные фабрики, шивные заводы, мелкие мастерские до ювелирных включительно.

По данным анкеты Особого совещания по топливу, из 433 учтенных предприятий Петрограда с 230 тыс. рабочих (на 1 января 1917 г.) 214 предприятий с 170 тыс. рабочих выполняли исключительно военные заказы. При этом в металлообрабатывающей промышленности целиком на армию работало 81% предприятий с 98% рабочих. В промышленности по обработке волокна целиком на армию работало 16% предприятий с 13% рабочих. Большинство остальных предприятий в известной мере также были заняты выполнением военных заказов.²

Рост промышленности сопровождался ее концентрацией. В 1913 г. предприятия с 500 и более рабочих охватывали около $\frac{2}{3}$ всех рабочих столицы, а в 1917 г. уже 82%.³

Рост военной промышленности не означал, однако, экономического благополучия страны. В конечном итоге он, наоборот, предвещал хозяйственную катастрофу.

там статистического отдела Петроградского областного комиссариата труда, охватывающим предприятия (в том числе казенные, муниципальные, железнодорожные мастерские и т. п.) с числом рабочих 11 чел. и более, на 1 января 1917 г. в Петроградской губернии насчитывалось 1158 предприятий с количеством рабочих 442 901 чел., в том числе в Петрограде и пригородах 1010 предприятий с количеством рабочих 382 628 чел. (Материалы по статистике труда Северной области, вып. 1, под редакцией С. Г. Струмилина, Пгр., 1918, стр. 10).

¹ В 1913 г. в целом по России (за исключением районов, занятых во время войны немцами), было 13 485 предприятий, подведомственных фабричной инспекции, с числом рабочих 1 927 тыс. чел., а в 1916 г. насчитывалось 12 412 предприятий с числом рабочих 2 094 тыс. чел. Таким образом, при сокращении числа предприятий число рабочих выросло на 21% (П. И. Лященко, ук. соч., стр. 639). В Петроградской губернии (по предприятиям, подведомственным фабричной инспекции, — чтобы взять наиболее сопоставимые данные) в 1913 г. было 1004 предприятия с 218 тыс. рабочих, а в 1916 г. — 1107 предприятий (+10,2%) с 278 тыс. рабочих (+27,5%).

² Материалы по статистике труда Северной области, вып. 1, под редакцией С. Г. Струмилина, Пгр., 1918, стр. 48.

³ Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии, стр. 50.

Война в полной мере обнаружила технико-экономическую отсталость России и привела к полному развалу хозяйства страны.

Техническая отсталость и изношенность оборудования не соответствовали увеличенной нагрузке предприятий. В результате увеличение выпуска продукции достигалось главным образом путем усиленной эксплуатации рабочих. В Петрограде это сказывалось даже и на передовых по тому времени предприятиях, как Обуховский завод.

Резко сказалась отсталость русской металлургии, которая сократила выпуск продукции. Особенно недоставало цветных металлов, что влияло и на деятельность петроградских предприятий.

Тяжело отзывался на промышленности, особенно петроградской, топливный кризис. Потеря Дюбровского угольного бассейна привела, несмотря на некоторое увеличение добычи в Донбассе, к сокращению внутреннего производства

угля. Совершенно прекратился ввоз угля из-за границы, который до войны равнялся $\frac{1}{6}$ всего потребления, а для Петрограда был основным источником получения топлива. Между тем потребность Петроградского района в топливе выросла: до войны нужно было 143 млн пуд., а во время войны — 180 млн пуд. в год. Переключить петроградскую промышленность на электроэнергию и широкое использование торфа было невозможно вследствие общей энергетической отсталости царской России. Единственный выход заключался в переводе Петрограда на донецкий уголь. Это привело, во-первых, к вздорожанию топлива, причем переплата фабрикантов на уголь включалась в цены военных заказов. Во-вторых, кризис транспорта часто срывал поставки донецкого угля. С 15 октября 1914 г. по 1 января 1916 г. требовалось получить 217,5 млн пуд., а было получено только 131,2 млн пуд.¹ Многие предприятия имели запас топлива

Н. ЛЕНИНЪ (ВЛ. ИЛЬИНЪ).

ИМПЕРИАЛИЗМЪ, КАКЪ НОВѢЙШІЙ ЭТАПЪ КАПИТАЛИЗМА.

(Полуэкономическое).

СКЛАДЪ ИЗДАНИИ

Книжный склад в лавочку „Миръ и Знание“
Петроградъ, Пискаревской пер., 2, кв. 9 и 10. Тел. 227—42.
1917 г.

Титульный лист книги В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма».

¹ Известия Центрального военно-промышленного комитета, 22 февраля 1916 г., № 63.

только на 2—3 дня. В конце 1916 г. Особое совещание констатировало, что в Петрограде «все заводы вообще перебиваются в отношении угля со дня на день; небольшая задержка в текущей доставке расстроит 60% заводских предприятий, в число коих войдут и такие крупные заводы, как Вестингауз, Путиловский, Невский судостроительный, «Февикс», «Вулкан» и т. п. . . на бездействии будут обречены до 20 тыс. станков и 85 тыс. рабочих. . . на Путиловском заводе уже произошла остановка работ одной из мартеновских печей». Несмотря на отчаянные усилия, увеличить вывоз угля с шахт Донбасса не удалось. В начале 1917 г. положение стало особенно тяжелым. В январе Донбасс погрузил всего 108 млн пудов, а в феврале — 89 млн пудов угля, из которых железные дороги забирали 55 млн пудов, и это в то время, когда одному Петрограду требовалось около 18 млн пудов угля в месяц. 1 февраля 1917 г. Особое совещание говорило уже не о возможном расстройстве, а о предстоящем закрытии некоторых обслуживающих оборону заводов.

Промышленный кризис был особенно тяжелым на предприятиях, не связанных с работой на оборону. Они страдали и от отлива капиталов, устремившихся в военную промышленность, и от недостатка рабочей силы (ибо рабочие этих предприятий не получали отсрочек), и от недостатка сырья и топлива, которые шли в основном на оборонные заводы. В Петрограде уже в 1914 г. из-за недостатка хлопка были остановлены некоторые текстильные предприятия. По данным А. Л. Сидорова, на 1 октября 1915 г. в Петрограде стояло 15% станков текстильных фабрик. На страну надвинулся товарный голод.

Продовольственный кризис был другим бедствием, надвинувшимся на страну. Уход в армию 47,4% трудоспособных мужчин, многочисленные конские мобилизации, почти полное прекращение поставок сельскохозяйственных машин и минеральных удобрений нанесли тяжелый удар сельскому хозяйству. Особенно пострадали бедняцкие и середняцкие хозяйства. Общий сбор продовольственных хлебов, достигавший перед войной 2,8 млрд пудов, упал до 2,2 млрд пудов.¹ В еще более тяжелом положении находилось животноводство. Прямым результатом сокращения сельскохозяйственного производства был недостаток продуктов.

Однако решающей причиной продовольственного кризиса явилась неспособность царизма организовать заготовки и перевозки продуктов. Правительственные органы, в том числе образованные в 1915 г. Главный продовольственный комитет и Особое совещание по продовольствию, оказались не в состоянии преодолеть сопротивление помещиков и кулаков политике введения твердых цен и реквизиции. Помещики и кулаки саботировали хлебопоставки, а правительство крепостников-помещиков не могло и не хотело преодолеть этот саботаж. Беспомощными в деле заготовок оказались земские и городские управы, которым часто мешал бюрократический произвол. Значительный вред заготовительным операциям

¹ П. И. Лященко, ук. соч., стр. 645.

принимали различные мероприятия Министерства внутренних дел — например, запрещение перевозить сельскохозяйственные продукты из одной губернии в другую. После февральской революции бывший министр внутренних дел Протопопов откровенно признавал, что «продовольствием в России никто не занимался».¹ Заготовки продовольствия были явно недостаточны. Но даже и заготовленное продовольствие вследствие транспортного кризиса далеко не полностью поступало в крупные промышленные центры и на фронт. В результате и население и армия испытывали острый недостаток продовольствия.

В Петрограде продовольственный кризис сказался с особенной силой. Потребность столицы в продовольствии выросла, ибо население ее за годы войны увеличилось: вырос количественно гарнизон, увеличилось число рабочих на оборонных заводах, появилось много беженцев. Между тем подвоз продовольственных грузов с каждым годом войны сокращался. Уже в 1915 г. грузы поступали далеко не полностью. Для того чтобы удовлетворить население и армию, приходилось расходовать запасы. В 1916 г. поставки сократились еще более. Если в июне—июле 1915 г. поступление мяса на частный рынок составляло 58,5 тыс. голов скота, то через год поступило всего 16,3 тыс. голов. Особенно катастрофическим было положение в конце 1916 — начале 1917 г. По данным А. Л. Сидорова, в ноябре Петроград получил 15%, в декабре — 14%, в январе — 10% продовольственных грузов. Но даже и полученные грузы вследствие плохой организации дела подчас не доходили до населения. В лавках не хватало мяса, а испорченное мясо целыми веренищами подвод увозили на мыловаренные заводы. Значительное количество продуктов уходило на черный рынок и продавалось по спекулятивным ценам. Рост дороговизны и недостаток продовольствия всей тяжестью обрушивались на рабочих, на мало обеспеченные слои интеллигенции и мелкой буржуазии.

Финансовая разруха усугубляла катастрофическое положение страны. Военные расходы были громадны. Чтобы покрыть их, царизм заключал кабальные займы за границей, приводившие к дальнейшему увеличению зависимости от англо-американского и французского капитала. Другим путем покрытия военных расходов был усиленный выпуск бумажных денег, что привело к катастрофическому падению курса рубля и росту товарных цен.

Рост заграничных заказов, рост задолженности царизма иностранным банкам приводил к огромному усилению зависимости царской России от западного империализма, американского в особенности. За 1913—1916 гг. американский экспорт в Россию увеличился в 17 раз. В 1916 г. Америка была уже самым крупным поставщиком товаров для России. Американские капиталисты откровенно мечтали о превращении России в свою колонию. В 1916 г. американский посол в России Френсис доносил своему правительству: «Американские компании уже смотрят жадными глазами на имеющиеся в этой стране залежи ископаемых, запасы вод-

¹ Падение царского режима, т. V. Л., 1925, стр. 284.

ной энергии, возможности железнодорожного строительства... все считают, что на земле нет другого поля деятельности, подобного этому... Я считаю, что следует подтолкнуть американский капитал и предприимчивость с тем, чтобы они могли противостоять (если не более) вполне широко задуманной Англией, а возможно и Францией плана по захвату послевоенной торговли с Россией». Американские капиталисты уже успели создать в России ряд центров своей колонизаторской деятельности. Таковыми были Русско-американская торговая палата с центром в Москве и отделениями в Петрограде и других крупных центрах страны, а также Общество сближения между Россией и Америкой, основанное в 1915 г. в Петрограде. Позднее эти русско-американские организации явились крупными центрами шпионской и диверсионной работы. Нужно отметить, что американский капитал нашел среди русских буржуазных дельцов много добровольных холопов. Например, известный буржуазный экономист, член Государственного Совета Озеров писал: «Соединенным Штатам нужно обеспечить себе территорию, на которой они могли бы приложить свои капиталы... чего теперь они не сделают, то в будущем, по окончании войны, когда Германия напряжет свои силы, чтобы вернуть потерянное, сделать будет трудно. Соединенным Штатам следует обратить особое внимание на эксплуатацию в России нефти, меди и т. д.»¹

Так царизм и буржуазия толкали страну в иностранную кабалу. Только Великая Октябрьская социалистическая революция спасла народы России от неминуемого подчинения западному капиталу.

Чудовищная дезорганизация всей экономики страны явилась показателем глубокого кризиса царизма, кризиса политики господствующего класса. Этот кризис был усилен поражениями, которые терпела царская армия в империалистической войне. «Поражения расшатали весь старый правительственный механизм... озлобили против него все классы населения, ожесточили армию».²

Хозяйственный кризис и военные поражения неминуемо влекли за собой политический кризис царизма. В «Письмах из далека» Ленин писал, что уже «первая революция и следующая за ней контрреволюционная эпоха (1907—1914) обнаружила всю суть царской монархии, довела ее до «последней черты», раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутным во главе ее, все зверство семьи Романовых».³ В годы империалистической войны эти черты царизма обнаружились с еще большей определенностью. Царизм с еще большей свирепостью преследовал революционеров, разгонял рабочие организации, с еще большей беспощадностью попирали самые насущные интересы трудящихся. А в то же время все отчетливее обнаруживалась полная

¹ А. Гулыга. Начальный период антисоветской интервенции США (1917—1918). Вопросы истории, 1950, № 3.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 23, стр. 295.

³ Там же, стр. 292.

неспособность царизма организовать хозяйственную жизнь страны и успешное ведение военных операций. Даже крайние монархисты, как, например, министр внутренних дел Маклаков, потом признавали, что в действиях правительства «не было никакого плана, не было представления, куда мы идем. То, что мы делаем, — говорил Маклаков, — это походка пьяного от стены к стене».¹ Темная распутинская клика, безраздельно влиявшая на царицу, а через нее — на царя, фактически правила страной. По указке этой клики за угодиничество и за взятки назначались министры, по ее же указке министры смещались. Быстрая смена министров была названа тогда министерской чехардой. Продажность и взяточничество придворной клики достигли чудовищных размеров. Огромные ассигнования из казны, важнейшие военные заказы доверялись всевозможным авантюристам. При дворе, в военном ведомстве безнаказанно действовали немецкие агенты. Все сколько-нибудь независимые слуги старого режима попадали в опалу. Малейшие попытки буржуазии поднять голос с целью добиться передела в империалистической войне вызвали в придворных кругах ненависть и подозрение. Стремясь спасти свое положение и сохранить силы для подавления рабочих и крестьян, для новых захватнических войн, царизм стал готовить заключение сепаратного мира. Все это вместе взятое ставило царизм в изолированное положение.

Политические противоречия между царизмом и буржуазией были налицо еще до первой мировой империалистической войны. В годы войны они углубились еще больше. Громадные военные прибыли, прилив капиталов в промышленность, дальнейшая концентрация и монополизация промышленности, рост предприятий-гигантов, усиление роли банков — все это укрепило буржуазию экономически. Рост экономической мощи уже сам по себе усиливал политические притязания буржуазии. По мере того как все больше и больше обнаруживалась неспособность царизма продолжать дальше эту выгодную для капиталистов войну, росли политические аппетиты и зрели оппозиционные настроения крупной промышленно-финансовой буржуазии, за спиной которой стоял англо-американский и французский капитал. Петроград был одним из крупнейших центров оппозиционного движения буржуазии.

Политические настроения буржуазии с наибольшей определенностью выражались в позиции буржуазных партий, ближайшим образом влиявших на позицию Государственной Думы. Известно, что в 4-й Думе, избранной еще в 1912 г., кроме право-октябристского большинства, осуществлявшего блок крепостников-помещиков с верхушкой буржуазии, могло сложиться еще и октябристско-кадетское большинство, осуществлявшее блок обуржуазившихся помещиков и буржуазии. Следует при этом отметить, что роль либеральной буржуазии (прогрессистов и кадетов) в 4-й Думе сравнительно с 3-й Думой несколько выросла. 4-я Дума с октябристом Родзянко во главе оказывалась, таким образом, более

¹ Падение царского режима, т. III. Л., 1925, стр. 93, 133.

или менее подходящим инструментом для выражения политических притязаний буржуазии.

Во время войны буржуазии, воспользовавшейся экономическими затруднениями царизма, удалось создать новые общественные организации, служившие ее политическим целям. Это были Земский и Городской союзы и военно-промышленные комитеты.

Всероссийский Земский союз был образован в июле 1914 г. на съезде уполномоченных губернских земств. Всероссийский Союз городов был образован в августе 1914 г. на съезде городских голов в Москве. В июле 1915 г. оба эти союза объединились, образовав Объединенный комитет Всероссийского Земского и городского союза, более известный в истории под названием «Земгор». Главноуполномоченными Земгора были столь видные деятели буржуазии, как князь Львов (от Земского союза) и московский городской голова Челюков. Первоначальным назначением Земгора была организация помощи раненым и беженцам, но вскоре, получив довольно значительные субсидии от правительства и пожертвования от различных буржуазных кругов, Земгор перешел к организации среднего и мелкого производства на нужды войны, поставляя в основном предметы интендантского и санитарного обеспечения войск. Земгоровские учреждения и предприятия были, конечно, использованы буржуазными дельцами для выколачивания лишних прибылей. Однако главная их роль заключалась в содействии политической организации буржуазии. Через эти организации буржуазия осуществляла влияние на государственные дела.

Военно-промышленные комитеты были созданы в мае 1915 г. по инициативе IX съезда представителей промышленности и торговли.¹ Существовал ряд областных и местных военно-промышленных комитетов, в том числе и Петроградский, а также Центральный военно-промышленный комитет в Петрограде. Комитеты эти объединяли многих крупнейших представителей промышленности. Председателем Центрального военно-промышленного комитета был Гучков, его заместителем — крупнейший фабрикант, прогрессист Коновалов; в состав его входили крупные дельцы, например директор Путиловского завода, ряд членов Государственной Думы. Официальной целью учреждения военно-промышленных комитетов была организация экономики страны в целях «дать армии все необходимое и во-время». Ленин отмечал, что, создавая военно-промышленные комитеты, царизм «знал основную меру, главный способ и путь контроля: объединение населения по разным профессиям, целям работы, отраслям труда и т. п.». Но Ленин тут же разъяснял, что на самом деле «царизм боялся объединения населения и потому всячески ограничивал, искусственно стеснял этот общеизвестный, легчайший, вполне применимый способ и путь контроля».² Военно-промышленные

¹ О военно-промышленных комитетах см.: С. П. Борисов. Борьба большевиков против военно-промышленных комитетов (1915—1916 гг.). ОГИЗ, 1948.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 25, стр. 303.

комитеты не стали средством организации и контроля экономики страны. Крупная промышленность получала попрежнему заказы непосредственно от правительства: либо через Особое совещание по государственной обороне, совещание по транспорту, по топливу, либо через главные управления Военного министерства. Правительственные заказы Центральному военно-промышленному комитету были сравнительно невелики — к февралю 1917 г. на 400 млн руб., а областным совсем ничтожны. Петроградский комитет за год работы получил заказов всего на 16,7 млн руб. Фактически военно-промышленные комитеты объединили лишь известную часть средней и мелкой промышленности. Предприятия, объединенные военно-промышленными комитетами, выполнили лишь 50% полученных ими заказов, а продукция их составила всего 2—3% общей стоимости заказов военного ведомства. Таким образом, экономический эффект деятельности военно-промышленных комитетов был относительно невелик, если не говорить о том, что крупные промышленники, заправлявшие комитетами, подчинили себе довольно значительное количество мелких и средних предприятий.

Более серьезной была политическая роль военно-промышленных комитетов. Они защищали, и с успехом, экономические интересы буржуазии, например союбили осуществление правительственных проектов регулирования прибылей, добились предоставления отсрочек по призыву в армию для квалифицированных рабочих и т. д. Они боролись, но уже без успеха, за участие своих представителей в Особом совещании по обороне. Они выступали с заявлениями, формулирующими общие политические притязания буржуазии. Они, как подробно будет показано ниже, пытались через свои «рабочие группы» подчинить своему руководству рабочий класс.

Уже под влиянием военных поражений весны 1915 г. (в апреле была оставлена Либава, а в мае — Перемышль) буржуазные круги выдвигают требования о необходимости бесперебойной работы Государственной Думы, о передаче всей организации тыла в руки промышленников и т. д. Уступки, сделанные царизмом летом 1915 г. (увольнение Сухомлинова и Маклакова, назначение на пост военного министра близкого к думским кругам Поливанова, создание Особого совещания по обороне с участием в нем представителей буржуазной общественности, согласие на организацию военно-промышленных комитетов и расширение функций Земгора) оказались недостаточными, а летние военные поражения (очищение Польши и Литвы) дали новый толчок буржуазной оппозиции. В июне 1915 г. конференция кадетской партии выдвинула требование об образовании кабинета, «способного обеспечить правильную организацию тыла». В июле на открывшейся сессии Государственной Думы представители буржуазных партий резко критиковали деятельность Военного министерства и требовали проведения ряда реформ. В августе совещание военно-промышленных комитетов требовало создания кабинета обороны. Одновременно Московская и Петроградская думы приняли резолюцию о необходимости «создания правительства, сильного доверием общества».

В целях объединения сил оппозиции буржуазные политические партии образовали в августе 1915 г. так называемый прогрессивный блок. В него наряду с кадетами, прогрессистами и октябристами вошли также «умеренные» правые вроде Шульгина. Программа блока, опубликованная в печати, выдвигала требование создания министерства доверия — об ответственности министерства буржуазные лидеры говорить не решались — и проведения некоторых преобразований, например частичной амнистии, смягчения политики национального гнета, автономии Польши, легализации профсоюзов, реорганизации городского самоуправления и др. Программа мотивировала важность этих преобразований необходимостью «сохранения внутреннего мира», устранения «розы между национальностями и классами». Страх перед растущим рабочим движением толкал буржуазию на путь реформ и уступок. Характерно в этом отношении заявление Коновалова в августе 1915 г. на одном из совещаний в Москве. Коновалов говорил: «Настроение народа близко к отчаянию», «необходимо скорее принять все меры, чтобы не довести народ действительно до такого морального состояния, когда он может выйти на единственно для него возможный в таком положении путь насилия и эксцессов».

Но даже эта купая программа, продиктованная страхом перед рабочим движением и стремлением обеспечить выигрыш войны, оказалась правительству слишком дерзкой. Черносотенные организации подняли бешеную кампанию против Думы. 3 сентября Дума была распущена. Все министры, пользующиеся хотя бы небольшим авторитетом в думских кругах, были отставлены: в сентябре Самарин и Щербатов, в октябре — Кривошеин, а позднее — Подиванов и Саонов. Их места заняли ставленники Распутина — Хвостов, Штюрмер и др.

Между тем война затягивалась, и становилось все очевиднее, что правительство не в состоянии довести ее до выигрыша; хозяйственная разруха все более увеличивалась, росло рабочее движение, усилились волнения в армии. Революция надвигалась, и, страшась ее приближения, буржуазные партии усилили нажим на правительство. Перемена курса была необходима буржуазии уже не только для выигрыша войны, но и для предотвращения революции. В конце 1916 г. прогрессивный блок, земский и городские съезды, военно-промышленные комитеты требуют уже не министерства доверия, а ответственного министерства.

Но правительство, верное до конца взятому им крепостническому курсу, ответило разгоном земского и городского съезда, роспуском Думы, подготовкой сепаратного мира.

И тогда в ответ на заговор царизма буржуазии, полностью поддерживаемая буржуазией Запада, стала на путь заговора против царизма. Путем дворцового переворота решено было устранить Николая II, поставив на его место более подходящего человека, и, не прекращая войны, подавить революцию. Но расчеты в царизма и буржуазии оказались битыми. Их смела революция.

Важнейшим ее центром явился пролетарский Петроград.

Большевики-депутаты 4-й Государственной Думы, сосланные на поселение: Г. И. Петровский, М. К. Муранов, А. Е. Бабаев, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов. Фотография 1915 г.

Известно, что Петроград и до первой мировой империалистической войны был крупнейшим пролетарским центром и, следовательно, крупнейшим центром рабочего движения. Как уже было сказано выше, в годы войны значительно выросла численность петроградских рабочих. Наряду с увеличением численности пролетариата, произошло существенное изменение его состава.

Уже первая частичная мобилизация, объявленная 14 июля, изъяла из рядов петроградского пролетариата многие тысячи рабочих. Из уволенных локаутом 10 июля 77 тыс. рабочих поступило обратно после 17 июля, когда заводы были вновь открыты, 43 тыс. — остальные 34 тыс. были мобилизованы или в связи с призывом разъехались по домам. В дальнейшем, когда мобилизации следовали одна за другой (в 1914 г. их было 7, в 1915 г. — 7, в 1916 г. — 5), десятки тысяч кадровых рабочих были взяты в армию. До 1915 г. правительство почти не предоставляло отсрочек для квалифицированных рабочих, занятых в военной промышленности, а с 1915 г. давало эти отсрочки в ограниченных размерах. Буржуазные дельцы даже жаловались, что «из промышленных рядов были взяты опытные,

обученные рабочие, на пополнение кадра которых требуются десятилетия. Нужно подчеркнуть, что правительство сознательно обескровливало рабочий класс, используя войну как оружие в борьбе с революционным движением. Один из царских палачей, генерал Ренненкампф заявлял: «... для того, чтобы успешно вести войну, прежде всего надо обезглавить революцию, т. е. произвести мобилизацию в рабочих районах; оставшиеся же работать на оборону, как военнообязанные, вынуждены будут укротить революционный пыл». Командующий войсками Петроградского военного округа князь Туманов, собрав в октябре 1915 г. столичных заводчиков, усиленно справлялся — «почтились» ли они после забастовки «от неблагонадежных элементов», «есть ли военнообязанные среди рассчитанных» и не попадут ли рассчитанные рабочие «к кому-нибудь другому на завод». ¹ В 1916 г. Туманов, уже не спрашивая заводчиков, сам увольнял забастовщиков и тут же приказывал направить их в распоряжение Петроградского уездного воинского начальника.

Усердное применение «черных списков» также было одним из средств изгнания революционно настроенных рабочих с петроградских заводов. В сентябре 1916 г. Общество фабрикантов и заводчиков с особенной строгостью предписывало не брать на работу уволенных за забастовки.

В общем итоге петроградский пролетариат за годы войны потерял значительную часть своего кадрового состава. На место этого кадрового состава пришли в большом количестве причужденные от мобилизации мелкие собственники. Как сообщает большевистский журнал «Вопросы страхования», кадровые рабочие называли этих хозяйских сынков «беженцами». «Состав этих беженцев, — пишут «Вопросы страхования», — крайне разношерстный и пестрый. Тут есть лабазники и управляющие, и содержатели ломового извоза и трактирщики, и бывшие содержатели пивных, но попадают даже домовладельцы». ²

Необходимость использования рабочей силы во все возрастающих размерах привела к вербовке ее из деревень близлежащих губерний. Удельный вес недавних крестьян среди рабочих Петрограда за годы войны значительно вырос. Существенно увеличился приток на заводы женщин и подростков, ибо царские законы 9 и 20 марта 1915 г. отменили существовавшие до войны ограничения в применении женского и детского труда.

Доля женского труда на 1 января 1917 г. (по Петрограду) выросла по сравнению с 1914 г. в металлообрабатывающей промышленности с 3,1 до 20,3%; в тек-

¹ Сб. «Социал-демократ» Центрального органа Российской социал-демократической рабочей партии, 1916, № 2, стр. 72—75. Цит. по: Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны 1914—1917 гг. Составили А. Б. Беркевич и К. Г. Шариков, Л., 1939, стр. 91—97.

² Вопросы страхования, 1916, № 11, стр. 14. После революции корреспондент «Солдатской правды» сообщал, что на Трубочном заводе на каждую тысячу кадровых пролетариев было свыше 100 рабочих, притянутых здесь от фронта (Солдатская правда, 1917, № 51).

стильной — с 57,9 до 68,8%; в химической с 40,2 до 46,8%.¹ Капиталисты в целях снижения уровня заработной платы охотно шли на применение женского и детского труда, а также широко прибегали к найму рабочих среди беженцев. За годы войны в Петроград приехало большое количество беженцев, главным образом из Прибалтики. Значительная часть их была мало обеспеченной, а циркуляр 1 января 1916 г. под угрозой лишения пайка и даже высылки принуждал их принимать любые условия найма.

Медкособственнические элементы, влившись в ряды петроградских рабочих, составили ту мелкобуржуазную прослойку пролетариата, которая явилась питательной почвой для меньшевиков и эсеров. Нужно, однако, иметь в виду, что необходимость развития военной промышленности не дала царизму возможности осуществить полностью свой план истребления на войне революционно настроенных рабочих. Значительная часть кадрового пролетариата была в 1916 г., путем предоставления отсрочек, закреплена за заводами. Часть мобилизованных рабочих была возвращена на заводы в качестве солдат-специалистов. Наличие крепкого пролетарского ядра, прошедшего школу первой революции 1905—1907 гг. и нового революционного подъема 1912—1914 гг., было важнейшим условием успешного развертывания работы большевистской партии. Это ядро сохранило революционные пролетарские традиции и сплотило вокруг себя пришедшую на заводы городскую и сельскую бедноту.

Резко ухудшилось в годы войны положение рабочего класса. Стремясь использовать обстановку войны в целях полного подавления рабочего движения, царское правительство резко усилило репрессии против рабочих организаций. Деятели большевистской партии и революционные рабочие вообще подвергались непрерывным арестам. Большевистские депутаты Государственной Думы были арестованы и сосланы в Сибирь. Любимая газета петроградских рабочих — большевистская «Правда» — была закрыта, и вообще почти полностью была запрещена рабочая печать. Были закрыты профсоюзы и другие легальные, в том числе и культурно-просветительные, организации рабочего класса.

В Петрограде в годы войны не было утверждено ни одно общество рабочих, ни один профсоюз. За все время войны действовало только одно общество служащих-фармацевтов. Царские законы предоставляли капиталистам возможность неограниченной эксплуатации рабочих. Ограничения применения женского и детского труда были отменены. За малейшее сопротивление капиталистам рабочих посылали на фронт или выбрасывали на улицу. Приказ командующего Петроградским военным округом генерала Фролова грозил каторгой за участие в забастовках.

В целях подавления рабочего движения правительство замышляло даже полную милитаризацию промышленности, в результате которой все рабочие предприятий, выполняющих военные заказы, объявлялись мобилизованными и находились

¹ Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии, стр. 48—49.

под «ближайшим надзором» особых уполномоченных Военного и Морского ведомств. Однако реализовать этот проект (внесенный в Совет министров еще 2 августа 1915 г.) правительство так и не решилось, опасаясь встретить «принципиальный протест со стороны рабочего класса» и дать «повод агитаторам к возбуждению всеобщей рабочей забастовки на идейной почве». ¹ Массовое применение получили «черные списки».

Пользуясь военной обстановкой и при прямой поддержке властей, капиталисты в годы войны усилили эксплуатацию рабочих. Вырос рабочий день. Широкое применение получили сверхурочные работы. По данным анкеты Министерства торговли и промышленности, явно приукрашивавшим действительность, увеличение рабочего дня, считая сверхурочные часы, было таково (в часах): ²

	1914 г.	1916 г.
Взрослые мужчины	10,2	10,5
Взрослые женщины	9,7	9,8
Подростки-мужчины	9,7	10,0
Подростки-женщины	9,2	9,6
Малолетние	8,9	9,1

Предприниматели с первых же недель войны снижали расценки. Например, на заводе Айваз (Петроград) расценка за выделку прицельных рамок для винтовок была снижена в сентябре 1914 г. В июне 1915 г. Петроградское общество фабрикантов и заводчиков постановило: «... ни в коем случае не увеличивать расценок, а если возможно, то их сбавлять... если увеличить расценки, то уж потом снизить их по окончании войны будет чрезвычайно трудно». Самое главное, однако, заключалось в том, что рост номинальной заработной платы резко отставал от роста товарных цен. Это отставание сказалось уже в 1915 г. Если заработная плата петроградских рабочих увеличилась к концу 1915 г. на 20—25%, и даже по самым оптимистическим подсчетам на 41%, то товарные цены на продукты питания за это время выросли на 150—190%. В 1916 г. рост дороговизны, обусловленный продовольственным кризисом и общим развалом хозяйства, еще более снизил реальную заработную плату. ³ По данным, собранным большевистским журналом «Вопросы страхования», цены на продукты питания в железнодорожных лавках в 1916 г. выросли сравнительно с 1914 г. в громадных размерах (хлеб черный на 300%, хлеб белый на 366,7%, мясо на 555%, картофель на 800%), а цены на обувь и одежду выросли на 400—800%. По данным Министерства торговли и промышленности, заработная плата петроградских рабочих составляла в 1916 г. (сравни-

¹ М. Г. Ф л е е р. Рабочее движение в России в годы империалистической войны. Л., 1926, стр. 46—47.

² Материалы по статистике труда Северной области, вып. 2, под редакцией С. Г. Струмилина. Пгр., 1919, стр. 14 и сл.

³ Ф. А. Р о м а н о в. Рабочее и профессиональное движение в годы первой мировой войны и второй русской революции. Профиздат, 1949, стр. 63.

тельно с 1914 г.) в наиболее благоприятном случае (металлисты) 196% и в наименее благоприятном — 142%.¹ Между тем цены в начале 1917 г. сравнительно с 1914 г. составляли: на хлеб ржовой — 200%, пшено — 227%, мясо — 214%, картофель — 533%, сахар — 426%.² Весьма значительно была увеличена квартирная плата. Выросли цены на топливо. Были повышены прямые и косвенные налоги. В общем итоге жизненный уровень рабочих существенно снизился. Тяжесть положения увеличивалась постоянными перебоями в снабжении, невозможностью даже по высоким ценам купить многие необходимые продукты, бесконечными и изнурительными очередями за продуктами питания и т. д.

Ничем не ограниченная интенсификация труда в связи с резким ухудшением питания и снижением жизненного уровня вызвали большой рост заболеваемости, несчастных случаев и смертности среди рабочих и их семей. Весьма показательны в этом отношении данные, приведенные в отчете правления больничной кассы при Путиловском заводе за 1915 г. Общее число заболеваний с утратой трудоспособности составило в 1915 г. 18828 на 19341 участника кассы, другими словами, на каждые 100 участников кассы пришлось 97,3 заболеваний — в полтора раза больше, чем в 1914 г., когда заболеваемость составляла 64,6%. В отдельных мастерских процент заболеваемости был еще выше: в шинопрокатной 138,7%, в лафетно-штамповочной 135,7%, и т. д. Огромных размеров достигло число увечий — 30,5% к общему числу участников кассы; в 1914 г. число увечий составляло 21,1%. На Путиловской верфи число увечий составило 31,2%, а при судостроительных работах число увечий составляло 44,3%. Смертность среди рабочих Путиловского завода и членов их семей в полтора с лишним раза превышала смертность населения в городских районах, что, как указывалось в отчете, свидетельствовало о крайне тяжелых условиях жизни, отвратительном жилье и плохом питании путиловцев.³

Аналогичную картину рисуют отчеты больничных касс других заводов.

1916-й год принес дальнейший рост заболеваемости и увечности петроградских рабочих.

В целом первая мировая империалистическая война вызвала значительное обострение нужды и бедствий рабочего класса, явившееся важным элементом окончательного вызревания революционной ситуации в стране.

Снижение жизненного уровня, рост дороговизны, продовольственные трудности сказались и на положении значительной части мелкой буржуазии — мелких ремесленников, мелких служащих, беженцев и других представителей непролетарской бедноты, столь многочисленной в Петрограде, как и в любом капитали-

¹ Материалы по статистике труда Северной области, вып. 2, стр. 4.

² Статистический ежегодник 1918—1920 гг., вып. 1. М., 1921, гл. IX, табл. IV.

³ Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны 1914—1917 гг. Составили А. Б. Берюков и К. Г. Шариков. Л., 1939, стр. 99 и сл.

стическом городе. Для этой бедноты, так же как и для рабочего класса, характерен рост недовольства царским режимом. Движение мелкобуржуазной бедноты примыкало к освободительной борьбе пролетариата и являлось важным элементом революционной ситуации.

Значительной по количеству и важной по значению частью населения Петрограда был гарнизон. Переход солдатских масс петроградского гарнизона на сторону пролетариата в феврале 1917 г. был, как известно, одним из условий победы буржуазно-демократической революции.

Численность Петроградского гарнизона и тесно с ним связанных гарнизонов ближайших пригородов в годы войны сравнительно с довоенным временем возросла в несколько раз. Это было неизбежным результатом общего увеличения армии, вызванного войной. Это было столь же неизбежным следствием необходимости для царизма сосредоточить именно в Петрограде и его пригородах огромные массы войск: по соображениям политическим, ибо Петроград был столицей, крупнейшим центром революционного движения; военным, ибо Петроград был базой Северного фронта и Балтийского флота; хозяйственным, ибо Петроград обладал особенно большими возможностями размещения и снабжения крупных воинских частей и соединений. Общая численность солдатских масс, включая сюда и всевозможные обслуживающие части и подразделения, на 1 февраля 1917 г. составляла в Петрограде 271 тыс., а в ближайших пригородах (Царском Селе, Павловске, Стрельне, Петергофе, Ораниенбауме, Гатчине, Красном Селе) 195 тыс. чел.¹

В годы войны произошли существенные изменения в составе гарнизона.

Полки мирного времени, искусственно отобранные, специально вымуштрованные, возглавляемые дворянским офицерством, и в частности гвардейские полки, были отправлены на фронт, уступив свое место запасным формированиям: факт, о котором контрреволюционеры вспоминали впоследствии с особо горьким сожалением. Уже не было возможности обеспечить новые формирования солдатами, искусственно подобранными из наиболее отсталых слоев крестьянства. Массовые мобилизации охватывали и фабрично-заводских рабочих с многолетним стажем и длительным опытом революционной борьбы, и крестьян — участников восстаний 1905—1907 гг., и солдат-резервистов, прошедших школу армейских волнений первой русской революции. Как говорил Ленин в 1919 г., армия во время империалистической войны вобрала в себя весь цвет народных сил.

Особенно следует подчеркнуть увеличение удельного веса фабрично-заводских рабочих среди солдат Петроградского гарнизона. До войны войска столицы принадлежали к числу наименее пролетаризированных. В годы войны царские генералы не только не избегали мобилизации рабочих, но даже сознательно ее

¹ Подсчитано по сводкам Петроградского окружного интендантского управления, см.: Фивлял ЦГВИА, ф. 333, д. 3295.

применяли, рассчитывая отправить на фронт участников забастовочного движения.

Увеличив удельный вес пролетариата в армии, царское правительство вследствие транспортных затруднений и необходимости особенно спешного обучения войск не сумело направить рабочих крупных промышленных центров в отдаленные районы. Они обычно обучались в запасных батальонах в районе призыва. Применительно к Петрограду это означало, что питерские пролетарии перед отправкой на фронт служили в запасных полках Петроградского военного округа, расположенных преимущественно в самом Петрограде и его пригородах. Только по отношению к гвардии старый порядок комплектования ее крестьянами отдаленных губерний до некоторой степени сохранялся.

Увеличение пролетарской прослойки в войсках гарнизона способствовало росту революционного сознания солдатских масс. Вместе с тем и крестьяне, составлявшие большую часть армии, после предметных уроков периода четырех Дум, тянулись к союзу с пролетариатом. Если в годы первой русской революции имело место нежелание значительной части крестьян идти вместе с рабочими, то в период между двумя революциями и особенно в годы первой мировой войны предпосылки союза рабочих и крестьян в буржуазно-демократической революции были окончательно созданы. Они были созданы прежде всего, как отмечал Ленин, общим развитием капитализма, результатом которого явилось все более и более резкое размежевание классов, обострение революционно-демократической борьбы миллионов крестьян против крепостников-помещиков и их правительства, а также разрушение патриархальной крестьянской идеологии.

Первая мировая война, связавшая в один узел все противоречия политической жизни царской России, во много раз усилившая страдания многомиллионных масс народа, встряхнувшая массы и повысившая их политическую активность, завершила отход крестьянства от буржуазии и сложение союза рабочих и крестьян. Гегемония пролетариата в общей борьбе за свержение царизма стала фактом и привела к Февральской буржуазно-демократической революции.

Вместе с тем первая мировая война лишила царизм возможности в той мере, как в мирные годы, применять испытанные десятилетиями рычаги отрыва армии от народа, в частности — затруднять общение солдат со столичным пролетариатом. Уже самый факт частых мобилизаций и поступления в полки новых пополнений, означавший приход в казарму свежих людей, а в петроградских условиях — приход рабочих-забастовщиков, имел своим результатом более постоянное, нежели ранее, общение солдат и рабочих. Далее нужно учесть, что многие воинские части Петроградского гарнизона были расположены в рабочих районах, в непосредственной близости от крупнейших заводов столицы. Например, на Выборгской стороне стояли 1-й и 181-й пехотные запасные полки, лейб-гвардии Московский полк и другие части; на стыке Петроградской и Выборгской сторон — лейб-гвардии Гренадерский полк; на Васильевском Острове — лейб-гвардии Финлянд-

ский, 180-й пехотный запасный полки и т. д. Повседневное соприкосновение с питерскими рабочими было естественным результатом такой дислокации воинских частей. К тому же результату приводили усиленные в годы войны наряды воинских частей по охране заводов, мостов, вокзалов и других пунктов. Большое значение имело также прикомандирование крупных партий солдат для работ на военных и военизированных заводах. Таким образом, условия войны создали гораздо больше возможностей, сравнительно с мирным временем, для общения между солдатами и рабочими, способствуя тем самым усилению политического влияния столичного пролетариата на столичный гарнизон.

С другой стороны, военные условия чрезвычайно затруднили ту казарменную обработку солдат, которая в мирные годы способствовала отрыву армии от народа. В годы войны срок обучения солдат продолжался всего лишь несколько (4—6) недель; в лучшем случае мобилизованные оставались в казармах несколько месяцев. Этого времени было слишком мало для того, чтобы превратить солдата в послушное орудие царских генералов. Наличие огромной массы солдат старших возрастов, прошедших уже большую школу жизни и борьбы, очень часто переполненных ненавистью к царскому режиму, делало еще более невыполнимой задачу казарменной обработки солдатской массы. Вместе с тем царизм в значительной мере лишился и того кадра опытных офицеров и унтер-офицеров, которые в мирные годы осуществляли муштровку солдат. Кадровый офицерский и унтер-офицерский состав был перебит, в очень значительной своей части, уже в первые месяцы войны. Преобладающее место (в количественном отношении) заняли младшие офицеры военного времени, прошедшие ускоренный курс военных училищ и школ прапорщиков, офицеры-резервисты и унтер-офицеры из ратников.

Заметно изменилось социальное лицо офицерства. В «Письмах из далека» Ленин отмечал, что поражения царской армии на фронтах «истребили в громадных размерах ее старый командующий состав, заскорузло-дворянского и особенно гнилого чиновничьего характера, заменили его молодым, свежим, преимущественно буржуазным, разночинским, мелкобуржуазным».¹ Важно подчеркнуть, что Ленин рассматривает изменение социального лица офицеров как одно из обстоятельств, ускоривших революционный взрыв в России.

Таким образом, война создала ряд изменений в составе и положении армии, петроградского гарнизона в частности, определивших рост политического сознания солдатских масс и в конечном счете выступление их на стороне пролетариата. К февралю 1917 г. солдаты петроградского гарнизона были настолько подготовлены к выступлению против царизма, что, при наличии активных действий рабочих, переход их на сторону революции стал вопросом трех-четырёх дней.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 23, стр. 295.

Кризис верхов и обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов обусловили повышение активности масс, столь ярко проявившееся в годы войны по всей стране и в Петрограде в частности. Революционная ситуация в годы войны сложилась окончательно, и Петроград был одним из важнейших ее центров.

Однако для того чтобы революционная ситуация привела к революции, мало объективных перемен. Революция возникает тогда, — подчеркивает Ленин, — когда к объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не „упадет“, если его не „уронят“.¹

Это условие в России было выполнено: был мощный, концентрированный, закаленный в революционных боях рабочий класс, который уже вел за собой крестьянство и, таким образом, осуществлял гегемонию в буржуазно-демократической революции. Руководимый большевистской партией пролетариат оказался способным на массовые революционные действия, достаточно сильные, чтобы сломить царизм.

В Петрограде, как указывалось выше, несмотря на массовые мобилизации кадровых рабочих в армию, оставалось сильное ядро революционного пролетариата, сумевшее повести за собой на штурм царизма и революционную часть мелкой буржуазии, в частности — солдатские массы.

44 руб.

РАБОЧИЙ ЖУРНАЛЪ

№ 111111

Вопросы Страхования

Крупнейший орган для всех работников и всех рабочих классов в деле страхования.

Политический орган № 111111. Цена по 1 руб. в год. Подписки принимаются по 1 руб. в месяц. Доставка по почте. Адрес: Москва, Мясницкая ул. № 111111. Редакция и типография: Москва, Мясницкая ул. № 111111.

Вопросы и ответы принимаются по 1 руб. в месяц. Адрес: Москва, Мясницкая ул. № 111111.

Всё, что касается страхования, будет опубликовано в этом журнале.

Адрес: Москва, Мясницкая ул. № 111111.

Узнать условия для работы можно у Редакции Журнала Страхования.

№ 6 (57) * 14 Октября, * 1916.

СОДЕРЖАНИЕ: Это журнал Рабочей Группы Рабочих Страхователей (далее — Рабочая Группа). В нем публикуются статьи, посвященные вопросам страхования и другим вопросам, интересующим рабочих. Редакция: Москва, Мясницкая ул. № 111111. Адрес: Москва, Мясницкая ул. № 111111.

Вопросы и ответы принимаются по 1 руб. в месяц. Адрес: Москва, Мясницкая ул. № 111111.

Отъ Рабочей Страховой Группы.

Этот журнал Рабочей Группы Рабочих Страхователей является органом для рабочих. В нем публикуются статьи, посвященные вопросам страхования и другим вопросам, интересующим рабочих. Редакция: Москва, Мясницкая ул. № 111111. Адрес: Москва, Мясницкая ул. № 111111.

Политический журнал не имеет отношения к государству. Рабочие должны сами бороться за свои интересы. Этот журнал является органом для рабочих.

Этот журнал имеет политический характер. Он является органом для рабочих.

Титульный лист большевистского журнала «Вопросы страхования».

¹ Там же, т. 21, стр. 190.

Петроград обладал крепкой большевистской организацией. Петроградская большевистская организация в годы войны являлась крупнейшей в стране. В условиях жесточайших полицейских преследований петроградские большевики поддерживали связь с В. И. Лениным и получали от него руководящие указания. В Петрограде действовало Русское бюро ЦК, имевшее систематическую, хотя по условиям конспирации весьма сложно осуществляемую связь с В. И. Лениным. Осенью 1916 г. по указанию ЦК партии (находившегося тогда за границей) в состав Русского бюро ЦК был введен В. М. Молотов. В. М. Молотов в бытность его в Петрограде руководил и деятельностью Петербургского¹ комитета большевиков.² Петроградские большевики помогали ЦК партии и Русскому бюро ЦК осуществлять связь с другими организациями страны. Петроградская организация рассыдала на места издаваемый Лениным за границей орган ЦК большевиков — «Социал-демократ».

В первые месяцы войны важную роль в развертывании революционной работы играла думская фракция большевиков. В работе Петроградской организации в годы войны принимали активное участие видные деятели большевистской партии М. И. Калинин, А. А. Андреев, К. Е. Ворошилов, В. В. Куйбышев.³

Несмотря на многочисленные и массовые аресты, а также мобилизации революционных рабочих в армию с последующими отправками на фронт, численность Петроградской организации доходила до 2 тыс. членов партии. Это были лучшие представители штерского пролетариата, прошедшие суровую школу многолетней подпольной борьбы, воспитанные партией в духе беспредельной преданности делу рабочего класса. Районные организации существовали почти во всех районах, наиболее сильные из них в крупнейших пролетарских центрах Петро-

¹ Партийный центр большевистской организации столицы назывался и после переименования города Петербургским комитетом.

² В. М. Молотов находился в Петрограде с начала империалистической войны. В марте 1915 г. он переехал в Москву для восстановления работы Московской организации большевиков, ослабленной жандармами в начале войны. Арестованный в 1915 г. и сосланный в Иркутскую губернию, В. М. Молотов в мае 1916 г. бежит из ссылки, возвращается в Петроград и работает здесь до лета 1919 г.

³ М. И. Калинин с 1913 г. работал на одном из крупнейших петроградских заводов — Айваз, где вел большую партийную работу, а после ареста в январе 1916 г. перешел на нелегальное положение и под фамилией Ларберга работал в кооперативной инструментальной мастерской около Финляндского вокзала. М. И. Калинин был членом Петербургского комитета большевиков. К. Е. Ворошилов весной 1915 г. приехал в Петроград, работал на заводе Сургайло. В марте 1917 г. уехал в Луганск. А. А. Андреев в 1914 г. приехал в Петроград и работал в патронно-гильзоочных мастерских, а затем больничных кассах Путиловского завода и фабрики «Скорород». Был членом Петербургского комитета от Нарвского района. Находясь на нелегальном положении, работал в большевистских организациях Петрограда вплоть до Февральской революции. В. В. Куйбышев в 1915 г. был секретарем больничной кассы завода «Треугольник» и провел большую работу по организации большевистского подполья. В июле 1915 г. был арестован, а в августе 1915 г. сослан на три года в Иркутскую губернию.

града — Выборгском и Нарвском районах. На крупнейших предприятиях города существовали крепко сплоченные партийные коллективы.

Наличие многочисленной и слаженной организации позволило петроградским большевикам провести громадную революционную работу. Царские жандармы, несмотря на отчаянные усилия, не могли пресечь ее. Характерно в этом отношении следующее признание Петроградской охраны: «После ряда весьма чувствительных ударов, нанесенных социал-демократам большевикам ликвидацией 9, 10, 18 и 19 декабря 1916 г., во время которых было отобрано у них три нелегальных типографии, два нелегальных паспортных бюро, застигнуто еще две нелегальные типографии во время печатания... и был арестован целый ряд крупнейших и активнейших партийных работников, — руководящий коллектив социал-демократов большевиков все же остался цел и продолжал свою подпольную работу, имея твердое намерение показать правительственным властям свою живучесть и что меры розыскного органа для них мало чувствительны».

Максимальным образом используя легальные (например работу в больничных кассах) и нелегальные возможности, петроградские большевики наладили систематическую агитационно-пропагандистскую и организаторскую работу. О размахе ее можно судить по масштабам печатной агитации и пропаганды. В труднейших условиях Петроградская организация сумела организовать 19 нелегальных типографий, выпустить 89 листовок общим тиражом свыше 300 тыс. экземпляров. В 1915—1916 гг. было выпущено четыре номера нелегальной газеты «Пролетарский голос». Это была одна из немногих нелегальных большевистских газет, выходивших в России в годы войны. Важным достижением Петроградской организации было возобновление легального журнала «Вопросы страхования».

Ленин давал высокую оценку разъяснительной деятельности Петербургского комитета.

«С началом войны царское правительство арестовало и сослало тысячи и тысячи передовых рабочих, членов нашей нелегальной РСДРП. Это обстоятельство, наряду с введением военного положения в стране, закрытием наших газет и пр., задержало движение. Но нелегальная революционная работа нашей партии все-таки продолжается. В Петрограде комитет нашей партии выпускает нелегальную газету „Пролетарский Голос“.

«Статьи из центрального органа „Социал-Демократ“, издающегося за границей, перепечатываются в Петрограде и рассылаются по провинция. Выходят нелегальные прокламации, которые распространяются и в казармах. За городом, в различных укромных местах, происходят нелегальные собрания рабочих. В последнее время в Петрограде начались крупные стачки рабочих металлистов. В связи с этими стачками наш Петроградский Комитет выпустил несколько воззваний и работ».¹

¹ В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 21, стр. 200.

Важным участком разъяснительной работы петроградских большевиков была армия. Усилия партии большевиков всегда были направлены к разрушению стены между армией и народом, к достижению перехода постоянного войска на сторону рабочего класса.

О необходимости всесторонней, распространяющейся и на войска и на театр военных действий социалистической пропаганды, о необходимости направить оружие против реакционных правительств Ленин писал в своих первых тезисах о войне, принятых группой большевиков в Берне 24—26 августа 1914 г.¹ Мысль о развертывании социалистической пропаганды в армии проходит красной нитью по всем программным документам большевизма периода империалистической войны. В 1919 г., подводя итоги борьбы партии за переход армии на сторону пролетариата (в период войны и революции), Ленин подчеркивал, что «пролетарские революционеры все внимание направляли (начиная с августа 1914 г.) на революционизирование армии, на использование ее *против* империалистских разбойников буржуазии».²

Выполняя указания партии, петроградские большевики развернули большую работу среди солдатских масс. Опираясь на членов партии, находящихся в армии, действуя прежде всего через пролетарское ядро гарнизона, петроградские большевики устанавливали связи с воинскими частями петроградского и пригородных гарнизонов, распространяли прокламации, разъясняющие большевистское учение о войне и революции, призывали солдат к единению с рабочими, организовывали солдатские сходки, вовлекали солдат в рабочие демонстрации. Работой руководила военная организация, созданная при Петербургском комитете партии, имевшая связи не только со многими частями столичного гарнизона, но и с гарнизонами Кронштадта, Ораниенбаума, Красной Горки, форта Ино, Петергофа, Луги. В Кронштадте большую работу развернул Главный коллектив кронштадтской военной организации.

В целом петроградские большевики провели громадную разъяснительную и организационную работу среди рабочих и солдат, подготовляя штурм царизма. В октябре 1915 г., публикуя в «Социал-демократе» материал о работе Петроградской организации, Ленин дал следующую ее оценку: «Приведенный в этом номере материал показывает, какую громадную работу развернул Петербургский комитет нашей партии. Для России и для всего Интернационала это — поистине образец социал-демократической работы во время реакционной войны, при самых трудных условиях».³

Повальный шовинизм буржуазии и одной части мелкой буржуазии, колебания другой части мелкой буржуазии, призыв рабочего класса к пролетарскому интернационализму и пролетарской революции — так характеризовал Ленин

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, стр. 4.

² Там же, т. 30, стр. 236.

³ Там же, т. 21, стр. 366.

расстановку классовых сил в начале империалистической войны.¹ Ленин подчеркивал, что зараза шовинизма коснулась лишь самых темных слоев рабочих. «В общем и целом рабочий класс России оказался иммунизированным в отношении шовинизма».² Ленин подчеркивал, что работа «Правды» и большевистских организаций в период нового революционного подъема создала единство $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих России. «Уничтожить этого слоя нельзя. Он жив. Он проникнут революционностью и анти-шовинизмом. Он один стоит среди народных масс и в самой глубине их, как проповедник интернационализма трудящихся, эксплуатируемых, угнетенных. Он один устоял в общем развале. Он один ведет полупролетарские слои от социал-шовинизма кадетов, трудовиков, Плеханова, „Нашей Зари“ к социализму».³

Понятно, что уже с первых месяцев войны сознательный авангард рабочих России на деле слотился вокруг партии большевиков.

Революционные выступления петроградских рабочих против международного империализма начались в первые же дни войны.

19 июля — в первый день мобилизации, объявленной накануне, в Петрограде состоялись антивоенные забастовки, митинги и демонстрации. По данным охраны, бастовало 21 предприятие с 27 тыс. рабочих. На ряде крупных заводов были проведены митинги. Об одном из них рассказал позднее М. И. Калинин, работавший тогда на заводе Айваз: «У нас на заводе в эти дни были огромные митинги и забастовки. Мне было поручено партией большевиков выступить на этом митинге в защиту пораженческой линии. Я выступил на митинге с призывом к мобилизуемым обратить оружие против буржуазии. Я не помню сейчас подробно содержания своей первой противвоенной речи, но она была небольшая и заканчивалась призывом „долой войну“».⁴ После митинга 2 тыс. айвазовцев вышли на улицу с красными флагами. Крупные демонстрации, как сообщает охранка, произошли на Сампсониевском проспекте и на Невском. Демонстранты шли с красными флагами и лентом «Марсельезы», с криками «долой войну». В демонстрациях приняли участие и партии запасных, шедших на сборные пункты. Демонстрации кончились столкновениями с полицией.⁵

С первых же дней войны массы проявили свои антивоенные настроения. Ленин подчеркивал, что «настроение масс в пользу мира часто выражает начало протеста, возмущения и сознания реакционности войны».⁶ Ленин говорил, что

¹ Там же, стр. 153.

² Там же, стр. 289.

³ Там же, стр. 154.

⁴ Б. С е р г е е в, Михаил Иванович Калинин. Партизан, 1934, стр. 61.

⁵ Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны 1914—1917 гг., стр. 25—26.

⁶ В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 21, стр. 286.

долг всех социал-демократов использовать это настроение масс, сделать его из смутного сознательным.

Большую работу в Петрограде и по всей стране провела большевистская фракция Государственной Думы. Ленин писал об этом так: «У нас в России с самого начала войны рабочие депутаты в Думе вели решительную революционную борьбу против войны и царской монархии. Пять рабочих депутатов: Петровский, Бадаев, Муранов, Шагов и Самойлов, распространяли революционные воззвания против войны и энергично вели революционную агитацию».¹

Важным шагом думской фракции большевиков было выступление против поддержки империалистической войны на заседании Государственной Думы 26 июля 1914 г. Представитель социал-демократической фракции огласил на этом заседании декларацию, осудившую войну. Декларация еще не содержала призыва к превращению империалистической войны в войну гражданскую, однако выраженный в ней протест против войны имел большое революционизирующее значение. При голосовании военных кредитов депутаты-большевики в знак протеста покинули заседание Государственной Думы.

Крупной заслугой думской фракции большевиков было развертывание нелегальной работы. Думская фракция много помогала Петербургскому комитету большевиков в организации выпуска антивоенных листовок, в частности первой из них, выпущенной 18 июля 1914 г. — «Ко всем рабочим, крестьянам и солдатам». Большую роль сыграла фракция и в налаживании работы во всероссийском масштабе. В условиях начавшейся войны, когда связи местных организаций с центром, особенно с находившимся за границей Центральным Комитетом были нарушены, думская фракция способствовала воссозданию партийных связей по всей стране. В августе—начале сентября депутаты-большевики объехали ряд пролетарских центров страны, разъясняя на нелегальных рабочих собраниях взгляды большевиков на войну, давая местным партийным организациям указания о развертывании разъяснительной работы и массовых выступлений рабочих и солдат, устанавливая явки, связи и т. д.

В 20-х числах сентября 1914 г. в Петроград вернулся большевистский депутат Ф. Н. Самойлов. В начале войны он находился за границей. В Берне он встретился с В. И. Лениным, где Ленин и передал ему написанные не позднее 24 августа тезисы о войне, известные под заглавием «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне». Тезисы эти были первым ленинским документом, определявшим отношение большевиков к империалистической войне. Получив их, думская большевистская фракция — равно как и все большевистские организации страны — положила их в основу своей работы.²

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 22, стр. 112—113.

² Ф. Н. Самойлов. По следам минувшего. С предисловием Ем. Ярославского. ОГИЗ, 1948, стр. 282.

В целях дальнейшего объединения деятельности социал-демократических организаций на местах 30 сентября—1 октября 1914 г. в деревне Нейвола близ станции Мустамки было проведено совещание большевистской фракции с участием ряда партийных работников.¹ Совещание обсудило ряд вопросов партийной работы и выработало окончательную редакцию ответа председателю II Интернационала оппортунисту Вандервельде, который, заняв после объявления войны пост министра в бельгийском правительстве, в августе 1914 г. послал телеграмму думским социал-демократам с призывом активно поддержать царское правительство в империалистической войне. В то время как меньшевики в своем ответе Вандервельде сообщили о готовности поддержать царизм в войне, большевики решительно заявили лидерам II Интернационала о своем отказе поддерживать войну и царизм, о том, что неотложной задачей большевиков является непримиримая борьба с царизмом, что большевики используют военный кризис в целях ускорения победоносной революции.² Этот ответ думских большевиков, напечатанный 1 ноября 1914 г. в центральном органе большевистской партии «Социал-демократ», означал полный и окончательный разрыв с оппортунистическим II Интернационалом.

Мустаямкское совещание решило созвать в ноябре конференцию с участием представителей местных организаций. 2 ноября 1914 г. конференция начала работу в доме № 28-а по Выборгскому шоссе (Озерки). Кроме думских депутатов и представителей от Петроградской организации, в конференции приняли участие делегаты от Иваново-Вознесенска, Харькова, Риги. Многим делегатам помешали приехать полицейские преследования. Делегат от Кавказа был арестован в Петрограде на Финляндском вокзале. Конференция ознакомилась с положением на местах, единодушно одобрила ленинские тезисы о войне и приступила к обсуждению ряда практических вопросов, но 4 ноября влетевшая полиция прервала ее работу.³ Все участники конференции были арестованы. Депутаты-большевики, отпущенные было полицией, 5 ноября, с полного согласия председателя Государственной Думы Родзянко, были арестованы вновь.

Шовинисты всех толков требовали суровой расправы с арестованными большевиками. Черносотенная газета «Русское знамя» писала: «С врагами перемолвиться нечего: виселица — единственное средство внести в страну успокоение». * Либеральная и оппортунистическая печать в лучшем случае хранила молчание.

Рабочий класс выступил в защиту своих депутатов. Петербургский комитет большевиков в листовке, выпущенной 11 ноября, призывал рабочих ответить на арест фракции однодневной забастовкой и митингами протеста против «гнусного

¹ Там же, стр. 282—283.

² А. Б а д а е в. Большевики в Государственной Думе. ОГИЗ, 1939, стр. 360 и сл.

³ Там же, стр. 365 и сл.

* Там же, стр. 381.

и незаконного деяния царско-помещичьей шайки». 12 ноября забастовки протеста произошли на ряде предприятий («Новый Леснер», «Парвайнен» и др). В Университете, Политехническом и Психоневрологическом институтах состоялись студенческие сходки. В некоторых случаях (например на «Парвайнене») солдаты, прикомандированные к заводам для выполнения военных заказов, присоединились к забастовщикам.

Опасаясь, что предание думских депутатов военному суду вызовет «брожение среди фабричных рабочих и иных оппозиционных элементов», царское правительство передало дело в Петроградскую судебную палату. 10—13 февраля проходил суд. В своих мужественных выступлениях на суде депутаты-большевики разоблачили империалистический характер политики царизма.

Привлеченный к суду Каменев публично отрекся от политики большевистской партии.

Решительная революционная деятельность и мужественное поведение на суде думских депутатов имели большое международное значение, показав рабочему классу всего мира, как истинные революционеры «используют парламентаризм, чтобы остаться революционерами до конца, чтобы исполнить свой долг социалистов и интернационалистов и при самых трудных обстоятельствах». ¹

Несмотря на аресты и репрессии, обрушившиеся с первых же дней войны, большую работу развернула Петроградская большевистская организация, сохранившая свое руководящее ядро — Петербургский комитет и районные комитеты. К сентябрю 1915 г. она насчитывала 1200 членов. Были установлены непосредственные связи с Колпинным, Сестрорецком, Петергофом, систематически выпускались листовки, обращенные к рабочим и солдатам. Было начато издание нелегальной газеты «Пролетарский голос». Выполняя указания Ленина, петроградские большевики возобновили издание легального журнала «Вопросы страхования». В Петрограде были перепечатаны многие руководящие статьи Центрального органа партии «Социал-демократ». Большевистская литература шла из Петрограда в Москву, Иваново, Харьков, Киев, Екатеринослав, Нижний Новгород, Самару, Саратов, Царицын, Пермь, Екатеринбург, Ревель, Нарву, Тверь, Тулу, Кавказ. В Петроград приезжали делегаты от провинциальных организаций. Большая работа проводилась в армии.

Обращаясь к массам, большевики разъясняли общие вопросы войны и революции, откликаясь одновременно на экономические интересы масс. В 1915 г. Петроградская охранка доносила, что большевики ведут агитацию среди масс «на почве близких и доступных последних интересов экономического характера (дороговизна, повышение реальной заработной платы), сочетая их с популяризацией пораженческих настроений, что в сильнейшей степени возбуждает массы».

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, стр. 293.

Забастовка в Петрограде в сентябре 1916 г. Схватка революционных и царских солдат в толпе на площади. Картина А. Шаповалова. Музей революции, Москва.

Подъем революционного движения ярко проявился в росте стачечного движения.

В военные месяцы (август—декабрь) 1914 г. число стачек в сравнении с первой половиной года резко сократилось: по всей стране было 68 стачек, в которых участвовало 34,7 тыс. рабочих.¹

1915 год дает резкое повышение стачечной борьбы: 924 стачки, в которых участвовало 539,2 тыс. чел. Бастовало, таким образом, 28,1% всех рабочих. В Петроградской губернии, т. е. главным образом в самом Петрограде, в 1915 г. было 125 стачек, в которых участвовало 130,1 тыс. чел.² По размаху стачечного движения Петроградская губерния уступала только Московской и Владимирской.

Экономические стачки в Петрограде проходили с нарастающим напряжением, охватывая с течением времени все большее и большее количество заводов и рабочих. Они возникали на всех крупнейших предприятиях города, продолжаясь иногда по несколько дней (на «Скороходе» 13 дней).³ На некоторых заводах возникали повторные стачки. Основным требованием было повышение расценок, повышение заработной платы. В ряде случаев рабочие требовали увольнения мастеров, возвращения уволенных рабочих. На заводе Эриксон было выдвинуто требование о введении 8-часового рабочего дня. Забастовками руководили стачечные комитеты. В некоторых случаях (примерно 25%) администрация полностью или частично удовлетворяла требования рабочих. В большинстве случаев требования рабочих были отвергнуты. Опираясь на поддержку полиции и военных властей, капиталисты часто увольняли забастовщиков, а военные власти производили мобилизацию уволенных.

Экономические стачки играли большую роль, втягивая в борьбу даже отстающие слои рабочих.

Еще ббльшим в 1915 г. был размах политических стачек, по которым Петроград стоял на первом месте, дав 80% всех политических стачек страны.

Первая крупная политическая стачка в Петрограде произошла в годовщину 9 января. По призыву Петербургского комитета, выпустившего специальную листовку, в ней приняло участие 14 заводов с путиловцами во главе. На некоторых заводах (Эриксон, Розенкранц) состоялись митинги. Забастовщики протестовали против войны, против суда над думскими депутатами-большевиками.

¹ Ф. А. Романов, ук. соч., 1949, стр. 80.

² Данные о стачечном движении, основанные на неполных и несовершенных сводках Министерства торговли и промышленности, заимствованы из следующих изданий: Статистический сборник за 1913—1917 гг. М., 1921; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пгр., 1922; Материалы по статистике труда Северной области, вып. 8, под ред. С. Г. Струмилина. Пгр., 1920.

³ Данные об отдельных стачках взяты главным образом из изданий: Рабочее движение в годы войны. Подготовил к печати М. Г. Флеер. М., 1925; Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны.

4 апреля 1915 г. по призыву Петербургского комитета состоялись стачки протеста в годовщину Ленского расстрела. Полиция арестовала около 400 стачечников.

В первомайской стачке участвовало 35 тыс. рабочих. Листовка Петербургского комитета провозглашала лозунги: «Долой войну! Долой самодержавие! Да здравствует 2-я российская революция!». В Выборгском районе, где стачка была особенно внушительной, большевики организовали первомайскую демонстрацию.

17—19 августа проходила трехдневная политическая стачка протеста против кровавой расправы царских властей с текстильщиками Костромы и Иванова. Стачка началась на заводе Айваз, охватив затем 16 крупнейших заводов города («Новый Лесснер», «Старый Лесснер», трубочный «Промет», машиностроительный «Феникс», Барановского и др.). Всего в стачке участвовало 18 тыс. рабочих. Произошел ряд митингов. На Петроградском механическом и литейном заводе в митинге участвовало 6 тыс. рабочих. Рабочие Путиловской верфи предъявили требования об освобождении сосланных думских депутатов-большевиков, об осуществлении свободы печати и всеобщего избирательного права и т. д. Августовская политическая стачка была ярким показателем революционной солидарности рабочих всей страны.

Ее грандиозным продолжением явилась сентябрьская политическая стачка. Объявленная Петербургским комитетом, она продолжалась три дня, с 3 по 5 сентября, и была организовано прекращена по указанию Комитета. В ней участвовало 150 тыс. рабочих. Произошли многотысячные сходки и митинги, которые принимали резолюции о возвращении из ссылки думских депутатов, об освобождении арестованных рабочих. Лозунги «долой войну», «долой самодержавие» были основными лозунгами стачки. Сентябрьская стачка была наглядной демонстрацией возросшей революционной мощи петроградского пролетариата, показателем усиления авторитета большевистской партии.

Важной политической кампанией, проведенной петроградскими большевиками в 1915 г., была организация борьбы против участия рабочих в военно-промышленных комитетах.

Создание так называемых рабочих групп при военно-промышленных комитетах имело целью подчинить рабочих руководству и влиянию со стороны буржуазии. Меншевики в качестве верных прислужников буржуазии призывали рабочих к участию в комитетах. Большевики считали это участие одной из форм союза с царским правительством.¹

Борьба вокруг этого вопроса имела большое политическое значение. Ленин писал: «В жизни российской социал-демократии самый крупный факт теперь — выборы питерских рабочих в военно-промышленный комитет. Впервые за время

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 23, стр. 72.

войны и только эти выборы притянули действительно *массы* пролетариев к обсуждению и решению основных вопросов современной политики, показали нам настоящую картину *того, что есть* в социал-демократии как массовой партии. Оказалось, что есть два, только два течения, одно — революционно-интернационалистское, действительно пролетарское, организованное нашей партией, оно было *против обороны*. Другое, „оборонческое“ или социал-шовинистское, было блоком „нашедельцев“ (т. е. главного ядра ликвидаторов), плехановцев, народников и беспартийных, причем весь этот блок поддерживала вся буржуазная печать и все черносотенцы в России, доказав тем буржуазную, а не пролетарскую, сущность политики этого блока». ¹

Исходя из ленинских указаний, Петербургский комитет в наказе уполномоченным по выборам в ЦВПК (наказ был выработан в сентябре 1915 г.) призывал рабочих уполномоченных «громогласно заявить об отказе участвовать в каких бы то ни было учреждениях, способствующих войне». ² Наказ разоблачал лозунг защиты отечества в условиях империалистической войны как буржуазный лозунг и заявлял, что главный враг каждого народа — в его собственной стране, что враг русского народа — царское самодержавие, крепостники-помещики, империалистическая буржуазия. В духе этого наказа принимали решения собрания рабочих петроградских заводов.

Выступая против участия в военно-промышленных комитетах, большевики были «за использование выборной кампании, напр., за участие на первой стадии выборов *только* в агитационных и организационных целях». ³

Избирательная кампания показала, что большевики имеют преобладающее влияние среди петроградских рабочих. На собрании уполномоченных от Петрограда 27 сентября 1915 г. за большевистскую резолюцию о бойкоте военно-промышленных комитетов и революционном выходе из войны голосовало 90 чел., за оборонческую резолюцию меньшевиков — 81 чел. ⁴ Только на вторичном собрании уполномоченных 29 ноября, когда часть большевистских уполномоченных была арестована, меньшевик Гвоздев и провокатор Абросимов провели решение об участии в военно-промышленных комитетах.

Опираясь на успехи, достигнутые в деле укрепления нелегальных партийных организаций и роста массового стачечного движения, большевики провели большую работу в области строительства легальных рабочих организаций — профсоюзов и страховых органов в первую очередь.

¹ В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 21, стр. 392—393.

² Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны, стр. 84.

³ В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 21, стр. 366.

⁴ Рабочие и военно-промышленные комитеты (письмо из Петербурга). *Социал-демократ*, 1916, № 53.

В Петрограде профсоюзы в начале войны были закрыты. Подулегально работали лишь второстепенные профессиональные организации: общества служащих печатных заведений, деревообделочников, работников медико-санитарного отдела, ветеринаров-фельдшеров. С целью возрождения профессиональных организаций и сохранения состава охваченных ими рабочих петроградские большевики организовали инициативные группы металлистов, текстильщиков и других закрытых профсоюзов. Инициативные группы проводили значительную, в основном нелегальную, деятельность и объединили вокруг себя ядро передовых рабочих. Например, в профессиональную организацию металлистов в годы войны входило около четырех тысяч членов.¹ При первых попытках легализации они наталкивались на карательные действия царских властей. Однако нелегальные инициативные группы продолжали существовать. Способствуя объединению передовых рабочих, они существенно помогали организации стачечного движения.

Важным участком легальной работы большевиков были страховые органы. Особенно большое значение имела работа в больничных кассах. В Петрограде в годы войны их было 79 — на всех крупных предприятиях. Ближе связанные со всей рабочей массой, больничные кассы являлись широким каналом для массового распространения большевистских идей. Понятно, что сюда были направлены лучшие силы партии. В годы войны в больничных кассах Петрограда работали такие виднейшие деятели партии, как М. И. Калинин (завод Айваз), В. В. Куйбышев («Треугольник»), А. А. Андреев (Путиловский завод). Еще до войны большевики получили преобладающее влияние в больничных кассах. В годы войны,

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Командующего войсками Петроградского
военного Округа.

Последние дни в Петрограде произошли беспорядки, сопровождавшиеся насилием и посягательствами на жизнь воинских и полицейских чинов.

Воспрещая всякое скопление на улицах.

Предваряя население Петрограда, что мною подтверждено войскам употребить в дело оружие, не оставалось ни перед чем для поддержания порядка в столице.

Командующий войсками Петроградского военного Округа,
Генерал-лейтенант **Хабалов**.

22-го февраля 1917 года

Объявление командующего войсками Петроградского военного округа Хабалова о запрещении скопления на улицах. 22 февраля 1917 г.

¹ Правда, 1917, № 9.

несмотря на многочисленные аресты страховых работников, они сумели удерживать это влияние. На выборах уполномоченных в больничные кассы большевики одерживали победы. Так, на заводе Айваз, где большевистской организацией руководил М. И. Калинин, на дополнительных выборах уполномоченных в больничную кассу завода в марте 1915 г. прошли только большевики — 30 уполномоченных с М. И. Калининым во главе. В январе 1916 г. была одержана победа на выборах уполномоченных в больничную кассу Путиловского завода; по сообщению журнала «Вопросы страхования», здесь было избрано 100 уполномоченных — «в громадном большинстве последовательных марксистов».¹

Через больничные кассы большевики практически осуществляли свою страховую программу. Они добивались в ряде случаев (например на Путиловском заводе) выплаты пособий больным по высшей ставке. Они боролись за улучшение медицинской помощи рабочим и создавали принадлежащие самим рабочим лечебные заведения (например в Московском районе Петрограда). Они добились значительных результатов в деле объединения работы больничных касс, хотя царское правительство и препятствовало всеми средствами этому объединению.

Организация страховой и лечебной помощи рабочим не только препятствовала экономическому наступлению капиталистов на рабочий класс. Она воочью убеждала рабочих, что лишь большевики являются подлинными защитниками насущных интересов трудящихся. Она также давала большие возможности разъяснительной деятельности. Указывая на вопиющее состояние медицинской помощи, на колоссальный рост болезней и увечий, являющихся прямым результатом капиталистической эксплуатации, на бедственное положение больных и инвалидов, большевики подводили рабочих, даже самых отсталых, к пониманию, что только свержение царизма и капиталистического строя, только освобождение от капиталистической эксплуатации явятся путем к коренному улучшению положения рабочего класса. Ярким разъяснительным документом такого рода был доклад правления больничной кассы Путиловского завода о работе кассы в 1915 г.

Наряду с тем большевики умело использовали свое руководящее положение в больничных кассах для организации нелегальной работы. В аппарате больничных касс работали большевики-подпольщики, объединявшие и направлявшие деятельность заводских партийных организаций. Помещения больничных касс использовались как место явок, партийных совещаний.

Больничные кассы были одним из важнейших каналов революционной работы большевиков среди рабочих. Директор Департамента полиции в августе 1915 г. отмечал, что оживление рабочего движения на Путиловском заводе «явилось результатом агитационной деятельности партийных работников и вольнонаемных служащих больничной кассы».² Успехи в деле объединения больничных касс

¹ Вопросы страхования, 1916, № 3 (52).

² М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульяновский, ук. соч., стр. 540.

города способствовали налаживанию нелегальной партийной работы в общегородском масштабе. Наконец, поездки в Петроград представителей провинциальных касс (для обмена опытом) способствовали укреплению нелегальных партийных связей во всероссийском масштабе.

Важным достижением большевиков была победа на дополнительных выборах в рабочую группу Совета по делам страхования (Страхового совета).

Созданный еще до войны, Совет состоял главным образом из царских чиновников с министром торговли и промышленности во главе. В составе рабочей группы Совета было 5 представителей и 10 их заместителей, избранных уполномоченными от петербургских заводов и фабрик. В своем большинстве это были рабочие-правдисты. Рабочая группа Совета последовательно боролась за осуществление страховой программы большевиков. Неудивительно, что она подверглась ожесточенным гонениям царских властей. К началу 1916 г. из 15 рабочих представителей в Страховом совете уцелело только 4, 11 было арестовано или выслано и в числе их — высланный из Петрограда в июле 1914 г. Н. М. Шверник. Рабочая группа потребовала возвращения репрессированных страховых деятелей. Царское правительство назначило дополнительные выборы, стремясь при помощи меньшевиков превратить рабочую группу Страхового совета в послушное орудие чиновников и капиталистов.

Дополнительные выборы в Страховой совет явились для большевиков ареной серьезной борьбы за удержание важного участка легальной работы. Меньшевики, еще ранее добивавшиеся перевыборов рабочей группы Совета и даже выдвигавшие требования о добровольном уходе уцелевших ее членов, приложили все усилия к тому, чтобы захватить места в Совете в свои руки. Как писалось в одной из январских (1916 г.) листовок Петербургского комитета большевиков, «позорная компания Гвоздевых, Емельяновых и прочих гучковских молодцов задвигалась, заступилась и готовится нанести удар рабочему движению».¹ Меньшевицкой пропаганде классового мира большевики противопоставили свою программу превращения страховых органов в орудие классовой борьбы против капиталистов, в один из центров социал-демократической работы.

Листовка Петербургского комитета «О выборах в страховые органы», выпущенная в январе 1916 г., подчеркивала, что дело страхования является одним из орудий классовой борьбы, что капиталисты при помощи соглашателей стремятся использовать страховые органы для прикрытия дикой эксплуатации рабочего класса. Листовка призывала голосовать на выборах в Страховой совет «за список последовательной демократии», «чтобы интересы рабочих защищались действительными представителями организованных пролетариев, а не лакействующими гвоздевцами».

¹ Здесь и в дальнейшем листовки цитируются по изданию: Листовки петербургских большевиков, т. II, Л., 1939.

Программу большевиков на этих выборах развернуто излагал наказ представителям рабочих в Страховом совете, опубликованный в журнале «Вопросы страхования». Наказ гласил: «Представители рабочих обязаны стоять за рабочую страховую программу — за социальное страхование всех рабочих и служащих во всех случаях потери трудоспособности и безработицы, за социальное страхование целиком за счет предпринимателей с полным самоуправлением застрахованных; за полное возмещение заработка застрахованных во время потери трудоспособности и безработицы; за полное обеспечение членов семейств застрахованных на случай болезни, родов и на случай смерти кормильца семьи».

В качестве программы-минимум наказ выдвигал требование полного использования и расширения страховых законов 1912 г. «с целью возможно большего приближения их к требованиям рабочей страховой программы». В частности, наказ требовал полного самоуправления рабочих в больничных кассах, повышения страховых взносов предпринимателей и т. д. Наказ настаивал на предоставлении больничным кассам полной свободы деятельности и обязывал представителей рабочих в страховых органах «во всей своей деятельности иметь в виду общию цели рабочего движения».¹

Эта программа имела большое мобилизующее значение. Полностью соответствуя жизненным потребностям рабочего класса, она убедительно свидетельствовала, что только большевистская партия ведет последовательную и решительную борьбу за освобождение трудящихся от ига капиталистической эксплуатации. Добиваясь коренного улучшения экономического положения рабочих, программа связывала это улучшение с необходимостью политической борьбы, с подготовкой и проведением победоносной революции.

Появляю, что выборы в Страховый совет, по выражению корреспонденции «Социал-демократа», приняли характер «антигвоздещины». 31 января 1916 г. на собрании уполномоченных от 79 больничных касс ликвидаторы позорно провалились. Собрание отвергло предложение гвоздевцев, чтобы уцелевшие от преследований царской охранки члены рабочей группы Страхового совета добровольно сложили свои полномочия, отвергло и предложение отложить выборы. Выборы состоялись, и из 11 мандатов в рабочую группу большевики получили 10.²

В 1916 г. революционная борьба рабочих нарастала с еще большей силой, нежели летом и осенью 1915 г. Выросло общее число стачек. В 1916 г. по всей стране было 1272 стачки — на 26% больше, чем в 1915 г. В этих стачках участвовало 957,9 тыс. рабочих — на 82% больше общего числа забастовщиков в 1915 г. Стачки стали упорнее и продолжительнее. На 150% выросло число забастовочных дней на каждого рабочего. В 1915 г. каждый участник забастовок в среднем бастовал 3,4 дня, а в 1916 г. 4,8 дней. Стачечное движение захватило ряд новых районов страны.

¹ Вопросы страхования, 1916, № 1 (50).

² Ф. А. Романов, ук. соч., стр. 128.

Петроград попрежнему был крупнейшим центром стачечного движения. В 1916 г. в Петрограде было 352 стачки (27% всех стачек в стране), в которых участвовало 361,9 тыс. рабочих (около 38% общего числа забастовщиков страны).

Остановимся прежде всего на экономических стачках.

Экономические стачки составили 45% всех стачек 1916 г. в Петрограде, и в них участвовало 33% общего числа бастовавших рабочих. Число стачек и участников их заметно выросло сравнительно с 1915 г.: рост разрухи и голода, особенно остро сказавшийся в Петрограде, и общий подъем рабочего движения, усиление и укрепление влияния большевистской партии среди рабочих масс — вот что определило дальнейшее развитие экономической борьбы. Менее массовые, сравнительно со стачками политическими, экономические стачки тем не менее свидетельствуют о напряженной борьбе петроградских рабочих с капиталистами и царскими властями. Стачки более или менее равномерно распределены по всему году. Борьба была упорной, на ряде заводов забастовки в течение года возникали по нескольку раз, и многие стачки были продолжительными. Забастовка на «Новом Лесенере», начатая 17 марта инструментальщиками, 21 марта охватила весь завод (6100 рабочих). В этот же день администрация завода объявила локаут. Большевики завода в специальной листовке призывали рабочих к стойким и организованным действиям. Забастовка продолжалась до 1 апреля. 15 апреля забастовала новояридная мастерская Невского судостроительного и механического завода. 19 апреля, в ответ на увольнение забастовщиков, к стачке присоединился весь завод (6200 рабочих). 23 апреля был объявлен локаут. Несмотря на карательные меры (отправка части военнообязанных в дисциплинарные батальоны) и попытки штрейкбрехеров из служащих завода пустить завод в ход, стачка продолжалась до 4 мая и окончилась победой рабочих. С 15 мая по 2 июня продолжалась стачка на заводе акционерного общества «Соединенные кабельные заводы». С 20 мая по 7 июня — на Петроградском металлическом заводе (где власти пытались было заменить рабочих солдатами). Примеры такого рода можно было бы умножить.

Борьба за повышение расценок, за повышение заработной платы вообще была одним из основных мотивов экономических стачек. Во многих случаях она кончалась победой рабочих. 18 января 1916 г. после трехдневной забастовки добились увеличения заработной платы на 20% рабочие завода Айваз. 15 февраля окончилась победой стачка рабочих Североткацкой мануфактуры — заработная плата была увеличена на 25%. В феврале добились полного или частичного удовлетворения своих требований рабочие Металлического завода, Новой бумагопридильной мануфактуры, староткацкой и повоткацкой фабрик Российской бумагопридильной мануфактуры, Путиловской верфи, «Треугольника» и др. Случай такого рода имели место и в дальнейшем.

Характерной чертой экономических стачек 1916 г. является втягивание в них все новых и новых слоев рабочего класса, до тех пор не принимавших участия в забастовочном движении. Показательна в этом отношении стачка трамвайщиков.

Трамвайщики не бастовали с 1912 г. 19 января 1916 г. около 2 тыс. рабочих всех трамвайных парков прекратили работу. 23 января к ним в знак солидарности примкнули рабочие городской электростанции. Прокламация Петербургского комитета, выпущенная по поводу этой стачки, подчеркивала, что причиной стачки было невыносимое положение трамвайщиков. Стремясь к извлечению все больших и больших барышей, «отцы города» «все время старались усилить эксплуатацию труда и вместе с тем удержать заработную плату на самом низком уровне. . . даже все возрастающая дороговизна не заставила городскую администрацию прислушаться к требованиям рабочих: ряд петиций, поданных ими в Городскую управу, остался без всяких последствий. Домовладельческая Городская дума, несмотря на все либеральные речи, говорившиеся в ее стенах болтунами „левее октябристов“, проявила свою настоящую классовую сущность и в ответ на справедливые требования рабочих только оскалила зубы хищника-эксплоататора». Трамвайщики предъявили 14 требований, главнейшими из которых явились прибавка 50% заработной платы, введение медицинской помощи, признание института старост, введение расчетных книжек. По призыву Петербургского комитета рабочие ряда столичных заводов организовали денежные сборы для создания фонда помощи бастующим. Городские власти, опираясь на охранку и полицию, пытались сорвать стачку; однако им это не удалось. Характерно, что две предыдущих стачки трамвайщиков, организованных в 1907 и 1912 гг., как отмечает листовка Петербургского комитета, «совместными усилиями городских „деятелей“, полиции и организованных ею штрейкбрехеров», были сорваны. В 1916 г., опираясь на поддержку рабочих столицы, трамвайщики одержали победу.

Рост классовой солидарности, к которой так настойчиво призывали большевики и которая так ярко проявилась при проведении стачки трамвайщиков, вообще характерен для стачек 1916 г.

Весьма показательна в этом отношении февральская стачка путиловцев. Она началась как стачка электрического цеха, рабочие которого 4 февраля предъявили требования об увеличении заработной платы на 70%. Когда же 5 февраля командующий войсками округа Туманов пригрозил отправить забастовщиков на фронт, в тот же день забастовал весь завод. Собравшись на митинге, путиловцы приняли предложенную большевиками резолюцию, в которой заявили, что они «в количестве свыше 20 тысяч человек вновь восстали на защиту всего рабочего класса» и что выступление их «встретит поддержку всего рабочего класса Петербурга». В дальнейшем, в ответ на приказ Туманова об увольнении всех рабочих завода и отправке всех военнообязанных рабочих на фронт, состоялась забастовка на заводах Нобеля, «Новый Айваз», «Старый» и «Новый Лесснер», Парвайнен, Металлический и др. Забастовки эти были организованы Петербургским комитетом большевиков, который обратился к рабочим столицы с призывом присоединиться к путиловцам. «Дело путиловских рабочих — дело всего петербургского и российского пролетариата, — писал Комитет в листовке по этому

МАНИФЕСТЪ

Россійской Соціально-Демократической Рабочей Партіи

Ко всемъ гражданамъ Россіи.

Прочитайте вслѣдъ стрѣль, соединившись!

Граждане! Твердыня русскаго царизма пали. Благословенные царскія шайки, построенныя на костяхъ народа, рухнули. Слова въ рукахъ воюющаго народа. Часты революціонныя войска стали на сторону воюющихъ. Революціонный пролетаріатъ и революціонныя арміи должны спасти страну отъ окончательной гибели и края, который приготовила царское правительство.

Гражданинъ услажен, кроме и жизни русской народъ страдалъ съ себя вѣковыя рабства.

Задача рабочаго класса и революціонной арміи состоитъ **Временное Революціонное Правительство**, которое должно встать во главѣ новаго кардинальнаго республиканскаго строя.

Временное революціонное правительство должно взять на себя сознаніе временноя законодателя, ликвидировать всѣ права и обязанности царя, ликвидировать министерства, ликвидировать кабинетскую и уѣздную землю и передать къ народу, ликвидировать 6-часовой рабочий день и созвать всенародную собраніе на основіи всеобщаго, прямого, равнаго избирательнаго права съ тайной подачей голоса.

Временное революціонное правительство должно взять на себя задачу немедленнаго обезпеченія продовольствія населенія и арміи, а для этого должны быть конфискованы всѣ полныя запасы, леготомленные прежнимъ правительствомъ и городскимъ самоуправленіемъ.

Гидра реакціи можетъ еще водить свою голову. Задача народа и его революціоннаго правительства поднять всѣми противонародными контръ-революціонныя замыслы.

Немедленная и неотложная задача революціоннаго правительства войти въ союзы

съ пролетаріатомъ воюющихъ странъ для революціонной борьбы народовъ вслѣдъ стрѣль противъ своихъ угнетателей и поработителей, противъ царскаго правительства и капиталистическаго класса и для немедленнаго прекращенія кровавой империалистической войны, которая каткомъ поработила народы.

Рабочіе фабрикъ и заводовъ, а также воюющіе войска должны немедленно выбрать своихъ представителей во временное революціонное правительство, которое должно быть создано подъ охраной воюющаго революціоннаго народа и арміи.

Граждане, солдаты, моряки и матросы! Вслѣдъ за борьбу! Къ открытой борьбѣ съ царскою властью и ея прислужниками!

Во всей Россіи поднимается красное знамя воюющихъ. По всей Россіи борете въ свои руки дѣло свободы, свергайте царскія колюшныя знамена созданы на борьбу.

По всей Россіи по городовъ и селамъ создайте правительства революціоннаго народа.

Граждане! Протестомъ, дружнымъ усиліемъ воюющихъ на фронтахъ народнолюбиваго копей стрѣльбой на революціоннаго соединеніи!

Впередъ! Воюйте истре! Исполняйте борьбу!

Подъ красное знамя революціи!
Да здравствуетъ демократическая республика!
Да здравствуетъ революціонный рабочий классъ!

Да здравствуетъ революціонный народъ и воюющіе арміи!

Центральный Комитетъ Россійской Соціально-Демократической Рабочей Партіи.

Манифестъ ЦК РСДРП отъ 26 февраля 1917 г.

поводу. — Забастовка протеста съ требованіемъ отмены приказа Туманова — вот оружіе, которое долженъ взять рабочий классъ Петербурга. Только революціонное выступленіе, опирающееся на классовую солидарность и непоколебимую организационную стойкость рабочихъ массъ, можетъ привести къ побѣдѣ.

Исторія повторилась въ концѣ февраля. 17 февраля началась экономическая забастовка некоторыхъ мастерскихъ Путиловскаго завода. 22-го остановился весь завод. 23 февраля заводууправленіе объявило новый локуат, а Тумановъ приказалъ

призвать на военную службу свыше 2 тыс. рабочих (в числе их был мобилизован видный большевик-путиловец Иван Газа). В ответ Петербургский комитет обратился к рабочим столицы с призывом ко всеобщей забастовке. 29 февраля она началась и продолжалась до 3 марта. В общей сложности, как сообщает в своей листовке Нарвский районный комитет большевиков, в ней приняло участие свыше 100 тыс. рабочих нескольких десятков фабрик и заводов.

В результате этих организованных большевиками пронизанных идеей классовой солидарности выступлений петроградского пролетариата сорвана была кровавая расправа царских властей с путиловскими рабочими (отправка забастовщиков на фронт была осуществлена только частично, предотвращена задуманная правительством милитаризация столичных заводов).

Февральские забастовки путиловцев ярко свидетельствуют и о другой особенности стачечного движения 1916 г.: интенсивном перерастании экономической борьбы в борьбу политическую. Стачка 4 февраля началась с предъявления требования о повышении заработной платы. Но уже резолюция, принятая путиловцами 5 февраля, повторяя экономические требования, содержала ярко выраженные политические призывы. «Вступая в экономическую борьбу с капиталистами, — гласит резолюция, — мы ни на минуту не забываем, что кроме буржуазии у нас есть и другой заклятый враг — это царское правительство». Резолюция выдвигала политические лозунги (демократическая республика, конфискация помещичьих земель, 8-часовой рабочий день) и присоединялась к решению Петербургского комитета Российской социал-демократической рабочей партии «противопоставить мобилизации реакционных сил — мобилизацию пролетарских сил для второй российской революции». Стачка солидарности с путиловцами, организованная вслед за тем Петербургским комитетом большевиков, была объявлена как политическая стачка-протест. Лозунгами ее, провозглашенными в листовках Петербургского комитета, были: «Долой произвол царских наемщиков! Долой романовскую монархию! Да здравствуют пролетарская солидарность и классовая борьба. Да здравствует революционный Петроград и Российская социал-демократическая рабочая партия!». Успех стачки-протеста свидетельствовал о том, что почва для интенсивного развертывания политической борьбы во многом была уже подготовлена. Пройдя суровую школу экономической борьбы, даже отсталые слои петроградских рабочих (из тех, кто лишь в годы войны поступил на фабрики и заводы) начинали в ряде случаев поддерживать политические выступления кадрового пролетариата.

Усилия партии большевиков были направлены на дальнейшее развертывание этого процесса. Так, в листовке, содержащей призыв к однодневной политической стачке в годовщину Левянского расстрела, Петербургский комитет напоминает рабочим Петрограда о грандиозном значении политических стачек в истории рабочего движения и подчеркивает, что «массовые экономические стачки летом 1910 и 1911 гг. явились предвестником нарастающего оживления». В июньской листовке, озагла-

ленной «Стачечное движение и задачи момента», Петербургский комитет, напоминая, что в ряде случаев — в сентябре 1915 г., в феврале 1916 г. — экономическое движение уже «обнаруживало вскоре политическое содержание», призывал петроградских рабочих преодолеть имеющее место стихийность и распыленность движения, «внести сознание и планомерность в стачечную борьбу и... втянуть в схватку с организованным капиталом весь пролетариат». Листовка гласила: «Из экономической борьбы с капиталом в стенах фабрик и заводов движение должно превратиться в борьбу широко политическую, в борьбу за власть, в гражданскую войну».

Политические выступления рабочих сопровождали напряженную экономическую борьбу и в дальнейшем. Годовщина Ленского расстрела была отмечена стачками 8 тыс. рабочих четырех заводов. 1 мая, совпавшее в 1916 г. с воскресеньем, когда многие предприятия не работали, было отмечено забастовками на некоторых работавших предприятиях, а также загородными митингами.

Наибольшей остроты политические выступления рабочих достигли в октябре 1916 г.

Положение трудящихся Петрограда к октябрю 1916 г. стало особенно тяжелым. «Непомерные и все растущие тяготы войны, — писал Петербургский комитет в начале октября в инструкции партийным работникам, — требующие от населения все новых и новых жертв, политическое бесправие и гнет, давящие как никогда в эти дни общего расстройтва жизни страны, — все это рождает глухое недовольство масс». Недовольство масс выразилось в ряде стихийных возмущений и крупных продовольственных беспорядков. Задачей петроградских большевиков и являлось — направить это недовольство тяготами жизни, растущей дороговизной, обременительными налогами на путь революционной борьбы. Было решено провести большую митинговую кампанию, причем не только на заводах, но и за пределами их, которая разъяснила бы массам, что «вопрос о дороговизне тесно связан с борьбой за демократическую республику и скорейшее прекращение войны».

Листовка Петербургского комитета, выпущенная 12 октября 1916 г. в 4 тыс. экземпляров, явилась началом разъяснительной кампании. Листовка подчеркивала, что продовольственный кризис, отсутствие продуктов первой необходимости, непомерно растущая дороговизна, полное расстройство хозяйственной жизни страны — все эти неизбежные результаты империалистической войны могут быть преодолены лишь организованной политической борьбой. Листовка разъясняла, что только борьба против империалистической войны, против всей системы насилия и хищничества, только свержение царизма и эксплуататоров может спасти трудящихся от надвигающегося голода, нищеты и вырождения. Начиная с 14 октября, на заводах проходили массовые митинги. 17 октября забастовали крупнейшие заводы Петрограда. На одной Выборгской стороне бастовало свыше 20 тыс. рабочих. 18 октября число забастовщиков достигло 43 тыс., а 19 октября — 70 тыс.

Волынский полк. Фотография 1917 г.

20 октября по сигналу Петербургского комитета большинство заводов возобновило работу, а 21 октября стачка прекратилась. Октябрьская политическая стачка сопровождалась массовыми демонстрациями. Особенно значительными они были на Выборгской стороне, где произошло несколько столкновений рабочих с войсками и полицией. Характерно, что в эти дни солдаты 181-го пехотного запасного полка, стоявшего на Выборгской стороне недалеко от завода «Новый Леснер», перешли в значительной своей части на сторону рабочих. Однако большая часть солдат петроградского гарнизона еще колебалась и не решалась открыто выступить против царизма. Восстание пролетариата было еще преждевременным. Поэтому Петербургский комитет большевиков призвал рабочих возвратиться к станкам «с тем, чтобы покинуть их снова, чтобы всеобщей стачкой в союзе с армией повести последний штурм за низвержение самодержавия».

26 октября стачка возобновилась с новой силой. В этот день начался царский суд над революционными матросами Балтийского флота. Петербургский комитет большевиков в своей листовке призвал рабочих к стачке протеста против расправы с матросами. Листовка поясняла, что «особенно важно протянуть руку товарищеской помощи нашим товарищам из армии», и призывала к единению револю-

ционного пролетариата с революционной армией. Стачка продолжалась с 26 по 29 октября, выливаясь в ряде случаев в массовые политические демонстрации. Всего за эти дни бастовало 130 тыс. рабочих. Стачка протеста против расправы над революционными матросами и солдатами существенно способствовала складыванию союза рабочих и солдат. Испуганные грандиозным размахом этой стачки, царские власти не решились провести намеченный ими локдаун ее участников.

Октябрьские политические стачки явились показателем выросшей силы и организованности рабочего класса, яркой зарницей надвигающейся революции.

Подъем революционной борьбы рабочих нашел свое отражение среди солдатских масс Петроградского гарнизона. Предметные уроки казармы и окопной жизни способствовали росту антивоенных настроений среди солдат. Эти настроения были сильнее или слабее — в зависимости от более значительной пролетарской прослойки среди солдат, от большего или меньшего преобладания искусственно подобранного крестьянства отсталых, наименее втянутых в политическую жизнь районов страны, от большей или меньшей налаженности партийной работы в данной воинской части, — но они имели место почти во всех частях петроградского гарнизона, с каждым годом войны становясь все сильнее и сильнее. Они привели к массовым протестам и прямым выступлениям против царских властей.

Наиболее примитивной, стихийной формой этих протестов были жалобы на притеснения со стороны офицеров или унтер-офицеров, характеризующие недовольство солдат дикой казарменной муштрой. Характерно в этом смысле «прошение» ратников учебной команды Преображенского полка, направленное, повидимому, командиру полка. Ратники просили: «Мы все желаем лучше на позицию, нежели здесь нас мучить. У нас не учение, а мучение. . . Когда придет из обеда или из ужина, то нас. . . разов сто посадят, да разов сто положат, так что некоторые уже до того изнемогут, что упадут, то они после этого еще того, который упадет, ставят под

*Руководитель восстания в Волыском полку
27 февраля 1917 г. Т. Н. Карпенчиков.*

винтовку»¹ и т. д. В данном случае преобразенцы, среди которых преобладали особенно отсталые по уровню политического сознания крестьяне, свое недовольство казарменной муштрой выражали в форме наивной жалобы полковому начальству. Эта жалоба свидетельствует о том, что даже среди самых отсталых солдат кохилось глухое недовольство армейским бытом.

Более определенно звучит недовольство солдатским бытом в заявлении солдат 1-го пехотного запасного батальона (апрель 1916 г.). Заявление это напоминает запись требований, предъявляемых забастовщиками во время экономической стачки. Подобное сходство вряд ли случайно: 1-й пехотный запасный батальон, квартировавший на Охте и синскавший у охранки славу одного из самых революционных, был укомплектован в значительной мере рабочими и ремесленниками, для которых экономические стачки с соответствующими требованиями были делом привычным. Действительно, солдаты жаловались на то, что им не выдают на руки денег за несъеденный хлеб, за работы по расчистке железных дорог, что табак и чай отпускают не по норме и т. д.²

Нередко недовольство солдатским бытом выражалось в различных дисциплинарных поступках: в пререканиях с офицерами, в невыполнении приказаний и т. д. Резкой формой проявления недовольства были случаи убийства офицеров. Весьма показательны в этом отношении дело ратника 1-го пехотного запасного полка Боброва. Крестьянин по происхождению и человек уже не молодой (родился в 1883 г.), побывавший на фронте и дважды раненый, Бобров не вынес тяжести казарменного режима и убил подпрапорщика. Бобров заявил: «Пушай этого человека не будет, а я преступник. . . Меня никто не подговаривал. Я сам задумал отомстить. . . Вы все. . . только нашего брата обижаете, а мы все одна семья».³ Таким образом, Бобров выступает в роли мстителя от лица всей угнетенной солдатской массы: типичная еще для крепостной эпохи форма борьбы с угнетателями, борьбы героической (как отмечал в свое время Герцен), но стихийной.

Много стихийного было и в солдатском отношении к войне. Это отношение выражалось и в огромном росте побегов, и в многочисленных «самострелах», и типичных для солдатских писем жалобах на войну и, наконец, в массовых отказах выступить на передовые позиции. Все это были старинные солдатско-крестьянские, стихийные формы протеста и борьбы, свидетельствовавшие, однако, о громадном росте недовольства и возмущения войной в самых широких солдатских кругах.

В годы первой мировой войны, когда крестьянин-солдат стал особенно близко соприкасаться с рабочим, разъяснительная работа большевиков оформляла это стихийное возмущение в сознательную борьбу против империалистической войны.

¹ ЦГВИА, ф. 38, д. 358, л. 1.

² М. И. А х у н и В. А. П е т р о в. Петроградский гарнизон и Северный фронт в годы империалистической войны. Красная летопись, 1927, № 3.

³ Филиал ЦГВИА, ф. 100, 1916 г., д. 9.

В солдатских письмах явно чувствуется начало нового, сознательного отношения к войне. Многие солдаты не только жалуется на войну, не только возмущаются начальством, но уже пишут, что «начальство нужно разбить», что «нет в мире такой страны, как наша Россия, где мог быть такой произвол и беззаконие», что Николай II — кровоопийца, изверг, мерзавец, паршивый парижка, что самодержавие «будет разрушено» и т. д. Солдаты пишут: «Больше нас интересует не война, а наша внутренняя жизнь... Теперь только для всех стало ясно, насколько хорошо наше правительство и на что оно способно». И даже приходит к знаменательному выводу: «...соединимся все, чтобы не дать нам погибнуть». Таким образом, в голосах из окопов звучат уже ноты политического сознания.¹

Понятно поэтому, что призывы большевиков к единению солдат и рабочих и к совместной борьбе против империалистов и самодержавия все глубже и глубже западали в солдатское сознание. Уже в 1915 г. кровитатские жандармские сводки доносили, что «войска в настоящее время против рабочих не пойдут и помогут разделаться с правительством». В мае 1916 г., по словам аналогичной сводки, «во втором запасном батальоне в Петергофе среди нижних чинов высказывается недовольство войной, нижние чины уверяют, что в скором времени неминуемо должно возникнуть восстание и если войска будут вызваны... то... не будут стрелять по восставшим».² Из приведенных сообщений наиболее замечательно первое: среди солдат уже начались разговоры о том, что в случае восстания солдаты помогут рабочим разделаться с правительством. Здесь уже налицо начало осуществления гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции.

Совершенно очевидно, что перелом в солдатском сознании явился результатом пропаганды большевиков.

Из солдатских писем мы знаем, например, что в Кексгольмском полку «охотно читают листки и просят доставить им почаще». Более того. «Наша группа, — пишет солдат, — поручила мне послать Вам, рабочим — борцам за свободу, братский привет. Верьте, братцы, близок час, когда мы, солдаты, станем с вами за одной баррикадой, борясь с одним врагом — самодержавием». Солдат 2-го гвардейского запасного батальона писал: «Были у нас рабочие листки, начальство озлилось, пугает больно: повесим первого попавшегося, а мы, солдатики, знаем свое дело и потихоньку почитываем листки, где рабочие пишут всю правду-матку о войне и наших муках. Скорее бы, товарищи, нам подняться на борьбу с царем Николаем».³

Рост политического сознания солдатской массы не замедлил проявиться в действительной форме. Уже в сентябре 1915 г., судя по жандармской сводке, опол-

¹ О. Чаадаева. Армия накануне февральской революции. М.—Л., 1935; М. И. Ахун и В. А. Петров. Голоса из окопов. Красная летопись, 1928, № 1.

² М. И. Ахун и В. А. Петров. Петроградский гарнизон в Северный фронт в годы империалистической войны, стр. 177.

³ Красная летопись, 1924, № 2, стр. 149.

ченцы отказались стрелять в рабочих. 9 января 1916 г. солдаты участвовали в рабочей демонстрации. «Социал-демократ» сообщает об этом следующие подробности: «Во время многочисленных демонстраций в день 9 января были случаи встречи демонстрантов с солдатами. Так, по Выборгскому шоссе рабочие встречались с моторными обозами, везшими солдат. . . При виде красных знамен солдаты снимали шапки и кричали „ура“, „долой войну“». В демонстрации 10 января на Большом Сампсониевском проспекте участвовало 300—400 солдат, «что действовало на полицию успокоительно». Демонстранты пели революционные песни, были речи и крики «долой войну».¹ Из жандармских сводок видно, что этой демонстрации ожидали и некоторые другие воинские части, в которых были распространены прокламации Петербургского комитета.

Еще более значительным было выступление солдат 181-го пехотного запасного полка в октябре 1916 г. Как уже отмечалось выше, полк этот, расположенный на Выборгской стороне близ завода «Новый Лесснер», имел в своем составе значительное количество мобилизованных петроградских рабочих. Когда во время забастовки 17 октября 1916 г. против казарм полка произошло столкновение между рабочими и полицией, солдаты, по словам «Социал-демократа», «стали бросать в полицию камни, потом сломали забор казармы и высыпали на улицу. Произошла свалка, были опрокинуты два вагона конки. . . Выступил с революционной речью какой-то прапорщик». В этом выступлении участвовала только часть солдат. Остальные, запертые в казармах, ничего не знали. Характерно, что даже солдаты учебной команды полка, вызванной для подавления волнений, заявили, что стрелять в солдат не будут и, действительно, «на трехкратное „пли!“ опустили ружья вниз». Не стреляли и вызванные казаки. Характерно также, что солдаты просили рабочих продолжать забастовку.² Однако стихийно возникшее выступление солдат не получило организации и в дальнейшем. Вечером солдаты вернулись в казармы, и вскоре полк был выведен из Петрограда.

Отмеченные выше выступления солдат свидетельствовали о том, что в ряде воинских частей, особенно там, где число мобилизованных рабочих было наиболее значительно, где вследствие особенностей квартирного расположения и караульной службы связи с петербургскими рабочими были наиболее постоянны и где лучше была налажена большевистская пропаганда, уже назрели все условия для перехода солдат на сторону революционного народа. Иное было в некоторых гвардейских полках, например в Преображенском полку, где за несколько дней до Февральской революции не нашли другого выхода из своего положения, как обратиться с наивной жалобой к полковому начальству. Приблизительно на том же уровне политического сознания находились казаки, которые даже и в февральские дни в большинстве случаев дальше нейтралитета не шли. Наконец, военные учи-

¹ Социал-демократ, 1916, № 53.

² Там же, № 57.

Баррикада на Литейном проспекте у здания окружного суда 27 февраля 1917 г. Фотография.

лица и школы праворщиков за все время войны не дали ни одного революционного выступления; критика царизма с позиции буржуазии была — если не говорить о немногих исключениях — крайней степенью политических настроений юнкеров.

Когда в февральские дни руководимые большевиками рабочие столицы подняли и направили солдат на общую борьбу с царизмом, большая часть гарнизона в каких-нибудь три дня перешла на сторону революционного народа, увлеченная за собой всех колеблющихся и нейтральных солдат. Только единичные специальные части — самонатчки в частности и военные училища — остались верны царизму до момента его капитуляции. Причина столь быстрого перехода подавляющей массы солдат на сторону народа крылась в том, что народная по своему составу армия стала народной и по духу, армией, для которой стала священной только одна война — война за мир, хлеб и свободу.

1917 год принес дальнейшее обострение классовых противоречий в стране, дальнейший рост нищеты и бедствий трудящихся масс, дальнейшее повышение революционной активности народа. Волновалась деревенская беднота. Произошел ряд солдатских восстаний на фронте и в тылу. Весь народ поднимался против ненавистного царского строя.

Пролетариат возглавлял революционную борьбу народа. В январе 1917 г. стачечное движение в стране достигло исключительного размаха — всего бастовало 500 тыс. рабочих, больше, чем в январе 1905 г., в начале первой русской революции, когда бастовало 440 тыс. чел.¹

Значительным было стачечное движение в Петрограде. Экономические забастовки прошли на заводах Лангензипен, Невском судостроительном и механическом, воздухоплавательном Русско-Балтийского общества, Александровском механическом, Обуховском, Путиловском и ряде других крупнейших предприятий. В забастовках участвовали тысячи рабочих.

Но особенно большой размах приобрела политическая борьба столичного пролетариата.

Еще в конце декабря Петербургский комитет начал подготовительную работу к проведению однодневной стачки в годовщину 9 января. В начале января большевики организовали на ряде заводов собрания и митинги с призывами к однодневной забастовке и демонстрациям в день 9 января 1917 г. Настроение рабочих было приподнятое. Охранное отделение с тревогой докладывало 5 января, что «настроение в столице носит исключительно тревожный характер», что «все ждут каких-то исключительных событий и выступлений», что «идея всеобщей стачки со дня на день приобретает новых сторонников и становится популярной, какой она была в 1905 г.».

Политическая стачка 9 января 1917 г. прошла в Петрограде с большим успехом. В ней участвовало около 200 тыс. рабочих (по данным охранки, преимущественным, бастовало 114 предприятий с 137,5 тыс. рабочих, т. е. на 59 предприятий и 66,8 тыс. рабочих больше, чем 9 января 1916 г.). Характерно, что некоторые предприятия в этот день забастовали впервые после 1905 г. На ряде крупнейших заводов были проведены митинги, после которых рабочие с красными флагами вышли на улицу. На Выборгском шоссе к рабочим присоединились солдаты.

Царские власти усиленно готовились к кровавой расправе с надвигающейся революцией. В боевую готовность была приведена полиция и жандармский дивизион — всего до 3,5 тыс. чел. Полицию вооружили пулеметами. Пулеметы были расставлены на крышах и чердаках домов в тех районах и пунктах, где ожидалось наибольшее скопление демонстрантов. В февральские дни один только запасный батальон Кексгольмского полка снял в районе Невского и Морской 16 полицейских пулеметов. На крышах Зимнего дворца, Главного штаба и других

¹ Ф. А. Романов, ук. соч., стр. 195.

*Здание Литовского клуба, сожженное в дни Февральской революции.
Фотография.*

правительственных зданий были установлены зенитные батареи, имевшие назначением обстрел улиц и площадей. Городовые снесно проходили курс стрельбы из пулеметов.

Была попытка подготовить к борьбе с рабочими и петроградский гарнизон. 5 февраля Петроградский военный округ был выделен из состава Северного фронта в самостоятельную единицу, а командующий войсками округа генерал Хабалов, подчиненный непосредственно военному министру, получил широкие полномочия. Штаб округа разработал план подавления восстания. Весь город был разбит на участки; каждый из полков гарнизона получал свой участок. Во всех важнейших пунктах — заводах, вокзалах, мостах — стояли усиленные караулы. Солдатам были выданы боевые патроны — по 200 штук на человека.

Хабалов открыто угрожал рабочим кровавыми расправами. 9 февраля он опубликовал обращение к рабочим, в котором обещал всякие выступления подавлять силой оружия. Продолжалась в январско-февральские дни расправа с последними остатками рабочих организаций. Власть решила покончить даже с рабочей группой военно-промышленных комитетов. 27 января члены рабочей группы ЦВПК были арестованы.

Перепуганные размахом революционного движения, либералы и эсеро-меньшевики всеми средствами старались удержать рабочих от революционных

выступлений. 10 февраля Милюков напечатал в кадетской газете «Речь» письмо к рабочим с призывом «не принимать участия в демонстрациях 14 февраля и оставаться в этот день спокойными». Соглашательские партии пытались направить рабочее движение в русло мирных демонстраций с лозунгом доверия Государственной Думе. На 14 февраля они назначили шествие рабочих к Таврическому дворцу, где в этот день должно было состояться открытие сессии Государственной Думы, с тем чтобы передать Думе петицию, выражающую доверие рабочих к ее деятельности. Меншевик Гвоздев даже пытался, впрочем без успеха, организовать сбор подписей под этой петицией.

Бюро ЦК большевиков предложило выступить против этой новой предательской кампании меньшевиков, которая была направлена на поддержку Думы и контрреволюционных либералов. Бюро ЦК предлагало местным организациям большевиков организовать в день открытия Думы демонстрацию революционных рабочих с лозунгами «долой войну», «долой самодержавие». Петербургский комитет в листовке, выпущенной 6 февраля 1917 г., разоблачал предательскую линию меньшевиков. Листовка заявляла, что не либеральная болтовня, а только лишь могучий удар демократии прекратит истязание народа. Листовка призывала к свержению царизма, к созданию временного революционного правительства рабочих и крестьянской бедноты, к прекращению войны. Комитет обращался с призывом отметить день 10 февраля однодневной забастовкой в знак готовности «отдать нашу жизнь в борьбе за лозунги, которые открыто звучали в устах наших сосланных депутатов».

Рабочие пошли за большевиками. Митинги, прошедшие на крупнейших заводах Петербурга, поддерживали лозунги большевиков. 5 февраля на митинге путиловцев толпы рабочих слушали оратора-большевика, призывавшего к прекращению захватнической войны. 9 февраля митинги состоялись на Трубочном, Кабельном заводах, на заводе Айваз. 10 февраля, в годовщину суда над фракцией большевиков в 4-й Государственной Думе, состоялись митинги на многих заводах. Было распространено 10 тыс. экземпляров листовок Петербургского комитета. Так как по случаю масленицы часть заводов вовсе не работала, а другие работали только до обеда, общую демонстрацию решено было отложить до 14 февраля.

Уже вечером 13 февраля, как сообщает статья «Ход событий», помещенная в первом номере «Правды», возродившейся после свержения царизма, на заводах проходили митинги под лозунгами Петербургского комитета. На митингах распространялась большевистская литература, было выдвинуто требование создания Временного правительства, указывалось «на необходимость встать на путь революционной борьбы».

Революционная часть студенчества также провела сходки — в Политехническом институте (500 чел.), Лесном институте, Психоневрологическом (800 чел.), на курсах Лесгафта и др. Эти сходки принимали резолюции Петербургского коми-

тета (Психоневрологический институт) и решения о проведении забастовок в день 14 февраля, собирали денежные средства на партийные организации.

14 февраля забастовало около 60 заводов, в числе их Путиловский, Обуховский, «Скороход», Айваз, оба завода Лесснера и др. По данным охраны, забастовало около 90 тыс. рабочих 58 предприятий. На многих заводах состоялись митинги. На митинге рабочих Обуховского завода ораторы выступали с призывами: «Да здравствует демократическая республика!», «да здравствует революция!».¹

Путиловцы, — рассказывает «Правда» в указанной статье, — вышли на улицу с двумя красными флагами (надписи: «Долой правительство», «Да здравствует республика», «Долой войну»). В результате — стычка с правительством и арест двоих. Столкновение с полицией произошло и у демонстрантов фабрики «Скороход». С пением

Ключ, которым восставшие войска открыли Николаевские ворота Петропавловской крепости.

революционных песен вышли на улицу рабочие «Нового Лесснера», Промета, «Старого Парнайнена» и др. Преодолевая сопротивление полиции и жандармов, рабочие прорывались к Невскому. «Народ вышел на Невский, — рассказывает «Правда», — и несколько раз, с пением „Марсельезы“ и „Вы жертвою пали“, прошел от Казанского собора до Садовой и обратно. . . Другая толпа образовалась у Аничкова моста и пошла к Николаевскому вокзалу с пением „Марсельезы“. Попытки полиции разогнать толпу не удавались. Несколько раз делались попытки арестовать демонстрантов, но толпа яростно отбивала их. Наконец были пушены в ход нагайки. Невский представлял из себя весь день военный лагерь». В демонстрациях на Невском приняли участие и революционно настроенные сту-

¹ ЦГИАЛ, фонд 1282, оп. 1, л. 1, л. 1.

денты, которые еще во втором часу дня на сходке в главном здании Университета решили поддержать рабочих.¹ Другая часть студентов, кадетско-соглашательская, решила пойти к Таврическому дворцу. «Обыватель, — сообщает «Правда», — заметно запрятался по квартирам».

Характерно, что уже 14 февраля имели место отказы воинских частей, например сотни 4-го Донского казачьего полка (посланной для карательных действий против коллиняских рабочих), выступать против рабочих.

Оценивая результаты событий 14 февраля, Петербургский комитет в специальной листовке отмечал провал меньшевистской затеи — организовать мирное шествие к Таврическому дворцу. «Ждать и молчать больше нельзя, — говорилось в листовке, — настало время открытой борьбы». Листовка еще раз призывала к свержению царизма и учреждению Временного революционного правительства для устройства российской демократической республики, проведения 8-часового рабочего дня, передачи всех помещичьих земель крестьянству. Листовка призывала к упрочению союза рабочих, крестьян и солдат в борьбе против царской клики.

Массовые забастовки и рабочие демонстрации проходили 14 февраля и в Москве. Революционный подъем нарастал.

18 февраля в лафетно-штамповочной мастерской Путиловского завода началась новая забастовка. Районный комитет большевиков решил поднять весь завод и присоединить к путиловцам другие предприятия района. Уже 20 февраля остановилось еще 4 мастерских, а 21 февраля бастовал весь завод. Власть ответила локаутом, объявленным 22 февраля. Но уже в этот день путиловцев поддержали объявлением забастовок рабочие ряда других заводов.

23 февраля был Международный женский день. По призыву большевиков возникли стачки и демонстрации. Бастовало 90 тыс. рабочих. На Выборгской стороне остановились, кроме двух казенных, все предприятия. Рабочие всех районов, в том числе 20 тыс. путиловцев, двинулись к центру города. Трамвайное движение было остановлено. Повсюду происходили митинги. «Митинг на Нарвской площади, — сообщает историк Путиловского завода, — не был похож на митинги прошлых лет. Ораторы не прятали лиц, не нахлобучивали чужих шапок на глаза. Они стояли прямо, оглядывая толпу из конца в конец. Открыто, смело бросали горячие слова, не боясь налетов полиции».² Полиция пыталась разогнать митинги и демонстрации, но в ряде случаев потерпела поражение. Международный женский день всколыхнул женщин-работниц. «Женщины были настроены очень воинственно, — рассказывает обозреватель «Правды». — Не только работницы, но масса женщин, стоящих в хвостах за хлебом, за керосином. Они устраивали митинги, они преобладали на улицах, двигались к Городской думе с требованием хлеба; они останавливали трамваи... Они являлись на фабрики

¹ ЦГИАЛ, фонд 1282, оп. 1, д. 1, л. 1.

² М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульяновский, ук. соч., стр. 578.

ского острова, вплоть до 26 февраля предпочитал направлять для борьбы с рабочими не солдатские команды, а подчиненные ему казачьи сотни.¹

Стремясь предотвратить переход солдат на сторону рабочих, царские власти пытались изолировать солдат. Однако известия о начинающейся революции проникали и в отгороженную от внешнего мира царскую казарму. Они будоражили солдат и самым сильным образом способствовали росту революционных настроений среди широких солдатских масс. Солдат Финляндского полка вспоминал об этом так: «Робкие, волнующие слухи долетали до нас и, как клещи, впивались в мозг и точили, точили его и сердце».² Еще более определенно пишет об этом солдат Измайловского полка: «В начале февраля по всему городу распространился слух, что... 14 февраля рабочие всех заводов решили выступить с политическими требованиями. Этот слух дошел и до нас, измайловцев, и пробудил в нашей среде массу живейших разговоров и споров... Все эти разговоры и споры в общем сводились к тому, что давно бы пора выступить против вековых порабощителей, а главное, надо поскорее прекратить эту кровавую войну... 24-го числа распространился слух, что 23-го забастовал Путиловский завод. Это известие снова подняло среди нас упавший было революционный дух».³ Слухи о начавшихся рабочих демонстрациях и перестрелках солдат с рабочими возбудили, по словам очевидца, и солдат Московского полка. «Солдаты начали тогда волноваться и обсуждать между собой, в среде наиболее надежных товарищей, вопрос о том, как присоединиться к революции».⁴

Так, уже одни только вести о выступлении рабочих — вести подчас не очень определенные и точные — вызвали подъем политического сознания солдат.

Отказ стрелять в рабочих был первым практическим проявлением политической позиции солдат, прямой переход на сторону рабочих — окончательным результатом.

Об отказе расстреливать рабочих солдаты договаривались уже в казармах. Так, когда 24 февраля финляндцы узнали о событиях в Петрограде и когда от них «были назначены солдаты на охрану... этим солдатам товарищи говорили: „ни под каким видом в толпу не стреляйте“, что те и выполнили».⁵ О том же вспоминает солдат Измайловского полка. Когда по вызову царских властей ушли в город учебная команда и кадровые солдаты полка, «многие из оставшихся солдат давали им такой наказ: „Смотрите, не стреляйте, а иначе мы вас расстрелием“».⁶ Решение — не стрелять в народ — было почти всеобщим среди петроградских солдат. Характерны в этом отношении воспоминания солдата Гренадерского

¹ Правда, 1917, № 27.

² Выступление лейб-гвардии Финляндского запасного полка. Там же.

³ Там же, № 14.

⁴ Дневник солдата. Там же, № 5.

⁵ В. Старков. Присоединение финляндцев. Там же, № 23.

⁶ Там же, № 14.

полка: «Были команды (солдат), которым нужно было исполнить приказание начальства и расстреливать... толпу... Но в душе каждого из нас сильно было сознание, что мы ни под каким видом не должны исполнить такого приказа, которое повлекло бы за собой смерть наших товарищей».³ Ни одного выстрела 26 февраля не сделали солдаты Семеновского полка — одного из наиболее отсталых в гарнизоне.² Никакого участия в подавлении революции не принял 180 пехотный запасный полк.³

Нежелание стрелять в народ определило в февральские дни и позицию казачьих полков. Об этой позиции «Правда» в обзоре «Ход событий» писала так:

«Казакки с самого начала относились нейтрально, разгоняли время от времени толпу, но репрессивных мер не принимали и отдельными частями присоединялись к рабочим. Так, они освободили человек 50 рабочих, загнанных полицией в один двор на Невском».⁴ Примером нейтральной позиции казаков является поведение сотни 1-го Довского казачьего полка. 25 февраля на углу Финского переулка и Нижегородской улицы эта сотня и приданный ей взвод драгун остановили демонстрацию рабочих Выборгской стороны. Но как только появившийся отряд конной полиции начал разгонять рабочих — и казаки и драгуны уехали. После этого рабочие успешно действовали против полиции.⁵ Случаев такого рода было много.

24 февраля вечером совещание, созванное Хабаловым, решило произвести массовые аресты большевиков, а также усилить гарнизон столицы надежными кавалерийскими частями из пригородов.

Но в этот же день вечером Бюро ЦК большевиков дало указание — развивать революционное движение.

25 февраля вышла листовка Петербургского комитета большевиков, призывавшая к открытой борьбе против царизма. «Все на борьбу! На улицу! За себя, за детей, за братьев!.. нас ждет верная победа! Все под красные знамена революции!». Одновременно была выпущена краткая листовка к солдатам, призывавшая их крепить братский союз революционной армии с народом.

В этот день и забастовке примкнули мелкие предприятия, типографии, трамвай. Даже Хабалов в своих успокаивающих допесениях в ставку должен был признать, что бастовало 240 тыс. рабочих. Забастовка стала всеобщей. У Казанского собора, на Знаменской площади и в других районах состоялись многотысячные митинги. По Невскому проходили сомкнутыми рядами, с красными знаменами колонны рабочих в несколько десятков тысяч человек. Было много столкновений

³ Там же, № 7.

² Там же, № 11.

³ Там же.

⁴ Там же, № 3.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 4282, д. 39, л. 157. Доконсание начальника петроградской охраны градоначальнику.

с полицией. У Аничкова дворца в жандармский разъезд была брошена ручная граната. У Литейного моста был убит полицмейстер Выборгской части. Войска попрежнему оставались нейтральны, отказывались выступать против рабочих (например, солдаты гвардейских полков отказались стрелять во время натиска толпы), а в отдельных случаях уже начинали поддерживать рабочих. У Казанского собора казаки в схватке с городовыми освободили группу арестованных рабочих. На Знаменской площади, когда полиция начала расстреливать демонстрацию рабочих, казаки дали залп по полицейским и обратили их в бегство. Во время митинга на площади один из казаков передал оратору записку, в которой говорилось: «Товарищи, казаков не бойтесь, казаки будут с вами вместе».

Вечером Хабалов получил телеграмму царя с требованием «прекратить с завтрашнего дня всякие беспорядки на улицах столицы». Начальники полицейских участков и командиры воинских частей получили приказ действовать беспощадно. Составляли грозное обращение к рабочим — возобновить работу. Ночью было арестовано много рабочих, в том числе 5 членов Петербургского комитета большевиков. Но уже невозможно было предотвратить революцию.

Позиция большевиков в дни февральской революции была сформулирована в манифесте, составленном Бюро ЦК 27 февраля. Манифест, обращенный «Ко всем гражданам России». Он призывал революционных рабочих и солдат «спасти страну от окончательной гибели и краха, который приготовило царское правительство», призывал трудящихся всей страны к борьбе с силами контрреволюции и выдвигал задачу — создать Временное революционное правительство. «Рабочие фабрик и заводов, а также восставшие войска должны немедленно выбрать своих представителей во временное Революционное правительство, которое должно быть создано под охраной восставшего революционного народа и армии». Манифест определял и ближайшую программу деятельности революционного правительства. В «Письмах из далека» В. И. Ленин следующим образом оценивал значение манифеста: «...рабочие и солдаты призываются к организации вокруг Совета рабочих депутатов, к выбору представителей в него для борьбы против царизма за республику, 8-ми часовой рабочий день, за конфискацию помещичьих земель и хлебных запасов, а главное — за прекращение грабительской войны. При этом особенно важна и особенно злободневна та совершенно правильная мысль нашего ЦК, что для мира необходимы сношения с *протектариями всех воюющих стран*».¹ В автореферате «О задачах РСДРП в русской революции» Ленин пояснял, что под Временным революционным правительством манифест подразумевал Совет рабочих и солдатских депутатов, и определял направление, взятое манифестом, как единственную действительно социалистическую, действительно революционную тактику.²

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 23, стр. 312.

² Там же, стр. 348.

Во имя осуществления этой программы большевики подняли восстание против паризма. Бюро ЦК большевиков и Выборгский районный комитет, которому были переданы функции Петербургского комитета, возглавляли работу по организации восстания.

Попытки восстания были уже 26 февраля. В этот день снова колониями демонстрантов двинулись к центру города. Полиция и войска охраняли подступы к Невскому. «Город напоминает боевой лагерь». Демонстранты начали вооружаться. Большевики приступили к организации боевых дружин. Произошло несколько столкновений с полицией. В ряде случаев полицейские были разоружены. Однако оружия у рабочих было еще мало. На Знаменской площади полицейские расстреляли демонстрацию. К вечеру полиции удалось очистить от демонстрантов центр города.

В этот день ясно обнаружилось, что войска уже готовы перейти на сторону народа.

Характерны зафиксированные солдатом Финляндского полка заявления казаков относительно причин их отказа стрелять в народ 26 февраля на Васильевском Острове: «Возвращающиеся казаки спокойно заявляли, что ничего поделать не могут и что стрелять в народ они не смеют. „Рука не поднимается против своих“... „Ведь они хлеба хотят“, — заявляли некоторые из них. „Неужто нам быть палачами невинных людей“». ¹

В свете такого рода настроений, охвативших даже самых политически отсталых солдат (казаки, семеновцы), понятно, что царским властям удалось — да и то временно — использовать в борьбе против народа только отдельные, тонущие в общей массе, группы солдат. Это были главным образом учебные команды некоторых гвардейских полков, в частности Волынского, Павловского, Преображенского. Позднее один солдат характеризовал их как «забитые дисциплиной роты», которые «правительство не учило, а дрессировало, как собак». ² Но даже и в этих — наиболее забитых и дрессированных ротях и командах — являлись колебания. Так, когда 26 февраля учебной команде Волынского полка было приказано стрелять в толпу, «первые залпы были почти без поражений: солдаты, как по уговору, стрелили вверх». Только пулеметы, наведенные на рабочих офицерами, стрелили в цель. ³

События 25—26 февраля обнаружили нежелание большинства солдат стрелять в рабочих. Нужно подчеркнуть, что отказ солдат стрелять в рабочих был не только подготовлен всем ходом предшествующих событий, но и явился прямым результатом организованной партией борьбы за войско. Рассказывая о событиях 25 февраля, «Правда» отмечала: «Во многих местах, когда играет

¹ Правда, 1917, № 3.

² Выступление лейб-гвардии Финляндского запасного полка. Там же, № 29.

³ Заметка солдата о революционных днях. Там же, № 5.

⁴ История гражданской войны, т. 1, стр. 97.

рожок и солдаты прицеливаются, отдельные лица выбегают из толпы по направлению к солдатам и с криками „ура“ призывают их не стрелять и присоединиться к народу.¹ Важно отметить, что в этот день Петербургский комитет большевиков выпустил листовку, призывавшую солдат к братскому союзу с рабочими.

Борьба рабочих за войско 26 февраля имела и другой, более действенный результат: первые, еще весьма немногочисленные выступления солдат на стороне восставшего народа. Самое крупное из них — восстание солдат 4-й роты Павловского полка. Это была — как и 4-е роты других полков — рота эвакуированных, т. е. уже прошедших фронтную школу солдат, отличавшихся особой восприимчивостью к революционной пропаганде. Солдаты 4-й роты были возмущены участием учебной команды своего полка в расстреле рабочих на Невском проспекте. Они открыли стрельбу по городским. Не получив поддержки от других рот своего полка, солдаты 4-й роты были усмирены (при участии Преображенского полка). Характерно, что 21 солдат с оружием ушли к восставшим рабочим. Это был грозный предвестник массового перехода солдат на сторону народа.

27 февраля утром восстание разгорелось с новой, еще большей силой. Организованные большевиками боевые дружины дали руководящие кадры восстания. Сотни тысяч рабочих, вышедших на улицу, были его массовой армией. Рабочие вооружались.

Вооружение было массовым. По сообщению Главного артиллерийского управления, в дни революции «было взято из Петроградского артиллерийского склада и находится в руках рабочих и остального населения» 40 тыс. трехлинейных винтовок и 30 тыс. револьверов. Много оружия было — при помощи солдат — взято в воинских частях. Так, в Преображенском полку, по сообщению командира полка в дни революции было «утеряно» 500 винтовок и 5 пулеметов, в Самокатном батальоне — 2050 винтовок. В Запасном броневом автомобильном дивизионе «отобрано восставшим народом» 97 пулеметов, 834 револьвера. В частях 15-й бригады государственного ополчения «было отобрано разными лицами» 1474 берданки и т. д. Восставшие захватили свыше 2 тысяч снарядов и около 2 млн патронов.² В руки рабочих попало несколько броневиков и пушек. В февральские дни восставший народ был хорошо вооружен.

Но массовое вооружение рабочих означало в то же время разоружение и дезорганизацию войск контрреволюции, а также борьбу за переход колеблющихся солдат на сторону народа.

27 февраля стало днем массового перехода солдат на сторону народа.

При этом первыми восставали именно те роты, которые накануне были привлечены к участию в борьбе с рабочими. События 26 февраля оказали

¹ Правда, 1917, № 1.

² См. «Донесения воинских частей и управлений в Штаб Петроградского военного округа», ЦГВИА, ф. II, хозяйственное отделение, 1917 г., д. 12, т. 2.

Н. М. Свердлов. Фотография.

М. Н. Валентин. Фотография.

К. Е. Ворошилов. Фотография.

В. М. Молотов. Фотография.

на них огромное революционизирующее влияние. Солдат-очевидец вспоминал об этом так:

«Когда 26 февраля учебные команды Волынского, Литовского и других полков пролили кровь своих братьев — рабочих, их всю ночь мучала совесть; много злобы накопилось у них против своих командиров, приказавших стрелять.

«27 февраля, встав рано утром, товарищи солдаты сознали, что вчера они сделали грех и его сегодня нужно искупить».¹

Перелом солдатских настроений под влиянием попыток царских властей использовать воинские части для подавления восстания ярко охарактеризован в рассказе солдат Финляндского полка: «Узнав об этом (о попытках заставить финляндцев стрелять в народ, — *Ред.*), мы были глубоко возмущены и изволнованы, среди нас поднялся вначале глухой ропот, а затем уже определенные угрозы и даже волнение и, затая злобу в груди, мы все стали выжидать. Ночь была тревожной. Никто не спал. Собираясь в кучки, мы толковали, объясняли друг другу настоящее положение, требования восставшего народа, справедливость и правоту их дела.

«Мы видели, что спасение страны зависит от полного единения с народом, что необходимо свергнуть старое правительство вместе с верховным владыкой его — царем.

«При свете мерцающих фонарей на парах, собравшись кучками, мы долго говорили... доказывая товарищам, относившимся безразлично ко всему происшедшему...

«К утру вся наша рота была сагитирована».²

Некоторые из этих команд первыми подняли знамя восстания. Так, 27 февраля утром восстала учебная команда Волынского полка, накануне принимавшая участие в расстреле рабочих на Знаменской площади. Ее возглавил унтер-офицер Киричников. Первой присоединялась к учебной команде рота эвакуированных,³ а вскоре весь полк «присоединился к толпе», т. е. к рабочим.⁴

Борьба рабочих за войско и 27—28 февраля играла решающую роль. Во многих случаях, как, например, в Финляндском полку, солдаты, психологически уже готовые к выступлению, все же самостоятельно «не решались выступить... ожидали».⁵ Финляндский полк выступил только тогда, когда 28 февраля, по воспоминаниям очевидца, «подняла толпа рабочих с криками: „Выходи, товарищи“». Именно тогда солдаты сняли часовых, разобрали оружие, освободили арестованных и вышли на улицу.⁶ Та же толпа рабочих, уже объединенная с фи-

¹ Заметка солдата о революционных днях. Правда, 1917, № 5.

² Выступление лейб-гвардии Финляндского запасного полка. Там же, № 29.

³ История гражданской войны, т. I, стр. 101.

⁴ Дневник солдата. Правда, 1917, № 5.

⁵ Там же, № 29.

⁶ В. Старков. Присоединение финляндцев. Там же, №№ 23 и 30.

ляндцами, сняла солдат 180-го пехотного полка и 2-го Балтийского флотского экипажа.¹ Семеновцы, стоявшие на Загородном проспекте, по словам участника событий, 27 февраля «были готовы к выступлению на стороне восставшего народа», но выступили только в 8 часов вечера, когда пришла «толпа восставшего народа, которого мы с нетерпением дожидались». Первой здесь выступила пулеметная команда, которая «сейчас же выгнала и остальные роты». ² В выступлении измайловцев, которые тоже весь день 27 февраля все «ждали, ждали свободы», ³ решающую роль сыграли рабочие, организованные К. Е. Ворошиловым.⁴

Более подробно о борьбе рабочих за войско рассказывает солдат Гренадерского полка. Вначале к казармам с криками «выходи на свободу» подошла сравнительно небольшая толпа рабочих, ее встретили приветствиями и криками «ура». «Толпа первым делом спросила, где помещаются наши арестованные, и ей тотчас же поспешили указать». Таким образом, даже небольшая группа рабочих сразу возглавила многочисленную группу солдат. Народ освободил арестованных. Между тем «толпа все росла и все продолжала убеждать гренадер присоединиться к народу... „Выходите, товарищи, соединяйтесь с нами, довольно вам подчиняться вашим кровопийцам“. Когда толпа рабочих вышла на улицу и обнаружилось, что не все солдаты присоединились к ней, ибо некоторые «не решались открыто выступать за свободу», — «толпа снова вернулась». На этот раз гренадеры взломали двери цейхгауза, разобрали оружие и в полном составе (без офицеров) выступили «вместе с рабочими».⁵ Этот рассказ ярко свидетельствует о планомерной и настойчивой борьбе рабочих за колеблющееся войско. Как вспоминает старый питерский рабочий Кондратьев, Московский полк и некоторые другие части, квартировавшие на Выборгской стороне, присоединились к революции под прямым давлением рабочих.⁶

Наличие в солдатской среде довольно значительной группы рабочих и колебания основной массы солдат в сочетании с энергичной и умелой борьбой восставших рабочих за войско предопределили быстрый переход солдат на сторону народа. Если 27 февраля утром восстало 10 200 солдат, то вечером этого дня восстало уже 66 700, утром 28 — 72 200, вечером 28 — 127 000. 1 марта фактически весь гарнизон перешел на сторону восставших рабочих.⁷

Войска, собранные царским правительством для борьбы с революцией, таяли с поразительной быстротой. Так, когда 27 февраля днем командующий округом генерал Хабалов послал отряд под командованием Кутенова в направлении от

¹ В. Старков. Присоединение финляндцев. Правда, 1917, №№ 23 и 30.

² Присоединение семеновцев. Правда, 1917, № 11.

³ Выступление измайловцев. Там же, № 14.

⁴ К. Е. Ворошилов. (Краткая биография). Сталинград, 1935, стр. 12.

⁵ Как гренадеры присоединились к народу. Правда, 1917, № 7.

⁶ К о н д р а т ь е в. Воспоминания о подпольной работе. Красная летопись, 1923, № 6.

⁷ История гражданской войны, т. I, стр. 113.

Дворцовой площади к Таврическому двору, отряд этот буквально растворился в море восстания: солдаты перешли на сторону народа, а Футеев бежал.

Присоединяя к себе целые воинские части, восставшие рабочие возглавили и направили в русло организованной борьбы стихийно-революционную солдатскую массу. Красочно рассказывает об этом М. И. Калинин.

«Я работал у Финляндского вокзала в небольшой мастерской. Когда мы в толпе подошли к вокзалу, как раз в это время там появилась какая-то военная часть. Вокзальная охрана была разоружена в одно мгновение. Но толпа еще в нерешительности. Что же дальше? И солдаты кричат: — Где вожаки? Ведите нас. Я сам в нерешительности; я еще не знаю, куда может направиться эта сила и что сейчас, вот здесь, поблизости можно сделать. Для меня несомненно одно: надо сейчас же, не медля ни минуты, толкнуть на борьбу, ибо вся масса по существу переживает такое же состояние и ждет действия.

«Я поднялся на площадку вокзала и крикнул: — Если хотите иметь вождей, то, вои, рядом „Кресты“. Вождей надо сначала освободить.

«В один миг мысль подхвачена, расширена. Кто-то кричит: — Сначала освободим из военной тюрьмы...

«Отделяются отряды, появляются руководители. Мысль осуществляется в действие: одни направляются к военной тюрьме, другие — к „Крестам“.

«Рабочие вливаются в отряды: союз рабочего класса с крестьянством, за который столько лет боролся Ленин, осуществляется на деле».¹

Союз рабочих и солдат предопределил поражение всех враждебных революции элементов армии.

Офицеры, в своей массе настроенные контрреволюционно, 25—26 февраля пытались направить огонь солдат в ряды рабочих демонстраций, а когда это не удалось, — стреляли сами. 27—28 февраля, в дни солдатских восстаний, они были либо разоружены, либо в страхе разбежались. Только в отдельных случаях они пытались вооруженным сопротивлением остановить восставших солдат. Так было в Финляндском полку, где 28 февраля группа офицеров, засеявшая в офицерском собрании, открыла стрельбу по солдатам. Сопротивление ее было быстро подавлено: одни сдались, а другие в панике бежали.² Стреляли по солдатам и из офицерского собрания Петроградского полка, но и здесь солдаты быстро навести порядок.³ В целом офицеры оказались бессильными в борьбе с революционным народом.

Потерпела крушение и попытка царских властей использовать для борьбы с революцией военные училища и школы прапорщиков.

Подобно офицерам, кинера в своей массе занимали контрреволюционную позицию.

¹ М. И. К а л и н и н. За эти годы, книга третья. ГИЗ, 1929, стр. 432.

² Правда, 1917, № 30.

³ Выступление замысловцев. Там же, № 14.

Как только рабочее восстание начало разрастаться, как только солдаты начали примыкать к рабочим, юнкерские гвезды перешли на осадное положение. Военные училища Павловское, Владимирское и Топографическое вступили в соглашение и сговорились о единой программе действий. В Павловском училище 27 февраля были выставлены наблюдательные посты, офицеры задержаны при ротах, а пулеметы и все оружие перенесено в главное здание. Дежурная юнкерская часть не ложилась спать. Позднее, после победы революции, действия эти мотивировались «скоплением толп» и «неприятным» их отношением к военно-учебным заведениям. В действительности это было приведением в боевую готовность последних резервов контрреволюции.

Предупреждая контрреволюционное выступление юнкеров, рабочие и солдаты уже 27-го приступили к разоружению военных училищ и кадетских корпусов. Большие группы вооруженных рабочих и солдат, в некоторых случаях усиленные броневиками и пулеметами, окружали училище и требовали выдачи оружия и присоединения юнкеров к толпе. Значительное количество оружия (несколько сот винтовок и 8 пулеметов) было отобрано. Не желая присоединяться к восстанию, юнкера по приказу начальства разошлись по домам. Только 1 и 2 марта, когда победоносный исход революции был очевиден для всех, военные училища заявили о своем переходе на сторону Временного правительства.¹

Безнадежным оказалось и сопротивление революции, оказанное единичными подразделениями (учебная команда Московского полка) и частями (запасный самокатный батальон). Окруженные многочисленными и хорошо вооруженными отрядами рабочих и солдат, эти подразделения и части вынуждены были сложить оружие.

Так, петроградский гарнизон после недолгого колебания одних частей, после кратковременного сопротивления немногих других (юнкера, самокатчики) перешел на сторону восставших рабочих, способствуя тем низвержению царизма. Это было одним из проявлений гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции. Это явилось одним из условий победы буржуазно-демократической революции в России. В докладе «О задачах Р.С.-Д.Р.П. в русской революции» Ленин в качестве самого важного условия победы Февральской революции называет «глубокое и могучее пролетарское движение. Пролетариат делает революцию, требуя *мира, хлеба и свободы*, не имея ничего общего с империалистской буржуазией, и он повел за собой *большинство* армии, состоящее из рабочих и крестьян».²

Дезорганизуя вооруженные силы царизма, рабочие вместе с тем захватывали важнейшие командные пункты города.

¹ О позиции юнкеров в февральские дни см. донесения начальников военных училищ — филиал ЦГВИА, фонд 5 (Главное управление военно-учебных заведений), судная часть, 1917 г., № 3.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 23, стр. 347.

27 февраля Хабалов телеграфировал начальнику ставки Алексееву, что к вечеру восставшие «овладели большою частью столицы». Хабалов пытался еще сосредоточить в районе Зимнего дворца—Адмиралтейства ударный кулак. Однако 28 утром у Хабалова, как сам он сообщал в ставку, осталось только до 600 человек пехоты и 500—кавалерии. Хабалов сообщал далее: «Все вокзалы во власти революционеров, строго ими охраняются. Весь город во власти революционеров. Телефоны не действуют. . . Министры арестованы революционерами. . . Все артиллерийские заведения во власти революционеров». С переходом на сторону народа Петропавловской крепости положение Хабалова стало настолько безнадежным, что он прекратил сопротивление.

Попытки использовать для подавления восстания гарнизоны пригородов потерпели крушение еще накануне: гарнизоны один за другим присоединялись к восстанию. Не смог — захлестнутый волной всепародного восстания — добраться до столицы, а затем и перешел на сторону восстания и посланный с фронта карательный отряд генерала Иванова.

К восстанию примкнула вся страна, вся армия.

Февральская буржуазно-демократическая революция победила.

Грандиозный опыт первой русской революции 1905—1907 гг. был одним из условий победы Февральской революции. Используя опыт первой революции, рабочие и солдаты создали Советы рабочих и солдатских депутатов. Солдатские депутаты были главным образом из крестьян, призванных в армию. Советы явились, таким образом, органом союза рабочих и крестьян, органом, осуществляющим власть этих классов.

Советы возникли повсеместно. В Петрограде Совет рабочих и солдатских депутатов возник вечером 27 февраля, когда восстание еще продолжалось. Инициатива образования Совета принадлежала большевикам. Но в то время как большевики, возглавляя восставших, завершали свержение царизма, меньшевики и эсеры захватили большинство депутатских мест в Совете. Сыграл здесь роль и тот факт, что вождь партии большевиков В. И. Ленин был в это время в эмиграции, многие видные деятели партии находились в ссылке, тогда как систематически предававшие интересы народа эсеры и меньшевики использовали все выгоды своего легального положения. Во главе Исполкома Совета стали соглашатели.

Рабочие и солдаты, посылая депутатов в Совет, считали, что Совет выводит требования революционного народа. Но меньшевики и эсеры не считались с этими требованиями. Идя на поводу у буржуазных партий, они считали революцию законченной и хотели использовать ее для продолжения войны. И поэтому от имени Совета они передали власть буржуазии.

Буржуазия в февральские дни действовала через находившуюся в ее руках Государственную Думу.

После длительного перерыва Государственная Дума была созвана 14 февраля 1917 г. В условиях надвигающегося восстания буржуазно-помещичье большин-

ство Думы при поддержке соглашателей свело свою деятельность в основном к обсуждению продовольственного вопроса, стремясь внести успокоение «правильной» организацией снабжения. Стремление спасти царизм и предотвратить народную революцию было главной пружиной деятельности Думы. Когда 26 февраля появился указ о роспуске Думы, Совет старейшин Думы решил указу подчиниться беспрекословно и продолжать занятия на частных совещаниях. Частное совещание 27 февраля, когда восстание было уже в разгаре, избрало Временный комитет Государственной Думы с помещиком Родзянко во главе и с преобладанием в его составе прогрессистов и октябристов. Соглашатели были представлены Чхеидзе и Керенским. Комитет имел своим назначением «водворение порядка в Петрограде» и «сношение с учреждениями и лицами», другими словами — подавление революции и переговоры с царскими властями. Лишь в ночь на 28 февраля, когда победа восстания была уже очевидной, Временный комитет решил встать во главе движения, чтобы задержать его и, сохраняя свою «верноподданность», организовать расшатанную революцией власть. Члены Комитета, выступая перед восставшими рабочими и солдатами, призывали подчиниться Думе как представительнице законной власти, уговаривали солдат вернуться в казармы и слушаться контрреволюционных офицеров, направили делегацию к царю, чтобы добиться от него отречения в пользу сына Алексея или брата Михаила»; так, жертвуя царем, они спасали царский режим. Когда же 2 марта Николай отрекся и выяснилось, что сохранение монархии невозможно, Временный комитет Государственной Думы решил образовать буржуазное по своему составу Временное правительство. Эсеро-меньшевистские лидеры одобрили это решение и, несмотря на резкое сопротивление большевиков, провели его и на пленарном заседании Совета. Выдвинутое большевиками предложение о прекращении всяких переговоров с Временным комитетом и о создании Временного революционного правительства только Советом рабочих и солдатских депутатов было отвергнуто.

Так эсеры и меньшевики передали власть в руки буржуазного Временного правительства, председателем которого был умеренный земский либерал князь Львов, а в состав вошли министром иностранных дел кадет Милоков, военным министром октябрист Гучков и другие представители буржуазных партий. Карьерист и демагог Керенский с полного согласия петербургской конференции эсеров занял в этом правительстве пост министра юстиции, символизируя тем наличие полной договоренности между буржуазными и соглашательскими партиями. Это было, как определил Ленин, правительство буржуазии и обуржуазившихся помещиков.

Наряду с буржуазной властью существовала другая власть — Совет рабочих и солдатских депутатов. Налицо было двоевластие.

Почему же победившие рабочие и крестьяне добровольно отдали власть в руки буржуазии?

Ленин указал на две причины этого факта. Во-первых, в России — тогда

*В. И. Ленин беседует с солдатами в вагоне по пути в Петроград в апреле 1917 г.
Рисунок художника П. Васильева.*

наиболее мелкобуржуазной стране из всех больших европейских государств — миллионы и десятки миллионов людей, большей частью мелких хозяйчиков, мелких буржуа, политически спавшие десять лет, «проснулись и потянулись к политике». «Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику».¹ Ленин указал и на значение того факта, что во время войны состав пролетариата значительно изменился, много надროвых рабочих было ввезено в армию, а на их место пришло много мелких собственников. Между тем, — пояснил Ленин, — мелкая буржуазия зависит от буржуазии «и в образе мыслей она идет

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 24, стр. 41.

за буржуазией¹. Эти-то мелкобуржуазные прослойки рабочих и явились питательной почвой для соглашательских партий.

Ленин указывал, что двоевластие не может быть длительным, что буржуазия уже работает изо всех сил над созданием своего единовластия. В то же время налицо были и все объективные условия для перехода власти в руки Советов, ибо буржуазное правительство и поддерживающие его соглашательские партии не разрешили ни одного вопроса революции, не дали народу хлеба, мира и свободы.

В этих условиях важнейшей задачей большевистской партии была повседневная разъяснительная работа. Партия должна была показать народу, что политика Временного правительства является империалистической, что соглашательская политика эсеров и меньшевиков передала власть, вырванную народом у царя, в руки буржуазии, что эсеры и меньшевики продолжают предавать интересы народа и что только переход власти в руки Советов даст рабочим и крестьянам мир, хлеб и свободу.

Завоевав — с победой революции — широкие возможности легальной работы, партия развернула эту разъяснительную работу. Были восстановлены партийные органы. На заводах и в воинских частях возникали новые партийные коллективы. Возродилась славная большевистская газета, центральный орган партии — «Правда». Создана военная организация при ЦК партии. Вернулись из ссылки многие выдающиеся деятели партии.

С приездом Ленина 3 апреля 1917 г. и с принятием его знаменитых тезисов партия получила новую ориентировку — курс на подготовку пролетарской социалистической революции.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 24, стр. 41.

У К А З А Т Е Л И

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абарниова А. И. 702.
Абрамович Д. И. 657.
Абросимов В. М. 966
Авелан Ф. К. 299, 324.
Авенариус Рихард 421, 637.
Авиллов М. И. 878.
Авксентьев Н. Д. 318.
Адельгеймы Рафаил и Роберт 720.
Азизбеков М. 566.
Айвазовский И. К. 856, 883.
Аквиненко Ф. С. 786.
Александр III 854, 886.
Александров А. Н. 787.
Александровский В. В. 719.
Алексеев М. В. 997.
Алексей Николаевич (вел. кн.) 998.
Алексинский Г. А. 396.
Алчевский И. А. 752, 804—806, 809, 822.
Альбрехт Л. П. 865.
Андерсен Ганс-Христиан 880.
Андреев А. А. 956, 967.
Андреев В. В. 788, 789.
Андреев Л. Н. 673, 675, 676, 678, 681, 729, 734, 750.
Андреев Н. А. 886.
Андреев П. З. 799, 800, 814.
Андрианов С. К. 832.
Аннсфельд Б. И. 825.
Анненский Н. Ф. 254.
Анреп В. К. фон 418.
Ансельми Д. 812.
Антокольский М. М. 857, 883.
Анучин Д. Н. 612.
Аволловский Р. Б. 702, 724, 730, 732.
Апышников В. 927.
Аракишвили Д. И. 748.
Арбатов Н. Н. 718.
Арбенши Н. Ф. 697.
Аргунов И. П. 857.
Арсенский А. С. 746, 763, 764, 766, 778, 787, 792, 794.
Аржанников И. О. 715.
Ариан П. Н. 573.
Арманд И. Ф. 486, 488.
Арсентьев 129.
Арсеньев К. К. 254.
Артем (Артемьев) А. Р. 721.
Архангельский А. А. 787, 788.
Архипов А. Е. 848, 863, 864.
Арцыбашев М. П. 681, 734.
Арцыбушев Ю. К. 680, 870.
Асафьев Б. В. (Игорь Глебов) 762, 767, 773, 776, 812, 817, 818.
Аскольдов С. А. 636.
Асланов А. П. 775, 784, 794.
Ассур Л. В. 628.
Ауэр Л. С. 760, 784, 785, 813.
Афанасьев А. Н. 657.
Афанасьев Ф. А. 242.
Ахматова А. А. 682.
Бабошин А. Л. 626.
Бабушкин И. В. 162—167, 171, 177, 179, 202, 218, 242, 544.
Бадаев А. Е. 489, 490, 494—496, 502, 503, 506, 507, 514, 516, 521, 522, 540, 581, 947, 960.
Базаров В. А. 420, 637.

- Байков А. А. 562, 573, 608, 626.
 Байрон Джордж 657, 671.
 Байцуров (Дмитриев-Байцуров) Н. Г. 304.
 Бакалов Г. А. 809.
 Баклунд О. А. 601.
 Бакст Л. С. 707, 825, 858, 863, 872, 880.
 Бакшеев В. Н. 876.
 Балакирев М. А. 746, 751—753, 763, 768, 769, 782, 787, 823.
 Бальмонт К. Д. 672, 686, 768.
 Барановский Г. В. 925.
 Баранцевич З. 843.
 Бартольд В. В. 597, 651, 652.
 Баттистини Маттия 812.
 Батюшков Ф. Д. 717.
 Бауман В. И. 627.
 Бауман Н. Э. 330.
 Бах Иоганн Себастьян 778.
 Бах Р. Р. 886.
 Бебель Август 325, 671.
 Бегров А. К. 876, 893.
 Бедный Демьян (Придворов Е. А.) 501, 688—690.
 Бейльштейн Ф. Ф. 607.
 Бекетов А. Н. 616.
 Бекетов Н. Н. 596, 606, 607.
 Бекефи А. Ф. 831.
 Беккер Ф. 788.
 Беклемишев 28.
 Белелюбский Н. А. 207, 573, 918.
 Белинский В. Г. 582, 657, 661, 708, 858, 868.
 Беллячкова Джемма 812.
 Беллярминов А. Г. 837.
 Белов 258.
 Белов П. 186.
 Белоглазов К. Ф. 630.
 Белогруд А. Е. 573, 930.
 Белопольский А. А. 602.
 Белоусов П. 344.
 Белый Андрей (Бугаев В. Н.) 686.
 Беляев М. П. 760, 761, 770—772, 777, 781, 782, 784.
 Беляев Н. Т. 626.
 Беляев С. П. 418.
 Бенардос Н. Н. 32.
 Бенуа А. Н. 684, 822, 825, 858—860, 863, 868, 872, 874, 880, 881, 884.
 Бенуа Л. Н. 573, 684, 915—917, 920—922, 927, 930.
 Берг Л. С. 612.
 Бергсон Анри 637.
 Бердяков Я. П. 689.
 Бердиев Н. А. 636, 681.
 Беритов (Бериташвили) П. С. 615.
 Берлиоз Гектор 778, 781.
 Берман Я. А. 637.
 Беригард А. Р. 757.
 Бетховен Людвиг ван 778, 782, 793, 807.
 Бехтерев В. М. 560, 561, 574, 852.
 Бибилаури 324.
 Бизе Жорж 792, 793, 807.
 Библин И. Я. 849, 871, 879, 882.
 Вирилев А. А. 352.
 Вихтер М. А. 810, 811.
 Блок А. А. 675, 683—685, 692, 727.
 Блуменфельд С. М. 779.
 Блуменфельд Ф. М. 772, 779, 782, 794, 813.
 Боборыкин П. Д. 660.
 Бобринский А. А. 411, 412.
 Бобров 978.
 Бобровский Г. М. 875.
 Бобылев Д. К. 604, 628.
 Богданов А. А. 318, 349, 420, 437, 637.
 Богданович А. В. 809.
 Боголюбов В. Я. 758.
 Богораз-Тан В. Г. 650, 651, 664, 678.
 Богучарский В. Я. 645, 646.
 Бодлер Шарль 661.
 Бодуэн де Куртене П. А. 564, 654, 655.
 Бокки Б. И. 627.
 Боклевский К. П. 626, 634.
 Болдырев И. 836.
 Болотников И. И. 643.
 Больска А. Ю. 795.
 Большаков Н. А. 799.
 Большакова Г. И. 830, 831.
 Бомарше Пьер-Огюст 738.
 Бовч-Бруевич В. Д. 587.
 Бовч-Бруевич В. М. (Величкина) 450, 581.
 Бор Нильс 600.
 Боратынский Е. А. 657.
 Борман И. И. 564.
 Боровиковский В. Л. 857.
 Боровков В. 263, 279.
 Боровский Александр 813.
 Бородин А. П. 752, 792, 800, 801, 806, 809.

- Бородин И. П. 597, 616, 618, 619.
 Босса Г. А. 799.
 Бравич К. В. 712, 718, 719, 721.
 Брамс Иоганнес 778.
 Бредихин Ф. А. 596, 602.
 Бржозовский С. А. 926.
 Бриан М. И. 811.
 Бродский И. И. 849, 852, 865, 870, 872, 875, 878.
 Брукнер Антон 778.
 Бруни Ф. А. 856.
 Бруслловский Е. Г. 774.
 Бруштейн А. Я. 706, 714, 719.
 Брюллов К. П. 856.
 Брюсов В. Я. 675, 692, 695, 726, 748.
 Брюсова Н. Я. 748.
 Брянец А. А. 737.
 Бубнов И. Г. 28.
 Бубнов М. В. 506.
 Бузони Ферруччо-Бенвенуто 782.
 Буйко А. М. 434.
 Булгаков А. Д. 817, 821.
 Булгаков С. Н. 195, 681.
 Булич С. К. 655.
 Булла А. 845.
 Булыгин А. Г. 227, 269, 282.
 Буяни И. А. 671, 673, 695.
 Бурлюк Д. Д. 693, 874.
 Бурлюк Н. Д. 693, 874.
 Бутлеров А. М. 607.
 Бьерисон Бьеристьери 739.
 Бялинский-Бярули В. К. 876.
 Вавилов С. И. 596.
 Ваганова А. Я. 818, 826, 827.
 Вагнер Рихард 778, 781, 792.
 Валентинов Н. (Вольский Н. В.) 421.
 Вальтер В. Г. 785, 786, 813.
 Вальтер О. А. 617.
 Вандервельде Эмиль 961.
 Ванеес А. А. 151, 169, 173—175.
 Варзар В. Е. 639.
 Варламов К. А. 702—705, 724, 730—732, 841.
 Варлах Г. И. 780, 786.
 Василенко С. Н. 751, 778, 782.
 Васильев И. 992.
 Васильев М. Д. 794.
 Васильев Н. 926.
 Васильев Ф. А. 856.
 Васильева Н. С. 702, 730, 731.
 Васильев-Северини П. В. 680.
 Васильевский В. Г. 648.
 Васильчиков С. И. 253, 254, 256—259, 264.
 Васнецов А. М. 862, 863.
 Васнецов В. М. 857, 880.
 Ватто Антуан 818.
 Вахрамеев А. 870.
 Введенский А. И. 564, 569, 637.
 Введенский Н. Е. 560, 615.
 Вебер Карл-Мария фон 793, 807, 823.
 Веденеев Б. Е. 566.
 Ведринская М. А. 718.
 Вейнгартнер Феликс 778.
 Векшинский А. Н. 923.
 Великанов В. А. 632.
 Венгеров С. А. 583, 657.
 Венецианов А. Г. 856.
 Вентцель К. Н. 537.
 Верди Джузеппе 778, 792, 795, 797, 802, 807, 812.
 Веревкин Н. Н. 925.
 Вересаев В. В. 585, 659, 664, 666, 671, 674, 676, 678, 683, 692.
 Верещагин В. В. 856, 857, 883.
 Верябилович А. В. 784, 785, 813.
 Вернадский В. И. 597, 610.
 Веристрем Я. Я. 334.
 Верстовский А. Н. 809.
 Веселовская М. В. 811.
 Веселовский А. Н. 656.
 Веснин Л. А. 878.
 Ветрова М. Ф. 150.
 Вивьен Л. С. 705.
 Вилль Е. И. 830.
 Вильямс В. Р. 616.
 Винавер М. М. 376.
 Винклер А. А. 776.
 Виноградов В. В. 654.
 Виноградов П. Г. 550.
 Винокуров А. Н. 129.
 Виррих Э. Ф. 563, 924, 926.
 Витте С. Ю. 142, 188, 189, 191, 254, 256, 274, 315, 322, 325, 328, 341.
 Витоль Яаел 776.
 Вишневский А. Л. 721.
 Владимир Александрович (вел. кн.) 256, 257, 865.

- Владимиров Г. 279, 280.
 Власьев Г. А. 230, 298.
 Воейков А. И. 564, 597, 611.
 Войткевич А. Ф. 260.
 Волков Е. Е. 848, 876.
 Волконский М. Н. 735.
 Волконский С. М. 755.
 Володарский В. 886.
 Вольнский А. Л. 661, 672.
 Вольнов И. Е. 688, 690.
 Воронский В. В. 232, 234, 348, 350, 387, 400, 587, 597, 655, 678, 690, 691, 737.
 Ворошинов М. С. 616.
 Ворошихин А. Н. 918.
 Воронцов Д. С. 615.
 Воротилов Е. С. 922.
 Ворошилов К. Е. 677, 956, 994.
 Воскресенский 507.
 Врагель В. Г. 819.
 Вревский М. С. 607.
 Врубель М. А. 860, 863.
 Всеволожский И. А. 754.
 Вышнеградский А. И. 91, 140, 142.
 Вышнеградский И. А. 91.

 Габель С. И. 814.
 Гаврилов А. И. 209.
 Гагарин А. Г. 626.
 Гапон В. С. 264.
 Газа И. И. 974.
 Гайдебуров П. П. 708, 737.
 Гайди Франц-Иосиф 781.
 Гаккель Я. М. 634.
 Галенцовский С. П. 920.
 Галеркин Б. Г. 566, 573, 628.
 Галкин Н. В. 783.
 Галлей Эдмунд 605.
 Гальберг С. И. 857.
 Ганеман 910.
 Гапон Г. А. 237, 238, 242, 244, 245, 249, 251, 252, 256, 257, 283.
 Гардин В. Р. 719, 836.
 Гарин-Михайловский Н. Г. 666, 667, 675, 678, 717.
 Гартман В. А. 854.
 Гаук А. В. 812.
 Гауптман Гергард 719, 738, 740.
 Гауф Вильгельм 880.
 Гвиди Умберто 755.

 Гвоздев К. А. 966, 969, 984.
 Ге Г. Г. 703.
 Ге Н. Н. 853, 856.
 Гегелло А. И. 573.
 Гегечкори Е. П. 445.
 Гедройн К. К. 617.
 Гейер Б. Ф. 735.
 Гельцер Е. В. 825.
 Гендель Георг-Фридрих 781.
 Георгиевский П. И. 569.
 Герардов Н. Н. 870.
 Герасимов А. М. 864.
 Герд В. А. 552.
 Гердт Е. П. 830.
 Гердт П. А. 817, 818, 821, 830, 831, 833.
 Гернет М. Н. 560.
 Гернет Н. Н. 574.
 Герц Генрих 632.
 Герцен А. И. 586, 655, 657, 978.
 Гершензон М. О. 681.
 Гесс Ф. Ф. 647.
 Гессен И. В. 254, 396, 419.
 Гете Иоганн-Вольфганг 671.
 Гинцбург И. Я. 852, 883.
 Гиппиус 366.
 Гиппиус З. Н. 636, 661, 672, 674, 675.
 Глаголин Б. С. 842, 843.
 Гладков Ф. В. 695.
 Глазунов А. К. 745, 746, 748—751, 756, 757—760, 764—766, 769—771, 773, 774, 778, 779, 781, 782, 787, 789, 801, 812, 814, 817, 818—820, 822, 823, 828.
 Глинка М. И. 790, 793, 795, 801, 806, 809, 823, 886.
 Глиэр Р. М. 747, 751, 770, 783, 787.
 Глюк Христофор 793, 794, 804, 823, 828, 883.
 Гнесин М. Ф. 748, 773, 774, 787, 806.
 Говард 182.
 Гоген А. И. 920—922, 924, 926.
 Гоголь Н. В. 671, 703, 704, 732, 738, 740, 842, 856, 879.
 Годовский Леопольд 778.
 Голицышев В. С. 653.
 Голицын Е. Б. 596, 601, 602.
 Головин А. Я. 791, 821, 880, 882.
 Голубева О. А. 718.
 Голубкина А. С. 886.
 Гольдблум М. А. 786.
 Гольденвейзер А. Б. 763.

- Говчаров В. 840, 842.
 Говчарова Н. С. 874.
 Горелов Г. Н. 849, 876.
 Горемыкин И. Л. 178, 380, 519, 545.
 Горли-Горйилов Б. А. 704, 723, 725, 730, 732.
 Горская Р. Г. 809.
 Горский А. А. 818, 820, 821, 823, 824, 832.
 Горький А. М. 254, 256, 260, 274, 303, 350, 443, 557, 570, 582, 585, 591, 627, 658, 659, 663, 665—680, 683, 685, 688—691, 694—696, 698, 699, 702, 713—719, 725, 738—740, 742, 789, 801, 802, 837, 844, 845, 852.
 Горюнов 28.
 Горюшкин-Сорокопудов И. Н. 870.
 Гофман Иосиф 778, 782.
 Грабарь И. Э. 849, 850, 863, 928.
 Грабовский И. М. 870.
 Графтво Г. О. 563, 631, 633.
 Гребенщиков И. В. 563, 566.
 Гревс И. М. 564, 647, 648.
 Греков Б. Д. 644.
 Греком М. Б. 849, 878.
 Гречанинов А. Т. 747, 748, 788, 809.
 Гржебин З. И. 870, 871.
 Грнбоедов А. С. 657, 701, 704, 724, 879.
 Грум-Гржимайло Г. Е. 619.
 Губкин И. М. 566.
 Гумилев Н. С. 682.
 Гуно Шарль Франсуа 792, 795, 807.
 Гуревич Л. Я. 672.
 Гусев С. И. 222, 235, 252, 275, 278, 292, 303.
 Гусев-Оренбургский С. И. 675, 676, 692.
 Гучков А. И. 944, 994.
 Гуцков Карл 738.
 Гюго Виктор 701, 812.
 Давыдов А. М. 798.
 Давыдов В. Н. 702, 704, 705, 708, 714, 724, 730—732, 805, 841, 842.
 Давыдов К. Ю. 813.
 Давыдова М. С. 811.
 Далматов В. П. 703, 712, 714, 721, 724, 730, 731.
 Дальский М. В. 703.
 Дан Ф. И. 371.
 Даядрэ 894.
 Данте Алигьеро 648.
 Даргомыжский А. С. 781, 792, 800, 801, 806, 809, 811.
 Дворжак Антония 784.
 Дебюсси Клод 778, 812, 833.
 Дедюлин В. А. 238, 281, 297.
 Делиб Лео 819.
 Делла-Вос-Кардовская О. Л. 875.
 Делькассе Теофил 272.
 Делянов И. Д. 533, 549.
 Денисов В. И. 880.
 Дервиз В. Н. фон 736.
 Державин Н. С. 583, 653.
 Дерюгин К. М. 619.
 Джемс Вильям 637.
 Дизель Р. 23, 629.
 Дмитриев А. И. 924, 925.
 Дмитриев И. В. 572.
 Дмитриев П. 163.
 Добнаш-Рождественская О. А. 574, 648.
 Добролюбов Н. А. 582, 657, 661, 690, 858.
 Добротворский В. В. 632.
 Добужинский М. В. 862, 863, 868, 871, 880.
 Догель А. С. 620.
 Докучаев В. В. 598, 611, 616.
 Долно-Добровольский М. О. 631, 632.
 Долина М. И. 794.
 Домашева А. П. 719.
 Домашева М. П. 703, 712, 719, 730, 732.
 Донплер Христиан 602.
 Дороватовский С. П. 668.
 Достоевский Ф. М. 689, 711, 712, 742.
 Дракули 792.
 Дранков А. 840, 844, 845.
 Драчевский Д. В. 432.
 Дриго Р. Е. 817.
 Дризен Н. В. 733.
 Дроздов В. Н. 813.
 Дубасов Н. А. 813.
 Дубасов Ф. В. 363.
 Дубовской Н. Н. 848, 876.
 Дубровин А. И. 414.
 Дубровинский И. Ф. 338, 570.
 Дункан Айседора 824.
 Дурново П. Н. 237, 284, 329, 355, 871.
 Дьон Джон 537, 637.
 Дюка Поль 823.
 Дягилев С. П. 672, 716, 822, 850, 858, 860.

- Евреинов Н. Н. 728, 733.
 Егоров В. 843.
 Егорова Л. Н. 818, 821, 826.
 Елизарова А. И. 192, 475, 476, 587.
 Елисеев С. П. 24.
 Елпатьевский С. Я. 664.
 Еремеев К. С. 475, 476.
 Ермаков А. И. 209.
 Ермаков-Южина Н. С. 795, 822.
 Еромолов А. С. 227, 281.
 Ершов И. В. 752, 755, 764, 768, 798, 800, 806, 807, 814.
 Есенин С. А. 695.
 Есинова А. Н. 684, 776, 812, 813.
- Жакоминьо** 840.
 Жебелев С. А. 597, 647.
 Желязевич Р. А. 926.
 Жилин П. 379.
 Жолтовский И. В. 928.
 Жордания Н. Н. 377.
 Жорес Жан 271.
 Жуковский Н. Е. 600, 633.
 Жуковский С. Ю. 863, 876.
 Жулева Е. Н. 702.
 Журавленко П. М. 811.
- Забела-Врубель Н. И. 754, 785.
 Заветновский В. А. 786.
 Залеман 896.
 Залеман К. Г. 597, 652.
 Замлятин 567.
 Заозерский А. И. 644.
 Запорожец П. К. 169.
 Зборовский С. 318.
 Збруева Е. И. 795, 822.
 Зеленин Д. К. 655, 657.
 Зелинский Н. Д. 608, 609, 634, 635.
 Землячка Р. С. 222, 233, 235, 292, 293, 303, 570.
 Земляччинский П. А. 563.
 Зидоти А. И. 749, 764, 767, 772, 774, 776—778, 780, 781, 783, 785, 786.
 Зиновьев А. Д. 281, 439, 440.
 Зиновьев Б. И. 167, 172, 178.
 Зиновьев Г. Е. 440.
 Златовратский Н. Н. 664.
 Злыднев П. А. 318, 357.
 Золя Эмиль 671, 841.
- Зощенко М. М. 922.
 Зубатов С. В. 238, 249.
 Зудерман Герман 708.
- Ибсен Генрик 696, 699, 701, 719, 727, 728, 738.
 Иваницкая О. П. 260.
 Иванов 997.
 Иванов А. А. 856.
 Иванов Б. 484.
 Иванов Б. 910.
 Иванов В. И. 672.
 Иванов Л. А. 617.
 Иванов Л. И. 816, 817, 820, 824.
 Иванов Н. Н. 617.
 Иванов С. В. 848, 872.
 Иванцов И. В. 811.
 Игумнов К. Н. 747, 760.
 Изаа Эжен 785.
 Изгоев А. С. 419.
 Изенберг К. В. 885, 886.
 Иловайский Д. И. 550.
 Ильин Л. А. 912, 926, 928.
 Ингал В. И. 758.
 Иностранцев А. А. 610.
 Иогансон А. X. 825.
 Иоффе А. Ф. 596, 600, 601.
 Иохельсон В. И. 650.
 Ипполитов-Иванов М. М. 769, 770, 784, 792.
 Ирещкая Н. А. 814.
- Кабалевский Д. Б. 756.
 Каблуков И. А. 607.
 Казаков М. Ф. 929.
 Казальс Пабло 785.
 Калантарова О. К. 813.
 Калинин М. И. 242, 311, 312, 333, 359, 371, 375, 450, 461, 475, 483, 490, 504, 570, 581, 956, 959, 967, 968, 995.
 Калинин В. С. 746.
 Калмыков Н. К. 880.
 Калмыкова А. М. 202.
 Кальдерон де ла Барка 733.
 Каменев Л. Б. 428, 439, 440, 962.
 Каменская М. Д. 794.
 Каменский А. П. 681.
 Каменский В. 692.
 Каменский Ф. Ф. 857.

- Кампионский О. И. 814.
 Кандицкий В. В. 873.
 Капопул Егор 390.
 Каптерев П. Ф. 537.
 Карамышев П. И. 172.
 Каратыгин В. Г. 746, 772, 776.
 Кардонский Д. Н. 849, 871, 872, 879.
 Кареев Н. И. 254, 376, 564, 578, 597, 648, 649.
 Карлович Мечислав 786.
 Каринский А. П. 563, 597, 609, 627.
 Карпов Е. П. 720.
 Карсавина Т. П. 820, 821, 829, 830.
 Карташев А. В. 636.
 Карузо Энрико 812.
 Касаткин И. 690.
 Касаткин Н. А. 848, 872.
 Кассини А. П. 272.
 Кассо Л. А. 558, 559, 571, 582.
 Кастальский А. Д. 748.
 Касторский В. И. 797, 798, 822.
 Катуар Г. Л. 787.
 Кауфман А. А. 639.
 Качалов В. И. 721.
 Каченовский А. Л. 809.
 Каширин А. 719.
 Кашкин Н. Д. 805.
 Кедрин Е. И. 254, 376.
 Келтуяла В. А. 658.
 Керенский А. Ф. 541, 992, 998.
 Кингисепп В. Э. 566.
 Кипен А. А. 678.
 Кипренский О. А. 856.
 Киров С. М. 704, 738.
 Кирпичев В. Л. 629.
 Кирпичев М. В. 566.
 Кирпичников Т. П. 977, 993.
 Киселев А. А. 848, 867.
 Классон Р. Э. 156, 157.
 Клейгельс Н. В. 219, 237.
 Клейн А. 926.
 Клеменц Д. А. 651.
 Клемчинский Н. 341.
 Климов М. Г. 787.
 Клаудт П. К. 685, 857.
 Книпович Н. М. 619.
 Книшпер-Чехова О. Л. 721.
 Князев В. А. 163.
 Ковалевский А. О. 564.
 Ковалевский М. М. 560, 564.
 Козлов П. К. 619.
 Козлов С. 926.
 Козловский М. И. 857.
 Козловский Н. 840.
 Козьмин И. К. 657.
 Коковцов В. Н. 142, 254, 256, 270, 274, 285.
 Коковцов П. К. 653.
 Колаковский А. А. 813.
 Колечкин В. 340.
 Кольбах А. В. 657.
 Колобакин А. М. 419, 436.
 Комаров В. Л. 546, 560, 569, 597, 616, 619.
 Комиссаржевская В. Ф. 708—710, 715—721, 726—729, 737.
 Коленков С. Т. 886.
 Коновалов А. И. 944, 946.
 Коновалов Д. П. 597, 606—608.
 Константиан (вел. кн.) 534.
 Кончаловский П. П. 874.
 Коноус Г. Э. 784.
 Корвин-Круковский Ю. В. 702, 730.
 Коргуев С. П. 813.
 Корещенко А. Н. 828.
 Коркин А. А. 604.
 Корнилов А. А. 644.
 Коровин К. А. 821, 863, 880.
 Коровин С. А. 848.
 Короленко В. Г. 591, 627, 659, 663—665, 683, 852.
 Корхинский С. И. 616.
 Корчагина-Александровская Е. П. 713, 718, 720, 730.
 Кори Ф. Ф. 654.
 Корякин М. М. 794.
 Коссович П. С. 617.
 Костанди К. К. 876.
 Костычев С. П. 617—619.
 Котельников Г. Е. 634.
 Котов Г. И. 927.
 Котов П. И. 878.
 Коутс Альберт 778, 794.
 Кошиц Н. П. 768.
 Кравков Н. П. 621.
 Кравченко Н. И. 872.
 Краевич К. Д. 550.
 Крамской И. Н. 853, 856, 857, 879.
 Красников П. А. 318, 356.
 Красин Г. Б. 151, 152, 167.

- Красин Л. Б. 678.
 Краснуха В. П. 218, 221.
 Красовский М. 926.
 Красовский М. В. 319.
 Крачковский И. Ю. 652.
 Крейн А. А. 787.
 Крейслер Фриц 778.
 Крейцер Л. Д. 813.
 Крестовская М. В. 886.
 Кржижановский Г. М. 168—170, 172, 175, 566.
 Кривенко С. Н. 153.
 Кривошея А. В. 946.
 Кривошея Н. 927.
 Кричвинский Н. 926.
 Крузе Ф. М. 418.
 Крупская Н. К. 154, 160, 161, 163, 165, 169—171, 173, 187—189, 194, 202, 203, 278, 312, 348, 472, 486, 541, 551, 559, 570, 584.
 Кручевых А. 692.
 Крушевский Э. А. 794.
 Крыжановский И. И. 746.
 Крылов А. Н. 28, 577, 596, 600, 604, 605, 628.
 Крылов В. А. 701.
 Крылов И. А. 701, 836, 841.
 Крюгер Э. Э. 813.
 Кугель А. Р. 720, 730, 732, 735.
 Куделли П. Ф. 451, 484.
 Куза В. И. 795.
 Кузин Д. 254.
 Кузмин М. А. 682.
 Кузнецов А. Е. 502.
 Кузнецов Н. Д. 876.
 Кузнецов Н. И. 616.
 Кузнецов П. В. 873.
 Кузнецова М. Н. 795.
 Куняджи А. И. 848, 857, 875.
 Куйбышев В. В. 461, 566, 956, 967.
 Куликов П. С. 849, 850.
 Куличевская К. М. 818, 825.
 Кулер Э. А. 775, 784.
 Куприн А. В. 874.
 Куприн А. И. 585, 667, 671, 675, 676, 678, 683, 692, 717.
 Курбатов В. Я. 573, 928.
 Курдюмов В. И. 573.
 Курнаков Н. С. 597, 599, 606, 608, 626, 630, 631.
 Куропаткин А. Н. 224.
 Кусевский С. А. 766, 772, 775, 778, 780, 781, 797.
 Кусов И. Н. 832.
 Кустодиев Б. М. 849, 850, 871, 882.
 Кутенов 994—995.
 Кутлер Н. Н. 396, 419, 436.
 Кшесинская М. Ф. 821, 825, 826, 832.
 Кшесинский И. Ф. 832.
 Кшесинский Ф. И. 831, 832.
 Кюн Ц. А. 752, 779, 792, 805, 812.
 Кякист Г. Г. 832.
 Лабзин И. Ф. 626.
 Лабинский А. М. 798.
 Лавров П. А. 564, 653.
 Лавровская Е. А. 795.
 Ламанский В. И. 653.
 Ланг Г. Ф. 574.
 Лансере Е. Е. 858, 862, 863, 868, 871, 880.
 Лансере Н. Е. 929.
 Ланццкий И. М. 810, 811.
 Лаппо-Данилевский А. С. 564, 642, 643.
 Ларионов М. Ф. 873, 874.
 Лафарг Поль 671.
 Лебедев П. Н. 600.
 Лебедев С. В. 566, 630.
 Левик С. Ю. 811.
 Левинсон-Лесинг Ф. Ю. 626.
 Левитан И. И. 848, 856, 857, 862.
 Левинский Д. Г. 857.
 Легат Н. Г. 818, 821, 832.
 Легат С. Г. 818, 832.
 Лемке М. К. 645, 657.
 Лемох К. В. 848.
 Ленин В. И. 7, 8, 57, 85, 86, 91, 93, 96, 100, 101, 112, 118, 127, 138, 144, 148, 149, 151—179, 181, 183—185, 187—190, 192—197, 199—205, 210, 211, 213—219, 221—223, 226, 227, 232—234, 236, 239, 241, 245, 248, 253, 263, 272, 273, 275, 291—296, 305, 306, 313, 318, 320, 324, 329, 330, 332, 333, 337, 338, 345, 346, 348—351, 353, 357, 361, 364—366, 372—376, 378—381, 384—386, 388—393, 395, 400—402, 404, 407—409, 412, 413, 417—440, 442, 446, 447, 456—458, 460, 461, 463, 464, 466—468, 470—475, 477, 478, 480, 481, 483, 486—490, 492, 493, 495, 498, 500, 501, 509, 512, 518, 525, 533.

- 535, 539—541, 545, 558, 559, 567, 570, 571,
578, 584—588, 590, 592—597, 599, 600, 612,
633, 636, 638—641, 655, 657, 658, 660,
662, 664, 669, 672, 674, 677—681, 685—687,
689—691, 741, 742, 845, 933, 934, 942, 944,
952—960, 962, 965, 966, 990, 996—1000.
- Ленский А. П. 696.
Лентовский М. В. 800
Леньяни Пьерина 817, 818.
Леонидов Л. М. 721.
Леонтьев Л. С. 832, 833.
Лепешнянский П. Н. 215.
Лермонтов М. Ю. 576, 657, 730, 842, 880, 882.
Лерский И. В. 730.
Лерхе Г. Г. 418.
Лесгафт П. Ф. 395, 537, 538, 560, 572, 621.
Лессинг Готтольд-Эфраим 704.
Лешков П. И. 730.
Либкнехт Вильгельм 630.
Лидваль Ф. И. 920, 921.
Линдлей 900.
Линьева Е. Э. 748, 788.
Линский В. И. 616.
Липаев И. В. 749.
Липковская Л. Я. 809.
Лист Ференц 777, 781, 823.
Литвин Ф. В. 785, 796.
Литвиненко-Вольгемут М. И. 810.
Литвинов Д. И. 616.
Литкенс Е. А. 557.
Лихачев В. И. 734.
Лихачев Н. П. 857.
Литнев В. В. 878, 886.
Лобанов-Ростовский А. Б. 854, 856, 857.
Лодыгин А. Н. 32.
Ломакни Г. Я. 752.
Ломоносов М. В. 607, 631, 657.
Ломшаков А. С. 632.
Лонгфелло Генри 671.
Лоне де Вега 733.
Лолухин А. А. 254.
Лопухов Ф. В. 833.
Лопухова Е. В. 831.
Лосский Н. О. 564, 637.
Лохвицкая-Скалон М. А. 552, 572.
Лукьянов С. И. 831.
Луначарский А. В. 232, 248, 350, 420, 587,
655, 677, 678, 707, 710, 727, 736, 823, 871.
Лутугин Л. И. 627, 628, 720.
Львов Г. Е. 944, 998.
Львов С. Д. 617.
Любименко В. Н. 616.
Любимов А. М. 870.
Любомиров П. Г. 643.
Любош А. С. 719.
Любомиров 715.
Люком Е. М. 830, 831.
Люксембург Роза 325.
Люпедарский Г. И. 922.
Лядов А. К. 746, 751, 756, 757, 759, 761—764,
766, 770—774, 776, 778, 781, 782,
810, 812.
Лядевич М. С. 918, 925, 926, 928.
Ляпунов А. М. 596, 600, 603, 604, 606, 628.
Ляпунов С. М. 751—753, 768, 769, 782.
Лященко А. И. 657.
Мазини Анджело 812.
Майская Т. А. 724.
Макаренко А. А. 657.
Макаров А. А. 468, 470.
Макаров С. О. 225, 625, 628, 843, 883.
Маклаков В. А. 581.
Маклаков Н. А. 500, 501, 581, 943, 945.
Маковский В. Е. 848, 856, 867, 872, 876,
877.
Максаков М. К. 798, 802.
Максимов А. П. 917.
Максимов В. В. 843.
Максимов (Евгеньев-Максимов) В. Е. 558.
Максимов В. М. 848, 856, 877.
Максимов Н. А. 617.
Малер Густав 778.
Малиновский Р. В. 474.
Малченко А. Л. 203.
Малченко Е. В. 203.
Малько Н. А. 794.
Малютин С. В. 863, 876.
Малыгин Ф. А. 849.
Мамви-Сибиряк Д. Н. 659, 668, 683.
Мамонтов В. Н. 538.
Мамонтов С. И. 754, 800, 880.
Манизер М. Г. 878, 886.
Маниковский А. А. 935.
Мануильский Д. З. 390, 566.
Манухин С. С. 470.
Маргулян А. Э. 810, 811.
Марджанов (Марджаншвили) К. А. 735.

- Марков А. А. 534, 564, 571, 596, 603, 604, 639.
 Марков Н. Е. 463, 511.
 Маркони Гульельмо 632.
 Маркс Карл 156, 164, 171, 196, 203, 204, 215, 365, 539, 576, 581, 585, 586, 593, 594, 630, 641, 666, 671.
 Мартов Ю. О. 373.
 Мартынов А. Е. 704.
 Масленников Н. Е. 922.
 Массне Жюль 793, 802, 804.
 Матвеев А. М. 822.
 Матвеев А. Т. 884.
 Мато В. В. 862.
 Мах Эрст 421, 637.
 Машров-Самобытник А. И. 689.
 Машков И. И. 874.
 Маяковский В. В. 692—695, 852.
 Медведев П. М. 702, 724.
 Мейербер Джакомо 792, 807.
 Мейерхольд В. Э. 726—730, 736, 741.
 Мекленбург-Стрелицкий Г. Г. 784.
 Меллер-Закомельский А. Н. 163.
 Мельников И. А. 788.
 Мельцер Р. 927.
 Менгельберг Виллем 778.
 Менделеев Д. И. 598, 606—608, 622, 631, 852, 883.
 Мендельсон-Бартольди Феликс 822.
 Менжнская Л. Р. 450, 581.
 Менжковский В. Р. 387, 566.
 Меншуткин Н. А. 626.
 Мереековский Д. С. 581, 636, 637, 661, 672, 675, 681, 716.
 Меринг Франц 671.
 Меркулов Н. Е. 164.
 Метерлик Морис 661, 727, 739, 762.
 Метнер Н. К. 778, 787.
 Мечников И. И. 884.
 Мешетич Н. Ф. 253, 254, 256, 268, 324.
 Мешков В. Н. 876.
 Мецкерский И. В. 604, 626, 628.
 Мислухо-Маклай Н. Н. 650.
 Милюнов П. Н. 308, 419, 984, 998.
 Миц А. Д. 844.
 Миц Г. А. 323, 324.
 Минкус Людвиг 821.
 Минский Н. М. 661, 672, 678.
 Мирянова В. А. 712, 720.
 Митинский Н. Н. 634.
 Миткевич В. Ф. 562.
 Митрохи Д. И. 880.
 Михаил Александрович (вел. кн.) 998.
 Михайлов М. А. 712, 719.
 Михайлова М. А. 795.
 Михайловский Н. К. 153, 649, 663—665.
 Мичурин-Самойлова В. А. 702, 724, 730.
 Модзалевский Б. Л. 656.
 Модоров Ф. А. 878.
 Можухин А. И. 811.
 Можухин И. И. 843.
 Молотов В. М. 443, 456, 461, 474, 476, 490, 956.
 Мольтер Жан Батист 657, 701, 703, 729, 738.
 Монахов А. М. 832, 833.
 Монюшко Станислав 804.
 Морган Томас Хант 650.
 Морозов Н. А. 326, 560, 583, 852.
 Морской Г. А. 753, 798, 814.
 Москвин И. М. 721.
 Мотль Феликс 778.
 Моцарт Вольфганг-Амедей 781, 793.
 Мравина Е. К. 794.
 Муишель В. В. 678.
 Муравьев Н. В. 254.
 Мурашов М. К. 947, 960.
 Муромцев С. А. 378, 440.
 Мусоргский М. П. 752, 753—787, 792, 794, 801, 805, 809, 811, 822, 886.
 Мушкетов Н. В. 597, 598, 609—611.
 Мякотин В. А. 254.
 Мясовский Н. Я. 751, 762, 773—775, 783, 787.
 Мясоедов Г. Г. 848, 856.
 Набоков В. Д. 419.
 Навашина С. Г. 617.
 Нагель 845.
 Найденос С. А. 676, 712, 719.
 Налбандян И. Р. 813.
 Направник Э. Ф. 790, 792, 794, 806, 809.
 Насонов В. Т. 789.
 Насонов Н. В. 619.
 Неверов А. С. 688.
 Невзорова С. П. 169.
 Невзорова-Кривжановская З. П. 167, 169.
 Неволин Б. 720.
 Недбал Оскар 783, 784.
 Нежданова А. В. 752, 766, 795, 797, 809.

- Нейгауз Г. Г. 773.
 Некрасов Н. А. 558, 576, 690, 842.
 Нелдов 280.
 Нелдов А. И. 271.
 Нелдов А. П. 788, 734.
 Немшаев К. С. 352.
 Немцова-Ральф А. А. 732.
 Немрович-Давченко В. И. 696, 698, 700, 721.
 Немцов Н. М. 318, 334.
 Неронов 734.
 Нестеров П. Н. 634.
 Нижинский В. Ф. 833.
 Никитин А. 306.
 Никитин С. Н. 609.
 Някиш Артур 767, 772, 778, 780, 782.
 Николаев Л. В. 786, 813.
 Николай II 150, 253, 256, 260, 269, 270, 272, 275, 280, 282, 299, 307, 308, 320, 322, 324, 329, 355, 378, 388, 390, 391, 396, 411, 414, 559, 570, 665, 680, 753, 754, 854, 871, 946, 979, 998.
 Николай Е. Л. 628.
 Никола В. Д. 917.
 Ниман Ф. А. 789.
 Ницше Фридрих 637, 661.
 Нобель Э. Л. 286, 341.
 Новорусский М. В. 326.
 Ногин В. П. 312.
 Нордман-Северова Н. Б. 852.
 Нотович О. К. 701.
 Ньюком Саймон 602.
 Ньютон Исаак 605.
 Обер Даниэль-Франсуа Эспри 807.
 Обнинский В. П. 434.
 Обнорский С. П. 855.
 Образцов В. Н. 566.
 Обручев В. А. 609.
 Обухов М. К. 818, 832.
 Озеров И. X. 942.
 Ольденбург С. Ф. 564, 597, 652, 657.
 Ольденбургский А. П. 579, 635.
 Ольминский М. С. 232, 248, 350, 387, 400, 475, 490, 501, 570, 587, 497, 655, 678, 690, 742.
 Оячуков Н. Е. 657.
 Опенгейм А. Н. 284.
 Орбели Л. А. 615, 620.
 Орджоникидзе Г. К. 456—458.
 Орленев П. Н. 711, 712, 714.
 Орлов А. А. 833.
 Орлова В. 843.
 Орловский А. О. 856.
 Оссовский А. В. 788.
 Оствальд Вильгельм-Фридрих 607.
 Островский А. Н. 702—704, 706, 719, 724, 726, 729, 731, 736, 738, 740, 842, 882.
 Остроумова-Лебедева А. П. 849, 861, 863, 868, 928.
 Отт Д. О. 574.
 Павлов-Арбенин А. В. 810.
 Павлов И. П. 560, 563, 572, 597, 611—615, 852.
 Павлов М. А. 562, 626.
 Павлов-Сильванский Н. П. 599, 643—645.
 Павлова Анна 722, 818, 821, 822, 827—829, 832.
 Павловский Е. Н. 621.
 Павловский П. А. 562.
 Пазовский А. М. 810.
 Палечек О. О. 805, 814.
 Палладий В. И. 616, 617, 619.
 Панина С. В. 578, 738.
 Паяковский П. Ф. 628.
 Парнус А. Л. 357.
 Пашкова Л. 817.
 Пашенко А. Ф. 774.
 Певцова В. В. 788.
 Перетяткович М. М. 925, 926, 928, 930.
 Перов В. Г. 853, 856, 879.
 Персиянинова 703.
 Песталоцци Иоганн Генрих 537.
 Петипа Мариус И. 816—820.
 Петипа Мария М. 821, 825.
 Петражицкий Л. И. 376.
 Петренко Е. Ф. 796, 809.
 Петров 258.
 Петров В. В. 631.
 Петров И. А. 396.
 Петров Н. П. 630, 631.
 Петров О. А. 794.
 Петрова-Воробьева А. Я. 793.
 Петровичев П. И. 863, 876.
 Петровский А. П. 703, 724.
 Петровский Г. И. 490, 495, 498, 508, 509, 947, 960.
 Петрункевич М. И. 376.
 Печковский А. 843.

- Пешехонов А. В. 254.
 Пискарев Н. К. 657.
 Пименов Н. С. 857.
 Пимоненко Н. К. 876.
 Пиотровский (Петраускас) К. И. 799, 814.
 Пирогов Г. С. 799, 809.
 Писарев Д. И. 586.
 Писарев М. И. 702.
 Писемский А. Ф. 738, 740.
 Платонов С. Ф. 564, 597, 643.
 Плеве В. К. 224, 235, 237, 238, 714.
 Плеханов Г. В. 151, 232, 265, 438, 597, 649, 750, 883, 959.
 Плещеев А. А. 819, 826.
 По Эдгар 775.
 Подъячев С. П. 688.
 Поздюнин В. Л. 628.
 Познер С. М. 333.
 Покаржевский П. Д. 878.
 Покровская М. И. 131.
 Покровский В. А. 573.
 Поленов В. Д. 848, 866, 879, 880.
 Полетаев Н. Г. 242, 318, 418, 429, 430, 434, 442, 446, 447, 475.
 Поливанов А. А. 945, 946.
 Полоцкий В. 843.
 Полякин М. Б. 813.
 Поляков С. А. 672.
 Померанцев Л. И. 927.
 Пономарев В. И. 834.
 Попов А. И. 922.
 Попов А. С. 32, 33, 563, 568, 622, 623, 631, 632.
 Попов Н. А. 716, 736.
 Попов Н. Е. 633.
 Попова О. Н. 671.
 Попова Прасковья 363.
 Порай-Кошиц А. Е. 563, 573.
 Поссе В. А. 668, 671.
 Потапенко И. Н. 660, 701.
 Потехин 284.
 Потоцкий М. А. 702, 731.
 Потресов А. Н. 157.
 Похитонов Д. И. 794.
 Преображенская О. О. 818, 821, 825, 826, 832.
 Пресняков А. Е. 564, 597, 643, 644.
 Прижевальский Н. М. 619.
 Привалов Н. И. 789.
 Приселков М. Д. 643.
 Пришвин М. М. 686, 695.
 Прокопович С. Н. 370, 578, 581.
 Прокофьев С. С. 751, 762, 773—776, 783, 787, 813.
 Протоазанов Я. А. 836, 842, 843.
 Протопопов А. Д. 941.
 Прохоров В. А. 854.
 Прянишников Д. Н. 616, 617.
 Прянишников И. М. 856.
 Пуни Цезарь 819.
 Пурвит В. Е. 862.
 Пуришкевич В. М. 414, 463, 511, 539, 570.
 Пуссен Никола 828.
 Пустарнаков П. П. 813.
 Путилин И. Д. 842.
 Путилов А. И. 90, 140, 142.
 Пуччини Джакомо 793, 804.
 Пушкин А. С. 576, 656, 657, 663, 738, 756, 757, 804, 840—843, 879, 880, 881, 886.
 Пшибышевский С. 686, 727.
 Пятницкий К. П. 671, 714, 871.
 Равель Морис 778, 823.
 Радавилович Иероним 706.
 Радин Б. (Киульниц Б. М.) 318, 337, 349, 354, 356.
 Радлов В. В. 597, 651, 652.
 Радциг А. А. 629.
 Радченко И. И. 212, 216—218.
 Радченко С. И. 151, 152, 167, 170, 192, 194, 202, 211, 212.
 Раев Н. П. 572.
 Разин Степан 749, 840.
 Рамазанов Н. А. 857.
 Рамшвили И. И. 377.
 Расин Жан-Батист 828.
 Распутин Г. Е. 942, 946.
 Растрелли В. В. 918.
 Рахманинов С. В. 746, 747, 749, 752, 766—768, 778, 781, 785, 787, 792, 809, 822.
 Ребиков В. И. 745, 750.
 Регер Макс 778.
 Редигер А. Ф. 144.
 Резцов П. А. 284.
 Рейзингер Ю. 817.
 Рейн Г. Е. 621.
 Ренненкамф П. К. 948.
 Рентген Вильгельм-Конрад 600.
 Ревин И. Е. 561, 717, 801, 849—853, 856.

- 857, 862, 864, 866, 867, 870, 872, 875—
877, 879, 884.
- Герих Н. К. 825, 862, 880.
- Реформатский А. Н. 550.
- Ржевусский А. А. 266.
- Ржешотарский А. А. 30, 626.
- Риксерт Генрих 635, 637.
- Риман Н. К. 263, 264.
- Римский-Корсаков А. Н. 749.
- Римский-Корсаков Н. А. 745—766, 769,
770, 772—777, 781, 783, 787, 789, 790,
793, 794, 797, 800, 801, 806, 809, 811,
812, 814, 822, 823.
- Родзянко М. В. 507, 511, 514, 943, 961, 998.
- Родичев Ф. И. 419.
- Рождественский Д. С. 600.
- Рождественский Н. Н. 811.
- Роже-Дюкасс 778.
- Розанов В. В. 681.
- Розен В. Р. 653.
- Романов А. А. 299.
- Ромашков В. 840.
- Росси К. И. 854, 917, 922.
- Россия Джоаккино 792.
- Ростова Н. В. 732.
- Ростовцев М. И. 647.
- Рошаль С. Г. 560.
- Рубакин Н. А. 584.
- Рубинштейн А. Г. 768, 781, 790, 792, 794, 797,
801, 806, 809, 828.
- Рубинштейн Н. Г. 768, 777.
- Рубо Ф. А. 878.
- Рудановский К. В. 258, 262.
- Руницкий Людомир 786.
- Рузвельт Теодор 224.
- Рунич О. 843.
- Рутенберг П. М. 256.
- Руффо Титта 812.
- Рылло А. 843.
- Рылов А. А. 875, 876.
- Рылин Н. А. 634.
- Рышков В. А. 724.
- Рябушинский Н. П. 640, 672.
- Рябушкин А. П. 861.
- Саввин Н. Н. 628.
- Савина М. Г. 702, 705—708, 724, 730—731,
779.
- Саввио А. И. 865.
- Савицкий Г. К. 878.
- Савицкий К. А. 856.
- Саврацкий Л. Ф. 809.
- Саврасов А. К. 856.
- Савшинский С. И. 813.
- Садиллов В. С. 609.
- Садомов А. Н. 811.
- Садофьев П. И. 689.
- Сазонов Е. С. 235.
- Сазонов Н. Ф. 702.
- Сазонов П. 740.
- Сазонов С. Д. 946.
- Сайтов В. И. 656.
- Салтыков-Щедрин М. Е. 690, 703.
- Самарин А. Д. 946.
- Самгин П. М. 265.
- Самойлов В. В. 719.
- Самойлов П. В. 719.
- Самойлов Ф. Н. 473, 947, 960.
- Самойлова К. Н. (Громова) 451, 475, 570.
- Самочкин Н. С. 878.
- Самосуд С. А. 810.
- Санин А. А. 724, 725, 809.
- Сапунов Н. Н. 880.
- Сараджев К. С. 775, 776.
- Сасс-Тисовский Н. А. 783.
- Сафонов В. И. 777.
- Сафонов И. 788.
- Сафранос 494.
- Сварог В. С. 870, 876.
- Свердлов Я. М. 440—442, 461, 473—475, 490.
- Сверчков Д. Ф. 318.
- Свицкая В. Ф. 854, 917.
- Святловский В. В. 370.
- Свитополь-Мирский Д. Н. 235, 236, 238, 245,
252, 254, 256, 283.
- Седов Г. Я. 614, 844, 894.
- Седова Ю. Н. 818, 821, 826.
- Секер-Рожанский А. В. 754, 814.
- Семевский В. И. 254, 395, 560, 644, 645.
- Семевский М. И. 854.
- Семенов В. А. 833.
- Семенов-Тяшчанский П. П. 597, 611, 619,
886.
- Сенкевич Генрих 822.
- Сен-Санс Камилл 781, 793, 807, 819, 822.
- Серафимович А. С. 585, 671, 674, 676, 678, 683,
695.
- Сергеевич В. И. 198.

- Серебряков К. Т. 794.
 Серов А. Н. 792, 801, 806, 809.
 Серов В. А. 829, 847, 848, 852, 853, 855, 856, 862, 863, 866, 867, 871, 872.
 Серова Ю. О. 424.
 Сибиллус Ян 778.
 Сильвин М. А. 151—153, 166, 167, 169, 172, 179, 189.
 Сипягин Д. С. 202.
 Скабичевский А. М. 661.
 Скарская Н. Ф. 737
 Скиталец С. Г. (Петров) 585, 671, 675, 676, 678.
 Склифосовский Н. В. 621.
 Скобельцын В. В. 562.
 Скоробогатов К. В. 715.
 Скробанский К. К. 574.
 Скрыбин А. Н. 746, 750, 751, 768, 770—773, 778, 785.
 Славяна М. А. 765, 794.
 Славинский Е. 836.
 Славянов Н. Г. 32, 632.
 Словов И. А. 716, 718.
 Сметана Бедржих 784, 807.
 Смирнов 243, 244.
 Смирнов А. В. 797.
 Смирнов А. М. 657.
 Смирнов Д. А. 809, 822.
 Смирнов Н. В. 632.
 Смирнова Е. А. 841.
 Смирнова С. И. 701.
 Смоленский С. В. 787.
 Смолич Н. В. 730.
 Собинов Л. В. 747, 752, 768, 792, 803, 804, 808, 809, 812.
 Соболевский А. И. 657.
 Соколов Н. Д. 436.
 Соловейчик М. А. 140.
 Соловьев Н. Ф. 787.
 Сологуб Ф. К. 661, 672, 727, 729.
 Соляников Н. А. 832.
 Сомов К. А. 683, 858, 860, 862, 863, 868, 880.
 Софокл 671, 701, 724, 738.
 Спандарян С. 456.
 Спендзаров А. А. 782.
 Спортс Е. И. 168.
 Сталин И. В. 443, 458, 461, 473—475, 487—488, 490.
 Станиславский К. С. 698, 699, 721, 724, 726, 742.
 Старевич В. А. 836.
 Старков В. В. 157, 169, 170, 175.
 Стасов В. В. 584, 717, 745, 757, 762, 771, 772, 779, 800, 801, 846, 847, 849, 852, 861, 867—869, 873, 883, 884.
 Стасов Д. В. 779.
 Стасова Е. Д. 218, 821, 235, 392, 567.
 Стасюлевич М. М. 535, 739.
 Стеклов В. А. 564, 596, 600, 604.
 Стеллецкий Д. С. 884.
 Степанов В. В. 639, 894.
 Степанов-Скворцов И. И. 501.
 Стессель А. М. 225.
 Столетов А. Г. 32.
 Столыпин П. А. 378, 397, 410—414, 570.
 Стравинский И. Ф. 751, 823.
 Стравинский Ф. И. 753, 794.
 Стрельская В. В. 702, 707, 724, 730, 731.
 Стрелетова П. А. 706, 712.
 Стридберг Август 719.
 Строгановы 918.
 Строев Н. 246.
 Стронгин Яков 130, 502.
 Струве В. В. 647.
 Струве П. Б. 156—159, 195, 201, 204, 282, 364, 396, 419, 636, 640, 641.
 Студенцов Е. П. 730.
 Суворин А. С. 662, 711.
 Суворина А. А. 713.
 Судейкин С. Ю. 880.
 Судьбинин И. И. 712, 714.
 Сук В. И. 755, 784.
 Сук Иосиф 784.
 Сукачев В. Н. 619.
 Суриков В. И. 848, 856, 863.
 Сухово-Кобылин А. В. 701—705, 712, 738.
 Сухомлинов В. А. 945.
 Сюзор П. Ю. 919, 925.
 Тагеев Г. Л. 626.
 Таманов (Таманин) А. И. 928.
 Танеев С. И. 745—748, 750, 751, 763—765, 768, 770, 778, 792, 806.
 Тарле Е. В. 560, 597, 649, 650.
 Тартаков И. В. 796—798.
 Тахтарев К. М. 169, 172, 190.
 Телешов Н. Д. 585, 676.
 Теляковский В. А. 714, 722, 730, 732.
 Тенишев В. Н. 551.

- Тенишева М. К. 856, 857.
 Тетянкин А. 243.
 Тибо Жак 778.
 Тимашев С. И. 336, 470, 500, 501.
 Тиме Е. И. 730, 732.
 Тиме И. А. 628.
 Тимирязев Д. А. 336, 361.
 Тимирязев К. А. 616, 617.
 Тирсо де Моллина 733.
 Титов П. А. 28.
 Тихомиров И. А. 716.
 Тихонов А. Н. 670.
 Тищенко В. Е. 564.
 Тондае М. И. 849.
 Толстая-Сухотина Т. Л. 840.
 Толстой А. К. 712, 724, 738.
 Толстой А. Н. 686, 687, 695.
 Толстой Д. А. 549.
 Толстой Л. Н. 440, 442, 557, 571, 576, 582, 586, 592, 655, 659, 662, 663, 686, 701, 703, 704, 711, 732, 738, 740, 802, 840, 842, 844, 883, 880, 883, 884.
 Толстой Ф. П. 857.
 Толстухин В. И. 279.
 Тома Шарль-Луи-Амбруаз 804.
 Тома де Томон 917.
 Томшко А. О. 921.
 Тонков В. Н. 621.
 Травин 892.
 Траншель В. А. 616.
 Тренев Д. Ф. 270, 273—276, 281, 297, 300, 302, 305, 306, 320—325, 329, 330—332, 378, 757.
 Трефилова В. А. 825.
 Троицкий А. А. 632.
 Тропянин В. А. 856.
 Троцкий Л. Д. 318, 356, 357, 422, 438—440, 454.
 Трояновский Б. С. 789.
 Троянский П. 870.
 Трубецкой П. П. 662, 883, 884.
 Трубецкой С. Н. 306.
 Туган-Барановский М. И. 195, 641, 642.
 Туманов Н. Е. 948, 972, 973.
 Тураев Б. А. 564, 597, 646, 647.
 Тургенев И. С. 582, 663, 701, 704, 706, 738, 842.
 Тьерри Огюстен 648.
 Тюрин В. А. 632.
 Уайльд Оскар 661.
 Уатт Д. 631.
 Уланова Г. С. 827, 828.
 Ульянов Н. П. 687, 850.
 Ульянова М. И. 570, 586.
 Умов Н. А. 600.
 Уралов И. М. 718—720, 730, 734.
 Усачев А. А. 703, 705.
 Усачев Я. Г. 628.
 Успенский Г. И. 883.
 Успенский Ф. И. 647, 648.
 Утин 140.
 Уткин 873.
 Ухтомский А. А. 560, 615.
 Ушаков 239.
 Ушинский К. Д. 537.
 Уэллс Герберт 695.
 Фаворский А. Е. 564, 596, 606, 608, 630.
 Фальборк Г. А. 671.
 Фаминцын А. С. 207, 534, 618.
 Федоров Е. С. 560, 563, 568, 611.
 Федоров М. П. 307, 396.
 Федосеев Н. Е. 153.
 Федотов П. А. 856, 857.
 Федотьев П. П. 573, 626.
 Феона А. Н. 718.
 Ферри-Джиральдонн К. 814.
 Ферсман А. Е. 596.
 Фешин Н. И. 870, 872.
 Фибих Зденек 784.
 Фигнер Медея 794.
 Фигнер Н. Н. 794, 798, 805, 809.
 Философов Д. В. 674, 716.
 Финдейзен Н. Ф. 786.
 Фительберг Гжегож 784, 786, 811.
 Фишер А. 161, 162.
 Флитнер Н. Д. 647.
 Флоринский Т. Д. 653.
 Флотов Фридрих 804.
 Фокин М. М. 722, 818, 822—825, 828, 830, 832, 833.
 Фомин И. А. 573, 878, 928—930.
 Фомин Н. П. 789.
 Фонвизин Д. И. 701.
 Фортунатов Ф. Ф. 654.
 Форэ Габриэль 778.
 Франк С. Л. 636, 637.
 Франс Анатолий 271.

- Франциссон Е. 843.
 Фрейберг 431.
 Френсис Дэвид 941.
 Френц Р. Р. 878.
 Фриде Н. А. 794.
 Фроленко М. Ф. 326.
 Фролов П. А. 949.
 Фрунзе М. В. 566.
 Фуллов И. А. 237, 238, 243, 245, 253, 254.
 Фунтинов С. И. 162.
 Фюстель де Кулаж 647.
- Хабалов С. С. 983, 987, 989—990, 997.
 Хашковков А. 841.
 Хвольсон О. Д. 564, 600, 653.
 Хвостов А. И. 946.
 Хейфец Яков 813.
 Хессли А. Б. 777, 810.
 Хилков М. И. 315.
 Хлебников В. В. 692.
 Хлопш Г. В. 560, 574, 621.
 Хлопш Н. Г. 621.
 Ходотов Н. Н. 702, 703, 705, 720, 722, 724, 725, 730—732, 734.
 Холмская З. В. 712, 735.
 Холодковский Н. А. 620.
 Холодная В. 843.
 Хрусталева-Носарь Г. С. 318, 357, 384.
- Царьков Кузьма 178.
 Цвет М. С. 618.
 Цейтлин Л. М. 813.
 Цепковский Л. С. 616.
 Церетели А. А. 755.
 Цесевич П. 809.
 Цимбаллист Ефрем 813.
 Цингер 550.
 Цюлковский К. Э. 600.
 Циверович Г. В. 450.
 Цицарин В. С. 364.
- Чайковский М. И. 701.
 Чайковский П. И. 746, 760, 763, 764, 768, 769, 775, 777, 778, 790, 793, 797, 804, 804, 805, 809, 811, 816—821, 823, 828, 829, 883.
 Чаплин Чарльз 839.
 Чаплыгин С. А. 600, 633.
 Чапыгин А. И. 688.
 Чаргония А. 843.
- Чарнолуцкий В. И. 671.
 Чаров Р. И. 814.
 Чарушняков А. П. 668.
 Чебышев П. Л. 603, 604, 606.
 Чекетти Эрико 821, 832.
 Чеккрыгин А. И. 832, 833.
 Челюков М. В. 944.
 Чешков Е. М. 878.
 Черепнин Н. Н. 746, 773, 774, 776, 782, 786, 787, 794, 822, 823, 828.
 Черкасская М. Б. 795, 822.
 Чернов А. Я. 794.
 Чернов Д. К. 30, 622, 626.
 Чернышев В. И. 655.
 Чернышев И. В. 169, 190.
 Чернышев Ф. И. 560, 571, 609.
 Чернышевский М. Н. 567.
 Чернышевский Н. Г. 657, 661, 858, 886.
 Чехов А. П. 557, 582, 591, 659, 662, 663, 671, 696, 699, 701, 704, 708, 724, 732, 738, 739, 842.
 Чехонин С. В. 323, 870.
 Чижевская А. А. 703, 712.
 Чижов 228, 243.
 Чижов М. А. 857, 927.
 Чиколев А. 285, 286.
 Чиколев В. Н. 632.
 Чириков Е. Н. 671, 678, 719.
 Чугаев Л. А. 597, 608.
 Чуковский К. И. 680, 852, 870.
 Чупров А. А. 639.
 Чхендзе Н. С. 445, 489, 998.
- Шабунин Н. А. 922.
 Шагов Н. Р. 490, 520, 947, 960.
 Шалыпин Ф. И. 721, 747, 751, 754, 768, 779, 782, 789, 790—792, 794, 800—804, 808, 809, 822, 833, 851, 852.
 Шаповаленко Н. П. 703, 724, 731.
 Шаронов В. С. 798.
 Шателен М. А. 562, 626, 631.
 Шахматов А. А. 534, 564, 597, 654, 655, 657.
 Шварц А. Н. 435, 558, 559, 573.
 Шверник Н. М. 461, 483, 484, 512, 969.
 Шебуев Н. Г. 680, 871.
 Шевченко Т. Г. 586.
 Шевяков В. Т. 619.
 Шекспир Вильям 657, 701, 703, 738.

- Шелгунов В. А. 160—163, 175, 242, 244, 278, 544.
- Шелли Перси Биши 775.
- Шельпер А. 927.
- Шенберг Арнольд 745.
- Шенк П. П. 819.
- Шенлаик Бруно 162.
- Шеншлевский М. А. 758.
- Шервуд Л. В. 883, 884.
- Шереметев А. Д. 139, 781.
- Шереметев Б. П. 139.
- Шереметев С. Д. 139.
- Шидловский Н. В. 275—277.
- Шиллер Иоганн-Фридрих 655, 657, 701, 719, 725, 738.
- Шиллинг П. Л. 32.
- Шимановский Кароль 786.
- Шиманский Ю. А. 628.
- Шимкевич В. М. 552, 619.
- Ширяев А. В. 832.
- Шашкин П. И. 848, 856.
- Шашков В. Я. 695.
- Шкафер В. П. 806.
- Школьник И. 874.
- Шляшкин И. А. 657.
- Шмелев И. С. 686, 692.
- Шокальский Ю. М. 576, 599, 611.
- Шопен Фредерик 782, 822.
- Шопенгауэр Артур 637.
- Шостакович Д. Д. 774, 813.
- Шпаянский И. В. 701.
- Шретер В. А. 917, 922.
- Штейнберг М. О. 773, 774, 783, 787, 810.
- Штейнер Рудольф 637.
- Штериберг Л. Я. 546, 650.
- Штраус Рихард 778, 780.
- Штюмер Б. В. 946.
- Шульгин В. В. 946.
- Шуман Роберт-Александр 778, 823, 830.
- Шумов Н. Г. 720.
- Шух Эрнст 782.
- Щеглов Н. Л. 736.
- Щеголев П. Е. 645.
- Щедрин С. Ф. 856.
- Щенкин М. С. 698, 704.
- Щерба Л. В. 564.
- Щербаков Ф. 624.
- Щербатов Н. Б. 412, 946.
- Щербатский Ф. И. 564.
- Щербачев А. В. 822.
- Щербачев В. В. 774, 783, 822.
- Щербачев Д. Г. 254, 264, 344.
- Щербяновский Д. А. 849.
- Щуко В. А. 878, 928—930.
- Щусев А. В. 928.
- Эверарди К. К. 814.
- Эврипид 671, 701.
- Эльман Михаил 813.
- Эльрих К. М. 262.
- Энгель Ю. Д. 748.
- Энгельс Фридрих 171, 203, 215, 539, 585, 650.
- Энгельгард А. Н. 617.
- Энеску Джордже 778.
- Эренберг В. Г. 735.
- Юдин Г. 760.
- Южаков С. Н. 153, 539.
- Южин-Сумбагов А. И. 721, 726, 727, 769.
- Юон К. Ф. 863.
- Юренева В. Л. 734.
- Юрьев Ю. М. 702, 724, 730—732, 841, 842.
- Юшкович С. С. 421, 637, 676, 719.
- Яблочков П. Н. 32, 630.
- Яворская Л. Б. 712—714, 720, 723.
- Ягач П. В. 654.
- Якоби Б. С. 32, 601.
- Яковлев 494.
- Яковлев И. Н. 164.
- Яковлев К. Н. 711, 712, 714, 724, 730—732, 734, 842.
- Яковлев Л. Г. 794, 797.
- Яковлев С. И. 703, 724, 731.
- Яковлева М. Я. 209.
- Ямпольский А. И. 813.
- Ярославский Е. М. 222, 387, 402, 570.
- Ярошенко Н. А. 848, 856.

ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

УЛИЦЫ, ПЛОЩАДИ, НАБЕРЕЖНЫЕ, КАНАЛЫ

- Адмиралтейская площадь 262.
Академический переулок 265.
Александровская улица 163, 485.
Английская (Красного флота) набережная 906.
- Бабурии переулок 484.
Банковская линия 74.
Батенина улица 524.
Беговой переулок 324.
Безбородкинский (Ковдратьевский) проспект 523.
Большой проспект 268.
Большой промент (Васильевского острова) 441, 686.
Большой проспект (Петербургской стороны) 518, 838, 888, 915, 930.
Боровая улица 581.
Боткинская улица 324.
Бугский переулок 265.
- Владимирский проспект 323, 588, 906.
Вознесенский (Майорова) проспект 77, 910.
Волковская улица 337.
8-я линия Васильевского острова 163.
Выборгская сторона 170, 296, 298, 324, 339, 405, 437, 479, 480, 887, 913, 953, 975, 976, 980, 986, 989, 994.
- Галерная гавань 324.
Геслеровский переулок 259.
Глазовская (Константина Заслонова) улица 186, 513.
- Гоголя улица 260, 262, 906, 918, 931.
Гороховая улица (Дзержинского) 76, 263, 324, 325, 910, 925.
Гребцкая улица 485.
Греческий проспект 348.
Гулярная улица 888.
- Дворцовая набережная 906.
Дворцовая площадь 252, 254, 260, 262, 263, 265.
Дворянская Большая (Куйбышева) улица 259.
Думская улица 74.
- Екатерининская улица 906.
Екатерининский (Грибоедова) канал 735, 906, 922, 925.
- Жуковского улица 906, 915.
- Загородный проспект 323, 324, 573, 758, 906.
Зеркальная улица 74.
Знаменская (Восстания) площадь 569, 988, 989.
- Ивановская (Социалистическая) улица 471
Измайловский проспект 910.
Исаакиевская площадь 920.
Итальянская (Ракова) улица 518, 915.
- Казанская площадь 555.
Казанская (Плеханова) улица 761.
Казачий Большой переулок (переулок Ильича) 161.

- Калашниковская (Синопская) набережная 450, 903.
- Каменноостровский (Кировский) проспект 254, 888, 906, 915, 920, 921, 924, 929, 930.
- Караванная (Толмачева) улица 587.
- Кирочная (Салтыкова-Щедрина) улица 326, 491, 588, 921, 924.
- Коломенская улица 168.
- Конюшенная Большая (Желябова) улица 76, 264, 906, 926.
- Кровверкский (М. Горького) проспект 78, 694, 926.
- Крюков канал 173, 187, 321, 735.
- Кустарный переулок 78.
- Лебяжий канал 910, 915.
- Лермонтовский проспект 886.
- Лесной проспект 896.
- Литовская улица 325, 483, 484, 491, 518, 920.
- Литовский канал 915.
- Литейный проспект 202, 326, 396, 521, 587, 735, 906, 924, 926, 981.
- Литераторов улица 708.
- Ломанская улица 337.
- Льва Толстого площадь 930.
- Малый проспект (Васильевского острова) 266, 267.
- Малый проспект (Петербургской стороны) 78.
- Марсово поле 83, 915.
- Миллионная (Халтурина) улица 906.
- Михайловская площадь (площадь Искусств) 694, 917.
- Михайловская (Бродского) улица 234.
- Мойки реки набережная 262, 789, 906, 928.
- Монетная Большая (Скороходова) улица 695.
- Морская Большая (Герцена) улица 76, 262, 263, 888, 906, 982.
- Московское шоссе 887.
- Моховая улица 924.
- Надеждинская (Маяковского) улица 693, 910.
- Нарвская застава 169, 206, 251, 255—258, 262, 267, 296, 302, 469, 480.
- Нарвская площадь 986.
- Невская застава 160, 162, 163, 169, 171, 258, 293, 296—298, 304, 314, 315, 336, 337, 479, 480, 485, 546, 735, 900.
- Невский проспект 24, 74, 76, 93, 144, 205, 206, 208, 213, 253, 260, 262—265, 268, 279, 315, 323, 325, 326, 350, 382, 396, 441, 469, 480, 496, 498, 512, 513, 518, 686, 838, 888, 902, 903, 906, 907, 910, 915, 918, 919, 925, 926, 931, 959, 982, 985, 987—989.
- Нейшлотский переулок 524.
- Николаевская (Марата) улица 762, 910.
- Новопрогонный переулок 258.
- Нюстадская улица 524.
- Обводный канал 248, 740, 897, 915.
- Общественный переулок 480.
- Озерной переулок 157.
- Оренбургская улица 258.
- Офицерская (Декабристов) улица 684, 727, 734, 736, 880.
- Павфилова улица 156.
- Перинная улица 74.
- Петергофское шоссе (Проспект Стачек) 257, 581, 887.
- Полуостровская набережная 480, 499.
- Посадская Малая улица 25
- Прогонный переулок 164.
- Пушкарская Большая улица 163.
- Разъезжая улица 581, 896.
- Рождественская 5-я (5-я Советская) улица 665.
- Рождественская 7-я (Советская 7-я) 801.
- Садовая Большая улица 74, 76, 78, 324, 326, 480, 513, 906, 985.
- Садовая Малая улица 918, 925.
- Самсониевский Большой (Карла Маркса) проспект 362, 515, 523, 524, 896, 959, 980.
- Сенная (Мира) площадь 77.
- Серпуховская улица 573, 739.
- Симеоновская (Белинского) улица 588.
- Соляной городок 277, 280, 437, 854.
- Средний проспект 266.
- Старообрядческая улица 902.
- Суворовская Большая улица 74.

Суворовская Малая улица 74.
 Сукодная улица 74.
 Съезжийская улица 163.

Театральная площадь 886.
 Тимофеевская улица 499.
 Троицкая (Революции) площадь 259, 518.
 Троицкая (Рубинштейна) улица 279.

Университетская набережная 325, 684.
 Ушаковская улица 469.

Фонтаны реки набережная 132, 587, 708, 710,
 903, 906.

Французская (Кутузова) набережная 906.
 Фуришадтская (Петра Лаврова) улица 396.

Херсонская улица 450.

Чернышев переулок (Ломоносова улица) 74.

Шлиссельбургский проспект (Обуховской обо-
 роны) 162, 206, 208, 210, 258, 297, 480,
 546, 887, 917, 918.

Эртелев переулок (Чехова улица) 206.

Якорная площадь 338.

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДПРИЯТИЙ, УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЩЕСТВЕННЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ПЕЧАТИ И ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ

ПРОМЫШЛЕННЫЕ И ТРАНСПОРТНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ, ТОРГОВЫЕ И КРЕДИТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

- Адмиралтейский судостроительный завод 29, 340.
- Азовско-Донской банк 92, 93, 98—101.
- Айваз Я. М. машиностроительный завод (им. Ф. Энгельса) 24, 25, 97, 475, 521, 950, 956, 959, 965, 967, 971, 972, 984, 985.
- «Александров М. А.» акционерное общество 75.
- Александрово-Невская мануфактура — см. Пала К. Я. мануфактура.
- Александровский механический завод 189, 191, 199, 208, 241, 246—248, 268, 276, 287, 298, 304, 311, 313, 315, 336, 340, 342, 346, 347, 352, 360, 362, 373, 398, 431, 432, 495, 982.
- Александровский новый рынок 76, 82.
- Александровский старый рынок 78.
- Алексеева мебельная фабрика 488.
- Андреевский рынок 78.
- «Аполлон» кинематографическая фирма 845.
- Апраксин рынок 77, 78, 82, 110, 329.
- «Арматура» завод 289.
- «Атлас» механический завод 310, 315, 383.
- «Аичар» металлообрабатывающий завод 936.
- Бажанова Ф. Г. и Чувадшиной А. П. промышленное товарищество по торговле мануфактурными товарами 78.
- Балтийская ж. д. 62, 64, 315, 341.
- Балтийский вокзал 67, 740, 910.
- Балтийский судостроительный завод 29, 30, 33, 118, 125, 126, 210, 241, 248, 270, 277, 284—287, 298, 299, 304, 315, 340, 352, 360, 364, 367, 368, 373, 393, 517, 544, 935.
- Баравовского общество механических, гильзовых и трубочных заводов («Красная звезда») 97, 140, 210, 300, 494, 527, 965.
- Бека Джемса текстильная фабрика 220, 228, 248, 315, 454, 456, 515.
- «Бенкер» фабрика роялей 18, 56.
- Белла телефонная компания 912.
- Беляева Н. П. мебельная фабрика 56.
- Битенаж М. А. фабрика роялей 56.
- «Блигкей и Робиссон» кондитерская фабрика 47.
- Боброва табачная фабрика 98.
- «Богданов А. Н. и К^о» табачная фабрика 45, 46, 98, 128, 241, 383.
- Богельмана типография 669.
- «Борман Йорж» шоколадно-конфетная фабрика 47.
- «Брандт Э. Г. и К^о» лесопильный завод 56.
- Брусницина М. С. кожаный завод 55, 248, 348.
- Вагоностроительный завод (1-й) 18, 27, 97, 140, 210, 247, 276, 277, 298, 300, 301, 315, 360, 398, 527.
- Вагоностроительный завод (2-й) 290, 315, 360.
- Вагоностроительных заводов синдикат 18.

- Варгуниных писчебумажная фабрика 48, 247, 315, 381.
- Варшавская ж. д. 62, 66, 189, 315, 340, 364, 369.
- Варшавский вокзал 235.
- «Вестингауз» механический завод 304, 940.
- «Вита» кинематографическая фирма 840.
- Вогау торговая фирма 18.
- Волжско-Камский банк 90, 101.
- Воронин А. П., Лютиш и Чешер акционерное общество мануфактур 39, 59, 78, 220, 229, 248, 398, 399.
- Воронина Выборгская мануфактура 39, 128, 210, 315.
- «Вулкан» завод 527, 940.
- Гаевского типография 266, 348.
- Газовый завод «Общества 1858 г.» 902.
- Газовый завод «Общества 1835 г.» 902.
- Гвардейское экономическое общество 76, 918, 926.
- «Гейслер Н. К. и К⁰» (им. А. И. Кулакова) электротехнический завод 32, 228, 248, 360, 521.
- «Гелиос» общество электростанций 344, 903, 904.
- «Гергарди К. В.» акционерное общество бумаго-прядильной мануфактуры 40.
- Глебова электромеханический завод 228, 289, 300, 315, 399.
- Глухоозерский цементный завод 24, 98.
- Голодаевская писчебумажная фабрика 49, 248.
- Гостиный (Большой) двор 74—76, 82, 110, 265, 329.
- Гостиный (Малый) двор 74.
- Гостиный (Старый) двор 918.
- Государственный банк 20, 80, 82, 84—89, 97, 101, 102, 319, 322, 336.
- Гот И. канатная фабрика 42.
- «Граулит» акционерное общество цементных заводов 98.
- Гука северо-ткацкая мануфактура 304.
- Гутуевская судостроительная верфь 30.
- Дворянский банк 84.
- «Дело» типография 587.
- Дерябкина рынок 78.
- «Динамо» металлообрабатывающий завод 936.
- Драпкина кино-фабрика 840.
- «Дукат» табачная фабрика 46.
- «Дурдин И.» пивоваренный завод 47, 248.
- Дюфлон — см. Электромеханических сооружений акционерное общество.
- Евментьева А. Ф. кирпичный завод 53.
- Екатерингофская мануфактура 129, 180, 182, 192, 199, 247, 348, 360.
- «Железобетон» товарищество 918.
- Железопрокатный завод 248, 360.
- «Железо-Цемент» акционерное общество 54, 98.
- Захаровых кирпичный завод 53.
- Зверкова кожевенный завод 348.
- Зингеля завод 469.
- Ижорский машиностроительный и судостроительный завод 29, 241, 276—279, 284, 297—299, 304—306, 360, 364, 368, 936.
- Ириновско-Шлиссельбургская ж. д. 64, 315, 341.
- Кабельный завод («Севкабель») 441, 457, 517, 984.
- Калашниковская хлебная биржа 79, 437.
- Калининское товарищество пиво-медоваренного завода 45, 190, 246.
- Карточная фабрика 208, 209.
- Кевиг Л. Л. ниточная фабрика 39, 119, 177, 178, 181, 182, 187, 192, 210, 212.
- Керстен Е. П. («Красное Знамя») трикотажная фабрика 41, 121, 130, 248, 432.
- Киббель Т. Ф. типография 48.
- Киновиевский ультрамаринный завод 51.
- Кирхвера Отто (переплетная) 248, 382.
- Киршбаума типография 348.
- Коатс И. и П. Лимитед английский ниточный трест 39.
- Коженикова мануфактура 181.
- Колобова табачная фабрика 98.
- Коломенский машиностроительный завод 24, 348.
- Коппель Артур механический завод 27, 247, 360, 367, 385, 399, 469.
- Коровиных А. и С. товарищество мануфактурной торговли 78.
- Костеобжигательных заводов акционерное общество 99.
- Крейтона судостроительный завод 360, 383.
- Крестлянский поземельный банк 84.
- «Кровля» синдикат 82.
- Круг Р. механический завод 289.
- Лавгензиена механический завод 210, 248, 300, 304, 360, 383, 469, 517, 527, 982.

- Ландринна конфетная фабрика 122.
 «Лаферма» табачная фабрика 45, 46, 98, 122, 128, 169, 172, 177, 178, 248, 290, 340, 347, 360, 383.
 Лебедева («Работница») текстильная фабрика 177, 178, 220, 299, 936.
 Леммериха машинный завод 383.
 Леонтьевых братьев ситценабивная фабрика 246, 248, 304, 313, 315, 358, 360, 439, 441.
 «Лесснер Г. А.» (им. Карла Маркса) акционерное общество машиностроительных заводов 25, 98, 130, 210, 248, 270, 277, 278, 298, 300, 304, 315, 334, 339, 347, 360, 398, 399, 502—504, 508, 517, 518, 523, 524, 527, 935, 962, 965, 971, 972, 976, 980, 985.
 Лещинских братьев типография 348.
 Максвелла ткацкая фабрика 117, 118, 180, 181, 184, 185, 191, 192, 197, 198, 220, 347, 381, 488.
 Марьянский рынок 78.
 Маркс А. Ф. типография 48.
 «Медь» синдикат 18, 59, 83.
 Международный ниточный трест 39.
 «Мейер и К^о» банковский дом 97.
 Мельцера Ф. мебельная фабрика 56, 248.
 Мещенич и Коллельский колбасная 130.
 Мясной завод 515.
 Митрофаньевская мануфактура 182, 220.
 Морозова Саввы сыпной мануфактура 74.
 «Невка» товарищество Невской ниточной мануфактуры 39, 210, 212, 301, 310, 360, 494.
 Невская бумагопрядильная мануфактура 247, 288, 301.
 Невская ниточная мануфактура 39, 59, 74, 183, 186, 210, 241, 277, 288, 340, 455, 456.
 Невская фабрика механического производства обуви 56, 99, 241, 301, 398.
 Невский стеариновый завод 55, 56, 130, 247, 315.
 Невский судостроительный завод (им. В. И. Ленина) 21, 27, 28, 30, 97, 126, 127, 140, 162, 164—166, 189, 210, 228, 241, 244, 246, 258, 270, 277, 278, 288, 290, 298, 302, 304, 309—313, 315, 333, 334, 336, 337, 339—341, 347, 352, 360, 364, 367, 368, 373, 381, 393, 398, 405, 430, 480, 488, 503, 513, 527, 937, 940, 971, 982.
 Невский химический завод 50.
 Николаевская ж. д. 27, 62, 66, 68, 315, 336, 341, 360, 362, 456, 548.
 Николаевский вокзал 884, 910, 985.
 Никольская мануфактура 39, 210, 270, 301, 315, 360.
 Никольский рынок 78, 80, 82.
 Нобель братьев товарищество нефтяного производства 28.
 Нобеля Л. («Русский дизель») машиностроительный завод 23, 24, 28, 29, 98, 128, 229, 248, 276, 300, 304, 315, 360, 398, 399, 517, 629, 972.
 «Новая Бавария» пивомедоваренный завод 290.
 «Новая бумагопрядильня» (им. П. Анисимова) фабрика 40, 179—181, 183, 185, 186, 310, 971.
 «Новое адмиралтейство» («Судомех») завод 177, 178, 241, 298, 360, 364.
 Ново-Сампсониевская мануфактура 230, 301, 317, 360.
 «Новый Айваз» машиностроительный завод 502, 504, 508, 513, 527, 528, 972.
 Новый арсенал 276.
 Обуховский сталелитейный завод («Большевик») 29—31, 118, 123, 128, 208, 227, 229, 230, 241, 246—248, 270, 277, 278, 281, 284, 287, 297, 298, 299, 303—305, 316, 336, 337, 340, 346, 352, 360, 364, 367, 368, 373, 381, 393, 430, 468, 477, 506, 507, 508, 628, 936, 939, 982, 985.
 Орудийный завод 23, 270, 278, 289, 315, 352.
 «Осинов А. И. и К^о» кожевенный завод («Марксист») 55, 56, 248, 340.
 «Оттоман» табачная фабрика 383.
 «Охта» судостроительный механический завод 30, 33.
 Охтенская (Большая) ткацкая текстильная фабрика 180, 360, 515.
 Охтенская (Малая) ткацкая фабрика 115, 360.
 Охтенский завод взрывчатых веществ 49, 289.
 Охтенский лесопильный завод 57.
 Охтенский пороховой завод 49, 125, 241, 269, 289, 396, 495, 739.
 Пала К. Я. Александров-Невская мануфактура 40, 115, 117, 157, 198, 220, 241, 247, 288, 297—299, 301, 304, 315, 360, 373, 381, 398, 406, 488, 503.
 Парамонова кожевенный завод 348.
 Парвайнен б. чугунолитейный и механический заводы 469, 517, 527, 962, 972, 985.

- Пассаж магазин 480.
 «Пата» французская кинофирма 839.
 Пекле красильная фабрика 122.
 «Перун» химический завод 51.
 Петербургский арсенал 23, 32, 270, 289, 352.
 Петербургский железопрокатный и проволочный завод 301.
 Петербургский международный коммерческий банк 91—93, 95—98, 100, 101, 140.
 Петербургский металлический завод 22, 30, 97, 118, 210, 228, 241, 245, 248, 270, 277, 290, 298, 304, 315, 334, 340, 360, 405, 469, 480, 494, 496, 499, 503, 515, 517, 518, 524, 527, 937, 971, 972, 985.
 Петербургский механический и литейный завод 965.
 Петербургский оружейный завод 31, 270, 287, 289, 441.
 Петербургский патронный завод 23, 31, 241, 287, 297.
 Петербургский торговый (б. Вавельберг) банк 101, 931.
 Петербургский трубочный завод (им. М. И. Калинина) 31, 118, 248, 270, 289, 339, 360, 364, 518, 527, 581, 965, 984.
 Петербургский учетный и ссудный банк 93, 95, 100.
 Петербургский частный коммерческий банк 93, 95, 99—101.
 Петербургский чугунолитейный завод 304.
 Петербургово-Варшавская ж. д. 246, 289.
 Петербургское общество железопрокатных и проволочных заводов 18.
 Петровская мануфактура 191, 241, 287, 288, 297, 313, 315, 340, 348, 360, 373, 398, 406, 488. См. также Максвеля фабрика.
 Печаткина писчебумажная фабрика 248, 455.
 Пневматических машин завода товарищество 97.
 Польде завод 508.
 Поссели подковный завод 248, 289, 304, 340, 360.
 Приморско-Сестроречская ж. д. 64, 315.
 «Проводник» рижский резиновый завод 52.
 Проволочный и гвоздильный завод 241, 248, 289, 340, 360, 517.
 «Продамать» синдикат 11, 18, 59, 83, 92, 140.
 «Продафильм» кинематографическая фирма 841, 845.
 «Продвагон» синдикат 59.
 «Продуголь» синдикат 11, 83.
 «Промет» завод 965, 985.
 Путиловская верфь 21, 29, 30, 951, 965, 971.
 Путиловский завод (Кировский) 18—22, 27, 28, 30, 59, 82, 97, 117—119, 126, 140, 172, 189, 228, 229, 241, 243—247, 252, 256, 269, 270, 276—278, 288, 298, 300, 302, 303, 315, 324, 333—337, 340, 359, 360, 362, 367, 368, 373, 405, 430, 432, 442, 455, 457, 468, 469, 477, 479, 494, 517, 518, 521—523, 525, 527, 571, 581, 604, 935—937, 940, 944, 951, 956, 967, 968, 972, 973, 982, 985, 986.
 Резиновая мануфактура — см. «Треугольник».
 Речкина вагоностроительный завод (им. Егорова) 277, 373, 377, 399.
 Розенберга жестяных изделий завод 289.
 Розенкранца б. меднопрокатный и трубный завод («Красный шиборец») 18, 128, 229, 241, 248, 270, 276, 277, 288, 301, 304, 315, 360, 373, 398, 469, 499, 513, 581, 965.
 «Ролс В. и К^о» акционерное общество нефтеперогонного завода 51.
 Российская бумагопрядильная мануфактура 40, 59, 99, 182, 248, 278, 348, 971.
 Российско-Баварское пивоваренное акционерное общество 47, 450.
 Российское золотопромышленное общество 95.
 Российское страховое общество 922.
 Роченсальмская бумагопрядильная 39, 210.
 Русский для Внешней торговли банк 46, 92, 93, 95, 98, 101.
 Русский Торгово-промышленный банк 92, 98.
 Русско-Азиатский банк 21, 44—46, 90—93, 97—101, 140.
 Русско-Английский банк 100.
 Русско-Балтийский завод 634, 982.
 Русско-Китайский банк 90.
 Русско-Французский банк 100.
 Русского общества снарядный завод 128.
 «Саати и Мангубя» табачная фабрика 46, 383.
 «Саламандра» страховое общество 927.
 Сампсоньевская бумагопрядильная мануфактура 40, 41, 56, 301, 313, 315, 362.
 Сан-Галли механический завод 289, 310, 455.
 Северная ж. д. 64, 62.

- Северная ткацкая мануфактура 40, 210.
Северное стекольно-промышленное общество 54, 98.
Северный банк 90.
Северных механических и котельных заводов акционерное общество 98, 270.
Северо-Западная ж. д. 66.
Североткацкая мануфактура 971.
Семяниновский завод — см. Невский механический завод.
Семенова И. А. («Ливотип») машиностроительный завод 22, 55.
Сейной рынок 78, 894.
Сестрорецкий металлический завод 488.
Сестрорецкий оружейный завод 23, 31, 269, 289, 304, 305, 341.
Сибирский торговый банк 93, 100, 143, 925.
«Сименс и Гальске» (им. В. Н. Казинского) электротехнический завод 32, 97, 248, 304, 315, 340, 360, 398, 474, 481, 525, 528.
«Сименс-Шуккерт» («Электросила») электромеханический завод 32, 97.
«Скороро» обувная фабрика 56, 130, 255, 256, 964, 985.
«Соединенные кабельные заводы» общество 971.
Сойкина П. П. типография 48.
Спасская мануфактура 241, 247, 287, 288, 301, 315, 340, 348, 360, 373, 398, 406, 488. См. также Максвеля фабрика
Старо-Сампсониевская (Мальцева) мануфактура 121, 129, 180, 184, 186, 360, 398, 399.
Стрелина М. Г. кирпичный завод 53.
«Строитель» акционерное общество лесопильных и столярных заводов 57.
«Струк Г.» свицково-белильный и красочный завод 128.
Сытина типография 313.
Сытный рынок 78, 926.
Табачный синдикат 45, 98, 99.
«Танагра» кинофирма 838, 841.
«Таратин В. А.» торговое товарищество 75.
Тентелевский химический завод 50, 51, 247.
«Тимов и Рейнгардт» кинофирма 839.
Толевая фабрика 248.
Торгово-промышленный банк 95.
Тортон товарищество шерстяных изделий (им. Э. Тельмана) 42, 43, 74, 115, 117, 169, 170, 228, 247, 301, 313, 315, 340, 373, 381, 432.
«Треугольник» товарищество Российско-Американской мануфактуры («Красный треугольник») 51, 52, 98, 123, 126, 128, 228, 241, 244, 246—248, 276—278, 287, 290, 496, 515, 516, 581, 936, 956, 967, 971.
Триумфальной бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры акционерное общество 99, 180, 182, 247, 348.
«Трубопродажа» синдикат 59, 83.
Тюлевая фабрика 42.
Усть-Ижорская верфь 22.
«Феникс» (им. Я. М. Свердлова) машиностроительный завод 18, 26, 98, 248, 270, 276, 290, 304, 315, 360, 469, 480, 494, 499, 525, 940, 965.
Филиппова пекарни 484.
Финляндская ж. д. 62, 67, 268.
Финляндский вокзал 161, 956, 961.
Фондовая биржа 73, 87.
Франко-Русский машиностроительный завод 31, 119, 125, 245, 246, 276, 277, 288, 290, 304, 315, 333, 339—341, 360, 398, 451, 515, 518, 937.
Хаймовича жестяных изделий завод 289.
Харчевых братьев товарищество 78.
Царскосельская ж. д. 64, 315.
Царскосельский вокзал (Витебский) 910, 926.
Шапошниковой Н. Е. табачная фабрика 45, 46, 98, 122, 128, 383.
Шапшал Ю. М. табачная фабрика 45, 98, 360, 383.
Шау фабрика 115, 399.
Шаффа оружейная фабрика 266.
Шредера К. М. фабрика роялей 56, 796.
Штаглица бумагопрядильная и ниточная фабрики 74, 124, 219, 220, 246, 348.
Электромеханических сооружений б. «Дюфлов» акционерное общество («Электрик») 98.
Электростанция общества «Гуз и Шманцер» 903, 904.
Электростанция «Общества 1886 г.» 903, 904.
Эриксона телефонный завод («Красная заря») 128, 276, 300, 304, 315, 360, 373, 383, 469, 937, 964.
Юнгер М. Е. кирпичный завод 53.
«Юнкер и К^о» банк 101.

ПАРТИЙНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ГРУППЫ

- Академический союз 307, 570.
 Боевой комитет при ПК РСДРП 332.
 Бюро комитетов большинства 232, 292, 293.
 «Вперед» группа 437.
 Всероссийский гимназический союз 555.
 Всероссийский Крестьянский союз 354, 355.
 Всероссийский Национальный студенческий союз 570.
 Всероссийский союз учителей 536, 540.
 Всероссийский Страховой совет (его рабочая группа) 512, 969, 970.
 Городская дума 213, 234, 284, 307, 319, 369, 370, 394, 398, 535, 542, 543, 574, 582, 598, 887—889, 891, 892, 894, 897, 902, 910, 913, 915, 916, 929, 972.
 «Группа 20» 197.
 «Группа рабочих для борьбы с капиталом» 197.
 «Группа самоосвобождения рабочего класса» социал-демократическая организация 197, 216.
 Жевское патриотическое общество 547.
 Исполнительная комиссия Петербургского комитета РСДРП 389, 435, 436, 452, 461, 488, 510.
 Комиссия о безработных при Совете рабочих депутатов 353, 398.
 Комитет партии социалистов-революционеров 303.
 Межклубная комиссия 451.
 Общество петербургских заводчиков и фабрикантов 258, 260, 284—286, 301, 329, 341, 350, 383, 416, 417, 479, 481, 496, 513, 530, 948, 950.
 Объединенный комитет студенческих социал-демократических фракций 571.
 «Освобождение труда» группа 168, 169, 201, 225.
 «Палата Михаила Архангела» черносотенная организация 463.
 «Петербургская группа ЦК» фракционный центр меньшевистского ЦК 234.
 Петербургский комитет РСДРП 127, 131, 201, 205, 211, 212, 217—221, 226, 227, 230, 231, 233, 237, 245—247, 252, 260, 270, 275, 278, 281, 292, 293, 297, 298, 302, 303, 305, 309, 311, 315, 316, 342, 343, 350, 351, 356, 357, 368, 369, 373, 375, 380, 381, 384, 385, 387, 389—392, 394, 396, 399, 424, 425, 427, 431, 432, 435, 438, 439, 445—447, 449, 450, 452, 453, 456—458, 461, 474, 477, 479, 480, 482, 484, 492, 494—499, 506, 508, 512, 518—522, 527, 557, 567, 568, 581, 956—958, 961, 964—966, 972, 974, 976, 982, 984, 986—989, 991, 992.
 Петербургский Совет рабочих депутатов 316, 318, 319, 325, 326, 330, 332, 334, 335, 337, 339, 341—343, 346, 347, 349—361, 362, 369, 370, 384, 385, 406, 408, 429, 568, 988, 989, 991, 992, 994, 995.
 Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса 148, 149, 170, 175—179, 182, 184, 186, 187, 189—194, 197, 198, 202, 206, 208, 210, 212, 242, 244, 429, 539, 662.
 Петербургское общество для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности 284.
 Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов (1917) 987, 997.
 Прогрессивно-экономическая партия 329.
 Профессиональные союзы:
 булочников-кондитеров 399, 401, 483, 694.
 деревообделочников 383, 482.
 золотосеребряников и бронзовщиков 484.
 конторщиков 482.
 металлистов 372, 383, 399, 448, 482, 483.
 печатников 332, 399, 401, 482—483.
 портных 482, 484.
 приказчиков 482.
 текстильчиков 401, 442, 483.
 фармацевтов 482, 949.
 чертежников 482.
 «Рабочее знамя» социал-демократическая группа 197.
 Российская организационная комиссия (по подготовке партийной конференции) 456, 457.
 Русское бюро ЦК 438, 468, 475, 490, 956.
 Санктпетербургская организация среднеучебных заведений (отделение Всероссийского Гимназического союза) 555.

- Санктпетербургское общество вспомоществования рабочим в механическом производстве» 239.
- Северный союз учащихся средних школ 555.
- «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С. Петербурга» 237—239, 242, 244—246, 249—251, 254, 256, 258, 260, 265, 266, 274, 279, 283.
- Совет безработных 369, 370, 384, 398.
- Совет объединенного дворянства 139, 391, 411, 413, 414, 464.
- Совет съездов представителей промышленности и торговли 464.
- «Социал-демократическая рабочая библиотека» 197.
- «Социалист» 197, 211.
- «Союз Михаила Архангела» черносотенная организация 570.
- «Союз освобождения» 236, 328.
- «Союз русского народа» 390, 391, 414, 415, 463, 464.
- «Союз 17 октября» 329, 417.
- Союз союзов 307, 308, 320, 342, 720, 722.
- Торгово-промышленный союз 329.
- «Трудовая» группа в Государственной думе 378, 388.
- Ученческая организация при ПК РСДРП 557.
- Федеративный комитет РСДРП 326, 327, 334, 335, 339, 342, 353.
- Центральное бюро профсоюзов 370, 399, 439, 441, 448, 451, 452, 482, 493.
- Центральный военно-промышленный комитет 944, 945, 966, 983.
- Центральный комитет РСДРП 194, 232, 310, 332, 333, 348, 350, 351, 374, 380, 390, 424, 439, 440, 442, 457—460, 466—468, 475—478, 480, 486—488, 490, 492, 493, 495—497, 509, 510, 512, 519, 520, 526, 956, 960, 973, 984, 989—991, 1000.

Ж У Р Н А Л Ы

- Адская почта 679, 680, 682, 869, 871.
- Аполлон 682, 751, 874, 875.
- Балда 680.
- Бурелом 331.
- Былое 645, 646.
- Бюллетень общества инженеров-электриков 622.
- Бюллетень общества технологов 622.
- Вестник жизни 871.
- Вестник общества морских инженеров 622.
- Вестник печатника 401.
- Вестник портных 484.
- Весы 672.
- Византийский временник 648.
- Волшебный фонарь 870.
- Вопросы жизни 637.
- Вопросы страхования 462, 948, 955, 962.
- Гамаюн 870.
- Голос золотосеребришки 484.
- Голос социал-демократа 439, 440.
- Детел 331.
- Жало 679, 680, 870.
- Железнодорожное дело 624.
- Живая старина 657.
- Жизнь 196, 663, 666, 668, 669.
- Жизнь пекарей 483.
- Жупел 331, 679, 680, 870—872.
- Журнал журналов 694.
- Журнал министерства народного просвещения 557.
- Журнал опытной агрономии 617.
- Журнал экстернов 583.
- Записки Академии Наук 620.
- Записки религиозно-философского общества 637.
- Записки Русского Технического общества 624.
- Заря 202—204.
- Звои 680.
- Знамя 871.
- Золотое руно 672.
- Зритель 323, 331, 680.
- Известия Академии Наук 620.
- Известия общества гражданских инженеров 622.
- Казарма 387, 389.
- Киножурнал 842.
- Кузнец 401.
- Летопись 694, 695.
- Летучий листок группы народолюбцев 173.
- Листок блочника 401.

ГАЗЕТЫ

- Металлист 483, 517.
 Мир божий 666.
 Мир искусства 672, 726.
 Молодая Россия 369, 570.
 Молот 870.
 Музыка 751.
 Музыкальный современник 787.
 Музыкальный труженик 749.
 Мысль 690.
 На заре 556.
 Научное обозрение 195.
 Начало 195, 196, 666.
 Наша мысль 587.
 Наша заря 465, 493, 959.
 Нива 585, 662.
 Новое слово 195, 668.
 Новый журнал для всех 686.
 Новый путь 637, 674.
 Новый сатирик 693.
 Образование 536, 727.
 Освобождение 283.
 Партийные известия 374.
 Петербургская рабочая неделя 293, 297.
 Петербургский рабочий листок 191, 192, 194.
 Пламя 331, 870.
 Полярная звезда 328, 364.
 Право 328.
 Пробуждение 682.
 Просвещение 462, 475, 482, 511, 690.
 Пулемет 331, 680, 870.
 Работник 169, 180.
 Работница 462.
 Революционная Россия 226.
 Русская музыкальная газета 783, 784, 786, 886.
 Русская школа 554.
 Русский вестник 674.
 Русский зоологический журнал 620.
 Русское богатство 151, 153, 639, 662—664, 666—668.
 Сатирическое обозрение 377.
 Северный вестник 668, 672.
 Сигнал 680, 870.
 Сине-фоно 836, 842.
 Синий журнал 682.
 Скорпион 672, 673.
 Солнце России 682.
 Старые годы 589, 675.
 Столица и усадьба 682.
 Студент 201.
 Тары-бары 588.
 Театр и искусство 711, 720.
 Текстильное дело 586.
 Текстильный рабочий 483.
 Терни труда 400.
 Техническое образование 624.
 Топор 670.
 Электричество 624.

ГАЗЕТЫ

- Амур 588.
 Биржевые ведомости 476.
 Ведомости СПб. градоначальства 248, 316, 341, 360.
 Волна 369, 380, 381, 385, 386, 403, 586.
 Вперед 232—235, 245, 246, 248, 247—253, 262, 263, 270, 272, 273, 292, 293, 297, 369, 380, 385, 386, 403, 586, 587.
 Газета-копейка 476, 588, 682.
 Дума 380.
 Живое дело 487.
 Звезда 125, 161, 422, 442, 443, 454, 455, 461, 468—470, 551, 586, 655, 688, 691, 729, 741, 742.
 Зрение 400.
 Известия Петроградского Совета рабочих депутатов 987.
 Известия Совета рабочих депутатов 332, 341, 343, 357.
 Известия Ученической организации при ПК РСДРП 557.
 Искра 115, 117, 124, 149, 161, 199, 201, 202, 204, 205—213, 216, 217, 221, 226, 232, 236, 275, 293, 478, 540, 567, 669.
 Курьер 380.
 Луч 465, 491, 493, 500.
 Московские ведомости 309.
 Начало 331, 355.
 Наш путь 501, 502.
 Наша жизнь 236, 274, 283, 308, 355.
 Наше эхо 400.
 Наши дни 254, 274, 283, 361.
 Невская газета 380.

- Невская звезда 443, 461, 464, 487, 586.
 Невский голос 487.
 Новая жизнь 319, 330, 331, 337, 342, 343, 345, 349—351, 353, 355, 356, 364, 370, 586, 655, 678—680, 722, 865, 869.
 Новая рабочая газета 511.
 Новобрачная газета 588.
 Новое время 48, 206, 360, 476, 480, 674.
 Новый день 442.
 Новый луч 400, 402, 403.
 Правда (1912—1914 гг.) 119, 121, 123, 127, 130, 131, 161, 443, 461, 462, 466, 470—479, 482, 483, 486, 487, 490, 491, 494, 496, 499, 500, 502—507, 511, 512, 514—518, 520—523, 529, 533, 540, 541, 546, 548, 559, 588, 591, 592, 655, 688—690, 738—742, 814, 845, 878, 879, 949, 959.
 Правда (1917 г.) 984—987, 991, 1000.
 Правительственный вестник 190, 248, 269, 316, 341, 360.
 Пролетарий 295, 305, 307, 310—312, 324, 348, 365, 387, 402, 434, 437, 438, 440, 680.
 Пролетарская правда — см. Правда (1912—1914 гг.).
 Пролетарский голос 957, 962.
 Промышленность и торговля 464.
 Простые речи 400.
 Путь правды — см. Правда (1912—1914 гг.).
 Рабочая газета 442, 455.
 Рабочая Молва 400.
 Рабочая мысль 196—198, 212, 216.
 Рабочее дело 174.
 Рабочий 302.
 Речь 328, 377, 380, 419, 476, 984.
 Русская газета 246, 331, 355.
 Русский инвалид 360.
 Русское знамя 414, 961.
 Русь 355.
 Самарская газета 672.
 Санктпетербургские ведомости 220.
 Свободное слово 355.
 Свободный народ 355.
 Северная правда — см. Правда (1912—1914 гг.).
 Северный голос 361.
 Социал-демократ 446, 956—958, 961, 962, 970, 980.
 Сын отечества 236, 308, 331, 355.
 Товарищ 395.
 Торгово-промышленная газета 367, 481.
 Трудовая правда — см. Правда (1912—1914 гг.).
 Школа и жизнь 541.
 Эхо 369, 384—386, 403, 586.

ИЗДАТЕЛЬСТВА

- Вперед 587.
 Знание 585, 667, 670—672, 674.
 Маркса А. Ф. 585.
 Общественная польза 598.
 Парус 694.
 Прибой 587, 688.
 Развлекение 682.
 Стасюлевича М. М. 585.
 Суворина А. С. 585.

НАУЧНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И ОБЩЕСТВА, УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ, ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА

- Академия генерального штаба 610.
 Академия Наук 534, 546, 563, 596, 601, 604—608, 610, 611, 614—619, 622, 628, 640, 646—648, 652—656.
 Академия художеств 205, 849, 850, 853, 857, 864—868, 870, 872, 875, 877—879, 883, 884, 886, 908, 916, 922, 928.
 Ассоциация русских физиков 600.
 Библиотека Академии Наук 584, 918.
 Биологическая лаборатория им. Лесгафта 615.
 Введенская гимназия 549, 559.
 Владимирское пехотное училище 577.
 Военно-инженерное училище 774.
 Военно-медицинская академия 198, 205, 282, 311, 316, 563, 574, 577, 598, 606, 610, 612, 613, 615, 621, 837.
 Военно-электротехническая школа 344.

- Вольное экономическое общество 283, 347, 351, 640.
 Восточный институт 562.
 Выборгское коммерческое училище 551.
 Высшая агрономическая школа 538, 560.
 Высшие агрономические курсы профессора Стебута 872.
 Высшие женские естественные курсы 572.
 Высшие женские курсы (Бестужевские) 150, 198, 205, 225, 431, 572, 574, 575, 610, 924.
 Высшие женские политехнические курсы 573.
 Высшие женские строительные курсы 573.
 Высшие историко-литературные и юридические курсы (Раева Н. П.) 572.
 Высшие курсы при биологической лаборатории Лесгафта 560.
 Гаванское общество образования 450.
 Геологический комитет 609.
 Главная физическая обсерватория 605.
 Горный институт 198, 205, 265, 282, 311, 475, 562, 563, 565, 568, 570, 589, 606, 610, 611, 627.
 Гребешкая школа 452.
 Дом просветительных учреждений 740.
 «Женская взаимопомощь» рабочий клуб 450.
 Женские курсы высших архитектурных знаний 573.
 Женский медицинский институт (1-й Ленинградский медицинский институт имени И. П. Павлова) 198, 205, 217, 282, 572—575.
 Женский политехнический институт 573.
 «Знание» рабочий клуб 450, 485, 579.
 «Знание — свет» рабочий клуб 485.
 Институт инженеров путей сообщения 573, 606, 608, 610, 634, 918.
 Институт экспериментальной медицины 612, 615.
 Интедантская академия 576.
 «Источник света и знания» рабочий клуб 450, 484, 581, 739.
 Коломенское общество образования 485.
 Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) 599.
 Комиссия сырья 599.
 Комитет военно-технической помощи 599.
 Константиновское артиллерийское училище 918.
 Курсы воспитательниц и руководителей физического образования П. Ф. Лесгафта 572, 984.
 Лесной институт 198, 205, 225, 282, 431, 606, 984.
 Лохвицкой-Скалон М. А. курсы новых языков 572.
 Математическое общество 598.
 «Маяк» рабочий клуб 579.
 Металлографическая комиссия 626.
 Морская академия 576, 604, 605.
 Морское техническое училище 632.
 Московский университет 571, 608, 855.
 Нарвское общество образования 450.
 Нарвское (второе) общество образования 485.
 «Наука и жизнь» рабочий клуб 450, 485, 581.
 «Наука» рабочий клуб 450, 580.
 Некрасовское общество образования 450.
 Николаевское инженерное училище 345.
 Николаевское кавалерийское училище 886.
 «Образование» рабочий клуб 450, 485, 739.
 Обуховская воскресная рабочая школа 297.
 Общество любителей физики и астрономии 598.
 Общество народных университетов 478—580, 844.
 Охтенское механико-техническое училище 547.
 Павловский институт 553.
 Педагогическая академия Лиги образования 560.
 Педагогический институт 575.
 Петербургское общество архитекторов 919.
 Петербургское общество испытателей природы 620.
 Политехнический институт 15, 282, 431, 441, 475, 560, 562—565, 606, 608, 622, 625, 626, 628, 634, 639, 640, 644, 648, 844, 924, 962, 984.
 «Просвещение» 450, 451.
 Психоневрологический институт 560, 615, 962, 984, 985.
 Публичная библиотека 274, 283, 648, 922.
 Пулковская обсерватория 601—603.
 Рельсовая комиссия 626.
 Рождественские курсы 205.
 Русское астрономическое общество 598.
 Русское ботаническое общество 619.
 Русское географическое общество 599, 612, 619, 762.
 Русское общество экспериментальной психологии 598.

- Русское техническое общество 280, 546, 547, 624, 626, 627, 632, 657, 844.
 Русское физико-химическое общество 598.
 Самопровозглашенное общество образования 450, 484, 580.
 «Свет» рабочий клуб 450, 580.
 Смоленская воскресная рабочая школа 297, 545—546.
 Смольный институт (Воспитательное общество благородных девиц) 553, 554.
 Стасюлевича имени общество образования 450, 580, 739.
 Тенишевское коммерческое училище 310, 551, 844, 924.
 Технологический институт 15, 24, 49, 198, 225, 282, 311, 316, 323, 324, 431, 562, 564, 565, 567, 570, 606—608, 610, 625, 918.
 Университет (Петербургский) 15, 201, 205, 225, 282, 311, 316, 317, 435, 441, 475, 570, 598, 600, 604, 608, 610, 615, 616, 628, 639, 642, 654, 783, 197.
 Физический институт Петербургского университета 568, 570, 600, 924.
 Философское общество 637.
 Царскосельское реальное училище 558.
 Центральная лаборатория министерства финансов 608, 634.
 Центральное училище технического рисования 866.
 Черяева училище 559.
 Электротехнический институт 33, 198, 205, 282, 562, 568, 570, 608, 622, 623, 625, 633.

ТЕАТРЫ, МУЗЫКАЛЬНЫЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

- Академия художеств — см. указатель научных учреждений и т. д.
 «Аквариум» театр 837.
 Александринский театр (Академический театр драмы имени А. С. Пушкина) 700, 702—704, 706, 711, 712, 714, 720, 722—725, 727, 730—733, 842, 883.
 «Аркадия» театр 800, 802.
 Бесплатная музыкальная школа 769, 782.
 Большой зал консерватории 781, 804, 810.
 «Бубновый валет» группа художников 873—875.
 Васильевский театр 715, 735.
 Васильевское общество народных развлечений 739.
 Велюровский оркестр В. В. Андреева 788, 789.
 «Вечера современной музыки» 746, 751, 787.
 Всероссийский Союз сценических деятелей 722, 723.
 «Гранд-палас» кинотеатр 838.
 Дворянского собрания концертный зал 781, 917.
 Дом ветеранов сцены 708.
 Инглишский театр 735.
 «Коллизеум» кинотеатр 844.
 Комиссаржевской театр (Драматический театр) 716, 718—720, 722, 725, 726, 730, 734, 737, 880.
 Кононова зал 712, 733, 734.
 Консерватория (Петербургская) 747, 748, 754, 758, 761, 766, 769, 773, 774, 776, 783, 784, 787, 795, 799, 800, 804, 805, 810, 812—815, 836.
 «Концерты Зилоти» — см. Именной указатель (Зилоти).
 «Концерты Кусевницкого» — см. Именной указатель (Кусевницкий).
 «Концерты Шереметева» 767, 781.
 «Кривое зеркало» театр 735.
 Литейный театр 735.
 Литературно-художественный кружок 711.
 Литературно-художественного общества театр (Малый театр, Театр им. А. С. Суворина) 710—712, 780.
 Мариинский театр (Академический театр оперы и балета им. С. М. Кирова) 722, 753—755, 764—766, 768, 769, 773, 783, 785, 789, 809, 811, 814—834, 880, 882, 883.
 «Марс» кинотеатр 838.
 «Мир искусства» общество 822, 824, 825, 858, 860—864, 868, 870, 871, 874—876, 880, 881, 884.
 «Модерн» кинотеатр 838.

- «Молния» кинотеатр 838.
 Московская консерватория 748, 763, 766, 768—771, 775, 796, 813.
 Московская опера Зимина 882.
 Московская частная опера Мамонтова 754, * 800, 880.
 Московский Большой театр 778, 784, 795, 796, 799, 801—805, 809, 811, 817, 819—822, 831, 880.
 Московский Малый театр 697, 700, 704, 721, 842.
 Московский Художественный театр 674, 689, 695, 698—700, 714, 716, 721, 724—726, 732, 741, 742, 809, 810, 820, 842, 882.
 «Музыкального современника» концерты 787.
 «Мулен-Руж» кинотеатр 838.
 Народная консерватория 748, 749.
 Народный дом (Повечительства о народной трезвости) 441, 686, 736, 737, 755, 764, 780, 789, 797, 802, 804, 805, 808—810, 812, 840, 882, 923.
 Народный дом В. Н. Давидова 736.
 Народный дом Нобеля 437, 578, 699.
 Народный дом гр. Паниной 278, 313, 371, 378, 379, 578, 737.
 «Наш театр» 740.
 Невское общество народных развлечений 715, 739.
 Незлобина театр 734.
 Неметти театр 727.
 Новое общество художников 878.
 Новый Василеостровский театр (Н. А. Погова) 736.
 Новый драматический театр 734.
 Новый летний театр 802.
 Новый театр Л. Яворской 712—714, 723.
 Общедоступный и передвижной театр 737—739.
 Общество вокальной музыки 786.
 Общество друзей музыки 786.
 Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины 928.
 Общество любителей камерной музыки 786.
 Общество камерной музыки 766, 770, 786.
 Общество музыкальных собраний 753, 754.
 Общество писателей о музыке 749.
 Общество поощрения художеств 866, 876.
 «Олимпия» театр 802.
 Павловский вокзал (концерты) 761, 776, 783.
 Панаевский театр 710, 722, 723, 734, 753, 800.
 «Парижский» кинотеатр 838.
 «Парижана» кинотеатр 838.
 Певческая капелла 763, 787, 788.
 «Петербургский театр» 713.
 «Пикадилли» кинотеатр 836.
 Пороховской литературно-драматический кружок 739.
 Придворный оркестр 772, 780.
 «Прогресс» кинотеатр 838.
 «Рабочий театр» 740, 741.
 «Рекорд» кинотеатр 838.
 «Русские квартетные вечера» 784.
 «Русские симфонические концерты» (Беляевские) 760, 762, 765, 766, 770, 772—774, 781, 782, 784.
 Русский драматический театр А. К. Рейнеке 734.
 Русское музыкальное общество 752, 757, 758, 761, 763, 764, 766, 770, 772, 775, 777, 778, 781, 783, 784, 786, 796, 797, 814.
 Русское театральное общество 708.
 Сестрорецкий курорт (концерты) 784.
 Скрибинское общество 773.
 Современный театр 734.
 «Союз взаимопомощи русских писателей» 207, 670.
 Союз молодежи (общество художников) 874.
 Союз оркестровых деятелей 749.
 «Среда» литературное общество в Москве 676.
 Старинный театр 733, 734, 880.
 Театральное училище 820, 822, 827, 829, 833.
 Театральный клуб 735.
 Типографский музыкально-драматический и образовательный кружок 450.
 Товарищество передвижных художественных выставок 846—848, 850—851, 858, 863, 876, 877.
 Троицкий театр 735.
 Фальковский и Леванта театр 734.
 Эрмитажный театр 818.

МУЗЕИ

- Азватский 653.
 Академии художеств 850, 854, 857.
 Антропологии и этнографии 546.
 Ботанический 618.
 Геологический и палеонтологический 589,
 609, 610.
 Горный 589.
 Зоологический 589, 620.
 Минералогический 609, 610.
 Морской 584.
 Педагогический военно-учебных заведений 578.
 Пушкинский Дом 656.
 Русский (Александра III) 588, 589, 592, 651,
 850, 853—858, 917, 922.
 «Старый Петербург» 590, 928.
 Суворова А. В. 588, 921, 922.
 Третьяковская галерея 853, 854.
 Эрмитаж 580, 589, 591, 653, 854, 856, 857.
 Этнографический отдел Русского музея 651,
 917.

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ И СКУЛЬПТУРЫ

- Абамелек-Лазарева особняк 928, 929.
 Александру III памятник 884.
 «Астория» гостиница 921.
 Библиотеки Академии Наук здание 584, 918.
 Больница им. Петра Великого 910, 926.
 Вавельберга банка здание 918, 931.
 Витебского вокзала здание 926
 Гвардейского экономического общества зда-
 ние (Дом Ленинградской торговли) 918, 926.
 Героям миновосца «Стерегущий» памятник
 845, 885, 886.
 Глинке памятник 886.
 Городской дом 926.
 Дворцовый мост 906—907, 927.
 Дворянского собрания здание 917.
 Доходный дом Первого Российского страхо-
 вого общества на Каменноостровском про-
 спекте (№ 26/28) 920.
 Доходный дом Перцова (Лиговка, д. 44) 920.
 Доходный дом Толстого (Троицкая, д. 15/17)
 920.
 Дом Елксеева С. П. (Невский пр., д. 56) 925, 926.
 Клинического повивально-гинекологического
 института здание 917.
 Компания «Зингер» (Дом Книги) 919, 925.
 Крестовской М. В. памятник 886.
 Кшесинской особняк 920.
 Макарову адмиралу памятник 884.
 Мертensa дом 918.
 Мечеть 926.
 Мечникову памятник 884.
 Музея А. В. Суворова здание 921.
 Мусоргскому памятник 886.
 Народного дома (Попечительства о народной
 трезвости) здание 922.
 Нижний дворец в Петергофе 921.
 Охтенский мост 906, 927.
 Политехнического института здание 922, 923.
 Половцева особняк 928.
 Пушкину памятник 886.
 Семенову-Тянь-Шанскому памятник 886.
 Сибирского банка здание 925.
 Скетинг-ринга здание 924.
 Страхового общества «Саламандра» здание
 925.
 Строганова дача 918.
 Таврический дворец 917.
 Тенишевского коммерческого училища здание
 924.
 Троицкий мост 906, 907, 927.
 Успенскому Глебу памятник 883.
 Училищный дом Петра Великого 924, 925.
 Царскосельский Александровский дворец 854,
 857.
 Этнографического отдела Русского музея
 здание 917.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
В. И. Ленин. Фотография 1897 г.	<i>Фронтиспис</i>
Петербургский металлический завод. Фотография 90-х гг. XIX в.	21
Электропечь Обуховского завода. Фотография начала XX в.	25
Завод акционерного общества Франко-Русских заводов. Фотография 1903 г.	31
Судостроительный механический завод «Охта». Фотография начала XX в.	33
Балтийский завод. Фотография начала XX в.	35
Сампсониевская мануфактура. Фотография конца XIX в.	41
Фабрика Торнтона. Фотография 1900-х годов	43
Табачная фабрика Лаферм». Фотография начала XX в.	45
Набережная Невы у Николаевского моста. Фотография около 1907 г.	63
Вид на Дворцовый мост. Фотография начала XX в.	65
Балтийский вокзал. Фотография начала XX в.	67
Иностранный пароход в Петербургском порту. Фотография начала XX в.	71
Универсальный магазин «Пассаж». Фотография начала XX в.	75
Рыночные павильоны на Сенной площади. Фотография начала XX в.	77
Е. Е. Лансере. Дровяные барки у Никольского рынка. Акварель. 1910 г.	81
Хлебопекарня в Петербурге. Фотография 90-х годов XIX в.	83
Разносная торговля на Марсовом поле. Фотография начала XX в.	85
У Фондовой биржи. Фотография начала XX в.	87
Здание Азовско-Донского банка на Большой Морской, ныне ул. Герцена. Архитектор Ф. И. Лядваль. 1909 г.	91
Фасад здания Петербургского частного коммерческого банка, Невский проспект, дом № 1. Фотография 1910 г.	93
Схематический план Петербурга в начале XX в.	107
Рабочая окраина Петербурга. Фотография 90-х годов XIX в.	111
Расчетная книжка рабочего Путиловского завода	117
Группа рабочих — участников строительства Павтелеймововского моста. Фотография начала XX в.	119
Сезонные рабочие-дорожники. Фотография начала XX в.	121
Квартира рабочей бедноты. Фотография начала XX в.	132
Рабочая столовая в Петербурге. Фотография начала XX в.	133
Рисованные открытки 1905 г. «Бюрократ», «Капиталист», «Торговец», «Полицейский». Из собрания Н. С. Тагрина	141

Невский проспект в воскресный день. Фотография 1900-х гг.	145
В. И. Ленин среди деятелей «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса». Фотография 1897 г.	149
Н. К. Крупская. Фотография конца XIX в.	155
В. А. Шелгунов. Фотография конца XIX в.	161
И. В. Бабушкин. Фотография начала XX в.	163
Титульный лист книги В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». Петербург, 1899 г.	185
Вагон студенческой демонстрации у Казанского собора 4 марта 1901 г. Картина маслом А. Белого. Музей Революции СССР	207
Лист «Искры» № 1	209
Титульный лист брошюры Петербургского комитета РСДРП «Процесс обуховских рабочих»	211
Забастовка на Путиловском заводе в январе 1905 г. Фотография	243
Расстрел рабочих у Нарвских ворот утром 9 января. Рисунок из английского журнала «График» 1905 г.	255
Расстрел рабочих у арки Главного Штаба 9 января 1905 г. Фотография	261
Баррикады на Васильевском Острове вечером 9 января. Рисунок из английского журнала «График» 1905 г.	267
Большевистская прокламация к солдатам по поводу событий 9 января 1905 г.	260
Большевистская прокламация к рабочим по поводу событий 9 января 1905 г.	269
В. А. Серов. «Солдатушки, бравы ребятушки...» Рисунок. 1905 г. Государственный Русский Музей	289
Митинг около Университета в октябре 1905 г. Фотография	317
Сатирическая открытка-карикатура периода всеобщей Октябрьской политической стачки 1905 г.	321
«Наша конституция, просим не дуть». Карикатура С. В. Чехонина из сатирического журнала «Зритель». 1905 г.	323
11-й номер газеты «Новая жизнь», с передовой статьей В. И. Ленина «Пролетариат и крестьянство»	331
Большевистский журнал «Молодая Россия». Обложка	369
У Народного дома гр. Паниной в день выборов в 1-ю Государственную думу. Фотография	371
«Победоносный марш кадетов». Карикатура из журнала «Сатирическое обозрение» в связи с выборами в 1-ю Государственную думу	377
Выступление В. И. Ленина 9 мая 1906 г. на народном митинге в Народном доме гр. Паниной. С картины П. Жилина	379
Первый номер органа Петербургской военной организации РСДРП «Казарма». 1906 г.	389
Столыпин. Карикатура Б. М. Кусодиева. 1906 г.	397
Большевистские газеты Петербурга 1906—1907 гг.	403
Лидер партии «Союз русского народа». Карикатура. 1906 г.	415
Обложка книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»	421
В. И. Ленин. Фотография 1910 г.	424
Н. Г. Полетаев. Фотография	429
М. С. Ольминский. Фотография	443
Большевистская газета «Звезда». Номер, посвященный Ленскому расстрелу	469
Дом, где помещалась редакция «Правды». Ивановская улица, дом № 11. 1912 г.	471
Типография, где печаталась газета «Путь правды» в 1913 г. Стереотипный пех. Фотография	473
А. Е. Вадаев. Фотография 1912 г.	489

Запрос о рабочем-забастовщике	497
Заголовки газеты «Правда» в 1912—1914 гг.	503
Титульный лист большевистского журнала «Просвещение»	511
Сообщение о расстреле митинга путиловских рабочих. «Трудовая Правда», июль 1914 г.	523
П. Ф. Лесгафт. С фотографии начала XX в.	537
7-е Славское городское училище для девочек. Фотография начала XX в.	543
Урок физики в женской гимназии. Фотография начала XX в.	545
В. М. Бехтерев. Портрет работы И. Е. Репина. 1913 г. Государственный Русский музей	561
Политехнический институт. Главный фасад. Архитектор Э. Ф. Виррих. Фотография 1905 г.	563
К «автономии» высших учебных заведений. Сатирическая открытка 1905 г.	567
Черновик резолюции слушательниц курсов Лесгафта, написанный В. Л. Комаровым. Январь 1905 г.	569
Женский медицинский институт. Профессор Г. В. Хлопик среди курсисток. Фотография начала XX в.	575
Народная библиотека-читальня в Петербурге. Фотография начала XX в.	583
Пулковская обсерватория в начале XX в. Фотография	603
А. А. Марков. Фотография 80-х годов XIX в.	604
А. Н. Крылов. Фотография 90-х годов XIX в.	605
И. П. Павлов с ассистентами и слушателями Военно-медицинской академии. Фотография начала XX.	613
А. С. Попов. Фотография начала XX в.	623
С. О. Макаров. Фотография начала XX в.	625
Охтенский мост. Фотография 1911 г.	627
Первый русский теплоход «Ваядал» на Неве. Фотография 1903 г.	629
Машинный зал Алячковой электростанции, одной из первых в Петербурге. Фотография 1900 г.	631
Управляемый аэростат над Мариинским дворцом. Фотография начала XX в.	633
В. И. Семевский. Фотография начала XX в.	645
П. И. Кареев. Фотография начала XX в.	649
В. В. Бартольд. Фотография начала XX в.	651
А. А. Шахматов. Фотография начала XX в.	655
Л. Н. Толстой. Скульптура П. П. Трубецкого. Бронза. 1899 г. Государственный Русский музей	662
А. П. Чехов. Фотография конца XIX в.	663
В. Г. Короленко. Фотография 90-х годов XIX в.	664
В. В. Вересаев. Фотография начала XX в.	665
А. И. Куприн. Фотография начала XX в.	667
Титульный лист книги М. Горького «Очерки и рассказы»	670
Сборник товарищества «Знание». Книга III.	671
Сатирические журналы 1905 г., в которых сотрудничал М. Горький	679
Александр Блок. Рисунок К. А. Сомова 1907 г. Государственная Третьяковская галерея	683
А. Н. Толстой. Рисунок Н. П. Ульянова 1912 г.	687
Демьян Бедный. Фотография 1910-х годов	689
В. В. Воронский. Фотография	691
В. В. Маяковский. Фотография 1918 г.	693
К. А. Варламов — Берендей в «Слепурочке» А. Н. Островского. Фотография начала XX в.	703
В. Н. Давыдов — Расплюев в «Свадьбе Кречинского» А. В. Сухова-Кобылина. Фото- графия конца XIX в.	705

М. Г. Савина. Рисунок Л. С. Бакста. Около 1905 г. Государственный Русский музей . . .	707
В. Ф. Комиссаржевская. Фотография конца XIX в.	709
К. Н. Яковлев и П. Н. Орленев в инсценировке «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского. Фотография 1899 г.	711
Афиша спектакля Московского Художественного театра «На дне» М. Горького. Гастроли в Петербурге. 1903 г.	715
А. М. Горький читает пьесу «Дети солнца». Рис. И. Е. Репина 1905 г. Собрание И. С. Зильберштейна. Москва	717
Панаевский театр на Адмиралтейской набережной. Фотография начала XX в.	723
Ю. М. Юрьев в роли Дон-Жуана. Фотография	731
Программа юбилейного спектакля «Гроза» в Общедоступном и передвижном театре 23 ноября 1913 г. Литография. Ленинградский Государственный Театральный музей	737
Петербургская консерватория. Фотография 1896 г.	747
А. К. Лядов, А. К. Глазунов и Н. А. Римский-Корсаков. Фотография 1907 г.	759
С. И. Танеев. Фотография 1910-х годов	765
С. В. Рахманинов. Фотография начала XX в.	767
А. Н. Скрябин. Фотография начала XX в.	771
Группа деятелей искусства: А. К. Глазунов, Д. В. Стасов, Ф. И. Шляпкин, Ц. А. Кюи, братья Блуменфельды, В. В. Стасов, М. Г. Савина и др. Фотография начала XX в.	779
Квартет Л. С. Ауара. Фотография конца XIX в.	785
А. Я. Головин. Портрет Шляпкина в роли Бориса Годунова. Темпера. 1912 г. Государственный Русский музей	791
И. В. Тартаков в роли Риголетто. Фотография начала XX в.	796
В. И. Касторский. Фотография 90-х годов XIX в.	797
П. З. Андреев в роли князя Игоря. Фотография начала XX в.	799
Л. В. Собинов в роли Ленского. Опера П. И. Чайковского «Евгений Онегин». Фотография начала XX в.	803
И. А. Алчевский. Фотография начала XX в.	805
И. В. Ершов в роли Зигфрида. Фотография начала XX века	807
Анна Павлова. Фотография 1910-х годов	821
А. Я. Ваганова. Фотография 1910-х годов	827
Т. П. Карсавина. Рисунок В. А. Серова. Итальянский карандаш. 1909 г. Государственная Третьяковская галерея	829
Рекламный плакат к фильму «Приваловские миллионы»	843
И. Е. Репин. Рисунок В. А. Серова. 1901 г. Государственный Русский музей	847
И. Е. Репин пишет портрет Ф. И. Шляпкина. Фотография 1914 г. Портрет был уничтожен автором.	851
В. А. Серов. Рисунок углем И. Е. Репина. 1904 г. Государственная Третьяковская галерея	853
В. А. Серов. Дети. Масло. 1899 г. Государственный Русский музей	855
А. Н. Бенуа. Наводнение у Роstralной колонны. Рисунок 1903 г. Государственный Русский музей	859
А. П. Остроумова-Лебедева. Прачечный мост. Гравюра на дереве 1912 г.	861
Е. Е. Лансере. Петропавловская крепость. Рисунок 1901 г. Государственный Русский музей	863
Е. Е. Лансере. Тризна. Журнал «Александровская почта» 1906 г.	869
А. А. Рылов. «Зеленый шум». Масло. 1904 г. Государственный Русский музей	875

И. Я. Биллиби. Иллюстрация к «Сказке о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина. Акварель. Около 1905 г.	881
А. Я. Головин. Эскиз декорации к опере «Борис Годунов». Гуашь. 1911 г. Государственный Русский музей.	882
П. Трубенной. Модель памятника Александру III. Бронза. 1900 г. Государственный Русский музей.	883
Скульптор К. В. Изенберг у модели памятника морякам миноносца «Стерегущий». Фотография 1911 г.	885
А. К. Беггров. Вид Петербурга зимой. Масло. Конец XIX в. Государственный Русский музей.	893
Водоразборная будка на окраине Петербурга. Фотография около 1900 г.	901
Конка у Николаевского моста. Фотография начала XX в.	905
На Невском проспекте. Фотография 1900-х годов.	907
Электрическая железная дорога по льду Невы. 1895 г. Фотография.	909
Автобус в Петербурге. Фотография около 1910 г.	911
Дом компании швейных машин «Зингер» (ныне Дом Книги), Невский проспект, дом № 28. Архитектор П. Ю. Сюзор. 1907 г.	919
Доходный дом на Каменноостровском проспекте № 26/28. Архитектор Л. Н. Бенау. Фотография начала XX в.	921
Музей А. В. Суворова. Архитектор А. И. Гоген. Фотография 1904 г.	923
Электротехнический институт. Главное здание. Архитектор А. Н. Векшинский. Фотография 1903 г.	924
Училищный дом, ныне Нахимовское училище. Архитектор А. И. Дмитриев. Фотография 1911 г.	925
Скульптура на Петровской набережной. Фотография.	927
Дом № 65 на Каменноостровском проспекте. Архитектор В. А. Щуко. Фотография 1911 г. Титульный лист книги В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма».	929
Большевики—депутаты 4-й Государственной думы, сосланные на поселение: Г. И. Петровский, М. К. Муранов, А. Е. Бадяев, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов. Фотография 1915 г.	947
Титульный лист большевистского журнала «Вопросы страхования».	955
Забастовка в Петрограде в октябре 1916 г. Схватка рабочих и солдат с полицией. Картина А. Шпира. Музей революции СССР.	963
Объявление командующего войсками Петроградского военного округа Хабалова о запрещении сношений на улицах. 25 февраля 1917 г.	967
Манифест ЦК большевиков.	973
Волинский полк. Фотография 1917 г.	976
Руководитель восстания в Волиском полку 27 февраля 1917 г. Т. П. Киричников. Фотография 1917 г.	977
Баррикада на Литейном проспекте у здания Окружного суда 27 февраля 1917 г. Фотография.	981
Здание Литовского замка, сожженное в дни Февральской революции. Фотография.	983
Ключ, которым восставшие войска открыли Никольские ворота Петропавловской крепости «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов». Печатный орган Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, № 1, от 28 февраля 1917 г.	987
Я. М. Свердлов. Фотография.	992
М. И. Калинин. Фотография.	992
В. М. Молотов. Фотография.	992
К. Е. Ворошилов. Фотография.	992

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

В. И. Ленин беседует с солдатами в вагоне по пути в Петроград в апреле 1917 г. Рисунок художника П. Васильева 1943 г.	999
---	-----

ЦВЕТНЫЕ ВКЛЕЙКИ:

А. В. Моравов. Ленин руководит рабочим кружком в Петербурге. Масло. Музей В. И. Ленина, Москва	к стр. 176
В. А. Серов. Портрет Горького. Масло. 1904. Музей М. Горького, Москва. . . к стр.	272
И. А. Владимиров. Июльские баррикады. Масло. Музей В. И. Ленина, Москва. . . к стр.	520
Н. А. Римский-Корсаков. Портрет маслом работы И. Е. Репина, 1893. Государственный Русский музей	к стр. 752
А. П. Остроумова-Лебедева. Вид на Неву из-за колонн Биржи. Цветная гравюра 1908 г.	к стр. 856
В. Е. Маковский. 9 января. Масло. 1905 г. Музей революции СССР, Москва . . к стр.	864
Е. Е. Лансере. Набережная Невы у Медного всадника. Акварель 1904 г. Государственный Русский музей.	к стр. 896

К тому прилагается план Петербурга 1914 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От редакции	5
Глава первая. Промышленное развитие Петербурга в 1890-х—1914 гг. (Э. Э. Крузе)	9
Глава вторая. Транспорт, торговля, кредит (Э. Э. Крузе)	61
Глава третья. Население Петербурга (Э. Э. Крузе, Д. Г. Куценцов)	104
Глава четвертая. Общественное движение в Петербурге в 90-х и начала 900-х годов. Ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» (С. Н. Валк)	147
Глава пятая. Первая русская революция в Петербурге (И. С. Смоленин)	
Петербург в канун революции	223
Петербург в начале революции	242
Революционное движение в Петербурге весной и летом 1905 г.	291
Петербург в период высшего подъема революции (октябрь—декабрь 1905 г.)	312
Петербург в период отступления революции (1906—3 июня 1907 г.)	366
Глава шестая. Годы реакции в Петербурге [А. А. Павловская], [Н. В. Киреев]	410
Глава седьмая. Годы нового революционного подъема в Петербурге (Э. Э. Крузе)	460
Глава восьмая. Просвещение и школа в Петербурге (С. С. Волк)	532
Глава девятая. Научная жизнь	593
Естественные науки (С. В. Литкевич)	598
Техника (В. В. Данилевский)	621
Общественные науки (А. В. Кольцов)	635

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава десятая. Литература (<i>А. В. Предтеченский</i>)	659
Глава одиннадцатая. Драматический театр в Петербурге (<i>Ш. М. Левин</i>)	696
Глава двенадцатая. Музыка (Музыкальное творчество. Концерт- ная жизнь. Петербургская опера) (<i>Ш. М. Левин</i>)	744
Глава тринадцатая. Петербургский балет (<i>Ш. М. Левин</i>)	816
Глава четырнадцатая. Зарождение и первые шаги кино (<i>Д. Г. Иванеев</i>)	835
Глава пятнадцатая. Художественная жизнь (<i>Ш. М. Левин</i>)	846
Глава шестнадцатая. Городское управление и городское хозяй- ство Петербурга (<i>Н. Н. Петров</i>)	887
Глава семнадцатая. Строительство и архитектура (<i>И. А. Бар- тнев</i>)	914
Глава восемнадцатая. Петроград в годы первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции (<i>Б. М. Коча- ков</i>)	932
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	1003
ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	1020
УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДПРИЯТИЙ, УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЩЕСТВЕННЫХ И КУЛЬ- ТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ПЕЧАТИ И ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ	1023
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	1036

*Утверждено к печати Институтом истории
Академии Наук СССР*

Редактор Издательства *А. И. Соболева*
Художник *Д. С. Данилов*

Технический редактор *Р. С. Певанер*

Корректоры: *О. Б. Билинкис, Г. Т. Никифорова*
и *И. М. Шилова*

РИСО АН СССР № 7—71В. М-35675. Сдано в набор 6 ок-
тября 1955 г. Подписано к печати 23 июля 1956 г.
Бумага 84×108¹/₁₆. Бум. л. 32¹/₂. Печ. л. 107,01. Уч.-
изд. л. 79,3+10 вкл. (0,71 уч.-изд. л.)+карта-вкладка
(1,33 уч.-изд. л.). Тираж 10000. Заказ № 458.
Цена 55 р. 45 к.

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической промышленности.
2-я типография «Печатный Двор»
имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

Карта-вкладка отпечатана в картфабрике ВМФ.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
77	под иллюстрацией	гоов	годов
147	2 снизу	Кабинета	Комитета
498	7 сверху	тачечный	стачечный
864—865	под иллюстрацией	<i>В. К. Маковский</i>	<i>В. Е. Маковский</i>
880	11 снизу	Калмыков,	Калмаков
963	под иллюстрацией	А. Ши́ра.	Ф. Лехт.
973	»	26	27
990	18 сверху	Манифест, обращенный	Манифест обращен
1007	левая колонка, 16 сверху	Горюшкин- Сорокопудов И. И.	Горюшкин- Сорокопудов И. С.
1008	правая колонка, 8 снизу	Калмыков	Калмаков
1012	правая колонка, 29 сверху	753—787,	753, 787,
1016	левая колонка, 3 снизу	458, 461,	461,
1037	19 сверху	260	268
1040	17 снизу	А. Ши́ра.	Ф. Лехт.
1042	7 сверху	в 90-х	90-х

